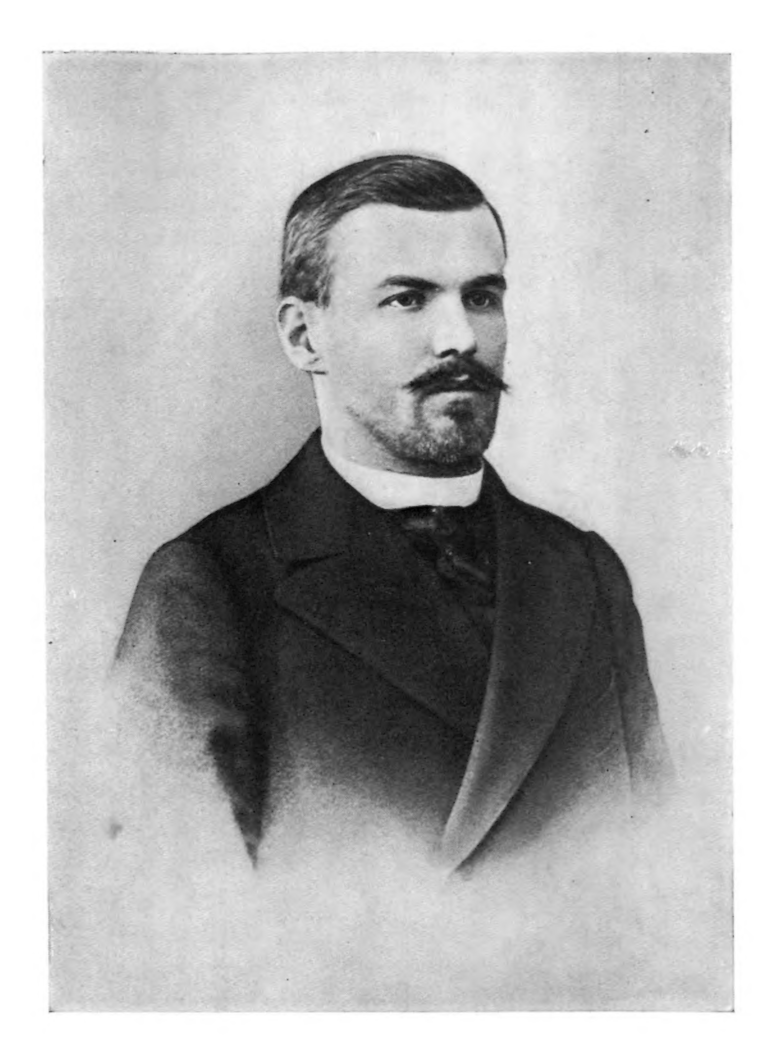
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Николай Павлович
Павлов-Сильванский

Н.П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ

ФЕОДАЛИЗМ В РОССИИ

Статьи
С. О. ШМИДТА и С. В. ЧИРКОВА
Примечания
С. В. ЧИРКОВА
Ответственный редактор
С. О. ШМИДТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1988

ББК 62(0)2
П 10

Рецензенты:
С. М. КАШТАНОВ, В. А. МУРАВЬЕВ

П $\frac{0504000000—386}{042(02)—88}$ 27—88—I

ISBN 5—02—008914—1

ФЕОДАЛИЗМ
В
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге я излагаю общие выводы моих исследований. Глава о «феодальных основах удельного порядка» в большей ее части основана на моих статьях, напечатанных в 1897—1902 гг. В главе о «сеньериальных основах удельного порядка» кратко излагаются выводы недавно законченного мною исследования об общине и крупном землевладении. Книга, в которую войдут эти работы, будет издана в скором времени [1].

Упомянутые мои статьи следующие: «Закладничество—патронат» (Зап. импер. Рус. археол. о-ва. 1897. Т. 9, вып. 1—2), «Иммунитет в удельной Руси» (ЖМНП. 1900. № 12), «Феодальные отношения в удельной Руси» (Там же. 1901. № 6; 1902. № 1), «Новое объяснение закладничества» (Там же. 1901. № 10), «Символизм в древнем русском праве» (Там же. 1905. № 6) [1*].

Обзор этих статей с критическими замечаниями сделан Ф. В. Тарановским [3] в статье «Феодализм в России» (Варшавские университетские известия. 1902. № 4) и П. Н. Милюковым [4] в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (полутом 70). Историографический очерк вопроса о феодализме в России напечатан Н. И. Кареевым [5] в книге «Поместье-государство и сословная монархия» (1906). Критические замечания на мои работы находятся в новых изданиях известных общих сочинений по русской истории гг. Владимирского-Буданова [6], Ключевского [7], Сергеевича [8], а также в трудах г-на Рожкова [9]. Ответ на важнейшие их возражения я даю в этой книге.

Н. П.-С.

[1*] С этими статьями имеет связь моя книга «Государевы служилые люди» (1898), статья «Местная грамота XIV века» (Зап. отделения рус. и славянск. археологии Рус. археол. о-ва. 1907. Т. 7, вып. 2) и издание «Акты о закладчиках» (печатается в «Летописи занятий Археографической комиссии») [2].

Глава первая
ТЕОРИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

I. СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ТЕОРИЯ САМОБЫТНОСТИ И ЗАПАДНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РОДОВОГО БЫТА

§ 1. *Коренное отличие и самобытность*

Глубокое различие между историческим развитием России и Запада для большинства русских историков — положение, не требующее доказательства. Освященное вековою уже давностью и авторитетом имен лучших знатоков русской древности положение это как будто бы твердо обосновано общими и специальными исследованиями и подтверждено неудачами тех исследователей, которые пытались поколебать этот, по виду столь непоколебимый, устой науки русской истории [10]. Мысль о глубоком различии между Россией и Западом объединяет лучших историков, выясняющих: одни — «совершенную самобытность» русской истории, другие — «ее крайнее своеобразие», третьи — ее «полную противоположность» истории западной, до резкого «контраста». Мысль эта, ставшая мыслью предвзятой, внушает доверие ко всякому, хотя бы и очень неосторожно выясненному, «коренному отличию» русской древности и заставляет некоторые бросающиеся в глаза, самоочевидные сходства ее с древними учреждениями других народов объяснять исключительно заимствованием от всех наших соседей: варягов, монголов, финнов, византийцев.

В самом начале научной разработки русской истории исследователи встретили в древнейшем ее периоде немало учреждений, поразительно сходных с германскими. Признав это сходство, они объяснили его заимствованием от варягов, и вслед за ними Карамзин утверждал, что «варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию... во всем согласные с древними законами скандинавскими», что варяги, «законодатели наших предков, были их наставниками и в деле войны». Варяг же Рюрик, «отдав в управление знаменитым единоземцам своим» завоеванные им и его братьями области, создал у нас «подобие системе феодальной», которую Карамзин называл «общей язвой тогдашнего времени», сообщенной Европе народами германскими. Очень далекий от мысли выяснить сходство или различие между русским и западным историческим развитием, Карамзин по-своему тоже выяснял сходство между древностью русской и других народов, ставя себе задачей показать, что у нас тоже, как у других народов, была вообще история, что «история Российская имеет право на внимание». Его элементарная «философия истории» выражается в следующем положении: судьбу народов решает «таинственная рука Провидения» через избранных государей-героев. Столь же элементарна его теория русской истории, давно уже ставшая наивной:

«Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»[11].

Распространенное среди наших историков до последнего времени мнение о глубоком различии между историей русской и западной наиболее резко выражено было славянофилами в 40-х и 50-х годах, т. е. в самом начале изучения нашей древности с новой философской точки зрения на исторический процесс как на органическое развитие.

Не довольствуясь внешним отличием русской истории от западной, славянофилы начали искать различия внутреннего в глубинах народной жизни, выясняя русскую «самобытность»[12]. Исходя из философии истории Гегеля, они задались целью доказать, что русский народ принадлежит к числу народов всемирно-исторических, народов избранных, которые развивают каждый свое особое начало как новую ступень исторического развития человечества или как новую ступень развития мирового духа. Сообразно этому славянофилы искали в русской древности «задатков для развития новых начал, чуждых другим народам», задатков самобытного духовного типа, который мог бы явиться шагом вперед в развитии общечеловеческом. «Разумное развитие народа,— писал Хомяков,— есть возведение до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия».

Начало русского самобытного развития И. Киреевский нашел главным образом в русском православии, возвысив его отличия от католицизма на степень глубочайшего отличия между Россией и Западом. «Христианство проникло в умы западных народов чрез учение одной римской церкви, в России оно зажигалось на светильниках всей церкви православной; богословие на Западе приняло характер рассудочной отвлеченности, в православном мире оно сохранило внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума, здесь стремление к их живой совокупности». Отсюда у нас вообще *разумность* как соединение веры и разума, или сердца и ума, а на Западе — *рассудочность*, выражающаяся как в силлогизмах средневековой схоластики, так и в логической односторонности германской философии. Отсюда — вместе с *разумностью* у нас *цельность*, а на Западе — вместе с *рассудочностью* *раздвоенность* как крайние выражения русской и западноевропейской образованности.

В области государственного общественного развития Киреевский находил у нас также цельность в противоположность западной раздвоенности. Придавая особое значение исходному началу этого развития, так как-де «свойство плода зависит от свойства семени», он выдвигал призвание или пришествие варягов как противоположность завоеванию, с которого начинается история Запада. «Там — государственность из насилий завоевания; здесь (при отсутствии завоевания)— из естественного развития народ-

ного быта». И как следствие завоевания на Западе — «враждебная разграниченность сословий», а в древней России — «их единодушная совокупность при естественной разновидности».

Кроме православия и мирного пришествия князей, Киреевский видел третье коренное отличие России от Запада в общинном землевладении, противоположном западной частной собственности на землю. «Все здание западной общественности,— писал он,— стоит на развитии этого личного права собственности»; у нас же в древности «земля принадлежит общине», хотя «право общины над землею ограничивается правом помещика». «Община постоянно была,— доказывал согласно с этим К. Аксаков,— основою русского общественного устройства». Противополагая общинный быт западному феодализму, Киреевский писал: «Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли русской рассеянных и имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя и составляющих каждая свое особое согласие или свой маленький мир; эти маленькие миры или согласия сливаются в другие, большие согласия... областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее, огромное согласие всей русской земли» [2*].

§ 2. Теории Кавелина и Соловьева

В признании коренного различия между развитием русским и западным вполне сошелся со славянофилами западник Кавелин [13]. Ставя себе задачу понять русскую историю как «развивающийся организм», как «ряд явлений, необходимо связанных между собою, необходимо вытекающих одно из другого», Кавелин признавал, что в основе органического развития, русского и германского, лежат различные противоположные начала. Германские племена «рано развили начало личности» и дальнейшее развитие этого начала было основою их истории. У русско-славянских племен «начало личности не существовало»; у них в основе развития было начало родственных связей, род и семья. Сами «задачи истории» были различны: германцам «предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую; нам — создать личность. У нас и у них вопрос поставлен так неодинаково, что и сравнение невозможно».

[2*] *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полн. собр. соч. М., 1861 Т. II. С. 261—266, 275, 276. (Впервые опубл.: Московский сборник. М. 1852. Т. 1); *Хомяков А. С.* По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. I. С. 279, 284; *Аксаков К. С.* О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности // Полн. собр. соч. М., 1862. Т. I. С. 123.

В своей полемике с Погодиным[14], соратником славянофилов, Кавелин[15] соглашался с ним, что «русская история представляет совершенную противоположность истории западных государств», и отрицал даже какую бы то ни было возможность сравнения ее с историей западной: «Это не та противоположность, которая коренится в одной почве и может быть в двух величинах, равных между собою. Это — противоположность предметов разнородных, которые потому только и совершенно различны, что решительно не имеют ничего общего между собою, ни одной точки одинаковой».

Такое признание резкой противоположности между историей русской и западной, признание совершенно различных начал развития той и другой, делало очень шаткой позицию Кавелина в его политической борьбе с Погодиным и славянофилами на этой исторической почве. Их столь удаленный по виду от современной им действительности, столь академический спор об основных началах развития древней России, о родовом быте и о призвании князей был теснейшим образом связан с вопросом о будущем развитии России и имел в то время острое политическое значение. Позиция Кавелина в этом споре была шаткой потому, что славянофилы очень последовательно от самобытности русского прошлого делали вывод к самобытности будущего; Кавелин же, доказывая одинаково с ними органичность развития, должен был допустить скачок в развитии, чтобы обосновать переход от своеобразного прошлого к лучшему будущему, единообразному с Западом. Раскрывая «затаенную» мысль Погодина, что «мы не должны любить то, что европейские народы любят, не должны стремиться к одному с ними», Кавелин отвечал, что, несмотря на все «многоразличие путей, все народы стремятся к одному идеалу» и что русский народ уже вышел на одну дорогу с германским в эпоху Петра Великого. С петровской реформой, утверждал Кавелин, мы усвоили уже чуждое нам дотоле германское начало личности.

Это была старая мысль о Петре Великом[16] как творце новой России, о петровской реформе как залоге дальнейшей европеизации России. Но она не подходила к новой теории, так как разрывала органическое развитие России на две половины, несмотря на все усилия Кавелина замаскировать этот разрыв. Он утверждал, что уже древняя Русь в результате органического развития ее родового начала выработала первые зачатки личности, но вместе с тем сам настаивал на том, что эти зачатки были только «формой, лишенной содержания»; что «содержание» было у нас «привито» личности «извне» в Петровскую эпоху; что у нас «лицо должно было начать мыслить и действовать под чужим влиянием»[3*].

[3*] *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней Руси (1847 г.) // Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. С. 16—18, 57; *Он же.* Исторические труды М. П. Погодина (1847 г.) // Там же. С. 201, 220.

Общий ход русского исторического развития Соловьев так же, как Кавелин, тесно связывал с господством в древности родового быта. Признавая, что родовой быт очень рано, уже в IX в., теряет «полное свое господство», Соловьев выдвигал долго сохраняющиеся родовые отношения между князьями, утверждая, что такие отношения в роде правителей, родовой порядок преемства княжеских столов, постоянные переходы князей из одного княжества в другое «могущественно действуют на весь общественный быт древней Руси», на отношения князей к дружине и к остальному населению, «одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время».

Соловьев ставил себе ту же задачу, что и Кавелин: выяснить органическое развитие русской истории, определяя ее в следующих словах: «Следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм... объяснять каждое явление из внутренних причин». Соответственно этому он решительно отвергал важность внешних влияний, норманнского и монгольского, оспаривая Карамзина и Погодина, придававших им преувеличенное значение, закрывавших этими внешними влияниями внутренние главные условия развития.

По мере ослабления родовых связей родовые княжеские отношения в Северо-Восточной Руси независимо от внешних влияний постепенно переходят в государственные. Этот «переход родовых отношений между князьями в государственные» составляет, по теории Соловьева, «главное, основное явление», которое так же, как раньше родовые междукняжеские отношения, «условливает ряд других явлений, сильно отзывается в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению». В эту схему Соловьева Кавелин внес дополняющую ее и очень важную с точки зрения органического развития поправку. Он заполнил слишком резкий у Соловьева переход от родовых отношений к государственным, точнее формулировав переходный период господства семейных, вотчинных отношений, которые фактически были выяснены Соловьевым в его диссертации, но не были им выдвинуты в качестве важного момента общей схемы развития. «Родовой быт,— писал Кавелин в рецензии на вторую диссертацию Соловьева,— после XIII в. начал переходить в гражданский, а не государственный, как думает г-н Соловьев. Органическая связь скрывается в вотчинном семейственном начале, тоже основанном на кровном родстве, следовательно, тоже патриархальном... Семья разлагает род на части, и, когда она берет верх, последний необходимо падает».

Общая схема русского развития, формулированная Кавелиным с этой поправкой, приняла следующий вид: 1) род и община (общее владение); 2) семья и вотчина (частное владение); 3) государство и зачатки личности; 4) петровская реформа и начало личности.

Петровская реформа, прерывавшая в теории Кавелина органическое развитие заимствованием чуждого германского начала личности, то же значение перерыва имела и в схеме Соловьева, хотя и в другой формулировке. Тщательно устраняя для древних периодов внешние влияния норманнов и монголов, придавая главное значение внутреннему развитию основных начал строя, Соловьев для истории XVIII в., с Петра Великого, на первый план выдвигал внешнее влияние — «заимствование плодов европейской цивилизации». И подобно тому как Кавелин старался замаскировать разрыв между древней и Петровской Русью указанием на то, что древняя Русь, прежде чем она «исчерпала себя вполне и прекратилась», выработала «зачатки личности» (как форму, лишенную содержания), так Соловьев, стараясь связать Петровскую Россию с Московской, указывал особенно на то, что «приготовление к новому порядку вещей» началось уже при первых Романовых, что тогда уже «мы видим начало важнейших преобразований». Но, как бы рано ни началась подготовка петровской реформы, эта реформа в теории Соловьева и Кавелина прерывает органическое развитие внутренних древних начал внешним заимствованием [17].

§ 3. Первый шаг к сближению русского и западного развития

В своих теориях русского исторического развития и Соловьев и Кавелин одинаково исходили из родового быта, но существенно разошлись в историко-философской оценке его значения. Близко подходя к славянофилам, Кавелин подчеркивал полную противоположность русской и западной истории и в родовом и семейном начале видел особое начало русского развития, противоположное западному началу личности. В противность Кавелину Соловьев, поддержанный Грановским, настаивал на сходстве русского родового быта с начальным патриархальным бытом других народов и, таким образом, сближал русское историческое развитие с западным в их исходных пунктах, столь важных с точки зрения органического развития. Это сближение наносило сильный удар теории исключительной самобытности русского развития, выдвинутой славянофилами, и заставило Константина Аксакова с особенным рвением отрицать существование у нас каких бы то ни было признаков патриархального родового быта.

Уже Эверс [18], первый теоретик родового быта, видел в нем не особое начало русской истории, а порядок, свойственный всем народам на начальной ступени развития, «основанный на самой природе человеческой». Древнее русское право в отношении родового быта и других учреждений «может,— писал Эверс,— содействовать к раскрытию древнего права вообще».

Ту же мысль отстаивал в 50-х годах Грановский в своей

статье «О родовом быте у древних германцев», посвященной им Соловьеву и Кавелину [19]. В этой статье он с большой похвалой отозвался о «превосходной» книге Эверса, в которой «непревзойденным до сих пор образом сближены для взаимного уяснения древности славянского и германского права». Согласно с Эверсом, Грановский утверждал, что история всякого народа начинается с родового быта, и доказывал, что «древнегерманская община есть не что иное, как род», что «родовые формы» преобладали у германцев «долгое время после вступления в историю», наконец, что «сближение германского родового быта с тем же порядком у славян и кельтов может повести к самым плодотворным для науки выводам». Идя по этому пути сближения русских и германских порядков древнейшего периода, Грановский, между прочим, утверждал, что и «наша древняя вервь представляет нечто соответствующее германской марке».

Соловьев был вполне согласен с Грановским в таком сближении русского и германского быта. В одной из позднейших своих статей он говорил, одинаково с Грановским, что всякое «общество начинается кровным или родовым союзом», и, имея в виду более долгое господство родовых начал в России, чем в Германии, писал, что «родовой быт исчезает скорее в странах, обильных народонаселением и большими городами ... и держится долее в странах, носящих преимущественно земледельческий характер, в странах, медленно развивающихся, обширных и мало населенных» [20].

В первом томе «Истории России», изданном в 1851 г. [21], за четыре года до статьи Грановского, он доказывал сходство разных сторон древнего славянского быта с германским и утверждал, что «норманны быстро сливались с русскими особенно потому, что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию». Признавая «резкое различие нашей истории от истории западных государств, различие, ощутительное в самом начале... объясняемое многими различными причинами», Соловьев имел в виду главным образом историю, *события* и настаивал на сходстве древнего русского *быта* с германским. Так, он указывал, что «в древнем языческом быте скандинаво-германских племен мы замечаем близкое сходство с древним языческим бытом славян»; о Русской Правде говорил, что «после того, как она сличена была с законодательными памятниками других славянских народов, не может быть и речи не только о том, что Русская Правда есть скандинавский закон, но даже о сильном влиянии в ней скандинавского элемента»; так, он утверждал, что «дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германского племени: Болеслав Польский живет с своею дружиною так же, как Владимир с своею».

Согласно с Грановским и Соловьевым, и третий западник, Чичерин [22], доказывал в 50-х годах, что «у нас, *как и везде*,

существовал союз кровный»; что «преобладающею его формою была особность родового быта» и что вообще «славянский мир и западный, при поверхностном различии явлений, представляют глубокое тожество основных начал быта» [4*].

Грановский и Соловьев, таким образом, резко расходились с славянофилами, а также и с Кавелиным, тесно сближая древнейшие основы русского развития с германскими. Сближение этих древнейших начал родового быта получало особую важность в 40-х и 50-х годах потому, что славянофилы, основываясь на германской философии, придавали начаткам развития чрезвычайное значение, полагая, что они определяют всю дальнейшую его судьбу, как «свойство семени» определяет «свойство плода». «Начало государства,— писал Погодин согласно со славянофилами,— есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории и решает судьбу его навеки веков... история так происходит из начала, как из крошечного семени вырастает то или другое дерево» [23].

Соловьев и Грановский в корне разрушали такое и подобные ему противоположения «начал», доказывая, что русское развитие началось одинаково с германским с родового быта, и делали первый шаг к научному сближению русской и западной истории.

II. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЛОВЬЕВА

§ 4. Соловьев и Бокль

Позднейшая социологическая теория, развитая Соловьевым в XIII томе его «Истории России» (1864 г.) и в его статьях 70-х годов, существенно отличается от первоначальной родовой теории, изложенной в его диссертациях (1845—1847 гг.) и особенно во введении к I тому «Истории» (1851 г.).

Прежде, согласно требованиям историко-философской теории органического развития, Соловьев искал в нашей истории основное движущее начало, характеризующее все остальное, и нашел органичность развития в переходе родовых отношений в государственные. Позднейшую свою теорию он строит социологически: он исходит из общих законов развития разных народов, изучает русское развитие сравнительно с западным, выясняя сходство и условия различия, и, согласно с Боклем, выдвигает на первый план «условия природные» — географический фактор, как говорят

[4*] *Эверс И. Ф.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии (1826 г.): Пер. И. Платонова. СПб., 1835. С. 1—2, 12; *Грановский Т. Н.* О родовом быте у древних германцев (1855 г.) // Соч. М., 1856. Т. 1. С. 138—167. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1851. Т. I. Предисл. Гл. 8. С 271—274; *Он же.* Соч. СПб., 1882. С. 512. *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 367; *Он же.* Областные учреждения в России в XVII в. М., 1856. С. 28.

в наше время, и «интеллектуальное развитие», или фактор интеллектуальный [24].

Свой общий обзор русской истории в XIII томе Соловьев начинает с общего взгляда на «историю распространения европейской цивилизации» в ее «постепенном движении от запада к востоку». С точки зрения «цивилизации», или «умственного развития», он резко делит жизнь каждого народа на два «возраста», приравнивая «органическую» жизнь народа к жизни отдельного человека. В «первом возрасте» «народ живет преимущественно под влиянием *чувства*»; во втором — «чувство уступает мало-помалу свое господство *мысли*»; этот второй возраст «красится процветанием науки, просвещением». Рассматривая весь исторический процесс с точки зрения успехов «цивилизации», Соловьев находит в жизни всех народов один и тот же основной момент — как всеобщий исторический закон — момент «перехода из возраста чувства в возраст мысли». Переход этот совершается под чужим влиянием, «когда народ встречается с другим народом, более развитым, образованным». Так, римляне перешли во второй возраст своего исторического бытия, встретившись с греками, через греческую науку. Так, народы Западной Европы «совершили свой переход из одного возраста в другой в XV и XVI вв. также посредством науки, чужой науки, через открытие и изучение памятников древней греко-римской мысли».

Вместе с идеей об интеллектуальном развитии как основе исторического процесса во второй период жизни народов Соловьев принимает и другое основное положение Бокля о влиянии природы на историческое развитие. Признавая бесспорным выясненное Боклем «влияние местности», влияние «природных условий на жизнь народа», «могущество географического влияния», принимая все его положения в этой области, до влияния климата и до влияния «поражающих размеров» природы, Соловьев исправляет «односторонность» Бокля, указывая, что народ особенно подчиняется природным условиям обитаемой им местности только во время своего младенчества; «с постепенным же развитием его духовных сил замечается обратное действие: изменение природных условий под влиянием народной деятельности».

Согласно с Боклем признавая основное значение за двумя факторами, интеллектуальным и географическим, Соловьев дополняет его теорию признанием также важного значения за третьим фактором, этнографическим. Он признает существование в народе особых «внутренних условий», «вследствие которых он подчиняется или не подчиняется влиянию природы и подчиняется в той или иной мере; ранее или позднее выходит из своего подчинения и начинает бороться или преодолевать условия обитаемой им страны». Рассматривая русскую историю с этой точки зрения, он — совершенно гипотетически — придает большое значение тому,

что русское племя принадлежало к арийскому племени — любимцу истории. «Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа,— так резюмирует Соловьев все эти положения,— природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияние, идущее от народов, которые его окружают».

Теоретические взгляды Соловьева на историю сложились в 60-х годах под несомненным влиянием основных идей Бокля [25]. Тот независимый тон, с которым Соловьев критикует Бокля в одной из своих статей 1868 г., упрекая его во многих противоречиях и в поразительной односторонности, не может служить доказательством его действительной независимости от Бокля.

Подчеркивая свою самостоятельность, Соловьев пишет по поводу сетований Бокля на недостаточное внимание историков к истории интеллектуального развития: «Иеремиады автора написаны задним числом; история интеллектуального развития в народе уже давно занимает достойное ее место в исторических сочинениях. Заметим кстати: Бокль не знал, что делалось в этом отношении у нас в России. Здесь очень долго утверждали, что русская история начинается только с Петра Великого потому, что с этих пор только начинается история русского просвещения, история интеллектуального развития... Очень задолго до Бокля в одной стране громко проповедовались его положения». Но при всем этом влияние Бокля все же ясно отразилось на историках этой «одной страны» [26]. Раньше Соловьев говорил об интеллектуальном развитии в узком приложении к одной России, к одной реформе Петра; теперь, после Бокля, он объясняет интеллектуальный перелом в Петровскую эпоху с широкой социологической точки зрения как явление, общее многим народам.

Точно так же влияние Бокля отразилось и на мнениях Соловьева о зависимости исторического развития от природы страны. Правда, уже в 1851 г., за шесть лет до появления первого тома «Истории цивилизации в Англии», Соловьев свой I том «Истории России» начал словами Геродота: «Племена ведут образ жизни, какой указала им природа страны» — и утверждал, что «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». Еще раньше, в 1843 г., Соловьев слушал в Берлине Карла Риттера [27], автора «Землеведения в отношении к природе и истории человека», и в Московском университете увлекался лекциями ученика Риттера, Чивилева [28], особенно теми, в которых «говорилось о природе страны и ее значении в жизни народов». Идея Бокля, вообще не новая, была не нова и для Соловьева. Но как в книге Бокля эта идея получила новую силу и особое теоретическое значение, так точно и в XIII томе Соловьева, написанном после Бокля, влияние природы впервые вошло как главный устой в его новую схему русского исторического развития. В предисловии к I тому, излагая главные осно-

вания развития, Соловьев рассуждает о родовых и государственных отношениях и ни слова не говорит о влиянии природы. Совсем иначе ставится этот вопрос в XIII томе, который начинается уже не словами Геродота, а кратким пересказом основных положений Бокля [5*].

§ 5. Основные положения новой теории Соловьева

Центральной эпохой русской истории в новой теории Соловьева так же, как и в более ранних теориях других западников, является реформа Петра Великого; но социология Бокля дала ему возможность объяснить эту эпоху по-новому, как один из этапов развития цивилизации, совершившейся «по общим законам народной жизни».

«Петровское преобразование,— говорит Соловьев,— есть не иное что, как естественное и необходимое явление в народной жизни, в жизни исторического развивающегося народа, именно переход из одного возраста в другой, из возраста, в котором преобладает чувство, в возраст, в котором господствует мысль». В истории Западной Европы такой же центральной эпохой является эпоха Возрождения, когда западные народы также перешли из возраста чувства в возраст мысли.

Эпоха Возрождения в этом отношении представляет собою «тожественное явление» с петровской реформой. Усиленное умственное движение, составляющее сущность эпохи Возрождения, как и петровской реформы, сопровождается и обусловливается и там и здесь развитием промышленным и торговым. «У нас в России,— говорит Соловьев,— переход из древней истории в новую совершился по общим законам народной жизни». Но в обусловливающем умственное развитие экономическом развитии Соловьев находит «известные особенности вследствие различия условий, в которых проходила жизнь нашего и западноевропейских народов». На Западе экономическое движение началось давно; у нас же оно было задержано, и поэтому «в эпоху преобразования, т. е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом плане»; «основное движение преобразовательной эпохи» при Петре, как во Франции при Кольбере, заключалось в «стремлении привить к земледельческому бедному государству промышленную и

[5*] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 1893. Т. XIII, гл. 1; СПб.: Изд. «Общественной пользы», 1893. Т. XIII. Кн. 3. С. 626; *Он же.* Публичные чтения о Петре Великом. 1872 г. // Собр. соч. СПб., 1901. С. 975; *Он же.* Наблюдения над исторической жизнью народов (1868—1876 гг.) // Там же. С. 1117—1121 и след. (Старое издание. Сочинения. СПб., 1882. С. 340—343); *Он же.* Начала русской земли (1877 г.) // Там же. С. 761; Воспоминания С. М. Соловьева // Вестник Европы. 1907. № 4. С. 447 [29].

торговую деятельность, дать ему море, приобщить его к мореплавательной деятельности богатых государств».

Западные народы перешли из одного возраста в другой в XV—XVI вв., Россия — при Петре, в начале XVIII в., «двумя веками позже», замечает Соловьев. Чем объясняется это различие в истории русской и западноевропейской, это позднее вступление России на путь цивилизации? Единственно условиями внешними, невыгодными географическими условиями, отвечает на этот вопрос Соловьев, пользуясь основною идеею Бокля. В переходе России из одного возраста в другой на два столетия позже, говорит он, нельзя видеть ее *отсталости* — понятие, которое обыкновенно связывают с слабостью «внутренних сил» народа. Это не отсталость, а *задержка* в развитии, объясняемая единственно географическими условиями. Возражая старым своим противникам 40-х годов, славянофилам, Соловьев настаивает на том, что этот поздний переход России в старший возраст никак нельзя объяснять различием в характере племен германского и славянского: «О первоначальном различии в характерах их, о преимуществе в этом отношении одного пред другим и о влиянии этого различия на историю мы не имеем никакого права заключать по недостатку известий». Мы знаем только о германцах и славянах, что это родственные племена, «племена-братья одного индоевропейского происхождения», что «народ славянский принадлежит к тому же великому арийскому племени, племени — любимцу истории, как и другие европейские народы, древние и новые, и подобно им имеет наследственную способность к сильному историческому развитию».

Различие — задержку в развитии этих двух родственных племен с одинаковыми задатками развития — Соловьев объясняет единственно различием географических условий: «Одно племя изначала действует при самых благоприятных обстоятельствах, другое — при самых неблагоприятных». Все благоприятные географические условия «сосредоточены в западной части Европы, и нет их у нас, на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей». «Природа для Западной Европы, для ее народов была *мать*; для восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать,— *мачеха*».

«Законы развития,— настойчиво повторяет Соловьев, — одни и те же и здесь и там». Русское историческое развитие начинается одинаково с западноевропейским. У славян на великой восточной равнине Европы долгое время господствовал патриархальный родовой быт в тех же формах, как и у германцев, и этот период так же, как у германцев, сменяется у нас периодом дружинным, или богатырским, как его называет Соловьев. «История России», подобно истории других государств, «начинается богатырским или героическим периодом», говорит он, имея в виду

появление варяго-русских князей и их дружин и связанное с этим разделение населения на три сословия — дружинников, горожан и сельчан.

Дальше вследствие особых географических условий восточной равнины русское развитие, по мнению Соловьева, резко отличается от западного: «В Западной Европе при начале ее государств мы видим движение германских дружин с их вождями в области Римской империи и вооруженное занятие ими этих областей. Пришельцы овладевают землею: усаживаются на ней главные вожди; из своих обширных земельных участков выделяют другим в пользование с известными обязанностями; волости, розданные во временное владение, по разным причинам становятся наследственными... Здесь, на Западе, на основании поземельных отношений образуется та связь между землевладельцами, которую мы называем феодализмом... Земля, отношения по земле составляют сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выражению одного историка, есть как бы религия земли... Но у нас, на восточной равнине, мы не замечаем подобного явления. Как ни вчитываемся в летопись, чтобы подметить в ней указание на земельные отношения дружины, не находим ничего... Дружинники не усаживаются на выделенных им участках в самостоятельном положении землевладельцев, обеспеченных доходом с этих земель; они остаются с прежним характером союзников, товарищей князя... В продолжение целых веков русские дружинники привыкли жить в этой первоначальной форме военного братства, привольно двигаясь из волости в волость на неизмеримом пространстве, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, и привыкли руководиться интересами личными, а не сословными».

Это коренное отличие русского развития от западного Соловьев объясняет географическими условиями: «Если обратим внимание на главное условие, при котором началась и продолжалась русская история, именно на обширность страны и малочисленность населения, то дело объяснится легко: земли было слишком много; она не имела ценности без обрабатывающего ее населения». Кроме обширности страны, влияла также ее орография. На Западе — горы, *камень*, по древнерусскому выражению; на Востоке — лес и поле. «В камне свили свои гнезда западные *мужи* и оттуда владели *мужиками*; камень давал им независимость; но скоро и мужики огораживаются камнем и приобретают свободу и независимость». У нас нет камня, на восточной равнине все ровно. «Здесь мужам негде вить себе каменных гнезд; не живут они особо и самостоятельно, живут дружинами около князя и вечно движутся по широкому беспредельному пространству». Движется дружина, движется и все население. «Нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться в которых бы обжились целым поколением; города состоят

из кучи деревянных изб, первая искра — и вместо них куча пепла... Построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала; отсюда с такой легкостью русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от татарина, от литвы; уходил от тяжкой подати, от дурного воеводы или подьячего; *брести розно* было нипочем»[6*]. У нас все непрочно, все текуче, благодаря дереву, благодаря лесу и степи, все похоже на степную траву «перекати-поле»; там, на Западе, «все прочно, все определенно, благодаря камню».

Это резкое отличие от Запада обнаружилось в нашем развитии очень рано, в X в., и сохранялось, по мнению Соловьева, очень долго, в течение семи столетий. На Западе дружина очень рано, с X в., приобретает оседлость и сословную самостоятельность; у нас же она все бродит и кружится, и бояре и в позднейшее время живут по-старому, подобно дружинникам, около царя, в полной от него зависимости, «беспрестанно толпятся во дворце». На Западе рано получают значение города; у нас же города были бедны, разбросаны на больших расстояниях друг от друга, горожане не приобрели сословной самостоятельности и силы, и когда Иван Грозный захотел дать горожанам самоуправление, то многие города, обнаруживая свою «неразвитость», «не приняли от правительства дара самоуправления». Великий Новгород в противоположность ганзейским городам «представлял собою библейскую статую с золотою головою и глиняными ногами». На Западе переход из младшего возраста в старший, интеллектуальный, постепенно подготовлялся ростом народных сил, общественной организацией, развитием торговли и промышленности. Мы же развивались совершенно иначе и ко времени перехода в старший возраст дошли до «банкротства экономического и нравственного». «После осьмивекового движения на Восток» мы должны были «*круто* повернуть на Запад»; и этот поворот, этот «переход к возрасту мысли» начался у нас иначе, чем на Западе,— с преобразования экономического.

Эта блестящая антитеза между историей России и историей Запада жива до сих пор в трудах новых наших историков; в иной формулировке она повторяется и Ключевским, и Милюковым.

6* Так писал Соловьев в 1874 г. в XIII томе (Гл. 1) и в «Публичных чтениях о Петре Великом» (Чт. I и III) и ту же мысль развивает он в последней своей статье 1879 г.: «Обширность страны и редкость населения вместе с украинностью страны условливают характеристические явления русской истории, русской народной жизни во все ее продолжение. Они условливают продолжительность периода движения, период волнующегося, жидкого состояния, когда ничего твердого, прочного не могло образоваться... когда дешевая и пустая земля не могла привлекать к себе человека могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношений, когда все было похоже на перекати-поле» (*Соловьев С. М.* Начала русской земли // Собр. соч. СПб., 1901. С. 789.— То же // Соч. СПб., 1882. С. 31—32).

Мне она представляется в существе своем глубоко ошибочной. Резко противополагая подвижную бродячую Русь оседлому Западу, Соловьев, с одной стороны, преувеличил до фантастических размеров подвижность древней Руси, бродяжничество ее населения — от бояр, якобы сохраняющих неизменною в течение веков подвижность дружинников киевского времени, до крестьян и горожан, якобы легко мирящихся с тем, что их дом от первой искры превращается в кучу пепла; с другой стороны, в отношении западного средневековья крайне преувеличил, перенося черты позднейшей эпохи на более раннюю, оседлость населения, «прочность, определенность» отношений на Западе в средние века.

Первобытный подвижный дружинный период сменяется на Западе периодом феодальным, когда, как правильно указывает Соловьев, дружинные отношения изменяются под влиянием новых поземельных отношений. И у нас точно так же, как на Западе, дружина отнюдь не «продолжает бродить и кружиться» в течение веков, как ошибочно утверждал Соловьев, а в Северо-Восточной земледельческой Руси очень рано, с XIII в., приобретает новый оседлый характер, и в связи с этой оседлостью дружины, с ростом боярского крупного землевладения у нас слагается новый удельный порядок, одинаковый по основным своим началам с феодальным.

В антитезе Соловьева есть только некоторая доля истины. Природа страны оказала свое влияние на русское историческое развитие, но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада.

Это одно из главных положений моего исследования и основной пункт моего разногласия с Соловьевым и с примыкающими к нему новыми историками. Мои аргументы собраны ниже. Соловьев говорит, что, как ни вчитывался он в летопись, чтобы найти в ней указание на поземельные отношения дружинников, он не нашел в ней ничего [7*]. Мы обратимся для этого не к летописи, а к писцовым книгам, разработка которых только что еще начиналась в то время, в 1864 г., когда Соловьев писал свой XIII том. Но об этом речь впереди. Сейчас я только характеризую теории русской истории Соловьева и других историков.

[7*] Кое-что он нашел, но упустил из виду, увлекшись яркостью своей антитезы. В IV томе «Истории...» находим следующее замечание: «Оседлость князей в одних известных княжествах должна была повести и к оседлости дружины, которая могла теперь приобресть важное первенствующее *земское* значение в качестве постоянных, богатейших землевладельцев, в качестве лиц, пользующихся наследственно правительственными должностями. От описываемого времени можно встретить довольно ясные указания на усилившееся значение боярства» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1893. Кн. 1. С. 1174).

§ 6. Искание феодальных порядков в России

Выясняя различие между историей России и Запада, Соловьев настаивал на том, что оно происходит единственно от особых природных условий, что русское историческое развитие, начавшись одинаково с западным, только отклонилось в сторону и что русская история вообще подчинена действию тех же всеобщих законов, как и история Запада. Исходя из этой мысли об общих законах развития, Соловьев усердно искал в нашей древности явления, сходные с явлениями истории западной.

Сходство русского развития с западным, по мнению Соловьева, обнаружилось: 1) в том, что Россия как-никак, хотя и другим путем и с опозданием на два столетия, перешла из младшего возраста в старший возраст господства мысли подобно другим народам; 2) в том, что русское историческое развитие началось так же, как германское, с перехода древнейшего периода родового быта в новый героический, или дружинный, период; 3) наконец, в том, что в средневековой Руси, оставшейся на долгое время в противоположность Западу вследствие особых неблагоприятных природных условий государством бедным, земледельческим, малонаселенным, неразвитым, существовали те самые учреждения, которые обычно возникают в государствах, стоящих на той же ступени развития, и существовали на Западе в соответствующую, начальную эпоху феодализма. Наблюдения Соловьева над сходством некоторых учреждений средневековой Руси с феодальными изложены главным образом в чтениях о Петре Великом 1872 г. и в его статьях 70-х годов, причем в них он изменяет некоторые положения XIII тома своей «Истории», вышедшего в 1864 г.

В этом XIII томе Соловьев смотрел на феодализм как на особую систему отношений поземельных; он утверждал, что «поземельные отношения составляют сущность феодальной системы», что эта система «была как бы религией земли», и не находил ее в России. В статьях же 70-х годов он изменяет свой взгляд на феодализм; он видит в нем теперь систему, основанную на личных, защитных отношениях, и сам термин феодализм переводит русским словом «закладничество», от глагола «закладываться», в древнем смысле — «предаваться на защиту».

Защитный союз, или союз закладничества, Соловьев сопоставляет с двумя другими такими же частными союзами лиц, родовым и дружинным, как три основные формы древнейшего общественного строя. «Подле первоначальной формы, подле естественного кровного союза (*рода*),— говорит он,— с самых ранних пор замечаем уже другие формы союза; союза искусственного — в противоположность кровному. Это союз *закладничества*, заключаемый под разными видами и условиями, от захребетничества и соседства до холопства, но во всех видах

имеющий одну отличительную черту: слабый ищет покровительства сильного, причем лишается известной доли своих личных и имущественных прав, иногда всех личных прав... Наконец, третья форма частного союза, вторая искусственная его форма, есть форма *дружинная*, когда люди соединяются добровольно вместе для какого-нибудь предприятия». И затем, рассказывая в своих «Наблюдениях над исторической жизнью народов» об утверждении феодализма, Соловьев говорит о господстве первичной формы частного союза для «защиты, формы закладничества, или феодализма», о «закладчиках, или вассалах», «захребетниках, или клиентах» [8*].

Во всех этих выражениях Соловьев произвольно расширяет значение русского термина «закладничество», который точно соответствует термину «коммендация», но не термину «феодализм»; он пользуется русским термином «закладничество» только для того, чтобы оттенить существо феодализма как системы частного союза защиты [9*]. И в русском закладничестве он находит учреждение, по существу одинаковое с союзами частной защиты, лежавшими в основе феодальной системы. «В древней России,— писал Соловьев в 1872 г.,— мы видим сильное стремление добровольно входить в частную зависимость. Человек отдавался или продавался добровольно в холопы, давал на себя кабалу... Кроме этого добровольного закабаливания себя в личное услужение, видим стремление людей, имеющих независимое хозяйство и промыслы, закладываться за людей сильных для приобретения защиты и освобождения от тяжких государственных повинностей, стремление, по тогдашнему выражению, жить за чужим хребтом, быть в захребетниках, в соседях и подсоседниках». Это «явление,— замечает Соловьев,— составляет характеристическую черту первобытных неразвитых государств... Известно, что так называемая феодальная система на Западе, господствовавшая в то время, когда тамошние государства находились в первобытном состоянии, основывалась на этом стремлении слабых войти в зависимость от ближайших сильных с целью найти в них защиту и покровительство».

Кроме закладничества, представлявшего собою такой же частный союз защиты, какой был в основе системы феодализма, в средневековой Руси, по мнению Соловьева, существовали и

8* «Закладничество, или феодализм,— пишет он.— достигал господства: раздробляя страну на множество почти независимых владений, он в то же время связывал всех владельцев цепью собственно одних только нравственных отношений».

9* *Соловьев С. М.* Наблюдения... С. 1301, 1310—1311. Русских закладчиков Соловьев не сближает с вассалами, хотя в вольном переводе и сопоставляет эти два термина; чтобы оттенить эту разницу, он в одном из последних томов «Истории России...» говорит о «западноевропейском *формальном* закладничестве, или вассальстве» (*Соловьев С. М.* История России... Т. XXVI, кн. 6. С. 126).

другие учреждения, которые одинаково развились на Западе, когда там влияли те же природные условия.

Ошибочно полагая, что дружича у нас в противоположность Западу сохраняла в течение нескольких столетий свою подвижность, свой дружинный характер, Соловьев, однако, утверждал, что у нас, хотя и гораздо позже, чем на Западе, дружинники тоже приобрели оседлость, когда московский великий князь, став государем, сделавшись хозяином земли, в XV в. наделил своих служилых людей, дворян и детей боярских, прежних дружинников, землею, *поместьями*. Эти русские поместья Соловьев сближает с германскими бенефициями, с «испомещением германцев в областях Римской империи». Дружинники у нас, хотя и гораздо позже, чем на Западе, но также превращаются в помещиков, в землевладельцев; при этом они так же, как вассалы, становясь землевладельцами, хозяевами, теряют с течением времени свое военное значение. Подчеркивая это сходство, Соловьев отмечает, что и на Западе, в то время «когда члены первоначального войска, дружины, испоместились на земельных участках, зажили своими домами, своими землями, войны феодального периода отличаются своей мелкостью и непродолжительностью: вассалы такие же неохотники надолго отлучаться от своих домов, как и наши помещики; при большей самостоятельности их положения у них выговорен срок, и далее этого срока они не останутся в походе... У нас, в России, то же явление в Московском государстве, то же стремление служилых людей не расставаться с своими землями, отбывать от военной службы, стремление, последовавшее также за периодом сильного движения дружин, беспрестанно перебегавших с своими князьями из области в область».

Кроме закладничества-защиты, кроме поместья-бенефиция, Соловьев находит в нашей древности и третье учреждение, свойственное Западу, а именно крепостное право. Крепостное право установилось у нас, полагает он, гораздо позже, чем на Западе, в то время как оно там уже исчезало, и это позднее его возникновение он объясняет долго сохранявшейся у нас бедностью, малонаселенностью страны. В такой бедной малонаселенной стране, как Россия, «мы должны,— говорит он,— встретиться с *обычным* в земледельческих государствах явлением: вооруженное войско непосредственно кормится за счет невооруженного. Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег вследствие торговой и промышленной неразвитости, раздает военным служилым людям земли; но земля для землевладельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его-то и недостает... И вот единственным средством удовлетворения этой главной потребности страны найдено прикрепление крестьян, чтобы они не уходили с земель бедных помещиков, не переманивались богатыми». На Западе крепостная зависимость возникла при тех же условиях, и «в некоторых государствах

средней Европы она продолжалась до настоящего века, и причина тому заключалась в медленности экономического развития» [10*].

Во всех этих сближениях порядков русского и западного средневековья много неточностей, которые теперь легко могут быть исправлены на основании новых исследований как по русской, так и по западноевропейской истории. На следующих страницах я, исправляя эти неточности, еще теснее сближаю порядки удельной Руси и феодального Запада. Сейчас скажу только, что Соловьев стоял на правильном пути и что новые успехи социологии, с одной стороны, и истории — с другой, истории русской и западноевропейской, дают возможность вести гораздо дальше работу по сравнительному изучению русского и западного развития, чем то оказалось возможным для Соловьева в 60-х и 70-х годах прошлого века.

III. ТЕОРИЯ КОНТРАСТА МИЛЮКОВА

§ 7. *Контраст между историей России и Запада*

Работа Соловьева по сближению русского исторического развития с западным не была продолжена последующими историками. Вместе с его указаниями на существование у нас некоторых феодальных учреждений основательно забыты были последующими нашими историками и такие же наблюдения Чичерина, Костомарова и других исследователей 50-х и 60-х годов [30]. Отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона.

Развитие русской историографии в этом направлении завершается в 90-х годах «Очерками по истории русской культуры» П. Н. Милюкова. Эти «Очерки» пользуются заслуженно широкой известностью и имеют бесспорные крупные достоинства; но положенная в основу их социологическая теория русского исторического развития оказалась очень скоро устарелой. В последнее издание их сам автор внес дополнения и поправки [31], существенно изменяющие его теорию в ее основном пункте.

Исходным и всеопределяющим пунктом теории Милюкова является рассмотренная уже нами антитеза Соловьева между подвижной Русью, похожей на перекати-поле, и прочным, оседлым

[10*] *Соловьев С. М.* История России... СПб., 1893. Т. XIII, кн. 3. С. 686—687; *Он же.* Наблюдения... С 1310—1311; *Он же* Публичные чтения... С. 985—986. Так же сближает Соловьев переход от «феодальных войск» на Западе и от помещичьих войск у нас к наемному войску и затем к постоянному национальному (*Соловьев С. М.* История России. Т. XIII. Кн. 3. С. 630).

Западом. «В Северо-Восточной Руси,— пишет П. Н. Милюков,— князь был чуть ли не первым оседлым жителем княжества. Вокруг него все находилось в движении». Бродит крестьянство и бродит дружина; «высшее сословие не дорожит землею» и «свободно странствует из удела в удел». В этой подвижности проявляется «жидкий элемент» нашей истории, говорит Милюков, повторяя слова Соловьева, и отсюда выводит резкую противоположность между развитием русским и западным, которую сам он определяет словом *контраст*.

Европейское общество, рассуждает П. Н. Милюков, строилось нормально, в результате внутреннего процесса, снизу вверх; там средний слой феодальных землевладельцев вырос на плотно сложившемся низшем слое оседлого крестьянства; централизованная государственная власть явилась как высшая надстройка над средним слоем феодальных землевладельцев. У нас же общество и государство развивались наизнанку в сравнении с Западом: там все строилось *снизу вверх*, у нас — *сверху вниз*. У нас «государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития. У нас центральная политическая власть закрепила под собой военнослужилый класс, занявший место отсутствовавшей — или слишком слабой — местной земельной аристократии, а этот служилый класс закрепил под собой крестьянство». По тому же контрасту с Западом шло и позднейшее наше развитие: государственная власть строила общество в связи с причинами внешними, с потребностями внешней самозащиты. Соответственно этому основному положению теории Милюкова изучение государства, или политической эволюции, в его «Очерках» предшествует изучению общества, или эволюции социальной [11*].

Итак, по теории Милюкова, древнее русское развитие и в отдельных сторонах, и в целом представляет «полную противоположность» развитию Запада. А как же быть с будущим? Неужели же мы и впредь будем представлять собою очень печальный контраст нормальному развитию Запада? Тут перед Милюковым встает та же трудная задача объяснить переход от контраста между русским и западным развитием в древности к их единообразию в будущем, которую очень неудачно пытался разрешить Кавелин и более удачно Соловьев при помощи социологической теории Бокля.

Соловьев 1) не расширял выясненную им антитезу средневековой бродячей Руси и оседлого Запада до полного контраста развития русского и западного в целом и частностях. Он видел в подвижности Руси только задержку развития в силу природных условий и подчеркивал сходство развития в древнейшую

[11*] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 1-е изд. СПб., 1896. Т. 1. С. 114; 5-е изд. М., 1902. Т. 1. С. 140—143.

эпоху, как и сходство некоторых русских учреждений с западными в позднейшее время. 2) Переход к единообразному развитию с Западом Соловьев связывал с реформой Петра, с начатой при нем европеизацией России, подкрепив развивавшийся и раньше западниками взгляд на петровскую реформу как на коренной перелом социологической теорией Бокля об интеллектуальном развитии как основе исторического процесса.

Милюков не мог последовать за Соловьевым и Кавелиным, чтобы так или иначе реформой Петра объяснить неизбежность перехода от своеобразия русского и западного исторического развития к будущему их единообразию, не мог потому, что специальные исследования о петровской реформе, и прежде всего собственные его разыскания, не позволяли более придавать этой реформе значение коренного перелома в нашей истории. И он оказался в очень затруднительном положении, когда ему пришлось в своей теории сводить концы с началами.

Ему оставалось одно: признать особую, самодовлеющую внутреннюю закономерность социального развития, не зависящую, по существу, от материальной среды, экономического развития и исторической обстановки, опереться на оставленную уже социологами гипотезу о «внутренней тенденции развития», или «внутреннем законе развития», во всех обществах одинаковом и проявляющем свое действие, как бы ни осложняли и ни видоизменяли развитие материальная среда или обстановка, в которой данному обществу суждено развиваться, а также случайное влияние отдельных личностей. Об этой «внутренней тенденции» Милюков много рассуждает в социологическом введении к «Очеркам» и в этой гипотезе ищет спасения, когда в заключении обсуждает вопрос о том, как после безотрадной истории «новая жизнь расцветает у нас на развалинах прошлого».

Милюков нигде не выясняет, в чем именно заключается гипотетический «внутренний закон развития», во всяком обществе одинаковый, и в чем именно проявился он в русском историческом развитии, которое составляло и в целом и в частности *контраст* развитию западному. Этот «внутренний закон», по теории Милюкова, нечто совершенно не зависящее от материальной среды и других исторических условий, и проявляется он наперекор всем этим условиям, так сказать, наперекор стихиям. Историческая обстановка не «задерживает» развития, как думал Соловьев, говоривший о задержке развития от неблагоприятных природных условий; нет, она не задерживает, как на том настаивает Милюков, а «видоизменяет» развитие до полной неузнаваемости, до «контраста». И, несмотря на этот контраст, «внутреннее развитие», утверждает Милюков, все-таки во всяком обществе одинаково: «Если историческая обстановка, видоизменяющая историческое развитие, есть могущественный фактор в историческом процессе, то не менее основным и могущественным факто-

ром надо считать внутреннее развитие общества, во всяком обществе одинаковое».

Чистая гипотетичность такого «внутреннего закона» проявляется вполне в формулировке тех примеров действия этого закона, которые приводит автор: «Условия исторической жизни задержали развитие численности русского населения, но *дальнейший процесс по необходимости* (?) будет заключаться в размножении и увеличении плотности этого населения. Условия обстановки задержали экономическую эволюцию, но *дальнейший ход ее у нас, как везде* (?), пойдет одинаковым порядком». В тщетных усилиях разрешить антитезу между своеобразием прошлого и единообразием будущего Милюков дает одни только глухие, фаталистические ссылки на неведомую «необходимость».

Эта социологическая теория Милюкова гораздо дальше отстоит от господствующих в наше время воззрений на социальный процесс как на производное материальных и иных условий независимо от какого-либо «внутреннего закона», чем теория Соловьева, выработанная им под влиянием Бокля, в той ее части, которая относится к древним периодам истории, к «возрасту чувства». В этом периоде «интеллектуальный фактор», по взгляду Соловьева, не оказывал еще определяющего влияния на развитие и оно зависело всецело от факторов географического и этнографического; при равенстве же этнографических условий, как в истории русской и германской, где действуют два родственных арийских племени, теория Соловьева сводилась вся к объяснению исторического развития «природными условиями».

§ 8. Оговорки в новом издании «Очерков»

В новое, 5-е издание 1-й части «Очерков» П. Н. Милюков внес ряд поправок и оговорок по рассмотренному выше основному пункту своей теории, а именно по вопросу о крайней подвижности средневековой Руси, об отсутствии в ней боярского крупного землевладения и о вытекающем отсюда контрасте между русским и западным историческим развитием. Поправки эти выразились частью в небольших на первый взгляд, но очень существенных смягчениях фраз, частью же в новом, вставленном в старый текст и не вполне с ним согласованном сравнении быта средневековой Руси с бытом феодальным.

«Высшее сословие,— писал Милюков раньше,— *не дорожило* землей в древней Руси». В новом издании после возражений, сделанных мною в статье о «Феодальных отношениях в удельной Руси», он оговаривается: «*не особенно* дорожило землей».

Русский землевладелец, утверждал он раньше, не ценил своей земли потому, между прочим, что он «в своей вотчине никогда не был *тем государем*, судьей и правителем, каким был запад-

ный барон в своей баронии». Теперь Милюков оговаривается после моего исследования об иммунитете: «...никогда не был тем *полным* государем, каким» и т. д. Оговорка совершенно меняющая смысл и очень неточная, потому что как раз о «баронах»-то и нельзя сказать, что они были «*полными*» государями, судьями и правителями; это можно сказать, и то условно, только о сеньерах высших ступеней феодальной лестницы [12*].

В первых изданиях «Очерков» автор говорил категорически, что «элементы социальной организации», разумея главным образом феодальную землевладельческую аристократию, у нас «не существовали», что «в удельной Руси не было» даже «*зародышей* для образования дворянства как привилегированного класса». В новом издании, подробнее выясняя, что крупное землевладение, землевладельческая аристократия были основой феодализма, Милюков признает, что в Северо-Восточной Руси XIV—XV столетий «*элементы местной земельной аристократии не безусловно отсутствуют*», и только настаивает на их полном якобы «бессилии» [13*]. От отрицания каких бы то ни было «зародышей» феодального строя автор, таким образом, перешел к признанию их существования; ему остается еще только вычеркнуть слова о «полном бессилии» элементов этого строя, чтобы стать на более правильный путь.

Разбирая мои статьи о феодализме, П. Н. Милюков признал существование у нас «родовых черт феодального строя» и в нашем удельном порядке нашел «русский вариант того же строя»; он, однако, настаивал на том, что «при родовом сходстве не следует терять из виду видовой разницы между русским и европейским феодальным строем», и термин «феодализм» предлагал сохранить только за тем порядком, в котором, кроме общих родовых черт, есть и «частные, дающие индивидуальную физиономию феодальному строю данной местности». На это я замечу, что такое требование исключает возможность сравнительно-исторической терминологии, так как все сравнительно-историческое, социологическое изучение основано именно на сравнении общих «родовых» черт в нескольких порядках.

Но об этом уже нечего спорить после того, как Милюков в новом издании своих «Очерков» сам усвоил термин «феодальный

[12*] Там же. 1-е изд. СПб., 1896. Т. 1. С. 165; 2-е изд. СПб., 1896. Т. 1. С. 168; 5-е изд. М., 1902. Т. 1. С. 207. Милюков оговаривается, но не до конца; он сохраняет фразу первого издания «Очерков...»: «Чиновники местного князя, его судьи, его сборщики податей *всегда беспрепятственно* проникали в пределы владений русского вотчинника». Ошибочность этого положения очевидна и помимо особого исследования об иммунитете из известной статьи жалованных грамот о невъезде княжеских властей в вотчины монастырские и боярские: «А волостели мои в околицу его не въезжают». Подробнее см. ниже, гл. III.

[13*] *Милюков П. Н.* Очерки... 2-е изд. Т. 1. С. 117, 170; 5-е изд. С. 140.

быт» в применении к русскому удельному порядку. Он говорит здесь о «характерных чертах русского феодального быта», которые видит в «неразвитой территориальной аристократии» и в «политической власти, являющейся извне и легко присваивающей себе верховные права на землю». В недавно напечатанной популярной статье Милюков идет еще дальше по этому новому пути. «Россия,— пишет он,— переживала те же ступени политического роста, как и все другие цивилизованные государства. Был в ней и племенной быт... Был и феодальный, когда государственная власть была раздроблена между многими владельцами, которые скорее чувствовали себя большими помещиками, чем государями». Потом Россия «объединилась в руках одного владельца — московского князя»; образовалось «военно-национальное государство». Это государство, «как и повсюду, постепенно превратится, и даже на наших глазах, в промышленно-торговое». У нас «главная разница» с Западом «была та, что не было таких крупных земельных владельцев, которые в других местах захватили все права государей и долго мешали разным частям нации слиться в одно государство. Другими словами, у нас феодальный быт был слабее» [13a*].

Это уже совсем новая теория. Рассуждение о «феодальном быте» в России, вставленное в новое издание «Очерков», не вяжется с рядом страниц, перепечатанных без перемен из старых изданий. Признавая в одном месте книги, что у нас «элементы местной земельной аристократии» — этой основы феодализма — «не безусловно отсутствуют», автор на других страницах говорит о «слишком слабой или *отсутствовавшей»* у нас земельной аристократии и перепечатывает, очевидно по недосмотру, фразу первого издания книги об «отсутствии» у нас каких бы то ни было «зародышей» для образования привилегированного дворянства. Переделка текста, разрушающая в корне стройность старой теории, не доведена до конца, и фразы об «отсутствии» земельной аристократии резко противоречат признанию «феодального быта» в России [14*].

Общая тенденция «Очерков» Милюкова по-прежнему клонится к выяснению «контраста» или «полной противоположности» между историческим развитием России и Запада. Так, например, в истории русского города Милюков по-старому находит «полную противоположность» европейской истории города и городского «сословия». Но тут, как и в других случаях, отысканный им «контраст» оказывается безусловно ошибочным. Русский город,

[13a*] *Милюков П. Н.* Феодализм в России // Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. 1902. Полутом 70; *Он же.* Исконные начала и требования жизни в русском государственном строе. М., 1905; *Он же.* Очерки... 5-е изд. Т. 1. С. 136.

[14*] *Милюков П. Н.* Очерки... 5-е изд. Т. 1. С. 140, 144, 212; 2-е изд. Т. 1. С. 170.

утверждает Милюков, вследствие медленного развития русской торгово-промышленной жизни «не был естественным продуктом внутреннего экономического развития» и возник под воздействием сверху, под влиянием правительства. И вслед за этими общими положениями, в подтверждение их, он указывает две основные черты русского средневекового города, те самые черты, которые К. Бюхер [32] считает основными характерными чертами германского средневекового города, как это явствует из нижеследующих цитат:

Милюков:

1) Русский город — «это было место «огороженное», укрепленное, военный оборонительный пункт... Под городом в собственном смысле разумелся укрепленный, обведенный обыкновенно деревянной стеной центр города».

«Самые дворы обывателей, помещавшиеся в городе, назывались осадными и приобретались в городе на случай осады, в остальное же время часто стояли пустыми».

2) Городская жизнь «слита с сельской». «Городское население древней Руси XVI в. прямо делилось на людей «торговых» и людей «пашенных». Пашенные люди города были совершенными крестьянами, но и вообще каждый обыватель города имел свою пашню и свой покос на городской земле».

К. Бюхер:

1) «Средневековый город есть прежде всего бург (Burg) — замок (городище), т. е. место, укрепленное стеной и рвом. Бург «служил убежищем для жителей окружных селений». В случае войны «они пользуются правом укрываться за его стенами вместе с семьями, домашним скотом и движимым имуществом».

2) «Первоначально постоянные жители (германского) города решительно ничем не отличаются от жителей окрестных селений даже по своим занятиям. Они также занимаются земледелием и скотоводством; они совместно пользуются лесом, водами и лугами» [15*].

Отыскивая в истории русского города «полную противоположность» городу западному, Милюков, как это часто случалось с нашими исследователями, очень неудачно нападает как раз на черты полного сходства.

[15*] Там же. 5-е изд. Т. 1. С. 226—228; 2-е изд. Т. 1. С. 182; *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства: Пер. И. Кулишера. СПб., 1907. С. 106. Те же черты отмечает Соловьев: «Города не иное что, как большие огороженные села — крепости, имеющие более военное значение, чем промышленное и торговое».

IV. ТЕОРИЯ ВОТЧИННАЯ КЛЮЧЕВСКОГО

§ 9. *Торговое, или городовое, происхождение порядка Киевской Руси*

От «Очерков по истории русской культуры», изданных в 1896 г., я перехожу к «Боярской думе» В. О. Ключевского, первое издание которой появилось в 1882 г., на 14 лет раньше. Я нарушаю хронологический порядок обзора потому, что теория Милюкова в основном пункте тесно примыкает к рассмотренной раньше теории Соловьева; Ключевский же, разнореча с Соловьевым, близко подходит к развиваемому мною взгляду на удельный порядок как на порядок феодальный [33].

Следуя господствующему течению нашей исторической мысли 70-х и 80-х годов, В. О. Ключевский настаивает на совершенном своеобразии русского исторического развития. В результате долгого изучения русской экономической жизни и государственного строя, или «рынков и канцелярий», он приходит к выводу, что весь русский исторический процесс определяется отличными от Запада «условиями колонизации» и что эти особые условия определили не только медленность развития и простоту общественного строя, но и «значительную своеобразность того и другого». Так говорит он в недавно изданном курсе русской истории, и раньше в «Боярской думе» он утверждал, что «условия» развития, «похожие» на западные, «у нас являются в других сочетаниях, действуют при других внешних обстоятельствах, и потому созидаемое ими общество получает *своеобразный склад и новые формы*» [16*]. Это своеобразие доходит иногда, по его мнению, до развития наоборот, до следования явлений исторического процесса «*в обратном порядке*», по его выражению, как у Милюкова, оно доходит до «контраста».

Одну «из самых характерных особенностей нашей истории» В. О. Ключевский видит в том, что в ней «*простейшие* политические и общественные формации создавались посредством *очень сложных* процессов». Против сложности вообще исторического процесса трудно спорить, так как в нем, действительно, «короткие расстояния проходятся длинными извилистыми путями». Но мысль о том, что «сложность» составляет самую характерную особенность русского развития, кажется мне только одним из тех «мудрствований», против которых восставал Соловьев, говоривший, что «для получения удовлетворительного ответа не должно мудрствовать, а надобно смотреть как можно проще».

Своеобразное явление Ключевский находит уже в самом начале русской исторической жизни. В древнейшем периоде он видит,

16* *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1. С. 37; *Он же.* Боярская дума древней Руси. 3-е изд. М., 1902. С. 7.

одинаково с Соловьевым, не представляющие ничего своеобразного по существу «племенные и родовые союзы». Но на развалинах этих союзов у нас, по его мнению, возникает оригинальный порядок, предшествующий появлению князей и дружин, «героическому периоду» Соловьева. В VIII в. на большом торговом пути с севера на юг, по речной линии Днепр—Волхов, у нас под влиянием торгового движения возникают большие торговые города — пункты склада товаров для вывоза. В IX в. под влиянием внешних обстоятельств— набегов печенегов — эти города вооружаются, обносятся укреплениями. Вооруженный торговый город подчиняет себе торговые округа, окончательно ломая разрушавшиеся племенные и родовые союзы, и становится «политическим центром области». Области, будущие княжения, возникают не из племенных союзов непосредственно, а из торговых округов, городовых областей, сложившихся на экономической основе и под давлением внешней обороны. Одно опять-таки внешнее обстоятельство содействует этому процессу. На большом торговом пути появились норманны-варяги не в том виде, как на Западе, не в виде пирата, берегового разбойника, а в виде вооруженного купца, идущего в Русь, чтобы пробраться дальше, в богатую Византию. Они осаживаются в русских городах, и этот пришлый элемент усиливает собою начавшийся выделяться в городах туземный класс «военно-торговой аристократии». Из этой аристократии и выделяются князь и дружина [17*].

Такова известная торговая, или городовая, теория происхождения порядка киевского времени. Во всем ее сложном рисунке, в котором большую роль играют внешние влияния — нападения печенегов и иммиграция купцов-варягов, она, конечно, представляет развитие городовых областей Руси в своеобразном виде. Но во всем этом взаимодействии влияний очень много гипотетического, и сам Ключевский не особенно настаивает на всех деталях своей теории. «*Как бы то ни было*,— говорит он,— *в неясных известиях* нашей повести (древнейшей летописи) обозначается первая местная политическая форма, образовавшаяся на Руси около половины IX в.: это — *городовая область*, т. е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем служил и промышленным средоточием для этого округа, и укрепленным убежищем». В этом основном явлении нет ничего своеобразного. Такое значение во многих местах с древнейшего времени и позднее имели города и на Западе. Нет ничего своеобразно русского и в том первоначальном возникновении древних русских городов из рынков, из торжищ, которое Ключевский изображает в следующих словах: «С течением времени (в древнейший период разрушения родовых союзов) успехи промысла

[17*] *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 22—34; *Он же.* Курс русской истории. Ч. 1. Лекция IX [34].

и торга создавали среди разбросанных дворов сборные пункты обмена, центры *гостьбы* (торговли), *погосты*; некоторые из них превращались в более значительные торговые средоточия, в города, к которым тянули в промышленных оборотах окрестные погосты, а города, возникшие на главных торговых путях, по большим рекам, вырастали в большие торжища, которые стягивали к себе обороты окрестных городских рынков. Так племенные и родовые союзы сменялись и поглощались промышленными округами».

§ 10. Феодальные основы удельного порядка

Северо-Восточную удельную Русь В. О. Ключевский изучает так же, как Киевскую Русь, в полном убеждении, что ее строй представляет собою нечто совершенно своеобразное, нечто «невиданное» в Западной Европе; он уверен, что историк Запада может найти здесь, как и вообще в нашей истории, только «сходные *моменты и условия*». И сам же он своими специальными разысканиями об удельном периоде выясняет такие основы этого строя, в которых историк Запада легко узнает никак не «моменты и условия», но основные начала учреждений, хорошо ему знакомых из истории средневековых феодальных государств. В. О. Ключевский в этом случае, что он в особенности подтверждает своими недавними рассуждениями о феодализме в новом его курсе, dit de la prose sans le savoir *.

Эти его специальные разыскания о Северо-Восточной удельной Руси, вошедшие в его исследование о «Боярской думе», принадлежат к числу замечательнейших его работ по той важности, какую они имеют для выяснения общего хода нашего исторического развития. В них впервые наша удельная Северо-Восточная Русь XIII—XV вв. явилась как особая историческая эпоха со своими характерными чертами, тогда как раньше она одними своими сторонами сливалась с Киевской Русью, другими — с позднейшим Московским государством и была потерянным периодом нашей истории как неопределенная промежуточная ступень. В трудах наших новых историков [35], недостаточно усвоивших и не развивших то новое, что внес Ключевский в понимание удельной Северо-Восточной Руси, это средневековье нашей истории и до сих пор, впрочем, остается потерянным периодом [18*].

Мы видели уже выше, как Соловьев, выяснив переход родового и племенного быта в быт дружинный, не отыскал у нас, несмотря на свои старания, землевладельческой оседлости дру-

* Говорит прозой, не зная этого (фр.).

18* Только С. Ф. Платонов выделяет в своих «Лекциях» особый «Удельный быт Владимирской Руси» [36].

жины, явившейся на Западе основой феодального строя, и отсюда пришел к антитезе между подвижной бродячей Русью и оседлым Западом. Мы видели также, как Милюков построил на этом наблюдении Соловьева свою теорию о нашем развитии наизнанку в сравнении с нормальным развитием Запада.

Ключевский своими разысканиями об удельной Руси разбивает главный опорный камень этих теорий. Он, правда, не окончательно порвал еще с наблюдениями Соловьева; он по-прежнему еще тесно сближает *вольных слуг* Северо-Восточной Руси с киевской дружиной; он по-старому находит еще, что эти «вольные слуги, дружина», составляют, как и в Киевской Руси, «подвижную, бродячую ратную массу, кочевавшую по русским княжествам в силу права вольного слуги выбирать себе местом служения любой из тогдашних княжеских дворов». Но в этом праве вольных слуг он находит уже «анахронизм» и признает важное землевладельческое значение боярства удельного времени, которого не разглядел Соловьев.

Эти вольные слуги были, говорит Ключевский, землевладельцами и начали в XIV—XV вв. «складываться в земский класс, отбывавший финансовые и некоторые ратные повинности по земле и воде, по месту землевладения». «По своим поземельным отношениям бояре и вольные слуги *уже в XIV в.* (т. е. в начале удельного периода) составляли уездные миры, или землевладельческие общества». «Служилые люди на севере усвояли себе интерес, господствовавший в удельной жизни: стремление стать сельскими хозяевами, приобретать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, а для успеха в этом деле работи́ть и кабалить людей, заводить на своих землях поселки земледельческих рабов-страдников, выпрашивать землевладельческие льготы и ими приманивать вольных крестьян на свои земли». В руках двух классов, «военно-служилого и духовного», «сосредоточивалась частная земельная собственность, и землевладение все более становилось главным экономическим средством обеспечения их общественного положения». Первоначальный тип «боярина-землевладельца сложился», утверждает Ключевский, уже в Киевской Руси, а в Северо-Восточной «боярское землевладение» «получило важное политическое значение в судьбе служилого класса и с течением времени изменило его положение и при дворе князя, и в местном обществе» [18а*].

Итак, наши бояре и вольные слуги удельного периода «усвояли себе господствовавший интерес» времени «стать сельскими хозяевами», ценили землю и «боярское землевладение» имело «важное политическое значение». Ключевский нашел, таким образом, землевладельческую оседлость и землевладельческое значение

[18а*] *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 93, 97, 113; *Он же.* Курс русской истории. Ч. 1. С. 448.

дружины, нашел в удельной Руси главное основание феодального порядка, которое тщетно искал Соловьев.

Удельные бояре, выясняет он далее, были не только землевладельцами, но и «привилегированными землевладельцами». Этих привилегий боярского землевладения удельного времени, равных по своему объему иммунитету феодального Запада, не заметил Соловьев, а Милюков подчеркивает отсутствие их у нас как причину того, что бояре якобы не дорожили землей. Ключевский, наоборот, утверждает, что боярин удельного времени был «привилегированным землевладельцем», что «князь передавал землевладельцу правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой облекал он областного правителя, именно право суда и обложения в известной мере», что боярская *«привилегированная вотчина сохраняла лишь слабую зависимость от управителя административного округа*, в котором она находилась», так как местный управитель удерживал за собой только «право судить подвластное вотчиннику население в важнейших уголовных делах, *часто* даже только в делах о душегубстве».

Итак, по признанию Ключевского, у нас в удельное время бояре, слуги князя, были землевладельцами — одинаково, добавлю я, с западными «слугами»-феодалами — и боярская вотчина сделалась опорой нового политического значения боярства точно так, как на Западе, пользуясь независимостью от княжеских властей, т. е., иначе говоря, иммунитетом. Но этого мало; Ключевский выясняет и другие основные черты удельного порядка, в которых легко признать начала феодального строя.

Западные княжества, как известно, выросли из крупных частновладельческих имений, и поэтому в новых, постепенно слагавшихся государственных чертах их сеньериального управления долгое время сохранялись наследственные черты частного хозяйства крупного землевладельца. Государственная мантия высшего сюзерена была одного покроя с простым платьем барона-землевладельца. Эту самую, столь характерную для феодализма черту преобладания начал частного права Ключевский выясняет в строе управления нашего удельного княжества, quasi-государства. «Удельный порядок,— говорит он,— зародился в тот момент, когда княжеская волость усвоила себе юридический характер частной вотчины привилегированного землевладельца». В особой, V главе «Боярской думы» он доказывает, обозначая этот тезис в заголовке, что *«удельное управление»* северного княжества *«было довольно точною копией устройства древнерусской боярской вотчины»*; рассматривая устройство княжества, он находит, что оно «сложилось по юридическому типу частной земельной вотчины», и во всех его чертах видит «сходство с хозяйственным управлением боярской вотчины»: «дворцовые имущества княжеский дворец эксплуатировал сам на собственное содержание; остальные владения свои князь отдавал эксплуатировать другим лицам — боярам и слугам

вольным»; «в дворцовом управлении князь был вотчинником с правами государя, а в областном являлся государем с привычками вотчинника» [19*].

Это так называемая «вотчинная теория» происхождения Московского государства из княжества-вотчины удельного времени. Та же мысль в более неопределенной и широкой формулировке развита была раньше Забелиным [37] в отношении Московского государства, минуя удельный период. «Политический корень» Московского государства, писал И. Е. Забелин в 1871 г., был исключительно вотчинный, был воспитан и вырос на вотчинном развитии народа, «и сама Москва в смысле государства была не чем иным, как лишь типическим высшим видом старинной русской вотчины: потому она и стала называться государством, т. е. собственным именем вотчины. Вот почему и общая государственная политика была, в сущности, только наиболее полным выразителем частных вотчинных отношений» [20*]. В этом, как и во всем другом, Забелин видит проявление «коренного русского начала». Такой взгляд на вотчинное частноправовое начало, лежавшее в основе удельных княжеств и возникшего из них Московского государства, как на «коренное русское начало» кажется очень странным в наше время, когда мы хорошо знаем, что западноевропейские княжества-государства слагались так же, на той же основе частного землевладельческого хозяйства, с которым на Западе, как и у нас, издревле связаны были государственные права суда и управления.

Землевладельческие интересы и значение удельного боярства, иммунитетные привилегии боярского землевладения, близкое родство княжеского удела с боярской вотчиной — это еще не все феодальные основы нашего удельного строя, выясняемые Ключевским вопреки его намерениям выяснить совершенное своеобразие русской древности. Истинно феодальная черта крайнего раздробления суверенной власти вырисовывается в рельефно им изображенном дроблении Северо-Восточной Руси на множество мелких уделов. Территории маленьких удельных княжеств ограничивались бассейном речки, а нередко и частью небольшого речного бассейна, и резиденции удельных князьков часто помещались в селах, как и резиденции бояр. «На реке Андоге,— пишет Ключевский,— среди тянувшихся по ней и ее притокам сел, селец и деревень не было ни одного городка, а между тем здесь находились стольные места, резиденции трех удельных княжеских династий — Андожской, Шелешпанской и Вадбольской». Тем не менее такие князья, мелкие вотчинники, несмотря на незначительность их

[19*] *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 92, 111, 118.

[20*] *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве: Статья вторая // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 500. Первая статья см.: Вестник Европы, 1871. № 1. С. 5 и след.

владений, равных по размерам вотчине боярской, сохраняли владетельные княжеские права. Такое феодальное раздробление суверенной власти возникло у нас иначе, чем на Западе, путем наследственного дробления суверенной власти и не путем ее захвата графами. Но, несмотря на иной исторический процесс, *юридический* факт раздробления суверенной власти между множеством вотчинников остается в силе. Вместе с боярами, которые, как признает тот же Ключевский, владели частью «верховных» прав, эти «княжата» — вотчинники с владетельными княжескими правами — образуют у нас сословие феодалов, обладающих суверенными правами в различной градации.

§ 11. Возражения Ключевского самому себе

Выясняя все эти стороны удельного строя в «Боярской думе», В. О. Ключевский не сделал даже и намека на сходство их с феодальными порядками, а в предисловии к своей книге в общих чертах настаивал на своеобразии русского развития и допускал, что западный историк найдет в нем только некоторые знакомые ему «моменты и условия развития». Недавние же его рассуждения о феодализме во вновь изданном «Курсе русской истории» [38] ясно показывают, что в работе его над удельным периодом важнейшие феодальные черты этого периода вырисовывались сами собою, помимо его ведома и намерения. В удельном нашем порядке не надо даже было искать феодализма, чтобы его найти.

Ключевский теперь признает, что «в удельном порядке можно найти *немало* черт, сходных с феодальными отношениями, юридическими и экономическими», но он делает это признание как-то нехотя, не считает нужным определить все эти черты и обставляет свое признание рядом оговорок, настаивая не на сходстве, а на различии. Он утверждает, что сходные с Западом элементы образуют у нас другие комбинации, и, пренебрежительно относясь к изучению «сходных элементов», частью ослабляет оговорками, частью даже изменяет положения своей же «Боярской думы». Мы видели, как рельефно оттенил он «политическое значение» боярского землевладения Северо-Восточной Руси, как он в противовес бродячим дружинникам Соловьева выдвинул «боярина, привилегированного землевладельца», сельского хозяина, который на своих землях «работит и кабалит людей». Он и в курсе своем перепечатывает одну страницу на эту тему из «Боярской думы» и повторяет, что «землевладение теперь все более становилось и для бояр основой общественного положения», но, чтобы противопоставить бояр феодалам, делает ударение на «чисто личных» отношениях бояр к князю, хотя сам видит в них анахронизм, «остатки прежнего времени». Забывая о своем «боярине-землевладельце», он возвращается к соловьевскому боярину-дружиннику, который якобы, «не находя в подвижном местном обществе эле-

ментов для такого (как на Западе) прочного окружения, искал опоры для своей вольности в личном договоре на время, в праве всегда разорвать его и уйти на сторону».

Мы видели также, как рельефно выдвинул Ключевский привилегированность (иначе — иммунитет) боярской вотчины, сохранявшей «лишь слабую зависимость» от княжеских властей. Он и теперь признает, что князь «уступал боярину-вотчиннику в своем уделе вместе с правом собственности на его вотчину и часть своих верховных на нее прав», но спешит оговориться, что это отношения, только «напоминающие феодальные порядки Западной Европы», что это явления, «*не сходные, а только параллельные*». Эта оговорка для меня непонятна. Я не понимаю, как в одинаковом по существу юридическом отношении — уступке князем части верховных прав вместе с правом собственности — можно видеть какое-то «параллельное», а не сходное по меньшей мере явление.

Другая оговорка об этих «вотчинных льготах» (иммунитетах) понятна, но она только свидетельствует о старании Ключевского затушевать их феодальный характер, наперекор собственному своему прежнему исследованию. Там эти льготы рассматривались как общий порядок, как одна из важнейших сторон юридического типа удела-вотчины, там мы читали, что «по мере развития привилегированного землевладения появлялось все больше земель», куда княжеские власти не смели «всылать ни по что». А теперь — ряд смягчающих оговорок, и в результате — совсем новая картина: «князь *иногда* уступал боярину... часть верховных прав»; на Западе вотчинные льготы — «устойчивые, общие нормы», а у нас они будто бы «остаются более или менее *случайными* и *временными* пожалованиями личного характера». Так, отрицая феодализм в России, В. О. Ключевский поставлен в необходимость полемизировать прежде всего с самим собою.

Возьмем третий пример такой же неудачной оценки Ключевским собственных своих разысканий с сравнительно-исторической точки зрения, возьмем новые его замечания в «Курсе» о выясненном им вотчинном характере удельного княжества, о «слиянии в лице князя прав государя и вотчинника». Ключевский, правда, признает, что удельный князь «похож на сеньера», но с следующими оговорками: «Феодальный *момент* можно заметить *разве только* в юридическом значении самого удельного князя, соединявшего в своем лице государя и верховного собственника земли»[21*]. Н. И. Кареев в своем историографическом обзоре вопроса о феодализме в России, все время бесстрастно, без критических замечаний излагающий мнения русских историков, тут, приведя эти оговорки Ключевского, изменяет своему бесстрастию и настойчиво

[21*] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. С. 444—446. Здесь и существо вопроса формулировано неточно; оно лучше определено в словах на с. 444: «Слияние прав государя и вотчинника в лице князя».

указывает, что между уделом и сеньерией есть «*несомненное*» сходство: «Выдвигая на первый план лежащий в основе западноевропейского сеньериального режима факт соединения правительственной власти с крупным землевладением, мы имеем *полное право* подвести под понятие такого режима и мелкий княжеский удел, рассмотренный проф. Ключевским» [22*].

В. О. Ключевскому в признании близкого сходства русского удельного строя с феодальным мешает, как и другим русским историкам, то, что, хорошо зная русскую древность, сроднившись с нею, он знает западный феодализм только в общих схематических чертах. Об этом свидетельствует хотя бы следующее, очень неудачное его замечание: «В истории Московского княжества мы увидим, что в XV в. некоторые великие князья стремились поставить своих удельных в отношение как будто вассальной зависимости; но это стремление было не признаком феодального дробления власти, а предвестником и средством государственного ее сосредоточения» В *вассальных* связях, конечно, странно искать «признака феодального дробления власти»; признак его надо искать в другой сфере отношений, в том, что у нас (так же как на Западе) общество, по собственному же определению Ключевского, «расплывалось или распадалось на мелкие местные миры», распадалось «на мелкие тела, в строе которых с наивным безразличием элементы государственного порядка сливаются с нормами гражданского права». Вассальные связи были коррективом к этому раздроблению, слабо заменяя собою отсутствующие связи государственные. И развитие вассальных отношений между более крупными сеньериями, соответствующими нашим уделам, на Западе являлось так же, как у нас, «предвестником государственного сосредоточения» власти. Если у нас великие князья в XV в., «собирая русскую землю», стремились ставить мелких удельных князей в отношения «как будто» вассальной зависимости, то историк Запада легко узнает в этом опять-таки не отличную, а близко сходную черту западных порядков, он тотчас же вспомнит, как князья и герцоги во вторую половину средних веков, «собирая» территории, всеми средствами добивались признания их хотя бы номинального сюзеренитета со стороны феодалов, не признававших ничьей власти, и как некоторые дюки покупали иногда за деньги их вассальное подчинение.

Затушевывая все черты сходства, В. О. Ключевский выдвигает черты отличия и настаивает на том, что у нас не было «двух основных феодальных особенностей. Это: 1) соединение служебных отношений с поземельными, 2) наследственность тех и других». У нас в уделах, говорит он, «поземельные отношения вольных слуг строго отделялись от служебных». В основе этого и других

22* *Кареев Н. И.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906. С. X—XI.

отличий лежало, по его мнению, то, что все отношения удельного порядка имели под собою иную «социальную почву — подвижное сельское население», тогда как на Западе «вся военно-землевладельческая иерархия держалась на неподвижной почве сельского населения вилланов, крепких земле или наследственно на ней обсидевшихся».

Это — особенности столь же мнимые, как и другие рассмотренные выше. Но об этих важных сторонах феодальной системы я буду говорить ниже подробно. Здесь я имел в виду только охарактеризовать основные начала теории Ключевского, выяснить те пункты его прежних исследований, которые служат опорой для новой феодальной теории, и, кстати, защитить эти пункты от собственных его позднейших нападений.

Из этого обзора главных наших общих теорий русской истории видно, что авторы их роковым образом терпели более всего неудач в стараниях выяснить отличительные своеобразные черты русского исторического развития.

Настаивая по разным соображениям на коренном отличии нашего средневекового порядка от феодального, историки наши вместе с тем — одни сознательно, как Соловьев, другие бессознательно, как Ключевский,— выяснили существование у нас некоторых основных начал феодального строя[39]. В дальнейшем изложении я еще не раз буду опираться на исследования русских историков, содействовавших — одни сознательно, другие бессознательно — выяснению этого вопроса. Моя работа отнюдь не оторвана от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд.

Глава вторая

СЕНЬЕРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УДЕЛЬНОГО ПОРЯДКА

I. ВСТУПЛЕНИЕ

§ 12. О приемах исследования

Рассмотренные нами в предыдущей главе важнейшие теории русского исторического развития тесно связаны с изучением нашего удельного средневековья, в котором Соловьев и следом за ним Милюков нашли первое резкое отличие истории России от истории Запада. В их теориях, однако, этот удельный период не выделяется в особую своеобразную эпоху и сливается с древнейшей киевской и с позднейшей эпохой Московского государства XVII в. Так, Соловьев, широкими, резкими чертами рисуя подвижность Руси, пустынность страны и редкость населения, *про-*

должительность периода движения, когда все было похоже на перекати-поле, сливал воедино все три эпохи русской истории — киевскую, удельную и московскую — и на продолжительный центральный удельный период, с XII до XVI в., когда население теснилось в *лесах* небольшой сравнительно территории Северо-Восточной Руси, перенес черты *степного* простора древнейшей Киевской Руси и южной степной окраины позднейшего Московского государства, или *поля*, которое только с XVI столетия стало доступно для русской колонизации. Между тем удельное средневековье так же существенно своим особым складом отличается от других периодов нашей истории, как лес отличается от степи с травой перекати-поле.

В удельный период степной юг, занятый татарами, не был доступен для русской колонизации, а север отнюдь не давал простора для свободного передвижения, потому что здесь нужно было для каждого нового поселка корчевать лес, отыскивая сухие места среди болотистых низин. Наиболее доступные для культуры места здесь скоро были заняты; население здесь рано осело и уплотнилось, и все общественные отношения приобрели более устойчивый характер. Отношения эти изменились только в XVI в., когда для населения, стесненного долгое время — четыре столетия — в тесном пространстве между Волгой и Окой, открылся в XVI столетии выход в *поле*, после побед над татарами, и когда отлив населения на юг вызвал в старом центре Московского государства сельскохозяйственный кризис, хорошо изученный нашими историками.

Суммарная характеристика трех эпох русского развития разрушается более внимательным изучением удельного средневековья, начало которому положил В. О. Ключевский. Хронологические рамки этого удельного периода определяются так: от конца XII в. до середины XVI в., или от времени Андрея Боголюбского до Ивана Грозного. В конце XII в. Северо-Восточная Русь уже настолько усилилась и окрепла, что северный князь Андрей Боголюбский, завоевавший Киев, получил преобладание над князьями Южной Руси. Вслед за тем в Северо-Восточной Руси на основе крупного боярского землевладения слагается удельно-феодальный порядок. Этот удельный период заканчивается временем Ивана Грозного, когда отлив населения на юг и юго-восток вызвал запустение центра и ослабил крупное землевладение, а опричнина Ивана Грозного 1565 г. уничтожила политические феодальные притязания удельных княжат[23*].

Рассматривая в общих теориях русского исторического развития средневековый удельный период, историки наши не раз сравнивали его с соответствующей эпохой западной истории, т. е. со

[23*] О переходных эпохах XII и XVI столетий с поворотными событиями 1169 и 1565 гг. см. ниже, в гл. V.

средневековым феодализмом. При этом Соловьев пришел к отрицательному выводу вследствие недостаточной разработки в то время как русской, так и западной истории и только в последние годы своей жизни исправил до некоторой степени свою ошибку. Последующие же историки отрицали сходство между удельным порядком и феодальным главным образом потому, что, сопоставляя более обстоятельно, хотя и не везде точно, изученные черты русской древности с феодализмом, брали его в самых общих и часто устарелых уже чертах [40]. Когда Соловьев и Чичерин в 50-х и 60-х годах старались отыскать близость средневекового русского порядка к феодализму, они не находили ее во многих случаях только потому, что им мешала, с одной стороны, недостаточность русских источников, теперь пополненная, и мешали, с другой стороны, некоторые ошибочные воззрения западных историков, теперь исправленные. Чем более прогрессирует историческая наука у нас и на Западе, тем более сближаются выводы русских и западных историков ad majorem gloriam * новой науки — социологии, и это сближение тем более убедительно, что оно является результатом господствовавшего до сих пор изолированного изучения древностей России и Запада.

Сравнивая удельную Русь с Западом в общих чертах, историки наши не отличали удельного *порядка*, или государственного и общественного строя, от исторического *процесса*, или того пути, каким сложился этот строй, и, смешивая эти две стороны вопроса, споря против сходства удельного *порядка* с феодальным, указывали особенно на несходства исторического *процесса*. Я строго различаю эти две стороны вопроса и, настаивая на сходстве порядка, не могу не видеть различие в процессе его образования, но не забываю при этом, что при всем глубоком сходстве английского феодализма, например, с французским, при тожестве основных начал этого строя, всеми признаваемом, *процесс* феодализации в Англии сильно отличался от феодализации во Франции.

В противоположность ненадежным общеисторическим сравнениям мне дает твердую опору детальное сравнение отдельных учреждений русского удельного строя с основными учреждениями феодализма. Я сосредоточиваю внимание на изучении таких отдельных юридических институтов, как община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба и так далее, и прихожу к выводам, что эти учреждения по существу своему, по своей природе представляют собою учреждения, тожественные соответствующим учреждениям феодальной эпохи. В этом состоит главная задача моей работы; я пока предоставляю будущему такое же детальное сравнительное выяснение более извилистых и менее сходных линий исторического процесса у нас и на Западе во всем его объеме и во всей его «индивидуальности».

* К вящей славе (лат.).

Признавая более или менее правильными некоторые из моих выводов, историки, стараясь умалить значение их, делают следующие замечания, очень странные с точки зрения господствующих теперь социологических воззрений. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов, признав после первой моей статьи о «закладничестве-патронате», что у нас есть некоторые «признаки феодализма», и настаивая на их неразвитости, заметил снисходительно: «Историку права не мешает для полноты картины отметить и эту неважную черту в старорусской жизни» [24*]. Историк-социолог, конечно, не отнесется так пренебрежительно хотя бы и к очень слабым «признакам феодализма». И я думаю, что со стороны почтенного М. Ф. Владимирского-Буданова это замечание только обмолвка [41].

В. О. Ключевский точно так же, признав, что «в удельном порядке можно найти *немало* черт, сходных с феодальными отношениями юридическими и экономическими», немало «сходных элементов», подобно Владимирскому-Буданову, очевидно обмолвившись, утверждает, что «научный интерес представляют не эти (сходные) элементы, а условия их различных образований». Отказывая по точному смыслу этой фразы в «научном интересе» изучения сходного, В. О. Ключевский, вероятно, хотел сказать нечто другое, а именно что «научный интерес» требует выяснения не только «сходных элементов», но и «условий их различных образований».

В сравнительно-историческом изучении, конечно, нельзя ограничиваться выяснением сходства, необходимо выяснить также и все отличия: наряду с родовыми сходствами надо выяснить видовые отличия, наряду с общими чертами определить и черты индивидуальные. Только при соблюдении этого условия задача может считаться решенной и выводы сравнительного изучения могут быть прочными. Помня об этом основном правиле сравнительного метода, я старательно искал отличия, и я указываю все те отличия, какие мне удалось найти. Но среди них нет ни одного коренного; все они оказываются только количественными, а не качественными, все они сводятся или к меньшему развитию, или к меньшей оформленности основных начал феодализма. Всюду коренное сходство начал перевешивает индивидуальные особенности и к этому основному сходству присоединяются многие детальные сходства: одинаковые термины и сходные обряды, объясняемые наследственным арийским запасом русского и германского права.

Древнее право отличается вообще, как известно, чрезвычайным консерватизмом, и многие юридические учреждения проявляют замечательную живучесть. Общественные отношения перестраиваются очень медленно на протяжении столетий, причем старые фор-

[24*] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев; СПб., 1900. С. 324; 4-е изд. Киев; СПб., 1904. С. 392.

мы права обыкновенно сохраняются и после того, как содержание их изменилось, и старый по форме договор покрывает нередко новую по существу сделку. Как в языке новые понятия обозначаются старыми словами или новыми словами древних корней, так точно и в области права новые отношения большей частью живут под оболочкой древних юридических форм. Меняющиеся отношения медленно приноравливают к себе старые формы права.

Чрезвычайная близость, даже формальная и терминологическая, некоторых наших учреждений удельной эпохи к феодальным объясняется именно живучестью родственных юридических форм и терминов, унаследованных нами одинаково с германцами из арийской прародины и приноровленных нами и ими к новым отношениям, которые развились сходно, при сходных условиях — географических и экономических.

§ 13. Арийское родство русского права с германским и символизм

Арийское родство русского древнейшего права с германским в наше время достаточно ясно[42]. В области уголовного права, судопроизводства и права гражданского древнейшие русские порядки отличаются разительным сходством с правом германским. По части уголовного права мы находим в Русской Правде не только кровную месть, свойственную всем первобытным народам, в том числе и неарийского корня, но и всю систему наказаний, известную германским варварским «правдам»: и виру, и денежные пени за телесные повреждения. В судопроизводстве находим у нас одинаково с Германией и ордалии (испытание водой и железом), и судебный поединок (поле), и свод, и послухов-соприсяжников (conjuratores). В гражданском праве — и одинаковые брачные обряды, покупку и умыкание жен, и рабство неоплатного должника, и родовое владение землей. Систематик арийского права Лейст[43], ознакомившись с Русскою Правдою, в своем исследовании о «Праарийском гражданском праве» выражает изумление перед особенной близостью древнерусского права к германскому.

Считаю лишним вследствие этого доказывать родство вообще нашего древнейшего права с правом германским. Взамен того, чтобы нагляднее представить их родственную близость, я остановлюсь на символических обрядностях, или на формализме нашего древнего права, имея в виду, что в этой обрядовой стороне многие видят отличительную особенность германского права и что одна из таких обрядностей, коммендация, или оммаж, связана с одним из основных учреждений феодального строя, с феодальным договором.

В русском обычном праве до наших дней сохраняется обычай «спрыскивать» сделки, так называемые «*литки*». «Пропито — продано»,— говорят пословицы. «Где кабалено, там и вино»; «пропи-

тая дочка — не своя, а чужая». Этот обычай был широко распространен в Германии в средние века и так же, как у нас, сохраняется, хотя и не с прежним формальным значением, доселе. Питье «свидетельского вина (vinum testimoniale) в утверждение договора» называлось в Германии термином одного корня с русским: litkouf, leitkauf — литки. В Польше находим тот же термин в форме еще более близкой к немецкому слову litkouf, а именно: litkup, lidkup.

Так же как древние литки, у нас известно столь же древнее *рукобитье*, также живущее еще в обычном праве. В древности оно имело больше формально-юридического значения, чем теперь, и новгородская судная грамота 1471 г. в некоторых случаях категорически предписывала ответчику удостоверять свое показание как крестным целованием, так и рукобитьем с истцом: «да и по руце ему ударити с истцом своим», «да и руку даст, что там ему не быть». Такая же точно обрядность рукобитья существовала в древности и сохраняется до сих пор в обычном праве на Западе; в Германии она называется тем же термином, что и у нас,— Handschlag, во Франции — la paummée или poignée de main.

При рукобитье у нас часто бьют рука об руку, завертывая их в полы кафтана: «Бери полу, бей рука об руку». И при передаче вещи из рук в руки, имеющей также формальное юридическое значение руки тоже обертываются в полу. Так, при продаже коня продавец передает повод коня рукой, обернутой в полу; покупщик также берет повод рукой, обернутой в полу кафтана, и вещь, таким образом, передается столько же *«из рук в руки»*, сколько *«из полы в полу»*. Тут обрядовое символическое значение имеет не только рука, но и пола. В германском праве пола (Rockschoss, pilum vestimenti) является с тем же значением во многих обрядностях; в Германии, например, истец должен был задерживать ответчика, беря его за полу, и некоторые клятвы давались положа руку на полу — «in vestimento jurare».

Точно так же, как в Германии, у нас символическое значение было перенесено с руки и на покрывающую ее *рукавицу* или *перчатку*. Из западных обрядностей этого рода пользуется известностью бросание перчатки вверх в знак вызова на бой. В Германии бросали перчатку вверх также в знак отказа от права собственности на землю. И у нас бросанию перчатки, только не вверх, а на землю, издавна и до наших дней придается символическое значение. В одном из житий XV в. рассказывается, как при споре двух «вельмож» о праве собственности на землю один из них, Елевтерий, «удари покровницею ручною в землю и даст руку» другому, Ивану.

Кроме руки, полы и перчатки, у нас, как в Германии, употреблялась в качестве символа также *обувь*. У немцев могущественные короли посылали свои башмаки тем, кто покорялся им, признавая свою зависимость. Жених при обручении приносил невесте свои

сапоги, и она надевала их на ногу в знак своего подчинения власти мужа. У нас символ обуви употребляется в том же значении подчинения, но в другой обрядности. Яков Гримм в «Древностях немецкого права»[44] замечает, что германский обычай делает ударение на *обувании* невесты, русский — на *разувании* жениха. По нашей начальной летописи, Рогнеда, не желавшая выходить замуж за Владимира, сказала своему отцу: «*Не хочу разути* робичича» (сына рабыни). «В знак покорности и до сих пор, как тысячу лет тому назад,— говорит по этому поводу П. Ефименко[45],— молодая *разувает* мужа, т. е. снимает с него сапоги, когда он расположится на брачном ложе. Жених иногда в правый сапог кладет немного денег, а в левый не так давно клалась плетка».

Как обувь, так точно и *ключ* употреблялся у нас в обрядности не тожественной, а лишь соответствующей по своему значению обрядности германской. Символы нашего права вообще не тожественны, а лишь очень близки, родственны германским, это показывает, что наши обрядности не были заимствованы из Германии, а развились из одного источника, как в языке русское слово одного арийского корня с немецким и по звуку и по форме обыкновенно значительно отличается от него.

У германцев ключ символизировал домашнее хозяйство жены: невеста на торжественное благословение брачного союза являлась с ключами на поясе, а при разводе жена должна была возвратить ключи мужу, как то принято было и у римлян. У нас ключ тоже символизировал домашнее хозяйство, но не в отношениях жены к мужу, а в отношениях приказчика или ключника к господину. Кто привязывал к поясу ключи, данные господином, без особого уговора с ним, тот становился его холопом. Русская Правда говорит: «А се третье холопство: тивунство без ряду, или привяжет ключ к себе без ряду». В этом «привязывании ключа», делающем человека холопом, ясно видно то важное юридическое значение обрядностей, закрепляющих или расторгающих договоры, какое свойственно было нашему древнему праву наравне с германским.

В этом отношении интересна также другая, рано вышедшая из употребления, обрядность передачи куска дерна в знак передачи права собственности на землю. В Германии об этом символе сохранились указания в выражениях грамот «передать посредством травы или земли» и «*передать с дерном*»[25*]. На ту же обрядность указывает часто встречающееся в русских купчих выражение «*продать óдерень*», представляющее собою как бы перевод латинскях слов «cum cespite tradere» (передать с дерном). Óдерень продавалась у нас не только земля, но и люди, как видно из многих грамот о самопродаже людей в холопство — «продалась óдерень, в полницу». Для объяснения этих выражений историки наши прибегли к излюбленной ими гипотезе заимствования. Мит-

[25*] Tradere per herbam vel terram, tradere cum cespite.

рополит Евгений [46] в 20-х годах, найдя в наших грамотах ясные указания на обряд присяги под дерном, о котором я скажу еще ниже, поспешил предположить, что «сей род народной присяги, вероятно, заимствован от какого-нибудь северного идолопоклоннического народа»; подобно этому, один из лучших историков нашего права Неволин [47] для объяснения слова «óдерень» воспользовался предположением Шафарика [48] о заимствовании этого слова из финского языка. Решительно отрицая символизм нашего права, Неволин признал вслед за Шафариком «совершенно удовлетворительным» производство слова «óдерень» от финского «deren», что якобы значит «прочный», «твердый»; отсюда «продать óдерень» — значит-де продать прочно, совершенно, навсегда. Но тут, как и во многих других случаях, общая тенденция нашей историографии объяснять всю нашу древность во что бы то ни стало «контрастом» Западу или в случаях разительного сходства — заимствованием ввела Шафарика, а за ним Неволина, как и Сергеевича, в курьезную ошибку. В финском языке вовсе нет слова «deren». В исследовании гельсингфорсского профессора Миккола «Об отношениях между западнофинскими и славянскими языками» я нахожу восклицательные знаки его крайнего изумления по поводу открытого Шафариком неизвестного финнам слова; Миккола может только высказать догадку, как Шафарик нашел свое «удивительное» слово, разделив родительный падеж слова «mandere» на две части (man—deren) [49].

Существование у нас обрядности «передачи дерна» в знак продажи земли, помимо каких бы то ни было заимствований от немцев или финнов, становится еще более несомненным, если мы примем во внимание ясные свидетельства грамот о широко распространенном у нас с древности до недавнего времени обряде *присяги под дерном* и обхода межи с дерном на голове. Этнографы наши и в 20-х, и в 70-х годах минувшего столетия наблюдали в Рязанской и в Олонецкой губерниях, как крестьяне, доказывая принадлежность им спорного участка земли, вырезывают дернину, кладут ее на голову и идут по меже спорного участка, говоря: «Пусть рассудит нас мать сыра земля» или «Пусть земля прикроет меня навеки». Ряд ясных указаний на такой обход земли с дерном на голове идет от XIX в. в глубь времен до киевской эпохи. Так, например, в межевой записи 1667 г. читаем: «Пронка Завьялов, положа дерн на голову и взяв образ пречистые богородицы... разошел землю и сенные покосы и всякие угодья»; или в грамоте 1621 г.: «И те крестьяне, взяв образ опречистые богородицы, да земли на плеча... с образом по межам ходили и землю на себе носили».

Упомянутое выше предположение митрополита Евгения о заимствовании этой обрядности на нашем севере от «какого-нибудь северного идолопоклоннического народа», зырян или пермяков, должно быть решительно отвергнуто, так как первое известие о

такой присяге под дерном мы находим уже в южном памятнике XI в. задолго до сближения русских с северными инородцами; в этом памятнике в числе разных славянских суеверий языческой древности упоминается также обряд присяги с дерном: «Дрьнъ въскроущь (выкроенный) на главе покладая, присягу творитъ».

Предположение о заимствовании этого обряда от скандинавов должно быть отвергнуто не менее решительно, между прочим, ввиду существенного несходства нашей присяги с *дерном на голове* и германского обряда *прохождения под дерном.* У скандинавов при клятве побратимов длинная полоса дерна клалась на копье, воткнутое в землю так, чтобы концы дернины свешивались до земли, и побратимы проходили под дерниной, причем кололи себе до крови ногу или руку так, чтобы кровь смешалась с землей. Если бы обрядность присяги с дерном была заимствована русскими от скандинавов, то она не могла бы так существенно измениться.

Как обрядность передачи дерна и присяги с дерном на голове, так и весь символизм нашего древнего права не заимствованы, а только родственно близки германскому, подобно языкам, по общей арийской прародине славян и германцев [26*].

Имея в виду это родство нашего древнего права с германским, читатель уже не удивится, встретив в средневековом нашем порядке не только учреждения одинаковые с германскими, но и одинаковые термины. Мы выясним ниже, например, что наша средневековая община не только была одинакова по существу своего устройства с германской, но и называлась одинаково с нею *миром* (*universitas*), что выборный представитель ее назывался у нас и в Германии одинаково *сотским* (*centenarius*). Мы найдем, например, в отношениях владельческих крестьян к господам тот же отказ (*désaveu*), что и на Западе; найдем, что они платили одинаково с немецкими и французскими крестьянами особые пошлины: *дар* (*donum*) и *подымное* (*fumagium*) — и выходные *свадебные* пошлины (*maritagium*) и что эти свадебные пошлины у нас, как в Германии, уплачивались первоначально мехом и рубашкой или полотенцем (убрусом). Мы найдем, что отношения наших бояр к князю не только, по существу, были одинаковы с отношениями вассалов к сюзеренам, но и обозначались одним термином: *служить* (*servire*), служба (servitium), слуга (vassus); что земля, данная «слуге», у нас называлась *жалованьем*, т. е. словом, тожественным по смыслу с западным «beneficium»; наконец, что свободный договор боярской службы закреплялся у нас обрядом *челобитья*, точно соответствующим вассальному *коленопреклонению и вручению*, из которых состояла известная коммендация, или оммаж.

26* Подробнее — в моей статье «Символизм в древнем русском праве» (ЖМНП. 1905. № 6. С. 339—365) [50].

§ 14. *Крупное землевладение как основа феодализма*

Историки западноевропейского средневековья в последнее время выяснили вполне, что основу феодального порядка составляет крупное землевладение. «Экономический фундамент, на котором возникает феодальная система,— говорит М. М. Ковалевский,— составляет крупная земельная собственность: где ее нет, где большинство народа продолжает владеть землею на правах частных или общинных обладателей ее, там нет необходимых условий для развития феодализма» [51].

Выдвигая эту экономическую основу феодального строя, Лампрехт [52] в крупном землевладении видит существо средневекового строя и ленным отношениям придает очень мало значения. Он подчеркивает, что «социальное значение лена незначительно», что «влияние его не проникает до глубин национальной жизни», что не ленная связь является главным двигателем, или ферментом, социального развития эпохи, существо которого заключается в росте господствующего сословия, а крупное землевладение, которое было источником силы и значения этого господствующего сословия независимо от ленных связей. «Выдающегося положения в ленном государстве,— говорит Лампрехт,— достигали только роды, сами по себе могущественные, одаренные собственною силою жизни». Эта их «собственная сила жизни» состояла в крупном землевладении типа Grundherrschaft (сеньерии, боярщины), возникшей на основе натурального хозяйства. «Все видные знатные роды,— замечает Лампрехт,— ранней эпохи императоров владеют крупной земельной собственностью, для всех них социальный фермент в это время в существе своем более хозяйственный, чем политический».

Новые французские историки не отходят так далеко от старого взгляда на феодализм как на «феодальную систему» в тесном смысле слова, существо которой составляет «феодальный», или ленный, договор. Они также признают существенное значение за крупным землевладением, но не умаляют значения и «феодальной системы». Порядки, тесно связанные с крупным землевладением, Люшер [53] называет *сеньериальным режимом* и изучает их с равным вниманием, как и *режим феодальный*.

Рассматривая обе эти стороны феодального строя главным образом на примере французского классического феодализма, Н. И. Кареев так же, как новые историки германской ленной системы [54], выдвигает, «поместье-государство» как основное учреждение феодального строя, признавая «второстепенной» ту феодальную в тесном смысле слова систему, от которой этот строй получил свое название. «Феодализм,— говорит он,— есть особая форма политического и экономического строя, основанного на земле, на землевладении, на земледелии, и это — главное, от чего в той или другой мере зависит и все остальное, начиная с заме-

ны отношений подданства отношениями вассальности с ее иерархической градацией» 27*.

Соответственно этим воззрениям прежде «феодального режима» в России я изучаю «режим сеньериальный», или «доманиальный», изучаю устройство боярской вотчины, или боярщины, как основной ячейки феодального строя. Где нет крупного землевладения, там не может быть и феодализма, существеннейшие черты которого состоят, с одной стороны, в раздроблении страны на множество самостоятельных владений, княжеств и привилегированных боярщин-сеньерий и, с другой стороны, в объединении этих владений договорными, вассальными связями, заменяющими позднейшие государственные начала подданства.

II. ВОЛОСТНАЯ ОБЩИНА

§ 15. Вопрос о древности русской общины

Изучение крупного землевладения в удельной Руси мы должны начать издалека, с изучения общины, которая исторически предшествует боярщине-сеньерии. Крупное землевладение развилось на Западе, как то твердо установлено немецкими историками, особенно Лампрехтом, и русскими историками Англии, путем постепенного разрушения и подчинения господам древних марковых общин. Главная тема Лампрехта, его известной «Немецкой хозяйственной жизни в средние века»,— постепенное поглощение древней марки сеньерией, или «боярщиной» (Grundherrschaft — земельное господство).

По этому основному вопросу средневекового развития мы находим у новых русских историков резкое противоречие с историками Запада [55]. Крупное землевладение, полагают некоторые наши историки, не могло у нас, подобно Западу, развиться на основе постепенного разрушения и подчинения господам древних общин, потому что у нас, утверждают они, в средние века, в удельный период и раньше общины не существовало. Община возникла у нас, доказывает Милюков, очень поздно под правительственным влиянием. Община у нас, утверждает Сергеевич, в Новгородской земле создана была впервые Иваном III в конце XV в. Так разноречат в этом вопросе русские историки с германскими, вскрывая здесь еще одну резкую антитезу между развитием русским и западным. На Западе община-марка — явление исконное; она питает собою сеньерию (Grundherrschaft) — основной элемент феодального строя; у нас же община возникает впервые при переходе от средневекового строя к новому государствен-

27* *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898. Т. 1. С. 408; *Lamprecht K.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig. 1886. Bd. I. S. 1161—1162; ср.: S. 878—883; *Кареев Н. И.* Поместье-государство... С. 5, 54.

ному порядку московской эпохи. Таким образом, в России, где община существует до наших дней, новые историки не признают ее древности и ее исторического значения [56]. В Германии же, где община рано исчезла, историки, понявшие германскую марковую общину только после того, как они познакомились с русскими общинными порядками (Гакстгаузен [57] и Маурер [58]), видят в марковой общине основу средневекового развития.

Это столь резкое разногласие русских историков с германскими мы можем, однако, легко примирить, как только мы от буквы спора об общине обратимся к его существу. Русские и западные историки разошлись в этом вопросе только потому, что они под словом «община» разумеют разные вещи, сосредоточив свое внимание на различных сторонах общинного строя.

В общине — современной нам русской общине и всякой другой, потому что все общинные теории исходят из наблюдений над современною русскою общиною,— в общине легко различаются два элемента:

1) мир, мирское самоуправление;

2) общинное землевладение, или землепользование с переделами земли.

Русские историки сосредоточили все свое внимание на втором элементе общины, на общинном землевладении с переделами. Прежние историки, в особенности Беляев [59], отстаивая древность, исконность русской общины и придавая особенную важность вместе с мирским самоуправлением также общинному землевладению, старались доказать, что и это землевладение с переделами земли ведет свое начало из глубокой древности. В этом пункте они потерпели полную неудачу. Последующие исследователи, и в их числе Милюков, доказали, что Беляев ошибался, настаивая на исконности переделов, что переделы появляются впервые в XV—XVI вв. под внешним, помещичьим и правительственным, или тягловым, влиянием. И в этой полемике весь обширный вопрос об общине свелся единственно к вопросу о времени появления переделов земли. Переделы — явление позднее; следовательно, заключают отсюда, и община есть явление позднее, упуская из виду или оставляя открытым вопрос о первом и исторически основном элементе общины — мирском самоуправлении. При общинном землепользовании, гласит у нас закон, «земли по приговору *мира* переделяются и распределяются между крестьянами». Этот *мир* существовал у нас задолго до того, как возникло общинное землепользование, и к новой функции переделов он был подготовлен другими функциями в области самоуправления и связанного с ним общинного владения угодьями.

Германские историки, изучая общину, также обратили главное внимание на общинное землевладение или землепользование и также усердно искали в древности переделов. Маурер, подобно Беляеву, тоже находил в немецком средневековье следы древних

переделов. Лампрехт исправил эту его ошибку, отодвинув существование переделов в глубокую древность, ко временам Юлия Цезаря, но от отсутствия переделов в средние века отнюдь не сделал заключения к небытию общины в это время. Он не мог сделать такого вывода, потому что немецкие источники средних веков дают слишком яркую картину широкого господства общинных порядков, а именно общинного самоуправления, связанного с общинным владением угодьями (маркою в собственном смысле), потому что немецкая Markgenossenschaft* живет в средние века жизнью, полною сил, не только там, где она сохранила свою самостоятельность, но и там, где она была подчинена крупному землевладельцу, на его господской земле.

Эта сторона общины достаточно ярко рисуется и нашими источниками, но только более поздними, XV—XVI вв. На этих-то источниках и основывались главным образом те наши историки, которые доказывают древность и важное значение в древности нашей общины [60], как Беляев, или из наших современников М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Семевский [61] и А. С. Лаппо-Данилевский [62].

От более же древнего времени источники у нас сохранились в отрывках, и недостаток разработки и анализа этих древнейших источников дал возможность некоторым новым историкам доказывать позднее происхождение общины, относя его как раз к тому времени, XV в., когда источники становятся столь убедительными даже на первый взгляд, что не позволяют уже не видеть важного значения и силы общинных порядков.

В. И. Сергеевич, утверждая в тексте своей книги «Древности русского права» очень решительно, что «Иван Васильевич создал в Новгороде крестьянскую общину», в примечании делает несколько существенных оговорок по отношению к древнейшей истории общины, им совершенно не изученной. «В области управления крестьяне,— говорит он,— может быть (не может быть, а несомненно), имели какие-нибудь общие дела. Они могли участвовать на суде, избирать каких-либо целовальников, раскладывать повинности и т. п.» И тут же почтенный автор отмечает еще одно «общее дело волости», общины, касающееся уже не управления, а землевладения,— «наем пустых деревень». Если бы В. И. Сергеевич внимательнее изучил указания древнейших наших источников на порядки мирского самоуправления и землевладения в связи с общей историей общины в России и на Западе, то он понял бы, что Иван III не «создал общины», а, изгнав новгородских бояришек, только освободил древние общинные порядки, сохранявшиеся в боярских имениях, от придавливавшей их господской власти. Община жила в новгородских боярщинах: в одних — полная сил, в других — сдавленная, как тисками, вла-

* Марковая община (нем.).

стью ключника, как жила она и в Германии, и в Англии на господских землях, как жила она и у нас позднее в дворянских поместьях. Иван III не создал общины, как не создало ее в XIX столетии при освобождении крестьян Положение 1861 г. Под верхним слоем господской власти в новгородских боярщинах XV в., как в дворянских имениях XIX в., лежал древний основной пласт крестьянского мира. Этот пласт обнажился, как только в Новгороде при конфискации земель у новгородских бояр и боярищек с общины снят был прикрывавший ее, а иногда совершенно придавливавший ее верхний слой господской власти [28]*.

§ 16. Германская марковая община

С германскою маркою, марковой общиной (Markgenossenschaft), тесно связано имя историка Маурера. Он посвятил изучению ее много томов под разными заглавиями, из которых более известен у нас только первый том «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства», появившийся в 1853 г. и в 1880 г. переведенный на русский язык. Историки наши относятся скептически к исследованиям Маурера, указывая на недостоверность его общинной теории. Действительно, его теория происхождения средневековой общины от первобытной поземельной общины не может быть признана вполне достоверной. По мнению Маурера, в древнейшие времена вся земля со всеми пахотными полями, лугами, пастбищами и лесом принадлежала нераздельно членам общины, и общинные порядки средних веков представляют собою остаток первобытной марковой общины. Эта теория *происхождения* общины, действительно, представляется в значительной мере гипотетичной. Но эту теорию *происхождения* общины нетрудно отделить от *факта* ее существования в средние века. Если поземельная община с переделами земли времен Юлия Цезаря является гипотезой, то марковая община средних веков представляет собою непреложный исторический факт, засвидетельствованный грамотами, сохранившимися в изобилии.

Работа Маурера была продолжена Лампрехтом; крупная часть его труда «Немецкая хозяйственная жизнь в средние века» посвящена именно марковой общине. Согласно с Маурером, Лампрехт настаивает на том, что «пашенная земля принадлежала первоначально к марке, как и всякая другая, и состояла в общем пользовании», но он более отчетливо отделяет эту древнейшую марку от средневековой, признавая, что общее владение пашнями, господствовавшее в первобытное время, исчезло очень рано и что

[28]* В этом параграфе и следующих, до § 20, я кратко излагаю выводы моего специального исследования об «Общине и боярщине», которое будет напечатано в скором времени [63]. Поэтому здесь я не привожу цитат из памятников и не делаю ссылок на сочинения и источники.

в каролингское время его уже не существовало. Теория происхождения марки здесь менее связана с его историческим описанием. Между тем как Маурер в общинных переделах, существовавших в Германии в позднее средневековье и частью в новое время, видит остаток первобытных порядков, господствовавших при Юлии Цезаре, Лампрехт, полагая, что первобытные порядки исчезли к началу средних веков, видит в этих переделах новое образование позднейшей эпохи.

Что же такое представляет собою германская марковая община средних веков по исследованиям Маурера и Лампрехта, которые в отношении этой эпохи опираются на многочисленные и ясные свидетельства исторических памятников? Что такое эта марковая община, которая, по исследованию П. Г. Виноградова[64], существовала также в Англии, а по исследованию М. М. Ковалевского представляет собою учреждение, общее различным странам Западной Европы?[65]

Основная черта средневековой и немецкой и вообще европейской общины — широко развитое самоуправление. Власть в общине принадлежит выборному старосте, который назывался в Германии сотским, цендером или шульцем, и общему собранию правомочных членов общины. Это собрание было такою же мирскою сходкою, какие существуют и в наше время в русской общине. Марковые собрания так же, как мирские сходки, созывались старостою в некоторых местах регулярно, в некоторых по мере надобности; решения должны были быть единогласными, и староста всецело был подчинен собранию. Совокупность членов общины называлась в Германии, так же как у нас, миром (universitas).

Общине принадлежало, так же как у нас, право самостоятельной раскладки податей, которые налагались общей суммой на всех общинников. Староста и мир разверстывали подати по дворам, или гуфам, соответственно владениям каждого самостоятельного дворохозяина.

Марковая община имела также большие судебные права. Низший суд, так же как низшее управление, подлежал всецело ее ведению; что же касается высшего суда, то община имела право участия в суде представителей государственной власти: графы судили совместно с выборными шеффенами, судебными заседателями или присяжными.

Эта самоуправляющаяся община с правами мирской раскладки податей и мирского суда была также обыкновенно и общиною церковной. На общие средства марки строились и содержались церкви, и с церковною мирскою кассою соединялись дела благотворения, призрения бедных и престарелых.

Члены марковой общины владели землею на праве частной собственности, но с частным землевладением соединялось землевладение общинное. В каждой марке были более или менее зна-

чительные общинные угодья, так называемая *альменда*, или *марка* в тесном смысле слова: леса, выгоны, воды, состоявшие в общем владении и нераздельном пользовании.

Поземельные права общины не ограничивались одною альмендою. Общине принадлежало высшее владение на все земли ее территории, как незанятые, так и освоенные частными собственниками. Это высшее поземельное право владения общины (как dominium eminens *), мне кажется, может быть приравнено к территориальной власти государства. Оно проявлялось в том, что все покинутые, запустевшие участки переходили во владение общины и община распоряжалась ими на тех же основаниях, как и угодьями альменды. По тому же началу высшей поземельной власти общины в основе общинного единения, в основе общинных обязанностей и прав отдельных лиц лежало владение участком земли, принадлежавшим к общинной территории. По тому же началу к отбыванию тягла наряду с крестьянами привлекались также и лица привилегированных сословий, дворянства и духовенства, раз они приобретали участки общинной земли.

Таковы основные черты средневековой марковой общины в общей краткой схеме. С некоторыми вариантами в более или менее развитом виде эти основные черты наблюдаются в различных общинных союзах Германии, как и других стран Западной Европы. В древнейшее время преобладали большие марковые общины из многих поселков, в которых выборные власти и мир пользовались большой самостоятельностью. В течение средних веков по мере роста населения эти большие марки распадаются на общины-десятни (Zenderei) с меньшими территориальными округами. В позднейшее время то же общинное устройство наблюдается в отдельных обширных селениях (деревенские общины). Общинное устройство наблюдается повсюду также на владельческих землях с большим или меньшим подчинением мирских властей господину. В некоторых общинах общинные угодья были незначительны, в других — велики и разнообразны, и к альменде в собственном смысле присоединялись различные возделанные участки, которые община сдавала в аренду или сохраняла в своем мирском хозяйственном заведовании.

§ 17. Волостная община

С германскою общиною средних веков одинакова русская община соответствующей эпохи, т. е. нашего удельного времени, продолжавшегося до Ивана Грозного. Мы имеем в них учреждения, даже не сходные, но тожественные по юридической структуре.

Древнейшей германской марке, обширному марковому союзу

* Высшая власть (лат.).

древнейшей эпохи соответствует наша *волость* средних веков, волостная община с обширной территорией. Наши волости с течением времени так же дробятся, как германские марки, на *волостки* — общины меньших размеров. Общинное устройство, так же как в Германии, наблюдается у нас в появляющихся позднее больших селениях; оно же в весьма развитой форме господствует и на владельческих землях. Все эти общины у нас слагаются по одному и тому же типу. Существо их древнего устройства рисуют нам в ясных чертах акты последних двух столетий (XV и XVI) нашего средневековья.

Во главе волости-общины этого времени мы видим выборного ее представителя, который назывался *старостою* или *сотником* и *сотским*; второе название точно совпадает с названием представителя западной общины: *центурион* (centurio, centenarius). Эти одинаковые термины идут из общего источника, из общих славянам и германцам учреждений глубокой древности, из первоначального военного деления племен на десятки, сотни и тысячи. Кроме названия «сотский», у нас были и другие соответствующие термины: «тысяцкий» (millenarius) и «десятский» (decanus).

Волостной староста, или сотник, действует у нас, так же как в Германии, по уполномочию волостного мира, с «мирского совету». Решения принимаются «старостой и всеми крестьянами». Мирской сход, с началом единогласного решения «всех крестьян» существующий до нашего времени в сельских обществах, ведет свое начало из глубокой древности, от мирского схода средневековой волостной общины.

Сотский и мир в волостной общине, так же как в германской марке, заведовали раскладкой податей, так называвшимся *разметом*. Крестьяне «данью и всеми пошлинами тянули к волости» или «к старосте волостному». Сотские же или старосты заведовали и сбором всех податей. Правительственные чиновники, тиуны и доводчики, совершенно устранялись от этого дела.

Так же как марке, волостной общине принадлежали судебные права. Как в Германии графы судили вместе с шеффенами, так у нас наместники должны были судить не иначе как со старостою и с *добрыми людьми*, а позднее, по Судебнику 1551 г., с *целовальниками*. Это древнее правило об участии мира в суде княжеских властей подтверждается судебниками и многими уставными грамотами. Суд наместника был судом по делам уголовным и по важнейшим гражданским делам. Низший же суд, по всей видимости, был всецело судом мирским, как и в современной нам сельской общине.

Наша волостная община наравне с маркою была также и общиною церковною. В волостях находим мирские церкви, а в некоторых волостях — даже мирские монастыри, строившиеся с благотворительными целями призрения престарелых. Церковь строилась обыкновенно на «погосте», центральном пункте волост-

ной территории. В церкви хранились иногда мирские деньги, а церковная трапеза иногда служила местом мирских собраний.

Общинного землевладения в тесном смысле слова, с периодическими переделами, в нашей средневековой волости не было, как и в однородной с нею марке. Волощане владели землею как собственностью, с правом распоряжения; об этом свидетельствует множество купчих, закладных и раздельных грамот между наследниками на различные участки волостных земель. Но с этим частным землевладением в волости, так же как в марке, соединялось землевладение общинное. Значительная часть угодий состояла в общинном владении и пользовании наравне с германской альмендой. В общинном владении состояли также и всякие покинутые собственниками участки, так называемые *пустоши*. Волостная община свободно распоряжалась такими угодьями и пустошами. «Мне,— говорят в грамотах крестьяне,— тот лес дала волость староста со крестьяны».

Поземельные права волости простирались не только на угодья и пустоши, но и на всю волостную территорию и могут быть сведены к тому же праву высшего владения (dominium eminens), или территориальной власти, как и поземельное право германской марки. Владение участком волостной земли обусловливало обязанности и права волощанина. У нас, так же как в Германии, бояре и монастыри, приобретая волостные деревни и дворы, должны были «тянуть данью и судом к волости» и только особыми жалованными грамотами великих князей освобождались от власти волостного старосты и мира. У нас далее, как и в Германии, правомочными членами волостной общины были только владельцы земли, самостоятельные дворохозяева. Люди, жившие в чужом дворе, так называемые захребетники (жившие за хребтом хозяина), освобождались от тягла; в Германии такие люди, неправомочные члены общины, назывались сходно с захребетниками — «сидящие за другим» (Hintersassen).

Общинные союзы, волости и марки, широко развитое самоуправление этих органически сложившихся территориальных союзов были главною основою древнейшего государственного строя. Государственная власть, власть князя с его наместниками или графами, была как бы надстройкою над самоуправляющимися общинами. Большая часть функций управления в течение средних веков осуществлялась через посредство выборных мирских представителей. Правительственные округа образуются путем механического соединения нескольких общинных округов, не изменяя их границ и не нарушая особности каждого мирского союза. Власть князя усиливается в течение средних веков, но в отношениях наместника к волости сохраняются более или менее древние черты государственной власти, наложенной сверху на органически сложившуюся самоуправляющуюся общину. Наместник с его тиунами, как на Западе граф, сохраняет черты чужого наезжего судьи

по уголовным делам и сборщика дани, напоминая князя начальной эпохи, который для сбора дани отправлялся с дружиной в полюдье, как бы военным походом в чужую землю, едва-едва признающую его власть.

В течение средних веков древние общинные союзы, волости и марки, слабеют и разрушаются, подавляемые быстро усиливающимся крупным землевладением. Рост крупного землевладения, подавляющего общину, составляет главную движущую силу развития средних веков; он лежит в основе развития феодализма на Западе и нашего удельно-феодального порядка XIII—XVI столетий. На Западе и у нас одинаково в течение средневековья древние общинные союзы борются с крупным землевладением, община борется с боярщиной, и боярщина к концу средних веков при содействии княжеской власти вполне торжествует над общиной.

III. БОЯРЩИНА

§ 18. Боярщина-сеньерия

Крупное землевладение на Западе в средние века было тесно связано с правами государственного порядка. В самом понятии земельной собственности того времени, по определению Гирке [66], тесно сливались элементы частного и публичного права: «германская собственность была одновременно земельным господством (Grundherrschaft) и земельным имуществом (Grundvermögen) и таила в одном зерне зародыши как территориального верховенства, так и собственности нашего времени». Крупный землевладелец в средние века был не только землевладельцем, не только собственником, но и судьей и управителем, часто почти государем в пределах своих, нередко очень обширных, владений. Крестьяне, снимавшие участки его земли по тому или иному срочному или бессрочному договору, должны были подчиняться его суду и расправе, хотя бы и не были его рабами или крепостными людьми. Эти права господ в связи с крепостным правом сохранялись в несколько ограниченном виде и после средних веков до освобождения крестьян. В средние же века господские права суда и расправы в своем полном расцвете при слабости государственной власти давали сильнейшим владельцам крупных имений независимость от чиновников короля или князя и составляли одно из главных оснований феодального строя.

То же соединение элементов частного и публичного права присуще было и русской боярщине удельного времени. Наши крупные боярские и монастырские имения пользовались такою же независимостью «государства в государстве», таким же иммунитетом, как и западные сеньерии; княжеские волостели и тиуны не имели права «въезжать» в частные, боярские и монастырские,

имения для суда и сбора налогов, и бояре и игумены сами «ведали и судили своих людей», т. е. всех живущих на их земле[29*].

Привилегированное крупное имение с этими правами государственного порядка обозначается во Франции термином *сеньерия*, в Англии — *манор*, в Германии — Grundherrschaft, земельное господство; у нас в удельное время находим точно соответствующий этим словам термин *боярщина*, обозначающий именно боярское господство, соединенное с частным правом собственности на землю.

Эта боярщина-сеньерия средних веков представляет собою учреждение, параллельное общине: боярщина была единоличным управлением, как община была самоуправляющимся союзом. Самоуправление связано было в общине с известными правами на землю территориального свойства; тот же территориальный характер имели и права боярина на землю, потому что большая часть его земли состояла в наследственном владении крестьян и потому что судебные права его на лиц проистекали из поселения их на его земле.

Так же как в указанном политическом значении господства, властвования, наша боярщина одинакова с западной сеньерией и по главным основаниям хозяйственного своего устройства. Средневековое крупное имение у нас, как и на Западе, делится на две неравные части; одна, большая часть, обрабатывается крестьянами как самостоятельными хозяевами за известную плату в пользу землевладельца; другая состоит в непосредственном хозяйственном заведовании господина и составляет обыкновенно незначительную часть всего имения. Тесно связывая средневековое крупное землевладение с феодальной системой, новые исследователи вводят эту основу хозяйственного строя сеньерии, это «соединение крупного землевладения с мелким хозяйством» крестьян в определение главных признаков феодализма. У нас в средние века наблюдается та же незначительность барской запашки, та же незначительность собственного хозяйства господина, которая является основною чертою крупного землевладения феодальной эпохи.

Центральным пунктом имения, средоточием всего вотчинного управления была господская усадьба. Эта усадьба и у нас, и на Западе называлась *двором* (Hof, curtis) одинаково с крестьянской усадьбой, с крестьянским двором (curtis villicana). Наш термин *двор боярский* представляет собою точный перевод латинского термина «curtis dominicalis» и немецкого «Fronhof». Принадлежавшая к боярскому двору, состоявшая в непосредственном хозяйственном ведении господина земля называлась на Западе *землей салической* (terra salica, Salland)[30*], у нас — *землей бо-*

[29*] Подробнее см. ниже, гл. III. См. также выше, § 10.
[30*] Первоначальный смысл слова Sala — наследственное, отцовское, дедовское владение, т. е. отчина, дедина.

ярской. Часть этой боярской земли обрабатывалась людьми господина, плугом господского двора, другая часть — барщинным трудом крестьян. Источником образования этой земли была или роспашь новин, или же припуск к боярскому двору пустошей, т. е. запустевших крестьянских участков. Известия русские и германские совпадают в этом пункте, как и во многих других: германские грамоты говорят о переходе запустевших крестьянских гуф в салическую землю (in terram salicam); русские писцовые книги — о «припуске» к боярскому двору запустевших крестьянских дворов [31*].

Управление и хозяйство господского имения обыкновенно были в руках уполномоченного господином приказчика. По-немецки его называли *мейером,* по-латински — villicus; наш термин *посельский* дает как бы буквальный перевод латинского «villicus», от слова «villa» (имение, село). Посельский заведовал собственным хозяйством господина на боярской земле, в отношении же участков, занятых крестьянами как самостоятельными хозяевами, он был только сборщиком оброков и податей, а также судьей и управителем. Вознаграждением ему служило пользование пожалованным ему участком земли и в особенности особые пошлины, которые он собирал с крестьян в свою пользу.

§ 19. Господские крестьяне

Юридические отношения владельческих крестьян к господам на Западе и у нас в средние века были столь же сходны, как и все остальные вотчинные порядки.

На первый взгляд с точки зрения ходячих воззрений между владельческими крестьянами феодальных стран и удельной Руси нет ничего общего. В феодальной Франции, говорят, господствовал полурабский серваж; в Германии владельческие крестьяне были поземельно-зависимыми грундгольдами. У нас же, говорят, крестьяне в удельное время были свободными; они были прикреплены к земле только в начале XVII в. В этом В. О. Ключевский видит одно из коренных отличий между русским и западным средневековым строем; на Западе, говорит он, вся «военно-землевладельческая иерархия держалась на неподвижной почве сельского населения вилланов, крепких земле или наследственно на ней обсидевшихся»; у нас же была иная «социальная почва, подвижное сельское население». В своей статье о феодальных отношениях я сделал ту же ошибку, указав, что крепостное право на Западе «давало прочную опору феодальному землевладению» и что отсутствие крепостного права у нас в удельное время «обессиливало бояр в качестве сельских хозяев». Я писал так в 1900 г.,

[31*] Новгородские писцовые книги говорят о припуске запустевших дворов и «деревень»; деревней в это время, в XV в., называлось крестьянское хозяйство («деревня» и «село земли») одного или нескольких дворохозяев.

еще не изучив внимательно этого вопроса, а теперь должен взять назад это противоположение [67]. В отношениях крестьян к господам у нас и на Западе не было коренной разницы: вилланы не были «крепки земле», так как они сохраняли право отказа (droit de désaveu), то же право, какое имели и наши господские крестьяне до их закрепощения в исходе средневековья.

Наших господских крестьян удельного времени называют свободными, резко противополагая их позднейшим, крепостным, основываясь на том, что они пользовались правом перехода. Но если принять во внимание те формальности, те тяжелые для крестьян условия, которыми было обставлено это право перехода, то свобода их окажется очень ограниченной. Право перехода было, в сущности, особым правом отказа, или отрока, т. е. отречения от господина. Уйти с господской земли крестьянин мог не иначе как только тогда, когда он открыто, формально «отрекся» или «отказался» от господина. При этом он должен был рассчитаться с господином, уплатить недоимки, а также особые выходные пошлины: пожилое, повоз, поворотное. При неисполнении этих условий господин не давал своего согласия на выход крестьянина, не «отказывал» его со своей стороны; крестьянин, ушедший «без отказа и беспошлинно», считался беглым, и в случае поимки его силою возвращали к господину. Нетрудно представить себе, как сильно стесняли свободу крестьян эти условия отказа, особенно если принять во внимание распространенную в то время, как и позднее, задолженность крестьян господам.

Таким же точно правом отказа пользовались владельческие крестьяне и на Западе во время расцвета феодализма, во второй половине средних веков, и это право обеспечивало им, так же как у нас, только условную свободу. Приниженное бесправное положение владельческих крестьян в виде рабского крепостничества сервов, прикрепленных к земле, господствовало во Франции только в начале средних веков. Серваж смягчается уже в XII в., в эпоху расцвета феодализма; сервы приобретают право перехода сначала под условием отречения от своего имущества (серв оставлял сеньерию голым) [68], затем под условием уплаты высоких выходных пошлин. В эту же эпоху, когда рабские черты серважа исчезают, мало-помалу приобретает широкое распространение другая, более легкая форма крестьянской зависимости. Сервов вытесняют вилланы, не только пользующиеся свободой перехода, но и менее отягченные оброками и повинностями. В Германии поземельная зависимость крестьян всегда была мягче французского серважа с его первоначальными рабскими чертами; с XIII же века здесь, как и во Франции, распространяется право перехода. И в Англии вилланы, как говорит Д. М. Петрушевский [69], никоим образом не были glebae adscripti * и пользовались свободой перехода. И в ис-

* Крепки земле (лат.).

панской марке или в Каталонии, как доказывает М. М. Ковалевский, «крепость к земле не составляла первоначального удела крестьянства, и члены его имели свободу передвижения» [70].

Это право перехода на Западе выражалось в той же форме отказа, как и у нас. «*Отказ*» крестьянина во Франции назывался «*désaveu*», от «*désavouer*» — отречься, отказаться. В этом случае, как и во многих других, наши средневековые порядки совпадают с западноевропейскими не только по существу, но и в самой терминологии. Чтобы уйти законно и не стать в положение беглого, серв должен был открыто отказаться от господина (se désavouer), формально заявив ему о своем уходе. В Германии требовалось во многих местах, чтобы этот уход возвещен был заранее: в одних местах за три недели, в других за шесть недель перед церковным алтарем. В связи с отказом в Германии взыскивалась особая выходная пошлина — *курмед*, эта пошлина совершенно соответствует тем выходным пошлинам при отказе крестьян — *пожилому* и *повозу*, о которых говорят наши судебники.

Так же как переход-отказ крестьянина дворохозяина, особыми условиями затруднен был и переход крестьянина или крестьянки, подчиненных членов крестьянской семьи, связанный с их женитьбой. Условия ухода из имения новобрачных были одинаковы на Западе и у нас, так же как условия отказа; они заключались в уплате особой пошлины; во Франции эта пошлина называлась *формарьяж* (formariage, forismaritagium, буквально: внебрачное), в Германии — *бумед* (Bumede). Такая же брачная пошлина, но в меньшем размере уплачивалась и в тех случаях, когда брак не связан был с уходом из имения, когда жених и невеста оба жили в одном господском имении. Эта пошлина называлась *марьяжем* (mariage, maritagium).

Такие же точно пошлины, называвшиеся *свадебными*, существовали и у нас. За выход из имения с новожена взимали *выводную куницу*; когда оба новобрачных жили в одном имении, с них брали *новоженый убрус*. Первоначально эти пошлины взимались вещами, куницей и убрусом (полотенце); в Германии также бумед первоначально состоял из вещей — рубашки и козьего меха. Впоследствии же у нас, как и на Западе, эти вещи заменены были деньгами: «за новоженый убрус» платили 4 деньги и «за выводную куницу два алтына». В удельное время размер этих пошлин был невысок, хотя за выход взимали иногда не два алтына, а целую гривну. В позднейшее же время, в эпоху расцвета крепостного права, господа значительно увеличили эти пошлины; в XVIII в. выводные или «куничные» деньги взимались в размере выкупа или калыма, по 30 и 100 рублей с уходящей из имения крестьянки.

Когда мы говорим об основных чертах положения владельческих крестьян на Западе, не один читатель может вспомнить об одном из типичнейших признаков серважа, о так называемой

мертвой руке (manus mortua, main morte), о «мертвой руке» серва в порядке наследования, о жестоком рабском правиле перехода всего имущества серва после его смерти не к его детям, а к господину. Но об этом правиле надо сказать то же, что мы говорили вообще о серваже: оно является типичным признаком серважа только в первую половину средних веков; в XII в., когда рабские черты серважа сильно смягчаются, право господина конфисковать имущество серва после его смерти перерождается в право взыскивать высокие наследственные пошлины при переходе имущества серва к его наследникам. В Германии, где отношения господ к крестьянам были более мягкими, чем во Франции, вместо права мертвой руки мы находим только право господина взять из наследства крестьянина лучшую голову скота (Bestehaupt); это право впоследствии переходит в наследственную пошлину, которая называлась, одинаково с выходною пошлиною,— курмед.

Из этого следует, что в положении владельческих крестьян эпохи расцвета феодализма характерной чертой является не «мертвая рука», не право господина на наследство крестьянина, а только более или менее высокие наследственные пошлины. Таких наследственных пошлин у нас я не нашел. Но, принимая во внимание, что у нас были такие же, как на Западе, пошлины выходные при отказе и свадебные, я в этом факте никак не могу видеть признак существенного отличия в положении наших владельческих крестьян от западноевропейских. Отсутствие наследственных пошлин свидетельствует только о большей мягкости в зависимости владельческих крестьян. Если французское право на все наследство серва («мертвая рука») смягчилось в Германии до права на лучшую голову скота, то у нас оно могло и вовсе исчезнуть. Судя по Русской Правде, к тому же у нас в древнейшее, киевское время право мертвой руки тоже существовало, как во Франции. Древнейшая Русская Правда говорит, что после смерти господского смерда имущество его переходит к господину: «Аже смерд умрет, то задниця князю». Это — правило мертвой руки (main morte). В Германии и во Франции оно с течением времени перешло в наследственную пошлину, у нас исчезло без следа.

Основные черты положения владельческих крестьян на Западе и у нас в средние века состоят в том, что они пользовались правом перехода под условием формального отказа, что они наследственно владели участками господской земли, пользовались ею как самостоятельные хозяева под условием уплаты разнообразных, большею частью очень тяжелых оброков и пошлин, а частью и барщинных работ, наконец, в том, что они, доколе жили на господской земле, должны были подчиняться суду и упраprogo господина. Эта власть господина, однако, у нас, так же как в Германии и в Англии, ограничивалась крестьянским миром, крестьянской общиной на господской земле. Господский приказчик (мейер и посельский) не был полновластным управителем; его власть была

ограничена выборным старостой и мирскою сходкою общины. У нас, как и на Западе, общинные порядки долгое время живут под покровом власти господина, у нас, как и в Англии, говоря словами П. Г. Виноградова, «манориальный элемент оказывается наложенным сверху на общинный» [71].

Марковые общины в господских имениях, как подробно выясняют немецкие историки, пользовались весьма различными правами. Во многих имениях господское влияние на марковое самоуправление было едва заметно; в других власть господского приказчика заметно стесняла власть мирского старосты и мира; в третьих, наконец, господская власть совершенно подавляла или вовсе уничтожала общину. Такие же разнообразные комбинации взаимоотношений между господином и миром наблюдаются и в нашей древности. В большей части имений, а в крупных имениях едва ли не повсюду мы находим, что община обладает значительной самостоятельностью, существенно ограничивая власть господского приказчика. «Община в боярщине» сохраняет у нас самостоятельное значение даже при крепостном праве в XVII—XIX столетиях; приказчики в это время должны были судить крестьян не иначе как по старине, со старостою и с выборными целовальниками. В удельное время власть господских приказчиков, посельских и ключников также ограничивалась властью мирских властей — выборных сотников и старост. В дворцовых селах, которые управлялись на одинаковых основаниях с другими частновладельческими имениями, уставные грамоты предписывают посельскому судить не иначе как с мирскими властями: «А без старосты ему и без лучших людей суда не судити».

§ 20. Торжество боярщины над общиной

Итак, наша средневековая боярщина в основных чертах территориальной власти, крестьянской зависимости с правом отказа, господского управления, ограниченного управлением общинным, и хозяйственного устройства, характеризуемого незначительностью собственного барского хозяйства,— во всех этих чертах наша боярщина представляет собою учреждение одной природы с феодальной сеньерией точно так же, как наша средневековая волостная община представляет собою, как выяснено выше, учреждение, одинаковое по существу своему с германской марковой общиной.

Эти два учреждения, община и боярщина, основные учреждения средневекового строя, у нас, так же как на Западе, рано вступают между собою в борьбу, а в результате исторического процесса средних веков крупное землевладение типа боярщины в удельной Руси, так же как в феодальных странах Запада, всюду одерживает верх над крестьянскими свободными общинами-союзами. Крупное землевладение растет вследствие естественного процесса накопления капитала и приложения его к земле разными

путями. Крупные землевладельцы захватывают пустующие невозделанные земли, обрабатывают их частью силами своих холопов, частью силами крестьян, которых привлекают на свои земли денежными ссудами и льготами в уплате налогов. Вместе с тем они скупают участки возделанных земель от членов свободных волостных общин, а иногда и захватывают такие участки силою. С другой стороны, росту крупного землевладения оказывает могущественное содействие княжеская власть. Князья с течением времени упрочивают свою высшую власть над территориями общин, которая первоначально была вполне номинальной, и распоряжаются общинными землями, отдавая их во владение своим слугам, боярам и монастырям. Они раздают общинные земли целыми волостями и отдельными селами «в жалованье» (поместье, бенефиций) боярам и на вклад монастырям — «своего ради спасения и на поминок душ своих родителей». На волостные земли, приобретенные боярами или монастырями от волощан, князья выдают жалованные грамоты, выделяя эти участки из общинной организации, обеляя их от волостного тягла. Некоторые общины и отдельные крестьяне добровольно отдавались во владение боярам с целью снискать их защиту и покровительство во время частых смут, междоусобий и разбойных «наездов» удельной эпохи. На Западе такая отдача себя под защиту называлась коммендацией, у нас — закладничеством, от слова «закладываться», в смысле «укрываться», «задаваться».

В результате этого процесса освоения крупными землевладельцами общинных земель во Франции самостоятельные общины-коммуны исчезли почти совершенно; остатки древнего общинного строя сохранялись только на владельческих землях, и в большей части Франции утвердилось даже правило, требовавшее, чтобы у каждой земли был господин — «нет земли без господина» (nulle terre sans seigneur). В Германии крупное землевладение также получило преобладание во вторую половину средних веков, но самостоятельные марки все же уцелели во многих местах, а в Швейцарии они сохранили даже самостоятельность государственную.

У нас во вторую половину удельного периода в средней России боярщина столь же решительно торжествует над общиной, как и на Западе. В междуречье между Волгой и Окой, где было средоточие исторической жизни Руси в средние века, где господствовали удельные порядки с раздроблением всей области на крупные и мелкие княжества-сеньерии, мы находим в XVI в. полное господство крупного землевладения. Бояре, монастыри и князья к этому времени постепенно «разоймали», так же как на Западе, все земли волостных общин. По писцовым книгам здесь уже остаются только небольшие клочки «черных земель», принадлежащих самостоятельным волостным общинам. Мы находим здесь только земли боярские, монастырские и княжеские, дворцовые, в которых князья вели собственное хозяйство как частные собственники. Са-

мый термин «волость», означавший прежде общину, получает другой смысл; он обозначает с XV в. административный округ, объединяющий имения, принадлежащие боярам, детям боярским, монастырям и т. д., в границах старинной волостной территории.

Яркую картину полного господства боярщины находим мы в древнейших наших писцовых книгах, новгородских. Здесь вся земля во всех новгородских пятинах освоена боярами, монастырями и новгородским владыкой. Только мелкие владения «своеземцев», из которых многие вели хозяйство, не превышавшее по размерам крестьянского, и сами, как крестьяне, обрабатывали землю, только эти своеземцы, как во Франции мелкие аллодиальные собственники, нарушали правило «нет земли без господина».

По нашим грамотам XV в. можно в точности установить процесс постепенного *обояренья* и *окняженья* земель волостных общин, переход этих земель разными путями во власть бояр, монастырей и самих князей, бравших волостные земли «во дворец». Территория древней волостной общины Словенский Волочек в Белозерском крае легко восстанавливается, так как очень многие деревеньки этой волости, указанные в описи XV в., существуют до сих пор на тех же местах и с теми же самыми названиями. Значительная часть земель этой волости в течение XV в. перешла во владение Кирилло-Белозерского монастыря. Одни деревни перешли во владение монастыря по завещаниям крестьян, другие были куплены, третьи захвачены. Часть леса, принадлежавшая волости, была освоена монастырем посредством заимок, так как старцы усердно «ставили на лесе» новые деревеньки. В 1482 г. монастырь имел уже в пределах общинной территории Словенского Волочка 40 деревень и 5 починков, и волость в лице «старосты и всех крестьян» тщетно отстаивала перед судом свои права на некоторые из этих деревень. Все это нам известно в точности по нескольким грамотам XV в.

Характерное указание на расхищение общинных-волостных земель крупными землевладельцами дает правая грамота конца XV в. по иску крестьян Ликуржской волости о 22 деревнях и починках, захваченных боярами и митрополичьими слугами. «Волость Ликуржская,— объясняли крестьяне судье,— запустела от великого поветрия; а те господине деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, не ведаем которые, за себя тому лет с сорок (около 1450 г)... И нам, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искать некому».

Исключительное господство в новгородских пятинах боярского землевладения, отсутствие в них свободных общин, так называемых «черных земель», вызвало у нас даже явно ошибочное предположение, что в Новгороде община впервые возникает после того, как Иван III конфисковал земли у новгородских бояр, тогда как на самом деле Иван III только дал новую жизнь древней общине, придавленной, как и на Западе, крупным землевладением.

Обояренье земли, конечно, совершилось не сразу и не в одно столетие. И если около 1450 г. в Новгороде вся земля была обоярена, то мы имеем полное основание предположить, что и в более раннее время средних веков крупное землевладение у нас имело уже широкое распространение. Это подтверждается и многими отрывочными указаниями грамот древнейшего времени [32*].

IV. О ПОДВИЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

§ 21. Мнимые странствования бояр и крестьян

Несомненный быстрый рост крупного землевладения в удельной Руси, завершающийся полным его господством в XV—XVI вв., является главным доказательством ошибочности распространенного у нас представления о чрезвычайной подвижности населения древней Руси как особенности, отличающей ее от оседлого Запада. Собственно говоря, вполне достаточно и этого одного аргумента; но я считаю нужным привести и другие доводы ввиду особенной важности этого вопроса, как и ввиду того, что антитеза «волнующегося жидкого состояния» древней Руси, похожей на перекати-поле, и прочного каменного Запада выдвигается нашими историками, начиная с Соловьева, как указано в первой главе этой книги, в качестве главного общего отличия нашей истории от западноевропейской.

Мнение о чрезвычайной подвижности населения в древней Руси у нас очень утвердилось, но в нашей литературе вы тщетно будете искать твердого его обоснования. Это не обоснованное сколько-нибудь положение, а только характеристика, передающая впечатление от некоторых стереотипных выражений грамот, подкрепленная общими соображениями о порядках, связанных с начальным заселением, с колонизацией страны.

В подтверждение подвижности высшего сословия, бояр и слуг приводят единственно, как я уже упоминал, известную статью междукняжеских договоров: «А боярам и слугам межи нас (князей) вольным воля». Но исследователи упускают из виду, что даже эти самые договоры, помимо прочих соображений, никак не позволяют говорить, что бояре, переходя на службу от князя к другому, «не дорожили землей», как писал П. Н. Милюков, или

[32*] На крайнем Севере в первую половину средних веков, по некоторым известиям, крупное землевладение новгородских бояр также составляло заметное явление. Но новгородские бояре, по-видимому, не приобрели здесь прочной власти над своими обширными вотчинами, являясь скорее в роли сборщиков дани, чем господ-вотчинников. Боярщина здесь не развилась и была уничтожена после завоевания Севера московскими великими князьями путем конфискации земель у новгородских бояр. Часть северных земель была взята во дворец, была освоена великими князьями как частная собственность, стала великокняжеской боярщиной. Но большая часть осталась в самостоятельном владении волостных общин.

«не особенно дорожили землей», как он пишет в новом издании своей книги (см. § 8).

Междукняжеские договоры действительно постоянно подтверждают боярское право отъезда, но они при этом всегда имеют в виду бояр-землевладельцев; они особыми статьями регулируют поземельные отношения отъезжающих бояр к князьям и обеспечивают неприкосновенность боярских вотчин. Рядом со статьей: «А боярам и слугам межи нас вольным воля» — мы находим в договорах статьи о их имениях, «домах» и «селах»: «А домы им свои ведати, а нам ся в них не вступати» (около 1398 г.), или «В села их не ступатися» (1368 г.), или «А судом и данью потянути по уделам, где кто живет» (1410 г.), т. е. где кто владеет землею. По договорам бояре вопреки ходячему представлению всегда являются в роли вотчинников, и притом очень заботящихся о земельных промыслах, так как договоры воспрещают боярам покупать села и принимать закладней в пределах владений чужого князя. Те же договорные, как и духовные, грамоты князей содержат ряд указаний на крупные земельные владения некоторых бояр.

При более внимательном рассмотрении этих грамот представление о боярине—вольном слуге заслоняется представлением о боярине-вотчиннике.

Как, говоря о «странствованиях» бояр, историки наши имеют в виду главным образом их вольную службу, так, говоря о подвижности, бродячести крестьян, они основываются на неправильно понятом крестьянском праве отказа. Из того, что крестьяне имели в древности право отказа от господина, никак не следует, что они злоупотребляли этим правом, что они постоянно переходили от одного господина к другому, что они были похожи на перекати-поле. При крайней скудости источников удельного времени, характеризующих положение крестьян, ясные постановления судебников о праве отказа и указания некоторых грамот на переход крестьян из одного имения в другое очень бросаются в глаза, и наши исследователи, поддавшись первому впечатлению, придали им преувеличенное значение. Некоторые наши историки, впрочем, заметили уже неправильность такого первого впечатления. «Нельзя сказать,— давно уже писал Беляев,— чтобы переселения крестьян с одной земли на другую были общим правилом; это скорее были исключения, по крайней мере в XIV—XV столетиях, ибо мы почти во всех грамотах встречаем упоминания о *старожильцах* как на общинных, так и на частных землях; а старожильцы нередко говорят, что иной живет на занимаемой им земле 20, иной 30, 40, 50, 80 лет, что и деды, и отцы его жили на этой же земле» [72]. В. И. Сергеевич недавно также высказался против «весьма распространенного мнения о бродяжничестве крестьян при свободном переходе», основываясь на соображениях о трудности «ломать хозяйство» и на данных новгородских писцовых книг. «И те-

перь,— говорит он,— есть поговорка: три раза переехать с квартиры — все равно что один раз погореть. А переехать с крестьянского хозяйства во много раз труднее. Чем крестьянское хозяйство богаче, тем переход труднее. Вот почему в писцовых книгах конца XV в. и незаметно сколько-нибудь чувствительного перехода крестьян» [73]. К этим соображениям и наблюдениям надо прибавить еще изложенные мною выше соображения о самом существе крестьянского права отказа. Это право отказа никак не обеспечивало полной свободы крестьянского перехода, как думают наши исследователи, упустившие из виду его формальный характер; формальности, связанные с этим правом и обязывавшие крестьян уплатить при отказе высокие выходные пошлины и все господские ссуды и недоимки, далеко не обеспечивали, а, наоборот, чрезвычайно стесняли личную свободу крестьян. Сетуя на то, как мало право отказа обеспечивало свободу крестьян, немцы говорили в средние века, что «запряженную шестеркой повозку уходящего крестьянина мейер может остановить мизинцем». Ввиду всего этого нельзя не признать резкой ошибки перспективы у тех наших историков, которые из крестьянского права отказа по первому впечатлению сделали вывод о бродяжничестве крестьян до времени их прикрепления к земле на рубеже XVI и XVII столетий.

§ 22. Подвижность эпохи колонизации

Возражая против чрезвычайной подвижности бояр и крестьян в удельное время, я никак не довожу своих возражений до противоположной крайности и никак не настаиваю на том, чтобы у нас уже в удельное время существовала та закрепленность отношений, которая (по закону главным образом, но далеко не на деле) является характерной для позднейшего государственного периода, чтобы у нас уже в удельное время крестьяне были прикреплены к земле и бояре обязаны службою. Я решительно возражаю только против преувеличения до фантастических размеров подвижности удельной Руси, возражаю против *бродяжничества* ее населения — от бояр, якобы сохраняющих в течение веков подвижность дружинников киевского времени, до крестьян и горожан, якобы легко мирящихся с тем, что их дом «от первой искры превращается в кучу пепла» (§ 7). Я хочу только исправить ошибку перспективы.

Некоторая подвижность, связанная с основными началами средневекового порядка, в удельной Руси, несомненно, была; этим именно удельная Русь и отличается от позднейшей государственной Московской Руси; но только *некоторая* подвижность, и притом отнюдь не являющаяся характерною чертою русской древности. Преувеличив, с одной стороны, бродяжничество древней Руси, историки наши, противопоставляя Россию Западу, преувеличили, с другой стороны, «оседлость, прочность, определенность» отно-

шений на Западе в соответствующую феодальную эпоху, перенеся в эту эпоху черты позднейшей западноевропейской жизни. В трудах историков Запада мы найдем немало указаний на подвижность населения и непрочность социальных связей, а некоторые западные историки при этом, подобно русским, очень преувеличивают эти черты в первую половину средних веков для большей яркости характеристики, хотя и не доходят, конечно, до утверждения, чтобы феодальные бароны совсем не дорожили землей. И Гизо[74], и Вайц[75], и Люшер, как мы увидим ниже, подчеркивают, что договоры вассальной службы постоянно нарушались, что вассалы переходили от одного сеньера к другому, что эта «возможность разлучаться, порывать социальную связь оставалась первоначальным и господствующим принципом феодализма».

Подвижность населения связывается нашими историками с колонизацией, с заселением Севера, с трудной работой корчевания леса и поднятия целин, о которых много говорит Ключевский. Но, возводя эту колонизацию в какое-то особенное, основное начало русского исторического процесса, историки наши упускают из виду, что та же колонизация занимала весьма важное место и в жизни средневекового Запада. При изучении доменеального режима новый французский историк Се[76] обращает внимание читателя на «громадный труд расчистки земли под пашню, который без перерыва продолжается в течение средних веков». «В XI в. большая часть древней Франции,— говорит он,— была еще невозделанной и была покрыта громадными лесами». М. М. Ковалевский, обстоятельно выясняя «процесс расчистки лесов под пахоть и основания новых селений и городов» во Франции, замечает: «Редкий хартуларий не содержит в себе ряда грамот конца XII и начала XIII в., в которых не заходило бы речи о корчевании пустоши и леса... частные грамоты и судебные приговоры в одно слово указывают на широкое протяжение лесов в Нормандии XIII в.» От XII и XIII вв. сохранились многочисленные известия о крестьянах, привлекаемых господами на свои невозделанные земли, особенно на лесные участки, в которых в это время часто возникают новые поселки. Эти новые поселенцы носили специальное название «hôtes» (гости, поселенцы); у нас они назывались «людьми пришлыми», «новыми жильцами», «призванными» или «посаженными» землевладельцем. И, несколько преувеличивая значение известий о «гостях», Се говорит даже, что благодаря этому учреждению (hôstise) «*подвижность сельских классов* становится столь значительной, что многим сеньерам грозит опасность увидеть свои домены лишенными населения» [33*].

[33*] «La mobilité des classes rurales devient si grande que beaucoup de seigneurs sont ménacés de voir leurs domaines se dépeupler» (*Sée H.* Les classes rurales et le regime domanial en France au moyen-age. P., 1901. P. 237, 225); *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы. Т. 1. С. 574, 699 и др.

Колонизации отводит очень видное место в истории средневековой Германии Карл Лампрехт. «В конце эпохи Каролингов первобытная сила леса,— говорит он,— еще не была окончательно побежденной человеком. Лес продолжал еще служить неисчерпаемой богатой сокровищницей нации. „Богатому лесу не повредит, что человек запасется деревом",— говорится в одной песне времен Фридриха II (1215—1250 гг.). В это время еще нигде не было недостатка в лесных пустошах; даже в позднейшее время немец помнил о диких силах леса; только в конце XIV в. начинают жаловаться на недостаток лесов. Развитие земледельческой деятельности не ограничивалось заселением участков первобытного леса. Рядом с колонизацией девственных стран шло не менее усердное, хотя и менее выгодное, возделывание старой общинной земли» [77].

Все сказанное, мне кажется, безусловно исключает возможность видеть в подвижности населения и в колонизации удельной Руси ее отличительную особенность в сравнении с феодальным Западом.

Глава третья

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УДЕЛЬНОГО ПОРЯДКА

I. ОСНОВЫ ФЕОДАЛИЗМА

§ 23. Три начала феодализма

В наиболее общей форме феодализм характеризуется в его противоположении позднейшему государственному строю как система господства *частного*, или *гражданского*, *права*. В эпоху феодализма, говорил Чичерин, развивая мысль Вайца, «общественною связью служило либо имущественное начало, вотчинное право землевладельцев, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим». Эти отношения, это «частное право сделалось основанием всего быта». «Понятия о постоянной принадлежности к обществу как к единому целому, о государственном подданстве вовсе не было: вместо государя и подданных мы видим только лиц, вступающих между собою в свободные обязательства».

За отсутствием государственной власти лица соединяются в частные союзы для взаимной защиты и помощи. «Они заключают между собою,— замечает Эсмен [78],— настоящий Общественный договор, Contrat social, в том именно смысле, какой Руссо прида-

вал этим словам, хотя и не в тех условиях, какие он себе представлял» [34*].

Эта характеристика феодализма как системы частных союзов, союзов гражданских, действительно обобщает основные стороны феодализма, так как она приложима не только к вассальным и ленным отношениям, не только к феодальному режиму, но и к сеньериальному,— но она не может быть признана достаточной как формула слишком общая, слишком удаленная от исторической действительности. Ее главное значение заключается в противоположении феодальных частноправовых начал началам государственным, в характеристике резкого коренного различия этих двух порядков.

В феодальном порядке, характеризуемом в общих чертах как режим частного права, при ближайшем рассмотрении выясняются историками две основные черты: 1) разделение страны на множество независимых и полунезависимых владений и 2) объединение этих владений договорными вассальными связями.

В этих двух чертах проявляется действие двух противоположных сил: 1) сил разъединяющих, центробежных, которые особенно могущественны в первый период феодальной эпохи, доводя разъединение страны иногда до полной анархии, и 2) сил объединяющих, центростремительных, которые связывают распадающуюся на мелкие части страну цепью договорных союзов защиты и вассальной службы и получают перевес над началами разъединения во второй период феодализма, являющийся ступенью к новому прочному государственному порядку.

Главною, первою чертою феодализма следует признать *раздробление верховной власти*, или тесное слияние верховной власти с землевладением. Это раздробление власти выражается прежде всего в основном учреждении феодального строя, в крупном землевладении, с его особыми свойственными этой эпохе началами, т. е. в *сеньерии-боярщине*. Основное свойство сеньерии, как указано выше (§ 18), состоит в том, что владелец ее соединяет частные права собственника земли с некоторыми государственными правами на лиц, живущих на его земле. Если, с одной стороны, каждое крупное имение в феодальную эпоху пользуется некоторыми государственными правами, то, с другой стороны, и те истинно государственные начала, которые рано проявляются в наиболее крупных имениях-княжествах, зародышах будущих территориальных государств, тесно сливаются с началами частного права. С этой точки зрения Гизо в числе трех основных начал феодализма поставил «тесное слияние верховной власти с (земельной) собственностью (la fusion de la souveraineté avec de la propriété), иначе говоря, присвоение собственнику земли в отношении всех живущих на его земле, всех или почти всех прав, об-

[34*] *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. С. 343, 369; *Esmein A.* Cours élémentaire de l'histoire de droit francais. P., 1900. P. 176.

разующих то, что мы называем верховной властью, и принадлежащих в наше время единственно правительству, власти общественной» [35*].

Это главная, основная черта феодализма, но не единственная. Страна, раздробленная на множество независимых и полунезависимых владений, связывается до некоторой степени в одно целое переплетающейся сетью вассальных договоров между этими владениями. Рядом с «тесным слиянием верховной власти и землевладения» Гизо указывает другую основную черту феодализма в «иерархической организации феодального общения» (l'orgnisation hiérarchique de l'association féodale) или в «иерархической системе учреждений законодательных, судебных, военных, которые связывали вместе владельцев феодов и образовывали из них единое общество». Эту же основную черту феодализма рядом с «разделением территории на крупные домены» или «сеньерии, похожие на маленькие государства», определяет Фюстель де Куланж [80] в следующих словах: «Сеньеры не все одинаково зависят от короля, но и одни от других... Всякий держит свою землю от другого и ему подчинен в силу этого. Отсюда — вся иерархия вассалов и сюзеренов, восходящая до короля» [36*].

Рядом с этими двумя основными сторонами феодализма, рядом 1) *с раздроблением территории на домены-сеньерии* и 2) *с объединением их вассальной иерархией*, Гизо и Фюстель де Куланж указывают и даже выдвигают на первое место еще третью черту — *условность землевладения* вообще, приравнивая к условно-землевладельческому *феоду* другие поземельные отношения феодальной эпохи. Гизо так определяет эту черту феодализма, «особое свойство земельной собственности»: «Собственность действительная, полная, наследственная и, однако, полученная от высшего, налагающая на владельца под угрозой отнятия ее некоторые личные обязательства, наконец, лишенная той совершенной независимости, которая в наши дни составляет ее отличительное свойство». При феодальном порядке,— говорит Фюстель де Куланж, иначе формулируя то же положение,— земля находится в такого рода обладании, что владелец ее не есть, собственно говоря, ее собственник... Пользование землею условно, т. е. подчинено или оброкам, или службам, словом, известным обязанностям, и неисполнение этих обязанностей влечет за собою утрату владения».

Эта всеобщая, всеопределяющая «условность землевладения» — такое же широкое обобщение и столь же отдаленное от

35* Имея в виду эту основную черту феодализма, П. Г. Виноградов в своем учебнике дал следующее определение феодализма: «Каждый крупный помещик сделался своего рода государем в своей местности. Такое раздробление власти и переход ее к помещикам принято называть феодализмом» [79].

36* *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France. P., 1830. T. III. Leçon X. P. 230—231; *Fustel de Coulanges N.* Les origines du système féodal. P., 1890. P. XIII.

действительности, как указанное выше определение феодализма как системы гражданского права.

Что, собственно, разумеют французские историки под этою первою, главною, по их мнению, чертою феодализма? Условное землевладение — это прежде всего и после всего *феод*, давший свое название *феодализму*. К типичной форме условной собственности, *феоду*, приравнивается оброчное, также условное держание, *цензива*. И все землевладение является, таким образом, обусловленным «либо оброком, либо службою», как то и отмечает Фюстель де Куланж.

Это — старое воззрение на феодализм, развитое еще юристами XIII в. с Бомануаром [81] во главе, воззрение на феодализм как на всеобъемлющую сеть условных феодальных контрактов; тогда уже к феодам приравнивали самые различные права, в том числе также оброчные держания, называя их также феодами — fief roturier (феод людской) в отличие от настоящего, благородного феода (fief noble).

Такое определение феодализма как прежде всего условного землевладения по феодальному контракту дает стройную, но внешнюю, поверхностную его характеристику, далекую от реальных оснований строя. Единообразная, всеохватывающая сеть феодальных контрактов существовала только в теории; единообразие ей придавал только термин «феод», или «фьеф», покрывавший собою глубоко различные по существу права. «В действительности,— говорит Глассон [82],— многие из этих прав не имели ничего общего с настоящим феодом, кроме названия, и те, кто понимали такое уподобление буквально, впадали в заблуждение». В это время, говорит тот же автор, «все стремились приравнивать к природе феода права самые разнообразные. Дошли до того, что начали уступать в виде феода право взимать незначительные ренты, например 20, 30, 40 су в год... Мы имеем пример сеньера, который назначил своему повару ежегодное жалованье, дал дом и землю, все по праву феода (feodum de coquina — феод кухни)... В это время давали в феод все: земли, налоги, дорожные пошлины, суд и расправу, права, ренты, должности» [37*]. «Нет такой ничтожной доходной статьи,— замечает Люшер,— которой не давали бы в феод. Один вассал графа Шампани держит от него в виде феода половину пчел, которых он найдет в лесу. На юге видим феоды, состоящие из нижней залы замка или части укрепленной площадки».

Выясняя существо отношений, мы должны выделить из мнимо единообразной феодальной сети все фиктивно феодальные догово-

[37*] *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1891. Vol. IV. P. 284; *Luchaire A.* Manuel des institutions françaises au moyen age. P., 1892. P. 160; Классификацию разнообразнейших ленных пожалований в Германии см.: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1878. Bd. VI. K. 1.

ры. Прежде всего необходимо провести резкую разграничительную черту между настоящими феодами, или благородными, и *феодами людскими* (roturier), которые противополагались одни другим уже первыми феодальными теоретиками. Эти людские феоды представляли собою пожалования хозяйственным слугам, промышленникам и ремесленникам какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы с обязательством платить часть дохода натурой или деньгами господину. Эти мнимые феоды очень условно приравнивались к настоящим феодам, так как юридически не имели с ними ничего общего, будучи обыкновенным оброчным держанием или арендным договором.

Из собственно феодальных договоров необходимо выделить также *феод-должность* (fief-office) и *феод-деньги* (fief-argent), особенно последний. Часто встречающиеся в XIII в. феоды-деньги, состоявшие из денежной пенсии, ежегодной ренты, резко отличаются от настоящего феода-земли. Под видом феода мы имеем здесь дело с денежной платой за службу или с договором найма; такие часто встречающиеся с XIII в. сделки с вассалами, превращающие их в наемное войско, знаменуют собою уже переход от собственно феодальных порядков к порядкам новой государственной эпохи.

Оброчные держания (fief-roturier), с одной стороны, и феод-должность (fief-office) и феод-деньги (fief-argent) — с другой, только *приравнивались* к настоящему *феоду-земле* (fief-terre). Существо феода состояло во владении *землею* под условием службы или в службе с земли. В этом основном признаке феод не отличался от бенефиция; разница между ними только в том, что бенефиций давался в *личное* условное владение, феод же в *наследственное*, или потомственное, владение; с течением времени, однако, феод стал более отличаться от бенефиция, когда владельцы феодов приобрели право не только передавать их по наследству, но и отчуждать при жизни с согласия сеньера, когда феод стал не условным владением (бенефицием), а собственностью с более или менее ограниченными правами распоряжения [38*].

[38*] Первоначально право распоряжения было существенно стеснено тем, что на отчуждение феода требовалось согласие сеньера. Но это стеснение отпало с течением времени. Во Франции в эпоху расцвета феодализма сеньер не мог воспретить вассалу продать феод или передать его в чужие руки иным путем; сеньер мог только выкупить феод или же взыскать с покупщика в виде вознаграждения за ускользающую от него землю известную сумму денег, обыкновенно в размере годового дохода с земли. Кроме этого права выкупа (rachatum), сеньер имел также право рельефа (relevium), относившееся к случаям перехода феодов по наследству; сеньер имел в этих случаях право на взыскание известной суммы с наследника; рельеф в большей части местностей взыскивался только при переходе наследства к боковым линиям. Другие права сеньера на феод, как, например, право опеки и право пользования землей во время малолетства вассала, признавались только в некоторых местностях и не были общими принципами феодализма. См. *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France. P., 1831.

§ 24. Две категории феодов

Основная черта феода — землевладение под условием службы. Владеет ли вассал землею лично, владеет ли он ею потомственно (как у нас позднее помещик) или почти как собственник (вотчинник), он всегда обязан нести с земли службу, главным образом службу военную, и теряет землю в случае нарушения этого обязательства. Это основное условие феодального договора на практике, однако, во многих случаях имело совершенно фиктивное значение. Под единообразной сетью феодальных договоров вскрываются глубоко различные отношения, являющиеся в данном случае следствием борьбы двух противоположных начал средневекового строя.

По общему правилу феодал владел своим феодом под условием службы, и мы знаем, что у феодалов действительно иногда отбирались их земли в случае нарушения ими договора о службе. Но рядом с этим мы знаем множество случаев, когда феодалы, разрывая договор, не теряют земли-феода, но *вместе со своей землей* переходят от одного сюзерена к другому.

Феодальное право в теории легко примиряло эти два противоположных начала. Вассал лишается земли за нарушение своих обязанностей или за преступление, и в XIII в., говорит Виолле[83], «вассал теряет еще свой феод с величайшею легкостью». Но «если вассал легко теряет свой феод, то и, наоборот, сюзерен, с своей стороны, подвергается опасности потерять сюзеренитет, если он относится бесчестно к своему человеку». «Разрыв феодальной связи» в этом случае «не что иное, как потеря сеньером-господином сюзеренной власти на служащий ему феод»[39*].

Здесь, с одной стороны, строгая «условность землевладения», с другой — свободная коммендация феодала вместе со своим феодом. Таковы два противоположных начала, сталкивавшиеся в области поземельно-феодальных отношений, обыкновенно недостаточно отчетливо выделяемые в общих определениях феодализма. С одной стороны, феодальная условность землевладения, с другой — древняя, сохранявшая свою силу свободная коммендация лица с землею.

С этой точки зрения все феодальные договоры должны быть разделены на две категории, резко отличающиеся по существу, несмотря на внешнее единообразие феодального контракта. В одной категории этих договоров условность землевладения имеет реальное значение, потому что в основе их лежит действительное

Vol. IV. P. 33—34. Все эти права сеньера сходны с правами государства нового времени в отношении территории: так же как эти последние, они мало или вовсе не стесняли прав собственника.

39* *Viollet P.* Précis de l'histoire du droit français. P., 1884. P. 555; *Idem.* Les etablissements de Saint Louis. P., 1881. Vol. 1. P. 160—162.

пожалование земли под условием службы. В другой же категории обусловленность землевладения службой имеет совершенно фиктивное значение, потому что в них составляющее основу договора пожалование земли — чистая фикция; в них собственник земли передает свою вотчину-аллод в обладание сеньера и затем получает ее обратно, но уже в условное владение. Такою фикцией пожалование земли было в отношении не только аллодиальных собственников, но и тех землевладельцев, которые раньше состояли уже в вассальной зависимости и заключали новый феодальный договор с другим сюзереном.

Феоды первой категории, состоявшие из реально выделенных вассалам участков земли под условием службы, в большинстве случаев были очень похожи на старые бенефиции. В каждой крупной сеньерии было много вассалов, владевших мелкими участками земли, с обязанностью нести военную службу по требованию сеньера-сюзерена. В эпоху Капетингов «светские и духовные бароны,— говорит Люшер,— верные каролингской традиции, продолжают отрывать частицы своих доменов, давая их в наследственный феод благородным, от которых они хотят получить верность и службу». От XIII и XIV вв. сохранились описи феодов некоторых сеньерий, свидетельствующие о крайнем их измельчании. С такими мелкими феодалами сеньер, конечно, не стеснялся и отнимал у них свою пожалованную им землю, как только они чем-либо нарушали условия службы. Такие-то феоды-бенефиции имеют главным образом в виду «Постановления Святого Людовика» («Etablissements de Saint Louis») XIII в., узаконяющие самые разнообразные поводы, достаточные для отнятия феода, как, например, если вассал удил рыбу в пруду, принадлежащем сеньеру. С тем же характером легко ускользаемых из рук владельца бенефициев рисуются феоды в описях монастырских имений. На землях монастырей и церквей сидело много мелких «феодалов» (feodati), которые назывались всадниками (cavallarii), потому что единственное, что можно было с них требовать, это чтобы они на войну являлись не пешие, а конные, со своим конем[40*].

В отношении таких мелких феодов долгое время не утверждается основной признак феода — наследственность. Чем более углубляется изучение средневековья, тем более историки, к своему удивлению, находят в очень позднее время, в XII в., примеров пожизненности феодов, иначе говоря, находят бенефиции старого типа. «Еще в XI в.,— говорит Виолле,— находим во Франции пожизненные феоды; в Англии они существовали до конца XIII

[40*] *Viollet P.* Les etablissement de Saint Louis. Vol. 1. § LIV; *Seignobos Ch.* Le régime féodal en Bourgogne. P., 1882. P. 376—382 (примеры измельчания феодов — liste des féaux (fié) — 1315: app. N VIII, IX); *Guérard B.* Gartulaire de l'abbaye de S. Pére de Chartres. P., 1840. Vol. 1. Prolégomènes. P. 31—33. (basse noblesse).

или до начала XIV в. Я пойду дальше: в XII в., при таком могущественном короле, как Филипп-Август, некоторые феоды, по-видимому, снова приобретают прекарный характер и остаются в постоянном распоряжении сюзерена». Углубляя дальше анализ, Флак[84] уже приходит к общему выводу, что «мелкие феоды» (petits fiefs) вообще до XII в. не приобретают наследственности, «их пожизненный характер засвидетельствован самими королевскими грамотами более долгое время и в выражениях более безусловных», чем полагали до сих пор[41*].

От владельцев таких мелких феодов, легко теряемых ими, подобно бенефициям, резко отличаются все крупнейшие феодалы — графы и те феодалы, которые, владея не особенно значительными по размерам сеньериями, успели, однако, прочно их освоить, опираясь на давние, наследственные — «вотчинные» — права. Такие крупнейшие феодалы и некоторые мелкие свободно переходят от одного сюзерена к другому вместе со своими землями. К этим землям их как-то даже мало подходит название «феод» — условное владение, столь прочно они ими освоены. Их отношение к сюзеренам больше подходит под понятие вассальной зависимости, чем «феодальной» в точном значении термина, хотя их владения по общей теории феодализма также назывались «феодами».

В XII в. несколько вассалов французского короля порывают свою зависимость от него, открыто приносят оммаж английскому королю и вместе с тем передают в его обладание все свои земли. В начале следующего столетия они отлагаются от английского короля и тем самым лишают его, Иоанна Безземельного, всех его французских владений. Точно так же в пограничной полосе между Францией и Германской империей (по рекам Соне и Роне) «высшие феодалы,— говорит Люшер,— всю свою жизнь проводили в том, что признавали по очереди то французский, то германский сюзеренитет или же отрицали и тот и другой. При этом не только была сомнительной зависимость больших сеньерий, но далеко не всегда была ясной также и феодальная принадлежность простых феодов, замков. В подобном же состоянии был Пиренейский округ, в котором феоды по их зависимости были разделены между Францией и Испанией, между графом Тулузским и герцогом Гиенским, с одной стороны, и между королями Арагонским и Наварским — с другой. Там также оммажи подвергались переменам без числа, и пиренейские феодалы, так же как феодалы королевства Арль, благодаря выгодам своего положения пользовались в действительности полною независимостью... Собственник феода мог (может быть, в течение многих столетий) не приносить оммажа никому или переносить свой оммаж от одного сеньера к другому по своему капризу или из-за выгоды. Это очень часто бывало

[41*] *Viollet P.* Précis de l'histoire du droit français. P. 542; *Flach J.* Les origines de l'ancienne France. P., 1903. T. III. P. 79.

не только на пограничных окраинах, в областях-*марках*, но даже (хотя и в меньшей степени) в пограничных районах двух провинций (marches interprovinciales), на окраинах, как и внутри национальной территории» [42*].

При такой свободной коммендации лица с землей, феодала со своим феодом этот феод теряет совершенно характер условного владения. Наоборот, он является с характером безусловной собственности; права собственника феода в отношении его земли не ограничиваются только областью частного права, но простираются и дальше в область права публичного, так как феодал не только может передавать по наследству, дарить, продавать и т. д. свою землю, но он может передать ее из верховного обладания французского короля в обладание английского короля и наоборот, как и из-под своего рода территориального обладания одного графа он может передать свою землю в обладание другого, резко разрывая исстари сложившиеся, но очень слабые тогда территориальные связи. По отношению к феодальной эпохе вообще говорить о территориальном верховенстве, о территориальных связях можно только условно, потому что тогда современной нам территориальной государственной власти не существовало; не было основы этой власти — неотчуждаемости отдельных участков территории по воле их частных собственников. Господствовавшая в средние века коммендация лица с землею идет вразрез с этим понятием. Земля тогда вслед за ее частным собственником легко ускользала от власти ее верховного обладателя; обширные части французской территории, например, по прихоти феодалов переходили в обладание английского короля. Территория феодальной Франции представляла собою, по выражению Люшера, «нечто по существу своему подвижное и зыбкое» (quelque chose d'essentiellement mouvant et flottant).

Далеко не все феодалы имели возможность свободно переходить со своим феодом от одного сюзерена к другому. Для большинства феодалов их феоды на деле, как и в теории, действительно были условною собственностью. Но рядом с такими *феодами-бенефициями* (fief-bénéfice) существовали феоды с указанным характером полной, безусловной, аллодиальной собственности, которые можно было бы назвать взаимно противоречивыми терминами — *феодами-аллодами* (fief-alleu). Такими fief-alleu были все крупнейшие феодальные владения, феоды-сеньерии, для которых феодальный договор с сюзереном был чистой фикцией.

И эта-то категория феодов является наиболее характерной для первой половины феодальной эпохи, до XII—XIII в., когда преобладал процесс раздробления страны, основной процесс феодали-

[42*] *Luchaire A.* Manuel... P. 222—223 et al.; *Idem.* Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers capétiens. P., 1881. T. II. P. 40—41.

зации. К концу же средневековья, когда новые государственные территориальные начала усиливаются, свободная коммендация феодалов с феодами все более и более стесняется, пока новые территориальные государи не кладут ей конец, закрепляя силою теоретическую условность феодального землевладения.

Две категории феодов, разделяемые мною по признаку действительной и фиктивной условности землевладения (fief-bénéfice и fief-alleu), совпадают приблизительно с двумя категориями их, которые Люшер ограничивает по другому признаку, сеньериальному — феоды-сеньерии и феоды, не имеющие сеньериальных прав (les fiefs qui sont des seigneuries et les fiefs qui n'en sont pas). «Громадное большинство феодов, благородных земель, подчиненных оммажу,— говорит Люшер,— составляют часть сеньерии, но сами они не сеньерии и не предоставляют их владельцам никакой власти, порядка административного или судебного. Благородный держатель, не принадлежащий к числу сеньеров, имеет только обязанности в отношении своего сюзерена; он не имеет прав» [43*].

Коммендация феодала с феодом получает особенное значение в новой теории феодализма, которая в основу феодального порядка кладет крупное землевладение, сеньерию. Когда собственник сеньерии заключает феодальный договор с сюзереном, когда он подчиняется ему со своею землей, признает себя его человеком за свою землю, его земля, его сеньерия, не становится на деле феодом, условным, легко отъемлемым владением. Превращаясь теоретически в феод, она остается полной собственностью сеньера. В феодальном договоре между владельцами двух сеньерий реальное значение имеют только обещания службы, с одной стороны, и защиты — с другой, т. е. вассальная связь. «Феод» как таковой, если принять во внимание его фиктивное значение по отношению к сеньериям, не может быть признан главною, всеопределяющею чертою феодализма, основною клеточкою ткани феодального организма, по выражению Эсмена. Такою клеточкою был не феод, а сеньерия.

II. РАЗДРОБЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

§ 25. *Малые сеньерии. Сеньериальное право и иммунитет*

Верховная государственная власть разбилась в феодальную эпоху, как упавший стеклянный купол, на тысячи мелких осколков, но эти осколки очень неравномерно распределились между крупными и мелкими доменами-сеньериями. Все сеньерии стали похо-

[43*] *Luchaire A.* Manuel... P. 159. Ср.: *Viollet P.* Précis... P. 549 («Fief et justice n'ont rien de commun ensemble»). И в порядках наследования *«простые феоды» отличаются от «более значительных сеньерий или бароний»* (*Luchaire* A. Manuel... P. 162).

жи на государства, но далеко не в равной степени; одни из них, немногие, были очень близки к государствам, другие же только похожи чертами отдаленного сходства.

По свойству государственных прав все многочисленные сеньерии во Франции делятся на три разряда: 1) крупнейшие княжества и графства (duchés и comtés), в числе около трех-четырех десятков, пользующиеся почти всеми государственными правами. Владетели их проявляют свою власть не только в отношении собственных своих земель-доменов, но до некоторой степени и в отношении земель зависящих от них сеньеров; они имеют право высшего суда (haute justice); они облагают общим чрезвычайным налогом население не только своих доменов, но и зависящих от них сеньерий (taille extraordinaire) и созывают в дальние походы всеобщее ополчение (arrière-ban). Им в числе других прав принадлежит и чисто государственное право бить монету. Некоторые из них издают иногда, очень редко, общеобязательные для их области законы.

Второй разряд составляли тоже титулованные сеньеры низших рангов, связывавшие свои права так же, как князья (герцоги и дюки) и графы, с древними низшими должностями вице-графов (vicomtés), начальников замков (châtellenies) и других. Собственные владения таких сеньеров пользуются обыкновенно полной независимостью и в этом отношении очень похожи на государства, но власть их ограничивается только их доменами и потому не приобретает того государственного значения, как власть сильнейших князей и графов первого разряда.

Наконец, третий и наиболее многочисленный разряд составляют мелкие баронии, пользующиеся весьма ограниченными государственными правами. Самостоятельность этих сеньерий ограничена не только личным подчинением владельца сюзерену по феодальному договору, но и территориальною связью земли с княжеством сюзерена; связь эта выражается прежде всего в подчинении населения сеньерии высшему суду князя или графа, а также в подчинении другим, указанным выше, княжеским правам территориального государственного характера [44*].

Барон, владелец небольшой сеньерии, далеко не государь в современном значении термина, потому что власть его лишена важнейших свойств верховного властвования. Он отнюдь не самостоятельный государь в своих отношениях к соседним владениям, потому что он связан всецело своим феодальным контрактом, обязывающим его верно служить сюзерену. Он далеко не самостоятельный государь и в отношении внутреннего управления

[44*] От сеньерий всех этих разрядов резко отличаются многочисленные мелкие феоды с указанным характером строго обусловленного службой бенефиция, не имеющие судебных прав («феод и юстиция не имеют между собою ничего общего») и сохраняющие тесную связь с доменом сеньера.

своим имением, потому что здесь также территориальная связь имения с княжеством его сюзерена налагает на него известные обязательства подчинения. Низший сеньер обладает очень ограниченною властью как глава имения-государства, потому что ему не хватает не только внешней, но и внутренней самостоятельности, независимости, составляющей главный признак истинного суверенитета.

И тем не менее, лично будучи связанным по рукам и ногам, ограниченным государем, сеньер-землевладелец является властным государем в отношении к населению его имения, потому что он совмещает в своем лице частного собственника имения, и судью, и управителя. Как бы сеньер-землевладелец ни был связан обязательствами по отношению к территориальному князю, этот князь не может в феодальное время осуществлять свою власть в отношении населения частного имения иначе как через посредство собственника этого имения. Чтобы привести в свой высший суд преступника, скрывающегося в какой-либо подвластной ему сеньерии, князь должен обратиться к посредству сеньера, потому что по общему правилу княжеские власти не имеют права въезда в частные имения. Власть сеньера по своему объему равняется власти местного управителя, подчиненного высшей власти, исполнителя ее велений. Но эта власть сеньера существенно отличается от власти управителя, потому что сеньер не чиновник, всецело зависящий от господина, а собственник, которому соединение собственности с властью управителя придает особый вес и силу.

Права мелкого сеньера феодальной эпохи одинаковы с теми правами, которые в более раннее время Меровингов и Каролингов предоставлялись по преимуществу монастырям и церквам королевскими иммунитетными дипломами. Эти дипломы, конечно, не создавали вновь из ничего охарактеризованный выше институт сеньерии-боярщины, частного имения с государственными правами собственника в отношении населения его имения (см. выше, § 18). Эти дипломы исходили из господствовавшего обычного права и только распространяли сеньериальные права на вновь возникавшие крупные имения, по преимуществу монастырские. Привилегии, свойственные крупным землевладельцам вообще в древнейшую эпоху, как и позднее, в течение столетий присущие сеньерии-боярщине как ее главный признак,— эти привилегии только распространялись королями на монастырские и церковные имения, а также и на некоторые имения светских владельцев, которые раньше по их незначительности и по новости возникновения еще не возвысились до общей сеньериальной самостоятельности, до сеньериального «самосуда».

Иммунитет эпохи Меровингов и Каролингов — это общее сеньериальное право, как древнейшее, так и позднейшее. Сущест-

во иммунитета, так же как сеньериального права или «самосуда» феодальной эпохи, состоит в том, что собственник, сеньер, заслоняет собою людей своей земли от представителей государственной власти. Государственные чиновники не имеют права входа в сеньерию. Они могут обращаться к людям сеньерии, например требовать их в суд, но не иначе как через посредство собственника имения, обращаясь с соответствующим требованием к нему или к его агентам-приказчикам. «Свобода от входа судей» (ab introitu judicum) — весь иммунитет заключается, по замечанию Фюстеля де Куланжа, в этих трех словах. И к этому же основному началу сводится и вся власть сеньера-вотчинника средней руки в феодальную эпоху. Территориальный князь или граф, наследовавший осколки государственной власти от короля, так же как прежде король, обращается с некоторыми требованиями к населению сеньерии, но не иначе как через посредство сеньера. Такие основные начала средневекового строя, как сеньериальный «самосуд», не меняются с каждыми двумя, тремя поколениями; они сохраняются, по существу, неизменными от Меровингов и Каролингов до Капетингов и Валуа, от первого периода развития феодализма до его расцвета и до его конца.

§ 26. Иммунитет в удельной Руси

Существование в удельной Руси этого сеньериального права в объеме древнего иммунитета выясняется вполне документально путем детального сравнения иммунитетных дипломов с жалованными льготными грамотами. Мы находим в этих грамотах то же самое основное постановление, как и в западных дипломах, обеспечивающее неприкосновенность вотчины и ее населения для княжеских властей (immunitas), ограждающее ее неприступной стеной от агентов правительства, как в современных нам некоторых автономных учреждениях. «Да не осмелится ни один общий судья вступать в эти владения» — так постановляли французские короли в своих дипломах. И то же самое в столь же категорических выражениях говорят наши князья в своих жалованных грамотах: «А волостели мои в околицу его (игумена) не въезжают»; или «А наместники мои и волостели и их тиуни не въезжают»; или «не всылают» к таким-то вотчинникам, «ни к их людем *ни по что*».

Наши грамоты точно так же, как западные дипломы, особенно настаивают на этом главном постановлении и затем указывают все проистекающие из него следствия полной иммунитетности, автономности частного имения, не оставляя места для сомнений, что в тех и других грамотах идет речь об одном и том же институте. У нас и на Западе одинаково по этим грамотам частному собственнику предоставляются: 1) исполнительная судеб-

ная власть, 2) право суда на всех людей, живущих в имении, 3) право сбора с них налогов и пошлин. Эти постановления встречаются у нас с небольшими вариантами в сотнях жалованных грамот. В наиболее краткой формулировке они выражены, например, в следующих словах жалованной грамоты, данной Кирилло-Белозерскому монастырю около 1400 г. «Людям» игумена Кирилла, говорит белозерский князь, 1) «ненадобе моя дань, ни иная никоторая пошлина; 2) волостели мои к тем людям не всылают ни по что, ни судят, 3) а тех людей ведает и судит игумен Кирило сам».

К порядкам, создававшимся на основании таких категорических определений наших жалованных грамот, вполне приложима следующая характеристика иммунитета, написанная Фюстелем де Куланжем по западным дипломам: «Частный собственник, лишив власти государственного чиновника, стал безусловным господином над своими землями. По отношению к людям свободным и рабам, живущим на его земле, он уже не только собственник, он становится тем, чем раньше был граф: в его руках — все, что принадлежало государственной власти. Он — единственный глава, единственный судья, как и единственный покровитель. Люди его земли не имеют иного правительства над собою. Конечно, по отношению к королю он остается подданным, или, говоря точнее, верным; но у себя дома он сам — король». И наши исследователи, изучавшие наши жалованные грамоты независимо от западных иммунитетных дипломов, еще в 50-х годах приходили буквально к тем же выводам. Так, Милютин [85] утверждал, что следствием жалованных грамот было у нас «образование из каждой монастырской или церковной вотчины особого полунезависимого и замкнутого в себе мира, *государства в государстве*». Так, Неволин писал, что «на основании жалованных грамот поземельный владелец получал многие *права державной власти* и становился в своей вотчине как бы князем» [86].

Тожество западных и русских иммунитетных привилегий по их юридической природе не может быть оспариваемо. И даже В. И. Сергеевич [87], как ни старался он путем смешения жалованных грамот разных эпох доказать чрезвычайное разнообразие и случайность наших льготных пожалований и умалить их политическое значение, тем не менее не мог не признать, что «наши льготные владения и западные иммунитеты суть учреждения однородные». Но, сделав эту важную уступку, почтенный профессор, следуя давнему обычаю наших историков, спешит выяснить коренное отличие в значении русского и западного иммунитета. Иммунитет, говорит он, на Западе был одним из источников, предвестником феодализма; затем-де в феодальное время начала иммунитета были «переработаны», у нас же никакого перерождения не совершилось; иммунитеты существуют до XVII в., и, следовательно, наши жалованные грамоты не дока-

зывают существования у нас одного из начал феодального порядка [45*].

Однако, как я уже говорил выше, на Западе, так же как у нас, никакого «перерождения» иммунитета по отношению к низшим сеньериям не совершилось. Объем сеньериального права феодальной эпохи одинаков с объемом того права, которое нам известно из более ранних иммунитетных дипломов. Иммунитет, или, точнее, вообще сеньериальное право, опиравшееся как на пожалования, так и главным образом на старину, послужил на Западе только опорой для узурпации верховной власти в точном смысле слова некоторыми крупнейшими землевладельцами и по преимуществу королевскими чиновниками, графами и вице-графами. Но громадная часть сеньерий осталась со старыми правами и прежним объемом иммунитета или сеньериальной власти. Эти сеньерии в феодальное время, как и раньше, не были «государствами в государстве» в точном смысле слова, хотя и пользовались некоторыми важными государственными правами: независимостью от княжеских властей и правом суда и обложения жителей сеньерии.

Согласно воззрениям некоторых немецких и французских историков, иммунитет как учреждение не был созданием королей, не возник впервые из иммунитетных дипломов, а был исконной принадлежностью крупного землевладения [46*]. Теория эта, выше развитая мною, тесно связывается с общею новою теорией феодализма как строя, зиждущегося на крупном землевладении, на полноправной сеньерии как его основной ячейке. Сеньериальное право суда и обложения населения частного крупного имения ведет свое начало не от королевских пожалований: иммунитетные дипломы только *распространяют* это право на церковные имения и некоторые светские; по этим дипломам мы можем только судить об объеме этого обычного права в то время, когда писались дипломы.

Этот взгляд на иммунитет подтверждается чрезвычайным сходством иммунитетных пожалований не только в разных странах Запада, но и в России и в других славянских государствах — в Чехии, Болгарии, Сербии, а также и в Литве. Существо пожалования по франкским carta immunitatis, по англосаксонским freols-boc, по русским и литовским «жалованным грамотам», по сербским и болгарским «хрисовулам» везде одинаково состоит в воспрещении королевским или княжеским властям, графам, наместникам, «владельцам» доступа в частное имение и в предоставлении вотчиннику прав суда и обложения. Объем пожалований по грамотам разных стран сходится потому,

[45*] Два различных мнения о том же Ключевского см. выше, с. 34 и 37.

[46*] Подробнее об этом, как и вообще об иммунитете, см. мои статьи и исследование [88].

что пожалования, очевидно, приноровлены к распространенному повсюду в средние века сеньериальному праву крупного землевладения. Во всех странах при этом одинаково сохранились по преимуществу в несравненно большем числе иммунитетные грамоты монастырям и церквам не только потому, что монастыри лучше берегли свои архивы, но и потому, что такие грамоты писались большею частью именно для монастырей и церквей, имения которых все были более нового образования и потому нуждались в распространении на них тех привилегий, которыми крупные боярские вотчины пользовались по старине.

В наших средневековых грамотах можно найти несколько любопытных указаний на всеобщность сеньериального, боярского, иммунитетного права. По некоторым нашим грамотам иммунитетная судебная привилегия составляет не предмет особого пожалования, а как бы естественный, необходимый придаток к передаче права собственности на землю. Села даются «с судом и со всеми пошлинами». В этих грамотах так же, как и в западных, иммунитет, говоря словами Флака, «является как простое пользование правом собственности». В первой половине XV в. один белозерский боярин, жалуясь, что Кирилловский монастырь «отнимает» у него «от суда да от дани» деревню, принадлежавшую к его вотчине Кистеме, ссылался в подтверждение своих прав на нее не на пожалование, не на княжескую грамоту, а на старину: «А та деревня из старины тянет судом и данью к нам».

В феодальное время значительная часть сеньеров, даже указанного низшего разряда, пользовались правом суда в большем объеме, чем то допускалось дипломами Каролингов. Иммунитетные дипломы времени Каролингов предоставляли право суда, по мнению Вайца, обыкновенно не в полном объеме, а за исключением уголовных дел (excepto criminalibus causis), как это поясняется в некоторых дипломах. В позднейшее же феодальное время значительная часть сеньеров пользовались правом суда не только по гражданским делам, но и по уголовным, имели не только низшую, но и высшую или среднюю юстицию, хотя большая часть их имели право суда только в объеме каролингских дипломов, а именно только низшую юстицию. Виселица как знак высшей юстиции стояла только в немногих сеньериях. Во многих областях право высшего уголовного суда, или *право меча* (jus gladii), принадлежало только герцогам как территориальным государям.

Наши жалованные грамоты в этом пункте дают ясное доказательство близости наших удельных порядков к порядкам времени расцвета феодализма, а не его начального периода, времени Каролингов. Ограничительное постановление о праве суда, кроме уголовных дел, или, по терминологии наших грамот, «опричь душегубства, татьбы и разбоя с поличным», появляется

в наших жалованных грамотах только к концу удельно-феодальной эпохи, а именно в XV в., и прочно утверждается как общее правило еще столетие спустя. В более же раннее время суд предоставляется у нас льготным вотчинникам в полном объеме как по гражданским делам, так и по уголовным. Даже в XV в. некоторым вотчинникам предоставлялись такие полные права суда — не только низшая, но и высшая юстиция. Так, например, великая княгиня София в жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю 1448—1469 гг. писала: «Мои волостели и их тиуни у тех людей... в душегубьство не вступаются никоторыми делы». В удельную эпоху у нас, таким образом, судя по жалованным грамотам, отражающим господствующее сеньериальное право, очень многие бояре и игумены, так же как на Западе в эпоху расцвета феодализма, могли бы поставить у въезда в их боярщины виселицу в знак принадлежности им высшей юстиции.

Этот вотчинный сеньериальный суд ограничивается у нас, судя по отражению его в жалованных грамотах, к концу удельного периода, по мере усиления территориальной государственной власти великих князей. Раньше всего и наиболее последовательно он ограничивается в Московском великом княжестве, где раньше и прочнее, чем в других княжествах, соперничавших с ним, утверждаются государственные начала. Это точно выясняется сравнением жалованных грамот разных княжеств: Московского, Тверского, Рязанского, Угличского, Белозерского и других. Во второй половине XV в. почти всюду право суда дается «опричь одного душегубства»; в XVI же веке — уже за исключением всех уголовных дел: «опричь татьбы, разбоя и душегубства».

§ 27. *Высшие сеньерии. Удельные князья и княжата*

Над низшим слоем неполноправных сеньерий мы находим на Западе в феодальную эпоху высший слой сеньерий с истинно государственными верховными правами, принадлежащих титулованным сеньерам: герцогам, князьям, графам, вице-графам, маркизам и т. д. И у нас в удельной Руси над низшим слоем боярщин, пользующихся только сеньериальными правами, лежал высший слой княжеств, имевших в неравной степени права истинно государственного, верховного порядка.

Эти княжества, уделы, точно так же, как владения западных титулованных сеньеров высшего разряда, дюков-князей, графов и т. д., по своему устройству были очень близки ко всем другим сеньериям, потому что основою их было то же частное землевладение типа сеньерии-боярщины. Наши князья и княжата были прежде всего землевладельцами, вотчинниками, так же как западные дюки и графы. Хозяйство и управление даже великих княжеств, где они более всего имели государственный характер, построены были всецело по типу частного хозяйства боярина.

Эта основа нашего княжеского удела, как я уже говорил (§10), выяснена В. О. Ключевским, и я рад, что в этом важном пункте могу опереться на труд авторитетного нашего историка. Ключевский говорит, «что удельное управление» северного княжества было «довольно точною копией устройства древнерусской боярской вотчины», что «княжеская власть усвоила себе юридический характер частной вотчины привилегированного землевладельца».

Удельные княжества, так же как на Западе титулованные княжеские и графские сеньерии, не были государствами в точном смысле термина; они по существу устройства были ближе к частному, вотчинному, боярскому землевладению, чем к государству, возникающему после феодального периода. Однако все-таки они отличаются от низшего слоя рядовых сеньерий присущими им и постепенно усиливающимися государственными чертами. По таким их государственным чертам они делятся на те же два разряда, указанные выше, как и западные титулованные сеньерии. Первый, высший, разряд — это два-три десятка великих княжеств и крупнейших княжеств удельных, обладающих правами государственного территориального характера. Владельцы их, так же как западные титулованные сеньеры, обладают властью не только в отношении собственных своих частных владений-доменов или земель дворцовых, но и в отношении как свободных общин (позднейших черных земель), так и боярских земель, сохраняя за собою право высшего суда и чрезвычайной дани. При этом у нас, как и на Западе, эти государственные права имеют не только немногие великие княжества, соответствующие таким французским княжествам и графским территориям, как Нормандия, Бретань, Фландрия, Бургундия, но и некоторые мелкие уделы. Так, например, правом чеканки монеты пользовались у нас в удельное время не только великие князья московский, тверской, рязанский, но и некоторые зависевшие от них удельные князьки. В музее Тверской архивной комиссии хранятся монеты, серебряные и медные, битые мелкими городенскими или старицкими удельными князьями Тверского великого княжества. И после подчинения Москве этого Тверского великого княжества Иван III, действующий уже как настоящий государь, воспрещает «деньги делать... по уделом в Московской земле и в Тверской», как видно из его завещания 1504 г.

Мелкие удельные князьки, как, например, бохтюжский или карголомский, в XV в., несмотря на незначительность своих владений, сохраняют черты владетельных государей. Их управители называются волостелями и тиунами, хотя они больше похожи на боярских приказчиков и посельских. Один из князьков кубенских (на озере Кубенском), владевший волостью Бохтюгой, дает жалованную, льготную и несудимую грамоту Глушицкому монасты-

рю и пишет ее по формуле грамот великокняжеских: «Се яз князь Юрий Иванович пожаловал есмь», но, выдавая свое принизившееся значение мелкого вотчинника, в конце грамоты выговаривает себе от игумена «корм»: «На Рождество Христово полоть мяса да десятеро хлебов», «а на Петров день — десятеро хлебов да боран».

Под высшим слоем княжеств великих и удельных с государственными правами находим более многочисленные мелкие удельные княжества, пользующиеся уже весьма ограниченными государственными правами. Незначительность владений таких княжат не позволила им осуществлять свои наследственные владетельные княжеские права, и этот наследственный характер их власти проявлялся почти исключительно в полной независимости их суда и управления в отношении их доменов. Эти княжеские владения, расположенные по берегам какой-нибудь одной маленькой речки или небольшого озерка, ограничивавшиеся нередко даже только частью маленького речного бассейна, и по размерам и по характеру управления не отличаются от владений бояр. Эти княжеские уделы — те же боярщины. Однако независимость от великокняжеских властей, более или менее ограниченная в боярщинах, в этих княжеских боярщинах-уделах в силу наследственных владетельных прав проявлялась полнее. Маленькому князьку принадлежал обыкновенно в полном объеме и суд до высшей юстиции, и право обложения подвластного ему населения.

В пределах Московского великого княжества, т. е. в собственных непосредственных владениях московского княжеского дома, в треугольнике, образуемом реками Москвою и Окою, удельное дробление не привело к разделению княжества на независимые части — уделы. Но на всем остальном пространстве центральной территории удельной Руси, исключая Новгород и крайний Север, т. е. между реками Клязьмой и Волгой и к северу по рекам Мологе, Шексне и до Белозерского и Кубенского озер,— всюду в XV в. явилось множество мелких уделов описанного чисто феодального типа. Дробление земли на мелкие уделы-сеньерии шло очень быстро начиная с XIV в. и особенно в XV и XVI вв. Рядом с удельными князьями является множество князьков, которые позднее назывались *княжатами*. По родственным отношениям и совпадающим с ними отношениям территориальным их делят на 8 гнезд: князей тверских, рязанских, суздальско-нижегородских, ярославских, углицких, белозерских, стародубских, галицких.

К этим северо-восточным князьям и княжатам присоединились позднее князья южной Черниговской области, некоторое время зависевшие от Литвы, князья оболенские, одоевские, новосильские и другие.

Мелкие князья и княжата служили своим великим князьям,

а затем под давлением рано получившего перевес над другими московского великого князя волей-неволей вступили в служебную зависимость от него. Наравне с московскими боярами княжата служат «воеводами» — военными начальниками и городскими наместниками. Но эти новые московские воеводы остаются князьями-государями в пределах своих наследственных владений. «Слуга» московского великого князя остается у себя дома князем-сеньером.

Эта яркая сторона феодальных порядков на русской почве точно выясняется нашими памятниками. Меня могут заподозрить, что я сгустил краски; но здесь это подозрение может быть рассеяно легче, чем по некоторым другим пунктам моего исследования. Рисуя положение княжат, я не прибавлю ни одной черты к тому, что выяснено В. О. Ключевским, а вслед за ним недавно С. Ф. Платоновым. Этот последний ученый, славящийся осторожностью своих выводов, говорит следующее: «Приходя на службу московским государям с своими вотчинами, в которых они пользовались державными правами, удельные князья и их потомство обыкновенно не теряли этих вотчин и на московской службе. Они только переставали быть самостоятельными политическими владетелями, но оставались господами своих земель и людей со всей полнотою прежней власти. По отношению к московскому государю они становились слугами, а по отношению к населению своих вотчин были по-прежнему государями»[89]. Что же это такое, как не феодализм, и притом в основной черте классического французского феодализма — крайнем раздроблении верховной власти и слиянии ее с землевладением?

Политическое значение таких княжат-феодалов выясняется в борьбе с ними Ивана Грозного. Выросшее из удельного порядка Московское государство постепенно принижает княжат, но окончательно сокрушает их силу и их «гордыню», по выражению Грозного, только тогда, когда отнимает у них наследственные удельные владения. Эта грандиозная конфискация наследственных «уделов» у княжат произведена была Грозным его знаменитой «опричниной». В «опричное» управление царя, как выяснил С. Ф. Платонов, взяты были все те места, где было больше всего этих мелких княжеских «государств в государстве». Взамен отнятых наследственных земель княжатам, по верному рассказу Флетчера[90], даны были «другие земли в виде поместий, которыми они владеют, пока угодно царю, в областях столь отдаленных, что там они не имеют ни любви народной, ни влияния, ибо они не там родились и не были там известны». Опричнина, говорит Платонов, «сокрушила землевладение знати в том виде, как оно существовало из старины. Посредством принудительной и систематически произведенной мены земель она уничтожила старые связи удельных княжат с их родовыми вотчинами везде, где считала это необходимым, и раскинула подозрительных в

глазах Грозного княжат по разным местам государства, преимущественно по его окраинам, где они превратились в рядовых служилых землевладельцев».

§ 28. *Процесс раздробления верховной власти*

Уделы мелких князей и княжат безусловно представляют собою учреждение, тожественное по своей природе с сеньериями феодальных князей разных рангов. В них выражается основное начало феодализма — раздробление верховной власти. Настаивая на таком тожестве основных начал удельного и феодального строя, я, однако, вполне признаю различия в процессе их образования. Но это два разных вопроса, и различие происхождения не может ослабить факт тожества двух учреждений. Усилия некоторых наших историков свести сходство двух порядков к случайному сходству «моментов» развития напрасны.

Исторический процесс раздробления верховной власти оказывается по внешности действительно совершенно различным у нас и на Западе. На Западе, как известно, верховная власть в момент крайнего ее ослабления была узурпирована главным образом королевскими чиновниками, графами, а также некоторыми крупнейшими землевладельцами, баронами, опиравшимися на свою сеньериальную независимость (иммунитет). У нас никакой узурпации не было. У нас все государственные права княжат наследственного княжеского происхождения; у нас все эти мелкие княжества возникли путем разделов. На Западе чиновники и землевладельцы стали государями; у нас все удельные государи, большие и малые, одного княжеского рода Рюриковичей; ни один боярин, как и ни один наместник, не сделался у нас князем.

Такова разница в процессе феодализации у нас и на Западе, столь резко противоположная не с точки зрения основ или движущих сил развития, но по внешнему виду исторических событий. Возьмем сначала это противоположение так, как оно только что формулировано: в противоположность Западу у нас ни один наместник и ни один боярин не сделался князем. Разрушает ли это столь резкое на первый взгляд различие выясняемое мною тожество удельного порядка с феодальным? Не разрушает по многим соображениям, и прежде всего потому, что захват власти графами и баронами отнюдь не представляет собою основного момента феодализации и феодализма. Достаточно напомнить, что такого захвата не было в Англии. Историки английского феодального строя, сравнивая его с французским, выясняют только, что «процесс феодализации англосаксонского общества и государства» должен был «привести к тем же, по существу, результатам, какие нам известны из истории континентальной Европы», т. е. «раздробить Англию на ряд самостоятельных политических тел, лишь слабо связанных чисто внешними

узами договорных отношений»; но, говорит Д. М. Петрушевский [91], «этого не случилось»; англосаксонская Англия вследствие норманнского завоевания «уже в XI в. превратилась в самое сильное, самое централизованное государство тогдашней Европы».

В Англии не только не было момента узурпации верховной власти, но не было и вообще в ее феодальном порядке того раздробления суверенитета, которое считается характернейшею чертою классического французского феодализма. У нас же хотя не было исторического момента узурпации, но другими путями создалось *удельное* раздробление верховной власти. При наличности всех других основ феодального строя, из коих главное — сеньериальное право, боярщина-сеньерия, это раздробление верховной власти, эти мелкие уделы и вотчины княжат дают полное основание определять наш удельный порядок, невзирая на различие исторического процесса, как строй одной природы, одного типа, одного рода с порядком феодальным.

Исторический процесс раздробления верховной власти в удельной Руси, как сказано, существенно отличался от того же процесса во Франции и в Германии, но только процесс *исторический*, во всей своеобразности исторических событий: княжеских разделов, с одной стороны, и захвата власти графами — с другой. Процесс же *эволюционный* был весьма сходен у нас и во Франции, будучи следствием одинаковых материальных условий развития. При сравнительном изучении эволюции, перехода от одного строя к другому, узел вопроса завязан в условиях, вызвавших перерождение старого порядка в новый, а не в исторических событиях его перерождения. Весь вопрос в том, как созрел плод нового строя во чреве старого, а не в том, как протекли роды.

В Англии политическое раздробление верховной власти назревало в англосаксонскую эпоху; изучение процесса феодализации приводит историков к убеждению, что этот процесс несомненно привел бы «к тем же, по существу, результатам, какие нам известны из истории континентальной Европы» [92], но что распад власти был предупрежден новой внешней силой, укрепившей центральную власть,— норманнским завоеванием 1066 г. У нас политическое раздробление тоже назревало, как и в Англии, потому что у нас были те же феодальные порядки, с главным из них — сеньериальным правом, которое послужило опорой баронам для узурпации власти, и потому что у нас были те же первобытные вотчинные порядки управления, которые парализуют централизацию обширных областей.

Неважность различия в *историческом* процессе раздробления власти у нас и на Западе становится еще более очевидной с сравнительной точки зрения, если мы примем во внимание, что тот крайний распад власти, какой наблюдается во Франции и менее в Германии, не был результатом естественного развития предшествующих начал, так сказать, органическим результатом феода-

лизации. Иммунитет не развился сам собою в суверенитет, он только послужил опорой для узурпации суверенитета при известных благоприятных обстоятельствах. Иммунитет играл даже при этом второстепенную роль, так как осколки верховной власти были захвачены главным образом королевскими наместниками-графами и только отчасти баронами-землевладельцами.

Одним из посторонних обстоятельств, вызвавших грандиозное крушение каролингской монархии и узурпацию власти графами и баронами, были личные качества «ленивых» и «толстых» королей, недостойных преемников Карла Великого. На этом особенно настаивали старые историки, историки событий и лиц. Но эти личные качества королей могли только ускорить процесс разложения монархии, и не в них заключалась главная его причина. Причиною крушения каролингской монархии было несоответствие обширного государства материальным условиям времени. «Постепенность культурного роста,— говорит Виноградов,— не допускает быстрого появления обширных и сложных государственных систем у молодых, не воспитанных историею народов». Обширное централизованное государство не соответствовало эпохе натурального хозяйства, которое препятствовало централизации, связности частей, разрывая области на множество самодовлеющих хозяйственных мирков. Необходимую для обширного централизованного государства связность частей дает гораздо позже денежное хозяйство, связывающее части страны в одно целое торговым обменом, обусловливающее культурное объединение, нивелировку племен, накопляющее в одном из пунктов средоточия власти капиталы, необходимые для прочного господства центра над окраинами. Обширная каролингская монархия возникла слишком рано, когда господствовало всецело натуральное хозяйство, которое не связывало, а, наоборот, разобщало отдельные районы страны как самодовлеющие хозяйственные мирки. Отсутствие экономической связности частей, отсутствие культурного единства, недостаток денежных средств и географическая разрозненность различных местностей вследствие недостатка путей сообщения совершенно обессиливали централизованное государственное управление. Слабость же этого управления, недостаток государственной защиты вызывали частные союзы защиты, господский и мирской самосуд; политическая власть разъединялась соответственно разъединению хозяйственному.

Централизованная каролингская монархия пала прежде всего вследствие ее несоответствия экономической и географической разрозненности эпохи натурального хозяйства. Это несоответствие обнаружилось особенно после Карла Великого, когда начали населяться и развиваться окраины обширной империи; центральной власти стало тогда совсем не под силу держать в подчинении обособленные экономически и географически все усиливавшиеся части страны. Поэтому-то все обособленные мирки, получив

самостоятельность при падении центральной власти, и удержали ее за собою на несколько столетий. Поэтому-то, новое и уже прочное государственное объединение территорий явилось только тогда, когда кончилось полное господство натурального хозяйства и развилось хозяйство денежное, создавшее необходимую для централизованного управления связность частей территории.

В удельной Руси мы находим те же самые основные условия раздробления государственной власти, что и на Западе. Мы находим: 1) географическую разрозненность; населенность редкими оазисами среди дебрей лесов и топи болот и недостаток путей сообщения; 2) хозяйственную разрозненность этих оазисов, обусловленную господством натурального хозяйства.

В эту пору, при первой колонизации Северо-Восточной Руси, население занимало прежде всего, как говорит Ключевский, «нагорные берега рек и сухие рамена по окраинам вековых непроходимых лесов. Так вытягивались жилые полосы, обитаемые острова среди дремучих, теперь исчезнувших, лесов и заросших или зарастающих болот». Многие вновь населявшиеся места были «ограждены отовсюду, яко оградою», по выражению житий, «великими и страшными дебри, и многими лесы, и зыбучими мхами, и непроходимыми блаты». В глухих болотистых углах нашего севера и до недавнего времени встречались деревни, в которые можно было проехать только зимою, когда замерзали болота. «Этими болотами и этою грязью,— писал Герцен в 1840-х годах,— защищались новгородцы некогда от великокняжеского и великоханского ига, теперь защищаются от великополицейского» [93].

Эта-то обособленность отдельных населенных округов, больших и малых, эта географическая и экономическая разрозненность страны и была у нас, так же как на Западе, главною причиною раздробления власти. Географическое и экономическое разъединение неизбежно обусловливало разъединение политическое или государственное. Обособленные округа, самостоятельные экономически в условиях натурального хозяйства, отрезанные географически от других у нас «страшными дебри и непроходимыми блаты» или на Западе во многих местах горами, в других — также лесами и болотами [47*], обособлялись и политически. Князь или его наместник при разрозненности, при раскиданности его владений не мог обеспечить необходимой защиты населению; приходилось «защищаться» или управляться самим, или миром, или доверяясь господину-боярину; обособленные мирки всюду, как они сами кормились, так сами и судились. Этот «самосуд» в виде как древнейшего мирского самоуправления, так и самостоятельного боярского господства был всецело обусловлен географиче-

[47*] Некоторые западные жития святых одинаково с русскими говорят об основании монастырей в уединенных местах среди лесов и болот. (*Guerard B.* Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin. P., 1841. P. 16—17).

ской и экономической разрозненностью, обессиливавшей государственную центральную власть.

Раздробление власти выражается не только в этом мирском и боярском «самосуде», не только в некоторых государственных правах мелких мирков — волостных общин и боярщин, но и в более полной государственной самостоятельности крупнейших округов — княжеских владений, уделов. Разделение верховной власти между удельными князьями, быстрое дробление страны на уделы с владетельными суверенными правами произрастает на той же почве, как и мирской и боярский самосуд, на почве экономической и географической разрозненности.

Процесс *исторический* этого дробления власти был, как я говорил выше, неодинаков у нас и на Западе. *События* были у нас непохожи на западные. На Западе империя Карла, разделенная на три части Людовиком Благочестивым и снова соединившаяся в руках Карла Толстого, сразу упала, когда угасла династия Каролингов. Воспользовавшись ослаблением центральной власти, графы-управители и некоторые крупнейшие землевладельцы расхитили верховную власть, возвысившись до положения государей. У нас же обширная Северо-Восточная Русь, составлявшая в XI—XII вв. единое княжество, после раздела ее между сыновьями Всеволода Большое Гнездо и его сына Ярослава в первой половине XIII столетия распадается на несколько значительных княжеств-территорий — Тверское, Ярославское, Ростовское, Белозерское, Московское — и затем постепенно и непрерывно делится на все более мелкие княжеские уделы.

События были различны: там быстрое крушение государства и раздробление власти на основе узурпации, у нас — постепенное дробление власти на основе семейных княжеских разделов. Но существо процесса — с точки зрения не исторической, а эволюционной — то же самое: дробление власти и слияние ее с землевладением. Оно вызвано было теми же условиями, что и на Западе,— разрозненностью страны и слабостью централизованного управления, и оно имело те же результаты, что и на Западе,— образование множества мелких владений с полусуверенными правами.

На Западе род Каролингов рано угас; у нас же семья Всеволода Большое Гнездо быстро разрослась в многочисленное княжеское племя. Члены этого княжеского племени постепенно освоили то главенство над мелкими обособленными мирками, которое на Западе захвачено было графами и баронами. Разделы предупредили у нас узурпацию. Результаты же этих различных «исторических» процессов были одинаковы, потому что одинаковы были условия «эволюции». Раздробление верховной власти не ограничилось у нас, как и на Западе, сеньериальной независимостью боярщин, боярским «самосудом», но проявилось также в рассеянии верховных прав по множеству княжеских вотчинных уделов.

Ни один боярин не стал у нас князем-государем, но, повинуясь велениям эволюции, племя великого князя, приблизившись в лице княжат к боярам, сохранило только те полусуверенные права, какие имели на Западе бояре-бароны, узурпировавшие частицы суверенитета.

Мне могут сказать, что, как бы ни были похожи наши княжата на западных полусуверенных сеньеров, они отличаются тем, что права их опираются всецело на наследственное преемство власти. Но это отличие мнимое. Западные князья и графы феодальной эпохи точно так же, как наши княжата, основывают свои права на наследственности, хотя и не на родстве с Каролингами, как наши князья на родстве с Рюриком. Они опираются на наследственность княжеских и графских прав; источником же этих прав является также власть государственная, королевская, потому что феодальные графы связывают свои права с правами, делегированными королем их предкам, графам-управителям. И действительно, государственная власть крупнейших территориальных княжеств и графств развилась в феодальную эпоху на основе древней графской власти на территориальные округа. Наши княжата XIV—XVI вв. и в этом отношении похожи на западных князей — дюков, герцогов и графов — эпохи расцвета феодализма, как родные братья или как близкие родственники.

III. ВАССАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ

§ 29. Вассальство и бенефиций в феодальном договоре

Наряду с раздроблением верховной власти, проявляющимся как в боярском «самосуде» или в сеньериальном праве бояр, так и в полусуверенной власти, свойственной удельным князьям и княжатам, мы находим в удельной Руси второе основное начало феодализма: объединение землевладельцев-сеньеров договорными вассальными связями, или вассальную иерархию.

Феодальный договор, как хорошо известно, возник из тесного соединения вассальства с бенефицием. Соединение это было очень тесно в теории; договор заключался не иначе как при условии пожалования земли; вассал объявлял себя *человеком* сеньера *за такой-то феод*. Но, как ни тесно соединились в этой формуле вассальство и бенефиций, они, однако, не слились, не переродились в совершенно новый институт. Соединение вассальства с бенефицием в феоде не было таким химическим сплавом двух элементов, который дает новое вещество с совершенно новым свойством, но таким механическим составом, в котором оба смешанных вещества легко разъединяются. В феодальном договоре и вассальство и бенефиций сохраняют свои свойства, таются как два элемента, не слитые, не перерожденные, но

только соединенные. Эти два элемента легко разъединяются при анализе феодального договора и даже в феодальное время обозначаются каждый особо старыми терминами. Историки, даже строго придерживающиеся старой теории феодализма, называют *феодалов вассалами* и говорят об их *вассальных* обязанностях. В феодальную эпоху бенефиций сохранил свое самостоятельное значение рядом с вассальством не только по существу, но и в терминологии, потому что «feodum» первоначально означало не что иное, как «beneficium» (одно слово — «beneficium» — латинское, другое — латинизированное, германского корня), и по актам очень трудно определить, когда же, собственно, термин «феод» начинает обозначать не пожизненное, легко отъемлемое пожалование — бенефиций, а наследственное, хотя и также условное, но более прочное, владение, феод в специальном позднейшем смысле слова. Вассальство *не переродилось*, соединившись с бенефицием; оно *сохранилось* всецело в феодальном договоре, слагающемся из двух особых актов: акта вступления в вассальную службу и акта пожалования земли. Разница только в том, что теперь вассальство по самой форме договора закреплялось пожалованием земли, хотя, однако, fief-terre нередко заменялся fief-office и fief-argent. Старые термины (beneficium, vassus, senior) заменялись новыми (feodum, homo, dominus), но, замечает Люшер, *«отношения, по существу, остались теми же самыми, той же природы»* [48*].

Феодальный договор легко разлагается на два его элемента по раздельным актам, входящим в его состав: 1) оммаж и клятва верности (hominium, или homagium, и fidelitas) скрепляющие вассальные обязанности, и 2) акт инвеституры, или ввода во владение,— пожалование бенефиция, феода. Оммаж (hominium) представлял собою основной акт признания себя *человеком* (homo) господина, признания частной личной зависимости, коренящийся в древнейшем мундебуре [94]. Это признание себя *человеком* господина закреплялось вторым актом: клятвой верности (fidelitas, foi); эта клятва первоначально состояла в торжественном обрядовом заявлении верности; позднее под влиянием христианства к ней прибавлен был христианский обряд клятвы над мощами святых или над евангелием. Таким признанием себя человеком господина и клятвою верности лицо принимало на себя, так же как в старину, обязанность вассальной службы, определяемую двумя словами — «совет и помощь» (consilium et auxilium). Затем раздельно от этого заключения старого вассального договора следует инвеститура, символическая обрядность ввода во владение. «Затем граф,— читаем в современной записи,— палкою, которую он держал в руке, дал инвеституру всем

[48*] «Les relations, au fond, sont restées de même nature» (*Luchaire A.* Manuel... P. 185).

тем, кто описанным образом обязался верностью, оммажем и клятвою».

В феодальном договоре вассальные обязательства тесно соединяются с пожалованием земли (бенефиция-феода) и обрядность инвеституры непременно следует для полноты договора за оммажем и клятвою верности; они соединяются формально в нечто целое, в договор собственно феодальный. Но по существу, вассальство и бенефиций сохраняют каждый свое самостоятельное значение; в некоторых случаях, как выяснено выше (§ 24), реально перевешивает пожалование земли в старой форме службы, всецело обусловленной пожалованием бенефиция, в других случаях такое пожалование земли оказывается совершенной фикцией, как, например, в феодальных договорах между крупными сеньерами, и реальное значение имеет единственно обязательство службы, признание зависимости, т. е. договор вассальный, оммажа и верности. В позднейший период феодальной эпохи центр тяжести феодального договора все более переносится на его бенефициальный элемент, на пожалование земли; феодальный договор все более «пускает корни в землю»; но чем более углубляются историки в изучение сложных феодальных отношений, тем к более позднему времени относят они тот момент, когда земля становится «религией феодализма».

Два начала действуют в феодальную эпоху: древнейшая, чисто личная служба, оммаж и верность, служба дружинная и вассальная, и, с другой стороны, зависимость по земле, служба, строго обусловленная землевладением. Эти начала соединяются в феодальном договоре, но не сливаются, так как в различных категориях таких договоров имеет перевес то одно начало, то другое. Второе начало, службы с земли в строгом соответствии с пожалованной землею-феодом, торжествует к концу средневековья и, окончательно скрепляя личные связи поземельными, служит опорою для усиления и затем торжества нового территориального государственного порядка.

Феодальный договор в старой теории феодализма схематически прикрывает собою различные реальные отношения и различные начала порядка [95]. Сравнительное же изучение может быть плодотворным только тогда, когда оно опирается не на схему, а на действительность, когда основные начала двух порядков сравниваются по их не схематическому, а реальному значению.

§ 30. Боярская служба и служба вассальная

Основные начала *вассальной службы*, одного из двух элементов феодального договора, легко выясняются в *боярской службе* удельного времени. Эта боярская служба представляет собою, безусловно, учреждение, тожественное по своей природе с вассальством феодальной эпохи.

Вассальство, как это доказано исследованиями Бруннера[96], очень тесно связано преемственно с древнейшей дружиной. Вассал точно так же, как древнейший дружинник, прежде всего *вольный военный слуга* своего господина. Так же как дружинник, вассал не подданный и не наемник, он свободный человек, обязавшийся верно служить господину на поле брани. Отношения вассалов, так же как дружинников, к князю-господину определяются одинаковым свободным договором военной службы и верности. Но отношения их к князю, одинаковые по юридическому существу договора, в то же время значительно различаются в зависимости от различного хозяйственного положения дружинников и вассалов. Дружинники тесно связаны со своим князем, потому что они связаны с ним не только нравственно, клятвою верности и службы, но и материально, хозяйственным сожительством с князем. Те и другие — люди близкие к князю, *его люди* (homines), люди его дома, его очага, его мундебура. Но дружинники принадлежат к его дому, к его очагу не только отвлеченно, но и реально; они действительно живут в ограде его дома и греются и питаются у его очага. Они, говорит Бруннер, «едят, пируют и спят в палатах господина». Вассалы, наоборот, живут в отдалении от господина, на своих землях, пожалованных или собственных, и ведут свое самостоятельное хозяйство. Дружина превращается в вассальство, когда дружинники из перехожих воинов становятся оседлыми землевладельцами, оставаясь воинами, и, уже только нравственно, людьми дома, очага-огнища своего господина.

Наша боярская служба совершенно так же, как вассальство, находится в теснейшей преемственной связи с службой дружинной. Мне нет надобности особенно настаивать на этом положении, потому что наши исследователи согласно признают близкое сходство русской дружины с германской и так же согласно признают, что в позднейшей боярской службе удельного периода сохраняются основные начала дружины. Некоторые исследователи, в том числе, как мы видели выше, Соловьев, даже полагают, что «бояре и слуги» северных князей не отличаются от дружинников, что они сохраняют прежний характер товарищей, подвижных спутников князя, не приобретя той земельной оседлости, какою вассальство феодальной эпохи отличается от подвижной бродячей дружины. Другие же историки заметили следы развития на Севере частного землевладения дружины, и некоторые правильно полагали, что оседлость князей на Севере связана была с оседлостью дружины. Известный нам из писцовых книг факт широкого развития крупного землевладения в конце XV в.— до того, что в некоторых местах боярщина всецело торжествовала над общиной по французскому правилу «nulle terre sans seigneur»,— дает в связи с другими соображениями твердое основание полагать, что и в более раннее время в удельной Руси

крупное боярское землевладение уже имело большое значение и что «бояре и слуги» удельных князей имели земельную оседлость, подобно вассалам, и одинаково с ними такою оседлостью отличались от дружинников (см. § 5, 10, 20, 21).

Точно так, как вассал и как древнейший дружинник, наш удельный боярин — прежде всего *военный* слуга своего князя. В «военно-служебной обязанности вассала,— говорит Бруннер,— лежит столько же историко-юридический, сколько и политический центр тяжести вассалитета»[97]. Этот центральный пункт вассальной службы выясняется вполне в нашей боярской службе многочисленными договорными грамотами князей XIV—XV столетий. Эти грамоты свидетельствуют о непременной обязанности бояр следовать за князем, когда он «садится на конь», т. е. выступает в военный поход. Так, например, великий князь Дмитрий Донской в договоре 1388 г. обязывает князя Владимира Андреевича: «А коли ми будет самому всести на конь, а тобе со мною, или тя куды пошлю, и *твои бояре с тобою*». Эта боярская военная служба имела важное значение потому, что бояре не только лично выступали на войну, а всегда в сопровождении более или менее значительных отрядов своих слуг и людей.

Военная служба боярина, как и вассала, коренным образом отличается от военной повинности, связанной с государственным территориальным подданством. Боярская служба, как и вассальство, основана не на территориальном подчинении, а на свободном договоре слуги с господином. Эта вторая основная черта вассальства выясняется также вполне из тех же междукняжеских договоров удельного времени. Некоторые из этих договоров резко подчеркивают независимость боярской службы от территориальной подвластности: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем и ехати, кому служит» (1390 г.). Или: «А кто кому служит, тот с своим осподарем и едет» (1434 г.).

Связанный служебным договором с князем, боярин был его *вольным* слугою, потому что этот договор не связывал его неразрывно на всю жизнь, потому что боярин сохранял за собою право открыто порвать свою зависимость. В договорные грамоты постоянно включалась известная статья, обеспечивавшая свободу службы бояр: «*А боярам и слугам межи нас (князей) вольным воля*». Великие и удельные князья при этом не только подтверждали боярское право отъезда, но и взаимно обязывались «не держать нелюбья» на отъехавших слуг.

Эта статья междукняжеских договоров является главною опорою распространенного среди наших историков мнения о сохранении в удельное время всецело древних дружинных отношений, о крайней подвижности бояр, о их постоянных «странствованиях» от одного князя к другому и отсюда о коренной противоположности между подвижностью удельной Руси и устойчивой твердостью

феодального Запада (§ 5, 7). Так, Чичерин, сравнивая служебные договоры наших бояр с вассальными, противополагал «временный» характер наших договоров «постоянному, наследственному» характеру западных и отсюда делал широкий вывод о «прочности и крепости гражданских отношений на Западе» и о «совершенной шаткости» их у нас [98].

Но все соображения этого рода основаны единственно на ошибочном представлении о соответствующих отношениях Запада, и прежде всего на ошибочном понимании существа вассальной службы. Чичерин, в частности, был введен в заблуждение в свое время Вайцем, который, действительно, настаивал на неразрывности вассального договора в феодальную эпоху. Вайц полагал, что установленная капитулярием Карла Великого 813 г. неразрывность вассальства, кроме четырех строго определенных случаев, удержалась в последующее время. Но по отношению к германским порядкам ошибка Вайца в последнее время исправлена Бруннером, который доказывает, что «немецкое и лангобардское ленное право не дает указаний на неразрывность вассалитета». «То и другое право,— говорит он,— в этом пункте вернулось к основоположениям германского дружинного быта; а именно считалось, что вассал правоспособен при условии возвращения лена разорвать служебное отношение» [99].

То же начало сохранилось, по мнению многих французских историков, и во Франции, несмотря на все старания феодальных сюзеренов закрепить за собою своих вассалов. По общему правилу, вассал и здесь свободен был «отказаться» от своего сюзерена (se désavouer) под условием возвращения ему своего бенефиция или феода. О помянутом капитулярии 813 г., ограничивавшем свободу вассалов, Гизо говорит, что Карл Великий «не достиг всего, что он хотел», и что «еще долгое время спустя чрезвычайная подвижность (une extrême mobilité) господствовала в этой области отношений». «Эта возможность разлучаться, порывать социальную связь», несмотря на усилия законодательства ее ограничить или оформить, говорит Гизо, «оставалась первоначальным и господствующим принципом феодализма» [100].

Вайц, настаивавший на неразрывности вассального договора в теории, тем не менее сам признает, что в жизни она не существовала. «Памятники XI столетия,— говорит он,— наполнены отзвуками жалоб на то, что присяга, данная князьями королю и вассалами своим господам, мало почитается, часто нарушается единственно из погони за выгодой, чтобы от других получить бо́льшие преимущества, новые лены». Во время частых междоусобий князей-соперников, продолжает Вайц, «вассалы присоединялись то к одной стороне, то к другой, оставляли старых господ, чтобы от новых получить большую выгоду... Здесь властвовала сила обстоятельств и давала простор произволу» [101]. И новый французский историк феодализма Люшер говорит то же самое о Франции; он

говорит, что «феодальная независимость» здесь была «доведена до крайних пределов», что «связь вассальства и верности беспрестанно разрывалась»[102].

Итак, вассальный договор и на Западе был таким же временным, столь же непрочным, как и у нас. Западные вассалы были такими же вольными слугами, как и наши бояре. И все это позволяет сблизить боярскую службу с вассальством до признания тожества их как правовых учреждений.

Кроме военной службы (servitium, auxilium), вассалы обязаны были также служить господину своим *советом* (consilium). Они заседали в совете-курии сюзерена и обязаны были являться к его двору по его требованию. О наших боярах-слугах удельного времени мы знаем также, что они служили своим князьям не только как воины, но и как советчики, в боярской думе. «Боярский совет при князе удельного времени,— говорит Ключевский,— не имел постоянного состава... Иные дела князь решал, «сгадав» с довольно значительным числом советников; при решении других, по-видимому, столь же важных или столь же неважных дел присутствовало всего два-три боярина, даже при таких дворах, где их всегда можно было собрать гораздо больше»[103]. Ту же неопределенность состава, как и устройства, отмечает Люшер в совете-курии высших сюзеренов XIII в. «Этот совет,— говорит он,— по своему составу, по своей компетенции, как и по условиям, в которых он проявляет свое действие, не представляет ничего твердого, постоянного, окончательно установленного. Все в нем изменчиво и эластично, потому что он, собственно говоря, состоит из приближенных сеньера и потому, как по числу, так и по значению этих приближенных, может сильно изменяться со дня на день»[104].

Служебный вассальный договор закреплялся у нас и на Западе сходными обрядностями. Закреплявшая вассальный договор в феодальное время обрядность оммажа, так же как древнейшая обрядность коммендации, вручения, состояла в том, что вассал в знак своей покорности господину становился перед ним на колени и клал свои, сложенные вместе, руки в руки сеньера; иногда в знак еще большей покорности вассал, стоя на коленях, клал свои руки под ноги сеньера. У нас находим вполне соответствующую этой обрядности обрядность *челобитья*. Боярин у нас бил челом в землю перед князем в знак своего подчинения. В позднейшее время выражение «бить челом» употреблялось в иносказательном смысле униженной просьбы. Но в удельное время это выражение обозначало действительное *челобитье*, поклон в землю, как видно из обычного обозначения вступления в службу словами «*бить челом в службу*». Как на Западе обрядность коммендации (вручения) совершалась не только при вступлении в вассальную службу, но и при защитном подчинении, точно так и у нас рядом с выражением «бить челом в службу» мы находим выражение «бить челом для береженья», относящееся к зависимости защитной. Во

второй половине удельного периода одна обрядность челобитья считалась уже недостаточной для закрепления служебного договора, и к этой обрядности присоединяется церковный обряд, целование креста. Такая же церковная присяга, клятва на евангелии, на мощах или кресте, совершалась и на Западе для закрепления феодального договора в дополнение к старой обрядности коммендации или оммажа.

Как вступление в вассальную зависимость совершалось открыто, публично, с торжественной присягой, точно так и для разрыва вассального договора требовалось как непременное условие открытое заявление об отказе вассала от своего обещания верности. Изменником считался только тот вассал, который оставлял своего сеньера, не заявив ему открыто о своем отречении от договора, о своем отказе (désaveu). Вольность вассала, как и дружинника, состояла именно в этом праве открыто взять назад свою клятву верности. Существо вассального обязательства состояло именно в обещании служить верно, *доколе* это обещание не будет взято назад, доколе вассал не заявит открыто, что он больше не признает себя слугою, человеком (homo) своего господина. «Я сохраню верность, как тебе обещал,— говорил вассал сюзерену,— *доколе буду твоим* и буду держать твое имение».

Наши летописи сохранили нам драгоценное известие о таком же формальном *отказе* наших бояр от службы. Когда нижегородские бояре в 1392 г. решили оставить своего князя Бориса Константиновича и перейти к врагу его, московскому князю, то старейший из бояр, Василий Румянец, открыто заявил своему князю: «Господине княже, не надейся на нас, *уже бо есмы отныне не твои*, и несть есмя с тобою, но на тя есмы». Так точно на Западе вассал, отказываясь от сеньера, открыто говорил ему: «Уже не буду тебе верным, не буду служить тебе и не буду обязан верностью».

Такое отречение от сеньера называлось на Западе специальными терминами «défi» и «désaveu» (от «se désavouer»). Наш древний термин *отказ*, обозначавший такое же отречение от господина, точно соответствует термину «désaveu». Отречение от службы называлось *отказом*, а вступление в боярскую службу — *приказом*: «*Били челом* великому князю *в службу* бояре новогородские и все дети боярские и житии, да *приказався* вышли от него». Наша боярская служба так близка к вассальству, что в нашей древности мы находим даже точно соответствующие западным термины: приказаться — avouer, отказаться — se désavouer. И главный термин, обозначающий существо отношений боярина к князю,— термин *слуга* тожествен не только по значению, но и по корню слова с термином *вассал*, потому что вассал первоначально значило именно *слуга*; отношение вассала к сеньеру и позднее обозначается терминами *служба* — *servitium*, *служить* — *servire*. При описании удельно-феодального порядка в этом случае, как

и в других, мы могли бы даже не пользоваться западными терминами, заменив их однозначащими русскими. К сожалению, специальное значение наших средневековых терминов затемняется для нас иным, новым смыслом тех же слов. Но если мы хотим понять удельный порядок, то мы должны прежде всего усвоить этот особый средневековый смысл знакомых нам слов, мы должны помнить, что *слуга* того времени не имеет ничего общего со *слугою*, с домашним служителем наших дней, а означает и князя, и видного боярина, обязавшегося почетной военной службой своему князю, иначе говоря, означает вассала.

Главные черты описанного договора боярской службы находим мы и в служебных отношениях к великим князьям мелких удельных князей. Как на Западе один и тот же вассальный договор объединял не только мелких бенефициалов с сеньерами, но и высшие титулованные сеньерии и целые государства, так и у нас междукняжеские отношения во второй половине средневековья приблизились, по существу, к договору боярской службы.

Договорная грамота великого князя рязанского с великим князем литовским 1430 г. очень далека от междукняжеского договора как междугосударственного трактата. Несравненно более слабый в сравнении с литовским великим князем Витовтом рязанский удельный князь Иван Федорович, также наследственно именующийся великим князем, признает свое подчиненное служебное положение, называя Витовта своим «осподарем», как называли все зависимые люди своих господ. Он заключает этой грамотой, в сущности, договор о боярской службе, во всех его основных чертах. Это не междукняжеский договор, а служебный ряд зависимого князька с его господином, великим князем.

Рязанский князь бьет челом своему «осподарю» Витовту, дается ему на службу и обещает ему служить верно и бесхитростно: «Господину осподарю моему... добил есми челом, дал ся есми ему на службу, и осподарь мой... принял меня на службу: служити ми ему верно, бесхитростно, и быти ми с ним за один на всякого». Это не что иное, как обязательства службы и верности (servitium и fidelitas), лежавшие в основе вассального договора. Закрепляется он на Западе обрядом вручения и коленопреклонения, у нас — обрядом челобитья. К обряду оммажа присоединяется на Западе церковная присяга, и в рассматриваемой грамоте к челобитью присоединяется крестоцелование: «А на том на всем яз... целовал крест своему осподарю». Князь-слуга, как и вассал, пользуется защитой своего «осподаря»: Витовт обязуется «боронити от всякого» своего слугу, рязанского князя.

Неприкосновенность владений рязанского князя строго охраняется от поползновений на них его «осподаря»: «А великому кня-
Витовту в вотчину мою не вступатися ни в землю, ни в воду».
ы знаем, что и на Западе крупнейшие сеньерии, особенно вла-
я-территории титулованных сеньеров, при вассальном подчи-

нении сохраняли полную свою независимость; сюзерены также «не вступались в их землю и в воду» и довольствовались номинальной зависимостью их владений.

§ 31. Подвассалы: слуги боярские, дети боярские

Вассал, служащий королю или крупному сеньеру, обыкновенно на Западе имеет подвассалов (вавассеров, или arrièrevassaux), служащих ему по тому же самому вассальному договору, каким он сам связан со своим сюзереном. Эта-то иерархия, или лествица зависимых служебных отношений, и составляет вторую основную черту феодализма.

Наш удельный боярин, вассальный слуга князя, наравне с своим западным товарищем феодалом имеет своих слуг, подчиненных ему на тех же началах военной, вольной, договорной службы. Боярин, так же как западный вассал, должен был иметь своих военных слуг, потому что он исполнял вполне свое обязательство службы только тогда, когда по призыву князя «садился на конь», являлся в военном снаряжении не один, а в сопровождении более или менее многочисленного отряда своих конных слуг и пеших людей.

О предшественниках удельных бояр, дружинниках, мы знаем, что виднейшие из них имели собственные дружины «отроков», не смешивавшиеся с дружиной княжеской. Дружина Игоря, по начальной летописи, завидовала дружине его боярина Свенельда, говоря: «Отроки Свеньлжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази» (945 г.). Русская Правда отличает от дружины княжеской «боярскую дружину».

Четыре-пять столетий спустя, в конце удельного периода, мы находим не менее ясные свидетельства о боярских дворах, о служилых людях бояр, служащих им на тех же основаниях, на каких сами бояре служат великим князьям. После покорения Великого Новгорода по приказанию великого князя Ивана III были «распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди» и этим боярским служилым людям московский государь дает поместья, переводя их из боярской зависимости (mouvance) в непосредственную зависимость от самого себя, из «боярского двора» — в «двор государев».

Такое же ясное указание на боярских слуг и на вассальный характер их службы дает тверская писцовая книга 1540 г. Термин «служить» имеет в этой книге специальный смысл службы военной, и наряду со многими детьми боярскими, помещиками и вотчинниками в ней названо много детей боярских, «служащих» не великому князю, но зависящим от него князьям, боярам и тверскому архиепископу. Например: «Иван служит царю и великому князю, а Богдан служит владыке тверскому»; «Огарок служит

князю С. И. Микулинскому, а Шестой служит В. П. Борисову». Число лиц, служивших архиепископу, князьям и боярам, равняется половине числа лиц, служивших великому князю.

От более древнего времени находим указание на подвассалов в великокняжеской грамоте, написанной около 1400 г. Великий князь Василий Дмитриевич так говорит в этой грамоте о военной вассальной службе бояр и слуг митрополиту: «А про войну, коли яз сам великий князь сяду на конь, тогда и митрополичьим боярам и слугам». И при этом, как бы подчеркивая вассальный характер службы митрополичьих бояр, великий князь постановляет, что они должны идти на войну «под стягом великого князя», но «под митрополичьим воеводою». Митрополичьи бояре и слуги составляли, таким образом, в походе особый отряд под начальством своего воеводы, лишь чрез его посредство подчиненный великому князю. Здесь даже в военном походном распорядке охраняется известный принцип вассальных отношений: «вассал моего вассала не есть мой вассал» или, если перевести эти слова соответствующими древнерусскими, «слуга моего слуги несть мой слуга». Феодальный характер службы митрополичьих и архиерейских бояр хорошо определяет Каптерев[105], подобно многим нашим историкам не сознающий этого значения своих выводов из источников или не находящий нужным его отметить. «Архиерейские бояре,— говорит он,— в древнейшее время ничем не разнились от бояр княжеских по своему происхождению и по своему общественному положению... Они поступали на службу к архиереям точно так же и на тех же условиях, как и к князьям, т. е. с обязательством отбывать военную повинность и нести службу при дворе архиерея, за что получали от него в пользование земли». Бояре служат архиереям на тех же самых основаниях, как и великим князьям, т. е. по вассально-служебному договору. На тех же основаниях, по тому же договору служили боярам их слуги, подвассалы. Эти боярские слуги назывались в удельное время *детьми боярскими*.

По распространенному в наше время взгляду *дети боярские* удельного времени были обедневшими сыновьями бояр. Этот высказанный впервые Рейцем[106] взгляд на детей боярских как на обедневших потомков бояр поддерживает В. И. Сергеевич. Он, однако, не приводит в подтверждение его никаких данных, кроме очень простого, буквального толкования термина: дети боярские — суть дети, *сыновья бояр* и отсюда также их внуки и правнуки. В наше время мы, действительно, знаем *сыновей* коллежских регистраторов и титулярных советников, но эта полицейская терминология возникла оттого, что звание коллежского регистратора есть не наследственное сословное звание, а личный чин. Боярство у нас стало чином очень поздно, с XVII в., когда московские государи начали «сказывать боярство»; в удельное же время термин «боярин» обозначал сословного привилегированного землевладельца; а сыновья и внуки бояр, как бы они ни обеднели, оста-

вались боярами, как в наши дни попавшие в босяки дворяне остаются дворянами.

Карамзин давно уже напал на верное объяснение термина «дети боярские», сблизив их с «боярскими отроками» дружинной эпохи. Это объяснение, разделявшееся и некоторыми другими исследователями до 50-х годов[107], может быть обосновано многими соображениями, кроме приведенного выше аргумента о наследственности боярства. Слово «детя», по Срезневскому[108], в древности значило не только «дитя» и «сын», но и «юноша» и «отрок». «Дети боярские» — это только новое название «отроков боярских», боярской дружины или боярского двора. Обедневшие, упавшие потомки бояр остаются наследственно боярами и иногда называются уничижительно не детьми боярскими, но *бояришками*, как позднее мелкие князья назывались княжатами. Из сопоставления грамот XV в. выясняется, что термин «дети боярские» заменяется в них словами «боярские люди» и «дворяне», т. е. «люди, принадлежащие к боярскому двору».

При торжестве государственного порядка над порядком удельным в XV—XVI вв. дети боярские стали слугами московского государя, причем заняли второе место после людей, принадлежавших к двору великого князя, или его дворян. Упомянутое выше известие о том, как Иван III вывел из княжеских и боярских дворов боярских слуг и наделил их поместьями, характеризует процесс превращения при Иване III и позже детей боярских, т. е. слуг, дворян боярских, в слуг великокняжеских. Ломая указанный выше принцип: «слуга моего слуги несть мой слуга», усилившиеся московские государи переводят детей боярских из боярских дворов в свой двор. В этом государевом дворе дети боярские, естественно, заняли второе место после дворян государевых. И в XVII в. «дворяне» составляли первый «чин» служилых людей, а «дети боярские» — второй.

В переходе детей боярских из зависимости боярской в зависимость великокняжескую мы узнаем явление хорошо известное в истории феодализма. На Западе еще в эпоху расцвета феодализма территориальные князья всячески старались привести в непосредственную свою зависимость (mouvance) подвассалов, зависевших от них по указанному принципу феодальных отношений лишь чрез посредство вассалов. В некоторых княжествах подвассалы перешли в непосредственную зависимость от территориальных государей, князей, очень рано, в других — лишь при полном торжестве государственного порядка.

§ 32. Защита

Вассальный договор с точки зрения обязанностей господина является одним из защитных отношений, широко распространенных в дофеодальную и в феодальную эпохи. В древнейший дру-

жинный период эта княжеская защита выражалась, между прочим, в повышенной до тройного размера вире, охранявшей жизнь и честь дружинников. В феодальную эпоху, как и раньше, право вассалов на особую защиту со стороны их господина проявлялось в их непосредственной подсудности сеньеру. О таком же праве наших бояр свидетельствуют жалованные грамоты, которые обеспечивают боярам, как и игуменам, личный суд князя, помимо наместников: «А кому будет чего искать на NN или на их приказчике, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введеный».

Рядом с защитной служебной зависимостью в удельной Руси, как и в других феодальных странах, мы находим и собственно защитную зависимость, или патронат. Подзащитные люди назывались у нас людьми *заступными*, людьми задавшимися и особенно *закладнями*, от глагола *закладываться*, в смысле *задаваться*, укрываться, отдаваться под защиту. Исследователи наши, за исключением Соловьева, видели в «закладнях» и «закладчиках» людей, отдавших себя в залог по закладному контракту. Но тут наших историков ввел в заблуждение, как и в некоторых других случаях, старый термин «закладываться», который они очень неосторожно объяснили по современному нам смыслу того же слова. Между тем слово «закладываться» в древности имело особый смысл: задаваться, укрываться, защищаться. Это подтверждается большим числом собранных мною цитат из памятников. В Ипатьевской летописи, например, слово «заложиться» несколько раз встречается в значении укрыться, заслониться ночью, лесом, рекою: «Есть река у Любча и пришедше сташа, заложившеся ею», или «а еще стоить, заложивъся лесом». В актах XV—XVI столетий выражение «заложиться за кого-нибудь» часто обозначает государственное подчинение с оттенком защиты, оберегания. Так, на соборе 1566 г. духовенство, рассуждая о захвате польским королем ливонских городов, говорило: «А достальные немцы, видя свое неизможение, заложилися за короля и со своими городы, и король те городы ливонские держит за собою в обереганье неподельно». Так, например, казанский летописец писал о черемисах: «Нагорняя Черемиса отступиша от них (казанцев) вся и заложися за московского царя». Произведенные от слова «закладываться за кого-нибудь», в смысле задаваться, слова «заклaдень» и «закладчик» означали задавшегося, подзащитного человека. В этом смысле, например, статейный список начала XVII в. называет кавказских «кумыцких» князей «закладчиками Турского царя».

Закладничество означало вступление под защиту сильного человека, одинаковое с западноевропейской коммендацией. Так же как на Западе, мы находим в удельное время не только коммендацию личную, но и земельную, коммендацию лица с землей. Грамоты наши говорят о «заложившихся селах», о «задавшихся волостках», о «селах, зашедших без кун», т. е. о безденежной, за-

щитной коммендации лиц вместе с принадлежавшими им селами и волостками.

Задавшиеся люди у нас, как и на Западе, становясь людьми своего господина, освобождались под его заступой от подчинения государственной власти даже в XVII в.; посадские люди жаловались, что закладчики «с промыслов своих и с вотчин государевых податей не платят и служеб не служат, а живут всегда во льготе» и что «воеводы на тех людей в их насильствах суда не дают». В XVII в. в Московском государстве главною причиною развития закладничества было стремление лиц освободиться под заступой боярина от тяжелого бремени налогов; для той же цели освобождения от налогов и в римском государстве люди бежали под защиту патронов (ad patrocinia confugere). В удельный же период у нас, как на Западе в феодальную эпоху, люди задавались-коммендировались — главным образом для того, чтобы под рукою, «под державою» господина найти себе личную и имущественную безопасность, защиту от насилий всякого рода, оборону «от сильных людей насильства».

Ясные указания на защитный характер закладничества, сохраняющийся в нем отчасти очень поздно, даже при московских государственных порядках, дают новые, печатаемые мною, акты о закладчиках XVII в. Из этих актов видно, что вступление в защитную зависимость закреплялось у нас тою же самою обрядностью челобитья, как и боярская служба. Как бояре «били челом князю в службу», так заклади «били челом боярину для береженья». На Западе точно так же обрядность коммендации — вручения и коленопреклонения — применялась одинаково и при заключении вассального договора, и при договоре защитном.

В грамотах удельного времени мы находим ясные указания и на особую княжескую защиту, учреждение одной природы с королевской защитой, или мундебуром. Слово «мундебур» равнозначаще со словом «защита»; в латинских актах писали: «быть под мундебуром, *или* под защитой». Взяв кого-либо под свою защиту, король особой грамотой приказывал своим чиновникам оказывать ему всякое покровительство и содействие, грозя за насилие, совершенное над подзащитным человеком, повышенной пеней. У нас точно так же великий князь Иван Калита берет под особое свое покровительство печерских сокольников, приказывая своему чиновнику: «Блюди их, а в обиду их не выдавай никому». В середине XV в. Великий Новгород берет под свою особую защиту купцов Троице-Сергиева монастыря, приказывая двинским посадникам и боярам «боронить купчину Сергиева монастыря»: «А вы блюдите монастырского купчину и его людей, *как своих*, занеж весь господин Великий Новгород *жаловал Сергиев монастырь держать своим*; и вы посадники, и бояре, и их приказники, и все пошлинники сей грамоты новгородские не ослышьтеся».

Если сравнить эти слова новгородской грамоты с соответствующими словами защитной грамоты Людовика Благочестивого, то нетрудно убедиться, что в сильных выражениях русской грамоты ярче выступает характер рассматриваемых отношений мундебура, чем в грамоте латинской. Людовик Благочестивый говорит своим чиновникам только следующее: «Вы должны оказывать им (купцам) помощь, или мундебур, все время, пока они будут заниматься своим делом, чтобы благодаря нам они возвратились здравы и невредимы». Новгородская же грамота характернее не только по силе выражений, но и по обоснованию защиты. Троице-Сергиев монастырь не был подвластен Великому Новгороду, но «весь господин Великий Новгород жаловал Сергиев монастырь *держать своим*». В этом признании человека *своим*, принадлежащим к дому господина, и выражается основа защиты-мундебура. Источником как дружинно-защитных, так и других защитных отношений у нас, как и на Западе, был священный некогда союз дома, очага-огнища, союз мундебура, ведущий свое начало из глубокой древности.

Связанное с этими отношениями признание человека *своим* лежит в основе не только защитного, но и дружинно-вассального союза. «Я буду тебе верным,— говорит вассал,— доколе буду *твоим* (quandiu tuus fuero)». Тем же самым словом определяют и наши удельные слуги в XV в. свои отношения к князьям-господам: «Господине государь, *твой* есмь человек... а всегда есми *твой*».

IV. СЛУЖБА С ЗЕМЛИ

§ 33. Бенефиций — жалованье

Мы выяснили существование в удельной Руси вассальной иерархии, или лествицы лиц, связанных одним и тем же служебным договором, лествицы великих князей, княжат, бояр и детей, или слуг боярских. На Западе эта иерархия была в феодальную эпоху столь же вассальной, сколь и феодальной в тесном смысле слова; это была иерархия столько же лиц, сколько и земель, феодов, так как в феодальном договоре отношения личные, вассальные соединялись с отношениями поземельными, феодальными или ленными. Была ли у нас вассальная иерархия связана с поземельной? Была ли у нас боярская и княжеская служба обусловлена землевладением?

Историки наши, уступая неохотно некоторые пункты сходства между удельными порядками и феодальными, дают отрицательный ответ на этот вопрос. Сжившись издавна с убеждением о коренном своеобразии русской древности, они стараются удержать

хоть эту позицию, уступив другие, и настаивают на несвязанности у нас службы с землей опять-таки как на «основном», «коренном», «глубоком» различии между русским удельным порядком и феодальным. Так, В. О. Ключевский, признавая сходные «черты», «моменты» и «элементы», как он разно их называет, выдвигает отсутствие у нас «основной феодальной особенности» — «соединения служебных отношений с поземельными». И П. Н. Милюков отыскивает «глубокую черту различия между русским феодализмом и западным» в отсутствии у нас «коренной черты западного феодализма: зависимости по земле».

Тесная обусловленность службы землевладением была установлена у нас как всеобщее обязательное правило в XVI в. Иван Грозный повелел «с вотчин и поместий уложенную службу учинити», установив и общие нормы этой службы: «Со ста четвертей доброй угожей земли человек на коне в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь». Обязанность такой военной службы возложена была как на помещиков, так и на вотчинников, на всех, «кто держит землю». По общему правилу, «земля не должна выходить из службы». «Земля сама, по понятиям того времени,— говорит Загоскин,— служит государству; вотчинник является только лицом, в котором выражается служебная сила земли»[109].

Указ Ивана Грозного об «уложенной службе с вотчин и поместий», как и другие его указы (например, о местном самоуправлении), не создает, конечно, нового права из ничего, а тесно связывается с порядками удельной эпохи. В этой службе с земли нова только ее всеобщая обязательность и ее точно установленные размеры, ее регламентация по норме: со ста четвертей земли человек на коне в доспехе полном, а в дальний поход на двух конях. Эти всеобщая обязательность и регламентация являются следствием укрепления государственной власти. Но начало службы с земли, конечно, как то и подтверждается многими известиями, идет из старины. В удельное время, однако, такая служба с земли не была всеобще обязательной, как при Грозном, но обусловливалась свободным договором боярина с князем.

Черты такой свободной службы с земли удельного времени ясно обрисовываются в упомянутой выше тверской писцовой книге. Описывая имения мелких вотчинников, детей боярских, писец в этой книге отмечал, кому они «служат»: «Юмран служит царю и великому князю, а братья его служат князю Д. И. Микулинскому, Алабыш *не служит никому*». Часть вотчинников служили великому князю; часть — служили князьям и боярам, но многие заявляли, что они «не служат никому». Это точь-в-точь как в описях феодов. «Даже в XIII столетии,— говорит Люшер,— территориальные отношения между феодами далеко еще не определены в точности. В большей части описей феодов или общих переписях, устанавливающих отношения большой сеньерии, часто встречаются отметки вроде следующей: N не знает, от кого дер-

жит феод[49*]. Бесспорно, что высший сюзерен, по приказанию которого производится перепись, пользуется этой неопределенностью зависимости, чтобы перенести ее на себя. Тем не менее нельзя не заключить из этого, что собственник феода мог (быть может, в течение многих столетий) никому не давать оммажа или переносить свой оммаж от одного сеньера к другому по капризу или из выгоды».

Общий феодальный принцип службы с земли, вассальной службы за такой-то феод, представляет собою, как выяснено выше (§ 24), лишь теоретическое обобщение глубоко различных по существу отношений. Одни феодалы служили с земли, пожалованной им сеньером; другие служили с собственной своей земли. прочно ими освоенной и лишь номинально переданной в обладание сеньера. Одни при малейшем нарушении ими условий вассального договора, например, когда они, нарушая права сеньера, ловили рыбу в его пруду, лишались пожалованных им служебных наделов; другие же, наоборот, иногда по простому капризу, свободно передавались не только лично, но и со своею землею от одного сюзерена к другому, от французского короля к английскому или от одного графа к другому. Одни феоды действительно были условными владениями, так же как древние бенефиции, другие, наоборот, как сеньерии-боярщины, состояли в безусловном, наследственном, «вотчинном» владении феодалов, и высшая власть (dominium eminens) сюзерена на их земли была совершенною фикциею.

При сравнительном изучении мы, само собою разумеется, никак не можем исходить из теоретических обобщений, но должны искать в двух сравниваемых порядках близости реальных оснований строя[50*].

В удельной Руси мы находим оба указанных реальных основания феодального, в тесном смысле слова порядка; мы находим здесь боярскую службу с земли пожалованной, иначе — феод с характером бенефиция, и находим также боярскую службу с собственной земли боярина, с его вотчины, соответствующую службе феодала с его собственной земли, с феода-сеньерии, с феода-аллода (§ 24).

49* N nescit, a quo feodum tenet.

50* Так, например, в данном случае, если мы будем держаться буквы теоретической характеристики феодализма как такого строя, в котором господствует условность землевладения, начало условной службы с земли, то мы должны будем признать, что царство Ивана Грозного, когда было твердо установлено общее правило службы с земли, со всякой земли, как с поместий, так и с вотчин, было истинно феодальным государством. Но мы придем к иному выводу, если вникнем в существо отношений. Всеобщая служба с земли явилась при Иване Грозном как общеобязательное государственное требование, и эта общеобязательность исключала основное начало феодализма — свободный договор о службе.

Владение землею, обусловленное службою, явилось у нас впервые никак не в XV—XVI вв., когда является у нас известный термин «поместье», обозначающий такое именно условное землевладение, и возникло оно у нас никак не под внешним византийским влиянием, как думают некоторые историки [110]. Поместье как обусловленное службой владение, тожественное с бенефицием, существовало еще в удельное время, и называлось оно тогда другим словом — *жалованье*, словом, представляющим собою как бы буквальный перевод соответствующего латинского термина *beneficium* — благодеяние, милостыня, пожалование. В духовной грамоте 1462 г. великий князь пишет: «А кому буду давал своим князем, и бояром, и детем боярским *свои села в жалованье*», т. е. *in beneficium*. В другой грамоте упоминаются «деревни — княжеское жалованье», время пожалования которых относится к началу XV в. В духовной грамоте 1388 г. перечисляются «села и слободки за слугами». Относительно таких слуг, владевших жалованьями-бенефициями, князья не раз условливаются в своих междукняжеских договорах: «А кто тех выйдет из уделов ... ин земли лишен». Об одном из таких слуг, условно владевших пожалованным ему селом, о Бориске Воркове, Иван Калита говорит в своей духовной 1328 г.: «Аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити, село отоимут». Так точно в позднейших грамотах на пожалование поместья писали: «А пожаловал есми N тою деревнею, доколе служит N мне и моим детям»; это опять как бы перевод соответствующего латинского текста о пожаловании бенефиция: «Доколе будет верно служить нам и любезному нашему сыну».

Точно так же, как слободки, села и деревни, жаловались у нас в удельное время и должности в соответствующее земельному владению условное пользование, или в *кормление*. Как на Западе такие пожалованные должности назывались, одинаково с пожалованными землями, сначала бенефициями, а позднее — феодами (fieff-office), так и у нас должности-кормления называются, одинаково с селами, равнозначащим термином: *жалованье* (beneficium): «А жалованье за Ощерою Ивановичем боярином были Коломна... Руса обе половины». Города, отданные в управление боярину, называются его «*жалованьем*» Древнейшая грамота на *пожалование* волости в управление-кормление (кормление от слова «кормить» — «управлять», как кормчий — управитель) относится к XIV в.

§ 34. Служба с вотчины

Кроме такой боярской службы с жалованья, т. е. с пожалованной боярину земли, или с феода-бенефиция, мы находим в удельное время и *боярскую службу с вотчины*, с прочно принадлежащей слуге боярщины, или с феода-сеньерии.

С точки зрения феодальной теории феод-сеньерия есть такое же строго обусловленное службой владение, как и реально пожалованный участок земли, или феод-бенефиций. Но в действительности, как выяснено выше (§ 24), «феодальный» характер сеньерии выражается только в признании ее подвластности высшему территориальному господству сюзерена, подвластности земли, обусловленной личным подчинением ее собственника, иначе говоря, в коммендации лица с землею, сеньера вместе с его сеньерией. По отношению к нашей древности вопрос, следовательно, сводится к тому, существовала ли у нас эта коммендация лица с землею, обусловливал ли у нас свободный договор боярской службы подвластность боярщины князю, господину?

Коммендация лица с землей вообще у нас несомненно существовала; я говорил уже выше о закладничестве сел, слободок и волосток, т. е. о коммендации владельцев сел, слободок и волосток вместе с принадлежавшей им землей.

Из общего закладничества сел, конечно, у нас не исключались и боярские села, боярские вотчины, или боярщины. Если у нас даже мелкие своеземцы, смерды и купчины, как видно из договорных грамот, закладывались, или задавались, т. е. коммендировались вместе со своей землею, то и бояре, собственники крупных боярщин, должны были иметь право челобитья в службу вместе со своей землей. Крупная боярская вотчина благодаря сеньериальному праву, или иммунитету, представляла у нас, как на Западе сеньерия, своего рода государство в государстве; так же как сеньерия, она была ограждена от въезда великокняжеских наместников и волостелей; тем легче могла она отделиться от территории княжества, порвать непрочную нить, привязывавшую ее к этой территории. И наши источники удельного времени, несмотря на всю их случайность и скудость, дают нам несколько ясных указаний на то, что договор боярской службы влек за собою территориальную подвластность боярской вотчины, что наши бояре переходили от одного князя к другому со своими землями, иначе говоря, имели «право отъезда с вотчинами», что удельный боярин, как и западный сеньер, был не только вольным слугою, но и вольным вотчинником.

Вследствие крайней скудости наших источников удельного времени нам не раз уже приходилось начинать с известий позднейших, эпохи разрушения удельного порядка. Так и здесь мы начнем с духовной грамоты Ивана III 1504 г., в которой находим определенное указание на древний обычай боярской коммендации вместе с землею. «А боярам и детям боярским ярославским,— постановляет Иван III,— *с своими вотчинами и с куплями* от моего сына Василья *не отъехати* никому никуда».

Такие же не менее ясные указания на боярскую коммендацию лица с землей находим мы в некоторых жалованных грамотах

XV в. Так, в 1461 г. великий князь Василий Васильевич «пожаловал» Алексея Краснослепа пустошью, *«его отчиною»*. Так, Иван III в грамоте 1487 г. «пожаловал» Ивашка Глядящего льготами на его село, *«что бил челом... и с своею вотчиною»*. В этих грамотах, совершенно как в феодальном договоре аллодиального собственника, сеньера, великий князь «жалует» своего слугу ему же принадлежащей землей, «его же вотчиною». Наш боярин, «отъезжающий с вотчиной», *«бьющий челом»* великому князю *«с своею вотчиною»*, бесспорно, тот же феодал, коммендирующий-ся-«вручающийся» сюзерену со своей сеньерией или со своим аллодом. Мы знаем, что и во Франции феодалы очень долго, даже в XIII столетии (когда, казалось бы, уже вполне торжествовал феодальный-ленный порядок), вручившись сюзерену с частью своей земли, другую часть оставляли в полной своей аллодиальной — «вотчинной» — собственности и только под давлением все усиливающейся территориально-государственной власти князя-сюзерена, иногда только за денежное вознаграждение, вручались ему также и с этими своими вотчинными — аллодиальными — землями.

Отношения бояр к князьям, служебные и поземельные, были у нас, как и на Западе, одинаковы с отношениями к князьям духовных владык — митрополита, архиепископов и игуменов. И как бояре били челом князьям со своими вотчинами, так точно и игумены монастырей переходили из подвластности одного князя к другому вместе со всеми монастырскими владениями. Факт такого перехода Волоколамского монастыря из власти удельного князя волоцкого Федора Борисовича под власть московского великого князя Василия III в 1507 г. известен хорошо по рассказу жития, который подтверждается несколькими грамотами. Иосиф Волоколамский основал свой монастырь в конце XV в. на земле волоцкого князя Бориса, в глухом лесу, при деятельном содействии князя и быстро увеличил свои владения благодаря его земельным вкладам и льготным грамотам. Князь Борис умирает, а наследовавший его княжеский стол сын его Федор начинает притеснять обитель. Попытка Иосифа «утешити» князя «мздою» — иконами работы знаменитого иконописца Андрея Рублева и Дионисия, а также «платьем с постригшихся» — не достигает цели. Тогда Иосиф обратился к московскому великому князю с просьбою принять монастырь не только под свое покровительство, но и в свое обладание: «Да прострет руку свою и приимет монастырь *в покров и соблюдение свое*, да не запустеет и до конца не погибнет от многих неправд». Великий князь, стягивавший всякими средствами удельные земли под свою власть, не отказал игумену в этой просьбе и «взя обитель Пречистые в свою державу», «под свою царскую руку». Этот переход игумена с монастырем из одного княжества в другое обозначен в житии характерным для этих порядков термином *отказ* (désaveu): Иосиф *«отказался* от своего государя в великое государство». Составитель жития замечает, что это со-

вершилось по древнему обыкновению: «Яко в древних летах сия быша, от обид меньших к большим прибегали».

Таковы совершенно ясные, не допускающие двух толкований свидетельства существования у нас в удельное время перехода монастырей из одного княжества в другое, отъезда бояр с вотчинами, их «челобитья князьям с вотчиною», т. е. коммендации лица с землей, этой важнейшей черты, как выяснено выше, права феодала на его землю-сеньерию. На основании приведенных свидетельств мы можем утверждать, что и у нас, как на Западе, в феодальном договоре между сеньерами служебное подчинение боярина князю связывалось с подвластностью этому князю боярской вотчины.

Так же как бояре и монастыри, переходили у нас от одного великого князя к другому и служебные князья вместе со своими владениями, или «отъезжали с вотчиною». Как в западной истории широко известны переходы французских вассалов со своими владениями к английскому королю и от него обратно к королю Франции, так и в нашей истории известны переходы мелких служебных князей, владевших землями на границе между Русью и Литвою в XV в., к литовскому великому князю, а затем от него к великому князю московскому. И там и здесь одинаково служебно-вассальный договор влек за собою переход обширных владений из одной территориальной подвластности в другую, от Франции к Англии, от Руси к Литве и обратно.

В 1427 г. южные князья Одоевский, Новосильский, Воротынский поддались со своими землями литовскому великому князю Витовту. В конце того же века несколько князей этих уделов один за другим переходят от Казимира, великого князя литовского и короля польского, к московскому великому князю Ивану III. В 1489 г. Иван III заявляет через своего посла королю Казимиру: «Что служил тебе князь Дмитрий Федорович Воротынский, и он нынеча нам бил челом служити; и тобе бы то ведомо было». Князь Воротынский переходит открыто, послав своего слугу к Казимиру, чтобы «целованье сложити королю». Он переходит со своею землею, и Иван III требует от Казимира: «Чтобы нашему слуге князю Д. Воротынскому и его отчине обиды не было». Некоторые из таких князей переходили при этом к московскому великому князю не только со своими наследственными удельными землями, но и с теми землями, которые были пожалованы им литовскими великими князьями. Казимир жаловался Ивану III в 1490 г. на князей Белевского и Ивана Воротынского: «Ты князи, запамятовавши докончание и присяги отцов своих, такеж и своих, били тобе челом в службу, и ныне тобе служат с отчинами своими и с нашим жалованьем, с городы и с волостьми, что есмо подавали отцом их из нашей ласки в службу».

Это не случайность, что наиболее видные факты перехода слуг с землями относятся у нас, как и во Франции, к пограничным об-

ластям. Свободная коммендация лица с землей отнюдь не представляла собою у нас, так же как на Западе, прочного общепризнаваемого права. С такой коммендацией на Западе рано вступает в борьбу начало территориальной подвластности, и феодальное право не признает открыто ухода феодала с феодом; наоборот, по феодальному праву феодал, собственно, мог оставить своего сюзерена, только отказавшись от пожалованного ему феода. Феодалы уходили с землей только тогда, когда уверены были в силе нового своего сюзерена и могли надеяться, что он охранит их и их землю от покушений прежнего их сюзерена, от которого они отказались. И у нас князь Воротынский передался Ивану III со своею землею только потому, что он знал, что Иван III властно скажет Казимиру: «Чтобы нашему слуге и его отчине обиды не было». В других же случаях служебные князья, как и бояре, при переходе к другому великому князю должны были быть готовы к тому, что прежний их господин немедленно захватит их вотчины и скажет решительно: «Те села мне, а им ненадобе»,— как говорил в одной из своих грамот великий князь Дмитрий Донской.

§ 35. Ограничения коммендации боярина с вотчиной

Переходы служебных князей с вотчинами ограничиваются в XV в. путем взаимных соглашений великих князей. Московский великий князь налагает на удельных князей обязательство: «А князей ти, брате, моих служебных с вотчинами не приимати». Но это новое правило соблюдалось только тогда, когда оно поддерживалось силою; и сам московский великий князь не считал его обязательным для себя и даже, явно нарушая свой договор с Литвою, принимал с вотчинами воротынских и белевских князей. По новому праву, которое медленно утверждалось договорами, служебные князья при разрыве служебного договора лишались своих владений; это было ясно выражено в договоре тверского великого князя с Витовтом 1422 г.: «Пойдет ли который (князь) к великому князю Витовту, и он очины лишен, а во очине его волен яз, князь великий Борис Александрович».

Те же два начала проявляются в отношениях князей к землям отъезжавших от них бояр. Великий князь Дмитрий Донской в 1368 г., заключая договор с тверским великим князем от лица Великого Новгорода, постановил, что бояре новгородские при переходе на службу к тверскому князю лишаются своих земель: «А что их села или земли и воды, то ведает Великий Новгород, а ты боярам и слугам ненадобе». В этой же грамоте относительно двух московских бояр, перешедших к тверскому князю, великий князь также заявил, что он конфискует их села: «А в ты села тобе (тверскому князю) ся не ступати, а им ненадобе, те села мне». Точно так же по общему правилу, постоянно встречающемуся в междукняжеских договорах, лишались своих земель при

переходе на службу к другому князю мелкие княжеские слуги, так называемые «слуги под дворским», владевшие пожалованными им участками, «жалованьями»-бенефициями: «А кто выйдет из удела, ин земли лишен». В этих постановлениях относительно бояр новгородских и относительно «слуг под дворским» мы встречаемся с общим феодальным правилом о свободе ухода вассала под условием оставления им своего бенефиция или феода.

В качестве общего правила это начало исключительно личной свободы перехода устанавливалось нашими междукняжескими договорами только в отношении таких мелких слуг, владевших «жалованьями». В отношении же бояр-вотчинников князья не решились установить того же общего правила, хотя на практике, конечно, очень часто захватывали их вотчины в случае их отъезда. Взамен того, подтверждая договорами (надо заметить, составлявшимися при участии бояр, членов княжеской думы) право отъезда бояр, князья отделяют личную службу бояр от их территориальной подвластности. Они взаимно обязываются «не вступаться» в вотчины отъезжающих бояр, т. е. не подчинять их земель своей власти. Боярин волен служить, кому он хочет, но в качестве вотчинника он должен подчиняться местному князю; он должен «судом и данью потянути по земле и по воде».

Эти княжеские соглашения устанавливают ненормальный, неустойчивый, внутренне противоречивый порядок, ненормальность которого объясняется только его переходным характером от старых форм к новым, борьбою двух начал: старой свободной коммендации лица с землей, отъезда бояр с вотчинами и нового начала государственной княжеской власти, закрепляющей за собою территорию. Ненормальность этого порядка станет нам ясна, как только мы вспомним, в чем, собственно, заключалось главное обязательство боярского служебного договора. В качестве военного, прежде всего, слуги боярин должен был не только лично нести военную службу, но и приводить с собою отряды своих слуг и людей, живущих в его вотчине. Таким образом, сохраняя за собой право собственности на землю в уделе оставленного им князя, боярин привлекал людей из чужого княжества для военной службы своему новому господину. В случае, например, нередкой тогда войны между тверским князем и князем московским тверские бояре-вотчинники, служившие московскому князю, должны были действовать против тверского князя с отрядами слуг и людей своей тверской вотчины. Внутренняя противоречивость отделения такой военной службы от территориальной подвластности никак не позволяет видеть в соглашениях князей, устанавливающих этот порядок, господствующее обычное право; в этом случае, как и в некоторых других, договоры князей не закрепляют обычное право, а творят новое, территориальное, государственное право. Не имея сил закрепить бояр с их вотчинами за собою, князья удовлетворяются на первое время компромиссом. И вопреки длинному

ряду соглашений князей старое право коммендации лица с землей живет до начала XVI в.; в духовной грамоте Ивана III 1504 г. мы встречаем цитированное выше постановление против «отъезда» бояр и детей боярских «с своими вотчинами».

Указанное постановление — «судом и данью потянути по земле и воде» — никак не превращает удельного боярина в территориального подданного в позднейшем государственном значении этих слов. Удельный боярин остается вольным военным слугою и вместе с тем остается господином-сеньером своей боярщины. Это ясно определено в договоре, заключенном около 1400 г. между московским и тверским великими князьями, в котором мы находим следующие три соглашения подряд: «1) А боярам и слугам межи нас вольным воля; 2) а домы им свои ведати, а нам ся в них не вступати; 3) а данью и судом потянути им по земле и по воде». Бояре ведают свои *домы*, конечно, не дома, а свои имения, свои боярщины по обычному боярскому праву, т. е. они судят суд меж своих людей и сами собирают с них дань. Если они должны «тянуть судом и данью» к местному князю, то это означает лишь подчинение их высшему суду и чрезвычайной дани (haute justice и taille extraordinaire), которые и в феодальной Франции во многих областях составляли права территориальных князей независимо от феодальных договоров.

Резкое отделение по междукняжеским договорам службы бояр от такой их территориальной подвластности никак не доказывает вопреки мнению некоторых исследователей, что служебный договор у нас не был связан по общему обычному праву с земельным пожалованием, как то было в феодальном договоре, никак не доказывает, что у нас в противоположность якобы Западу «служебные отношения не были связаны с поземельными». Если наши договоры отрывают подвластность боярина по его вотчине от его служебной зависимости, то это отнюдь не противоречит основным началам феодального строя. Феодальные начала вполне допускают такое раздвоение в лице феодала — вотчинника, сеньера, с одной стороны, и вассала — с другой. Служебное подчинение по феодальному договору не обусловливало собою территориальной подвластности всех имений, принадлежавших феодалу, так как он обязывался служить за такой-то определенный феод. И историкам феодализма хорошо известны случаи, когда вассалы, коммендируясь с тем или другим имением, оставляли другое имение в полном своем аллодиальном-вотчинном обладании, не подчиняя его высшей власти своего сюзерена. Если междукняжеские договоры лишали наших бояр права бить челом в службу князю со своею вотчиною (на Западе тоже большая часть феодалов лишена была этого права), то это не значит еще, что челобитье в службу вообще не связывалось с «поземельными отношениями», т. е. с земельным или иным княжеским пожалованием. Тверские бояре переходили на службу к московским князьям, подвергая свои вотчины риску за-

хвата их тверским князем, конечно не даром, а за богатое пожалование. Они били челом в службу московскому князю или за пожалованную им землю, или за должность, пожалованную им по тому же бенефициальному порядку в кормление (§ 33).

Договоры князей, устанавливающие раздельность боярской службы от подвластности боярщины и долго не могущие провести в жизнь это правило, показывают, что наши бояре были сильными вотчинниками, как и феодалы-сеньеры. Для феодальной эпохи характерны более всего не мелкие феодалы, владевшие легко отъемлемыми от них феодами-бенефициями, а более значительные феодалы-сеньеры, сеньериальная независимость которых простиралась до того, что они свободно со своими землями переходили от одного сюзерена к другому. Наши бояре были такими же феодалами-сеньерами, если они одинаково с княжатами переходили иногда со своими вотчинами от одного князя к другому и если великие князья, не смея установить хорошо известное в феодальных странах правило об отнятии земли у отъезжающего слуги, вассала, должны были долгое время мириться с указанным компромиссом, а именно довольствоваться слабым территориальным подчинением боярщины по высшему суду и чрезвычайной дани при условии военной службы другому князю как боярина, так и всех слуг и людей, живших на его земле.

V. БОЯРЕ И КНЯЖАТА, ФЕОДАЛЫ

§ 36. Воинственность и независимость бояр

Феодализм, который мы рассматривали в его юридической структуре, олицетворяется в типе необузданно своевольного, гордого феодала. Опираясь на свой неприступный замок и на военный отряд своих вассалов, гордый средневековый барон признает только номинально свою зависимость от сюзерена, а на деле пользуется полною независимостью, угнетает своих крестьян, грабит соседей и купцов, проезжающих мимо его замка, своего рода разбойничьего горного гнезда.

Независимость, воинственность, самоуправство — таковы типичные черты феодальных баронов. Те же черты явственно видны в облике наших средневековых бояр и княжат.

Представление о феодале неразлучно с картиною каменного замка на горе, с бойницами, рвами, подъемными мостами. Эта внешняя черта действительно очень характерна. Каменные бурги или, вернее, природа страны, дававшая возможность феодалам укрепляться камнем на малодоступных горах, укрепляла и оформляла основные начала феодализма, усиливая самостоятельность господствующего сословия.

В удельной Руси не было замков, потому что здесь не было гор. Но стремление огородиться, укрепиться проявлялось у нас в

удельную эпоху достаточно сильно, и эта потребность удовлетворялась у нас всеми теми средствами, какие только давала природа страны: лес, болото, возвышенные берега рек. Каменные замки заменялись у нас укрепленными «городками» и кремлями на возвышенных берегах рек. Одинаково с удельными князьками и наши «духовные владыки» возводили укрепления. Монастыри строились одинаково с княжескими кремлями; те и другие, как замечает Н. К. Никольский[111], «устраивались обыкновенно при реке в малоприступных местах, окружались стенами однородной архитектуры, с башнями, бойницами, воротами». Наши кремли даже и по некоторым стратегическим деталям постройки похожи на западные замки. Подобно князькам и монастырям, укреплялись и бояре в своих боярских дворах, обнося их иной раз «вострым тыном» в две сажени вышиной. Многочисленная вооруженная боярская дворня придавала таким дворам силу вооруженного стана. За отсутствием гор наши княжата, монастыри и бояре ограждались возвышенностями, излучинами рек, озерами, «лесными дебрями и непроходимыми блаты».

Неприступный замок на горе — это только крайнее, наиболее яркое проявление независимости феодала. Таких замков-крепостей появилось много во Франции после XI в., до этого же времени жилище барона имело вид слабо укрепленной барской усадьбы. И впоследствии во многих французских княжествах замки далеко не служили опорой полной независимости баронов, потому что они взяты были под наблюдение князей, и сооружение новых замков без разрешения князя строго воспрещалось. В Германии замки имели гораздо меньше значения, тем более что здесь только на юге были горы, необходимые для их сооружения.

Основная черта феодала состояла не в том, что он имел замок, а в том, что он был воином. Военная профессия составляла существеннейшее свойство феодального барона, отличительную черту его от лиц других сословий. Барон должен был быть воином, потому что в обязательстве военной службы заключалось существо его вассального договора с сюзереном. Он должен был уметь с оружием в руках, предводительствуя отрядом своих слуг, защищать свои владения, потому что иначе он не был бы бароном; иначе вассалы не стали бы ему служить, и его земли, его сервы и вилланы в эту эпоху торжества права сильного стали бы легкой добычей его соседей, воинственных баронов, или его сюзерена.

Феодальный барон был воином, всадником, рыцарем прежде всего. Но таким же воином был и наш боярин, хотя он и не имел, подобно многим феодалам, каменного замка. Я говорил уже выше о непременной обязанности всех удельных бояр «садиться на конь» по первому требованию своего князя. При беспрестанных удельных междоусобиях всем им часто приходилось сражаться во главе отрядов их слуг и людей. И позднейшие более мирные помещики XVI—XVII вв. владели поместьями не иначе как с обяза-

тельством являться в полк на коне, в шеломе, с саблею, копьем, луком и стрелами или с пищалью и в сопровождении своих слуг, также на конях и в полном боевом вооружении. «Мы на конях сидим... и с коня помрем»,— говорили дворяне и дети боярские на соборе 1566 г., заявляя о своей готовности продолжать войну с Польшей. Конница бояр и их слуг составляла главную военную силу удельных князей, как и первых московских царей XVI в. Эта военная профессия, военная служба князю, и притом служба не обязательная, а «вольная», зависящая всецело от доброй воли слуг, давала исключительную самостоятельность, независимость, силу удельному боярству в той же мере, в какой их обеспечивал французскому барону его свободный вассальный договор с сюзереном.

Независимость, самостоятельность бояр, опиравшаяся на воинскую силу военных отрядов их слуг, на их боярщины и на их *вольную* службу князьям, ярко проявлялась в их отношениях к князьям, в «боярской думе» удельного князя. «Князь не мог приказывать своим вольным слугам,— замечает Сергеевич,— он должен был убеждать их в целесообразности своих намерений». Если князь дерзал действовать самовластно, бояре, как и древние дружинники, смело отказывались следовать за ним: «О себе, княже, еси замыслил, мы того не ведали, не едем по тебе». Великий князь Дмитрий Донской так охарактеризовал самостоятельное значение своих бояр, сказав им, умирая: «С вами царствовах, землю русскую держах... и мужествовах с вами на многы страны... под вами грады держах и великие власти... *вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей*». Так говорил Дмитрий Донской, один из сильнейших князей удельного времени. Феодальный характер этих удельных порядков становится ясным при разительном контрасте московского времени. Василий III, «переставливающий старые обычаи», говорит в думе неугодному советчику: «Пойди, смерд, прочь, ненадобен ми еси». Вольных великокняжеских *слуг* удельной эпохи сменяют в Московском государстве государевы *холопы*. Князь Холмский в княжение Ивана III в записи о неотъезде называет себя еще «слугою», но со времен Василия III это наименование заменяется словом «холоп».

Та «феодальная независимость, доведенная до крайних пределов», о которой говорят французские историки, проявлялась у нас в частых отъездах бояр. Вассалы на Западе переходили от одного сеньера к другому в погоне за выгодой. Точно так же наши бояре в погоне за выгодой в большом числе отъезжают от удельных князей к великому князю московскому, который лучше других князей вознаграждал своих слуг и вернее ограждал их от обид и притеснений. Тверские бояре и дети боярские в большом числе переходят в конце XV в. к великому князю московскому. Даже бояре, славившиеся своей долгою и верною службою князю, нередко отъезжали от него из-за какой-нибудь обиды. Так, в 1433 г.

отказался от московского великого князя видный московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, обиженный тем, что великий князь не сдержал своего обещания жениться на его дочери. Так, в начале XIV в. уехал из Москвы боярин Акинф Гаврилович, не пожелавший быть меньше нового слуги московского князя, боярина Родиона Нестеровича. Княжеские договоры часто упоминают об отъехавших боярах и слугах.

«Вассалы,— говорит Вайц,— во время частых междоусобий князей-соперников присоединялись то к одной стороне, то к другой, оставляли своих старых господ, чтобы от новых получить большие выгоды». Совершенно так же поступают наши бояре. Во время долгой борьбы великого князя Василия с Дмитрием Шемякою бояре и дети боярские легко подчиняются Шемяке, но при малейшей надежде на успех князя Василия бьют ему челом в службу, отказываясь от его соперника.

Господствующие у нас представления о резком различии между древнерусскими и западными порядками зиждутся, с одной стороны, на малом знакомстве со своеобразным удельным временем, незаметно сливающимся в трудах многих наших историков с лучше изученными периодами Киевской дружинной Руси и Московского государства, и, с другой стороны, на слишком схематическом понимании западного феодализма в преувеличенно резких чертах. Так, в данном случае, с одной стороны, наши бояре были не только кормленщиками и сельскими хозяевами, но и воинами, а с другой стороны, западные феодалы были не только воинами-рыцарями, но и хозяевами-землевладельцами и вовсе не были так воинственны, как часто думают: землевладение значительно ослабило их воинский дух. Соловьев верно замечает, что «войны феодального периода отличаются своею мелкостию и непродолжительностию: вассалы такие же неохотники надолго отлучаться от своих домов, как и наши помещики; при большей самостоятельности их положения у них выговорен срок, и далее этого срока они не останутся в походе».

§ 37. Насилия и наезды

В отношениях наших бояр к подвластному им населению заметны те же черты угнетения крестьян, права сильного и бесправности слабого, сословной розни между гордыми боярами и подвластными им смердами, людишками, сиротами — те же черты, какие выдвигаются как характернейшие черты феодализма. «Воображая себе русское общество древних времен,— писал Киреевский,— не видишь ни замков, ни подлой черни»; и этой западной сословной розни он противополагал «согласие», мир и любовь, проникавшие якобы все отношения древней Руси (§ 1). Но отношения «сирот» (крестьян) к боярам в удельное время, как и позднее крепостных крестьян к помещикам, были на деле очень далеки

от славянофильской идиллической картины. Барон Герберштейн, путешествовавший по Руси в 1516 и 1526 гг. (задолго до утверждения крепостного права), резко расходился с Киреевским: «Поселяне,— говорит он,— работают на своего господина 6 дней в неделю, седьмой же день на себя. Они имеют некоторое количество своих полей и лугов, которые им дает господин и от которых они кормятся. Впрочем, положение их самое жалкое, потому что их имущества подвержены грабежу благородных и воинов, у которых они называются крестьянами в презрительном смысле, или черными людишками» [112].

Приниженное положение крестьян в удельное время характеризуется очень низкой платой за бесчестье. Детям боярским бесчестье указано было судебником в размере их дохода или их жалованья; богатым купцам, «большим гостям», вознаграждение за бесчестье определено в 50 рублей, а крестьянам — в 1 рубль, т. е. в 50 раз меньше. Честь крестьянина ценилась ниже чести не только сына боярского или гостя, но и в 5 раз ниже чести «боярского человека доброго», т. е. боярского слуги.

В одной правой грамоте 1531 г. находим такую живую картинку из отношений господ к своим крестьянам. Крестьяне-старожильцы идут по спорным межам, между землей своего господина Обляза Лодыгина и землей Кержацкого монастыря. К отводчикам на межи явился Обляз Лодыгин; в присутствии судей и монастырского слуги он, как записано в грамоте, «ударил своего старожильца Ондронка Игнатова сына по ушам плетью, аркучи: чего, смерд, стал, подите смерди прямо, не опинайтесь».

Свобода и независимость бояр у нас так же, как и на Западе, вела к насилиям и самоуправству. Великокняжеская власть была еще недостаточно сильна, чтобы обеспечить общественную безопасность. Население терпело насилия не только от лихих людей, от разбойников, на которых жалуются жития святых, но и от «сильных людей» — бояр и детей боярских. Своевольные и самоуправные бояре, как и западные феодалы, часто делали разбойничьи наезды.

В правой грамоте начала XVI в. сохранилось любопытное подробное описание одного такого разбойничьего боярского набега. Князь Иван Лапин со своими людьми приехал разбоем на монастырский двор, угнал монастырских коней, ограбил имущество на 50 рублей с полтиною (однорядку, шубу белью, калиту с деньгами) и убил монастырского слугу. На крик монастырских людей прискакали великокняжеский псарь и соседние крестьяне; они поскакали в погоню за грабителями, захватили одного из них, Карпика и, приведя его в свою деревню, «к мертвому Иванке к ноге привязали». Но этим дело не кончилось. Монастырские люди зовут пристава, сотского и понятых и отправляются с убитым Иванкой и пойманным Карпиком к наместнику в Каширу. В это время князь Иван Лапин нападает на них с отрядом своих людей; завя-

зывается новый бой; люди князя Лапина были на конях и в саадаках. Монастырские люди так рассказывали об этом наместнику: «И как, господине, будем проезжать против села Воскресенского... князь Иван нас угонил с своими многими людьми... да нас, господине, и пристава и его понятых учали бити и стреляти и саблями сечи, а хотел, господине, того Карпика у нас выбити, а мы, господине, у них отбилися, да на том бою у понятого, у соцкого, у Филата саблею ногу отсекли». Князь Лапин потерпел поражение; был взят в плен и второй его слуга Дулепко, «на коне и в саадаке». Показание потерпевших вполне подтвердилось; суд судил сам великий князь; предстал на суд и главный обвиняемый, князь Лапин. И что же? Понес он какую-нибудь строгую кару за двукратный разбой и вооруженное нападение на пристава, представителя княжеской власти? Ничуть не бывало. Он вместе со своими людьми по приговору обязан был вернуть ограбленное в сумме 50 рублей с полтиною и уплатить 4 рубля за Иванкову голову.

В грамотах первой половины XVI в., конца удельного периода, мы находим несколько описаний таких боярских наездов, в которых бояре и их слуги бьют, грабят, соромят жен, избивают княжеских судей и расплачиваются за эти преступления только денежным штрафом. В древнейшее время источники кратко, но столь же красноречиво говорят о «наездах», отличая их от «разбоя» и «татьбы».

Эти насилия бояр у нас, как и на Западе, не прекращаются после средних веков, хотя впоследствии они приобретают уже вполне характер разбоя, в отношении которого слабая еще государственная власть по-старому часто оказывается бессильной, тем более что и в эту позднейшую эпоху сохраняется еще в значительной степени сеньериальный иммунитет, недоступность для правительственных чиновников боярской вотчины и особенно боярского двора. В самой царской столице, в Москве, в XVII в., говорит И. Е. Забелин, «бывали такие боярские дворы, мимо которых, как мимо двенадцати дубов соловья-разбойника, не было обывателям ни проезду, ни проходу» [113].

К разбоям, «наездам» и всякого рода насилиям сильных людей присоединялись в удельное время насилия великокняжеских властей. Центральная государственная власть была у нас в средние века так же, как на Западе, слишком слаба, чтобы сдерживать произвол местных властей; господствовавший у нас, одинаково с Западом, порядок пожалования должностей как доходных статей во временное пользование ослаблял административное подчинение; разбросанность административных округов и недостаток путей сообщения не давали возможности скорого и строгого контроля. Неправедный суд и насилия княжеских тиунов составляли одну из любимых политических тем древнерусской церковной письменности. «Не имей себе двора близ княжа двора,— писал Даниил За-

точник,— не держи села близ княжа села: тиун бо есть яко огнь, трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры; още от огня устережися, но от искры не можешь устрещися жжения порт». Та же тема в «Наказании князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем» и в «Слове о властелях и судиях, емлющих мзду и неправду судящих»[114].

На описанной почве насилия и самоуправства у нас так же, как на Западе, широко развиваются частные союзы защиты, процветают учреждения защиты-закладничества и вассальной службы, которая также представляет собою одно из отношений защиты. Одинаковая почва на Западе и в России из одинаковых зерен древнейшего права дает одинаковые произрастания. «Во все продолжение древней русской истории,— говорит Соловьев,— мы видим стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особыми правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность»[115].

Мелкие своеземцы задавались за бояр, князей и монастыри, ища у них обороны «от сильных людей насильства». С другой стороны, бояре и дети боярские, оставляя слабых князей, часто били челом в службу князьям могущественным, ища как богатых жалований, так и сильной заступы. Монастыри, убегая от насилия удельных князей, передавались великим князьям, прося их о «покрове и соблюдении». Чтобы обезопасить своих людей и слуг, великие князья давали им защитные, береженые грамоты и привилегии непосредственной подсудности великому князю или боярину введеному (мундебур). Жалованными грамотами они обеспечивали независимость боярских и монастырских вотчин от местных властей, от въезда волостелей, тиунов и доводчиков.

Глава четвертая

ГОСУДАРСТВО XVI—XVIII ВЕКОВ

I. МОСКОВСКАЯ СОСЛОВНАЯ МОНАРХИЯ

§ 38. Сословия: дворянство и духовенство

Феодальный порядок постепенно падал у нас с Ивана III по мере принижения удельных княжат под тяжелой рукой московских государей. Царь Иван Грозный, взяв в 1565 г. в свою «опричнину» остатки наследственных удельных владений княжат, окончательно обессиливает их, лишив опоры их политические притязания (§ 27).

Политический феодализм окончательно пал у нас, таким образом, при Иване Грозном, через 100 лет после того, как при Лю-

довике XI он пал во Франции. Но некоторые начала феодального порядка, потерявшие политическое значение, так называемый феодализм социальный, сохранились у нас, как и на Западе, в сословной монархии, выросшей из феодального порядка. Московское царство XVII в. по своей структуре одинаково с западноевропейской сословной монархией, и в начале XVIII в. эта сословная монархия у нас, подобно Западу, превращается в монархию абсолютную.

Основным учреждением социального строя сословной монархии, как и позднейшей абсолютной, было сеньериальное право крупных землевладельцев, дворянства и духовенства, унаследованное из феодальной эпохи. Сеньериальная юстиция сохраняется и во Франции и в Германии до перехода к новому гражданскому строю в XVIII—XIX вв. Господский суд, управление и обложение крестьян во Франции тяжело давят крестьян до великой революции, несмотря на то что здесь бóльшая часть крестьян пользуются личной свободой. В Германии тягость сеньериального права особенно усилилась после того, как крестьяне были прикреплены к земле в первой половине XVI в.

Основою социального строя нашей московской и петербургской монархии был тот же сеньериальный режим. Господский, помещичий суд и управление у нас известны достаточно хорошо из очень недавнего прошлого. Источником его было боярское вотчинное право удельной эпохи; и так же как в Германии, это право стало у нас особенно тягостным для крестьян в эпоху сословной монархии, когда крестьяне были прикреплены к земле, лишившись в начале XVII в. старого права перехода или отказа. В этой области наши порядки особенно близки к германским не только по существу, но и в ходе их развития. В Германии крепостничество утверждается в первой половине XVI в. вслед за утверждением нового государственного порядка; у нас крестьяне прикрепляются к земле также вслед за переходом удельного порядка в государственный, а именно около 1600 г., т. е. лет на 50—60 позже, чем в Германии. Крепостное право затем падает в Германии около 1800 г., у нас же — в 1861 г., опять-таки на полвека с небольшим позже, чем в Германии.

Дворянское сословие, унаследовавшее от феодальной эпохи сеньериальное право, сохраняет в эпоху сословной монархии и другую феодальную черту — обязанность военной службы с земли. Ленная система в Германии в XVI в. потеряла свое политическое значение, но она сохранилась в виде не столько уже феодальной, сколько государственной обязанности владельца лена нести с него конную, рыцарскую службу (ritter, chevalier — всадник). Эта иррегулярная ленная конница теряет свое значение после Тридцатилетней войны, когда германские князья-государи сосредоточивают все усилия на образовании постоянного регулярного войска, но она все же сохраняется до конца XVII в., когда

окончательно заменяется регулярными конными полками [51*].

С этой позднейшей ленной повинностью одинакова по существу военная, конная, «рыцарская» служба наших помещиков второй половины XVI и XVII вв., эпохи Московского сословного государства. При Иване Грозном старая «служба с жалованья» феодального типа, по свободному договору слуги с князем, была приноровлена к новым государственным порядкам и превратилась в организованное «испомещение» служилых людей с обязательством военной конной службы. Это была та же служба с земли, как и встарь, но это была уже «уложенная», строго регламентированная служба, и притом со всех земель, с поместий и вотчин, независимо от каких бы то ни было договоров. Помещики и вотчинники обязаны были являться по требованию правительства в полк сами и со своими людьми в полном военном снаряжении: «Быти ему (сыну боярскому) на службе на коне, в панцыре, в шеломе, в саадаке (колчан и стрелы), в сабле, с копьем; да за ним два человека на конях, в панцырях, в шапках железных, в саадаках, в саблях». Такая поместная иррегулярная конница составляет у нас до половины XVII в. видную часть войска; затем точно так же, как в Германии, она быстро оттесняется на второй план регулярными полками, «рейтарскими» и «драгунскими», и совершенно вымирает при Петре Великом в начале XVIII в., как в конце XVII в. она исчезла в Германии.

Обязанные такою военною, конною службою, наши помещики, «дворяне и дети боярские», составляли такое же привилегированное наследственно-замкнутое сословие, как и германское ленное дворянство. Точно так же, как в Германии, где право на пожалование лена (ленную инвеституру) имели только члены дворянских родов, у нас в XVII в. поместья давались только «природным» детям боярским. В ряде наказов о раздаче поместий (о верстании «новиков») с 1601 г. мы находим строгие предписания, чтобы окладчики не «верстали» в поместную службу «поповых и мужичьих детей», монастырских слуг, посадских людей и т. д., вообще «неслужилых отцов детей», чтобы они верстали только тех «новиков», у кого «отцы были в детях боярских» [52*].

Из среды дворянства у нас выделялась высшая знать княжеских и боярских родов, как в Германии выделялась высшая знать имперских князей, графов и господ, и была так же наследственно обособлена от низшего дворянства. В состав высшей знати вошли у нас потомки древних владетельных князей и некоторых древних боярских родов. Сословная обособленность этой аристократии поддерживается в XVI—XVII вв. известным местничеством, которое охраняло наследственные права высших княжеских и боярских ро-

[51*] *Eichgorn K. F.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. 4. Aufl. Göttingen, 1836. Bd. IV. § 595. S. 608.

[52*] См. мою книгу «Государевы служилые люди» (СПб., 1898. С. 221, 324) [116].

дов на занятие высших правительственных должностей. По принципу местничества эти должности могли распределяться между представителями аристократических родов не иначе как в порядке наследственной знатности этих родов, не иначе как «по отечеству». Этот аристократический распорядок фамилий составлял нечто совершенно независящее от воли московского государя. При назначении воевод царь должен был строго считаться с взаимным местническим родословным старшинством лиц, назначаемых им в воеводы, потому что при несоблюдении этого старшинства воеводы решительно отказывались от командования полками. Если же старшинство фамилий не было соблюдено при назначении мест боярам за царским столом, то их приходилось сажать силою на указанное им место на скамье; они спускались под стол, крича, что они не уступят своего местнического старшинства, даже если царь велит отсечь им голову. «За службу,— говорили бояре,— жалует государь поместьем и деньгами, а *не отечеством*». «Феодальный барон,— замечает об этих словах Ключевский,— едва ли сумел бы аристократичнее формулировать одно из основных воззрений политической аристократии».

Возбуждая нередко вражду между родами, взаимные отношения между которыми еще не установились, местничество вместе с тем объединяло все аристократические фамилии в одно целое, в класс лиц, разместившихся между собою по отечеству и не оставивших места в своей среде новым неродословным людям. Пришелец, новый неродословный человек, стоял так низко с местнической точки зрения, что он не мог заявлять никаких притязаний на место среди старинных фамилий: «Неродословным людям с родословными и счету нет». Устанавливая иерархию родов, местничество, таким образом, закрывало доступ новым родам в среду аристократии; оно имело главным образом значение сословно-оборонительной системы [53*].

Наравне с этим боярством и дворянством привилегированное положение занимало у нас так же, как на Западе, духовенство. В силу господствовавшего церковного мировоззрения эпохи оно пользовалось особым почетом и занимало первое место в ряду сословий. Владея так же, как на Западе, громадными землями, духовенство имело наравне с дворянством свободу от податей и, кроме того, привилегию неподсудности светскому суду. Другие сословия постоянно жаловались на эти привилегии духовенства; удовлетворяя их жалобам, собор 1648 г. ограничил судебные привилегии духовенства и передал суд над духовенством по гражданским делам вновь учрежденному монастырскому приказу, но через три десятилетия эти ограничения были отменены. Соборы 1580 и 1648 гг. делали строгие постановления о церковных вотчинах,

53* *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди... С. 79—80 и др.; *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 216—217.

чтобы остановить их дальнейший рост, так как «воинские люди» видели в привилегиях церковных вотчин причину своего «оскудения», но эти постановления оставались втуне. В Англии пред Реформацией, как считают обыкновенно, духовенству принадлежало около половины всей территории страны. Один из иностранных путешественников по Московии (Коллинс)[117] писал, что в Московском государстве церкви принадлежат две трети всей территории: это известие крайне преувеличено, хотя несомненно, что земельные владения церкви у нас также были чрезвычайно обширны; в некоторых уездах площадь монастырских имений превосходила площадь вотчин и поместий дворянства[54*].

§ 39. Посадские люди

От двух высших сословий, духовенства и дворянства, в Московском государстве, так же как на Западе, резко отграничивалось третье сословие горожан. По своим сословным правам и обязанностям наши *посадские* люди очень сходны с немецкими *бюргерами* и с *буржуа* французского tiers état[*]. Одинаково с ними посадские люди имели весьма важное само по себе, по своей доходности, право на занятие торговлей и промыслами и за это обязаны были платить подати, своей тяжестью обыкновенно очень понижавшие высокую ценность их торгово-промышленной привилегии.

Городское сословие у нас, как и на Западе, не было замкнутым наследственно, как благородное дворянство. Доступ в это сословие был открыт для лиц других разрядов населения; он обусловливался у нас, как и на Западе, городскою оседлостью и занятием промыслом или торговлей с непременной обязанностью платить подати наравне с другими горожанами; позднее на Западе он был затруднен еще условием вступления в один из цехов с согласия членов цеховой корпорации.

Права и обязанности городского сословия у нас точно так, как на Западе, были теснейше связаны с городским общинным самоуправлением. В наших городах мы находим то же мирское самоуправление, ту же самую общину, существо которой было одно как в городах, так и в селах России и Запада. Г. Л. Маурер в своей большой «Истории городского устройства в Германии» доказал вполне, что городская община была такою же марковой общиной, как община сельская. В отношении русского города та же задача исполнена А. С. Лаппо-Данилевским, выяснившим тожество по существу устройства «крестьянской общины» и «общины посадской» с ее выборными властями: старостами, сотскими и мирским советом. Его выводы недавно были подкреплены А. А. Кизеветтером[118], который показал, что и в позднейшей «посадской

[54*] *Готье Ю.* Замосковный край в XVII веке. М., 1906. С. 377—378.
[*] Третьего сословия (фр.).

общине» XVIII в., под «верхним этажом» новых бурмистерских палат и магистратов уцелел древний фундамент «мирского посадского схода со всеми его исполнительными органами» [55*].

Древняя власть мира сохранялась у нас в посаде XVII, как и XVIII в., вполне в отношении к основной, отличительной *обязанности* посадского сословия, обязанности податной, как и в отношении к обусловливающему ее *праву* на занятие в городе торговлей и промыслами. Наша посадская община, как и община крестьянская, была податным, или тяглым, союзом. Она была ответственна за уплату податей, причитавшихся с ее отдельных членов, и пользовалась полною самостоятельностью в деле взимания и раскладки податей. Таким же тяглым союзом, с теми же правами была и германская городская община. «Взимание податей,— говорит Маурер,— составляло дело марковой общины одинаково как в имперских городах, так и в земских городах. Относительно взимания поземельного налога, падающего на марковую общину в силу принадлежности ей общинной земли, это понятно само собою. Однако и введенный позднее налог с имущества был таким же образом взимаем марковой общиной». Подати раскладывались между отдельными членами соответственно принадлежавшим им долям общинной земли, позднее также соответственно имущественной самостоятельности каждого члена городской общины.

На почве этих одинаковых порядков возникали у нас и в Германии одинаковые явления упорной борьбы городских общин с лицами привилегированных сословий, которые, приобретая участки городской земли и занимаясь в городе торгово-промышленной деятельностью, не участвовали в податном тягле, опираясь на свою сословную привилегию. Городские общины у нас точно так, как в Германии, дозволяли духовенству приобретать земли в городе и заниматься торговлей и промыслами под непременным условием платить за это подати наравне с посадскими людьми, но дворянство и духовенство всегда предпочитали пользоваться прибыльным правом горожан, не возмещая его соответствующей обязанностью уплаты податей. Возникавшая на этой почве борьба наших «черных» посадских тяглецов с привилегированными «беломестцами» известна хорошо. «Если беломестец соглашался иногда тянуть тягло с черных земель,— говорит Лаппо-Данилевский,— то в большинстве случаев, напротив, старался обелить их... и присоединить к ним новые земли, отнятые насильством у тяглой общины». Маурер приводит множество указаний на такую же борьбу

55* *Maurer G. L.* Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Erlangen, 1869—1871. Bd. I—IV. Особенно т. II: «Die Stadtgemeinde eine Stadtmarkgemeinde; die Stadtbürger sind Stadtmarkgenossen». § 226, 227 и след.; *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 112, 282 и след; *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 619 и след.

бюргеров с рыцарями и духовенством. Город Фрейбург, например, в 1392 г. решительно предложил всем благородным или платить подати, или покинуть город и затем дал им десятилетнюю отсрочку для того, чтобы они могли сделать окончательный выбор. «В Госфельде в XVI столетии многие рыцарские роды выселялись из города, чтобы сохранить свою свободу от податей. А из оставшихся одним удалось добиться добровольного признания их свободы от податей, другие же вступили в тянувшийся много лет спор с городом... Во многих городах, однако, благородным и духовенству, как и духовным учреждениям, удалось освободиться от бюргерских налогов и податей».

Так как привлечение в податной оклад лиц других сословий, как видно из изложенного, связано было всегда с большими затруднениями, то городские общины у нас и на Западе стараются пресечь переход городских земель и имуществ в их владение. У нас по настояниям посадских людей воспрещался заклад дворов беломестцам и их людям, и Уложение 1649 г. предписывало боярским людям и крестьянам, купившим или взявшим в заклад тяглые дворы и лавки, продать их посадским людям, грозя отобрать их безденежно. В Германии точно так же во многих городах общины не раз требовали от рыцарей, монастырей и вообще от всех «чужаков» (die Fremden), чтобы они продали или, по крайней мере, сдали в аренду бюргерам приобретенные ими тем или иным путем городские имущества[56*].

Так как столь убыточная для общины податная привилегия высших сословий распространялась нередко и на зависимых людей дворянства и духовенства, то городские общины у нас и у немцев запрещали своим членам вступать в зависимость от господ. У нас в XVII в. правительство по челобитьям посадских общин энергично преследовало «закладничество» посадских людей, т. е. уход их под защиту сильных людей. Во многих немецких городах находим аналогичные запрещения бюргерам вступать в зависимость от «чужого господина» (sich verherren) или поступать на службу к нему, не испросив на то разрешения городского совета[57*].

[56*] *Maurer G. L.* Op. cit. Bd. II. § 377. S. 793; Bd. III. § 429; Bd. II. § 376. S. 786—789; § 371. S. 769—771.

[57*] Как наши посадские люди обязывались «с посаду не сойти и ни за кого не заложиться» или «ни в какие задачи не выйти» (от «задаваться», защищаться), «ни за кою *державу* не заложиться», так бюргеры клялись: «Nicht verherren noch einige andere Herrschaft gebrauchen» (*Maurer G. L.* Op. cit. Bd. II. S. 828. Anm. 12). О привлечении в оклад господских людей см.: Ibid. S. 791, 870. У нас по тем же податным соображениям посадские люди стремились приписывать к посаду монастырские и вообще частновладельческие пригородные слободы; то же явление в Германии (монастырские Vorstädte) (Ibid. § 397). У нас рядом с полноправными членами городской общины находим неполноправных подсуседников, подворников, захребетников, платящих, между прочим, особый небольшой сбор —

Упуская из виду все указанные выше очень ярко выраженные сословные черты нашего духовенства, дворянства и посадских людей московского времени, некоторые наши историки, желая определить их мнимое коренное отличие от сословий западных, утверждают, что они представляют собою не сословия, а классы, не имеющие прав, а имеющие только обязанности: одни — обязанность службы, другие — обязанность уплаты податей. Служебную повинность дворянства они при этом приравнивают к податному тяглу посадских людей в качестве своего рода «служилого тягла» и на основании этого утверждают, что у нас не было сословий, а были только тяглые классы.

Между тем это тягло, тягло податное и служебное, в котором историки видят характерную особенность нашего строя, не представляет собою ничего характерного, потому что оно обусловлено наследственным сословным правом на поместья, с одной стороны, и на торговлю и промыслы — с другой, а при этом условии тягло есть не что иное, как сословная обязанность, обусловленная преимуществом, та же обязанность, которая лежала и на западных сословиях и также была обусловлена их привилегиями. На Западе точно так же, по выражению Маурера, сословные «обязанности идут всегда рука об руку с правами». На Западе точно так же в эпоху сословной монархии горожане обязаны были податями (тяглом), а дворяне военною конною службою. При этом там точно так же, как у нас, дворянская свобода от податей объяснялась именно тем, что дворяне вместо податей несут военную службу. На этом основании совершенно так же, как наши историки, приравнивающие служилое тягло к податному, германский историк Эйхгорн [119] давно уже приравнивал конную службу ленного дворянства как «особую земскую тягость» (besondere Landeslast) к податному бремени бюргеров, указывая, что основанием их свободы от податей считалась в это время и в конце средневековья именно их военная служба. Рассказывая о чрезвычайных налогах, которые постановлялись на ландтагах германских княжеств в XVI в., Эйхгорн говорит, что эти налоги принимали вид особо от каждого сословия даруемого пособия, и при этом замечает, что «земельная собственность рыцарства нередко оставалась свободной от налога или менее обложенной, потому что во внимание принималась конная служба как особая земская тягость, которую рыцари несли сверх того» [58*].

«казачье». В немецких городах такие же неполноправные члены общины назывались сходно с нашими Hintersassen, Hintersiedler (захребетники), Haussessen, Hofsessen (подворники) и также платили особый Hintersessen Steuer (Ibid. § 234, 396. S. 873).

58* Так, например, рыцарство заявило на ландтаге в Саксонском курфюршестве 1552 г.: «Мы готовы с каждой единицы оценки (Schock) наших ленных имений, однако за вычетом рыцарских служб... платить два пфеннига». Совершенно так же у нас чрезвычайные пятинные деньги, взимавшие-

§ 40. Земский собор и западные сословные собрания

Политическое значение наших трех сословий — духовенства, дворянства и горожан — в их отношениях к власти царя было равным образом одинаково по существу с политическим значением сословий Франции и германских государств. Оно проявилось в земских соборах, которые, как то достаточно ясно из исследований наших историков, представляют собою учреждение, тожественное по своей природе с французскими генеральными штатами, немецкими ландтагами, испанскими кортесами, шведским риксдагом, польским сеймом и отчасти с английским парламентом в его первоначальном виде. После исследований В. И. Сергеевича и В. Н. Латкина [120], установивших «многосторонние», «поразительные» сходства между земскими соборами и французскими генеральными штатами, старая мысль о самобытном своеобразии наших соборов совершенно потеряла значение [59*].

Представительство на земских соборах было всецело представительством сословным, от трех «чинов» — духовенства, дворянства и посадских,— и только отчасти от свободного сельского населения. Сословность отразилась и на самом порядке обсуждения дел на соборе; представители каждого «чина» совещались особо, и заключения по вопросам, поставленным на обсуждение, давались «порознь» от каждого чина.

Боярская аристократия занимала особое положение: бояре входили в состав собора не по выборам, как представители дворян и посадских людей, а как члены боярской думы. Во Франции точно так же в генеральных штатах участвовали не по выборам, а по должности члены тайного королевского совета и государственного. Особое положение на земском соборе занимало также духовенство, выделяясь в отдельный «освященный собор». Земский собор у нас иногда, как, например, собор 1648 г., делился, подобно английскому парламенту, на две палаты, в одной палате заседали духовные власти и боярская дума из бояр, окольничих и думных людей; в другой, «ответной палате», собирались все выборные люди, дворяне и посадские.

ся по постановлениям земских соборов взимались иногда и со служилых людей, но только с тех, которые не участвовали в походе (*Eichgorn K.* Op. cit. Bd. IV. § 547. S. 393; Bd. III. § 426. S. 268).

59* *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 161—234 (1-е изд. СПб., 1883. С. 703 и сл.); *Латкин В. Н.* Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. Присоединяясь к главным выводам этих исследователей, Н. И. Кареев говорит, что наши земские соборы должны быть подведены «под одну категорию учреждений с западными сословными сеймами». По поводу некоторых их особых черт Кареев замечает, что и на Западе среди сословных сеймов различных стран «не было единого образца, и там царило значительное разнообразие, позволяющее нам делать лишь общие характеристики» (*Кареев Н. И.* Поместье-государство... С. 303—304).

Собрание представителей этих высших сословий называлось собором *земским*; их заявления принимались за голос *всей земли*, невзирая на то, что на соборе лишена была права голоса, за отсутствием особых выборных, большая часть народа, все подвластное господам, бесправное крестьянство. Представители крестьян в ограниченном числе являлись на собор только из тех немногих мест, где уцелели не подпавшие под власть господ свободные общины. Представители трех высших привилегированных сословий у нас ведают «государево и земское дело», говоря от имени всей земли. То же — на Западе, в английском парламенте, во французских генеральных штатах и в немецких ландтагах. Во Франции представители трех сословий говорят от имени всего народа. В Германии представители духовенства, рыцарства и бюргеров считают себя на ландтагах («земский день»)[121] представителями всей земли. Близость этих порядков Запада и России проявляется и внешне, в близости соответствующих терминов. На Западе находим то же слово и то же понятие «земли» (Land) и то же слово «чины» (ordines, états, Stände), что и у нас. Описывавший ярославский собор 1612 г. современный наблюдатель иностранец Петрей[122] сразу нашел для московских «чинов» точно соответствующее немецкое слово, назвав их «die Moscovitischen Stände» *.

Земские соборы созывались у нас не в силу особого права сословий на участие в законодательстве и управлении, не в силу «конституции», а по доброй воле государей, в неопределенные сроки, только тогда, когда сама власть в годы бедствий находила нужным обратиться к земле за поддержкой. Выборные люди на соборах не проявляли властной самостоятельности, не вступали в конфликты с государем, не предъявляли ему своих ультиматумов, а, наоборот, признавали авторитет его власти, обращались к нему в почтительнейшей форме «челобитий», а иногда даже уклонялись от ответа на вопрос, поставленный на их обсуждение, заявляя: «А как дело вершить, то государю ведомо». В течение ста лет, с 1550 до 1653 г., соборы созывались много раз, причем иногда, в смутное время и позже, как, например, после московского бунта 1648 г., выборные являлись господами положения, но они ни разу не сделали попытки превратить *факт* созыва соборов и участия сословий в делах законодательства и управления в *право*, обеспечив его конституционными гарантиями, и потому, возникши по воле государей, по той же воле они и прекратили свое существование.

В такой полной подчиненности земского представительства власти государя некоторые наши историки увидели своеобразную черту земских соборов и их резкое отличие от представительства западноевропейского. Одни, как славянофил К. Аксаков, нашли

* Московское сословие (нем.).

здесь даже самобытность, специально русское единение между царем и народом, особенный «свободный союз Земли и Государства», в котором «правительству принадлежала сила власти, Земле — сила мнения». Другие, западники Чичерин и Костомаров, на основании «бесправности» наших соборов вынесли им суровый обвинительный приговор, говоря, что они пали вследствие собственного своего внутреннего ничтожества и что они не делают чести тогдашнему обществу.

В сравнении с английским парламентом, который рано завоевал конституционные права, наш земский собор, оставшийся бесправным и погибший без борьбы, действительно, должен быть признан виновным без всякого снисхождения. Но как только мы возьмем для сравнения не позднейшие западные конституции, а соответствующие земским соборам Московского государства французские генеральные штаты и немецкие ландтаги эпохи сословной монархии, как и английский парламент древнейшего времени, мы должны будем признать, что наш земский собор хотя и виновен, но заслуживает снисхождения, потому что генеральные штаты более культурной Франции, подобно ему, также не сумели завоевать конституционных гарантий.

По своему составу и по отношениям к верховной власти, по своим правам или, вернее, бесправию земский собор безусловно представляет собою учреждение, тожественное западноевропейским представительным собраниям средних веков. Все приведенные выше пункты обвинительного акта против наших соборов, сводящиеся к одному: к обвинению их в бесправности, в подчиненности верховной власти, все эти пункты в равной мере могут быть выдвинуты и против французских штатов и других сословных собраний того же типа. «Поразительное» сходство земского собора как учреждения в отношении его состава и прав с французскими штатами отчетливо выяснено В. И. Сергеевичем. В. Н. Латкин продолжил его работу, взяв для сравнения другие представительные сословные собрания Запада.

По *составу* своему наш земский собор так же, как западные палаты, был учреждением *сословным*, как я уже говорил; он составлялся из представителей «чинов», как на Западе из представителей ordines, états, Stände. «Что наши соборы,— замечает Латкин,— были учреждениями сословными, об этом свидетельствуют выборы, происходившие по сословиям. В этом отношении между нашими соборами и европейскими собраниями существует не только аналогия, но даже *полнейшее тожество*. Как у нас, так и на Западе депутаты были сословными представителями, связанными сословными инструкциями и подававшими сословные петиции... Сходство усиливается еще тем, что члены высших сословий (как у нас, так и на Западе) заседали поголовно, члены же низших — чрез посредство представителей».

В отношении *прав* наш земский собор был столь же бесправным, столь же зависящим от воли государя, как и западные собрания. Для созыва собора, как и этих собраний, не было установлено сроков ни законом, ни обычаем, и созыв их, а следовательно, и самое их существование зависели всецело от государя. Соборы, как и западные собрания, прекращают свое существование у нас и на Западе в XVII в. потому, что государи перестают их созывать. Если наши соборы не выработали конституционных гарантий, то не выработали их и французские генеральные штаты и бо́льшая часть палат в других странах.

Компетенция наших и западных соборов была столь же неопределенной, сколь неустойчиво было самое их существование. Они созываются для обсуждения вопросов и законодательства, и суда, и управления, и внешней политики, но постановка того или иного вопроса всецело зависит от воли государя.

Только особые соборы, избирательные, созывавшиеся для выбора государя, действуют как учреждения властные, принимая известные решения, имеющие обязательную силу. Соборы же обычного типа, созывавшиеся государями, как и западные собрания, имели только *совещательное* значение; решения их не были обязательны для верховной власти.

Указывая, что формально наши соборы имели только совещательное значение, В. И. Сергеевич правильно отмечает, что на деле «значение московских соборов не исчерпывается понятием совещательного учреждения; оно идет далее, хотя никакой указ формально и не признавал за ними того положения, каким они в действительности пользовались». Но юридически это значение оставалось очень неопределенным. «С такою же *неопределенностью юридического значения* представительства,— говорит Сергеевич,— встречаемся и в Западной Европе. Во Франции эта неопределенность осталась постоянным признаком деятельности генеральных штатов». «В России и Франции одинаково,— замечает Латкин,— собрания, не имея юридической основы, не обладали никакой определенной компетенцией; отношения же их к государям были построены исключительно на фактической почве». По этой неопределенности своих прав наш земский собор вполне сходен не только с французскими штатами, на чем настаивают Сергеевич и Латкин, но и с сословными палатами других стран и особенно с немецкими ландтагами. Ту же юридическую неопределенность (Rechtsunsicherheit) в отношениях ландтагов к государям выдвигает новый исследователь этого вопроса Ф. Тецнер[123]. Он настаивает на том, что в этих отношениях решающее значение имели не отвлеченные правовые нормы, а отношения силы (Machtverhältnisse). Если иногда сословиям и удавалось установить некоторые порядки, связывающие власть государя, то эти порядки никогда не приобретали значения устойчивых правовых институтов. «Они возникают и исчезают,—

говорит Тецнер,— большею частью вместе с теми политическими замешательствами, которые их породили». «То, что бывало вынуждено у слабого, политически неспособного, расточительного, удрученного династическими распрями или военными неудачами государя, исчезает, как тает снег на солнце, при преемнике такого государя, сильном, одаренном, имеющем способности автократа или умело пользующемся благоприятными политическими обстоятельствами» [60*].

Все значение сословий в области законодательства сводится, по определению Тецнера, к праву петиций, к праву жалобы. То же единственное формальное право рельефно выделяется и в отношениях к государям наших чинов, как и французских штатов. Право петиций, или право «челобитья», принадлежит нашим сословиям, как и западным, и вне земских соборов. Формально же и на соборах вся деятельность сословных представителей сводится к осуществлению этого права заявлять государю о своих сословных нуждах и пожеланиях. Если у нас, как формулирует это право Аксаков, земле принадлежала «сила мнения», то к той же силе мнения или к праву петиций сводится и право западных земель (Land) в лице их чинов. На наших соборах выборные люди обращались к государю «в почтительной, по понятиям того времени, форме челобитий и с самостоятельными заявлениями о своих нуждах». «С таким же обычаем,— замечает Сергеевич,— встречаемся и в западных государствах. В Англии представители обращаются к королям с петициями. Относительно Франции мы знаем, что обращения выборных к королям в форме жалоб (doléances) делались ими с преклонением колен». Те же «петиции», те же жалобы, те же пожелания сословий находим и в немецких ландтагах. Государь в конце ландтага дает ответ на эти заявления по пунктам. Образуется как бы «диалог между государем и сословиями», замечает Тецнер: «Одним петициям он дает ход, с урезывающими их содержание изменениями, или затемняет смысл их в своих интересах, или, наконец, прямо их отклоняет».

Среди общей неопределенности отношений между сословиями и государем это очень определенное право петиций, принадлежавшее сословиям равно у нас и на Западе, имело большое значение. Как ни естественно само по себе, как ни непреходяще казалось бы, по замечанию Блунчли [124], право жителей государства заявлять свои просьбы, желания и жалобы, это право далеко не всегда признавалось государями в новые времена и нередко даже рассматривалось как заслуживающее наказания новшество. Нам это хорошо знакомо по недавней русской действительности. Из-

60* *Tezner F.* Technik und Geist des standisch-monarchischen Staatrechts // Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen von G. Schmoller. 1901. Bd. IX, H. 3. S. 5, 65. Нижеприведенную цитату см.: Ibid. S. 24.

вестная статья Дитятина[125] «О роли челобитий и земских соборов», которую он начал цитированными словами Блунчли, представляет собою осторожно выраженную в форме исторической справки политическую петицию о восстановлении того права челобитий, которым столь свободно и непререкаемо пользовались чины Московского государства [61*].

§ 41. *Мнимое ничтожество земских соборов*

В отношении состава и прав наш земский собор, таким образом, представляет собою, безусловно, учреждение одного типа или одной природы с западными сословными собраниями. Но, может быть, он резко отличается от этих собраний по своему историческому значению, может быть, в русской, столь оригинальной, по общему мнению, среде это учреждение имело совершенно оригинальный характер?

На таком ином историческом значении настаивает особенно Чичерин в доказательство вообще несходства наших соборов с западными собраниями. Соборы, полагает он, у нас имели «несравненно меньшее значение, нежели подобные собрания на Западе». Они кажутся ему «крайне скудными и бесцветными» в сравнении даже с французскими генеральными штатами, которые из западноевропейских учреждений этого рода «имели наименьшую силу». «Земские соборы,— замечает Чичерин,— прекратились в России в половине XVII века одновременно с прекращением сословного представительства во многих государствах европейского материка...» Но у нас «падение совещательных собраний совершилось всего легче». «Земские соборы исчезли *не вследствие сословной розни или опасений монархов*, а просто *вследствие внутреннего ничтожества*».

Ошибочность этих выводов Чичерина бесспорна после исследования С. Ф. Платонова о смутном времени, в котором земские соборы имели столь крупное историческое значение, и после его же недавно появившейся работы о земских соборах. Наши соборы казались Чичерину ничтожными, скудными и бесцветными только потому, что он не знал их богатой внутренней жизни на почве сословной борьбы, раскрытой Платоновым. Это еще один пример того, как, по мере более глубокого изучения русской древности, она все более и более сближается с древностью западной.

Земские соборы пали у нас не «вследствие внутреннего ничтожества», а как раз обратно тому, что утверждал Чичерин, именно *«вследствие сословной розни и опасений монархов»*. Победителями из долгой борьбы смутного времени вышли два

61* *Дитятин И. И.* Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 272.

средние сословия, дворянство и горожане, или средние «классы» служилых людей и посадских, как называет их Платонов. Эти же сословия восторжествовали и на земском соборе 1648 г., имевшем капитальное значение в истории XVII в. «Как в 1612—1613 гг. средние слои общества возобладали благодаря внутренней солидарности и превосходству сил, так и в 1648 г. они достигли успеха благодаря единству настроения и действия и численному преобладанию на соборе». Они добились своих стремлений, направленных «против общественных вершин, духовенства и знати, и против общественных низов: крестьянства и частновладельческих людей...» «Общественная средина, составлявшая на соборе подавляющее большинство, „за себя стала" и своими челобитьями искала возможности провести в закон такие „статьи", которые действительно охраняли бы до тех пор попираемый ее сословный интерес. За исключением одного пункта (отобрание земель, приобретенных духовенством в 1584—1648 гг.), все остальные челобитья были удовлетворены государем и обратились в статьи Уложения. Таких новых статей на тысячу приблизительно статей Уложения насчитывается около 80-ти» [62*].

На соборах была сословная рознь. Вызывали соборы и *опасения монархов*. Собор 1648 г. тесно связан с московским революционным движением, направленным против правившего всеми делами царского дядьки боярина Б. И. Морозова и его единомышленников: окольничего Траханиотова, земского судьи Леонтья Плещеева и думского дьяка Чистого. 2 июня 1648 г. в Москве начался мятеж против этих сановников. «Домы их миром разбили и разграбили,— говорит летописец,— и самого думного дьяка Назарья Чистого у нево в дому до смерти прибили». На следующий день, «видя государь царь такое в миру смятение, велел его земского судью Левонтья Плещеева всей земле выдать головою, и его Левонтья миром на пожаре прибили ослопьем». Царь Алексей дал возмутившемуся народу торжественное обещание выслать из Москвы Траханиотова и Морозова и не поручать им впредь никаких дел: «И на том государь царь к Спасову образу прикладывался». Но тут в Москве начался большой пожар; народ обвинил в поджоге ненавистного Траханиотова, и царю пришлось уступить еще раз и приказать его «казнить перед миром». Царю удалось уберечь только Морозова («царь упросил у миру», чтобы его сослать с Москвы в Кириллов монастырь на Белоозеро, «а за то ево не казнить, что он, государя царя дядька, вскормил его, государя»). Земский собор 1648 г. был экстренно созван вслед за этим мятежом, отразившимся народными волнениями и в других городах, в Устюге, Сольвыче-

[62*] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 560, 536; *Платонов С. Ф.* К истории московских земских соборов. СПб., 1905. С. 56, 57.

годске, Козлове, Томске и позднее, в 1650 г., крупным мятежом в Пскове [63*]. Патриарх Никон, игравший затем роль временщика, всегда резко восставал против Уложения, изданного по приговору земского собора при таких обстоятельствах, и называл его «проклятою» и беззаконною книгою. «И то всем ведомо,— писал он,— что сбор (собор) был не по воли, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради».

После первого десятилетия царствования Михаила Федоровича, когда соборы действовали в единении с монархом, являясь выразителями интересов средних классов, «вокруг государя,— говорит Платонов,— постепенно образовалась приказная бюрократическая среда, своего рода средостение между властью и обществом. Раздражаемая злоупотреблениями приказных людей, земщина стала менять тон на соборах; в 1648—1649 гг. она явно стала против «сильных людей» и в борьбе с ними инстинктивно потянулась к тому, что называется законодательною инициативою. Пассивный прежде советник теперь становился неудобным для приказно-бюрократических кругов и потому был очень скоро устранен» [64*].

Свои соображения о совершенно своеобразном значении наших соборов и о их внутреннем ничтожестве Чичерин подкреплял указаниями на иное их *происхождение*, на коренное несходство с Западом той общественной среды, в которой они возникли. Земский собор, рассуждал Чичерин, как и другие исследователи, был сословным представительством; но наши сословия XVII в. были совершенно непохожи на западные по своему происхождению и по своему значению. Западные сословия были «организованными, самородными силами», наши же были искусственно созданы правительством, так как в противоположность Западу у нас-де в пустынной стране с подвижным населением «все общественное здание воздвигалось рукою власти» [65*]. Проистекающей отсюда слабостью наших сословий Чичерин объяснял и мнимо оригинальную слабость наших соборов.

Историки права Сергеевич и Латкин, выяснившие полное, доходящее до тожества сходство земских соборов с сословными собраниями не только по их устройству, но и по их значению, соглашались с Чичериным в вопросе о происхождении наших соборов. Они также признавали, что сословия возникли у нас совершенно иначе, чем на Западе, «искусственным путем», и имели

[63*] *Платонов С. Ф.* Московские волнения 1648 г. // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 87—90; Материалы о мятежах 1648 г. в Козлове, Устюге, Челнавском остроге и Томске/Изд. А. Н. Зерцалов // ЧОИДР. 1896. Т. 177, кн. 2.

[64*] *Платонов С. Ф.* К истории московских земских соборов. С. 66—67.

[65*] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. С. 528, 532 и др. Я рассмотрел уже выше эту антитезу в новейшей формулировке П. Н. Милюкова (§ 7).

иной характер — «тяглых классов», а не сословий. После этого им оставалось только крайне изумляться и недоумевать, как в результате совершенно иного общественного развития, в совершенно иной общественной среде у нас возникает земский собор, тожественный, по существу, с представительными сословными собраниями Запада. В таком тожестве этих учреждений не было бы ничего удивительного, если бы его возможно было объяснить заимствованием, если бы все эти собрания создались одинаково по чужому примеру, подобно современным парламентам, которые все заимствованы из одного источника. Но самостоятельное возникновение земских соборов столь несомненно, что никто из историков не решился воспользоваться для объяснения их сходства с западными собраниями гипотезой о заимствовании их с Запада, которою у нас так часто злоупотребляли. Оставалось, как я сказал, только изумляться, не находя удовлетворительного объяснения. Так, выяснив «несомненные черты сходства» между нашими и западными сословными собраниями, В. И. Сергеевич говорит: «Эти сходства *тем поразительнее*, что социальное положение разных общественных групп, на которые распадалось население Англии и Франции, очень различалось от социального положения наших групп»[66*]. Такое возникновение двух тожественных учреждений без взаимных влияний в совершенно различной социальной среде было бы не только «поразительным», но и совершенно непонятным, если бы только наши соборы, действительно, возникли в иной социальной среде, чем западные собрания. На самом же деле, как выяснено на предыдущих страницах, среда, в которой возникли наши и западные собрания, была одинакова. Наше Московское государство с его земскими соборами было таким же сословным государством, как западные

[66*] Для объяснения этой «поразительности» Сергеевич (*Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 176) пользуется аналогией с современными парламентами, но: 1) между сходством различных современных парламентов и сходством старых сословных собраний нет ничего общего, так как парламенты все заимствованы из одного источника; сословные же собрания везде возникали самостоятельно, независимо от внешних влияний; 2) даже заимствованные парламенты прививаются только там, где есть для этого сходная общественная среда на соответствующей стадии социального развития, и пересаженные в неподходящую среду, например в Турцию, гибнут. Аналогия эта, таким образом, ничего не дает для объяснения, как два тожественных учреждения *сами* собою возникают в совершенно *различных* социальных условиях. В. Н. Латкин, признав, что наши соборы и западные собрания «ни в чем не отличаются друг от друга и не составляют ничего особенного один от другого», замечает: «Естественно предположить, что причина подобного сходства кроется в том, что условия, при существовании которых развивались учреждения, были вполне сходны». Но он не выясняет этих сходных условий развития, так как вместе с другими историками признает, что сословия у нас «созданы искусственным путем» и что у нас собственно сословий не было, а было только «фактическое разграничение членов общества по роду занятий и служб» (*Латкин В. Н.* Указ. соч. С. 403).

сословные государства, с их генеральными штатами, ландтагами, кортесами и т. д. И наш государственный порядок московской эпохи XVI—XVII вв. вырос так же, как на Западе, из порядка феодального[67*]. Одинаковое сословное представительство самопроизвольно возникло у нас, как и в различных странах Запада, потому что везде одинаково были сословия, имевшие важное значение и силу как наследие феодальной эпохи. У нас, как и на Западе, не окрепшая еще государственная власть ищет опоры в этих «самородных силах» в годы кризисов. И там и здесь эти силы, легко организуясь, поддерживают часто шатающуюся и падающую власть. И там и здесь, как только власть достаточно окрепнет, она, идя к абсолютизму, отбрасывает ставшую ей ненужной подпору представительных сословных собраний.

§ 42. Государственное управление и законодательство

Московское государство чрезвычайно близко к западным сословным государствам той же стадии развития не только этою сословною основою строя, но также и порядками государственного управления. У нас в XVI в., как и в Германии с объединением территорий в XV—XVI вв., правительственная власть впервые получает истинно государственный характер; она сосредоточивается, крепнет и воздействует на разнообразные стороны жизни, так как уже имеет достаточно сил для того, чтобы проводить в жизнь свои веления.

У нас и в Германии с XVI в. впервые дифференцируется центральное управление под давлением умножившихся и усложнившихся его задач. «Прошли те времена,— говорит Лампрехт, описывая реформы центрального управления XVI в.,— прошли те времена, когда один ослик возил всю канцелярию территориального князя при его постоянных разъездах по его владениям, когда даже канцелярия императора следовала за ним при его переездах из одной резиденции в другую на нескольких повозках». «XVI век,— замечает Лампрехт,— был веком деятельных экспериментов в сфере центрального управления»; это управление дифференцируется: возникают зачатки особых органов для отдельных его отраслей — финансового, военного и других.

[67*] Присоединившись к главным положениям моего исследования о феодализме, Ф. В. Тарановский сделал следующее правильное предположение на основании исследований Сергеевича и Латкина о земских соборах: «В этих исследованиях наши земские соборы конструированы как учреждения сословного представительства. Этот вывод может послужить солидным операционным базисом для распространения сравнительно-исторического изучения на весь политико-правовой строй Московского государства, который, быть может, свободно уляжется в рамки сословно-монархического государства, в свое время сложившегося на почве феодализма» (*Тарановский Ф. В.* Феодализм в России: Крит. очерк // Варшав. унив. изв. 1902. № 4; отд. изд.: Варшава, 1902. С. 53).

Местное управление также медленно реформируется; старые амтманы феодального типа постепенно заменяются лучшим «чисто техническим управлением» [68*].

Переход от удельного строя к государственному выражается у нас в XVI в. точно так же преобразованием центрального и местного управления в том же направлении. Центральное управление дифференцируется с образованием приказов. Посольского, например, дьяка сменяет посольский приказ как организованное учреждение. В области местного управления наместников в XVI в. сменяют воеводы. В воеводах сохраняются еще старые черты наместников; воеводство сохраняет характер старого кормления, потому что часть собираемых доходов идет в пользу воеводы; но вместе с тем воеводство существенно отличается от наместничества. Наместник удельного времени управлял как частный хозяин и почти бесконтрольный хозяин с обязательством часть всех доходов, «прибытка» с волости и с города (в XIV в. половину такого прибытка), доставлять князю; воевода же управлял под строгим контролем центральной власти: он имел право брать в свою пользу только некоторые определенные сборы и во всех доходах обязан был отчетом. При назначении воевод им давались подробные «наказы», и для более действительного контроля воеводы сменялись через два года. Если «наместники,— говорит Андреевский [126],— могли по праву смотреть на управляемых как на средство для удовлетворения своих личных целей, то воеводы могли осуществлять в своем управлении такой взгляд только по злоупотреблению власти и по неимению у правительства достаточного за ними надзора» [69*].

В Московском государстве, как и в государствах Запада соответствующей стадии развития, впервые выдвигается правотворящая сила власти. Средние века — эпоха господства обычного права. Государство же, возникшее после средних веков, творит новое право законом. «Старые земские уставы конца средних веков,— говорит Лампрехт,— были по большей части простой кодификацией существующих прав»; в XVI в. появляется «масса указов территориальных князей, указов, создававших новое право по просьбе и совету земских сословий или и без их ведома». «Появились многотомные земские регламенты, имевшие отношение ко всем жизненным отправлениям общества, казуистически подробные, отечески обстоятельные и отечески же жестокие; к этому присоединялись и специальные указы о всевозможных предметах, о важном и мелочах... Они связывали подданных, бюргеров так же, как крестьян и дворянство; они связывали су-

68* *Лампрехт К.* История германского народа. М., 1896. Т. III. С. 370 и след.
69* *Андреевский И. Е.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. Положение 2-е. С. 40, 43. О приказах см.: *Рожков Н. А.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906.

доходство не менее, чем земледелие и торговлю; они не оставляли без регулирования и новую духовную жизнь нации» [70*].

Эта реформаторская и полицейская деятельность государства особенно развивается в Германии и Франции позднее, в XVII—XVIII вв., когда после упадка генеральных штатов и ландтагов монархия, опирающаяся на регулярное постоянное войско, становится монархией абсолютной. У нас она с полной силою развивается также позднее в преобразовательной деятельности Петра I и затем Екатерины II, но она проявляется уже в XVII в. Правотворящее Уложение 1649 г. заметно отличается от по преимуществу кодифицирующих действующее право судебников 1497—1550 гг.[71*]

Не надо слишком резко по эпохам разделять эти два элемента законодательства: кодификацию, с одной стороны, и создание нового права — с другой. Несомненно, и в средние века власть в лице князей творила новое право: у нас, например, оно создавалось путем соглашений князей. Несомненно, с другой стороны, что и законодательство XVI—XVIII вв. большею частью не столько творило новое право, сколько закрепляло законом изменившиеся правовые отношения, также только кодифицировало, так сказать, изменившееся уже в жизни право. Несомненно также, что в тех случаях, где новые регламенты слишком самовластно и резко ломали установившиеся правоотношения, они большею частью оставались мертвою буквою. Но все эти оговорки никак не стирают указанного выше различия между средневековыми судебниками и законами нового времени. В средние века, действительно, господствует обычное право и правотворящий элемент власти большею частью бессилен. В законодательстве же нового времени этот элемент, несомненно, имеет значение, хотя и не столь важное по существу, как то может показаться на первый взгляд по чрезвычайному обилию императивных указов и регламентов.

II. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИМПЕРИЯ

§ 43. *Петровская реформа и абсолютизм*

Наивысшее напряжение реформаторской власти государства нового времени у нас в эпоху Петра I не изменило главных оснований социального и государственного строя. Петровская реформа, как доказывают новые историки в ряде монографий,

[70*] *Лампрехт К.* Указ. соч. Т. III. С. 374.

[71*] Кодифицируя московское право, судебники имели еще особое значение, делая это право обязательным для всех недавно подчиненных Москве областей. Такое же значение имела во Франции кодификация кутюм в начале XVI в (*Thierry A.* Essai sur l'histoire de la formation et les progrès du Tiers état. P., 1853. Ch. IV. P. 108).

отнюдь не имела значения коренного перелома в нашей истории. Сословный строй государства вышел из эпохи преобразований без существенных перемен, а крепостное право, лежавшее в основании этого строя, только усилилось после Петра.

Реформы Петра в области центрального и местного управления, как доказал П. Н. Милюков, тесно связывались с развитием московской Руси, и они уцелели только в той мере, в какой соответствовали требованиям развития; все же остальное, в чем Петр, в увлечении мнимою силою своих повелений, вышел за пределы дозволенного ходом развития, все это было или прямо отменено Меншиковым через год после его смерти, или же под новою скорлупою сохранило старое ядро. Так, через год после смерти Петра I отменена была вся новая, оказавшаяся непомерно сложной и дорогой для страны провинциальная администрация: указом 1727 г. решено было «как надворные суды, так и всех лишних управителей, канцелярии и конторы земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить и положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод». Так, например, посадская община, как то выяснил А. А. Кизеветтер, сохранила в XVIII в. вполне архаический московский строй, несмотря на все «коренные реформы» Петра и Екатерины. При изучении посада XVIII в. исследователя поражает «глубокая бездна, отделявшая Россию красноречивых регламентов, инструкций, указов, изготовлявшихся в петербургских канцеляриях и изукрашенных цветами модной в то время политической идеологии, от серой будничной действительности подлинной России того времени... Из-под внешней оболочки нового канцелярского жаргона на вас глядит старая московская Русь, благополучно переступившая за порог XVIII столетия и удобно разместившаяся в новых рамках петербургской империи» [72*].

В культурной области реформа Петра не имела значения коренного перелома, потому что она сосредоточилась на заимствовании технических знаний, непрерывно усваивавшихся и ранее московскою Русью. Поток этих заграничных знаний, издавна шедший в Русь, стал только более стремительным при Петре Великом. В области же духовной, науки и искусства, реформа ограничивалась поверхностным заимствованием, внешней подражательностью: она была здесь только одним из этапов движения, которое только позже, частью уже при Екатерине II и особенно в первой половине XIX в., дало осязательные результаты, когда европейская культура усвоена была вполне, хотя еще и очень немногочисленным верхним слоем общества.

[72*] *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. М., 1892; *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902. Гл. VI. *Кизеветтер А. А.* Речь перед диспутом // Русская мысль. 1904. Янв. С. 160 [127].

Наиболее важное значение с точки зрения «коренного перелома», разрыва с прошлым имеет только военная реформа Петра и тесно связанное с ней усиление центральной власти, утверждение абсолютизма.

Военная реформа Петра, образование постоянного регулярного войска, была так же тесно связана с XVII в., как и другие его преобразования. Задолго до Петра, еще в 1632 г., у нас вслед за более древними постоянными полками стрельцов и пушкарей являются «полки иноземного строя», «рейтарские», «драгунские» и «солдатские», с этими самыми иноземными названиями. Тогда же усердно переводятся с немецкого и воинские книги «Kriegsbuch» и «Kriegskunst». Одна из таких книг была дважды переведена по приказанию царя Василия Шуйского вскоре после появления ее в Германии; другая была даже напечатана в Москве с рисунками, оттиснутыми за границей[73*]. Затем в течение XVII в. полки иноземного строя все увеличиваются, и в походе 1681 г. они уже в пять раз превосходят иррегулярную дворянскую конницу. Петр делает дальнейший шаг по этому пути, улучшая военный строй регулярных полков, увеличивая их число и совершенно уничтожая дворянское конное ополчение. Дворяне и дети боярские, помещики, названные по-новому «шляхетством», избавляются от старинной своей обязанности, унаследованной от удельного времени, являться в полк «конны, людны и оружны», избавляются лет через 30—40 после того, как та же обязанность сложена была с германских ленных владельцев (§ 38). Взамен того дворяне обязываются служить государству на новых началах общей государственной службы, военной или гражданской, по своему выбору. Это был действительный разрыв с прошлым, но только с той стороной прошлого, которая раньше уже потеряла жизненное значение.

С образованием сильного регулярного войска центральная власть усиливается у нас, как и на Западе, и московское патриархальное самодержавие превращается в императорский абсолютизм. Самодержавие первых Романовых не было «самовластием»; оно фактически было связано силою сословий и внутренней слабостью впервые организующейся центральной власти, а также сильным тогда еще консерватизмом обычного права. Царь должен был править по старине в согласии с боярской думою, в согласии с патриархом и освященным собором, а в важнейших делах — «по совету всей земли». По теории царской власти, развитой «тишайшим царем» Алексеем Михайловичем в соответствии с господствовавшими тогда воззрениями, царь не самовластец, а только высший милостивый судья, поборник правды, защитник

[73*] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 105, 106.

сирых и беспомощных; обязанность царя — «рассуждать людей в правду» и «беспомощным помогать» [74*].

Петр I, в противоположность своему отцу и деду ломавший древний чин установлений, заменивший боярскую думу сенатом и патриарха синодом, открыто провозгласил новое начало абсолютизма: «Его величество есть самовластный государь, который никому в свете ответа давать не должен». Включив эту декларацию самовластия в *воинский* устав 1716 г., Петр невольно подчеркнул тесную связь абсолютизма с новой регулярной армией.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 44. Три периода русского исторического развития

Научное изучение русского исторического развития Соловьев начал с отрицания исключительного влияния норманнов и монголов, выяснив ход развития, не зависящий от внешних влияний. Свергнув иго периодов норманнского и монгольского, он, однако, сохранил третье иноземное иго — петровскую европеизацию России, признав в ней по-старому явление, определяющее характер нового порядка. Идя дальше по пути Соловьева, мы можем теперь на основании новых исследований о петровской реформе установить, что и европеизация так же, как норманны и монголы, не составляет основного явления нашего исторического развития.

Петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад. Историю нашу никак нельзя делить на две эпохи: допетровскую и петровскую, как делали прежде. Время Петра Великого есть только один из этапов развития государства нового времени, которое в основных своих устоях сложилось у нас в XVI в. и просуществовало до половины XIX. XVII и XVIII столетия, а частью и XIX тесно связываются в один период. Они связываются в одно целое, как сословная и абсолютная монархии, лежавшим в основе государственного порядка сословным строем. Их объединяет образовавшееся в начале Московского государства, только усилившееся после Петра и просуществовавшее с 1600 г. (приблизительно) до 1861 г. крепостное право. Это — один период сословного государства с монархическою властью, которая постепенно превращается в абсолютизм, получая перевес над стеснявшею ее раньше силой сословий.

В общем ходе нашего общественного и государственного развития выделяются как основные переходные эпохи не время пет-

[74*] «Понятие абсолютной власти,— говорит Сергеевич,— во всей своей теоретической ясности и последовательности окончательно сложилось у нас только в царствование Петра. Московская эпоха по отношению к этому вопросу являет еще переходное состояние» (*Сергеевич В. И.* Лекции и исследования... С. 204).

ровской реформы, а XVI век, век образования Московского государства, и раньше — эпоха перехода к удельному порядку в XII—XIII вв. В этих переходных эпохах, продолжавшихся по нескольку десятилетий, так как в социальном развитии центр тяжести очень медленно перемещается с одного учреждения на другое, выделяются два исторических события, знаменательных социологически: в XVI в.— опричнина Ивана Грозного 1565 г. и в XII в.— взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. Это последнее историческое военное событие знаменательно, как поворот стрелки весов, указывающий на переместившийся центр тяжести отношений. Оно свидетельствует, что Северо-Восточная Русь в это время уже достаточно населилась и развилась экономически, раз она могла восторжествовать над Русью Южной, с богатой столицей Киевом. А тот факт, что, взяв Киев, Андрей отдал его младшему брату, а сам остался на севере, во Владимире-на-Клязьме, знаменует начало вотчинного порядка, появление князей-вотчинников, начало землевладельческой оседлости князей и дружин.

Столь же знаменательным с общеисторической точки зрения событием является в позднейшее время опричнина 1565 г., грандиозная конфискация наследственных княжеских земель, завершившая вместе с террором Ивана Грозного постепенный упадок политического значения княжат и знаменующая торжество нового государственного порядка. Как в удельном периоде главной движущей силой развития является крупное землевладение на основе натурального хозяйства, так в образовании государства основное значение имеет рост денежного народного хозяйства, которое обусловливает объединение отдельных районов страны и господство центральной власти над обширной территорией [75*].

Две переходные эпохи с их поворотными событиями 1169 и 1565 гг. делят русскую историю на три периода, глубоко различающиеся по господствующим в каждом из них началам социального и государственного строя.

В первом периоде, от доисторической древности до XII в., основным учреждением является *община*, или *мир*, мирское самоуправление, начиная с низших самоуправляющихся вервей до высшего самоуправляющегося союза: земли, племени, с полновластным народным собранием, вечем. Этот мирской строй идет из глубокой древности, связываясь с древнейшими союзами родовыми; он сохраняется и в киевскую эпоху, когда пришлые князья со своими дружинами и с посадниками являются элементом, наложенным сверху на строй мирского самоуправления, и вече сохраняет свою суверенную власть, призывая князей и изгоняя их, «указывая им путь».

75* О развитии денежного народного хозяйства в XVI в. см.: *Рожков Н. А.* Происхождение самодержавия в России. Ср. мою рецензию в «Вестнике Европы» (1906, нояб. С. 413). См. выше, § 28.

Во втором периоде, с XIII до половины XVI в., основное значение имеет крупное землевладение, княжеская и боярская вотчина, или боярщина-сеньерия. Мирское самоуправление сохраняется в ослабленном значении; оно живет и под рукою боярина на его земле. Но центр тяжести отношений переходит от мира к боярщине, к крупному землевладению, и на основе его развивается удельный феодальный порядок.

Наконец, в третьем периоде, XVI—XVIII и частью XIX в., основным учреждением является сословное государство. Этот период распадается на две тесно связанные между собою половины: эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя. В течение этих трех периодов последовательно сменяют одно другое в качестве основных, преобладающих над другими элементов порядка три учреждения: 1) *мир*, 2) *боярщина*, 3) *государство*.

Последний государственный период замыкается переходной эпохой разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка. Эта переходная эпоха еще не пережита нами, но в ней ясно выделяется знаменательнейшее событие нашей новой истории: освобождение крестьян 1861 г., разрушившее главный устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма.

ФЕОДАЛИЗМ
В
УДЕЛЬНОЙ
РУСИ

Часть первая
Община и боярщина

Книга I. Община

Глава первая
ТЕРРИТОРИЯ ВОЛОСТНОЙ ОБЩИНЫ
I. ВОЛОСТЬ ВОЛОЧЕК СЛОВЕНСКИЙ

§ 1. Волок Словенский

Древняя волость *Волочек Словенский* в Белозерском крае получила свое название от одного из тех волоков, которые некогда связывали торговые водные пути, заменяя собою наши каналы. Волок, называвшийся Словенским или по нашему Славянским, лежал на большом водном пути из Белозерского края в богатый торговый город Вологда, а отсюда на реку Северную Двину и к Белому морю.

Из Белого озера купеческие ладьи плыли по реке Шексне, вниз по течению, верст на 100, до устья реки Словенки, или Славянки, как она зовется теперь. Эта река Славянка в наше время, когда реки так сильно обмелели, представляет собою маленькую речку. В нижнем своем течении теперь это мелкая узкая речка в очень высоких берегах. Теперь она еле покрывает дно своего узкого глубокого русла. Но некогда воды ее наполняли берега почти до краев и река Словенка была достаточно глубока для древних небольших плоскодонных торговых ладей. От впадения этой речки в Шексну до ее истока из Словенского озерка (ныне озеро Никольское) по прямой линии всего 18 верст. Но она течет такими змеиными извилинами, что линия ее течения, надо полагать, превосходит втрое эту прямую линию и равняется 50 с лишком верстам. Чем ближе к истоку, тем более ничтожной представляется теперь эта речка, которая когда-то входила в состав большого торгового пути. Ее верхнее русло — широкая болотистая низина; летом ее воды теряются в этой болотине и след древней реки сохраняется только в глубоких омутах, или «курганах», как называют их местные крестьяне.

Этой рекой Словенкой гости со своими ладьями поднимались вверх до Словенского озера. Это озеро очень узкое, но длинное, до 8 верст длиною, называется теперь Никольским, по имени Никольской церкви, древнего погоста, стоящей на северном его берегу.

Дальше, чтобы попасть с этого озера в реку Порозобицу, а этой рекой в озеро Кубинское и в Вологду, надо было уже волочить ладьи посуху, до маленького озера Порозобицкого или Волоцкого, из которого вытекает река Порозобица. Расстояние между этими двумя озерами — Словенским (ныне Никольское) и Порозобицким (ныне Благовещенское) — невелико; по прямой линии — 4 версты. У местных крестьян не сохранилось никаких преданий о существовавшем здесь в древности волоке. Они не умеют объяснить, почему волость, расположенная в этой местности, называется Волокославинской и почему дорога, идущая в одном направлении с древним волоком, называется дорогой волоковою. Но грамоты XV в. дают нам несомненные указания на существовавший здесь в древности волок. В отводной грамоте 1482 г. обозначена «дорога от озера Волоцкого» (Порозобицкого) с отметкой: «*волочат гости к озерку к Словенскому*». Другая грамота, более ранняя, 1448—1469 гг., говорит о «гостях», что «приходят на Волочек, на Словенское озеро, да с Словенского озера волок на Порозобицкое озеро» [1*]. Направление этого волока сразу выясняется при обозрении местности. Между этими двумя озерками, Словенским и Порозобицким (ныне Никольское и Благовещенское), идет широкая и ровная болотистая низина, остаток русла реки, когда-то, в доисторической еще древности, соединявшей два озера.

От северного, Порозобицкого озера она поднимается несколько вверх ровным уклоном, затем постепенно опускается таким же ровным уклоном к южному озеру, Словенскому (ныне Никольскому). Как именно волочили суда по древним волокам, мы в точности не знаем. Вероятно, их разгружали и груз везли отдельно. По волоку, вероятно, клали бревна, по этим бревнам небольшие ладьи того времени должны были легко двигаться тягой людской и конской, как до наших дней по рекам и каналам севера такой тягой медленно движутся тяжело нагруженные громадные баржи. Бурлацкий промысел на волоке составлял важную доходную статью местных крестьян. Около 1450 г. великий князь поделил этот доход между волостными крестьянами Волочка Словенского и двумя соседними монастырями, Кирилловым и Ферапонтовым, и одну треть всех проходящих судов предоставил «волочити» людям этих монастырей, а две трети оставил по-старому на долю местных «волостных людей». Дорого стоил этот волок проезжим купцам. Кроме платы за тягу судов, они должны были платить еще особые пошлины в пользу Белозерского князя. На волоке сторожили их княжеские пошлинники, взимавшие «явку с гостей»: «С большого судна с ватамана гривна, а с людей, сколь-

[1*] *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 2 // ЧОИДР. 1900. Кн. 3. С. 43, 80; *Мейчик Д. М.* Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 12—13.

ко их на судне ни будет, ино с головы по деньге». С «малого гребного судна» атаман должен был платить не гривну, а деньгу наравне с людьми, находящимися на судне.

Древнейшие исторические сведения об этом волоке восходят к XIV столетию. Из духовной грамоты вел. князя Дмитрия Донского (1389 г.) видно, что волок и лежащая на нем волость принадлежали в это время княгине Федосье, жене одного из белозерских князей, князя Давыда Семеновича Кемского. Ей же принадлежал и другой важный пункт на этом водном пути — Городок на реке Шексне, не так далеко от ее истока из Белого озера, верстах в 9 от Кириллова монастыря [2*].

Некоторые следы более древней истории Волока Словенского сохранились в географических названиях этих мест. Волок был Словенским, конечно, потому, что его заняли словене-новгородцы, как важный пункт торгового пути. В самом правописании и произношении этого названия до XVI в. сохранялось точно древнее имя новгородцев — словене. Только в XVII в. вместо «волок Словенский», т. е. Славянский, стали говорить и писать «волок Словинский».

Новгородцы, должно быть, очень давно вытеснили отсюда финнов, так как здесь финские названия озер и рек издавна вытеснены русскими. Кругом повсюду в этом крае находим мы финские названия рек: Улома, Лендома, Вогнема, дальше Карголома, Ухтома и т. д. Здесь подряд названия русские: река Словенка, озеро Словенское, озеро Волоцкое, озерки Глубокое и Мелкое, Милобудье, Соколья горка и другие.

Эта возвышенная местность была, вероятно, одним из первых мест, занятых новгородцами в их колонизационном движении на север и северо-восток, еще до того времени, когда на Белое озеро в IX в. явился княжить Синеус.

[2*] Княгиня Федосья, кроме этих двух пунктов с тянувшими к ним волостями, владела еще волостями по реке Суде и ее верховью, которое называется Колошмой. Эту Суду и Колошму («Колашну») и еще какую-то Слободку (Слободка есть на северном берегу Белого озера) княгиня Федосья дала Дмитрию Донскому, а Городок и Волочек завещала его жене. «А что ми дала княгиня Федосья Суду на Беле озере да Колашну и Слободку и что благословила княгиню мою Городком да Волочком,— говорит Дмитрий Донской в духовной грамоте 1389 г., передавая сыну Андрею Белозерский край,— та места ведает княгини Федосьи до своего жывота, а по ее жывоте, то княгине моей» (СГГД. Т. 1, № 34. С. 60). Княгиня Федосья десятка на два лет пережила вел. князя Дмитрия Ивановича (умер в 1389 г.), и только около 1410 г. эти ее большие белозерские владения должны были перейти к Андрею Дмитриевичу и долгое время были в составе Белозерско-Можайского удела, пока в 1485 г. не перешли под власть московских государей. О князе Давыде Семеновиче ср. упоминания в грамотах княгини Федосьи и игумена Трифона: *Дебольский Н. Н.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря // Вестн. археологии и истории, изд. Петербургским Археол. ин-том. СПб., 1899. Вып. 13, № LVIII, XLI.

§ 2. Волость Волочек Словенский в XVI в.

Я начал с небольшой археологической экскурсии, чтобы представить читателю как можно нагляднее территорию одной из наших древних волостных общин.

Эта территория древней волости, получившей свое название от описанного Словенского волока, определяется точно по грамотам XV и XVI вв. и по писцовой книге 1577 г.[3*]

Большая часть названий деревень в этой книге совпадает с названиями деревень, существующих теперь в этих местах. Отдельные группы деревенек перечисляются писцами XVI в. в том же самом порядке, в каком стоят нынешние деревни с теми же самыми, иногда незначительно измененными названиями. Так, например, в писцовой книге обозначены подряд те самые пять деревень, которые и теперь стоят одна близ другой на протяжении 3—4 верст в северном конце волости: деревня *Глубокое* (теперь деревня Глубоково), деревня *Мелкое* (теперь Мелково) около озерков с теми же названиями, к северу — деревня *Холмово* (теперь Холмовая), к югу — деревни *Новоселки* и *Павлов починок* (теперь Павлово). Или в другом районе, на высоком левом берегу р. Порозобицы, недалеко от ее истока, на протяжении трех верст находим подряд пять деревень, обозначенных в том же порядке и в писцовой книге: деревни *Коровино Большое* и *Малое* (Меньшое), деревня *Дорогуша*, деревни *Осаново Большое* и *Малое* (Осаново Бураково).

Такая устойчивость мелких поселков в течение четырех и более столетий объясняется географическими условиями жизни на нашем севере. Земельный простор здесь очень велик; до наших дней с глубокой древности здесь остается еще много пустынных земель на многие десятки и сотни верст. Но на этом просторе очень мало земель, годных для обработки, и еще меньше земель, годных для жилья. На многие десятки верст здесь тянутся болотистые низменности, непригодные ни для того, ни для другого. Более возвышенные места были найдены и заняты в самом начале заселения севера, и поселки, возникшие тогда, много столетий назад, держатся доселе на тех же самых местах. Болотистые низины обсыхают очень медленно, и если они становятся пригодны для пашни, то деревни по-старому держатся на наиболее сухих, издревле занятых возвышенностях.

Белозерский край в той его части, где находится волость Волочек Словенский, между озером Белым и Кубинским, выделяется обилием сухих возвышенностей, пригодных для поселения. Между названными двумя озерами тянется широкая гряда холмов и «гор», как называют здесь более высокие холмы, вроде известной

[3*] *Шумаков С. А.* Обзор грамот ... С. 136 (выпись из дозорных книг конца 1577 г.).

горы Мауры близ Кирилло-Белозерского монастыря. В волости Словенский Волочек, кроме деревни Холмовки, расположенной на высоком холме, есть три так называемые горы — одна близ озера Ситского на Колкаче, две на озере Волоцком (ныне Благовещенском), как раз около начала волока. (Верхушка этой «горы», остроконечного холма, не так давно срыта и через нее теперь идет дорога из села Волокославинского к Вологде).

Эти холмы, горы и возвышенности по берегам озер и рек окружены глубокими низинами, сырыми лесами и трясинами.

В волости Словенский Волочек по окраинам ее поселков тянутся на много верст болота: Сусельский мох, Очеред, Мокрушино, Рубцовское и другие. Только в последнее время, с быстро усиливающимся обмелением рек и озер и обсыханием болот, появляются новые поселки кое-где, в тех местах, которые столетие назад были совершенно непригодны для жилья, для пашни и даже для сенокоса, но такие поселки чрезвычайно редки, как исключение из общего правила. Вообще же избы деревень этого края так же, как дома древних городов, строятся из поколения в поколение на тех же самых холмах, которые заняты были первыми насельниками края, и деревня Павлова стоит там же, где много столетий назад появился в глухом лесу первый «Павлов Починок».

Внешний вид некоторых таких деревень мало изменился за эти столетия; избы, конечно, теперь строятся совершенно иначе; но некоторые из этих деревень представляют собою очень небольшие поселки, так же как в глубокой древности. В деревне Павлов Починок, например, в 1577 г. было 6 дворов; недавно, по X ревизии, в ней было немногим больше — 8 дворов; теперь, по данным 1896 г., в ней считается 15 надельных хозяйств, соответствующих древним дворам. И весь этот северный уголок Словенского Волочка, где рядом с Павловым Починком на небольшой возвышенности теснились еще 4 деревеньки (Глубокое, Мелкое, Холмово, Новоселки), очень долго сохранял древний тип деревень — мелких поселков. В 1577 г. здесь самой большой деревней была деревня Павлов Починок — в 6 дворов; в остальных было от 2 до 4 дворов; всего же, во всех пяти деревеньках, было 18 дворов. Через три века, к 1858 г., число дворов в этих деревнях увеличилось только вдвое с небольшим: с 18 до 38 дворов. Деревеньки эти в 1577 г. были невелики — от 2 до 6 дворов в каждой; немногим больше стали они к 1858 г.: от 4 до 10 дворов в каждой [4*].

В общем, однако, деревня нашего времени значительно отличается от деревни XVI в. и более раннего времени. На тех холмах и «горах», где в XVI в. стояли однодворные починки и деревеньки в 2—3 двора, теперь стоят, сохраняя древние прозвания,

[4*] В 1896 г. число дворов в этих деревнях увеличилось в 4 с лишком раза в сравнении с 1577 г., а именно: в них считалось 76 надельных хозяйств, от 9 до 21 в каждой деревне.

более значительные многодворные поселки, около двух десятков и в несколько десятков дворов. В тех местах, где расположены были поселки древней волости Волочек Словенский, в наше время в среднем приходится на деревню 17 хозяйств без малого. А в 1577 г. здесь приходилось на деревню в среднем только около 3,5 двора.

В это время волость Волочек Словенский представляла собою, как видно из писцовой книги 1577 г., союз очень мелких поселков — от 1 до 10 дворов. Деревень было здесь 97 и в них всего 335 дворов; в среднем на деревню 3,43 двора.

В большей части этих деревень было от 1 до 3 дворов (55%); деревень среднего размера, от 4 до 7 дворов, было 40 (41%); наибольших же по размерам деревень, от 8 до 10 дворов, было только три. В некоторых местах волости стояли подряд деревни в 4, 5, 6 дворов; в других, очевидно менее удобных для обработки или недавно только занятых, преобладали однодворные и двухдворные деревеньки, иногда подряд 3—4 деревни в один двор.

Срединные и наиболее древние поселки волости расположены были по очень высоким берегам двух озер, соединенных волоком: 1) *Волоцкого*, или Порозобицкого, по имени вытекающей из него реки Порозобицы, и 2) *Словенского*, из которого вытекает река Словенка. На этих же озерах, как раз около тех мест, где суда вытаскивали из воды на волоковую дорогу, находились два волостных погоста.

«На Волочку же на Словенском погосте,— читаем в писцовой книге,— погост Благовещенской у реки, у Порозобицы, на берегу. А на погосте церковь Благовещенья Пречистые Богородицы. Да теплая церковь с трапезою, страстотерпцы Христовы Фрол и Лавер. Да на погосте ж 6 келей, а в них живут нищие, питаются от церкви божии».

И теперь так же, как 400—500 лет назад, у истока реки Порозобицы стоит церковь Благовещенская. Стоит она на высоком берегу, рядом с «горой», около которой — полого опускающаяся к озеру низина, начало древнего волока. Место ее в некотором отдалении от деревни (нынешней деревни Волокославинской, древнего Села Великого), как обыкновенно располагались древние погосты, центральные пункты волостей, места не только богослужения, но и торга и мирских волостных сходов.

С возвышенности этого древнего погоста хорошо видны далеко вокруг деревни, теперь, как и в старину, составляющие приход Благовещенья пречистой богородицы. Это — один из красивейших видов холмистого Белозерского края. Далекий простор, глубоко внизу озеро, видное от края до края; напротив, за озером, на зеленых холмах кучки серых изб; правее, за рекой, лес, глухой лес Севера, на десятки верст. По реке и озеру бурлаки тянут баржи с тяжелыми грузами, лодки, как их называют здесь, как в древности их называли ладьями. Некогда эти ладьи останавливались

около погоста и тут их вытаскивали на волок. Теперь они плывут по озеру до шлюза и дальше, по озеркам и каналам герцога Виртембергского; эти каналы идут в сторону от древнего волока на запад, а волок шел под острым углом на юг.

Благовещенская церковь — каменная, большая, двухэтажная, холодного, скучного вида церквей XVIII в. Построена она в 1785 г. В ее каменной ограде среди крестов кладбища, заросших травою,— два каменных столбика, крытых железом, обозначают места престолов старых церквей. Второй престол посвящен страстотерпцам Флору и Лавру, во имя которых в 1577 г. здесь, рядом с Благовещенской церковью, сооружена была особая «теплая церковь с трапезой». И все другие церкви в этой местности — каменные, построены между 1740 и 1821 гг. Здесь не сохранилось, к сожалению, живописных деревянных церквей, которые уцелели в более северных местах Вологодской и Архангельской губерний.

Другой главный погост волости, Никольский, на 3 версты к югу, около того места, где волок спускается к Словенскому озеру. В 1577 г. здесь были две церкви — «церковь Никола Чюдотворец, да теплая церковь с трапезою Дмитрей Селунский». Имени этих самых святых посвящены стоящие здесь теперь две каменные церкви, одна сооруженная в 1740, другая — в 1783 г. Около церквей — небольшой торговый Никольский поселок, имеющий миллионный оборот, и главная называется теперь церковью Николы на Торгу. Этот торжок устроен был Кирилло-Белозерским монастырем с разрешения Бориса Годунова в 1602 г.[5*]

От двух озер, Волоцкого и Словенского, связанных волоком, поселки волости тянулись к северу до озерков Глубокого и Мелкого, и к югу до озер Симского и Милобудского. Теснясь на возвышенностях, деревеньки занимали длинную полосу: от крайнего северного поселения, деревни Холмовой, до крайней южной, деревни Устиновой (в Милобудьи),— по прямой линии 30 верст. В ширину же полоса деревень равнялась 10—12 верстам.

Эти цифры дают очень неполное понятие о территории волости, так как они не определяют площади лесов, сенокосов и болот, прилегавших к окраинам указанной полосы поселений. Мы можем, однако, продолжив исследование, более определенно очертить древнюю территорию Словенского Волочка.

[5*] Игумен Иоасаф обосновал свою просьбу об устройстве торга на Волочке Словенском (который в 1576 г. был пожалован монастырю) тем, что он отстоит от Вологды на 80 верст, а от Белоозера — на 60 и поблизости его нет других городов и торжков. Этот торжок сразу стал делать большие обороты. Грамота 1602 г. говорит: «На Волоку Словенском торг стал велик; съезжаются торговые люди торговати с хлебом и со всякими товары».

§ 3. Территория Волочка Словенского около 1400 г.

Территория этой волости в древнейшее время до XV в. была гораздо обширнее, почти втрое больше той, которая описана в писцовой книге 1577 г. С начала XV в. деревеньки волости одна за другой переходили во власть соседних монастырей, главным образом Кириллова и частью Ферапонтова, а обширные леса волости на окраинах осваивались заимкою и этих монахов, и бояришек.

Древняя территория волости по книге 1577 г. уже обрезана со всех ее краев; и даже в центре ее, в описанной выше полосе поселков, мы находим несколько монастырских деревень: Село Великое (рядом с Благовещенским погостом) с деревней Кожино и три деревни на берегу Словенского озера. Мы имеем несколько грамот XV в., которые позволяют нам определить общие линии древней территории этой волости, восходя к 1400 г., когда смиренный Кирилл только что срубил (в 1397 г.) первую Успенскую церковь своего знаменитого монастыря на берегу Сиверского озера в 24 верстах от Волочка и только что начинал стягивать соседние крестьянские деревеньки и пустоши под власть монастырских старцев.

Кирилло-Белозерский монастырь очень хорошо (до своего оскудения в XIX в.) хранил свои грамоты, особенно те, которые утверждали его права на обширнейшие его земельные владения, и благодаря этой деловитости кирилловских старцев мы можем очень точно восстановить процесс роста монастырских вотчин за счет соседних волостей, и в том числе Волочка Словенского. Из этих грамот особенное значение имеет для нас большая отводная грамота 1482 г., недавно изданная С. А. Шумаковым [1], так как в ней точно указаны все деревни, приобретенные и захваченные в пределах древних владений Волочка Словенского [6*].

Как видно из этой отводной грамоты, Кириллову монастырю в 1482 г. принадлежало 57 деревень и 6 пустошей на землях, раньше принадлежавших этой волости. При отводе земель монастырю и раньше крестьяне волости заявляли свои притязания на большую часть этих деревень, но судьи оставляли их по разным основаниям во владении монастыря, не оспаривая того, что эти деревни некогда тянули к волости.

Присоединяя к землям Словенского Волочка (97 деревень), описанным в писцовой книге 1577 г., эти земли, отошедшие к 1482 г. во власть Кириллова монастыря (57 деревень) и частью монастыря Ферапонтова, мы приходим к следующим выводам относительно древнейшей территории волости, до этого ее постепенного расхищения.

[6*] Ниже в связи с другой темой — роста боярских и монастырских вотчин — я скажу подробнее о том, как Кириллов монастырь постепенно овладевал землями этой древней волостной общины.

В это время, т. е. около 1400 г., и, конечно, много раньше, кроме описанной выше центральной полосы поселков около волока с озерами Волоцким и Словенским, Словенскому Волочку принадлежали: 1) все земли на восток до реки Порозобицы, где главным селением была *Рукина слободка*, перешедшая во владение Кириллова монастыря в 1432—1435 гг.; 2) земли вокруг озерка Ситского, перешедшие до 1482 г. во владение монастыря Ферапонтова; 3) все земли к югу от Милобудского озера, на которых до начала XV в. не было поселений и где княжеский тиун Есип Пикин «разделал» несколько деревень — *Колкач, Талица* и другие; эти деревни после его смерти частью по его завещанию, частью покупкой также перешли во владение Кириллова монастыря.

Эта местность разделена в наше время между тремя большими волостями, Волокославинской, Бураковской и Талицкой, с населением в общей сложности до 24 тыс. душ. И по всей видимости, территория древней волости Волочек Словенский очень близко подходит к территории этих трех волостей в совокупности. Что они совпадают в общем, это несомненно; это твердо устанавливается по названиям рек и озер и по названиям деревень 1482—1577 гг. в сравнении с названиями современными. Но, по всей видимости, территория древнего Волочка Словенского совпадает с территориями названных трех волостей не только в общих чертах, но и гораздо ближе, даже в очертаниях границ. Для большей части ее границ это опять-таки несомненно. Как в древности владения волости Волочек Словенский шли на северо-восток до нижнего течения Порозобицы и до ее притока реки Суслы, так точно и теперь идет здесь граница волости Волокославинской. Как в древности большое болото Очеред отделяло поселки Волочка Словенского от поселков волости Зауломской (также сохранившей доселе издревле свое название), так точно оно разделяет их и теперь. Как в древности с юга владения волости оканчивались большой лесистой низменностью, так и теперь та же низменность отделяет волость Талицкую от соседних Вологодских волостей. Вся восточная граница волости приобрела издревле определенность, потому-то она определяла границы между Белозерским и Вологодским краем, и «Вологодский рубеж», частью указанный в грамоте 1482 г., сохранил старые свои очертания до наших дней.

Устойчивости этих древних волостных границ, кроме естественных условий местности, содействовало также то, что земли Волочка Словенского не дробились, как во многих других местах, между мелкими помещиками, переходя из рук в руки, а рано сосредоточились в руках одного крупного вотчинника — Кирилло-Белозерского монастыря. Значительная часть волостных земель Волочка, преимущественно на окраинах, перешла по частям во владение этого монастыря еще в XV в. Затем в 1576 г. Иван Грозный дал Кириллову монастырю в обмен на другие взятые у

него земли всю центральную территорию волости, описанную нами выше. В руках Кириллова монастыря соединились, таким образом, почти все земли волости, кроме небольшого числа деревень, бывших во владении монастыря Ферапонтова, и 4-5 деревень сокольих помытчиков, которые были выделены в качестве крестьян государевых[7*]. Два столетия спустя, когда в 1763 г. монастырские имения были секуляризованы, земли Волочка, сохраняя древнюю связность селений и древние очертания рубежей, перешли в управление Коллегии экономии. Они делились в это время сначала только на две волости — Волокославинскую и Талицкую; позднее, в 60-х годах, южная половина большой Волокославинской волости составила особую волость Бураковскую.

Все это и дает основание заключить, что нынешние границы этих трех волостей близко подходят к границам древней волости Волочек Словенский. Если они изменились, то очень немного, только в некоторых местах. И если теперь в этих волостях считается всего земли удобной и неудобной, под усадьбами, пашней, сенокосом, выгоном и лесом по суходолу и болоту 82 757 десятин, то надо полагать, что такова же приблизительно была площадь земель изучаемой нами древней волости около 1400 г. На этой обширной территории, около 800 кв. верст, теперь имеется 4 тыс. с лишко́м надельных хозяйств и живет до 24 тыс. человек.

Окраины этой территории и теперь еще покрыты большими лесами и низменностями. В древности площадь этих пустых окраин была гораздо значительнее. Все наиболее удобные для поселения возвышенности заняты были к 1480 г. К этому времени очерчен был вполне тот круг поселков, который сохраняется до сих пор сжатый естественными условиями рельефа местности. Тогда уже возникли почти все те деревни, которые существуют теперь с теми же названиями. Грамоты дают нам ясные указания на этот процесс колонизации между 1400—1482 гг.

За это время, кроме нескольких починков, поставленных в круге занятых ранее поселков, впервые колонизована была обширная южная оконечность волости, земли за рекой Ягрышем. Здесь найдена была довольно большая возвышенность, удобная для поселений. Первые пять деревенек — Колкач, Талица и другие — поставлены были здесь в начале XV в., до 1432 г. Когда затем эти деревни перешли к Кириллову монастырю, то старцы очень скоро, к 1482 г., поставили здесь «на лесах» еще 10 деревень и починков; названия этих первых поселков, сохраненные грамотой

[7*] В лесах Белозерского края до XVIII в. водились соколы, теперь исчезнувшие. Память о них сохраняется в названии одной из речек — Соколья Горка. Это маленький приток реки Сизьмы близ устья реки Ягрыша (на юге древней территории волости, в нынешней волости Талицкой). Сокольи помытчики жили, однако, не здесь, а северней, недалеко от озера Волоцкого, где теперь деревня Закозье.

1482 г., опять-таки совпадают с названиями нынешних деревень в этой местности. За одним из этих починков, поставленных на ельнике, утвердилось название «починок на ельнике», и деревня на этом месте называется теперь Ельники; за другим починком, поставленным «на дору» («дор» значит «росчисть», «чищоба»), утвердилось название «починок на дору», и от него-то ведет свое начало нынешняя деревня Дор (близ Талиц). Крестьяне Волочка Словенского при отводе монастырских земель в 1482 г. предъявили свои права на земли, занятые всеми этими 15 деревнями, но судьи, не оспаривая того, что эти земли некогда тянули к Волочку, оставили их во владении монастыря.

Эти колонизованные впервые в 1400—1480 гг. земли с прилегающими к ним с юга обширными лесами и болотами составляют большую часть нынешней волости Талицкой, т. е. площадь в 250 верст приблизительно (всего в Талицкой волости 326 кв. верст).

Этот факт показывает нам, как много свободных земель, удобных для разработки, было на той обширной территории в 800 кв. верст, которая принадлежала Словенскому Волочку в 1400 г. и раньше.

§ 4. Волость-община

Что такое эта *волость*, владевшая обширной территорией в несколько сот верст и деятельно охранявшая ее от цепких рук чернецов богатого монастыря? Эта волость — Словенский Волочек — была общиной, как и другие древние волости.

В следующей главе я подробно выясню устройство нашей волостной общины удельного времени, сравнив ее с германской общиной средних веков. Там я воспользуюсь грамотами, относящимися к разным волостным общинам, выясняя их общие черты. Здесь же укажу вкратце основные черты этой волостной общины на примере одной волости. Различные черты волостной общины выясняются вполне лишь по грамотам, относящимся к различным волостям и разного времени — с XV до начала XVII в. По счастью, у нас имеется несколько грамот, относящихся к одной названной волости — Волочек Словенский — и очень древних, XV в. Эти грамоты и позволяют тесно связать известные нам по актам отдельные черты разных волостных общин, приурочив их к одной волости. Они рисуют в ясных чертах общинное устройство XV в. той волости — Волочек Словенский, с территорией которой мы познакомились.

Живые речи крестьян, записанные дьяками в грамоты, воскрешают общинную жизнь Волочка Словенского, восходя к 1400 г.

Около 1490 г. на берегах Словенского озера, недалеко от истока реки Словенки, великокняжеский судья судил суд между во-

лостными и монастырскими крестьянами[8*]. Между ними шел спор о пустоши Кочевинской, где теперь деревня Кочевино. В судной грамоте по этому делу точно записаны показания истцов, ответчиков и свидетелей. И эти речи живо характеризуют общинные права волости на лес и другие угодья.

Крестьянин Савка так говорил судье о поставленном им починке в волостном лесу: «Мне, господине, *тот лес дала волость, староста со крестьяны*, и яз, господине, избу поставил».

В одно время с этим делом судья разбирал тяжбу между волостными и монастырскими крестьянами о спорных покосах в той же местности. Этими покосами на дорах, или дорищах, т. е. росчистях, владели крестьяне двух деревень близ южного берега Словенского озера: Мыс и Борок (из них деревня Мыс существует до сих пор). Крестьяне этих деревень, Филиско и Макута, так же как крестьянин Савка Мондаков, сослались в подтверждение своих прав на спорные дорища на волость, на волостную общину в лице ее старосты Гриди Никитина.

Стоя вместе с судьей на месте, где находились эти спорные росчисти-сенокосы, они так говорили судье: «То, господине, сено стоит наше лонское. (Лони — в прошлом году; лонское — прошлогоднее). А *продала нам*, господине, то дорищо (росчисть) *волость* к нашим деревням, к Борку да к Мысу».

В подтверждение своих слов они ссылаются на волостного старосту Гридю Никитина и «доброго мужа» Оникея Шестакова, которые присутствовали при этом судном следствии в качестве представителей волостной общины. «А ведомо, господине,— заявляют они судье,— старосте Гриде Никитину да Оникею Шестакову, что то дорищо наших деревень. А се, господине, староста Гридка и Оникей перед вами».

«И судьи спросили,— читаем дальше в грамоте,— Гридки и Оникея: „Кто те доры косит? Укажите вы нам тем дорищом межу“».

Волостной староста в ответ на это вполне подтверждает показание крестьян, владевших спорными покосами. «Придали, господине,— заявляет он судье,— доры к тем деревням, к Борку да к Мысу, тем крестьяном, Филиску да Макуте».

Этот староста, Гридя Никитин, энергично отстаивает интересы волости в земельных спорах ее с Кирилловым монастырем, и он же участвует в размежевании с монастырем: «А отвод тем деревням (Кирилловским) от великого князя деревень, от Волоцких повели отводчики великого князя Неклюд Попов сын Никольского, да староста Гридя Никитин». Несколько позже, на размежевании 1495 г., выступает старостой Оникей Шестаков, который на судные дела 80-х годов всегда являлся вместе с Гридей Никитиным в

[8*] АЮ. № 6.

качестве «доброго человека». Предшественником Гриди Никитина был упоминающийся в грамоте 1471—1475 гг. «староста Волоцкой Федко». В грамотах начала этого столетия, до 1427 г., упоминается «староста Окул» в качестве послуха по продаже земель Словенского Волочка [9*].

Эти известия показывают ясно, что волость Словенский Волочек была волостью-общиной. Волостные крестьяне владеют сообща различными угодьями. «Староста и все крестьяне», т. е. *мир*, распоряжаются участками леса и покосами-дорищами, давая их в пользование отдельным крестьянам.

К этому волостному миру, помимо наместников и тиунов, непосредственно обращаются сами князья и великие князья по разным поземельным делам. Грамота белозерского князя Михаила Андреевича 1435—1447 гг. начинается следующим обращением к миру: «От князя Михаила Андреевича на Волок старосте и всем крестьянам». Князь говорит в ней о пожнях Рукиной слободки (недалеко от устья реки Порозобицы), которая незадолго перед тем по его жалованной грамоте перешла от волостной общины к Кириллову монастырю. Несколько пожен, тянувших к этой слободке, князь оставил сначала во владении волости; но игумен Трифон (1435—1447 гг.) выпросил эти пожни в придачу к пожалованной монастырю слободке. И князь пишет «старосте и всем крестьянам»: «Что есмы вам дал был пожни Рукинские, и яз ныне те пожни подавал игумену Трифону, как были преж сего, которые пожни тянули изстарины к Рукиной (слободке). И вы бы ся в те пожни не вступали. Ведает их игумен Трифон».

Точно так же в конце этого XV в. московский великий князь Иван III, вскоре после того, как Белозерский край перешел под его власть, дважды обращается непосредственно к миру Волочка Словенского, как и других белозерских волостей. «От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Белоозеро сотнику Городецкому и всем христианом, и на Волочек на Словенской, и на Ирдму и на Углу, *старостам и всем христианом*». Один раз он просит их «не вступаться в монастырские земли и в пожни» Кириллова монастыря; другой раз говорит о переходе монастырских крестьян на волостные земли. Эта вторая грамота хорошо харак-

[9*] *Шумаков С. А.* Обзор грамот... С. 95—97, 116; АЮ. № 6; *Федотов-Чеховский А. А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. СПб., 1860. Т. 1. № 17. (Ср.: «староста Оника Шестаков» в разъезжей грамоте 1395 г.— АЮБ. Т. 1. № 53); *Дебольский Н. Н.* Указ. соч. № XIV (Федко), № XIX, CXLII (Окул). В начале XVI в. упоминается староста Словенского Волочка Пашко Онофреев и в 1534 г. Бунко: «Шлемся на Словенскую волость... на старосту на Пашка и на Онофреева сына» (*Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. Т. 1. № 14 (1505—1533 гг.)). «Волотцкой староста Бунко» на разъезде с судьею см.: АЮ. № 20 (1534 г.).

теризует жизненность и силу волостной общины-мира XV в. Эти общины так же, как крупные собственники, перезывают на свои земли монастырских крестьян, «отказывают» их от монастыря. И великий князь предписывает старостам, чтобы они, отказывая монастырских крестьян «серебреников», т. е. получивших от монастыря серебро-деньги, уплачивали это серебро при вывозе крестьянина: «Которой християнин скажется в их серебре виноват, и вы бы их серебро заплатили монастырьское, да и християнина вывезете вон» [10*].

О правах волостного мира Словенского Волочка в отношении суда и сбора налогов мы узнаем из уставной белозерской грамоты 1488 г. Грамота эта дана была всем белозерцам, горожанам и волостным людям, и общие постановления этой грамоты относятся всецело и к белозерскому Словенскому Волочку; он и упоминается в грамоте особо, в статьях, говорящих об уплате пошлин гостями на волоке.

По этой уставной грамоте, утверждавшей древний обычный порядок, все волостные общины в лице своих выборных представителей участвуют в суде княжеских властей; наместники и тиуны не могут судить волостных людей иначе как при участии сотских и «добрых людей».

На волости-общине лежит обязанность производить следствие по важнейшим уголовным делам. Если в волости случится убийство, то волость обязана искать душегубца и выдать его наместнику или тиуну; если же она не доищется душегубца, то обязана платить «вину», или «виру», в четыре рубля.

Наконец, волость-община имеет право раскладки и сбора налогов. Наместнику и его подчиненным, тиунам и доводчикам, строго воспрещается самим собирать в волостях свои «кормы» и «поборы». По уставной грамоте они должны получать кормы и поборы от сотских не в станах, а в городе.

В следующей главе по известиям, относящимся к разным волостям XV—XVI столетий, я подробнее опишу все эти черты древней волостной общины. Но я полагаю, что уже и эти немногие, но ясные известия, относящиеся к одной волости Волочек Словенский из одного только XV в. (1432—1490 гг.), дают понятие о существе волости-общины этого времени.

Эта волостная община средних веков в существе своем близка к современной нам сельской общине. Существо их одинаково заключается в мирском самоуправлении. Существующий *мир* Волокославинской волости очень близок к миру в лице «старосты и всех крестьян», заправлявшему делами Волочка Словенского в XV в. и, надо полагать, с глубокой древности. Древнее мирское самоуправление слагалось так же, как нынешнее, из некоторых

10* ААЭ. Т. 1. № 73.

важных прав в отношении суда и налогов и осуществлялось выборными властями.

Древнюю волость-общину сближает с современной нам сельской общиной, кроме этого мира, также общинное владение угодьями. Они одинаково сообща владеют некоторыми угодьями, лесами, сенокосами, водами.

Таковы два существенных пункта, сближающие древнее общинное устройство с современным. Существующий доселе мир ведет свое начало из глубокой древности. Новая община, несомненно, сродни общине древней.

Но между ними при существенном сходстве есть и существенное различие. Характерную черту современной нам общины составляет «общинное землевладение» в специальном значении этого термина. Существо его, как известно, выражается в переделах земли, производимых сельскими обществами через различные промежутки времени. Крестьяне не имеют на землю права собственности, и размеры участка каждого крестьянина изменяются при переделах соответственно наличному числу душ, членов сельского общества.

Этих переделов земли в древней общине не было. Владея многими угодьями сообща, крестьяне древней волости владели своими пашнями, сенокосами и другими землями как собственностью.

Относительно той волости Волочек Словенский, на которой мы в этой главе сосредоточили свое внимание, это точно доказывается несколькими грамотами, которыми крестьяне продают и завещают Кириллову монастырю свои деревни и пустоши.

Так, например, в 1428—1432 гг., как видно из сохранившейся данной грамоты, один из волощан — Панкрат Евсеев дал в дом Пречистой Богоматери, в Кириллов монастырь, «деревню Осницкую, да пустошь Ратмарову», наволок и поженьки на реке Порозобице. Это нынешние деревни Волокославинской волости Осник и Ратморово недалеко от реки Порозобицы [11*].

В эти же годы другой волощанин, Окишь Негодяев, «дал по отце по своем Паньковскую землю в дом святой Богородице»; это ныне деревня Паньково к югу от названных выше деревень. Принадлежность этих деревень к волостной территории до перехода их в монастырь доказывается отводной грамотой 1482 г. При отводе земель монастырю крестьяне волости Волочек Словенский во главе со своим старостой Гридкой Никитиным предъявили требование о возвращении волости названных трех деревень и других в этой же местности. Но великий князь отказал им в этом иске, сославшись на «Панкратову грамоту данную» и на жалованную грамоту князя Андрея Дмитриевича, подтвердившего эту данную,

[11*] Кроме того, он дал еще пустошь Матюнинскую и наволок Ерготботский. Названий этих теперь не сохранилось.

а также на давность владения, «потому, что християне искали за старину за тридцать лет» [12*].

Крестьяне волости не только давали даром свои деревеньки и пустоши монастырю, но и продавали их за деньги, иногда назначая за них из тех же благочестивых побуждений очень сходную цену. Так, в 1428—1432 гг. Павел Филиппов продал монастырю, взяв полтину и десять бел, свою пустошь Кочевинскую. Это та пустошь (ныне деревня Кочевино) недалеко от истока реки Славянки, из-за которой, как рассказано выше, волость позднее, в 1482 г., тоже вела тяжбу с монастырем [13*].

Итак, средневековая наша волостная община состояла из крестьян-собственников и в ней не было тех переделов земли, к которым некоторые новейшие исследователи неправильно сводят все существо общины, забывая о другом, и исторически основном, ее элементе — мирском самоуправлении. В изучаемой нами волости XV в. переделов не было и они не могли возникнуть потому, что не было условий, необходимых для их возникновения.

Исследователи нашей новой общины последних двух столетий хорошо выяснили эти условия, при которых появляются переделы. На примере общин сибирской и других наших окраин они устанавливают, что переделы обусловливаются *земельным утеснением* и что раньше, пока есть земельный простор, крестьяне владеют землею как собственностью по праву труда (труда, вложенного в обработку земли) или просто по праву захвата вольной заимки.

Я недаром так подробно описывал выше территорию волостной общины XV в. Из этого описания ясно, что на Волочке Словенском в 1400 г. не могло быть и речи о земельном утеснении, обусловливающем переделы. Здесь был достаточный с избытком земельный простор, если здесь в 1410—1480-х годах возникают впервые десятки новых деревень и занимается первыми поселками-починками вся обширная южная оконечность волостной территории, в границах нынешней волости Талицкой.

Современная нам община представляет собою сельское общество одной или двух-трех деревень в несколько десятков дворов, страдающих от недостатка земли. Древняя волость-община — это союз мелких поселков, по большей части от одного до трех дворов, разбросанных на очень большой территории, в пределах которой долгое время остается много земель, пригодных для пашни и для поселения и свободных только потому, что недостает рук для ее обработки. Теперь Волокославинская волость очень бедна зем-

12* *Шумаков С. А.* Обзор грамот... С. 92. Данная Панкрата Евсеева см.: *Дебольский Н. Н.* Указ. соч. № XXIII; жалованную грамоту кн. Андрея Дмитриевича см.: Там же. № XXI.

13* *Дебольский Н. Н.* Указ. соч. № XXIV. Несколько раньше, при первом игумене Кирилле (до 1427 г.), монастырь купил за 4 рубля у волощанина Ивана Евсеева «землю Захарьинскую со всеми участки, что потянуло к той земле, и с пожнями и куды топор и коса ходила» (Там же. № XIX).

лею; своего хлеба здесь, как и во многих других волостях севера, не хватает; население живет разными промыслами. Древняя же волость Волочек Словенский, как указано выше, призывала крестьян на свои пустующие земли.

В древней общине-волости вследствие земельного простора не было переделов, но зато в ней полнее был развит основной элемент всякой общины, мир, мирское самоуправление. В древности, при слабости государственной княжеской власти, оно было более самостоятельным и составляло главную основу государственного порядка.

Древняя волость-община была самоуправляющимся союзом с обширной территорией. Хотя члены этой общины владели землею на праве собственности, тем не менее поземельные права ее имели очень важное значение. Владея обширными общинными угодьями, лесами, сенокосами, озерами и реками, волость-община вместе с тем имела некоторые права и на земли, принадлежавшие крестьянам на праве собственности. В ее владение переходили все выморочные и покинутые собственниками участки. Имея некоторые судебные и податные права в отношении лиц, владевших участками волостной земли, волость охраняла целость волостной территории и боролась против перехода деревень и пустошей во власть монастырей и других привилегированных крупных землевладельцев. Участки земли, составлявшие собственность крестьян, тянули к волости данью и судом и принадлежали к волостной территории. Волость-община имела высшую территориальную власть на все земли, лежавшие в ее границах, как свободные, так и освоенные частными собственниками.

II. ТЕРРИТОРИИ ВОЛОСТЕЙ

§ 5. *Волости разных областей удельной Руси*

В предыдущих параграфах я обстоятельно описал территорию одной древней волости. Этот один пример, конечно, недостаточен. И поэтому я опишу здесь, уже в более общих чертах, территорию еще нескольких волостей из разных областей Северо-Восточной удельной Руси.

Прежде всего возьму еще одну волость из того же Белозерского края, где находилась волость Волочек Словенский. Это волость *Федосьин Городок*, земли которой лежали неподалеку от этого Волочка. Ее древняя территория восстанавливается по писцовой книге 1585 г.[14*] в связи с грамотами более раннего времени.

[14*] Писцовые книги Московского государства/Изд. имп. Рус. Геогр. об-ва/Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. Т. I. Писцовые книги XVI в. Отд. II. С. 411—417. (Далее: Писцовые книги под ред. Калачова).

Центральный пункт волости, ее главный погост, лежал на берегу реки Шексны, недалеко от ее истока; мимо него плыли суда вниз по реке к устью реки Славянки и описанному выше волоку. Этот пункт доселе сохраняет свое древнее название «Городок» и «Федосьин Городок». Это очень высокий холм — «гора», на самом берегу Шексны [15*], с очень крутыми боками и с ровной площадью наверху, более 200 шагов длины и 100 шагов ширины. Теперь на ней стоит каменная приходская церковь, избушки причетников, сохраняющих старинное название «кельи», и небольшая усадьба помещиков, предку которых этот Городок был пожалован в поместье при царе Алексее Михайловиче.

По писцовой книге 1585 г. в Федосьине Городке также стояла церковь во имя Преображения, как и нынешняя, но деревянная, и помещались дворы попа и пономаря, 3 кельи нищих и 4 двора крестьян. Раньше тут же, на холме, стоял двор волостеля; но в 1585 г. это было уже только «место дворовое, что был царя и великого князя двор волостелин». В еще более древнее время на этом холму, по всей вероятности, было сооружено укрепление, деревянный острог, от которого и пошло его название — Городок. Для такого укрепления холм этот представляет замечательно удобную естественную возвышенность; ее очень ровная площадка и крутой отвес к Шексне, однако, носят следы древней искусственной обработки. Название «Федосьин» утвердилось за Городком по имени его владетельницы княгини Федосьи, которой до начала XV в., как сказано выше, принадлежал также и Волок Словенский (§ 1) [16*].

К этому Городку тянула в древности очень обширная волость, территория которой была немногим меньше земель Волочка Словенского. Территория эта к 1585 г. еще больше пострадала от захватов со стороны трех соседних монастырей, чем территория Волочка. По писцовой книге 1585 г. в «волости Федосьин Городок» было всего 37 деревень и в них 174 двора. Деревни волости представляли собою, так же как в Волочке Словенском, небольшие поселки, но в среднем несколько бóльших размеров (здесь на деревню в среднем приходится 4—6 дворов, а там — 3—4). Поселки эти стояли также разбросанно, на пространстве 20 верст в длину. От реки Шексны деревни тянулись на север и северо-восток полосою к берегам озер и озерков, по группе маленьких озерков (озера Лыдор, Шайбор, Юдинское, Осташевское), затем по берегам

[15*] В 9 верстах от г. Кириллова, в 2 верстах от Горицкого женского монастыря.

[16*] Городок описываю я по личным наблюдениям. Принадлежит он теперь господам Золотиловым. У них сохранилась жалованная грамота на Городок царя Алексея Михайловича Тихону Золотилову. Теперь крестьяне называют его «Городок», но некоторые помнят и название Федосьин Городок; так обозначен он и на карте полковника Безкорниловича 1848 г.

двух более значительных озер в 5 и 7 верст длиною — Соральское и Бородавское [17*].

В более древнее время территория волости была более обширной, по меньшей мере вдвое. Отдельные куски ее постепенно в XV в. переходили во владение монастырей Кириллова, Ферапонтова и Никитского. По писцовой книге 1585 г., волости принадлежала только четверть Бородавского озера, три четверти — Фера-

[17*] Местоположение деревень волости, по описанию ее 1585 г. (Писцовые книги под ред. Калачова. Т. 1. Отд. II. С. 411—417), легко выясняется по 5-верстной съемке полковника Безкорниловича 1848 г. (Военно-топографическая 5-верстная карта Новгородской губ. СПб., 1848. Л. V), так как большая часть озер и деревень носят теперь те же или немного измененные названия. Озера Юдино и Осташево значатся на съемке в 3 и 4 верстах к северу от Федосьина Городка. Вслед за этими озерами упомянуты в писцовой книге (с. 412) деревня Лимоново у озера Шайбора (так надо исправить опечатки на с. 412 писцовой книги по правильным названиям на с. 416) на речке на Василевке; на карте обозначена деревня Лимоново у озера без названия (Шайбор) на речке, вытекающей из озерка Василева. Затем в писцовой книге следует деревня Власова (см. на карте ту же деревню к северу от озерков, на большой дороге в г. Кириллов). Далее в писцовой книге обозначены подряд деревни Ершово, Бутово, Жохово и несколько ниже деревня Кнутово у озера Соральского. Те же самые четыре деревни находим на карте на западном берегу озера Соровского (так это озеро называется теперь и по статистическому изданию Новгородского земства; название изменилось, может быть, от находящейся на речке, текущей из озера, пустыни Нила Сорского).

Дальше в писцовой книге — озеро Щолково и озеро Лыдоро; на карте, возвращаясь от озера Соровского к югу, к названным выше озеркам, находим озера Лыдыря и Шолкова. Несколько дальше в писцовой книге (с. 413) — деревни у озера Бородавского: Малино, Мыс, Прокопово, Зайцово, Плешово, Филипово, Лукинское. Все те же деревни значатся и на карте, только название изменено: вместо Плешово — Лешова. Дальше в писцовой книге — деревни Окулово и Есюнино у озера Бурьска (с. 414). На карте — к югу от озера Бородавского — две деревни с теми же названиями и озерки Бугеро и Окуловское. Местоположение двух следующих деревень — Городище, Мичаково — мне неясно. Если вместо Мичаково читать Мигачево, то деревня Мигачево и рядом Городище находятся на правом берегу Шексны против Федосьина Городка. Река Выкса, упоминаемая дальше, обозначена на карте как приток Шексны, к северо-западу от озерков Юдина и других. Эту «Мигачевскую деревню... и з Городищом» купил игумен Кирило у чернеца Ферапонта в 1397—1427 гг. На них («пустошь Городищо да Мигачовский починок») князь Андрей Дмитриевич дал Кириллу льготную и несудимую грамоту (*Дебольский Н. Н.* Указ. соч. № XXXII. С. 20; № XL. С. 22). Деревни по озеру Бородавскому теперь состоят в волости Ферапонтовской; остальные, названные выше, — в волости Вогнемской. Волость Вогнема существовала и в древности, но отдельно от Федосьина Городка. Близ Городка, по писцовой книге, крестьяне весною ловили рыбу 7 неводами на 9 тонях, давая с улова в дворцовый приказ 15 осетров, 100 стерлядей, около трех пудов икры. За 100 лет до этого князь Михаил Андреевич держал «под Федосьиным Городком на Быстрой тоне» своего «езовщика» и приказывал ему давать из улова в монастырь, на Кириллову память, по два осетра (ДАИ. Т. 1. № 192 (1448—1481 гг.)).

понтову, и в мелких озерках где половина, где две трети принадлежали монастырям Кириллову и Никитскому [18*].

Такие же обширные волостные территории, как в Белозерском краю, находим и в других областях Руси: и в Твери, и в Москве, и в Новгороде, и в Рязани. Территории некоторых древних волостей легко восстанавливаются по писцовым книгам XVI в.

Значение термина «волость» изменилось к этому времени, или, точнее, он получил новый производный смысл, рядом с сохранявшимся еще старым значением. Волость XVI в.— это обыкновенно уже не община, земельный самоуправляющийся союз, а административный округ. Тот процесс разрушения древней волости-общины, который мы наблюдали в Волочке Словенском, процесс перехода отдельных частей волостной территории в руки крупных собственников, к XVI в. в большей части мест уже закончился. Территория древней волости была разорвана на более крупные части и мелкие отдельные куски.

И эти части теперь объединялись уже только принадлежностью к одному административному округу.

Границы этих новых округов большею частью совпадали с границами древних волостных территорий. И центральные пункты новой волости, *округа*, иногда сохранялись старые. Двор волостеля, окружного начальника, ставился иногда в селе около погоста или на самом погосте, этом древнем центре общины-волости.

Кроме обычной устойчивости сложившихся застаревших отношений, на это влияли также естественные условия, географическая связность поселков по берегам рек и озер. Группа поселков на какой-либо возвышенности естественно тянет к тому центру, с которым ее связывает река, а не к тем соседним центрам, от которых ее отрезывают болота. Эти «естественные границы» и определяют во многих местах ту замечательную близость территории древнейшей волости-общины, волости-округа Московской эпохи, а иногда и волости нашего времени.

Рассмотрим одну из волостей в средней Руси, в Московском уезде, волость *Вохну*, которая часто упоминается в числе московских волостей в духовных грамотах великих князей, начиная с грамоты Ивана Калиты 1328 г. Волость Вохна описана в двух писцовых книгах 80-х годов XVI столетия [19*]. Территория ее со-

[18*] Указание на переход земель волости во владение монастырей в XV в. дает отводная грамота 1482 г. (*Шумаков С. А.* Обзор грамот... С. 82, 87—89, 105—106, 111) и некоторые вкладные и жалованные грамоты, например цитированные здесь выше грамоты о Мигачеве и Городище. В несудимой грамоте на эти починок и пустошь князь Андрей Дмитриевич говорит: «А волостели мои Городцкие к тем людям не всыляют ни по что». Следовательно, эти поселки раньше тянули к Городку, или к волости Федосьин Городок.

[19*] СГГД. Т. 1. № 21, 34 и др. В пределах этой волости находится теперь известный своими многочисленными фабриками Павловский посад, в 64 верстах от Москвы, на реке Клязьме, называющийся также иначе, по-ста-

хранилась, по-видимому, в целости с древности до этого времени; во всяком случае, если небольшие участки этой территории и были оторваны от нее, перейдя во владение монастырей или помещиков, то по указанным книгам мы можем ознакомиться с основным ядром древних владений волости. Во второй половине XVI в. «волость Вохна», как называется она в писцовых книгах, сначала принадлежала князю Владимиру Андреевичу, затем перешла целиком во владение Троицкого Сергиева монастыря, так же как волость Словенский Волочек около того же времени перешла во владение монастыря Кирилло-Белозерского.

Поселки Вохонской волости лежали частью по реке Клязьме, а главным образом по ее притоку, реке Вохне, и по маленьким рекам, впадающим в нее: Вохонке, Быстрице, Дрозне и Хотце. Почти все деревни лежали на речках; один из трех погостов стоял на озере Исакове.

Деревень в этой волости в 1584—1586 гг. было 118; она немногим превышала по числу деревень Словенский Волочек, где их было 97. Но население здесь, в центре удельной Руси, было более плотным; здесь взяты были в обработку уже и худые земли, и некоторые деревеньки стояли «на болоте», как замечено в писцовой книге. В Словенском Волочке маленьких деревень, до трех дворов, было больше половины всех поселений; здесь же — менее трети. Там наибольшее число дворов в деревне было 13; здесь — 18. Там было всего 335 дворов, в среднем на деревню — почти 3,5; здесь всего дворов 535, в среднем на деревню 5 дворов, считая дворы крестьянские и бобыльские.

В настоящее время на речках Вохне, Быстрице, Хотце и частью на Клязьме, где расположены были деревеньки волости Вохны, лежит Игнатьевская волость, многие деревни которой сохраняют древние названия XVI в. Всей земли в этой волости считается 17 тыс. десятин, или 163 кв. версты. К этим землям надо прибавить земли Павловского посада, которые в древности также принадлежали к Вохонской волости. По этим данным вся ее территория должна была занимать около 200 кв. верст.

Для характеристики тверских волостей я возьму волость Кушалинскую, поблизости от города Твери, столицы великого княжества. Территория ее легко определяется по писцовой книге 1580 г.[20*], так как значительнейшая ее часть сохранилась в целости, перейдя в княжеское дворцовое управление.

В центральном селении волости — в большом торговом селе Кушалине (оно существует до сих пор) — было 44 двора, по большей части непашенных крестьян, и стояло в торгу 29 лавок. Здесь же помещались великокняжеские хоромы, около двух церквей и разные дворы по дворцовому управлению и хозяйству: изба су-

ринному, Вохной (Писцовые книги под ред. Калачова. Т. I. Отд. I. С. 86—95, 253—254).

20* Писцовые книги под ред. Калачова. Т. I. Отд. II. С. 191—403.

дебная, дворы приказчика и доводчика, дворы конюшенный, житничный и другие. К этому селу и его приселку, сельцу Турьеву, тянуло большое число небольших деревень и поселков, а именно 161, с 681 двором в селе и деревнях.

За этим селом описано другое село, Бели, также с большим числом принадлежавших к нему деревень. Оно названо в книге «приселком села Кушалина». К нему тянуло 50 деревень и 7 починков; дворов в этом селе с деревнями было 280.

Кроме большого села Кушалина с этим его, тоже большим, приселком, к Кушалинской волости писцовая книга причисляет еще: 1) дворцовое же село Погорелец с деревнями (описание которого полностью не сохранилось); 2) два небольших монастырских имения: одно Рождественского монастыря, в 34 двора крестьян; другое Покровского монастыря, в 56 крестьянских дворов; и 3) несколько маленьких поместий, от 2 до 7 дворов, незадолго до составления этой книги выделенных из земель Кушалинского села; писцовая книга отмечает, что они раньше «были списаны в одном сотном письме с селом с Кушалином, а ныне розданы в поместья детям боярским и сытником» (с. 390).

Из этого описания ясно видно, что территория этой волости-округа 1580 г. вполне или очень близко соответствовала территории древней Кушалинской волости.

Две маленьких монастырских вотчины возникли, конечно, как и имения других монастырей, на землях, раньше занятых волостью, из вкладов крестьян и их розделей.

Маленькие поместья отрезываются из земель, тянувших издревле к Кушалину, впервые незадолго до 1580 г. На старинные связи между селом Кушалинским, сельцом Турьевом и селом Бели со всеми тянувшими к ним деревнями указывает то, что это сельцо и это село Бели называются «приселком села Кушалина».

Земли этого села Кушалина с его приселками, со множеством тянувших к нему деревень, с недавно отрезанными от него поместьями и с двумя монастырскими вотчинами и составляют, очевидно, территорию древней Кушалинской волости. Это очень обширная территория, как и описанная выше территория волости Волочек Словенский: в 1580 г. здесь было свыше 1100 дворов и 250 деревень. Теперь, как видно из сравнения древних названий речек, озер и деревень с современными, на этой территории помещаются четыре волости. Землям основной части древней вотчины — села Кушалина и сельца Турьева с деревнями — соответствуют земли двух современных нам волостей — Арининской и Застолбской.

Землям села Бели, «приселка села Кушалина», с деревнями точно соответствуют земли нынешней волости Белекушальской.

Наконец, селу Погорельцу, полное описание которого до нас не дошло, по-видимому, соответствует территория современной волости Погорельцевской.

В 1580 г. эти земли были довольно густо населенными. Теперь население их, конечно, еще более увеличилось.

В древнейшее же время, когда Кушалинская волость была еще не округом, а волостью-общиною, население ее было немногочисленным, но оно владело тою же обширною площадью земель. Окраины этой площади, хотя и вполне удобны для обработки, долгое время лежали впусте. Население сначала оседало около села Кушалина, на перекрестке двух больших дорог. Позднее занята была лежащая в стороне от этих дорог окраина, приселок Бели-Кушальские, хотя здесь было много удобной земли, на которой в XVI в. помещалось 50 с лишком деревень с 280 дворами, а ныне помещается целая волость.

По писцовой книге 1580 г., Кушалино с его приселками состоит в управлении великокняжеского дворцового приказа, в нем живет и волостель и приказчик и называется оно поэтому «селом», как назывались все владельческие имения. Но это господское «село с деревнями» в древности составляло волость-общину; его жители, «сельчане и деревенщики», подчиненные приказчику, в древности были свободными крестьянами (христианами), волощанами. При подчинении свободной общины господину, боярину или князю, как частному хозяину, эта община, как я выясню подробнее ниже, сохраняла до некоторой степени свое значение; древний мир жил и под рукою господина-боярина на боярской земле. Следы этого мира, остатки древней волости-общины находим мы и в селе Кушалине, подчиненном дворцовому приказчику.

Писцовая книга слово «волость» употребляет в двух разных значениях: и в новом значении — округ, и в древнем смысле — союз крестьян, община. «Село» Кушалино описывается как часть Кушалинской «волости», т. е. округа, некоторой административной единицы, в состав которой наравне с этой обширной дворцовой вотчиной в несколько сот крестьянских дворов входят и мелкие поместья, менее десятка крестьянских дворов. И на этих же самых страницах мы находим слово «волость» совсем в другом смысле. Описав трехверстный лес-кустарь, писец отмечает, что этот лес «*секут волостью*» или, как он говорит в другом месте, его «секут всякие крестьяне села Кушалина, сельчане и деревенщики». Описав двор приказчика и двор волостеля, писец отмечает: «Оба те двора *ставлены волостью*». Здесь словом «волость» означается уже не округ, в который как часть входит село Кушалино, а только сельчане и деревенщики этого села как союз крестьян, как община. Этим сельчанам и деревенщикам далее уставная грамота, включенная в писцовую книгу, предоставляет «землями и луги и лесом и всякими угодьи верстатися меж себя самим полосами и десятинами на всякую выть поровну». Приказчик распоряжается их делами вместе со старостами и целовальниками, и уставная грамота предусматривает возможность, что «князь великий приказчику у них быти не велит». На погостах

здесь, в кельях, около церквей, живут «старцы и старицы *мирские*, а питаются от церкви Божии». Это все старые *мирские* порядки, сохраняющиеся под покровом власти приказчика и волостеля; сельчане и деревенщики села Кушалина и его деревень составляют по старине волость-общину. В 1580 г., таким образом, сохраняются не только в общем границы древней волости, но и на основной и большей части ее древней территории. По старине живет древняя община-мир [21*].

В Северо-Восточной Руси, таким образом, за округом, образовавшимся в границах древней волостной территории, утвердилось название «волость» с измененным значением термина. В Новгородской же области такому округу присвоено было название «погост», может быть, потому, что здесь и в древнейшее время волость-община называлась «погостом»; название погоста, средоточия волости, легко могло перейти на все тянувшие к нему земли. Новгородские *погосты*, по писцовым книгам 1498—1500 гг.,— это, наравне с белозерскими, тверскими, московскими и другими *волостями*, административные округа, объединяющие крупные и мелкие имения: села и деревни дворцовые, помещиковы, своеземцевы и монастырские. Называются они часто по имени погостской церкви, которая и описывается на первом месте.

О погостах-волостях в Рязанском великом княжестве сохранилось очень древнее известие, восходящее за 1300 г. В жалованной грамоте Рязанского великого князя Олега Ивановича 1356—1387 гг. (сохранившейся в пергаменном подлиннике [22*]) упоминается, что прадеды этого князя, когда они впервые «ставили Святую Богородицу», дали этому монастырю «5 погостов» с населением в каждом от 150 до 300 семей, со всеми землями и озерами и со всеми судебными пенями и торговыми пошлинами [23*]. В наибольшем из этих погостов, Песочне, было 300 семей. Семья здесь, конечно, соответствует двору позднейших писцовых книг. И население здесь в 1300 г. жило, конечно, не менее разбросанно и еще меньшими поселками, чем на Волочке Словенском в 1577 г. Этот погост-волость в 300 дворов, или 100 деревень (считая на деревню в среднем по 3 двора), занимал обширную территорию, не меньшую, чем Волочек, в котором в XVI в. было 335 дворов и 97 деревень. В двух других погостах было по 200 семей-дворов и в двух — 150 и 160. И эти наименьшие погосты занимали достаточно обширную территорию, так как их 50—60 деревень размещались в 1300 г., конечно, не менее, а более раскиданно, чем де-

[21*] Писцовые книги под ред. Калачова. Т. I. Отд. II. С. 390—403.
[22*] АИ. Т. 1. № 2.
[23*] «Песочна, а в ней 300 семей, Холохолна, а в ней 150 семей, Заячины, а в ней 200 семей, Веприя 200 семей, Заячков 160 семей. А си вси погосты с землями с бортными и с поземом и с озеры и с бобры и с перевесьищи, с резанками и с шестьюдесят и с винами и с поличным и со всеми пошлинами».

ревеньки 1500 г. и позднейшего времени, которые нам уже знакомы по писцовым книгам. Большие леса здесь давали еще много простора для лесных промыслов, о которых грамота упоминает прежде всего, говоря о «землях бортных»; и на пустынных речках и озерках еще водились бобры (также упоминаемые грамотой), которые потом всюду исчезли с ростом населения. И эти «погосты» были не позднейшими погостами-округами, а волостями-общинами древнейшего типа.

§ 6. Волость и волостка

Территории волостей в древности были очень обширны, но они были малонаселенными. На обширном пространстве среди нерасчищенного леса и болот разбросаны были маленькие поселки, деревни в 1, 2, 3 двора, тянувшие к центральному пункту волости — погосту с церковью. Территория волости определялась крайними пунктами разбросанных поселений; прилегающие к ним леса обыкновенно долгое время оставались неразмежеванными от соседних волостей; только тогда, когда с двух противоположных сторон поселки двух разных волостей врезывались все глубже в гущу леса и, наконец, сходились так близко, что при пользовании лесом между крестьянами разных волостей начинались столкновения, только тогда волости точно устанавливали свои границы, копали межи и грани тесали на деревьях.

С течением времени население волости уплотнялось в пределах площади, очерченной кругом крайних поселков: здесь все больше земли расчищалось под пашню: разрабатывались леса, отделявшие одну деревеньку от другой; там, где прежде пахали наездом, появлялись деревеньки, починки; в деревнях вместо одного двора появлялось 2, 3, 4 двора, изредка и 5—10. Рядом с этим, по мере расчистки прилегавших с края лесов, круг поселений все более увеличивался. Когда с течением времени в волости население сильно возрастало, площадь, занятая поселками, чрезмерно расширялась и хозяйство волости становилось слишком сложным и обширным для несложного механизма управления волостной общины, тогда волость распадалась на части, на более мелкие общинные союзы, *волостки*.

Так как удобные для поселений места встречались далеко не равномерно повсюду, то большею частью случалось, что площадь волостных поселков увеличивалась в одну какую-нибудь сторону, причем иногда новые места поселений были очень удалены от старых и отделены от них болотами и нерасчищенным лесом на десятки верст. Пока здесь, на новой площади поселений, на берегах какой-нибудь речки или озера, в лесу, далеко от волостного погоста, было только несколько починков или три-четыре деревеньки с десятком дворов, они естественно тянули к волости, из которой вышли поселенцы и которой издревле считались принад-

лежащими вновь расчищенные места. Когда же число деревень на новых местах возрастало, они образовывали самостоятельную волостку, общину. Сначала эта волостка сохраняла в некоторых отношениях связь со старой волостью, но затем приобретала и полную самостоятельность.

В писцовых книгах Обонежской пятины начала XVII в. рассказана история отделения одной такой волостки-колонии от волости-метрополии. Во второй половине XVI в. к Оштинскому погосту тянула выставка-волостка Шомозерская [24*]; она была приписана к этому погосту в писцовых книгах 1586 г., и крестьяне этой волости «подати всякие платили и тягло тянули с Оштинским погостом вместе». В начале XVII в. эта волостка получила полную самостоятельность: крестьяне волостки выхлопотали себе грамоту при царе Василии, по которой им разрешено было «подати платить особно» и не участвовать в «мирских разметах» Оштинского погоста. Волостка была отделена потому, что она находилась от погоста за 50 верст, а некоторые выставки ее — за 70 верст и больше и «стали за леса и болоты» [25*].

Между отделившейся волосткой и старой волостью часто сохранялись остатки прежнего единения. Волостка часто долго составляла один приход, пользовалась погостскою церковью, участвовала в содержании ее вместе с волостным миром, иногда сооружала у себя только часовню, в которой требы отправлялись попом, приезжавшим с волостного погоста. Очень часто между волосткой и волостью сохранялась связь в общем владении лесом или рыбными ловлями.

Пример такой связи между волостками дают дозорные книги реки Онеги 1615 г. На реке Онеге близ ее устья и частью на морском берегу лежали в это время четыре отдельных небольших волостки — Корельская, Вангудская, Надпорожская и Подпорожская. Во всех них было всего 26 деревень, 100 дворов (из них 4 бобыльских и 119 людей, по счету писцовой книги). Но прежде они составляли одну волость. В писцовой книге отмечено, что оброк с нескольких озерков и речек и «с переметов за семужью ловлю» крестьяне «по-прежнему, по сотной платят четыреми волостьми вместе». Эти волостки составляли также и один приход: погост с двумя церквами, «со всем строением мирским» был только в одной из них — Надпорожской [26*].

24* Погост Ошта на южной окраине озера Онежского; на юго-восток от него — Шомозеро.

25* *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1858. С. 107.

26* Список с дозорных книг нижнего конца дозору Семена Языкова да подьячего Семена Осокина 123 году // Государственный Архив. Разряд XXVII. № 29 [2].

Глава вторая
ВОЛОСТНАЯ ОБЩИНА

I. МИРСКИЕ ВЛАСТИ

§ 7. *Две грамоты, русская и немецкая*

Глубокое сходство русских и германских учреждений средних веков ни в чем не обнаруживается так ярко и наглядно, как в соответствующих подлинных актах того времени. Сопоставляя описания этих учреждений, сделанные историками русскими и немецкими, иной раз трудно сразу заметить, что они говорят об одном и том же, потому что действительность отражается в этих описаниях в неполном или в преломленном теориею виде. Но стоит обратиться к подлинным грамотам русским, с одной стороны, и германским — с другой, как существенное сходство учреждений неожиданно раскрывается с полною и несомненною ясностью.

Что наша древняя волостная община находится в близком родстве с германской общиной-маркой, в этом легко убедиться, если сравнить грамоты этих общин. Возьмем грамоту, написанную с мирского совета одной из волостей Холмогорского уезда в 1604 г., и грамоту, написанную с совета марковой общины на реке Мозель в 1240 г. С одной стороны — река Кокшенга в бассейне Северной Двины, с другой — приток Рейна. Но грамоты совпадают не только по существу, но и дословно [27*].

Грамота Шевденицкой волости

Се аз сотский Шевденицкий, да яз десятский... (имена трех десятских и крестьян), *и все крестьяне* Шевденицкие волости дали есмя в дом Великому чудотворцу Николе... поженку на реке Кокшенге...

На то послухи (следуют имена).

Данную писал с *мирского совету* дьячок (такой-то).

Грамота общины Бридаль на реке Мозель

Мы сотник (centurio) и *мир* (universitas) в Бридали на реке Мозель желаем сделать известно всем, в настоящем и в будущем, что мы *с общего всех нас совета*, одобрения и согласия продали монахам, аббату и общине, навсегда право сечь и собирать кустарник...

Совершено в присутствии сотника и сельчан (villani) (таких-то).

В обеих общинах, германской и русской, мы видим по этим двум грамотам выборного представителя, сотского и собрание

[27*] Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 2. // РИБ. СПб., 1894. Т. XIV. С. 166, № 89; *Lamprecht K.* Deutsches Wirtschaftsleben. Leipzig, 1886. Bd. III. S. 17, Anh. 8.

членов общины, мирской сход. Сотский совместно с миром распоряжается общинным имуществом. В грамотах совпадают даже самые термины. У нас — сотский, в Германии — центурион-сотник; у нас — мир, там — universitas; у нас дело решается «с мирского совету», там — «с общего всех нас совета» (de communi omnium nostrorum consilio).

Я начинаю с этого сопоставления двух грамот не как с наиболее сильного доказательства, а только как с яркой иллюстрации. Грамоты совпадают во всех главных терминах; но совпадают ли учреждения? Не относятся ли здесь одни и те же слова к разным предметам? Чтоб устранить такие сомнения, необходимо детально сопоставить все основные черты двух учреждений, основываясь не на словах, а на существе их устройства. И я надеюсь, что моя работа даст достаточно убедительные доказательства того, что рассмотренные две грамоты: одна — написанная в области Северной Двины, другая — на реке Мозель — совпадают не случайно, что они исходят от одинаковых по своему строению общин, что учреждение сотского или сотника и мира в Германии и в удельной Руси средних веков совпадают не как два слова разных языков, случайно созвучные, а как два слова одного и того же арийского корня [3].

§ 8. Сотский и мир

Начнем как раз с этих двух учреждений: 1) сотника, или старосты, и 2) мирского собрания.

Маурер и Лампрехт согласно изображают их в следующих чертах.

Сотник, по-латыни центурион (centurio, centenarius), по-немецки геймбург или цендер (Heimburg, Zender), был выборным чиновником общины. Избирался он большею частью на год. Самостоятельной волости он не имел и действовал лишь как доверенное лицо общины. «Общинные чиновники,— говорит Маурер,— были только заместителями и уполномоченными общины. Ибо вся власть, управление, в такой же мере, как суд, находилась в руках общины». Лампрехт обращает особенное внимание читателя на то, что «марковая община (Markgemeinde) in corpore* была как учредительным органом, так вместе с тем и органом управления».

Вся действительная власть принадлежала собранию марки (Markversammlung), сходке всех полноправных членов общины. На этих собраниях выбирался сотник, представитель общины, и решались все важнейшие дела. Собрания созывались по мере надобности. Решения, по общему правилу, должны были быть единогласными. Сотник был главным образом исполнителем ре-

* В целом (лат.).

шений этих общинных собраний; он вел дела как доверенный общины. Его важнейшей обязанностью были созыв и ведение маркового собрания; он один имел право звонить в колокол, возвещавший собрание [28*].

Все это те самые общинные порядки, которые в основных своих чертах живут до наших дней в русской сельской общине. Те же порядки находим мы и в русской средневековой волости, волостной общине, которая во многих отношениях является родоначальницей современной нам общины. Источники XV—XVI столетий, которыми мы должны пользоваться за неимением древнейших, ясно свидетельствуют, что сотский и мирской сход в нашей средневековой волостной общине имели те же права и то же значение, что и в германской марковой общине той же эпохи.

По грамотам XV—XVI столетий все решения общины — «волости» исходят от «старосты *и всех крестьян*», т. е. от волостного мира. Так, например, в одном судном деле (около 1490 г.) крестьянин, отстаивая свои права на участок леса, заявляет судье: «А мне, господине, тот лес *дала волость, староста со крестьяны*». В судных делах от лица общины постоянно выступают «староста и все крестьяне», или староста действует в качестве уполномоченного от всех крестьян: «Тягался Лоскомской староста Оброско Кузьмин сын и во всех крестьян место» (1503 г.). Князья, обращаясь к волости, адресуют свои грамоты «старосте и всем крестьянам» (1435—1447 гг.).

Термин *волость* в удельное время, кроме того значения, какое утвердилось за ним в позднейшее время,— территориальный округ, подразделение уезда, употреблялся в средние века по преимуществу для обозначения не территории, а общества лиц

[28*] «Die Gemeindebeamten waren... nur Stellvertreter und Bevollmächtigte der Gemeinde. Denn alle Gewalt, die Verwaltung ebensowohl wie die Gerichtsbarkeit ruhte in den Händen der Gemeinde [Общинные власти были... только представителями и уполномоченными общины, так как вся полнота власти, управления, равно как и судопроизводство, были в руках общины (нем.)]» (*Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Erlangen, 1866. Bd. II. S. 20). «Bei so ausgedehnten Funktionen der Markversammlung begreift es sich, dass den Beamten der Mark zumeist keine sehr selbständige Rolle zufiel... gelten die Beamten doch durchaus nur als im Treuverhältniss stehende Diener und Mandatare der Gemeinde [При столь обширных полномочиях собрания марки легко понять, что общинным властям по большей части принадлежала отнюдь не слишком самостоятельная роль... эти власти рассматриваются всего лишь как исполнители и уполномоченные, находящиеся в отношениях (феодальной) верности к общине (нем.)]» (*Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 314). Кроме названий Heimburg, Heimburge и Zender (лат. centenarius, centurio), употребляется также название Hunne (лат. Hunno). Этот последний термин в древнейшее время обозначал представителя древней марки-сотни (Hundertschaftsmark) (Ibid. S. 198—199, 314—315). О цендере см.: Ibid. S. 314—318. О собрании марки (Markversammlung) см.: Ibid. S. 309—314.

в смысле, соответствующем нашему книжному термину «община». Там, где владения волости-общины составляли в то же время и территориальный административный округ, там оба эти значения термина «волость» сливались в одном понятии «волость-община и округ». И так как административные округа возникли в древности на основе органически сложившихся территорий волостных общин, то слово «волость-округ» должно быть признано производным от слов «волость — общество — община». В этом основном своем значении термин «волость» нередко употребляется в грамотах удельного времени.

Крестьянин говорит, что лес ему «дала волость, староста со крестьяны». Писец отмечает, что крестьяне «лес добывают» на езовое дело (для устройства рыбных затонов) «сами всею волостью в своих лесех». Обыск производится «людьми добрыми, всею волостью». Сотник дает землю, «поговоря с своею братьею и со всею волостью». Двор приказчика и доводчика «ставят волостью»; «волостью на приказчика и на слугу и на доводчика крестьянам рожь на хлеба и солод на квас молоти». Крестьяне дворцового села «лес секут волостью». В этом смысле слово «волость» употребляется и в отношении тех владений, которые не составляли самостоятельных волостных округов и назывались не волостями, а боярщинами, деревнями или селом. Описывая дворцовое «село», писец говорит, что крестьяне в нем «церковь ставят волостью, селом Ярогомжем».

Здесь ясно, что слово «волость» обозначает союз лиц, а не совокупность владений или территориальный округ. Совокупность владений обозначается словом *село*, а словом «волость» — соответствующая ему совокупность лиц, крестьян, живущих на земле этого владельческого села и тянущих к нему деревень. Описывая частновладельческие «деревни» и называя их иначе — «боярщинками», писец о крестьянах этих говорит, что они «косят боярскую пожню волостью» [29*]. Это объясняется тем, что, как мы выясним ниже, и в дворцовых селах, и в боярщинах существовало общинное самоуправление, ограниченное господскою властью, но в основе своей одинаковое с устройством свободных волостных общин.

Как сказано в приведенной выше грамоте, дела решаются всеми крестьянами «*с мирского совета*». В другой грамоте, написан-

[29*] АЮ. № 230 (1585 г.); № 6 (1490 г.); Писцовые книги под ред. Калачова. Т. 1. Отд. 2. С. 360, 376; ААЭ. Т. 1. № 258; *Шумаков С. А.* Обзор грамот... С. 120; Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. IV. С. 125, 193, 210. Ср.: «А который крестьянин овин пожжет с монастырским хлебом безхитростно, а на том крестьянине хлеб не взяти, а овин ставити волостью» (Уставная грамота 7098 (1590) г. Иова патриарха патриаршему Новинскому монастырю // Временник Общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 2. Смесь); *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1851. С. 85—86.

ной около того же времени, в 1598 г., крестьяне с волостным старостою говорят о своем решении, что они «обговорились промеж собою *всем миром*»[30*].

Подробных сведений о мирских сходах в источниках этого времени не сохранилось. Постоянные указания на решение «*всех* крестьян» свидетельствуют о том, что в волостной общине, так же как в германской марке и в современной нам сельской общине, решения постановлялись единогласно. О трех общинах в книге XVI и начала XVII в. сохранились известия, что сходы собирались в них регулярно, раз в неделю: в двух по воскресеньям, в одной по пятницам.

Волостные сходы обыкновенно собирались перед церковью, на погосте. Теперь погостом называется кладбище. В древности же погостом называлось место, на котором стояла церковь с кладбищем, дворы священника и причта с их пахотными землями. Это был особый церковный поселок, стоявший особо от окружавших его небольших поселков-деревень волости. Погост такой-то, писалось в писцовых книгах, *а на погосте церковь*, у церкви дворы попа, дьячка, просвирни, столько-то келий нищих, столько-то пашни церковной. Этот поселок составлял средоточие волости. На погосте у церкви и кладбища собирались сходы; в Новгороде название этого места «погост» перенесено было на весь волостной округ и самая волость называлась погостом.

Обыкновенно сходы собирались под открытым небом. На Севере другим обычным местом собраний была церковная трапеза. В некоторых местах для сходов на погосте строили особые избы: «Да на погосте изба схожая, а сходятся в ней крестьяне по воскресеньям». «Да у церквей на церковных землях две избы большие, за трапезы место, где сходятся по воскресеньям крестьяне[31*].

[30*] АЮ. № 6 (волость Словенский Волочек на Белоозере около 1490 г.); № 4 (Залесская волость в Костромском уезде («тягался Андрейко староста Залесский и все крестьяне Залесские») до 1490 г.); № 9 (1503 г.); № 358, II (1598 г.); АЮБ. Т. 1. № 35 (Городец на Белоозере, 1448—1469 гг.); РИБ. Т. II. № 20 («От князя Михаила Андреевича на Волок старосте и к всем християном» — 1435—1447 гг.); № 27; *Дебольский Н. Н.* Указ. соч. № XIV («что бил челом на них староста Волоцкой Федко с крестьяны Волочяны» — 1471—1475 гг.).

[31*] О собраниях на погосте около церкви и в трапезе см.: *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 105. Там же в примеч. 3 — две цитаты, приведенные в нашем тексте, из писцовой книги Обонежской пятины 1615—1617 гг. Третью цитату см.: Писцовые книги под ред. Калачова. Т. 1. Отд. II. С. 305. Известия об особых избах и дворах чрезвычайно редки, вероятно, потому, что их обыкновенно не было. Погостом первоначально называлось, может быть, именно место сходбищ, мирских сходов и торговых. Что церковь не была непременной принадлежностью погоста, это видно из обычных выражений: «погост... а на погосте церковь»; «а церкви погостские нету, ни погоста» (Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. III. С. 24). Впоследствии на каждом погосте явились церкви с домами попа и причта и понятие «по-

Иногда местом собраний служил пустой крестьянский двор: «В селе ж... двор безпашенной, а приходят на него Ондреевского села крестьяне на совет ежопятниц; а живет в нем дворник» (Тверь, 1580 г.).

В германской общине был такой же точно обычай собираться на сход под открытым небом у церкви и кладбища. В грамоте XIV в. сказано, что сходы бывают перед церковным притвором, где принято собираться по известному обычаю [32*]. В других известиях говорится о сходах перед церковным двором и кладбищем (ante cimiterium); в некоторых — о сходах на церковном дворе и в самой церкви «под колокольной веревкой» (unter die Glockenschnur). Особые постройки для собраний, общинный дом или дом совета (Gemeindehaus, Rathhaus), появляются только в позднейшее время, как и у нас, особые «схожие избы» [33*].

гост» изменилось; под этим словом стали разуметь по преимуществу церковный поселок. В этом смысле употребляется слово «погост» в ростовских писцовых книгах XVII в.: «Пустошь, что был погост, на речке на Веске, а в нем храм Ивана Предтечи, пуст, ветх. Пашни церковные... да перелогом и лесом поросло» (*Титов А. А.* Ростовские писцовые книги церковным землям 1629—1631 гг. // ЧОИДР. 1896. Кн. II. С. 34).

В этом же смысле, судя по Далю [4], слово «погост» употребляется и теперь: «Отдельно стоящая на церковной земле церковь с домами попа и причта, с кладбищем». Ср. о погосте и церкви: *Архимандрит Сергий.* Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. СПб., 1905. С. 54—57. В XVI же веке понятия погоста и церковного поселка строго различались: «Погост Никольской... а на погосте церковь... да теплая церковь с трапезою... да на погосте же 8 келей, а в них живут нищие, питаются от церкви Божии; *да деревня церковная*... во дворе поп Тарасей, пашни поповы 9 четей...» (*Шумаков С. А.* Обзор грамот... С. 143. То же тут же сще в двух погостах).

32* Ante atrium ecclesie ubi jure seculari consuetum est presideri [Перед церковным двором, где по праву светской власти происходит по обычаю собрание (лат.)] (1345 г.).

33* Маурер, говоря о месте схода, в особенности выдвигает, что сходы первоначально собирались под открытым небом, перечисляя затем разные места собраний, называвшихся «Malstatt» или «Wahlstatt»: большею частью под деревьями, например под липами, на свободной площадке в лесу, в долине; затем он отмечает, что *часто* сходы собирались на церковном дворе или перед церковным двором (*Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Erlangen, 1856. S. 328). В позднейшей своей книге он все эти места указывает подряд, наравне (*Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. II. S. 81). К указаниям Маурера на собрания у церкви прибавил ряд известий Лампрехт: «ante atrium ecclesie ubi jure seculari consuetum est presideri» (1345 г.); «ante cimiterium capelle ville ejusdem, ubi judicio presideri est consuetum [перед кладбищем при часовне того селения, где на судебном заседании осуществляется, как это принято, функция графа (лат.)]» (1338 г.) и др. (*Lamprecht K.* Op. cit. S. 309, Anm. 1). Собрания на рынке, на торговой площади, указываемые Маурером, также были собрания близ церкви потому, что рынок помещался обыкновенно близ церкви: «ante cimiterium ibidem ubi panes et carnes venduntur [перед кладбищем, там же, где продаются хлеб и мясо (лат.)]» (1355 г.) (*Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung... S. 328, Anm. 95).

II. ДАНЬ

§ 9. *Мирская раскладка налогов*

Нашей волости, как и германской марке, принадлежали некоторые важные права по государственному управлению в двух его отраслях: финансовой и судебной. *Мирские власти* ведали дела по части *дани и суда*. Этими двумя словами определяют функции мирского самоуправления грамоты, говорящие об обязанности владельцев волостных деревень «тянути к волости данью и судом».

В отношении *дани* волости принадлежало право самостоятельной раскладки податей и право взимания их с волощан. Разнообразные подати и повинности общею суммою налагались правительством на волостную общину, и эта община самостоятельно определяла долю, причитающуюся на каждого волощанина соответственно его имуществу. Эти права волости по раскладке, или по разверстке податей, обеспечивавшие справедливость этой разверстки, предохранявшие отдельных членов общины от непосильных для того или другого из них поборов по злоупотреблению властей, эти *права* опирались на соответствующую *обязанность*. Имея права раскладки и взимания податей, община была ответственна за уплату общей суммы податей, падавших на ее членов; иначе говоря, все члены общины связаны были *круговой порукой* в исправной уплате «дани»: за неимущих платили имущие, за ушедших — оставшиеся на местах.

Такая самостоятельная раскладка податей общиною между ее членами сохраняется до наших дней в современной нам сельской общине. Этот порядок унаследован сельскою общиной от средневековой общины волостной. Грамоты XIV—XVI вв. дают множество указаний на мирское волостное тягло, на мирскую раскладку, или *размет* податей. Волостные люди, по этим грамотам, *тянут* данью и всякими пошлинами *к волости* или к различным выборным мирским представителям — старосте, сотскому, дворскому.

Так, например, в жалованной грамоте 1361—1365 гг. тверские князья, освобождая от всяких податей и повинностей крестьян Отроча монастыря, говорят: «Ненадобе им некоторая дань... ни иныи которыи пошлины к городу, ни к волости, ни служба, ни дело княже, ни дворьский, ни старосты ат не займают их ни про что». В других жалованных грамотах князья точно так же постановляют о монастырских людях: «Ни к сотнику ни к дворьскому с волостными людьми... не тянут ни в которой протор» (1442 г.); «ни к сотскому, ни к дворскому (или: ни к сотским, ни к десятским) не тянут ни в какие проторы ни в розметы» (1453 г.); «ни к сотскому, ни к дворскому, ни к старосте волостному не тянут ни во что» (1453 г.).

Постановления такого рода повторяются во всех почти жалованных грамотах XV в., свидетельствуя о повсеместности волостного тягла и мирского размета [34*].

О самостоятельности волостной общины в деле раскладки податей свидетельствуют уставные грамоты того же XV в., к которому относятся только что цитированные постановления жалованных грамот. Уставные грамоты XV в., как и XVI, говорят о порядке уплаты наместничьих «кормов» и строго ограждают самостоятельность волостных общин не только в раскладке этих кормов, но и в их сборе с волощан. Уставная белозерская грамота 1488 г. строго воспрещает наместнику и его чиновникам, тиунам и доводчикам, самим собирать в волостях свои кормы и поборы: «А побора им (доводчикам) в стану и в волости не брати; имать им свой побор у сотского в городе». Точно так же в уставной грамоте, данной крестьянам бобровых деревень в 1509 г., дмитровский князь воспрещает тиуну и доводчику самим взыскивать с крестьян свои кормы и поборы: «А тиуну у них и доводчику по деревням самим не ездити, ни кормов, ни побору не брати».

Эта грамота вместе с тем дает любопытное указание на порядок разверстки податей волостной общиною между входившими в ее состав «деревнями», маленькими деревнями того времени — в один, два, три двора. «А те кормы ловчего и тиунов, и доводчиков побор,— сказано в грамоте,— дворской (иначе: староста) с десятскими и с добрыми людьми меж себя мечут с стольца по дани и по пашне: которая деревня больше пашнею и угодьем, и они на ту деревню больши корму и поборов положат; а которая деревня меньши пашнею и угодьем, и они на ту деревню меньши корму и поборов положат. Да собрав те кормы староста с десятскими, да платят ловчему, и его тиуну, и доводчику побор в городе в Дмитрове по празником» [35*].

Ясные указания на порядок уплаты податей волостною общиною сообща, по мирской раскладке, дают сохранившиеся от первой половины XVI в. расписки старост. Так, например, мы имеем расписку старосты низовского (низовьев реки Северной

[34*] О волостном тягле см.: ААЭ. Т. 1. № 5 (1361–1365 гг.); № 51, № 53 (1453 г.); АЮБ. Т. 1. № 31; VI (1442 г.); XIV (1462—1463 г.). Сводный текст: «Ни к дворскому, ни к сотскому, ни к старосте волостному, ни к пятидесятским, ни к десятским, ни к становщику с волостными, с черными, с тяглыми людьми не надобе им тянути ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни в иные ни в которые пошлины» (*Горбунов А. Н.* Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII—XIV и XV вв. Ст. 2 // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860—1861. № 5. С. 80—81).

[35*] Уставная белозерская грамота 1488 г. // ААЭ. Т. 1. № 123; Уставная грамота 1509 г. // Там же. № 150; Акты Лодомской церкви Архангельской епархии // ЧОИДР. 1897. Кн. II. № XXVI; *Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. Т. 1. № 30, 34.

Двины) в получении им со старосты Лодомской волости дани и всех сборов «за всю волость»: «Се яз староста Низовской Иван Минин сын Прилуцкого взял есми дань великого князя у Марка у Савина сына Фофанова за всю волость Лодомскую... да и наместничь проезд в Упу да в Неноксу, сей зимы наместник ездил. Да и старостино насилье за кормами семь рублев на всю волость. А наместнича проезда, да подьячего на всю ж волость пять рублев» (1546 г.) [36*].

§ 10. Мирская раскладка в Руси и в Германии

Существование описанной мирской раскладки в волостях удельной Руси, засвидетельствованное многими памятниками, признается всеми без спора. Не отрицают этого и те историки, которые отрицают древность русской общины, но они к этой единственной черте, к «тяглой организации», сводят все устройство древней волости, они в «тяглой организации» видят основу и источник древних общинных порядков и, предполагая, что эта организация сложилась под влиянием татарской дани в XIV в., видят в ней «один из самых характерных продуктов русской исторической жизни».

Соображения о возникновении мирской раскладки, а с нею и общины под влиянием татарской дани излагаются Милюковым осторожно, в виде гипотезы, со многими «вероятно» и «по всей вероятности». Я приведу ниже ясные указания памятников, которые заставляют решительно отвергнуть эту гипотезу. Теперь же я выясню только, что эта «тяглая организация», как бы она ни сложилась, никоим образом не может быть признана за «один из самых характерных продуктов русской исторической жизни». Особенная ее «характерность» оказывается столь же мнимой, как и многие другие оригинальные, своеобразные и самобытные черты нашей древности, отысканные нашими историками.

Тяглая организация, т. е. взимание податей общиною по раскладке, с круговой порукой членов общины, свойственна была, наравне с нашей волостной общиной, и германской общине средних веков. В широко развитом праве взимания налогов Лампрехт видит одно из основных прав марковой общины наряду с ее правами на альменду. «Общинные повинности и подати,— говорит Маурер,— как и государственные подати и налоги, по общему правилу лежали на деревенской марковой общине...

[36*] О «стольце» (мирской кассе) и о «размете», состоящем в ведении старосты и добрых людей, дает указание правая грамота XV в.: крестьянин Давыдка показал на суде, что, сдавая в наем волостную землю, селище Лаптево, он «клал наем всей братье на столец». Сидевшие же у стольца добрые люди заявили судье: «Сидим на розмете с своею братьею 20 лет, а найма, господине, нам наш староста Ивашко с того селища с Лаптева и тот Давыдка не кладывали». Вместо «гянут к волости» говорили иногда «тянут к их стольцу».

они были всецело налогами полевой и марковой общины». Немецкая община также связана была в отношении уплаты податей круговою порукою, которая называлась у немцев Gesammtbürgschaft. Это подтверждается очень многими известиями. «В княжестве Фульдском,— указывает Маурер,— налоги взимались с каждой отдельной общины представителем общины и вносились им в княжеское управление. Подобно этому, в княжестве Байретском наблюдали за тем, чтобы назначенные князем подати распределялись и взимались с каждой отдельной общины четырьмя так называемыми Steuermeier. В Швейцарии в некоторых общинах избирались особые так называемые «податные старосты» (Steuermeier), которые требуемые фогтом государственные подати распределяли между членами общины и взыскивали их... И когда (в Баварии) в общине возникали сомнения относительно податных обязанностей или относительно распределения налогов, то эти вопросы разрешались представителями общины».

Так же как у нас, в немецкой общине подати раскладывались соответственно владениям каждого общинника. В основу раскладки брали иногда те права, какие каждый член общины имел на пользование общинными угодьями, «маркою» в тесном смысле слова. Это обложение по марковым правам (Markberechtigung). Рядом с ним, как указывает Лампрехт, существовало обложение по дворам, или гуфам, а также только по пахотным землям [37*]. Так как марковые права обыкновенно соответствовали земельной собственности общинника, то в существе дела все эти различные начала раскладки сводились к одному: к земельным владениям общинника, к его дворохозяйству, в состав которого входила как его собственная земля, так и права на марковые угодья [38*].

В силу этой тесной связи между обложением и землевладением из общей податной раскладки исключались, одинаково у нас и у немцев, все не имевшие своей земли и собственного хозяйства. Такие люди, жившие в чужом дворе и работавшие в чужом хозяйстве на тех или иных условиях, назывались в Германии «люди, сидящие за другим» (Hintersassen, Hintersiedler) или «живущие при ком-либо» (Beisassen, Beisitzer). Они, говорит Маурер, «находились в прямой связи только с крестьянами, дворохозяевами (Hubnern), за которыми они сидели и которым обязались повинностями и пошлинами» [39*].

[37*] Die Veranlagung auf die Markberechtigung. Die Veranlagung nach Höfen oder Hufen. Die Veranlagung wurde von der Hufe auf den Acker allein übertragen.

[38*] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 5-е изд. М., 1902. Ч. 1. С. 160; *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 301, 299; *Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. I. S. 197. О Gesammtbürgschaft, или общинной поруке (Haftung der Gemeinde), см: Ibid. S. 348, 350.

[39*] О Hintersassen см.: *Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. I. § 60, 61. То же в городах см.: *Maurer G. L.* Geschichte der Städteverfassung. Erlangen, 1869. Bd. II. § 234, 396.

С немецкими Hintersassen («сидящие за») совершенно одинаковы наши *захребетники*. Они живут «за хребтом» крестьянина, не имеют собственного хозяйства и потому не несут тягла. В самом названии их — «захребетники», как в однозначащем немецком выражении «сидящие за другим»,— образно выражается их несамостоятельность и их безответственность. По новгородским писцовым книгам, захребетники живут обыкновенно в одном дворе с крестьянином-хозяином: «Деревня Бабино, двор Сидорик Нестериков да захребетник его Петрок; сеют ржи 3 коробьи, а сена косят 15 копен». Нередко также захребетники жили в особых дворах; из этого не следует, однако, что они были равны крестьянам по своему хозяйственному и связанному с ним податному состоянию; они имели особое жилище, но не были самостоятельными хозяевами. Значение хозяйственного целого, хозяйственной единицы в это время имел обыкновенно не двор, а деревня. Поэтому захребетник, хотя и живущий в особом дворе, записывается в книгу как общий захребетник двух крестьян-дворохозяев одной деревеньки: «Деревня Макарьино: двор Илейка Макаров, двор Тимошка Офонасов, двор *захребетник их* Омельянко; сеют ржи 7 коробей, а сена косят 40 копен» [40*].

[40*] *Захребетник* в одном дворе с крестьянином: «Деревня Починок: двор Матфейко Логвинков, захребетник его Андрейко; сеют ржи» и т. д. (Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. 1. С. 12). Цитата в тексте о деревне Бабино: Там же. С. 7. Такие же отметки о захребетниках, живущих в одном дворе с крестьянином: Там же. Т. I. С. 2, 4, 5, 12; Т. II. СПб.,1862. С. 29; Т. IV. С. 140, 162 и др. Захребетник в одном дворе с ключником и его сыном: Там же. Т. I. С. 7. Двухдворная деревня с общим захребетником: Там же. Т. I. С. 5, 10, 42, 52, 56. Захребетник в особом дворе: «Деревня Сивицыно: двор Нефедко Давыдков, двор захребетник его Костко» (Там же. Т. I. С. 9, 17, 18, 44—46 и др.; Т. II. С. 444; Т. IV. С. 44, 85 и др.). *Подворник* в одном дворе с крестьянином: «двор Парфенко Куземкин, за подворник его Огафонко Якушов» (Там же. Т. I. С. 13,6). Подворник в особом дворе: Там же. Т. I. С. 481. *Сусед* в одном дворе с крестьянином: Там же. Т. IV. С. 36, 160; Т. V. С. 193—194. В виде исключения — захребетник как самостоятельный хозяин деревни: «Деревня Скоморохово: двор Сава захребетник» (Там же. Т. IV. С. 211). Весьма близко к Мауреру определяет состояние городских захребетников И. Беляев: «Захребетники, соседи и подсуседники жили за чужим тяглом и сами не вносились в городские разметы, они не были членами городской общины и не имели своей поземельной собственности, а жили как наемники или работники на чужих землях» (*Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 493). О городских захребетниках, подсуседниках и шабрах см.: *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 63, 112, 323—324. О захребетниках, подворниках, соседях и казаках см.: *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 122—124; *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890. С. 150, 151. О захребетниках и подводниках по новгородским писцовым книгам см.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 146—148;

Захребетники иначе назывались *подворниками, соседями* и *подсуседниками* [41*]. Различные названия носили они и в Германии; из них термину *подворник* близко соответствуют немецкие термины Beisasse (сидящий при ком-либо) и Häusler (от слова: Haus — дом).

III. СУД

§ 11. Участие общины в высшем суде наместника

Вместе с описанными податными правами средневековая волостная община, так же как германская марковая община, имела некоторые важные судебные права. Исследователи, сводящие все существо нашей древней общины единственно к размету податей, упускают из виду ясные свидетельства памятников о тесной связи этой «тяглой организации» с особой «организацией судебной». Они упускают из виду, что деревни, маленькие однодворные и двухдворные деревеньки того времени, «тянули к волости» не только «данью», но и «судом», по выражению памятников.

Право германской общины на участие в высшем суде чрез посредство своих выборных представителей, шеффенов, выяснено вполне немецкими историками. Это право связывают с древнейшим судом народного собрания под председательством *тунгина*, выборного старшины сотни. Решения на этом суде объявлялись выборными «вещателями права» — *рахинбургами* — и утверждались народным собранием (об этом — ниже). Когда суд народного собрания сотни под председательством тунгина сменился судом королевского чиновника — графа, община сохранила, однако, некоторую долю участия в графском суде. Граф судит не единолично, а вместе с выборными представителями общины, *скабинами* или *шеффенами*, соответствующими древним рахинбургам. Капитулярий 829 г., подтверждая этот порядок, предписывает, чтобы в каждом графстве выбирались «лучшие и справедливейшие люди для разбирательства дел и для справедливых приговоров, чтобы они были помощниками графов в судебных делах». То же начало участия общины в высшем суде сохранилось и позднее до конца средневековья. Источники постоянно говорят об участии в суде выборных представителей общины;

«Смотря по достатку крестьянина, захребетник его живет или в одном с ним дворе, или в особом... Нередки случаи, когда несколько дворов имеют одного общего захребетника... Подворник только другое название для захребетника».

41* От «подворников» и других захребетников существенно отличаются «дворники»; первые жили за хребтом *крестьян*, вторые — на господских дворах, по найму или в зависимости от господ; существенно отличаются от них также «закладчики» — подзащитные люди господ. Об этом — ниже.

эти представители в одних местах называются шеффенами, в других — «вещателями права», «заседателями» и «присяжными» [42*]. В роли шеффенов очень часто являются общинные старосты [43*].

Наша волостная община удельного времени совершенно так же, как немецкая средневековая община, участвует в высшем суде наместника чрез своих выборных представителей. Как германский граф судил не один, а вместе с шеффенами, с заседателями или с вещателями права, так и наш наместник судит, по общему правилу, вместе с *судными мужами*. С наместником «сидят на суде» староста или сотский и выборные судные мужи, «добрые люди», которые позднее называются «целовальниками»; это позднейшее их название точно сходится с немецким термином позднего средневековья: Geschworne — присяжные.

Белозерская уставная грамота 1488 г. определенно постановляет: «А наместником нашим и их тиуном без сотцков (сотских) и без добрых людей не судити суд». Точно так же Судебник 1497 г. постановляет относительно суда бояр и детей боярских: «На суде у них быти дворьскому, и старосте, и лутчим людем; а без дворского, и без старосты, и без лутчих людей наместником и волостелем не судити».

Судебник 1550 г. повторяет это постановление, называя «лучших людей» «целовальниками», и поясняет, что эти люди должны быть представителями тех общин, к которым принадлежат

42* По-немецки Urtheilsfinder (находящие пригсвор), иначе называвшиеся Kornoten, Beisitzer (заседатели), Geschworne (присяжные).

43* *Скабины* или *шеффены*, сменившие со времени Карла Великого рахинбургов, составляли, как полагают, *постоянную* выборную коллегию графского суда. Коллегия семи рахинбургов представляла отдельную общину-сотню; коллегия же скабинов (сначала также в числе семи) представляла, как полагают, целое графство, в состав которого входило несколько сотен. Но для позднейшего времени, после Карла Великого, неясно, сохранил ли суд шеффенов это устройство: «Ob die Schöffen zunächst für eine einzelne Hundertschaft ernannt wurden und an anderen Dingstühlen der Grafschaft nur aushalfen, oder ob sie von vornherein Grafschaftschöffen waren, lässt sich nicht sicher ermitteln [Назначались ли шеффены поначалу для каждой отдельной сотни, в остальных судах графства исполняя лишь вспомогательные функции, или они с самого начала были шеффенами графства, со всей определенностью установить не удается (нем.)]» (*Schröder R.* Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 3. Aufl. Leipzig, 1898. S. 554). Но рядом с этой коллегией шеффенов, устройство которой в отношении к общинному представительству не вполне ясно, мы находим в Германии в иных местах вещателей права — Urtheilsfinder, Beisitzer, Geschworne, которые, несомненно, являются представителями отдельной общины и в этом отношении одинаковы с древними рахинбургами. Эти представители, как полагают, в некоторых местах сменяют шеффенов. «Im Gebiete des Bairischen Rechts lassen sich die Schöffen nur zur Mitte des 13-ten Jahrhunderts verfolgen. Ihre Stelle nahmen seitdem die Beisitzer oder Vorsprecher des Rechtens [В области действия баварского права шеффены встречаются только в середине XIII в. Впоследствии их место занимают заседатели или вещатели права (нем.)]» (Ibid. S. 554). Об Urtheilsfinder и т. д. см.: *Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung... § 81. S. 280—282.

заинтересованные в деле стороны: «И в суду быти у наместников, и у волостелей, и у их тиунов тех волостей старосте и целовальником, ис которые волости хто ищет или отвечает. А судные дела писати земскому дияку тое ж волости».

По правым грамотам времени этих судебников видно, что коллегия судных мужей составлялась также из выборных представителей соседних общин, во главе с сотскими, сотниками или старостами. Так, например, на суде между Симоновским монастырем и крестьянами княжеского дворцового Шипинского села сидят в судных мужах: 1) сотник соседнего Кистемского села с тремя крестьянами того же села, 2) сотцкой Сенитской волости с двумя крестьянами той же волости, 3) заместитель сотника Лотитцкой волости и двое крестьян; всего 10 человек судных мужей (1540 г.) В другом судном деле, около того же времени, судными мужами являются представители трех общин всего в числе пяти человек, из них один «в старостино место». В других случаях судные мужи выбираются, по-видимому, из одной или из двух общин в числе двух, трех, шести человек и во главе их стоит всегда сотский, сотник, дворский или староста[44*].

Выборным представителям общин часто приходилось быть судными «мужами». Сотник Передольской волости (в Малоярославском уезде) Карп вместе с «добрым человеком» крестьянином Никоником говорили судье: «Мы, господине, Никоник да Карп сотник приезжали есмя, господине, из Передоля... на Почяп в мужех многажды» (1496—1498 гг.).

[44*] *Судные мужи:* Белозерская уставная грамота // ААЭ. Т. 1. № 123. Судебники: АИ. Т. 1. № 105. С. 153. Ст. 19; № 153. Ст. 68; Судебник царя и вел. князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав царя и вел. князя Ивана Васильевича/Изд. С. Башилов. СПб., 1768. *Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. Т. 1. № 53. С. 74—75 (правая грамота 1540 г.; Бежецкий уезд на реке Кестьме). *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. № IX. С. 188 (правая грамота 1531 г.); № II. С. 128 (1500 г.); № III. С. 131 (1495—1497 гг.), 136.

На Белоозере в 1536 г. «на разъезде были мужи» из четырех волостей, всего 8 человек, из них 4 старосты (волостей Череповской, Угольской, Арбужевской и Шухтовской) (*Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. № 55 (1541 г.). С. 76). В тяжбе о межах между монастырями Кирилловым и Симановским в 1507 г. «на суде были мужи Череповские волости» — 4 человека — «да Симановский крестьянин» (*Беляев И. Д.* Образцы списков докладных и грамот правых и бессудных // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1855. Кн. II (первая половина). С. 135; ср.: *Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. № 20; *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 105 (1496—1498 гг.). О судных мужах см.: *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 41—49. О вещателях права см.: *Леонтович Ф. И.* Старый земский обычай // Труды 6-го Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1889. Т. IV.

Эти судебные права общины связывались с ее значением как особого судебного округа. В Германии до XIII столетия это значение особых судебных округов сохраняют обширные территории древних марковых общин или сотен. Затем, как выяснил Лампрехт, после распадения этих общин на более мелкие, после распадения сотен (Hundertschaften) на десятни (Zenderei), правительственные судебные округа по-старому сообразуются с границами этих новых обширных союзов. Иногда судебный округ ограничивается территорией одной общины-десятни, иногда же в состав его входит несколько десятен; но территория каждой общины сохраняет при этом свою целость. Только в новое время появляются новые судебные округа, границы которых уже не совпадают с границами древних общин и делят территории их на части.

Такое же значение судебных округов имели территории наших волостных общин, волостей и волосток. Судебный округ наместника, или волостеля, иногда ограничивался одной обширной волостью; обыкновенно же этот правительственный округ, или стан, обнимал несколько волостей; но волости при этом только механически соединялись в один стан, или присуд; границы каждой из них обыкновенно оставались неприкосновенными, и каждая община, не соединяясь с другими, стояла в непосредственных отношениях к наместнику. От каждой волости как обособленного целого являлись в суд наместника староста и добрые люди, если дело касалось одного из ее членов.

Судебная организация в это время тесно связывалась с организацией податной, тем более что князья и их представители смотрели на суд главным образом как на доходную статью. И все как судебное, так и податное правительственное устройство в это время одинаково опиралось на древние общинные союзы, на древние волости, сложившиеся помимо правительственного воздействия. Деревни в это время тянули к волости одинаково и данью и судом. Так, в жалованной грамоте 1421 г. великий князь говорит об одной волостной деревне, перешедшей во владение митрополита Фотия: «А что доселе та деревня тянула судом и всеми пошлинами к волости, к Талше, и нынечь та деревня потянет судом и всеми пошлинами к отцу моему Фотию, митрополиту Киевскому и всея Руси» [45*].

[45*] *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 237—238, 259; *Дмитриев Ф. М.* Указ. соч. С. 26—29; ААЭ. Т. 1. № 20; Новгородские писцовые книги. Т. IV. С. 227 («а тянуть тем деревням судом и всеми пошлинами по старине ко Пскову»). Случаи раздела волостей известны, но эти разделы стоят в связи с постепенным разрушением древних волостных союзов (о котором ниже), а иногда также с естественным разделением волости на волостки-общины меньших размеров. Я говорю в тексте об общем правиле, которое должно было строго соблюдаться в древнейшее время. О стане и волости подробнее см. ниже.

§ 12. Низший мирской суд

Высший суд рано перешел от общины-сотни в ведение представителей государственной власти, которых он интересовал главным образом как важная статья дохода. От древнего судебного полновластия мирского собрания осталось только участие мира в княжеском суде чрез выборных представителей. В ведении общины, однако, остался низший суд по делам гражданским и некоторым делам уголовным между членами общины.

О германской общине Маурер говорит, что ведению маркового суда (Märkergerichte) подлежали в особенности все дела, касавшиеся марковых угодий, споры относительно лугов, выгонов, изгородей, болот, вод, улиц, дорог и проч., но также и споры о праве собственности на имущества в пределах общинной территории. Общинным судом разбирались также, кроме дел гражданских, некоторые дела уголовные, посягательства против личной чести и телесной неприкосновенности (обиды и побои). Немногие сохранившиеся в памятниках указания дают основание заключить, что компетенция маркового общинного суда была довольно обширной и соответствовала приблизительно компетенции современных нам мировых судей [46*].

У нас от удельного времени не сохранилось никаких известий о соответствующем немецкому марковому суду низшем суде волостной общины. Но этот недостаток известий возмещается существующим у нас посейча́с мирским судом сельской общины. Здесь заключение от современности к древности дает очень надежный вывод. Современный наш общинный суд представляет собою, несомненно, наследие глубокой старины.

При освобождении крестьян Положение 1861 г. учредило волостные суды. Волостной суд, по этому положению, составляется из ежегодно избираемых волостным сходом 4—12 очередных судей и решает, руководствуясь обычным правом, все тяжбы ценою до 100 рублей, а свыше этого по обоюдному согласию тяжущихся.

46* В своем «Введении» (1853 г.) Маурер указывает только, что ведению общины принадлежало право суда во всех общинных делах, споры и обиды по делам марки-альменды, «все то, что мы обыкновенно называем теперь делами сельской, полевой и лесной полиции» (*Маурер Г. Л.* Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти: Пер. В. Корш. М., 1880. С. 177). В позднее же вышедшем труде «Geschichte der Markenverfassung...» (1856 г.) Маурер приводит несколько указаний памятников на то, что общинному суду подлежали также «die Streitigkeiten über die in der Mark gelegenen Güter» и «die unbedeutenden Händel der Markgenossen, ihre Raufereien und Schlägereien ...was späterhin zur Ortspolizei gerechnet worden ist [споры о землях, расположенных на территории марки, а также незначительные столкновения между членами марки, их драки и потасовки... все, что впоследствии входило в компетенцию местной полиции (нем.)]» (*Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung... § 92. S. 310, 312).

Закон в этом случае применялся к существовавшим уже по древнему обычаю народным судам. Но, устанавливая суд волости, закон выбрал слишком крупную единицу; волостной суд не удовлетворил поэтому потребностям жизни, и рядом с ним продолжал существовать сельский общинный суд. Рядом с волостным судом, говорит Оршанский [5], основываясь на «Трудах комиссии о волостных судах» [6], «в действительности главную роль как орган народного правосудия играет сельский суд, учреждение, совершенно неизвестное положению и не пользующееся никаким легальным авторитетом... Везде членам комиссии приходилось слышать, что все дела у крестьян разбираются предварительно сельским судом и только при несогласии сторон подчиниться его решению переходят в волостной суд. Встречаем такого рода сведение. В одной волости бывает в год дел около 50, но до волостного суда доходит не более 10; в другой из 20 дел до волостного суда доходит одно или два, в третьей — $^{1}/_{10}$ общего количества дел». В некоторых местах сельский суд является судом мира, сельской сходки; в других он состоит из сельского старосты и определенного числа добросовестных, в третьих — из старосты и двух стариков [47*].

Где же в древности решались те $^{9}/_{10}$ дел, которые теперь решаются на сельском суде, не восходя до волостного суда? Не может быть сомнения, что они так же, как теперь, решались общиной. В древнее время общиной, соответствующей нынешнему сельскому обществу, была волость, состоявшая из некоторого числа небольших деревень, и нынешнему сельскому суду соответствовал суд волостной общины. Если теперь крестьяне затрудняются обращаться со своими тяжбами в волостной суд, хотя он состоит из их же выборных представителей, то в древнее время они еще реже, только в крайних случаях, могли обращаться к суду наместника ввиду его дороговизны и отдаленности наместничьих станов.

§ 13. *Общинная ответственность за преступления*

Подобно тому как в отношении *дани* община связана была круговой порукой в уплате податей, так точно и в отношении

[47*] *Оршанский И. Г.* Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. С. 13—14. О суде древней волости Ф. Дмитриев [7] рассуждает так: «Города и волости сохраняли, и при княжеских чиновниках своих собственных старшин и начальников под именем дворских, старост, сотских и десятских, которые, вероятно, имели сначала свою долю судебной власти, потому что в древней России управление и суд всегда шли рука об руку. Что действительно эти земские начальники могли быть судьями в пределах своих общин, в этом нас убеждает даже и то, что в некоторых русских городах, особенно в Новгороде, тысяцкий имел право суда над черными людьми, но еще более те несудимые грамоты XV в., в которых ни слова не сказано об устройстве внутренней расправы. Очевидно, что в этом случае община управлялась и судилась посредством собственных своих старшин» (*Дмитриев Ф. М.* Указ. соч. С. 7).

суда на общине лежала круговая ответственность за некоторые преступления, совершавшиеся в пределах общинной территории.

Когда на волостной земле находили мертвое тело убитого человека, волость обязана была отыскать убийцу и, если не удавалось его отыскать, обязана была платить «вину», или «виру». Белозерская уставная грамота 1488 г. гласит: «А учинится душегубьство в коем стану или в коей волости, а не доищуться душегубьца, и они вины четыре рубли заплатят, в стану или в волости, в коей душегубьство учинилося». В других грамотах эта «вина» называется древним термином «вира» (или «вера») и «головщина». Так, по уставной грамоте, данной переяславским рыболовам, они обязаны были, если «не доищутся душегубца», платить «наместником за голову виры четыре рубли»; они должны были платить ее по круговой раскладке: «а заплатят виру всеми рыболовлими дворы» (в другой грамоте: «а заплатят веру *волостью*»). Охраняя крестьян от несправедливых вымогательств наместников и волостелей, князья поясняют в уставных грамотах, что ответственность падает на общину только за душегубство, только за умершего от руки убийцы: «А кого в лесе древом заразит, или с древа убьется, или кого зверь съест, или кто утонет, или кого возом сотрет, или кто от своих рук утеряется, а обыщут того без хитрости, ино в том веры и продажи нет» (1506 г.). В правой грамоте 1529 г. сохранилось упоминание об одном случае уплаты крестьянами головщины согласно этим постановлениям. Как записано в этой грамоте, старожильцы говорили: «На той, на Спасской земле, был убитый человек; ино, господине, и головщину платили Спасские... крестьяне между собою; а Гороховские волости крестьяне тогды тое земли отступилися и тое головщины тогды с ними не платили» (1529 г.) [48*].

Такую же точно ответственность общины за убийство, совершенное в пределах ее территории, находим мы и на Западе, но только в древнейшую эпоху германских Правд. Эти Правды определенно говорят об обязанности общин платить виру за мертвое тело. Кое-где, например в Силезии, о такой же обязанности общин упоминают и позднейшие источники. В Германии же в позднее средневековье источники о ней не упоминают. И только в лесных уставах XVII—XVIII вв. встречаются постановления об ответственности общин не за убийства, а за менее важные преступления, а именно за порубки в общинном лесу. Если община не могла захватить или, по крайней мере, обнаружить виновного, то она должна была возместить убыток и заплатить пеню. В этой

[48*] Уставные грамоты см.: ААЭ. Т. 1. № 123 (белозерская 1488 г.); № 143 (переяславских рыболовов, 1506 г.); № 144 (Артемоновского стана, 1506 г.); *Лихачев Н. П.* Сборник актов... С. 161—162; *Загоскин Н. П.* Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1876. Вып. II. С. 49—50.

общей ответственности членов общины за преступления проявляются те же тесные их общинные связи, что и в податной круговой поруке [49*].

IV. МИРСКАЯ ЗЕМЛЯ

§ 14. Общинные угодья

Средневековая волостная община, как и германская марка, не была общиною поземельной с общинным владением пашнями и с периодическими переделами. Волостные люди так же, как члены марковой общины, владели землею по праву собственности. Это известно нам из грамот того времени с достоверностью (см. ниже).

Тем не менее и при существовании частной собственности на землю наша средневековая община все-таки была, можно сказать, «общиной поземельной», если придать этому термину тот смысл, что волостной общине принадлежали некоторые поземельные права. Описанное выше мирское самоуправление с важными правами мира в отношении дани и суда связывалось с общинным владением угодьями и с высшей территориальной властью мира на все земли в границах волости.

Общинное владение угодьями, широко распространенное в Германии в средние века, Маурер в своих известных трудах по истории марковой, сельской и городской общины тесно связывал с гипотетической первобытной общиной, в которой не только луга, пастбища, лес, воды, но и все пашни, вся земля, как полагают, принадлежала нераздельно членам общины. Историки наши, отрицающие древность поземельной общины, указывают, ссылаясь на Фюстеля де Куланжа, что и древность германской общины является сомнительной, что указанная теория Маурера не может быть признана достоверной. Эта теория происхождения германской общины средних веков действительно не может быть признана вполне достоверной. Но эту *теорию* происхождения общины нетрудно отделить от *факта* ее существования в средние века. Если первобытная поземельная община с переделами земли времен Юлия Цезаря является гипотезой, то община средних веков, мирское самоуправление, связанное с общинными угодьями, представляет собою непреложный исторический факт, засвидетельствованный грамотами, сохранившимися в изобилии.

49* *Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. I. §. 139 (Die Haftung der Gemeinde, die sogenannte Gesammtburgschaft [ответственность общины, так называемая круговая порука (нем.)]). Эту судебную круговую поруку Маурер сближает с податною (Ibid. S. 350). Только в Силезии сохранились известия об ответственности общины за убийство от позднего времени в дипломах 1221—1261 гг. (Ibid. S. 351)

Общинные угодья, существование которых засвидетельствовано многочисленными памятниками средних веков, назывались *маркою, общею маркою*, а с XII в. также *альмендою* [50*]. В нераздельном общинном владении были чаще всего леса, но также «повсюду,— говорит Маурер,— принадлежали к общей марке пастбища, болота, торфяники, дороги и тропинки, общие воды, мосты — словом все, что не было поделено».

Кроме таких угодий, община владела сообща часто также и возделанными участками, пашнями, огородами, виноградниками. Во владение общины, по общему правилу, переходили всякие покинутые собственниками возделанные участки земли. Эти участки также причислялись к марке (марковой земле), или альменде — общему достоянию общины. Эти земли не состояли в общем пользовании, как общинные угодья, а сдавались общиной в аренду или в оброчное держание отдельным лицам на тех или иных условиях. Деньги, выручаемые за пользование этими участками, поступали в кассу общины; они расходовались на уплату налогов, лежавших на общине, или делились между ее членами [51*].

Наши источники дают достаточно бесспорных указаний на различные угодья, леса, луга, бортные ухожаи, рыбные ловли, состоявшие так же, как на Западе, в общем владении волостных общин. Как в рассмотренном выше мирском самоуправлении по части дани и суда, так и в отношении к мирским угодьям явственно видно тожество русской и западной общин средних веков по их юридической природе. Так же как в Германии, угодья состоят у нас в общем пользовании и общем владении волости. В лице своих властей — старосты, действующего в согласии с миром,— волостная община передает участки этих угодий в пользование своим сельчанам, как и посторонним лицам, за плату, которая идет в общую мирскую кассу, кладется «волости на столец».

В грамотах XV в., как и в позднейших, сохранилось большое число таких указаний на принадлежность волостям лесов и лугов в качестве общинных угодий.

Когда игумен Кирилловского монастыря, приобретя деревню в волости Угле, пожаловался великому князю, что у этой деревни нет лесу, то великий князь обратился к волости с приказанием дозволить игумену пользоваться волостным лесом: «От князь Михаила Андреевича на Углу старосте и всем христианом. Бил ми челом отец мой игумен Касьян Кирилова монастыря: что их деревня монастырская на Угле, Новоселки, и они ми сказывают, что у тое деревни лесу нет, ни жердья, ни дров усечи нет

[50*] Marca, marchia communis. Almeinda, Almende, Allgmeine.

[51*] *Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung..., § 12, 13. S. 35, 36; § 48. S. 175—176; *Idem.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. I. § 122. S. 291. Ср. в книге: *Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 49—51 [8].

же. И яз ему ослободил: где будет поблизьку их лес деревни, и яз велел ему сечи дрова, и жердье, и бревенье на хоромы. И вы бы ему за то не стояли» (1448—1468 гг.).

Грамота более позднего времени, 1587 г. говорит об обширном «диком, пустом» лесе, принадлежавшем искони Куской волости Унжеского уезда (река Унжа в нынешней Костромской губернии): «В обыску целовальник да 20 человек крестьян сказали... что того лесу верст на 20, да на 30; а бывал деи тот лес искони Куские волости». Прежде в этом лесу промышляли двое крестьян и платили оброк с промыслу; но они были убиты в войне с луговой черемисой лет 40—50 назад, и с тех пор, как объяснили волостные крестьяне, они «оброку с того лесу не дают ничего».

Кроме лесов и лугов (пожен, дорищ, наволоков), к общим владениям волости принадлежали в равной мере и вода, и всякие другие угодья. Рядная грамота XV в. о продаже Шенкурского погоста Василию Матвееву (Своеземцеву) от лица старосты Азики и его братии широко перечисляет владения этого погоста-волости: «А что Шенкурского погоста и земли, и воды, и лесы... и реки и мхи, и озера, и соколья гнезда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василью собе и своим детям во веки» [52*].

§ 15. Пустоши

Кроме общих угодий, состоявших не только в общем владении, но и в общем пользовании общины, как, например, леса, а частью луга и воды, в общинном владении состояли также и выморочные, и вообще бесхозяйные участки: дворы, пашни, сенокосы и проч. Волость распоряжается одинаково пустошами, т. е. запустевшими возделанными участками, деревнями и дворами со всеми их угодьями. Она или отдает такие участки в пользование крестьянам как полноправным членам общины с условием тянуть

[52*] АЮ. № 6 (около 1490 г.); РИБ. Т. II. № 27 (1448—1468 гг.); *Дебольский Н. Н.* Указ. соч. № CV; АЮ. № 172 (1587 г.); № 257 (XV в.). В этой последней грамоте, касающейся Шенкурского погоста, я опустил в тексте фразу: «и лесы лешнии, и реки, и лешнии реки». Слово «лешнии», известное только из этой грамоты. И. Срезневский (*Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2) оставляет без перевода (ср. у него слово «лѣх»). В отношении общинных угодий и пустошей я ограничиваюсь немногими ясными известиями, относящимися к волостным общинам XV и начала XVI в. Сведения новгородских писцовых книг, относящиеся к тому же времени, об общинных угодьях на владельческих землях и в дворцовых волостях рассмотрены ниже, в главе о барщине. Сведения об общинных угодьях, находящиеся в «Писцовых книгах Московского государства XVI века», я не привожу, потому что они относятся к общинам другого типа из небольшого числа деревень, свободных и частновладельческих. Эти сведения приведены П. Соколовским[9] (*Соколовский П.* Очерк истории сельской общины на севере России. С. 72—76).

тягло, или же сдает их внаем, причем плата идет в общую мирскую кассу.

Пред нами судный список 1529 г. о спорных пашнях и пустошах Гороховской волости на реке Клязьме, в нижнем ее течении, близ города Гороховца (в нынешней Владимирской губернии). Мы встречаем здесь те же самые мирские порядки, с которыми отчасти уже познакомились по грамотам, касающимся волостей Белозерских.

Относительно спорных деревень Дубровки и починка Деревнища, на которые заявлял притязание Евфимиев монастырь, волостной староста с крестьянами заявил, что 30 лет назад деревня на селище Дубровки была поставлена тремя братьями Кухмыревыми, причем волость с согласия мира дала им льготу на 10 лет. Место было выбрано неудачно: «ту деревню учала у них вода поимати». Кухмырев с братьями перенес хоромы на другое место, но и тут им «не почасилось» (не посчастливилось), и поэтому, прожив в той деревне лет пять, они ее покинули.

«И та, господине, деревня,— говорили крестьяне,— стояла пуста лет с 20, и хоромы, господине, развалялись да и погнили; только с той деревни одно избищо осталось; а се, господине, то избищо перед вами у того же починка стоит».

В эту покинутую деревню мир сажает нового жильца. «*И мы*, господине,— продолжали крестьяне,— ныне на том поле той деревни Дубровки на Деревнищах *посадили* Данилка Гаврилова сына Кухмырева, где преже того отец его живал».

В этой же грамоте подробно рассказано, как та же волость дала на льготу крестьянину Нестеру Мелехову невозделанный участок в лесу, где прежде у волости были «зимницы на убежище от татар». Нестер Мелехов так говорил судьям: «Яз, господине, тот починок почал ставити на великого князя земле и на зимнице на Объезде Раменьских деревень; а тому два года будет Николин день вешней, как его пашу. Рожь летось снял и ярь есми, господине, на том починку сеял и жал свою» [53*].

Когда судьи спросили прежнего представителя волости, старого сотского Василья Воротилова, то он подтвердил, что участок дан был Нестеру волостью на льготу: «А дал, господине, ему ту зимницу, Объезд, на льготу на 10 лет яз, Васюк Воротилов, поговоря с своею братьею и со всею волостью с Гороховскою».

В этих случаях волость дает участки на льготу с тем, чтобы о прошествии льготных лет крестьяне тянули тягло наравне со всеми волощанами, а вместе с тем вошли бы в состав волостной общины в качестве ее полноправных членов. В других же случаях волость сдает участки волостной земли внаем посторонним лицам,

[53*] Прежде чем начать пахать, он еще раньше, за два года, должен был подсушить лес: «а чертеж есми, господине, чертил, и лес подсушивал тому пятой год».

причем отношения их к общине ограничиваются уплатой цены найма, идущей в общинную кассу — так называвшийся «мирской столец». Так, например, в судном деле конца XV в. волостной крестьянин заявил, что монастырские крестьяне Махрищского Троицкого монастыря[54*] нанимали селище Лаптево у волости: «Те, господине, вси (монастырские крестьяне) пахали ту землю у нас наимывали Лаптевскую у нашого старосты у Ивана». Сначала землю сдавал внаем сам староста, затем один из крестьян, Давыдко, по уполномочию общины: «А после старосты, господине, тот Гридка наимывал то селищо Лаптевское, у мене, Давыдка, три годы. Яз, господине, Давыдко, у того Гридки имел наем, а клал есми, господине, всей братье на столец, с того селища Лаптевского».

Общие права волости на земли видны из грамоты белозерского князя середины XV в., которой он предоставляет Городецкой волости право выкупить пожни, которые принадлежали раньше двум крестьянам, Бренку и Семену Попову, и были заложены ими Кирилловскому монастырю. Залог волостных земель отдельными собственниками князь признает вполне правомерным, но, охраняя интересы волости, он разрешает ей выкупить эти пожни, перешедшие во владение Кириллова монастыря: «И яз пожаловал старосту Городецкого и всех крестьян, велел есми им те пожни у игумена Касьяна Кирилова монастыря с братьею выкупити, что будет в кабалах писано в Бреньковой да в Семеновой, и они им те деньги дадут, а пожни возьмут к волости, да владеют теми пожнями крестьяне... А доколе староста Городецкой со крестьяны тех пожен у игумена с братьею не выкупят, и игумен Касьян с братьею дотоле теми землями владеет» (1448—1468 гг.)[55*].

§ 16. *Территориальная власть мира*

Существо средневековой общины, на Западе — марки, у нас — мира, волости, заключается не в общинном землевладении, а в самоуправлении. В основе этого мирского самоуправления лежит территориальная власть мира на землю, связывающая нескольких собственников в одно сплоченное целое и обусловливающая все их права и обязанности по отношению к миру.

Существо древнейшей общины-марки не имеет ничего общего, как многие думают, с общинным, общим землевладением, с равным дележом земель между членами общины.

[54*] Владимирской губернии, Александровского уезда. Монастырь при впадении речки Махрищи в реку Молокчу.

[55*] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. № VII. С. 161, 166—168; *Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. Т. 1. № 30. С. 31; АЮБ. № 35 (1448—1468 гг.). Об упомянутом здесь Махрищском монастыре см.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Вып. 2. № 919.

Общинные права на землю ограничиваются: 1) правом собственности на неразделенные угодья и 2) правом собственности на выморочные и покинутые участки. В этих правах проявляется территориальная власть общины. Эта власть не исключает частного права собственности на землю отдельных членов. Эта власть представляет собою лишь dominium eminens, dominium indirectum рядом с правом собственности, dominium directum членов общины.

Из этой высшей территориальной власти общины проистекают ее права на лиц, владеющих участками общинной земли, в отношении дани и в отношении суда и расправы. Владение общинным участком налагает на лицо обязанности в отношении общины. Обязанности эти лежат на общинной земле и с земли переносятся на лицо, приобретающее участок ее в собственность.

С этим принципом сталкивался другой принцип феодальной эпохи: независимость, государственное самоопределение, иммунитетность крупного землевладельца-боярина, а наряду с ним князя и всех лиц, непосредственно зависящих от князя, его дружинников. Эти лица, бояре и дружинники, приобретая общинную землю, освобождали ее от лежавших на ней обязанностей, податных, судебных и административных, освобождали ее от тягла в широком смысле слова. Общинная земля становилась свободной, боярской землей. Это называлось обояриванье и окняжение земли [56*].

Когда все общинные земли стали землями княжескими в смысле государственного княжеского господства и общинное тягло, общинные права и обязанности поступили под высшую охрану князя, тогда для освобождения от общинного тягла, для обояренья земли требовалось уже всякий раз особое распоряжение князя. По общему же правилу, всякий, не исключая и бояр, покупавший общинную землю, должен был нести лежавшее на ней тягло.

Высшее право владения волостной общины на все земли волостной территории, или ее территориальная власть, наглядно проявляется в судных делах, в которых волостной мир в лице старосты и всех крестьян отстаивает принадлежность волости одинаково как запустевших деревень, так и деревень, состоящих в частной собственности отдельных волостных людей. Отстаивая принадлежность волости различных деревень и починков, представители Ликуржской волости говорят в 1498—1505 гг.: «Те деревни и починки изстарины земли великого князя Ликуржские волости, тяглые, наши».

Частные права волостных людей на их земли охраняются волостной общиной, которая при этом стремится охранить целость волостной территории.

[56*] Этот принцип выражается в земельном закладничестве. И в позднейшее время боярин, покупая тяглый двор, обелял его.

Территориальная власть общины проявляется в энергичной охране границ волостной территории. Любопытный пример этих отношений дает мировая грамота 1530 г. по спору между крестьянами Есюнинской волости в Белозерском крае и Ферапонтовым Белозерским монастырем.

Иск о землях предъявлен был слугою Ферапонтова монастыря не к волости, а к одному из крестьян, Гаврилке Ортемову. Но за этого крестьянина-ответчика вступается вся волостная община в лице старосты и двух крестьян, действующих «во всех хрестиан место Есунинские волости». И не доводя дела до суда, волостная община заключает мировую сделку с монастырем по иску, предъявленному к одному из ее членов [57*]. Восстановив старые межи и рубежи между землями волостными и монастырскими, волость так договаривается с монастырем о нарушении границ: «И мне, старосте Ивану Дорофееву, и всем хрестианом к ним за межу не лезти. А полезем мы к ним за межу пахати, ино на мне, на старосте и на всех хрестианех 50 рублев по сей записи. А полезу яз, игумен с братиею, ино на нас 50 рублев по сей же записи» (1530 г.) [58*].

[57*] «Се яз Иван Дорофеев сын Есунинские волости, да Левонтей Онофреев сын, да Малыга Грибанов и во всех хрестиан место Есунинские волости: что взял великого князя судью, Федора Нитина Ферапонтова монастыря слуга Дема Тарасов сын на нашего хрестианина, на Гаврилка на Ортемова в землях, и мы не тягався перед судьею, да обыскали есмя старые межи и рубежи».

[58*] АЮ. № 8 (1498—1505 гг.); № 154 (1530 г.). Выводы мои о существе русской волостной общины сходятся с выводами проф. Довнар-Запольского [10] об общине западнорусской в недавно появившемся исследовании его «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке» (Киев, 1905). Я изучал русскую общину по актам Московской Руси удельного времени параллельно с германской маркой. Он изучал общину Западной Руси по старым и новым документам той же эпохи (конец XV и XVI в.) изолированно, не сравнивая ее ни с московской, ни с германской. Выводы наши сходятся.

Западнорусская община так же, как наша, представляет собою союз многих сел, и называлась она *волостью* (с. 48). Выборные представители волости назывались сотскими, старостами и в особенности *старцами*. Старцы выбирались обыкновенно «на старченьство» ежегодно, весною (с. 55, 58). Старец имел право суда, кроме некоторых важнейших дел, подлежавших суду наместника или воеводы; в грамоте 1497 г. великий князь постановляет, что наместник не должен въезжать в Торопецкую волость и «не судити их, ни рядити; мает их судити и рядити старец их» (с. 65—66). Кроме судебных функций, на старце лежали функции «по сбору податей и доставке их в скарб (княжескую казну), главное руководство в волости по раскладке податей и повинностей, наконец, общее представительство волостных интересов», кроме того, «и общеадминистративные обязанности» (с. 76). Старец действовал совместно с миром: «Деятельность старца является отражением постановлений общинного собрания» (с. 80).

Члены волости владеют землею на частном праве собственности. «Огромная масса фактического материала», касающаяся «всех частей государственной территории и всех разрядов крестьянского и мещанского классов», свидетельствует, что «самостоятельные крестьянские участки

Охраняя общинную территорию, община охраняла и владения отдельных собственников в пределах этой территории. В пример

поступают в продажу, обмен, переходят по наследству, отдаются в заклад и обмен» (с. 102).

Права волости на эти земли, состоящие в частной собственности,— права территориальные. К этому моему определению приближается и определение проф. Довнар-Запольского. «Волость,— говорит он,— есть тяглый союз сел и города, обнимающий не только лиц, *но и территорию*. ими эксплуатируемую» (с. 106).

Угодья, незанятые земли и запустевшие участки (пустовщины) в пределах волостной территории состояли в распоряжении волостной общины. «Кроме фактически незанятой территории,— говорит наш автор,— у общины могли быть еще обширные угодия, входы в которые имела вся волость» (с. 138). «Мозыряне имеют право въезда в волостные пущи для рубки дров, строевого леса, в волостные реки и озера для рыбной ловли; это их право въезда распространяется на всю волостную территорию, „яко земля волостная зашла"» (с. 106). «Как власть административная и как податная единица, община заинтересована в том, чтобы удобные, но покинутые земли не избывали податей. Она поэтому имеет высшее распоряжение пустовщинами» (с. 138).

Волость представляла собою союз *сел* — небольших селений. Сельчане владели пахотными участками на праве собственности, но у сел обыкновенно были общинные угодья. «Нетрудно показать, что одно село или даже несколько соседних сел имели земли бортные, бобровые гоны, лес, выгон, которые к нему тянули. Этими ухожаями они распоряжались сообща, и если кто-нибудь нарушал их право владения, то вся община защищала свою землю»; село отстаивало ее «всею громадою» (с. 118, 119).

Итак, некоторые угодья состояли в общинном владении и пользовании отдельных сел; некоторые же угодья, так же как «пустовщины»,— в общинном владении всей волости как совокупности сел. Таково заключение, вытекающее из цитированных фактов и наблюдений нашего автора. Его заключение по этому вопросу о поземельных правах волости и села мне кажется не вполне отчетливым. Проф. Довнар-Запольский утверждает, что «только сельскую организацию можно признать поземельной общиной: селу, его части или нескольким соседним селам были присущи различные комбинации (?) коллективного владения». Под различными комбинациями здесь разумеются только общинные угодья; потому что хотя сельская община и владела иногда пахотными землями, но, как замечает сам автор, «широкого толкования этому факту придавать нельзя», потому что такие общие владения пашней были редки и случайны, они являлись, например, результатом «оплаты какого-нибудь грабежа со стороны соседа» (с. 136).

В такой же мере, как селу, присущи были «комбинации коллективного владения» (читай: общинные угодья) и волости. К волостным угодьям надо присоединить еще и общинное владение волости пустошами. Поземельное значение волости, таким образом, было, по существу, одинаково с поземельным значением села: «Поземельные отношения более сложной общинной организации — волости — сходны лишь в факте сознания известной цельности волостной территории, предназначаемой для эксплуатации отдельных сел и дворищ. Волостная община — тягло-административный союз. По отношению к распоряжению землей ее роль весьма ограниченна» (с. 137). Во многих случаях, однако, на деле волость в отношении общинных угодий могла иметь действительно меньшее значение, чем село. У мозырских крестьян летом было много *волостных* угодий. В других волостях преобладали угодья, тянувшие к отдельным селам, хотя рядом с ними могли быть и волостные угодья, леса или озера. Только в этом смысле может быть прав автор, когда он говорит, что роль волости в отношении распоряжения землей была весьма ограниченна.

такой общинной защиты частных владений Лампрехт приводит обязательство, данное общиной (universitas) монастырскому подворью, стоявшему на общинной земле, охранять его владения против всякого, кто заявит на них притязания. Совершенно такое же обязательство общинной защиты монастырского владения находим мы и в наших грамотах. Староста, целовальник и все крестьяне Никольского Пудожского погоста, дав Палеостровскому монастырю земли и воды под мельницу (в погосте на черном лесу), вместе с тем обязались: «А кто учнет их обижать или с места сживать, наши волостные люди, *и нам их от тех людей оборонять*, да в том мы им нашу землю и воду и данную дали» [59*].

V. МИРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

§ 17. *Церкви и монастыри в волостной общине* [11]

«Марковая община,—говорит Маурер,— была также и общиною религиозною». По мере увеличения населения в марках появлялось большею частью по нескольку церквей; но древнее единство марковой общины в церковном отношении сохранялось, так

[59*] *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 287. («Universitas villarum Diepach et Manninbach [община селений Дипаха и Маннинбаха]» обязывается по отношению к Ravengiersburger Klosterhof [Равенгирсбургскому монастырю] «ad conservationem juris et libertatis curtis et bonorum (monasterii) operam pre aliis ampliorem (dabimus), etiam contra omnem hominem dictis juri et libertati (curie) contrarium facientem; ad quod se dicta universitas sponte astringit pro se et suis successoribus [в целях сохранения прав и свобод двора и достояния (монастыря) наложить на нее (общину) наибольшее перед другими обязательство, а именно (действовать) против всякого человека, нарушающего право и свободу(двора), в чем названная община добровольно обязуется за себя и за своих наследников (лат.)]»; *Барсов Е. В.* Палеостров и его значение в Обонежском крае // ЧОИДР. 1868. Кн. I. № 26 (1617).

«Кто живет в марке, пользуется водою и лугом, тот должен помогать марке в ее нужде» — так обосновывали немцы обязанность марковой защиты и помощи (см.: *Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung... S. 189: «Altensbauer Freiheit» von 1570: «Wer in der Mark wohnet, Wasser und Weide geneusst, muss auch der Mark Noth helfen tragen»). Помощь соседу выражалась особенно в поддержке на суде: «Как в более ранние, так и в позднейшие времена члены деревенской общины или соседи являются в качестве свидетелей и соприсяжников во всякие суды, в которые только имеют доступ, особенно по земельным тяжбам» (*Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. I. S. 335). Что касается земельных прав общинника, то вся община должна была защищать их от посягательств: «Nostrum est illi succurrere et defendere contra quemlibet impetentem [Мы должны ему помогать и защищать от всякого, кто на него нападает (лат.)]» — цитата XII в. (Ibid. Bd. II. S. 132); *Маурер* едва ли основательно связывает эту защиту с принадлежавшим общине контролем над земельными сделками. Наши правые грамоты XV—XVI вв. сохранили много указаний на такую же взаимную защиту общинников. Староста и волостные «люди добрые» постоянно вызываются в суд в качестве свидетелей по земельным тяжбам.

как одна из этих церквей считалась главною церковью марки. В таких главных церквах собирались в средние века древние марковые суды, так называвшиеся хунддинги [60*].

Наша волостная община средних веков, одинаково с немецкою маркою и французской коммуной, была также общиною церковною. Писцовые книги, описывая общинные церкви, отмечают, что они сооружены на мирские средства, стереотипною фразою: «*Все церковное строение мирское*». Мир сооружал церковь; попы были выборные; мир выбирал их и отводил им землю для ведения церковного хозяйства; где оно было обширно, мир иногда выбирал еще особого церковного приказчика.

Мирская церковь имела тесную связь с мирским самоуправлением; церковная трапеза служила, как сказано выше, местом мирских сходок; в церкви хранилась мирская казна; выборный сотский был часто церковным старостою.

Церковный приход не всегда совпадал с волостною общиною. Иногда несколько небольших общин пользовались одною церковью. Так, например, Лодомская волость в XV в. не составляла особого прихода и в церковном отношении была объединена с волостью Пурнаволоцкой на устье Двины. Только в 1536 г. она обратилась к архиепископу новгородскому Макарию с просьбою дать благословение на постройку особой церкви на Лодме, объяснив, что церковь на устье Двины «от них поудалена верст за 50» и притом стоит от них «за мхи, и за болоты, и за водами», так что «в том им нужа великая бывает».

В некоторых волостях вместо церквей сооружались мирские монастыри. Такой монастырь был на Двине в Чюхченемской волости. Монастырь был небольшой, с двумя церквами; ему принадлежало 14 деревень, из них 11 в волости Чюхченемской и три

60* *Maurer G. L.* Einleitung... § 74 (рус. пер.: с 174—176); *Idem.* Geschichte der Markverfassung... § 51. Французская сельская община на владельческой земле, по мнению Люшера, была прежде всего общиною церковной: «Le village ... forme communauté (communitas, commune) et il a des pouvoirs, que ses habitants exercent collectivement. Il tient en grande partie ces pouvoirs de son organisation en paroisse; quelques-uns, plus anciens encore, remontent peut-être à l'époque de la propriété collective; d'autres résultent des nécessités mêmes de l'exploitation seigneuriale [Деревня... образует общину и обладает органами власти, в которых все ее жители действуют коллективно. Большей частью эти органы власти сосредоточивались в приходе; некоторые из них, более древние, возможно, восходят еще ко временам коллективной собственности; другие явились результатом самых естественных потребностей сеньориальной эксплуатации (фр.)]». Эта община как учреждение слагается, по мнению Люшера, из двух элементов: 1) община-приход, сооружающая сообща церковь и ведающая ее доходы, 2) общинные имущества (les biens communaux, называющиеся communia, commune), не только права пользования, но иногда и настоящие права собственности (*Luchaire A.* Manuel... § 210. P. 377). Не входя здесь в обсуждение вопроса об общине во Франции, я говорю об этом только для того, чтобы подчеркнуть, что связь между общиною и приходом ясна даже во французской общине.

в соседней волости Ровдогорской. В 1582 г. крестьяне заявили: «Поставили те церкви и монастырь строили из тех волостей, а те деревни к тому монастырю подпущали и прикупали прадеды и деды и отцы их... и монастырем и церковною казною и теми деревнями владели они ж и казну монастырскую у себя в волостях держали». Монастырь этот, таким образом, был в полном подчинении у крестьян: казной монастырской распоряжалась волостная община.

Цель сооружения мирского монастыря указана в этой же грамоте 1582 г.: деды, строя монастырь, говорили крестьяне, «прочили себе и своим детям и внучатам на постриганье и на поминок».

Мирские монастыри еще более, чем всякие другие, были домами призрения для престарелых и больных. «Когда крестьянин чувствовал,— говорит А. Я. Ефименко [12],— что приходит конец его рабочей силе, иногда же и заблаговременно, он делал в свой мирской монастырь вклад и получал из монастыря вкладную, договорный акт насчет условий, на каких он имеет поступить в монастырь... В силу этого договора вкладчик получал право требовать от монастыря обеспечения во всех своих потребностях не только для себя, но и для всей своей семьи, которая всегда приписывалась к вкладу» [61*].

Мирские церкви, подобно монастырям, были благотворительными учреждениями. На церковной земле в кельях жили нищие, которые, по выражению писцовых книг, «питались от церкви Божия». Они питались, вероятно, частью подаянием, частью на мирские средства церкви. Некоторым мирским церквам благодаря земельным вкладам крестьян принадлежали большие земли, десяток и несколько десятков деревень.

Новгородские погосты ко времени составления писцовых книг представляли собою не волостные общины, а правительственные округа; земли древнего погоста-общины были расхищены боярами; след древнего общинного единства сохранялся лишь в объединении правительственном.

61* Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. I. С. 915 (две церкви в одном селе — одна «постановленье вотчинниково» и в ней «все церковное строение вотчинниково», а другая — «поставленье мирское» и в ней «строенье мирское»). Ср.: Там же. Отд. II. С. 19, 24. Акты Лодомской церкви. № XVI (благословенная грамота арх. Макария, 30 июня 1536 г.) «Лета 7181-го, февраля в 14 день. Пошехонского уезду, Ухтомские волости, Кирилова монастыря, вотчины старого села Борисоглебского, поп Силуян Кирилов, да церковный староста Антроп Патрикеев, да выборные крестьяне (3 имени) и все прихожане того старого села, посоветовав о церковном строении и выбрали из прихожан своих... Дея Исаева, что ему ехать в мир и собирать в церковное строение... В том ему, Дею Исаеву, мирской и выбор дали» (ЧОИДР. 1897. Кн. II. Смесь). *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения. С. 77; Акты Холмогорской и Устюжской епархии (passim); АИ. Т. 1. № 211; *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Т. I. Обычное право. М., 1884. С. 264—266.

Остатком прежнего общинного единства являлись и погостские церкви. В некоторых погостах было по нескольку церквей; но одна из них была главною — та, которая находилась в центральном селении погоста, и некоторые погосты имели даже второе название, по имени такой центральной церкви. Так, Ореховский погост назывался иначе Спасским, по имени Спасской церкви, Передольский погост иначе назывался Никольским [62*].

VI. ДЕРЕВНЯ

§ 18. *Земельная собственность членов общины*

Члены волостной общины-марки, помимо права их на пользование общинными угодьями, владели землею на праве собственности. Они свободно распоряжались своими наследственными и приобретенными участками, как о том свидетельствуют многочисленные купчие и другие акты, германские и русские.

Земельные владения крестьянина назывались в Германии гуфой (Hufe, Huobe) или, по-латыни, mansus. Понятие «гуфа» обнимало все отдельное земледельческое хозяйство со всеми его принадлежностями, кроме движимости. Под этим словом разумеется двор с дворовыми постройками, поля, луга, лес, воды, а также права на пользование общинными угодьями [63*].

У нас понятию «гуфа», или «mansus», точно соответствуют термины «село земли» и «деревня» [64*]. «Селом» называлось все хозяйство, двор с усадебной землей (дворище), пашни и пожни и всякие угодья [65*]. В двинских купчих XV в. все принадлежности села обозначаются так: «Се купил Григорей Васильевич у Григорья у Семеновица земли село... и двор, и дворищо и орамые земли, и пожни, и притеребы, и ловища того села, где ни есть, по старини, чим владел Григорей Семенович». В другой

62* *Архимандрит Сергий.* Черты церковно-приходского и монастырского быта... С. 57.

63* *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 333.

64* *Mansus*, как предполагает Гримм, произведено от слова manere: пребывать, «сидеть». Если это так, то наше *село* и по словопроизводству соответствует слову «mansus» (*Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1828. S. 536; ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка... СПб., 1912. Т. 3 (слово «село»)).

65* «Границы поземельных участков-деревень, особенно в черных землях, определялись большею частью не искусственным размежеванием, а старинным обычаем. На это указывают выражения, которые так часто встречаются в грамотах: „Куда топор, соха и коса ходили" или „Что к той деревне изстари потягло". Участки составляли, следовательно, нечто цельное, в нераздельном составе переходившее из рук в руки» (*Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 99—100). Ср. выражение: «куда топор, соха и коса ходили» — с приведенным у Гримма: «wohin der Pflug und Sense geht [куда плуг и коса ходили (нем.)]» (*Grimm J.* Op. cit.).

купчей упоминаются, кроме того, «лесы и бобровые ловища и в поле участок... со всеми угодьи, где ни есть» [66*].

Слово *село* в этом значении, по-видимому, было древнейшим термином и дольше всего (до XV в.) удержалось на севере, на Двине. В других местах в это время, в XV в., вместо «село» говорили «деревня» — в том же самом смысле особого хозяйства. На Белоозере в начале XV в. игумен Кирилл покупает «деревню и с иными землицами и поженками, которыи землици и поженки доселе тянули к той деревне» [67*].

Как близко подходит к этим «деревне» и «селу земли» с землицами, пожнями и всякими угодьями немецкая «гуфа земли» (ein hove landes) с водами, лугами, лесами, полями и со всем тем, что к ней тянет (gehöret)! [68*]

Деревни этого типа, владения одного дворохозяина, составляли обыкновенно особые, отдельные поселки. Значительная часть деревень, описанных в наших писцовых книгах XV—XVI вв., состояли из одного двора. Большие деревни в несколько десятков дворов встречались редко. Население жило тогда более разбросанно, чем в наше время. По новгородским писцовым книгам, наибольший размер деревни, как замечает проф. Сергеевич, 8—9 дворов и встречается он нечасто. В большинстве случаев в деревне было 2—3 двора [69*].

Эти деревни в 2, 3, 4 двора возникли в результате деления деревни, одного дворохозяйства, на части. В писцовых книгах сохранились ясные следы единства деревни, состоящей из нескольких дворов. Хозяйство таких деревень, говорит проф. Сергеевич, «описывается не по отдельным дворам, а совокупно для целой деревни. После описи числа дворов и людей в них, если дворов несколько, обыкновенно читаем: сеют ржи столько-то, сена косят столько-то, т. е. все дворы. Затем в обжи, для платы государственных повинностей, положены не отдельные дворы, а каждая деревня как особое целое; исключения из этого порядка обложения весьма редки. Наконец, в громадном большинстве случаев доход владельца исчисляется с каждой отдельной деревни, а не с отдельных дворов. Все это говорит в пользу того, что первоначальный тип деревни — отдельное пашенное хозяйство с отдельным двором, что появление нескольких дворов есть результат деления основного двора» [70*].

66* АЮ. № 71, VIII, X. Ср.: «Се купи... пол села земли... половину всю без вывета, двор и дворищо и орамые земли и пожни и притеребы» (АЮ. № 19 (1532 г.)).

67* АЮ. № 72 (прежде 1427 г.); то же: АЮ. № 23 (1571 г.).

68* «Ein hove landes... mit vassern, wieden, buschen, velden und mit alle deme, daz dazu gehöret» (1342 г.) (*Lamprecht* K. Op. cit. Bd. I. S. 333, Anm. 4).

69* *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. III. С. 42.

70* Там же. С. 51. [На поле Н. П. Павлов-Сильванский отметил «совместную заимку», как другое условие возникновения деревень неоднодворных] [13].

Глава третья
ДРЕВНОСТЬ ВОЛОСТНОЙ ОБЩИНЫ

I. ЗНАЧЕНИЕ ВОЛОСТНОГО МИРА НА СЕВЕРЕ

§ 19. Тиуны и доводчики на Белом озере в 1488 г.

Права волостного мира, сложившиеся издревле, закреплялись в XV—XVI вв. уставными грамотами, замечательными хартиями общинных вольностей [71*]. Из этих хартий ясно важное значение волостной общины как основы древнейшего государственного строя, как твердого фундамента, на который опиралась зыбкая надстройка княжеского управления. Чтобы уяснить себе это, надо только читать статьи уставных грамот не отвлеченно, а сообразуясь с местностью того края, которому давалась уставная грамота,— Белого озера, Двины или Онеги.

Возьмем уставную грамоту, пожалованную в 1488 г. московским великим князем Иваном III «всем белозерцем». Что такое эти «все белозерцы», т. е. весь Белозерский край? Это обширная область, в которую входили не только берега Белого озера, но и все земли к северу от него до озера Воже, и к западу до озера Кубинского, и к югу по реке Шексне и ее притокам, с главнейшим из них, рекою Судою. К Белозерской области издревле причислялись все земли по верхнему и среднему течению реки Шексны до города Череповца и несколько ниже по течению этой реки. Этот край делился на три стана: 1) Заозерский, т. е. за Белым озером, на северном его берегу и к озеру Воже, 2) Надпорожский, т. е. над порогами реки Шексны, и 3) Городецкий, т. е. зависящий от города, города Белозерска; в состав его входили земли к югу от Белого озера, главным образом на реке Суде, отчего в начале XVIII в. этот стан назывался Судским (атлас Кирилова [14]). Пространство этого Белозерского края соответствует приблизительно трем современным уездам — Белозерскому, Кирилловскому (с уездным городом Кирилловым, возникшим из посада Кириллова монастыря) и Череповецкому [72*].

Весь этот обширный край уставная грамота вверяет только 13 княжеским чиновникам: наместнику с двумя его помощника-

[71*] Уставные грамоты: двинская 1397 г., белозерская 1488 г. и онежская 1536 г.// ААЭ. Т. 1. № 13, 123, 181. Онежская грамота была подтверждена Иваном IV в 1552 г., Федором Ивановичем — в 1584 г. и Василием Шуйским — в 1606 г.

[72*] Границы станов, однако, существенно отличаются от границ уездов. В Кирилловский уезд вошли земли Заозерского стана и небольшой части Надпорожского. Большая часть Надпорожского стана вошла в Череповецкий уезд.

ми, тиунами, и десяти доводчикам. «А наместником нашим,— сказано в грамоте,— у них (белозерцев) держат в городе и во станех два тиуна и десять доводчиков».

Тринадцать человек княжеских чиновников — от высшего из них, наместника, до низших, доводчиков,— на весь Белозерский край — это, конечно, очень немного. В наше время на той же территории хозяйничают многие десятки чинов администрации трех уездов: уездные исправники, становые приставы, судебные следователи и приставы, земские начальники, начальники тюрем, податные инспектора, не считая земских и городских общественных учреждений, управы, съезда, думы и прочее.

Из десяти доводчиков два, по уставной грамоте, должны были находиться в городе. Следовательно, на все три стана приходится только восемь доводчиков, от двух до трех на каждый стан. Незначительность этого штата княжеской администрации станет нам ясна, как только мы примем во внимание, что каждый из этих станов соответствует приблизительно нашему уезду, что каждый из этих станов обнимал в древности не один десяток волостных общин, боярских, монастырских и княжеских вотчин.

Не так давно, в 1889 г. [15], императорское правительство новой Российской империи заметило, что деревня после освобождения крестьян управляется сама собою, что, как ни многочисленны штаты уездной администрации, в деревне действительная власть принадлежит волостным и сельским сходам и их уполномоченным, волостным старшинам и сельским старостам.

Министерство внутренних дел и Государственный совет обеспокоились «фактическим безвластием в сельских местностях», «призрачностью» правительственного надзора за крестьянским общественным управлением и нашли, что «без ущерба для спокойствия и порядка в государстве» крестьянское самоуправление впредь «не может быть оставлено без бдительного надзора правительственных органов».

Издав закон 12 июля 1889 г., императорское правительство в помощь уездным исправникам и становым приставам послало в деревни земских начальников, чтобы обуздать самовольство крестьянских общин и в лице их создать «близкую к населению твердую правительственную власть».

За 400 лет перед этим московское великокняжеское правительство укрепляло свою власть над северными областями иным путем. Оно не увеличивало, а ограничивало до минимума штат своих чиновников, давая тем самым полный простор крестьянскому самоуправлению. Великокняжеский наместник, может быть, и постарался бы тоже укрепить свою власть, приблизив ее к населению, но его связывала по рукам и ногам хартия вольностей Белозерского края, дозволявшая ему «держать в городе и в станах» только десять доводчиков, не более.

В полную противоположность закону о земских начальниках 1889 г. уставная грамота 1488 г. стремилась не приблизить власть к населению, а, наоборот, отдалить ее от населения. Главная цель грамоты — не укрепить власть наместника, а оградить население от его злоупотреблений властью.

Ограничивая до минимума штат чиновников наместника, грамота вместе с тем предусмотрительно ставит преграды излишней близости их к деревне.

Когда доводчик едет по волости «для своего прибытка», он должен ехать один, «без паробка» и даже без запасной лошади: «А доводчику ездити по стану без паробка и без простые лошади, своего деля прибытка». И он имеет право останавливаться в деревне не долее полусуток: «А где доводчик ночует, туто ему не обедати, а где обедает, туто ему не ночевати».

Доводчики, двое-трое, жили в становом дворе, в одной из волостей, и выезжали отсюда в волости главным образом для следствия по уголовным делам, как нынешние судебные следователи.

В обширном стане, обнимавшем несколько десятков волостных общин и вотчин разных владельцев, не было, кроме этих двух-трех доводчиков, других представителей княжеской власти.

Кто же управлял деревнею, если доводчик и тиун наместника были от нее так далеко, в становом дворе, за сто верст, а от других деревень и за две сотни верст?

Мирской сход и староста волости. Волостная община самостоятельно ведала сбор податей, низший суд и полицию. Тиун и доводчик являлись в волость, только когда в ней возникало уголовное дело или начинался спор о границах ее территории с соседними волостями или крупными землевладельцами. К этим порядкам вполне подходят слова «фактическое безвластие правительства», которыми члены Государственного совета недавно характеризовали сельское общественное управление 80-х годов. На Белом озере в XV в. мирское самоуправление сохраняло вполне свое древнее значение главной опоры государственного порядка.

Значение мирского самоуправления усиливалось высшей выборной должностью сотского, общего представителя всех волостных общин стана. Сотский связывал эти общины в одно целое, в один земский мир стана. Он являлся посредником между волостным старостой и чиновниками наместника. В лице его тиун и доводчик имели дело не с разрозненными волостями, а с объединенным миром десятка и более обширных волостей. Свои кормы и поборы доводчик не имел права, как я говорил, собирать сам по деревням; но он, кроме того, не мог брать их и от волостного старосты, на которого он мог оказать давление: он должен был получать их от высшего мирского представителя, сотского: «А кормы наместничи и тиуновы и доводчиковы побо-

ры берут в станах *соцкие* да платят наместником и тиуном и доводчиком в городе».

Значение мирского самоуправления в древности наглядно рисует одна грамота 1513 г., касающаяся знаменитой Белозерской пустыни Нила Сорского. Место для этой пустыни выбрано было Нилом Сорским очень глухое, в 25 верстах от Белозерска, на окраине полосы поселений по кряжу холмов; к северу от нее тянулась лесная низменность, которая и до наших дней остается незаселенной на большой площади. «Дико, мрачно и пустынно то место, где находится скит,— так описывал его Шевырев в 40-х годах,— среди различных угодий, которыми так изобильна здешняя светлая, счастливая природа, трудно отыскать убежище более грустное и уединенное, чем эта пустынь. Можно представить себе, какая была здесь глушь в конце XV и в начале XVI в., когда жил Нил Сорский» [16].

Белозерский край в XV в., как сказано, делился на три стана и в каждом из этих станов был особый сотский.

При отводе земель Кириллова монастыря в 1482 г., кроме волостных старост, присутствуют постоянно и сотские тех станов, к которым тянули волости. Так, при отмежевании кирилловских земель от волости Словенский Волочек староста этой волости Гридя Микитин с другими отводчиками вел по меже, но на отводе «был сотцкой Микула Пестов» и двое добрых людей волости, из них один будущий староста (Оникей Шестаков). Тот же сотский присутствует при отводе земель другой волости, Федосьина Городка, принадлежавшего к тому же Надпорожскому стану: «А на отводе были сотцкой Микула Пестов, да староста Федосьина Городка Куземка Якимов».

При отводе кирилловских земель от волостей другого, Заозерского стана присутствует «сотцкой заозерский», Бориско Максимов, вместе со старостами двух волостей этого стана — Киуйской и Киснемской [73*].

Монастыри, основывавшиеся в таких глухих углах, устраивались всегда по типу укрепленной усадьбы; все его церкви и службы обносились сначала деревянной, а впоследствии каменной

[73*] О сотских на Белом озере см.: *Шумаков С. А.* Обзор грамот... С. 80 (отводная грамота 1482 г.). Сотцкий Микула Пестов: Там же. С. 90, 95, 102, 103, 106, 111. «Сотцкой Заозерской Бориско Максимов» и «староста Киснемской Ивашко Харитонов» и «Кононик староста великого князя волости Киуйской»: Там же. С. 115. На отводе земель в Карголоме под городом Белозерском присутствует, кроме Микулы Пестова, «сотцкой Иван Матшин» — по всей видимости, сотский третьего из белозерских станов, Городского (Там же. С. 102). В правой грамоте около того же 1488 г. отстаивает интересы города Белозерска «сотцкой Ивашко Обухов» вместе с его «товарищами городскими людьми». Это, по-видимому, сотский не Городского стана, а особый сотский города Белозерска. На этом суде присутствуют два названных выше сотских: надпорожский Микула Пестов и Иван Матшин, вероятно Городского стана (АЮ. № 5).

стенoю. Но Нил Сорский ввел у себя скитский устав, и до 40-х годов прошлого века кельи его пустыни стояли по-старинному разбросанно, далеко одна от другой, на окраине глухого леса.

После кончины Нила (1508 г.) старцы — их было всего 14 человек — стали опасаться татей и разбойников и в 1512 г. обратились с просьбою о защите в Москву, к великому князю. Московский великий князь Василий Иванович дает им свою грамоту. Кому же вверяет он охрану Ниловой пустыни от грабителей и разбойников?

Не своему наместнику, с его тиунами и доводчиками, а волостному миру. Великий князь обращается непосредственно к мирским властям двух волостей — Вогнемской и Соарской (Сорской), на земле которой поставлены были кельи скита,— и им, а не наместнику поручает защиту пустыни: «От великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Белозерские волости в Своару да Въгнему, старостам и десяцким и всем хрестьяном. Били ми челом старцы Ниловы пустыни, чтоб мне велети их беречи от татей и от разбойников. И вы бы их берегли от лихих людей, от татей и от разбойников накрепко, чтобы им не было обиды ни от какого человека».

Старцы пустыни жаловались великому князю не только на лихих людей, но и на свои внутренние неурядицы, на то, что некоторые старцы живут у них «безчинно, не по их уставу». И в этом деле князь обращается не к своему наместнику, а к волостному миру: если чернец, живущий безчинно, вон не пойдет, то волостные старосты и десятские должны, по просьбе старцев, его «выкинуть вон, чтобы у них не жил» [74*].

§ 20. Тиуны и доводчики на реках Онеге и Двине. Мирской самосуд

Это все порядки не одного Белозерского края, но и других северных волостей по рекам Онеге и по Двине. Уставная Онежская грамота 1536 г. одинаково с Белозерской грамотой 1488 г. охраняет древние вольности волостных общин. Эта грамота так же точно приказывает доводчику ездить по деревням без паробка и без запасной лошади, не ночевать там, где он обедал, и не обедать там, где он ночевал, не собирать самому свои поборы, а ждать, когда их соберут по деревням старосты и принесут ему на становой двор.

Белозерскому наместнику разрешалось иметь двух тиунов и десять доводчиков; онежскому — вдвое меньше, одного тиуна и четырех доводчиков, соответственно более чем вдвое меньшим размерам Онежской земли. Населенные пункты этой Онежской земли тянулись полосой по течению реки Онеги, на протяжении

74* ААЭ. № 157.

около 400 верст так же, как они расположены здесь теперь, по возвышенным берегам реки, среди болот, на сотни верст.

К Онежской земле принадлежали также: 1) берега озера Лаче, из которого вытекает река Онега; 2) прибрежье Белого моря близ впадения этой реки; 3) небольшой район в бассейне реки Северной Двины, по реке Мехренге, которая тянула к Онежскому краю, связанная с ним большим торговым путем с Онеги на Двину. Из четырех доводчиков онежского наместника один жил в этом районе, в стороне от реки Онеги в становом дворе, который помещался в сельце рядом с погостом при устье реки Мехренги.

Остальные три доводчика размещались по реке Онеге; один — у ее истока, в городе Каргополе, другой — при впадении в нее реки Моши, третий — в селении Турчасово. Три доводчика, три княжеских чиновника, на все течение реки Онеги, в 400 верст, и на озеро Лаче, длиною в 30 верст, включая и их притоки,— это, конечно, столь же незначительный штат княжеской администрации, как и десять доводчиков на весь Белозерский край. В наши дни на этой территории хозяйничает многочисленный штат администрации двух уездов, Онежского и Каргопольского.

Все нижнее течение реки Онеги и немногие поселки по берегу Белого моря принадлежали к Турчасовскому стану. От села Турчасова, где находился становой двор, до устья Онеги около 128 верст. Так далеки были (за 128 верст) власти великокняжеского наместника для волосток, расположенных на устье реки Онеги, и недалеко от устья, на ее нижних порогах, и по ее притоку Вангуду (волостка Вангудская). Кто же охранял здесь порядок? Единственно мирские старосты.

Позвать княжеского чиновника-доводчика сюда, на устье Двины, из Турчасова для охраны своих прав было трудно не только потому, что становой двор находился за 128 с лишко́м верст. Это стоило очень больших денег. Доводчику надо было платить «хоженое», т. е. прогоны, с каждых четырех верст деньга, «а на правду вдвое». Таким образом, чтобы позвать доводчика из Турчасова к устью Онеги, надо было заплатить хоженого 32—64 деньги.

В уставной Двинской грамоте 1397 г. находим мы ряд указаний на те же отношения власти к населению. В этой более древней грамоте — и иная архаическая терминология. Доводчики называются здесь «дворянами», и хоженое считается не на деньги, а на «белки». Наместник здесь с его «дворянами» живет в Орлеце. Людям, живущим в Орлеце или поблизости, позвать дворянина наместника не разорительно; они должны платить ему в Орлеце белку, в окрестностях до Холмогор, например, две белки. Но для более отдаленных мест это стоило в 20 и 30 раз дороже в сравнении с жителями Орлеца. В грамоте приведена

такса прогонов для различных местностей Двинского края. Жители Неноксы должны были платить за «езд и позовы» 20 бел, а жители Уны или Тоймы Нижние — 30 бел, в тех случаях, где жители Орлеца платили одну белку. Жители Уны и Неноксы при таких условиях, конечно, нечасто звали доводчика. Своей высокой таксою «позова» грамота сама поощряла эти отдаленные от Орлеца волости управляться помимо наместника и его чиновников. Она строго воспрещает крестьянский «самосуд» только в одном случае: когда кто-либо, изымав татя с поличным, отпустит его; в таком случае за «самосуд» взыскивалось в пользу наместника по Двинской грамоте четыре рубля, по Белозерской — два и по Онежской — рубль. «А опричь того самосуда нет»,— прибавляют одинаково все три грамоты, т. е. во всех других случаях за самосуд наместник не имеет права взыскивать денег.

Через полтораста лет после того, как написана была последняя из этих трех грамот (онежская 1536 г.), а именно в 1690 г., один из московских дьяков так доносил правительству из сибирского города Яренска: «Уездные, государь, люди в городе мало бывают; все сами промеж собою судятся; а государские подати выбирают промеж себя» [75*].

То же самое должен бы был сказать великокняжеский наместник на Белом озере и в других областях Русского Севера в XV—XVI вв. И великие князья сами охраняли этот порядок. Уставными грамотами они ограждали волость от слишком частых посещений доводчика и сами поддерживали древний мирской «самосуд».

§ 21. Земские реформы XVI в.

О слабости власти наместника и о силе мира свидетельствуют замечательные земские реформы времени Ивана Грозного.

В 30-х годах XVI в. в Белозерском и в Онежском краях почему-то усилились разбои [17].

Разбойники не только «убивали многих людей до смерти» на дорогах, но и нападали на села и деревни, грабили их и жгли. Крайне ограниченный штат чинов наместника был бессилен справиться с разбоями, и московское правительство отправило в помощь ему особых обыщиков. Но эти новые чиновники, усилившие власть на местах, были для земских людей горше разбойников. В своей челобитной белозерцы откровенно объясняли, что они не ловят разбойников потому, что им от обыщиков «чинятся великие убытки» и «волокита велика» [76*].

[75*] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. С. 460.

[76*] «Били есте нам челом о том, что у вас в тех ваших волостях многие села и деревни розбивают... И мы к вам посылали на Белоозеро обыщиков своих. И от наших де обыщиков и от недельщиков чинятся вам великие

Московское боярское правительство времени малолетства Ивана Грозного вполне признало силу этого аргумента и указом 1539 г., отозвав обыщиков, предоставило белозерцам самим расправляться с разбойниками. Оно предоставило им право выбрать особых «голов» для сыска разбойников и суда над ними. Жители Белозерского края должны были «меж собя свестясь все заодин» избрать «в головы» человека три или четыре детей боярских, старост, десятских и «лучших людей» в числе пяти-шести человек, и эти головы должны были обыскивать и судить разбойников, «пытая накрепко», и виновных, «бив кнутьем, казнить смертью» [77*].

Эти губные головы должны были ведать только дела о разбое; остальные уголовные дела по-старому оставались в ведении наместников и волостелей. Это был только первый шаг в развитии земского самоуправления XVI в.

За реформой 1539 г. следует реформа 1555 г., передающая земскому самоуправлению власть наместника в полном объеме.

Наместники, и волостели, и праветчики были «от городов и от волостей отставлены». Их власть перешла к «излюбленным старостам», или «излюбленным судьям», «выбранным всею землею». Место наместничьих тиунов и доводчиков заняли выборные целовальники и земские дьяки. Они и должны были ведать весь суд и расправу: «меж крестьян управа чинити и... доходы сбирати».

Необходимость этой реформы правительство объясняло постоянными столкновениями между наместником и подвластным ему населением. «Нам от крестьян,— писало правительство Грозного,— челобитья великие и докука была безпрестанная, что наместники наши и волостели и их пошлинные люди сверх нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие». Но если крестьяне жаловались постоянно на насилия наместни-

убытки. А вы деи с нашими обыщики лихих людей разбойников не имаете для того, что вам волокита великая. А сами деи вы разбойников меж себя без нашего ведома обыскивати и имати разбойников не смеете».

77* ААЭ. Т. 1. № 187 (губная Белозерская грамота 23 октября 1539 г.). Такая же, Онежская (каргопольская) того же числа: «И вы бы меж собя свестясь все заодин учинили себе в тех своих волостях в головах детей боярских, в волости человека три или четыре, которые бы грамоте умели и которые пригожи; да с ними старост и десятских и лучших людей крестиян человек пять или шесть» (ДАИ. Т. 1. № 31). По прямому смыслу выходит, что в каждой волости должно было быть выбрано в головы тричетыре сына боярских, кроме старост, десятских и лучших людей. Но ведь в некоторых волостях Белозерского края вовсе не было детей боярских. Думаю, что три-четыре головы выбирались на весь край. А их помощниками в каждой волости должны быть староста, десятский и пять-шесть лучших людей. В 1571 г. на Белоозере «у разбойных и татиных дел старостами» были двое лиц — Меньший Лихарев да Яков Гневашев (по фамилиям — дети боярские) «да с ними губные целовальники и дьяки» (ААЭ. Т. 1. № 281).

ков, то и наместники со своей стороны часто жаловались на ослушание крестьян, на их сопротивление власти: «А от наместников, и от волостелей, и от пошлинных людей нам докука и челобитья многие, что им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются, и кормов им не платят, и их бьют, и в том меж их поклепы и тяжбы великие».

На насилие наместника крестьяне отвечали открытым сопротивлением его власти, не давались под суд и били его доводчиков. А белозерцы открыто заявляли правительству, что не помогают его обыщикам в поимке разбойников, опасаясь убытков и волокиты.

Эта слабость власти наместника возмещалась в деле охраны государственного порядка силою мира. Реформы 1539 и 1555 гг., утверждавшие земское самоуправление, тесно связаны с древним самоуправлением волостных общин[78*]. Московское правительство решилось передать земству всю власть на местах, удалив наместников, потому, что жизненная сила волостного мира являлась в его глазах залогом успеха этой радикальной реформы.

II. ДРЕВНОСТЬ ВОЛОСТНОГО МИРА

§ 22. *Мир древнейшей эпохи*

Если на Севере даже в XV и XVI вв., когда московские великие князья превращались в государей-царей, мирское самоуправление ограничивало донельзя власть наместника с его тиунами и доводчиками, то не вправе ли мы предположить, что это мирское самоуправление имело еще большее или не меньшее значение в древнейшее время, когда власть великих князей была гораздо слабее? «Власть княжеская,— как это давно заметил Неволин,— постепенно распространялась, а не уменьшалась»[18]. Если даже в XV в. наместник Ивана III в северных областях не имел власти твердой и близкой к населению, то еще более далекой от населения должна была быть власть князя или его посадника в IX—XI вв., когда князья для сбора дани сами отправлялись с дружинами в «полюдье», которое проф. Владимирский-Буданов метко приравнивает к «военному походу, периодически повторяющемуся завоеванию»[19], или позднее со своими дружинами переходили из одного стольного города в другой, как бродячие рыцари.

[78*] О связи губных и земских учреждений с древностью С. А. Шумаков говорит: «Правительством в XVI в. не вновь вводятся земские учреждения, а лишь санкционируются и упорядочиваются прежние народные учреждения, давно уже жившие в обычае» (*Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства // ЧОИДР. 1895. Кн. III. С. 40). Подробности о губных и земских учреждениях см. в этом исследовании.

Эти отношения князей к населению ярко характеризуют постановления съезда сыновей Ярослава, состоявшегося вскоре после его смерти, т. е. после 1054 г. (и не позднее 1073 г.). Постановления этого съезда, изложенные в ряде статей краткой Русской Правды,— не законы, утверждающие какой-нибудь новый порядок управления или ломающие внутренние отношения между лицами и союзами-общинами. Князья в этой области отношений не могут еще идти против обычного права. Постановления княжеского съезда касаются единственно личных отношений князей к населению не как государей, а как частных собственников.

Эти постановления все сводятся к одному: оградить высокими вирами княжих мужей и княжеское имущество, княжеский двор и княжеские, так сказать дворцовые, села. Они объявляют, что впредь за убийство огнищанина они будут взыскивать 80 гривен, повышенную виру; и за княжеского конюха также 80 гривен, по бывшему уже примеру, «яко уставил Ярослав в своем конюсе, его же убиле Дорогобужци». Они объявляют...[79*]

И даже эти постановления, ограждающие их лично, князья издают не каждый отдельно для своего княжества, а обсуждают их на съезде и издают сообща, чтобы придать им силу круговой поруки княжеской семьи. Во всем этом вполне проявляется слабость княжеской власти, положение князей как завоевателей в чужой стране. Жизнь княжих мужей в отдаленных вервях, должно быть, часто подвергалась опасности, если князья нашли нужным оградить ее повышенной вирой. И княжеские холопы, кони, борти и т. д., должно быть, не раз подвергались нападениям со стороны населения, если князья на особом съезде нашли нужным обсудить и установить пени за нарушение своих имущественных прав.

Кто же охранял в эту эпоху государственный порядок? По всей вероятности, тот же волостной мир, который на Севере в XV в. был единственной властью, близкой к населению.

Волостная община на Белом озере, несомненно, явилась впервые не тогда, когда издана была уставная грамота 1488 г., а существовала гораздо раньше. И раньше она на Белом озере, как и повсюду, конечно не была создана сразу законом, какою-либо затерянной древней уставной грамотой, а сложилась сама собою, так сказать, органически.

Народные предания, сохраненные летописями, обыкновенно связывают древние учреждения с именами государей или правителей-реформаторов. Они не могут представить себе возникновение учреждения иначе как в виде создания его волей законодателя. Как солнце, луна, звезды и земля созданы были богом из

[79*] В рукописи оставлен пробел, незаполнимый на основании сохранившихся в рукописном наследстве Н. П. Павлова-Сильванского материалов [20].

ничего в семь дней творения, так точно и каждое учреждение должно иметь своего творца-законодателя, создавшего его из ничего в тот или другой год творения. Наши воззрения на происхождение права резко расходятся с этой старой гипотезой творения. Учреждения древнего права не создавались разом творцами-законодателями, а слагались в долгом, медленном процессе безличного самовольного развития.

Наша летопись приписывает устройство в Новгородской земле погостов княгине Ольге в 947 г. Точно так же английская летопись утверждает, что английские графства были разделены на сотни и десятни королем Альфредом около тех же времен (871—900 гг.)[80*]. Но мы вопреки этим народным преданиям думаем, что погосты и сотни возникли никак не в силу декретов короля Альфреда и Святой Ольги. Очень может быть, что эти государи сделали какие-либо распоряжения относительно погостов и сотен, упорядочивавшие или как-либо изменявшие их организацию. Отсюда, вероятно, и пошли предания о создании ими этих учреждений. Король Альфред и княгиня Ольга могли упорядочить как-либо погостскую и сотенную организацию. Но не они создали из ничего мирской строй погостов и сотен. Мы знаем, как мало истинно нового творит государственная власть даже в новой истории, когда эта власть несоизмеримо сильнее власти королей и князей IX и X вв., как часто веления реформаторов бессильны изменить главные устои социального строя и государственного порядка.

Тем менее под силу были крупные реформы государям IX в. И такое основное учреждение древнего строя, как мир, конечно, не было создано, а развилось органически.

Этот мир древнейшей эпохи, по всей видимости, был очень близок к волостному миру XV—XVI вв.

В Белозерской волости XV и XVI вв. легко могли сохраниться основы мирского самоуправления древнейшей эпохи, так как учреждения древнего права отличаются замечательной устойчивостью. Северная *волость*-община XV в. знакомит нас с древним *погостом* области Новгородской и с *вервью* южной Киевской земли. Это, по всей видимости, три разных названия для одного и того же учреждения — мира.

За глубокую древность этого учреждения, знакомого нам хорошо по актам XV и частью XIV и XIII вв., говорят, таким образом, все характерные черты древнего права: и слабость княжеской власти, отдаленной от населения, и органическое проис-

[80*] «Иде Олга Новугороду и устави по Мьсте погосты» (Новгородская I летопись[21]). Ср.: «Comitatus in centurias id est hundredas et in decimas id est tithingas divisit [Разделил графства на центурии, т. е. на сотни и на деции, т. е. десятки (лат.)]» (Ingulphus, XII в.[22]). См.: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1844. Bd. I. S. 139, 479.

хождение древних учреждений, и чрезвычайный консерватизм древнего права.

Все эти соображения подкрепляются сравнением нашей волостной общины с германскою марковой общиной. Я выяснил выше, во второй главе, что они представляют собою одно учреждение по основным чертам их устройства.

Чем же может быть объяснена эта близость русской средневековой общины к общине германской? Не заимствованием и не случайным совпадением, а одинаковым развитием под действием одинаковых условий и отчасти арийским родством русского права с германским. Русская община средних веков близка к германской, потому что они сложились в глубокой древности при одинаковых условиях начальной колонизации страны. И некоторые черты их, как, например, архаические наименования «сотский», «сотня» и другие, одинаково восходят к эпохе переселения народов, или расселения племен, к военному делению племен на десятки, сотни и тысячи.

§ 23. С 1421 г. до XI и X вв.

Все эти общие соображения подтверждаются данными древнейших памятников. Данные эти отрывочны и случайны; но если их сопоставить, не упуская из виду их случайности, то можно прийти к довольно достоверным заключениям.

В жалованных грамотах начала XV в. и XIV в. находим мы целый ряд указаний на волостные общины в различных княжествах. Московский великий князь в грамоте 1421 г. говорит о «волостной деревне», которая «доселе тянула судом и всеми пошлинами к волости к Талше». В том же Московском великом княжестве удельный углицкий князь в 1414 г. освобождает людей монастырского села от подчинения волостным властям, определяя, что впредь «ни к дворьскому, ни к сотскому ненадобе им тянути ни во что». И звенигородский удельный князь того же княжества в 1404 г. дает ту же привилегию монастырским людям: «Ни к сотскому, ни к дворскому, ни к десятскому с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы и в размет»[81*].

Волостная община XV в. теперь нам ясна. Грамоты XV и XVI вв. дают нам точный, отчетливый рисунок и ее устройства, и ее значения. Грамот этого времени не так много, и при их свете, как бывает при лунном освещении, некоторые черты остаются в тени, но главные линии рисунка выступают вполне отчетливо.

От этого XV в. нам предстоит спуститься в глубь древности, к X и XI вв. Киевской Руси. В этой древности уже не лунный свет и тени, а только слабые проблески... Здесь нет ничего подобного обстоятельным уставным грамотам, а только несколько

[81*] ААЭ. Т. 1. № 20, 19; АИ. № 15

отрывочных фраз Русской Правды и летописи. Понять эти фразы мы можем, только связав их с известиями более позднего времени, связав X в. с более ясным XV в.

Волостная община, вполне ясная нам по актам XV в., несомненно, существовала гораздо раньше. Я приведу ниже слова грамот, которые доказывают существование тех же самых порядков мирского самоуправления и в XIV, и в XIII в. И я полагаю, что от этих XIV—XIII вв. мы можем довольно уверенно сделать шаг к порядкам X—XI вв.

Мы бы сделали грубую ошибку, если бы решили, что эти грамоты 1404, 1414 и 1421 гг. доказывают существование волостных общин только в эти годы. Ведь грамоты не создают этих порядков, а только случайно упоминают о них; и порядки эти, повсеместно существующие, как видно из грамот, в Московском великом княжестве, сложились, столь же несомненно, задолго до этих грамот, за много десятилетий — по меньшей мере, если не за несколько столетий. Хороший пример того, как далеко в старину должно быть отодвигаемо существование волостных общин, с которыми мы знакомимся по грамотам XV в., дает одна правая грамота 1462—1464 гг. В этой грамоте разбирается тяжба Пехорской волости о нескольких озерах, деревнях и пустошах с Симоновым монастырем. Принадлежность этих земель к волости отстаивают сотский и двое десятских, которые говорят «за всю волость Пехорскую». И эта тяжба 1462—1464 гг. решается на основании жалованной грамоты, которая дана была на спорные земли монастырю около ста лет назад великим князем Дмитрием Донским (1363—1389) [82*]. Волость Пехорская с ее выборными властями, следовательно, существовала уже тогда, в 1363—1389 гг., и, несомненно, за несколько десятилетий раньше, восходя к 1300 г.

К тому же 1300 г., по меньшей мере, ведет нас тверская жалованная грамота 1361—1365 гг., которая также не впервые устанавливает волостную общину, а упоминает о ней как о сложившемся давно порядке. Она так же, как другие грамоты, освобождает монастырских людей от подчинения волостным властям: «Ненадобе им... никоторые пошлины к городу ни к волости... ни дворьскии, ни старосты ат не заимают их ни про что».

Кроме этих известий, у нас есть и более древние, до 1341 и 1270 гг. И эти известия также упоминают о погостах и о старостах как о хорошо известной и, следовательно, старой организации и, ссылаясь на «пошлину», отодвигают существование волостной общины еще дальше, к 1200 г. Известия эти относятся к Новгороду и к его северным областям по рекам Двине и Печоре. По грамоте Ивана Калиты 1328—1341 гг., привилегированным печорским сокольникам «ненадобе некоторая дань, *ни ко ста-*

[82*] АЮБ. Т. 1. № 52.

росте им не тянути». По грамоте 1293 г., на Двину с обращением к «старостам» атаман великокняжеских ватаг, ходящих на море, должен получать «*корм и подводы* по пошлине, с *погостов*».

Делая это распоряжение, по договору с Новгородом, князь Андрей Александрович ссылается на старину, «на пошлину», «как пошло при моем отце и при моем брате». Эти погосты, следовательно, существуют во времена Александра Невского [83*].

О тех же погостах и соответствующих им городских сотнях говорит древнейшая договорная грамота 1270 г.: «Кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянеть в свой погост» [84*].

И эта грамота 1270 г., и грамота 1293 г., ссылающаяся на пошлину времени более раннего, ведут нас за несколько десятилетий дальше, приблизительно к 1200 г. Еще дальше, за 1200 г., у нас известий этого рода нет. Нет данных потому, что нет таких грамот, в которых они встречались.

Это не умолчание источников, которое часто принимают за доказательство, а отсутствие источников.

Отсутствие грамот, однако, до некоторой степени восполняет нам летопись.

Летопись говорит главным образом о «*сотских*», выборных представителях *городов*. Но городской мир был одинаков с миром сельским: об этом свидетельствует позднейшая история общины и только что приведенные слова грамоты 1270 г., где городское сто ставится в ряд с сельским погостом. Это дает нам полное основание известия о городских сотских XII в. поставить в ряд с данными о погостах, восходящими к 1200 г., в доказательство глубокой древности общины-мира.

Летопись много раз упоминает о сотских разных городов. В XII в. сотские упоминаются в Новгороде (1118, 1195 и 1197 гг.), в Пскове (1178 г.), в Киеве (1113 г.) и несколько позже, в 1231 г., в Галиче. Древнейшее упоминание о сотских находится в рассказе о пирах князя Владимира под 996 г.; на эти пиры в своей гриднице Владимир уставил приходить вместе с болярами и гридями, его дружинниками, и другими нарочитыми мужами, также и «съцьскым (сочкым) и десяцьскым» [85*].

83* ААЭ. Т. 1. № 1, 3.

84* В грамоте 1305 г. то же сказано несколько иначе: «Кто купьць поидеть в свое сто, а смерд поидеть в свой погост».

85* Вышеприведенные известия относятся к городским сотским Новгорода, Киева, Галича и показывают, что эти сотские соответственно важному значению этих стольных городов занимали высокое положение; они вместе с тысяцкими являются в роли послов, участвуют в важных политических переговорах, они вместе с боярами участвуют в совете великих князей. Они были выборными представителями городских общин, и поэтому князья возлагают на них ответственность за действия общин, берут их заложниками вместе с боярами, на них гневаются за враждебные решения города и сажают их в заточение. Сельские сотские так же, как городские, бывшие выборными представителями сельских общин, соответственно мень-

Эти летописные известия дополняются уставом о церковных судах XII в. Давая привилегии соборным церквам в Киеве и Новгороде, великий князь Всеволод совещается с десятью сотскими Киева и со старостами: «Погадал есмь с владыкою и с своею княгинею и с своими боляры и с десятью сотчкыми и с старостами». На новгородских сотских он возлагает заботы о новгородском Софийском соборе: «А дом святый Софии владыкам строить с сотчкыми».

Кроме сотских, летопись упоминает также и *старост*, выборных представителей сельского мира. Ипатьевская летопись рассказывает, что в 1018 г. новгородцы «начаша скот (т. е. деньги) брати от мужа по четыре куны, а от *старост* по десяти гривен, а от бояр по осмидесят гривен».

Новгородская летопись говорит о старостах, рассказывая о том, как князь Яро́слав после победы оделял свое воинство-ополчение; прежде чем отпустить его «домовь», он дал «старостам по десяти гривен, а смердом по гривне, а Новгородьчем по десяти всем» [86*].

Все эти древнейшие случайные упоминания летописи о сотских и старостах при сопоставлении с ясными известиями о волостях и погостах-общинах XV—XIII вв. говорят очень много; подтверждая архаичность волостной общины XV в., они доказывают существование ее, но, конечно опять-таки не начало, в XI и X столетиях.

§ 24. *Сотский — centenarius. Сотня — centena*

Сотскими назывались по летописи выборные представители городских общин. На Севере в XIV—XV вв. назывался сотским также выборный представитель нескольких общин в границах одного наместничьего стана. А на Двине в 1397 г. сотский был выборным главою всех общин Двинской земли [87*]. Представи-

шему значению этих общин занимали менее видное положение. Эти сельские сотские, особенно в небольших общинах, иначе назывались *старостами*. Сотские первоначально назывались и сотскими и старостами, и в некоторых местах за представителями мелких сельских вотчин утвердилось название старост.

В договорной новгородской грамоте 1470—1471 гг. упоминаются *сотские* в селах: «А сведется вира, убьют сотцкого в селе, ино тебе взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны».

В новгородской же грамоте на черный бор около того же времени (1437—1462 г.) в соответствующем значении встречаем название старосты: «А где будет Новгородец заехал лодьею, или лавкою торгует или *староста*, на том не взяти» (ААЭ. Т. 1. № 87 С. 63; № 32).

86* Ипатьевская летопись (1018 г.) [23]; Новгородская I летопись (1016 г.).

87* В уставной двинской грамоте 1397—1398 гг. великий князь жалует «бояр своих двинских, также *сотского* и всех своих черных людей». Сотский и его подвойский упоминаются в этой грамоте также при определении размера пошлины, идущей в его пользу: «А сотскому и подвойскому пошлин-

тели сельских общин, погостов и волостей назывались обыкновенно старостами, но в некоторых местах, особенно в Московской земле,— тоже сотскими и сотниками [88*].

ка с лодьи по пузу ржи у гостя». Сотский является здесь в качестве общего представителя Двинской земли.

Но, как видно из грамот начала XV в., близких по времени к этой уставной, на Двине, кроме сотского, были в отдельных в гостях также особые представители, *старосты*. Особый староста упоминается в грамоте, относящейся к Княжеостровской волости: «Се позва Оксентей Григорьевич старосту Левонтея княжеостровьского и княжеостровчов дворянином на суд». В числе же рядцев в этой грамоте упоминаются староста «купечкей и сочкей» (Александр Романович). О таких двинских старостах говорит и грамота 1294—1304 гг. «к посадником и к сотником и к старостам» (ААЭ. Т. 1. № 1). В других грамотах сотский является в более видной роли судьи, вместе с посадником: «От посадника Якова Федоровича, от посадника Иева Тимофеевича, от сочкого Ивана. Се позва Уласке Тупичин Вячеслава и всих княжьостровчев на суд дворяны Степанком и Иванком, а ркя так» (*Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. // Исследования по русскому языку, изданные Академией Наук. СПб., 1903. Т. II. вып. 3. № 87, 88). Помянутый здесь сотский Иван Степанович является и в других грамотах. См.: Там же. С. 49.

88* В XV в. в жалованных грамотах московских князей и некоторых других при освобождении имений от волостного тягла постоянно упоминаются сотские или сотники: «Ни к сотскому, ни к дворскому не тянуть ни во что» (1439 г.). В тверских же грамотах в соответствующей статье встречаем вместо сотского старосту: «Ни дворский ни старосты ат не заимают их ни про что» (1437—1461 гг.). В другой же тверской грамоте того же времени встречаем и сотских, и старост· «А дворским, ни соцким, ни старостам теми людьми не наряжать» (АЮБ. № 31, V. С. 95 и др.; ААЭ. Т. 1. № 34, 35).

В противоположность этому в Московском княжестве в XV в. удерживается старое название *сотского* и равнозначащее название *сотник*. Это было, кажется, местное название московских владений. Хорошо известного уже нам белозерского *сотского*, который всегда называется так в актах Можайско-Белозерского княжества, московский великий князь тотчас по переходе Белоозера в его владение в конце XV в. называет по-своему — *сотником*. Это не было новое учреждение потому, что московская грамота обращается к сотнику в прежней связи — со всеми христианами и со старостами; это был только московский термин — «от великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Белоозеро сотнику городскому и всем христианом и... старостам» (ААЭ. Т. 1. № 73, после 1486 г.). В московских жалованных грамотах XV в. рядом с дворьским упоминается то сотский, то сотник (АЮБ, № 31). В грамотах углицких той же редакции, что и московские, одно и то же должностное лицо называется то сотником, то сотским, причем сотским оно называется только в стереотипной фразе-формуле: «ни к дворскому, ни к сотскому ненадобе им тянути ни во что» (ААЭ. Т. 1. № 19 (1414). Наконец, в Верейском уезде «сотники» являются именно в том значении, как на Белоозере старосты: они, как представители волостей (Ловышино, Турьи горы, Боболы), вместе со старожильцами отводят земли (до 1462 г.) (*Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. № 8; *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 209). В вологодской грамоте около того же времени (1467—1471 гг.) упоминается сотник городской: «А к сотнику к Вологодскому их люди с тяглыми людьми не тянут ни в какие протори, ни в разметы» (ДАИ. Т. 1, № 200. С. 353). «Сотский» и «сотник», несомненно, совершенно однозначащие названия. В правой грамоте конца XV в. (около 1498 г.) представитель Горохов-

Договоры противополагают купца, который идет в свое сто, смерду, идущему в свой погост; и добавление к Русской Правде перечисляет «10 ста» в Новгороде.

И как представители общин назывались «сотскими», так и сами общины назывались в древнейшее время *согнями.* В Новгороде название «сотня», «сто» утвердилось очень рано за городскими общинами, а сельские назывались преимущественно «погостами», по их средоточию — погосту (известное филологам перенесение названия с части на целое).

Но в некоторых местах, как, например, в Волынской земле, название «сто» долго сохранялось за общиной сельской. Из грамоты владимирского князя Мстислава Даниловича 1289 г. ясно, что в ней «сотнями» названы сельские, а не городские общины. Он наказывал «берестьян», т. е. жителей города Бреста и его волостей, за их «коромолу» особым оброком; «Со ста по две лукне (ср.: лукошко) меду, а по две овцы, а по пятинадцать десятков лну, а по сту хлеба, а по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур, а по толку со всякого ста, а на горожанах 4 гривны кун».

Ясное указание на то, что волость в древнейшее время называлась также «сотней», дает распространенный в XVI в. термин «сотная», обозначавший перепись людей, земель и даней отдельной волости, извлеченную из писцовой книги.

Эти архаические названия «сотский» и «сто», а вместе с ними «десятский» и «тысяцкий», раскрывают нам очень многое при сопоставлении их с такими же числовыми терминами германцев.

Сотни и сотские встречаются повсюду в странах, занятых различными германскими племенами. У франков и аламанов находим centena, у англосаксов — hundred, в Швеции и Норвегии — hundari (а также herath), у швабов — huntari. Еще больше известий о сотских. Сотский — centenarius и centurio — встречается у франков, аламанов, баварцев, вестготов, лангобардов.

ской волости на реке Клязьме называется то сотником, то сотским (два раза — сотник Фролко и два раза — сотской Фролко). В другой грамоте 1498 г. тот же Фролко называется сотским. Позже, в 1529 г., представитель той же Гороховской волости, Ондрон, называется старостою. Совершено так же Гороховской волости, Ондрон. называется старостою. Ондрон является в роли главы общины, действующего согласно с миром. Его же предместник Васюк Ворошилов в этой грамоте называется «старым (т. е. прежним) сотским». Судьи спрашивают его о распоряжениях, сделанных им в согласии с миром за пять лет перед тем. На судебном разбирательстве он является уже не в качестве представителя общины, а в качестве свидетеля. Из его показания видно, чтс пять лет назад он был таким же выборным главою общины, как позже староста: он говорит. что тогда (тому пять лет минуло) дал участок истцу, «поговоря с своею братьею и со всею волостью Гороховскою» (*Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 156—157, 167—168).

По известиям франков и саксов, он назывался по-германски hunno.

У англосаксов находим старейшину сотни (hundredes ealdor), начальника или короля сотни — в Норвегии и Швеции (heraths-koguunr) [89*].

Германские источники для древнейшей эпохи неизмеримо обильнее наших, и они дают точные указания на некоторые стороны сотни-общины. Так, Аламанская Правда начала VIII в. совершенно ясно говорит о собрании — мирском сходе членов сотни для суда в присутствии графа и выборного представителя общины, сотского: «Собрание, по древнему обычаю, да будет в каждой сотне перед графом или его уполномоченным и перед сотским». Словами наших грамот это можно перевести так: «Сходу каждого ста быти по пошлине перед посадником, или кому прикажет, и перед сотским».

Рипуарская Правда столь же ясно говорит о сходе (mallum) пред сотским или графом или же пред герцогом. И Баварская Правда говорит о собрании всех свободных в установленные дни, где назначит судья [90*].

На основании этого известия и многих других, которые здесь не место исследовать, Бруннер [91*] устанавливает, что сотня в древнейшее время была союзом лиц, общиной (Gemeinde), и выясняет ее важные судебные права. Община-сотня в суде имела решающий голос. Судья судит совместно с общиной. Приговор есть дело общины. Судья только «вопрошатель права». Приговор определяет община. Значение судьи, однако, не ограничивается ролью председателя на судебном сходе. Формально он именно решает дело, так как он именно постановляет приговор и тем придает решению, найденному общиной, силу веления права.

С течением времени из судебного схода, на котором все присутствующие принимают участие в судебном разбирательстве и в решении дела, выделяется особое учреждение *вещателей права*, уполномоченных общины. У франков вещает право не вся община, голосами всего схода, а особо выбранные семь рахинбургов; у фризов и некоторых других германских племен вместо семи выбирался один вещатель права.

Этим германским вещателям права, как я уже говорил, точно соответствуют наши «добрые люди», выборные представители

89* *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. 2 Aufl. Leipzig, 1887. Bd. 1. S. 160, 162.

90* Ut conventus, secundum consuetudinem antiquam fiat in omne centena coram comite aut suo misso et coram centenario (Lex Alamannorum. § 36). Ad mallum ante centenarium vel comitem seu ante ducem (Lex Ribuaria. § 50). Et omnes liberi conveniant constitutis diebus ubi judex ordinaverit (Lex Bajuvarorum. II. 14) [24].

91* *Brunner H.* Op. cit. Bd. 1. S. 203--209.

общины. Они хорошо известны нам по грамотам позднейшим, XV в. Но они несомненно идут из старины. Их архаичность устанавливается тем, что мы находим их не только у русских, но и у других славянских племен.

Наше *сто* и его выборный представитель *сотский* и наши *добрые люди*, вещатели права, ясно свидетельствуют о древности нашей общины и о ее глубоком родстве с общиной германской.

Наши вещатели права, конечно, ведут свое начало от судебного собрания сотни-общины, как и немецкие рахинбурги и шеффены.

Здесь сравнительный метод дает нам возможность восстановить с большим вероятием одну из сторон древней нашей сотни-общины, о которой молчат наши в высшей степени скудные источники древнейшего периода. Чертеж развития нашей общины двумя линиями из трех точно совпадает с чертежом развития общины германской; мы имеем полное основание восстановить неизвестную третью линию по чертежу германской общины, где она совершенно ясна.

В позднейшей средневековой общине, у нас и на Западе, мы знаем совершенно одинаковый суд правительственного чиновника совместно с выборными от общины: суд графа с цендером и шеффенами и суд наместника со старостой или сотским и с добрыми людьми. Этот суд графа с шеффенами идет, как ясно из западных источников, от суда народного собрания сотни (centena). У нас тоже были в древнейшее время сотня и сотские. Откуда же идет наш суд наместника с сотским и с добрыми людьми? Очевидно, тоже от судебного собрания сотни, как и на Западе, хотя о таких судебных функциях сотни у нас не сохранилось от древнейшего времени никаких известий.

Община Суд графа с цендером и с шеффенами	Община Суд наместника с сотским и с добрыми людьми
Сотня. Сотский. Судебное собрание сотни	Сотня. Сотский. . . . .?

Мне кажется, что по этим чертежам вопрос о существовании у нас судебного собрания сотни-общины решается утвердительно, конечно, не с математической точностью, но с той степенью достоверности, какая доступна нам в большей части вопросов при изучении первобытной эпохи [25].

Германская сотня-община ведет свое начало, как предполагают немецкие историки, от военного деления племен на сотни в эпоху переселения народов и раньше, в доисторической арийской древности. Когда племена оседали, названия их военных делений сохранялись и перешли на мирные общины и на занятые ими земли. Так, из военных сотен образовались сотни-общины, военные

сотники превратились в мирских старост, удержав старое название.

Это подтверждается тем, что у некоторых германских племен, у готов и вандалов, встречается, кроме сотского, и другое название — тысяцкий (millenarius), который некогда также должен был быть военным предводителем.

У нас, кроме сотского, также был тысяцкий. Новгородские и московские тысяцкие хорошо известны по летописям. И московский тысяцкий сохраняет древнее значение военачальника; он был начальником народного ополчения.

Наши сотский и тысяцкий точно так же, как германские centenarius и millenarius (иначе — tiuphadus), по своему происхождению связаны с древним военным делением племен на сотни и тысячи. Исследователи арийских древностей доказывают, что это деление обще всем арийским народам [92*].

§ 25. *Вервь*

Несомненное указание на древность того общинного устройства, с которым мы познакомились, изучая волостную общину XV в., дает Русская Правда [27] в статьях, относящихся к верви.

Я не говорю, что статьи о верви доказывают существование в древнейшее время волостной общины в том самом виде, в каком она известна нам по грамотам XV—XVI вв. Я говорю только, что эти статьи дают ясное вообще указание на древность общинного устройства, так как они показывают нам с несомненностью, что в XI в. существовал *один* из тех порядков, которые составляют существо общины XV в. В какой мере вообще вервь близка к волости, или погосту, об этом можно говорить только предположительно. Но что вервь одной стороной своего строя, единственно нам известной, близка к волости, это несомненно.

Это круговая ответственность волости-общины за убийство, совершенное на ее территории.

Выше я привел ясные постановления уставных грамот XV—XVI вв. об обязанности волости отыскать душегубца и, если она его не откроет, платить наместнику вину или виру (§ 13). В древнейшей из уставных грамот 1397 г. это постановление изложено так: «Оже учинится вира, где кого утепут, ине душегубца изыщут; а не найдут душегубца, ине дадут наместником десять рублев».

О такой же точно круговой ответственности верви за убийство говорит краткая Русская Правда в статьях, которые излагают постановления съезда сыновей Ярослава, состоявшегося между 1054—1073 гг. (скорее всего, в 1054 г.), следовательно, за 300—

92* Предполагавшееся рассуждение о тысяцких осталось не написанным [28].

350 лет до уставной грамоты 1397 г. Эти постановления говорят не вообще об уплате вервью вир за душегубство, а только о специальном случае убийства княжеского мужа, дружинника, огнищанина: «Аще же убиють огнищанина в разбои, а убийца не изыщуть, то вирное платити, в ней же вер(в)ной (верви) голова начнет лежати». Из предыдушей статьи видно, что вира за огнищанина, как и за других княжих мужей, взыскивалась в повышенном размере 80 гривен и что уплата ее вервью не относилась к тем случаям, когда огнищанин убит известным лицом в обиду: «Аще убьют огнищанина в обиду, то платить зань 80 гривен *оубийци, а людем ненадобе»*.

Это постановление съезда сыновей Ярослава говорит об уплате виры вервью за убийство одних только княжих мужей и этим существенно отличается от уставных грамот, которые возлагают ответственность на волость за *всякое* душегубство. Но это отличие объясняется особым характером постановлений княжеского съезда, о котором я говорил выше (§ 22). Постановления княжеского съезда имели специальную цель оградить от правонарушений только княжих мужей и княжие имения. При этом они, конечно, опирались на установившийся обычный порядок. Они только повысили размер виры, которая и раньше платилась за убийство огнищан, как и других людей, и возложили уплату такой виры на вервь в случае необнаружения убийцы, потому что и раньше с верви взыскивалась вира за убийство, совершенное неизвестным лицом на ее территории.

Общий порядок ответственности верви за всякое убийство, совершенное на ее территории, ясен из пространной Русской Правды. Эта пространная Правда представляет собою компиляцию, в которую вошли, между прочим, и изложенные постановления княжеского съезда с комментариями. Приведя цитированную выше статью об уплате вервью виры за убийство огнищанина в 80 гривен, составитель пространной Правды счел нужным пояснить, что вира платится и за убийство «людина», но в меньшем размере: «Паки ль людин, то 40 гривен». К этому он прибавил еще несколько пояснений об общем порядке уплаты такой «дикой виры», и эти пояснения тесно сближают порядки Киевской Руси с позднейшими порядками, известными нам по уставным грамотам.

«А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имени не ведают, ни знают его». Это значит, что вервь не должна платить виру за мертвое тело, найденное на ее земле, если нельзя установить факт убийства: по костям нельзя судить, убит ли человек или сам умер, если только по каким-либо признакам нельзя связать нахождение этих костей с известным случаем убийства (такой смысл имеют слова: «аже имени не ведают, не знают его»). Здесь устанавливается то же различие между всяким мертвым телом и телом убитого, которое устанавливают иначе,

описательно, уставные грамоты, забыв о старом кратком и не вполне ясном определении.

Это старое определение «а по костях и по мертвеци не платить верви», очевидно, соответствует статье уставных грамот: «А кто с древа убьется, или кого зверь съест и т. д. или кто от своих рук утеряется... в том виры и продажи нет» (1506 г.) [93*].

Эта круговая порука верви, эта «дикая вира», конечно, не представляет собою какого-либо специально русского учреждения.

[93*] По Русской Правде, на верви лежала круговая ответственность не только за убийство, но и за некоторые кражи, совершавшиеся на ее территории. Так, при краже бобра должно было «по верви искати татя, ли платити продажу». Из других статей пространной Правды видно, что дикая вира платилась вервью не только когда убийца не найден, но и за неумышленное убийство, совершенное членом верви.

Русская Правда ясно выделяет эти случаи: 1) кто «стал на разбой без всякоя своды: то за разбойника люди не платят, но выдадят и всего с женою и с детьми на поток и разграбление»; 2) «но оже будет убил или в сваде или в пиру явлено, то тако ему платити по вервиньне (по раскладке) иже ся прикладывають вирою».

Это очень древняя норма права, по которой вира за душегубство рассматривается не как кара, а как выкуп за убийство.

Составитель пространной Русской Правды в конце XII — начале XIII в. очень плохо понимал памятники, написанные за два и за полтора столетия назад, и жестоко искажал их своими комментариями. Излагал он свои добавления очень сбивчиво. Надо думать, не потому, что он недостаточно знал обычное право своего времени, а потому, что он запутался в своих стараниях, сохраняя текст древних статей, объяснить их вставками и добавлениями на основании порядков значительно более позднего времени. К тому же сбивчивость его изложения вследствие непонимания его вызвала множество ошибок у позднейших переписчиков. Такой совершенно искаженный и непонятный текст дает следующая статья: «Которая ли вервь начнет платити дикую виру, колико(?) лет заплатити ту виру, занеже без головника им платити. Будет ли головник их в верви, то зань(?) к ним прикладывает; того же деля (??) им помогати головнику, любо (??) дикую виру».

Статья: «Аже кто не вложится в дикую веру, тому людье не помогають, но сам платить». В такой общей форме статья эта совершенно не вяжется с остальными. Уплата дикой виры, как видно из других статей, была обязанностью верви. Как же отдельные члены могли «не вкладываться» в ее уплату? Надо полагать, эта статья относится только к тем случаям, когда вервь, зная убийцу, своего члена, все-таки соглашалась платить за него дикую виру по чувству товарищества, ввиду того что убийство совершено им неумышленно, «в сваде или в пиру явлено».

В таких-то случаях некоторые могли не признать неумышленности убийства, не признать его доказанным (если они не были на драке, которою заключился пир) и на этом основании требовать выдачи преступника, отказываясь от уплаты за него виры по раскладке. Таким-то лицам составитель Правды и грозит, что «аже кто не вложится в дикую виру», ему впредь в подобном случае тоже люди не помогут — «тому людье не помогают, но сам платит». Из этого следует, что единственной твердой нормой была уплата дикой виры за убийство, совершенное неизвестным лицом. Уплата же дикой виры за неумышленное убийство не составляла твердой нормы обычного права.

Она существовала в древнем праве и других славянских племен и в праве германском.

Из памятников славянского права о ней яснее всего и ближе к русским источникам говорит запись польского обычного права XIII в. Нашей верви и волости в Польше соответствует *ополе*, или vicinia, состоящее так же, как волость и, вероятно, вервь, из значительного числа деревень. «Если убитый найден будет лежащим в поле или на дороге,— гласит эта запись,— и неизвестно, кто его убил, тогда господин зовет к себе ополе и налагает на него вину за убитого, и если ополе не может указать на кого-либо, как на виновника убийства, тогда оно должно заплатить за убитого... Если же ополе скажет на какую-либо деревню, что в ней было совершено убийство, а деревня скажет, что она невиновна, тогда она должна очистить себя поединком или же уплатить за убитого». О том же ясно говорят польские грамоты XIII в.: освобождение сельчан от обязанности нести ответственность за голову убитого в границах их земель [94*].

Сходная круговая порука, общая ответственность за убийство, а также за кражи, существовала в древнейшее время и у германцев.

О ней ясно говорит Салическая Правда [28].

Ответственность за убийство, совершенное на земле селения (villa), падает на жителей этого селения. Их призывает прежде всего судья, они делают насыпь в 5 футов вышиною и в присутствии судьи кладут мертвое тело на насыпь с обязательством оставить его на этом месте.

Их зовет судья к ответу за это убийство на ближайшем судебном собрании (de homicidium istud vos admallo). Ответственность их, однако, меньше той, которая падала на наших вервников и волощан. Сельчане у франков должны были только очистить себя от подозрения присягою на суде, и в таком случае они не платили никакого взыскания. «Если же они дадут клятву и очистят себя присягой, то никакой виры с них не взыскивается» («Si vero jurant ... et se per sacramentum idoniaverint, nulla eis compositio requiretur»).

[94*] О круговой поруке в Польше, как и у других славянских народов, см.: *Собестианский И. М.* Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. 2-е изд. Харьков, 1888. Грамота 1221 г.: «In praedictis villis caput non solvent eo more, quo Poloni solvere consueverunt, nec condempnabatur in capite interfecti vel occisi, quod fuerit inventum in terminis eorum [В вышеназванных селениях они не платят за голову по обычаю, по которому имели обыкновение платить поляки, и они не подвергаются обвинению за погибшую или убитую голову, если таковая была найдена в их пределах (лат.)]» (*Stenzel G. A.* Urkunden zur Geschichte des Bisthums Breslau im Mittelalter. Breslau, 1845; *Собестианский И. М.* Указ. соч. С. 112). Книга польского обычного права, ст. VIII см.: *Helcel A.* Starodawne prava polskiego pomniki. Krakow, 1870. T. II. S. 18. Термина «ополе» здесь нет, оно переведено словом «gegenote».

На трудном пути из XV в. к X мы старались идти как можно осмотрительнее, чтобы не сбиться с дороги. И мне кажется, мы нашли много следов глубокой древности волостной общины. Ясные указания грамот, ведущие к 1200 г. Известия Начальной летописи о сотских и старостах. Сотни, сотские, тысяцкие — одинаковые с германскими, из одного арийского источника. Добрые люди — представители общины на суде, эти близкие родственники германских вещателей права. Наконец, круговая порука за преступления, связывавшая вервь одинаково с позднейшей волостью и с древней германской общиной.

Древнее происхождение общины-волости XV в. и погоста XIII в. становится несомненным, если свести вместе все эти различные указания. Но, мне кажется, можно идти и несколько дальше. Мне кажется, от погоста-общины XIII в. можно сделать шаг к верви-общине X в.

Что основные элементы общинного строя — сотские и старосты, сход и вещатели права, круговая порука за преступления — в это время существовали, это достаточно ясно из вышеизложенного. И в целом эти элементы должны были составлять учреждение, очень близкое к позднейшей волости-погосту.

И я полагаю, что волость-община существовала уже в это древнейшее время, в X в. и раньше, и что вервью и стом в это время на юге называлось как раз то, что в Новгороде называлось погостом.

Почему община и ее территория были названы «вервью» — словом, означавшим веревку? Предполагают, что община названа была так потому, что она вервью измеряла границы своих земель. Несостоятельность этого объяснения замечена давно. Размежевание земель если и производилось в ту отдаленную эпоху, то очень редко ввиду обилия свободных земель; и несколько столетий спустя границы волостных территорий оставались неразмежеванными, а если и размежевывались, то по разным пограничным признакам, без помощи веревки.

Недавно проф. Собестианский[29] сделал предположение, что слово «вервь» означало в древности в переносном смысле «род», подобно тому как латинское «linea» и французское «la ligne» означают не только веревку, но и связь родства [95*].

Но в западных терминах и порядках можно найти и другое объяснение, почему община-округ получила свое название от верви-веревки.

В Англии в некоторых местах судебный округ (от древней судебной общины) называется «rape», а в Голландии «reep» — словом одного корня с «rêp» «râp», что означает «веревка» [96*].

95* *Собестианский И. М.* Указ. соч. С. 115—116.
96* *Brunner H.* Op. cit. Bd. 1. S. 197. Ср.: Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1880. IV. S. 237.

Это объясняют тем, что места древних судебных сходов (ding, mallus) торжественно при открытии заседания ограждались протянутой на кольях веревкой; отсюда у северных германских племен места собраний назывались «священные узы» (Vébönd).

Может быть, «вервью» называлось собственно место схода, ограждавшееся веревкой, а с него название перешло на общину и ее земли, подобно северному названию «погост», которое также означало собственно центральный пункт погостской территории, место мирских сходов.

Но это, конечно, только предположение, на котором я не настаиваю[97*].

Глава четвертая

ОБЩИННОЕ УРАВНИТЕЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

I. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

§ 26. Община и переделы

Древнейшая вервь киевской эпохи представляется мне в формах очень близких к волостной общине XIII—XV вв. И так же как в погосте и волости, в этой верви не было общинного переделього землевладения.

На существующее у нас доселе общинно-переделное землевладение многие смотрели и некоторые смотрят еще как на остаток первобытного коллективизма. Этот взгляд развит в известном исследовании Лавеле[30] «Первобытная собственность»[98*].

Ошибка этих исследователей теперь очевидна. Общинно-переделное землевладение нельзя связывать с первобытными предками, так как в волостной общине XV—XVI вв. переделов, несомненно, не было. Волость владела многими угодьями и пустошами сообща, но пашни и сенокос принадлежали волощанам по праву собственности. Я привел уже выше достаточно данных, доказывающих, что крестьяне распоряжались своими участками как собственностью, продавали их, дарили и т. д. Общинно-

[97*] Можно указать еще один наш термин, относящийся к сходу и точно соответствующий немецкому. Сход назывался «Sprächa» от «sprechen» (говорить), как у нас «вече» от «вещать» (*Brunner H.* Op. cit. S. 196).

[97*] Соответственно этому и в германской марковой общине западные историки увидели остатки первобытного коллективизма. [Предполагавшийся обзор истории этого вопроса в русской и иностранной литературе остался ненаписанным][31].

переделъное землевладение несовместимо с этой свободой распоряжения крестьян своими участками.

Отсутствие переделов в древней волостной общине доказывается также отсутствием в древности условий, необходимых для возникновения переделов. Этот аргумент давно, еще в 1858 г., приведен был Чичериным. «Передел земли,— писал он,— может установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могут уходить с места и искать новых поселений. Но в то время, о котором мы говорим, земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили с места, но постоянно переходили с места на место. Как же тут образоваться переделу?» [99*]. А. А. Кауфман [32], хорошо изучивший на живой истории общины условия возникновения уравнительного землепользования и общинно-передельного землевладения, вполне признает силу этого довода. «Передел,— замечает он,— по очевидно справедливому мнению Чичерина, был совершенно несовместим с условиями населенности и землевладения в XVI в.» [100*].

Исследователи современной нам общины согласно выясняют, что основное условие возникновения передела есть земельное *утеснение*. Община приступает к переделу тогда, когда значительная часть крестьян начинает страдать от малоземелья. В общине уже нет свободных земель, и она переделяет все участки, чтобы за счет многоземельных помочь безземельным. Эта земельная теснота вызывает периодические переделы земли, чрез разнообразные промежутки времени (от 2 до 30 и более лет), в тех общинах, где они бывали раньше. Ею же объясняется и возникновение переделов в той или другой общине. Исследователи общины в Сибири, где во многих губерниях переделы возникли впервые на глазах исследователей, в 80-х годах, согласно говорят, что переход к общинно-уравнительному землепользованию начинается, когда «земельный простор сократился», когда исчез «запасный фонд земель», что «уравнение землепользования возникает при известной густоте населения», что «утеснение было главным двигателем развития общинно-уравнительного землепользования», что «земельная теснота является условием sine qua non *, необходимой причиной переделов» [101*].

Где же в древней волостной общине это земельное утеснение, условие, без которого нет переделов? Сделанное выше (§ 3)

99* *Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 99.

100* *Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 433.

* Буквально: без чего нет (лат.).

101* *Воронцов В. П.* К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902. С. 4; *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири: (По местным исследованиям 1887—1892 гг.). СПб., 1897. С. 66—67; *Качоровский К. Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие?: (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1900. Т. 1. С. 209.

описание большого запасного фонда земель, бывшего в распоряжении волости Словенский Волочек в XV в. и не исчерпанного ею в XVI в., дает на это ясный ответ.

Между отдельными областями древней Руси XV—XVI вв. были, конечно, большие различия в отношении земельного простора. Белозерский край был менее населенным в XVI в., чем Московский или Тверской, особенно поблизости от Москвы или Твери. В то время как в Словенском Волочке на деревню приходилось в среднем 3,5 двора, в Кушалинской волости, около города Твери, в деревне было в среднем около 4,5 дворов, а в московской Вохонской волости — 5 дворов.

В этой Вохонской волости запасный фонд лучших удобных земель к 1585 г. уже исчерпан, и здесь многие деревеньки стояли уже, как замечает писцовая книга, «на болоте». Здесь, таким образом, уже явилось то земельное утеснение, которое обусловливает переделы земли. Оно могло возникнуть и раньше в некоторых местах центральных поселений удельной Руси, около Москвы и Твери, где рано скучилось население.

Это утеснение, однако, должно было быть относительно меньшим в сравнении с тем, например, какое только в 80-х годах прошлого столетия вызвало первые переделы в Сибири. И оно, кроме того, парализовалось обилием свободных земель неподалеку, на окраинах того же Московского княжества или Тверского.

Как бы рано, однако, ни явилось земельное утеснение в некоторых местностях удельной Руси, все-таки оно могло возникнуть только в *некоторых* местностях и в немногих волостях и не ранее XIV в. И тем более нельзя допустить, чтобы оно встречалось уже в Киевской Руси IX—XI вв. Для Северо-Восточной Руси до XV в., и тем более для Киевской Руси древнейшего периода, типично было, конечно, не утеснение, а земельный простор, и для волостных общин этого времени типичен тот запасный земельный фонд, которым так богата была в XV в. волость Волочек Словенский. При таких же условиях в древних волостных общинах, без сомнения, не было общинно-передельного землевладения.

§ 27. Вольное землепользование и вольный захват

Какие же формы землевладения господствовали в древнейшей верви и волостной общине, если общинно-уравнительного землепользования в них не существовало? Какие формы землевладения предшествуют переделам и обусловливают их возникновение?

Для разъяснения этих вопросов собран и разработан богатейший материал трудами земских статистиков России и правительственных исследований Сибири[33]. Сводные работы В. В.[34], Кауфмана и Качоровского[35] на основании этого материала бросают луч нового яркого света в темную даль первобытного времени. Они освещают по-новому не только вопрос о проис-

хождении русской общины, но и важнейший общий вопрос социологии о происхождении земельной собственности и общинного землевладения.

Русские исследователи в отношении этих вопросов поставлены в наилучшие условия. «То, за чем западноевропейскому исследователю, — по замечанию А. А. Кауфмана,— приходится отправляться к индусам или американским краснокожим, к готтентотам или ботокудам, то, чего им приходится доискиваться в первом веке до или после Рождества Христова, то у нас в России может быть наблюдаемо воочию или изучаемо по свежим воспоминаниям. На необъятном пространстве нашей страны еще посейчас можно наблюдать всевозможные бытовые и хозяйственные типы, начиная от бродячих охотников и рыболовов или от типичных скотоводов-кочевников и переходя к первобытному земледелию» [102*].

Для изучения первобытного землевладения особенное значение имеет появившаяся десять лет назад работа М. А. Кроля[36] об общине в Забайкалье. По своим наблюдениям в Забайкалье он очень отчетливо рисует любопытнейший начальный момент развития землевладения в эпоху перехода от кочевого быта к оседлому земледельческому. Эти наблюдения, сделанные в 90-х годах, переносят нас, очевидно, в глубокую древность.

В эту эпоху земледелие уже существует, но права собственности на землю нет, нет ни личного, ни общинного *владения* землею и есть только вольное *пользование*. И совершенно ясно, почему нет земельной собственности. Потому, что в ней нет никакой нужды, нет условий для ее возникновения. В эту эпоху перехода от скотоводства к земледелию, когда только немногие еще начинают заводить пашню, земли — свободной и удобной для пахоты — чрезвычайное обилие. На Севере нашем есть до сих пор местности, где также очень много свободных, никем не занятых земель; но здесь, в лесистом и болотистом краю, обработка земли под пашни требует прежде всего отыскания мест более возвышенных и удобных и значительной затраты труда.

Обработка земли под пашню стоит минимальной затраты труда, если целина поднимается в степи, а не в лесу, где расчистка леса требует больших усилий. Здесь избыток не только вообще свободной земли, но притом земли совершенно удобной для обработки. Как ведется хозяйство при этих условиях? Пашня бросается через два-три года, при первых признаках истощения земли распахивается новый участок, через два-три года опять новый, и хозяин не заботится о брошенных участках, зная, что кругом еще много свободной земли. При этих условиях нет оснований для охраны прав на раз занятую землю и права эти не

102* *Кауфман А. А.* К вопросу о происхождении общины // Русская мысль 1907. Нояб.

охраняются; землевладения нет, а есть только вольное землепользование.

Эти теоретические выводы подтверждаются вполне наблюдениями М. А. Кроля над инородцами Забайкалья [37]. От пашен, на разработку которых затрачен значительный труд, они отличают «светлые», или «гладкие», пашни, распаханные без предварительной расчистки земли от леса, камней или кустарника. Такие «гладкие» пашни считаются за хозяевами только в течение того времени, пока стоит поставленная им городьба, и считаются общим достоянием, как только городьба снята или по прошествии немногих лет. Инородцы распахивают здесь по преимуществу наиболее легкие для разработки пашни; земли эти очень скоро истощаются, и на них, по оставлении в залежь, даже трава несколько лет растет плохо. «При такой системе обработки земли,— говорит Кроль,— для хозяина не имеет смысла содержать городьбу в целости, пока земля отдыхает; бросая пашни, он тотчас же нередко убирает городьбу и переносит ее на другое место; после этого связь его со старою пашнею чаще всего окончательно прерывается, а так как за сравнительно небольшой труд по поднятию целины он вознаградил себя достаточно, то незанятая земля естественно делается свободной для захвата» [103*].

Это — *вольное пользование*, или *вольница*. «Факт пользования,— по определению г-на Кроля,— не создает еще никаких длящихся отношений к земле; пользование начинается с момента начала эксплуатации данной земельной площади и кончается с ее прекращением» [104*].

Ясные указания на такое вольное землепользование найдены только у инородцев Забайкалья, а также у киргизов [38]. В других местах Сибири при изучении начального заселения страны исследователи всюду находят частную *земельную собственность*. Источником ее является ничем не ограниченный, или *вольный, захват*. Его так и называют крестьяне «захватом», «заимкой», «займанщиной», «вольницей», обозначая этим словом, однако, не

[103*] *Кроль М. А.* Формы землепользования в Забайкальской области // Материалы комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 10. С. 46—49; *Кауфман А. А.* Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. // Сибирский сборник. Иркутск, 1900. Вып. 2. С. 109.

[104*] *Кауфман А. А.* Земельные отношения... С. 131. А. А. Кауфман, принимая «вольное землепользование» Кроля, замечает, что «указания на существование подобной формы уже ранее имелись в литературе вопроса: именно в работе г-на Филимонова об общинных порядках в северо-западной Барабе». (Материалы по вопросу об эволюции землевладения. Пермь, 1895. Вып. 1). (*Кауфман А. А.* Земельные отношения... С. 94). В книге «Русская община...» (М., 1908. С. 259—260) Кауфман замечает, что «под этот тип несомненно подходят некоторые формы пользования у киргизов». Указываемые им наблюдения, относящиеся к некоторым одесским общинам и к вологодским зырянам, слишком неопределенны.

свободу пользования землей, а свободу ее захвата в собственность: «расчисти и твое», «кто бере, тот и оре». К. Р. Качоровский указывает, что это захватное, или заимочное, владение «не только типично для всей Восточной и большей части Западной Сибири и Средней Азии, но встречается до сих пор в заметных размерах и по северной, восточной и южной окраинам Европейской России» [105*].

Земля, освоенная по праву захвата, представляет собою полную собственность лица, ее захватившего. Это отчетливо выясняет М. М. Дубенский [39]: 1) «Участок леса, как бы обширен он ни был, захваченный под пашню, раз только лес уже зачерчен, считается во владении зачертившего, хотя бы последний не разрабатывал его многие годы. 2) Участок пашни, оставленный в залежь, считается во владении своего хозяина, и сколько бы времени он ни лежал без обработки, захватить его никто права не имеет... 3) Каждый владелец пашни может распорядиться ею по своему усмотрению; он может передать ее в чье-либо пользование на любой срок и может продать ее «навечно» не только своим односельчанам, но и посторонним» [106*].

[105*] *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 93—95.

[106*] *Кауфман А. А.* Русская община... С. 250. Что захват является источником *полной собственности*, это признают все исследователи сибирского землевладения. Но так как главной задачей их исследований было землевладение общинное, то и все они, каждый по-своему, затушевывают этот ясный факт господства частной земельной собственности. Почему? Потому что для них, по откровенному признанию А. А. Кауфмана, «весь смысл истории развития форм землепользования в Сибири заключается именно в победе общинного начала над личным» (*Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири... С. 60). Эта их специальная задача, эта предпосылка исследования ввела их в очевидное заблуждение. Хорошо выясняя, с одной стороны, право захвата как источника собственности, они, с другой стороны, говорят о какой-то особой «захватной форме землевладения» (Там же. С. 53—60). Другие, всячески уклоняясь от признания личной собственности, привлекают род или семью. Так, Дубенский утверждает, то «субъектом» этой «формы» владения является «род», и сам уничтожает себя следующим пояснением: «*Не в том*, однако, смысле, что данною землей владеют сообща все родичи, а в том, что владение, возникшее из захвата, *передается по наследству* из рода в род». Но ведь так передается по наследству всякая собственность! К. Р. Качоровский вместо рода берет семью и выводит из права захвата «*семейно*-захватное владение» как особую форму землевладения. Насколько искусственно сюда вместо «рода» г-на Дубенского привлечена «семья», это видно из следующего рассуждения г. Качоровского: «Заимщик, поселившийся вдали от селения и представляющий нечто вроде Робинзона на необитаемом островке уютного местоположения и удобных угодий, среди тайги или степи, без сомнения, называет всю окрест лежащую землю: *моя* земля, *моя* заимка. *Затем, когда семья этого первого заимщика разрастется или когда к ней приселятся* другие семьи... тогда на вопрос чужого человека: чья эта земля? — каждый из хозяев ответит: *наша*». Отсюда — *семейно*-захватное владение. Но если захват создает собственность, которая передается по наследству и делится между наследниками, то почему же каждый из наследников, как их отец или дядя, первый заимщик, получивший свою долю наследства,

Но если это так, если захват есть источник *собственности*, что признают все исследователи, то возможно ли говорить о какой-то особой «форме захватного землевладения»? Если первый заимщик имеет право как собственник передать свою заимку по наследству или ее продать, то, очевидно, уже во втором поколении, после первых насельников края, многие будут владеть землею не по праву захвата, а одни — по праву наследства, другие — по праву купли-продажи. В третьем поколении, чрез каких-нибудь 50 лет, число лиц, владеющих землею как наследственной или приобретенной собственностью, еще более увеличится. Все это будут собственники рядом с собственниками же, новыми заимщиками. Что же значат при этих условиях слова «захватная форма землевладения»? Такой особой формы землевладения нет, а есть только владение землей как собственностью, по праву первого захвата, так же как по праву наследства, покупки, мены и т. д.

§ 28. Ограниченный захват и отрезки

Рассуждая о развитии форм землевладения, изучаемые исследователи нередко ставят в начале развития одинокого поселенца в «диком поле» или в глуши тайги, являющегося «своего рода

не скажет: «Это моя земля»? И что бы он ни сказал о своей земле, семейная она собственность или личная, во всяком случае до того момента, «когда семья этого первого заимщика разрастется» и т. д., мы имеем возникающую из захвата *личную* частную собственность, и ничего более, и раньше «семейно-захватной формы» должны поставить «лично-захватную форму», если уже говорить о формах землевладения. Как неточно все это рассуждение К. Р. Качоровского, свидетельствуют еще следующие его определения: «где каждая семья обрабатывает землю отдельно для себя одной, там, значит, при отсутствии границ *и владение ею личное, семейное»* (с. 86) или *«личное право* семейно-захватного владения» (с. 99). Тут лицо совершенно отождествляется с семьей. Если так, то и семейно-захватное владение тождественно с лично-захватным?

Всячески уклоняясь от признания, что захват создает собственность, исследователи стремятся провести грань между владением по праву собственности и захватным владением. Г-н Дубенский признает только, что «подворно-наследственное владение по содержанию своему вполне *аналогично* захватно-родовому». Г-н Кауфман говорит не об аналогии, а о *сходстве:* «Сходное с правом собственности по своим основаниям, *заимочное право сходно* с ним и по своим проявлениям». Г-н Качоровский говорит, что «по объему личное право семейно-захватного владения *вряд ли в чем-либо уступает* обыкновенной личной собственности». Не находя различия по объему права, г-н Качоровский ищет «резкого отличия» в «основаниях» захватного права и находит здесь «некоторые своеобразные черты, достаточно резко отличающие его от чисто личной собственности». Каковы же эти основания захватного владения? «Главным из этих оснований представляется мне *труд*,— говорит Качоровский,— но несомненно имеют заметное значение также захват и давность» (с. 103). Ср. возражения А. А. Кауфмана: *Кауфман А. А.* Русская община... С. 250—257.

Робинзоном на необитаемом клочке земли»[107*]. Но Робинзон вообще мало пригоден в вопросах социологии, потому что человек есть «животное общественное» (ζῷον πολιτικόν). И одинокий поселенец не типичен для изучаемой эпохи начальной колонизации страны. Подселение посторонних лиц охотно допускается первоначальными заимщиками, потому что одинокая жизнь представляет существенное неудобство, а в тайге нередко оказывается «небезопасной»[108*]. Первые поселенцы должны были идти группами, теми или иными союзами, кровными или искусственными «родами» или «ватагами». Это обусловливалось прежде всего необходимостью защиты.

От такого расселения ватагами и ведет свое начало та власть союза лиц на территории, территориальная власть, которую я выяснил выше как один из элементов волостной общины.

Отдельные члены союза, домохозяева, занимали по праву вольного захвата каждый в свою собственность обширную площадь земли. Крестьяне и теперь еще в Сибири захватывают очень большие участки; при залежном хозяйстве они распахивают несколько пашен одну за другой, но брошенные в залежь пашни остаются в их собственности: довольно раз выкосить луг, чтобы навсегда приобрести на него права. Кроме такого действительного захвата в пользование, право собственности создается и символическим захватом, символическим «опахиванием» луга или «зачерчиванием» леса. В Сибири, «захватывая лесную землю, крестьянин,— говорит А. А. Кауфман,— сначала лишь „зачерчивает" деревья, т. е. снимает с них кольцом кору, или даже только делает на них зарубки в знак завладения землею... такой „чертеж" сразу поступает в исключительное владение зачертившего, и никто другой не имеет права приступать к его расчистке, хотя бы чертеж целые десятки лет оставался без дальнейшей обработки»[109*]. При захвате пашни проводят кругом борозду (захватные «склады» — отвороченные сохою пласты земли)[110*].

Большие участки, освоенные домохозяевами, все вместе составляли очень обширную площадь. Личные связи домохозяев, кровного или искусственного союза, переносились и на их земли. Эти земли связывались в одно целое, в территорию союза-общины. Кроме земель, освоенных отдельными хозяевами, в территорию эту включалось и много незанятых земель. В нее включались все

[107*] *Кауфман А. А.* Русская община... С. 245; *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 87.

[108*] *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. С. 49. Ср.: *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1901. Т. 2, вып. 2. С. 200.

[109*] *Кауфман А. А.* Русская община... С. 298.

[110*] *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 123.

незанятые земли внутри круга поселков, починков с принадлежащими им пашнями и покосами; лес, в котором двое или трое зачертили себе засеки, считался весь уже принадлежащим союзу; и все озерко, на котором поселился один, заняв часть его берегов, считалось все принадлежащим союзу.

Эта высшая территориальная власть союза, общины, или мира, лежащая над правом частной собственности, с течением времени все усиливается. Сначала она ничем не стесняет частных собственников в их наследственных правах на земли и в их новых заимках по праву вольного захвата. Затем во имя общего блага союза она ограничивает это право захвата, усиливаясь в отношении незанятых земель, а на следующей ступени развития налагает некоторое ограничение и на занятые земли, посягая на право собственности. Из этих ограничений сначала захвата, затем собственности и вырастает высшее ограничение собственности, проявляющееся в общем переделе земель. Эти важные моменты — ограничение захвата и ограничение собственности — прекрасно выяснили исследователи общины в России и Сибири и дают новое, более глубокое объяснение происхождения общинно-уравнительного землевладения.

Вольный захват сменяется *захватом ограниченным*[111*]. Мир ограничивает право вольной заимки, захвата свободных земель в пределах территории общины. Эти ограничения отчетливо выяснены исследователями Сибири 1887—1892 гг., потому что там в большей части края они застали в полном разгаре борьбу между вольным и ограниченным захватом.

Ограничения эти вызываются той же причиной, как и позднейшие переделы — утеснением, хотя, конечно, в иной, очень слабой степени, в виде не безземелья, а только некоторого сокращения простора для заимок.

Ограничения эти касаются прежде всего символического захвата, зачерчивания и опахивания. Когда зачертивший участок леса долго не приступает к расчистке, он теряет право на свой «чертеж». В некоторых общинах устанавливаются даже определенные сроки, после которых зачертивший лес и не приступивший к его разработке теряет на него право, в 15—10 лет; сроки эти сокращаются до 5, 4, 3 лет и наконец совсем исчезают: «на зачерчивание уже не глядят» и смело въезжают в чужой чертеж[112*].

[111*] Этот термин, найденный М. А. Кролем, выработан, в сущности, коллективным трудом исследователей. А. А. Кауфман и Дубенский, определив впервые сущность явления, говорили не о чистом и ограниченном захвате, а о «чисто-захватной» и «захватно-общинной» формах владения. Г-н Качоровский те же явления обозначает термином «неограниченное и ограниченное семейно-захватное владение». Предлагаю маленькую поправку к терминам М. А. Кроля — «*вольный* захват» вместо «чистый захват», в параллель его «*вольному* пользованию».

[112*] *Кауфман А. А.* Русская община... С. 298—299.

Затем возникают ограничения собственности и не на символический, а на действительный захват, на угодья, взятые в пользование. Права собственности на такие угодья ограничиваются известным сроком, а затем и вовсе отрицаются, если захвативший перестает ими пользоваться. Это относится главным образом к пашням, оставленным «в залежь». Исключительное право на распашку отдохнувших залежей ограничивается определенным сроком в 20 или 15 лет, и этот срок постепенно сокращается [113*].

При ограничении права захвата на пашни различаются пашни, потребовавшие предварительной затраты труда на их разработку, **в виде** корчевания леса, например, от пашен легко доступных для обработки. Собственность, по праву захвата, на степные пашни, не требующие предварительной расчистки, «светлые пашни» Забайкалья, отрицается вовсе и признается право собственности только на земли, расчищенные из-под леса [114*]. Здесь, таким образом, вместо права захвата основанием собственности признается только право труда, право, основывающееся на затрате труда («чья рожь, того и земля»).

Дальнейший шаг на этом пути — совершенное отрицание права захвата. Для завладения участком требуется санкция общины, это так называемые общинные *отводы*. Так же как раньше право захвата, отвод дает право собственности; участки отводятся по мирским приговорам «в потомственное владение отныне и навсегда», «которым местом он и его наследники имеют право владеть как своею собственностью» [115*].

При всех этих ограничениях захвата власть мира проявляется только в отношении «ничьих», т. е. никем не освоенных, или «мирских» земель. Община отводит земли пустые или выморочные (безродные), но отводит им в собственность. Это все еще ограничения только права захвата, этого источника собственности, но не самой собственности, не прав на наследственные или купленные участки. Ограничение захвата свидетельствует только об усилении территориальной власти мира.

Следующая ступень — ограничение собственности. В трудах исследователей общины эта ступень не выделяется, сливаясь с ограниченным захватом. Она, может быть, не так резко выделяется и в самом сознании крестьян как один из моментов растущей власти мира. Но с точки зрения права оно представляется как резкая грань между господством полной, неограниченной соб-

[113*] Срок владения залежами, по словам А. А. Кауфмана, сокращается и до 3 лет, и до одного года; «в конце концов исчезают все сроки, и пашня становится свободной для захвата, лишь только хозяин оставил ее без обработки» (*Кауфман А. А.* Русская община... С. 300). Это уже не ограниченный захват, а отрицание захвата, это уже вольное землепользование.

[114*] Здесь, следовательно, возникает при других условиях тоже вольное землепользование.

[115*] *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 132.

ственности и собственности, ограниченной властью мира. Это важнейший момент происхождения общинно-передельного землевладения. Эти ограничения земельной собственности, все увеличиваясь, приводят к тому ее отрицанию, которое выражается в уравнительном пользовании, а не владении землею.

На этой стадии развития, обусловливаемой уже значительным утеснением, возникают: 1) ограничения права распоряжения участками земли; 2) отрезки земли, частные поравнения, т. е. частичная экспроприация.

В Иркутской губернии, например, как говорит г-н Качоровский (по описаниям г-на Личкова [40]), «мир последовательно и постепенно ограничивает разными условиями сначала право завещания, потом продажи и, наконец, аренды: завещать, например, мир дозволяет лишь в пользу своих членов, а в пользу лиц посторонних или вовсе запрещает, или дозволяет лишь при отсутствии наследников, или, наконец, при условии своевременного на то согласия мира; для продажи тоже требуется согласие общества, или вообще мир запрещает продажу лицам посторонним» [116*].

Второе и более сильное ограничение собственности составляют *отрезки* земли от одного собственника в пользу другого [117*].

[116*] Там же. С. 139.

[117*] Эти отрезки исследователи называют *отрезками-отводами*, так как земля, отрезанная от одного, отводится другому. И этой терминологией сближают резко различные порядки: отвод земли ничьей или выморочной и отрезок земли от собственника. Ввиду этого для случаев первого рода надо бы усвоить термин *отвод*, для случаев второго рода — *отрезки*. К. Р. Качоровский признает резкое отличие отрезков от отводов: «Отвод земли от одних хозяев другим представляет уже известное *перераспределение* земли, т. е. несомненно является грубой зачаточной формой общинно-передельного землевладения». Он признает, что «этот момент так *существенно отличается* от предыдущих тем, что при нем община прямо отбирает часть участка (почти никогда целый) заимщика и тем и формально, и по существу уничтожает семейно-захватное владение в его принципе и проявлении» (*Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 135). И тем не менее он тесно сближает терминологически и теоретически эти отрезки с отводами, он видит в них четвертую ступень отводов и наравне с отводами, «совершенно отличающимися» от отрезков «формально и по существу», вводит их в одну стадию «общинно-отводного владения». Он замечает, что ступень отрезков «наступает *по внешности* легко и мягко». Но это же не резон для объединения в одно учреждений, разных по существу. А. А. Кауфман устанавливает «постепенный переход от *ограниченного захвата* к форме *общинно-уравнительной*, или душевой, через промежуточную форму *отводов*». В одну форму (форму землевладения?) объединяет он те же, так же как Качоровский, различные порядки, коренное различие которых сам признает. «Отводы,— говорит он,— имеют двоякий характер»: 1) «*отводы земель никем не занятых*», 2) «отводы-отрезки, носящие уже характер *частного поравнения*» (курсив автора). При этом он замечает, что «отводы первого рода задолго предшествуют вторым» (*Кауфман А. А.* Русская община... С. 307—308). Коренное, таким образом, различие «характера» и сильное различие во времени. Как же возможно при этих условиях отводы и отрезки объединить в одну «форму»?

Представляя собою с точки зрения права резкий перелом, они возникают в действительности мало заметно. Распространяются они, как говорит г-н Кауфман, «медленно и с большой постепенностью». «Дело начинается с отдельных отрезков от тех, у кого земли слишком много, и отводов тем, у кого земли явно недостаточно или чаще — совершенно безземельным» [118*]. «Во всех этих случаях,— замечает г-н Качоровский,— фигурируют два мотива: с одной стороны, особенно острая нужда в данном участке, за невозможностью найти подходящий свободный участок для того, кому отводят, и с другой — сравнительная ненужность этого участка фактическому его владельцу» [119*].

От этих отрезков, иначе частичных поравнений, уже нетруден переход и к общему поравнению, или переделу. «Действие последовательных отрезков,— говорит г-н Кауфман,— может быть уподоблено работе струга, который сначала срезывает только наиболее значительные неровности, затем начинает захватывать и более мелкие и постепенно превращает неровную поверхность в совершенно гладкую... Постепенно, без резкого скачка устраняется всякий явный, бросающийся в глаза избыток или недостаток в земле. Производство правильного передела тогда является только вопросом времени» [120*].

Эти наблюдения над формами землевладения, предшествующими появлению общинно-уравнительного землепользования, по живой истории общины сходятся с данными наших исторических источников.

В древнейшее время, в Киевской Руси, очень может быть, существовало вольное землепользование. Но не везде, а только в некоторых местах, где был не один земельный простор, но и земля, удобная для пашни без предварительной расчистки. Таких земель, не говоря о севере, и на юге было в древнейшую эпоху очень мало. Район лесов тогда шел к югу несравненно дальше, чем теперь. При составлении Начальной летописи еще помнили, что раньше около города Киева «бяше лес и бор велик». В то время леса были не только на правом берегу Днепра и его правых притоках, где жили древляне, но и на левых его притоках, в позднейшей Черниговской области, по реке Десне, где жили северяне «в лесех», по замечанию летописца, так же как радимичи и вятичи. В этих лесных районах, где пашню нельзя бросать с легким сердцем для другого, потому что на расчистку ее затрачен большой труд, должна была рано утвердиться земельная собственность. На существование ее указывает Русская Правда, назначающая 12 гривен, «иже межу переорет».

118* *Кауфман А. А.* Русская община... С. 309.
119* *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 135.
120* *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. С. 85; *Он же.* Русская община... С. 310.

На Юге и на Севере долгое время должен был первоначально преобладать *вольный захват*, потому что свободных земель было много[121*]. На такой вольный захват указывает старинное обоснование собственности: «куда топор, коса и соха ходили».

Но в тех местах, где сгущалось население, должны были рано появиться ограничения захвата властью мира. Такой *ограниченный захват* находим мы в белозерских волостях XV в. Здесь свободные земли могут быть заняты только с разрешения волостной общины; свободные участки леса крестьянам «дает волость, староста со крестьяны». Здесь, следовательно, в XV в. существуют те самые общинные *отводы* земли, которые наблюдаются поныне в Сибири.

В некоторых местах в центральной области, наблюдаются в XV в. и переделы земли. О них — в следующем параграфе.

II. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

§ 29. Возникновение общинно-передельного землевладения

Очень позднее возникновение этой формы землевладения во многих областях России и Сибири доказывается точными сведениями о времени производства первых переделов.

В Сибири и на окраинах России они появляются впервые в XIX в.

В Сибири (в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) переделы распространились совсем недавно, в 80-х годах прошлого столетия[122*]. Толчок «волне переделов», прошедшей по этим губерниям, дан был сенатским указом 5 октября 1884 г.[41] Мы имеем об этом точные сведения, собранные исследователями на местах в 1886—1892 гг.

До возникновения в этих губерниях общинно-передельного землевладения прошло, таким образом, со времени первого заселения Сибири где 200, где 250 и более лет[123*]. В Туринском округе, например, где переделы возникли вслед за 1885 г., первые поселенцы наши пахали и сено косили «на диких полях, на

[121*] Между различными областями древней Руси, конечно, различие в господствующих формах землевладения должно было быть очень велико, как велико оно и теперь, когда на окраинах сохраняются начальные стадии вольного и ограниченного захвата, а в центре господствует уравнительное землевладение.

[122*] Бывали они и раньше. См.: *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. С. 67.

[123*] Начало колонизации следовало за постройкой крепостей-острогов, зародышей нынешних городов. В пределах Тобольской губернии главные остроги построены в конце XVI в., до 1600 г.; в Томской губернии — в 1600—1620 гг.; в Енисейской — в 1620—1640 гг. и в Иркутской — в 1640—1660 гг.

пустых местах» в иных местах в 1626 г., как в Усть-Ницынской слободе, в других и раньше [124*].

На южной окраине России, в губернии Таврической, переделы распространялись также очень недавно, в 40-х годах XIX в. Здесь, однако, от первого заселения края их отделяет значительно меньший промежуток времени, чем в Сибири, конечно, потому, что здесь гораздо скорее наступило земельное утеснение. Систематическая колонизация Таврической губернии «могла начаться,— как замечает В. В.,— только со времени покорения Крыма в 1783 г; раньше этого времени здесь кочевали ногайцы, а русские проникали на время для занятия рыболовством». Переделы же распространяются здесь лет через шестьдесят, с 40-х годов прошлого столетия. В трех северных уездах Таврической губернии (вне Крыма, уезды Бердянский, Мелитопольский, Днепровский) первые переделы произведены были еще в 20-х и 30-х годах, но в очень немногих, всего в шести, общинах. Они широко распространяются в 40-х годах и особенно в 50-х и 60-х годах, охватывая 141 общину. В той же постепенности распространяются переделы в примыкающей к Таврической губернии Екатеринославской. Первые переделы появляются здесь с начала XIX в., несколько раньше, чем в губернии Таврической, причем здесь «сообразно времени заселения края,— как замечает В. В.,— переделы раньше начались в северо-западных уездах и позже в юго-восточных». Но широкое распространение переделы в губернии Екатеринославской, так же как в Таврической, получают с половины XIX столетия, и в некоторых общинах впервые производятся не так давно в 70-х и 80-х годах.

При совершенно других условиях хозяйства и через много столетий после заселения края первые переделы возникли так же, как на южной окраине, только в XIX столетии и на севере России, в губернии Архангельской и в некоторых других северных губерниях.

В Архангельской губернии на землях государственных черносошных (иначе — казенных) крестьян, как выяснила А. Я. Ефименко, переделы были произведены впервые вследствие высочайшего указа 1831 г.[42] Раньше крестьяне владели здесь землею на праве собственности и среди них распространено было также долевое землепользование, основанное на том же праве собственности, как мы выясним это ниже. Указ 1831 г. категорически предписал «уравнять по Архангельской губернии земли между крестьянами». Переделы земли, произведенные в силу этого ука-

[124*] «Как де они поселены... в Ницынской слободе тому девятнадцать годов» (АИ. Т. IV. № 5 (отписка воеводы 1645 г.)). Река Ница — приток реки Туры. «Ирбитцкая слобода» заселена в 1631 г. тоже на реке Нице, но Верхотурского уезда (*Замысловский Е. Е.* Учебный атлас по русской истории, СПб., 1865. С.90—91).

за во множестве волостей, названы были крестьянами «генеральным поравнением».

Так как здесь, на Севере, переделы раньше не производились и очень распространена была купля-продажа земель, то крестьяне «имели владение почти повсюду неуравнительное, в одном и том же селении — одни более, другие менее» [125*]; здесь было немало крестьян, владения которых во много раз превосходили нормальный крестьянский участок, равняясь целому поместью; многими тяглыми волостными землями владели здесь купцы и чиновники, посадские и приказные люди, присвоившие себе привилегию не участвовать в мирском тягле. Указ 1831 г. потребовал уравнения всех этих земель без изъятия. Это генеральное поравнение было, таким образом, настоящим черным переделом. Оно было исполнено в 30-х годах, хотя и с большими затруднениями. Переделы земли всегда проходят негладко, даже в тех общинах, которые к ним привыкли, и нередко сопровождаются столкновениями, когда они производятся через 20—30 лет и богатые начинают противиться экспроприации их несоразмерно крупных участков. Но в Архангельской губернии генеральное поравнение вызвало, естественно, еще больше столкновений. «Замешательства по делам о земле,— говорит Ефименко,— выходили бесконечные... Столкновений между отдельными крестьянами, столкновений, часто решавшихся колием и дреколием, несть числа» [126*]. Выборные одной волости докладывали начальству, что они «в течение осеннего времени чинили было о разделе земель одиннадцать мирских сходок, но превратить к законному разделу крестьян не могли» [127*].

Несколько раньше этого генерального поравнения земель *государственных* крестьян, а именно в 1812—1818 гг., произведены были в той же Архангельской губернии переделы земель крестьян *удельных*, которых было здесь свыше 20 тыс. душ. Эти переделы также вызвали много недоразумений и споров между крестьянами. и департамент уделов с трудом приводил их к соглашению [128*].

Так же точно, как в Архангельской губернии, первые переделы произведены были очень поздно, не раньше конца XVIII в. и главным образом с начала XIX в., надо полагать, и в других северных губерниях, в тех частях их, в которых хозяйственные условия одинаковы с Архангельской губернией.

Сведения о начале переделов на всем Севере, в губерниях Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской, еще не собраны полностью. Но данные относительно удельных крестьян губерний Вологодской и Пермской, собранные В. П. Воронцовым (В. В.),

125* *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. С. 345.
126* Там же. С. 349.
127* Там же. С. 347.
128* *Воронцов В. П.* Указ. соч. С. 50—58.

рисуют ту же картину возникновения переделов на землях крестьян-собственников в начале XIX в., что и в губернии Архангельской. Первые мирские приговоры о поравнении земель сделаны были в нескольких волостях Вологодской губернии еще в 1795—1797 гг. и в следующие годы. Но эти приговоры вызваны были настойчивыми предписаниями удельного начальства, и земли большею частью были уравнены только на бумаге. Так было, несомненно, в некоторых волостях, где сами крестьяне писали, что они только постановляли приговоры, но действительного уравнения не производили. Один из волостных старост, подчиняясь давлению начальства, заставлял крестьян насильно подписываться под приговором и несогласных «бил и сажал на цепь». Затруднение здесь так же, как в Архангельской губернии, состояло в том, что крестьяне были собственниками и те из них, кому приходилось при переделе поступиться своей землей, никак не соглашались на это и жаловались удельному начальству, что старосты заставляют их «отдать в надел другим крестьянам печищные и причистные земли и сенные покосы, состоящие из древних лет как за предками ихними, так и за ними самими в бесспорном владении, и вновь расчищенные собственным их капиталом и трудами» (Верхотоемская волость, 1801 г.). После этих первых опытов действительное и повсеместное уравнение земель удельных крестьян в Вологодской губернии произведено было в 1812—1817 гг.

На землях удельных крестьян в губернии Пермской (8 тыс. душ) первые переделы произведены были позже, в 1830 г. Но здесь они прошли без особых затруднений, что дает основание г-ну В. В. думать, что здесь «движение в пользу уравнительного раздела земель» «самостоятельно» возникло среди удельных крестьян и не было преждевременно вызвано настояниями администрации.

Еще позже должны были возникнуть переделы в губернии Вятской, где, по замечанию того же автора, «еще в первой половине XIX в. продолжался процесс колонизации и распространения земледельческой культуры на новые пространства, отвоевываемые у леса».

Так же как на Севере, *и на восточной окраине*, в губерниях Уфимской, Оренбургской, Саратовской, переделы должны были возникнуть соответственно местным хозяйственным условиям поздно, в XIX в. Из того же исследования В. В. видно, что на удельных землях в губерниях Уфимской и Оренбургской переделы в 50 селениях произведены были впервые еще позже, чем на Севере, в 40-х и 50-х годах прошлого столетия.

Итак, в Сибири и на окраинах России, на севере так же, как на юге и востоке, общинно-передельное землевладение слагается впервые в XIX в. Всюду здесь оно появляется через 100, 200, 300 и много больше лет после начала колонизации страны, в за-

висимости от того, когда наступает земельное утеснение. Из этого ясно, что общинно-передельное землевладение не представляет собою некоей исконной формы землевладения, как неправильно думали раньше.

В центральной России переделы начались за несколько столетий раньше, чем на окраинах. Они широко распространены здесь в XVIII и XVII вв.[129*], мы имеем о них много известий из XVI в., а древнейшее известие восходит к 1500 г. Но эта почтенная древность переделов в центральной России все-таки не дает оснований полагать, что они здесь были искони. История переделов на окраинах исключает возможность такого заключения. В центральной России в древнейшее время был период, когда хозяйственные условия заселения страны были одинаковы или сходны с условиями колонизации Сибири, юга или востока в последние три столетия. В ней тоже был период, когда более или менее долго не могло быть и речи о каком-либо земельном утеснении — необходимом условии возникновения переделов.

И если в Московском княжестве переделы несомненно существовали уже в XV в. и если они, как можно предположить, существовали в виде редких начатков здесь и в XIV в., то отодвигать их возникновение дальше к XIII в. уже очень трудно, если принять во внимание решающие условия колонизации.

В этом XIII столетии Московское княжество только что еще заселялось, и сама Москва была до начала этого столетия окраинным пунктом Северо-Восточной Руси[130*]. Если в этом XIII столетии и могла проявиться где-нибудь скученность населения, около старых городов Ростова и Суздаля, то такое утеснение совершенно парализовалось обилием свободных земель поблизости.

То же самое надо сказать и о Южной Руси древнейшего киевского периода. Нашего общинно-уравнительного землепользования, конечно, не было в киевской верви XI в.

§ 30. Влияние правительственных мероприятий на возникновение переделов

Почти во всех указанных местностях первые переделы появляются под более или менее сильным воздействием правительства.

В некоторых местах это воздействие правительства является даже главной причиной возникновения переделов. Так было в Архангельской губернии, где указ о генеральном поравнении

[129*] Об общем переделе земель з XVII в. Н. Куплевасский[43] приводит только два свидетельства — найденное Н. Калачовым[44] и из актов города Шуи по «Истории России» Соловьева. Рядом с этим он отмечает «частные освобождения обессилевших семейств от излишнего бремени» по примерам, приведенным Беляевым и Забелиным (*Куплевасский Н.* Состояние сельской общины в XVII веке. Киев, 1877. С. 11—13).

[130*] *Платонов С. Ф.* Лекции по руской истории. СПб., 1901. С. 127—128.

явился, по выражению А. Я. Ефименко, как бы «декретом конвента», где население явно не было к нему подготовлено и где поэтому борьба двух партий, многоземельного меньшинства и малоземельного большинства, была очень острой и сопровождалась многими столкновениями «с колием и дреколием».

Так же точно и в Сибири некоторые общины переделяли земли под давлением администрации, даже тогда, когда они совершенно не были подготовлены к переделам и переходили к общему поравнению прямо от вольного захвата, без промежуточных стадий ограниченного захвата и частичных поравнений или отрезков [131*].

В таких случаях общины приступали к переделам после неоднократных настояний чиновников, «по долгом между собою разсуждении», или, постановляя приговоры на бумаге, не делили земель, несмотря на все настояния администрации [132*].

В этих случаях переделы оказываются навязанными населению и усиленное давление администрации является главною их причиною. Но рядом с этим во множестве случаев переделы возникают не под давлением администрации, а только под некоторым воздействием ее распоряжений. И во многих случаях переделы возникают даже не под прямым, а под косвенным воздействием правительства, когда, например, оно предписывает уравнять не земли, а податную раскладку, а общины в связи с этим приступают к уравнению земель.

Сенатский указ 5 октября 1884 г., с которым связывается начало переделов во многих общинах Сибири, не предписывал этих переделов, а лишь разъяснял, что крестьянским обществам принадлежит право самостоятельно устанавливать и изменять раскладку платежей. Указ этот вызван был тем обстоятельством, что в общинах сохранялась до этого времени старая ревизская раскладка по душам X ревизии 1858 г., и, хотя наличный состав «душ» со времени этой ревизии за 26 лет сильно изменился, крестьяне не приступали к иной разверстке податей, ожидая новой ревизии. Вследствие этого крестьяне повсюду произвели «новую расположку платежей», а вместе с тем во многих общинах, помимо воздействия администрации, и передел земель.

В некоторых общинах эти переделы были уже не первыми. И переделы пашен, и особенно переделы сенокосов производились в них и раньше [133*].

Наконец, в некоторых случаях общины приступают к переделам земли и без какого бы то ни было давления или воздействия администрации, прямого или косвенного. Общее поравнение

131* *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. С. 70.
132* Там же. С. 69.
133* *Кауфман А. А.* Русская община... С. 446; *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 210.

земель происходит без резкой борьбы, когда оно достаточно подготовлено частичными поравнениями, под давлением земельного утеснения.

В тех наиболее частых случаях, когда общее поравнение земель происходит под некоторым влиянием администрации, это влияние в виде чиновничьего циркуляра обыкновенно, как замечает А. А. Кауфман, дает «только последний легкий толчок наступлению того переворота в формах пользования землей, который был уже достаточно подготовлен предыдущим ходом развития». «Сыграв скромную роль этого толчка,— добавляет М. А. Кроль,— начальственное предписание перестает иметь какое бы то ни было значение: жизнь общины продолжает идти своим путем, поравнения или переделы повторяются по мере надобности, регулируемые согласно выработанным общиною на этот счет обычно-правовым воззрениям. Там же, где потребности в уравнительном пользовании еще нет, циркуляры очень редко приводят к действительным поравнениям». К. Р. Качоровский соответственно этому определяет значение циркуляров не как исторической *причины*, а только как *повода*, так как они «лишь вызывают в действие накопившуюся уже совершенно независимо от них энергию, бывшую до того в потенциальном состоянии». Один из исследователей общины в Тобольской губернии — г-н Осипов [45] характеризует значение правительственного воздействия на переделы таким удачным сравнением: «В спокойном состоянии жидкость может дойти до −20° R и все-таки не замерзнуть; но достаточно малейшего толчка, чтобы вода мгновенно превратилась в лед» [134*].

[134*] Цит. по: *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 211. А. А. Кауфман в стараниях доказать незначительность влияния администрации во всех случаях переделов заходит несколько далеко и сам себе противоречит. Относительно воздействий администрации на переделы земли на Севере в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. он говорит так: «Могло ли это воздействие привести к действительной ломке? Был ли, другими словами, правительственный аппарат XVIII в. достаточно силен, чтобы навязать крестьянской жизни новые и, как думают, чуждые ей формы, притом в таких существенных основах этой жизни, как распределение земли? Ведь даже и в настоящее время, несмотря на всю сложность и сравнительное совершенство современного административного аппарата, правительственное воздействие нередко оказывается бессильным?» И Кауфман напоминает о бессилии правительства остановить переселение в Сибирь, о фиаско законодательной попытки ограничить семейные разделы (*Кауфман А. А.* Русская община... С. 430). Затем г-н Кауфман говорит, что воздействие правительства на Севере «в пользу переделов было преждевременным, так как земельный простор был здесь еще достаточно велик». И вместе с тем все-таки не отрицает также, что переделы здесь были введены; он только предполагает, что настояния правительства «во многих случаях, вероятно в большинстве, остались более или менее безрезультатными» (Там же. С. 434). Как бы ни был слаб правительственный механизм XVIII и начала XIX в., он все-таки «навязал» крестьянам переделы (хотя бы в немногих общинах), несмотря на совершенное несоответствие их сохраняв-

§ 31. Переделы на владельческих землях в центральной России

В то время как на севере первые переделы вызывают острые столкновения — сажание несогласных на цепь, драки с колием и дреколием и тысячи буквально жалоб начальству[135*], в центральной России и частью на востоке разверстка земли была произведена без затруднений; столкновения, нередкие при переделах, бывали, должно быть, и здесь, но разрешались самими крестьянами на местах.

шемуся еще земельному простору. Как же это вышло? Ведь власть правительства на местах действительно была слаба в XVIII в. и в начале XIX в., и ссылка А. А. Кауфмана на эту слабость власти на первый взгляд представляется очень меткой. Но на деле степень силы или слабости власти тут ни при чем так же, как сравнение с бессилием власти остановить переселение или ограничить семейные разделы. Переделы совершаются не агентами правительства, а сильною местною организацией — миром. В среде крестьян всегда есть первенство, а когда есть хотя бы некоторый недостаток в земле, это первенство чувствуется очень сильно. Острый момент передела заключается в том, что многоземельное меньшинство должно поступиться частью своих земель в пользу малоземельного большинства и вопрос о переделе решается всегда борьбою этих двух партий на мирском сходе. В чем проявляется воздействие правительства на переделы? Предлагая миру переделить земли, правительство отказывается от охраны права собственности. И при указанных условиях этот его отказ оказывает могущественное влияние на исход борьбы двух партий, так как право собственности держится только охраною власти. Для такого пассивного воздействия на переделы не нужно, чтобы правительство имело активную силу, как при воспрещении, например, переселений. Поэтому-то циркуляр о переделах в противоположность сотням других циркуляров и оказывается столь могущественным, как «искра, упавшая на порох». Но он само собой, как и искра, производит взрыв только тогда, когда есть порох, когда есть уже партия малоземельного большинства, когда у большинства есть более или менее острая нужда в земле, что обнаруживается на известной степени земельного утеснения. И на Севере во многих местах переделы были произведены, конечно, потому, что здесь большинство испытывало нужду в земле. А. Я. Ефименко точно показывает, что в Архангельской губернии в эпоху переделов множество крестьян страдали от малоземелья. А. А. Кауфман ссылается на «земельный простор» Севера (Там же. С. 434). Но это же простор земель, негодных для обработки или требующих большой затраты труда на предварительную расчистку. А. Я. Ефименко выясняет, что земли расчищаются в Архангельской губернии «далеко не пропорционально приросту населения». «Деревня не могла по произволу расширять свой район, несмотря на полную свободу и безграничное многоземелье. Удобные земли вблизи в большинстве случаев были уже целиком заняты; расчистка же отдаленных новин, вероятно, представлялась слишком неблагодарною затратой труда» (*Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Т. 1. С. 301).

135* После переделов, произведенных в связи с VI ревизией 1812 г., управляющий вологодскими удельными имениями нашел, что на земляных мерщиков и сельских начальников подано было до 12 тыс. жалоб о неуравнении между крестьянами надела (вероятно, от 12 тыс. лиц, так как много жалоб коллективных). См.: *Воронцов В. П.* Указ. соч... С. 48.

Если на окраинах переделы земли распространяются впервые в XIX в., то в центральных областях они, несомненно, имеют широкое распространение в XVIII в. Они, несомненно, существуют здесь и раньше — и в XVII и в XVI столетиях, порядки которых вообще тесно связаны с порядками XVIII в., но по найденным доселе данным трудно решить, в какой мере широко были они распространены.

Все наши сведения о переделах в XVI—XVIII вв. относятся к землям помещичьим, монастырским и дворцовым, или, вообще говоря, к землям владельческим, так как и дворец, и монастыри, и помещики управляли своими вотчинами на одинаковых основаниях. Других сведений, относящихся к центральным областям, мы иметь не можем, потому что здесь уже с XVI в. нет свободных общин и все земли разобраны частными владельцами указанных разрядов.

Из этого, однако, никак нельзя делать вывод, что переделы этой эпохи были «прямым последствием вотчинного права» [136*]. Это «вотчинное право» в отношениях к крестьянам нередко было близко к праву государственному. В большей части владельческих имений — дворцовых, монастырских и крупных поместий — существовало крестьянское мирское самоуправление, в разной степени ограниченное властью приказчика, а иногда и вполне самостоятельное, как и на государственных землях. При этих же условиях приведенные выше наблюдения над возникновением переделов на государственных землях приложимы и к возникновению их на землях владельческих. Владельческая община наравне с государственной может приступить к переделу земель: 1) самостоятельно, 2) под некоторым воздействием господина, 3) по приказанию господина. Мы имеем много данных о владельческих общинах, управлявшихся совершенно самостоятельно и в XVIII в. и раньше, в XVII—XVI вв. Мир и вотчинник — иногда то же, что мир и государь. Это те общины, где приказчика не было, все дела ведал староста и мирской сход и отношение мира к господину ограничивалось ежегодным взносом определенной суммы оброка, положенного огульно на всех крестьян имения. В некоторых таких общинах крестьяне, может быть, приступали к разверстке земель столь же самостоятельно, сколь самостоятельно они разверстывали по тяглам, дворам или душам круглую сумму оброка. Сведений о таких случаях у нас нет, но из этого не следует, что их не было, так как архивный материал по этому вопросу едва-едва тронут разработкой.

Владельческая община большей частью, однако, была не вполне самостоятельна, а ограничена властью приказчика, пред-

136* *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения в России в XVII в. М., 1856. С. 523.

ставителя господина. В таких общинах переделы возникают под некоторым воздействием «вотчинного права». Воздействие это иногда бывало решающим, иногда же косвенным, второстепенным. Это ясно видно из данных о переделах земли на владельческих землях в XVIII в., собранных В. И. Семевским.

Так, например, в рязанской вотчине князя А. М. Голицына в 1795 г. передел произведен был по собственной инициативе крестьянского мира. «По просьбе всех крестьян», как сказано в документе, напечатанном В. И. Семевским, «староста с земским представляют» господину «о уравнении разделом всей пашенной земли и сенных покосов по душам». Господин, князь Голицын, дает свое «повеление», точнее, разрешение. Раздел производится *по душам* согласно просьбе крестьян. Но это оказалось очень невыгодно для многих крестьян. Недовольные посылают ходоков в Москву и просят господина разрешить новый передел не по душам, в числе которых много престарелых и малолетних, а по тягловым работникам, или по тяглам, из которых не способные к работе исключались, соответственно тому, как платится оброк. Рассмотрев эту просьбу, господин нашел ее «справедливою и дельною» и приказал, согласно с этой просьбою, «оную землю вторично переделить таким образом, чтобы части оной браты были на одних только тягловых крестьян и на тех, которые хотя мало оную обрабатывать могут». Здесь, таким образом, воздействие господина проявляется только в установлении единицы для наиболее уравнительной разверстки земли, а самый передел совершается по просьбе самой общины.

Так же точно и в одном из дворцовых имений в Коломенском уезде в 1750 г. инициатива передела исходит от крестьян. В прошении, поданном в дворцовую контору, крестьяне заявляют, что они владеют пашенною землею и всеми угодьями по тягловой разверстке, и, указав на то, что подати и всякие дворцовые поборы взимаются не по тяглам, а по душам, просят соответственно этому «землю и сенные покосы и прочие покосы разделить по душам»; при этом они ссылаются на пример соседних двух дворцовых сел, где земли и всякие угодья «разделены» уже именно так — «по душам уравнительно».

В XVIII в. переделы на помещичьих землях, несомненно, были широко распространены, как это видно из собранных В. И. Семевским общих замечаний современников. Так, например, Козмин[46] в докладе Екатерине II в 1765 г., возбуждая вопрос о введении переделов земель на Севере, ссылается на пример помещиков; он говорит, что на Севере следовало бы «делить земли и раздавать в волостях недостаточным равномерно так, как и помещики своих крестьян по числу людей, кто что снести может, уравнивают». Или путешественник по России академик Гюльденштедт[47] в 1774 г. также вообще говорил о Новгородской губернии, что здесь «поля и сенокосы находятся в об-

щинном владении деревень и крестьяне делят их между собою по жребию на 5 или на 10 лет» [137*].

От XVII в. мы имеем очень немного — четыре-пять — известий о переделах земли. Но наш XVIII век так глубоко уходит своими корнями в XVII и частью в XVI в., что мы никак не можем сказать, что переделы были новостью XVIII в. И немногочисленность известий не может служить доказательством редкости переделов, раз мы знаем, насколько случайны собранные доселе известия. Чичерин писал в 1856 г., что «переделы земель были прямым последствием вотчинного права *и подушной подати*» [138*], ведя, следовательно, начало их со времени введения подушной подати. Но это несомненная ошибка, так как «душа» явилась только новой единицей разверстки, заменив старое «тягло». И «душа» не вытесняет окончательно старое «тягло» в XVIII в., так как уравнение по тяглам сменяет иногда уравнение по душам, как видно из вышеприведенного и других известий. И это замечание Чичерина опровергается немногими, но очень определенными известиями о переделах в XVII в. и в конце XVI в.

В найденной Калачовым челобитной времени Алексея Михайловича находим ясное указание о крестьянах дворцового села Шаморги в Шацком уезде, что они «промеж себя пашню делят почасту». Поп этого села, деду которого при Федоре Ивановиче дан был надел из земель этого села, жаловался, что при этих частых переделах крестьяне ему «дают пашню худую на толоках, которая им негодна, и в мере меньше» [139*].

Другое, найденное А. С. Лаппо-Данилевским, известие относится также к дворцовому имению в Белевском уезде и к 1640 г Дворцовый приказчик пишет, что крестьяне, приступив к мере и верстанью земель по вытям, успели измерить землю «для своего верстанья» только в двух полях, а в третьем поле не мерили, потому что была к новому году рожь сеяна. «И меж себя тое земли верстать и делить против вытей не стали; отсрочили меж себя сами, как после ржанова жнитва в третьем поле измеряют» [140*].

Третье известие, найденное И. Е. Забелиным, относится к вотчинам боярина Морозова. Приказчик жалуется боярину, что когда крестьянин Мишка Козел просил «поверстать его в земле против своей братьи в усадьбе и в поле», то выборный Игнаш-

[137*] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. I. С. 104—106, 114—116 и др.; Т. II. С. 32—33.

[138*] *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения... С. 523. *Он же.* Опыты... С. 134 («прямое соотношение нового порядка вещей с подушною податью»).

[139*] *Калачов Н. В.* [Рец.]: *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения. С. 53 // Архив исторических и практических сведений. 1859. Кн. III. № 5, 6.

[140*] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения... С. 77, примеч. 1.

ка с товарищами не соглашаются верстать его ровно с собою и отводят ему худую землю, «пометную». Очень любопытны мотивы этого отказа крестьян. Они, по словам приказчика, говорили Мишке Козлу: «Ты паши там, где навозил, а что нажил и ты с нами подели; тогда мы тебя с собою ровно и поверстаем» [141*].

Ясные указания на частичные переделы, или на так называемую «свалку и навалку», дает напечатанная в последние годы Ю. В. Арсеньевым [48] переписка князя Н. И. Одоевского с его галицкою вотчиною в 1650—1684 гг. Здесь мы имеем ряд челобитных крестьян о сбавке с них тяглой земли и несколько резолюций боярина, в которых он передает эти дела на решение мира. Крестьянин Костюнка Никитин, ссылаясь на то, что он овдовел и остался с шестью малыми ребятишками, просит с него «земли сбавить полдесятины» (всего у него 2,5 десятины). Князь Одоевский пишет на обороте челобитной, обращаясь к своему приказчику, старостам и выборным крестьянам: «Допросить всех крестьян, можно ль ему на том тягле быть, и будет не мочно, и с него тягла сбавить и положить на кого миром укажут». В мирском приговоре по этой резолюции сказано: «Приказной человек... старосты... и все крестьяне сбавили земли с Костюнки Никитина полдесятины и положили тоеж деревни Пантелеева на крестьян, на Фетку Анфилина с братьями четверть десятины, да на Акинку Осипова четверть же». Другие приговоры по такому же делу записаны сокращенно, например: «192-го году (т. е. 1684 г.), апреля в 20 день, приговорили миром: тягла все[го] жеребья с Емельки четверть снять; той же деревни на Груньку Панкратова положить». Иногда мир на просьбы о свалке тягла, переданные на его решение боярином, отвечает отказом: «Все крестьяне сказали, что ему, Ивашке, мочно на том тягле быть» [142*].

§ 32. *Передел земли и раскладка тягла*

Переделы земли, как выясняют исследователи общины в новое время, тесно связаны с переделом податей. «Первые переделы земли, и особенно пашни,— говорит Качоровский,— не со-

[141*] *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 472.

[142*] *Арсеньев Ю. В.* Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкой вотчиной (1650—1684 гг.) // ЧОИДР. 1903. Кн. II, № 48. С. 89; № 81. С. 108; № 66. С. 101; № 72. С. 104–105; № 74. С. 105; *Борисов В.* Акты о разделах, променах и переделах земли в XVII и XVIII столетиях // Там же. 1860. Кн. III, № 8 (1691 г.) (мирской приговор посадских людей посада Шуи: «Приговорили мы на сходке в Земской Избе разделить по росписи пахотную землю во всех трех полях по своим тяглам впредь на десять лет»). Ср.: № 3, 10; *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения... С. 118.

ставляют резкого скачка и небывалого нововведения прежде всего потому, что им обыкновенно предшествуют переделы податей» [143*].

Но переделы податей не только *предшествуют* переделам земли, они часто и прямо *вызывают* переделы земли или связываются с ними в одно целое, в разверстку тягла, понимая под этим разверстку земли в теснейшей зависимости от разверстки податей. Наблюдатели сибирской общины выясняют, что здесь переделы земли в 80-х годах были вызваны и тесно связаны с переделом податей, и А. А. Кауфман, тесно сближая те и другие, говорит о «земельно-податных разверстках» [144*].

Тесная связь земельных переделов с податными замечена давно В. И. Орловым [49], одним из замечательнейших земских статистиков. «Личное обложение крестьяне обыкновенно переводят на землю», и поэтому на того, кто получает надел, падает и соответствующая наделу доля податей. Таким образом, «самый акт передела земли является вместе с тем и моментом распределения между членами общины податного бремени» [145*].

Тесная связь земельного уравнения с уравнением податным, соединяющая их в одно целое — в уравнение тягла, рельефно выделяется при изучении общины на владельческих землях в древнее время. И в этом уравнении главное значение для крестьян имеет не уравнение выгод пользования землей, а уравнение податного бремени.

Эти переделы на владельческой земле существенно отличаются от переделов в свободных общинах, рассмотренных выше, и по своим основаниям, и по своим целям. Там главное основание передела — земельное утеснение и главная цель — наделить землею лиц, изнуренных малоземельем, за счет многоземельных. Здесь обыкновенно земельное утеснение ни при чем; земли нередко есть большой запас. Здесь люди изнурены не малоземельем, а тяжестью налогов, и главная цель передела — достигнуть наиболее точного соответствия между налогами и трудовыми силами каждого. Там бедные ищут земли. Здесь бед-

143* *Качоровский К. Р.* Указ. соч. С. 152. При переделе податей, продолжает он, впервые складывается «общинно-передельный механизм», «складываются практические навыки к добросовестному и умелому ведению мирских дел, к мирскому распорядительству вообще» (Там же. С. 154—155).

144* «Мы выяснили основные причины, побудившие общины к изменению разверсток, а следовательно — к переделу пахотных земель» (*Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. С. 137).

145* При этом, говорит В. В., «смотря по тому, насколько крестьяне дорожат землею и считают платежи легкими или тяжелыми, иначе говоря, насколько доход от земли больше или меньше связанных с ее пользованием повинностей, в акте передела на первый план выдвигается та или другая из характерных для него сторон: он рассматривается крестьянами по преимуществу или как момент уравнения выгод пользования землею, или как метод равномерного распределения податной тягости» (*Воронцов В. П.* Указ. соч. С. 243).

ные стремятся избавиться от земли, снять с себя часть земельного надела, чтобы тем самым снять с себя часть лежащего на земле непосильного для них тягла.

Такое различие переделов по основаниям и целям наблюдается и в свободных общинах. В одних общинах передел, говорит В. В., «рассматривается крестьянами по преимуществу как момент уравнения выгод пользования землею», в других — как момент «равномерного распределения податной тягости» (с. 243). Так, «задачей общины в Московской губернии является равномерное распределение между всеми не столько преимуществ, сколько тягот, связанных с пользованием землею» (с. 248).

Это объясняют различием в доходности земли. Там, где, как в Московской губернии, земля малоплодородна и не окупает платежей, там, естественно, на первое место выступает момент разверстки платежей. Там же, где земля плодородна и окупает платежи, там главное значение имеет разверстка земли.

Это условие степени плодородности земли не имеет значения при переделах во владельческой общине. Типическая владельческая община находится в иных условиях, чем община свободная. Свободная община подчинена общим нормам закона, общим для всех налогам, и поэтому там отношение между доходностью земли и тягостью налога различно в разных общинах. В типичной же владельческой общине (оставляя в стороне указанные выше владельческие общины, почти равные свободным) тягость налога всегда пропорциональна доходности земли, как бы она ни была велика. Для каждой общины устанавливаются поборы по особой расценке, всегда приближаясь к maximum'у того, что может дать крестьянин с земли, а иногда и превосходя этот maximum. Известна циническая поговорка помещиков XVIII в.: «Мужика стриги как овцу, не давай ему обрости». Кроме того, в свободной общине даже при полном развитии «общинного землевладения» крестьянин сохраняет некоторые права распоряжения землею, он может ее отдать внаем и поэтому земля сама по себе, независимо от пользования ею, представляет для него известную ценность, если она плодородна и с избытком окупает труд, затраченный на ее обработку. Во владельческой же общине для крестьянина возможно только пользование ею, он не может ею распоряжаться, не может даже отдать ее внаем и поэтому земля сама по себе не представляет для него ценности.

Понятно, как при таком различии в положении свободных и владельческих общин отличается в них и существенный момент передела. В одном случае — борьба за землю малоземельных с безземельными. В другом — борьба за размеры податного бремени. Каждый старается сбросить с себя хоть часть наваливаемой ему земли в размере, превышающем его силы.

Этот характер переделов явственно виден во владельческих общинах XVIII—XVI вв.

Из памятников, касающихся вотчинного хозяйства XVIII в., возьмем один из наиболее древних и наиболее любопытных: инструкцию дворецкому «о управлении дому и деревень», написанную в 1725 г. известным Артемием Волынским, будущим кабинет-министром Анны Ивановны. Его крестьяне, по этой инструкции, не столько самостоятельные хозяева, более или менее самостоятельно ведущие свое хозяйство на господской земле, а, скорее, работники, работающие под надзором приказчика на отведенных им наделах. Всех крестьян имения Волынский приказывает одинаково «писать тяглами», «исчисляя людей в целое тягло, чтоб было два человека работников мужского полу и два — женского; а работников счислять — мужеск пол от двадцати лет, а женской, как замуж выйдет». На каждое такое тягло из двух пар «работников» мужского и женского пола возлагается прежде всего обязанность вспахать господской земли по две десятины в трех полях. В связи с этим уравниваются и «собственные» земли крестьян: «На каждое целое тягло уравнять земли крестьяном их собственные во всех деревнях; когда на тягло вспашет на меня две десятины в поле, то надобно, чтоб собственной ему земли было на всякое тягло против того вдвое». Это уравнивание земли, или передел, тесно связывается с накладкой тягла на каждую пару, как одна, по существу, операция.

Острый момент такого передела состоит не в том, что от многоземельных отрезываются земли малоземельным, а в том, что на крестьянина-работника накладывается тягло, как на вола ярмо.

И крестьяне-работники не ищут земли, а бегут от нее из боязни тесно связанного с нею тягла. Хозяин этих работников, вотчинник Волынский, заботится не о том, чтобы всех уравнять землею — земли хватит,— а о том, чтобы всех уравнять тяглом, чтобы кто-либо не ушел от тягловой запряжки. «Понеже мужики,— пишет он,— не хотя на себя брать участия тягла, для того долго не женятся,— однакож женат он, или нет, несмотря на то, токмо когда которому двадцать лет, накладывать на него полтягла». Одни, убегая от тягла, не женятся, другие, «плуты мужики», жалуется вотчинник, нарочно держат одну только лошадь, «и ту бездельную», тогда как для обработки всех тягловых десятин надо иметь не меньше двух лошадей; третьи «отговариваются», что «им посеять нечем», несмотря на то что «им определяется ссуда» от вотчинника. И своему дворецкому Волынский поручает «таких ленивцев и плутов... всеми мерами принуждать» и «накрепко того за ними смотреть, чтобы у них земля напрасно пуста не лежала» [146*].

[146*] *Волынский А. П.* Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула о лошадях: Изд. по рукописи из собрания П. Н. Тиханова // Памятники древней письменности. СПб., 1881. № XXIV. С. 14—15.

Такой же точно характер имеют переделы земли в вотчине князя Н. И. Одоевского в 1650—1684 гг. В челобитных крестьян князю и в мирских приговорах подать и земля объединяются в выражении «тяглой жеребей» и слова «тягло» и «земля» значат одно и то же. Одни крестьяне просят сбавить с них «десятину тяглова жеребья» [147*], другие просят «тягла сбавить десятину» [148*], третьи просят «земли сбавить две десятины» [149*] или «снять четверть десятины» [150*] и все говорят об одном и том же, для всех тягло и земля одно и то же.

В нескольких десятках челобитных крестьяне просят своего господина не прибавлять им земли, а, наоборот,— снять с них часть их земли, их тяглого жеребья. Некоторые, которых Волынский называл «ленивцами и плутами», просят снять с них тяглый жеребей без крайней необходимости, и мир обличает их, решая, что им «мочно на том тягле быть» [151*]. Но большинство пишет слезные челобитные только тогда, когда тяглые жеребьи становятся действительно непосильною тягостью, и мир обыкновенно находит их просьбы основательными. Крестьянин Максимко Гордеев, например, так бьет челом своему государю князю Якову Никитичу Одоевскому: «Умилостивись, государь, князь Яков Никитич, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, с меня тяглова жеребья сбавить полдесятины; для того, что я скуден и беден, и мне тяглый жеребей не в силу, владеть им не в моготу; а за мною останется тяглова жеребья десятина. Государь, смилуйся, пожалуй». Князь передает эту челобитную на решение мира, и «мирские люди» приговаривают «тяглова жеребья с Максимка полдесятины снять». С этой «свалкой» тягла с одного связывается «навалка» его на другого. Снимая часть тягла с Емельки Васильева, мир приговаривает положить ее «той же деревни на Груньку Панкратова», потому что он в противоположность захудавшему одинокому Емельке «человек семьянистый и скотом и всяким прожитком исправлен» [152*].

[147*] *Арсеньев Ю. В.* Указ. соч. № 72. С. 104; № 73. С. 105; № 77. С. 106.
[148*] Там же. № 82. С. 106.
[149*] Там же. № 60. С. 97.
[150*] Там же. № 66. С. 100.
[151*] Там же. № 72, 74. С. 105.
[152*] *Арсеньев Ю. В.* Указ. соч. № 66. С. 100; № 71. С. 104. Такие же данные о частичной свалке и навалке земли в 1680—1687 гг. см.: *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. С. 210—211. Такие же отношения крестьян к тяглу-земле имеет в виду наказ приказчику обонежских дворцовых волостей Нехорошему Вельяшеву (1612 г.) в следующей статье: «Да и того Нехорошему беречи накрепко, чтоб в тех погостех сильные прожиточные и семьянистые люди воровством и заговором пашен своих участков с себя не сбавливали, и на молодчих людей не накладывали» (ДАИ. Т. 1. № 167. С. 236). Этот наказ дан во время войны Яковом Делагарди и князем Иваном Одоевским, и, кажется, без достаточного знакомства с особыми условиями хозяйства и землевладения на Олонце и в Заонежье.

§ 33. Вытная разверстка

Такой же характер имеют переделы земель в конце XVI в. и в тверских дворцовых вотчинах, которые даны были Иваном Грозным его «потешному» царю и великому князю Семиону Бекбулатовичу. Каждая из этих вотчин представляет собою волостную общину с довольно обширной территорией, и в каждой из этих вотчин писцовая книга 1580 г. предписывает «землями, и луга и лесом, и всякими угодья *верстатися крестьяном меж себя самим полосами или десятинами на всякую выть поровну*, а не через землю, чтобы...».

Но это не общий передел земель между всеми крестьянами волости, и основания его и цели заключаются не в утеснении. Земли переделяются здесь особо между 3—7 дворами каждой маленькой деревеньки (средним числом в этих деревнях было 4 двора) [153*]. И этот передел явно имеет целью не «уравнение выгод пользования землею», а земельно-податную разверстку тягости соответственно трудовым силам каждого работника.

В одной из этих тверских дворцовых вотчин, в селе Кушалине с деревнями, о котором я уже говорил выше (§ 5), было 160 деревень, разбросанных на большом пространстве, в каждой средним числом 4 двора. Свободной земли здесь было полное изобилие, недостатка в нем, конечно, не было и раньше, а в 1580 г., когда велась перепись, Тверское княжество, как и все центральные области, переживало острый период запустения вследствие массового отлива населения на окраины. На 160 деревень и починков «живущих» в Кушалинской волости было до 300 «пустых»; и в живущих деревнях часть дворов (80) также была «впусте». Под пашней было 1342 десятины, а впусте пашенной земли было почти втрое больше — 3555 десятин.

Земля этих запустевших поселков не идет в передел; она неприкосновенна для соседних «живущих» деревень; волостному миру вменяется в обязанность на пустые выти называть новых жильцов. Не могут крестьяне той или другой деревни свободно распоряжаться и запустевшими участками даже в пределах своей деревеньки. Для того чтобы взять ту или другую запустевшую долю, нужно разрешение приказчика или писца.

Эти порядки совершенно ясны из писцовой книги. «Деревня Обухово,— читаем в этой книге,— да к той же деревне припущено в пашню починок Кулаково, да починок Обухово»; или: «Деревня Высокуша, да к той же деревне приписано в угодья под селищем под Кастихиным сена 50 копен». Точно так же пропускаются писцом и запустевшие доли деревни — только в случаях малоземелья: «И та пустая доля дана в пашню на всю де-

153* *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 305; *Лаппо И. И.* Тверской уезд в XVI в. М., 1893. С. 204—205.

ревню, потому что у них угодья мало». И потому, замечает писец, что крестьяне этой деревни несут еще особую повинность: «Да они ж с великого князя острову лоси и медведи сочат». Большею частью, однако, пустоши и пустые дома деревни даются крестьянам той или другой деревни только за особый оброк: «Да к той же деревне к Давыдневу припущено в пашню селищо Иванково... и деревня Давыднева крестьяном на селище Иванкове пашня пахать и сено косить, а оброку им платить в великого князя казну с пашни и с покосу на год по полуполтине» и, кроме оброку еще пошлины (с. 370); или: «Да к той же деревне приписано селищо Радилово... а оброку с того селища платити в великого князя казну на год по 10 алтын, пошлин 3 деньги» (с. 368). Иногда пустоши даются из оброку только под сенокос: «А то им сено косити, а пашня не пахати». Иногда пустоши придаются к деревне только временно, «докуды на те пустоши жильцы из поспу будут, или из оброку кто возьмет». Все эти пустоши, как ни много их было, были недоступны крестьянам наряду с «заповедным лесом», или «заповедниками», которые описываются в этих дворцовых имениях. Общий волостной передел, таким образом, несомненно, в этих дворцовых имениях не производился. И если уставные грамоты, включенные в писцовую книгу, приписывают крестьянам «землями, и луги, и лесом и всякими угодьи верстатися меж собя самим полосами или десятинами», то они имеют в виду переделы между крестьянами отдельных маленьких деревень.

Каждая из таких деревень с числом дворов от 3 до 7 представляет собою маленькую землевладельческую общину. Приписывая пустоши и пустые доли к той или другой «деревне» как к целому, писец нередко отмечает, что они даются «на всю деревню»: «И та пустая доля дана им же в пашню в угодия *на всю деревню*»; или: «И на тех пустошах *Юше Лапенкову с товарищи* пашни пахать и сено косить» [154*]. На всю деревню возлагалась в троице-сергиевых вотчинах барщинная обработка монастырской пашни: в конце описания деревень писец отмечает, сколько «они пашут сопча на мере» вытей земли.

Переделы между соседями каждой деревни производятся «на каждую выть поровну». Под этими словами разумеются, собственно, не целые выти, но те доли выти, которые налагались на каждое дворохозяйство. Доли эти были очень различны, от трети выти до $^{1}/_{32}$. Различия эти обусловливались частью семейным положением, частью имущественной состоятельностью каждого дворохозяина.

Волынский в своей инструкции, как мы видели, очень прямолинейно решал вопрос о тягольной раскладке. Он клал одинаковое тягло в 18 десятин на две пары работников и работниц, или

[154*] Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 362—377.

на два венца, как такая пара мужа и жены называлась иногда в вотчинном хозяйстве XVIII в. В основание земельно-податной (или, точнее, барщинной и оброчной) разверстки он брал единственно рабочие силы крестьян. Но у крестьян в XVIII в. и раньше господствовала другая система тягла, при которой наряду с трудовыми силами работников принималось во внимание и их семейное положение, и их хозяйство. Владельческий крестьянин не только работник, но он еще и самостоятельный хозяин на своем наделе; у него есть семья; у одного несколько малых ребят, мал мала меньше, у другого — несколько мальчиков-подростков; один крестьянин более или менее зажиточный, другой — захудалый; у одного две лошади, у другого — одна и т. д. Все эти различия в семейном и хозяйственном положении каждого дворохозяина и принимаются во внимание при разверстке тягла. И такая истинно уравнительная раскладка не только по трудовым, но и по семейным и хозяйственным силам каждого «работника» создает очень дробные единицы разверстки; она ведет к делению «тягла» на полутягло, четверть и осьмуху; эти деления тягла соответственно следующим с них денежным сборам назывались в некоторых местах мордкой, деньгой, алтыном, полушкой [155*].

Этим делениям тягла соответствуют дробные деления выти в тверских дворцовых вотчинах. На отдельные дворы падают всегда доли выти, начиная от трети выти в следующей градации. 1) Две высшие окладные единицы составляют *треть выти* и *четь выти*. Им соответствуют земельные наделы в 8 и 6 десятин. Это наиболее состоятельные хозяйства, в которых обыкновенно есть два взрослых работника. 2) Вторая ступень — половины этих наделов: пол-трети и пол-чети, в 4 и 3 десятины. Это самый распространенный надел среднесостоятельной семьи из мужа и жены, соответствующий «венцу» XVIII в. Дворохозяева некоторых деревенек все равномерно верстаются пол-третью выти, как, например, в трехдворной деревне Голтнево, или пол-четью выти, как в шестидворной деревне Ильино. 3) Две низшие окладные единицы — наделы от 2 до 1,5 десятин и в 1 или три четверти десятины. Они составляют четвертую и восьмую части высших окладных единиц: трети и чети выти. По этим окладам верстались захудавшие дворохозяева и одинокие — вдовцы и вдовы. Так, например, вдова Орина была с высшего надела переведена на надел в 2 десятины (пол-пол-трети выти), «потому что охудала», как отметил писец.

Все это дает нам ясное понятие о существе передела в твер-

[155*] «Понеже у нас в деревнях тягла именуются не одним званием, где называются деньги да полушки, а инде осмаки и протчие звания, что все во всех деревнях отставить, а называть и писать тяглами». Так распорядился Волынский в 1725 г., но, надо думать, дробные деления тягла на осмаки и прочее все же сохранились в его деревнях.

ских дворцовых вотчинах. Писец или дворцовый приказчик не без участия, конечно, волостного мира определяет вытный оклад каждого дворохозяина по его тягловым силам. Разверстка же, или передел земли, соответственно этому окладу предоставляется самим крестьянам, но не всей волости, а крестьянам дворохозяевам каждой деревни особо [156*].

Такая вытная разверстка податей, а вместе с ними и земли была широко распространена в конце XVI в. Она существовала во всех тверских дворцовых вотчинах князя Семиона Бекбулатовича, в которых было свыше 2 тыс. дворов крестьян. Введена она была и почти во всех вотчинах Троице-Сергиева монастыря, в Московском, Дмитровском и Звенигородском уездах, судя по писцовым книгам 1592—1593 гг. Находим мы ее и в Белозерской дворцовой волости Федосьин Городок в 1585 г., и в Волоколамском уезде в 1544 г. Но нельзя сказать, чтобы вытная раскладка существовала повсеместно.Так, в описании села Танищи в Белозерском уезде (на реке Суде) в 1594 г., принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю, сделана отметка: «А вытей в селе Танищах с деревнями по крестьянской сказке преж сего не бывало, и вытей не знают». И в описании волости Вохна в Московском уезде, которая до перехода ее к тому же Троицкому монастырю была дворцовой волостью князя Владимира Андреевича, находим подобную отметку: «А в выти у них волость Вохна не положена, складывают деньгами» [157*].

156* Так, например, и в вотчине князя Одоевского крестьянин Костюшка Никитин тянул тягло с 2,5 десятин; но, когда он овдовел и у него «ребятишек осталося шестеро малы», с него мир по его просьбе сбавил тягла полдесятины. С «одинокого» крестьянина мир, по его просьбе, снимает четверть десятины, оставляя ему полторы, и перекладывает ее на крестьянина той же деревни, потому что он «семьянистый». С крестьянки, когда у нее умер муж и все четыре сына, мир «сбавляет» две десятины и оставляет ей десятину «на прокормление» (*Арсеньев Ю. В.* Указ. соч. № 48. С. 89; № 66. С. 100; № 60. С. 97).

157* Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. I. С. 95; Отд. II. С. 420. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря, судя по итогам (см. Там же. Отд. I. С. 732, 742, 756), на выть клалось крестьянской и монастырской худой земли от 6 до 6,5 десятин. Относительно одной деревни отмечено: «А вытей в живущем пол-пяти выти, а на выть пашни дано по 10 четьи», т. е. по 5 десятин. Здесь вытная раскладка крупнее, чем в тверских вотчинах. Здесь находим наделы в целую выть и полвыти на двор, затем и треть и четь вытей и 0,5 трети, 0,5 чети. В Рузском уезде встречается также и половина половины трети ($^{1}/_{12}$) (Там же. С. 656). Слово «выть», как заметил Миклашевский [50], имело «двоякий смысл»: «С одной стороны, оно означало платежный участок, с другой, группу крестьян или крестьянских дворов плательщиков». «Да они ж пашут сопча по мере полвыти». Эта барщинная запашка возлагалась по расчету на выть 2 десятины, в иных местах 1,5 десятины — Дмитровский уезд, 1592—1593 гг. (Там же. Отд. I. С. 731—770 и др.). О выти см.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения... С. 228—232; *Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. М., 1892. С. 32—33. *Миклашевский И.* Древнерусские поземельные кадастры // Зап. Акад. наук. 1903. Т. 6, № 4. С. 31—33.

О такой же вытной раскладке говорит и древнейшая грамота о перемере-переделе земли 1496—1510 гг., хотя она и не употребляет термина «выть». Передел, или перемер, земель властью вотчинника-митрополита мотивируется в этой грамоте тем, что «монастырские крестьяне пашут пашни на себя много, а монастырские пашни пашут мало». Митрополит Симон приказывает ввиду этого землю крестьян «во всех трех полех перемерить», дать им по пяти десятин и указать шестую десятину пахать на монастырь. Этот надел в 6 десятин одинаков с обычным наделом на выть от 6 до 8 десятин. И, так же, как при вытной раскладке, этот надел уменьшается соответственно силам дворохозяина и сохраняется только пропорция между собственной запашкой крестьянина и его барщиной. «А будет земли обильно,— читаем в грамоте,— а кому будет земли надобно боле того, и он бы по тому же пахал и монастырю пашню — шестой жеребей. А кому не будет силы пахати пяти десятин, и он бы по тому пахал и монастырскую пашню».

Это, следовательно, как и при вытной раскладке во владельческих имениях, не уравнение выгод пользования землей, а лишь уравнение повинностей.

Глава пятая

ДОЛЕВОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

§ 34. Долевое землевладение на Севере

Первые насельники края шли не вразброд, не в одиночку, а ватагами; и, оседая на землю, они сохраняли общественную связь — источник общинного мирского строя.

Но землю для своего хозяйства занимали они каждый в собственность по праву вольного захвата и селились особо своим двором, в отдалении один от другого, каждый на своей обширной заимке. При обилии земли каждый выбирал наиболее удобные места для пашни; первоначальное подсечное и переложное хозяйство требовало большого количества земли на каждый двор, и при таких условиях каждый селился там, где нашел удобное место, иной раз за пять и больше верст от своего соседа.

Современные нам большие поселки — многодворные деревни — возникли очень поздно, и в древности, несомненно, господствовало расселение хуторами, как говорят теперь. Это одно из твердо установленных положений нашей науки. Селом и деревней первоначально, а на Севере до XVI в. называлось, несомненно, отдельное дворохозяйство.

К деревне-двору тянут пашни, луга, воды, лес по праву захвата, «куда топор, коса и соха ходили», и она представляет со-

бою, говоря словами А. Я. Ефименко, «обособленную земельную единицу». С нее ведет свое начало история землевладения.

В писцовых книгах до XVI в. мы видим еще множество однодворных деревень. Пока есть свободные земли, ищут простора, одинокой заимки. «От отцов дети, от братьи братья, от дядь племянники» постоянно уходят на новые места в той же волости, пока в ней есть незанятые места, или дальше в чужие волости, и всюду на наших глазах возникают новые однодворные деревни-починки.

Из братьев и племянников, конечно, не все уходят на заимки-починки; после смерти отца часто двое сыновей остаются на «селе» своего отца, а если его «топор», как и «соха», захватил много доброй земли, то и трое сыновей остаются на старом печище. Иногда они продолжают вести хозяйство сообща, как вели его при отце, вместе работают и «едят и пьют вместе» и только сидят в отдельных клетях на общем дворе. Но чаще братья делятся после смерти отца и в деревне появляются два или три особых двора.

Деревня-двор при этом превращается в маленький поселок — двухдворный или трехдворный. Она, однако, при этом большею частью сохраняет прежний характер поземельного целого, единого хозяйства.

Деревня при разделе между братьями не расходилась на два совершенно обособленных и точно размежеванных имения. Земли одного крестьянского дворохозяйства, хотя бы и очень большого, трудно разделить так, как делят большое имение, деля его на части пограничной чертой.

Крестьянское дворохозяйство слагается из разнообразных небольших угодий, из небольших пашен и пожен (сенокосов), в полях и лугах разного качества. И эти условия хозяйства диктуют особый порядок раздела. Когда два брата делят «печище», или «село», своего отца, они, чтобы уравнять свои части, делят пополам каждое угодье, делят пополам пашни в полях разного качества и пожни в разных лугах. Участок леса они не делят на две части межою, они делят в нем только «ловища», или «перевесы»,— большие сети для ловли птиц или зверей, которые подвешивались в лесу на деревьях; они делят в нем места, где водились дикие пчелы (бортные ухожаи). Вместе с лесом неразделенным остается и озерко или речка, и так, как при отце, братья вместе закидывают тоню и делят только улов.

Деревня сохраняет прежнее значение хозяйственного целого: к ней по-прежнему тянут известные поля, луга, леса и воды. И братья после раздела владеют долями этих различных угодий: «полосами» и «лоскутами» земли в различных полях и «участками» в различных «ловищах» рыбы и зверя.

Такой порядок дележа деревни находим мы в новгородских или двинских купчих XV в. Так, например, один крестьянин про-

дает «пол села земли... отчину его, двор и дворище и гуменник, и орамые земли, пожни и с притеребы (росчисть) и лесы, и перевесища, и в водах ловища, и в хмельниках половина, и где ему ни досталося в отделе от братьев своих». Другой завещает монастырю принадлежащую ему «четверть» «в орамой земли, в пожнях и в лесе, и в водах». Третьи подробно отмечают все принадлежавшие им «полосы» и «лоскуты» земли в разных угодьях [158*].

Характерная черта этих порядков — чересполосность и дробность лоскутов земли. Это землевладение — лоскутное.

Земельное единство деревни сохраняется еще больше, когда братья после смерти отца не производят раздела имущества, а оставляют все земли в общем владении и только берут в пользование полосы и лоскуты земли соответственно наследственной доле каждого. Это вызывалось теми же особыми условиями небольшого крестьянского хозяйства, о которых я говорил. Наследники не производили окончательного раздела ввиду того, что хозяйственное значение различных участков изменялось с течением времени; и чтобы никому не нанести ущерба, время от времени переделяли свои полосы или некоторыми угодьями пользовались по очереди. Иную пашню или пожню на низком месте могло, например, залить водой при сильном разливе реки, что случалось тогда еще чаще, чем теперь; иную пашню на берегу реки могло «смыть или засыпать», как предусматривает одна раздельная грамота [159*]. Ввиду этого наследники, не разделяя окончательно своего печища, делили его условно, с тем чтобы затем уравнивать и переделять свои полосы и лоскуты по мере надобности, чтобы реальная доля каждого всегда точно соответствовала идеальной доле его наследства.

В этом и заключается существо *долевого*, или *складнического*, землевладения или, точнее, землепользования. Оно открыто А. Я. Ефименко, и ее основные наблюдения вполне подтвердились дальнейшими исследованиями, в особенности трудом П. И. Иванова [51]. «Владея реально своею долей,— говорит Ефименко,— каждый член разложившегося печища не переставал быть идеальным представителем известной доли когда-то общего целого... Несмотря на то что при дележе земли участок каждого определялся реально — полоса там-то, польцо такое-то, доля каждого не теряла своего первоначального идеального характера права на

[158*] *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. № 45, № 9; АЮ. № 71. XXX; ср.: РИБ. Т. XIV, № 5 (1517 г.), № 9 (1523 г.).

[159*] В одной из раздельных грамот, например, предусматривается случай, что какой-либо из выделенных участков на берегу реки сделается негодным для пашни: «А которое место в коей трети (в одной из третей дележа) смоет или засыплет, а пахать негодно»; и на этот случай все участники дележа обязуются помочь потерпевшему (*Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы... С. 269).

такую-то часть целого. Дележ не разбивал целого бесповоротно. Каждый соучастник дележа мог найти, что реальный участок, доставшийся ему, не соответствует его праву, его идеальной доле, и мог требовать передела, уравниванья».

«Как идеально деревня делилась на доли,— добавляет к этому П. И. Иванов,— так материально все ее земли и угодья делились на жеребьи, число которых и размеры соответствовали числу и размерам долей. Каждый жеребий состоял из участков в землях и угодьях всех качеств и назначений, усадебных, полевых, сенокосных и проч. ...» Каждым данным жеребьем складник пользовался только от передела до передела. В определенные сроки вся земля отбиралась от их пользователей, делилась вновь на полосы, числом и размерами соответствовавшие числу и размерам долей, «делилась и вервилась» и распределялась, «жеребьевалась по долям» между складниками». Кроме передела, время от времени производилось поравнение, или «ровня». Целью поравнения было выяснить, соответствует ли участок складника его идеальной доле; участок его измерялся, и если оказывалось, что у него «по его доле мало, несполна», то ему прибавлялось из земель тех складников, у кого оказались лишки [160*].

В этих «равнениях» разделенных полос и проявляется основная черта долевого землевладения. По дельной грамоте 1601 г., деревня Камчинская делится на четыре части, делится ее «двор и дворища и земли орамые и пожни по четвертям» и указывается точно, какие «полосы» в каком поле «достались» на каждую четверть. И тут же участники дележа условливаются: «А землями нам полосами равнятись меж собою ровно, чтоб ни у кого лишка земли ни в которой четверти или в полосе не было» [161*].

Наряду с условным дележом земель по долям в северных деревнях очень часто производились и окончательные разделы. Привыкши к частым переделам и уравниваниям земли, складники закрепляли такой окончательный раздел особым обязательством, вносившимся в раздельные грамоты: «А что есми поделили по своей любове, а то нам после сего делу тех земель не верстати» (1592 г.); или: «А ту есмя деревню, двор и поля и логи поделили по своей любови, а впредь нам... не переделивати, и с полос друг друга не сживати» (1595 г.). Чтобы придать более крепости этому обязательству, складники иногда назначали

160* АЮБ. № 107. (То же см.: *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы... С. 216).

161* При обозначении межей и при их измерении втыкались колья. Отсюда перестановка межей называлась «межное переколотье» и идти на поравнение называлось «итти на уколоть» (а передел всех участков назывался жеребьевкой). Цель поравнения — «в лишке землею не владеть, а у кого лишек будет, то оттыкать» (*Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы...).

даже за нарушение его особую пеню: «А будет из нас изнова который взачнет переделивать или его дети, и на том взяти или на его детях... 10 рублев денег».

Деля и размежевывая полосы и лоскуты земли соответственно доле владения каждого, складники постоянно оставляли некоторые угодья неразделенными, неразмежеванными, не только в общем владении, но и в общем пользовании. Делилась и размежевывалась обыкновенно только пашня, а в общем пользовании оставлялись сенокосы, выгоны, леса и воды[162*]. «А та моя четверть деревни,— читаем в купчей 1625 г.,— вся пашенная земля с братиею в делу и за межами окромя сенных покосов, а *сенные покосы* вместе с братиею, не в делу». Или в другой купчей: «А *орамая земля* со складниками с Иваном да с Григорьем в разделе и за межами; а *поскотина и пожни и озера и истоки* и все угодьи с складниками вместе, не в разделе»[163*].

Неразделенные угодья назывались на Севере «обчихами», «вопчихами», «вопчими землями». И складники обязывались «за ту нашу вопчую землю... стоять в ответе всем вместе». В отношении земель, выделенных каждому в отдельное владение, напротив, условливались, что свои права на них каждый должен охранять сам: «Тимофею и Ивану самим стояти за свои полянки». Иногда, однако, привыкши при долевом владении к общей его охране, складники, и разделив окончательно земли, и обязавшись впредь их не переделивати, вместе с тем условливались: «А от сторонних людей за землю стояти нам вместе» (1595 г.).

Все эти черты долевого, или складнического, землепользования, все эти «вопчихи», или общие угодья, и частые переделы и уравнивания на первый взгляд делают его очень похожим на общинное землевладение. Но это сходство внешнее, и по существу своему долевое землепользование резко отличается от общинно-уравнительного.

Между «уравнением» складническим и «уравнением» общинным нет ничего общего, кроме одного и того же слова, имеющего в этих двух случаях совершенно различный смысл. Уравнение в долевой деревне есть уравнение полос и лоскутов соответственно доле, принадлежащей каждому по праву собственности. Общинное же землевладение не признает права собственности;

[162*] На Севере лучшие пашенные земли, находившиеся на возвышенных местах, назывались обыкновенно *горною* землею в отличие от других угодий на низких местах, называвшихся землей *луговой*; и, деля между собою горную землю, складники большею частью оставляют неразделенною землю луговую.

[163*] При условном дележе размежевание производилось так же, как при окончательном разделе. Поэтому в грамотах встречается выражение: «*Земля за межами, а не в делу*». При окончательном «деле» земля не только размежевывалась, но и доставшиеся каждому участки описывались, или «расписывались», в дельных грамотах. Поэтому окончательный «дел» обозначается в актах словами: земля «*за межами и в делу и в росписи*».

община уравнивает и переделяет земли соответственно трудовым силам или семейному положению каждого дворохозяина. В одном случае уравнение — размежевание земель по правам собственника, уравнение «по купчим и иным крепостям», по письменным «крепостям, по купчим и дельным»; в другом случае — действительное уравнение, частью по силам, частью по потребностям каждого. Это существенное различие между долевым и общинным землевладением точно указано А. Я. Ефименко. «Деревенский дольщик— говорит она,— был полным собственником своей доли... Он мог покупать и продавать, завещать и наследовать, отдавать и получать в приданое, мог дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этом условии не могло быть равенства в земельном владении — этого безусловно необходимого элемента современной поземельной общины». Подворное землевладение, утвердившееся в Архангельской губернии в XVII в., сохраняется здесь до начала XIX в., до «генерального поравнения» 1831 г., о котором я уже говорил. Оно прошло здесь с большими затруднениями. Складнические переделы-«поравнения» к этому времени здесь уже не существовали; и генеральное «поравнение по душам» не имело ничего общего с долевым «поравнением по крепостям».

Долевое землевладение есть, таким образом, не что иное, как совладение собственников. Возникает оно из дробления деревни, принадлежащей одному хозяину также на праве собственности. И, разрушаясь, оно переходит не в общинное землевладение, а в подворное на том же праве собственности. Факт перехода долевого землевладения в подворное, выясняемый Ефименко и Ивановым, показывает наглядно, как далеки были по существу своему «уравнения по крепостям» от общинно-уравнительного землевладения.

Долевое землевладение, столь развитое на Севере в XVI в., переходит в подворное уже к середине XVII в. А. Я. Ефименко полагает, что в половине XVII в. «общих переделов по деревням уже не существовало или если они и существовали, то в виде исключения». П. И. Иванов также утверждает, что складническое землевладение разлагается, переходя в подворно-участковое, в первой половине XVII в. Переделы пашенной земли, или горной, исчезают, и «только принадлежности пашни» (луговая земля) остаются «в XVII в. в коллективном складническом владении» [164*].

[164*] Акты, касающиеся долевого землевладения на севере: 1) новгородские и двинские купчие XV в. (АЮ; *Шахматов А. А.* Указ. соч.); 2) АЮБ; 3) дельные и явки на складников XVI—XVII вв. (Акты Холмогорской и Устюжской епархий // РИБ. Т. XII, XIV, XV); 4) Судебник 1589 г./ Под редакцией С. К. Богоявленского // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1900. Вып. 7; 5) извлечения из актов в книгах А. Я. Ефименко и П. И. Иванова Во второй из этих книг

напечатана целиком «поскотина дельчая» 1624 г. Акты троицких складников (*Иванов П. И.* Сябры-помещики // ЖМНП. 1903. № 12); 6) большие цитаты из неизданных актов, собранных М. А. Дьяконовым,— в ценной статье М. Клочкова (*Клочков М. В.* К вопросу о складниках // ЖМНП. 1901. № 11. С. 29—51); 7) дельная грамота сольвычегодских складников 1572 г. (*Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 494—495); 8) судный список по делу складников Устьянской волости 1641 г. (*Богословский М. М.* К вопросу о Судебнике 1589 года // ЖМНП. 1905. № 12. С. 265—275).

О сябрах и складниках см.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде // ЖМНП. 1895. № 12. С. 364—368 (отд. отт. с. 24—28); *Он же.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. СПб., 1905. Т. 1. С. 19—21; *Лучицкий И. В.* Сябры и сябринное землевладение в Малороссии // Северный Вестник. 1889. № 1, 2; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 4-е изд. Киев; СПб., 1905. С. 558—561, 693; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. III. С. 59—63, 386—408; *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни; *Иванов П. И.* К истории крестьянского землевладения на севере в XVII в. // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1899. Т. I, вып. 3. С. 413—440; *Он же.* Поземельные союзы и переделы... С. 194—278.

В. И. Сергеевич признает существование у нас долевого землепользования: долевых совладельцев он узнает в новгородских и псковских сябрах. Общее владение, «вопчия деревни» обозначаются, по его мнению, термином «вопчее». Общие владельцы-«собственники», они «распоряжаются своими долями по собственному усмотрению». Доли сябров — «доли идеальные; продаются они по усмотрению дольщика» (*Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 3. С. 69—71). И в отношении малороссийских сябров XVIII в. Сергеевич упрекает Лучицкого[52] в том, что он «не различает идеальной части от части, отведенной в натуре», и «говорит о разделе, где раздела еще не было, а продолжалось общее владение идеальными частями» (Там же. С. 398) Эти заключения Сергеевича относительно сябров основаны на очень ограниченном числе данных. Вывод А. Я. Ефименко относительно северных складников обоснован гораздо более солидно, на очень богатом материале. Но Сергеевич очень решительно, без критического разбора отвергает основной вывод ее работы, что складники были общими владельцами, дольщиками, как и псковские сябры. Сергеевич, конечно, много возражает г-же Ефименко, но тщательно обходит в своих возражениях этот основной пункт, а все толкует о ее теории *происхождения* складничества и его дальнейшего развития при некоторых условиях в общинное землевладение (Там же. С. 390—395). Сергеевич очень редко признает чужие выводы, даже если они, как в данном случае, твердо доказаны. Его point d'honneur [дело чести (фр.)] — собственные оригинальные объяснения. И на основании очень искусственного объяснения двух-трех текстов он дает такое действительно оригинальное объяснение складничества: «складство» — это «положение в одну податную единицу (соху) для исчисления государева тягла». Слово «складство» — товарищество — могло обозначать, как это видно из документов, разные товарищеские отношения. Но, истолковав один документ о складниках как о «складниках в тягле», Сергеевич совершенно произвольно утверждает, что «*в этом же смысле надо понимать и все другие документы*, в которых речь идет о жителях одной деревни, которые называют себя складниками» (Там же. С. 60—61). А как надо понимать следующие ясные выражения актов: «*Сложился* я, сирота, с ним, Петром, он два пуда меди, а я положил пуд меди, и тою медью промышлять»; или: «А тот у нас црен *в складстве*» с такими-то; или: «Яз, Никита Стафиев, складывался с Федорою с Ортемьевою дочерью вместе жити» (см.: *Клоч-*

§ 35. Долевое землепользование в истории землевладения

Описанные черты долевого землевладения выяснены по документам, относящимся к деревням крайнего нашего Севера XVI—XVII вв. Но может ли деревня на реке Двине в Архангельской губернии с ее долевым землепользованием служить типом древней деревни во всех других областях, столь отличающихся по своим хозяйственным условиям от крайнего Севера?

А. Я. Ефименко, конечно, отвечает на этот вопрос утвердительно. Новые идеи всегда ослепляют исследователей, всегда увлекают их на несколько шагов дальше за пределы линии точно доказанного. И г-жа Ефименко, увлеченная открытой ею долевою деревней, естественно, придала ей преувеличенное значение как особой всеобщей стадии развития землевладения. Она утверждает, что «долевая деревенская поземельная организация была общим типом старой русской поземельной организации» для новгородского района, и предполагает, что эта организация имела то же значение «и вне района Новгородской области» [165*].

Вырастает эта организация «на развалинах той последней стадии родового быта, которая называется у юго-западных славян задругою, а на севере «печищем». Далее из этой долевой организации, как из «материнской формы», развивается, с одной стороны, подворно-участковое, с другой — общинное землевладение [166*]. Долевое складническое землевладение представляется г-же Ефименко как один из трех основных «фазисов» развития: 1) задруга, 2) складники, 3) двор или община.

Все это, несомненно, несколько лишних шагов далеко за черту доказанного. Даже для крайнего Севера, где складническое землевладение было широко распространено, в нем трудно видеть особый «фазис» развития.

Долевое землепользование слишком неустойчиво для того, чтобы ему придавать такое общее значение. Оно появляется в той или другой деревне, когда от одного дворохозяина деревня переходит в руки двух или трех, и оно очень скоро исчезает в ней, как только отношения дворохозяев усложнились, и они вместо владения по долям решают окончательно разделить между собою земли так, чтобы впредь уже не переделиваться. Только что возникши из деревни-двора, долевая деревня быстро превращается в деревню с подворным личным владением.

Эта неустойчивость долевой деревни ведет к тому, что мы

ков *М. В.* К вопросу о складниках. С. 35—36). Это тоже складство в тягле? Сябры — дольщики, по двум-трем намекам на их вопчие земли и доли. А складники, о вопчих землях которых, долях и переделах документы, можно сказать, кричат,— не дольщики, а только «складники в тягле» (!) Что это, как не каприз почтенного ученого?

165* *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. С. 225, 373.

166* Там же. С. 225—226.

всюду, в каждом небольшом районе, в каждой волости рядом с долевыми деревнями находим и деревни-дворохозяйства, и многодворные деревни, в которых складники разделили уже свои земли, окончательно размежевав их и расписав. На Севере в XVI—XVII вв., когда здесь наблюдаются порядки долевого землепользования, поселки-деревни были так же, как и повсюду в России, очень небольших размеров и большею частью преобладали маленькие деревни в один и два двора. Ефименко указывает, например, что в 17 деревнях Спасского стана в 1651 г. было 8 деревень однодворных, 5 — двухдворных и только 4 деревни с тремя и четырьмя дворами. Развитое долевое землепользование с переделами и уравниванием могло здесь существовать только в этих немногих многодворных деревнях, и то в некоторых из них складники могли уже размежевать и расписать земли. Долевое землепользование, таким образом, в каждом данном районе сосуществует с другою формою — с подворным личным владением.

Каждая долевая деревня разлагается очень быстро не от внешних причин, а от внутренних, от естественного роста населения, она в самой себе носит зерно быстрого разложения. А. Я. Ефименко сама указывает, что «увеличение народонаселения» является «самым существенным из внутренних условий, влиявших на разложение деревни» [167*]. Как только число совладельцев увеличивается, «возникает такая спутанность, которая устраняет всякую мысль о переделах или уравниваниях», и складники производят окончательный раздел земли.

На неустойчивость этого землепользования, на его переходный характер указывают и частые столкновения между складниками. Мы имеем целый ряд известий о таких столкновениях в двух небольших волостях за короткое время. Так, например, в небольших волостях Шевденицкой и Усть-Уфтюжской за 1606 г. мы находим два вооруженных нападения одних складников на других. В одном случае, когда пущены были в ход ножи и рогатины, один из складников был убит насмерть, другой изувечен и ограблен. В следующем, 1607 г. мы, опять в той же местности, находим жалобы крестьян на своих складников о бое, грабеже и о насильственном завладении полосами земли [168*].

И я полагаю, что это долевое землепользование, столь неустойчивое, столь быстро разлагающееся и всегда сосуществующее с землевладением подворным, нельзя принимать за какой-то особый «фазис» или какую-то «стадию» развития, соответствующую стадиям родового владения или общинного.

В основе долевого пользования лежит то же право собственности, как и в подворном владении. Основная ячейка древнего

167* Там же. С. 301—302.
168* РИБ. СПб., 1894. Т. XIV, № 242, 243, 247, 248 и др.

поземельного устройства — деревня-двор, деревня — однохозяйное целое. Деревня долевая, или складническая, есть разновидность этой деревни-двора. Это общее владение нескольких собственников одною деревнею, причем эта деревня сохраняет до некоторой степени свое прежнее хозяйственное единство.

Долевое землепользование получило особенное развитие на Севере, на реке Двине, в Архангельской и Вологодской губерниях, в XVI в. и до половины XVII в. Здесь были некоторые особые местные условия, которые заставляли крестьян, не деля окончательно деревни, пользоваться полосами и мелкими лоскутами земли, переделивая их и уравнивая время от времени. Здесь было очень мало удобной для пашни земли, а расчистка новин требует большой затраты труда. В каждой деревне было мало лучшей, так называемой здесь «горной», земли, находящейся на возвышенных местах, и более удобной, чем низкие места (луговая земля), на которых посевы больше страдают от морозов вследствие близости болот. Недостаток «горной» земли заставлял складников ценить и небольшие полосы ее, и лоскуты и вел к тому, что в деревне являлось много совладельцев, владевших очень мелкими ее долями.

В других местах, где удобной земли было больше, деревня, надо полагать, не дробилась на такие мелкие доли, и по мере увеличения в деревне числа дворов владельцы их распахивали новые участки земли. И при этом условии долевое землевладение не могло получить такого развития с постоянными переделами и уравнениями, какое мы видим на Севере.

Но основные черты долевого землевладения, надо полагать, были свойственны не только северной деревне, но и вообще древней деревне. По всей вероятности, и в других местах, так же как на Севере, братья после смерти отца часто не делили земель деревни окончательно, а оставляли ее в общем владении и пользовались землею соответственно долям наследства. При этом они, по всей вероятности, делили деревню не так, как делят именье, разрезывая его пограничной чертой, а так же, как северные складники: делили разные угодья полосами, а некоторые угодья оставляли в общем пользовании. Такая чересполосность и общие угодья (северные обчихи) должны были оставаться здесь, как и на Севере, и после окончательного раздела земель между наследниками, и многодворная деревня сохраняла некоторое хозяйственное единство, подобно деревне-двору, этой основной ячейке древнего поземельного строя.

Мне кажется поэтому, что складников Севера исследователи не без основания сближают с сябрами Псковской судной грамоты и с сябрами Малороссии.

§ 36. Долевое землевладение в Западной Европе

Существовало ли долевое землевладение на Западе?

А. Я. Ефименко, открыв северную долевую деревню, начала искать ее и в Германии, но, ограничившись книгами Маурера, она нашла в них только некоторые неопределенные намеки на существование в Германии «такой же долевой поземельной организации». Между тем ей следовало взять не Маурера, а статьи Ганссена[53], чтобы найти в них ясное описание долевого землевладения, сохранившегося в некоторых немецких областях до прошлого столетия.

В предисловии к своей книге Ефименко писала, что, устанавливая свои положения, она немало смущалась, что не могла «сослаться ни на какого немца», и радовалась, что нашла потом в немецкой литературе единомышленника по другому вопросу, о трудовой основе права собственности. И в этом вопросе — о долевом землевладении — у нее был немец-единомышленник, Ганссен. Он открыл для немецкой науки долевое землепользование еще раньше Ефименко, в 1863 г. Но надо сказать, что этот немец, статья которого имела такой же большой успех, как и статья Ефименко, исполнил свою задачу хуже ее.

В то время как Ефименко выяснила тесную связь долевой деревни с деревней-двором, выяснила частное право собственности, лежащее в основе владения деревни целой или разделенной на доли, и в силу этого провела отчетливую грань между долевым и общинным землевладением, ее немецкий коллега Ганссен увидел в долевом землевладении остаток первобытной общины, о которой говорят Цезарь и Тацит. Эта ошибочная теория происхождения долевой деревни не помешала, однако, Ганссену отчетливо описать ее существо по точным данным и наблюдениям недавнего времени — XVIII и XIX вв.

Данные его относятся главным образом к общинам на реке Мозель, по ее притоку, реке Саару, в нынешней Рейнской провинции Германской империи, горных округах Трир, Мерциг, Оттвейлер, Вендель и Саарбург. Долевой совладелец назывался здесь Gehöfer, буквально — «подворник», и долевая деревня — Gehöferschaft, в буквальном переводе — «подворщина» [169*].

Что эта «подворщина» Рейнской провинции одинакова с складнической деревней Архангельской губернии, это совершенно ясно из описания Ганссена. И там и здесь общее владение; и там и здесь пользование полосами и лоскутами земли по идеальным долям совладельцев; и там и здесь переделы-же-

[169*] Слово «подворник» означало у нас нечто совершенно иное — человека, живущего на чужом дворе. Но я буду пользоваться им здесь в указанном немецком смысле. Слово «подворщина» в нашем древнем языке неизвестно.

ребьевки, но не общинное уравнение, а отвод жеребьев по идеальным долям.

Каждому «подворнику» (Gehöfer) принадлежит известная «доля» в общем владении. Ганссен так и называет ее «долей» (Quote) и «идеальной долей» (ideelle Quote), и эта доля принадлежит ему по праву собственности; он может ее отчуждать по частям или целиком. Поэтому Gehöferschaften называются также Erbschaften (наследственными владениями, «вотчинами») и Erbgenossenschaften («вотчинными общинами»). Этот термин «вотчинная община» прекрасно характеризует существо долевого землевладения, соединение общины с собственностью, с «вотчиной».

Вследствие раздела долей между наследниками и отчуждения их по частям они здесь, на реке Мозель, дробятся на все более мелкие части, как и доли наших складников. И участки различных владельцев отличаются чрезвычайным неравенством; наименьшее владение в таких общинах равняется только $^5/_8$ моргена, наивысшее — 35 моргенам.

Порядок раздела земель по долям каждого поразительно совпадает с порядками северной русской деревни, как это ясно из следующего описания Ганссена: «Подлежащие жеребьевке (Verloosung) земельные угодья разного рода (пашни, дикие земли и т. д.) соответственно различным свойствам почвы, их расположению на возвышенности или на низменности, их большей или меньшей отдаленности и т. д. делятся на четырехугольники, которые составляют большое число специальных отделов жеребьевки (specielle Verloosungsdistrikte). В каждом таком отделе приходится каждому подворнику (Gehöfer) соответствующая часть. Определение этих частей каждого подворная община упрощает и облегчает себе тем, что она не приступает непосредственно к дележу всех подлежащих жеребьевке отделов на большое число жеребьев самых разнообразных размеров, как то требуется по разнообразным долям владения (Quotenbesitz) каждого, а сначала делит их на определенное число больших жеребьев равной величины. Для каждого такого большого жеребья соединяются вместе несколько долей и этим соединенным группам подворников предоставляется произвести дальнейший раздел между собою».

Чтобы яснее представить читателю близость этих порядков к долевому землевладению нашей складнической деревни, я приведу еще следующую цитату из Ганссена, в которой он объясняет причины и цели передела земель в подворщинах. Он основывается на письменном документе, а именно на приговоре общины Лосгейм 1724 г., которым эта община решила возобновить переделы, не производившиеся в ней долгое время — с *1655 г.* «Вследствие разделов земли здесь (в Лосгейме),— говорит он,— возникло беспорядочное раздробление полос до того, что хозяйственное

пользование ими стало невозможным и затемнились межи собственников. От этого страдали даже те, кто покупкою или по наследству снова соединяли в своих руках более значительное земельное владение, так как они не могли объединить своих разбросанных полос и полосок, и у них повсюду возникали недоразумения и столкновения с соседними владельцами. В ту эпоху еще не могло быть и мысли об объединении земель (Consolidationen), как оно делается в наше время, и, для того чтобы по возможности упорядочить аграрные отношения, представлялось наиболее простым средством свести пахотные и луговые владения всех снова к идеальным долям (ideelle Quoten) и восстановить 12-летние жеребьевки (Verloosung)».

Одинаково с Ганссеном и Маурером К. Бюхер полагает, что подворные общины представляют собою остаток очень глубокой древности времен Тацита и Цезаря, но это не помешало ему дать верное определение существа долевого землевладения: «Gehöferschaften — это аграрные общества, владеющие пашнями, лугами и лесами, в которых каждый член общества пользуется участками по жребию соответственно тем различным правам, которые ему принадлежат... Части каждого сочлена могут быть отчуждаемы и свободно делимы между наследниками...»

Долевое землевладение было широко распространено в XVIII в. в указанной мною выше местности, в горах Гунсрюка и по берегам Мозеля и Саара. Многие подворные общины окончательно разделили здесь свои земли в 1795—1796 гг.; массовые разделы произведены были в связи с первым прусским кадастром на рубеже 30-х и 40-х годов и затем по закону об общинных разделах 1851 г. Но в небольшом числе они сохранились до конца XIX в.; по сведениям Лампрехта, в округе Трира в 1883 г. было еще 26 Gehöferschaften.

Подворные, или вотчинные, общины с долевым разделом земель известны в немецкой науке по наблюдениям над общинами указанной местности. Но немецкие историки доказывают, что они существовали в более древнее время и в других местах.

Соглашаясь с этим, Лампрехт возражает только против увлечения тех, кто «в каждом сельском поле готов видеть подворщину» [170*].

[170*] *Hanssen G.* Die Gehöferschaften im Regierungsbezirk Trier // Agrarhistorische Abhandlungen. 1880. Bd. I. S. 99—122. (Статья напечатана была раньше в: Abhandlungen der Königliche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1863). В тексте моем цитируются с. 108, 112—113 и др. Во втором томе тех же «Agrarhistorische Abhandlungen» помещена дополнительная статья по тому же вопросу: *Hanssen G.* Kommentar zu der Abhandlung über die Trierschen Gehöferschaften // Ibid. 1884. Bd. II. Некоторые цитаты из этих статей приведены: *Посников А.* Общинное землевладение. М., 1878. Вып. 2. С. 161, 164 и др. Статью К. Бюхера [53a] см.: Derniers vestiges de l'ancien regime agraire en Allemagne // Laveleye E. De la propriete. 4 ed. P., 1891. P. 107—109 et suiv. См. также: *Lamprecht K.* Op. cit.

S. 442—445; *Мейцен Авг.* Формы расселения // Очерки из экономической и социальной истории. СПб., 1889; *Маурер Г.* Введение... С. 7; *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы. Т. I. С. 363, 462; Т. II. С. 151. Ганссен дает следующее определение Gehöferschaften, к которому присоединяется Лампрехт: «Аграрные товарищества с общей собственностью на все их земельные владения, поля, пашни, луга, так называемые дикие угодья (Wildländerei) и леса и с периодической сменой членов в частном пользовании угодьями на основе возобновляемых жеребьевок, за исключением земель, «оставляемых в общем пользовании» (*Hanssen G.* Die Gehöferschaften... S. 100; *Lamprecht K.* Op. cit. S. 442). Но в этом определении нет важного признака, что члены товарищества имели неравные права на земли. Поэтому я предпочитаю определение Бюхера, приведенное в тексте. К. Лампрехт возражает против «общего воззрения на исторический характер Gehöferschaften, которое клонится к тому, что в них сохранились остатки первобытного аграрного строя, а именно полной общности полей». Но он в свою очередь ошибочно полагает, что долевая деревня слагается под владельческим влиянием. «Gehöferschaft,— говорит он,— представляет собою общину, выросшую на владельческой земле и из нее, и никоим образом не продолжение и не остаток германской полевой общины, но скорее относительно недавнее учреждение» (*Lamprecht K.* Op. cit. S. 445). Г-жа Ефименко признаки долевого землевладения в Германии нашла в известиях о гуфах, разделенных на 8, 9, 14 и более частей. Выражение германских памятников «половина и восьмая часть mansi» живо напомнили ей выражения наших актов «полдеревни и жеребий деревни» (*Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. С. 236, 237). Эти известия, однако, недостаточны для аналогии между разделенной гуфой и долевой деревней потому, что гуфа имела двойственное значение; она обозначала деревню в обеих ее составных частях, двора и земли и в то же время податной участок, совпадавший первоначально с нормальным размером деревни как дворохозяйства. У нас такое двойственное значение первоначально имела *обжа*. Обжа, как и германская хоба (huobe, hufe), соответствовала деревне и иногда употреблялась как равнозначащее выражение, но обжей назывался податный участок. Таким образом, выражение «пол-гуфы» соответствует выражению «пол-обжи», «пол-податного участка». Указания на чрезвычайную делимость гуфы, до 32 частей (и до $^1/_{160}$), могут указывать на то, что древний размер окладного участка уже не соответствовал нормальному размеру дворохозяйства, подобно тому как наша *соха*, древнейшая большая окладная единица, с течением времени далеко разошлась с размером дворохозяйства и каждое дворохозяйство выражалось в мелких дробях сохи. Выражения памятников «38 полных гуф с половиною» указывают на число окладных единиц и должны быть сопоставлены с выражениями наших памятников — столько-то обж и столько-то сох с дробями (обж и сох как окладных единиц). Подобно нашей сохе, гуфа как окладная единица превращается с течением времени в земельную меру от 30 до 60 моргенов (*Lamprecht K.* Op. cit. S. 367). В XIII столетии гуфу в качестве окладной единицы сменяет плуг (aratrum) или земельная мера морген, или четверть (Quartar, das Viertel) (Ibid. S. 371, 327), как у нас обжу сменяет соха. Оклад по гуфам сохраняется в господских имениях. Раздробленные части гуф объединяются в одно целое, но не так, как объединялись доли деревни при совпадении, а единственно в податном отношении. «Там, где удержалось старое обложение по гуфам,— говорит Лампрехт,— владельцы обрывков гуфы составляли особый самостоятельный податной союз, главой которого был владелец старых дворовых построек гуфы» (Ibid. S. 370).

§ 37. Полицкая вервь

Полицкая вервь отнюдь не может быть приравниваема к семейной общине, так называемой задруге [171*].

Единственные указания на связь верви с семейными или родовыми отношениями можно бы видеть в терминах, относящихся к верви. Члены задруги называются «братьями» вервными, и их общее владение «племенщиной». Но эти термины, идущие из древности, могут дать указание лишь на происхождение верви из родовых отношений, и в историческое время они уже не соответствуют действительности.

Вервь Полицкого статута 1400 г.[55] представляет собой не что иное, как марковую, волостную общину.

Братья вервные иначе называются соседями (суседи), так же как члены русской волости и германской марки (vicini). Они составляют вместе вервную дружину-общину, Genossenschaft.

Вервь-волость слагается из нескольких сел (соответствующих нашим «деревням»). В каждом селе живет по нескольку дольщиков-диоников. Дионики владеют участками пашни соответственно доставшимся им долям по наследству (по бащине). Вместе с тем они пользуются и общими угодьями волости-верви, носящими название «племенщины».

Полицкий статут касается характернейшего момента жизни волостных общин — раздела общих угодий-племенщины. Раздел этот совершается так же, как в марке,— по долям, по жеребьям вервников.

«А где есть лес, то он делится следующим образом: во-первых, когда известны вервь (развод) и доли (дио), какие следуют из общинных угодий (племенщины) селам по мере и по разводу (верви) соответственно отчине (по бащине), тогда не требуется изыскивать никакого иного дележа леса, как по точному разводу и мере, по хозяевам и дворам и угодьям; как где идет развод по отчине, так пойдут и доли леса.

Если же неизвестен и не может быть известен развод между собою из угодий, как бывает, где в селе много дольщиков, там следует делить лес таким образом: прежде всего, в особенности, как пошло искони, доли леса должны пойти по старым законным жребиям, а также и по дворам».

Ф. И. Леонтович[56] в своей статье о полицкой верви, столь часто цитируемой нашими исследователями, сделал из этой ясной статьи ошибочные выводы. Ошибка его произошла оттого, что он не знал существа того вервления, развода, дележа по верви-веревке, какое мы хорошо знаем из исследования А. Я. Ефимен-

171* Задруга, или заедин, также не была семейной общиной. См. выписки из Ткалаца[54] у Леонтовича (*Леонтович Ф. И.* О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян // ЖМНП. 1867. Т. 134. С. 12).

ко[172*]. Он не заметил, что слово «вервь» употребляется в этой статье в двух значениях: вервь — община и вервь — веревка. Таким образом, слова статута о долях (дио), какие следуют из племенщины селам по мере и по *верви*, по отчине, он принял за указание на дележ «по вервям — частям сел»[173*].

На возникшем по той же причине ошибочном понимании статьи основан и следующий из нее вывод: «Вервь владеющая племенщиною сообща по бащине, отличается от верви, состоящей из отдельных участников (диоников), владеющих отдельными жребиями (участками, ждрибове)». Этот вывод ни малейше не соответствует изложенной статье. Статья различает не две формы верви, а два случая: один — когда в селе немного дольщиков и доли, причитающиеся каждому из общих угодий, совершенно ясны; и другой — когда в селе дольщиков много и их долевые расчеты запутаны[174*].

Этот ошибочный вывод из указанной статьи статута лежит в основе всех рассуждений проф. Леонтовича о двух формах верви, из которых одна представляет собою семейную общину: «Братья вервные могут жить на общей племенщине, владея ею сообща, без раздела по хозяевам и дворам, подобно семье в строгом смысле» (с. 9).

Какая связь соединяла членов вервного территориального союза? На этот вопрос исследователи наши дают два гипотетических ответа. Одни предполагают, что вервь была семейной общиной, подобной славянской задруге. Другие, по-моему, более правильно полагают, что вервь была соседской общиной, подобной позднейшей волостной общине и германской марке.

Никаких — ни прямых, ни косвенных — указаний на родственные отношения между членами верви рассмотренные выше статьи Русской Правды не дают. И исследователи, связывающие вервь с семейной общиной, находят, собственно, возможным из анализа этих статей вывести единственно то, что вервь *когда-то*, первоначально, была кровным союзом. Они предполагают, что круговая ответственность членов верви возникла из древнейших родственных отношений, из того, что они «*когда-то* были связаны между собою узами родства»[175*]. Ф. И. Леонтович идет

[172*] *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. С. 213 и след.

[173*] «В приведенной статье развиваются правила о порядке раздела лесов. Они делятся по вервям — частям, селам, а в ней (а в них?) по жеребьям или числу хозяев(!)» (*Леонтович Ф. И.* Указ. соч. С. 7).

[174*] См. примеры: *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни.

[175*] *Рожков Н. А.* Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 1. С. 110. С. Капустин[57], которому в своих рассуждениях отчасти следует г-н Рожков, также родовые отношения относил к древнейшей эпохе происхождения верви; он писал, что «жители верви, очень вероятно полагать, принадлежали к одному *разросшемуся роду*» (*Капустин С. Я.* Древнее русское поручительство // Юридический сборник/Изд. Д. Мейер. Казань, 1855. С. 285.

дальше в этом направлении. Он полагает, что вервь и в историческое время Русской Правды была союзом родственников, семейной общиной, он утверждает, что «сущность ее по многим признакам одна и та же, что и задруги», что «верви и задруги представляют собственно переходную ступень к чисто общинным формам жизни»[176*]. Он основывается в этом случае на сближении нашей верви с полицкой вервью. Но ниже я покажу, что Полицкий устав 1400 г. дает ясные указания, что полицкая вервь так же, как наша, была не семейной, а соседской общиной.

Может быть, происхождение нашей верви, как и полицкой, действительно идет от древних родовых и семейных отношений. Но источники не дают указаний на то, чтобы они представляли собою семейные союзы в историческое время. Вервь Русской Правды по всем признакам представляет собою значительный территориальный союз. Об этом свидетельствует предусматриваемая Русской Правдою возможность убийства видного княжа мужа на земле верви без ведома ее членов, возможность тайного нарушения ролейной межи и безуспешного разыскивания «по верви» «татя», совершившего это преступление, наконец, высокая цифра дикой виры, которая раскладывается на ее членов.

«В верви,— замечает Лешков[58],— надо предполагать значительную массу населения, которая удобно могла вынести на своей шее такую общественную повинность[177*].

Вервь времени Русской Правды, по всей видимости, была не семейной, а соседской волостной общиной, о существовании которой в это время свидетельствуют другие рассмотренные выше известия. Недаром же дикую виру, которую в киевское время платила «вервь», впоследствии платила «волость».

§ 38. Складническая деревня и волостной мир

В деревне те самые общинные угодья, которые составляют одно из оснований марки — волостной общины, находились также в общем владении и пользовании.

Небольшая деревня в 2—5 дворов из-за этого, однако, не превращалась еще в марку, но по-прежнему входила в состав большой марки-волости. Сверх своих общинных угодий владельцы деревни могли пользоваться также и общинными угодьями волости, где они были, как иногда у нескольких волостей

[176*] О значении верви сравнительно с задругою см.: *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. С. 17, 18.

[177*] Лешков правильно полагает, что «древняя вервь была почти то же, что впоследствии погост и другие аналогичные разделения России». Но, подробно описывая вервь, он допускает несколько слишком произвольных предположений (*Лешков В. Н.* Русский народ и государство. М., 1858, С. 110, 111).

даже бывали общие угодья в общем владении и пользовании. Складническая деревня так же, как деревня, составлявшая одно нераздельное дворохозяйство, входила в состав самоуправляющегося волостного союза с его выборными властями, общинной данью (податной разверсткой), судом, церковью и проч.

Мир с его выборными властями, с мирскими приговорами, во всем объеме своего значения является пред нами в актах, касающихся тех самых северных деревень, в которых широко развито было складническое, долевое или лоскутное землевладение. Земли здесь для выяснения податной ответственности каждого члена волости, будь то складник или нет, «вервились *мирскою волостною* ровностью и веревью».

«Каждая волость,— говорит г-жа Ефименко,— будь то волость черносошных крестьян или волость владельческая, т. е. совокупность земель одного владельца, например монастыря, вервила землю особо одной, „общей“, „большой“ „волостною веревкой“, в первом случае по приговору *волостного мира*, во втором — по приговору вотчинника... Общее вервление предпринималось в несколько десятков лет раз (больший срок, что мы знаем,— 25 лет), когда вид земельной собственности значительно уклонялся от того, чем он являлся по веревным, так что требовалось писать новые веревные книги. Волостной мир с земскими судейками, судейскими целовальниками, сотскими и тому подобным своим выборным начальством во главе постановлял приговор о вервлении и затем с какого-нибудь летнего праздника, например Семена-летопроводца или Николы вешнего, в свободное от работ время приступал к операции. Во главе дела стоял веревщик, которого волость нанимала по общему мирскому совету и согласью» [178*].

Не обходится дело без мира, без представителей общины, сотского и добрых людей и в области специально складнических отношений. Мир, частью решавший самостоятельно тяжбы волощан, частью участвовавший в судебном следствии, выступал на сцену и тогда, когда разбирались споры складников о границах их владений, о восстановлении границ их участков соответственно их наследственным правам. А. Я. Ефименко рассказывает, как при равнении владений складников по старым крепостям из съезжей избы посылались памяти земскому судейке и сотскому, чтобы они «взяли с собою веревщика, человека добра, да старожилов и волостных крестьян сколько пригоже человек, и с теми людьми... в Настасьинской деревне по всяким письмяным крепостям орамые земли и сенные покосы и всякие угодья сравнили в правду по евангельской заповеди господни» [179*].

[178*] *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. С. 245—246. О мире еще см.: Там же. С. 287 («От мирского усмотрения зависело, как делать раскладку, по сошкам и обжам, по вытям, по веревкам»).

[179*] Там же. С. 227 (акт конца XVII в.).

А. Я. Ефименко не отрицает существования волости как самоуправляющейся общины, не отрицает и ее «органического» происхождения. Но она, насколько возможно, принижает ее значение, выдвигая в противовес долевую деревню как особую форму землевладения, как основное учреждение древнего поземельного строя.

Ограничившись при изучении волости только теми неизданными актами, которые были в ее распоряжении, притом позднего времени — конца XVII и начала XVIII в., г-жа Ефименко извлекает из них далеко не все те основные черты волостного самоуправления, какие указаны мною выше на основании более обширного и разнообразного круга источников. Однако и по этим неполно отмеченным ею чертам мы легко угадываем основной отчетливый рисунок мирского самоуправления, недорисованный вследствие неполного изучения источников.

Деревни складнические (с долевым землевладением) и однохозяйные, однодворные, как указывает г-жа Ефименко, входили в состав волостей. В описываемой ею Паниловской волости на Двине деревень было семь, с числом дворов от одного до пяти (с. 212).

Крестьяне этих деревень составляли «волостной мир» с выборными представителями во главе. Г-жа Ефименко вскользь отмечает существование в волостях «мирских изб, которые были органами волостного мира», и «разных сотских и старост и тому подобных волостных должностных лиц».

Она говорит далее о волостном тягле, о «государевом тягле, сдавливавшем волость», и в связи с этим о «мирской земле», о землях, состоявших в распоряжении мира. Она указывает, что в распоряжение мира поступали все запустевшие участки, что «волость как юридическое лицо могла брать у казны на оброк свободные земли», что, кроме того, «в распоряжении волости находились церковные земли, которые ведал всегда волостной мир с выборным церковным приказчиком». Она подробно описывает «волостное вервление» — измерение тяглой земли с целью податного уравнения, производившееся «по приговору волостного мира», с участием старост и добрых людей.

Во всех этих наблюдениях отмечена значительная часть важных сторон волостного самоуправления: мирские власти, сотский и мир, мирская земля, мирская дань с самостоятельной раскладкой и вервлением. Одни эти неполные черты дают возможность судить о важном значении волости. Но г-жа Ефименко, описав разные категории мирских земель, описав волостное вервление по приговору мира, указав, что мир в отношении оклада имел власть не только над крестьянскими, но и над господскими, монастырскими землями и т. д., неожиданно утверждает, что волость является в ее документах «бледною тенью», и, ослабляя значение своих наблюдений, говорит неожиданно: «Вот все, что

мы могли выжать из нашего материала о поземельном значении волости», а к выборным представителям волости относится очень невнимательно, упоминая вскользь о *«разных* сотских и старостах»[180*].

Такое отношение г-жи Ефименко к волостному миру объясняется отчасти неполнотою собранных ею данных, а главным образом — полемическим характером ее работы. Эта работа направлена против Маурера, против приложения его теории к русской древности. Г-жа Ефименко горячо оспаривает Соколовского[59], который полагал, что русская волость так же, как германская марка, ведет свое начало из родового общинного землевладения и что в ее поземельном устройстве сохраняются следы этого ее происхождения. Оспаривая эту теорию, г-жа Ефименко поземельные владения волости старается объяснить исключительно «тягловым ее характером» и в то же время признает, что «некоторые стороны старой родовой единицы (верви, которую она приравнивает к родовой марке) продолжали существовать в северной верви-волости, напоминая о ее старом поземельном характере», признает за волостью «органическое происхождение», признает, что «волость удержала за собой по отношению к земле одну функцию, которая в архаическом облике сохраняет следы старого поземельного значения волости», именно мирское вервление[181*].

Тут в полемическом увлечении г-жа Ефименко впадает в явное противоречие. Надо выбрать что-нибудь одно: тяглое происхождение волости не вяжется с ее органическим происхождением, с архаическим обликом такой важной функции, как вервление.

Отрицая существование волостных общинных угодий, г-жа Ефименко упускает из виду целый ряд известий (приведенных выше) и, утверждая, что «пастбища и выгоны организованы» на Севере так, что «волость тут совсем не при чем», вслед за тем сама указывает, что на Севере «скот пасут, где как удобнее,— *или несколько деревень вместе, или целая волость*, или даже несколько соседних волостей».

Утверждая, что связь клеточек, составляющих волость деревень, «была связью внешней», г-жа Ефименко вслед за тем говорит: «Мы, конечно, не хотим сказать, что между этими клеточками не было никакой внутренней связи, совсем напротив: *такая связь была не только тягловая, но и нравственная,* и *очень крепкая»*[182*].

Так, сколько ни старается г-жа Ефименко уничтожить или принизить значение волости, эта волость — «органического про-

180* Там же. С. 241—244.
181* Там же. С. 208, 210, 239 244.
182* Там же. С. 206, 208, 241, 242.

исхождения», связанная не только тяглом, но и «очень крепкой нравственной связью», имеющая поземельное значение и сохраняющая в нем «архаический облик» — против желания автора, несмотря на все его уничтожительные оговорки, вырисовывается в чертах важного самостоятельного органа мирского самоуправления.

В этом рисунке волости не хватает, однако, некоторых важных линий. В статье о «Крестьянском землевладении на крайнем Севере» (до 1884 г.) г-жа Ефименко, говоря о волости, вовсе не касалась ее функций в области суда. На эту важную сторону волостного самоуправления она обратила внимание в позднейшей своей работе о «Народном суде в Западной Руси» (1893 г.), хотя и не поставила ее в связь с прежними своими соображениями о волости.

На основании новых любопытных документов г-жа Ефименко изображает здесь в ярких красках народный суд в Западной Руси XVI в., суд народного собрания — веча, громады, в копном округе, соответствующем нашей волости. И в связи с описанием этого суда в Литве она кратко говорит и о народном суде в древней Руси. «Московское государство,— говорит она,— решительно встало на дорогу централизации и автократизма, и правосудие перешло в руки верховной власти. Тем не менее в эпоху первого судебника великокняжеские наместники все-таки не судят без „добрых людей" без „лучших людей", и даже во втором судебнике упоминаются „судные мужи", а на демократизацию суда Иваном Грозным едва ли следует смотреть как на какую-нибудь новую и смелую реформу... Остатки народного суда на территории восточного и южного славянских племен дожили до сих пор. Конечно, и волостные суды не привились бы у нас с такою легкостью, если бы за ними не стояли многовековые традиции. Но и помимо волостных судов, действующих на основании обычного права, можно найти остатки настоящего архаического народного суда по разным глухим углам Русской земли. Деревенский суд или суд стариков есть кое-где в великой России еще живое, действующее учреждение» [183*].

Все это верно. И к этому надо только прибавить, что участие в суде «добрых людей» по судебнику у нас ясно связывается с волостной организацией. Эта новая черта деятельности волостного мира, той волости, которую г-жа Ефименко в полемическом увлечении тщетно старалась превратить в «бледную тень». Эта тень была на самом деле полна жизни, она была основным учреждением в строе народной жизни древности [184*].

[183*] *Ефименко А. Я.* Южная Русь. СПб., 1905. Т. I. С. 367—368 и предыд.

[184*] Как А. Я. Ефименко расширяет значение складнического землевладения до особой стадии развития, так и П. И. Иванов, подобно ей, выходя далеко за линию доказанного, видит в складничестве начало всех *мирских* владений. Он говорит о «переходе складнического землевладения в мир-

ское». Из деревенских «складней», по его мнению, возникают более значительные союзы — «союзы волосток, тяглые волости и союзы волостей», т. е. «мирское совладение». Мирское владение землями в пределах волости или волостки основано, по его мнению, на таком же договоре, как и совладение складников одной деревни. И автор рисует широкую картину нескольких «концентрических кругов» складнического землевладения. «Все указанные союзы (деревни, волостки, волости и союзы волостей),— говорит он,— представляют ряд концентрических кругов: в центре стоит двор, группа дворов образует деревню; последние, соединяясь, составляют волостку; из нескольких волосток состоит волость или стан; наконец, всех их объединяет союз волостей». Эти «концентрические круги» Иванова, несомненно, такая же крайность, как «стадии» и «фазисы» Ефименко.

Что говорят нам те акты, на которые ссылается Иванов в подтверждение своей широкой картины? Он говорит не о *возникновении* мирских угодий по складническому договору, а о *разделе* таких угодий, ранее существовавших. Возьмем найденную автором дельную 1624 г. Здесь «все крестьяне Труфаногорские волости» делят между собой волостной поскотинный луг. Делят они его между тремя складническими союзами, предварительно разделив луг на пять частей, и из каждой части дают полосу каждому из трех складнических союзов; «все крестьяне» волости «велели... тот поскотинный луг разделить на пять уделов, всякий удел на трое». «И в том... поскотинном лугу в трех третях коему ж в своей трети: Василью со складники в первой трети землею владеть, а другой трети Онтону со складники землею владеть, а третьей третью Павлу с складники землею владеть, противо своих горных участков земли; и друг другу никому из трети в треть никоторому не вступаться и не зачищать... И будет в Перемском во всем стану пойдет мирская веревка и на которую деревню наложат потугу, и в поскотинном лугу прибавить, с меж подвигаться во всех уделах; а в которой деревне потугу убавят, ино с поскотины убавить. А которое место в которой трети смоет или засыплет, а пахать не годно, и то место за сим письмом сделять всеми тремя участки... А веревкою ровнить по потугу... И впредь не переделивать тое земли никоторыми делы» (*Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы... С. 275, 276). Совершенно ясно, что долевой раздел поскотинного луга соответственно долям горной земли не создает «мирского владения», а, наоборот, свидетельствует о существовании мирских угодий раньше, до этого раздела, ибо «все крестьяне» волости могли делить то, что им принадлежало. И до этой дельной 1624 г. поскотинный луг был настоящим мирским, общим владением; теперь же он делится на доли и его мирское единство сохраняется уже слабее, в обязательстве переделять его соответственно изменениям потуга — тягла, по «мирской» веревке. Это «мирское владение» существовало до его долевого дележа, как существовала до этого дележа издревле и «мирская веревка».

То же самое говорят нам и другие акты, на которые ссылается Иванов (Там же. С. 224). Такова, например, дельная 1563 г. Здесь также прежние общие, мирские угодья делятся на две половины соответственно двум половинам пашенной земли. Делится остров пополам, и на каждую половину приходится по 9 вервей земли и по 3 верви леса. Но и после этого раздела часть острова остается в общем владении: «А что у нас останется лесу за тремя веревками после делу, и тот у нас лес *вместе* пополам. А который у нас лес с головы острова и по сторонам от Двины, и того нам лесу не чистити, и дров не сечи, и лык не драти, а тот у нас лес затулою от леду и от воды. А кто будет сильной человек, станет туто дрова сечи и лыко драти, и нам *на того стояти всем заодно*» (Акты Холмогорской и Устюжской епархий // РИБ. Т. XIV. С. 66—70). То же самое говорят и другие грамоты, на которые ссылается Иванов (*Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы... С. 234), и именно раздельная 1583—1587 гг. и мировая 1651 г. (Там же. С. 122, 405).

Иванов рассматривает мирские владения вне связи их с мирским самоуправлением. Поэтому только и сводит он возникновение их к тому моменту, когда пишутся эти раздельные грамоты, когда «заинтересованные союзы вступают между собою в договор и им определяют свои дальнейшие отношения к таким угодьям» (Там же. С. 235). Совершенно естественно, что исследователь, сосредоточивший свое внимание на договорных складнических отношениях, умаляет значение всего, что лежит вне этих отношений, и не хочет видеть силы «мира» вне складничества. Это неизбежная для каждого исследователя односторонность, это особая логика научных разысканий.

П. Иванов упускает волость-мир и ее мирские угодья (или отрицает ее без критики). Но он сам подходит к мысли, что мирские угодья существовали и до их раздела на долевых основаниях. Группы дворов и поселков первоначально, как предполагает он, пользовались некоторыми угодьями (будущими мирскими) «совершенно свободно», но имели право не допускать к пользованию их посторонних лиц. «В этой власти,— говорит он,— кроются элементы будущих урегулированных положительных отношений между ними» (Там же. С. 235). Сначала, следовательно, то или другое угодье состоит в нераздельном пользовании группы дворов, охраняющей свое владение от посторонних, затем — в раздельном. Как же возможно начало «мирского владения» вести от складнической раздельной записи? Мирские угодья тесно связаны с волостью-миром. И начало их надо вести от начальной колонизации, когда, как верно предполагает сам же Иванов, «шли целые дружины, военные артели и *занимали землю*; всегда готовые к обороне, осаживались они на нее такими же группами, какими пришли, и образовали таким путем сразу не отдельные печища, а те небольшие группы деревень, какие мы встречаем на Севере в XVI—XVII вв». (Там же. С. 200).

Книга II. Боярщина

Глава шестая
БОЯРЩИНА

§ 39. Основные черты боярщины-сеньерии (соединение крупного землевладения с властью и с мелким хозяйством)

Крупный землевладелец в средние века имел на свою землю не только частное право собственности, но и некоторые государственные права. Он был не только собственником, но и до некоторой степени государем своей земли. В его земельной собственности сливались воедино имущество и власть.

В отличие от римского понятия собственности (dominium) как частного права на вещь в средневековой земельной собственности, как указывает Гирке, тесно соединяются элементы частного и публичного права. Древняя «германская собственность была одновременно земельным господством (Grundherrschaft) и земельным имуществом (Grundvermögen) и таила в одном зерне зародыши как территориального верховенства, так и собственности нашего времени».

Это особенное свойство средневекового крупного землевладения имело чрезвычайно важное значение в общем государственном строе средних веков. Когда крупное землевладение развилось, когда крупные вотчинники постепенно освоили где все, где почти все земли страны, то свойственная им публичная власть, естественно, получила значение одного из главных устоев государственного строя. То раздробление верховной власти, которое составляет основную черту феодального строя, возникло отчасти вследствие перехода некоторых государственных прав из рук короля в руки его чиновников — графов и вице-графов. Но его главным источником было указанное соединение в крупном землевладении элементов частного и публичного права. И к этому именно свойству средневековой земельной собственности относятся главным образом слова Гизо: «сплав верховной власти с собственностью» (la fusion de la souveraineté et de la propriété), которыми он определяет одно из трех основных начал феодального порядка [1*].

[1*] *Guisot F.* Histoire de la civilisation en France. P., 1830. V. III. Leçon III. Ср. характеристику этого явления Гирке: «Vor allem endlich unterschied sich das germanische Grundeigenthum vom römischen dominium durch seinen viel umfassenderen stofflichen Gehalt. Denn während das letztere als rein privatrechtlicher Begriff die Sache nur als Vermögensbestandtheil setzte, war das germanische Eigen von je gleichzeitig Grundherrschaft und Grundvermögen und barg in einer Hülle die Keime der heutigen Gebietshoheit une die Keime des heutigen Eigenthums. Bevor daher mit der Entwickelung der Staatsidee die Scheidung

Этот сплав, это тесное слияние начал частного и публичного права резко отличает крупное имение средних веков и от римских латифундий, и от крупных имений наших дней. Это крупное имение представляет собою особенное своеобразное учреждение средних веков наряду с другими такими же важнейшими учреждениями эпохи, как марковая община, вассальная служба и бенефиций. И оно должно быть признано основным учреждением феодального порядка, если, изучая этот порядок, не упускать из виду его тесной связи с хозяйственными условиями и отношениями времени.

Это учреждение обозначается специальными терминами: во Франции — сеньерия (seigneurie), в Англии — мэнор (manor), в Германии — Grundherrschaft («земельное господство»). Французский термин от слова seigneur (господин) и немецкий от слова Grundherr (господин земли) метко характеризуют основную черту учреждения: соединение господства, власти с землевладением.

Средневековое крупное имение, средневековая сеньерия-господство, представляет собою своеобразное учреждение также и с хозяйственной своей стороны. И как хозяйственное учреждение она резко отличается от крупного имения нашего времени. В наше время обыкновенно вся обширная площадь земли крупного имения или большая ее часть, если часть земли сдается в аренду, состоит в непосредственном хозяйственном пользовании самого землевладельца. Он сам ведет хозяйство на своей земле, хотя бы она была и очень велика, трудом наемных рабочих, а в последнее время — при помощи сельскохозяйственных машин, усовершенствованных плугов, паровых сенокосилок и молотилок.

öffentlicher und privater Rechte am Boden ermöglicht ward, umfasste der eine Begriff des räumlich-dinglichen Rechts gleichzeitig die ökonomischen Nutzungsbefugnisse des Bauern und die territoriale Gewalt des Königs oder der Gesagmtheit, gleichvie undekehrt kein Gattungsunterrchied irgend welcher Art zwischen Grundsteuern und Grundzinsen oder zwischen den von Lehen geschuldeten Kriegs — und Amtsdiensten und den bäuerlichen Realfrohnen bestand [И наконец, прежде всего германская собственность на землю отличалась от римского доминиума своим значительно более широким содержанием. Последний подразумевал, что вещь — объект исключительно частного права, т. е. всего лишь часть имущества, тогда как германская собственность с самого начала предполагала, что земля является и объектом суверенного права, и объектом непосредственного владения, обнаруживая, таким образом, зачатки современного территориального государственного права и современной земельной собственности. Поэтому, прежде чем с развитием идеи государства стало возможным разделение публичного и частного права на землю, одно-единственное понятие территориально-вещного права обнимало как экономическое право крестьянина на пользование землей, так и королевскую либо общинную власть над той или иной территорией, равно как и наоборот: не было никакой принципиальной разницы между налогом на аренду, военной и гражданской службой за лен и крестьянской барщиной (нем.)]» (*Gierke* O. Das Deutsche Genossenschaftsrecht. B., 1873. Bd. II, § 9. S. 141).

В средние века, наоборот, обыкновенно только небольшая часть имения состояла в непосредственном хозяйственном пользовании землевладельца, а значительно большая часть его обрабатывалась крестьянами как самостоятельными хозяевами. Крупное землевладение феодальной эпохи, таким образом, соединяется с очень мелким хозяйством. В отношении средневекового хозяйства это столь же основная черта, как в отношении государственного порядка,— соединение частного и публичного права. Это мелкое хозяйство крупного имения составляет основную отличительную черту феодального производства от производства капиталистического. «Во всей Европе,— говорит Карл Маркс,— феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим числом подчиненных поселян. Могущество феодального барона, как и всякого государя, основывалось не на величине его ренты, но на числе его подданных, последнее же зависело от числа самостоятельных хозяев-крестьян» [2*].

Обе эти основные черты средневекового землевладения находим мы и в древней Руси удельной эпохи. Русская боярщина, несомненно, представляет собою одно учреждение с западной сеньерией. Это одно и то же учреждение в двух его основных чертах, политической и хозяйственной, в тесном соединении крупного землевладения 1) с государственной властью, 2) с мелким крестьянским хозяйством [2a*].

Если западный феодальный барон и аббат был государем в своей сеньерии, то наш удельный боярин и игумен нисколько не уступал ему в правах государственной власти. Как ясно из множества жалованных грамот, льготных и несудимых, наши крупные боярские и монастырские имения пользовались такою же независимостью «государства в государстве», таким же иммунитетом и правом самосуда, как и западные сеньерии. Княжеские волостели и тиуны не имели права «въезжать» в боярщины для суда и сбора

[2*] *Маркс К.* Капитал/Пер. под ред. П. Струве. СПб., 1906. Т. I. С. 518—519 [60]. Лампрехт указывает следующие условия, мешавшие в средние века «осуществить проблему централизованного управления крупными имениями»: «Отсутствие квалифицированных сил труда, отсутствие существенного различия труда и его объединения, отсутствие сильного капитала и испытанного централистического управления, которое выгодно лишь при более густом населении» (*Lamprecht K.* Deutsches Wirtschaftsleben. Leipzig, 1886. Bd. 1. S. 755).

[2a*] На русский язык термин «Grundherrschaft» переводят обыкновенно словом «поместье». Но это слово «поместье» здесь самое неподходящее, потому что оно только в XVIII в. получило значение крупного земельного владения, земельной собственности. В древности же оно имело специальный смысл условного владения и строго отличалось от вотчины, земельной собственности. Слово «вотчина» у нас первоначально означало вообще всякую наследственную собственность, но с течением времени за этим словом утвердился смысл «крупное имение». Специально же для обозначения крупного господского владения (Grundherrschaft) у нас существовало слово, хорошо характеризующее его существо,— «боярщина».

налогов; бояре и игумены сами «ведали и судили своих людей», причем в удельное время это право суда принадлежало им по всем делам без изъятия, до разбоя и душегубства, и многие из них так же могли вешать татей и разбойников, как и западные феодалы. Они имели право суда и расправы не только в отношении своих холопов, но и в отношении свободных крестьян, живших на их землях. Они имели власть в границах своих владений, как государство имеет власть в пределах своей территории.

Название *боярщина* так же хорошо характеризует эту черту средневековой вотчины, как и западные термины «сеньерия» и «Grundherrschaft» (земельное господство). Оно обозначает особые боярские права, особую власть боярина-господина, соединенную с его частным правом собственности на землю.

И по хозяйственному своему устройству наша боярщина представляет собою одно учреждение с сеньерией. У нас в средние века, конечно так же, как на Западе, господствовало не новое капиталистическое, а средневековое феодальное производство. «Даже в новое время,— говорил Лампрехт,— оказалось трудным успешно разрешить проблему централизованного управления крупными имениями. Возможна ли была однородная организация хозяйства крупных имений в раннее, как и в позднее, средневековье при несравненно менее совершенных средствах этой эпохи?» В наших средневековых крупных имениях, конечно, повсюду мы находим то же мелкое крестьянское хозяйство, составляющее характерную черту западных сеньерий. Так же как там, собственное хозяйство господина, его барская запашка, крайне незначительна и несравненно большая часть имения обрабатывается крестьянами как самостоятельными хозяевами.

§ 40. Боярский двор (curtis dominica) и боярская земля (terra salica)

Центром крупного имения была господская усадьба, стягивавшая все нити управления и хозяйства владений господина, нередко очень обширных. Называлась она двором — curtis, Hof. Так же точно — двором — называлась и крестьянская изба с ее службами. Они отличались только прилагательными: господский и крестьянский двор (curtis dominica и villicana, Fronhof и Bauernhof).

Центральным пунктом господского владения (Grundherrschaft) был господский двор — Fronhof, curtis dominica. В русской средневековой боярщине этот Fron-hof назывался соответствующим специальным термином: *двор боярский*. Слово «боярский» не означало принадлежности этого двора боярину как высшему сановнику, потому что боярским двором, боярщиной, боярской пожней назывались дворы, имения и пожни, принадлежавшие также и мелким землевладельцам, в том числе и тем послужильцам, кото-

рых Иван III наделил поместьями в новгородских владениях. Слово «боярский» значит «господский» (dominicus) в смысле особых господских прав на двор, пашни и пожни.

Господская усадьба у нас так же, как в Германии, называлась двором — Hof, curtis — одинаково с крестьянской; дворы боярские отличались от дворов крестьянских только этими прилагательными, как curtes dominicales и curtes villicanae. Несмотря на все внешнее отличие строений, отличие боярских хором от хором крестьянских, усадьбы боярина и крестьянина назывались одинаково дворами, потому что слово «двор» имело особое значение владельческого центра, тесно связанного с принадлежавшей к нему, «тянувшей» к нему землею.

Новгородские писцы описание боярщины начинали обыкновенно с этого боярского двора: село такое-то или деревня такая-то, «во дворе в большом сам Федор» или «сам Иван», т. е. сам вотчинник [3*].

Затем они описывали стоявшие около этого двора дворы людские и далее дворы крестьянские. Господские дворы они строго отличают от крестьянских как свободные от податей. «Дохода с него (села) не было,— отмечают писцы,— из старины был двор боярский» [4*].

В новгородских писцовых книгах 1495—1500 гг. мы не находим описания «больших» или боярских дворов; такие описания встречаются иногда в писцовых описях несколько более позднего времени, второй половины XVI в. Несмотря на свою краткость, они все же дают некоторое представление о средневековой боярской усадьбе. Таково, например, описание двора богатого белозерского вотчинника Ивана Петровича Федорова. На поминовение душ своих родителей он в 1568 г. дал Кирилловскому монастырю половину своей вотчины — село Воскресенское — да к селу 38 деревень, в них 144 человека крестьян. В селе было две церкви, довольно богато убранные: образа с венцами серебряными на золоте, на образе Пречистой «под брадою сажено жемчугом, четыре камня, один червлен, а три белы», харатейное евангелие и проч. В селе же находился и «двор» вотчинника с разными «хоромами»: горница, изба воротная, погреб с шушилом, поварня, мылня, два сенника, две конюшни; горница в длину была трех сажен, изба — около четырех и службы — от двух до четырех, а одна конюшня — семи сажен. Двор был огорожен кругом высоким частоколом с дощатыми воротами: «около двора тын вострый дву сажен» [5*].

Земля, принадлежавшая к барскому двору, состоявшая в не-

[3*] Эти дворы называются боярскими в итогах: «сельцо... а в нем двор боярский» (Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. I. С. 473).

[4*] Там же. С. 78 (1495 г.).

[5*] *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 2 // ЧОИДР. 1900. Кн. III. С. 128—129.

посредственном владении и пользовании господина, носила название «terra salica» («Salland»). Первоначально terra salica (по-немецки Sala) имело смысл наследственная, отцовская, дедовская земля, по древнерусскому выражению — отчина, дедина [6*]. Впоследствии, очень рано, термин Sala (Salland) получил иной смысл — земли, состоящей в непосредственном хозяйственном обладании господина; он стал, как замечает Лампрехт, не столько термином юридическим, сколько экономическим. Землею салической называли в средние века по преимуществу землю, непосредственно принадлежавшую к барскому двору, состоявшую в непосредственном хозяйстве господина. О их связи свидетельствует обычное выражение грамот «господский двор с землею салической» [7*].

Отличительный признак господской, или салической, земли — ее свобода от поземельного тягла в противоположность земле крестьянской [8*].

Салическая земля — в основном, тесном смысле слова — земля, принадлежащая к господскому двору,— была очень незначительных размеров; она равнялась среднему крестьянскому участку, гуфе. Господский двор (Fronhof) называется иначе «двор» (крестьянский двор), состоящий во владении господина (mansus indominicatus), и под выражением «господский двор» (curtis dominica) разумеется участок, равный гуфе. Лампрехт доказывает, что в IX—X вв. господский двор представлял собою не что иное, как крестьянскую гуфу, взятую в хозяйственное распоряжение господина, что на рубеже XII—XIII вв. земля господского двора также приблизительно равняется гуфе и сохраняет те же размеры в течение следующих трех столетий [9*].

От специально господской земли, состоявшей в хозяйственном пользовании господина, отличалась господская земля, которая сдавалась в аренду под хозяйственным наблюдением господина. Эта земля также считалась салической, господской, потому что она так же, как собственно господская земля, была свободна от тягла и этим существенно отличалась от массы земель имения, состоявших в тяглом владении и самостоятельном хозяйственном пользовании крестьян [10*].

6* *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 745.
7* Curtis, или mansus dominicus cum terra salaritia, или salica (Ibid. S. 746).
8* «Die Freiheit von gundhörigen Lasten im gegensatz zum Gehöferland [Свобода от связанных с землей повинностей в противоположность земле подворника (нем.)]» (Ibid. S. 747).
9* «Damit steht es nun fest, dass der Fronhof der Karolinger- und Ottonenzeit durchschnittlich weiter nichts als eine dem grundherrlichen Betrieb speciell vorbehaltene Hufe war [Таким образом, установлено, что господский двор эпохи Каролингов и Оттонов в среднем представлял собою не что иное, как особо предоставленную землевладельцу гуфу (нем.)]» (Ibid. S. 756).
10* Ibid. S. 746—747.

Господская салическая земля образовывалась путем заимок, роспаши незанятой земли людьми господина или крестьянами под его хозяйственным наблюдением. В составе господской салической земли различают два рода земель: 1) землю, которая непосредственно обрабатывалась плугом барского двора и, таким образом, составляла площадь его собственного хозяйства, и 2) землю, которая распахивалась как заимка и обрабатывалась крестьянами под наблюдением управителей барского двора и, таким образом, только присоединялась к земле этого двора [11*].

Эта господская земля возникала, между прочим, вследствие перехода всех запустевших покинутых крестьянских участков в ближайшее распоряжение господина. О переходе таких участков в состав салической земли свидетельствуют ясные указания источников [12*].

Собственное хозяйство вотчинника у нас так же, как в Германии, было невелико. Громадная часть имения состояла во владении крестьян как самостоятельных хозяев, и господин довольствовался взиманием с них дохода, оброков и поборов разного рода, а частью натуральными повинностями, барщиной. В составе же господского хозяйства у нас также легко различить те два рода господских земель, которые различаются историками германской вотчины: 1) землю собственно господскую (салическую), обрабатываемую плугом господского двора, принадлежащую к этому двору, и 2) землю, обрабатываемую под хозяйственным наблюдением господина.

Возьмем, например, в писцовой книге Деревской пятины 1495 г. описание боярщины Я. Л. Шухнова, которая Иваном III отдана была в поместье И. М. Горбатого: сельцо Горка, в нем — «церковь Великий Егорей», около церкви — дворы церковного причта: попа, дьяка, пономаря, проскурницы. Тут же «в селе же во дворе сам Иван Микитин (Горбатово), а людей его» три двора, в одном Зуй, в другом Федко, в третьем Олек. Они «сеют ржи на Ивана 6 коробей, а сена косят 60 копен». Все это хозяйство вотчинника превосходит лишь втрое средний размер однодворного крестьянского хозяйства, оно равняется трем таким хозяйствам как окладным единицам — трем обжам. (В те же три

11* «Land, welches von den Gehöfern unter Aufsicht der Fronhofsverwaltung im Beundebau bestellt und abgeerntet wurde, also dem Fronhof nicht ein sondern nur angereiht war [Земля, которая обрабатывалась арендаторами под надзором управляющих барскими имениями вне территории общины, т. е. не включалась в состав господского двора, а только присоединялась к нему (нем.)]» (Ibid. S. 755).

12* «Mansi absi sunt, qui non habent cultores, sed dominus eos habet in sua potestate, qui vulgariter appellantur wronide... [Пустые наделы, которые не обрабатываются и которые господин заберет в свое владение, называются обычно wronide... (лат.)]; запустевшая земля «transit in salicam terram archiepiscopi [переходит в салическую землю архиепископа (лат.)]» (Ibid. S. 750).

обжи положена стоящая вблизи этого села деревня Раменье, в которой было три крестьянских двора). Это «боярские пашни и пожни» в собственном смысле слова. Это земля, принадлежащая непосредственно к боярскому двору как хозяйственному целому [13*].

От этой собственно боярской (салической) земли отличается боярская земля, обрабатывавшаяся людьми господина или крестьянскою барщиной вне непосредственной связи с господским

[13*] Сбивчивое изложение Лампрехта ввело в заблуждение г-на Рожкова. Передавая вывод Лампрехта, г-н Рожков относит «почти совершенное исчезновение» барской пашни в Германии к XII—XIII вв. и противопоставляет этому исчезновению увеличение барской пашни в России в конце XVI в. (*Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 133). Вывод г-на Рожкова об увеличении барской пашни в московском центре и абсолютно и относительно к концу XVI в. основан на недостаточном статистическом материале и кажется мне так же недостаточно твердым, как и соответствующий вывод Лампрехта.

Но допустим, что выводы обоих этих историков-экономистов основательны. Допустим, что в Германии барская пашня (не вся, а только заимочная) почти совершенно исчезла к концу средних веков, т. е. к концу XV в., а у нас к соответствующему историческому моменту, к концу XVI в., она увеличилась. Это не меняет того факта, что германская и русская вотчины средних веков одинаковы по своей природе, что в течение средних веков основною чертою их была незначительность барской пашни, незначительность собственного хозяйства господина. Процесс экономического развития во всех его деталях пока не дается наблюдению вследствие ограниченности числа источников и недостаточного их изучения. И я здесь изучаю не процесс экономического развития, а юридическую природу экономических учреждений, изучаю статику, а не динамику явлений. И природа русской вотчины средних веков, как выяснено выше, была одинакова с германской.

Земля собственно господского двора (Salland), была, как указано, незначительных размеров и приближалась к крестьянской гуфе. Размеры господской заимочной земли (Beunde) изменялись в зависимости от местных условий и сократились к концу средневековья. Таков вывод, который можно сделать на основании наблюдений Лампрехта. Его соображения об изменении размеров господской заимочной земли по столетиям и об исчезновении ее в XIII в. не могут быть признаны твердо установленными, так как они опираются на слишком незначительном для столь важного вывода числе отрывочных статистических данных. К тому же этот вывод формулирован им не вполне отчетливо. В одном месте Лампрехт говорит, что «с XIII столетия заимочные земли все более теряли значение вследствие отчуждения от барского двора или вследствие перехода в салическую землю»; в другом месте он утверждает, что «заимочная пашня господского двора с начала XII столетия отчуждалась в постоянно увеличивавшихся размерах до почти полного исчезновения господской запашки в заимках к концу средневековья».

Что касается собственной барской запашки на земле, тесно принадлежавшей к барскому двору (на собственно салической земле), то эта запашка, по мнению Лампрехта, также потеряла отчасти в своем значении. Но самая формулировка этого его вывода ясно свидетельствует о недостаточности данных, бывших в его распоряжении. «Позднее средневековье,— говорит он,— показывает нам рядом с барскими дворами, сохранившимися приблизительно в прежнем виде, большое число раздробленных и разорванных барских дворов, которые не имеют большого хозяйственного значения и почти непроизводительны».

двором, с его плугом и косою. Так, из рассматриваемого описания сельца Горка видно, что в отдалении от него, в деревне Подъяблонье, жил холоп вотчинника «Иванов человек Якуш»: «сеет ржи на Ивана 3 коробьи, а сена косит 20 копен, обжа». Из дальнейшего описания этой деревни видно, что в ней прежде жил крестьянин, плативший доход и ключничьи пошлины. Здесь, следовательно, холоп заменил крестьянина, сел на его хозяйство; земля считается господской, она сосчитана в числе тех обеж, которые вотчинник «пашет на себя и с своими людьми», и доход с нее и пошлины в писцовой книге не указаны. И тем не менее эта господская земля не сливается с собственным хозяйством господского двора. Другая деревня той же вотчины частью обрабатывается холопами, частью крестьянами: в двух дворах Ивановы люди, обжа, и в двух дворах крестьяне, две обжи. Но холопы являются в этой деревне пришельцами; в прежнее время вся деревня была крестьянской, как видно из отметки писца о «старом доходе со всей деревни»; новый доход указан им только с части ее, с двух обеж крестьянских. Всего из числа 35 обеж в этой вотчине крестьяне обрабатывали 28, и только семь вотчинник Иван «пахал на себя и с своими людьми» [14*].

Не принадлежали непосредственно к боярскому двору и те боярские земли, которые обрабатывались барщинным трудом крестьян, те пашни, которые крестьяне «пахали на господина «волостью», и те пожни, которые они на него «косили волостью», по частым указаниям писцовых книг. Такие пашни и пожни были обыкновенно запустевшими крестьянскими участками. На Западе запустевшая земля обыкновенно переходила в ближайшее обладание господина (transit in sallicam terram*). Наши писцовые книги дают ясные указания на такой же точно порядок. Так, например, перечисляя в конце описания волостки Федора Тушина «пустые деревни» и «пустоши», писец замечает: «А косит те деревни и пустошки Федор на себя». Или в другой вотчине: «Пустоши Шилово да Деменкина, а ставится на них 200 копен сена, а косит их Иван на себя; а в старом письме были две обжи».

Господская земля обыкновенно была значительно или в несколько раз меньше земли крестьянских хозяйств. Собственная запашка господина была обыкновенно очень незначительных размеров, иногда еще довольно значительна была холопская — слу́жня — запашка, которую надо отличать от собственно господской запашки. Так, например, в сельце Островне Деревской пятины Федько Дмитриев на себя пахал с своими людьми 7,5 (всего у него было 17,5) обеж. В соседнем имении помещик Сом Иванов Линев пахал на себя с своими людьми 11 обеж; но эта запашка была очень незначительна в сравнении с крестьянской, в размере 60,5 обеж.

[14*] Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 470—473 (Деревская пятина).
* Переходит в салическую землю (лат.).

В большом имении Ивана Захарьича Лятцкого в той же Деревской пятине барская запашка была совсем ничтожных размеров. В этом имении было 113 человек крестьян и людей, по податной раскладке всего 82,5 обжи; из них только две обжи принадлежали к боярской земле: «две обжи пашут на Ивана» (Лятцкого).

Запустевшие деревни-пустоши иногда обрабатывались барщиной, иногда же присоединялись к собственному хозяйству господского двора, «припускались» к этому двору. В описании сельца Гора, принадлежавшего князю Борису Семенову Горбатому, вслед за указанием боярского двора и шести дворов его людей отмечено: «Да князь же припустил к себе в поле деревню Плужниково да деревню Ключино: пашет на себя князь с своими людьми, сеет ржи 6 коробей, а сена косит 100 копен». Здесь мы имеем редкий пример большого хозяйства господского двора — в 6 обеж. Подобные известия о «припуске» деревень к боярскому двору не раз встречаются в писцовых книгах.

Другой путь образования господской земли — роспашь холопским трудом новины. В писцовых книгах встречаются отметки о деревнях, в которых живут «люди», с отметкою «сел ново» [15*].

§ 41. Посельский — villicus

Управление и хозяйство вотчины было в руках уполномоченного господином приказчика — *мейера*. Соответственно указанному выше хозяйственному устройству вотчины обязанности мейера были двух родов: 1) он заведовал собственным хозяйством господина на господской салической земле; при этом на земле господского двора он непосредственно заведовал сельскими работами, а на остальной господской земле лишь наблюдал за хозяйством; 2) в отношении к большей части земель вотчины, состоявшей в самостоятельном хозяйственном пользовании крестьян, он являлся сборщиком господских доходов разного рода, оброков и податей [16*]. Ввиду указанной выше незначительности собственного хозяйства господина главное значение имели обязанности мейера второго рода, сбор доходов. Мейер был, как замечает Лампрехт, скорее финансовым чиновником эпохи натурального хозяйства,

15* Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 768. («да в той деревне двор пуст, и пашет его Андрей (вотчинник Андрей Кокорь) на себя наездом»); СПб., 1862. Т. II. С. 25, 28, 30, 36, 211, 272—273; СПб., 1886. Т. IV. С. 95, 147. Ср.: *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 186—188.

16* Лампрехт говорит, что Meier был: 1) Bewirtschafter des spezifischen Sallandes, 2) Beaufsichtiger des Beundebaues, 3) Einnehmer der Intraden vom Gehöferlande, 4) Zehnteinnehmer [1) возделывателем собственно салической земли, 2) надзирателем за хозяйством вне общинной земли, 3) сборщиком поборов с крестьянской земли, 4) сборщиком десятины (нем.)] (*Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 761).

чем сельским хозяином господского двора; его главным делом было взимание оброка [17*].

По своему общественному положению мейер был иногда свободным человеком. Обыкновенно же он был зависимым от господина человеком, поземельно-зависимым, как и крестьяне. Вознаграждением мейеру служило, с одной стороны, пользование землею, пожалованною ему господином, с другой стороны — особые поборы с крестьян, которые он собирал в свою пользу [18*].

Уполномоченные господина, немецкие *мейеры*, у нас назывались *приказчиками, ключниками и посельскими.*

Слово «Meier» в латинских актах переводили словом «villicus». Наш термин «посельский», от слова «село» — частное боярское имение, точно совпадает с этим термином — *villicus*, от слова «villa» — в смысле господское имение.

Наши ключники так же, как немецкие мейеры, являются главными управителями господских имений, уполномоченными господина, его приказчиками — «кому прикажет», кого уполномочит. Они заведовали хозяйством на господской земле. И так как это хозяйство у нас так же, как в Германии, было незначительно, они были главным образом сборщиками оброков и поборов разного рода, были, применяя к ним замечания Лампрехта о мейерах, «натурально-хозяйственными финансовыми чиновниками».

В Германии мейер входил в разряд слуг господина — министериалов. Термин «ministerialis» точно соответствовал немецким «Dienstmannen», «Dienstleute» или русским «слуги», «служебники». Юридическое состояние министериалов вообще, и в частности мейеров, было различно; они бывали свободными, несвободными, и полусвободными — поземельно-зависимыми [19*].

У нас ключники по преимуществу были несвободными. В древнейшее время, как видно из Русской Правды, самое принятие должности ключника делало человека холопом. Только особым договором, рядом, можно было предотвратить эти неприятные последствия принятия из рук господина хозяйских ключей. «А се

17* «Der Meier ist demnach unter allen Umständen um vieles mehr naturalwirtschaftlicher Finanzbeamter als Fronhofslandwirt; er besorgt als Hauptgeschäft die Zinshebung... [Тем самым мейер при любых обстоятельствах скорее финансовый чиновник при натуральном хозяйстве, чем арендатор господского двора; его главная задача — сбор чинша... (нем.)]» (Ibid. S. 771).

18* Лампрехт говорит, что вознаграждением мейеру служили или пользование пожалованной ему землей (Benefizium als Besoldung), *или* оброки и поборы (Zinsen und Renten), но он отмечает также и смешанные формы вознаграждения (Mischformen) (Ibid. S. 767—768). Но некоторая неопределенность его наблюдений дает основание поставить вопрос: не были ли и в Германии, как у нас, особые ключничьи пошлины постоянным доходом мейера независимо от того, владел ли он пожалованным ему участком (бенефицием) или нет? Это характерная черта средневекового строя: не определенный доход, а доход с управления...

19* *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1860. Bd. IV. S. 346; Kiel, 1870. Bd. V. S. 322, Anm. 2.

третье холопство,— говорит Русская Правда, перечисляя источники рабства,— тивуньство без ряду» или «привяжеть ключь к собе без ряду» (ст. 104).

От хозяйских ключей и самое управление хозяйством называлось ключом, ключом сельским и городским. Строгое правило Русской Правды с течением времени смягчилось. Судебник 1550 г. определил, что сельский ключ, как и городской, сам по себе не устанавливает холопской зависимости, что для этого необходим особый акт продажи в холопство, притом с соблюдением особой формальности доклада наместнику: «А по городскому ключю не холоп... а по сельскому ключю без докладные не холоп» (ст. 76).

«Докладные» (докладные грамоты, о которых говорит эта статья судебника) сохранились в довольно большом числе. В грамотах этих определенно указывается, в какое именно сельцо дается человек, продающийся по ключу в холопы: «А за те деньги дался ему в сельцо в Совкины горы на ключ, а по ключю и в холопи» (1494 г.) [20*].

Слово «холоп» у нас вообще, в особенности в применении к господским управителям, не имело того значения, как римский раб, которого римские юристы приравнивали к вещи. Холоп, как у немцев в средние века servus и Knecht, был не столько рабом, сколько зависимым человеком без права порвать эту зависимость. Servitium, как у нас холопство, означало неразрывную зависимость в противоположность зависимости свободной, добровольной, служебной. Слово «холоп» употреблялось главным образом в законодательных памятниках, где требовалось точно определить неразрывность зависимости ясным в этом отношении термином холоп. В жизни же холопы назывались обыкновенно менее определенным юридическим термином *слуги* и *люди*, «люди» такого-то господина, «слуга», «человек» такого-то. «Человек его» означало человек зависимый; но в древности не всякий зависимый человек был холопом. Рядом с неразрывной холопской зависимостью существовали формы зависимости добровольной, временной и условной, защитной. Боярские люди значительно различались между собою не только по имущественному своему положению, но и по юридическому состоянию. Судебник назначает особую, высокую плату за бесчестие, нанесенное «*боярскому человеку доброму*».

В новгородских боярщинах, известных нам по писцовым книгам с конца XV в., мы встречаем в большом числе «ключников», таких же, которые по цитированным выше новгородским же до-

[20*] Записная книга крепостным актам XV—XVII вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. СПб., 1896. Т. 17. С. 58, № 164, 337 (1497 г.: «в сельцо в Полбицы») и др. О существе холопства по ключу см. мою статью «Люди кабальные и докладные» (ЖМНП. 1895. Янв.). [Вошла в 1-й том сочинений [61].]

кладным того же времени (конца XV в.) продавались в сельцо на ключ, а по ключу и в холопи.

Двор ключника стоял обыкновенно рядом с большим боярским двором. Вслед за двором господина писцы обыкновенно описывали двор ключника. О сельце Быкове Деревской пятины, принадлежавшем Ивану Васильевичу Захарьичу-Ляцкому, писцы записали: «Сельцо Быково: а в нем двор Иванов, пуст; а людей Ивановых: в дворе ключник Куземка Олехов» [21*].

Ключник так же, как все люди господина, отличался от крестьян тем, что не платил дохода господину. Описывая дворы ключников, писцы не отмечают дохода с них, как с дворов крестьянских, и, указывая размер старого дохода с крестьян, часто о дворах, прежде занятых ключниками, отмечают: «Старого дохода не было, жил в нем ключник» [22*].

Часть дохода, который собирался с крестьян, шла в пользу ключника. Подробно описывая доходы господина, писцы тщательно перечисляли также и ключничьи пошлины с каждой крестьянской деревни. Доход господина: «Гривна, 2 коробьи ржи, 3 коробьи овса, 20 яиц, горсть льну; а ключнику — деньга, сыр, горсть льну» [23*].

В имении Ф. М. Тушина, в сельце Крицы Шелонской пятины, рядом с боярским «большим двором» стояли два двора его людей и двор ключника Онисима. Ключник заведовал собственным хозяйством господина, «боярской пашней», принадлежавшей к господскому двору, и его садоводством: «У двора (большого) сад, а в нем 90 яблоней»; он же должен был наблюдать за обработкой пустошей, которые господин его «косил на себя». В имении было 50 человек крестьян, кроме четырех человек слуг-людей. И главные обязанности ключника состояли в сборе доходов с крестьян. Он собирал всего с крестьян «дохода» 4 рубля новгородских и 5 гривен с деньгою; кроме того, «мелкого дохода»: 11 баранов, 16 кур, 18 сыров, 500 яиц и т. д. Вместе с тем в свою пользу он собирал «доход ключнику»: «Денег гривна с деньгою, 2 коробьи без четвертки ржи, 14 овчин, 14 лопаток бараньих, 14 сыров, 140 яиц, 3 пятка без горсти льну» [24*].

В небольших имениях все хозяйство велось обыкновенно одним ключником. «Ключник», «ключнич доход» — наиболее часто встречающиеся в писцовых книгах названия господских управителей. Но в крупных имениях мы находим целый штат таких управителей, кроме ключника — еще посельника, бирича, доводчика.

Посельник, или *посельский*, иначе — *приказчик*, был высшим управителем в отношении к ключнику. В больших имениях бывало по нескольку ключников: особый ключник для каждой обособлен-

21* Новгородские писцовые книги. Т. II. С. 273.
22* Там же. Т. I. С. 56, 84, 118, 137, 143, 306 и др.
23* Там же. Т. II. С. 273.
24* Там же. СПб., 1886. Т. IV. С. 93—95.

ной волостки. В лице посельника, начальника над разными ключниками, соединялось управление над отдельными волостками, над отдельными частями имения. В некоторых волостках доходы посельника вдвое превышали доходы ключника; в других они были одинаковы с доходами ключника [25*].

Но так как доходы посельника слагались из поборов с разных волосток, то в общем они всегда, вероятно, превышали доходы его подчиненного.

Низшие управители, подчиненные ключнику, назывались в одних имениях биричами [26*], в других — доводчиками.

Большею частью ключники жили в особых дворах в сельце, рядом с боярским двором, в центре собственных пашен и пожен господина; они наблюдали за их обработкой, не имея собственного хозяйства. Но нередко ключники жили в особых деревнях, самостоятельно ведя хозяйство на земле, пожалованной им господином. В сельце Козлово Поле было два «двора больших», в которых жили сами вотчинники; рядом стояли 9 дворов их людей; к сельцу принадлежала «боярская пашня» на 6 обеж. И в отдалении от этого сельца жил ключник, самостоятельно ведя хозяйство в пожалованной ему деревне, с двумя своими половниками: «Деревня Заборовье, *за* Кузьминым человеком Фомкою за ключником: двор Фомка ключник; а *половников* его: двор Мосейко Ивашков, двор Офремко, ... две обжы» [27*].

В большом имении Ивана Кузьмина в 120 дворов (129 человек) было два ключника: они самостоятельно вели свое хозяйство в пожалованных им деревнях при помощи своих подворников. Когда имение у их господина было конфисковано при Иване III, они остались жить в этих деревнях: «Деревня Цыбицыно,— читаем в писцовой книге,— двор Ондрейко Цыбицын, а подворники его: двор Сысойко, двор Палка, сеют ржи 10 коробей, а сена косят 40 копен, 4 обжи; старого дохода с нее не было: был тот Ондрейко при Иване ключником». Такая же отметка сделана о жившем в другой деревне с подворником на двух обжах бывшем ключнике Ондрейке Савине. Эти 6 обеж «пахали Ивановы ключники на себя» [28*].

В этих случаях ключники ведут собственное хозяйство при помощи половников и подворников. В некоторых редких случаях господские управители хозяйничают при помощи собственных своих людей-холопов. Помещик М. Я. Русалка свое большое поместье, сельцо Глинянец с деревнями, с 145 крестьянами, вверил всецело

[25*] Там же. Т. II. С. 273—276.
[26*] Там же. С. 265. Здесь исчисляются доходы: 1) посельнику, 2) ключнику, тому и другому в одинаковом размере, 3) биричу — в размере вдвое меньшем.
[27*] Там же. Т. IV. С. 172—174.
[28*] Там же. Т. I. С. 391—392, 395.

своему «человеку», приказчику Васюку Борееву [29*]. Сам помещик в имении этом не жил, и приказчик его поместился в господских хоромах, в боярском дворе; в соседних дворах жили «люди» этого приказчика и пахали на своего господина: «На погосте же двор Михайлов (помещика), а в нем *человек его* Васюк Бореев. *А людей Бореевых*: двор Дорожка, двор Ивашко; на Бореева сеют ржи 12 коробей, а сена косят 300 копен, 4 обжи». В итоге писцы заметили: «Двор Михайлов, а в нем приказчик его, а приказчиковых людей на 2 двора». Бореев собирал доход деньгами, а мелкий доход шел посельнику, состоявшему под его начальством. Этот приказчик — человек-холоп, очевидно, принадлежал к числу тех «боярских людей добрых», честь которых ограждалась по судебнику повышенной пеней.

Глава седьмая

СЕЛЬЧАНЕ

I. ПРАВО ПЕРЕХОДА

§ 42. Свободные крестьяне. Право перехода. Отказ — désaveu

Холопы на пашне, черные люди и страдные люди, как видно из вышеизложенного, были во многих господских вотчинах. Но пашенное холопство не развилось у нас в особое состояние холопской крестьянской зависимости, подобно французскому серважу. Холопы на пашне всегда оставались холопами в собственном смысле слова; хотя, конечно, фактически, живя на крестьянском участке и ведя самостоятельное хозяйство, они были близки к французским сервам [30*].

Не образовалось у нас в удельное время особой холопской крестьянской зависимости и из древнейших господских полусвободных смердов. Эти смерды киевского времени по нашим памятникам резко отличаются от крестьян Северной Руси XIV в. Нить развития крестьянской зависимости как будто была порвана особыми условиями господского хозяйства, особыми условиями колонизации края на Севере. Самое название «смерд» сохраняется только в новгородских источниках, едва ли не в качестве архаического термина.

В грамотах XIV в. мы находим новые названия для крестьян: *люди и сироты*, затем с XV в. *християне* (откуда хрестьяне и

29* Там же. С. 457, 467.

30* По новгородским писцовым книгам, господин, однако, не берет с них оброка.

крестьяне), сельчане, деревенщики (вилланы). Господские крестьяне называются людьми такого-то господина или монастыря, сиротами.

По сведениям, начинающимся с XIV в., они — люди свободные. Свобода их выражается прежде всего в праве перехода, в праве выхода с земли господина. В этом отношении положение их одинаково с положением большей части крестьян на Западе во вторую половину средних веков, с XIII в. В это время во Франции преобладают свободные вилланы, и сервы также с XIII в. пользуются правом перехода. В Германии также преобладают свободные арендаторы и грундгольды, пользующиеся правом перехода.

При этом на Западе точно так, как у нас, необходимым условием выхода крестьянина был формальный *отказ*, открытый разрыв отношений его к господину.

Во Франции такой отказ серва назывался *désaveu* от *désavouer* (отречься, отказаться). «Открытым заявлением пред лицом самого сеньера или его представителя уходящий отказывался от своего сеньера и объявлял себя человеком другой сеньерии» [31*]. При неисполнении этой формальности, которая одна только давала ему возможность получить свободу, ему грозила опасность, что его отъезд будет сочтен бегством (fuite) и что его постигнут все последствия такого положения [32*].

В Германии также «при выходе из вотчины прежде всего требовалось, чтобы это делалось совершенно открыто, и обыкновенно определялось, чтобы выход был возвещен пред церковным алтарем или в другом месте, заранее, за три или за шесть недель».

Одна из поздних уставных грамот (1476 г.) разъясняет, что открытый, явный выход с объявлением о нем заранее требовался, между прочим, для того, чтобы все заимодавцы могли истребовать с уходящего свои долги. Уходящий крестьянин должен был перед выходом рассчитаться с господином по своим оброчным обязательствам и уплатить ему особую пошлину — курмед (Kurmede) [33*].

Такой же точно формальный «*отказ*», или «*отрок*» (désaveu), был и у нас непременным условием выхода крестьянина с владельческой земли. Наши судебники и грамоты ясно говорят о нем как

[31*] «Par déclaration publique faite à la personne du seigneur ou à son représentant, l'émigrant désavouait son seigneur et s'avouait l'homme d'une autre seigneurie» (*Luchaire A.* Manuel des institutions françaises au moyen âge. P., 1892. P. 304).

[32*] Ibid.

[33*] «Der freie Zug der Grundholden, der Abzug aus einer Grundherrschaft [Свободное передвижение крестьян, выход из боярщины (нем.)]». См. также: *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. 1. S. 1209—1210 («ich will von diesem hern, hinder den andern hern [хочу уйти от этого господина к другому (нем.)]»). Ср. «отказ» в Англии: *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера: Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. М., СПб., 1901. Т. II. С. 89–90.

о формальном акте. «А которой государь захочет *отрок дати* своему изорнику или огороднику, или кочетнику (рыболову), ино отрок быти о Филиппове заговенье; також захочет изорник *отречися с села*... ино тому ж отроку быти» (Псковская судная грамота[62], ст. 42).

«А христианом *отказыватися* из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего» (Судебник 1497 г.[63], ст. 57).

Этот формальный отказ имеют в виду и писцовые книги, и другие грамоты, когда, говоря о вышедших крестьянах, отмечают: «вышел по отказу» или «выбежал без отказу, безпошлинно». Несоблюдение этой формальности у нас так же, как на Западе, ставило ушедшего крестьянина в положение беглого, и он, как незаконно выбежавший, подлежал возвращению к господину.

Отказ уходящего крестьянина был связан с отречением его от части имущества в пользу господина.

Говоря о праве выхода серва, Люшер указывает два условия: акт отказа (desaveu) и отречение от имущества (renonciation). Первоначально, когда рабские отношения серважа только что начали смягчаться[34*], серву разрешалось покинуть сеньерию под условием формального отречения от всего своего имущества, недвижимого и движимого. Он мог уйти только *голым*. Но это правило рано смягчилось, и серву разрешалось брать с собою часть своего движимого имущества[35*]. В Германии, по общему правилу, в позднейшее время от грундгольдов требовалось при отказе, чтобы они заплатили господину все оброчные деньги и еще особую пошлину, взимавшуюся перед выходом и называвшуюся курмед (Kurmede).

У нас уходящий крестьянин так же, как на Западе, теряет всякие права на свое недвижимое имущество, на свой земельный участок. Значительная часть крестьян, сидевших на владельческих землях, имели право собственности на свои участки, хотя и неполное. Крестьянин мог передать свое «владение» по наследству, мог переуступить его пришельцу с тем условием, чтобы он принял на себя его обязательства по отношению к господину. Уходя из вотчины, крестьянин теряет все права на свой участок. Это правило в отношении сельскохозяйственных промышленников (бортников, садовников, бобровников) было выражено в духовной грамоте 1410 г.: кто «не всхочет жити на тех землях, ин земли лишен, пойди прочь»[36*]. Впоследствии, когда права господина на вотчину окрепли, это правило не нуждалось уже в подтверждении и всегда подразумевалось уже само собою, что крестьянин, хотя бы он сидел на наследственном участке, которым владели его отец

[34*] «По меньшей мере с XII в.»,— говорит Люшер.
[35*] *Luchaire A.* Manuel... P. 303—304; *Viollet P.* Precis de l'histoire du droit français. P., 1884. P. 276.
[36*] СГГД. Т. 1. № 40. С. 74—75.

и деды, терял всякие права на землю, раз он отказывался от своего господина.

Лишаясь земли, крестьянин при отказе от господина лишался также и части своего движимого имущества. В Псковской судной грамоте XV в. есть следующая статья: «А который изорник отречется у государя села или государь его отречет, и *государю взять у него все половину своего изорника*, а изорник половину» (ст. 63).

Прямой смысл этой статьи казался нашим исследователям неправдоподобным, и они предполагали, что здесь разумеется не половина имущества изорника, а половина урожая и т. п.[37*] Для таких толкований ни текст, ни другие статьи не дают никакой опоры. И ничего неправдоподобного в отнятии у уходящего крестьянина половины имущества нет. У сервов в древности при отказе отнимали все́, отпускали их «голыми». У нас впоследствии — если не по закону, то фактически — господа отнимали у крестьян при отказе значительную часть имущества.

В Германии в XIV—XV вв. взыскание части имущества уходящих крестьян заменено было пошлиной, курмедом. У нас Судебник 1497 г. определил, что с крестьян при отказе взимается *пожилое* от четверти рубля до рубля, смотря по тому, сколько времени прожил крестьянин (от одного года до четырех лет — ст. 57). Но в этот Судебник записаны были не все условия обычного права отказа. Второй Судебник, 1550 г., пополнил пробелы Судебника 1497 г. К статье о пожилом он добавил еще определение о *повозе*: «А за повоз имати с двора по два алтына».

На практике господа далеко не удовлетворялись взысканием этих пошлин — пожилого и повоза. Пожилое они взыскивали не с двора, а с ворот (в большом «дворе» бывало несколько ворот), брали с крестьян и другие какие-то пошлины. Ввиду этого второй судебник, приходя на помощь крестьянам, несколько увеличив цифру сбора пожилого, определил, что пожилое надо имать с двора, а не с ворот, установил размер сбора за повоз и «боран — два алтына» с хлеба и заключил эти постановления словами: «*А опричь того на нем пошлин нет*» (ст. 88).

§ 43. Стеснения выхода

Наши историки видят в праве выхода господских крестьян признак их полной свободы. Западноевропейские историки, напротив, и более правильно, полагают, что это право обеспечивало крестьянам лишь относительную свободу. «Нет сомнения,— говорит Лампрехт,— что правом свободного выхода (freien Zuges), регулируемым описанным образом, еще не достигалась та личная

[37*] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1900. Т. I. С. 246; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев, 1899. Вып. 1. С. 157, примеч. 136.

свобода, которая так в наше время кажется необходимой» [38*]. Характеризуя относительность этой свободы, немецкие крестьяне шутили, что запряженную шестеркой нагруженную повозку уезжающего крестьянина приказчик господина может остановить мизинцем [39*].

При сильно развитой господской вотчинной власти крестьянину очень трудно было добиться разрешения на выход, к чему часто сводилось его право отказа, потому что с отказом связывалась необходимость вполне рассчитаться с господином по всем запутанным денежным счетам. Трудно было бедному крестьянину уплатить все недоимки и высокие выходные пошлины. Трудно было найти ему защиту и от насилий господина, если он не соглашался отпустить крестьянина, даже вполне с ним рассчитавшегося.

В наших источниках есть любопытная грамота, живо рисующая нам, как трудно было крестьянину осуществить свое право выхода. Грамота эта относится к 1555 г., когда только что был издан новый Судебник (1551 г.) [64], подтверждавший право отказа и запретивший взимать с выходящих крестьян какие бы то ни было пошлины, кроме пожилого и повоза. Черные волости жалуются в челобитной царю, что помещики псковские, ржевские и луцкие совершенно не признают за своими крестьянами права отказа. Когда в их имение приезжают из черных волостей люди, чтобы помочь господским крестьянам выйти из-за помещика в волость (из-за них отказать в черные деревни), то эти помещики, «те дети боярские тех отказчиков бьют и в железа куют, а *крестьян де из-за себя не выпущают, да поимав де их мучат, и грабят, и в железа куют, и пожилое де емлют на них не по судебнику, рублев по пяти и по десяти»* [40*].

Позднее, в 1602 г., разрешая выход крестьян в течение двух недель после Юрьева дня с уплатой пожилого, правительство предписывало, чтобы помещики «крестьян из-за себя выпускали *без всякие зацепки*, и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было, и сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали и продаж им никоторых не делали» [41*].

Свобода выхода крестьянина ограничивалась с двух сторон. С одной стороны, ее стесняли условия отказа и насилия господ, с другой — распоряжения о неприеме в вотчину чужих крестьян.

Свобода перехода крестьян ограничивалась или регулировалась на Западе путем взаимных соглашений вотчинников. Соседние зем-

[38*] *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 1212.
[39*] *Zöpfl H.* Alterthümer des Deutschen Reichs und Rechts. B., 1860. Bd. II. S. 137.
[40*] ДАИ. Т. 1. № 56. С. 120. Пожилое по 5 рублей. АИ. Т. 1. № 191; *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. М. 1813. Ч. 6. С. 535—539.
[41*] ААЭ. Т. II. № 23. С. 72. Указ 1601 г. также приказывает «*от налога и продаж* крестьянам давати выход» (Там же. № 20. С. 70).

левладельцы взаимно обязывались не принимать крестьян друг от друга. Так, например, в 1276 г. отменен был по взаимному соглашению графа Саарбрюкена (Saarbrücken) с соседним владельцем дозволявшийся раньше переход людей с земель одного на земли другого (intercursus)[42*]. Другие владельцы в то же время в XIII в., как и позднее, наоборот, уславливались между собою, чтобы такой переход совершался беспрепятственно[43*].

Таким же путем стеснялся переход крестьян и у нас. Князья взаимно обязывались не принимать чужих людей на свои земли. Великий князь тверской по договору 1270 г. обязался пред Новгородом из Бежецка (Бежичи), принадлежавшего Новгороду, людей «не выводити в свою волость, ни из иной волости Новгородской». Крестьянин-половник, вышедший из новгородских владений в тверские, подлежит выдаче наравне с холопом[44*]. В междукняжеских договорах часто встречается распоряжение о неприеме «черных людей»: «А которые слуги потягли к дворьскому, а черные люди к сотцкому... и тех вам и мне не приимати» (1433 г.)[45*].

В пределах собственного княжества князья обязывали вотчинников не принимать на свои земли крестьян тяглых, даньских, письменных[46*].

Эти распоряжения, конечно, не отменяют права перехода крестьян вообще, но они существенно стесняют для них пользование этим правом. Переход на отдаленные земли для крестьян был более затруднителен, чем на соседние. И именно в свободе перехода на близкие земли могла бы и выразиться свобода крестьянина. Запрещение такого перехода поэтому существенно ограничивало крестьянскую свободу.

§ 44. *Ограниченная свобода*

Право отказа при указанных условиях далеко не обеспечивало свободы крестьянина в ее существенной стороне, праве свободного переселения.

Отказ под непременным условием привести в порядок все денежные счеты с господином был очень затруднителен для крестьян вообще ввиду их бедности и задолженности господину.

42* «Intercursus qui solet esse inter homines nostros... laude et assensu dicti Simonis et nostro est adnullatus et destructus, ita quod dictus Simon vel heredes sui non debent vel possunt de cetero retinere homines nostros, nec nos... [Переход, который бывает среди людей наших... похвалой и одобрением упомянутого Симона и нашей уничтожен и разрушен, так что упомянутый Симон или наследники его не должны впредь держать [у себя] людей наших, как и мы... (лат.)]» (*Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 1207. Anm. 2).

43* Ibid. S. 1207, 1208.

44* «А холоп или половник забежит в Тверскую волость, и тех, княже, выдавати» (СГГД. Т. 1. № 10—1307 г.).

45* СГГД. Т. 1. № 3 (1270 г.); № 45 (1433 г.). С. 92 и др.

46* ААЭ. Т. 1. № 17 и др. См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. I. С. 210.

Многих крестьян должна была затруднять при этом необходимость уплатить недоимки за прежние годы. Приведение в порядок всех счетов с господином затруднялось также тем, что многие крестьяне, поселяясь на его земле, в первое время пользовались льготой от даней и пошлин. Льгота давалась на три года и до 15 лет. Три года крестьянин сидит на льготе, но это связывает его надолго. Уходя вскоре после льготных лет, он наносит большой ущерб господину и, конечно, не получит от него согласия на «отказ».

Кроме недоимок и льгот, крестьян связывала по рукам и ногам также их непосредственная задолженность. Крестьяне, вновь селившиеся в вотчине, очень часто получали денежные ссуды и подмоги от господина.

О распространенности этого обыкновения в XVI в. мы знаем из порядных записей. От древнейшего же времени сохранились многочисленные известия о крестьянском серебре, о крестьянах-серебряниках и людях окупленных. Необходимость уплатить этот долг при отказе ставила крестьянина в «безвыходное» положение. Долг обязывал его жить на земле господина, приравнивал его к кабальному человеку, который был крепок господину условно, до уплаты долга [47*].

Разные «зацепки» со стороны господина, доходившие «до боев и грабежей», и эта задолженность крайне затрудняли крестьян в свободном пользовании правом перехода, правом отказа. Уйти к другому помещику крестьянин большею частью мог только тогда, когда этот помещик поможет ему расплатиться с долгами и охранит его от насилий, от разных «зацепок» со стороны его господина. Активный *выход* таким образом превращался в пассивный *вывоз*.

Грамота 1555 г. говорит не о выходе, а о вывозе крестьян: «дети боярские вывозят за себя в крестьяне» крестьян из черных деревень. Для вывоза же крестьян из-за помещиков к ним приезжают из черных деревень «отказщики» которые «крестьян из-за них отказывают» в черные деревни. Грамота 1602 г. также говорит об отказе и вывозе крестьян: «Промеж себя крестьяне отказывати и вывозити» [48*].

В 1580 г. вывоз крестьян помещиками превосходит выход более чем втрое. Из 305 вышедших крестьян 59 сбежали без отказу, 53 вышли по отказу и с уплатой пошлин и 188 были вывезены соседними помещиками, частью с отказом, частью без отказа [49*].

[47*] Белозерский князь разрешает старосте волоцкому принимать «монастырских половников в серебре» с тем условием, чтобы они при выходе заплатили монастырю долг: «И которой пойдет о Юрьеве дни... в твой путь, и он тогды и деньги заплатит» (ААЭ. Т. 1. № 48).

[48*] ДАИ. Т. 1. № 56; ААЭ. Т. 1. № 22.

[49*] *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898. Т. 1. С. 26.

Все это показывает, до какой степени затруднителен был самостоятельный выход крестьянина из вотчины. В этой трудности выхода нет основания видеть явление новое, непосредственно предшествующее прикреплению крестьян. Возможно, что в это время задолженность крестьян, стеснявшая их выход, усилилась. Но она несомненно существовала и раньше. Отказ и сам по себе, помимо задолженности, связанный с уплатой пожилого, повоза и недоимок, был весьма затруднителен для крестьян.

Наши исследователи не совсем правильно настаивают на том, что владельческие крестьяне удельного времени были людьми свободными. Первый настаивал на этом Беляев; но он говорил это тенденциозно, по политическим соображениям. Он писал свою книгу «Крестьяне на Руси», когда решалась великая реформа освобождения крестьян и ему надо было показать, что крестьяне в древности долгое время были свободными. Другие исследователи говорят о свободе крестьян без оговорок, основываясь на формальных юридических схемах современного нам права, не вполне приложимых к древности.

«Отказ», несомненно, и формально, и еще более на деле сильно ограничивал свободу крестьян. Права их как свободных людей значительно ограничивались также вотчинным судом и управой землевладельца. Вотчинник в отношении их был не только землевладельцем, сдавшим им участок земли, но и господином. По грамотам XV и XVI вв. они обязаны были ему послушанием, должны были его «слушать во всем».

Крестьяне, далее, не только платили оброк землевладельцу, как бы арендную плату за снятую землю, но и исполняли барщинные работы, и платили пошлины и поборы из категории тех, которые называются на Западе «droits seigneuriaux» *.

Свобода их была ограниченной и положение их уже в удельное время в существе было близко к положению крепостных крестьян в XVII в.

II. СВАДЕБНЫЕ ПОШЛИНЫ

§ 45. Forismaritagium — выводная куница

В числе важнейших признаков серважа французские историки указывают на брачные пошлины, которые сервы должны были платить своим господам. Эти пошлины пользуются большою известностью, потому что некоторые историки связывают их с феодальным jus primae noctis **, видя в них как бы денежный выкуп этого права [50*].

* «Сеньериальные права» (фр.).
** Правом первой ночи (лат.).
50* *Крыжановский П.* Венечные памяти и пошлины // Изв. Рус. археолог. общ-ва. 1859. Вып. II.

Когда оба новобрачные принадлежали одному господину, пошлина называлась «maritagium», «mariage». Когда же муж и жена принадлежали разным господам, пошлина называлась «forismaritagium» (буквально — «внебрачное»), откуда французский термин «formariage». Эта «внебрачная» пошлина была обыкновенно выше простой «брачной», так как уход женщины из имения вследствие брака с чужим сервом наносил ущерб господину. Первоначально пошлина forismaritagium была довольно высока, но с конца XII в. она понизилась и не превышала 5 су [51*].

Брачные пошлины не составляли особенности французского серважа. Они распространены были в равной мере и в Германии в феодальное время. Немецкие историки также считают их одним из признаков состояния поземельно-зависимых крестьян. Эти пошлины обозначались в Германии обыкновенно немецким словом Bumede, соответствующим латинскому maritagium [52*].

Совершенно такие же, называвшиеся *свадебными*, пошлины существовали и у нас в удельное время и позднее. Совершенно так же, как на Западе, у нас различались пошлины с браков между лицами одной волости, одного имения и между лицами из разных волостей. Пошлина первого рода (maritagium) называлась у нас *новоженый убрус*, пошлина второго рода (forismaritagium) — *выводная куница*. Как видно из этих названий, первоначально пошлины не были денежными; с новоженов одной волости взимался убрус; при выходе замуж в чужую волость взималась выводная куница. Впоследствии (по нашим сведениям, с XV в., но, вероятно, и гораздо раньше) взамен убруса и куницы взимали деньги, как это видно из следующих известий:

«А кто за кого в стольниче пути дочерь даст замуж, и он волостелю даст *за новоженой убрус четыре деньги;* а кто дочерь даст замуж из стольнича пути на посад или в волость, и он даст *за выводную куницу два алтына*» (1506 г.) [53*].

«Да приказщику монастырскому дают.. за выводную куницу по гривне, да за новоженой убрус по алтыну» (1573—1574 гг.) [54*].

51* *Luchaire A.* Manuel... P. 301—302.

52* Значение слова «Bumede» («Burmede») неясно. «Mede» (как и «Kurmede») значит «плата» — «Miethe». Слово «Bu» прежде объясняли как «Bau» — отсюда «Bumede», плата за помещение (Baumiethe) (*Grimm J.* Deutsche Rechtsaltertümer. 3. Ausg. Göttingen, 1881. S. 384 et al.). Но это «Bu», отнюдь не в смысле «Bau», встречается в целом ряде слов: «Butheic», «Buding», «Bumann» (*Waitz G.* Op. cit. Bd. V. S. 260, 281—282). «Bumede» иначе называлось «Baitemund» и «Beddemund» (Ibid. S. 259).

53* ААЭ. Т. 1. № 143 (уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г. Стольничий путь — Переяславская рыболовная слобода). См. также: Писцовые книги Московского государства/Под. ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. Т. I. Отд. II. С. 294 («за куницу 10 денег и за убрус 4 деньги»). (Далее: Писцовые книги под ред. Калачова).

54* Писцовые книги под ред. Калачова. Т. I. Отд. I. С. 65 (Московский уезд). Тут целый ряд таких известий (Там же. С. 58, 610 и др.).

«Новоженая куница» упоминается и в более ранних грамотах — XV и XIV вв.[55*]

Сходство наших порядков с немецкими в этой области не ограничивается существованием одинаковых свадебных пошлин. Замечательно, что и у нас, и в Германии эти пошлины первоначально взимались вещами; у нас взимали *убрус* и *куницу*, в Германии — *рубашку* и *козий мех* (pellis hircina). Сохранились вполне определенные известия XII и XIII вв., что монастыри предоставляли своим людям при вступлении в брак уплачивать солид или козий мех (solidum dabit vel pellem hirci)[56*].

Очевидно, мы здесь имеем дело с обыкновением, идущим из глубокой древности. Одинаковый свойственный славянам и германцам обычай платить свадебную пошлину мехом коренится, вероятно, в общих свадебных обрядах, унаследованных из общего арийского источника[57*].

Некоторые историки предполагают, что свадебные пошлины происходят от древнего права первой ночи. В одном немецком известии действительно говорится, что брачная пошлина платится как «цена невинности» (pro pretio pudiciae); в другом, в поздней сельской уставной грамоте (Weisthum), сказано, что жених должен или позволить старосте (Meier) спать на своей постели первую ночь, или же выкупить ее за небольшую (5 шиллингов и 4 пфеннига) пошлину[58*]. Но эти известия представляют собою не указания на реальные отношения, а лишь позднейшее осмысливание свадебной пошлины[59*].

Совершенно так же объясняли значение свадебной пошлины в народе и у нас. Такое объяснение ее записано в прошлом веке в Малороссии[60*].

Еще раньше Татищев нашел такое же объяснение ее в одном из списков летописи: «Отреши Олга княжее, а уложила брать от жениха по черне куне как князю, так боярину от его подданного». Под словом «княжее» здесь, по-видимому, разумеется именно jus primae noctis. «Что оно значит,— писал Татищев,— подлинно не-

[55*] ААЭ. Т. 1. № 15 (жалованная грамота около 1400 г.: «Ненадобе моя дань, ни тамга, ни новоженая куница, ни корм данной»); ДАИ. Т. 1. № 17 (то же, 1479 г.); *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Ст. 1368 (запись до 1400 г.); ААЭ. Т. 1. № 255 («выводная куница и новоженый алтын» — 1560 г.).

[56*] *Grimm J.* Op. cit. S. 379 (из книги: *Kindlinger V. N.* Geschichte der deutschen Hörigkeit. B., 1819 (известия 1166 и 1294 гг.)).

[57*] О мехах и кожах в связи с брачными поверьями см.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 689 и др.

[58*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. V. S. 263; *Grimm J.* Op. cit. S. 384, Anm. 2.

[59*] *Gierke O.* Der Humor im Deutschen Recht. 2 Aufl. B., 1886. S. 35; *Waitz G.* Op. cit. Bd. V. S. 264, Anm.

[60*] *Linde S. B.* Slownik jezyka polskiego. Vid. 2. Lwow, 1855. T. 2. S. 1183; *Эверс Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 86.

известно, разве не было ль обычая, как у древних, невест рабов на растление к господам приводили, яко [писал] Геродот, кн. 4, гл. 34». Известия этого нет в Начальной летописи (судя по сохранившимся ее спискам), и оно, по всей видимости, представляет одну из позднейших вставок [61*]. Эверс напрасно увидел в этом известии исторический факт отмены княгинею Ольгою права первой ночи [62*]. Оно представляет собою лишь позднее народное предание, возникшее из осмысливания свадебной пошлины, новоженой куницы, после того как древнее обрядовое ее значение стало уже непонятным. История знает много таких народных преданий, которые возникли в древности, но не имеют ничего общего с реальными отношениями древности, еще более отдаленной.

Французские историки, считая свадебные пошлины отличительной чертой серважа, связывают возникновение их с обширными правами господина над сервом. «Серв,— говорит Люшер,— не пользующийся правом полной собственности, не имеет также совершенной свободы брака». Первоначально, объясняет далее этот историк, на браки сервов смотрели скорее как на сожительства. Только в XII в. папство провозгласило абсолютную неразрывность брака сервов. Но «если брачный союз серва в феодальную эпоху имеет одинаковую силу с браком свободного и благородного, тем не менее признаком более низкого состояния серва служит тот факт, что на вступление в брак он должен испрашивать разрешение господина и за такое разрешение должен платить небольшую пошлину (maritagium, licentia matrimonii) [63*].

На основании сравнительного изучения этого вопроса можно сказать с уверенностью, что это объяснение неосновательно, что свадебные пошлины отнюдь не имеют связи с тем рабством, из которого возник серваж. Это объяснение правильно лишь в той мере, в какой оно приложимо к фактическому значению свадебных пошлин в феодальное время во Франции. Действительно,

61* *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1773. Кн. II. С. 45, 329 («Княжее написано в одном раскольничьем [списке], а в прочих не упомянуто»).

62* Для объяснения этого факта Эверс должен был предложить: 1) что это не было право государя, а право родоначальника; 2) что «Ольга при сей отмене ограничилась одними собственными владениями, а может быть, еще и владениями своего семейства, где она легко могла убедить родоначальников отказаться от помянутого личного права и вместо его брать определенный выкуп». Сведения Эверса о немецкой свадебной пошлине были недостаточны. Он писал так: «В некоторых немецких провинциях также, *кажется*, существовала сия пошлина под именем Klauenthaler, Hemdsschilling и проч.» (*Эверс Г.* Указ. соч. С. 79—86). Шлецер [65] отвергал достоверность известия, считая, что «jus primae noctis есть шотландская басня» (*Шлецер А. Л.* Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные/Пер. Д. Языкова. СПб., 1816. Ч. III. С. 493). Ср.. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия... Киев, 1880. Вып. II. С. 29, примеч. 14.

63* *Luchaire A.* Manuel... P. 301.

maritagium тогда взимался преимущественно (но, кажется, не исключительно) с сервов; и в то время соответственно фактическому положению дел эта пошлина рассматривалась уже по-новому, как разрешение на вступление в брак, как «licentia matrimonii» (другое название — «maritagium»). Это позднейшее осмысливание древнего обычая, подобное указанному народному преданию о выкупе первой ночи.

Наше объяснение подтверждается порядками, существовавшими в Германии. Здесь свадебные пошлины взимались, как указывает Вайц, с *различных* разрядов зависимых людей и они имели различное значение. Иногда Bumede взималось в виде штрафа, и довольно высокого: это было там, где браки с людьми чужого господина считались недозволенными или стеснялись. Иногда пошлина рассматривалась как плата за дозволение жениться, так же как во Франции (pro licentia maritali, licentia maritandi), иногда, очень редко, как цена невинности (pretium pudiciae). Иногда же источники прямо указывают, что зависимые люди уплачивают пошлину, но ни у кого не испрашивают разрешения жениться[64*].

Наши русские источники вполне объясняют первоначальное значение свадебных пошлин. Из них видно, что они возникли отнюдь не из власти господина над рабом или над сервом или же из власти его, защитной, как предполагает Вайц, над зависимыми людьми вообще. У нас свадебные пошлины взимались одинаково как во владельческих имениях, так и в волостях и городах, пользовавшихся (общинным) самоуправлением. Это ясно из следующих постановлений уставной белозерской грамоты 1488 г.: «А кто дасть дочерь замуж, из города в волость, или из волости в город, или из волости в волость, и он дасть за выводную куницю алтын. А кто дасть дочерь замуж за рубеж, в Московскую землю или в Ноугородскую, и он дасть за выводную куницю два алтына; а в городе, и во стану, и в волости в одной, ино свадебного за убрус две деньги. А десятиннику владычню знамени три денги»[65*].

64* *Waitz G.* Op. cit. Bd. V. S. 261—263. Вайц неосновательно полагает, что право господина на взимание свадебной пошлины «основывается, *без сомнения*, на защитной власти (*Schutzgewalt*), которая принадлежала господину» (Ibid. S. 263).

65* ААЭ. Т. 1. № 123 («Случится у кого свадьба выдаст за волость дочерь и *приказщику куница* — 10 денег да с *отводин* хлеб да колач, а доводчику две деньги; а женит сына и приказщику алтын *новоженой* да хлеб да колач, а доводчику две же деньги»); № 258 (1561 г.), № 181 (1536 г.), № 183 (1537 г.), № 201 (1544 г.), № 208 (1546 г.). То же в волости по старине взимают выборные судьи (Там же. № 257—1558 г.). Эти пошлины сохранились до XIX в. В XVII в. — «убрусное» и «вывод». *Забелин И.* Большой боярин... // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 22—23. Вывод в XVIII в. иногда вовсе не допускался помещиками: иногда взимались выводные деньги в небольшом размере, 1—5 рублей, иногда же выводные деньги имели значение покупки невесты, так как они достигали 30 и

В отношении владельческих людей эти пошлины имели у нас то же значение, что и на Западе, а именно служили средством для стеснения выхода женщин в чужие вотчины. Для этого господа повышали иногда размеры этой пошлины. Так, например, в белозерских волостях в 1488 г. за убрус взыскивались две деньги и за куницу алтын; в княжеской же Переяславской слободе около того же времени, в 1506 г.,— вдвое больше (четыре деньги и два алтына). Во второй половине XVI в. монастырские приказчики взыскивали еще больше — за куницу гривну и за убрус по алтыну. Эти пошлины довольно высоки в сравнении с Францией, где в XII в. платили обыкновенно только 5 су [66*].

В эпоху крепостного права размер этих пошлин значительно увеличился. Во второй половине XVII в. платили «выводную куницу» в размере рубля [67*].

III. ПОВИННОСТИ И ПОШЛИНЫ

§ 46. *Барщина, оброк — servitium, census*

Повинности крестьян в пользу господина в средние века так же, как и позднее, до последних дней крепостного права, делились на два разряда: оброки и барщины. Те и другие были чрезвычайно разнообразны.

В Германии барщинные работы крестьян в средние века представляли собою, замечает Лампрехт, «чрезвычайно пеструю картину», а различные оброки отличались едва ли не большим разнообразием [68*]. Столь же многообразны были повинности крестьян и у нас. И я поэтому не буду останавливаться на детальном их рассмотрении и выясню только некоторые их основные черты.

Оброки или доходы у нас так же, как в Германии, вносились частью деньгами, частью натурою, в особенности зерновым хлебом. Кроме зерна, господа брали у крестьян все, что только можно было найти в их хозяйстве,— домашний скот, домашнюю птицу и всякие продукты — печеный хлеб, сыр, куриные яйца и проч. Первоначально у нас так же, как в Германии, преобладали поборы натурою; в течение средних веков эти поборы постепенно заменяются денежными, и только в позднейшее время встречаются одни денежные оброки. В некоторых имениях оброки собираются то натурою, то деньгами по усмотрению господина [69*]. В некоторых

100 руб. (*Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. 2-е изд. СПб., 1903. Т. I. С. 315, 316 и др.; Т. II. С. 218).

66* См. выше.

67* Староста с отца крестьянки «выводные куницы по приказу государя своего взял рубль» (Память 1662 г. // Шумаков С. А. Обзор... Вып. 2. С. 30).

68* Fronden, servitium; Zins, census (*Lamprecht K.* Op. cit. S. 786—787).

69* До позднего средневековья часто встречаются сборы всех почти оброков натурой (Ibid. S. 795).

германских аббатствах, по современному известию, «где лососи, или свиньи, или подводы, или какой-либо доход переложен на деньги, там зависит от усмотрения монастыря принять или самые предметы, или заменяющий их сбор». Такое же точно правило встречается и в русских источниках: в уставной грамоте тверских дворцовых сел после перечисления разных предметов мелкого дохода замечено: «А коли князь великий не велит у них (крестьян) мелким доходом имати и крестьяном платити в великого князя казну в дворцовый приказ деньгами: за яловицу с вымя по 7 денег; за баран с вымя по гривне» и т. д.[70*].

Ввиду путаницы разных видов оброков и поборов их обыкновенно делили, как указывает Лампрехт, на две большие категории: оброки большие и малые, причем эти последние назывались по-латыни — jus minutum или parvum [71*].

Этот малый оброк состоял иногда из мелких поборов, например курицами и яйцами, а большой противополагался ему как оброк зерновым хлебом или рассматривался как связанный с пользованием землею, как главный поземельный оброк. Но все эти отличия, замечает тот же автор, были неясными, «более или менее текучими», так как единообразия в обложении и раскладке не установилось.

Такое же разделение всех разнообразных господских поборов на два разряда — *доход* и *мелкий доход* — находим мы в наших писцовых книгах. Доход взимался деньгами и хлебом в снопах или в зерне, мелкий доход — мелким скотом, печеным хлебом и всякими продуктами сельского хозяйства: «А старого *дохода* с тае волостки деньгами рубль Ноугородцкой; а хлеба поспом ржы 17 коробей, а овса 17 коробей; а *мелкого дохода* двое хлебов, две горсти льну»; или: «Дохода деньгами пол-пяты (т. е. 4, 5) гривны, а из хлеба пятины; а *мелкого дохода* 9 баранов, 9 сыров, 9 пятков льну»; в других имениях, кроме баранов, сыра, льна, брали мелкий доход также курами, яйцами, маслом, окороками мяса, бараньими лопатками, калачами, овчинами, хмелем, дровами. Иногда, кроме нескольких возов дров, требовались с крестьян особо также «два воза лучины». Цитаты эти взяты из новгородских писцовых книг; но такое же различие между главным доходом, или оброком, и мелким доходом встречается и в тверских книгах [72*].

Оброк и мелкий доход взимались с каждого дворохозяина в разном количестве соответственно размерам его запашки. Это главное начало обложения было одно у нас и в Германии; обло-

[70*] Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 293.

[71*] Jus parvum, minutum; Hühner und Eierzins (*Lamprecht K*. Op. cit. S. 788, Anm. 6).

[72*] Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. I. С. 6; Отд. II. С. 332 (тут же ключнич доход), 337, 374, 381, 482, 293 (здесь мелкому доходу противополагается денежный *оброк* и посопный хлеб).

жение было не личным, не поголовным, а поземельным или, еще точнее, похозяйственным. Первоначально в Германии господствовала система раскладки по гуфам; затем по четвертям (quartalia), в которых считалось по 16 моргенов (jugera) и, наконец, по моргенам. Гуфа, четверть, морген были единицами обложения. У нас соответствующими единицами были сначала соха, затем обжа и, наконец, выть. Общею мерою обложения служили поборы, установленные с обжи или с выти.

От разнообразных оброков и доходов, взимавшихся по этой системе обложения, отличался особый сбор, взимавшийся с очага, или с жилища крестьянина. Во Франции и в Германии этот сбор назывался поочажным (focagium) или подымным (fumagium). Он был очень незначительным, подобно другим мелким доходам, в размере пфеннига, курицы или печеного хлеба. В германских источниках такой поочажный пфенниг (Herdpfennig), петух или хлеб с дыма (Rauchhuhn, Rauchbrot) объясняется как знак признания господской власти землевладельца: «Кто там разводит огонь, за господином землевладельцем, тот должен господину как господину земли дать два печеных хлеба».

Такой же точно «*подымный*» сбор (fumagium) и так же резко отличающийся от других доходов, взимавшихся с обжи или с выти, находим мы и в наших источниках. Несмотря на свою незначительность, сбор этот у нас, как и в Германии, выделяется источниками из других «мелких доходов»: «Оброку *с выти* по полтине, да за сыры и за московские дрова по 4 алтына, да *с выти ж* по овчине, да по 24 аршина холстов, *да с 35 дымов по деньге с дыма*».

Одинаковое значение с подымным сбором имел сбор *поклонный*, также выражавший подчинение господину земли — боярину. Этот сбор так же, как подымный, особо указывается в новгородских писцовых книгах рядом с главным доходом, денежным и хлебным, и мелким доходом. Взимался он обыкновенно в том же размере, как и подымное, по деньге с дворохозяина; указывая главный доход в размере полгривны, писец замечает: «поклонная деньга»; в некоторых имениях «поклонное» (иначе — «поклон») платили и в несколько большем размере — 1,5—2 деньги.

Рядом с поклонным в некоторых имениях указывается особо *дар*. Этот сбор, по-видимому, не имел того значения, как поклон, и был просто доходной статьей, как и все составные части доходов главного и мелкого. С трех обеж в некоторых имениях платили «дару четка гороху, четка конопель, 6 копен сена». Дар, как и другие натуральные сборы, переводился на деньги и в писцовых книгах присоединялся к главному денежному доходу: «А дохода 6 гривен 4 деньги и с поклоном и с даром». Так же как для других господских поборов, и для дара мы можем указать в иностранных источниках сбор, точно ему соответствовавший и называвшийся одинаково — *donum*.

Особый разряд у нас и на Западе составляли мелкие поборы, взимавшиеся в пользу господских приказчиков, так называвшийся у нас ключнич доход. На всяком шагу хозяйственной деятельности крестьянина его подстерегал не только господин, но еще и его приказчик. Доходы его были столь же разнообразны, как и доходы господина, и только были во много раз меньше; где господин брал 11 баранов, там ключнику доставалось 14 бараньих лопаток; где господин брал из всякого хлеба треть, там в пользу ключника шло «от всякого овина всякого жита по четвертке»[73*].

Барщинные работы господских крестьян были столь же разнообразны, как и описанные выше поборы, доходы или оброки. Подстерегая крестьянина на каждом шагу в его собственном хозяйстве, господа вместе с тем пользовались его трудом для всех надобностей своего господского хозяйства. Яркий пример разнообразия барщинных работ дает одна из древнейших наших уставных грамот, 1391 г. В митрополичьем Константиновском монастыре барщинным трудом крестьян пользовались: 1) *для монастырских строений*: «церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить»; 2) *для пашни:* «игумнов жеребей весь рольи (пашни) орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти»; 3) *для сенокоса*: «сено косити десятинами и в двор ввезти»; 4) *для рыбной ловли*:

[73*] *Подымное* см.: *Lamprecht K.* Op. cit. S. 799—800, 1181. Weistum Nospelt, 1542 г.: «Wer da feuert und flammet hinder dem grundherrn, der muss eim hern apt als grundhern geben 2 rockenbroet, der funt ein sester duent» [Устав общины 1542 г. (Носпельт): «Кто там разводит огонь за господином землевладельцем, тот должен ему как господину земли дать два печеных хлеба, каждый из которых равняется зестеру» (нем.)] (Ibid. S. 800, Anm. 2); Оброк «tot pullorum quot sunt ibidem loca ignium, sive foci [столько молодых животных, сколько печей и очагов (лат.)]; «(Ibid. S. 799, Anm. 6); Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. I. С. 914 (Костромской уезд, 1592 г.). Так же после перечисления доходов с вытей, «да с 300 дымов по деньге с дыма» (Там же. С. 896, 910). Бобыли беспашенные и мелкие люди, промышляющие у варниц, «оброку дают с дыму в монастырь по 4 алтына» (Там же. С. 924). При переходе к повытному обложению, когда всякие доходы раскладывались вновь на выти, и старый подымный сбор с утратою прежнего его значения был в некоторых местах положен на выти: «подымного с выти» (Там же. С. 16, 22).

Поклон и дар см.: Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 794—803 (в двух имениях, до конфискации принадлежавших Селезеневу). Во многих случаях здесь число поклонных денег соответствует числу обеж, но далеко не везде: иногда с двух обеж 4 деньги, иногда с 3 обеж 2 деньги. В имении бывшем Телятева: с 5 обеж поклону 8 денег, с 2 обеж 3,5 деньги и 4 деньги, с 3 обеж 6 денег (Там же. Т. II. С. 334—335). О даре см.: Там же. Т. I. С. 9, 10; Т. IV. С. 203. Еще о поклоне и даре см.: Там же. Т. I. С. 199, 202; Т. II. С. 701, 702, 735; Т. IV. С. 190, 191. Известия об этих сборах редки потому, что писцы обыкновенно не интересовались названиями сборов и довольствовались общими указаниями дохода; да и сами господа часто сводили разные сборы в общие денежные; указанные сборы наименовываются большею частью только в «старом доходе», а в исчислении «нового дохода» опускаются.

Ключнич доход см.: Новгородские писцовые книги. Т. II. С. 889.

«ез бити и вешней, и зимней, сады (садки) оплетати, на невод ходити, пруды прудити» — и *для ловли бобров*: «на бобры им осенине ходити и истоки забивать». Таковы были работы, исполнявшиеся «большими людьми из монастырских сел»; меньшие же люди, не имевшие собственных коней, «пешеходцы из сел» должны были: 5) на семя рожь молотить; 6) «рожь молоти и хлебы печи»; 7) солод молоть, пиво варить; 8) прясть лен; 9) делать неводы.

Крестьяне по этой грамоте должны были обрабатывать монастырскую пашню (игумнов жеребей рольи) *взгоном*, т е. общими силами всех крестьян, собранных (согнанных) для этой работы. С тем же «взгоном» встречаемся мы в писцовых книгах конца XVI в. Это была барщина в теснейшем, позднейшем смысле слова: обработка господской земли крестьянами под наблюдением приказчика. От такой пашни отличалась монастырская же так называемая десятинная пашня, обрабатываемая самостоятельно крестьянами по расчету известного числа десятин на выть («на выть пашут по 3 десятины пашни, да взгоном пашут 35 десятин»), засевались эти пашни «монастырскими семены».

В новгородских писцовых книгах такие барщинные работы крестьян обозначаются словами: «пахать или косить на монастырь или на боярина *волостью*», т. е. общиной всех крестьян имения: «пашут на них (бояр) то село волостью» или «косят боярскую пожню волостью» [74*].

Такие же барщины широко развиты были и в Германии. Описав несколько случаев коллективной барщины, Лампрехт делает вывод, что «всякая служба на господской заимке была службою общей руки (gesamter Hand) и приводила к образованию из крестьян, обязанных барщиною, особого общества обработки заимки (Beundenbetreibsgemeinschaft)». Такое устройство заимочных барщин, впрочем, не представляет собою одинокого явления в истории боярщины; в существе дела скорее все повинности поземельно-зависимых понимались в таком именно смысле. Община обязана, гласит устав общины (Weistum) Шепфельс 1682 г. (§ 21), господину мыть его овец и ягнят, также и стричь, и принято издревле, как учит этот устав, овец и ягнят стричь «общею рукою». Немцы говорили о такой общинной барщине — общей или сборной рукою (gesamter, samender Hand), у нас говорили — взгоном или волостью.

В числе разных барщинных работ в германских источниках часто упоминается обязанность крестьян поставлять подводы и возить господские товары из одного имения в другое или в город на продажу. Эта транспортная служба называлась греческим словом ἀγγαρεία, в латинской транскрипции angaria, или по-немецки

[74*] Впоследствии эти работы назывались «боярщиной», откуда современное нам слово «барщина».

Fronfuhren (барщинная повозка). Та же повинность часто встречалась и у нас; она называлась *подводой* или *повозом*.

Так, например, крестьяне деревни Поповской, принадлежавшей Троицкому монастырю в конце XVI в., должны были «давать в монастырь для дровяные возки с выти по подводе»; они же должны были монастырскую рыбу, которая приходила с Белоозера, возить в Троицкое же село Коприно дважды в год, «а ставятся им те провозы в год по 12 рублев»; «да они ж возят мережи рыбные с Мологи на Ярославль на рыбные ловли». «Да монастырских повозов с выти в год по 5 повозов, оприч рыбных повозов для государева приезду» [75*].

[75*] *Барщина* см.: ААЭ. Т. 1. № 11. (уставная грамота 1391 г.). *Взгон* см.: Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 16. Иногда часть крестьян вместо десятинной пашни платили более высокий доход; десятинная пашня всегда отличается от взгона: «А монастырских доходов имали с них с 5 вытей с жилых(иначе — живущих) по рублю и по 5 алтын, да 35 вытей живущих же по 26 алтын, по 4 деньги, да с тех же 35 вытей пашни пашут, на монастырь 8 десятин, да взгоном 2 десятины, а сеют монастырскими семены» (Там же. С. 6—7); с 17 вытей по полтине, «с 31 вытей пашут пашню по пол-2 десятины, да згоном пашут 18 десятин» (Там же. С. 14); «пашни на выть по 2 десятины, да взгоном 54 десятины, а сеют на десятину по 2 чети ржи монастырскими семены» (Там же. Отд. I. С. 896). Пашут волостью (Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 78); «Да на Митю косят боярскую пожню волостью, а ставится на ней 100 копен сена» (Там же. Т. IV. С. 125); «косят волостью» (Там же. С. 103, 144, 193, 210).

«Aus ihnen [Einzelangaben] ist für alle Orte und Zeiten grundherrschaftlicher Thätigkeit die allgemeine Anschauung begründet, dass jeder Beundedienst Dienst gesamter Hand war und für die Frondeverpflichteten eine Beundebetriebsgemeinschaft involvierte. Die Konstruktion der Beundefronden ist übrigens keine allein dastehende Erscheinung in der Geschichte der Grundherrschaft: im Grunde waren vielmehr alle grundhörigen Leistungen in diesem Sinne gedacht. Die Gemeinde ist schuldig, heisst es noch im W. Schönfels 1682 § 21: dem herrn seine schâf und lämmer zu weschen, auch zu scheren, und von alters flegt man, wie sie erlernet, schâf und lemmer samender hand zu scheren [На основании этих данных] существует общее мнение, что повсеместно и во все времена всякая работа на господской заимке была службою общей руки и приводила к образованию из крестьян, обязанных барщиной, особого общества обработки заимки. Такое устройство заимочных барщин не представляет собою одинокого явления в истории боярщины: по существу, все повинности поземельно-зависимых понимались в таком смысле. Как говорится в § 21 устава общины Шепфельс 1682 г., община обязана мыть господину его овец и ягнят, также и стричь их, и принято издревле, как учит этот устав, овец и ягнят стричь общей рукой (нем.)]» (*Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 435).

Angaria также называлась scara, но этот термин, по мнению Лампрехта, обозначал преимущественно не Transportdienst, a Botendienst. О том и другом см.: *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 810—812. Кроме повозок, крестьяне иногда должны были давать также и суда — «Schifdienst» (scaram facit cum nave или in nave) (Ibid. S. 810, Anm. 3).

Особые денежные поборы, заменившие натуральную повинность повоза, см.: Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 199, 202 («за повоз»); Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 39 (о повозах деревни Поповской), 35 («да для дровяные возки в монастырь давали с выти по 4

Кроме оброков или доходов разного рода, обусловленных пользованием господской землею, и кроме пошлин выходных и свадебных, обусловленных личной зависимостью от господина, крестьяне платили в пользу господина также пошлины торговые, таможенные и судебные в силу принадлежавших ему прав государственного порядка. Средневековая боярщина, сеньерия или Grundherrschaft как я уже говорил, была не только частновладельческим имением, но в большей или меньшей степени также и государственным владением; права частные и государственные в то время не разграничивались так, как в позднейшую эпоху новой истории, и тесно сливались в понятии боярского владения. Описывая систематически сеньериальные права, Люшер перечисляет сначала поборы с лиц (поголовщина, марьяж и формарьяж), с движимости (талия), с недвижимости (ценз, оброк и подымное), с жатвы (шампар), затем в одном ряду с этими сборами — *сборы торговые* (с продажи припасов и всяких товаров, в том числе особые пошлины с рынков и ярмарок), *сборы с передвижения лиц и товаров* (таможенные пошлины с дорог, мостов, пристаней), *сборы с отчуждения недвижимости* (продажи, залога, дара, в том числе и пошлины наследственные — рельеф); наконец, *судебные права* сеньеров, судебные пени и пошлины.

Все эти сеньериальные права, права на пошлины торговые, таможенные и на судебные пени и пошлины составляли и у нас принадлежность крупного землевладения в формах боярщины — земельного господства (Grundherrschaft). Об этом у нас сохранилось достаточно сведений в жалованных и уставных грамотах.

По жалованным грамотам многим монастырям принадлежало право взимать:

1) *проезжие пошлины* с товаров—мыто и пеню за проезд мимо заставы, промыту; пошлину за причал к берегу — *побережное* (rivagium); пошлину с переправы через реку на монастырском плоту — *перевоз* (traversum); пошлину с приезжающих купцов (гостей) и с объявляемых ими товаров — *явленое* и *явку;*

2) *торговые пошлины: тамгу* («А который крестьянин монастырской продает в торгу или в селе, и они тамгу платят игумену; а которой... протамжится, монастырский игумен вину возьмет на монастырь»); особую пошлину с купли лошадей, взимавшуюся при их клеймении, так называемое *пятно*, или пятенное («А кто из людей купит лошадь в городе или в волости, и они те кони пятнят своим пятном монастырским и пошлину дают монастырскому прикащику» — 1470 г.);

3) *судебные пени и пошлины*. По жалованным грамотам крестьяне и люди монастырей и бояр освобождались от подсудности княжеским властям или всецело (в древнейшее время), или за

подводы, а ставится подвода по 15 алтын... возка с выти»). О повозах в тексте см.: Там же. Отд. I. С. 903.

изъятием дел уголовных (опричь душегубства или опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным). Право суда над ним переходило к землевладельцу или к его уполномоченному, кому прикажет. Вместе с судом к нему переходило и право взимать в свою пользу судебные пени и пошлины: игумен или его «приказник» ведает своего монастырского человека правого и виноватого или «в правде и в вине»; или, как сказано в одной грамоте 1471 г.: «Игумен с братьею и их приказник... знают себе своего человека монастырсково и в правде и в вине и в посулех и в пересуде и в всех судовых (судебных) пошлинах».

Так же как в цитированных жалованных грамотах XIV—XV вв., указания на различные торговые и прохожие пошлины встречаем мы и в уставных грамотах. Так, в уставе тверских дворцовых сел старосты и целовальники взимали пошлины с продажи или с мены лошадей и коров: купец и продавец должны были платить с лошади каждый по деньге, а «с коровы с *рога* по деньге» (cornagium); с продажи хоромины взималось *поугольное* — с угла по деньге. Они же взимали присудные пошлины. В монастырском селе Прилуках, где было торжишко («а торгуют съезжаяся из сел и из деревень с мелкими товаришки по овторником»), тамгу сбирали на государя таможники, а «*пятенную* пошлину с лошадей и с животины *явку*» сбирали доводчики на монастырь. Здесь же монастырские доводчики взимали пошлину «с *перевозу* с реки с Волги» [76*].

IV. ХОЛОПЫ НА ПАШНЕ

§ 47. Страдные и черные люди

«Холопское держание» (tenure servile) было несомненно хорошо известно удельной Руси.

Начнем с известий познейших, конца удельной эпохи, с известий половины XVI в., потому что они лучше освещают дело, чем краткие замечания памятников раннего времени.

В духовной грамоте 1545—1546 гг. богатый вотчинник говорит о своих «людях деревенских и дворных»; эти люди были его холопами, потому что часть их он отпускает на свободу, часть их завещает наследникам. Под *людьми деревенскими* он разумеет

[76*] *Пошлины* см.: *Luchaire A.* Manuel... P. 335—344 (classification des droits seigneuriaux: 1 redevances). *Горбунов А. Н.* Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII—XIV и XV вв. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860—1861. № 5. С. 59—64. На с. 61 ошибочно цитирована грамота № 24 по списку АИ. Т. 1. № 25 (мыт держат на пошлом месте наместники, а не «монастырские люди»). О том же моя статья об иммунитете. Грамоты, цитированные в тексте, см: АЮБ. № 31, XVIII, XIX; Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 35, 294.

холопов, посаженных на пашню или работавших на господской земле в противоположность *людям дворным*, т. е. дворовым. Кроме того, завещатель отпускает на волю *деловых*[77*] *страдных* людей. «А что мои люди деловые страдные, и из тех людей жене моей Ографене десять семей, а дочери моей Орине десять же семей, а дочери моей Федоре десять же семей. А досталь тех людей з женами и з детьми отпустил на слободу по своей души».

По другой духовной (1560 г.) также отпускаются на волю: 1) «люди дворные», т. е. дворовые; 2) «*слуги деревенские*, полные, и докладные, и кабальные», 3) «*люди страдные*». Часть этих страдных людей, как видно из грамоты, имела собственное свое хозяйство; у них были коровы, данные им господином, и, отпуская их на волю, завещатель приказывает оставить им коров, а другим велит дать денег на покупку коров. Все эти слуги и люди, холопы, строго отличаются от крестьян: первые отпускаются на волю, вторым же господин приказывает выдать безденежно кабалы, на кого они были взяты.

В третьей духовной того же времени (1555—1556 гг.) различаются: 1)«*страдные слуги*», отпускаемые на волю; 2) «*страдные люди, кабальные и некабальные*», и 3) «*черные люди*». Эти черные люди, несомненно, были также холопами, потому что завещатель предоставляет своему зятю и дочери выбрать «из черных людей, которые будут пригожи, шесть голов людей». Если в страдных людях, особенно в тех, которые называются деловыми — рабочими, надо видеть сельскохозяйственных работников, то в «черных людях» следует признать холопов, посаженных на пашню, ведших самостоятельное крестьянское хозяйство.

Таких «черных людей» (крестьян-холопов) встречаем и в другой духовной (1547—1548 гг.): «А что отца моего и мои люди, *холопи и робы, слуги и черные люди*, и яз всех людей отпустил на слободу, и з женами и з детьми». Завещатель оставляет за ними данных им лошадей и имущество: «А что у людей моих лошади и доспех мое данье, и господа мои приказщики того у них лошадей и доспеху не возьмут» [78*].

От того же времени, когда писались эти духовные грамоты, мы имеем большое число известий о холопах на пашне в тверской писцовой книге 1540 г. Здесь в деревнях, рядом с «крестьянами», свободными, мы находим большое число «людей», холопов.

В большом имении дочери князя Микулинского, селе Введенском, около боярского двора жила в нескольких дворах княжеская челядь, конюхи, псари, сокольники; тут же жили в особых дворах

[77*] Деловые — рабочие. Ср.: лошади деловые, «деловая земля» («куды соха ходила по деловую землю, по вражок») (*Лебедев Д. П.* Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881. № 13. С. 6 (правая грамота, до 1472 г.).

[78*] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 16—17, 46, 29, 20.

поп, дьякон, ключник; рядом с этими дворами перечислены три двора «людей ее» (княгини), дворовой челяди [79*]. Далее особо сказано: «А людей страдных 29 дворов» [80*]. Страдными людьми здесь называются сельские работники, холопы, работавшие на господской пашне.

Но в других имениях часто встречаются холопы, посаженные на крестьянскую пашню и имевшие самостоятельное хозяйство. Вот, например, село Никольское Шеского уезда за помещиком Кутузовым. Около боярского двора живут в двух дворах «люди его», они работают на барской пашне (25 четей). В деревнях же, тянущих к селу, живут холопы уже не в общих челяденных дворах, а каждый в своем дворе, с самостоятельной запашкой, на крестьянском участке: «Деревня Палкино: во дворе человек его; пашни в поле 6 четьи, сена 11 копен». Из 12 деревень, тянущих к селу, в четырех сидят холопы на крестьянских участках [81*].

В другом имении, И. А. Нащокина, в селе рядом с двором боярским и с двором попа стоит «*двор людей его, страдные*». В трех же деревнях сидят холопы вперемежку с семью деревнями крестьянскими [82*].

Нередко двор пашенного холопа стоит в одной деревне, в близком соседстве с двором крестьянина: деревня Гришино, два двора, в одном Ондреев человек, в другом крестьянин [83*].

Особого наименования для таких холопов на пашне в писцовой книге мы не находим. Но в духовных грамотах, как указано выше, они назывались *черными людьми*. Холопы же, работавшие на господской пашне, и в писцовой книге, и в духовных одинаково называются *людьми страдными* [84*].

От XV в. мы имеем несколько известий о холопах на пашне.

В 1482 г. крестьянин Васька Телибанов, 75 лет от роду, помнивший время князя Андрея Дмитриевича, рассказывал про вотчинника Есипа Пикина на Белоозере: «А Сущево, господине, да Таилицу Есип *розделал на лесе своими людьми* да посажал половников. Да сказывал ми, господине, отец мой Гаврило: Щол-

79* Эти дворы иногда называются *челяденными* (Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 117; Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 889).

80* Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 140.

81* Писцовая книга систематически обозначает таких холопов: «*Деревня. Во дворе человек его*». Относительно же людей-работников, живших около боярского двора: «Двор боярский. *А людей его 2 двора*» (Там же. С. 81).

82* Там же. С. 56. Та же терминология: «Деревня. Во дворе человек его» (Там же. С. 57 и др.).

83* Там же. С. 44, примеч. 4. Такие же случаи см.: Там же. С. 54, примеч. 5; с. 77 и др.

84* АЮ. № 417. С. 448 («мои лошади страдные», 1518 г.); № 409, II. С. 431 («тех сел пожни и страдные земли», «тех земель и страдные земли и пожни... и ловища», XV в.).

ковскую пустошь купил Есип у Григорья Монастырева. А *живал*, господине, *на Щолкове Григорьев холоп Яков*» [85*].

В раздельной грамоте XV в. (Кострома) «на Ивашковском лугу покосы, кои косили при отце нашем из села Якольсково *слуги и хрьстьяне*» [86*].

Эти же два разряда сельских холопов, страдных и черных людей, находим мы и в древнейшее время, в новгородских писцовых книгах 1495—1500 гг.

В деревне Озерке в «большом» дворе живет помещик Данило Нелединский; возле в трех дворах живут его люди; землю «пашет Данило на себя своими людьми». Это — люди на господской пашне, страдные люди.

В другом имении среди крестьянских деревень находим деревню, в которой живет «Стригин человек Степанко, сеет ржы 4 коробьи, а сена косит 30 копен... пашет человек его на себя» [87*]. Это — холопы на пашне, черные люди.

Писцовая книга иногда замечает о таких людях, что они занимают крестьянские участки: «А люди его живут в христианских дворех, а земли под ними было на 2 обжи» [88*].

В 1452 г. упоминаются «*полные люди в селах*». Княгиня Евпраксия в духовной грамоте пишет: «И мои казначеи, и тивуни, и посельские, и ключники, и хто в селех во всех полных людей, или хто ся у них женил, и яз тех людей всех отпустила на слободу з женами и детьми» [89*].

В 1410 г. князь Владимир Андреевич, разрешая бортникам, садовникам, псарям, бобровникам, барашам и делюям выход под условием лишения земли, делает оговорку: «На которого грамоты полные не будет».

В договорной грамоте 1368 г. встречаем статью: «А на полных холопех не взяти (дани), на которых ключники целуют» [90*]. Вопроса о взимании дани с холопов дворовых возникнуть не могло; холопы вообще никогда не облагались данью. Без сомнения, здесь имеются в виду холопы на пашне, которые были так

[85*] *Шумаков С. А.* Обзор... Вып. 2. С. 116; *Мейчик Д. М.* Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 112.

[86*] *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 119.

[87*] Писцовая книга Водской пятины 1500 г. // Временник ОИДР. 1851. Кн. XI. С. 15, 19.

[88*] Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 285 (Деревская пятина, 1495 г.).

[89*] СГГД. Т. I. № 82. С. 191. В духовной 1483 г. отпускаются на свободу, с одной стороны, «*слуги*», с другой — «*мои люди страдные*» (этих последних должны отпустить с женами и детьми приказчики) (АЮ. № 413. С. 440). В духовной 1486 г.: «Страдные мои люди, с женами и детьми... на слободу. А что у страдных у моих людей моя животина, и у кого что будет моей животины, тому то и есть» (СГГД. Т. I. № 121. С. 301).

[90*] СГГД. Т. I. № 40. С. 75; № 28. С. 48; № 119. С. 296 («А на холопах дани не имати, на которых ключники целуют» — 1484 г.).

близки к крестьянам, что о них, как это бывало и позднее[91*], естественно возникал вопрос, не следует ли их обложить данью. На таких холопов указывают и слова «на которых ключники целуют». Ключники обыкновенно были сельскими приказчиками.

V. СМЕРДЫ И ЗАКУПЫ

§ 48. Сервы и грундгольды

Между владельческими крестьянами у нас в удельное время и на Западе во время господства феодализма на первый взгляд нет ничего общего. В феодальной Франции господствовал серваж-крепостничество. У нас крестьяне были свободными. На первый взгляд ничего общего, две противоположные крайности[92*]. Но эти крайности сойдутся очень близко, как только мы всмотримся пристальнее в положение крестьян на Западе и у нас.

Главным источником французского серважа было древнее рабство (esclavage); предшественниками сервов были рабы, наделенные землею. В IX в. распространены были господские оброчные участки трех родов: 1) mansi serviles, на которых сидели рабы; 2) mansi lidiles, занятые полусвободными; 3) mansi ingenuiles, занятые свободными людьми. Из этих трех состояний постепенно к XI в. образовалось среднее состояние серважа. Рабство, с одной стороны, постепенно смягчилось; свободные же люди, сидевшие на господских землях, утратили значительную часть своих прав. В наиболее резком своем выражении серваж стоял близко к рабству. Сервы не только были прикреплены к земле (adscriptio glebae), они, кроме того, не имели права распоряжения на свой участок (mainmorte), не имели права на судебную защиту и по части податей и повинностей зависели от воли господина (taillables à merci).

Но ни в этом, наиболее резком, ни в смягченном виде серваж никогда не имел исключительного господства, такого, например, как у нас до недавнего времени крепостное право; он вовсе не существовал в Германии и поэтому никак не может быть признан одним из основных элементов феодального строя.

Временем господства серважа как рабского крепостничества могут быть признаны только X—XI вв. Уже в XII в. серваж существенно ослабляется; исчезает его важный признак — строгое adscriptio glebae; серв получает право перехода под условием отречения от своего имущества и формального отказа. Ослабляются и другие его черты: mainmorte и taille à merci[93*].

[91*] Ср. обложение задворных людей в XVII в.
[92*] Это противоположение сделал и я в одной из своих статей, когда еще не вник в существо этого вопроса[66].
[93*] *Luchaire A.* Manuel... P. 297—309.

Рядом с серважем во время его полного развития всегда сохранялись также и другие свободные держания, древние mansi ingenuiles. С XII же века, когда рабский серваж значительно ослабляется, приобретают значительное распространение другие свободные формы крестьянской зависимости.

Свободные владельческие крестьяне называются вилланами, и их участки называются tennure en villenage в противоположность tenure servile или en mainmorte. Они представляют собою свободных съемщиков земли по бессрочному договору. Одни из них платят господину определенный денежный оброк, другие отдают ему часть продуктов земледелия (tenures en champart)[94*]. С XIII в., во время расцвета феодализма, это свободное вилланство берет верх над серважем.

В Германии отношения крестьян к землевладельцам развивались в общих чертах так же, как во Франции. Здесь вначале мы также находим три различных состояния: 1) рабов, посаженных на крестьянские участки; 2) полусвободных (Laten и Barschalke) и 3) свободных (liberi mansionarii). Они в IX—X вв. сливаются в одно состояние, сходное с серважем, поземельно-зависимых, грундгольдов (Grundhörige или Grunholde). Отличительные черты его: прикрепление к земле, затем подчинение господскому суду и личный оброк (Kopfzins)[95*].

Это немецкое крепостное право не приобретает рабских черт французского серважа. Поземельно-зависимые крестьяне раньше сервов, с X—XI вв., становятся в более свободные отношения к помещику. Во Франции после смерти серва его имущество переходит во власть господина. В Германии же это право (mainmorte) раньше смягчается в право господина взять после смерти крестьянина часть его имущества, лучшую голову скота (Beste haupt, Kurmede). Права господина в Германии смягчались широко распространенными общинными (марковыми) организациями крестьян на владельческих землях[96*].

С XIII в., когда во Франции начало господствовать свободное вилланство, в Германии получили преобладание свободные арендаторы. «Поземельно-зависимое состояние уничтожилось,— говорит Лампрехт,— в некоторых местностях совершенно, в других

94* Ibid. P. 329.

95* *Brunner H.* Grundriss der Deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1880. S. 87—88.

96* «Schon bis zum Schluss der Karolingerzeit eine Fusion ursprünglich freier und ursprünglich unfreier Elemente innerhalb des Grossgrundbesitzes stattgefunden hatte, deren Charakter durch die Entwicklung grundherrschaftlichen Obereigentums und grundherrschaftlicher Vertretungsgewalt vor Gericht bestimmt ist [Уже в конце эпохи Каролингов произошло смешение изначально свободных и изначально несвободных элементов внутри крупных земельных владений; характер этого смешения определялся развитием верховной земельной собственности и судебными правами землевладения (нем.)]» (*Lamprecht K.* Op. cit. Bd. 1. S. 1177).

отчасти, и свелось к некоторым формальностям; явилась свобода перехода, и бывший зависимый крестьянин остался в качестве свободного арендатора на своем прежнем участке» [97*].

Положение крестьян снова ухудшается в исходе средних веков, когда распространяется крепостничество (Leibeigenschaft). Это закрепощение крестьян в связи с ухудшением их экономического положения вызвало их восстание 1524 г. [98*].

§ 49. Господские смерды

Таковы основные черты положения владельческих крестьян на Западе в средние века. В какой мере соответствует им положение владельческих крестьян в России в эпохи дружинную (киевскую) и удельную?

Крестьяне в Киевской Руси назывались *смердами*. Слово это по своему значению соответствует слову «крестьянин», потому что смердами назывались вообще все поселяне, сельские жители, жившие как на волостных землях, так и на частновладельческих. В общем смысле сельского жителя слово «смерд» употреблено в следующих известиях: «Боярин боярина пленивше, смерд смерда, град (горожанин) града, якоже не остатися ни единой веси не плененей» (Ипатьевская летопись, 1221 г.); и «Кто купець поидеть в свое сто, а кто смерд, тот потягнеть в свой погост», т. е. волость (Договорная грамота).

Для смердов, живших на частновладельческих землях, особого названия не было. Но, называясь одинаково смердами, они по своему состоянию значительно отличались от других смердов, подобно тому как позднее крестьяне владельческие, крепостные, отличались от крестьян волостных, хотя и те и другие назывались одинаково крестьянами.

О смердах владельческих говорит Русская Правда так называемой второй редакции, узаконенная между 1054—1078 гг. Этот памятник представляет собою небольшой наказ из 25 статей, уставленный, как сказано в ее заголовке, на съезде трех князей, Изяслава, Святослава и Всеволода, сыновей Ярослава Мудрого, в присутствии четырех их дружинников. Этот наказ касается узкого круга отношений, особо интересовавших князей. Он говорит, с одной стороны, о княжеской дружине: о дружинниках-огнищанах, княжеских тивунах, мечниках, вирниках — и, с другой стороны, содержит в себе ряд постановлений, интересовавших князей как сельских хозяев. Здесь в качестве нового общего правила уста-

97* *Лампрехт К.* 1) История землевладения в Германии; 2) Немецкое крестьянство (общий исторический очерк); 3) Судьбы крестьянского землевладения в Германии (историко-юридический очерк) // Освобождение крестьян на Западе и история поземельных отношений в Германии. М., 1897. С. 22—23, 68—69.

98* *Лампрехт К.* Указ. соч. С. 71; *Brunner H.* Op. cit. S. 223.

навливается очень высокая вира за убийство княжеского конюха, в 80 гривен, со ссылкою на виру в этом размере, взысканную князем Изяславом, когда дорогобужцы убили его конюха. Затем идет речь о сельском старосте княже, рядовичах, смердах и целый ряд статей о наказаниях за кражу коней, княжеских и смердьих, вола, коровы, тели, барана, утки, гуся и т. д., о сожжении или повреждении княжеской борти, о порче межи, о покраже сена и дров.

Это небольшое уложение о наказаниях, касающееся специально княжеской дружины и княжеских доменов. В нем установлена пеня за повреждение *княжеской* борти («а в *княжи* борти 3 гривны, или пожгут или издерут») и ничего не сказано о повреждении борти других лиц. В нем установлена вира за убийство *княжеского* сельского старосты и не упомянуто о боярском сельском старосте; только в позднейшей сводной Русской Правде [99*] к этой статье, взятой из рассматриваемого устава XI в., сделано пояснение «такоже и за бояреск», т. е. та же вира за убийство боярского старосты и рядовича.

Вслед за статьями о княжеском сельском старосте и княжеском рядовиче (порядчике-управителе) в этом уложении упоминается и смерд, очевидно тоже княжеский, живущий в княжеском имении — домене. Правовое положение такого княжеского (частновладельческого) смерда довольно ясно видно как из этой Русской Правды второй половины XI в., так и из позднейшей, сводной. Княжеский смерд не раб, потому что он владеет имуществом; Правда говорит о смердьем коне наряду с конем княжим; не раб он и потому, что Правда назначает ему вознаграждение за обиду в том же значении, как и за обиду дружинника, только в меньшем размере (смерду «за обиду 3 гривны; а в огнищанине и в тиуници и в мечнице 12 гривен»).

Но вместе с тем княжеский смерд и не свободный человек в полном смысле слова. Правда устанавливает за его убийство одинаковую виру, как и за холопа, 5 гривен [100*].

99* В. И. Сергеевич говорит о четырех редакциях Русской Правды (*Сергеевич В. И.* Русская Правда в четырех редакциях по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского. СПб., 1904). Ближе к существу дела надо различать: 1) Правду Ярослава (1019—1054 гг.), небольшой устав о мести и вирах; 2) Правду сыновей Ярослава (1054—1078 гг.), устав о княжеской дружине и княжеских вотчинах; 3) сводную Русскую Правду, в которую вошли как эти два устава, так и другие, несохранившиеся. Так называемая четвертая редакция представляет собою вторую редакцию этого сводного текста.

100* «А в смерде и в хо[ло]пе 5 гривен». Чтение, принимаемое В. И. Сергеевичем, «а в смерди холопе», т. е. в принадлежавшем смерду холопе, недопустимо: 1) потому что, если бы слово «смерди» имело значение прилагательного, тогда бы за ним не было предлога «в» (в смерди *в* холопе; повторение предлога *в* указывает, что здесь соединены два имени существительных); 2) потому что странно допустить назначение особой виры за смердьего холопа, когда не указано виры за смерда и когда холопы у

В сводной Русской Правде находится статья, также указывающая на то, что владельческие смерды были очень близки к холопам или же, по меньшей мере, были в тесной зависимости от господ, как полусвободные. В древнейших списках сводной Правды эта статья читается так: «Аже смерд умреть, то задницю князю. Аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будут замужемь, то не даяти части им» (ст. 117, 118).

«Аже смерд умреть, то задницю князю» — после смерти смерда имущество его переходит к князю. Это правило, хорошо известное на Западе, эта manus mortua* древнего французского серважа. Эта manus mortua объясняет нам значение статьи, которая казалась столь странной нашим исследователям, что они считали текст испорченным и для объяснения его пользовались позднейшими списками, в которых статья читается совершенно иначе: «Аже смерд умрет без дети, то задницю князю», т. е. имущество смерда переходит к князю только тогда, когда оно является выморочным. Но даже и такое понимание этой статьи явно указывает на особое приниженное положение смерда, и конечно смерда княжеского, частновладельческого. Статья эта не может касаться всех смердов-крестьян. При слабости княжеской власти в то время, при громадном значении самоуправляющихся общин, никак нельзя допустить, чтобы выморочные имущества всех смердов-сельчан-вервников поступали в обладание князя. Такого порядка не было даже и в позднейшее время, когда власть князя-вотчинника приобрела несравненно большее значение.

§ 50. *Ролейные закупы*

Правда второй половины XI в., говоря о людях, причастных к княжескому сельскому хозяйству, называет только смердов. Очевидно, княжеские земли обрабатывались по преимуществу трудом полусвободных владельческих крестьян. После составления этой Правды записано было особое маленькое уложение о другом разряде лиц, работавших на частновладельческих землях, о *ролейных закупах*. Уложению этому придана была общая форма; оно говорит не специально о княжеских закупах, но вообще о закупах разной «господы».

Как видно из этого уложения, вошедшего в состав сводной Правды (ст. 71—86), закупы вообще, в том числе и ролейные, так же как господские смерды, должны быть отнесены к *полусвободным*. Закупы—то же, что позднейшие серебряники (в том

смердов должны были быть во всяком случае редким явлением. (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 172—173). Сводная Русская Правда не упоминает о смердьих холопах, говоря обстоятельно о холопах татях: «Любо княжи, любо боярьстии, любо черничь» (*Сергеевич В. И.* Русская Правда... Ст. 57).

* «Мертвая рука» (лат).

числе также и серебряники-крестьяне) и кабальные холопы. «Закупить» — буквально значит «купить вперед», отсюда в древности «закупить» значило «заложить».

В. И. Сергеевич настаивает на том, что закуп был *наймитом*, служил за наемную плату, иногда брал плату вперед и погашал ее работой. Но он опирается на статью Русской Правды о найме, которую нет оснований применять к закупам, потому что сама Правда этого не делает. Закуп, по всей вероятности, был человеком закупленным ссудою, которую он должен был вернуть господину, чтобы получить свободу. В этом смысле Правда говорит, что закупу — «свобода во всех кунах», если господин продаст его в обельные холопы. Только такие долговые отношения закупа допускают возможность перепродажи господами закупа и продажи его в обельные холопы (как неоплатного должника), против которых настойчиво вооружается Русская Правда, приходя на помощь низшему бесправному населению и своей настойчивостью указывая, что такие случаи были нередки [101*].

Должник, служащий в доме господина, конечно, в то время обширной домашней власти господина приравнивался к холопу. И даже Русская Правда при всем своем гуманном отношении к закупу разрешает господину бить его за дело. Она не разрешает только бить его без вины в пьяном виде. За бегство закупу грозит обельное холопство, и не только за бегство, но даже за самовольную отлучку из дома, которую так легко было признать за попытку бежать. Правда разрешает закупу такую самовольную отлучку только в том случае, если закуп «ко князю или к судиям бежить обиды деля своего господина» [102*].

Любопытно, что в других статьях Правда, говоря о несвободных, называет их просто «холопами», но, говоря о закупах, она систематически противопоставляет их не просто холопам, но «обельным холопам». Очевидно, закупничество в общем сознании было так близко к холопству (как и позднейшее кабальное, долговое холопство), что закупа можно было противополагать только холопу обельному, т. е. полному, безусловному. На бесправное холопское положение закупа яснее всего указывает статья Русской Правды, допускающая его к свидетельству на суде лишь «в малой тяже,

[101*] Мы тут имеем, очевидно, столкновение старого права с новым. В этом отношении чрезвычайно любопытна следующая статья: «Продаст ли господин *закупа* обель, то *наймиту* свобода во всех кунах» (ст. 80). Здесь очень редкий в древних памятниках случай замены одного термина другими. Слово «наймит» здесь имеет, очевидно, пояснительное значение. Закупу *как наймиту* — свобода в кунах. Этим оправдывается новое право, охраняющее интересы слабейшего, закупа; оно приравнивает закупа к наймиту, тогда как старое право приравнивало его к рабу.

[102*] Другое постановление этой статьи: «идеть ли искать кун, а *явлено* ходить» — относится также к специальному случаю самовольной отлучки с формальным заявлением господину («явлено ходить»), что закуп идет искать кун, чтобы выкупиться.

по нужи», т. е. в малых исках и в случае особой надобности (ст. 90).

Ролейные закупы существенно отличались от смердов-крестьян тем, что не имели собственного хозяйства. Они были сельскохозяйственными работниками. Они работают с господским плугом и бороной (ст. 74). Они пасут и загоняют в хлев господский скот (ст. 76, 77). Они работают с господскими конями и за всякое повреждение хозяйского инвентаря подлежат денежным взысканиям [103*].

Мы не знаем, насколько многочисленны были ролейные закупы и насколько важную роль играли они в имениях князей и бояр. Но надо полагать, что господские земли обрабатывались главным образом не закупленными людьми, не бесхозяйными батраками-должниками, а так же, как и в позднейшее время, смердами-крестьянами.

Рядом с этими смердами, полусвободными, близкими к полусвободным летам, на господских землях должно было быть немало и несвободных людей. В позднейшее время мы встречаем много «холопов на пашне», холопов посаженных на крестьянские участки. Весьма вероятно, что и в Киевской Руси, где рабство было развито гораздо значительнее, чем в Северной Руси удельного периода, господа нередко сажали на пашню своих холопов. Законодательные памятники Киевской Руси не содержат особых определений о таких пашенных холопах (servi casati, tenure servile), вероятно, потому, что юридически они ничем не отличались от других холопов — дворовых.

Глава восьмая

ОБЩИНА В БОЯРЩИНЕ

§ 51. Сельский мир в вотчинном управлении

Господский приказчик делил свою власть с крестьянским миром, сохранившим свое значение на господских землях.

Крупные господские владения, как полагают германские историки, возникли на основе подчинения господам древних самостоятельных марковых общин. Различными путями господа приобре-

[103*] «Аже у господина ролейный закуп, а погубить войский конь, то не платити ему» (ст. 73). Объяснение слова «войский» в смысле «воинский» не годится, как показал Сергеевич; нельзя его объяснять и в смысле «свойский» — свой. (В Русской Правде «свой» всегда означается тем же словом «свой», а не «свойский». Другие доводы у Сергеевича). Но слово «свойский», по Далю, значит «домашний». Этот смысл слова сюда вполне подходит. Статья предусматривает наиболее обычный в житейской практике случай: конь пал, а господин взыскивает с закупа. Более редкого случая, что конь пал по небрежению закупа, Правда не предусматривает. Само

тали власть над общинами; нередко эта власть развивалась из покровительства, из отношений защиты, и первой ступенью в развитии ее было приобретение господином права высшей собственности на общинные угодья (Allmendeobereigentum). В управлении господскими имениями сохранялись остатки древнего общинного самоуправления. Рядом с господским приказчиком (Meier) сохранял свое значение в большей или меньшей степени выборный староста (Zender) и другие мирские власти. В некоторых случаях «исконное управление марковой общины сохранялось почти совершенно неизменным под господской властью, связанной с властью над альмендой (unter Allmendeobereigentum)». «Обыкновенно же общинное управление марки подвергалось различным изменениям во всех оттенках, начиная от мало заметного господского влияния до совершенного поглощения общинных должностей вотчинным управлением и до полного их разрушения»[104*]. Существование общинных властей на частновладельческих землях в Германии представляет собою несомненный факт, подтверждаемый множеством известий. В большей части имений рядом с приказчиком (Meier, villicus) были также и выборные представители общины: староста (Schultheiss, centurio, scultetus) и присяжные (Geschworene, jurati)[105*]. Власть господина проявлялась в утверждении этих выборных властей. Иногда при этом даже и должность приказчика была выборной. Так, по одному известию 1321 г. о городской общине, горожане выбирали ежегодно восемь человек; из них граф утверждал одного приказчиком (Meier), другого — старостой (Heimburge) и шестерых — присяжными (Schöffen)[106*].

В некоторых общинах, кроме обычных выборных властей, существовал еще особый общинный совет. Здесь создавалась более сложная система постоянных представительных учреждений общины — Schultheiss и при нем 14 судебных заседателей-шеффенов, затем Heimburge и при нем совет присяжных, наконец, мирская сходка[107*]. Такая система учреждений встречалась редко, но выборные старосты, судебные заседатели и мирские сходки были широко распространены в господских имениях.

собой разумелось, что если это будет доказано, то закуп ответит за свое небрежение применительно к другим статьям того же уложения. В. И. Сергеевич только в новом издании в примечании отметил это значение слова «свойский» (домашний, «так и теперь в Литве»), но в тексте по-старому оставил вопрос о значении слова «свойский» открытым (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 193).

104* *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 1006.

105* *Maurer G.* Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Erlangen, 1866. Bd. II. S. 35—37, 65—67 u. a.

106* *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 1009.

107* «Schultheiss, 14 Scheffen, Heimburge und Geschwornen sampt der ganzen Gemeinde (*Maurer G. L.* Geschichte der Dorfverfassung... Bd. II. S. 66).

Власть господского приказчика обыкновенно была более или менее ограничена этими выборными властями общины во всех делах: и в суде, и в раскладке податей, и в распоряжении общинными угодьями.

Такой порядок вотчинного управления, связанного с крестьянским самоуправлением, существовал в Германии не только в средние века, но и гораздо позже, в XVI и XVII столетиях. Маурер и Лампрехт приводят много известий этого позднего времени. Средневековые порядки отличаются в этом случае, как и в других, чрезвычайной устойчивостью.

У нас крестьянское самоуправление на вотчинных землях развито было так же, как в Германии, и так же, как там, существовало как в древности, так и в позднейшее время. Мы начнем с более позднего времени, с XVII в., потому что источники этого времени дают более ясную картину отношений крестьянского мира к господину, картину *общины в боярщине*.

Описывая вотчинное хозяйство боярина Морозова в XVII в., Забелин говорит следующее о власти приказчика и власти мира в боярской вотчине: приказчик имел право судить крестьян; «судить, однако ж, он должен был по старому обычаю, вместе со старостою, с целовальниками и с выборными крестьянами, для чего боярин приказывал, чтобы крестьяне всею вотчиною с приселками, деревнями и починками выбрали из своей среды 10 человек, кого излюбят, крестьян добрых, разумных, правдивых, которым (с приказчиком) у дела моего быть, и дали бы помещику на тех выборных письменное удостоверение, выбор, за поповою рукою. Эти выборные составляли необходимое, по понятиям того времени, деревенское вотчинное представительство, которое существовало не для одного только суда, но и для всяких дел вотчины, как крестьянских, так и помещичьих, какие вотчинник почитал необходимым отдавать на решение вотчинного мира, конечно, с главною целью ограничить им произвол приказчика и тем охранить свои интересы».

Староста имел обязанность «наряжать крестьян ко всякому делу». При спорах о земле приказчик должен был «итить на землю» «со старостою, целовальниками и выборными» [108*]. Когда между крестьянами по их собственным делам возникали какие-либо споры, счеты и т. п. и они за судом обращались к самому вотчиннику, то разбирательство таких дел боярин (Морозов) всегда отдавал их же миру... «А мне, холопу твоему,— писал приказчик,— до того счету и дела не было; по твоему государеву указу и по грамоте считали их староста и выборные» [109*].

Эти выводы Забелина подтверждаются напечатанными недавно актами о Галицкой вотчине на реке Унже князя Н. И. Одоев-

[108*] *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 17—18.
[109*] Там же. № 2. С. 501.

ского 1650—1684 гг. Боярский приказчик управлял вотчинным селом Покровским вместе со «старостами и выборными крестьянами», представителями «мира»[110*]. На челобитной одного из крестьян о сбавке с него тягла князь Одоевский написал следующую резолюцию: «Афанасью Агафонову да села Покровского старостам и выборным крестьяном: розыскать крестьяны, будет у него брат ево умре, а тягла ему тянуть не в мочь, и с него тягла сбавить и положить, *на кого миром укажут*»[111*].

Это устройство вотчинного управления, конечно, не было новостью XVII в. Оно у нас так же, как в Германии, возникло в древности на основе подчинения самостоятельных общин господской власти. В источниках XVI и XV столетий мы находим целый ряд указаний на участие мирских властей в вотчинном управлении.

Соловецкий игумен, давая уставную грамоту соловецким крестьянам Сумской волости, обращается «*в волость* нашу в Суму, *старосте и целовальником* и всем волощаном и хрестьяном деревенским». В волости управление принадлежало монастырскому тиуну, доводчикам, приказчикам. Но рядом с ними были и выборные мирские власти. Раскладка (розруб) податей предоставлялась всецело выборным окладчикам. Церковные деньги хранились «в волости у человека добра» за тремя печатями: тиуновой, священниковой и особой волостною печатью (1564 г.)[112*].

Участие мира в вотчинном управлении в различных вотчинах было, конечно, весьма различно. В этом отношении наши порядки также не отличались от германских. Иногда миру принадлежала большая власть, ограничивавшая приказчика, иногда же его значение сводилось почти на нет.

Из уставных грамот Соловецкого монастыря видно, что в разных вотчинах его мирские власти имели неодинаковое значение. В Сумской волости этого монастыря, как только что указано, староста и мир принимали видное участие в вотчинном управлении. В селе же Пузырево, принадлежавшем тому же монастырю, приказчик, по-видимому, был полновластным хозяином. Уставная грамота этого села написана почти одновременно с грамотой Сумской волости (1561 г.), но не упоминает о старосте и отличается вообще по содержанию. Крестьяне этого села несли тяжелую бар-

110* А когда эта вотчина в 20-х годах XVII в. принадлежала боярину Ф. И. Шереметеву, то при нем она некоторое время «управлялась без приказчика, чрез одних старост и выборных».

111* «Приговорили миром», «приговорили мирские люди» и т. п. (*Арсеньев Ю. В.* Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной (1650—1684) // ЧОИДР. 1903. Кн. II, № 48. С. 89; № 81. С. 108). Покровская вотчина по реке Нее, притоке Унжи, в Макарьевском уезде Костромской губернии.

112* ААЭ. Т. 1. № 268 (1564 г.). Троице-Сергиев монастырь так же, как монастырь Соловецкий, устанавливая размер оброка и дохода приказчика в селе Соболево, обращается к крестьянскому миру этого села, к «*старосте и всем крестьянам*» (Там же. № 307 — около 1580 г.).

щину; пахали пашню на монастырь, засевая «семены монастырскими», и монастырь требовал от них полного послушания приказчику. Только после жалоб крестьян монастырь дал им то право участия в приказчичьем суде, каким пользовалась большая часть владельческих крестьян: «Також есмя вас благословил и пожаловали о суде и о пошлинах: судити приказщику, а с ним быти в суде священнику, да крестьяном пятмя или шестмя добрым и середним» [113*].

О крестьянской общине на владельческой земле дает ясные сведения судное дело 1540 г. Здесь разбирается тяжба о спорных лугах на реке Кестьме в Бежецком верхе между крестьянами двух владельческих сел: села Шипина, княжеского, подклетного, и села Вежского, принадлежавшего Симоновскому монастырю.

Во главе управления Вежским селом со всеми тянущими к нему деревнями стоял монастырский *посельский*, старец Федор Бекет. Но рядом с этим посельским — господским приказчиком — в селе был и выборный представитель общины — *сотник*, такой же, как и в соседних черных волостях, сотники которых сидели «в мужех» на суде по этому делу.

Крестьяне соседнего села со своим иском и пожнях обращаются не к одному монастырскому посельскому, но и к симоновским крестьянам Вежского села — 63 человекам, в числе которых на первом месте они называют их сотника Михалку Иванова и «старого сотника» Ондрейку. Когда дело было перенесено затем на суд к дворецкому, то в качестве ответчиков явились к нему двое монастырских слуг; они явились, однако, представителями своих товарищей слуг и 63 крестьян монастырского села. Оправдательный приговор был формулирован так: «Дворецкий велел судиям ответчиков Симоновского монастыря слуг Ивашка Косово да Каблука и в товарищев их место и во крестьян оправити» [114*].

§ 52. Села дворцовые, или подклетные

Одинаково с частновладельческими боярскими и монастырскими вотчинами управлялись и великокняжеские вотчины, которыми великие князья владели на частном праве, а именно села *дворцовые*, или *подклетные*. Лицо, заведовавшее управлением таких сел, называлось иногда, так же как в крупных боярских и монастырских вотчинах, *посельским*. Так же как боярские и монастырские ключники, приказчики и посельские, великокняжеские посельские делили управление в селах с крестьянским миром. В грамоте, данной в 1544 г. крестьянам дворцового села Андреевского в Звенигородском уезде, великий князь жалует «сельчан и деревенщиков

[113*] ААЭ. Т. 1. № 259 (1561 г.).
[114*] *Федотов-Чеховский А. А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. СПб., 1860. Т. 1. № 53.

пашенных и оброчных, *старосту*, Мокейка Алексеева сына, *и всех крестьян*». Это дворцовое село наравне с боярскими и монастырскими издавна было освобождено от вмешательства в управление великокняжеских властей, наместников и волостелей, за исключением дел уголовных. Управление селом принадлежало *посельскому*; так же как боярский приказчик, посельский имел права суда над крестьянами, но должен был судить вместе с выборными представителями общины. «А без старосты ему и без лутчих людей,— сказано в грамоте,— суда не судити» [115*].

Старосты дворцовых волостей назывались *дворскими*. Дворские были дворскими, т. е. дворцовыми, *старостами*, и положение их было совершенно одинаково с положением старост черных волостей. Это ясно видно из уставной грамоты, данной в 1509 г. дмитровским князем бобровникам, подведомственным дворцовому управителю-ловчему. Все то, что другие грамоты говорят о старостах и сотских, эта грамота относит к дворскому. Охраняя мирское самоуправление бобровников, грамота запрещает ловчему, его тиуну и доводчикам вмешиваться в мирскую раскладку податей и представляет ее ведению дворского, десятских и добрых людей, как другие грамоты представляют ее старосте и всем крестьянам: «А те кормы ловчего и тиунов, и доводчиков побор *дворской* с десятскими и с добрыми людьми меж себя мечут с стольца по дани и по пашне». В следующей статье грамота называет дворского старостой: «Да собрав те кормы, староста с десятскими да платят ловчему и его тиуну, и доводчиков побор, в городе в Дмитрове по праздником; а тиуну у них и доводчику по деревням самим не ездити, ни кормов, ни побору не брати».

Как в черных волостях староста, так в этом дворцовом селе представителем общины в суде является дворский с добрыми людьми, судными мужами: «А без дворьского и без лутчих людей ловчему и его тиуну суда не судити никакова» [116*].

Как и старосты, дворские были крестьянами, как это видно из одного судного дела, в котором истцы заявили судье: «Ведомо то,

[115*] ААЭ. Т. 1. № 201 (1544 г.). Эта грамота дана в 1544 г., но она утверждает старые порядки, так как представляет собой подтверждение сгоревшей грамоты, данной князем Юрием Ивановичем, умершим в 1536 г. «Староста» и «посельский» также в дворцовых селах Афанасьевском и Васильевском Московского уезда см.: Там же. № 240 (1554 г.). Посельский митрополич и посельский села Воиславцы, принадлежавшего князю Андрею Васильевичу (владетельному) (1462—1464 гг.) см.: АЮБ. Т. 1. № 103, I. Староста без посельского в подклетном селе см.: *Федотов-Чеховский А. А.* Акты... Т. 1. № 56 («Тягалися в. князя хрестьяне из Володимерского уезда Борисовского села подклетново староста Фомка Ондреев да Горяинко Семенов и во всех хрестьян место»). То же в дворцовой волости Аргуново: «От великого князя Василья Васильевича в Аргуново дворьскому и всем волостным людем» (ЧОИДР. 1903. Кн. II. Смесь. С. 16).

[116*] ААЭ. Т. 1. № 150.

господине, у нас великого князя *крестьяном* Берендеевские волости: *дворьскому* Гавриле, да Федору Неронову»...[117*].

От этих дворских, по-видимому, отличались дворские городские. Во главе самоуправления городских общин стояли, как мы видели, сотские или сотники, которые иногда так и называются в грамотах «сотскими городскими». В тех же городах, где были «дворцы» и где горожане «тянули ко дворцу» и назывались поэтому «дворчанами», кроме сотников, находим еще и дворских [118*].

Так, на судном деле 1464 г. в качестве свидетелей являются «дворской Звенигородской старой (бывший) Ларион Слинков да дворской нынешней Ермола». В качестве же судного мужа на разбирательстве присутствовал «сотник Звенигородский Найден» и один десятский.

Городские дворские, по-видимому, заведовали некоторыми особыми сборами и особыми повинностями на дворец. Жалованные грамоты, освобождая от податей монастырских людей, постановляют: «Ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что». По правилу волостные люди всеми сборами тянули к сотскому или к волости. Но некоторыми сборами и, вероятно, главным образом некоторыми натуральными повинностями они тянули к дворскому, ко дворцу или к городу. Так, например, дворский мог специально заведовать постройкой дворов княжеского, наместника и волостеля; и в грамоте 1439 г. с постановлением «не тянут к дворскому» можно поставить в связь постановления «ни двора моего, ни волостных дворов не ставят».

Выражения: «ни к сотскому, ни к дворскому не тянути» — заменяются иногда выражениями: «ни к городу, ни к волости не тянут никоторыми пошлинами». Из этого можно заключить, что как старосты и сотские заведовали общим тяглом волостным, к волости, так дворские заведовали особыми пошлинами и повинностями — «к городу» [119*].

В подклетном селе Шипинском, в Бежецком верхе, на реке Клязьме, не заметно того же общинного самоуправления с сотским во главе и с общей ответственностью всех сельчан. Во главе управления селом стоит княжеский посельский. Но старосты или сотника здесь не упоминается. Иск к соседнему селу Вежскому [120*] предъявляется крестьянами пяти шипинских деревень; крестьянин каждой из этих деревень выступает от лица

[117*] *Лебедев Д. П.* Указ. соч. № 15. С. 8 (правая грамота 1490—1494 гг.).

[118*] «А что люди митрополичи живут в городе, а тянут ко дворцу, а тех описав, да положить на них оброк, как и на тех великого князя дворчан» (ААЭ Т. 1. № 9–1389—1404 гг.).

[119*] АЮБ. Т. 1. № 103, I (дворские свидетельствовали: Харя Лагирь «жил у нас в городе»); № 31, V (1439 г.); *Горбунов А. Н.* Льготные грамоты // Архив исторических и практических сведений. 1860—1861. № 5. С. 80.

[120*] Село Вежское принадлежало Симоновскому монастырю. О нем см. выше, из судного дела 1540 г.

«всех товарищев», соседей своей деревни; но все Шипинское село не поддерживает иска этих крестьян, как то обыкновенно бывало в волостях.

Здесь, по-видимому, не было развитого общинного устройства. И не было его здесь, по-видимому, потому, что Шипинское село было лет за 50 перед тем образовано искусственно князем, соединившим в одно целое несколько деревень, принадлежавших разным владельцам. История образования этого дворцового села подробно рассказана в судной грамоте.

Оно устроено было князем Андреем Васильевичем, по прозванию Горлем, родным братом великого князя Ивана Васильевича III, когда он после смерти своего отца в 1462 г. получил по завещанию в удел Углич и Бежецкий верх [121*]. «Коли государь князь Андрей Васильевич,— показывали шипинские крестьяне на суде,— въехал на свою вотчину на Углечь и на Бежицкой верх, и тогда, господине, у государя того села не было в Шипине». Князь выменял село Шипино «у сына у боярского, Есипом звали, Лубяная Сабля», дав ему в обмен «черные деревни в княжеской волости».

Для устройства села, «в то село пашню наряжати», прислан был дьяк княжеский Митя Демидов. Он выменял у соседних вотчинников Мануилова и Зиновьева две деревни и «припустил те деревни к селу к пашне». Кроме того, он припустил к селу в пашню также несколько черных деревень. И всем этим деревням он отвел луга по реке Кестьме, причем луга были отведены не сообща волости-селу, а каждой деревне особая пожня. «И сколько, господине,— говорили судье крестьяне,— к селу он припустил деревень в пашню, и тем, господине, всем деревням, давал диак княж Ондреев, Митя Демидов, траву по реке по Кестьме; а и нашим деревням те пожни дал по именом» [122*].

§53. Община в новгородских писцовых книгах XV в.

О существовании общины на боярских землях в древнейшее время дают ясные, хотя и отрывочные, указания новгородские писцовые книги конца XV в.

Отыскивая следы существования марковой общины на владельческих землях, Лампрехт, как и Маурер, находят эти следы прежде всего в известиях о выборных общинных властях, цендере и его подчиненных. Идя тем же путем, мы в новгородских пис-

121* *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 142.

122* Выше в грамоте указано, как назывались эти пожни, отведенные особо каждой деревне. «А под двором, господине, у пашенных деревень ни у одное травы нет... А те, господине, пожни от наших деревень 8 верст» [*Федотов-Чеховский А. А.* Акты... № 53. С. 69—70).

цовых книгах будем искать *старост*, которые отличаются от *ключников*, как немецкие цендеры от мейеров [123*].

Ключники, о которых мы говорили выше, были несвободными, или зависимыми, людьми господина и, как все люди, отличались от крестьян тем, что не платили дохода господину; они обыкновенно собирали в свою пользу особые ключничи пошлины; жили они большею частью около боярского двора.

В *старостах* же, которые упоминаются в новгородских книгах, нетрудно узнать крестьян. Старосты живут в деревнях, в отдалении от боярского двора, ведут самостоятельное хозяйство и платят доход господину наравне со всеми крестьянами.

Возьмем, например, маленькую волостку, принадлежавшую Богоявленскому монастырю. В 9 деревнях этой волостки жили 31 человек крестьян, дворохозяев. В конце описания названа деревня Савино в три двора. В одном из дворов жил «староста Савка». С этой деревни так же, как с других, взимался «доход: гривна и две деньги, три коробьи ржи, три коробьи овса».

В маленьком имении Хутынского монастыря, из 14 всего дворохозяев, старосты, по-видимому, не было; здесь всем распоряжался ключник, живший в особом монастырском дворе: «Деревня Соболево, а в ней двор монастырской, а в нем ключник их монастырской Костя». В другом же большом имении того же монастыря, волостке в 66 деревень со 138 дворохозяевами, вместо ключника находим старосту. Этот староста, Климко, живет не на монастырском дворе, а в отдалении от средоточия волости — погоста, на котором стояла церковь и жил церковный причт, в деревне Думино, и вместе с другими четырьмя дворохозяевами этой деревни платит положенный на нее доход (8 денег, три четки ржи и столько же овса) [124*].

В большой волости, принадлежавшей новгородскому владыке, также находим старосту-крестьянина, Ермолку Осташова. Он жил в деревне Бел-Бор и, кроме пашни в этой деревне, пахал еще пашню двора тиуна; но он снимал эту землю как частный хозяин, «из пятины» [125*].

[123*] «Der entscheidende Kennzeichen in dieser Hinsicht ist in der Alternative gegeben, ob sich das alte markgenössische Beamtentum — vor allem Zender, ferner aber auch die Subalternen, Feldschützen Förster u. a. m.,— neben dem Allmendeobereigentum frei und selbständig erhielt oder nicht [Решающим признаком в этом отношении является, продолжают ли вместе с сохранением верховной общинной собственности по-прежнему свободно и самостоятельно действовать старые общинные власти, прежде всего цендер, но также и его подчиненные, егеря, лесники и т. п. (нем.)]» (*Lamprecht* K. Op. cit. Bd. I. S. 1906).

[124*] Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 99, 17, 43.

[125*] «На владычне земле двор тивунов, а пашню того двора пашет староста владычнь Ермолка из пятины, сеет ржи 3 коробьи, а сена косит 15 копен, обжа» (Там же. С. 786; о нем же см. с. 781).

В маленьком имении, в 43 двора и 20 деревень, которое принадлежало Никольскому монастырю, а раньше бояришку Ивану Кислякову, находим и ключника и старосту, Данилку Карникова (который жил в деревне Плесо и вместе с четырьмя другими дворохозяевами этой деревни платил доход владельцу-монастырю). В описании этого имения обозначено, сколько староста получает с каждой деревни, особо от ключника: с деревни Дерягино — «старосте четка ржи, четка овса, сыр, горсть льну», столько же с этой деревни получал и ключник. Староста этот жил в пятой дворной деревне Плесо; с этой деревни шел общий «доход», но не указано особых поборов в пользу ключника и старосты [126*].

Наряду с известиями о старостах-крестьянах существование мира на владельческой земле подтверждается известиями об угодьях и пашнях, принадлежавших не отдельным деревням, а всей «волости», о поборах, уплачиваемых всею «волостью», и о барщинных работах, исполняемых всею волостью или всеми крестьянами.

В описании маленькой волостки, принадлежавшей Воскресенскому монастырю (9 деревень, 16 человек крестьян), в числе крестьян встречаем «старосту» и здесь же находим упоминание о пустой деревне, состоящей в общинном владении: «Деревня Островит пуста; пашет ее волость наездом» [127*].

В описании упомянутой выше волостки Богоявленского монастыря, кроме старосты, находим также общинные угодья. В конце описания ее после отдельных замечаний о хозяйстве каждой деревни и о доходе с каждой деревни писец отметил доход, который взыскивался со всей волостки за рыбную ловлю: «Да с озер с Коломенских давали за рыбную ловлю гривну ноугородскую и полшесты деньги» [128*].

В конце описания большой волости Смерда, принадлежавшей раньше архангельским попам, перечислено семь пустых деревень и о всех них замечено: «А пашут их таже Смерда всею волостью» [129*].

В общине владельческих крестьян мы, таким образом, находим тот же порядок перехода запустевших участков в общинное владение, что и в общине свободных крестьян. Но если в этой последней, свободной общине пустые жеребьи переходили в общинное владение *по праву*, то в общине владельческой это делалось не по праву, а лишь с соизволения господина. Как мы видели выше, господин часто присоединял пустые деревни к своей собственной боярской запашке, к своей салической земле, по германской средневековой терминологии.

126* Там же. С. 526—529.
127* Там же. С. 210. «Деревня Пахомова пуста, а пашет ее волость наездом» (Там же. С. 211).
128* Там же. С. 99.
129* Там же. С. 176.

На новгородских дворцовых землях, взятых у новгородских монастырей, бояр и бояришек во дворец, всюду почти было общинное самоуправление. Переход от владельческого управления к общинному самоуправлению был несложен и нетруден, потому что община существовала и раньше на владельческих землях с большей или меньшей самостоятельностью. Община на новгородских землях, взятых от бояр Иваном III в конце XV в., конечно, не была создана из ничего. Реформы такого рода, в таком крупном масштабе коренного перелома в социальном устройстве не под силу даже правительству нашего времени; еще менее допустимы они для правительства средних веков, которое в социальном законодательстве было в рабской зависимости от обычных учреждений и всегда следовало за медленным стихийным развитием жизненных отношений. При конфискации земель у частных собственников около 1480 г. община не была создана, как не была она создана в 1861 г. при освобождении крестьян. В том и другом случае община лишь *возродилась*; она получила самостоятельность, тогда как раньше она была подавлена господскою властью. Под верхним слоем господской власти в XV в., как и в XIX, всегда лежал древний основной пласт общинного самоуправления, крестьянского мира. Этот пласт явственно выступал наружу, когда правительство снимало с крестьян господскую власть, как то было в Новгороде на значительной части земель при Иване III и по всей России при Александре II.

Во многих боярщинках, отнятых у их владельцев, мы видим, что бывшие здесь ключники и посельские исчезли и не были заменены соответствующими великокняжескими управителями; это видно из отмены взимавшихся раньше с крестьян особых ключничих и посельничих пошлин. Во многих таких боярщинках ключников нет, а есть только старосты. Староста и мир непосредственно подчинены представителю государственной власти, волостелю и тиуну, и платят им кормы [130*].

Не знаем, был ли в этой волостке раньше староста. Но мы знаем, что старосты бывали во многих имениях рядом с ключниками. Для таких имений освобождение от помещика означало лишь то, что староста, представитель мира, раньше подчиненный ключнику, теперь получал самостоятельное значение.

Во многих же имениях ключников и при господах не было и староста и мир были непосредственно подчинены господину. Для таких имений переход в дворцовое ведомство был еще менее заметной переменой. В особенности относится это к крупным имениям новгородского архиепископа. В двух обширных волостях великого князя, отписанных от владыки, находим по нескольку старост: в одной — четырех старост (на 611 дворов), в другой —

[130*] Там же. С. 100, 106—107. Волость оброчная, принадлежавшая раньше купцам Шалимовым.

двух старост (на 549 дворов)[131*]. Но здесь, по всей вероятности, и раньше управление было в руках старост, потому что в других волостях, оставшихся за владыкой, находим таких же старост, как и в этих волостях, конфискованных[132*]. В волости Жабне на погосте стояли два двора волостелины. «А в них живут тиуны»,— сказано в писцовой книге[133*]. Это были тиуны великокняжеские; они поселились, вероятно, в тех самых дворах, в которых жили тиуны владычни. Так мало заметен был в общем переход многих волосток от частных владельцев в дворцовое ведомство.

Взамен дани и разных податей, взимавшихся в пользу господ, дворцовое ведомство облагало крестьян оброком. Оброк этот так же, как волостелин корм, налагался в общей сумме на всю волость, на всю общину, которая затем самостоятельно разверстывала сбор между волощанами. Но такая общинная раскладка также не составляла крупного нововведения дворцового ведомства. Она существовала и в боярщинах, в которых сохранялось общинное управление. Так, например, в Стержской волости, конфискованной от Аркажского монастыря и в то время, когда она принадлежала монастырю, за некоторые угодья взыскивался общий сбор с волости: «Да в Стержской же волости в большом озере в Селигери 14 тонь; а за рыбную ловлю давали с озер пол-2 рубля ноугородцкие». Относительно некоторых сборов ясно сказано, что они взимаются со всей волости в общей сумме: «Да игумену ж давали *со всей* волости дару 7 коробей пшеницы»[134*].

Старый доход, шедший владельцам и их приказчикам, обыкновенно указывается особо для каждой деревни. Но эти указания, по-видимому, служили лишь для вычисления общей суммы податей, которая накладывалась на волость и потом собиралась волостью по общинной раскладке. Дворцовое ведомство также иногда указывало, кроме общей суммы оброка, наложенного на волостную общину, также отдельные цифры для каждой деревни. Так, например, в описании волости Стерж о каждой деревне отмечено, сколько с нее шло раньше «старого дохода» и сколько крестьяне каждой деревни «нынеч дают оброку»[135*].

В новгородских дворцовых имениях угодья часто отдавались в общее пользование крестьян волостной общины. Но это опять-таки, по существу, не было нововведением. В частновладельческих имениях, как указано выше, угодья часто также состояли в общинном пользовании.

131* Там же. С. 652—663 (волость Молвятицы), 612—619 (волость Жабна).
132* См.: Там же. С. 756, 786 и др.
133* Там же. С. 612.
134* Там же. Т. II. С. 701.
135 Там же. С. 690—700; Т. I. С. 847. Старый доход и новый доход указан особо для каждой деревни (Там же. Т. I. С. 762). В некоторых случаях и старый доход и новый одинаково указан лишь в общих итогах (Там же. Т. I. С. 213—216).

Переход волостки от частного собственника в дворцовое ведомство не всегда был связан с предоставлением полной самостоятельности общинному самоуправлению. В некоторых случаях это ведомство подчиняло общины власти приказчика так же, как то было у частных владельцев. Так, например, в описании одной небольшой волостки (в 25 дворов), конфискованной у Григория Тучина, мы находим несколько указаний на общинные угодья: «Луг дал крестьянам косить в тот же оброк... И те озерка даны крестьянам в тот же оброк... И в тех деревнях в пустых содят крестьяне людей собе в тягль в тот же оброк».И рядом с этим в описании этой волостки староста не назван и названы два приказчика, живущие рядом с пустым двором вотчинника [136*].

Управление княжеских дворцовых, или подклетных, сел было одинаково с управлением боярских и монастырских имений.

В обширном имении, в состав которого входила целая волость или несколько волостей, община сохраняла все свои права. Староста и мир заведовали делами общины так же, как в черных волостях. Но во владельческих волостях или волостках полновластие мирского самоуправления ограничивалось представителем господина, приказчиком. Приказчик обыкновенно управлял не единовластно, но вместе со старостой и миром. Действительная власть принадлежала, конечно, приказчику по уполномочию собственника — господина; но на деле по воле господина существовало мирское самоуправление общины под наблюдением приказчика. Приказчики в древнее время назывались обыкновенно ключниками и посельскими.

Следующую ступень подчинения общины господину представляли те имения, где выборных представителей, старост, заменяли старосты, назначенные господином. В лице такого назначенного старосты функции приказчика соединялись с функциями выборного представителя общины. Они назывались старостами, а не приказчиками, потому что управляли так же, как старосты, вместе с миром, хотя и по уполномочию господина, а не мира.

В дворцовых великокняжеских селах этот порядок управления был наиболее распространенным. Великие князья в духовных грамотах отпускают на волю сельских старост. Эти старосты были, следовательно, холопами, ключниками, но назывались они старостами, потому что исполняли обязанности выборных старост, управляли владельческою вотчиною-общиной совместно с миром.

[136*] Там же. Т. IV. С. 130—132. Ср. ключник в дворцовом селе: Там же. Т. I. С. 7. Из всего вышеизложенного ясно видна ошибочность мнения В. И. Сергеевича о возникновении общины впервые на землях, конфискованных у новгородских бояр. На этих землях, говорит он, «оброк назначается огульно на целое имение. *Этим* создается у нас впервые крестьянская волостная община... Иван Васильевич создал в Новгороде крестьянскую общину» (*Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. III. С. 122—123).

Такими же назначенными старостами-приказчиками были дворские. Дворские иначе называются старостами. Это были старосты дворцовых волостей, совмещавшие обязанности старост и ключников-приказчиков.

Наконец, третью ступень подчинения общины господину, подчинения крестьян до совершенной утраты ими общинного самоуправления, представляли те имения, где вся власть принадлежала приказчику, где отдельные деревни были разъединены и каждая особо подчинялась власти приказчика, где мира не было. Такие полновластные приказчики, управлявшие помимо мира, назывались не старостами или дворскими старостами, а посельскими.

Немецкие историки нашли ясные следы существования *марковой общины на владельческих землях*. В некоторых местностях в виде исключения «первоначальное управление марковой общины сохранялось почти совершенно неизменным (auch unter Allmendeobereigentum *), хотя альменда была во власти господина». Большею частью, однако, управление марковой общины подвергалось изменениям, начиная от простого воздействия господина до совершенного поглощения марковых должностей вотчинным управлением и до полного их уничтожения.

Иногда вотчинные управители действуют вместе с выборными управителями марковой общины. Иногда выборные управители общины сохраняются, но господину принадлежит право утверждения их в должности. Уже при Каролингах встречаются десятские (Zender) в качестве господских управителей, впоследствии, с начала позднейшего средневековья, они преобладают.

Глава девятая

РОСТ БОЯРЩИНЫ

§ 54. *Боярщина и община*

Община и боярщина были двумя основными учреждениями государственного устройства средних веков. Рядом с волостною общиной стояло крупное единоличное землевладение, господская, боярская вотчина, или боярщина. Они были учреждениями параллельными, соответствующими одно другому по началам своего устройства.

Средневековая боярщина существенно отличается от современного нам крупного господского имения. Господское, боярское землевладение по существу своему было не только институтом землевладения, подобно такому имению.

* Также под управлением марковой общины (нем.).

В средние века с крупным боярским землевладением связаны были некоторые права государственного порядка. Крупный землевладелец не только владел землею, нередко очень значительных размеров, но и имел права суда и управления в той или иной мере над населением в пределах своих владений. Боярщина была институтом не только землевладения, но и управления. И в этом отношении она представляет собою учреждение, соответствующее волостной общине.

Даже в самих землевладельческих правах боярина заключался элемент государственного права. Значительная часть земель его стояла обыкновенно вне не только его пользования, но и вообще какого-либо хозяйственного наблюдения, находясь в наследственном владении крестьян. Его отношения к земле проявлялись в осуществлении своих прав государственного управления в отношении к населению его земли и, таким образом, должны быть отнесены скорее к категории территориального господства, чем частного землевладения в точном значении этого термина. В этом отношении, как территориальный по преимуществу округ, боярщина представляет собою учреждение, соответствующее волостной общине, поземельные права которой заключались так же, как выяснено выше, в территориальном праве на все земли волости.

Полное соответствие боярщины и общины как двух учреждений одного порядка заключалось, с одной стороны, в этих территориальных правах на известный земельный округ, с другой стороны, в правах суда и управления. В волостной общине эти права принадлежали миру, обществу лиц, владевших участками земли в пределах волостной территории. В боярщине те же права принадлежали одному лицу, боярину-землевладельцу, или, точнее, господину известного земельного округа. Община была институтом самоуправления на территориальной основе. Соответственно этому боярщина была институтом единоличного управления на основе той же территориальной власти.

Эти два учреждения, община и боярщина, основные учреждения средневекового строя, у нас так же, как на Западе, рано вступают между собою в борьбу, и в результате исторического процесса средних веков крупное землевладение типа боярщины в удельной Руси так же, как в феодальных странах Запада, всюду одерживает верх над крестьянскими свободными общинными союзами.

Развитие крупного землевладения в указанной форме земельного господства (Grundherrschaft), как выяснено новыми немецкими историками-экономистами, лежало в основе всего государственного развития средних веков. Крупное землевладение вступает в борьбу с марковой общиной и, поглощая и разрушая ее, рано торжествует над ней. Крупное землевладение лежит в основе феодализма, так как оно именно давало силу и значение феодалу как в отношении подвластного ему населения, так и в отношении к

его сюзерену. Это же крупное землевладение в дальнейшем развитии его средневековой формы земельного господства повело к образованию территориальной государственной власти нового времени. Это значение вотчины — Grundherrschaft — Лампрехт характеризует в следующих словах: «Между тем как универсальное государство распалось, а национальное не могло правильно сложиться из различных частей и членов государственной области, которые получали из центра только слабую жизненную энергию, проистекли источники собственных псевдогосударственных сил. Институт, в котором собирались эти силы, был вотчина».

«Вотчина была после падения государства рядом с древними автономными союзами единственным авторитетным (autoritäre) институтом страны, а вначале также и городского развития. Как таковому, ему предстояла большая будущность при все увеличивающемся упадке всеобщего национального строя. Вскоре крупнейшие вотчины в соревновании со многими другими меньшими возвысились до особого значения; они стали зерном кристаллизации княжеских территорий, основою первого территориального управления и вместе с тем базисом развития самостоятельного княжеского могущества, которое в конце концов нашло последнее свое выражение в системе абсолютной монархии. Средневековое государство погибло; тогда из корня вотчины, сбросив все первоначально частноправные отношения, выросло новое государство» [137*].

§ 55. *Торжество боярщины над общиной*

Крупное землевладение растет вследствие естественного процесса накопления капитала и приложения его к земле разными путями. Крупные землевладельцы захватывают пустующие невозделанные земли, обрабатывают их частью силами своих холопов, частью силами крестьян, которых привлекают на свои земли денежными ссудами и льготами в уплате налогов. Вместе с тем они скупают участки возделанных земель от членов свободных волостных общин, а иногда и захватывают такие участки силою. С другой стороны, росту крупного землевладения оказывает могущественное содействие княжеская власть. Князья с течением времени упрочивают свою высшую власть над территориями общин, которая первоначально была вполне номинальной, и распоряжаются общинными землями, отдавая их во владение своим слугам, боярам и монастырям. Они раздают общинные земли целыми волостями и отдельными селами «в жалованье» (поместье, бенефиций) боярам и на вклад монастырям «своего ради спасения и на поминок душ своих родителей». На волостные земли, приобретенные боярами или монастырями от волощан, князья выдают жалованные грамоты, выделяя эти участки из общинной организации, обе-

[137*] *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 668—669.

ляя их от волостного тягла. Некоторые общины и отдельные крестьяне добровольно отдавались во владение боярам с целью снискать их защиту и покровительство во время частых смут, междоусобий и разбойных «наездов» удельной эпохи. На Западе такая отдача себя под защиту называлась коммендацией, у нас — закладничеством, от слова закладываться, в смысле укрываться, задаваться.

В результате этого процесса освоения крупными землевладельцами общинных земель во Франции самостоятельные общины, коммуны, исчезли почти совершенно; остатки древнего общинного строя сохранились только на владельческих землях; и в большей части Франции утвердилось даже правило, требовавшее, чтобы у каждой земли был господин,— «нет земли без господина» (nulle terre sans seigneur). В Германии крупное землевладение также получило преобладание во вторую половину средних веков, но самостоятельные марки все же уцелели во многих местах, а в Швейцарии они сохранили даже самостоятельность государственную.

У нас во вторую половину удельного периода в средней России боярщина столь же решительно торжествует над общиной, как и на Западе. Но в древнейшее время в центральной Руси боярщина не торжествовала над общиной. Свободных общин везде было много, как в Белоозерье. Боярские вотчины были невелики в сравнении с общинами. Боярщина восторжествовала только тогда, когда развилось, как и на Западе, монастырское землевладение; восторжествовала и вследствие раздачи земель в жалованье, позднее в поместье, и вследствие развития дворцового землевладения великих и удельных князей, позднейших княжат.

Значительные части волостных территорий переходили во владение бояр и монастырей в качестве *заимок* или *розделей* невозделанных земель.

В руки монастырей, кроме того, волостные земли переходили по многочисленным, большею частью мелким вкладам крестьян. В пример того, как сильно страдали волости от такого обояренья их земель, мы возьмем Волочек Словенский, о котором раньше не раз уже говорили.

К южной оконечности этой волости, Милобудью, примыкал принадлежавший ей до начала XV в. обширный лес за рекою Ягрышем. В начале XV в. при князе Андрее Дмитриевиче (умершем в 1432 г.) тиун Есип Иванов Пикин нашел здесь возвышенные, удобные для поселений места и поставил несколько деревень. Сначала ему принадлежала здесь деревенька Колкач, в которой жили его крестьяне-половники. Эту деревеньку он «разставил на двое». Затем он «разделал на лесе своими людьми» еще несколько деревень, посадив в них своих половников. Одна из деревень, Талица, была поставлена в лесу за 6 верст к югу от Колкача. Свободно расширяя здесь свою заимку, он косил южнее за 20 верст от деревни Колкача на реке Шексне. Между 1448 и

1469 гг. Есип Пикин дал часть своей земли в этой местности, деревни Колкач и Талицу и две пустоши южнее на Шексне, Кирилло-Белозерскому монастырю, а часть оставил за собою с женою «до живота». Не удовольствовавшись этим вкладом, монастырь с разрешения князя купил за 5 рублей у сына Пикина Юрия еще полдеревни Телибашово в этой же местности на Колкаче.

Во владение монастырю перешла обширная площадь леса между реками Ягрыш и Сизьма, и он поспешил закрепить его за собою рядом дальнейших заимок; к 1480 г. здесь появилось 10 новых деревень-починков, что «чернецы на лесех ставили». Волость Словенского Волочка в 1482 г. заявила свои притязания на все монастырские деревни на Колкаче (числом — 15) в этой местности, основываясь на том, что она некогда принадлежала к Милобудью; но монастырь выиграл дело, представив вкладные грамоты Пикина и жалованные льготные грамоты князя, закреплявшие этот вклад. Эти земли на Колкаче, оторванные от Словенского Волочка сначала боярской и затем монастырской заимкой, составляют территорию волости Талицкой, до 275 кв. верст, с населением в 3 тыс. с лишко́м душ мужского пола.

Деревенька Талица, которую Есип Пикин в начале XV в. разделал на лесе, посадив в ней своего половника, представляет собою теперь главное селение волости; в 1882 г. в ней было 37 дворов и 200 человек жителей. Кроме Талицы, еще 8 деревень этой волости до сих пор носят те самые названия, которые даны были им около 500 лет назад, когда они были еще починками-розделями (два Колкача, Пепел, Сущово, Щелково, Рогово, Лопошилово, Дор, Елники) [138*].

Значительная часть земель Словенского Волочка на восток от Словенского озера до реки Порозобицы также перешла во владение Кирилловского монастыря посредством вкладов, заимки и захвата. В начале XV в. князь Андрей Дмитриевич дал монастырю село Великое на Волоцком озере близ истока Порозобицы; затем в 1432—1435 гг. его сын князь Михаил Андреевич дал монастырю слободку Рукину недалеко от впадения той же реки в Кубенское озеро. В этой же местности на восточной окраине Волоцкой волости монастырь получил около 1430 г. две деревеньки (Осник и Панкову) по завещаниям двух волощан. Близ этих деревень скоро появились монастырские починки: так, «на лесе» близ Великого села старцы «поставили» деревню Кожино; в результате к 1482 г. монастырю принадлежало на Волочке уже 40 деревень и 5 пустошей. Волость начала тяжбу против монастыря о семи из

[138*] Елники — «починок на Ельнике». Дор — «починок на Дору». Недалеко от Сущова теперь две деревни: Пепел и Малый Пепел; во вкладной грамоте Юрия Пикина — Пепел-Сущовская пустошь (*Дебольский Н. Н.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря // Вестн. археол. и ист., издаваемый Петербург. Археол. ин-том. 1899. Вып. 13, № XVI).

этих деревень, но судьи признали права волости только на две деревни, очевидно насильственно захваченные монастырем, да и эти деревни великий князь Иван Васильевич оставил за монастырем по давности владения, потому что «искали христиане за 40 лет».

Игумен Кирилло-Белозерского монастыря, на которого «староста Волоцкой с крестьяны Волочаны» много раз бил челом князьям [139*], в XV в., как и позднее, вел постоянные тяжбы и с другими волостными общинами, которые большею частью тщетно отстаивали свои права на разные деревни, пустоши и пожни. На основании вкладных и жалованных княжеских грамот судьи большею частью решали спор в пользу старцев.

Такие же нескончаемые тяжбы о землях вели и другие монастыри, например Троице-Сергиев. В 1651 г. троицкий келарь Симон Азарьин писал: «Мнози отчины Сергиев монастырь имеет, мнози и ссоры прилучаются от соседствующих». По его словам, в «Расправных палатах» можно было найти тогда не менее ста статей о спорных землях монастыря «в разных градах и уездах» [140*].

Эти «ссоры» начались задолго до XVII в., едва ли не с самого основания монастыря. Об этом свидетельствуют правые грамоты удельного времени.

Залесская волость Костромского уезда много раз судилась с Троицким монастырем, протестуя против захвата волостных земель игуменами этого монастыря. «Тягался староста Залесский Ондрей,— читаем в судном списке конца XV в.,— и все крестьяне Залесские (с) старцем с Троицким Сергиева монастыря, с Касьяном. Тако рек Ондрейко и все крестьяне: „Жалоба нам, господине, на того старца на Касьяна: отнял у нас, господине, ту пустошь Тевликовскую: а та пустошь наша тяглая, черная, волостная». В другом судном списке, до 1490 г., тот же староста Ондрейко и все крестьяне тягаются с тем же старцем Касьяном о двух отнятых им у волости паволоках, объясняя, что «те паволоки тянут к нашей земле к Овсяниковской, к тяглой, к черной изстарины». Несколько позже, в начале XVI в., та же волость вела еще три тяжбы с тем же монастырем о пустоши Кашине, о пустоши Подболотной и о земле Оглоблино [141*].

Быстрый рост монастырских земель создавал дурную славу монастырям, и во многих местах крестьяне настойчиво противи-

139* Там же. № XIV.

140* *Арсений, иеромонах.* Доклады, грамоты и другие акты о служках Троице-Сергиева монастыря // ЧОИДР. 1867. № III. С. 19; *Блюменфельд Г. Ф.* О формах землевладения в древней России // Зап. Новорос. ун-та. Одесса, 1884. Т. 34. С. 203.

141* *Федотов-Чеховский А. А.* Акты... № 34. С. 35. Судный список конца XV в. приведен в позднейшем списке 1505—1533 гг., относящемся к тяжбе между крестьянами той же волости и с тем же Троице-Сергиевым монастырем (АЮ. № 4; *Федотов-Чеховский А. А.* Акты... № 15, 34— 1505—1535 гг.).

лись образованию новых обителей. В житиях русских святых встречается несколько рассказов о том, как крестьяне изгоняли под угрозою смерти святых угодников, устраивавших обители, изгоняли из опасения, чтобы они не завладели их землями. Преподобному Димитрию Прилуцкому, или Вологодскому, не сразу удалось устроить монастырь около Вологды. Он выбрал сначала пустынное место на реке Леже (приток реки Сухоны в окрестностях Вологды) и поставил здесь маленькую церковь; но скоро должен был удалиться отсюда. «Завистник диавол» начал «подстрекать люди невегласи от прилежащие ту веси, зовомые Авнега». Среди жителей этой веси начался «ропот велий». Они боялись, что старец «по мале времени одолеет нами и селы нашими». Их «ропот» и их «ненависть» заставили Димитрия «уклониться от зла», покинув выбранное для обители место. Он ушел в Вологду, и здесь ему удалось получить от одного из горожан небольшой участок для поставления обители на Прилуце в трех поприщах от города.

Так же как Дмитрий Прилуцкий, прогнан был крестьянами с реки Луки Макарий Желтоводский. Макарию Калязинскому соседний землевладелец Каляга грозил смертью из опасения, чтобы он не присоединил его земли к своей пустоши[142*].

Крупная земельная собственность растет сама по себе, путем накопления капитала и приложения его к земле.

Если в древнейший киевский период боярские земли увеличивались, как можно думать, главным образом за счет труда несвободных, то в удельное время они растут главным образом за счет капитала. Бояре привлекают на свои заимки, на занятые или пустующие земли поселенцев и посредством денежных ссуд разного рода, в том числе и льгот в уплате налогов. «На пустые выти» они «позывают» крестьян, обещая им льготные годы и давая ссуды и подмоги. В грамотах удельного времени встречается много упоминаний о крестьянах «*окупленных*»[143*] и крестьянах «серебряниках»; в крестьянских порядных постоянно встречается условие о ссуде и подмоге[144*].

142* Житие игумена Дмитрия Прилуцкого //МГАМИД. № 751/1280. Л. 410. 411[67]; *Верюжский И.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880; *Блюменфельд Г. Ф.* Указ. соч. С. 203; *Перетякович И. Г.* Поволжье в XV и XVI веках: (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 103, 111; *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 68; *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России//Зап. Новорос. ун-та. Одесса, 1871. Т. 26. С. 20—21; *Ефименко А. Я.* Исследования наоодной жизни. М., 1884. С. 263.

143* Ср. известия о «приходцах», «людях пришлых», «прихожих людях»: Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 370, 377, 384; *Сторожев В. Н.* Писцовые книги Рязанского края XVI в. Рязань, 1898. Т. I, вып. 2. С. 473, 485 и многие другие.

144* «Кого к себе призовет или кого искупит... да посадит» (АЮ. № 5 — 1435 г.; ААЭ. Т. 1. № 31 — 1437 г.); «И тем людем пришлым и окуп-

С другой стороны, крупные землевладельцы увеличивают свои имения, осваивая разным путем волостные земли. Они в большом количестве покупают возделанные земли от волостных крестьян, скупают волостные деревни и пустоши. Монастырские вотчины растут путем покупок и в особенности благодаря добровольным земельным вкладам разных лиц для спасения души. Бояре и монастыри вместе с тем, не довольствуясь такими легальными средствами, насильственно, по праву сильного, завладевают участками волостных земель для округления своих имений.

В одном судном деле, около 1500 г., рассказан любопытный случай захвата боярами большого количества земель, принадлежавших Ликуржской волости в Костромском уезде.

Крестьяне этой волости предъявили к митрополичьим детям боярским (Некрасу и Дрозду Юрьевым) иск о 22 деревнях и починках. На суде выяснилось, что эти деревни давно уже состоят во владении слуг митрополита. Крестьяне истцы объяснили, что эти волостные деревни были расхищены боярами и слугами митрополита 40 лет назад (около 1450 г.), когда Ликуржская волость запустела от мора. До того же времени в волости митрополиту принадлежало только три сельца. «Волость Ликуржская,— говорили крестьяне судье,— запустела от великого поветрия, а те, господине, *деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты*, не ведаем которые, за себя тому лет с сорок». Волость не могла в то время отстаивать свои владения от захвата, потому что после поветрия в живых осталась шестая часть населения: «А волостных, господине, деревень Ликуржских тогда осталось одна шесть деревень с людьми; и нам, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искати некому» [145*]. Этот факт захвата волостных земель не был опровергнут на суде, и крестьяне проиграли дело только потому, что «искали тех земель за 40 лет».

Мелкий вологодский вотчинник Левонтий-Злоба Васильев Львов, владевший двумя деревнями около Вологды в окологородье и одною деревнею в Масленской волости (на реке Маслене), около 1478 г. покупает от двух крестьян Лоскомской волости в той же местности две их пустоши (Михалеву и Минейцову) — одну за 50 алтын с придачей овцы, другую за рубль. В силу жалованной грамоты вологодского князя Андрея Васильевича около 1478 г., которая была подтверждена грамотой Ивана III (1481—1500 гг.), эти деревни были выделены из Лоскомской волости, к которой они раньше тянули. В 1503 г. староста Лоском-

ленным...» (ААЭ. Т. 1. № 36—1438 г.). См. также: Там же. № 53 (1453 г.), № 374 (1455 г.), № 379 (1484 г.). Ср. «гостей» (hôtes) средневековой Европы. [Предполагавшаяся Н. П. Павловым-Сильванским подробная разработка этих известий—русских и западных — осталась неосуществленной [68].]

145* АЮ. № 8 (1458—1505 гг.).

ской волости Оброско Кузмин от лица всех крестьян волости предъявил иск сыну названного Злобы Львова, Ивану, собственно к его приказчику Овсянику. «Жалоба ми, господине,— говорил он судье,— на того Овсяника. Живет, господине, у нас в великого князя деревнях в черных, а называет те деревни государя своего отчиною Ивановою Злобина, а не ведаем почему» [146*]. Но староста напрасно отстаивает права волости на эти деревни, оторванные от нее вотчинником Злобою. Иван Злобин представил судьям купчие крепости своего отца и данные ему князьями жалованные грамоты, и судьи оправили его, присудив ему деревни на основании этих документов.

Споры волостей с соседними вотчинниками возникали большею частью вследствие перехода волостных земель в руки вотчинников по частным сделкам их с членами волости. Волощане владели землею на частном праве собственности; они имели право отчуждать их не только своим соседям, но и сторонним вотчинникам. Когда староста и мир жаловались на игумена или боярина, что он отнял у них землю «сильно» или что он владеет землею «не ведаем почему», то ответчики большею частью объясняли судьям, что спорная земля была ими куплена от волощанина, и представляли суду купчие и иные грамоты. Судьи в таких случаях всегда решали тяжбу в пользу ответчика.

В еще более широких размерах содействовали разрушению волостей и их обояренью князья — путем раздачи черных земель монастырям и боярам, в вотчины и в поместья.

Во второй половине XIII столетия рязанский великий князь Ингвар с другими князьями и с боярами дал обширные земли рязанскому Ольгову монастырю. Монастырю дано было сразу 5 погостов — волостных общин, в которых было в общей сложности 1010 семей, кроме того, «9 земель бортных»; тогда же бояре дали несколько сел, а «мужи» — «Ольговскую околицу» — уезд, который они купили у муромских князей за 300 гривен. В XIV в. великий князь Олег Иванович пожаловал еще монастырю Арестовское село [147*].

В грамотах сохранилось много сведений о селах и деревнях, данных князьями монастырям [148*].

Княжеская власть в отношении общин проявлялась также в *обелении* волостных земель, освоенных тем или иным путем привилегированными крупными землевладельцами.

Когда такие землевладельцы приобретали участки волостной земли, то, по общему правилу, они в качестве владельцев такой земли становились членами волостной общины и должны были

146* Там же. № 9 (судный список 1503 г.).
147* АИ. Т. 1. № 2 (1356—1387 гг.); *Экземплярский А. В.* Указ. соч. М., 1890. Т. 2. С. 571, 575.
148* Н. П. Павлов-Сильванский предполагал дополнить изложение рядом примеров [69].

платить подати, падавшие на них по общей податной разверстке [149*]. По общему правилу, права общины на ее территорию торжествовали над правом боярина, над независимостью его боярщины. Но в жизни, наоборот, бояре или насилием, или властью князя совершенно обояривали освоенные ими участки волостной земли, освобождая их от какого-либо подчинения общине.

Великие князья вообще старались о сохранении общинной организации и даже, предупреждая обояренье общинных земель, воспрещали покупку их крупными землевладельцами. Но с другой стороны, они рядом частных распоряжений постоянно разрушали целость волостей, обеляя особыми жалованными грамотами деревни, приобретенные крупными землевладельцами. В каких широких размерах практиковалось такое обеление участков волостной земли, разрушавшее общинную организацию, об этом свидетельствует тот факт, что число сохранившихся жалованных грамот XV в. весьма значительно.

Жалованной грамотой 1421 г. великий князь Василий Дмитриевич, разрешив-«ослободив» митрополиту Фотию «купити в Тальше деревне Яковльскую волостную», вместе с тем изъял ее из общины, освободил ее от общинного тягла: «А что доселе та деревня тянула судом и всеми пошлинами к волости к Тальше, а нынче та деревня потянет судом и всеми пошлинами к отцу моему Фотию митрополиту Киевскому и всея Руси; опрочь дани моей и яму к волости ей не тянути ничем» [150*].

Освобождая боярские и монастырские деревни от власти своих чиновников, наместников, волостелей и тиунов, князья вместе с тем освобождали их и от подчинения представителей общин, сотников, старост и дворских: «Ненадобе им (людям монастыря) никоторая дань... ни пошлины к городу, ни к волости... ни дворьскии, ни старосты ат не займают их ни про что» [151*].

В результате крупное землевладение быстро увеличивается; территории волостей дробятся, переходя по частям в руки бояр и монастырей, и боярщина торжествует над общиной [152*].

149* См. выше.

150* ААЭ. Т. 1. № 20.

151* Там же. № 5 (1361—1365 гг.).

152* Из примеров, какими Н. П. Павлов-Сильванский предполагал иллюстрировать процесс «обояренья волостей», в рукописном его наследии сохранился лишь следующий: «Тверская волость Суземье уже в первой половине XVI в. представляет собою не волостную общину, а только правительственный округ, объединяющий множество мелких поместий, монастырских вотчин, дворцовых сел и ничтожное число черных деревень. След древней волостной общины сохранился только в наименовании принадлежавшей ей некогда территории «волостью». По писцовым книгам 1540—1548 гг. ясно виден процесс обояренья земель этой волости путем раздачи их в поместья. В писцовой книге 1540 г. после ряда дворцовых сел и деревень, «розданных помещикам», отмечены «в той же волости великого князя деревни черные», всего 40 деревень и 6 пустошей с населением в 80 человек дворохозяев. Через несколько лет (между 1540 и 1548 гг.)

§ 56. Окняжение волости

Волостная община была основным учреждением древнейшего государственного строя. Весь этот строй покоился на сложившемся органически территориальном мирском самоуправлении. Власть князя отличалась чрезвычайной слабостью и представляла собою, так сказать, надстройку над древними самоуправляющимися общинными союзами.

В течение средних веков княжеская власть постепенно усиливается. С течением времени в волостях появляются княжеские чиновники, более близкие к населению, а именно *волостели*, заведовавшие каждый отдельной волостью. Основания управления остаются старые; мирское самоуправление сохраняется. Но ограниченный округ давал возможность волостелю более действительного контроля за управлением общины. Все новости в управлении совершались в древнем обществе, где обычное право было всевластным, в ряде частичных малозаметных изменений. Назначая волостеля, великий князь сохраняет общину; он сохраняет и даже подтверждает ее права; он только переносит на волостеля функции наместника в его отношении к общине. Назначение волостеля имеет даже сначала вид милости населению, освобождения волости от наместника, ставшего ненавистным вследствие своих корыстных вымогательств, «налог и продаж». Но крестьяне скоро должны были заметить, что они попали из огня в полымя. Волостель, господин волости, легче мог вторгаться в жизнь общины и, оставаясь государственным чиновником, присвоить права частновладельческого приказчика-посельского. Посельский также управлял селом вместе с мирским старостой, но имел только право низшего суда. Волостелю принадлежал высший суд и управление. Но высшему судье и управителю нетрудно было присвоить себе часть функций низших чиновников.

Появление волостеля в общине рисует грамота 1506 г.— уставная грамота рыболовам, жившим в городе Переяславле. Великий князь «жалует» «старосту рыболовля Гридку и всех рыболовей Переяславских», назначая им волостеля и устанавляя, что они впредь будут неподсудны наместнику и тиунам, «опричь одного душегубства и вобчих дел». Тягло с городскими людьми заменяется оброком. Права общины охраняются; волостель должен судить не иначе, как со старостой и с лучшими людьми, по общему правилу, как судил наместник и как судили частновладельческие приказчики. Порядок управления остается старый, и новость

последний клочок древней черной волости переходит во власть помещика; в писцовой книге 1548 г. отмечено об указанных деревнях: „Нынеча те деревни в поместье за князем И. М. за Шуйским"» (Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 64—65, 177). Ср.: «Великого князя деревня Суково, а бывала черная, 2 двора... а служит с нее Жюк Суков» — волость Воловичи, 1540 г. (Там же. С. 59) [70].

только в том, что вместо более далекого наместника, ведавшего более обширный округ, из многих волостей, составлявших несколько станов, является чиновник, который должен кормиться только с одной волости или в данном случае с одной общины рыболовов. У наместника были тиуны, но и волостель, как видно из грамоты, является к рыболовам не один, а со своим тиуном [153*].

Другие грамоты показывают нам, как эти волостели с их тиунами, близкие к населению, вторгались в управление общин, специально вверенных их попечению. К ним прежде всего переходит право распоряжения общинными угодьями, или альмендой, по немецкой терминологии.

Право распоряжения альмендой, как мы видели, составляло одно из основных начал общинной «конституции». Чтобы дать возможность монастырю сечь дрова и бревна на хоромы в волостном лесу, князь обращался с соответствующим распоряжением к волостной общине, к «старосте и всем христианам». Так делалось, где волости были самостоятельны, как это видно из цитированной раньше грамоты, обращенной к белозерской волости Угла. Там же, где в волости был волостель с тиунами, он в таких делах заслонял собою выборное общинное начальство. Так, углицкий князь в 1487 г., предоставляя монастырским крестьянам право «ездить по дрова и по бревна» в лес, принадлежавший Передольской волости, обращается в своей грамоте не к старосте и крестьянам, а к «волостелем и тиуном». Монастырские крестьяне должны «являть» эту разрешительную грамоту волостелям и тиунам. «И вы бы,— обращается князь к своим чиновникам,— с тех крестьян явки и мыта, никоторых пошлин не имали» [154*].

Вместе с правом распоряжения общинными угодьями к волостелю переходит и право распоряжения или контроль над распоряжениями общины в отношении запустевших участков и других общинных владений. В том же XV в., к которому относятся два указанных факта, волостель Гороховской волости Константин Симанский распоряжается запустевшим селищем Дубровки, давая его крестьянам братьям Кухмыревым во владение со льготою на 10 лет. Этот волостель действует с согласия выборных общинных властей, он «жалует» крестьян Кухмыревых селищем, «поговоря с со Фролом с сотским да с суседы волостными» (1498 г.). Но раньше волостная община, как видно из той же грамоты, распоряжалась общинными владениями совершенно самостоятельно, без вмешательства волостеля: селище Объезд дано было так же, как в данном случае, на десятилетнюю льготу, сотским Вороши-

[153*] Волостелиным людям (так же как наместничьим) запрещается ездить на пиры незванными (ААЭ. Т. 1. № 143).

[154*] Там же. № 121 (1487 г.). Ср. цитированную выше грамоту, относящуюся также к XV в. (1448—1469 гг.), где князь обращается к старосте и крестьянам: «И вы бы ему за то не стояли».

ловым, «*поговоря* со своею братьею и *со всею волостью* Гороховскою»[155*].

Эти факты распоряжения волостеля общинными угодьями указывают на тот же процесс постепенного подчинения общины частновладельческой власти, который подробно, на основании источников, сохранившихся в большом изобилии, описывается немецкими историками. Средневековые крупные землевладельцы, подчиняя своей власти общины, прежде всего накладывали свою тяжелую руку на общинные угодья, леса, поля и другие земли. В их власть, как указывает Лампрехт, прежде всего переходила альменда, причем власть эту они приобретали различными путями, постепенно, где раньше, где позже[156*]. У нас, как видно из цитированных грамот, захват альменды князьями совершался чрез посредство волостелей.

[155*] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 168, 167. Соколовский не знал, кто был этот К. Симанский. В судном списке, напечатанном Н. Лихачевым, Симанский назван волостелем (Там же. С. 168). Волостелем же был, по-видимому, и князь Давид Иванович, который в 1491 г., «поговоря (с) старостою с Михайлом Гойтуровичем и с волостными добрыми людьми со всеми... пожаловал Фому Федорова сына... поженкою» в Кевролъском уезде (нынешнем Пинежском уезде Архангельской губернии). См. грамоту, напечатанную П. Ивановым (*Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1900. Т. 2. С. 155—156).

[156*] *Lamprecht K.* Op. cit. Bd. I. S. 996.

Часть вторая
Феодальные учреждения

Глава первая
БОЯРСКИЙ САМОСУД
(иммунитет)

Русский иммунитет — это те обширнейшие судебные и податные привилегии, которые обеспечивались вотчинникам жалованными грамотами, льготными и несудимыми, XIII—XVI столетий. Эти привилегии, несомненно, составляют учреждение, по существу тожественное с западноевропейским иммунитетом.

Жалованные грамоты, сохранившиеся в громадном количестве, у нас неоднократно изучались весьма обстоятельно; но все исследователи, за исключением одного профессора Владимирского-Буданова, избегали даже намека на существование тожественного с русским германского иммунитета. Как я уже заметил, у нас вообще не принято говорить о сходстве русских учреждений с феодальными. М. Ф. Владимирский-Буданов ограничился беглым сопоставлением русского иммунитета с западным, и по преимуществу с литовским и польским [1*].

[1*] Податные и судебные преимущества церквей и монастырей наилучшим образом, систематически и полно описаны В. Милютиным (*Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России // ЧОИДР. 1859. Кн. IV; 1860. Кн. III; 1861. Кн. I–II. Отд. изд.: М., 1861. Гл. V). Одновременно с этим исследованием появился сводный текст церковных и монастырских льготных и несудимых грамот XIII—XV вв., составленный тщательно, но по неудачной, слишком дробной системе А. Н. Горбуновым [71] (*Горбунов А. Н.* Льготные грамоты, жалованные церквам и монастырям... // Архив исторических и практических сведений. 1860. Кн. I. Ст. 1; 1861. Кн. V. Ст. 2; 1863. Кн. VI. Ст. 3). Через 20 лет эти грамоты были вновь подвергнуты изучению одновременно двумя исследователями. Н. Ланге [72] разобрал судебные привилегии духовных и светских землевладельцев (*Ланге Н.* Древнерусские смесные суды. М., 1882). Д. Мейчик[73] описал внешнюю форму жалованных грамот (*Мейчик Д. М.* Грамоты XIV—XV вв. в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1883. Гл. II). Отмечу, далее, общие труды по истории права и затем некоторые монографии, касающиеся жалованных грамот: *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 2. § 272; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 2-е изд. Киев; СПб., 1888. С. 196—197; 3-е изд. Киев; СПб., 1900. С. 229—230; *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 1. С. 328—330; *Неволин К. А.* О пространстве церковного суда в России. СПб., 1847. С. 202—206; *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 396, 458—468, 519—556; *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций. М., 1859.

Детальное же сравнение русских жалованных грамот с иммунитетными дипломами покажет, что иммунитетные порядки в России и на Западе совпадали во многих частностях и что в отличительных чертах русского иммунитета только яснее выражается его общая основа с иммунитетом германским. Латинские дипломы при этом помогут нам понять некоторые неясные черты порядков удельного времени, а наши льготные и несудимые грамоты дадут материал для разъяснения некоторых темных сторон иммунитета германского.

§ 57. *Воспрещение княжеским властям доступа в частное имение*

В дипломах франкских королей на иммунитеты, указывает Фюстель де Куланж, одно постановление обращает на себя особенное внимание как господствующее над всеми другими. Это полное воспрещение королевским чиновникам вступать в пределы иммунитетного имения. Король объявляет, что данный монастырь или светский собственник будет владеть своими землями в полном иммунитете, свободный от входа судей — *absque introitu judicum*. «Весь иммунитет выражен в этих трех словах»,— восклицает знаменитый французский историк [2*].

Это же самое постановление, сразу открывающее нам все своеобразие государственных отношений древности, лежит в основе русских жалованных грамот. Частные владельческие земли здесь также объявляются недоступными для властей великого князя. Княжеские наместники, волостели и низшие провинциальные чиновники — тиуны, доводчики, пошлинники, таможники — лишаются права *въезжать в околицу* монастыря или светского вотчинника.

Дипломы франкских королей гласят следующее:

«Ни один представитель государственной власти да не осмелится вступить в эти владения»; или: «Ни один государственный чиновник не должен

В наших жалованных грамотах читаем:

«А волостели мои в околицу его (игумена) не въезжают» или: «А волостели мои и их тиуны и доводщики в те деревни не въезжают»; или: «А на-

С. 91—119; *Митрополит Макарий.* История русской церкви. СПб., 1886. Кн. II. С. 47—70; *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. М., 1869; *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода: Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 249—264.

2* *Fustel de Coulanges N. D.* Les origines du systeme féodal: le bénéfice et le patronat. P., 1890. P. 367—368. То же отметил Маурер (*Maurer G. L.* Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhofe und Hofverfassung in Deutschland. Erlangen, 1862. Bd. 1. S. 284).

иметь сюда доступа, в села монастыря»[3*].

местницы мои и волостели и их тиуны не въезжают к NN, ни к их людям ни по что»[4*].

В постановлении о невъезде местных властей во владения частного собственника ярко выражается сущность иммунитета. Королевские чиновники, лишенные доступа в частное имение, теряют возможность проявлять свою власть на его населении. Вместе с тем привилегированный землевладелец и все люди, живущие на его земле, освобождаются в большей или меньшей степени: 1) от подчинения местной судебной власти и 2) от налогов, пошлин и повинностей в пользу казны или в пользу чиновников. Освобожденный от подведомственности местным властям землевладелец становится в непосредственную зависимость от высшей государственной власти, от короля. По отношению же к населению своей вотчины он сам занимает то место, которое освободилось с устранением королевских чиновников; в его руки переходят функции судьи и сборщика налогов.

В одной из грамот Пипина постановляется, что монастырь будет владеть своею землею «в полном иммунитете, свободный от въезда судей и поборов казны (sub integra immunitate, asque introitu judicum vel sisci publici repetitionibus possidere». В этих словах, замечает Вайц, сжато указаны рядом обе главные стороны иммунитета[5*]. Существенное его содержание составляют привилегии двух родов — судебные и податные.

Те же самые привилегии лежат в основе и русского иммунитета. К нему приложимо все то, что я сказал выше о существе иммунитета германского. Вотчинник духовный или светский

[3*] In illas possesiones nulla umquam judiciaria potestas praesumat ingredi (диплом 661 г.); nullus judex publicus ibidem introitum nec ingressum habere debeat (диплом 696 г.); in villas eclesiae... non praesumat ingredire (Formulae Marculfi[74]. I. N 3) (*Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 368). Такие же выражения в каролингских дипломах см.: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. B., 1885. 2 Aufl. Bd. IV. S. 302.

[4*] АИ. Т. 1, № 81 (рязанская грамота 1430—1456 гг.); ААЭ. Т. 1, № 47 (1450 г., *Белоозеро*), № 44 (*Москва*). Формула «волостель в околицу (или в уезд) не въезжает» постоянно встречается в *рязанских* жалованных грамотах (АИ. Т. 1. № 36, 81); *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества: Приложения // Соч. М., 1884. С. 216 (грамота 1419 г.); *Юшков А. И.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257—1613 гг. // ЧОИДР. 1898. Кн. II/IV. № 8, 11 и др. Та же формула в *тверской* грамоте 1361—1365 гг.: «Наместники наши и волостели, данницы, пошлинники... ат не въездят, не всылают к монастырским людям ни по что» (ААЭ. Т. 1. № 5). Она встречается также в нескольких грамотах *можайских* князей (РИБ. Т. II. № 12). Эта формула во многих грамотах, а в *московских* постоянно (кроме редких исключений) заменяется тожественным по смыслу выражением: «А волостели мои к тем людям *не всылают* ни по что» (Там же. № 9).

[5*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 302, Anm. 2.

и его люди по жалованным грамотам свободны от даней и пошлин. Для населения вотчины княжеского волостеля и данщика заменяет вотчинник; для него же их заменяет сам князь. Жалованные грамоты сообразно с этим назывались в древности *несудимыми* и *льготными*. Можайский и белозерский князь Андрей Дмитриевич в одной грамоте (около 1400 г.) следующим образом кратко формулировал основные положения иммунитета: 1) людям игумена Кирилла «ненадобе моя дань, ни иная никоторая пошлина, 2) волостели мои к тем людям не всылают ни по что, ни судят, 3) а тех людей ведает и судит игумен Кирило сам» [6*].

§ 58. *Судебные привилегии*

Я сопоставил русский иммунитет с западным в общих чертах. Это только начало длинного исследования. В русских жалованных грамотах мы нашли такое же, как в западных дипломах, чрезвычайно характерное постановление о невъезде княжеских волостелей в частновладельческую вотчину. Русский иммунитет, так же как германский, состоял из известного рода судебных и податных привилегий. Необходимо выяснить точнее характер и объем этих привилегий. Население привилегированной вотчины, как я сказал, освобождалось от суда княжеских властей; но было ли это освобождение от местной юрисдикции полным и безусловным, или же оно ограничивалось только делами известного рода? И в таком случае — какими именно?

Дипломы Меровингов и Каролингов, несмотря на то что они написаны длинно, красноречивыми латинскими фразами, дают сравнительно мало данных для разрешения этих вопросов. Только одна сторона судебных привилегий иммуниста определена в них точно и вполне ясно: королевские власти ни в каком случае не имеют права производить судебные действия в его владениях; они не имеют права въезжать сюда ни для суда, ни для расправы. В дипломы постоянно включалось следующее стереотипное постановление: «Ни один судья да не войдет в это имение ни для судебного разбирательства, ни для взыскания вир, ни для задержания поручников» [7*]. Местные судьи безусловно лишаются исполнительной судебной власти по отношению к людям привилегированного землевладельца. Если бы они и судили этих людей, то должны были бы обращаться к его посредничеству, чтобы подвергнуть наказанию виновного или чтобы обеспечить явку ответчика в суде посредством задержания поручников.

Передача иммунисту исполнительной судебной власти рас-

[6*] РИБ. Т. II. № 9.
[7*] Nullus judex publicus non praesumat ingredi ad causas (altercationes) audiendas, aut freta exigenda, aut fideijussores tollendos.

сматривается как самая важная сторона его судебных преимуществ, как основа его власти в отношении людей, живущих на его земле. Дипломы не настаивают на том, чтобы граф не судил вообще людей иммуниста, но он не должен касаться их помимо их господина, не имеет права заставить их подчиниться своему судебному приговору.

Тем же самым взглядом проникнуты постановления и наших жалованных грамот. Любопытно совпадение этих оригинальных точек зрения, чуждых нашему времени. Наши грамоты также особенно настаивают не на том, чтобы наместники и волостели не судили монастырских людей, но чтобы они не вступались в них самостоятельно, помимо игумена, чтобы они не всылали к ним своих приставов, доводчиков, праветчиков, дворян (так назывались тогда иначе пристава), не взыскивали с них судебные пошлины или пени [8*].

Исполнительная судебная власть принадлежала привилегированному землевладельцу даже и в тех случаях, когда он судил своих людей не единолично, но совместно с княжеским наместником или волостелем. Такие совместные, «смесные», суды могли дать повод наместнику проявить свою власть на людях игумена-иммуниста; поэтому грамоты настойчиво повторяют, что и в случаях смесного суда личность подчиненного игумену человека остается неприкосновенной для княжеских властей, что они не имеют права взыскивать с него пеню, «вину». «А прав ли будет или виноват монастырский человек, и он прав и виноват монастырю, игумену с братьею, а наместники мои, волостели и их тиуни в монастырского человека не вступаются ни в правого, ни в виноватого (не емлют по нем ничего), а ведает игумен в правде и в вине своего человека сам. А прав ли и виноват ли городской или волостной человек будет, и он в правде и в вине наместником моим и волостелем и их тиуном, и им истцево заплотят» [9*]. Наиболее обычна позднейшая, краткая формула этих постановлений: «А прав ли будет, виноват ли монастырский че-

[8*] «А волостели мои и их тиуны доводчиков своих не всылают к Ивану (Петелину) и ко всем его людем ни по что» (ААЭ. Т. 1. № 46 (1450 г.); РИБ. Т. II. № 21). «А наместники мои и их тиуны не всылают дворян своих в то село и в деревни ни по что» (ААЭ. Т. 1. № 37—1440 г.). «Ни праветчики, ни доводчики к тем людям не въезжают, ни поборов у них не берут» (РИБ. Т. II. № 23—1447 г.).

[9*] АИ. Т. 1. № 15 (1404 г.). Слова в скобках см.: Там же. № 28 (1425 г.). «А будет виноват монастырский человек и он поедет (пойдет) и в вине и в продаже к архимандриту, и во всех пошлинах, а наместники мои и волостели в то ся не вступают» (ААЭ. Т. 1. № 18—1417 г., Н. Новгород). «А будет суд смесной, ино прав ли будет, виноват ли архимандричь человек, ино возьмет своего человека архимандрит и в правде и в вине, а наместники мои и их тиуны в монастырского человека не вступаются» (Там же. № 39—1446 г.).

ловек, и он в правде и в вине игумену с братьею или их приказчику» [10*].

Западные иммунитетные дипломы, как указано выше, говорят обыкновенно лишь о предоставлении землевладельцу исполнительной судебной власти. Но судебные привилегии его этим не ограничивались. Иммунисту принадлежало не только право приводить в исполнение судебные решения королевского судьи, графа, но и право самому судить своих людей по известного рода делам. Люди, жившие в иммунитетном имении, подлежали суду графа в тех случаях, когда они привлекались к ответственности посторонними лицами; взаимные же их тяжбы разбирались и разрешались единолично их господином — вотчинным судьей. Принадлежность иммунисту права судить его людей, т. е. людей, живших на его земле, по их взаимным претензиям признается единогласно западноевропейскими историками.

Обычная редакция дипломов не дает, однако, бесспорной опоры этому взгляду, и поэтому Фюстель де Куланж высказывает его лишь в виде предположения: «Нам кажется, что суду иммуниста подлежали дела такого рода, в которых обе стороны принадлежали одинаково привилегированному домену» [11*].

Наши жалованные грамоты в противоположность западным дают определенный точный ответ по этому вопросу, косвенным образом вполне подтверждая предположения западноевропейских историков. В тверской грамоте XVI в. сказано ясно: «Который суд будет *межи монастырских людей*, судит их и дворян дает монастырский тивун один, а нашим судьям ненадобе ни по что» [12*]. Содержащиеся в большей части грамот постановления о смесном суде точно определяют объем власти вотчинного судьи. Великие князья постановляют иногда слишком категорически: «Наместники наши и их тиуны не судят тех людей *ни в чем*, а судит свои люди игумен сам или кому прикажет». Но, говоря так, князья имеют в виду единственно «суд меж монастырских людей», так как вслед за тем они постановляют, что если «монастырские люди смешаются судом с волостными людьми», то их судит игумен не единолично, а совместно с княжеским волостелем или наместником.

10* Например: АИ. Т. 1. № 125 (1518 г.). Варианты этой формулы: «Прав ли виноват ли монастырский человек — монастырю в вине и в посулех, а волостной — волостелю» (ААЭ. Т. 1. № 35—1461 г., Тверь; РИБ. Т. II. № 21 — Белоозеро). «А правый и виноватый волостной человек — волостелю, а монастырский правый и виноватый — игумену. А правого и виноватого, волостного и монастырского — который же судья собе знает своего правого и виноватого» (АЮБ. № 31—1433 г., Звенигород). «А кто волостной человек в чем утяжет игумнова человека, ино на игумновых людях волостелю вины не имать» (РИБ. Т. II. № 8 — до 1432 г., Можайск). Свод этих постановлений (кроме текстов РИБ) см.: *Ланге Н. И.* Указ. соч. С. 138—144.

11* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 379.

12* ААЭ. Т. 1. № 5 (1361—1365 гг.).

Итак, у нас совершенно так же, как на Западе, иммунитетным землевладельцам предоставлялись: 1) исполнительная судебная власть вообще, 2) право судить своих людей по их взаимным распрям. Посмотрим теперь, какой порядок установлен был на Западе для решения дел, возникавших между людьми привилегированного домена и посторонними лицами, и в какой мере соответствовали этому порядку существовавшие в России для дел этого рода и упомянутые уже нами смесные, или вобчие, суды.

Дипломы времени Каролингов устанавливали два различных порядка решения этих дел. По некоторым дипломам, как указывает Вайц, люди привилегированного имения не могли быть вызываемы в обычные суды, не могли быть вообще судимы графом даже и в том случае, когда они являлись ответчиками перед посторонними лицами; они подведомственны были единственно иммунитетному вотчинному суду светского землевладельца и епископа или его заместителя, монастырского судьи-фогта [13*].

По другим грамотам, монастырские люди, привлекаемые к ответственности посторонними лицами, обязаны были являться на суд к графу, но не иначе как в сопровождении фогта и судебное разбирательство должно было производиться в присутствии этого представителя власти иммунитетного монастыря. «Да будут они судимы властями,— сказано в одной из грамот этого рода,— не иначе как пред адвокатом (фогтом), нами установленным» [14*].

В удельной Руси существовал несколько отличный от этого порядок решения дел между людьми, жившими на частновладельческих, и людьми, жившими на государственных землях. Такие дела во всех удельных княжествах решались, как сказано, смесным, или вобчим, судом, на котором игумен (или его приказчик)

[13*] Диплом 18 января 853 г.: «Nullus judex publicus neque ulla potestas eos in quoquam constringere audeat... Si vero aliquis fuerit, qui contra istis hominibus... aliquas justicias requirere aut exactare voluerit, tunc advocati et ministri ipsius monasterii illud, prout justum est, diligenter rei veritatem inquirere studeant et enendant... [Никакой публичный судья и никакая власть да не осмелятся их ни к чему принуждать... Если же будет кто-нибудь, кто против этих людей... захочет требовать правосудия или возмещения, тогда приказчики и служители самого монастыря, чтобы справедливо то дело по истине расследовать, пусть рассматривают его и исправляют... (лат.)]» (*Altmann W., Bernheim E.* Ausgewählte Urkunden. 3 Aufl. Berlin, 1904. N 116 (Monumentae Boica. T. XXVIII); *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 451, 453).

[14*] Non alio modo a judiciariis potestatibus distringantus nisi coram advocato a nobis constituto; ibi (in mallum legitimum comitis) una cum advocato ecclesiae venire non differant [наказуется судебными властями не иначе, как в присутствии адвоката (фогта), нами назначенного; пусть не откладывая являются туда (в законное судебное собрание к графу) в сопровождении церковного приказчика (фогта) (лат.)] (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 453, Anm. 1; S. 451, Anm. 2).

судил вместе с наместником или волостелем как равноправные представители власти. В тверской грамоте XIV в. читаем: «А смешаются судом монастырские люди с волостными людьми, судит монастырский тивун, с посельским вместе с нашими судьями». Наиболее часто встречается в грамотах следующая редакция этих постановлений: «А случится суд смесный (суд вобчей) городским людям или волостным с монастырскими людьми, и наместники мои и их тиуны тех людей судят, а игумен с ними судит, или кому прикажет в свое место (или его приказчик)» [15*].

На Западе, таким образом, смесные дела разбирались и решались или монастырскими властями, или королевскими в присутствии представителя монастыря; у нас — княжескими властями совместно с монастырскими. На Западе судил их фогт единолично, или граф в присутствии фогта, у нас — наместник вместе с игуменом.

Отличие заметное, но отнюдь не существенное, не изменяющее существа учреждения. В порядке русского смесного суда вполне ясно выразился основной принцип иммунитета, принцип подвластности лица землевладельцу-господину. Смесный суд представлял собою удачное примирение интересов двух сталкивавшихся властей — иммуниста землевладельца и княжеского наместника. Он не нарушал обширной судебной власти, предоставлявшейся землевладельцу, и ограничивал ее гораздо менее, чем некоторые западные дипломы, по которым люди иммуниста по искам посторонних лиц подлежали юрисдикции графа. Смесные суды не умаляли судебной власти игумена над его людьми, но, напротив того, были полным ее признанием. Игумен являлся в суд как равноправный представитель власти, он судил вместе с княжеским наместником, и не только те дела, в которых ответчиками были подвластные ему монастырские люди, но и тогда, когда ответчиком был независимый от него волостной человек. Некоторые грамоты до такой степени охраняли самостоятельность монастырской власти и ненарушимость монастырской территории, что даже определяли, что смесный суд должен заседать на нейтральной территории, на границе между владениями монастыря и княжескими землями, как если бы дело

[15*] ААЭ. Т. 1. № 5; АИ. Т. 1. № 15 (Звенигород, 1404 г.); ААЭ. Т. 1. № 99 (1473 г.) и др. «А смешается суд моим людям волостным с игумновыми людьми, и наместники мои судят, а игумен с ними» (РИБ. Т. II. № 21 — Белоозеро, 1435—1447 гг.). «А сведется суд монастырским людям с волостными и *игумен судит*, а наместник с ним» (Там же. № 23). Эта редакция, я думаю, равнозначаща по смыслу предыдущей. Кроме выражений «случится, смешается, сведется суд», встречается еще следующее: «А сплетется монастырский человек с городским или волостным (и игуменья судит с наместником вместе)» (ААЭ. Т. 1. № 35 — Тверь, до 1461 г.). В некоторых грамотах XVI в. встречаем следующие интересные варианты: «а игумен с братьею или их приказчик туто ж в суде сидят»; «у наместников и у их тиунов своих людей в суде берегут» (*Ланге Н.* Указ. соч. С. 119).

шло о территориях двух независимых государств. Княжеские наместники должны были «чинить исправу» по смесным делам, «съехався на рубеж» с митрополичьими волостелями и приказчиками [16*].

Говоря раньше о праве привилегированного землевладельца судить взаимные тяжбы его людей, я не касался вопроса о том, насколько полным было это право, простиралось ли оно на все дела, как гражданские, так и уголовные. Переходя теперь к рассмотрению этого вопроса, я обращусь сначала к русским жалованным грамотам, так как они дают на него точный ответ, тогда как западные дипломы в этом случае, как и во многих других, оставляют место для сомнений.

В Тверском княжестве монастырям предоставлялось судить суд меж монастырских людей по всем делам без изъятия, как уголовным, так и гражданским: «А что ся учинит или разбой, или душегубство, или татьба, который суд будет межи монастырских людей, судит их и дворян дает монастырский тивун один, а нашим судьям ненадобе ни по что» [17*]. Как видно из грамот, тверские князья, а также, может быть, и рязанские предоставляли монастырям право суда над их людьми в полном объеме не только в XIV, но и в XV в.[18*] Надо думать, что такой же порядок действовал в древнейшее время и в Московском, и в других княжествах Ростово-Суздальской земли.

Но в Московском княжестве уже в первой половине XIV столетия важнейшие уголовные дела, *дела о душегубстве*, начали исключаться из ведения монастырского суда [19*]. В XV столетии

[16*] АИ. Т. 1. № 215 (грамота митрополиту Киприану, 1381—1409 гг.). «Суд им изстарины на рубежи, на них кто чего взыщет, или они на ком чего взыщут» (1465—1473 гг.) (*Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 24, примеч.). О началах смесного суда вообще см.: *Дювернуа Н. Л.* Указ. соч. Для смесных судов между княжествами встречались особые «*судебни на рубежи*» («судебня на рубежи на белоозерском и на вологодском, где съезжались судьи вопчие судити» — 1482 г.) (*Шумаков С. А.* Обзор грамот... Вып. 2. С. 113).

[17*] ААЭ. Т. 1. № 5 (1361—1365 гг.).

[18*] Цитированная в тексте тверская грамота была подтверждена в 1437—1461 гг. (ААЭ. Т. 1. № 34). В другой тверской грамоте XV в. также предоставлен суд в полном объеме (Там же. № 35). В рязанских грамотах повторяется одна и та же отличающаяся от других грамот формула: «Волостель мой в его уезд не въезжает... а резанка, шестьдесят (резанью и с шестьюдесятью), вина, поличное и татин рубль волостелю моему не идет, что учинится татьба в его уезде промеж его людей» (АИ. Т. 1. № 36—1430—1456 гг.; № 81—1464—1501 гг.). Ту же формулу во вновь напечатанных рязанских грамотах светским землевладельцам см.: *Юшков А.* Указ. соч. № 8 (1422—1456 гг.), № 11 (Пронск). Ланге думает, что эта формула предоставляет суд в полном объеме. Но так как в ней особо упоминается одна лишь татьба, то можно полагать, что суд о душегубстве исключался из ведения вотчинников.

[19*] Дмитрий Донской постановил (1363—1389 гг.) в грамоте Троице-Сергиеву монастырю: «В разбое и в татьбе их бояря мои не судят» (ААЭ. Т. 1.

как в Московском великом княжестве, так и в мелких княжествах Ростово-Суздальской области (Угличском, Белозерском, Нижегородском и др.) вотчинный суд духовных и светских землевладельцев обыкновенно стеснялся изъятием из его ведения дел о душегубстве, а иногда и других уголовных дел [20*]. Наконец, в XVI столетии в Московском государстве права вотчинных судей были еще более стеснены; по общему правилу, им предоставлялось судить своих людей лишь по гражданским делам, «*опричь душегубства, татьбы и разбоя с поличным*».

Переходя теперь от этих ясных постановлений наших грамот к западным дипломам, мы встречаемся в них все с той же неопределенной статьей о невъезде королевских чиновников на земли иммуниста для производства здесь каких-либо судебных действий (ad causas audiendas vel freda exigenda aut fideijussores tollendos etc.), и только.

В некоторых дипломах и других актах времени Карла Великого и его преемников встречаются, однако, данные, заставляющие Вайца признать, что в это время уголовные дела были, по общему правилу, изъяты из ведения иммунистов. Так, например, в дипломе на иммунитет, данном королевским лесничим, было определено, что графы и другие королевские чиновники не имеют права судить их ни в чем, кроме криминальных дел (nullus comes aut judiciaria potestas eos de quibuslibet rebus distringere praesumat *excepto criminalibus causis*) [21*].

№ 7). Позднейшая формула «опроче татьбы и разбоя и душегубства» встречается уже в грамоте Иоанна Калиты (Там же. № 4—1338—1340 гг.).

20* В трех *белозерских* грамотах (1437, 1438, 1450 гг.) игумен судит своих людей «опричь одного душегубства» (ААЭ. Т. 1. № 31, 36, 47). То же в *угличских* грамотах 1414 и 1440 гг. (Там же. № 19, 37; АЮБ. № 31, IV); но в угличской же грамоте, позднейшей (1486 г.), вместе с душегубством изъемлется из вотчинного суда также «разбой с поличным» (ААЭ. Т. 1. № 119). Иногда князья одновременно различным монастырям предоставляли различные судебные права; иногда по каким-то особым соображениям одному и тому же монастырю одновременно давали различные права на разные земли. Так, *белозерский* князь в двух грамотах, данных им в 1435—1447 гг. Кириллову монастырю, дает право суда без ограничений, а в третьей, данной тому же монастырю в те же годы, включает оговорку: опричь душегубства (РИБ. Т. II. № 21, 22, 23). Грамоты 1397—1432 гг., данные игумену Кириллу,— две без ограничений, две с ограничением: опричь душегубства (Там же. № 8, 9; № 6, 15). В грамоте, данной преемнику игумена Кирилла Христофору,— уже полное ограничение суда: «Опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным» (Там же. № 12). Между тем в грамоте, данной около того же времени тем же можайским и белозерским князем другому, Троице-Сергиеву монастырю, нет никаких ограничений права суда (ААЭ. Т. 1. № 38—1443 г.). В *нижегородских* грамотах весьма рано, в 1410—1417 гг., находим полное ограничение (Там же. № 17, 18). О *московских* грамотах см. ниже, § 61.

21* *Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. S. 454, 457. Ср.: *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 379—380.

Вайц не соглашается с мнением, что уголовные дела лишь с течением времени, с усилением королевской власти при Карле Великом, были изъяты из ведения землевладельцев. Он полагает, как и некоторые другие историки, что постановления Карла выражали собою практику, действовавшую с древнейшего времени, с эпохи Меровингов.

Если это мнение правильно, то в таком случае следует признать, что русский иммунитет в XIV столетии имел больший объем и большее значение, чем иммунитет времени Меровингов. Заметное по русским грамотам XIV—XVI вв. постепенное ограничение судебных прав вотчинников убеждает нас, что в древнейшее время вотчинники вообще так же, как в Тверском княжестве еще в XIV и XV вв., пользовались правом судить своих людей по всем делам — как гражданским, так и уголовным. Можно заключить по аналогии, что и на Западе при Меровингах объем власти вотчинных судей был шире, чем в позднейшее время и что — так же как у нас в XV—XVI вв. — он был ограничен исключением из его ведения криминальных дел при Карле Великом, с усилением центральной государственной власти [22*].

§ 59. Податные привилегии

От судебных привилегий иммунистов я перейду к их привилегиям податным. Сравнение русских и западных иммунитетов со стороны их податных привилегий не представляет затруднений, так как в этом отношении западные дипломы столь же ясны и определенны, как и русские жалованные грамоты.

Королевские дипломы так же, как наши княжеские грамоты, большею частью совершенно освобождают население монастырских земель от платежа каких бы то ни было податей, пошлин или повинностей. «Ни один из наших чиновников да не вступит на эти земли для производства каких-либо взысканий, для сбора налогов, которые до этого времени взимались в казну» [23*].

[22*] Laferrière [75] и Walter [76] полагают, что и при Карле Великом церковный суд простирался на уголовные дела. И действительно, капитулярий 803 г. постановляет: «Ut habeant ecclesiae eorum justitias, *tam in vita illorum,* qui habitant in ipsis ecclesiis, quamque in pecuniis et substantiis eorum [Чтобы церкви имели право, касающееся как жизни тех, *кто живет в этих церквах,* так и денег и имущества их (лат.)]» (*Waitz* G. Op. cit. Bd. IV. S. 455, Anm. 10).

[23*] Nulla judiciaria potestas... ad aliquid exactandum ingredi audeat [Никакая судебная власть... ни для какого сбора въезжать да не дерзает] (диплом 635 г.)... quidquid fiscus undecunque poterat sperare (exactare) [на какой бы то ни было налог с чего бы то ни было не мог бы надеяться (претендовать) (лат.)] (Formulae Marculfi Lib. I. N 3 // MGH. Legum sectio V. Hannoverae, 1882 (диплом 716 г.); *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 392). Соответствующие выражения из грамот Карла Великого см.: *Waitz* G. Op. cit. Bd. IV, S. 302, Anm. 2.

Нередко при этом король прямо поясняет, что он уступает монахам все то, что раньше взималось с монастырских людей в пользу казны [24*]. Иногда же, устраняя чиновников от сбора налогов в монастырских владениях, король постановляет, что взамен обычных налогов аббат должен вносить в казну известную сумму денег за своих людей [25*]. В этом случае монастырские люди не освобождались собственно от податей, но они, согласно основному принципу иммунитета, безусловно освобождались от податной ответственности пред общими властями. Королевские чиновники (judices) во всяком случае отстранялись от сбора налогов; аббат взыскивал налоги по своему усмотрению и отвечал за своих людей перед королевским фиском.

Совершенно такие же порядки устанавливаются русскими грамотами удельного периода. Монастырские люди большею частью безусловно освобождаются от уплаты каких бы то ни было налогов. «Тем людем ненадобе им моя дань, ни иная никоторая пошлина»,— кратко и определенно постановляют можайские и белозерские князья (в начале XV в.) [26*]. Обыкновенно же грамоты, указывая. что с монастырских людей слагаются всякие подати (дани), пошлины и натуральные повинности, перечисляют для примера налоги разного рода: «Тем людем ненадобе моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни иная никоторая пошлина» [27*].

24* In luminaribus sancti ecclesiae... per manu agentium eorum proficiat in perpetuum [В светильниках святой церкви... рукой служителей ее да приумножается вечно (лат.)] (Formulae Marculfi. Lib. I. № 3). Большая часть дипломов говорит лишь об устранении королевских чиновников от сбора налогов на монастырских землях, но, как поясняет Вайц, эту статью надо понимать в смысле полного освобождения монастырских людей от налогов (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 312, 313).

25* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 394.

26* РИБ. Т. II. № 6—9 (1397—1432 гг.), № 22 (1435—1447 гг.); ААЭ. Т. 1. № 47 (1450 г.).

27* РИБ. Т. II. № 21 (белозерская грамота 1435—1447 гг.). Подобный же текст см.: ААЭ. Т. 1. № 38 (1143 г., Можайск). Тверская грамота 1361—1365 г.: «Ненадобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осьмничее, ни иные которые пошлины, к городу, ни к волостям,... ни служба, ни дело княже» (ААЭ. Т. 1. № 5). Московская грамота 1338—1340 гг.: «Дал есмь им волю, ненадобе им потягнути ни к городу, ни в которую дань, ни в подводы, ни в кормы, ни в стан, ни в которой протор» (Там же. № 4). Полное освобождение от налогов без указания срока льготы, кроме только что цитированных грамот: ААЭ. Т. 1. № 15 (1400 г., Ярославль); № 47 (1450 г., Москва); РИБ. Т. II. № 6—9 (1397—1432 гг.), № 22 (1435—1447 гг.); АЮБ. № 31, XIV (1463 г., Москва). В XV в. наряду с бессрочным освобождением от налогов весьма часто крестьянам духовных, как и светских землевладельцев дается свобода от податей лишь на известное время, большею частью на 10 лет, а также на 2—3 года, на 5 лет, реже — на 15—20 лет. См.: *Горбунов А. Н.* Указ. соч. Кн. 5. С. 39; *Милютин В.* Указ. соч. С. 228, и ниже, § 61. В этих же сочинениях см. в дополнение к приведенным выше цитаты из позднейших грамот, относящиеся к податным привилегиям.

Иногда наши князья так же, как короли франков, слагая с монастырских людей общие налоги, обязывают монастырь взамен того платить князю определенный ежегодный взнос — оброк: «Даст (игумен) оброку в мою казну на всякой год три рубля, а, опричь того оброку, ненадобе им никоторая моя дань... ни пошлина»[28*]. При этом, согласно указанному выше основному принципу иммунитета, княжеские данщики совершенно устраняются от сбора оброка и игумену предоставляется вносить деньги в княжескую казну помимо местных властей. Предоставляя братии Кирилловского монастыря платить за их слободки и деревни 10 руб. оброку-дани в год, белозерский князь говорит: «*А привозят то серебро сами* да отдают моему казначею, а даньщики мои в те их слободки и деревни к ним не въезжают, ни дани с них не емлют, ни писец мой их не пишет» (1468 г.)[29*].

Освобождая монастыри от общих постоянных налогов, князья нередко взыскивали с них чрезвычайные сборы, например татарскую дань; но и в отношении уплаты этих сборов монастырские люди также не были подчинены княжеским властям. «А придет моя великого князя дань неминучая, и *игуменья сберет сама дань* с тых людей, да пришлет к моей казне»; «А нам и тогда (как сказано в другой грамоте) не послати к монастырским людям ни по что»[30*].

Я не буду сопоставлять детально статьи русских и западных грамот, относящиеся к податным привилегиям и содержащие более или менее подробное перечисление податей и пошлин, слагавшихся с монастырских людей. Такое сопоставление дало бы материал для истории финансового права и администрации, но не для истории иммунитетов. Для иллюстрации близкого сходства русских и западных иммунитетных порядков вообще не лишним, однако, будет остановиться на некоторых из привилегий рассматриваемой категории, и прежде всего на освобождении иммунистов от *таможенных* и *торговых пошлин.*

Фюстель де Куланж различает три вида привилегий этого рода.

а) «Иногда,— говорит он,— король довольствуется тем, что запрещает своим чиновникам входить в привилегированные вла-

[28*] Угличская грамота 1434—1447 гг.: АЮБ. № 31, IV; ААЭ. Т. 1. № 28. То же, 1414 г.: ААЭ. Т. 1. № 19. РИБ. Т. II. № 15 (можайская грамота).

[29*] ДАИ. Т. 1. № 201. Это специально «оброчная» грамота, как она и названа в тексте ее; «оброк» в ней назван также «данью». Установив такой оброк, князья иногда по особой милости слагали его с монастыря (ААЭ. Т. 1. № 152—1509 г.).

[30*] ААЭ. Т. 1. № 35 (тверские грамоты: «Придет к нам коли из Орды посол силен, а не мочно будет его опровадити, ино тогда архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами...»). То же в нижегородской грамоте 1410—1417 гг. (Там же. № 17).

дения для сбора торговых пошлин (Nullus judex publicus ad thelonea exigenda ingredi audeat)». Наши князья точно так же запрещают сборщикам пошлин, «пошлинникам», «въезжать» к монастырским людям и объявляют, что этим последним «не надобе *ни мыт* (таможенные, заставные, проездные пошлины), *ни тамга* (торговая, с купли-продажи) [31*].

b) «В других случаях,— продолжает названный историк,— король освобождает иммуниста и всех его людей, чиновников и служителей, от уплаты каких бы то ни было торговых и проездных пошлин (личных или товарных) — *по всему королевству*» [32*]. Наши князья также давали такие льготы монастырям, хотя и не в столь неограниченной форме, а именно освобождая монастырских купчин от всяких пошлин при поездках их «сквозе княжение», чрез все княжество; они обыкновенно при этом указывали известный путь движения монастырских товаров, а иногда также число судов и возов для льготного провоза товаров [33*].

c) Третий вид рассматриваемых привилегий существенно отличался от только что указанных. «Король дарит монастырю или церкви право взимать в их пользу theloneum и все проездные пошлины, установленные в известном месте на дороге, реке или на мосту. В этом случае налог остается, но он переходит в частную собственность церкви или монастыря». Такие пожалования давали иногда монастырям и русские князья. Они предоставляли монастырям сбирать в их пользу «на воск и темьян» пошлины с торговых людей, установленные в различных местах за причал к берегу (побережное), за перевоз через реку, за привоз в город на продажу товаров (восмничее и померное) и т. п. [34*]

31* Например: ААЭ. Т. 1. № 34 («Который крестьянин монастырский продаст с торгу или в селе и он тамгу платит игумену»); *Горбунов А. Н.* Указ. соч. Кн. 5. С. 63 («И вы бы нынеча по старине на их людех на монастырских тамги и никаких пошлин не имывали и по селом бы есте по их не посылали поборов брати»). Специальное предписание таможникам 1465 г. см.: ААЭ. Т. 1. № 76; *Осокин Е.* Исследование о внутренних таможенных пошлинах в России. Казань. 1860; *Он же.* Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник, изд. Д. Мейером. Казань, 1855. С. 539 и след.

32* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 396.

33* «Что суды монастырские ходят торговлею, два павозка ходят на реку на Угру, по соль монастырскую, а два павозка ходят у них на Белоозеро по рыбу... ино им ненадобе с тех павозков давати по всей моей вотчине вел. княжения, во всех моих городех и в волостех, мыта, ни тамги, ни восминничее, ни весчее, ни побережное... ни иные им никоторые пошлины ненадобе, опричь церковных пошлин; также с их купчин монастырских и с их наймитов ненадобе никоторая пошлина» (1465 г.) (ААЭ. Т. 1. № 77. См. также: № 78, I, II, III; ДАИ. Т. 1. № 184 (1428—1434 гг., Тверь) и др.).

34* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 397; *Горбунов А. Н.* Указ. соч. Кн. 5. С. 59—63 («Лодьи, которые нибуди ходят на Белоозеро торговать, и они у них емлют пошлин восмничую с 1 р. по деньге, а с жита емлют померного с дву бочек по деньге... А сия пошлина придана Великому Воскресенью на воск на темьян»).

Вместе с освобождением от уплаты налогов, поступавших в королевскую казну, иммунисты получали также льготу от сборов, шедших в пользу местных властей. Королевские дипломы, между прочим, упоминают о том, что монастырские люди освобождаются от обязанности давать постой и продовольствие королевским чиновникам (neque mansiones neque paratas facere). Право чиновников останавливаться на постой и брать дорожное довольствие в монастырских селах было весьма обременительным для населения, и поэтому указанное постановление постоянно повторяется в западных дипломах.

В древнейших наших грамотах мы не находим вполне соответствующей статьи; тем не менее княжеские наместники, волостели, пошлинники несомненно не имели права постоя и продовольствия в привилегированных монастырских селах, так как они лишались вообще права въезжать в эти села и взыскивать здесь какие-либо выборы в свою пользу («ни кормов своих не емлют»). В грамотах же в XV в. появляются специальные постановления — такие же, как в западных грамотах, касающиеся права постоя. Нарушая монастырские привилегии, княжеские волостели «проездом ставились сильно у монастырских крестьян и кормы у них имали сильно»[35*]. Поэтому князья особо оговаривали в грамотах: «У тех людей монастырских мои князи и бояре и дети боярские и всякие ездоки не ставятся никто, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют»[36*]. «*Не ставятся, ни кормов не емлют*» — это русские перевод статьи «*mansiones neque paratas facere*». Совпадение маловажное, но любопытное. Подобные сходства постановлений русских и западных грамот не относятся прямо к моей задаче, но я отмечаю их как любопытные черты общих России и Западу древнего времени условий жизни, общих порядков управления.

Укажу, между прочим, еще одно совпадение такого рода, мелкое, но характерное. Освобождая монастыри, кроме налогов, также от натуральных повинностей, как франкские короли, так и русские князья при этом иногда оставляли за ними обязанность исполнять некоторые повинности, особенно важные по обстоятельствам времени. В каролингской монархии, например, привилегированные монастыри обязывались иногда участвовать в постройке мостов для общественных надобностей, у нас — в сооружении крепостей[37*]. За некоторыми монастырями у нас

[35*] ААЭ. Т. 1. № 61 (1457 г.) (о митрополичьих крестьянах).

[36*] АЮБ. № 31, XIV (1463 г.); ААЭ. Т. 1. № 51 (1453 г.); № 89 (1471—1477 гг.). Особые грамоты по этому предмету см.: ААЭ. Т. 1. № 96, 98 (1473 г.). По грамоте 1457 г., монастырские крестьяне должны были таких ездоков к себе «*не пускати и бити*» (ААЭ. Т. 1. № 61). «Также проездным судом (проездом по судебным делам) наместники мои к ним не ездят, ни корму у них проездного не емлют» (ААЭ. Т. 1. № 37 (1440 г.), № 131). См. также: *Ланге Н. И.* Указ. соч. С. 77, 78.

[37*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 315; АЮБ. № 31. С. 94.

сохранялась при общем освобождении их от податей специальная ямская повинность — «татарский ям». Такое же изъятие из общих податных льгот находим в одной из грамот, данных Сен-Бертинскому монастырю; грамота эта 682 г. освобождает от повинностей всех людей монастыря, за исключением тех, которые отправляют ямскую повинность, поставляют повозки (praeter illos mansos, unde carpenta (opera carraria) exeunt) [38*].

§ 60. *Условия пожалования иммунитета*

Как видно из вышеизложенного, русский и западный иммунитеты представляют несомненно один и тот же институт по существу и объему составляющих их прав и преимуществ. Продолжая сравнение иммунитетных хартий с жалованными грамотами, мы обнаружим любопытные черты сходства в условиях пожалования иммунитетных привилегий на Западе и в удельной Руси.

«Иммунитет,— говорит Фюстель де Куланж,— никогда не представляется в виде права церквей. Он всегда — милость, beneficium. Он проистекает единственно из доброй воли короля (ex nostra indulgentia, ex nostra munificentia). Редакторы актов намеренно умножают выражения, которыми они обозначают собственную инициативу короля и его добрую волю даровать милость. Часто король указывает как на повод пожалования на свое благочестие или заботу о своем спасении... Иммунитет всегда, по общепринятой формуле, не что иное, как милость».

Эти слова всецело приложимы и к русским иммунитетам, конечно не светским, а церковным и монастырским. Дарование иммунитета определилось на Западе словом «*beneficium*», у нас — тожественными выражениями *милостыня, пожалование*: «Се милостыня князя великого Василия Михайловича и его братаничев... церкви святой богородицы Отроча монастыря»; «Дали есмя с милостыню»; «А кто нибуди чрез сие наше пожалование... возьмет что хотя малое на монастырских людях» [39*].

Короли франков говорят в дипломах, что они даруют привилегии «ради имени господа и спасения нашей души» (propter nomen Domini et animae nostrae remedium). В тверской грамоте находим почти буквальный перевод этих слов: «Се... бога деля и своего ради спасения пожаловали есмя». В другой грамоте тверской князь дает льготы Сретенскому монастырю «милости ради Устретенья и своего ради спасения» [40*].

[38*] АЮБ. № 31, XIV (1463 г.); *Guérard B.* Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin. P., 1841. P. 28 (privilegium a. 682).

[39*] ААЭ. Т. 1. № 35 (жалованная грамота тверского князя Бориса Александровича, 1432—1461 гг.); № 5 (подтверждение грамоты 1361—1365 гг.). Милостыня дается здесь, кроме того, «на память преставльшимися от его жития роду нашему, а нам пребывающим в житьи сем за вздоровие».

[40*] Та же формула в нижегородской грамоте (подтверждение 1418 г.): «Ми-

Тверские грамоты отличаются от всех других своею многоречивостью и поэтому ближе всего подходят к западным грамотам, которые обыкновенно писались витиеватыми, хотя и нескладными, латинскими фразами. Обычная редакция наших грамот отличается чрезвычайной сжатостью. Но в этих грамотах краткой редакции мы также встречаем признаки указанных условий пожалования иммунитета. Церковный иммунитет рассматривается в них всегда как милость, *пожалование* — *beneficium*... «Се яз, князь великий *пожаловал* есмь архимандрита с братьею» — таково обычное начало грамот, которые поэтому и назывались «жаловальными» и «жалованными»[41*]. В этих грамотах мы не встречаем указанного выше мотива пожалования — заботы о вечном спасении, но находим другой мотив, который также весьма часто приводится в западных дипломах: почтение к святому месту, уважение к монастырю, которому дается иммунитет (reverentia sancti loci)[42*]. Эта reverentia выражается в указании на то, что льготы жалуются архимандриту с братьею ради того святого, или того священного события, в честь коих построен монастырь: «Святые деля Благовещенья», «святые деля Троицы», «пречистые ради милости» и проч.[43*]

На какой срок имело силу пожалование иммунитета? было ли оно преходящим или постоянным? — спрашивает Фюстель де Куланж и в ответ указывает на противоречие между практикой и заявлениями королей в дипломах. «С одной стороны,— говорит он,— мы видим, что дипломы наполнены выражениями, указывающими на неотъемлемость, постоянство пожалования: „Мы желаем, чтобы наше пожалование навсегда было на пользу церкви (ecclesiae proficiat in perpetuum), чтобы наше постановление оставалось в силе при всех последующих королях..." Но, с другой стороны, ряд дипломов показывает нам, что пожалования возобновлялись с каждым поколением. Едва ли можно сказать, что это делалось по строгой обязанности, но несомненно, что таков был обычай»[44*].

лости ради св. Спаса и преподобного Еуфимия молитвы и своего ради спасения, се яз пожаловал» (АИ. Т. 1. № 25). «Своего ради спасения» — в белозерской грамоте 1468 г. (ДАИ. Т. 1. № 201).

41* Из множества сохранившихся жалованных грамот только в одной дарование иммунитета рассматривается одновременно как пожалование и как договор: «Се яз князь Василий Давидович Ярославский *докончал есмь* с архимандритом с Пименом про дом Святого Спаса, по деда своего грамоте *пожаловал есмь*, что людей Святого Спаса в городе и в селах *урекл есмь*»... (Василий Давидович умер в 1345 г.) (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. IV. Примеч. 328). Та же грамота по позднему списку: *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. I. № 1.

42* *Guérard B.* Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin. P. 315 (a. 691); *Idem.* Cartulaire de l'abbaye de Saint Pére de Chartres. P.. 1840. P. 82 (a. 985).

43* *Горбунов А. Н.* Указ. соч. Кн. 5. С. 11.

44* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 362—363.

То же противоречие между постановлениями грамот и жизненной практикой находим мы и в удельной Руси. Тверские князья в неоднократно цитированной нами грамоте объявляют: «Дали есмя сю милостыню... монастырю неподвижно, никаким делом не порушити нам сея милостыни, ни нашим детям, ни нашим внучатом» [45*]. В других грамотах читаем: «А то есми дал им грамоту не в отъимку и в прок, ни мои дети не отъимают у них тое грамоты»; или: «Дал есмь им грамоту въвеки».

Льготное пожалование является, таким образом, по прямому смыслу грамот неотъемлемым, постоянным, *прочным*. И, несмотря на это, пожалования возобновляются, подтверждаются с каждым новым поколением князей. Подтверждения грамот стали обычаем: без подтверждения грамота как бы теряла свою силу. Тверской князь Василий Михайлович, давая грамоту тверскому Отрочю монастырю, запретил нарушать ее своим внучатам. Тверской монастырь, однако, через 70 лет счел необходимым выхлопотать себе подтверждение грамоты от внука этого князя, Бориса Александровича (около 1440 г.) [46*]. Грамоты, данные Троице-Сергиеву монастырю, возобновлялись три раза в течение полувека [47*]. Иммунитет, данный Сен-Бертинскому монастырю, был возобновлен восемь раз на протяжении одного столетия. В древнейшее время жалованные грамоты у нас совершенно так же, как и на Западе, при подтверждениях обыкновенно переписывались от имени нового князя. Западные короли при этом указывали прямо, что они подтверждают привилегии, дарованные их отцами и дедами. Русские князья так же давали грамоты, «по отца своего грамоте», «воззрев в грамоту, в жалованье бабы своея... и отца своего грамоту» [48*]. Впоследствии у нас установился упрощенный порядок подтверждения грамот. Они не переписывались, а только подписывались на обороте» [49*].

[45*] Эти слова имеются в грамоте 1461 г., представляющей собою подтвердительную копию грамоты 1361—1365 гг. По всей вероятности, они имелись также и в не дошедшем до нас конце грамоты 1361—1365 гг. (грамоты 1461 и 1361—1365 г. тожественны до слов «занеже дали есмя сю милостыню») (ААЭ. Т. 1. № 5, 34).

[46*] ААЭ. Т. 1. № 34. Год написания этой подтвердительной грамоты неизвестен, но она относится, по всей вероятности, к первым годам княжения Бориса Александровича, вступившего на престол в 1437 г.

[47*] Грамоты, данные Иоанном III в 1488 г., подтверждаются Василием III в 1506 г. и Иоанном IV в 1532 г. (ААЭ. Т. 1. № 124; ср. № 131 и др.).

[48*] См.: *Горбунов А. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 11—12. Особенно характерно начало грамоты Ивану Петелину (ААЭ. Т. 1. № 46). Западные дипломы в этом пункте отличаются от наших грамот только своим велеречием (ср.: *Guérard B.* Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin. P. 34).

[49*] Перечисление случаев подтверждения грамот, начиная с Ивана III, см.: *Милютин В.* Указ. соч. С. 176—186. Особую форму подтверждения с царствования Алексея Михайловича см.: Там же. С. 207, 208. Прил. 851.

§ 61. Иммунитет светских землевладельцев

В предшествовавшем изложении я цитировал преимущественно жалованные грамоты монастырям. О жалованных грамотах светским землевладельцам необходимо вести речь особо, ибо для оценки значения русского иммунитета весьма важно показать, что он отнюдь не был исключительно или преимущественно церковным учреждением.

Монастырские жалованные грамоты сохранились в несравненно большем количестве, чем грамоты, данные светским вотчинникам. Все дошедшие до нас древнейшие жалованные грамоты XII—XIV вв. принадлежат монастырям; древнейшая известная нам грамота, данная светскому вотчиннику, относится к 1419 г. Но из этого никак нельзя делать заключений о позднем возникновении и малой распространенности светских иммунитетов. Древние грамоты и древнейшие в особенности сохранились вообще в немногих случайных образцах. Монастырских жалованных грамот сохранилось больше только потому, что монастыри лучше берегли свои архивы.

На Западе совершенно так же, как у нас, монастырских иммунитетных дипломов сохранилось несравненно больше, чем светских; древнейшие дипломы VII в. там также дипломы монастырские. Но на Западе возможность всяких ошибочных заключений из этого обстоятельства предупреждает известный сборник формул Маркульфа конца VII в., в котором наряду с образцом монастырского иммунитетного диплома помещен образец такого же диплома светскому землевладельцу [50*].

Точно так же и в Сербии льготные грамоты — хрисовулы, данные монастырям, имеются и от XIII, и от XII столетий; хрисовулы же светских вотчинников-властелей относятся к более позднему времени — второй половине XIV столетия. Но отсутствие древнейших хрисовулов властелям не помешало историкам сербского права установить положение, что властели и в древнейшее время пользовались иммунитетом наряду с монастырями, что хрисовулы выдавались им и ранее XIV столетия, но не сохранились до нашего времени. «Причина исчезновения большей части хрисовулов властелям и городам,— говорит проф. Т. Флоринский [77],— весьма понятна: документы могли сохраниться в большой полноте только там, где их сберегали, а такие условия представляли главным образом монастырские ризницы...» [51*]

Русских жалованных грамот светским вотчинникам до последнего времени было известно очень немного. Проф. Сергеевич

[50*] Formulae Marculfi. Lib. I. № 14.
[51*] *Флоринский Т.* Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888. С. 27.

насчитал их в 1890 г. только 19[52*]. Отметив полную случайность сохранившихся грамот, В. И. Сергеевич полагал, что «пожалования составляли общее правило, а не исключение». «Среди пожалованных,— говорит он,— встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с „вичем“, имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней?»

Это предположение оправдала недавняя находка г-на Юшкова[78]. Из дел Московского архива Министерства юстиции г-н Юшков извлек целый клад древних грамот в копиях конца XVII в., представленных в палату родословных дел, и в том числе множество жалованных грамот, несудимых и льготных, светским вотчинникам и помещикам. К двум десяткам с небольшим грамот этого рода, известным до последнего времени, прибавилось сразу еще 58; из них 16 — XV в. и 42 — первой половины XVI в. (до 1554 г.)[53*]. Для изучения древнейших форм русского иммунитета эти грамоты дают мало нового, но они очень ценны в своей совокупности, показывая, что светские иммунитеты в удельной Руси были распространены отнюдь не меньше, чем церковные.

Привилегии светских землевладельцев ничем не отличались от привилегий монастырей и духовенства. Жалованные грамоты тем и другим писались по одним и тем же образцам. Объем судебных и податных преимуществ равномерно колебался для светских и церковных вотчинников.

В XVI в. права вотчинных судей, как мы говорили, были уменьшены: светским вотчинникам так же, как монастырям, предоставлялось право суда только по делам гражданским: «опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным». В XV же веке им обыкновенно предоставлялось судить всех людей также и по делам уголовным, кроме дел о смертоубийстве: «опроче душегубства» или «опричь одного душегубства»[54*]. Насколько можно

[52*] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 329—330. Н. Ланге насчитал 23 лица, получившие право вотчинного суда в XV—XVI вв. К светским вотчинникам он присоединил и двух инокинь, получивших право суда в качестве вотчинниц независимо от их монашеского звания, а также помещика Б. Бороздина (1505 г.) (*Ланге Н. И.* Указ. соч. С. 101—109). Оба названных исследователя упускали из виду жалованную грамоту Сенке Писарю 1441 г. (*Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843. С. 21), а также рязанскую жалованную грамоту Григ. Дм. Кобякову 1419 г. (*Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 216. Прил. № 5).

[53*] *Юшков А. И.* Указ. соч. В числе этих грамот, сохранившихся в неисправных списках, есть несколько сомнительных, но таких немного (*Лихачев Н. П.* По поводу Сборника А. Юшкова // Сборник Археолог. ин-та. СПб., 1898. Кн. 6).

[54*] Грамоты Гридке Свиньину (1434 г.), Сенке Писарю (1441 г.), Марье Копниной (1449 г.) см.: *Юшков А. И.* Указ. соч. № 9; *Иванчин-Писа-*

судить по сохранившимся грамотам, право суда в столь широком объеме предоставлялось в Московском княжестве только в первой половине XV в. и постоянно ограничивалось одними делами гражданскими со второй половины того же столетия [55*]. Ввиду случайности дошедших до нас грамот соображения о постоянстве этих ограничений не могут быть, однако, вполне достоверными. Как видно из жалованной грамоты князьям Козловским 1510 г., московские государи даже в начале XVI в. предоставляли знатным вотчинникам право суда в полном объеме «опричь одного душегубства» [56*]. Но что у московских князей вообще было стремление ограничивать объем вотчинной юрисдикции, видно из следующего факта. В 1441 г. великий князь Василий Васильевич пожаловал вотчиннику Сенке Писарю (Семену Писареву) право суда по делам гражданским и уголовным, за исключением одного душегубства. Иоанн же III в 1464 г., подтверждая жалованную грамоту своего отца, исключил из ведения названного вотчинника, кроме душегубства, также дела о разбое и о татьбе с поличным [57*].

В других удельных княжествах, насколько можно судить по сохранившимся грамотам, иммунитетные привилегии ограничивались меньше, чем в Московском. В двух *белозерских* грамотах — 1455 и 1484 гг. — вотчинникам представляется право суда по всем делам, кроме душегубства: «А судит и ведает Гридя свои люди в разбои, в татьбе с поличным, опрочь душегубства» [58*]. *Рузский* князь в 1498 г. предоставил Афанасию Елчанинову судить своих людей «опрочь душегубства» «и в разбое и в татьбе с поличным, промеж своих людей», но вслед за тем в 1502 г. изъял из его ведения дела о разбое, оставив только дела о татьбе с поличным [59*].

рев Н. Указ. соч.; ААЭ. Т. 1. № 44 («А наместницы мои коломенские и их тиуны... не судят их ни в чем опричь душегубства» — Сенке Писарю; Наместницы, волостели и их тивуни «не судят их, ни их людей ни в чем, опроче душегубства» — Марье Копниной).

55* Московские грамоты Алексею Краснослепу (1461 г.), Ларе Хотетовскому (1461 г.), Племянниковым (1462—1505 гг.), Сенке Писарю (1464 г.) см.: *Юшков А. И.* Указ. соч. № 14, 15, 20, 27. Грамоты Злобе Львову (1484 г.), Ивашке Глядящему (1487 г.), Дм. Бобру (1462—1472 гг.) см.: ААЭ. Т. 1. № 111, 120; АЮБ. № 31, XX.

56* *Юшков А. И.* Указ. соч. № 79, 80. Во всех других грамотах XVI в. так же, как второй половины XV в., постоянно встречаем ограничение: «опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным» (Там же. № 81, 82, 83 (1511 г.) и след.).

57* *Иванчин-Писарев Н.* Указ. соч. С. 125; *Юшков А. И.* Указ. соч. № 27; см. также: № 31 (1485 г.).

58* ААЭ. Т. 1. № 374, 379 (Афанасью Внукову 1455 г. и Гриде Степанову 1484 г.).

59* *Юшков А. И.* Указ. соч. № 42, 55. Такой же порядок установлен *волоцким* князем в 1505 г. (АИ. Т. 1. № 115). В других грамотах этого княжества 1462 и 1495 гг. изъемлются все уголовные дела: Конст. Елчанинову (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 25) и Орине Баламутовой (ААЭ. Т. 1.

Весьма интересна жалованная грамота *рязанской* великой княгини Аграфены боярину П. В. Верхдеревскому 1504 г. Великая княгиня освобождает людей своего боярина от подсудности местным властям по всем делам без изъятия. Вместе с тем она берет их всех под особое свое покровительство, объявляя, что по искам посторонних лиц они будут подлежать единственно личному суду ее, великой княгини: «А наместницы мои ростиславские и их тиуни и их доводщики к Павлу (Верхдеревского) в то село не въезжают, ни всылают ни по что, ни судят его людей. А кому будет до его людей дело, ино их сужу яз сама, великая княгиня» [60*].

Древнейшая известная нам грамота светскому землевладельцу написана в 1419 г. (рязанскому вотчиннику Григ. Дм. Кобякову) [61*]. Но одна жалованная грамота 1450 г. (*Ивану Петелину*) возмещает отчасти утрату таких грамот XIV в. Великий князь Василий Васильевич говорит в ней, что он пожаловал Ивана Петелина «по прадеда своего грамоте Ивана Даниловича», как и по грамотам стрыя своего (Семена Ивановича), деда и отца [62*]. Грамота великого князя Василия Васильевича, по-видимому, однако, не воспроизводит вполне текста древнейшего пожалования Иоанна Калиты. Право суда в ней ограничено изъятием дел уголовных. Только что указанное ограничение прав другого вотчинника, Семена Писарева, при подтверждении его льгот в 1464 г. дает основание заключить, что и в грамоте Ивану Петелину слова «опричь душегубства и татьбы с поличным» вставлены были в 1450 г. при подтверждении старой грамоты Иоанна Калиты.

Что касается *податных льгот*, то в этом отношении жалованные грамоты светским вотчинникам также не отличаются от грамот, данных церковным учреждениям. В нескольких грамотах встречается полное освобождение людей вотчинника от дани и всех пошлин и повинностей на неопределенное время: «И яз князь великий Ивашку пожаловал тем его половиною селом Глядячим со всем с тем, что к его половине изстарины по тому ж потягло: и кто у него иметь жити людей на его половине села Глядячего, и тем его людем ненадобе моя дань великого князя никоторая, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни явка, ни осминичее, ни свадебная куница, ни убрус, ни коня моего не

№ 132). В *кашинских* и *дмитровских* грамотах 1506—1507 гг. уголовные дела также исключаются (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 66, 67, 70).

60* Юшков А. И. Указ. соч. № 57. В ярославской грамоте начала XV в. вотчиннику Александру Рудину также предоставляется суд по всем делам без ограничений. К сожалению, эта грамота сохранилась в столь неисправной копии, что опираться на нее очень опасно (Там же. № 3).

61* *Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 217.

62* ААЭ. Т. 1. № 46. Жалованная грамота (неизданная) Михаилу Яковлевичу 1435 г. также ссылается на пожалование Иоанна Калиты (*Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 131, № 51).

кормят, ни сен моих не косят, ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в посошное: тако ж ни езов моих великого князя, ни поледнего не бьют, ни иные никоторые пошлины ненадобе; и наместницы мои муромские и их тиуны у Ивашка и у его людей кормов не емлют...» [63*]

В большей части сохранившихся грамот люди светских вотчинников освобождаются от налогов лишь на некоторое время — от 3 до 20 лет. Большею частью льгота эта дается только новым поселенцам для привлечения их на запустевшие земли вотчинника: «А отсидят те люди свои урочные лета и они потянут в мою дань по силе» [64*]. Такие же льготы на известный срок наряду с бессрочными весьма часто давались и монастырям [65*].

§ 62. Происхождение иммунитета

Фюстель де Куланж отказывается разъяснить, как возник иммунитет, и ограничивается только намеком. Он не находит возможным признать ни чтобы иммунитет был заимствован из римского права, ни чтобы он был исконным германским учреждением. Он берет его как факт, возникший из смуты VI в., постепенно развившийся затем и принявший законченные формы в VII столетии. Источник иммунитета — неограниченный произвол королевских властей. «В лице чиновника,— говорит Фюстель де Куланж,— население видит не покровителя, а грабителя, который обогащается на его счет; вот те обстоятельства, которые предшествуют иммунитету, окружают его и, может быть, рождают. Из этой именно среды он возникает» [66*].

63* ААЭ. Т. 1. № 120 (жалованная грамота Ивашке Глядящему, 1487 г.). В других грамотах с бессрочным освобождением от налогов перечисляются разные подати и повинности, но *дань* не упоминается: Ивану Петелину (1450 г.), Злобе Львову (1484 г.), Дм. Бобру (1462—1472 гг.) (ААЭ. Т. 1. № 46, 111; АЮБ. № 31, XX); Орине Баламутовой (1495 г.) (ААЭ. Т. 1. № 132, волоцкая); Конст. Елчанинову (1498 г.) (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 42, рузская); Ивану Суседу (1462—1492 гг.) (Там же. № 23, углицкая). Белозерский князь, освобождая людей Гриди Степанова от уплаты податей по земской раскладке, обязывает их платить дань: «Ино дают с тое деревни и с тех пустошей моему данщику Белозерскому, в мою дань по четверти» (ААЭ. Т. 1. № 379 — 1484 г.).

64* ААЭ. Т. 1. № 44 (1449 г.). В том же объеме дана была податная льгота Сенке Писарю в 1441 г. Другому московскому вотчиннику, Алексею Краснослепу, с 1461 г. дана льгота на 6 лет (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 14). Белозерский князь в 1454 г. освободил людей Афанасия Внукова от дани и пошлин на 20 лет (ААЭ. Т. 1. № 374). Отметим единственную в своем роде и сомнительную грамоту Ивану Кафтыреву 1424 г., в которой судебная льгота наряду с податной дается только на урочные годы (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 4).

65* См.: *Горбунов А. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 28—31.

66* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 353, 422.

Не отступая перед трудностью задачи, Вайц пытается объяснить происхождение иммунитета, но очень осторожно и довольно искусственно. Прежде всего он указывает на существование в Римской империи льготы от податей и повинностей. Они могли дать первое начало развитию иммунитета, но только первое начало, потому что иммунитет по существу отличается от обыкновенных податных льгот, давая землевладельцу не только льготы, но и важные права по отношению к его людям — право сбора налогов и право суда. Льготы от податей и повинностей, встречающиеся в Римской империи, «отсюда именно,— говорит Вайц,— вероятно, проникли к германцам и послужили исходным пунктом для своеобразного и важного развития». Дальнейшее развитие иммунитету дали частые пожалования частным лицам королевских имений. Эти последние «могли не платить никаких податей и не нести повинностей, так как доход с них и подати должны были поступать в одну и ту же кассу. Когда такое имение жаловалось кому-либо, то было естественно сохранить за ним те же льготы; но король пошел дальше и передал все свои права новому владельцу... Иммунитет в этом смысле уже не только льгота, но и право и не имеет более ничего общего с римскими отношениями, но объясняется единственно свойственным германцам смешением начал публичного и частного права» [67*].

Существенный исходный пункт гипотезы Вайца, разделяемый многими исследователями, заключается в предположении, что иммунитет ведет свое начало от королевских пожалований. Сначала короли давали иммунитетные права частным лицам при передаче им собственных своих королевских имений; затем начали жаловать те же права на всякие частные земли. Иммунитет, таким образом, в сущности, создан был волею верховной власти, причем общий законодательный акт заменен был длинным рядом отдельных частных актов — иммунитетных дипломов. Слабая сторона этой гипотезы заключается в том, что она не развязывает, а разрубает спутанный узел проблемы. Иммунитет является, по объяснению Вайца, созданием королей. Но мы знаем, что все важнейшие учреждения древности, к каковым несомненно принадлежит иммунитет, не создавались властью, а постепенно раз-

[67*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. II. S. 338—340. Маурер, возражая против мысли Вайца о происхождении иммунитета из податных льгот, справедливо указывает, что иммунитет «besteht ihrer Wesenheit nach nicht in einer Freiheit von Leistungen, sondern in einer mehr oder weniger grossen Freiheit von der öffentlichen Gewalt und von der öffentlichen Beamten. In den meisten Immunitätsprivilegien ist sogar von einer Freiheit von Abgaben und von anderen Laistungen gar keine Rede [заключается, по сути, не в свободе от служб, а в более или менее обширной свободе от публичной власти и от государственных чиновников. В большинстве иммунитетных привилегий даже и речи нет о свободе от даней и прочих служб (нем.)]» (*Maurer G. L.* Geschichte der Fronhöfe. Bd. I, § 96. S. 283).

вивались и что власть обыкновенно только закрепляла и оформляла обычное право.

Вторая слабая сторона этой гипотезы в том, что ей противоречат как всеобщность иммунитетных привилегий, так и их повсеместность — одинаковая распространенность во всех концах Европы. По актам более позднего времени видно, что иммунитетные привилегии принадлежат крупным землевладельцам по общему правилу. С другой стороны, мы видим, что иммунитет развился одинаково как у франков, так и у англосаксов, а также и у русских славян. Ввиду трудности вывести эту всеобщность и повсеместность иммунитета из королевских и княжеских пожалований остается допустить, что иммунитет возник независимо от них, что он составляет исконное обычное право крупных землевладельцев [68*]. Иммунитетные дипломы только закрепляли обычное право. Короли давали монастырям как милость то, чем исстари пользовались светские землевладельцы и на что и монастыри как землевладельцы имели право по обычаям древности. Они начали давать иммунитетные дипломы также и светским землевладельцам при пожаловании им земель, чтобы оградить их от притязаний графов. Стремление землевладельцев укрепить свои обычные права королевскою хартией создало обыкновение выдачи иммунитетных дипломов на все вновь приобретенные ими или расчищенные в лесу имения (заимки — aprisio).

Что иммунитет существовал ранее королевских пожалований, что он составлял исконное обычное право крупных землевладельцев вообще или только королевских дружинников, это мнение разделяется многими историками, преимущественно немецкой школы. Так, Цёпфль [80], указывая, что иммунитетные права в позднейшее время приобретались по королевским пожалованиям, видит в них старый обычай и в подтверждение этого ссылается на английские законы XI в. короля Эдуарда Исповедника, в которых иммунитетные права епископов и баронов названы consuetudines [69*].

Но как же возникли эти consuetudines? Признавая, что иммунитет составляет старый обычай, мы отодвигаем в более раннее время задачу происхождения иммунитета. Необходимо попытаться выяснить, как возник этот обычай или чем он был обусловлен. Историки, согласно признающие обычную древность иммунитета, весьма различно решают этот трудный воп-

68* При такой постановке вопроса теряет силу возражение Рота [79], сделанное им Эйхгорну: «Aber es giebt gewiss keinen gefährlicheren Schluss, als von dem späteren Zustand auf die Gleichheit der früheren [Однако, разумеется, было бы весьма опрометчиво на основании более позднего состояния делать вывод о сходстве состояний более ранних (нем.)]» (*Roth P.* Geschichte des Beneficialwesens. Erlangen, 1850. S. 118—119).

69* *Zöpfl H.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. 4. Aufl. Leipzig, 1872. Bd. I, § 41. S. 226.

рос. Цёпфль связывает происхождение иммунитета с исконной неприкосновенностью частного жилища, дома и двора, с правом убежища [70*]. Сначала-де для королевских властей был недоступен только дом и двор частного лица, затем для них стали недоступны и вся его земля, и жившие на ней его люди. Эйхгорн связывает иммунитет с особыми отношениями дружинников к королю и считает его преимуществом антрустионов [71*]. Наконец, Маурер видит начало иммунитета в исконной свободе крупных имений от общинных уз. Барский двор издревле пользовался свободой от доступа государственных властей и свободой от государственных судов. «И то и другое было необходимым следствием выхода из марковой общины и тесной связи, существовавшей между господином и зависимыми людьми», а также связанной с этим замкнутостью обитаемого ими округа [72*]. Вопрос о начале иммунитета далеко еще не разъяснен, но мне кажется, что ре-

[70*] Die Freilheit des Hauses, Asylrecht (Ibid. S. 224—225).

[71*] *Eichhorn K. F.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1818. Bd. I. § 47. S. 127, 128. Подобно этому Флак полагает, что дружинники, *верные* короля, принадлежавшие к его mundium'у, будучи непосредственно подчинены королю, освобождались от подчинения его чиновникам, иначе говоря, пользовались иммунитетом. Он думает, что еще в Галлии римского времени владения крупных собственников представляли «une potestas franche et libre, une terre inaccessible aux agents de la force publique... [владения вольные и свободные, территории, недоступные для агентов публичной власти... (фр.)]» со всеми иммунитетными правами и что mundium короля, а позднее иммунитетный диплом нужен был такому землевладельцу только для того, чтобы охранить его права от нарушений. «Le mundium accordé au grand proprietaire *protégeait* son immunité [Мундиум, предоставлявшийся крупному владельцу, *обеспечивал* его иммунитет (фр.)]» (*Flach J.* Les origines de l'ancienne France. P., 1886. T. I. P. 98—101).

[72*] «Auch wurde,— продолжает Маурер,— diese Immunität bereits zur fränkischen Zeit in den Immunitätsprivilegien von der öffentlichen Gewalt selbst anerkannt [Этот иммунитет и был признан уже во франкскую эпоху публичной властью под видом иммунитетных привилегий (нем.)]» (*Maurer G. L.* Geschichte der Fronhöfe. Bd. IV. S. 384). Ср.: *Маурер Г. Л.* Введение... § 83, 111. В той же «Geschichte der Fronhöfe» Маурер, несколько противореча себе, строго разграничивает «Immunität von der Feld- und Markgemeinschaft» и «Immunität von der öffentlichen Gewalt» [«иммунитет относительно общин» и «иммунитет относительно публичной власти» (нем.)] и ведет начало последнего от королевских пожалований. Так же как Вайц, он утверждает, что иммунитет, принадлежавший королевским имениям, распространен был на церковные и светские земли (*Weitz G.* Op. cit. Bd. I. § 101. S. 303—304). К. Лампрехт находит ложным мнение Маурера о происхождении иммунитета из свободы барских дворов от марковых уз. Но в то же время признает, что «die Markverbänden bestanden vor den lokalen Verbänden der öffentlichen Gewalt: *die Gerichts- und Heeresverfassung organisiert sich räumlich in den Marken* [марковые союзы существовали до территориальных союзов публичной власти: *судебная и военная организация территориально ориентирована на марки* (нем.)» (*Lamprecht K.* Deutsches Wirtschaftsleben... S. 282. Anm. 2; S. 1015, Anm. 2). Этот-то факт и является, по моему мнению, главной опорой гипотезы Маурера.

шение его надо искать в направлении, указанном Маурером, именно в отношениях вотчин к маркам-волостям.

Некоторую опору рассмотренному взгляду на иммунитет как на право, по обычаю издревле принадлежавшее крупным землевладельцам, дает факт существования иммунитета, по существу тожественного с западным, в удельной Руси. Русский иммунитет имеет некоторые особенности, но в этих особенностях, как, например, в порядках смесного суда, ярко выражаются основные начала института, менее определенно выраженные в западных грамотах. В то же время он не обнаруживает никаких признаков заимствования; напротив того, своим полным соответствием современному общественному строю свидетельствует о самобытном развитии.

В наших грамотах можно найти ценные указания на то, что права суда и дани с древнейшего времени составляли постоянную принадлежность крупного землевладения. В древнейшей, сохранившейся в пергаминном подлиннике жалованной грамоте великого князя Мстислава Владимировича 1128—1132 гг., село дается монастырю «с данию, с вирами и с продажами»: с данью и с судебными пошлинами, т. е. с правом суда[73*]. Права дани и суда не являются по этой грамоте предметом особого пожалования, но составляют как бы естественный придаток к праву собственности на село. Здесь, говоря словами Флака, «l'immunitè apparait comme un simple exercice du droit de propriété» [*]. Точно так же в XIV в. рязанский великий князь Олег Иванович дает Ольгову монастырю «Арестовское село с винами и с поличьным и с рязанькою, и с шестьюдесять и со всеми пошлинами, и с бортники, и с бортными землями, и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесьищи»[74*]. Судебные пени (вины и поличное), пошлины таможенные (резанка и шестьдесят), оброк (позем), промышленные угодья (бортные земли, бобры, перевесьищи) — все перечисляется подряд, все составляет одинаковую принадлежность села. Подобно этому в XV в. нижегородская княгиня дала «свое село Омуцкое святому Спасу в дом так, как было при моем князи и при мне, и с судом, и с татьбою, и с поличным, и с тамгою, и со всеми пошлинами»[75*].

[73*] ДАИ. Т. 1. № 2. Подобно этому, давали людей с правом суда над ними: «А се даю Святый Богородице и епископу прощеники, с медом, и с кунами, и с вирою и с продажами, и не надобе их судити никакому ж человеку» (ДАИ. Т. 1. № 4 — уставная грамота 1150 г.).

[*] Иммунитет представляется простым проявлением права собственности (фр.).

[74*] АИ. Т. 1. № 2 (1356—1387 гг.). Все эти пошлины и угодья перечислены в той же грамоте еще и в другом порядке; таможенные пошлины после перевесьищ и вслед за ними судебные.

[75*] АИ. Т. 1. № 29 (вскоре после 1425 г.). В данных грамотах на вотчины до позднейшего времени писали: «А пожаловал есми Василья (Алексеева) и сына его Ортема теми деревнями *в вотчину, и с судом,* опричь душегубства и разбоя с поличным, *впрок ему* и его детям» (1516 г.) (АЮБ.

Драгоценные указания на принадлежность светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву независимо от пожалований дает один судный список первой половины XV в., отчетливо являющий вместе с тем феодальные черты наших удельных бояр [76*]. Приведу целиком его начало:

«Си суд судил князь Михаил Андреевич. Тягался Лев Иванович и за свою невестку, и за своего брата Дмитрия Ивановича, с Игнатьем, старцем Кириллова монастыря. Тако рек Лев: жалоба нам, господине, на игумена на Трифона Кириллова монастыря и на его братью; *отнимают*, г-не, *у нас от суда да от дани в нашей отчине в Кистеме деревню* Михалевскую Гарькавого; *а та деревня из старины тянет судом* к нам; еще, г-не, отец наш Иван судил ту деревню и дань на ней имал, а после отца нашего судили мы ту деревню с своею братьею и дань на ней имали есмя».

Заявление истца, что спорная деревня *изстарины* была подвластна в отношении суда и дани кистемским боярам, никем не оспаривалось и даже было подтверждено представленной суду жалованной грамотой. Ответчик-игумен объявил, что спорная Михалевская деревня еще до перехода ее к монастырю была освобождена от суда и дани кистемских бояр. Деревню эту дал монастырю в дом Пречистые Богородицы чернец Арсений. Но еще дед и отец этого чернеца (Ондрей и Никита Кормилицыны) получили от белозерского князя Андрея Дмитриевича жалованную грамоту, в которой было сказано: «*Тое деревни белозерским наместником и кистемским бояром не судити ни в чем, ни дани с тое деревни не имати, ни всылати в ту деревню ни по что*». На основании этой грамоты князь-судья боярина Льва Ивановича обвинил, а игумена Трифона оправил и «придал ту деревню к Кириллову монастырю с судом и данью».

Б. Н. Чичерин и Ф. Дмитриев (автор «Истории судебных инстанций») давно обратили внимание на изложенную грамоту. Чтобы объяснить *изстаринные* права суда и дани кистемских бояр на их вотчину Кистему, они предположили, что эти права возникли из пожалования предкам их Кистемской округи в кормление, которое затем стало наследственным и «за давностию

№ 30, III; ААЭ. Т. 1. № 162). То же см.: вотчинная грамота князьям Козловским 1510 г. (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 80) и Дмитрию Мирославичу 1515 г. (ААЭ. Т. 1. № 160).

76* *Федотов-Чеховский А. А.* Акты гражданской расправы. Т. 1. С. 1. Раньше того, в 1855 г., она помещена была в статье: *Беляев И. Д.* Образцы списков докладных и грамот правых и бессудных // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1858. Кн. II, пол. 1. С. 130. Здесь время ее написания определено более правильно (1435—1447 гг.), чем Федотовым-Чеховским [81] (1403—1447 гг.). Князь Михаил Андреевич верейский и белозерский не мог судить этого суда раньше смерти своего отца Андрея Дмитриевича, умершего в 1435 г.

времени называлось уже вотчиною» [77*]. В принципе я никак не буду отрицать возможности превращения наместника-кормленщика в наследственного иммунитетного вотчинника. Такие превращения в удельной Руси могли случаться так же, как на Западе, где многие графы-правители-кормленщики превратились в наследственных собственников вверенного им округа управления. Но в данном случае гипотеза о кормлении представляется мне совершенно излишней. Зачем непременно предполагать, что всякий иммунитет исходит от пожалования князя в том или другом виде? Отчего не принять слов боярина Льва Ивановича в их прямом определенном значении: «Та деревня изстарины тянет судом (и данью) к нам»? Я не могу видеть в этих словах ничего другого, кроме довода в пользу предположения, что иммунитетные права происходят не из отдельных княжеских пожалований, а из общего обычного права [78*].

Я полагаю вместе с Неволиным, что жалованные грамоты только «подтверждали тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою и по общему правилу», что «в древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а, напротив, еще обширнее, чем они были во времена позднейшие. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась. При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином» [79*].

§ 63. Повсеместность иммунитета

В подтверждение гипотезы о самобытном происхождении иммунитета, о его естественном развитии из общих начал древнейшего общественного строя следует указать, как я уже говорил,

77* Чичерин, ссылаясь на рассматриваемую грамоту, говорит: «Наследственное кормление называлось иногда вотчиною и защищалось в суде против притязаний посторонних лиц» (*Чичерин Б. Н.* Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. С. 7). Дмитриев повторяет ту же мысль, говоря о нашей грамоте, что «из нее видно (?), что кормление могло принадлежать не только боярам, но их вдовам, одним словом, целой семье, точно так же, как всякое частное владение» (*Дмитриев Ф. М.* Указ. соч. С. 76). Д. Мейчик предполагает источник прав кистемских бояр в жалованных грамотах (?) или в молчаливом согласии князей (?) (*Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 18).

78* H. L. Bordier [82], излагая книгу Championnière [83], говорит о феодальном droit de justice: «Ā quelque époque qu'on remonte c'est toujours sur la coutume que s'appuie son existence, et son origine remonte ainsi au délà des temps féodaux» [праве суда: «В определенную эпоху, когда основывались, как правило, на кутюмах, поддерживающих ее существование, причем их возникновение также относится к феодальным временам» (фр.)] (Bibliothèque de l'ecole des chartes. 1847—48. T. VI. Sér. II. P. 216).

79* *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. II. С. 149, § 272. В. И. Сергеевич не высказывается по разбираемому вопросу. *Возникновение* иммунитетных привилегий он относит «*к самой отдаленной* древности», но в то же время замечает, что «привилегии воль-

на его повсеместность. Иммунитет развился одинаково не только во всех германских государствах Западной Европы, но равным образом во всех славянских государствах Европы Восточной. Чтобы не выходить за пределы моей задачи, я ограничусь здесь несколькими замечаниями об иммунитетных привилегиях в Литве, Чехии, Болгарии, Сербии и Византии.

В Литовско-Русском государстве судебный иммунитет имений дворянских (княжат, рыцарей, шляхтичей, бояр, местичей, а также прелатов) был подтвержден общей жалованной грамотой короля Казимира Ягелловича 1457 г. и его же литовским судебником 1468 г. Исконное право господ судить живущих на их землях людей по их взаимным тяжбам являлось столь бесспорным, что король Казимир не счел даже нужным подтверждать его. Судебник содержит в себе постановление только об *обчем суде* (или смесном, как он назывался в Руси), т. е. о суде между великокняжескими и господскими (князьскими, панскими или боярскими) людьми или между людьми разных господ. В случае спора между людьми разных господ истец должен «ехати искати права пред осподарем» ответчика, «а не уделает ли права, ино обчий суд». В случае спора между людьми великокняжескими и господскими обчий суд назначается только в том случае, если ответчиками являются эти последние; великокняжеского же человека судят наместники и тиуны без участия того пана или боярина, на земле которого живет истец [80*]. Это ограничение компетенции литовских обчих судов составляет единственное их отличие от русских.

Литовские князья в XIV и XV вв., жалуя земли монастырям или своим слугам, обыкновенно не оговаривали их иммунитетных привилегий или оговаривали их неопределенно: «А кого коли

ных слуг возникают *каждый раз* в силу особой жалованной грамоты» (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 328, 331).

80* АЗР. Т. 1. № 67. С. 81. В жалованной грамоте Казимира 1457 г. читаем: «А також на подданных предреченных княжат, рытерев, шляхтичов, бояр, местичов — децькых не дамы, олижь бы первей от пана, которому же тот поддан, который кривду чинил, правда пожадана была». Децкий посылается только в том случае, если господин не захочет судить дела (Там же. Т. 1. № 61: ср. тут же разночтения по списку Дялынского). Постановления эти, конечно, не составляли нововведения, как думает И. Новицкий [84] (*Новицкий И. П.* Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России в XV—XVIII вв. // Архив Юго-Западной России. Киев, 1876. Т. I. Ч. 6. С. 17—19). Тожество судебных привилегий русских с литовскими, за указанным в тексте ограничением, особенно ясно видно из следующей жалованной грамоты литовского великого князя Александра Киевской земле конца XV в.: 1) «врядник наш не мает слуг и людей князьских и паньских и боярьских ни судити, ни рядити, а ни вин, ни пересудов на них брати»; 2) «нижьли, коли з нашим чоловеком пригодиться князьскому або паньскому, а любо боярьскому право меть, ино тогда вряднику нашому судити его чоловека з его судьею»; 3) «а коли будет наш чоловек винен, ино з него нам вина, а коли князьский... ино вина тому чий человек» (АЗР. Т. 1. № 130).

испрячють людий к себе у том месте, у млина, тые люди дали есмо им *со всим правом*»; или: «Дали есмо тот двор... *со всим правом, и панством, и пожитком*» [81*]. Но в некоторых грамотах эти слова поясняются так: «Воеводы и наместники в людей его, рыцаря, и не мают уступовати, ни судити, ни рядити, он сам маеть свои люди судити и рядити» [82*]. Отметим также грамоту 1456—1471 гг., в которой иммунитетность имения подтверждается ссылкой на старину: «Ино, коли тое именье *из века боярское, а не тяглое*, и мы ему тое именье подтверждаем сим нашим листом» [83*].

Жалованные грамоты князей полоцких и мстиславских XIV—XV вв. по изложению и терминологии наиболее близки к грамотам Северо-Восточной Руси, некоторые даже ближе к московским грамотам, чем грамоты князей рязанских. В них мы находим совершенно определенные постановления об освобождении от даней и пошлин, от суда и управления наместников и тиунов, а также о смесном суде [84*].

Из русской Литвы перейдем на Балканский полуостров, и прежде всего в Болгарию. Хрисовулы болгарских царей XIII—XIV вв. интересны по определенности формул пожалования иммунитета. Доступ царским «владельцам» (севасти, прахтори, кефалии) — от высших управителей до низших сборщиков податей — в иммунитетное имение воспрещается по этим грамотам в следующих ярких выражениях: никто из царских чиновников «да не смееть насилиом вьлести в села и в люди того монастире... насилиом хлеба възяти, ни курета убити, ни ногою бъхма стати на дворе их, но въси да отгоними бывають и да отстоять далече явлениемь сего златопечатленного слова царства ми». Управители не должны «иметь области» над монастырскими людьми «ни до единаго власа» [85*]. Царь Константин Асень в хрисовуле второй половины XIII в. говорит: «Никотори владалец царства ми... да не има вьлести в село Речици, и ни судити ни связати, ни глобу взяти, ни кои доходок вьзяти... си взима церква»; «о всяком дльгу

81* АЗР. Т. 1. № 4 (1375 г. — жалованная грамота подольского князя Александра Кориатовича); АЮЗР. Т. 1. № 10 (1408 г.), № 37 (1502 г.), № 45 (1507 г.).

82* АЮЗР. Т. 1. № 33 (1500 г.) В этой грамоте также сказано: «Дали тое именье со всим правом и паньством».

83* АЗР. Т. 1. № 59 (грамота короля Казимира Луцкому ключнику).

84* АЗР. Т. 1. № 14 (грамота полоцкого князя — около 1399 г.); № 43, 82, 177 (грамоты мстиславских князей — 1443, 1468, 1483, 1499, 1511 гг.); АЮЗР. Т. 1. № 58; *Леонтович Ф. И.* Акты Литовской метрики. Варшава, 1896. Т. 1. вып. 1. № 21.

85* Грамота Иоанна Шишмана 1379 г. (*Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки Академии наук. СПб., 1879. Т. 34, кн. 2. Прил. № 4. С. 38). «От сих въсех да не имать власти никто испакостити, ни ногы поставити насилу в сия села» — 1348 г. (Там же. С. 32).

да судит игумень»; «кто ли се найде судив человеку святаго Георгия посилиемь, и отрока да обинит... связав без игуменева суда, буди на нем клятва божия» [86*].

Что касается до податных привилегий, то в болгарских хрисовулах подробно исчисляются все слагаемые с монастырских людей подати, пошлины и повинности.

Сербские хрисовулы XIII—XIV вв. отличаются от болгарских формулировкой пожалований. Постановления относительно податных привилегий совершенно определительны, так же как в только что рассмотренных болгарских грамотах. Сербские крали так же, как болгарские, как и германские государи, подробно исчисляют все налоги, от которых они освобождают монастырских людей. Податные привилегии давались обыкновенно в полном объеме: «От всех работ великых и малых и всякаго поданька» [87*]. Столь же определенны постановления о неподвластности монастырских людей королевским властям: «Да не има никто области над ними тькмо калоугерь, коего постави игоумень»; «никто да не метеха ни да обладаеть, ни кефалия, ни воевода, ни кнезь, ни севасть, никто же одь владущихь в землы царьства ми» [88*]. Что же касается судебных привилегий, то сербские короли говорят о них большею частью довольно неопределенно. Видно, однако, что дела, возникавшие между монастырскими людьми, как уголовные, так и гражданские, все подлежали суду игумена. Смесных судов, как кажется, в Сербии не знали; по крайней мере, в сербских хрисовулах на такие суды нет никаких указаний. Дела же, возникавшие между людьми монастыря и посторонними лицами, разрешались, по некоторым хрисовулам, королем, а также местными властями. Суду короля подлежали важнейшие дела, уголовные и некоторые другие; менее важные дела, по некоторым хрисовулам, подлежали суду игумена даже и в случае столкновения монастырских людей с посторонними лицами. Но пени, даже и по уголовным делам, шли в пользу игумена [89*].

86* *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 19, 20. Определение об уголовных делах не вполне ясно (Там же. С. 20).

87* Хрисовул 1349 г. Афонскому монастырю св. Пантелеймона: Акты русского на св. Афоне монастыря св. Пантелеймона. Киев, 1873. Подобные формулы см.: *Флоринский Т.* Указ. соч. С. 38, 39 и след. См. также: Там же. С. 47 («от всех работ и поданькь велихь и малихь»).

88* *Флоринский Т.* Указ. соч. С. 51; ср. с. 46, 91, 120 и след.

89* «И да им несть суда, разве предь кралем и предь икономом настоящим» (1335—1345 гг., пиргу св. Вознесения). «И кьдисе пре сами людие црковнии да имь никто не судии, разве игоумнь; а що се пре сь инеми людми за враждоу, за землю, за конь, за проводь, за идоу предь цара, а за ние соудове да идоу предь митрополита и предь игоумна» (Призренский хрисовул). «И що се учини вражда (убийство) мегоу црьковными людьми, да оузима црьков, такожде и девичь разбой. И що се пре црьковны людие на двороу кралевьства ми или предь иными людьми, или е роука, или е послухь, или о глоба (пеня) коя либо, да оузыма вьсе црьквь, рекше игоумень» (хрисовул Степана Уроша IV церкви в Хтетове). В греческом

В Сербии, как мы упоминали, наряду с церковным иммунитетом существовал и иммунитет светских землевладельцев. Об объеме властельских иммунитетных привилегий трудно судить за недостатком властельских хрисовулов и за неполнотою относящихся к этому предмету статей законника Стефана Душана. В сохранившемся властельском хрисовуле (Георгию Фокопулу, 1352 г.) мы, однако, находим основное постановление всех иммунитетных грамот: полное воспрещение королевским властям доступа в частное именье: «Никто из царских властелей или властеличичей да не посмеет войти в домы его или наложить свою хищническую и несправедливую руку на его имение» [90*].

Иммунитет вместе с некоторыми другими феодальными учреждениями развился также и в Византии в последний период ее истории. Редакция хрисовулов византийских императоров XI—XIV вв. в общем весьма близка к редакции сербских хрисовулов, особенно тех, которые были написаны по-гречески. Но византийские хрисовулы отличаются от сербских совершенной неясностью судебных привилегий. Освобождая монастырь от разнообразных налогов, поборов и всякого отягощения, императоры при этом обыкновенно оговаривают четыре статьи: убийство, деворастление (парфеноффория), находку клада и гуменный (житный) сбор. Из этой оговорки о том, что монастырские люди не освобождаются от уплаты пошлин и пеней за уголовные преступления, можно заключить, что они пользовались судебною льготой в отношении гражданских дел [91*]. Византийские хрисовулы по формулировке льгот отстоят от русских жалованных грамот еще дальше, чем «златопечатленные слова» королей болгарских и сербских. Характерная черта редакции всех южных хрисовулов, отличающая их от русских грамот,— это длиннейшие, благочестивые, витиеватые вступления. Одна из дарственных грамот Стефана Немани начинается буквально от сотворения мира: «Искони сотвори Бог небо и землю и человекы на ней и благослови е» etc., etc.[92*].

§ 64. *Значение иммунитета*

Фюстель де Куланж следующим образом рисует то громадное значение, какое имел иммунитет в государственных отношениях древности: «Частный собственник, лишив власти государственного

хрисовуле Стефана Душана 1346 г. люди монастыря освобождаются «от судебного следствия и решения» (*Флоринский Т.* Указ. соч. С. 39, 56, 71; *Зигель Ф. Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872. С. 73 (Призренский хрисовул) и вообще о судебном иммунитете) — с. 72—75).

90* *Флоринский Т.* Указ. соч. С. 142 (перевод греческой грамоты). Ср.: *Зигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 76—84 (о хрисовуле на остров Млет — 1357 г.).

91* О византийских хрисовулах см.: *Васильевский В. Г.* Материалы для истории Византийского государства // ЖМНП. 1880. Авг. С. 374 и след.

92* *Miklosich Fr.* Monumenta serbica. Viennae, 1858. N IX (1198—1199 гг.).

чиновника, стал безусловным господином над своими землями. По отношению к людям, свободным и рабам, живущим на его земле, он уже не только собственник, он делается тем, чем раньше был граф; в его руках все, что принадлежало государственной власти. Он — единственный глава, единственный судья, как и единственный покровитель. Люди его земли не имеют иного правительства над собою. Конечно, по отношению к королю он остается подданным, или, говоря точнее, верным; но у себя дома он сам — король» [93*].

Такими же феодальными «королями» были и русские иммунитетные землевладельцы. Внимательно изучив льготные жалованные грамоты, В. Милютин говорит: «Большая часть прав, предоставлявшихся духовенству, имели не столько гражданский, сколько политический характер. Поэтому и следствием их было образование из каждой монастырской или церковной вотчины особого полунезависимого и сомкнутого в себе мира, государства в государстве». Неволин столь же определенно характеризует объем и значение «чрезвычайно обширных прав», предоставлявшихся светским вотчинникам по жалованным грамотам: «На основании этих грамот поземельный владелец получал многие права державной власти и становился в своей вотчине как бы князем» [94*].

Державное значение иммунитета ярко выражается в порядке русских смесных судов: на этих судах вотчинник, как мы говорили, судит вместе с княжеским наместником как равноправный представитель власти. Политическое значение иммунитета зиждется на том, что он разрывает связь подданства между государем и населением. Государственное подданство заменяется подданством частному лицу — льготному вотчиннику. Западные акты противополагают епископских и монастырских людей королевским и графским так же, как наши грамоты игуменовых людей — наместничьим [95*].

Политическое значение иммунитета сильно изменялось в зависимости от фактических материальных отношений. В руках мелкого светского или духовного вотчинника, особенно при наличности сильной княжеской власти, политическое значение иммунитетных прав могло сводиться к нулю. Мелкого землевладельца право суда интересовало как право взимать в свою пользу судебные пошлины и пени. Не обладая достаточной силой власти, он далеко не всякого преступника мог заставить уважать свой авторитет и дорожил поэтому правом суда не как важной прерогативой, а как

93* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 419.
94* *Милютин В.* Указ. соч. С. 220 (ср. с. 244); *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. § 272. С. 148.
95* Aut regius, aut abbatialis, aut comitalis homo [либо королевский, либо монастырский, либо графский человек (лат.)] (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 320).

доходной статьей. Во многих грамотах мы встречаем особые постановления на случай, если игумен, пожалованный правом суда, «не похочет судити» какого-либо дела.

Напротив того, когда иммунитетными правами владел крупный землевладелец, они приобретали важное политическое значение. В XII в. рязанский Ольгов монастырь владел пятью волостями (погостами) с населением более чем в 1000 семей, т. е. в несколько тысяч душ. Этому монастырю предоставлены были иммунитетные права в полном объеме: княжеские волостели и наместники не смели въезжать в околицу его обширных земельных владений [96*]. Такой монастырь представлял собою для того времени крупную политическую силу и благодаря иммунитету действительно становился государством в государстве.

Проф. Ключевский метко указал в условиях колонизации Заволжского края основы разделения его на ряд мелких уделов: «Небольшие бассейны рек того края, Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы... представляли в XIV, XV веках недавно заселенные или только что еще заселявшиеся острова, открытые и сухие прогалины среди моря лесов и болот; ...эти речные округа и области служили готовым основанием для удельных делений и подразделений» [97*]. Та же самая географическая обособленность эпохи колонизации, усиливаемая экономической обособленностью господствовавшего тогда натурального хозяйства, служила опорой самостоятельности боярских вотчин. Обособленное, уединенное положение боярских владений в бассейне маленькой речки вдали от торных путей, вдали от стана княжеского наместника или волостеля давало особое значение и силу иммунитетным привилегиям, принадлежавшим боярину по древнему обычному праву или по особому княжескому пожалованию.

Кистемский боярин, владевший изстарины с правами суда и дани своей вотчиной Кистемой на Белоозере, ничем не отличался от мелкого служебного князя в том же Белозерском крае, князька кубенского или карголомского [98*]. Мелкие вотчинники Кормилицыны, владевшие, по купчей их бабки, в конце XIV в. деревней Михалевской в Кистеме, были подвластны в отношении суда и дани боярину Кистемской округи. Только особая княжеская жалованная грамота освободила их от власти боярина. Когда деревня

96* АИ. Т. 1. № 2.

97* *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 90—91.

98* Принизившееся положение мелких удельных князьков видно, между прочим, из их жалованных грамот. Бохтюжский князь (волость Бохтюга, к северу от Вологды в 40 верстах) в XV в., давая льготную и несудимую грамоту игумену Глушицкого монастыря, выговаривает себе, так сказать, ключничий доход: «А даст ми игумен корму со всех своих людей на Рождество Христово полоть мяса и десятеро хлебов; а на Петров день дадут мне десятеро хлебов да баран» (*Амвросий (Орнатский)* История российской иерархии. М., 1809. Ч. 3. С. 704—706).

перешла в монастырь, боярин Лев Иванович вновь заявил на нее свои притязания и начал судебное дело против игумена [99*].

Важное значение землевладельческого боярства удельного времени указано давно. Напомним о том руководящем влиянии, какое ростовские земские бояре имели в борьбе князей Ростиславичей, Мстислава и Ярополка, против Юрьевичей, братьев Андрея Боголюбского, после смерти последнего. Они действуют во время этой междоусобицы так же, как галицкие бояре-феодалы. Московские предания, несомненно отразившие историческую действительность, рисуют нам типичный образ могущественного боярина Степана Ивановича Кучки, который владел обширными землями по обоим берегам реки Москвы, на глухой в то время окраине Ростовской земли, «возгордился зело» пред князем Юрием Долгоруким и вел с ним вооруженную борьбу [100*]. В XIV в. бояре благодаря своим крупным земельным владениям приобретали такую силу, что становились опасны великим князьям. Боярин Алексей Петрович Хвост, московский тысяцкий, поднял крамолу против великого князя Симеона Гордого, был изгнан и лишен своих волостей и вслед за тем в княжение Иоанна II снова занял должность тысяцкого, несмотря на то что Иоанн клятвенно обещался брату Симеону не принимать мятежного боярина. Известный воевода Дмитрия Донского Федор Андреевич Свибл владел 15 селами со множеством тянувших к ним деревень. Великий князь Василий Дмитриевич подверг его опале и в своей духовной 1406 г. перечислил все конфискованные «села Свибловы» в числе главных своих земельных владений [101*].

Государственные права древнейших бояр на их вотчины хорошо характеризует жалованная грамота, данная новгородским боярином Василием Степановичем игумену Пенешского монастыря в 1450 г. Василий Степанович был в это время посадником новгородским, но грамоту эту он дал не как посадник, а как частное лицо. Написана она по образцу княжеских и великокняжеских грамот: «Ни прикащиком посадницим Васильевым, ни слугам, ни христианом не вступатись ни во что ж монастырское, ни оби-

99* См. выше. *Кистема-Кистгнема-Киснема* находилась на берегу Белоозера, близ реки Киуй. Князь Михаил Андреевич, присудивший Михалевскую деревню игумену Касьяну, впоследствии взял ее себе в 1448—1449 гг. (*Шумаков С.* Обзор грамот... С. 144). Ср.: ААЭ. Т. 1. № 377. С. 474 (описи земель Кирилло-Белозерского монастыря, 1413 и 1556 гг.); АИ. Т. 1. № 163. С. 301 (То же). В 1486—1505 гг. в Кистьнеме уже является ответственным лицом староста (ААЭ. Т. 1. № 73). В XVII в. упоминаются Киснемская пристань, Киснемские мыс и заповедные тони (ДАИ. Т. 7. С. 186, 278). Ср.: *Кистьма* в Бежецком Верхе (СГГД. № 42, II; ПСРЛ. Т. 11. С. 17).

100* Историческая основа сказания о боярине Кучке выяснена И. Беляевым (*Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М., 1888. С. 304—310).

101* СГГД. Т. 1. № 39; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1893. Т. 4. Кн. I. С. 1004, 1049 и др.

дети. А кто почнет вступатись или обидети... на того бог и св. Иоанн Богослов. А случится дело монастырскому человеку с посадницим человеком с Васильевым, ино судит игумен с посадницим с Васильевым прикащиком...» В другой подобной грамоте читаем: «А кунщики мои с тех селян кун не берут, и иных никоторых пошлин; ни прикащик мой к ним не въезжает»[102*]. Частные лица, таким образом, не только сами пользуются иммунитетом, но дают иммунитет монастырям, освобождая их от подчинения своим властям — приказчикам и кунщикам.

Последствием иммунитета на Западе, как известно, был захват крупнейшими землевладельцами верховной власти; иммунитет послужил опорой для узурпации суверенитета и для образования средневековых княжеств-государств. Этого последствия у нас иммунитет не имел. Ни один удельный боярин не превратился в князя-государя в собственном смысле слова. Но это произошло по совершенно случайной причине — вследствие быстрого размножения рода владетельных князей Рюриковичей. Род Каролингов рано угас. У нас же в момент назревшего разделения страны оказалось налицо множество потомков Всеволода Большое Гнездо. Для каждого обособленного округа находился князь — претендент с наследственными суверенными правами. Наследственные князья заняли у нас то место, какое на Западе заняли графы-управители и вотчинники, возвысившиеся до положения владетельных государей. Небольшие размеры уделов дали нашим князьям возможность упрочить свою власть и предотвратить узурпацию власти со стороны бояр. У нас так же, как на Западе, вследствие одинаковых причин земли неудержимо распадались, разделялись на мелкие, самостоятельные мирки. Но «окняжение» земли у нас в противоположность Западу предупредило ее «обояренье».

Глава вторая

ЗАЩИТА — ПАТРОНАТ

Различные формы защитной зависимости имели громадное значение в развитии феодализма. Рассматривая значение и видоизменение истории патроната со времени упадка Римской империи, историки феодализма, особенно историки-романисты, видят в нем одно из главных зиждущих начал перехода к феодальному порядку.

[102*] АЮ. № 110. VI. Ср.: Там же. № 10, VII (1470 г., грамота Ивана Васильевича (уже не посадника)). Так же жаловали иммунитет митрополиты; ААЭ. Т. 1. № 45, 105 (1476 г.). Ср. грамоту карголомского князька 1471—1475 гг. См.: *Дебольский Н. Н.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря // Вестник археол. и ист., изд. Петерб. Археол. ин-том. СПб. 1899. Вып. 13. № LXIII (пожалование деревни «с судом и с данью и со всеми пошлинами»); № LXVI (С. 30).

Одна из форм патроната, коммендация личная и земельная, имела большое значение не только в начальную эпоху образования феодализма, но не утратила его и впоследствии. Рост крупного землевладения в известной степени связан был с этой коммендацией. Различные формы защитной зависимости существовали и в последние века феодальной эпохи.

Особенное значение получает и патронат в его различных видах при воззрении на феодализм как на систему по преимуществу личных договорных отношений, отношений частного права. Вассальная связь при этом рассматривается также как одно из отношений защиты, так как по условиям вассального договора сеньер обещал своему вассалу помощь и покровительство (aide et assistance). И весь феодализм с этой точки зрения рассматривается, как, например, Соловьевым, как господство частных союзов защиты: раздробляя страну на множество почти независимых владений, феодализм этими союзами «связывает владельцев цепью собственно одних только нравственных отношений». В наше время подобная этой точка зрения на феодализм развита была в исследовании Флака[103*].

Существование у нас двух основных форм средневекового патроната, или защиты, коммендации личной и коммендации лица с землею, доказывается столь же твердо, как существование рассмотренного в предыдущей главе иммунитета. Вместе с этой коммендацией-закладничеством выясняется существование у нас и лежащего в основе коммендации мундебура.

I. ЗАКЛАДНИЧЕСТВО — КОММЕНДАЦИЯ

§ 65. Два понимания закладничества

Взгляд на закладничество как на коммендацию, как на защитную зависимость вполне определенно выражен был Соловьевым[104*]. «Во все продолжение древней русской истории,— писал он,— мы видим стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особыми правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность. Стремление это мы видим и в других европейских государствах в средние века». «Тяглый человек,— писал он в другом месте,— бежал от невыносимой тягости, укрывался, вступал в зависимость от частных сильных и богатых людей, чтобы найти в ней льготу и покровительство». Это явление «составляет характеристическую черту первобытных, неразвитых государств». «Здесь естественно стремление бедного, слабого входить в зависимость от богатого,

103* *Flach J.* Op. cit.
104* *Соловьев С. М.* История России... Т. 4. Кн. I. С. 1214—1215.

сильного, чтоб найти у них помощь и покровительство, найти защиту как от насилий других сильных, какой не может дать государство еще слабое, так и от требований самого государства». «Известно,— прибавляет Соловьев,— что так называемая феодальная система на Западе... основывалась на этом стремлении слабых войти в зависимость от ближайших сильных, с целью найти в них защиту и покровительство» [105*].

Соловьев много раз и в своей «Истории России», и в различных статьях касался закладничества и везде говорил о нем в том же смысле, как о вступлении в защитную зависимость. Но он везде ограничивался такой общей характеристикой существа закладничества и не нашел нужным его сколько-нибудь обосновать. Беляев сходно с Соловьевым говорил о закладничестве для «защиты и покровительства», но также не привел в пользу этого мнения никаких данных [85]. И в результате это объяснение не только не было принято нашими историками, но даже совершенно забыто; из последующих исследователей, писавших о закладничестве, никто не упоминает об этом мнении Соловьева.

Старое мнение о закладничестве как личном закладе, как о самозалоге, о залоговой зависимости по закладному контракту, высказанное впервые еще в 20-х годах, продолжало у нас господствовать до последнего времени. Историки, более или менее согласно, уверенно доказывали, что закладничество было сделкою залога, или личным закладом, или вещным закладом, или тем и другим вместе. Против Соловьева и Беляева в этом вопросе стоял согласный ряд до 20 исследователей, по преимуществу историков права: Карамзин, Рейц, Неволин, Мейер [86], Чичерин, Победоносцев [87], Ф. Устрялов [88], Н. Аристов [89], В. Милютин, Никитский [90], Костомаров, Ключевский, Сергеевич, Лаппо-Данилевский, Милюков и другие, высказавшиеся менее определенно или с чужих слов.

Это столь утвердившееся мнение не имеет, однако, за собой никакой опоры в источниках. Его исходным пунктом и в то же время главным аргументом было очень элементарное и всегда ненадежное объяснение древних терминов «закладываться» и «закладчик» по современному нам значению этих слов. Совершенно не имея в виду другого понимания этих терминов (укрываться, задаваться), исследователи были убеждены, что «закладываться» значило в древности «отдавать себя в залог» и что «закладчиком» назывался тогда так же, как в наше время, человек что-либо заложивший, отдавший в залог самого себя. В этом убеждении они не различали актов, касающихся закладничества, от актов, относящихся к залогу вещному и личному, хотя терминология тех и других весьма различна и очень выдержана в этом различии.

105* *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом // Собр. соч. СПб., 1901. С. 986—987.

§ 66. Закладываться-задаваться

«Точный смысл известных терминов в каждую эпоху очень поучителен для историка»,— замечает Фюстель де Куланж, который, изучая историю учреждений, так внимательно следил за историей слов. Ошибка в объяснении закладничества вся коренится в ошибочном понимании термина «закладываться», и достаточно восстановить истинное древнее его значение, чтобы наполовину выяснить вопрос и устранить возможность прежнего смешения узаконений, касающихся защиты, с одной стороны, и залога — с другой.

Глагол «закладываться» в древности никогда не употреблялся в приписываемом ему теперь смысле. В сочетаниях «заложиться чем-нибудь» и «заложиться за кого-нибудь» это слово значило: заслониться, укрыться, защититься, предаться на защиту.

В Ипатьевской летописи несколько раз находим это слово в смысле «заслониться»: заложиться ночью, лесом, рекою: «есть река у Любча и пришедше сташа, заложившеся ею»; «а еще стоить заложивъся лесом» [106*].

В актах XV—XVI столетий термин «заложиться за кого-нибудь» употребляется для обозначения государственного подчинения с тем же оттенком защиты, обереганья. Так, на соборе 1566 г. духовенство, рассуждая о захвате польским королем ливонских городов, говорило: «А достальные немцы, видя свое неизможение, заложилися за короля и со своими городы, и король те городы ливонские держит за собою в обереганье неподельно». Так, в 1471 г. митрополит Филипп, укоряя новгородцев, что они «отступают от господаря русского», писал: «И вы... за латинского господаря хотите закладываться». Точно так же казанский летописец писал: «Нагорняя Черемиса отступиша от них (казанцев) вся и заложися за московского царя».

Соответственно порядкам средневековья, когда государственное подчинение-подданство не отличалось, по существу, от соответствующего подчинения частному лицу, от дружинной службы ему и от защитной зависимости, термином «заложиться» пользовались равно для обозначения тех и других отношений. Так, в былине «заложиться за князя» — значит вступить в дружинную службу ему:

«Я поеду в славный стольный Киев-град
Помолиться чудотворцам киевским,
Заложиться за князя Владимира.
Послужить ему верой-правдою».

А в порядных и поручных грамотах XVI—XVII вв. «заложиться» — значит укрыться, уйти под защиту: «за князя или за боя-

106* Ипатьевская летопись под 6656, 6658, 6688, 6699 гг. (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 361, 412, 621, 673).

рина, или за дьяка, или за монастырь, или за какого сильного человека» не заложиться или «ни за кою державу не заложиться и не сбежать» [107*].

Что это выражение отнюдь не обозначало отношений личного заклада, это ясно видно из того, что во многих порядных и поручных слова «ни за кого не заложиться» заменяются выражениями «ни за кого не вытти, ни за кого не переходить, не сойти и не сбежати» (а в некоторых грамотах употребляются плеонастически все эти термины вместе: «Из за Вознесенского монастыря ни в дворец, ни за архиепископы, ни за церкви и т. д. не закладываться, и не поряжатися, и не сойти, и не сбежати»); этого не было бы, если бы существо закладничества состояло в закладном контракте, а не в выходе на привилегированную землю под защиту. Старому объяснению слова «заложиться» резко противоречат также встречающиеся в актах выражения: «за бояр и в посады не закладываться», «в холопство и во крестьянство ни за кого не заложиться», «из слободы в слободу не закладываться» — очевидно, в смысле «укрываться», а не отдавать себя в залог.

Наиболее близким по смыслу слову «закладываться» было слово «*задаваться*», правильное понимание которого не может быть извращено путем перенесения в древность позднейшего значения слова. Слово «задаваться» значило так же, как «закладываться», отдаваться под власть государя (в подданство), как и под власть частного лица; оно отличалось от соответствующего термина только тем, что не выражало оттенка укрывательства, защиты.

Словом «задаться» и противоположным ему «отъяться», так же как «закладываться» и «отступать», летописцы пользуются, рассказывая о подчинении князьям и отпадении от них областей: «А князь Василий Юрьевич поеха из Новагорода с Городища на Заволочье, и Заволочане *задашася за него* и крест к нему целоваша, а от Новагорода отъяшася» [108*]; или: «Двиняне за великого князя *задалися*». И точно так же, как слово «закладываться», соответствующее слово «задаваться» обозначает также и вступление во власть частного лица: «Во крестьяне и в бобыли ни за кого не рядиться и *не задаваться*»; или, как писали в новгородских поручных: «Ни в какие задачи не вытти».

Итак, «закладчики», люди, «заложившиеся в закладчики»,— это никак не люди, отдавшие себя в залог, а люди «задавшиеся», «заложившиеся», укрывшиеся «за сильного человека», за «его державу», отдавшиеся под его защиту. Закладчики — задавшиеся люди — это люди подзащитные, *люди заступные*, как иначе называет их один из правительственных актов середины XVII в. В Юго-Западной Руси их называли «*протекциальными людьми*».

В современном нам русском языке нет терминов, соответствую-

107* АЮ. № 304, III (1641 г.); № 309, II (1650 г.).
108* Новгородская IV летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 209.

щих по смыслу терминам «закладываться-задаваться» и «закладничество», потому что нашему времени чужды обозначаемые ими отношения. Соответствующие термины мы находим только на Западе в средние века, когда там существовал режим, одинаковый с нашим удельным порядком. Слово «задаваться» точно соответствует по смыслу термину «se commendare» (буквально — вручиться), так как он одинаково обозначает вступление в частную защитную зависимость. И слово *закладничество* не может быть переведено на современный русский язык никаким другим словом, кроме заимствованного из средневековой латыни термина «коммендация (commendatio)».

§ 67. Выдержанная терминология узаконений

В узаконениях XVII в., касающихся закладчиков, в Соборном Уложении 1649 г.[91] и в царских наказах воеводам и писцам мы найдем ряд указаний на то, что сущность закладничества отнюдь не заключалась в сделке займа с залогом лица. Обратим внимание прежде всего на терминологию таких узаконений. 19-я глава Уложения говорит о людях, «живущих в закладчиках за патриархом.... и за всяких чинов людьми», повелевает «ни за кого в закладчики не записываться и ничьим крестьяны и людьми не называтися», грозит наказаньем закладчикам, «будет они впредь учнут за кого закладываться», и господам, «которые их учнут впредь за себя приимати в закладчики»[109*]. Едва ли можно приписать простой случайности то обстоятельство, что ни составители Уложения, ни авторы наказов и челобитных, говоря о закладчиках, вместо всех таких разнообразных определений ни разу не употребили того, которое само собой подвернулось бы под их перо, если бы сущность закладничества состояла, как полагают, в даче лицом на себя закладной кабалы: «И впредь тем всем людем никому закладных кабал на себя не давати». Такого законодательного постановления мы не найдем ни в одном из актов, относящихся к *закладчикам.*

Напротив, лишь только в Уложении зайдет речь о действительном закладе — залоге, тотчас же упоминаются и письменные акты сделок этого рода: «А будет кто кому вотчину свою заложит... и закладную кабалу на себя даст»[110*]. При этом человек, заложивший что-либо,— что особенно знаменательно — и в Уложении, и в актах систематически называется уже не закладчиком (как можно было бы ожидать), но *заимщиком*[111*]. Залогодатели в XVII в. обыкновенно назывались заимщиками; договор займа с залогом не отличался в этом отношении от простого займа.

109* Гл. XIX. Ст. 13.
110* Гл. XVII. Ст. 32.
111* «И тому, у кого тот заклад был, взяти на заимщике» (Гл. X. Ст. 197; Гл. XVII. Ст. 32); см. также: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестома-

Напомню стереотипное выражение: «К сей закладной своей заимщик такой-то руку приложил» [112*]. В XVII в. для обозначения лица, заложившего что-либо, нередко пользовались неловкими перифразами, избегая слова «закладчик», имевшего специальное значение: «Те люди, *чьи закладишка*, и по ся мест не выкупают своих закладов» [113*].

Это был пункт моей аргументации более слабый, потому что я опирался тут на толкование смысла слова; он не имел сам по себе значения при множестве других аргументов, но все-таки оставлял выход для защитников старого взгляда, которым и воспользовался В. И. Сергеевич. Признав после моей статьи, что в закладничестве был элемент покровительства, он продолжает настаивать, что закладничество возникает из разнообразных договоров займа, что закладчики были как заступными людьми, так и заимщиками. В приложении к этой главе я выясняю, сколь скользкой оказалась эта попытка В. И. Сергеевича примирить старое и новое, взаимно исключающие друг друга объяснения закладничества, а здесь не считаю нужным останавливаться на этом, потому что спор на этой почве является совершенно устарелым и лишним после изданных мною неизвестных доселе актов о закладчиках.

Грамота о сыске закладчиков 1638 г. предусматривала возможность, как я говорил, что у господ *объявятся* на них кабалы. В указанных «Актах» я напечатал целиком всю переписку приказа сыскных дел о сыске закладчиков по городу Твери, произведенном на основании этой именно грамоты 1638 г. Никаких — ни закладных, ни заемных, ни ссудных — кабал и записей здесь на закладников не «объявилось». Я рассмотрел переписку приказа о сыске закладчиков и по другим городам и нигде не нашел ни малейших намеков на какие-либо денежные обязательства закладчиков к господам. Единственные документы, какие в некоторых городах монастыри и господа могли представить в доказательство своих прав на закладчиков,— это порядные записи; при этом, как нарочно для устранения всяких кривотолков, в этих порядных мы не находим часто встречающихся в крестьянских порядных указаний на денежную ссуду, или подмогу. В напечатан-

тия... Т. III. С. 16 (указ 11 янв. 1558 г.). В тех статьях, где идет речь о закладе и о закладных кабалах, нет слова «закладчик» (Соборное уложение. Гл. XVI. Ст. 69; Гл. XVII. Ст. 35—40. Гл. X. Ст. 196). «Кто продал или заложил вотчину», называется «продавцом».

112* АЮБ. Т. 2. № 126, IX; № 126, VIII, X, XII; АЮ. № 244, 249, 248 (XVI в.); РИБ. Т. XII. № CIX (1612 г.). Закладную 1700 г. см.: *Спицын А.* Оброчные земли на Вятке в XVII в. Казань, 1892. С. 43. В Уложении и в грамотах эта терминология строго выдержана; я знаю только два исключения (ПСЗ. Т. II. № 163. С. 208—1679 г.; РИБ. Т. XII. № XLIII—1641 г.), где люди, закладывающие недвижимости, называются и заимщиками, и закладчиками.

113* РИБ. Т. II. № 179. С. 757.

ных мною актах встречаются иногда указания на служилые кабалы и даже на личный залог, но всегда при таких условиях, которые наглядно подчеркивают, что эти денежные сделки не имели ни малейшей связи с закладничеством-коммендацией. Так, например, нижегородский Печерский монастырь, отстаивая всячески свои права на несколько человек, о которых нижегородские посадские люди говорили, что они, уйдя из посаду от тягла, заложились за монастырь, заявил воеводе, что у него на двух таких мнимых закладчиков есть крепости. Какие же крепости? Служилая кабала на их отцов.

Так, Офонька Крюков, живший в закладчиках за тверским архиепископом, говорил на распросе, что он, прежде чем стал жить за архиепископом, прежде чем «бил челом в Спасов дом в бобыли», жил больше 10 лет по «служивой кабале» у одного посадского человека[114*].

Кроме таких отрицательных доказательств, окончательно разрушающих старую теорию, эти новые акты дают и несколько положительных, ясных доказательств того, что закладничество по существу своему было защитной зависимостью, что понятие закладничества тожественно с коммендацией. Эти доказательства вместе с другими мы приведем несколько дальше. А теперь рассмотрим в общих чертах существо различных форм защитной зависимости, известной на Западе главным образом под термином «патронат», а также под терминами «коммендация» и «защитные отношения».

§ 68. Патронат на Западе

Историки западноевропейского патроната справедливо сближают различные разновидности этого института, существовавшие в римском государстве в первые века, в эпоху расцвета Римской империи, и в эпоху ее упадка, у галлов во время Цезаря, у франков во время Меровингов, у англосаксов до норманнского завоевания и затем всюду на Западе в эпоху феодализма. «Под различными наименованиями,— говорит Фюстель де Куланж,— речь идет об одном и том же институте, который, изменяясь, передается из века в век. Сущность этого института состоит в том, что один человек отдается в зависимость другому. Этот род зависимости не следует смешивать ни с зависимостью раба от господина, ни с отношениями вольноотпущенника к патрону. Речь идет здесь о подчинении человека свободного, о подчинении добровольном. Древние общества знали послушание гражданина государству или подданного государю, который олицетворяет государство. Мы же будем вести речь о том послушании, кото-

114* *Сильванский Н. П.* Акты о посадских людях-закладчиках // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. С. 12.

рое человек добровольно оказывает личности другого человека. Это подданство индивидуальное и личное. Причина его возникновения заключается в том, что человек слабый или бедный нуждается в человеке сильном или богатом. Он просит у него покровительства и подчиняется ему, чтобы достичь покровительства. Два лица заключают обязательство: один должен будет покровительствовать, другой повиноваться» [115*].

В эпоху расцвета римского государства патронат (clientela, partocinium) был в моменте переживания; он не имел существенного влияния на общественный строй, не изменял отношения лиц к государству. Окрепшее государство сумело отнять у патроната его антигосударственный характер [116*]. Но в отношениях клиентов этого времени к патронам сохранялась сущность этого учреждения, добровольного союза двух лиц, основанного на взаимном доверии (fidem inter se dare) [117*].

Тот или иной характер патроната зависит от состояния государства. В IV в. в силу ослабления государственной власти, обусловившего возможность противодействия ее требованиям, патронат значительно развился в Римской империи, особенно в удаленных от центра провинциях, получив важное общественное значение. Commendatio этого времени ведет к некоторой независимости клиента («susceptus» — особый термин этого периода) от государства. Владения знатных лиц пользуются податными привилегиями; они платят налоги в меньшем размере, а некоторые совершенно свободны от уплаты налогов [118*]. Благодаря защите патрона человек освобождался от части своих податных обязанностей по отношению к государству; во всеобщем стремлении освободиться от непомерного бремени налогов заключается главная причина развития commendatio в эту эпоху. Вместе с тем ввиду ослабления государственной власти патронат и в это время уже имеет значение как частный союз для защиты от насилия, как замена неудовлетворительной государственной защиты фактической обороной сильного патрона [119*]. Хотя villae знатных собственников не пользуются еще судебным иммунитетом, но на деле сильный патрон нередко охраняет своего че-

115* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 192—193.

116* *Flach J.* Op. cit. T. 1. P. 55: «A la belle époque de Rome le patronage ne fut plus une institutien mais un état de moeurs [В золотой век Рима патронат был не столько институтом, сколько состоянием нравов (фр.)]».

117* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 218. Этот писатель несколько преувеличивает значение клиентелы в указанное время. Ему не удалось вполне парировать то возражение, которое он предвидел: «N'allons pas croire qu'il s'agisse ici d'un *vague patronage* comme l'on imaginerait de nos jours [Не собираемся думать, чтобы речь здесь шла о *широко толкуемом патронате*, каким его представляют в наши дни (фр.)]» (Ibid. P. 239).

118* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 243, 422.

119* По мнению Флака, патронат и в это время имеет главное значение как частный союз для защиты: «Le bésoin de sécurité prime tout [Необходимость безопасности превыше всего (фр.)]» (*Flach J.* Op. cit. T. I. P. 77).

ловека (homo) от государственного суда; он считает себя стоящим «выше закона и вне закона», и суд уступает перед ним [120*].

Полное развитие патронату дает иммунитет. Когда во время Меровингов (VI—VIII вв.) богатые землевладельцы окончательно делаются государями в пределах своих владений, когда право суда, сбора налогов и военного набора переходит в руки землевладельца, то «по отношению к людям свободным (клиентам) и рабам, живущим на его земле, он делается единственным главой, судьей и покровителем» [121*]. В это время патронат ведет к крайнему, самому важному последствию: полному освобождению лица от власти государства. Государственные права на лицо присваивает патрон, который заслоняет собою клиента от государственной власти так же, как раба. Но клиента нельзя приравнивать к рабу — частной собственности господина. Для клиента так же, как для раба, господин есть государь; но для раба господин в то же время — частный собственник с правом распоряжения; для клиента же патрон — только государь. Добровольная связь покровительства, патроната по существу своему ближе всего к связи подданства [122*]. Когда патрон-вотчинник, как в средние века, обладает государственными правами, сущность отношений клиента к патрону еще более приравнивается к отношениям подданства лица к государству.

В Англии в саксонское время патронат — личное покровительство — строго отличался от подчинения одному из таких праз вотчинников — соке, праву суда над человеком.

«После норманнского завоевания,— замечает П. Г. Виноградов,— обе формы начинают смешиваться подобно тому, как было во франкской монархии: покровительство и частная юрисдикция соединяются и образуют основу феодального строя» [123*], патронат превращается в подданство.

II. ЗАКЛАДЧИКИ — ЗАСТУПНЫЕ ЛЮДИ XVI—XVII ВВ.

§ 69. Добровольная зависимость. Бить челом для береженья

Источником и основой закладничества-коммендации у нас так же, как на Западе, была та независимость от государственных властей, какою пользовались все зависимые люди привилегированных землевладельцев.

120* Ibid. P. 72.

121* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. Ch. XVI: L'immunité. P. 419 etc.

122* Словом «sujétion» определяет сущность патроната иногда и Фюстель де Куланж: «Связь патроната, покровительства, *подданства*, возникшего из добровольного соглашения сторон» (*Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 205).

123* *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века // ЖМНП. 1887. № 4. С. 212—213.

В качестве боярского, монастырского или церковного *человека* закладчик выходил из-под ведомства государственной власти, освобождался от уплаты налогов и от общей судебной и административной ответственности, за исключением уголовных преступлений (убийство, разбой и татьба с поличным). Посадские люди жаловались в челобитной 1648 г., что закладчики «с промыслов своих и с вотчин государевых податей не платят и служеб не служат, *а живут всегда во льготе*»; то же говорило соборное постановление 1619 г.: закладчики «податей никаких с своею братьею, с посадскими и уездными людьми не платят и живут себе в покое». С другой стороны, дворяне и дети боярские, жалуясь в челобитье на насильства, чинимые «посадскими людьми, живущими за сильными людьми и за монастыри в закладчиках», указывали, между прочим, что «в городех воеводы и приказные люди на тех людей *в их насильствах суда не дают*, отказывают им, что им их в городех судити не указано»[124*].

Оборотной стороной этой независимости от государственной власти, естественно, было полное подчинение закладчика господину, землевладельцу. Освободиться от власти государства лицо могло, только отдавшись во власть частновладельца, сделавшись из государева человека боярским[125*]. Констатируя такую зависимость закладчика от господина, исследователи объясняли ее тем, что закладчик был крепок господину как его неоплатный должник[126*]. Но, закладчик-заступной человек, не будучи «неоплатным должником» и не будучи крепким господину, тем не менее подчиняясь ему, действительно становился в положение близкое к холопству. Но между закладничеством-коммендацией и холопством была громадная разница: холоп был человек крепкий господину, составлявший его полную собственность, на которого господин имел, кроме прав владения и пользования, также и право распоряжения; закладчик же не связывал себя никакой крепостью; в юридическом отношении с точки зрения права, признаваемого и охраняемого государством, он оставался свободным человеком. Если, поселяясь в частновладельческой вотчине, закладчик становился в зависимые отношения к вотчиннику, за освобождение от государственных обязанностей платился временным лишением свободы, подчинением суду и управе господина или его приказчика, то он все-таки сохранял за собою право порвать во всякое время свою зависимость. В этой временной

124* Уставная книга земского приказа. № XXXI. П. 10 // Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия... Т. III. С. 158.

125* Посадские люди просят государя взять закладчиков в посад, чтоб «везде были все его *государевы люди*», «чтоб везде было все его в. государя государство» (ААЭ. Т. 4. № 36).

126* СГГД. Т. 1. № 148 (1514 г.). На этот текст ссылается проф. Сергеевич (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 270).

добровольной зависимости — существенная черта закладничества-коммендации.

Зависимость от сильного человека создавала для закладчика, живущего на посаде, привилегированное положение в сравнении с государевыми посадскими людьми. Именем своего боярина он успешно защищал себя от попыток посадских старост заставить его платить тягло.

Нижегородские посадские люди так жаловались на закладчиков: «Живет на посаде... и не хотя тягла тянуть, называется Троицким закладчиком»; или: «Торгует всякими промыслы и живет в посаде на тяглой земле, сидит в лавке, называется закладчиком» Ивана Михайлова сына Гавренева. Часто при этом они не употребляли этого термина «закладчик», а, указывая на существо дела, на укрывательство от тягла именем сильного человека, признанием своей от него зависимости, говорили: «Живет на посаде, в тяглом дворе... от тягла называется боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева»; или: «От тягла называется боярина Федора Ивановича Шереметева». Но эти общие выражения относились к тому же закладничеству, потому что Игнашко Черник в ответ на такое заявление посадских людей, что он «*называется* крайчев князя Семена Ондреевича Урусова», ответил, что «в закладчиках де он за князем С. О. Урусовым не бывал»[127*].

Договор закладничества, защитной зависимости, как и на Западе, совершался устно и связан был в древности, по-видимому, с обрядом челобитья, как на Западе патронат связан был с обрядом вручения, коммендации. Закладчики тверского архиепископа все говорили, что они «били челом архиепископу». Так, Ондрюшка Юла сказал в распросе, что он раньше кормился по миру, «да тем не прокормился и... бил челом в Спасов дом Феоктисту архиепископу»; другой закладчик, Луковкин, сказал, что он раньше «кормился по людем», «пожил в наймех» у своего дяди, посадского человека Алексея Луковкина, «а от Олексея отшод, бил челом архиепископу в бобыли». Янка да Михалко Селедкины сказали, что они «после отца своего скитались меж двор и прибрели в Тверь и били челом в Спасов дом». Посадские люди к этому прибавили, что их закладничество за архиепископа было вызвано тем, что один из них убил архиепископского крестьянина: «Поколол де ножем Михалко Селедкин архиепископля крестьянина Другана Проскурнина, и в те поры они заложились за архиепископа, тому леть с пять». По суду М. Селедкину все равно грозила выдача его архиепископу, и он предпочел добровольно отдаться в его власть.

127* *Павлов-Сильванский Н. П.* Акты о посадских людях-закладчиках. С. 165 (Овдейко Юдин), 149 (Андрюшка Федоров), 136 (Федотка Иванов), 136 (Савка Екимов), 141—142 (Игнашко Черник).

Замечательное выражение *«бить челом для береженья»*, характеризующее существо закладничества как защитной зависимости, находим в сказке (показании) Ивашки Уса. Нижегородские посадские люди заявили, что он старинный посадский человек и в тягле написан и живет на посаде у своего тестя, а «от тягла называется стольника Никиты Ивановича Романова». Ивашко Ус признался, что он *«бил челом боярину Ивану Никитичу Романову для береженья»* [128*].

§ 70. Защита от тягла и от «сильных людей насильства»

Особая черта сходства между закладничеством XVII в. и римским патронатом IV в. заключается в одной и той же главной причине развития этого института. В Московском государстве точно так же, как в Римской империи в эпоху ее упадка, главным побуждением к закладничеству было обыкновенно стремление освободиться под защитой патрона от непосильного бремени налогов. Царские грамоты замечают, что тяглые люди делаются закладчиками, «не хотя тягла и податей платити» [129*]; законы кодекса императора Феодосия, преследующие патронат, говорят о людях, qui fraudandorum tributorum causa ad patrocinia confugerint * [130*]. Как московское, так и римское правительство издают ряд узаконений против закладничества (patrocinium), одинаково грозят наказаниями, конфискацией земель, штрафами патронам и клиентам (suscepti) и, как кажется, одинаково не достигают цели [131*].

Правительство преследовало закладничество по фискальным соображениям; землевладельцы нуждались в людях, дорожили платежной единицей не менее правительства и поэтому принимали деятельное активное участие в развитии закладничества, привлекая тяглых людей более легким оброком. Между государственными властями и вотчинниками в XVII в. шла непрерывная борьба за тяглеца, посадского человека. Переселяя с вотчин «избылых» посадских людей на старые их тяглые места, прави-

[128*] Там же. С. 12, 17, 14, 196.
[129*] ААЭ. Т. 4. № 158 и выше.
* Которые для уклонения от уплаты налогов прибегают к закладничеству (лат.).
[130*] *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 244. Note 1. (Закон 399 г.).
[131*] Ibid. P. 242; *Flach J.* Op. cit. P. 77 («Confiscations et amendes doivent frapper ensemble le patron et le client. Mais les menaces demeurent stériles, les peines inefficaces: la fréquence des dispositions prohibitives le prouverait à elle seul [Конфискации и штрафы должны были одновременно затрагивать патрона и клиента. Но угрозы оставались напрасными, наказания неэффективными: частота запретительных постановлений доказывала это (фр.)]»); *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890. С. 154 («строгие меры (против закладничества) нередко не достигали цели»).

тельство предписывает воеводам «беречь накрепко», чтоб землевладельцы отписанных от них в посад закладчиков «не развозили и насильства им никакого не чинили». Господа оказывали сопротивление чиновникам, отписывавшим закладчиков, и на тех «ослушников и сильных людей» воеводы должны были давать в помощь писцам пушкарей [132*].

В борьбе с закладничеством правительству оказывали живое содействие посадские люди, остававшиеся на своих тяглых местах. Уход тяглого человека под защиту беломестца ложился бременем на тяглую общину, отвечавшую перед правительством за избылых людей: «за пустые места платили оставшиеся на посаде» [133*]. Посадские люди обращались к правительству с челобитными, прося уничтожить закладничество, и по их инициативе изданы были главные узаконения против закладчиков 1619—1648 гг. «Иногда городские тяглецы,— говорит Соловьев,— платились за свое торжество, когда по их челобитью возвращали к ним их беглых собратий с земель богатых соседних вотчинников». Приказчик князя Репнина, мстя за взятых в посад закладчиков («отписных»), с вооруженными людьми нападал на жителей города Луха, убивал их и грабил [134*]. Пока не было закладчиков, замечает одна из грамот, «и мятежу никакого и междуусобия не бывало ж» [135*].

В удельный период на Руси, точно так, как во Франции в меровингскую эпоху, главной причиной развития закладничества была слабость государственной власти; в подчинении частному лицу, сильному господину люди стремились найти ту защиту, ту общественную безопасность, которую в то время не обеспечивало еще вполне государство. До некоторой степени эта причина — стремление лиц оградить себя *«от сильных людей насильства»* — влияла на развитие закладничества и в Московском государстве в XVII в. Влияние ее должно было быть особенно значительным в первое время после смутной эпохи, когда многие люди «били челом государю на бояр и всяких чинов людей, чтоб их пожаловать, велеть от сильных людей оборонить» [136*]. Представители государственной власти и в позднейшее время нередко оказывались бессильными перед самоуправством могущественных вотчинников или их приказчиков; иногда, замечает П. Н. Милюков, «правительство должно было после троекратной повестки устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести

[132*] ААЭ. Т. 4. № 34 (1648); Т. 3. № 141 (1623).
[133*] «Тягло падало на всю общину так, как она представлялась правительству по последней переписи» (*Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 117).
[134*] *Соловьев С. М.* История России... СПб., 1893. Т. 13. Кн. III. С. 703; *Гарелин Я.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. № 77.
[135*] ААЭ. Т. 4. № 32. С. 15.
[136*] Там же. Т. 3. № 105.

в суд сколько-нибудь влиятельного обвиняемого»[137*]. Насилия и злоупотребления правительственных агентов делали еще более тяжелым бесправное положение государственных людей, заставляли их из боязни быть «замученным насмерть на правеже», «брести розно» и закладываться за бояр и монастыри.

«За хребтом» сильного боярина жить было более безопасно и здесь скорее можно было найти относительно праведный суд и управу[138*]. Вместо насилия воевод и откупщиков закладчика ждали на частновладельческой земле насилия боярских приказчиков, но произвол последних сдерживался тем, что они дорожили рабочими людьми более посадских властей, и тем, что закладчик оставался свободным человеком и мог бежать от их злоупотреблений. Защита же от насилия сторонних людей была более действительной на частновладельческой земле. Господа заботились о безопасности своих людей и вменяли в обязанность приказчикам «в обиду их никому не давать, и от сторонних людей оберегать, и во всем за них стоять, и самому с своими людьми сторонних людей никого не изобижать»[139*]. Землевладельцы защищали «живущих за ними людей» нередко даже в случае их виновности «во всяком разбойном и татебном воровстве», «хоронили их у себя и отбивали у приставов»[140*]. Под защитой сильного человека закладчики, не боясь насилия над собой, в свою очередь, чинили насилия другим. Дворяне и дети боярские жаловались государю, что от закладчиков, живущих за сильными людьми и «за монастыри», «им и людем их и крестьяном обиды и насильство многое в городех и по торжком и по слободам и на посадах: людей их и крестьян грабят и побивают, по мытам и на перевозах, перевозы и мостовщину емлют мимо государева указу»[141*]. К тому же самому следствию вело закладничество и в Римской империи; по свидетельству современника императора Феодосия Великого, люди иногда становились под защиту могущественного человека «не для того, чтобы не терпеть насилий, но чтобы самим насильничать» (οὐχ ἵνα μὴ πάθωσι κακῶς, ἀλλ' ἵνα ἔχωσι ποιεῖν)[142*].

§ 71. Поселение на владельческой земле

Упомянутый выше нижегородец Ивашко Ус, заложившись за стольника Н. И. Романова, остался жить на посаде. И некоторые другие закладчики также до такой степени умели пользо-

137* *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 1-е изд. СПб., 1896. Т. 1. С. 157.
138* См.: *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 490.
139* Там же. № 1. С. 21.
140* Соборное Уложение. Ст. 77, 81. Гл. XXI.
141* Уставная книга земского приказа. № XXXI. П. 9 // Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия... Т. III. С. 158.
142* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 242. Note 1.

ваться именем своего господина, что успешно отбывали тягла, даже живя на посаде на тяглых местах и занимаясь всякими промыслами. Так, нижегородским посадским людям долго не удавалось до сыска 1640 г. привлечь в тягло Игнатку Артемьева; раньше он «назывался боярским закладчиком» боярина Ф. И. Шереметева; но боярин отдал его в посад, тогда он, чтобы избыть тягла, заложился за немца И. Ю. Морцова. «Живет на посаде и торгует всяким промыслом,— жаловались на него посадские люди,— и отдан был в посад из-за боярина Федора Ивановича Шереметева, а пока называется немецкой закладчик розных немец» [143*].

Однако обыкновенно закладчиком удавалось отбывать тягла только при том условии, что они поселялись на привилегированной владельческой земле, монастырской, церковной или боярской. Обыкновенно заступу давала закладчику вотчина.

Преследуя закладничество этого рода, правительственные акты века царей Михаила и Алексея не говорят ни о займе с залогом лица, ни о закладе дворов, но исключительно о переходе, о бегстве тяглых людей на земли вотчинников... «А которые московские и городовые посадские люди,— читаем в Уложении 1649 г.,— сами, или отцы их, в прошлых годех живали на Москве и в городех и на посадех в тягле... а ныне они живут в закладчиках... за всяких чинов людьми на Москве и в городех, *на их дворех и в вотчинах и в поместьях и церковных землях*, и тех всех сыскивати и *свозить на старые их посадские места*» [144*]. Будучи связано с поселением на частновладельческой земле, состояние закладничества, таким образом, прекращается при возвращении лица на землю государственную, в посад. Одна из грамот 1630 г. прямо указывает, что посадские люди... живут в монастырских слободах и на церковных землях в закладчиках, *«вышед из посадов»* [145*].

В грамоте 1667 г. читаем: «И ныне те отписные *закладчики* и крестьяне на Москве *вышли за тех же*, за кем они преж сего жили, а иные вновь *поселились за иных* помещиков и вотчинников».

Глагол закладываться-задаваться имел в позднейшее время широкий смысл, употреблялся для обозначения всякого выхода лица под заступу частного лица, каким бы путем ни достигалось покровительство господина. Такой общий смысл имеет этот глагол в указанных мною раньше выражениях: закладываться в крестьянство или в холопство. Термин «закладчик» имеет более узкий смысл. Этим словом в XVII в. пользовались почти исключительно для обозначения заложившихся путем выхода из

143* *Павлов-Сильванский Н. П.* Акты о посадских людях-закладчиках. С. 165.
144* Соборное Уложение. Гл. XIX. Ст. 13.
145* ААЭ. Т. 3. № 188. С. 274.

посада на частновладельческие земли тяглых посадских людей, торговцев и ремесленников, которые и на боярской или монастырской земле продолжали свою торговую и промышленную деятельность, которые «монастырских, боярских и всяких чинов люди в слободах и на церковных землях» «всякими торговыми промыслами промышляли, а государевых податей не платили, и служб не служили, и изделий не делали» [146*].

Поселяясь на частновладельческой земле, часть закладчиков сохраняли свою хозяйственную самостоятельность; одни из задававшихся людей этого разряда занимали особые дворовые участки, поселяясь в готовых дворах и избенках или строя новые; другие вели самостоятельные хозяйства, живя на боярских дворах, состоявших в личном пользовании владельца — боярина.

Поселяясь на владельческой земле, закладчики нередко платили своим господам оброк. В XVII в., когда письменные сделки имели широкое распространение, они при этом иногда давали на себя и оброчные записи.

По некоторым показаниям закладчиков можно заметить, что они давали на себя оброчные записи с целью закрепить внешним признаком свою зависимость, так как правительство в это время не признавало закладнической зависимости, как и добровольного холопства. Ивашко Ус, «бивший челом боярину И. Н. Романову для береженья», сказал в распросе, что он «оброку дает боярину в Стародуб Вотской на погост по рублю на год, и запись де на него у боярина в оброке взята». Небольшой рублевый оброк, как у других оброк в полтину, служил знаком зависимости, а запись он дал на себя, чтобы при случае сослаться на этот документ. Приказ сыскных дел не придал никакого значения этой записи и велел «взять Ивашка в тягло в посад» [147*].

Многие закладчики селились не на особых дворовых местах, в обыкновенных дворах и избенках мелких ремесленников, но на боярских дворах, имевших какое-либо специальное назначение, удовлетворявших хозяйственным надобностям собственника или состоявших в его личном пользовании. Закладчики, поселявшиеся на таких дворах с боярскими хоромами, осадных дворах, загородных, монастырских подворьях, «дворах для приезду» и т. п., назывались *дворниками* наравне со всякими людьми, крестьянами, холопами и наймитами, жившими на таких дворах; дворниками назывались не только люди, жившие на дворах этого рода, для их «обереганья», но и для самостоятельного занятия промыслом и торговлей. Статья Уложения, запрещающая господам держать на своих дворах более двух дворников, очевидно, на-

146* Соборное Уложение. Гл. XIX. Ст. 1, 3, 4.
147* *Павлов-Сильванский Н. П.* Акты о посадских людях-закладчиках. С. 195—196.

правлена против закладчиков, нередко в большом числе теснившихся на господских дворах под видом или в качестве дворников [148*].

Закладчиками далее следует признать и тех лиц, которые, задаваясь за господина (не нанимаясь и не продаваясь в рабство), находили себе приют среди дворовых людей господина, на его дворе с челядью для личных услуг или непосредственной работы на него. Такие «добровольные люди», «добровольные послужильцы», «*вольные холопы*» отнюдь не были холопами-рабами, потому что господин не имел на них права распоряжения, составляющего существенный признак рабства. Их отношения к господину были именно добровольной и временной, закладнической зависимостью [149*]. Такая вольная служба была очень распространенным явлением: вольные холопы иногда очень долго, 5—20 лет, служили господам, не продаваясь в рабство [150*]; они сохранили право уйти от господина, право отказа, и уходили при первом же покушении на их свободу; один из таких закладчиков заявлял, что он «послужил у Михаила Лазорева с полгоду добровольно, и Михайло хотел его окабалить, и он от него сшел» [151*]. Правительство не признавало такого вольного холопства, как и всякого другого вида закладничества. В 1551 г. государь указал: господам, у которых служили «добровольные люди», на тех людей суда не давать, «а что у него пропало, то у себя сам потерял, того для, что добровольному человеку верит и у себя его держит без крепости» [152*]. Такую добровольную

148* Данные писцовых книг и актов вполне подтверждают, по моему мнению, правильность определения дворничества С. Ф. Платоновым: «Дворничество само по себе в XVI в. могло быть только фактическим занятием, не будучи юридическим состоянием... Зависимость могла быть только фактической, или же она вытекала из условий, посторонних дворничеству: из холопьей кабалы, из крестьянской порядной, из закладнической сделки» (*Платонов С. Ф.* [Рец. на] *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. (СПб., 1889) // ЖМНП. 1890. № 5. С. 152). Та же мысль в менее определенной формулировке одновременно высказана А. С. Лаппо-Данилевским (*Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 146—147). Мнение о дворничестве И. Н. Миклашевского представляет собою шаг назад (*Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. С. 100, 101).

149* Неволин без всякого основания усматривает в добровольных холопах «добровольных наймитов» (*Неволин К. А.* История российских гражданских законов, § 462. Отношения найма регулируются особыми постановлениями и совершенно иначе. Ср.: Царский судебник. Ст. 83. Затем, какие это добровольные наймиты, точно не всякая сделка найма есть добровольное соглашение?

150* См. мою статью «Люди кабальные и докладные» (ЖМНП. 1895. № 1).

151* РИБ. Т. XV. С. 28 (новгородские кабальные книги 7108 г.). Добровольные люди уходят, как и крестьяне, с отказом и без отказа (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия... Т. III. С. 5 — Указная книга ведомства казначейского. № IV).

152* Указная книга ведомства казначейского. № IV. 7064 г. окт. 11 // Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия... Т. III. Узаконение это почти без изменений вошло в Уложение 1649 г. (Ст. 17. Гл. XX).

службу несли нередко вольноотпущенные люди, «холопы с отпускными», также преследуемые за это правительством [153*]. В вольное холопство закладывались нередко бедные люди для пропитания, малолетние и взрослые, нищие и бродяги [154*]. В истории западноевропейского патроната тоже известны такие закладчики, «qui se commendent parce qu'ils n'ont de quoi se nourrir et vêtir *, которые «obsequuntur divitibus causa saturitatis» ** [155*].

III. ЗАКЛАДНИ УДЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

§ 72. Закладничество в договорах XIII—XV вв.

От закладчиков XVI—XVII вв. мы перейдем к древнейшим удельным закладням [156*]. Я вынужден нарушить хронологический порядок изложения, потому что известия источников удельного времени о закладничестве скуднее и неопределеннее рассмотренных выше позднейших данных; только выяснив сущность закладничества-коммендации при помощи актов XVII столетия, можно перейти к изучению закладней XIII—XV вв.

Как мы выяснили выше, этот термин употреблялся в древности не в смысле «отдаваться в залог», как думают обыкновенно, но в смысле «задаваться». Договорные грамоты князей, из которых мы берем почти все наши сведения о закладнях, не только не подтверждают мнения о том, что заклади, заложившиеся люди, были людьми, отдавшими себя в залог, но и дают несколько свидетельств против этого мнения. Говоря о лицах, действительно связанных долговыми обязательствами: одерноватых холопах, купленных полоняниках и проч., княжеские договоры выражаются вполне определенно на этот счет, так что не оставляют никаких сомнений о характере отношений таких лиц к господам. «А кто ти ся продал пословицею одернь,— читаем в договорах,— или будешь серебро на ком дал пословицею, тех ти отпустити, по целованью, а грамоты дерноватые подрати».

[153*] Указная книга ведомства казначейского. № V. // Там же. П. 16 (1556 г.); № VIII (1558 г.) («с отпускною у того государя не служити»).

[154*] См. данные из кабальных книг в вышеуказанной моей статье «Люди кабальные и докладные».

* «Которые закладывались потому, что у них не было, чем прокормить себя и во что одеться» (фр.).

** «Почитают богатых из-за пропитания» (лат.).

[155*] *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. Ch. XII. P. 245.

[156*] Термин «закладень» был наиболее употребляем. Кроме того, часто встречается слово «закладник» (СГГД. Т. 1. № 1, 2, 3, 10, 15). Оба эти слова употребляются безразлично в договорных грамотах 1305 г. (Там же. № 7, 8). Термин «закладьщик» встречается только в № 14 (1318 г.) и 18 (1426 г.).

«А кто купил полоняника и он возьмет цену по целованью»[157*]. Напротив, в статьях договоров, относящихся к закладням, мы не найдем никаких указаний на денежные сделки; князья ограничиваются соглашением о недержании, неприеме или отпуске закладней и не упоминают ни о покупке их, ни о закладных грамотах, ни о возвращении закладнями денег, займа.

Если бы закладники были должниками, заложившими самих себя в обеспечение уплаты долга, то заимодавцы имели бы на них право распоряжения, как на купленных людей и всяких неоплатных должников. В духовных грамотах князей мы находим их распоряжения о людях «купленных, грамотных, полных»; лишь только возникает институт служилой кабалы — личного залога, тотчас же и в духовных появляются распоряжения завещателей о кабальных людях, кабальных серебряниках[158*]. Между тем о закладниках не говорит ни одна из духовных грамот, несмотря на то что закладничество было более древним и более распространенным институтом.

Это вполне понятно, так как закладничество не было ни рабской, ни кабальной зависимостью, но было зависимостью подданства. На исключительно подданнические отношения закладней к князьям-патронам указывает вся относящаяся к ним терминология договорных грамот. Князья не покупают, но *принимают* и *держат* закладней так же, как они держат города[159*], наконец, не отпускают их на волю, но *отступаются* от них. Закладники со своей стороны *позоруют* к князю как его подданные, и даже иногда не к князю лично, но к городу, как к государству, к Твери или Кашину.

Для правильного понимания закладничества имеют весьма важное значение следующие статьи договора, заключенного в 1295 г. великим князем тверским Михаилом Ярославичем с Новгородом: «А кто будет закладень позоровал ко мне, а жива в Новъгородьской волости, тех всех отступилъся есмь Новугороду. А кто будет давних людий в Торъжьку и в Волоце, а позоровал ко Тфери при Александре и при Ярославе, тем тако и седети, а позоровати им ко мне»[159a*]. Вполне очевидно, что закладническая зависимость рассматривается здесь договаривающимися сторонами не как зависимость кабальная, но как связь подданства, которая гарантируется политическим договором; о прекращении этой зависимости путем частной сделки, путем выкупа залогодателя нет и речи. О долговых отношениях лиц к князьям и боярам говорят иные статьи разбираемого трактата, в которых идет речь о денежных исках, о должниках и поруч-

[157*] СГГД. Т. 1. № 28 (1368 г.); ААЭ. Т. 1. № 14 (1398 г.).
[158*] СГГД. Т. 1. № 112 (1481 г.).
[159*] Там же. № 27, 84 и др. Ср.: «держат Ростов» (Там же. № 86), «держати царевича из Орды» (Там же. № 97).
[159a*] Там же. № 4.

никах. Постановления этих статей о должниках несомненно относятся и к залогодателям (но не к *закладням*): мы видели, что еще и долгое время спустя залогодатель назывался должником, заимщиком одинаково с заемщиком, не обеспечившим долга залогом. И эти статьи существенным образом отличаются от соглашения о закладнях; они, естественно, говорят не о подданстве должников (и залогодателей), но только о выдаче их истцам «по исправе»[160*] и о порядке суда по денежным искам.

Закладываясь-задаваясь за князя другого удела, его княгиню, боярина или слугу, человек оставался жить на своем участке земли, но, несмотря на это, порывал свою подданническую зависимость от местной государственной власти. Новгородец, задаваясь за тверского князя или его боярина, выходил из-под ведомства власти Великого Новгорода, из состава той административной единицы, сотни или погоста, к которой раньше принадлежал, не платил налогов со своей сотней, освобождался от подчинения местной судебной власти; новоторжец *отнимался* от прежнего своего государя, не *тянул* судом и данью к Торжку. «А кто закладников в Торжку или инде,— говорят новгородцы тверскому князю в договорной грамоте,— или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купец пойдет в свое сто, а смерд потягнет в свой погост, тако пошло в Новегороде, отпусти всех прочь» (1305 г.)[161*].

В другой грамоте 1307 г. между Новгородом и тем же тверским князем Михаилом Ярославичем находим следующую статью, относящуюся к закладням[162*]: «А кто живет в Торжку, на Новоторжской земле, а к святому Спасу не тягнет к Торжку, князем отъемся, а тии идут с Торжку, куда им годно»[162а*]. Выражение этой грамоты «не тянет к Торжку» указывает одновременно на независимость закладника от местного тягла и суда; как видно из других грамот, термин «тянути» употреблялся для обозначения как податной, так и судебной ответственности[163*]. На ту же полную независимость закладника от местной власти указывает другой термин цитированного текста — «отъяться». «Отняться» от князя значило отложиться от него, отказаться от подчинения ему, подобно тому как «задаться-заложиться» значило отдаться в подданство, в обладание князя как государя. Этими именно словами (задаться и отъяться) пользуются летопис-

160* «А холопы и долъжники и поручникы выдавати по исправе»; «а чего будет искати мне и моим бояром и моим слугам у Новгородьцев и у Новоторъжьцев и у Волочан, а тому всему суд дати без перевода» (Там же. № 4. С. 5).

161* Там же. № 7 (1305 г.), № 3 (1270 г.).

162* Что эта статья относится к закладням, видно из того, что она заменяет цитированную выше статью договора 1305 г.

162а* СГГД. Т. 1. № 10.

163* Там же. № 40 (1410 г.) и др. («судом и данью потянути по уделом, кто где живет»).

цы, рассказывая о подчинении князьям и отпадении от них областей. «А князь Василий Юрьевич поеха из Новагорода с Городища на Завслочье, и заволочане задашася за него, а от Новгорода отъяшася»[164*]. Право *отказа*, право восстания было в удельное время обычным правом не только областей, но и отдельных лиц, землевладельцев. Отдельные собственники так же, как целые волости, закладываясь-задаваясь за другого князя, отнимались от власти прежнего своего государя.

Рядом с закладничеством отдельных лиц-собственников существовало в удельное время и *закладничество сел* как совокупности землевладельцев. Грамоты говорят не о заложенной земле или заложенном селе, но о «заложившихся селах», о «селах, зашедших без кун» за другого князя[165*]. По отношению к селам князья лишь в виде исключения пользуются в договорах термином «закладываться»; договаривающиеся стороны обыкновенно обязуются в чужих владениях «сел не держати, не купити, ни *даром приимати*»[166*]. Это последнее обязательство, по всей вероятности, направлено именно против закладничества сел. Отдавая даром свои села князьям, владельцы, само собой разумеется, едва ли передавали безвозмездно им свои права собственности и пользования на землю; трудно было бы понять причины распространенности обычая делать такие подарки князьям. Надо полагать, владельцы сел сохраняли свои частные права на них и только закладывались за князей другого удела, отдавались в подданство князьям, под их покровительство вместе со своими селами. Когда князья говорят, что они не будут принимать даром сел чужого удела, они обязуются не принимать таких сел в свое обладание, в свое подданство. Тот же смысл имеет обязательство князей «*не держать сел*» в чужих уделах. Что касается приобретения сел чужого удела в частную собственность, то оно воспрещается особым соглашением: «сел не купити».

Точно так же, как в удельной России; закладничество сел (vicus) практиковалось и в Римской империи в IV в. Закон 395 г.

164* Новгородская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 111 (1434 г.). То же о двинянах (Там же. Т. IV. С. 209); *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 82, примеч.

165* СГГД. Т. 1. № 12 (1317), № 7 (1305 г.), 8, 9. Ср. известие о задавшихся *волостках:* «А учнут говорити о Пуповичах и иных волостках, что задавалися к Лукам, и боярам молвити»... (1494 г.) (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1. 1487—1533 гг. // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 35. С. 141).

166* СГГД. Т. 1. № 1 (1265 г.), № 6 (1305 г.), 7, 20 (1471 г.). «А кто будет купил села во всей волости новгородской... кто будет *даром отъял* или сильно» (Там же. № 15—1327 г.). О селах, принимаемых даром, говорят только новгородские грамоты; в других находим лишь соглашения «сел не купити, не держати» (Там же. № 97 и след.) и «сел не купити, закладней не держати» (Там же. № 27 (1362 г.), № 29 и след.).

воспрещает коммендацию селений (vicos in partocinium suscipere)[167*].

Соглашения князей о *заложившихся*, зашедших (задавшихся) селах обнаруживают существенную черту закладничества удельного времени. Это закладничество было одновременно личным и реальным, поземельным. Заложившиеся села — это сельчане, лица, заложившиеся вместе со своей землей[168*]. Словом «закладни» грамоты обозначают исключительно заложившихся лиц[169*]. Но лица, задаваясь за чужого князя, остаются жить на своей земле, во владениях удела, не принадлежащего их патрону[170*]. Закладничество лица при таком условии должно было неизбежно влечь за собою и закладничество земли. Отдаваясь под покровительство чужого князя, закладник отдавал под его покровительство и свою землю; вместе со своей поземельною собственностью он освобождался от подчинения местной власти. Таким же образом объясняется и «коммендация земли» (terra in commendatione), существовавшая в Англии в эпоху «Книги страшного суда». «Тот, кто ищет покровительства, становится в зависимость и тем самым приводит в зависимость свое (земельное) имущество»[171*].

167* Codex Theodosianus. XI, 24[92] («Quicumque vicos in suum detecti fuerint partocinium suscepisse, constitutas luent poenas [Отдавшиеся под патронат села, возгордившиеся могуществом защиты подвергнутся наказанию по закону (лат.)]»); *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 102; *Flach J.* Op. cit. T. 1. P. 75.

168* Ср. термин «земля», которым обозначались как территория, так и население (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... С. 12—13).

169* В. И. Сергеевич полагает, что слово «закладень» обозначало одинаково «как землю, так и человека, служащего обеспечением долга», и в подтверждение этого ссылается на соборную грамоту 1580 г. (СГГД. Т. 1. № 200) (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 269). При этом, однако, профессор сам же указывает на ненадежность цитированного им текста («а кто после сего уложенья купит землю, или *закладня* учнет за собою держати...»). Он допускает, что это место неверно «передает рукопись». Но если даже этот текст напечатан верно, то во всяком случае слово «закладень» имеет в нем необычный смысл. Древнейший смысл этого слова времен уделов был уже не вполне ясен для 1580 г. Составитель соборной грамоты рядом с другими необычными для актов архаичными формами воспользовался и словом «закладень», обозначавшим явление, чуждое уже концу XVI в., но придал ему особый смысл. В указе от 21 ноября 1580 г., изданном на основании соборного приговора 15 января, не было непонятного для современников слова «закладень»; вместо «земель не покупать и закладней не держати» в нем было сказано: «Земель не покупать и в закладе не держать» (*Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. Т. 1. № 94. С. 284 (правая грамота 1625 г.); ААЭ. Т. 1. № 308).

170* См. вышеприведенные цитаты и другие соглашения о недержании закладней в *чужих* волостях, уделах и вотчинах: СГГД. Т. 1. № 20 (1471 г.), № 27 (1362 г.), № 52 (1434 г.), № 88 и др.

171* *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. С. 212.

Свободное развитие такого — личного и одновременно реального — междукняжеского закладничества в удельной Руси древнейшего времени, до XIV в., обусловливалось отсутствием той государственной территориальной власти, которая составляет необходимый элемент современного государства. Существование закладничества того же рода в позднейшее время обнаруживает слабость возникающей власти государства над территорией, устанавливаемой упорною борьбою князей со стариной и медленно усваиваемой общим сознанием. Власть эта, обусловливающая государственную неотчуждаемость отдельных участков территории по воле их частных собственников, создалась не сразу. С течением времени «начало суверенного территориального господства одержало верх над частным имущественным правом», начало политическое возобладало над частным правом, но «в этом случае обошлось не без борьбы и признание прав территориального господства было только результатом ее» [172*]. Весь ход этой борьбы совершенно ясен из междукняжеских договоров. Посредством взаимных соглашений князья устанавливают новые начала территориальной власти, невыхода частных земель из государственного обладания удельного владетеля; постоянные нарушения самими же договаривающимися сторонами этих новых начал свидетельствуют о жизненной силе старого порядка.

Старый порядок государственных отношений прямо противоречил этим новым началам. В древнейшее время князь-государь владел территорией, исключая часть, принадлежавшую ему на праве частной собственности, лишь в силу подчинения ему лиц — частных собственников земли. Отношения личные преобладают над отношениями поземельными на Руси до XIV в., так же как на Западе до XII в.

Личные отношения не только преобладали, но и обусловливали отношения поземельные. С прекращением личной связи землевладельца с князем оканчивалась и государственная власть князя на вотчину частного собственника. Древнее вотчинное право в его полном развитии исключало территориальную власть князя-государя.

Борьба князей с закладничеством находится в тесной связи с общей борьбою против экстерриториальности частных владений. Первым в XIII столетии начинает эту борьбу Великий Новгород, ревниво оберегавший свою самостоятельность от притязаний соседних тверских князей. В 1265 г. великий князь тверской Ярослав Ярославич обязался пред Новгородом не принимать впредь закладников в новгородских волостях, обязался за себя, свою княгиню, бояр и дворян [173*]. Особое соглашение о лицах,

172* *Пригара А. П.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. СПб., 1868. С. 15.

173* «А из Бежиц, княже, людий не выводити в свою землю, ни из иной волости Новгородской, ни грамот им даяти, ни закладников приимати, ни

ранее заложившихся за тверского князя, включено было впервые в третью договорную грамоту того же князя с Новгородом (1270 г.). В этом году великий князь Ярослав, условившись с Новгородом о непринятии впредь новгородских закладников, вместе с тем обязался *отпустить прочь* всех своих, княгининых и боярских закладней, живших за ними, под их властью в новгородском Торжке[174*]. В оправдание этих соглашений, вносившихся в грамоты по инициативе новгородцев, Новгород ссылался на свою старину: «Тако пошло в Новегороде»; из этого видно, что борьба с закладничеством началась в Новгороде еще раньше этих договоров 1265—1270 гг., но что для других княжеств такое отрицание закладничества было еще новостью. Обязательство, данное князем Ярославом в 1270 г. об отпуске торжковских закладников, по-видимому, исполнено не было. Как видно из позднейших договоров, тверской князь сохранил над ними свою власть и они перешли по наследству в обладание его сына Михаила. Великий князь Михаил Ярославич обязался в 1295 г. отпустить только тех закладней, которые подчинились ему лично, и сохранил по договору с Новгородом свою власть над «давними людьми» (в Торжке и Волоке), которые позоровали к Твери при Александре и *при Ярославе*»[175*]. В последующих договорах, однако, мы не находим уже этого льготного для тверского князя соглашения о давних закладнях в пограничных волостях. Через десять лет после указанного соглашения тот же тверской князь Михаил Ярославич, заключая новый договор с Новгородом (1305 г.), должен был согласиться отпустить всех новгородцев, «в Торжку или инде» заложившихся за него, его княгиню или мужей[175a*].

Особенно строгое соглашение о закладниках включено было в договор с Тверью 1307 г. Новгород вообще не останавливался пред чрезвычайными мерами в защиту своей территории; так, несколько позднее, как упомянуто выше, он решился на исключительное мероприятие — конфискацию вотчин у отъезжавших бояр. Та же мера принята была в 1307 г. по отношению к закладням. Новоторжцам, отнявшимся от Новгорода под власть тверского князя, предложено было «идти с Торжку, куда им годно», покинув их «новоторзские земли»[176*].

В позднейших новгородских грамотах не встречается других соглашений о закладничестве, кроме стереотипной статьи «за-

княгыни твоей, ни бояром твоим, ни дворяном твоим, ни смерда, ни купцины» (СГГД. Т. 1. № 1—1265 г.).

174* «А что закладников за Гюргом на Торжку, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнеть в свой погост; тако пошло в Новегороде, отпусти всех проць» (СГГД. Т. 1. № 3—1270 г.).

175* СГГД. Т. 1. № 4 (1295 г.).

175a* Там же. № 7—9.

176* Там же. № 10.

кладников не приимати». В договорах великих князей с удельными постоянно употребляется иная формула: «закладней не держати»[177*]. Соглашение о недержании закладней в чужих владениях внесено, за немногими исключениями[178*], почти во все княжеские договоры начиная с 1362 по 1531 г. Оно находится и в записях князя Владимира Андреевича (Иоанну Грозному) 1553 и 1554 гг., в которые внесен был с некоторыми изменениями обычный, древний текст договорных грамот.

Во многих договорах статьи, направленные против закладничества, следуют непосредственно после соглашений о невсылании в чужой удел данщиков и приставов: «А в твой ми удел даньщиков своих, ни приставов не всылати, тако же и тобе во все мое великое княжение, ни грамот (жаловальных) не давати, ни закладней не держати»[179*]. Сопоставление этих статей не было случайным; они постоянно ставились рядом не в одной только, но в нескольких различных редакциях договорных грамот и имеют между собой тесную логическую связь. Связь эта совершенно ясна. Закладники, отдаваясь в подданство чужому князю, подчинялись не местной правительственной власти, но данщикам и приставам того князя, за которого они заложились. Поэтому статья, запрещающая въезд в чужой удел данщикам и приставам другого князя, преследует ту же самую цель, что и статья, воспрещающая держание закладней в чужом уделе, а именно охрану территории удела. Соглашение, объявлявшее территорию княжества недоступной для правительственных агентов соседних князей, лишало их возможности осуществления своей власти в чужом уделе и тем самым уничтожало в корне закладничество.

Рядом с обязательством о недержании закладней ставится в договорах обязательство не давать в чужой удел жалованных грамот. Обязательства эти также имеют тесную связь одно с другим. Отдаваясь в подданство чужому князю, закладники выговаривали себе известные льготы и привилегии, которые обеспечивались им жалованными грамотами. Статья о таких грамотах, очевидно, направлена против закладничества. Обязуясь не давать в чужой удел жалованных грамот, князья обязуются тем самым не привлекать в свою власть чужих подданных путем различных пожалований.

С обязательствами о закладнях, жалованных грамотах, данщиках и приставах тесно соединяется во многих договорах соглашение о непокупке князьями и боярами сел в чужих уделах: «А в твой ми удел и в отчину даньщиков своих не всылати, ни приставов не давати, ни сел не купити, ни нашим бояром без

[177*] В договорах с Новгородом 1456 и 1471 гг. сказано: «Закладней не держати, не приимати» (ААЭ. Т. 1. № 57; СГГД. Т. 1. № 20).
[178*] См. ниже.
[179*] СГГД. Т. 1. № 33 (1388 г.), № 29 (1371 г.).

твоего веданья ни закладней, ни оброчников не держати, ни грамот ны не давати»[180*]. Соединение этих статей показывает, что они имели одинаковый смысл, преследовали одну и ту же цель. Освоение князьями и их боярами земель чужого удела в частную собственность выводило эти земли из-под ведомства власти местного князя. Соглашение о непокупке сел, одинаково с соглашением о недержании закладней, направлено к сохранению территории за князем удела, оно предотвращает образование в пределах княжества новых экстерриториальных владений.

Указанный общий смысл соглашений о закладнях и других тесно связанных с ними ясно выражен в некоторых договорах особой статьей: «в чужой удел *не вступатися никоторыми делы*», т. е. не присваивать прав на территорию и население, принадлежащих владельцу княжества. Соглашения о закладнях, приставах и жалованных грамотах приводятся прямо в виде конкретного пояснения указанного общего соглашения. Так, князь Владимир Андреевич завещает своим сыновьям: «Дети мои в материн удел и в села не вступаются никоторыми делы, и в Медькино село с деревнями, и в Дьяково село с деревнями: ни приставов своих не всылают, ни судов им не судити, ни закладней не держати, ни грамот им жаловальных не давати»[180a*]. В том же самом знаменательном порядке следуют указанные соглашения в позднейшей редакции договоров (1473—1504 гг.): «В тот мой удел тобе, моему господину, великому князю, не вступатися подо мною, и твоему сыну, князю Ивану, ни вашим детям под моими детьми, и блюсти, а не обидети: ни приставов в мою отчину, ни грамот жалованных не давати, ни земель вам не купити, ни закладней не держати»[181*]. Этими обязательствами устанавливается территориальная власть князя, удел в качестве определенной территории объявляется недоступным для власти соседнего князя, отрицается власть князей над закладниками, основанная на личных связях. Это новое начало государственного права в иной, положительной форме выражено в цитированной выше духовной грамоте так: «Судом и данью потянути *по уделом, где кто живет*»; оно было формулировано впервые в конце XIV в.: «А судом и данью потянути по земле и по воде» (1368 г.)[182*]. В основу государственной власти князя кладется не личная служба, не личное подчинение подданных, но обладание территорией; обладание землей, уделом обусловливают власть

180* Там же. № 35 (1389 г.).
180a* СГГД. Т. 1. № 40 (1410 г.).
181* Там же. № 97—98 (1473 г.). Та же редакция см.: № 99—100, № 101—102, 106—107 (1481 г.), № 108—109, 110—111 (1481 г.), № 123—126 (1486 г.), № 133—134 (1504 г.), № 167 (1553 г.).
182* Там же. № 28. Та же формула в № 76 (1451 г.) и в позднейших договорах тожественной редакции: № 88 (1462 г.), № 119—120 (1484 г.). Ср.: № 90—91 (1462 г.), № 97 (1473 г.), № 106—107 (1481 г.).

над населением; принадлежность лица определяется принадлежностью земли. Древний обычай закладничества, отрицавший местную княжескую власть, признается нарушением новых начал государственного права.

Вопреки этим новым началам, вопреки договорам междуудельное закладничество в древнейшей форме, личное и реальное вместе, существует до XVI в. Оно существовало до тех пор, пока не было устранено главное условие его жизнеспособности — чересполосность княжеских владений. Если бы древний удел был непрерывною площадью, строго отграниченной от соседних княжеств, то князьям трудно было бы осуществлять свою узурпаторскую власть над лицами и землями в чужом уделе и закладничество скоро бы уничтожилось с развитием территориальной власти князей. Между тем удел до XVI в. в большинстве случаев представлял из себя совокупность чересполосных разбросанных владений. Князья сами постоянными разделами поддерживали чересполосность, наследие старины, когда принадлежность владений определялась подданством лица, ее частного собственника. Великий князь Василий Васильевич выделил своей жене волости и села в пределах владений (в уделах) своих сыновей и завещал: «Те волости и села данью и судом потягнут к моей княгине, а дети мои в то не вступаются» (№ 86 — 1462 г.); давши волость Плеснь можайскому князю (Михаилу Андреевичу), он оставил себе Плесенское село и деревни этого села[183*]. В 1504 г. великий князь Иоанн Васильевич пожаловал младшему сыну своему, Юрию, Дмитров и Кашин, определил границу его владений, но при этом, борясь со стариной, обстоятельно и очень неловко разъяснял значение этой границы[184*] и тут же сам нарушил новое начало, нарушил территориальный рубеж, определив, что часть населения в уделе князя Юрия (численные земли и ордынские) будут подвластны не ему, но старшему князю Василию: «Тем численным людем и ординцом тянути по старине всякое тягло с числяки и с ординцы к сыну моему к Василью, а сыну моему Юрью в численые земли и в Ординские *не вступатися ничем*»[184a*].

Благодаря соглашениям такого рода рубеж не был неприкосновенным для властей соседнего княжества; территория удела была легко доступной для приставов и данщиков соседнего кня-

[183*] СГГД. Т. 1. № 90 (1463 г.). С. 216. Другие примеры см.: *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 308, 309.

[184*] «А которые села и деревни монастырские и боярские по сему списку из Переславских станов и из волостей перешли в Дмитровские и в Кашинские станы и волости, и тем монастырям и бояром и детем боярским те свои земли ведати по старине, а данью и судом тем землям тянути к Дмитрову и к Кашину и к волостям Дмитровским и к Кашинским, куде которая земля перешла» и проч. (СГГД. Т. 1. № 138. С. 367).

[184a*] Там же.

зя. Нарушая рубеж, въезжая в удел князя Юрия для управления численными и ордынскими землями, принадлежавшими князю Василию, его волостели легко могли осуществлять свою власть и по отношению к подданным местного князя Юрия, искавшим у них защиты, закладывавшимся за их господина, князя Василия. По договорным грамотам можно заметить, что закладничество вообще развивалось там, где власть чужого князя была близка и легко осуществима. В договорах Новгорода с Тверью речь идет преимущественно о закладнях в пограничных областях, Торжке и Волоке, которые были доступнее для управы волостелей соседнего тверского князя. Напротив, где владения князей не перекрещивались, были удалены одно от другого или же разделены естественной границей, там не было места закладничеству. Жителям Рязанского княжества, отделенного от Москвы ясной границей, рекой Окой, трудно было рассчитывать на скорую защиту московских волостелей и не было, таким образом, оснований для закладничества за московского князя. В договоре князя Дмитрия Иоанновича с Олегом рязанским, установившем между их владениями «раздел по реку Оку», мы не находим обычных обязательств не держать закладней, не покупать сел, не всылать приставов в чужой удел [185*].

Договоры князей сохранили для нас известия лишь о междуудельном закладничестве. Но нет сомнения, что рядом с междуудельным, междукняжеским, существовало в древнее время и закладничество внутреннее, ограниченное пределами известного княжества. Если лица могли закладываться за боярина чужого удела, то еще легче они могли отдаваться под защиту какого-либо сильного землевладельца того же самого княжества, в котором они жили [186*].

185* Там же. № 32 (1381 г.). То же в договоре князя рязанского с князем Юрием Галицким (Там же. № 47—1433 г.) и в договоре князей московского (Василия Васильевича) и можайского с князем рязанским (Там же. № 65—1447 г.). В некоторых договорах первой половины XV в. особой краткой редакции находим обычное соглашение «в чужой удел не вступаться, блюсти, а не обидети»; но в них нет вытекающих из этого соглашения постановлений о закладнях, селах, и приставах; эти постановления, по-видимому, сами собой подразумеваются и выпущены лишь для сокращения текста грамот (Там же. № 37—1405 г.; № 46—1435 г.; № 47, 49, 61—1445 г.). В некоторых договорах интересующие нас соглашения пропущены, по-видимому, случайно. Ср. две договорные грамоты великого князя Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем и с Иваном Андреевичем, князьями можайскими (Там же. № 64, 66—1447 г.; № 69—1448 г.). Соглашение о закладнях и проч. пропущено также и в договорах исключительно политических, как в № 67 (1448 г.). Их нет, кроме того, в грамотах № 60 и 62 (1440 г.) и № 52—59.

186* К такому закладничеству относятся, как кажется, обязательства лиц, получивших землю во временное владение, «не окняжить, не обоярить» этой земли и «не отдати никому» (ААЭ. Т. 1. № 74, III, VI; АЮБ. Т. 1, № 118. II, VIII—X).

Рассмотренный мною в этой главе древнейший вид закладничества личного и поземельного вместе, коммендация лица с землей, исчезает в XVI в. Междуудельное закладничество этого рода уничтожено было объединением Руси. В пределах одного княжества — Московского государства — оно исчезло постепенно с установлением строгого правительственного контроля над правами лиц на поземельную собственность. Этот контроль осуществлялся частыми переписями XV—XVI вв. Право лица на землю признавалось лишь в том случае, если оно было закреплено письменными актами, купчими, данными, раздельными грамотами. Принадлежность земли не могла уже более определяться, как в древнейшее время, принадлежностью лица. Закладничество лица не могло уже более влечь за собой перехода земли под власть патрона.

С середины XVI в. акты говорят об ином виде закладничества, о патронате исключительно личном. Этот вид закладничества-патроната не был связан с коммендацией земельной собственности задавшегося человека, но, как выяснено выше, в первой главе, был обусловлен поселением клиента-закладчика на земле патрона.

IV. КНЯЖЕСКАЯ ЗАЩИТА В СВЯЗИ С ИММУНИТЕТОМ

§ 73. Защитные письма и мундебур

Освобождаясь от подчинения графу, иммунист становился в непосредственное подчинение королю. Король брал его под свою личную защиту.

Непосредственная зависимость лица от короля обозначалась в грамотах германским термином «mundeburdis, mundebur». Этот термин переводили на латинский язык соответствующими латинскими словами «defensio», «auxilium», «tuitio» («защита», «помощь», «соблюдение»). Быть под мундебуром — это значило быть под защитой: *sub mundeburde vel defensione*. Король брал под свою защиту знатных людей, вассалов, аббатов, а иногда также и лиц низшего общественного положения, но особенно нуждающихся в защите; женщин, евреев, купцов; этих последних иногда только на определенный срок — так, например, купцов на время их торгового путешествия. Взяв кого-либо под свою защиту, король особой грамотой, защитным письмом (Schutzbrief), запрещал своим чиновникам наносить ему в чем-либо вред и повелевал вместе с тем оказывать ему всякое покровительство и содействие. За преступление, совершенное против подзащитного человека, виновные должны были платить более высокую пеню.

Отношения защиты составляли, таким образом: 1) деятельное покровительство подзащитному человеку (homo in mundio) со сто-

роны королевских властей, 2) усиленную охрану его личных прав высокой пеней и 3) непосредственную подсудность его королю. В тех случаях, когда подзащитный человек не находил управы у графа или не был удовлетворен судебным решением графа, он имел право перенести свое дело на суд короля; дело его рассматривалось или самим королем, или близким к королю, доверенным сановником, дворцовым графом (comes palatii) [187*].

Эти отношения защиты, институт мундебурдия во всей его целости, существовали и в удельной Руси. Ясные указания на них дают жалованные грамоты; иммунитет у нас, как и на Западе, соединялся с княжеской защитой.

К сожалению, у нас не сохранилось образца древней защитной грамоты чистого типа, которая рельефно обрисовала бы нам самостоятельное значение института княжеской защиты вне связи его с иммунитетом. Впрочем, этот недостаток может возместить одна своеобразная новгородская жалованная грамота; в ней вслед за обычными статьями жалованных грамот находим особое постановление, ярко выражающее отношения защиты и, может быть, взятое целиком из специальных защитных грамот.

В этой грамоте Великий Новгород дает привилегии купцам Троице-Сергиева монастыря на время их путешествия в принадлежавший Новгороду Двинский край (свободу от таможенных и торговых пошлин и от суда местных посадников) и затем объявляет: «А вы, бояре Двинские, и житьи люди, и купци, бороните купчину Сергеева монастыря, хотя коли будет Новгород Великий с которыми сторонами немирен, а вы *блюдите* монастырского купчину и его людей, *как своих*, занеж весь господин Великий Новгород *жаловал Сергеев монастырь держать своим*; и вы посадники и бояре и их приказники и все пошлинники сей грамоты Новгородские не ослышьтеся» [188*].

Свой монастырь, свой человек — это человек in mundio, homo regis, подзащитный человек. Новгородские власти должны боронить его даже в том случае, если Новгород будет вести войну с московским князем, во владениях которого находился Троицкий монастырь, взятый под защиту [188a*]. Повеление местным властям заканчивается внушительным: «Вы сей грамоты новгородские не ослышьтеся». Отношения защиты устанавливаются здесь вообще в более сильных и характерных выражениях, чем в соответствующем защитном письме Людовика Благочестивого, где король говорит, обращаясь к своим чиновникам: «Вы должны оказывать им

[187*] Ср.: *Zöpfl H.* Op. cit. Bd. II. S. 57—58; *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 235—239, 483.

[188*] ААЭ. Т. 1. № 42 (1448—1454 гг.).

[188a*] В другой подобной грамоте, Соловецкому монастырю, сказано: «Боронити игумена и всех старцев всим Великим Новгородом» (ААЭ. Т. 1. № 62—1470 г.).

(купцам) помощь или мундебурдий все время, пока они будут исполнять свои дела, чтобы благодаря нам они возвратились здравы и невредимы»[189*].

Великий князь Иоанн Калита так же, как Новгород в только что рассмотренной грамоте, даруя привилегии монастырю, берет его под особую свою защиту: «А по великому князю слову волостелем их волоцким *блюсти, а не обидети*, Бога деля и святого дела Юрья»; «а коли розмирье князю великому с Новым городом, а тогда их в безадщину не ставити, не обидети их в то время, но живут оприснь в брезе князя великого» (живут оприснь — особо, в брезе — бреженье (береженье) — под защитой великого князя)[190*]. Эта фраза — «жить оприснь в брезе великого князя» — выделяется явным архаизмом в грамоте XIV в. Не представляет ли она древнейшей формулы, обозначавшей отношения защиты? Позднейшие защитные грамоты иного, нового типа назывались бережеными. Не сохранилось ли в этом названии отзвука старой защитной формулы?

В только что рассмотренных текстах ясно выражен один элемент института защиты, или мундебурдия: особое покровительство, деятельная оборона, оказываемая подзащитному человеку князем-государем и его властями. Другой элемент отношений защиты, а именно право подзащитного человека на личный, непосредственный суд князя, не менее ясно обнаруживается из русских жалованных грамот. Наши грамоты устанавливают порядок осуществления этого права, несколько отличающийся от западного, но тожественный с ним по существу и, более того, выражающий еще прямолинейнее основное начало института. На Западе подзащитный землевладелец-иммунист обыкновенно не освобождался вовсе от местной подсудности, но ему предоставлялось обращаться к личному суду короля в тех случаях, когда он будет не удовлетворен судебным решением местных управителей-графов: ему давалось только право апелляции к королю. У нас же привилегированный вотчинник совершенно освобождался от подсудности местным властям и подлежал единственно суду великого князя: «А кому будет каково дело до игумена, ино его сужу яз сам князь великий»[191*].

Личный суд короля заменялся при этом на Западе судом его доверенного сановника — дворцового графа (comes palatii). У нас точно так же в разбирательстве тяжебных дел иммуниста князя

[189*] Auxilium vel mundeburdium praebeatis, quatinus negotium eorum exerceant et per nos salvi et illesi eant et redeant (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 239. Anm. 5).

[190*] ААЭ. Т. 1. № 4 (грамота 1338—1340 гг.).

[191*] РИБ. Т. II. № 21 (белозерская грамота 1435—1447 гг.). Отличие, объясняющееся большей близостью князя к иммунистам вследствие меньших размеров его владений.

заменял боярин введеный. «А кому будет чего искать на NN или на их приказчике, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введеный» [191a*] (aut ante regem, aut ante comitem palatii *).

Глава третья
БОЯРСКАЯ СЛУЖБА

I. ДРУЖИНА

§ 74. *Германская и русская дружина*

Германскому вассалитету соответствует *боярская служба* удельного времени. И совершенно одинаково с вассалитетом она развивается из отношений *дружинных*. Прежде чем приступить к изучению позднейшей боярской службы, необходимо описать предшествующую ей дружину, причем нетрудно будет показать, что она имеет корни те же самые, что и вассалитет.

Близкое сходство русских дружин киевского времени с дружинами германских конунгов замечено давно. Погодин еще в 1846 г. сопоставил летописные известия о дружинах с описанием норманнской дружины, и Кавелин, разбирая труд Погодина, писал: «Изображение норманнской дружины по Стрингольму [93], действительно, *разительно сходно* с отрывочными известиями летописи, и автор прав, говоря: не кажется ли, что оно сделано по Нестору?» [192*]. Если же мы, пользуясь новыми исследованиями Вайца или Бруннера, ближе сравним основные черты русских и германских дружин, то должны будем признать в них не только разительно сходные, но и тожественные по существу институты.

В Киевской Руси так же, как у франков, лангобардов, англосаксов или норманнов, княжеская дружина представляет собою вольное военное товарищество. Дружинники-воины не холопы, не подданные и не наемники; это свободные люди, клятвенно обязавшиеся верно служить своему вождю-господину на поле брани. Отношения дружинника к князю определяются свободною связью службы и верности.

[191a*] ААЭ. Т. 1. № 44 (московская грамота Марье Копниной); см. также: № 46 (1450 г.), № 141—1505 г. То же во множестве других грамот. Боярина введеного заменяет иногда дворецкий или казначей. Иногда великий князь выражается неопределенно: «Или кому прикажу». См. сводный текст: *Ланге Н.* Указ. соч. С. 182—185; *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 487.

* Либо перед королем, либо перед дворцовым графом (лат.).

[192*] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3: Норманнский период. С. 228—232; *Кавелин К. Д.* Исторические труды М. П. Погодина // Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. С. 173.

Нравственная связь[193*], отвлеченная принадлежность дружинника к дому князя поддерживается в древнейшее время реальной близостью к княжескому дому, сожительством дружинников с князем. На войне дружинники близко сопутствуют князю, составляя как бы его телохранительный отряд. В мирное время большая часть их живут во дворе князя. В принадлежности к домашнему товариществу (Hausgenossenschaft) князя Бруннер видит отличительный признак дружинников: они «едят, пируют и спят в палатах господина»[194*]. На такую же близость русских дружинников к княжескому дому указывают известия нашей летописи. Желая охарактеризовать любовь князя Мстислава Тмутараканского к дружине, летописец говорит, что он для дружины «именья не щадяще, ни питья, ни яденья бранящe» (1036 г.). Во дворе князя были особые палаты, служившие жилищем или столовой для дружины; они назывались *гридницей* от слова *гридь* (дружина). На близость дружинников к княжескому дому указывает, по-видимому, и термин «огнищанин», обозначающий, по мнению Соловьева, человека, принадлежащего к княжескому огнищу — очагу — дому (подобно тому как термин «дворянин» обозначал человека, принадлежащего к княжескому двору)[195*].

Сожительство дружины с князем весьма рано начинает разрушаться. В меровингское время многие дружинники, сохраняя принадлежность к княжескому дому, мундиуму (огнищу), живут уже в отдалении от князя на пожалованной им земле или во вверенном их управлению округе. В Киевской Руси мы также видим многих дружинников, управляющих городами в качестве посадников, в отдалении от князя, или живущих в своих боярских селах. У нас совершенно так же, как на Западе, с течением времени дружина все больше отдаляется от князя, приобретая земельную оседлость. Но близость сохраняется в приездах к княжескому двору: раньше жили вместе, теперь съезжаются.

Несмотря на большую близость к князю, на тесную нравственную связь верности, дружинники пользуются большой самостоятельностью в своих отношениях к нему. Князь — их вождь, но не господин и не государь. Вольные верные мужи, они верны ему, они следуют за ним только до тех пор, пока одобряют его действия. Воля дружины поэтому связывала волю князя. Эта сто-

193* Сребром и златом не имам налезти дружины» (Летопись); «мужей златом не добыти» (Даниил Заточник).

194* *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1887. Bd. I, § 19. S. 133—143. В дальнейшем сравнении я буду держаться Бруннера, не делая на него ссылок. Дополнительные сведения о русских дружинных порядках см. в моей книге «Государевы служилые люди» (Гл. 1).

195* Сходное с мнением Соловьева объяснение дают М. Ф. Владимирский-Буданов и Костомаров (*Костомаров Н. И.* Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1863. Т. 2. С. 20). О других толкованиях см. названную мою книгу (*Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 296. Прил. 2).

рона отношений дружины к князю ярко обрисована в нашей летописи. Мы видим в ней, что князья предпринимают все важные действия, «сдумавше с дружиною». Летопись дает нам даже живое описание одного совещания князей с дружинами, рассказывает, как князья Владимир Мономах и Святополк-Михаил «сели думать» с своими дружинами «в едином шатре» (конечно, только с виднейшими мужами как представителями остальных) и как Владимир Мономах убеждал дружинников в необходимости начать войну с половцами (1103 г.). О совещаниях королей с дружиной свидетельствуют также и западноевропейские источники. «Антрустионы,— говорит Бруннер,— играют значительную роль в совете короля, в особенности они принимают участие в обсуждении узаконений». «В совете короля,— со своей стороны замечает Вайц,— сидят слуги короля и его дружина и оказывают свое влияние на политику» [196*]. Безыскусственные отметки летописи Фредегария [94] об отношении дружинников-левдов (leudes) к тем или иным действиям королей вполне сходятся с такими же отметками нашей летописи: «Теодориха убеждали левды его заключить мир с Теодебертом»; «Андреева же дружина приездяче к нему жаловаху, глаголюще: что твориши княже? поеди прочь...» [197*].

Наши источники совершенно так же, как германские, не дают возможности выяснить ближе разряды, степени и чины дружинников, кроме деления дружины на высшую и низшую или старшую и младшую. Точное значение различных наименований дружинников — «гридь, отроки, детские, пасынки, болярцы»,— так же как германских «Degen, Gasindi, Gafolgi, Austaldi» и проч., трудно поддается объяснению. Любопытно, однако, что у нас встречаются наименования, совершенно соответствующие германским. Наши *отроки* соответствуют выражению «Degen» (degan, thegan), слову, родственному с греческим «teknon» и обозначающим *отрока* (Knabe) и слугу (Diener), а также витязя (Held). Нашей дружине — друзьям — соответствует выражение «austaldi», «hagustaldi» (саксонское и франкское) — друзья.

О низших членах дружины следует заметить, что некоторые из них исполняли обязанности по домашнему хозяйству князя, сближаясь с его невольными слугами. Это обстоятельство давало некоторым германским историкам основание сближать вообще дружинников с княжеской челядью. К такому же неправильному заключению приходили независимо от германских и некоторые наши историки.

196* *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. II. S. 100; *Waitz G.* Op. cit. Bd. II. S. 103. Эта сторона отношений дружины к князю выяснена и сопоставлена с германскими отношениями В. И. Сергеевичем (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. II, вып. 2. С. 342, 467 и след.).

197* *Waitz G.* Op. cit. Bd. II. S. 354 (выписка из Фредегария); Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 307 (1149 г.).

Высший разряд дружинников у нас так же, как на Западе, пользуется особыми преимуществами. Жизнь старших дружинников охраняется или особой пеней, сверх обычной виры за убийство, как у англосаксов и норманнов, или повышенной вирой, в тройном размере, как у франков. По Салической правде за убийство человека, состоящего in truste dominica *, взималось 600 солидов вместо 200, взимавшихся за убийство свободного франка (ст. 41). Точно так же по Русской Правде за убийство огнищанина назначена была вира в 80 гривен вместо обычных 40 (ст. 18). Эта высшая вира охраняла жизнь не всех членов дружины, а только высший ее разряд, у нас — огнищан, у франков — антрустионов, которые так же, как наши огнищане, составляют «eine hervorragende Klasse des königlichen Gefolges» **.

От королевской дружины германские историки строго отличают древнейшую германскую знать (Adel). Вайц ясно показал, что у всех германских племен были древние знатные роды, не входившие в состав дружинников и пользовавшиеся известными преимуществами независимо от дружинной службы королю или герцогу. «О связи между знатью и дружиной,— говорит он о лангобардах,— не может быть и речи: обе стоят совершенно отдельно, одна подле другой» [198*]. В нашей историографии точно так же давно уже установлено существование в Киевской Руси рядом с княжескими боярами-дружинниками так называемых бояр земских. Летопись называет их старцами, старейшинами, боярами, нарочитыми мужами [199*]. Представители старой земской знати, конечно, нередко вступали в ряды княжеских дружинников, но дружины отнюдь не были аристократическим учреждением. Доступ к ним как у нас, так и на Западе открыт был для всех свободных людей и даже полусвободных. В Салической правде (дополнения к ней) упоминаются римляне и *литы* — полусвободные дружинники (in truste dominica) [200*]. Подобное указание

* На службе господина (лат.).

** «Выдающийся класс королевской дружины» (нем.).

198* *Waitz G.* Op. cit. Bd. I. S. 393 etc. Бруннер также отличает древнюю Adel от Gefolgschaft (*Brunner H.* Op. cit. Bd. I. S. 107, 247 etc.).

199* *Беляев И. Д.* Жители Московского государства, их права и обязанности // Временник ОИДР. 1849. Кн. 3; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... 3-е изд. С. 19—30; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. С. 1—3. Бруннер считает наиболее вероятным мнение, что «Die Adeligen der Urzeit [знать древних времен (нем.)]» принадлежала к тем родам «Geschlechter, aus welchen man die Könige, die Fürsten, die Priester zu nehmen pflegte [родам, из которых, как правило, происходили короли, князья, жрецы (нем.)]» (*Brunner H.* Op. cit. Bd. 1. S. 107). Точно так же М. Ф. Владимирский-Буданов предполагает, что в класс земских бояр вошли «туземные князья, лишенные своих владений Рюриковичами».

200* *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 326; *Brunner H.* Op. cit. Bd. II. S. 99 («Antrustionen konntan nicht nur Freie, sondern auch Liten und Knechte sein (Антрустионами могли быть не только свободные, но и литы и рабы (нем.)]»). «Вообще личные качества при возвышении в обществе преобла-

на отсутствие в наших дружинах аристократической замкнутости дает наша первоначальная летопись, рассказывая, как Владимир Святой «сотвори великим мужем» сына кожевника в награду за то, что он победил в единоборстве печенежского богатыря (992 г.).

Отличая дружину от древней знати, немецкие историки, с другой стороны, в военном отношении строго отличают дружину от *народного ополчения*. Германские дружины были обыкновенно немногочисленны — от 15 до 240 человек. Наша летопись дает бесспорные данные для отличия дружины от народного ополчения. В битве 1024 г. князь Мстислав, рассказывает летописец, «с вечера исполчив дружину, и постави север (ополчение северян) в чело противу варягом, а сам ста с дружиною своею по крилома». Когда благодаря этому строю вся тяжесть сечи пала на ополчение, Мстислав на следующий день при виде трупов павших северян заметил: «Кто сему не рад? се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела». Ополчение обыкновенно разумеется под словами *вои*, *помочь*, *полк* или под областным названием — новгородцы, суздальцы; нередко, однако, это различие не выдерживается и дружиною называется все войско [201*].

II. ВАССАЛИТЕТ

§ 75. *Вольная служба*

Вассальные отношения на Западе развились из отношений дружинных. Вассалы отличаются от дружинников главным образом своей земельной оседлостью и хозяйственной самостоятельностью. Вассалитет — это отделившаяся от князя, оседлая, землевладельческая дружина [202*].

У нас с течением времени дружинники так же, как на Западе, приобретают земельную оседлость. С развивающейся в XII в. оседлостью князей, обращающих волости в наследственную собст-

дали в древних славянских (? как и в германских) обществах над рождением и наследственностью» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... С. 34).

[201*] От постоянной дружины Бруннер отличает сборную дружину, составлявшуюся для определенного предприятия из добровольцев: eine Gefolgschaft ohne Hausgenossenschaft [свита без домашних (нем.)] (Brunner H. Op. cit. Bd. I. S. 137). В нашей летописи также можно заметить рядом с постоянными дружинами, постоянно сопровождавшими своего вождя, дружины — сборные отряды. См.: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 303 (1148 г.), 345 (1122 г.); ср.: Там же. С. 286 (1130 г.).

[202*] Генетическая связь дружины и вассалитета в последнее время детально выяснена Бруннером в его истории права и в специальных статьях. Ее признают Гизо, Рот, Цепфль, Флак и др. Проф. Виноградов говорит, что вассалитет есть позднейшее название дружинной коммендации. Вайц тщетно пытался доказать, что вассалитет находится в связи единственно с коммендацией-патронатом, но не с дружиной.

венность, развивается, как давно выяснено нашими историками, и «частная поземельная собственность дружины». В исходе киевского периода дружинники превращаются в бояр и слуг землевладельцев. *Боярская служба* удельного времени, вырастая так же, как вассалитет, из службы дружинной, по основным своим началам тожественна, как мы сейчас увидим, со службой вассальной.

Вглядимся ближе в отношения вассалитета. Что такое германский вассал? Это прежде всего, так же как и дружинник, *военный слуга* своего господина-сюзерена. «Столько же историко-юридический, как и политический, центр тяжести вассалитета,— говорит Бруннер,— лежит в военно-служебной обязанности вассала» [203*]. Все вассалы обязаны выступать в поход по первому требованию господина. Кроме военной службы, часть вассалов несет также *придворную службу*; те вассалы, которые не живут при дворе сеньера, обязаны являться ко двору по первому его требованию (die Verpflichtung der Hoffahrt). Бруннер остроумно видит в этой обязанности пережиток древнего дружинного сожительства (домовой общины). Часть вассалов, далее, несет *гражданскую службу* по той или другой порученной им господином должности. Они управляют областями, присутствуют в королевском суде, заседают в королевском совете, исполняют обязанности королевских послов (missi) [204*].

Точно такую же картину служебных обязанностей и деятельности вообще наших бояр и слуг дают договорные и духовные грамоты удельных князей. Наши бояре так же, как вассалы, без всякого сомнения, прежде всего военные слуги князей. Договорные грамоты свидетельствуют о непременной обязанности их выступать в поход, когда «князь их садится на конь» против своего недруга. Великий князь Дмитрий Иоаннович обязывает своего двоюродного брата Владимира Андреевича: «А коли ми будем всести на конь, а тобе со мною, или тя куды пошлю и *твои бояря с тобою*» (1388 г.). Если князь Владимир Андреевич найдет нужным не брать с собою в поход кого-либо из бояр, то он должен предварительно условиться об этом с великим князем: «А кого коли оставити у тобя бояр, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадце: кому будет слично ся остати, тому остатися; кому ехати, тому ехати» (1362 г.). Бояре, находящиеся в округе горо-

203* *Brunner H.* Op. cit. Bd. II. S. 268. Проф. Виноградов видит в «вооруженной службе» «отличительный признак вассалитета в противоположность оброчным и зависимым отношениям низшего разряда» (*Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии // ЖМНП. 1880. № 12. С. 360). Фюстель де Куланж считает военную службу коренным отличием дружинной коммендации от иной. Вайц также не отрицает того, что вассалы суть военные слуги, но в этой военной службе он не видит существенной черты вассалитета, полагая, что только принятие бенефиция возлагало на вассала обязанность военной службы (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 276).

204* *Brunner H.* Op. cit. Bd. II. S. 267—269; *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 255.

да, которому грозит опасность осады, избавляются от обязанности являться к полку своего князя. Но они должны защищать этот город: «А городная осада, где кто живет, тому туто и сести...» (1390 г.)[205*].

Так же как вассалы, бояре — военные слуги в мирное время несут придворную и гражданскую службу. При дворе князя они служат окольничими, казначеями, чашниками и проч. Часть бояр и слуг живут в непосредственной близости к князю на его дворе[206*]. Часть — исполняют различные должности по местному гражданскому управлению: служат наместниками, волостелями, доводчиками (управителями-кормленщиками).

Служебные обязанности вассалов обозначаются общими терминами «servtium» и «obsequium» (служба). Отношение вассала к господину, замечает Вайц, обозначается словами *служить* (*servire*), *служба* (*servitium*); вассал называется иначе *слугою*[207*]. Наши грамоты говорят о *боярах* и *слугах*, причем, по существу, ни в чем не отличают бояр от слуг. Боярами назывался высший разряд слуг князя. Отношение к князю обозначается точно так же, как на Западе, словами *служить*, *служба*. Помимо всего прочего, таким образом, и самая терминология дает основание для тесного сближения наших удельных *бояр-слуг с вассалами-слугами*.

Свободную боярскую военную службу отнюдь не следует смешивать с принудительной военной повинностью подданных. Эта последняя проистекает из территориального подданства. Служба же боярина обусловливается, как и служба вассальная, особою его личною договорной связью с князем. В таком именно личном характере вассалитета заключается важнейшая его черта, важнейшее его отличие от государственного подданства, с которым он нередко вступает в конфликт[208*]. Личный, дружинно-вассальный характер службы удельного боярина-слуги явственно виден из договорных грамот. В некоторых договорах вассальная служба боярина отделяется от его государственного подчинения местной власти в отношении суда и дани. Боярин, владеющий землею и живущий в данном княжестве, весьма часто является «слугою» не

205* СГГД. Т. 1. № 27 (1362 г.), № 33 (1388 г.); ААЭ. Т. 1. № 10 (1390 г.) См. также другие цитаты ниже. О городной осаде см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. С. 299, примеч. 14.

206* Здесь в лице дворных людей-дворян они сближаются с невольными слугами. Та же близость вассалов к несвободным или полусвободным дворовым слугам замечена и на Западе; Вайц даже весь вассалитет выводит из такой дворовой службы.

207* «Andererseits wird das Verhältniss zum Herrn als ein Dienen (servire), Dienst (servitium) bezeichnet; der Vassal heisst um deswillen auch wohl selber Diener (famulus, puer)» (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 272—273).

208* «Die Dienstpflicht der Vassalen konnte in Konflikt treten mit den öffentlichen Unterthanenpflichen [Служебный долг вассалов может вступать в конфликт с общественными обязанностями подданства (нем.)]» (*Brunner H.* Op. cit. Bd. II. S. 269).

местного, а иного князя. Предоставляя такому боярину «служить», кому он хочет, договорные грамоты обязывают его в отношении дани и суда подчиняться местному князю: «А кто *служит* нам или тебе, а *живет* в нашей вотчине, в великом княженьи, или в твоей вотчине во Тфери, и на тых нам (взаимно) взяти дань, как и на своих, по целованью, без хитрости» (1368 г.). Судом и данью боярин обязан «потянути по земле и по воде», но на войну он идет непременно с воеводою того князя, которому служит; договоры не нарушают существа вассальной боярской службы: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем и ехати, кому служит» (1390 г.) [209*].

Выбор господина-сеньера зависел единственно от желания слуг-вассалов. Могущественный и доблестный сеньер имел много вассалов, потому что многие добивались чести и выгод, связанных со службой ему. Яркое указание на эти отношения дает тверская летопись, рассказывая, как тверской князь Василий привлекал к себе слуг своею доблестью: «Зельно мнози служаху ему... сынове сильных прилагахуся ему» (1362 г.) [210*].

Боярин, военный слуга, был так же, как дружинник, *вольным слугою* своего князя-господина. Он сохранял за собою право во всякое время по своему усмотрению порвать свою служебную связь с господином. Эта свобода боярской службы, право отъезда или право отказа, существовала до конца удельного порядка. В договорных грамотах постоянно встречается известная статья: «*А боярам и слугам межи нас вольным воля*». Великие и удельные князья не только всегда подтверждали боярское право отъезда, но даже взаимно обязывались «не держать нелюбья» на отъехавших слуг и «не посягати на них без исправы».

§ 76. Боярская служба и вассалитет

Мне предстоит теперь обсудить весьма важный вопрос, в какой мере эта свобода нашей боярской службы отвечает основным началам вассалитета. Вопрос этот важен потому, что все ходячее

209* СГГД. Т. 1. № 28 (1368 г.); ААЭ. Т. 1. № 10 (1390 г.). Для большей ясности приведем в связи постановления о боярах из договора 1389 г.: а) «А боярам и слугам межи нас вольным воля», b) «А кто живет твоих бояр в наших уделех и в отчине в великом княженьи, а тех ны блюсти как и своих, и дань взяти, как и на своих» (и vice versa [наоборот (лат.)]), c) в случае войны, «которые бояре твои живут в наших уделех и в вел. княженьи, *а те бояре* с *тобою*; а коли ми послати своих воевод из которых городов, и *твои бояре поедут* с *твоим воеводою*; а твой воевода с моим воеводою вместе» (СГГД. Т. 1. № 35—1389 г.). Ср. договор 1434 г.: «А где будет итти нашим ратем, и где кто живет, в наших отчинах, и кто кому служит, тот с своим осподарем и едет» (Там же. № 52). Это уже общий принцип, не только о службе князя.

210* Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. С. 469. Там же несколько выше: «Вси сынове тверстии прилагахуся к нему и храбро служаху ему» (с. 468).

представление об удельной Руси зиждется на этой свободе службы. Хорошо известно, что по законам Каролингов свобода службы вассалов отнюдь не была столь безусловной. Карл Великий постановил в капитулярии 813 г., что никто не должен оставлять своего сеньера, если только сеньер не совершит явного насилия в отношении своего слуги: 1) покусится на его жизнь, 2) оскорбит, побив палкой, 3) обесчестит его жену или дочь или, 4) наконец, отнимет его вотчину (hereditas). Не здесь ли и заключается тот существенный пункт различия между боярской службой и вассалитетом, который разрушает в корень устанавливаемое мною тожество этих учреждений?

К такому именно выводу о коренном различии между боярской службой и вассальной пришел Б. Н. Чичерин, противопоставивший временный характер боярской службы постоянству вассального договора. Начало вольной службы удельного времени Чичерин совершенно правильно ведет от вольной дружины древнейшего киевского периода. «Это выражение: *люди вольные,*— говорит он,— совершенно соответствует слову *франки* (hommes francs), которое на Западе означало то же самое понятие. Оба явления принадлежат одному времени и сходны между собою, потому что происходят из одного источника, именно из дружинного начала, из этого союза лиц, совершенно свободных, никому не подчиненных и соединенных между собою единственно договором. Этот дружинный тип, разбивши первоначальную родовую связь, вошел как составной элемент в большую часть гражданских отношений того времени. Но на Западе бродячая жизнь франков скоро превратилась в подчинение, хотя личное, договорное, однако постоянное. Там дружины пришли в столкновение с предыдущею развитою гражданственностью; там самая природа страны мало способствовала кочеванию. И вот мы с ранних времен видим ограничения перехода слуг... В некоторых из этих постановлений нельзя не видеть государственных стремлений, которыми тогдашние короли и императоры пытались воскресить Римскую империю. Но во всяком случае, это сообщало *договорам постоянный, наследственный характер, который не только сохранился, но еще более развился при утверждении феодализма.* У нас же до самого образования Московского государства бояре и слуги свободно переезжали от князя к князю и договоры носили характер временный» [210а*].

Итак, вассальная связь, вассальный договор, по мнению Чичерина, есть договор постоянный, прочный, неразрывный; служебная же связь боярина с князем — временная, слабая, совершенно свободная. С одной стороны «прочность и крепость гражданских отношений», с другой — «совершенная их шаткость». Это блестящее и столь меткое на первый взгляд противо-

210а* *Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 334.

положение обнаруживает, однако, полную «шаткость» при первом же обращении к трудам историков феодализма [211*].

При сравнении боярской службы и вассалитета как двух правовых институтов прежде всего важно отметить, что западноевропейские историки отнюдь не считают неразрывность вассальной связи, которую пытался утвердить Карл Великий и ближайшие его преемники, существенным элементом вассалитета. На капитулярий Карла они смотрят как на постановление, шедшее вразрез с основным началом уже сложившегося института, как на закон, стремившийся изменить обычай, но его вполне не изменивший. Вассально-служебная связь на Западе совершенно так же, как у нас, выросла из связи дружинной и должна была сохранить присущий последней принцип полной свободы. Если мы будем противопоставлять, как сделал Б. Н. Чичерин, постоянную вассальную службу временной, вольной службе боярской, то в таком случае должны будем признать, что в этой последней лучше и полнее выразилось одно из основных начал германского вассалитета. Но на самом деле этого не было. Близость наших удельных учреждений к феодальным столь велика, что все основные черты, весь скелет вассалитета совпадает со скелетом соответствующего русского института — боярской службы.

Что неразрывность вассальной связи отнюдь не определяла существо вассалитета, это показывает неуверенность и колебания законодательной власти, пытавшейся установить эту неразрывность. Карл Лысый в 847 г., ссылаясь на узаконения своих предшественников, постановил, чтобы никто не оставлял своего сеньера без справедливой причины (sine justa ratione), и вслед за тем через короткое время, в 856 г., разрешил переход вассалам, которым почему-либо не нравится их сеньер (cui suus senioratus non placet), и «скорее приглашает их пользоваться свободой службы, чем ее ограничивает» [212*]. Вассал обязывался быть верным до тех пор, пока он не порвал служебного договора, пока он служит и владеет бенефицием: «Верность, как тебе обещал, сохраню, доколе буду твоим и буду держать твое имение (fidelitatem, sicut

[211*] Вся эта антитеза построена на явной ошибке Вайца, следствием которой явилась ошибка Чичерина. Теперь (и давно уже) свобода договора вассала всеми признается.

[212*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 266, 267, Anm. 1, 2. Ср.: *Montesquieu Ch.* De l'esprit des lois. L. XXXI, Ch. XXVI: «Du temps de Charlemagne, lorsqu'un vassal avoit reçu d'un seigneur une chose, ne valut elle qu'un sou, il ne pouvoit plus le quitter. Mais sous Charles le Chauve les vassaux purent impunement suivre leurs intérêts ou leur captice; et ce prince s'exprime si fortement là-dessus, qu'il semble plutôt les inviter à jouir de cette liberté, qu'à la restreindre [Во времена Карла Великого, когда вассал получал что-либо от сеньора, то не мог уже более его покинуть, если бы даже полученная вещь стоила не более одного солида. Но при Карле Лысом вассалы могли безнаказанно следовать своим интересам и влечениям, и этот государь выражается на этот счет так решительно, что, кажется, будто он скорее предлагает им пользоваться этой свободой, чем ограничивать ее (фр.)]» [95].

tibi promisi, adteneam, quamdiu tuus fuero et tua bona tenuero)»[213*]. В этом обязательстве нет и тени указания на постоянство, неразрывность договора. Вассал обещается служить верно, доколе будет слугою господина.

Указывая на связь вассальных отношений с дружинными и определив последние как «связь чисто личную и совершенно свободную», Гизо замечает, что «та же свобода продолжала существовать» и после земельной оседлости дружины. «Карл Великий предпринял, с одной стороны, определить, в каких случаях коммендат может покинуть своего патрона, с другой стороны, обязать каждого свободного человека избрать себе патрона». Но, говорит Гизо, «Charlemagne n'obtint pas tout ce qu'il voulait, *longtemps* encore *une extrême mobilité* règna dans ce genre de rapports»*. Та же неустойчивость отношений характерна и для позднейшего времени расцвета феодализма: «Вассалы часто имели притязание на то, что они могут порвать феодальную связь и отделиться от их сюзерена произвольно, без всякого повода, единственно по своему желанию. Правда, памятники феодального законодательства не признают этих притязаний законными...» Законодательство пыталось положить предел, оформить «эту возможность разлучаться, порывать социальную связь, но она тем не менее оставалась *первоначальной и господствующей основой феодализма* (*le principe primitif et dominant de la féodalité*)»[214*].

Королевская власть была слишком слаба, чтобы заставить уважать закон, шедший вразрез с феодальной свободой. Капитулярии Карла Великого и его сыновей не были забыты во Франции и в позднейшее время, в XI—XII вв.; но они получили особое значение. В них видели не ограничение свободы, а подтверждение права вассала порвать связь с сеньером, если он не исполнит обязанностей верности и покровительства. Найти повод для обвинения сеньера в нарушении его обязанностей вообще было нетрудно. Вассалы пользовались этим, как указывает Люшер, чтобы под самым ничтожным предлогом перенести на другого сюзерена свои fidelitas et hommagium**. Названный историк приводит ряд

[213*] Другое такое же свидетельство дает auctor vetus: «quamdiu homo suus sit et beneficia ab eo habuerit» [старый автор: «До сих пор пока он был бы его человеком и пожалования от него имел» (лат.)] (*Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. S. 70, Anm. 3). Приводя эти свидетельства, противоречащие взгляду на неразрывность вассальского договора, Вайц излагает их, опуская слова «quamdiu homo suu sit» и «quamdiu tuus fuero»; в этих словах, однако, весь смысл. В других известиях вассалы клянутся быть верными, но отнюдь не дают обещания служить до смерти или не покинуть господина. См., например: *Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. S. 71, Anm. 3.

* «Карл Великий не добился всего, чего хотел; *еще долго крайняя неустойчивость* была свойственна этим отношениям» (фр.).

[214*] *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France. P., 1859, T. III. P. 250—251; T. IV. P. 72—73. Ср.: T. IV. P. 28.

** Верность и оммаж (лат.).

примеров такого перехода крупных феодалов от одного сюзерена к другому в XII в. и говорит о *«феодальной независимости, доведенной до крайних пределов»* [215*]. Где же то постоянство, та неразрывность вассальных отношений, которую Чичерин противополагает вольной службе удельных бояр?

Установленное Карлом Великим ограничение свободы службы вассалов совершенно не привилось в германских странах. Немецкий феодализм отличается от французского меньшей формальностью вообще, в частности полным признанием вольности вассалов. «Немецкое и лангобардское ленное право,— говорит Бруннер,— не дают указаний на неразрывность вассалитета (Unkündbarkeit). То и другое право в этом пункте *вернулось к основоположениям германского дружинного быта.* А именно считалось, что вассал правоспособен, при условии возвращения лена, разорвать служебное отношение» [216*].

Вайц, не имея достаточной опоры в источниках, утверждает, что и в Германии в ленный период вассал мог по праву оставить господина только в том случае, если господин не исполнял своих обязанностей верности и покровительства, и указывает вместе с тем, что действительность мало соответствовала праву. «Памятники XI столетия наполнены отзвуком жалоб на то, что присяга, принесенная князьями королю и вассалами своим господам, мало почитается, часто нарушается только из погони за выгодой, чтобы от других получить большие преимущества, новые лены». Во время частых междоусобий князей-соперников, продолжает Вайц, «вассалы присоединялись то к одной стороне, то к другой, оставляя своих старых господ, чтобы от новых получить большие выгоды... Здесь властвовала сила обстоятельств и давала простор

215* «L'indépendance féodale, ainsi poussée à ses dernières limites, mettait en danger l'éxistence même de la monarchie et retardait la formation définitive da la nationalité [Феодальная независимость, достигшая крайних пределов, ставила под угрозу само существование монархии и задерживала окончательное формирование нации (фр.)]» (*Luchaire A.* Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers capétiens. 3. éd. P., 1891. T. II. P. 43).

216* *Brunner H.* Op. cit. Bd. II. S. 224. Явившееся у франков «die Beschränkung der Kündbarkeit beruht wahrscheinlich auf einer Einwirkung der Gallorömischen Patronatsverhältnisse, die auf Lebenszeit eingegangen wurden, wie sich denn überhaupt daraus die strengere Ausgestaltung erklären dürfte, die das Lehnwesen in Frankreich erfuhr. Da die Staatsgewalt aus militärischen Gründen ein Interesse hatte das Band der Vassalität zu festigen, trat sie zu Gunsten der Unkündbarkeit in die Schranken [ограничение на право разрыва вассальной зависимости возникло, вероятно, под влиянием галло-римского патроната, являвшегося пожизненным; и вообще не исключено, что именно этой причиной можно было бы объяснить ту более строгую форму ленного права, которая развилась во Франции. Поскольку государственная власть из военных соображений была заинтересована в укреплении вассальной зависимости, она отстаивала неразрывность вассалитета (нем.)]» (Ibid. S. 233).

произволу»[217*]. В этом произволе, однако, сохранялась древняя дружинная воля и выражался важный обычный принцип свободной вассальной связи. Одна и та же шаткость отношений господствовала у нас и на Западе. Разница только в том, что некоторые феодальные короли тщетно пытались ограничить свободу вассалов; наши же удельные князья открыто признавали своих бояр *вольными слугами.*

Впрочем, и в нашем договорном праве удельного времени можно очень рано найти попытки ограничения права отъезда вольных бояр. Новгород, например, в 1368 г. решился установить правилом конфискацию земель отъехавших бояр. На практике такая мера, по всей вероятности, нередко применялась всеми князьями; гневаясь на отъехавшего боярина, они, вероятно, нередко отнимали у него землю. Но Новгород установил открыто такой порядок в договоре 1368 г., заявив, что в случае отъезда новгородских бояр к великому князю тверскому их «села, земли и воды» будет ведать Великий Новгород, «а ты бояром и слугам ненадобе»[217a*]. Естественно, такая мера, не отменяя права отъезда, должна была сильно стеснить возможность пользования этим правом.

Другие договорные ограничения права отъезда еще ближе стоят к западноевропейским законодательным и также договорным ограничениям свободы вассальной службы. Эта последняя ограничивалась главным образом ввиду того, что вассал обыкновенно владел бенефицием; ограничения относились главным образом к вассалам-бенефициалам. У нас точно так же еще в XVI в. князья делают попытки отнять право перехода у тех слуг, которые владели землею, пожалованною им под условием службы (бенефицием), а именно «слуг под дворским». Князья взаимно обязывались «слуг, которые потягли к дворскому, в службу не приимати» (1368 г.).

Рассмотрев обязанности вассала-слуги, мы должны рассмотреть, в чем заключались обязанности господина в отношении к вассалу.

Главной обязанностью господина было покровительство своему вассалу. Это покровительство и дает основание некоторым историкам тесно сближать вассалитет с патронатом, видеть в нем по преимуществу одно из отношений защиты. Выражением или последствием этого покровительства были привилегии вассала в области судебного процесса. Королевские вассалы имели право апелляции к королю: недовольные судебным решением графа, они могли перенести свое дело на личный суд короля (или заменявшего его в этих случаях высшего сановника, палатного графа). Во Франции в позднейшее время вассал, по общему правилу,

[217*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. S.98, 101; *Luchaire A.* Manuel... P. 219 («Le lien de vassalité et de fidélité... est sans cesse (!) rompu [связь вассалитета и верности... беспрестанно (!) нарушается (фр.)]».

[217a*] СГГД. Т. 1. № 28.

во всех судебных делах подлежал юрисдикции своего сеньера. В Германии же юрисдикция сеньера в отношении вассалов ограничивалась делами, касавшимися ленных отношений.

Наши жалованные грамоты сохранили указания на принадлежность боярам-вассалам удельной Руси судебных преимуществ того же порядка. Получая иммунитетные привилегии, бояре и слуги освобождались вместе с тем обыкновенно от подсудности наместникам и получали право на личный суд великого князя или его боярина введеного.

Кроме покровительства, господин должен был давать своему вассалу также и материальную помощь. Наши великие князья так же, как западноевропейские сеньеры, *«кормили по службе»* своих слуг. Они, с одной стороны, жаловали им земли в собственность или в условное владение. О тожественных с бенефициями наших «жалованьях — служних землях» удельного времени я буду говорить подробнее дальше, в четвертой главе.

Итак, все основные черты боярской службы совпадают с основными чертами вассалитета. Скелеты обоих этих учреждений тожественны. Наши бояре удельного времени наравне с вассалами суть вольные военные слуги-землевладельцы, получающие от князя-господина за службу покровительство и материальную помощь в виде земли и доходных должностей (бенефиции — жалованья). Они связаны с князем независящим от территориального подданства свободным договором о службе. Мы знаем содержание нашего вассально-служебного договора; посмотрим теперь, какими обрядностями он закреплялся.

§ 77. Заключение и разрыв договора. Приказ и отказ

В наших источниках сохранилось несколько любопытных указаний на существовавшие у нас в древности символические обрядности разного рода, сходные и тожественные с германскими[218*]. Однако при заключении договора о службе у нас не употреблялись ни коммендация, ни инвеститура. Коммендации — «поручительству» — у нас соответствовало челобитье. В выражении «бить челом в службу», по всей видимости, сохранился след действительно совершавшегося прежде обряда. Для обозначения низкого земного поклона и впоследствии говорили: «Ударил челом»[219*].

[218*] Например, отвод межи с дерном на голове. Собранные мною данные о таких обрядностях сообщу в другом месте.

[219*] «Бить челом», «ударить челом» означало земной поклон: «И боярин Иван Никитич, вшед в палату и поклонився образом на все стороны и челом ударя государыне царевне, сел за столом» (Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. 771). Бить челом в *службу* — стереотипность этого выражения указывает, что при заключении договора о службе челобитье совершалось как обрядность.

Лица, вступавшие в службу, «били челом в землю» на деле в знак своего подчинения. В этой обрядности челобитья нет основания видеть бóльшую униженность нашего обряда коммендации и тем менее делать отсюда вывод о большей подчиненности наших слуг в сравнении с вассалами. Обряд коммендации на Западе в позднейшее время совершали стоя на коленях, иногда даже на коленях касались ног господина[220*]. От коленопреклонения уже недалеко до челобитья[221*].

Вступление в вассальную связь называлось на Западе *коммендацией* (se commendare, commendatus), терминами, которые употреблялись также для обозначения всякого рода отношений защиты. В нашей древности были термины, вполне соответствующие словам «se commendare», «commendatus»: «закладываться-задаваться», «закладень». Эти слова у нас, однако, употреблялись для обозначения одних только отношений защиты, но не вассально-служебной связи. Для обозначения вступления в службу было особое слово — *приказаться*. О боярах и слугах, вступающих в службу, говорили обыкновенно: «имет служити», «учнет служити» и «бил челом в службу».

Любопытное указание на отличие вассальной боярской службы от подданства, челобитья от крестоцелованья сохранила нам летопись в подробном рассказе о падении Новгорода в 1478 г. Иоанн III находится в военном стане под Новгородом. Новгородские бояре и все новгородцы приведены к присяге. Вечевой колокол снят и отвезен в московский стан. Все кончено, казалось бы, все обрядности покорности, подданства выполнены, не так ли? Но тут всплывает старина: только что приведенные к присяге новгородские бояре отправляются к великому князю и «бьют челом в службу»[222*]. К присяге их приводят другие бояре (великого

[220*] Genua flectunt, pedibusque manus supponunt (*Waitz* G. Op. cit. Bd. VI. S. 67, Anm. 1).

[221*] В галицких песнях встречаются указания на пожалование дружинникам при вступлении в службу коня и оружия совершенно так же, как на Западе. Добрый пан «daje na rik po sto szerwonyh, po konykowy tai po szabelci, po pari sukon tai po szapoczi... [дает на год по сто червонных, по коню да по сабле, по кафтану да по шапке... (пол.)]» (*Соловьев С. М.* История России... Т. 1. Кн. I. С. 265—266.

[222*] «Били челом великому князю в службу бояре Новгородские и все дети боярские и житии; да приказався вышли от него» (1478 г.). Тут произошел еще следующий инцидент: Товарков был выслан за ними вдогонку, чтобы подтвердить после договора о службе (более слабого) обязанности присяги: «И князь великий выслал за ними Ив. Товаркова... а велел им князь великий говорити: на которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той бы грамоте государем своим и правили есте по тому же крестному целованью» (Софийская II летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 219; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Там же. СПб., 1859. Т. VIII. С. 197; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Там же. СПб., 1901. Т. XII. С. 187).

князя). Но челобитье о службе совершается *перед самим* великим князем; для «приказа» бояре отправляются в стан великого князя.

При разрыве вассального договора на Западе употреблялась обрядность эксфестукации — преломления соломы. Обрядность эта имела совершенно такое же значение, как существующий доныне акт объявления войны. По воззрениям того времени, отказ от службы сам по себе не заключал в себе ничего предосудительного, не был изменой, хотя бы он был сделан при обстоятельствах, крайне затруднительных для господина. В праве отказа выражалась дружинно-вассальная свобода. Изменником считался только тот вассал, который покидал своего сеньера, не заявив ему открыто о своем отказе; только в таком случае на него падала «magna et perpetua infamia» *. Вассал волен был оставить господина, но он в таком случае, как указывает Вайц, «должен был формально взять назад верность и в особенности, прежде чем он этого не сделал, не начинать против господина враждебных действий» [223*].

В своевольном феодальном обществе живет идеал верного рыцаря, верного вассала. Chansons de geste воспевают преданного рыцаря, самоотверженно служащего сеньеру и исполняющего желания сеньера даже тогда, когда он их не одобряет. Этот идеал был знаком и нашей древности; он живо отразился в церковно-публицистической литературе. Во французской песне идеально преданный сеньеру рыцарь Бернье говорит: «Мой сеньер Рауль — предатель хуже Иуды, но он мой сеньер; ни за что на свете я не ослушаюсь его». В русской летописи верный боярин (Семен Тонилиевич) провозглашает тот же принцип беспрекословного исполнения воли князя: «И ведят они (князья) между собою, а яз вем то, еже служити своему господину от всего сердца». Эта верность службы как у нас, так и на Западе не исключала права отказа (défi). Названный рыцарь Бернье, оскорбленный сеньером Раулем, отказывается от него. Так же и один из наших бояр, прославляемый летописцем за долгую самоотверженную службу (И. Д. Всеволожский), кончает тем, что оставляет своего князя. Это право отказа в известных случаях признается даже поучениями XIV в., настаивающими на покорности бояр князьям: «Аще кто от своего князя отъидет, *а достойну честь приемля от него*, то подобен Июде». Верность здесь обусловливается «достойною честью». Боярин остается все-таки вольным слугою, так же как верный рыцарь. В случае обиды отказ вступает в свои права [224*].

* «Великое и вечное бесчестье» (лат.).

223* *Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. S. 100, Anm. 1, 2; S. 96, Anm. 2.

224* *Щепкин Е.* Рыцарство // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. П. Г. Виноградова. М., 1897. Ч. II. С. 749; *Flach J.* Op. cit. T. II. P. 478—481, 531; *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889. С. 168, 170. Даже когда рыцарь дал клятву *пожизненной* верной службы, он и тогда сохранял право отказа. «En régle la compagnie était nouée pour l'existence entiére...

Летопись сохранила нам драгоценное известие о таком формальном отказе бояр от службы. Когда нижегородские бояре в 1392 г. решили оставить своего князя, Бориса Константиновича, и перейти к врагу его, московскому князю, то старейший из бояр Василий Румянец открыто заявил своему князю: «*Господине княже, не надейся на нас, уже бо есмы отныне не твои, и несть есмя с тобою, то на тя есмы*»[225*].

В. И. Сергеевич[226*], отметив это известие, прекрасно оценил его смысл: у нижегородских бояр «и подозрения не было о том, что они изменяют своим обязанностям. Наоборот, речь Румянца проникнута сознанием права их сделать то, что они сделали. Нижегородские бояре не украдкой перебегают к противнику своего господина; они делают это на глазах всех и сами торжественно заявляют о своем переходе» (буквально так же, прибавлю я, как западноевропейские вассалы). В удельной Руси мы на каждом шагу встречаем те же самые воззрения, те же самые отношения, те же самые учреждения, что и в феодальной Европе.

III. ПОДВАССАЛЫ

§ 78. *Боярские вольные слуги*

Весьма важной чертой феодального государственного строя является факт существования вассалов — военных слуг не только у короля — главы государства, но и у частных лиц — крупных землевладельцев. Частные лица в феодальном государстве имеют своих военных слуг, не зависящих от верховной власти, и этим обеспечивают свою феодальную самостоятельность. Военные слуги частных лиц служат своим сеньерам на тех же самых условиях, как и королевские вассалы, по одинаковому вассальному договору.

В удельной Руси военные слуги также были не только у великих князей, но и у частных лиц. Наши бояре — военные вассальные слуги князей, в свою очередь, так же как западные вассалы, имели своих военных слуг, своих подвассалов, вавассеров, или arrière-вассалов, как их называли на Западе.

От киевского времени сохранился ряд ценных указаний на боярские дружины. Виднейшие княжеские дружинники имели свои

pour la faire cesser plus tôt une rupture de foi, un défi était nécessaire [Согласно требованиям, существование общества было однозначно определено... чтобы прекратить это состояние, необходимо было нарушение обязательства, отказ (фр.)]».

225* Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 148 (1392 г.). Ср.: «Jam non ero tibi fidelis neque serviam tibi et fidelitatem te non portem [Больше я тебе не буду верен, и служить тебе не буду, и верность тебе не принесу (лат.)]» (1033 г.) (*Flach J.* Op. cit. T. II. P. 530).

226* *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 315.

собственные отряды военных слуг, не смешивавшиеся с княжеской дружиной. Летописец именует боярских дружинников одинаково с княжескими — «отроками». Напомню хорошо известную цитату: «В се же лето рекоша дружина Игореви: отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази: поиде княже с нами в дань, да и ты добудеши и мы» (945 г.). Русская Правда содержит особое постановление о наследовании лиц, принадлежавших к боярским дружинам: «Аще в боярстей дружине, то за князя задница не идет» (Мусин-Пушкинский список, ст. 86)[96]. Эта статья, как и приведенное место из летописи, ясно указывают на обособленное, независимое от князя, положение боярских дружинников, которые так же, как позднейшие подвассалы, не были непосредственно лично подчинены князю и зависели от него только чрез посредство своего господина, служившего князю[227*].

В удельное время с переходом дружинных отношений в отношения вассальные, с превращением княжеских дружинников в слуг-вассалов князя изменилось соответственно и положение дружинников боярских. Значительная часть их осела на землю, сохранив военно-служебную связь с боярами. Боярские дружинники сделались военными слугами бояр, став к ним в те же отношения, в каких их господа-бояре стояли к князьям-сеньерам. Наши источники XV—XVI вв. сохранили немногие, но вполне убедительные указания на то, что боярские дружины не исчезли бесследно в удельное время и превратились в дворы боярских слуг-подвассалов.

«Как бог поручил великому князю Ивану Васильевичу под его державу Великий Новгород и по его государеву изволению *распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди*. И тут им имена, кто чей бывал, как их поместил государев писец, Дмитрий Китаев». Этим боярским служилым людям Иоанн III дал поместья из земель, отобранных у новгородских бояр. Нам хорошо известны из писцовых книг и имена этих людей, и размеры данных им боярщинок в 7, 11, 13 деревень с населением в 16, 18, 33 человека крестьян[228*].

[227*] Не привожу здесь других известий, собранных М. Ф. Владимирским-Будановым (Обзор... С. 32) и В. И. Сергеевичем (Русские юридические древности. Т. 1. С. 302—303). Цифры летописи для состава боярских дружин в 3000 и 1700 человек, несомненно, преувеличены.

[228*] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. VI. Примеч. 201; Писцовая книга Водской пятины 1500 г. // Временник ОИДР. Кн. XI; *Прозоровский Д. И.* Описание древних рукописей, хранящихся в музее Русского археологического общества, СПб., 1879; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. С. 309. Ср.: «А повели Ивановы отводчики Монастырева; ключник Иванов Ондрейко Палаузов, да *слуга* Иванов Агофоник, да хрестиане». (*Шумаков С. А.* Обзор... Вып. II. С. 85 — отвод от Ивановых земель Монастырева, 1482 г.); «деревня Елизаровская, что была за Ивановым вотчинника Ивана Петрова Федотова *слугою* за Семеном Истоминым (1568 г.) (Там же. С. 131).

Историки давно обратили внимание на это известие. Но, рассматривая его вне связи с подобными фактами, обнаруживающими феодальные черты удельных порядков, некоторые наши историки склонялись к мысли, что эти боярские служилые люди или послужильцы были не чем другим, как боярскими холопами. При таком объяснении, однако, рассматриваемое известие возбуждает ряд недоумений. Почему Иоанн III обратил внимание на боярских холопов? Зачем он счел нужным распустить их из боярских дворов? Наконец, как он мог возвысить их в такое привилегированное положение, наделить поместьями, сделать из боярских холопов своих государевых служилых людей, несмотря на полную их неподготовленность к такой роли?

Все эти недоумения исчезают, раз только мы отрешимся от стремления объяснять своеобразные порядки удельной Руси более близкими нам позднейшими отношениями московского времени. Иоанн III перевел на новгородские боярщины не боярских холопов, а боярских служилых людей, которые своей предшествовавшей военной службой боярам вполне были подготовлены для военной службы государю. Выражение «распущены из боярских дворов», конечно, нет оснований понимать буквально в том смысле, что послужильцы жили в боярских дворах; это общее выражение указывает только на принадлежность послужильцев к боярским дворам. Принадлежа к боярскому двору так же, как государевы дворяне принадлежали к государеву двору, они владели землею, собственною или пожалованною. Только таких послужильцев — землевладельцев, боярских слуг, помещиков — государь и мог наделить боярщинками — населенными имениями — как людей опытных уже в помещичьем хозяйстве. Выводя служилых людей из боярских дворов, Иоанн III, очевидно, хотел ослабить феодальную самостоятельность бояр и князей, опиравшуюся на дворы собственных их военных слуг, и это его распоряжение стоит в связи с рядом мероприятий, направленных к уничтожению удельно-феодальных порядков и завершенных опричниной Иоанна Грозного. Подобно этому объясняет рассматриваемое мероприятие Иоанна III В. И. Сергеевич: «Крепнущее изо дня в день Московское государство начинает находить для себя неудобными старые порядки. Его уже беспокоят дружины бояр (=боярские служилые люди), и вот он распускает их из боярских дворов, но для того, чтобы поместить их на собственных землях. *Из служилых людей бояр они становятся непосредственно служилыми людьми московкого государя*» [229*].

В Тверском княжестве, поздно присоединенном к Москве, старые феодальные порядки сохранились дольше, чем в Московском

[229*] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 303 (курсив мой). Ср.: *Он же.* Древности русского права. СПб., 1903.— Т. III. С. 19, примеч.

государстве. Тверская писцовая книга 1548 г. дает нам любопытнейшую картину рассматриваемых служебных отношений, сохранившихся в виде неожиданного архаизма до начала царствования Иоанна Грозного. Здесь мы встречаем много боярских служилых людей, таких же послужильцев, каких Иоанн III выводил из боярских дворов, и находим определеннейшие указания на характер их отношений к господам, не имеющий ничего общего с холопством. Описывая вотчинные земли тверских детей боярских, писцовая книга отмечает, кому они служат. Все дети боярские, наделенные поместьями из государевых земель, естественно, «служат царю и великому князю»; ему служит и большая часть детей боярских вотчинников. Термин «служить» имеет в этой книге, как и в других памятниках, специальный смысл службы военной [230*]. И вот наряду с детьми боярскими, служащими государю, мы встречаем здесь большое число таких же детей боярских вотчинников, «служащих» частным лицам княжеских и некняжеских родов. «В Микулинском же уезде села и деревни бояр и детей боярских тверич и микулинцев»,— читаем в писцовой книге и затем после каждого описания мелких имений детей боярских находим следующие отметки о их службе: «Юмран служит царю и великому князю, а братья его служат князю Дмитрею Ивановичю Микулинскому, Алабыш не служит никому»; «Огарок служит князю Семену Ивановичю Микулинскому, а Шестой служит Василью Петровичю Борисова»; «Иван служит царю и великому князю, а Богдан служит владыке тверскому». Особенно знаменательно это противопоставление: службы царю и службы частным лицам [231*]. Эти дети боярские владели небольшими имениями от 12 до 100 четей пахотной земли в одном поле, «а в дву потому ж» [232*].

Из числа частных лиц они служили как князьям (Микулин-

[230*] Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 140—291. Книга отмечает изредка, по какой десятне служит тот или иной сын боярский (Там же. С. 164—217). О лицах, служащих государю в ключниках, сытниках, конюхах, в посошных воеводках, книга дает особые отметки, не употребляя термина «служить»: «Гридя служит царю и великому князю, Ивашко да Васка царя и вел. князя конюхи» (Там же. С. 171, 185); «Ивашко служит царю и вел. князю, а Третьяк в сытникех» (Там же. С. 213, 235); «Михайло не служит никому, а живет в губных старостах в Микулине» (Там же. С. 242).

[231*] Там же. С. 184, 127; *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 109—110 (сын боярский княгини Ефросиньи (до 1462 г.); за его новины тягается представитель княгини (Микула Порфеньев); на разъезде были дети боярские, «тутошние жильцы», 16 человек).

[232*] У служившего князю Д. И. Микулинскому Андрея Ильина сына Ферезкина было две деревни и один починок, «46 четьи в одном поле, а в дву потому ж, сена 75 копен». Нефедко Рязанов, служивший князю С. И. Микулинскому, и Куземка Медведев, служивший царю и великому князю, имели вдвоем 18 четей в одном поле, а в дву потому ж, сена 30 копен, лесу на 4 чети (Там же. С. 184).

ским, Мстиславскому, Голицыну, Ростовскому, Курлятеву, Оболенским, Серебряному, Щепину, Лопатину), так и лицам нетитулованным (В. П. и Г. Т. Борисовым, Морозову, Умному, Пятому-Новошину, Яхонтову, Житому, Дею Заборовскому); кроме того, удельному князю Владимиру Андреевичу и тверскому владыке[233*]. Писцовая книга называет этих детей боярских иногда *слугами* (Петруша Бураков, «слуга» княгини Микулинской, «служит княгине»), ясно отличая их от холопов-людей[234*]. Эти боярские слуги, служилые люди, сами владеют холопами[235*].

О многих тверских детях боярских писцовая книга отмечает: «служит тверскому владыке». Что касается таких владычных или архиерейских детей боярских, а также бояр, то о них мы имеем довольно много сведений, проливающих яркий свет на изучаемые отношения военной вассальной службы частным лицам вообще. Духовные владыки нашей древности, митрополиты и архиепископы, носят резкие, неоспоримые черты феодальных сеньеров. Совершенно так же, как западноевропейские духовные феодалы, они окружены штатом светских военных слуг-землевладельцев, бояр и детей боярских, служащих им на тех же самых условиях, на каких другие бояре и дети боярские служат великим князьям. В подтверждение этого достаточно привести следующее постановление о боярах и слугах митрополита Киприана из уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича (около 1400 г.): «А про войну, коли яз сам князь великий сяду на конь, тогды и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом моим великого князя». Митрополичьи бояре и слуги обязаны выступать в поход вместе с войсками великого князя,

[233*] Статистические таблицы см.: *Лаппо И. И.* Тверской уезд в XVI веке. // ЧОИДР. 1894. Кн. IV. С. 228—230. Первый отметил значение рассматриваемых известий тверской писцовой книги С. М. Середонин (*Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia Common Welth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 89—90). «Слово „служить",— говорит он, между прочим,— даже для служилого сословия не значило служить государству и государю; официальный документ одинаково обозначает этим именем и службу государю, и службу княгине Микулинской». По вычислению В. И. Сергеевича, «число лиц, служивших частным лицам, составляет 50% того числа, которое было на службе великого князя» (230 человек) (*Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. III. С. 17—18).

[234*] Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 173 («слуга»). «Княж Дмитреева *человека* Ивановича Микулинского Созона» (Там же. С. 169).

[235*] См., например, случайное упоминание — Там же. С. 188: Матрена, жена сына боярского Епифанова, «сказала, крепости украдены: побежал *холоп* покрадчи». В сельце Бологом двор княж Семенов, деревни за слугами: «...двор Ивашко Хруль, а людей его: двор Ивашко, двор Ивашко ж» (Новгородские писцовые книги. Т. I. С. 107). См. также: Там же. С. 817 (двор слуги и двор его подворника), 869—873 (в деревне Лукино, двор Ивашка Пестрика, «служил Шаховскому», а людей его: двор Ивашко, двор Ушак).

но они нисколько не зависят от великого князя; военные слуги митрополита, они зависят единственно от него, своего господина; они выступают в поход не иначе как под митрополичьим воеводою. В постановлении этом отчетливо выражен основной принцип личной вассальной службы: vassallus vassalli mei non est meus vassallus *. Великий князь Василий Дмитриевич нарушает этот принцип только в отношении тех бояр, которые раньше служили ему и недавно «приказались» митрополиту: «А кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту (предшественнику митрополита Киприана), а приказался ново митрополиту (Киприану), а те пойдут под моим воеводою великого князя, где который живет, ин под тем воеводою и есть» [236*].

В своей вражде к удельно-феодальным порядкам Иоанн Грозный наряду с владетельными князьями губил и владычных бояр, усиливавших светское значение архиереев. «По убиении митрополита (Филиппа),— рассказывает князь Курбский,— не токмо многих клириков, но и не хиротонисанных мужей благородных сколько помучено различными муками и погублено». К этому он прибавляет следующее любопытное замечание о митрополичьих благородных мужах: «Бо там есть в той земле обычай: на церковной земле многие мужи благородные светлых родов имения мают, во время мирное епископам служат, а егда брань належит от супостатов окрестных, тогда и в войску христианском бывают, когда не хиротонисаны» [237*].

«Архиерейские бояре,— говорит проф. Каптерев в специальном исследовании о светских архиерейских чиновниках,— в древнейшее время ничем не разнились от бояр княжеских по своему происхождению и общественному положению... Они поступали на службу к архиереям точно так же и на тех же условиях, как и к князьям, т. е. с обязательством отбывать военную повинность и нести службу при дворе архиерея, за что получали от него в пользование земли» [238*]. Архиерейские бояре и дети боярские служат архиереям на тех же самых основаниях, на каких эти последние в лице своих воевод служат великим князьям. Точно так же боярские слуги, боярские служилые люди, служат боярам на тех же самых основаниях, на каких бояре служат князьям. Все эти отношения покоятся на одной и той же основе — вассально-служеб-

* Вассал моего вассала не мой вассал (лат.).

236* ААЭ. Т. 1. № 9 (1389 г. или 1404 г.). «Сын боярский великого князя Богдан Микулин служивал у Троицы, держал землю от монастыря три годы» (до 1434 г.) (*Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 105).

237* Сказания князя Курбского/Изд. Н. Г. Устрялов. СПб., 1840. Т. 1. С. 160.

238* *Каптерев Н.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 64—65, 97. См. также: *Горчаков М.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода. СПб., 1871. С. 239—243; *Середонин С. М.* Указ. соч. С. 294—295; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. С. 306—307.

ном договоре. Мы имеем в удельной Руси не только вассалов, но и подвассалов, ту же самую лестницу вассальных связей, что и во всех феодальных государствах.

Московское правительство, энергично искоренявшее удельно-феодальные порядки, в половине XVI в. отказывается признавать вассально-служебные связи частных лиц и приравнивает боярских слуг к холопам. В Тверском княжестве великокняжеские писцы в 1540 г. еще записывали детей боярских, «служащих» боярам. Судебник же 1551 г. говорит только о правилах приема детей боярских в холопы: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приймати никому опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81). Эта статья была новостью: предшествующий судебник Ивана III не содержит такого постановления.

В XVI в. боярских слуг называют «людьми». Но под этим названием они сохраняют прежнее значение военных слуг. Боярин Кутузов в 1560 г. завещает своему *человеку* Андрюше «конь с седлом и с уздою, да тегилей, да шелом»; и у других его людей тоже были «саадакы и сабли и седла». Такому «боярскому человеку доброму» царский судебник назначает «безчестья» пять рублев. «Это те именно боярские слуги,— замечает Беляев,— с которыми, конными и оружными, бояре являлись в поход»[239*].

Наказ 1621 г. предписывает дворянским окладчикам сыскивать подлинно, кто из детей боярских «*к кому пошел в холопи* или в монастыри, и каковы те их поместья и вотчины и сколько крестьян, и мочно ли было им самим государева служба служить, и поместьи их и вотчины ныне в раздачах, *или теми их поместьями и вотчинами владеют те, у кого они живут*»[240*]. Наказ этот предусматривает любопытный случай поступления детей боярских в холопство вместе с вотчинами и поместьями. По всей вероятности, правительство здесь так же, как в судебнике, лишь называет холопством, лишь приравнивает к холопству отживавшие и отрицавшиеся им отношения частной боярской службы[241*].

Встречая в русской древности феодальные черты, наши историки отмечали их нередко мимоходом, в совершенно неопределенных или загадочных выражениях. Примером этому может служить отношение М. Ф. Владимирского-Буданова к рассмотренным выше архиерейским детям боярским, а также к боярским знакомцам, которых он сопоставляет с архиерейскими слугами. Во 2-м издании его «Обзора истории русского права» я нашел о них лишь сле-

239* *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. СПб. 1895. Вып. I. С. 54; *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1851. С. 72.

240* СГГД. Т. III. № 59. С. 244.

241* Отдельные известия о холопах-землевладельцах, «помещиках своих государей», бояр, см.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). СПб., 1899. С. 133.

дующие слова: «К служилым царским людям надо присоединить дворян и детей боярских архиерейских и знакомцев боярских (военные дружины бояр и служилых князей); те и другие вместе с частною службою отправляли и государственную (военную в походах и административную в вотчинах)». Только теперь, в новом издании своего «Обзора», проф. Владимирский-Буданов нашел нужным пояснить (в большом критическом примечании, посвященном моему рассуждению о русском патронате), что в этих архиерейских детях боярских и знакомцах можно найти ясные «*признаки феодализма*». Здесь он впервые описывает основные черты положения указанных разрядов лиц и отмечает их важнейший феодальный признак — военную службу частному лицу. «Знакомцы,— говорит он,— служили боярину военною службою»; архиерейские дети боярские получали «*от церкви* поместья» и служили «*за них* военную службу»[242*]. В лице уважаемого профессора я приобретаю, таким образом, сильного союзника по одному из основных вопросов моего исследования.

Что касается указываемых проф. Владимирским-Будановым *боярских знакомцев*, то, как мне кажется, он напрасно придает им такое большое значение в деле отыскания признаков феодализма и напрасно сопоставляет их так тесно с архиерейскими детьми боярскими. Боярские знакомцы, иначе называвшиеся также держальниками, должны отступить на второй план перед боярскими и владычными слугами древнейшего времени, дающими более несомненные черты «феодализма» или, говоря точнее, вассальных отношений. *Знакомцы* и *держальники* — это значительно позднейшие термины, термины XVII и начала XVIII в. По сообщению «Древней Российской Вивлиофики», знакомцами назывались бедные дворяне, жившие у бояр, евшие за боярским столом, сопровождавшие своих «патронов» в их выходах ко двору и в поездках в гости, а в военных походах составлявшие телохранительную их стражу[243*]. Такие знакомцы существенно отличаются от бояр-

[242*] Проф. Владимирский-Буданов оставляет в новом издании «Обзора» без изменения (с. 131) приведенные мною в тексте слова из 2-го издания «Обзора» (с. 120)[97]. Но теперь, после цитированного примечания (с. 374), они нуждаются по меньшей мере в какой-либо оговорке. В примечании профессор говорит, что знакомцы служат военную службу *боярину*, а в тексте — *государству*, отправляли службу и «*государственную* (*военную* в походах и административную в вотчинах)». Здесь нужны оговорки: или что на службу боярину под другим углом зрения можно смотреть как на службу государству, или что в царский период, о котором говорит профессор в тексте, отношения уже были иные. Без этих же оговорок получается если не противоречие, то нежелательная неясность.

[243*] [*Миллер Г.-Ф.*] Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Кн. XX. С. 171, 172, 213. «Холопи на войне при своих помещиках отправляли должность, подобную той, какую при древних рыцарях в Европе — их щитоносцы. У бояр должность сию отправляли дворяне, так называемые *знакомцы* и дети боярские; между последних были не только дворяне, но

ских военных слуг-землевладельцев удельного времени. Они находятся, однако, с ними в исторически преемственной связи. Боярские знакомцы — это, так сказать, выродившиеся боярские слуги, при новых порядках сохраняющие одну лишь тень прежних отношений, прежнего своего важного значения. В XVIII в. знакомцев и държальников сменяют еще более принизившиеся «приживальщики», исчезнувшие только с падением крепостного права. С точки зрения исторического преемства в знакомцах и держальниках можно видеть пережиток вассально-служебных отношений, или отношений дружинных, как предпочитают говорить наши исследователи, пропуская сменивших дружину вассальных слуг. Но с юридической точки зрения отношения знакомца к боярину скорее должны быть отнесены к категории родственного с вассалитетом патроната. Элемент защиты, защитной зависимости выступает в них на первый план, тогда как коренной элемент вассалитета — военная служба с земли частному лицу — является в них случайным и малозначащим, а иногда и вовсе отсутствует. Знакомцы и держальники стоят гораздо ближе к римской клиентеле, чем к вассальным слугам [244*].

и князья беспоместные» (Там же). Слово «держальник» вполне соответствовало, по-видимому, слову «знакомец». У стольника Григ. Вас. Ляпунова жил в держальниках некий «Алексей Герасимов сын Колемин», бывший, очевидно, сыном боярским, он ряжский помещик (см.: Опись книгам писцовым, переписным, дозорным, перечневым, платежным и межевым, хранящимся в МАМЮ // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1869. Кн. I. № 2188). «Алексей тебе (стольнику Ляпунову) свой и живет у тебя в держальниках, и ты, де, дружа ему, Алексею, присылал по него (жалобщика Некрасова) многих людей и взяли его и привели к тебе на съезжий двор» (АЮБ. № 55, XXVIII—1677 г.).

244* В начале XVIII в. слова «держальник» и «знакомец» употребляются в смысле сторонника и клиента. Б. И. Куракин, рассказывая о событиях 1682 г., называет Ив. Циклера и П. А. Толстого «держальниками» боярина Ивана Милославского; тот же Куракин пишет, что боярин Артамон Матвеев «посылал одного (из) своих *знакомцев* к Ивану Милославскому говорить...» (*Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче, 1682—1694 // Архив князя Ф. А. Куракина/Изд. под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Кн. I. С. 44, 45, 48). Ср.: «А что ты изволил писать об Волконском *держальнике* и то знаю добро» (Кн. В. В. Голицын — Шакловитому // Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 349); «а держальников их (князей Голицыных), Андрея Курбатова и иных, русских и иноземцев, расспросить Павлу Скрябину, для чего они с ними без указу великих государей поехали» (Акты о ссылке Голицыных, 18 сент. 1689 г. // Там же. Т. 2. С. 456).

Глава четвертая

СЛУЖБА С ЖАЛОВАНЬЯ И С ВОТЧИНЫ

I. ЖАЛОВАНЬЕ — БЕНЕФИЦИЙ

§ 79. *Поместье — fief-terre*

Перехожу к бенефицию и затем к лену, или феоду, в котором некоторые историки видят важнейший феодальный институт. Для большей ясности начну сравнение русских порядков с западными в этой области с позднейшего времени, а именно с лучше известного благодаря большему количеству источников поместья-бенефиция XVI в.

Тожество поместья и бенефиция как юридических институтов ясно само собой. Достаточно только отметить их основные черты. Достаточно указать, что и поместье и бенефиций одинаково обозначают землю, пожалованную лицу в пожизненное владение под условием военной службы [245*]. В грамотах на поместье владение землею обусловливалось так: «А пожаловал есми NN тою деревнею, *доколе служит NN мне и моим детям*». Это как бы буквальный перевод соответствующего каролингского текста: «quamdui nobis ac dilecto filio nostro fideliter deservierit». Но для большей наглядности сравнения, может быть, не лишним будет показать, как близко совпадала система поместной службы, уста-

[245*] Историки русского права, говоря о поместьях, тем не менее не принимали во внимание тожественных с ними бенефициев. Невнимание к бенефицию особенно невыгодно отразилось на исследованиях о происхождении поместья. Проф. Сергеевич отметил в лекциях «некоторую аналогию отдельных черт поместной системы» феодальным порядкам вообще (*Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1883. С. 684). Близкое сходство поместья с бенефицием и мусульманским икта отметил проф. Ковалевский (*Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898. Т. 1. С. 383). Недавно г-н Н. Рожков указал, что «московское поместье почти совершенно тожественно с западным бенефицием». Кроме поместья-бенефиция, он отметил еще два «зародыша феодализма» в Московской Руси XVI в.: «льготы-иммунитеты и закладничество-коммендацию» (*Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. и его влияние на социально-политический строй того времени // Мир божий. 1900. № 12). То же см.: *Рожков Н. А.* Учебник русской истории. М., 1901. С. 50. В вопросе о закладничестве г-н Рожков опирается на мою статью о закладничестве-патронате. Об иммунитете в России я читал реферат в 1898 г. (Отчет в «Историческом обозрении»). Г-н Рожков отмечает присутствие феодальных институтов в *Московской Руси XVI в.*, ничего не говоря о предшествующем времени; я же исследую феодальные институты *удельного времени*. В это удельное время, кроме отмеченных г-ном Рожковым бенефиция, иммунитета и коммендации, существовал еще и четвертый важный феодальный институт — вассалитет, а также раздробление суверенитета.

новленная Иоанном Грозным, с порядками службы бенефициальной при Карле Великом.

Иоанн Грозный одинаково с Карлом Великим обязывает всех дворян, владеющих землею в достаточном размере, нести военную конную службу со снаряжением из собственных средств, являясь в полк в случае войны, и в большом количестве раздает поместья, создавая широкий контингент таких служилых людей. В указах о поместной службе мы встречаем ряд постановлений, тожественных и параллельных капитуляриям Карла Великого и его ближайших преемников. И в Московском государстве, и в каролингской империи устанавливается одинаково служба как с поместий, так и с вотчин; и там и здесь землевладельцы обязываются являться в полк по призыву правительства надлежащим образом вооруженные, в сопровождении известного числа ратников, «конны, людны и оружны», и с запасом провианта [246*]. Качество вооружения обусловливается размером земельного владения. Так, у нас в XVI в. «со ста четвертей доброй угожей земли» требовался «человек на коне в доспехе в полном». А по капитулярию 805 г. такую тяжеловооруженную конную службу должны были нести владельцы 12 гуф [247*].

И у нас, и на Западе правительство внимательно следит за строгим исполнением этих постановлений и ведет упорную борьбу с лицами, уклоняющимися от службы. Наши указы о наказании «нетчиков» представляют любопытную параллель капитуляриям о штрафах за «нетство» («das Nichterscheinen» = неявка), о так называемом heribannus. Сообразно с основным условием поместного владения московское правительство грозило за неявку на службу отнятием поместья; но на практике, не желая совершенно лишиться хотя бы и неисправных слуг, оно отнимало у них только часть поместья или, отписав всю землю, вслед за тем возвращало их раскаявшимся дворянам. На Западе точно так же правительство грозило за неявку на службу отнятием бенефиция, а при Карле Великом по тем же соображениям, как у нас, установило правило о взимании с неисправных слуг за «нетство» взамен отнятия земли денежных штрафов сообразно их состоятельности. Московское правительство возвращало поместья виновным детям боярским, чтобы не лишить их возможности загладить вину, чтобы они впредь «были на государеве службе противу наряду сполна». Ту же цель имел в виду Карл Великий, когда ограничивал наказание вассалу за неявку на службу де-

246* *Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 209, 569, 570, 540; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 102, 186, 190.

247* Et insuper omnis homo de duodecim mansus bruneam habeat [И кроме того, каждый человек с 12 мансов пусть имеет броню (лат.)] (Capitulare Theodonis 805a. C. 6) [98]. Полагают, что, кто имел панцирь (brunea), тот должен был иметь и коня (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 546 — schwergerüstete Rossdienst).

нежным штрафом, ita ut iterum se valeat preparare ad Dei servitium et nostram utilitatem *[248]*.

В наших указах и наказах точно так же, как в капитуляриях, ярко выражается взгляд на поместье как на государственную собственность, состоящую во временном условном владении помещика. Московское правительство обязывало помещика «не пустошити поместья», не переводить крестьян на вотчинные земли, не разгонять их непомерными поборами и в 1621 г. постановило даже за опустошение поместья наказывать кнутом его владельца. Франкское правительство точно так же требовало, «чтобы те, кто имеет наш бенефиций, старались улучшать его во всем» и чтобы королевские посланцы наблюдали за тем, как владельцы бенефициев содержат пожалованные им земли[249*].

Оба правительства одинаково стараются пресечь попытки помещиков распоряжаться поместьем как полною собственностью, запрещают осваивать его и отчуждать. И оба правительства одинаково делают распоряжения, послужившие исходным пунктом последующему превращению поместий в наследственную, майоратную собственность, а именно устанавливают практику передачи поместья сыну или родственнику помещика после его смерти или еще при жизни в случае неспособности нести военную службу. Сын помещика не имел собственно права на получение поместья, но на деле он обыкновенно наследовал отцу, за редкими случаями полной неспособности к военной службе[250*]. Обычный переход поместья к сыну и родственникам породил взгляд на поместье как на наследственное, родовое владение. В нашей истории XVII в. наблюдается тот же самый процесс превращения поместного землевладения в вотчинное, что и на Западе после Карла Великого.

Поместная система с указанной выше регламентацией службы — с правилами о походном вооружении, о явке в полк, о верстании и припуске новиков и проч.— сложилась впервые в XVI в. Но поместье в основных его чертах пожалования земли под условием службы существовало уже в удельной Руси с XIII в., если не раньше, а самое позднее — с начала XIV в.

* Так, чтобы он смог приготовиться на путь служения богу и нашей пользе (лат.).

248* Capitulare Aquisgranense, c. 20. Capitulare Theodonis, 805a., c. 19. (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 208, 557).

249* «Ut hi qui beneficium nostrum habent bene illud in memore in omni re studeant (Capitulare Aquisgranense. C. 4). То же см.: Capitularia 768 и 789 гг. (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 209).

250* В указе 1 октября 1550 г. это выражено так: «А который по грехом из тое тысячи (подмосковных помещиков дворян) вымрет, а сын его к той службе не пригодится, и в того место прибрать другого». Тот же порядок на Западе отразился, например, в постановлении о том, что не следует отнимать бенефиция у состарившегося на службе помещика, *особенно* если он имеет сына, который вполне может его заменить (*Waitz G.* Op. cit. Bd. IV. S. 231, Anm. 2; S. 584, Anm. 1).

В духовной грамоте Иоанна Калиты 1328 г. встречается много раз цитировавшееся известие о пожаловании села Бориску Воркову под условием службы: «Аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним, не иметь ли служити детям моим, село отоимуть». Наши исследователи давно обратили внимание на известие о Бориске Воркове; его правильно называют помещиком, но некоторые при этом неправильно считают его первым, а другие и единственным помещиком времени Калиты, основываясь на том, что великий князь упоминает только о нем одном. Духовная грамота отнюдь не допускает такого заключения. Разделив между сыновьями свои московские села, Иоанн Калита в конце грамоты говорит особо о своих «селах купленых» и тут, между прочим, замечает, что Богородичское село, купленное в Ростове, он дал Бориску Воркову под условием службы. Исследователи не обратили внимания на то, что здесь идет речь о селе, купленном Калитою в чужом княжестве, Ростовском, которое в 1328 г. еще не принадлежало Москве[251*], и что Калита поставил Воркова в исключительное положение, а именно, не желая стеснять вольность его службы, предоставил ему служить, кому он хочет из трех сыновей-наследников, сохраняя за собою пожалованное ему село. О селах, пожалованных слугам в пределах московских владений, разделенных между князьями-наследниками Семеном, Иваном и Андреем, не надо было упоминать особо, потому что условия пожалования были хорошо известны, а принадлежность таких сел тому или другому князю определялась границами выделенных им уделов. Бориско Ворков, конечно, не был единственным помещиком того времени; факт пожалования села слуге в чужом княжестве свидетельствует не об исключительности, а, напротив, о распространенности практики условного пожалования земель.

Договорная грамота 1362 г. упоминает о слугах, условно владевших землею, как об особом, довольно многочисленном разряде слуг. Владея участками дворцовых княжеских земель, княжеских доменов, состоявших в заведовании дворского (дворецкого), эти слуги были подчинены его ведению, и грамоты называют их «слугами под дворским». В 1362 г. великий князь Дмитрий Донской условился со своим братом, Владимиром Андреевичем, не принимать взаимно таких дворных слуг: «А которые слуги потягли к дворьскому, а черныи люди к сотником, тых ны в службу не принимати, но блюсти ны их с одиного, такоже и численых людий»[252*]. Дворные слуги упоминаются здесь впервые,

[251*] Ростовские князья подчинились Москве после смерти князя Федора Васильевича, т. е. после 1331 г. (*Экземплярский А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 39—40).

[252*] СГГД. Т. 1. № 23. В договоре тех же князей 1388 г. к соглашению о неприеме слуг под дворьским прибавлено соглашение о непокупке их земель: «Блюсти их с одиного, а земель их не купити» (Там же. № 33).

конечно, не потому, чтобы они впервые явились около 1362 г., а потому, что в этом году князья впервые согласились не принимать их в чужой удел; раньше же такие слуги наряду со всеми боярами и слугами пользовались полной свободой службы по общему правилу: «а боярам и слугам межи нас вольным воля...» Вполне отчетливое указание на поместно-бенефициальный характер землевладения слуг поддворских находим в духовной грамоте князя Владимира Андреевича 1410 г.: «А кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежи себе не принимают, ни от сотников; а кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел» [252а*].

В нашей литературе была высказана мысль, что слуги под дворским были не военными слугами князя, но его слугами — работниками по дворцовому хозяйству: конюхами, псарями, сокольниками, ключниками и тому подобными. Однако только что цитированная духовная ясно показывает, что слуги под дворским не были бобровниками и псарями, как думают Ключевский и Дьяконов, а принадлежали к составу «бояр и слуг», т. е. военных слуг удельного времени (*«а бояром и слугам — кто будет не под дворьским*, вольным воля»). В этой же духовной перечисляется несколько сел и слободок «за слугами», т. е. состоящих в условном владении слуг. Князь Владимир Андреевич завещал своей жене, княгине Олене, «Лужу и со всеми слободами и с волостями... и что в Луже *села за слугами* и в слободах, и те села все княгине моей». Поименовывая затем лужевские волости и слободки, князь называет имена их владельцев: Гридю Ярцева, Степана Осипова, Гридю Федотова Лукина. Если бы эти владельцы были не «слугами» — лицами боярского сословия, а мелкими слугами по дворцовому хозяйству полусвободного состояния, то князь назвал бы их не Гридей и Степаном, а Гридька и Степанко, да и не поименовывал их особо в грамоте [253*].

Тверская писцовая книга, сохранившая следы служебных отношений удельного времени, строго отличает слуг от конюхов, сытников, псарей, ключников. Часть слуг под дворским могла быть, однако, княжескими работниками. На Западе бенефиции также давались не одним только военным слугам и вассалам, но и низшим служащим, и работникам по дворцовому хозяйству.

В договоре Василия Дмитриевича с тем же князем Владимиром Андреевичем 1389 г. этой прибавки нет: «А которыи слуги потягли к дворьскому при наших отцех, а черныи люди к сотьскому, а тех нам не приимати, такоже и тобе» (Там же. № 35). То же в договоре 1433 г. (Там же. № 45—1456 г.; № 84).

252а* Там же. № 40.

253* Их владения — крупные: мелкие слуги не могли владеть селами и слободками, а разве только деревнями.

Земли, дававшиеся слугам под дворским, назывались в удельное время *служними землями*[254*]. С этим же самым наименованием встречаемся мы в помянутой тверской писцовой книге 1540 г. Писцовая книга отличает «служни земли» не только от поместных земель, но и от вотчинных. Между тем, по существу, эти земли, как видно из текста книги, ничем не отличаются от вотчинных, описанных под заголовком «Села и деревни детей боярских тверич». Дети боярские владеют служними землями так же, как вотчинами, на полном праве собственности, по духовным, купчим, закладным, деловым, меновым и другим крепостям. Владельцы служних земель так же, как вотчинники, пользуются полною свободой службы; одни из них служат великому князю, другие тверскому владыке и частным лицам, третьи не служат никому[255*]. Очевидно, что старый термин «служни земли» потерял юридическое значение и сохранился только как обозначение известного района земель, некогда действительно состоявших в условном владении слуг. Служни земли удельного времени, очевидно, к XVI в. уже были освоены в собственность, пройдя тот же круг развития, что западные бенефиции и наши позднейшие поместья[256*].

Для обозначения условного владения землей в XVI в. распространяется новый термин «поместье», впервые явившийся в конце XV столетия. В удельный же период поместье называлось совершенно так же, как на Западе, *жалованьем* — *beneficium*. Наши князья давали свои *села в жалованье*, как на Западе земля давалась *in beneficium*[257*]. В перемене термина отразилось изменившееся значение условного землевладения. Поместная система XVI и XVII вв. была принудительным *испомещением* служилых людей, обязанных службой, и с ее регламентированным верстанием новиков существенно отличалась от порядков удельного времени. Бенефиций — «жалованье» удельного времени было именно пожалованием, милостью, наградой вольному слуге за его

254* СГГД. Т. 1. № 33 (1388 г.: «А кто будет покупил земли данные, служни или черных людий»...).

255* Ср. «В Суземье села и деревни князей и детей боярских тверич», (Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. II. С. 163—168) и «в Суземье же села и деревни служни» (Там же. С. 169—174). Ср. также в книге И. И. Лаппо списки документов на право владения вотчинами и служними землями (*Лаппо И. И.* Указ. соч. С. 222—225).

256* Г. Блюменфельд[99] (*Блюменфельд Г. Ф.* Указ. соч. С. 334—335) правильно усмотрел в слугах под дворьским «помещиков» и низший класс дружины. О них же см.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 395; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 34 и след.; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. С. 26—27.

257* «А кому буду давал своим князем и боярòм и детем боярьским *свои села в жалованье*, или хотя и в куплю кому дал» (СГГД. Т. 1. № 86— 1462 г.).

верную службу. Поместье было связано с обязательной службой государству; «жалованье» же — со свободным вассально-служебным договором слуги с господином.

§ 80. *Жалованье — кормление*

Наравне с условным пожалованием земель практиковалось на Западе в феодальную эпоху пожалование должностей. Рядом с fief-terre существовал fief-office. Должности графа, маркграфа, фогта приравнивались к земельным ленам-бенефициям и одинаково с землею давались вассалу за службу. «Хотя первоначально,— говорит Вайц,— должности и лены, пожалования в должность и в лен различались одно от другого, но с течением времени они слились воедино. Дело идет здесь прежде всего о связанных с должностью прибыльных правах, но затем также обо всем, что носило в себе чисто верховный, государственный характер; пожалованный распоряжается и пользуется в пределах отношений и условий, которые вытекают из характера отдельных прав. На первом месте стоит суд». В другом томе своего труда Вайц следующим образом еще рельефнее указывает основные черты графского управления в феодальное время: «При преемниках Карла начали обходиться с должностями, именно с графствами, подобно тому как с бенефициями. Графства и аббатства неоднократно упоминаются вместе как предмет пожалования, причем в отношении тех и других имеются в виду ближайшим образом владения, связанные с ними, *доходы*, ими обеспечиваемые. Остальные права являются почти как принадлежность к владениям и доходам. Так как к тому же владельцы пользовались ими все более и более только для своей собственной выгоды, то и передача их получила сходство с пожалованием в бенефиций» [258*].

Эти порядки пожалования должности как доходной статьи были наиболее распространены во Франции, т. е. в классической стране феодализма. Весьма широко они были распространены и в удельной Руси. Кормление-жалованье, по существу, тожественно с западным пожалованием в должность, хотя и не развилось до значения наследственного fief-office; и в том и в другом выражается средневековый частноправный взгляд на государственное управление. Наши наместники и волостели совершенно так же, как графы, не столько управляли, сколько собирали в свою пользу доходы в виде пошлин разного рода и с течением времени пользовались своими правами «все более и более только для собственной своей выгоды», как говорит Вайц о графах и аббатах. Слово «кормление», происходящее от глагола «кормить-управлять» (кормчий, кормило) и значившее первоначально «управле-

[258*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. S. 32—33; Bd. IV. S. 216.

ние», с течением времени начали понимать в смысле питания-прокормления, сближая его с «кормом»-доходами.

Совершенно так же, как на Западе, пожалование волости в управление-кормление приравнивается у нас в XVI—XV вв. к пожалованию земли в поместное владение. Князья «жалуют» своих слуг волостями в кормление точно так же, как они «жалуют» их деревнями и селами впрок, в вотчину или «доколе служит». Кормление у нас точно так же, как на Западе, называлось в удельный период, одинаково с поместьем (служней землею), *жалованьем* (бенефицием): «Пожаловал есми ясельничим NN в кормление. А наехать ему на свое жалованье на Благовещеньев день лета 7064» [259*]. Князья жалуют кормлениями своих бояр «за их к нам выезд», т. е. за вступление в службу, при заключении вассального служебного договора так же, как на Западе, где такой договор закреплялся пожалованием лена.

Порядок пожалования кормлений вполне господствовал в удельной Руси XIV и XV вв., во время полного развития у нас феодальных отношений. В духовной великого князя Семена Ивановича 1353 г. читаем: «А хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей прибытъка половину» (№ 24). Боярин, ведающий волость, получает в свою пользу половину «прибытка», или, как позднее говорили, «дохода»; он остается вольным слугою: «А вольным слугам воля, кто в кормленьи бывал и в доводе при нашемь отци и при нас» (1341 г., № 23). Он может свободно отъехать, но должен уплатить князю следующую ему часть прибытков: «А который боярин поедет ис кормленья от тобе ли ко мне, от мене ли к тобе, а службы не отслужив, тому дати кормъленье по исправе; а любо служба, отъслужити ему» (1362 г., № 27).

К XIV в. относится и первая известная нам грамота на пожалование кормления. Обыкновенно считают древнейшей грамоту на кормление 1425 г. Между тем древнейшей следует признать грамоту 1363—1389 гг., тожественную с кормленными грамотами по формулировке и по существу пожалования и отличающуюся от них только пропуском слов: «За их к нам выезд в кормле-

[259*] ДАИ. Т. 1. № 53. «А *жалованье* за Ощерою Ивановичем боярином были Коломна... Руса обе половины» (*Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 843). «И ты б наместнику Дм. Салтыкову с *нашего жалованья* с Дорогобужа велел съехати» (1587 г.) (РИБ. Т. II. С. 46). «Что за ним *мое жалованье волость* Антоновский стан» (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 69—1506 г.; № 75—1509 г.). Точно так же называются поместья: «Что их деревни прадедов их... княжеское жалованье моего князя Юрья Ивановича прадеда в отчине моей» (Там же; № 66—1506 г.). Ср.: Судебник 1550 г. (ст. 24) о наместниках и волостелях: «Едучи на жалованье или на жалованье живучи или едучи с жалованья».

ние»[260*]. «За выезд» — это значит «за вступление в службу»; пожалование кормлением тесно связано с заключением служебного договора[261*].

II. ФЕОД И ВОТЧИНА

§ 81. *Вотчинная коммендация*

Итак, у нас в удельное время несомненно существовало бенефициальное землевладение и рядом с бенефициальным пожалованием земли в условное владение практиковалось пожалование

260* «Се яз, князь велики Дмитрей Иванович пожаловал есмь Ондрея Фрязина Печорою, как было за его дядей за Матфеем за Фрязином... А вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдет и ходит по пошлине, как было при моем дяде... так и при мне» (1363—1389 гг.) (ААЭ. Т. 1. № 6).

«Се яз, князь великий Василий Васильевич всея Руси пожаловал есми Ивана Григорьевича Расла... волостью Лузою, за их к нам выезд в кормленья. И вы, все люди тое волости, чтите их и слушайте, а они вас ведают, и судити и ходити велят у вас тиуном своим, а доход имать по наказному списку» (1425 г. авг. 28) (АЮ. № 161, I).

Такая же старая формула: «А вы *бояре* и *слуги* и все люди того пути, чтите ево и слушайте, а он вас блюдет, а ходит по старой пошлине, как было преж сего» (*Юшков А. И.* Указ. соч. № 17—1462—1504 гг.; № 24—1462—1494 гг.). Вместо «бояре и слуги» в это время уже начинали говорить «бояре и дети боярские». Иногда жалуются в кормление только определенные пошлины с купли-продажи: «Пожаловал есми... в кормленье в Мещере и в Мещерском уезде всею пошлиною, кто что продает или променит или купит» (Там же. № 73—1508 г.). Подобное см.: Там же. № 85—1511 г.

261* В наших грамотах можно найти также образцы всех разнообразных прекарных договоров, разработанных по схеме П. Ротом (*Roth P.* Feodalität und Untertannenverband. Weimar, 1863. S. 145—167). У нас были и *прекарии-бенефиции* (precariae datae), и прекарии-вкладные (precariae oblatae). В жалованной грамоте митрополита Б. Тютчеву так же, как в Турской формуле, земля жалуется лицу в пожизненное владение с условием, что после смерти прекариста участок земли возвратится к церкви со всеми примыслами и улучшениями (ААЭ. Т. 1. № 74—1462 г.); *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. P. 135). Этот прекарий у нас так же, как на Западе, рассматривается как пожалование-бенефиций. Вкладчики-прекаристы у нас так же, как на Западе, часто, вкладывая землю в монастырь, сохраняли за собою пожизненное владение: «А держати ми то сельцо за собою до своего живота» (donation avec reserve d'usufruit) (АЮБ. Т. 1. № 63, XV—1479—1516 гг. и многие другие). Сохраняя пожизненное владение, они иногда при этом обязывались платить монастырю оброк-ценз: «Что нам в монастырь дал NN деревеньку свою... ино ему жити в той монастырской деревне до его живота без выреду, а давати ему в монастырь празги (оброк) с году на год по гривне денег» (Акты Холмогорской епархии // РИБ. Т. XIV. С. 37; Писцовые книги под ред. Калачова. Отд. I. С. 791). Наиболее характерный вид средневекового прекария состоит, как известно, в том, что вкладчик передает землю монастырю в безусловную собственность и затем получает ее обратно во владение или пользование, но уже не по праву, а из милости, в виде пожалования от монастыря. У нас также встречаются грамоты, в которых пожизненное владение вкладчика

должностей в условное пользование. Ленные должности-кормления были у нас так же широко распространены, как и на Западе, но что касается бенефициев (служних земель, поместных жалований), то они в удельное время, насколько можно судить по крайне скудным источникам эпохи, не имели преобладающего распространения. Господствующим типом боярского землевладения было землевладение вотчинное.

Это обстоятельство отнюдь не представляет собою какой-либо противоположности основоначалам феодального строя. В развитой вполне системе феодализма бенефициальное поместное землевладение занимает второстепенное место; господствующим типом является наследственный вотчинный феод, существенно отличающийся от пожизненного поместного бенефиция. Боярскую вотчину надо противополагать не бенефицию, но вотчинному феоду.

По известной схеме феодальных отношений, выработанной еще юристами-теоретиками XIII в. и до сих пор господствующей над умами историков, ткань феодального государства представляет собою единообразную сеть ленных отношений. Единообразие это существовало, однако, только в теории. Терминами «лен» или «феод» (а также «бенефиций») обозначались глубоко различные, по существу, отношения. Леном назывались самые разнообразные пожалования господина своему слуге за службу; объектом этого пожалования были прежде всего земли — наследственная собственность или пожизненное владение; та или иная должность, управление большим округом-графством и небольшим фогтством, должность сборщика налогов; деньги в виде единовременного денежного дара и в виде ежегодной ренты; какое-либо помещение, например комната или часть укрепленной площадки замка и проч. От действительного пожалования имущества, принадлежащего господину, надо отличать пожалование фиктивное: пожалование слуге имущества, ему же принадлежащего. Аллодиальный собственник получает обратно в виде пожалования свой же аллод. Леном преимущественно называлось пожалование военному слуге-вассалу; но ленами назывались также пожалования хозяйственным слугам, промышленникам и ремесленникам, какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы с обязательством

землею, данной монастырю, рассматривается как милость, пожалование монастыря: «А покамест Бог продлит живота, *а архимандриту пожаловати меня, вон не высылати*». В другой грамоте вкладчик двора просит игумена: «И мене бы естя пожаловали на том же дворе велели жити». В третьей грамоте старица, даруя (по завещанию своего сына, на поминок его души) село монастырю, *бьет челом* игумену, прося его дозволить жить некоторое время в этом селе ее человеку: «Да што бы есте, господине, пожаловали, нашего человека еще не велели двинуть, доколе его поместим» (*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 105, выписка из грамоты; *Шумаков С. А.* Тверские акты. Тверь, 1896. Т. 1. С. 53. (1516 г.); *Он же.* Угличские акты (1400—1749 гг.). М., 1899. С. 75). О вкладных грамотах вообще см.: *Горчаков М.* Указ. соч. С. 89—92.

платить часть дохода натурой или деньгами господину. В этих случаях отличительный признак лена — пожалование земли военному слуге — исчезает и лен является неподходящим названием оброчного владения [262*].

Единообразная сеть ленных отношений не имеет существенного значения ввиду того, что она состоит из глубоко различных, по существу, отношений, которые объединяются общим символом пожалования, прилагаемым равно как к действительным, так и к фиктивным пожалованиям. В сравнительном изучении поэтому мы должны выделить из этой сети господствующий тип лена-феода и определить его основные черты.

Феоды образовались, как известно, отчасти из аллодов, а главным образом из бенефициев. Древнейшие бенефиции весьма скоро стали наследственными, а затем владельцы приобрели в отношении их право распоряжения. Первоначально право распоряжения было существенно стеснено тем, что на отчуждение феода требовалось согласие сеньера. Но это стеснение отпало с течением времени. Во Франции в эпоху расцвета феодализма сеньер не мог воспретить вассалу продать феод или передать его в чужие руки иным путем; сеньер мог только выкупить феод или же взыскать с покупщика в виде вознаграждения за ускользающую от него землю известную сумму денег, обыкновенно в размере годового дохода с земли. Кроме этого права выкупа (rachatum), сеньер имел также право рельефа (relevium), относившееся к случаям перехода феодов по наследству; сеньер имел в таких случаях право на взыскание известной суммы денег с наследника; рельеф в большей части местностей взыскивался только при переходе наследства к боковым линиям [263*]. Эти права сеньера были того же порядка, что и нынешние права государства в отношении территории; так же, как эти последние, они мало или вовсе не стесняли прав собственника.

С точки зрения частного права феод был, таким образом, вотчиной, полной собственностью или наследственной собственностью с ограниченным правом распоряжения. В области же публичного права отличительная черта феода — крайняя слабость связи его с территорией сеньера, верховного владельца земель феодалов. Территориальная принадлежность феода связана была с личным вассальным подчинением его частного собственника. Порывая вассальную связь с сеньером, феодал отрывал свою землю от владений сеньера и передавал ее в обладание своему новому гос-

[262*] Подробнейшее перечисление разнообразных видов ленных пожалований см.: *Waitz G.* Op. cit. Bd. VI. K. 1.

[263*] Другие права сеньера на феод: право опеки — пользование землей во время малолетства вассала — и право forfaiture (foris factura) — отнятие земли у вассала за какую-либо вину — встречались только в некоторых местностях и не были общими принципами феодализма (*Guisot F.* Op. cit. T. IV. P. 33—34).

подину. Это право земельной коммендации составляет наиболее важный, основной признак феодального землевладения, резко отличающий его от современного. Это право коммендации и его значение особенно наглядно проявлялись в тех случаях, когда феод представлял собою крупное владение, прочно освоенное собственником. Леном считалось ведь и целое герцогство, и целое королевство, раз владелец или глава его стал чьим-либо вассалом. Но зависимость такого лена от сеньера была совершенно номинальной; действительное значение имела только вассальная связь; ленное княжество или королевство зависело от сеньера лишь постольку, поскольку князь или король был вассалом. Порывая вассальную связь, феодальный землевладелец сохранял за собою свои владения и вместе с этими владениями передавался другому сеньеру. Известно много случаев перехода вассала с леном от одного сеньера к другому. В 1159 г. граф Эврейский Симон Монфор принес оммаж английскому королю и передал в его обладание все свои земли. В 1173 г. граф Тулузский, поссорившись с французским королем, принес открыто оммаж на свое графство английскому королю. Когда в начале XIII столетия французские вассалы отложились от английского короля Иоанна Безземельного, то они тем самым лишили его всех его французских владений [264*]. В таких переходах вассалов вместе с ленами, в этой свободной коммендации лица с землей проявляется одна из важнейших черт феодального строя, а именно преобладание личных отношений над территориальными, отсутствие государственной территориальной власти. Верховная власть сеньера на вотчинный иммунитетный феод его вассала была весьма слабой и покоилась единственно на вассальной верности владельца феода. Современного начала неотчуждаемости участков государственной территории по воле их частных собственников не существовало. Земля вслед за ее собственником легко ускользала от власти ее верховного обладателя.

Новейший историк французского феодализма К. Морте [100], настаивающий на преобладающей роли поземельных отношений в феодальном строе, не мог не признать, что до XIII в. сеньеры не имели, в сущности, постоянного территориального верховенства. «В первое время феодализма, как ни значительна была тогда роль земельной собственности в новых социальных отношениях, сеньерия не имела, как можно было бы подумать, характера исключительно территориального; она была часто личной и простиралась более на группы лиц, чем на строго определенный домен... Графы и князья обладали, в сущности, территориальным верховенством только в отношении своих доменов, которые им

[264*] Этим переходам более соответствуют переходы с вотчинами наших княжат, а не бояр: и на Западе мелкие лены более прочно зависят от сюзерена. Но принципы и у нас, и на Западе одни и те же.

принадлежали в то же время по праву собственности; вне же доменов их власть осуществлялась менее в отношении территории, чем в отношении лиц, которые связаны были с ними вассальной клятвой верности». Морте отмечает и ту характерную черту феодальных владений, которая была создана этим преобладанием личных связей и, поддерживая их, задерживала образование территорий, а именно крайнюю чересполосицу владений: «Большая часть сеньерий, больших и малых, которые фигурируют в X веке на карте феодальной Франции, далеко не имели компактной территории, на которой сеньер мог бы осуществить свою верховную власть правильно и однообразно» [265*].

Феодальное право свободной коммендации лица с землей создавало крайнюю подвижность, крайнюю неустойчивость отношений, разрушало в полном своем развитии всякий правопорядок. В феодальных странах поэтому весьма рано начинается обратное течение закрепления земли, образования территориальной власти. Борьба древнего феодального начала личной зависимости с новым началом зависимости территориальной проходит через все средние века, постепенно обостряясь и заканчиваясь торжеством территориальной государственной власти. В области государственно-правовых отношений новое начало в феодальную эпоху проявляется весьма слабо. Большая устойчивость земельных владений, закрепление феодов осуществляется чрез посредство тех же доминирующих личных связей, а именно путем установления большей крепости вассальной связи. Чтоб прикрепить землю, во Франции начинают прикреплять ее обладателя, установляя правила, когда он может покинуть своего сеньера. Эти правила, однако, постоянно нарушаются во имя исконного обычного права свободы вассальной связи и не достигают цели.

Новое течение объединения и закрепления земель обнаруживается прежде всего в области не правовых, а фактических отношений, которые подготовляют отмену старого права. Территории создаются путем удаления феодальных владельцев, путем постепенного уничтожения феодов разными средствами и в числе их

[265*] *Mortet Ch.* Féodalité // La grande Encyclopêdie/Ed. H. Lamirault. P., S. a. T. XVII. P. 206. Территориальный характер феодальных отношений, по мнению некоторых историков, и в том числе Морте, выражался в том, что личные связи вассальной верности опирались на поземельные пожалования-лены. Действительно, в позднейшую эпоху вассалитет имел тесную связь с бенефицием: вассальная верность по правилу закреплялась бенефицием. Но, как я указал в тексте, бенефиций-лен был весьма часто фикцией; он мог состоять не только из земли, но из должностей и денег и проч. Этого не было бы, если бы земля, земельные связи действительно были основой феодального правопорядка. В первом периоде феодализма вассалитет отнюдь не имел тесной связи с бенефицием (см. примечание Зелигера [101]): *Waitz G.* Op. cit. 2. Aufl. B., 1890. S. 48—50; *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. С. 361).

особенно насилием, узурпацией. Сеньеры, округляя и увеличивая свои домены, уменьшают или вовсе уничтожают чересполосицу и отнимают, таким образом, у коммендации ту почву, которая ее питала. «Территориальный характер суверенных прав,— говорит Морте,— который в XIII в. стал общим правилом феодов-сеньерий, был, напротив того, исключением в X в. Он определился и приобрел общее господство только позднее, в XI и XII вв., двумя различными путями: с одной стороны, потому, что сеньер, домен которого пересекался чересполосными владениями и личными судами (justices personnelles), постепенно их выкупил, захватил или искоренил; с другой стороны, потому, что сеньер, который имел личный суверенитет на часть обитателей феода, распространил свои права посредством договора или захвата (узурпации) до того, что подчинил своей власти весь феод целиком».

Обстоятельно изучивший процесс образования немецких княжеских территорий, Карл Лампрехт точно так же указывает, что государственная территориальная власть образуется к концу средних веков на основе фактического объединения земель. «В средние века,— говорит он,— только очень немногие территории достигли того государственного объединения, которое мы в настоящее время признаем неизбежным и необходимым: повсеместно были многочисленные исключения из такого государственного единства (Enklaven и Exklaven); в отношении значительного количества частей территории оставалось сомнительным, подчинены ли они вообще власти какого-нибудь территориального государя и если подчинены, то до какой именно степени». «Благодаря пожалованиям императора, благодаря истолкованию поместных и защитных прав как прав верховной власти, прав суверенных, *а еще более благодаря простой узурпации* князья получали государственную власть над такими частями своей территории, в которых они не имели раньше и графских прав... В то время как князья, *выходя за пределы своих* имевших столь различное происхождение *прав, пытались создать понятие о верховной власти* и применить это понятие к определенной, по возможности замкнутой, области королевства, они нашли и основу для этих стремлений, именно самою территорию; только признав отдельные права земли, территории, они становились настоящими князьями, настоящими государями» [266*].

От феодальной Франции и Германии обратимся к удельной Руси. Здесь мы находим то же самое преобладание личных связей над поземельными, находим ту же, что и на Западе, коммендацию лица с землей и в конце удельного времени — то же возникновение территориальной верховной власти и борьбу ее с феодальной свободой лица и земли.

[266*] *Лампрехт К.* История германского народа. М., 1895. Т. II. С. 526, 527; *Lamprecht K.* Deutsche Wirtschaftsleben. Bd. I. S. 1345—1346, 1262 etc.

В удельной Руси коммендация-закладничество лица влекла за собою и коммендацию земли. Грамоты говорят о «заложившихся селах», о «селах, зашедших без кун» за другого князя или боярина [267*]. Князья обязуются в чужих владениях «сел не держати, не купити, *ни даром приимати*», потому что земля, купленная князем или принятая им в дар от закладника, переходила в его обладание, ускользала от власти местного князя; и, давая это обязательство, князья постоянно нарушают его, покупают села в чужом уделе и принимают закладников. Вопреки договорам они всылают в чужой удел своих приставов и данщиков для управления этими селами. Они обращаются с этими селами в чужом уделе так же, как с землями своего княжества, и даже дают владельцам их жалованные грамоты с привилегиями судебными и податными. Великий князь Дмитрий Донской дает жалованные грамоты в удел князя Владимира Андреевича и обратно. «А в твой ми удел, договариваются эти князья,— грамот жалованных не давати, также и тобе, а которые грамоты подавал и те ми грамоты отоимати [268*]».

С конца XIV в. князья стараются установить взаимными соглашениями новое начало неприкосновенности удела как определенной территории для властей другого княжества — начало территориальной государственной власти. В двух договорах конца XIV в. и затем в большей части договоров начиная с 1451 г. мы находим формулу: «судом и данью потянути по земле и по воде» — и подобную ей: «судом и данью потянути по уделом, где кто живет» [269*]. Междукняжеские договоры сохранили ясные следы той борьбы, какую до начала XVI в. эта новая норма права вела со старой феодальной свободой земли. В настоящее время это положение представляется столь общепризнанным, что оно даже не упоминается в договорах между государствами. В удельный же период у нас так же, как на феодальном Западе, возникающая территориальная власть была столь шаткой, что князья, не ограничиваясь провозглашением общего принципа, целым рядом особых соглашений поясняли его значение и старались предусмотреть все возможные его нарушения. Они обязывались взаимно «*в чужой удел не вступатися никоторыми делы*» и поясняли: «Ни приставов не всылати, ни грамот жалованных не

[267*] О *заложившихся* селах несколько неясно говорит новгородская грамота 1317 г. (СГГД. Т. 1. № 12), но она подтверждает и прямо ссылается на «Фектистову грамоту», т. е. на грамоту 1305 г. (Там же. № 6), где эти «заложившиеся» села обозначены как «села, зашедшие без кун», и ясно противопоставлены селам «купленым». См. мою статью «Новое объяснение закладничества» (ЖМНП. 1901. № 10) [102].

[268*] СГГД. Т. 1. № 27 (1362 г.)

[269*] Там же. № 28 (1368 г.), № 40 (1410 г.); ААЭ. Т. 1. № 14 (1398 г.). Позднейшие договоры с 1451 г. см.: СГГД. Т. 1. № 76, 88, 119—120 и др.

давати, ни земель не купити, ни закладней не держати», а также «ни судов не судити, ни дани не имати» в чужом уделе. Наши исследователи видят обыкновенно в этих соглашениях о неприкосновенности удела, о территориальной подвластности не вновь утверждаемое, а давно установившееся общее право. Некоторые историки, однако, правильно указывали, что «начало суверенного территориального господства» только с течением времени «одержало верх над частным имущественным правом» и что «признание прав территориального господства» было результатом долгой борьбы. Б. Н. Чичерин говорит, что в Древней Руси так же, как на Западе, отношения личные преобладали над территориальными. М. Затыркевич [103] правильно заметил, сославшись на договоры князей, что «все служилые люди со всеми принадлежавшими им людьми и землями подчинялись не областной власти, но власти личной того князя, которому служили». В. И. Сергеевич на это ему возражал, что «договорами везде утверждается территориальное начало» [270*]. Действительно, договорами везде *утверждается* территориальное начало, но те же договоры показывают, что это было еще *не утвердившееся* начало и что общее господствующее начало было личное, а не территориальное.

Древнее право коммендации лица с землей поддерживалось существовавшей у нас так же, как на Западе, крайней чересполосицей владений, которая вызывалась отчасти самой же коммендацией, отчасти постоянными дележами уделов. Значительная часть удельных княжеств представляет собою не строго отграниченную от соседних, непрерывную площадь, а совокупность чересполосных, разбросанных владений. Князья своими разделами долгое время сами поддерживали чересполосность владений. Великий князь Дмитрий Донской, разделив свои земли между сыновьями, «вымал у детей своих из уделов» несколько волостей, слобод и сел и дал их своей княгине не в частную собственность, а в полное государственно-княжеское обладание, запретив сыновьям вступать во владения княгини [271*]. Рязанский великий князь в 1496 г., установив границу между своими владениями и уделом своего брата, оставил в своем полном обладании село Переславичи, находившееся за чертой границы во владениях брата: «А что мое село Переславичи в твоем уделе, а сидят в нем мои холопи Шипиловы, и то село за данью и с судом и со всеми пошлинами мое великого князя» [272*]. Экстерриториальная слобода или во-

270* *Пригара А. П.* Указ. соч. С. 15; *Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 343; *Затыркевич М.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства // ЧОИДР. 1873. Кн. I—III. С. 190— 191; *Сергеевич В. И.* Исследования г. Затыркевича в области домонгольского периода русской истории // ЖМНП. 1876. Ч. CLXXXIII. Янв.
271* СГГД. Т. 1. № 34 (1389 г.)
272* Там же. № 127.

ласть, принадлежавшая соседнему князю, служила прибежищем для жителей княжества от власти местного князя и давала обладателю такой слободы или волости возможность осуществлять свою, узурпаторскую — с точки зрения нового договорного права — власть над лицами и землями в чужом уделе. По договорным грамотам можно заметить, что закладничество вообще развивалось там, где власть чужого князя была близка и легко осуществима. Так, например, Великий Новгород, оставляя во владении тверского князя купленные им новгородские села, не преминул особой статьей договора предупредить опасные последствия существования в пределах новгородской земли экстерриториальных оазисов, принадлежащих тверскому князю: «*А из тех сел* суда им (князю и его мужам) не судити, ни дворяном ездити, *ни людей* новгородьских *приимати, ни земли*» [273*].

Из общего закладничества сел, по древнему обычному праву, конечно, не исключались и боярские села, боярские вотчины. Если мелкие своеземцы, смерды и купчины, закладывались-коммендировались у нас вместе с землею, то и бояре, владельцы крупных вотчин, должны были иметь право перехода на службу к другому князю вместе с своею землею, иначе говоря, право *отъезда с вотчинами*. Крупная боярская вотчина благодаря иммунитету представляла собою в миниатюре самостоятельное государство; так же как на Западе, она была у нас ограждена от въезда волостелей; тем легче могла она отделиться от территории княжества, порвать слабую нить, привязывавшую ее к этой территории. Древнейший боярин был не только вольным слугою, но и вольным вотчинником.

Устанавливая территориальную власть, отрицая закладничество лиц и земель вообще, князья рядом особых соглашений вступают в борьбу с коммендацией боярских вотчин. Разнообразие таких соглашений показывает, что утверждаемое ими договорное право было новостью, что оно не выражало собою давно установившегося общего права, а постоянство нарушений договорного права до начала XVI в. свидетельствует, что боярские отъезды с вотчинами опирались на более сильный древний обычай. Великий Новгород, стремясь пресечь коммендацию, постановил в 1368 г., что бояре, отъезжающие на службу к тверскому князю, лишаются своих земель [274*]; раньше того, в 1307 г., он решился конфисковать земли у закладников, отдающихся тверскому князю [275*].

273* Там же. № 15 (1327 г.). Когда договоры говорят о переходах новгородских бояр к тверскому князю, то имеют в виду по преимуществу бояр из Торжка и пригородов, наиболее близких к тверским владениям (1368 г., СГГД. Т. 1. № 28). Другие примеры чересполосицы см. в моей статье о закладничестве и у Чичерина (Опыты... С. 281 и след.). Чичерин также сопоставляет нашу чересполосицу с западной (с. 282).

274* СГГД. Т. 1. № 28.

275* Там же. № 10.

Совершенно иная мера принята была московскими и другими князьями в тех же видах закрепления боярских вотчин. Не найдя возможным стеснить боярское право отъезда путем конфискации вотчин у отъезжавших слуг, как это сделал более сильный Новгород, князья решились отделить личную службу бояр от земли, личную связь от территориальной подвластности. По договорам Дмитрия Донского с тверским великим князем и с князем Владимиром Андреевичем 1362 и 1368 гг., бояре, отъезжая к другому князю, сохраняли частное право собственности на свои вотчины, но эти вотчины должны были оставаться в государственном обладании местного князя. Боярин волен служить, кому он хочет, но в качестве вотчинника он должен подчиняться местной власти и «судом и данью потянути по земле и по воде» [276*]. Соглашения эти устанавливали неустойчивый, внутренне противоречивый порядок, ненормальность которого может быть объяснена единственно его переходным характером от старых форм к новым. Боярин был ведь прежде всего военным слугою; он обязан был не только лично нести военную службу, но и приводить с собою отряды своих слуг и людей, живущих на его земле. Таким образом, сохраняя за собою право собственности на землю во владениях оставленного им князя, боярин привлекал людей из чужого княжества для военной службы своему новому господину, не говоря уже о том, что он извлекал с земли в чужом княжестве средства для военной службы иному князю. Ненормальность этого порядка должна была особенно ясно обнаруживаться в тех случаях, когда два князя, которым одновременно подчинен был боярин, одному — в качестве слуги, другому — в качестве вотчинника, когда эти два князя вступали в вооруженную борьбу между собою.

Как можно видеть в этом странном, неустойчивом и противоречивом порядке древнее начало права, древнее обычное право, которое всегда является устойчивым и прекрасно приноровленным к условиям жизни? Такие неустойчивые, противоречивые положения создаются только в переходные эпохи, как результат столкновения разных начал права. Нельзя ссылаться на договоры, не разбирая, что выражается в их статьях: обычное, господствующее право или новые нормы права, вырабатываемые соглашениями. Тут, несомненно, новая норма права, подобная статьям «закладней не принимати» [277*].

Вопреки соглашениям князей старый обычай отъезда с вотчинами удержался до начала XVI в. Об этом красноречиво свидетельствует духовная грамота великого князя Ивана Васильевича 1504 г.: *«А боярам и детям боярским ярославским с своими вот-*

[276*] Там же. № 27, 28.

[277*] Этот новый принцип («судом и данью потянути по земле и по воде») также постепенно устанавливался и на Западе. И он не выражает собою истинного государственного начала: тут только haute justice и taille.

чинами и с куплями от моего сына Василья не отъехати никому никуде; а хто отъедет, и земли их сыну моему». Текст совершенно ясный и определенный. Мы не знаем, почему речь идет о ярославских боярах: можем только догадываться, что это была область наибольшего феодального разъединения. О том же свидетельствуют настойчиво повторяемые князьями до конца удельного времени и совершенно излишние с точки зрения современного нам государственного права указания на то, что, передавая удел князю-наследнику, завещатель передает в его обладание и боярские вотчины, лежащие в пределах этого удела как определенной территории: «А которые села и деревни в Новегороде в Нижнем за моими князьями и за бояры и за детьми за боярскими, за кем ни буди; и то все сыну же моему Василью»[278*].

Боярин, «отъезжающий с вотчиной», представляет собою явление, тожественное феодалу, переходящему вместе со своим леном-феодом от одного сеньера к другому. Вышеприведенный текст договора об отъезде бояр с вотчинами, будучи сопоставлен с соответствующими феодальными порядками, бросает яркий луч света на эту важную сторону порядков удельной Руси[279*].

В наших жалованных грамотах мы находим драгоценное указание на изучаемые отношения ленной коммендации. Грамоты свидетельствуют, что подчинение вотчины связано было с заключением вассального договора о службе. «Се яз князь великий Иван Васильевич всеа Руси,— читаем в одной из них,— пожаловал есми Ивашка Максимовича сына Глядящего, что *бил челом*

278* СГГД. Т. 1. № 144. С. 392. Великий князь Иоанн III передает (в обмен) волоцким князьям Федору и Ивану волости Буйгород и Колпь и замечает: «А которые земли в тех волостях в Буегороде и в Кольпи боярские и монастырские их отчины и купли, и те земли ведают князь Федор и князь Иван судом и данью, а бояре и дети боярские и монастыры держат свои земли по старине» (Там же. № 129—1497 г.).

279* Люшер (*Luchaire A.* Manuel... P. 151. Note.) приводит такой случай: «Au commencement du XI-e siècle, deux frères, Hered et Hacket, possèdent des alleux importants à Poperinghe, dans le comté de Flandre Le comte de Guines et le comte de Boulogne se disputent l'avantage de faire entrer ces terres dans leur mouvance et prétendent forcer ceux qui les possèdent à faire acte de soumission et à devenir leurs hommes. L'aîné, Herred, refusant de s'assujettir à l'un comme à l'autre des deux comtes, court trouver l'évêque de Térouanne et reçoit de lui en fief héréditaire et perpétuel (perpetuum et hereditarum recepit in feodum) tout ce qu'il possédait à Popiringhe. Mais l'autre frère... arrive... à la cour de comte de Boulogne, lui prête l'hommage et reçoit de lui sa terre [В начале XI в. два брата, Эред и Акет, владели крупными аллодами в Поперинге, во Фландрском графстве. Граф де Гин и граф де Булонь оспаривали право присоединить эти земли к своим владениям и пытались заставить владельцев этих аллодов совершить акт подчинения и сделаться их вассалами. Старший, Эред, отказавшись подчиниться обоим графам, обратился за помощью к епископу Теруанскому и получил от него в ленное владение, наследственное и вечное, все, чем он владел в Поперинге. Но другой брат... прибывает ко двору графа де Булонь, приносит оммаж и получает от него свою землю (фр.)]».

моей великой княгине Софье и с *своею вотчиною*, с половиною селом Глядящим, что в Муроме в Кузомском стану, со всем с тем, что к его половине потягло». Слуга, вступая в службу, бьет челом с вотчиною, т. е. передает в обладание князя свою землю. Дальнейший текст еще более интересен: «*И яз, князь великий, Ивашку пожаловал тем его половиною селом Глядячим* со всем тем, что к его половине изстарины потому ж потягло; и кто у него иметь жити людей на его половине села Глядячего и тем его людем ненадобна моя дань...» Следуют обычные льготы жалованных грамот. Здесь великий князь совершенно так же, как это делалось при ленной коммендации на Западе, *жалует слугу его же вотчиной* [280*].

Ввиду слабости нового территориального начала князья не только сами взаимно обязуются не покупать сел в чужих владениях, но и запрещают это своим боярам. По московскому договору (Дмитрия Иоанновича с князем Владимиром Андреевичем) 1388 г. покупка сел самими князьями и боярами в чужом уделе воспрещена безусловно, а по московскому же договору 1389 г. она обусловлена согласием князя: «А тобе в наших уделех и в отчине... сел не купити, ни твоим детем, *ни твоим бояром без нашего веданья...*» [281*]. Эти соглашения преследуют ту же цель закрепления земли, что и действовавшие на Западе в разное время правила о неотчуждении ленов без согласия сеньера или о непродаже министериалами ленов чужим вассалам в тех видах, чтобы земли не ускользали от обладания местного князя [282*].

В заключение — знаменательный пример существовавшей у нас феодальной коммендации вотчин. Он относится к первым годам XVI в., показывая, как долго не могло утвердиться у нас

[280*] ААЭ. Т. 1. № 120 (27 июля 1487 г.). В других грамотах, которые давали льготы не при заключении служебного договора, этой формулы (пожаловал NN его же селом) обыкновенно не находим. Обыкновенная формула: «Се яз князь великий *пожаловал NN что его земля...*» или «се яз князь великий пожаловал архимандрита, дал в дом святого Спаса». Ту же формулировку, что в рассматриваемой грамоте, находим в следующей жалованной грамоте 1461 г.: «Се аз, князь великий Василий Васильевич, *пожаловал* есмь Алексея Краснослепа пустошь Хоробровскою, *его отчиною*, в Суздальском уезде в Деминской волости» (*Юшков А. И.* Указ. соч. С. 16); Суздаль если и принадлежал Москве, то были в нем свои суздальские князья; Москва не признавала для себя обязательным правило «слуг с отчинами не принимати». Ср. в договорной грамоте суздальского князя Ивана Васильевича с великим князем Василием Васильевичем (1451 г.): «А добьют, господине, челом тобе... моя братья... и тобе, господине, великому князю жаловати их вотчиною, их жеребьи по старине, что за ними было» (СГГД. Т. 1. № 80). Иоанн III не нашел возможным признать Ивашку Глядящего слугою одной лишь великой княгини; он жалует его сам, но в то же время признает его зависимость от великой княгини, определяя, что Ивашка подсуден великому князю или боярину введеному княгини Софьи.

[281*] СГГД. Т. 1. № 35.

[282*] *Waitz G.* Op. cit. Bd. V. S. 384.

начало неотчуждаемости территории по воле частного собственника. Это довольно известный в нашей церковной историографии факт передачи Волоколамского монастыря его игуменом Иосифом *из удела* волоцкого удельного князя *в государство* московского великого князя в 1507 г. Иосиф основал свой монастырь при деятельном покровительстве волоцкого князя Бориса Васильевича в его «вотчине», в глухом лесу. Монастырь быстро увеличил свои владения благодаря земельным вкладам; в 1484 г. у Иосифа была уже каменная церковь, расписанная «хитрыми живописцы». Наследовавший князю Борису сын его Федор сначала также покровительствовал монастырю и в 1500 г. дал ему деревню и половину слободки с обычными иммунитетными льготами, но затем, позабыв «приказ своего отца и матери», начал притеснять обитель. Иосиф попытался князя «утешити мздою» и «посла к нему иконы Рублева письма и Дионисиева, и такоже платие с постригшихся». Но князь Федор Борисович настаивал на полной покорности: «Аще не хощет мною повеленная творити, и он да изыдет, каможе хощет, а мне держати монастырь по своей воли, яко же хощю аз». Тогда, потеряв надежду, Иосиф решается на крайний шаг, решает передаться с своим монастырем великому князю. Он обращается к великому князю Василию с ходатайством: «Да прострет руку свою и приимет монастырь *в покров и в соблюдение* свое, да не запустеет и до конца не погибнет от многих неправд». И затем Иосиф не только не ушел из монастыря, как добивался его гонитель, но «отказал» от него монастырь, передался московскому князю, «отказался ог своего государя в великое государство». Василий Иоаннович «взя обитель пречистые *в свою державу*», «взя монастырь от насилия удельного... *под свою царскую руку*». Так рассказывает житие, а сам Иосиф в своем послании писал, что великий князь «*монастырь Пречистые и мене грешного с братиею взял в великое свое государство*, и не велел князю Федору Борисовичу вступатися ни во что». Любопытно, что обиженный князь, от которого игумен отложился со своим монастырем, сделал попытку поправить дело не путем переговоров с великим князем, принявшим монастырь в свое обладание, но посредством соглашения с игуменом Иосифом, как бы признавая тем его право на переход: «Князь же Феодор в та времена у Иосифа нача прощатися, *моля его, еже бы возвратился*», т. е. возвратился бы с монастырем. Еще более знаменательно, что составитель жития, рассказывая об этом факте, не видит в нем ничего исключительного и сопоставляет его с подобными же случаями в прошлом: «Яко в древних летах сия быша, от обид меньших к большим прибегали». Иосиф в своем послании приводит и ряд примеров: « В наши лета у князя Василья Ярославича в вотчине был Сергиев монастырь, а у князя у Александра у Федоровича у Ярославского был в вотчине Каменский монастырь, а у князей у Засекинских был в вотчине монастырь Пречистые,

иже на Тользе»; игумены этих монастырей «били челом» великому князю Василию Васильевичу, и он «те монастыри взял в свое государство, да не велел тем князьям в те монастыри вступатись ни по что» [283*].

Глава пятая

РАЗДРОБЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Рассмотренные выше отношения вассальные и ленные, а также защитные представляют собою систему отношений, *объединяющих* феодальное общество. Они объединяют страну, разделенную на множество самостоятельных владений с иммунитетными и полусуверенными правами. Иммунитет с раздробленным, рассеянным суверенитетом составляет начала *разъединения*, разделения страны.

Некоторые историки видят характернейшие черты феодализма в началах объединения, в личных связях, защитных и ленных. Другие же выдвигают на первый план начала разъединения. Проф. Виноградов, например, недавно в своем учебнике дал следующее определение феодализма: «Каждый крупный помещик сделался своего рода государем в своей местности. Такое *раздробление власти и переход ее к помещикам принято называть феодализмом*» [105]. В этом раздроблении власти надо различать иммунитетные и суверенные права. Большая часть землевладельцев обладали только правами иммунитетными; крупнейшие же — присвоили себе с течением времени более или менее ограниченные суверенные права. Если бы в раздроблении власти можно было видеть главный решающий признак феодализма, то вопрос о признании государственного строя Руси феодальным значительно упростился бы. Все крупные землевладельцы с древнейшего времени у нас так же, как на Западе, несомненно обладали иммунитетными правами, которые обеспечены были жалованными грамотами. С конца XIV в. появилось, кроме того, множество мелких служебных князей с ограниченными суверенными правами, и чис-

[283*] Сказания о русских и славянских святых, извлеченные из Великих миней четиих. СПб., 1868. Ч. 1. С. 93—97; АИ. Т. 1. № 290 (1509 г.); ААЭ. Т. 1. № 136 (1500 г.); *Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1861. С. 191, 239—240; *Хрущов И. П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина. Киев, 1868. С. 213. Г-н Хрущов [104] правильно полагает, что Иосиф не нарушил действовавшего в то время права, отказавшись от одного князя к другому. Одно только «было сделано Иосифом не по праву: он отошел с монастырем в великое княжение без благословения своего владыки» (новгородского архиепископа Серапиона) (Там же. С. 207—208).

ло их быстро увеличивается в XV—XVI вв. Удельная Русь с её иммунитетными боярскими и монастырскими вотчинами и полусуверенными вотчинами княжескими, если руководствоваться одним лишь указанным признаком, должна быть несомненно признана феодальным государством. Процесс феодализации в смысле раздробления власти, перехода суверенных прав к крупнейшим землевладельцам совершился у нас, однако, как видно из последующего, совершенно иным путем.

Прежние историки указывали в особенности на слабость преемников Карла Великого, на личные качества «ленивых» и «толстых» королей как на первую причину распадения Каролингской монархии на ряд крупных и мелких суверенных владений. Но личные качества преемников Карла могли только ускорить этот процесс и вызвать быстрое грандиозное крушение его монархии. Причины же разделения лежали в общем состоянии культуры того времени. «Постепенностью культурного роста,— замечает проф. Виноградов,— не допускает быстрого появления обширных и сложных государственных систем у молодых, не воспитанных историей народов».

В удельной Руси мы находим условия географического и экономического порядка подобные западным и как результат их — то же разделение страны на множество самостоятельных владений с суверенными правами. В удельной Руси мы замечаем естественную слабую связность частей, географическую и экономическую разрозненность и обособленность округов и мелких вотчинных владений. Мы видим здесь: 1) населенность редкими оазисами среди дебрей лесов и топи болот, крайне затрудняющих пути сообщения; 2) господство натурального хозяйства, обеспечивающее, с одной стороны, хозяйственную самостоятельность этих оазисов и, с другой стороны, обусловливающее отсутствие крупного торгового и промышленного центра, который мог бы служить базисом политического господства.

Обширная и слабо населенная Ростовская земля (или Понизовская, как ее называли новгородцы) XII и начала XIII в., земля Андрея Боголюбского и Всеволода III Большое Гнездо, не созрела еще для образования обширного единого государства. Подобно еще более обширной и слабо населенной империи Карла Великого, она делится на быстро обособляющиеся части во второй половине XIII в., через столетие мы видим ее разделенной на множество крупных и мелких княжеских владений.

Это разделение совершилось у нас иным путем, чем на Западе. Началось оно у нас совершенно так же, как там, дележом земель между сыновьями, наследниками государя. Всеволод III разделил свои владения между сыновьями так же, как Людовик Благочестивый. Разделенная ростовская Русь на короткое время затем случайно соединилась в руках Ярослава Всеволодовича, подобно тому как монархия Карла соединилась случайно на ко-

роткое время в руках Карла Толстого. Дальнейшее деление пошло различно. На Западе род Каролингов скоро угас; явились выборные короли; графы-управители и крупнейшие землевладельцы захватили суверенные права и возвысились до положения владетельных государей. У нас не было этого момента узурпации. Род Всеволода Большое Гнездо быстро разросся, и земля продолжала делиться на все более мелкие части между размножившимися князьями. Начало узурпации заменилось у нас началом разделов. В широко распространившейся на Западе узурпации власти ярко выразилась назревшая необходимость разделения страны на мелкие владения. Той же самой назревшей необходимости отвечали наши княжеские разделы земель. Одни и те же внутренние силы действуют на Западе и у нас; вследствие хорошо знакомых историкам случайностей они различными путями находят себе выход, но в результате дают одинаково раздробление государственной власти среди множества крупных и мелких владений с суверенными и полусуверенными правами. У нас так же, как на Западе, земля должна была неудержимо распасться, разделиться на мелкие самостоятельные мирки. Но в момент назревшего разделения страны у нас оказалось налицо множество князей — претендентов с наследственными владетельными правами. Они заменили у нас западных феодалов, захвативших суверенные права. Разделы предупредили у нас узурпацию; разделение «сверху» предупредило разделение «снизу»; «окняженье» земли предупредило ее «обояренье». Но результат в XIV—XV вв. получился тот же, что и на Западе.

Говоря о разделах, я разумею не первоначальные дележи суздальской Руси на несколько крупных частей в XIII в., не разделы Всеволода III (умер в 1202 г.) и его сына Ярослава (умер в 1246 г.) и не образование более крупных уделов (Тверской, Ярославский, Ростовский, Белозерский, Московский и др.). Эти первоначальные разделы не имеют феодального характера, представляя собою обыкновенное разделение единого государства на несколько равноправных государств. Противопоставляя западноевропейской узурпации разделы, противопоставляя феодальным владениям с узурпированными суверенными правами удельные княжества, возникшие вследствие разделов, я имею в виду дальнейшее дробление княжеств в XIV и XV в. на мелкие княжеские владения. Северо-Восточная Русь быстро дробилась на мелкие княжества. Возьмем, например, Тверское княжество, обособившееся во второй половине XIII столетия со времени княжения Ярослава Ярославича тверского. В половине следующего, XIV в. здесь является несколько уделов: Дорогобужский, Кашинский, Холмский, Микулинский; разделение на этом не останавливается, и в начале XV в. здесь образуется еще несколько мелких уделов: Городенский, или Старицкий, Зубцовский, Телятевский, Чернятинский. Точно так же Белозерское княжество, обособившееся во

второй половине XIII столетия, в XIV и в начале XV в. разделяется на длинный ряд мелких уделов: Карголомский, Ухтомский, Кемский, Сугорский, Андожский, Вадбольский, Шелешпанский. Точно так же Ярославское княжество, расположенное от Волги на северо-запад, по Мологе и Шексне, и на север, на Кубенском озере, распадается в ту же эпоху на несколько уделов: Моложский — по реке Мологе, Шехонский — по реке Шексне и ее притокам, Заозерско-Кубенский и др. Эти уделы дробятся далее. В Моложском уделе в конце XIV в. возникают мелкие княжества Сицкое, Прозоровское, Шуморовское.

Большая часть этих княжеств была весьма незначительных размеров. Как заметил В. О. Ключевский, территория их занимала обыкновенно бассейн какой-либо маленькой речки и нередко ограничивалась только частью маленького речного бассейна. Так, например, вдоль нижнего течения реки Мологи на протяжении 60—70 верст мы находим около 1400 г. четыре княжества: Моложское — по реке Мологе, затем по левым ее притокам — княжества Сицкое (по реке Сити) и Прозоровское (по рекам Себле и Редме), наконец, в углу между Волгой и Мологой — Шуморовское, со столицей в селе Шуморове. Незначительность владений приравнивала владельцев таких княжеств к боярам-вотчинникам; но они, несмотря на это, сохранили свои наследственные владетельные княжеские права... Мелкие князья, как, например, бохтюжский и карголомский, в XV в. дают льготные и несудимые грамоты на свои земли совершенно так же, как великие князья-государи. Даже в XVI в. мелкие князья-«княжата» сохраняли как это, так и некоторые другие владетельные права[284*].

При первоначальной общей разработке междукняжеских отношений внимание историков было поглощено процессом возвышения Московского великого княжения. Замечено было, что Москва очень рано начала с неуклонной последовательностью стягивать под свою власть все соседние княжества. Казалось, что по мере того, как московские великие князья присоединяли к своим владениям княжества Ростовское, Ярославское, Белозерское и др., удельный порядок разрушался до основания. Москва рано возвышает, усиливает и быстро утверждает новое государственное начало.

На деле было иначе. Государственные начала утверждались не так легко и не так скоро разрушали старый удельный порядок.

[284*] С. Ф. Платонов говорит о княжатах XVI в., что они «сохраняли все атрибуты государствования: у них был свой двор, свое «воинство», которое они выводили на службу великого князя московского; они были свободны от поземельных налогов; юрисдикция их была почти не ограничена; свои земли они «жаловали» монастырям в отчины и своим служилым людям в поместье. Приобретая к старым вотчинам новые, они и в них водворяли те же порядки, хотя их новые земли не были их родовыми и не могли сами по себе питать владельческих традиций» (*Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 132).

Присоединение к Москве того или иного княжества часто было номинальным или неполным. Москва захватывала стольные города, но князья-вотчинники сохраняли за собою значительную часть своих наследственных владений. Они признавали верховную власть московского великого князя, но сохраняли за собою часть суверенных прав на свои владения. Становясь «слугами» великого князя, они все же оставались «князьями». С другой стороны, московские великие князья (по отношению к населению своих земель), отделяя своим сыновьям часть земель, вновь создавали новые суверенные и несуверенные княжества. Но незначительные размеры владений мешали многим князьям осуществлять в полном объеме наследственные суверенные права и поставили их в зависимость от великих князей — полноправных государей. Оставаясь государями в пределах своих владений, они лишились политической самостоятельности и стали в вассально-служебное подчинение к великим князьям. Такие «служебные князья» являют яркие феодальные черты. Б. Н. Чичерин давно уже заметил, что «служебный князь совершенно уподоблялся барону, который, будучи обязан службою своему ленному господину, оставался вполне независимым внутри своих владений»[285*].

Вся Северо-Восточная удельная Русь XIV—XV вв. была разделена на массу крупных и мелких княжеских владений. В исследовании А. В. Экземплярского[106] описано великое множество владетельных князей московских, тверских, рязанских, суздальско-нижегородских, ярославских, углицких, белозерских, стародубских, галицких, серпуховских. Из них немногие, «великие князья», были настоящими независимыми государями; удельные князья были несколько ограничены в своем суверенитете, будучи лишены права самостоятельных политических сношений; наконец, многочисленные «служебные князья», позднейшие «княжата», обладали только полусуверенными правами, приближаясь к крупным иммунитетным вотчинникам. В результате мы находим в удельной Руси то же крайнее раздробление суверенных прав среди крупных землевладельцев; рядом с иммунитетными вотчинниками-баронами находим пользующихся в различной степени суверенными правами князей-сеньеров.

В числе других суверенных прав наши удельные князья-феодалы пользовались и правом чеканки монеты, о котором все вспоминают, рассуждая о феодализме. Среди наших древних монет встречаются деньги, выбитые мелкими служебными князьями. В Тверском музее хранятся монеты, медные и серебряные, с надписями «Денга Городеск., Городецко, Городньск». Эти городенские, или городецкие, деньги чеканены были, как полагают, одними из самых незначительных тверских удельных князей, а именно князьями старицкими, или городенскими (столица удела —

[285*] *Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 339.

в Старице, нынешнем уездном городе Тверской губернии) [286*]. Известны и другие не великокняжеские серебряные и медные деньги (пулы): кашинские, микулинские, спасские и др. Иоанн III, разрушая феодальные порядки, завещал, чтобы в уделах никто не чеканил монеты: «А сын мой Юрьи з братьею по уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят; а деньги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери, как было при мне» [287*].

Московские государи вели упорную вооруженную борьбу только с большими «великими княжествами». Мелкие же князья и бояре подчинялись им большею частью без боя. Но если у нас не было ярких проявлений борьбы феодалов с государями, то все же нельзя не заметить, что эта борьба велась и у нас так же, как на Западе, с древнейшего времени до Иоанна Грозного. Борьба с княжатами Иоанна III, Василия III и Иоанна Грозного теперь уже, главным образом благодаря В. О. Ключевскому, хорошо изучена. Мы хорошо знаем, как во второй половине XV в. Иоанн III «переставливал старые обычаи», создавая единовластное Московское царство на почве феодального многовластия и разъединения удельного времени; мы знаем, как он отнимал у княжат наследственные владения, как он лишил их права предводительствовать на войне собственными княжескими полками; знаем, что его преемник Василий III отнимал у княжат их феодальные бурги — укрепленные городки-столицы их уделов; из исследования проф. Платонова мы знаем, что опричнина Иоанна Грозного была завершением всех этих распоряжений его предшественников; мы знаем теперь всю ту обстановку удельно-феодальных порядков, которые вызвали у первого царя болезнь, манию преследования, знаем, что его тирания развилась на той же почве, что и тирания Людовика XI. Борьбе московских государей с княжатами предшествовала борьба московских князей с боярами. Юрий Долгорукий сгубил боярина Кучку; Василий Дмитриевич отнял земли у боярина Свибла. Князь Курбский говорит: «Обычай есть издавна московским князем желати братий своих крови и губити их, убогих ради и окаянных вотчин, несытства ради своего». Это замечание можно отнести не только к борьбе с княжатами, но и к борьбе с боярами.

Итак, у нас велась, по существу, одинаковая с западной борьба с феодалами. Она отличалась от западной только тем,

[286*] *Жизневский А. К.* Монеты Городенские или Городецкие // Труды Моск. нумизм. о-ва. 1893. Т. 1. С. 109—113; *Орешников А.* Материалы к русской нумизматике доцарского периода // Там же. 1901. Т. II; *Уляницкий В. А.* Междукняжеские отношения во Владимиро-Московском великом княжестве в XIV—XV вв. М., 1893. С. 37, 47. Ср. снимки монет: Русские древности в памятниках искусства, издаваемые И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб., 1899. Вып. 6; Памятники Владимира, Новгорода и Пскова.

[287*] СГГД. Т. 1. № 144. С. 397.

что наши феодалы не могли оказать стойкого сопротивления несоразмерно сильнейшим в сравнении с ними великим князьям и московским государям. В древнейшее время великие князья легко сокрушали сильных бояр. Позднее московские государи также сравнительно легко сокрушали княжат. В то время как на Западе была борьба более или менее равных сил, со всеми яркими последствиями столкновения равных сил, у нас была менее видная борьба сильнейшего со слабейшим, с быстрым каждый раз поражением слабейшего. При Иоанне III можно заметить напряженность усилий московского правительства в борьбе с княжатами. В конце царствования, однако, Иоанн III уже решился на смертную казнь «высокоумничавшего» князя Семена Ряполовского-Стародубского. При Иоанне же Грозном борьба превратилась всецело в ожесточенное гонение, не оправдывавшееся более обстоятельствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мои выводы и наблюдения должны показаться совершенно неожиданными для большинства читателей ввиду утвердившегося в нашей науке взгляда на полное своеобразие русского исторического развития и коренное несходство древнерусского строя с феодальным. В своей работе, однако, я мог не раз в подтверждение важнейших положений сослаться на мнения предшествующих историков. Это показывает, что выводы мои отнюдь не оторваны от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд. Первые исследователи, касавшиеся вопроса о феодализме в России, смотрели на феодализм с оставленной теперь точки зрения — как на раздел страны между дружинниками-завоевателями. Дружине франков, по их мысли, соответствовала дружина варягов; разделу земли — раздача городов мужам (дружинникам) первыми варяжскими князьями. Рюрик отдал в «управление знаменитым единоземцам своим» завоеванные города. «Таким образом,— писал Карамзин,— вместе с верховною княжескою властию утвердилась в России, кажется, и система *феодальная, поместная* или *удельная,* бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах» [288*]. Ту же мысль повторил Полевой [289*] и затем Кавелин в более

[288*] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: Изд. И. Эйнерлинга. 1842. Т. I, гл. IV. С. 70.

[289*] *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1829. Т. I. С. 70—71 [107]. Варяги у нас, как и везде, «налагали иго тяжкого военного деспотизма на

определенной формулировке: «Система управления, принесенная к нам варягами — Русью, была, по всем вероятиям, дружинная, то есть феодальная; князья, подчиненные великому князю киевскому, находились в вассальном отношении к нему: но феодальная система у нас не успела развиться и из личной обратиться в территориальную» [290*].

Эти соображения для моей работы дали очень мало. Взгляд на феодализм как на раздел завоеванной страны между дружинниками-завоевателями давно оставлен [291*]. Феодализм как осо-

покорявшиеся их власти народы». Владычество исключительно принадлежало варягам, «которые признавали власть варяга, делавшегося властителем страны, но не получавшего над товарищами безусловного начальства». (Слово «феодализм» стоит только в оглавлении к этим страницам.) «Феодализм, гибельный и страшный для государей и подданных, во всей Европе тогдашней был причиною дележа областей наследникам» (Там же. С. 275). «Феодализм везде переходил в систему уделов, где монархия могла побеждать его» (Там же. М., 1830. Т. II. С. 38, примеч.). В *системе уделов*, обладаемых членами одного семейства под властию старшего в роде, Полевой видел *«феодализм семейный»* (Там же. С. 37—38). Ср.: *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 350.

290* *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. I. С. 164—166. См. также: *Лакиер А.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С. 17—18. «Великий князь был обладателем всей земли, дружинники получали от него земли в лен за услуги, ими государству оказанные, а частной собственности на недвижимые именья, на земли мы не видим: но элемент дружинный, принесенный к нам извне, сроднивший нас на время с понятиями чуждыми, с феодализмом, не мог долго удержаться во всей чистоте в нашем отечестве... Мало-помалу горсть насельников уступила коренному народонаселению, место феодализма и раздачи городов мужам занял раздел земли между членами великокняжеского рода». Лакиера [108] оспаривал А. Клеванов [109] (*Клеванов А. С.* О феодализме на Руси // ЧОИДР. 1848. № 9).

291* В то время, сравнивая наше историческое развитие с западным, главное внимание обращали на завоевание. Большинство видело главное отличие русской истории в том, что на Западе в начале развития было завоевание страны иноплеменной дружиной, а у нас было призвание князей. Соловьев отвергал значение завоевания, указывая на Германию, где в противоположность Франции и Англии и так же, как у нас, не было завоевания (*Соловьев С. М.* История России... Т. 1. Кн. I. С. 268). Чичерин же хотя и смотрел на феодализм с нашей точки зрения, но все-таки признавал значение завоевания: вотчинные права князей, по его мнению, коренились в завоевании (*Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 286). Та же идея о завоевании как исходном пункте исторического развития положена в несколько переиначенном виде в основу работы М. Затыркевича (*Затыркевич М.* Указ соч.). Автор, желая показать, что наша история шла совершенно тем же путем, как на Западе, на основе борьбы племен и сословий, рассуждает о «борьбе оседлого населения с кочевыми народами», о «восстании бояр и посадских людей» (гл. VII) и о «восстании городов» (гл. VIII) в домонгольский период. В заключение он кратко касается порядков удельной Северо-Восточной Руси. «Союзническое дружинное государство», образовавшееся вследствие завоевания, переходит у нас, как и повсюду, в «государственный строй феодальный, основанный на господстве сельского землевладельческого дворянства» (с. 201). В Северо-Восточной Руси у нас являются «мелкопоместные служилые люди», и земля разделяется на множество

бая система ленных и иммунитетных отношений развивается после дружинного периода.

С этой именно точки зрения на феодализм сравнивали русские учреждения с феодальными Б. Н. Чичерин и Соловьев, и многие наблюдения их сохранили все свое значение до нашего времени.

Чичерин утверждал, что «славянский мир и западный при поверхностном различии явлений представляет глубокое тожество основных начал своего быта». Он метко выразил в общей формуле это тожество основных начал жизни Руси и Запада в средние века. Эти начала определяются господством личных договорных отношений, противоположных позднейшим отношениям территориального государства. «Понятия о постоянной принадлежности к обществу как к единому целому, о государственном подданстве вовсе не было; вместо государя и подданных мы видим только лица, вступающие между собою в свободные обязательства» [292*]. «Общественною связью служило либо имущественное начало — вотчинное право землевладельцев, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим». Эти отношения Чичерин, следуя Вайцу, объединяет в понятиях «частное право», «гражданский союз». «Отношения родственные, договорные, имущественные, одним словом, частное право, сделались основанием всего быта... Так произошел союз гражданский, образовавшийся из столкновений и отношений личностей, вращающихся в своей частной сфере» [293*]. Эти отношения одинаково господствуют как в средневековой России, так и на феодальном Западе; «форма гражданского общества в известную эпоху была общим достоянием всех новых народов: в средние века мы видим ее на Западе точно так же, как у нас». Основы порядка были одинаковы у нас и на Западе; но тожественные с западными отношения у нас отличались шаткостью: «Особенностью древней Руси была шаткость всех гражданских отношений, шаткость, происходившая от недостатка исторической гражданственности, какую западноевропейским народам завещал Рим, так и от самой природы страны, степной, скудной, малонаселенной, способствовавшей кочеванию» [294*].

княжеств; таким образом, возникает «феодально-конфедеративная монархия» (с. 351). «С переходом всего мелкопоместного служилого сословия под непосредственную власть великого князя московского Московское княжество из феодально-конфедеративной монархии обратилось в феодально-служилую монархию» (с. 353).

292* *Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 343.

293* Там же. С. 368.

294* Там же. С. 365. Но Чичерин преувеличивает значение этой шаткости. Он противопоставляет ее как русскую особенность крепости, прочности западных феодальных отношений. Эти последние также не отличались особой прочностью и более окрепли только в конце феодального времени. Относительно непрочности вассальных договоров на Западе я уже говорил. И здесь отмечу против Чичерина только его же собственные слова: «*Во Франции...* в средние века *существовала такая разрозненность*, как, может

Изучая детально удельный период, Б. Н. Чичерин сделал несколько верных сопоставлений русских порядков с феодальными. Так, например, он верно отметил феодальные черты положения наших служебных князей. «Служебный князь *совершенно* уподоблялся феодальному барону, который, будучи обязан службою своему ленному господину, оставался вполне назависимым внутри своих владений» [295*]. Так, он отметил существование у нас такой же иерархической лестницы землевладельцев, как в феодальном мире на Западе [296*]. Но таких наблюдений в его распоряжении было еще слишком немного, чтобы, не ограничиваясь общим сравнением существа русского и западного порядков, выяснить тожество их основ [297*].

Поэтому его общая параллель между учреждениями Руси и феодального Запада оказалась неудачной. Задавшись целью выяснить в этой параллели «глубокое тожество основных начал быта» русского и западного, Б. Н. Чичерин, сравнивая отдельные учреждения, пришел к выводу, что на Западе договоры были «прочными и потомственными», а на Руси — «временными и случайными», что на Западе во всех учреждениях выражался крепкий союзный дух, а на Руси «каждая отдельная личность обособлялась в своей частной сфере». В результате параллели получилось не тожество, а глубокое различие таких основных начал быта, как союзность и индивидуальность, прочность и шаткость договорных отношений.

К ценным наблюдениям Чичерина Соловьев прибавил весьма важное указание на существование в древней России одного из

быть, ни в каком другом западноевропейском государстве... *В древней России разрозненность и шаткость отношений существовали еще в большей степени*, личная независимость, которая выражалась в праве отъезда, была еще сильнее развита, нежели во Франции» (Там же. С. 357—358).

295* Там же. С. 339.

296* Там же. С. 84.

297* Наибольшее значение для моей темы имеют «Опыты...», но не введение к диссертации «Областные учреждения», где Чичерин дает общее сравнение русского развития и западного. Обе эти работы не вполне согласованы. Доминирующая идея в «Опытах...» — сходство, во введении же — различие. Оттеняя феодальные стороны русских порядков, Чичерин нередко останавливался на полдороге и сам как будто бы не замечал их феодального значения. Так, например, правильно обрисовав положение служебного князя и указав, что рядом с князьями «видными» существовало множество князей самых ничтожных, которые тем не менее, владея одним только городом, волостью или селом, «были такие же верховные владельцы своих земель, как и князья московские» (*Чичерин Б. Н.* Опыты... С. 261). Чичерин не заметил, что эти ничтожные, но полусуверенные князья-слуги составили у нас верхний слой сословия феодалов. Так, далее, указав, что главной обязанностью бояр, как и князей, была военная служба (Там же. С. 359), Чичерин не отметил этого существенного сходства бояр с вассалами. Так, наконец, сопоставив частноправный взгляд на должность (выражающийся во взятках — наследии кормлений) с таким же взглядом на Западе (продажа должностей во Франции) (Там же. С. 362—363), Чичерин не сопоставил феодальной fief-office с кормлением.

основных феодальных институтов — патроната. Неволин разъяснил истинное значение наших жалованных грамот, дав понять, что они создавали у нас феодальные иммунитеты. Любопытно, что Соловьев говорил о закладничестве-вассальстве и о закладничестве-феодализме главным образом в статьях, посвященных западноевропейской истории, и не входил в подробное обсуждение вопроса о феодализме в России. Неволин же поступил еще уклончивее; говоря о жалованных грамотах, он даже не упомянул о существовании тожественных западноевропейских иммунитетных грамот. Между тем, что же другое, как не хорошо знакомый ему по трудам историков феодализма иммунитет, имел он в виду, говоря, что на основании наших жалованных грамот «поземельный владелец получал многие права державной власти и становился в своей вотчине как бы князем»? [298*]

Недомолвки Соловьева и Неволина повели к тому, что их указания на существование двух важных феодальных институтов — патроната и иммунитета — в древней России были оставлены без всякого внимания последующими историками; вместе с тем забыты были и ценные наблюдения Б. Н. Чичерина. Мнение о коренном отличии русской древности от западноевропейской возобладало. Исследователи как будто стали опасаться, как бы не ошибиться, увлекшись «обманчивой одинаковостью внешней оболочки» (о чем предостерегал Кавелин, разбирая труды Чичерина). Градовский [109a] начал усиленно подчеркивать черты несходства между русскими порядками и феодальными. Недавно один из виднейших русских историков — П. Н. Милюков, заявив, что основные тенденции исторического процесса всюду одинаковы, построил свою работу по истории русской культуры на резком противоположении русского и западноевропейского исторического развития.

Между тем хотя исследование феодальных отношений в России и прекратилось, но в нашей исторической литературе мало-помалу накапливались важные данные для пересмотра этого вопроса. С одной стороны, проф. Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» и проф. Леонтович в исследовании «Старый земский обычай» (1889) выяснили много тожественных с германскими славянских правовых учреждений древнейшего времени. С другой стороны, проф. Ключевский, исследуя позднейшую эпоху образования московской государственности, обнаружил характерные феодальные черты наших княжат, а также княжеского землевладения удельного времени, хотя он, следуя примеру Неволина, и не говорил ничего о феодализме. Новейшие историки, и в особенности проф. Платонов, дальнейшим разъяснением борьбы Иоанна Грозного с княжатами еще более оттенили кар-

[298*] Так же уклончиво поступил В. Милютин, сказавший, что жалованные грамоты создавали у нас из монастырской вотчины «государство в государстве», и не упомянувший о западном иммунитете.

тину разрушения феодальных порядков, опять-таки ничего не говоря о феодализме. Большое значение имело также более глубокое расследование основных начал феодализма в трудах новых западных историков и более отчетливое выяснение основных черт русских учреждений в трудах проф. Сергеевича и других русских историков последнего времени. Наконец, некоторые из открытых недавно актов дали новое освещение известным уже явлениям.

Вернувшись с этими новыми приобретениями нашей науки к забытым мыслям историков 40-х и 50-х годов, я мог обосновать их, развить и дополнить. И мне кажется, что я возбудил назревший вопрос. Недавно один из новейших исследователей — Н. А. Рожков, ссылаясь в отношении закладничества-патроната на мою работу, заявил, что «в Московской Руси XVI века были налицо все элементы, из которых сложился средневековый феодальный строй: поместье-бенефиций, льготы-иммунитеты и закладничество-коммендация». В то же время М. Ф. Владимирский-Буданов, который и раньше отмечал сходство некоторых русских учреждений с феодальными, но в неопределенных выражениях, в новом издании «Обзора истории русского права», обсуждая ту же мою статью и так же, как Рожков, обратив внимание на Московское государство, а не на удельную Русь, признал, что в Московском государстве существовали «явления клиентства и феодализма», хотя они «не господствовали здесь, по крайней мере ничем не определяли существенных основ государственного и частного права в *Москве*». В отношении Москвы, Московского государства XVI—XVII вв. это совершенно справедливо, но я в своих работах имел в виду удельную Русь XIII—XV столетий с ее феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю. Я не считаю, конечно, что вопрос исчерпан. Я вполне понимаю, как много еще предстоит работать на этом пути. Мне приходят на память слова Рота, которые я поставил эпиграфом к статье о «Феодальных отношениях в удельной Руси»: «Für eine Zeit, in welcher die Quellen aus Fragmenten bestehen, wird niemand das allein Richtige gefunden zu haben glauben. Ich bin ferne von dieser Meinung. Es genügt mir, wenn ich nachgewiesen habe, dass neben den bisher verfolgten Ansichten noch eine andere Darstellung der Verhältnisse möglich ist» *. Во многом из того, что я выясняю выше, я не уверен, что мое понимание единственно верное. Но есть пункты, относительно которых я более уверен, чем Рот: это те, которыми устанавливается тожество основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы.

* «Относительно эпохи, история которой известна только по фрагментам источников, вряд ли кто возьмется утверждать, что нашел единственно верное решение. Я далек от такого представления. Если мне удалось доказать, что наряду с существовавшими точками зрения возможен и иной взгляд на вещи, то я сделал достаточно» (нем.).

Приложение I

СИМВОЛИЗМ В ДРЕВНЕМ РУССКОМ ПРАВЕ

В «Древностях немецкого права», изданных в 1828 г., Яков Гримм, указав, что в Индии до настоящего времени употребляется та же самая юридическая обрядность ломания соломы в знак заключения договора, какая употреблялась в германской древности и в Риме, счел нужным оговориться в оправдание своего сопоставления, что в такой общности форм права индийцев, римлян и германцев нет ничего удивительного, так как и в языке, и в мифах этих народов обнаружено уже много совпадений [1*].

Оговорка эта представляется очень устарелой в наше время, когда сравнительная история права сделала заметные успехи, когда вслед за воссозданием арийского праязыка и прамифа начато изучение праарийского права. Объекты исследования новой науки сравнительного права — твердо кристаллизировавшиеся юридические институты — дают возможность точных сравнений, и они не менее определенны и ясны в своей основе, чем корни слов, долгое время допускавшие самые произвольные толкования. Одно из главных общих положений этой науки — родство права арийских народов — уже прочно установлено. Первые опыты выяснения первоначальных арийских основ в древнейших учреждениях германцев, римлян, греков и индийцев, сделанные в 70-х годах Мэном [110] и Фриманом [111], дали блестящие результаты. В последнее время Лейст в книгах «Alt-arisches jus gentium» и «Alt-arisches jus civile» (1892) сделал попытку восстановить основные начала общей системы праарийского права путем сравнения учреждений шести арийских народов: индийцев и персов, греков и римлян, германцев и славян. Работа его еще не разрешает вопроса и во многом скорее дает лишь программу будущих исследований. Но кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будет заполнена, когда сравнительное правоведение достигнет таких же точных выводов, каких в короткое время достигло сравнительное языкознание, установит системы и основы развития права не только арийской, но и других рас и вместе со сравнительной экономической наукой даст твердые основания социологии.

Русские историки редко пользовались сравнительным методом, и у нас господствует представление о полном своеобразии русско-

[1*] *Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. 3. Aufl. Göttingen, 1881. S. 604.

го исторического процесса вообще, в частности о своеобразном развитии русского права. Есть, однако, в нашей древности одна область, в которой русские порядки так разительно сходны с немецкими и другими, что наши историки вопреки господствующему направлению нашей историографии не могли не остановиться на сравнительном их изучении. Это область древнейшего русского уголовного и гражданского права и судопроизводства. Это известные, общие многим народам институты уголовного права: кровная месть, вира, денежные пени за телесные повреждения; в судопроизводстве — испытание водой и железом, или ордалии, поле (судебный поединок), свод, послухи-соприсяжники (conjuratores); в гражданском праве — покупка и умыкание жен, право родового выкупа земельной собственности, рабство неоплатного должника, право наследства и проч. Сравнительному изучению их посвящены специальные монографии Тобина [112], Шпилевского [113], Ведрова [114], Ф. И. Леонтовича и других и соответствующие главы общих курсов по истории русского права В. И. Сергеевича и М. Ф. Владимирского-Буданова [2*].

Хотя все наше первобытное право в общей его системе никем еще у нас не изучалось сравнительно с правом других народов,

2* *О мести, вире и пенях* см.: *Эверс Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 659—662; *Tobien E.* Die Blutrache nach altem russischen Rechte, verglichen mit der Blutrache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germanen. Derpt, 1840; *Иванишев Н. Д.* О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах, в сравнении с германскою вирою. Киев, 1840; *Ведров С. В.* О денежных пенях по Русской Правде, сравнительно с законами салических франков. М., 1877; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1883. С. 445 и след. *О послухах* см.: *Ланге Н. И.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1861; *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. М,. 1869; *Леонтович Ф. И.* Старый земский обычай // Труды 6-го археологического съезда в Одессе. Одесса, 1889. Т. IV. *Об ордалиях* см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев; СПб., 1900. С. 647. *О своде* см.: *Филиппов А. Н.* Начальные стадии процесса виндикации движимостей по leges barbarorum (и по Русской Правде) // Сборник статей, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. *О праве убежища* см.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 104 (2-е изд. СПб., 1900. Т. 1. С. 114). *О поручительстве* см.: *Устрялов Ф.* Исследование Псковской судной грамоты. СПб., 1855. С. 28—34 (сходство поручительства с Gesammtbürgschaft Устрялов объясняет заимствованием, германским элементом). *Покупка и похищение жен: Татищев В. Н.* История Российская. М., 1769. Кн. I, ч. 2. С. 586—590 (сравнение с еврейским, римским, греческим, башкирским народами); *Шпилевский С. М.* Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869. С. 21—45. *Право родового выкупа: Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. III. § 415; *Дебольский Н. Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву. СПб., 1903. С. 284—289. *Рабство неоплатного должника: Leist B. W.* Alt-arisches jus civile. Jena, 1896. Bd. II. S. 304, 309, 364 etc. (По Русской Правде). Я даю здесь только некоторые главнейшие указания.

хотя и по части сравнительного изучения отдельных институтов, как показывает новая работа А. Н. Филиппова[115], сделано еще очень немного[3*], но все же наши юристы-историки собрали достаточно данных для признания следующих двух общих положений, подтверждаемых и систематиком арийского права Лейстом:

1) сходство славянского, и в частности русского, права с германским, латинским и другими объясняется не заимствованием, а общим арийским происхождением, а сходное развитие их — действием одинаковых первобытных условий жизни;

2) славянское право из всех арийских прав наиболее родственно германскому[4*].

Эти положения подтверждаются и при изучении символизма, или формализма, древнего русского права, который составляет предмет этой статьи.

В германском праве символические обрядности имели большое значение; они внимательно изучались, и некоторые из них пользуются широкой известностью, как, например, обрядность инвеституры — символическая передача ветки, посоха или знамени при пожаловании лена. В нашем древнем праве символизм также был весьма развит, но из древних обрядностей более или менее известны разве только те, которые сохранились в обычном праве, как, например, рукобитье, и историки нашего права мало занимались изучением его древних символов.

В 20-х годах напечатаны были две небольшие статьи о некоторых обрядностях, и главным образом об обходе межи с дерном на голове: статьи митрополита Евгения «О разных родах присяг у великоруссов» и М. Н. Макарова[116] «Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские»[5*]. Затем в 1839 г. профессор Калмыков[117] произнес на акте Петербургского университета речь «О символизме права вообще и русского в особенности». Позднее, в 60-х годах, о некоторых символах в связи их с мифическими верованиями писал Буслаев[118] в различных статьях (см. ниже) и Афанасьев[119] в «Поэтических воззрениях славян на природу» (1865), в 80-х годах — М. Кулишер[120] в «Очерках сравнительной этнографии и культуры» (1887). Описание различных обрядностей, сохранившихся в обычном праве, делалось неоднократно этнографами-юристами; из историков же права сообщают о них

[3*] *Филиппов А. Н.* Указ. соч.

[4*] *Leist B. W.* Op. cit. S. 232 («Insbesondere steht das Altrussische dem Germanischen nach»). Ф. И. Леонтович придает главное значение ступени развития, утверждая, что «тождественные явления в юридической жизни всяких первичных обществ» «коренятся в одном источнике — одинаковой природе и свойствах народов, стоящих на первых ступенях развития» (*Леонтович Ф. И.* История русского права. Одесса, 1869. С. 83).

[5*] *Митрополит Евгений.* О разных родах присяг у великоруссов // Труды и записки ОИДР. М., 1826. Ч. III, кн. 1; *Макаров М. Н.* Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские // Там же. М., 1828. Ч. IV, кн. 1.

некоторые сведения очень немногие, как Шпилевский и Ф. И. Леонтович [6*].

В общих курсах по истории права профессоров Сергеевича и Владимирского-Буданова о символах встречаем лишь беглые, случайные упоминания. Авторитетный же автор «Истории российских гражданских законов» категорически отрицал, чтобы русскому праву присуща была германская символика. «Ничем нельзя доказать,— писал Неволин,— чтобы для удовлетворения решительно изъявленной воли у нас употреблялись какие-нибудь символические действия или были произносимы торжественно какие-нибудь слова; исторические памятники не представляют следов ни того, ни другого» [7*].

В настоящей статье, показывающей ошибочность категоричного заявления Неволина, я свожу вместе разрозненные наблюдения прежних исследователей и дополняю их некоторыми новыми цитатами из исторических памятников. Что касается современного обычного права, в котором живет так много старины, то я ограничиваюсь лишь некоторыми трудами из его обширнейшей литературы, не имея в виду дать исчерпывающего исследования о наших юридических символах.

1. *Дерн.* Обозрение символов начинаю с дерна, который употреблялся у нас, как о том свидетельствуют многочисленные известия, в различных обрядностях: и при особой присяге в межевых тяжбах, и в собственно юридической обрядности, при передаче права собственности.

О присяге на меже, или об обходе межи с дерном на голове, имеется ряд ясных известий с XI до XIX в. Прежде всего приведу известия позднейшие, как наилучше разъясняющие смысл этой присяги.

В статье, напечатанной в 1828 г., М. Н. Макаров рассказал, что в Рязанской губернии, близ города Сапожка, он «видел простолюдина, который, оспаривая принадлежность луга, с отчаянием вырезал дернину, положил ее себе на голову и, оградясь крестом, клялся пред спорящими и свидетелями, что, если покос не принадлежит ему, тогда сама мать — родная земля прикроет его навеки» [8*]. Обход межи с дерном на голове не так давно наблюдался в Олонецкой губернии, в Каргопольском уезде. По сообщению 1878 г., здесь при спорах о границе один из спорящих говорит: «Пусть рассудит нас мать — сыра земля», затем выры-

[6*] В «Истории русского права» Ф. И. Леонтович писал, что «символизм господствовал в старое время в праве славян, как и других народов», и кратко отметил символы покоры, рукобитья, передачи дерна, постригов (с. 89). В «Старом земском обычае» он описал литки и рукобитье (с. 61).

[7*] *Неволин К. А.* Указ. соч. СПб., 1851. Т. II, § 232. С. 44.

[8*] *Макаров М. Н.* Указ. соч. С. 197.

вает кусок дерна с землей, кладет его на голову и идет по меже [9*].

Об употреблении этого обряда в петровское время рассказывает в «Книге о скудости и богатстве» Посошков [121]; «Иные, забыв страх божий, взяв в руки святую икону и на голову свою положа дернину, отводят землю». Вполне веря в страшную силу этой присяги, Посошков замечает: «Много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на меже» [10*].

Несколько известий о том же обряде находим в актах XVII в. Так, например, в межевой записи 1667 г. читаем: Пронка Завьялов, «положа дерн на голову и взяв образ Пречистые Богородицы, и при сторонних людях розшел землю и сенные покосы и всякие угодья» [11*]. В судном деле 1630 г. и истец и ответчики (представители монастырей Троице-Сергиева и Троицкого же Данилова) соглашаются решить спор о меже «иконным хождением с дерном» и выбирают крестьян, которым «верят», землю и всякие угодья «отводить с образом и с дерном». Судьи приговорили: «По которому месту тот крестьянин (Данилова монастыря) пойдет с образом и с дерном, велели столбы ставить, и грани тесать, и у столбов ямы копать, и в них признаки класть, и велели те межи в межевые книги написать вперед для спору» [12*].

Любопытное указание на исконную древность обряда присяги с дерном на голове находим в относящемся к XI в. переводе слов Григория Богослова; славянский переводчик сделал в свой перевод вставку о славянских языческих суевериях, в которой, между прочим, говорит: «А ин град чьтеть, он же, дрьнъ въскроущь (выкроенный), на главе покладая, присягу творить» [13*].

Искореняя языческие суеверия, церковь рано начала восставать против присяги с дерном, требуя замены ее присягой с иконою, и правительство, послушное церкви, приказывает в XVI в.

[9*] *Соколов Г.* Судья-земля // Сборник народных юридических обычаев/Под. ред. П. Матвеева. СПб., 1878. Т. 1. С. 18 (Записки Имп. Русского геогр. общества по отд. этнографии; Т. VIII).

[10*] Сочинения И. Посошкова. М., 1842. С. 193.

[11*] АЮБ. Т. 2. С. 453, № 153, II. В разъезжей грамоте до 1462 г.: Микула Парфеньев поимался за деревню, землю и новины, «и дерн резал, и за люд дал, и воименовал на те земли знахори» (*Мейчик Д. М.* Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, С. 109). Ту же грамоту см.: *Федотов-Чеховский А. А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. СПб., 1860. Т. 1. № 8. С. 5. «И те крестьяне, взяв образ Пречистые Богородицы *да земли на плеча*, и по спорной земле... с образом по межам ходили и *землю на себе носили*» (1621 г.) (ЧОИДР. 1896. Кн. III. Смесь. С. 12). «И он, Лукашко, взял образ и *положа дерн на голову*... повел направо вниз Резановским буяраком» (Там же. 1899. Кн. II. С. 28).

[12*] *Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. СПб., 1863. Т. II. № 100. С. 323, 325.

[13*] *Будилович А.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб., 1875. С. 243.

в споре о земле «межу разойти с образом»[14*]. Уложение 1649 г. точно так же предписывает «на спорных землях истцу с ответчиком учинити вера, образовое хожение» и «спорную землю с образом отвести»[15*]. Но древний обряд оказался весьма живучим, и церкви удалось достигнуть лишь компромисса между языческой и христианской присягами: беря в руки образ, отводчики по старине клали на голову дерн. Этот обычай уцелел, как указано выше, не только до петровского времени, но и до XIX столетия.

Каково происхождение этой присяги? Заимствована она откуда-нибудь, представляет ли собою специально славянский или русский обычай или же древнее арийское наследие славян? Первая мысль у нас — всегда мысль о заимствовании. Митрополит Евгений, нашедший в писцовой книге Вологодской губернии упоминание о том, как монастырский служка обходил спорную пожню, «положа себе земли на голову», высказал предположение, что «сей род народной присяги, вероятно, заимствован от какого-нибудь северного идолопоклоннического народа, и может быть от зырян, населяющих большую часть Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, или от предков их пермяков»[16*]. Идолопоклоннические зыряне и пермяки, однако, тут не при чем, так как присяга с дерном отнюдь не составляет особенности Сольвычегодского уезда, а распространена была и в южной России, и притом еще в XI веке, до сближения русских с северными инородцами.

Одинаковый с русским обряд присяги под дерном, и притом так же, как у нас, в споре о меже, встречается в одном из венгерских актов 1360 г.: «Фома и Михаил Хапы, разувшись и распоясавшись *и положив на голову глыбу земли*, по существующему обычаю клясться землею, поклялись, что та самая земля, которую они обошли и отвели вышеуказанными межами, от первых до последних, есть земля владения их „Полянка" и к ней принадлежит»[17*]. Такой же обряд употреблялся в Силезии, где он даже

[14*] РИБ. Т. XIV. С. 821 (судное дело 1598 г.).

[15*] Соборное Уложение. Гл. X. Ст. 236, 237. Присяга с дерном устранялась в тех случаях, когда одною из сторон являлись митрополичьи или монастырские власти: «И судья (митрополич наместник) вопросил Фофана и его товарищев: всхотите ли по Пречистой земли отвести? И Фодан тако рек: Мы, господине, образ Пречистые возьмем и землю отведем» (1518 г.) (АЮ. № 16. С. 30). «Игумен тако рек: крест, господине, целую, и на поле с ними бится лезу и с иконою иду» (1530 г.) (Там же. № 18. С. 37). Судья присудил старожильцам Ферапонтова монастыря «идти с иконою по меже и спорную землю отвести» (1534 г.) (Там же. № 20. С. 46). В тяжбе с патриаршими крестьянами «в спорной земле помирилися полюбовно, без образового хожения» (1600 г.) (АЮБ. Т. 2. № 155, IV). Любопытно, что старцы Волоколамского монастыря в конце XVI в. протестовали и против образового хождения: «Чего, государь, не ведется, что иноческому чину земля велети отводити с образом» (АЮ. № 32. С. 83).

[16*] *Митрополит Евгений*. Указ. соч.

[17*] «Thomas et Michael Chapy discalceatis pedibus, resolutis cingulis, glebam terrae super capita sua ponendo, ut moris est super terram jurare, jurassent in eo ut ipsa terra...» (*Grimm J*. Op. cit. S. 120).

узаконен был Оппельнским земским уставом 1562 г.: «Крестьяне должны раздеться до рубахи, стать на колени в яме, вырытой на один локоть в глубину, *держать на голове дерн*, не иметь при себе ни ножа, ни оружия, и таким образом произносить присягу» [18*].

Оба эти известия, и венгерское, и силезское, нельзя принимать за доказательство распространенности обряда и у венгров, и у немцев, так как оба они относятся, по-видимому, к славянскому населению. Силезия была издревле славянской землей. Венгерский же акт о межах «Полянки» (Polianka) и о тяжбе между «Михаилом и Фомой Хапами» также, по-видимому, касается славян (где-нибудь на границах Чехии или Галиции). Приведенные известия ценны лишь как свидетельства распространенности одинакового с русским обряда у других славянских племен.

Гримм не нашел обряда присяги под дерном у германских племен, за исключением скандинавов. В скандинавских сагах часто упоминается о *хождении под дерном* и *вырезывании дерна*. Торжественная присяга под дерном употреблялась при побратимстве. Вырезывали длинную полосу дерна, втыкали в землю копье и клали на него полосу дерна так, чтобы оба конца ее свешивались по сторонам до земли. Побратимы проходили под дерном, кололи себе подошву или руку, чтобы кровь смешалась с землею, потом падали на колени и клялись во взаимной верности [19*]. Существование обряда присяги *под дерном только* у скандинавских племен может вызвать предположение, что этот обряд был заимствован русскими у варягов. Но этому предположению противоречит: 1) тот факт, что обряд этот был свойствен и другим славянским племенам, 2) существенное несходство обрядов, скандинавского и русского; у скандинавов проходили под дерниной, возложенной на копье, у нас же клялись и обходили межу с дерном на голове; при заимствовании обряд не мог бы так существенно измениться.

У германцев дерн также часто употреблялся в качестве символа, но с другим значением и в другой обрядности. Передачей куска дерна закрепляли переход участка земли во владение другого лица. Дерн, вырезанный из земли имения, употреблялся в качестве его символа при передаче его в собственность или в залог. Кусок дерна также приносили в суд при спорах о земле,

[18*] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 143.

[19*] *Grimm J.* Op. cit. S. 118, 119. *Дерн* назывался «torfa» и «jardar-men» («Erd-Streife»); обряд назывался «gānga undir jardar-men» (проходить под дерном). Прохождение под дерном употреблялось также для испытания виновного (как бы божий суд): виновный не мог пройти благополучно под полосой дерна, она должна была его уличить, оборвавшись и задев его (Ibid. S. 110).

и судья передавал этот кусок тому лицу, которому он присуждал спорную землю; в таком же значении вместе с дерном пользовались веткою дерева. В немецких актах сохранилось много упоминаний о передаче земли «по обычаю саксонского закона с дерном земли и зеленою веткою дерева», о «закреплении сделки с веткою и дерном по народному обычаю и обряду» [20*]. Употреблялись и особые выражения: «передать посредством травы или земли» (tradere per herbam vel terram) и «*передать с дерном*» (cum *cespite* firmiter *tradidit*).

В наших купчих постоянно встречается выражение, точно соответствующее только что приведенному «*cum cespite tradere*», а именно *продать одерень*, и указывающее на продажу с обрядностью передачи дерна.

В древнейших купчих XIV—XV вв. формула пишется так: «А купи собе одерень и своим детем»; «а купиша святому Михаилу одерень»; а купил я собе и своим детям одерень» [21*].

Так как обряд передачи дерна прочно укреплял право собственности нового владельца, то выражение «продать одерень», имевшее первоначально реальное значение (tradere cum cespite), скоро получило отвлеченный смысл прочной ненарушимой сделки. В позднейших купчих XVI в. соответственно этому изменяется и самое слово; в них писали уже *продать в дернь* в смысле: продать ввеки, впрок, без выкупа [22*].

Какая-то особая обрядность с дерном употреблялась у нас также при продаже людей в холопство. Присяга под дерном могла употребляться не только в земельных тяжбах (с которыми она связывалась естественнее всего), но и в делах, не имевших никакого отношения к земле; так, в Скандинавии присягали под дерном как символом земли побратимы, присягали на суде и должники по требованию кредитора. Подобно этому, у нас присягали под дерном люди, продававшиеся в холопство.

В Кормчей книге есть следующая статья, по всей видимости, русского происхождения: «Аще ся даст человек или женщина у

20* Secundum morem Saxonicae legis *cum terrae cespite* et viridi ramo arboris; cum ramo et *cespite* jure rituque populari idem sancitum est rationabiliterque firmatum (*Grimm J.* Op. cit. S. 112, 113).

21* *Шахматов А.* Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903. № 109, 40, 57; АЮ. № 71, I—XXXVII. В большей части грамот «одерень», но иногда «одернь» (XVIII), «одирнь» (XIX), «одерьнь (XXVIII); редко: «А купил себе в одерень и своим детем» (Там же. XXVIII, XXX). Изредка эта формула заменяется другой: «А купил собе и своим детям *ввеки*». «А купили ввеки святому Михаилу» (Там же. XXXVII). Встречается один-два раза: «А купи собе одерень и своим детям в веки» (XXI), одерень и ввеки (X).

22* «Продал в дернь без выкупа и в веки» (АЮ. № 87—1571 г.). «Ино ся наша купчая в купчую и отводная в дернь без выкупа» (Там же. № 86—1568 г.). «А продали есмя и отступились в дернь, без выкупа» (Там же. № 95—1596 г.).

тошна[23*] времени, *дерн ему ненадобе*. А пойдет прочь, да даст 3 гривны, а служил даром»[24*].

Общий смысл этой статьи ясен: она говорит о человеке, отдающемся в услужение (во время голода), и определяет, что такому человеку *дерн ненадобе*; если же он пойдет прочь, то уплачивает 3 гривны, а служил даром. «Дерн ему ненадобе» значит, что он сохраняет свободу. По-видимому, под этим выражением разумелась какая-то обрядность продажи в холопство.

О том же дерне, о той же обрядности говорит договорная грамота 1368 г.: «*А кто ти ся* будет *продал* пословицею новоторжан *одернь*, или будет серебро на ком дал пословицею, тех ти отпустити по целованью, а *грамоты дерноватые* подрати»[25*]. Отсюда же и холопы назывались *одерноватыми* и *дерноватыми*[26*].

Отрицая существование символизма в нашем праве, Неволин замечает: «Исключение составляла бы передача земли с употреблением дерна, если бы можно было доказать, что она действительно у нас существовала». В выражениях «продать одернь, оде-

23* «У тошна» — в голодное время (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. М. 1904. Т. 1. С. 275). Ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3 (под словом «тошьный — тягостный»: «Аще ся дасть человек у тошна времяни, или жена, дернь ему не надобе»); *Сергеевич В. И.* Русская Правда в четырех редакциях по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского. СПб., 1904. Ст. 143 третьей редакции («А в дачь не холоп, ни по хлебе работять, ни по придатъце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть»); ср.: освобождение раба, если доказано, что он закабалился strictus necessitate famis [вынуждаемый голодом (лат.)] (см.: *Егоров Д. Н.* Lex Salica. Киев, 1906. Примечания. С. 266).

24* Статьи этой так же, как трех статей, примыкающих к ней, нет в древнейшем харатейном списке заимствованного из византийских узаконений так называемого «Закона судного людям царя Константина». О примыкающих к ней статьях Калачов говорит, что они по оглавлению, содержанию и изложению вполне сходны со статьями Русской Правды. То же следует сказать о всех четырех статьях этого русского прибавления к византийским узаконениям. См. статьи «о детях, о человеке и жене, о союзе, о бесчестии»: Памятники древнего русского права по харатейному списку Московского общества истории и древностей российских с вариантами, примечаниями и объяснениями Д. Дубенского // Русские достопамятности. М., 1843. Ч. 2. С. 200 (прибавление из кн.: Софийский Временник. М., 1820. Ч. 1. С. 148); *Калачов Н. В.* Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. М., 1856. С. 247, 248; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 487 (здесь у «тонша», а не «тошна» — очевидно, не так прочитано «н» под титлом).

25* СГГД. Т. 1. № 28. С. 48. «Или грамоты дерноватыи на кого написал, а те грамоты подереть» (1317 г.) (Там же. № 13).

26* «Челядь дерноватая» (АЮ. № 409. С. 430); «одерноватый холоп» (Новгородская судная грамота 1471 г. Ст. 22). «Продалась по своей воли без пристава *одерень в полницу*» (РИБ. Т. XVII. С. 150 — полная грамота XIV в., около 1500 г.); «И даяху отци и матери дети свое *одьрень* ис хлеба гостем» (1230 г.) (Новгородская летопись... С. 238).

рень» Неволин не видит связи с дерном, основываясь на «совершенно удовлетворительном»-де объяснении Шафарика, который сравнивал слова «одерень», «одьрень», «дерноватый» с финским «deren» (firmus), «manderen» (terra firma). «По этому сравнению,— замечает Неволин,— выражения „продать в прок, в век“ буквально соответствовали бы друг другу» [27*].

Но и это сравнение, и объяснение Шафарика совершенно неосновательны. В финском языке слова «deren» нет. В книге Микколы «Об отношениях между западнофинскими и славянскими языками» я прочел решительное заявление, что сближение Шафарика «одерень» с финским «deren» (firmus) покоится на неверных источниках. При слове «deren» Миккола ставит «sic!» и объясняет в примечании: «Легко догадаться, как Шафарик нашел свое удивительное deren (firmus). По-видимому, он встретил где-нибудь родительный падеж manderen (от mandere, mantere, terra firma) с переводом terra firma и понял его как man-terra и deren-firmus» [28*].

2. *Солома.* От символа *дерна* перейду к символу *соломы*, следуя предметному порядку обозрения символов, принятому Гриммом и наиболее удобному ввиду того, что к одному и тому же предмету относится большею частью несколько различных обрядностей.

У нас хорошо известна пословица «*Сила солому ломит*», образная основа которой совершенно неясна. С. Максимов [122] длинным рассуждением тщетно старался показать, что в этой пословице нет «нелепого или темного смысла». Ее пытались объяснить как «намек на жатву, работу тяжкую», требующую большой затраты сил. Объясняли и так, что «сила» противопоставлена «соломе» потому, что солома гнется и сломать ее нелегко [29*]. Но эти объяснения слишком искусственны для простых и безыскусственных обыкновенно образов пословиц.

Единственно подходящее к этой пословице, как и многим другим, объяснение — историческое; в ней, по-видимому, сохранился намек на существовавшую у нас в древности и хорошо известную на Западе *обрядность ломания соломы* [30*].

Во французской и немецкой средневековой письменности сохранилось много известий об этом символе. В латинских актах

27* *Неволин К. А.* Указ. соч. Т. II, § 232. С. 44; § 260. С. 116—117.

28* *Mikkola J.* Berührungen zwischen den Westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors, 1893. S. 24.

29* *Даль В. И.* Пословицы русского народа. 2-е изд. М.; СПб., 1879. Т. II. С. 436; *Михельсон М.* Ходячие и меткие слова. 2-е изд. СПб., 1896. С. 396; *Максимов С.* Крылатые слова. СПб., 1890. С. 479.

30* Так давно уже объяснял ее И. Снегирев [123] (*Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. 368, примеч. 26). Он в примечании привел выписку из Мишле [124] (*Michelet J.* Origines du droit français. P., 1837), где объясняется, что «rompre la paille [ломать солому (фр.)]» у древних франков значило делать обещание, условие.

солома обозначалась словом *festuca*, откуда французское *festu* и *fêtu*, а также словом *calamus* (calmus), родственным по корню немецкому *halm* и нашей *соломе*. От слова «festuca» обрядность называлась *exfestucatio* (и exfestucare). Французы говорили *ломать* солому (rompre le fêtu); в немецких известиях говорится о *вырывании* и *бросании* соломы (halmwurf). По-видимому, в этих выражениях разумеется одна и та же обрядность, причем лишь в них обозначаются различные ее моменты: прежде чем кинуть солому, надо было ее вырвать или сломать (rompre).

Обрядность эта употреблялась как символ нарушения договора, отказа от обязательства, в особенности при разрыве вассального договора, и в этом случае солома вырывалась и бросалась (*arreptis* festucis exfestucaverant illorum hominum fidem). Соответственно этому наша пословица «Сила ломит солому» должна была иметь первоначально смысл: сильный нарушает договор, сила торжествует над правом. Может быть, такой же намек на древность сохранился и в другой пословице, также не вполне ясной,— «Взять соломку да и пойти в сторонку».

В знак добровольного отказа от своих прав, в особенности права собственности на землю, в Германии солома не бросалась, а передавалась собственником тому лицу, которому он уступал свою землю (hat den halmen gereicht) [31*]. Ф. И. Буслаев, утверждая, что у нас при договорах и условиях и при передаче прав употреблялся символ соломы так же, как в Германии, ссылается на следующее место Ипатьевской летописи о князе Владимире Васильковиче: «Взем соломы в руку от постеля своея рече: хотя бых ти, рци, брат мой тот вехоть соломы дал, того не давай по моем животе никому же» (1228 г.). С этим символом, как предполагает Буслаев, «вероятно, стоит в связи старинный обычай стлать постелю новобрачным на ржаных снопах» [32*].

3. *Рука*. К числу наиболее известных наших символических обрядностей принадлежит «рукобитье», существующее доселе в обычном праве. Заключающие сделку освящают и закрепляют ее, «ударяя по рукам», т. е. с силой ударяя и крепко пожимая правые руки. Обрядность совершается большею частью при свидетеле-разъемщике, который разнимает сжатые руки, ударяя по ним сверху. Выражение «ударить по рукам» от этой обрядности получило смысл «заключить сделку» [33*].

[31*] *Grimm J*. Op. cit. S. 121, 127.

[32*] *Буслаев Ф. И*. Дополнения и прибавления ко II тому «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова // Архив историко-юридических сведений. 3-е изд. 1896. Кн. 1. С. 6—7; Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 600 (6796 г.).

[33*] Говорят также «*дать руки*». К обрядности относятся пословицы: «Заложить (или выкупить) правую руку»; «С виноватого полтина, с разъемщика — рубль» (*Даль В. И*. Пословицы...). См.: *Кузнецов Я*. Обязательственное право в русских пословицах // Журнал Министерства юстиции.

В нашей древности рукобитье в некоторых случаях предписывалось самим законом. Так, Новгородская судная грамота 1471 г., установляя отсрочку судебного разбирательства тяжбы о земле по просьбе ответчика для истребования им документов и вызова совладельцев, предписывает, чтобы ответчик объявил под присягой имя совладельца (шабра) и ударил по рукам с истцом: «*Да и по руце ему ударити* с истцом своим» [34*]. Другая статья той же грамоты предписывает ответчику удостоверять свое показание крестным целованием и «давая руку»: «А не скажет кто того человека (разыскиваемого беглого) у себя по крестному целованью, *да и руку даст*, что там ему не быть» (ст. 37).

Совершенно такая же обрядность рукобитья существовала в древности и существует до сих пор в Германии. И там, как у нас, «при торжественных договорах и обещаниях бьют по рукам (hand in hand geschlagen)». «Рукобитье (handschlag),— говорит Гримм,— служило общим закреплением всяких договоров и обетов, для которых обычай не предписывал другого, более торжественного, символа» [35*]. Во Франции также рукобитье (la *paumée* ou poignée de main) часто употреблялось при заключении разнообразных договоров [36*].

Та же обрядность была принята у греков; у римлян она не нашла места в праве, но существовала также как народный обычай [37*], наконец, «пожатье правой руки, как вернейший залог», употреблялось и у древних персов [38*], как и у индусов. Эта обрядность, таким образом, является праарийским обычаем [39*].

С той же обрядностью рукобитья или подачи руки совершался

1903. № 2. С. 251, 252. Говорят также «сплетаться руками», отсюда — суплетка-договор (*Леонтович Ф. И.* Старый земский обычай. С. 61).

34* Новгородская судная грамота. Ст. 24 (ААЭ. Т. 1. № 92; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1871. Вып. 1).

35* *Grimm J.* Op. cit. S. 138, 605. Об этой обрядности говорят выражения *hand in hand geloben, handhelübde* (ручной обет), *manu firmare, stipulari manu.* «Ну, *ударим по рукам*, поцелуемся и станем богу молиться. Ладно, по рукам и за бога» (*Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 101). Ссылка на Максимова (*Максимов С. В.* Указ. соч. С. 264).

36* *Viollet P.* Précis de l'histoire du droit français. P., 1886. P. 506 (Ferir la paumée, palmoier le marché — от palma-manus); *Grimm J.* Op. cit. S. 952.

37* *Viollet P.* Op. cit. P. 506. Note 1; *Grimm J.* Op. cit. S. 142: δεξιας σφισιν ἐδοσαν [правые руки им давали (древнегреч.)].

38* Dextra data certissima apud Persas arrha est... Nam post datam dextram apud eos nec fallere nec diffidere fas est [Поданная правая рука — самый верный залог дружбы у персов... Ведь после того как подана правая рука, не позволено у них ни обманывать, ни сомневаться (лат.)] (*Leist B.* Alt-arisches jus civile. Jena, 1892. Bd. I. S. 57).

39* *Leist B.* Op. cit. Bd. I. S. 447—448. Лейст видит арийскую первооснову обычая в рукобитье при заключении брака: «Die *ehelige Handgreifung*, diese arische Urinstitution... [Брачное рукопожатие, этот арийский праинститут... (нем.)]» (Ibid. S. 450).

у нас в древности договор поручительства. Ясный след этого сохранился в выражениях статей Псковской судной грамоты, касающихся поручительства: «И тот истец, *по ком рука дана*... молвит так: аз, брате, тебе заплатил то серебро *за тою рукою*»; «а истцу знати *поручника* в своем серебре, *кто по ком руку дал*» (ст. 32) [40*].

Неволин, во II томе своего труда решительно отрицавший какие бы то ни было символические действия в нашем праве, дойдя в III томе до поручительства, не мог не признать существования обряда подачи руки. «Непрерывное повторение,— говорит он,— при поручительстве того обряда, который оно скрепляло и при помощи которого само совершалось, кажется, дало бытие самому его названию, заимствованному, по всей вероятности, от того, что поручитель, после того как со стороны главного обязывавшегося лица дана была рука, в удостоверение того, что обязательство будет свято исполнено, давал ее и с своей стороны, может быть, клал ее именно на руку первого и тем запечатлевал его обязательство» [41*].

Кроме рукобитья, у нас употреблялась в качестве формального акта передачи вещи в собственность *передача ее из рук в руки*. Гримм не говорит особо об этом обряде и только случайно упоминает о передаче de manu in manum [41а*].

4. *Пола*. При рукобитье и при передаче вещи из рук в руки употребляется в качестве символа также пола кафтана. Символ «руки» соединяется с символом «полы» в одной обрядности. Выражения «передать из рук в руки» и «передать из полы в полу» относятся к одному и тому же формальному акту передачи вещи в собственность.

При *рукобитье* стороны обыкновенно обертывают руки в полы кафтанов, как видно из следующих народных выражений: «*бери полу, бей рука об руку*»; «махнули пола об полу, ударили рука об руку», «ударить об полы руками, да и бог с вами» [42*].

При передаче вещи *из рук в руки* также ближайшим образом передают ее *из полы в полу*. Так, при продаже коня собственник

[40*] Об обычае «подачи руки» при поручительстве, «принадлежавшем к самой глубокой древности», говорил Ф. Устрялов (*Устрялов Ф.* Указ. соч. С. 28, 29).

[41*] *Неволин К. А.* Указ. соч. Т. III, § 392. С. 25.

[41а*] *Grimm J.* Op. cit. S. 179.

[42*] «Рукобитье — битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно *покрыв руки полами кафтанов*, в знак конечного согласия» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб; М., 1880—1882. Т. 1). Слово «рукобитье» см. также под словом *полá*. «На заручены... сват с отцом невесты схватываются правыми руками, или *бьют по рукам*. При этом сват захватывает *полу* или рукав своего кафтана, а мать невесты или другие родственники разнимают их» (*Ефименко П. С.* Указ. соч. С. 36). На какое-то суеверное значение указывают следующие пословицы: «*Пóлы да черти одной шерсти*»; «*Мужик черта в поле принес*».

передает повод его рукою, обернутой в полу, а покупщик равным образом принимает повод не в голую руку, а в полу. Та же обрядность в некоторых местностях употребляется при передаче невесты: отец рукою, обернутою в полу, передает руку невесты жениху, который также обертывает в полу свою руку [43*].

У германцев пола (pilum vestimenti, старинные — Gere, Rockschoss) употреблялась во многих обрядностях). 1) Отворачивание и отбрасывание края кафтана, говорит Гримм, служило символом оставления имущества. 2) Немецкое право предписывало во многих случаях брать за полу, задерживать ответчика, беря его за полу. 3) Некоторые клятвы давались, положа руку на полу (in vestimento jurare) [44*].

5. *Перчатка.* С руки символическое значение было перенесено и на покрывавшую ее рукавицу или перчатку. В Германии перчатка (chirotheca, handschuh, древненем.— wanto, фр.— gant) употреблялась во многих обрядностях. Широко известен обряд бросания перчатки в знак вызова на бой. Перчатку также бросали вверх на воздух в знак отказа от права собственности на землю; ее снимали с руки и передавали в знак передачи права собственности (но не ленного владения, как полагают некоторые) [45*].

В одном из русских житий мне встретилось описание чуда, свидетельствующее, что и у нас бросанию перчатки или рукавицы приписывалось символическое значение. Это повесть о Михаиле Клопском, блаженном старце Клопского монастыря близ Новгорода, умершем около 1456 г., отличающаяся богатством сведений, почерпнутых из русской жизни того времени [46*]. В этой повести находим следующее чудо о двух вельможах: «Человеконенавистник дьявол... сотвори вражду между двема вельможами о некоторых нивах: един из них именем Елевтерий, а вторый Иван именем». Они пришли в обитель к святому и «начаша оба поведати святому кийждо свою обиду». Святой уразумел духом лукавство одного из них, Елевтерия, и в темном намеке предупредил его, что если он не откажется от своих притязаний, то его постигнет кара. Вельможи затем «приидоша в весь некую, именем Куречка, согласия ради, и приидоша к церкви Успения Пресвятые Богородицы в той веси. И начат Елевтерий глаголати: брате

[43*] Свадебные обряды крестьян Царевококшайского уезда // Памятная книга Казанской губернии. Казань, 1868. С. 69. См.: *Шпилевский С. М.* Указ. соч. С. 31. (Обыкновенно при передаче невесты рука обертывается не в полу, а в платок или белую ширинку.)

[44*] *Grimm J.* Op. cit. S. 158—160 (Per pilum vestimenti sui a se ejectum. Nam der Schultheiss herh S: mit dem gëren [Rockschoss]).

[45*] *Waitz G.* Deutsche Rechtsgeschichte. B., 1880. Bd. VI. S. 73; *Grimm J.* Op. cit. S. 152—154 (Handschuh [перчатка (нем.)]).

[46*] Оценку повести см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 209—212, 215. О ней же см.: *Васенко В. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 114 и след.

Иван, сия земля отчина моя есть. И удари покровницею ручною в землю и даст руку Ивану. И егда преклонся прияти ручницу, и внезапу весь ослабе по пророчеству святого, яко ни очесе возвести ему, ниже усты двигнути, и в том тяжцем недузе преставися» [47*]. Сказание об этом чуде, весьма возможно, имело в основе своей бывший действительно случай. К глубокой вере в силу древнего символа присоединилась вера в силу заклятия святого старца и при этих условиях лжесвидетельствовавшего Елевтерия легко мог поразить нервный удар.

Подобный же, но более замысловатый рассказ о каре, чудесно поразившей человека, ложно свидетельствовавшего с обрядностью перчатки, находим в немецком житии, которое по неизданной рукописи цитирует Лампрехт. В житии рассказывается, как отводчик, неправильно отводя межу, перчаткой (chirotheca, которую поселяне называют wantum), надетой на руку (manu superducta), указывал межу, как хотел. Другой добросовестный отводчик (bonus ductor atque justus), заметив его ложь, внезапно сорвал перчатку с его руки, и в этой перчатке оказался палец лжесвидетеля [48*].

6. *Обувь.* В качестве символа употреблялась и у нас, и в Германии также обувь. У немцев могущественные короли посылали слабым свои башмаки, с тем чтобы они носили их в знак своей подчиненности. Жених при обручении приносил невесте башмаки, и она, как только надевала их на свою ногу, считалась подчиненною его власти [49*].

У нас символ обуви употреблялся в том же значении подчинения, но в другой обрядности. Гримм замечает, что германский обычай делает ударение на обувании невесты, русский — на *разувании* жениха.

По Начальной летописи Рогнеда, не желавшая выходить замуж за Владимира, сказала своему отцу: «*Не хочу розути робичича...*» «В знак покорности и до сих пор, как тысячу лет тому назад,— говорит П. Ефименко,— молодая *разувает мужа*, т. е. снимает с него сапоги, когда он расположится на брачном ложе. Жених иногда в правый сапог кладет немного денег, а в левый не так давно клалась плетка» [50*].

47* Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. IV. С. 42. О символическом значении бросания перчатки свидетельствует также пословица «Знахарь перекинул рукавицу поперек свадебного поезда» (испортил свадьбу) (*Даль В. И.* Толковый словарь, под словом «рука»).

48* *Lamprecht K.* Deutsche Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig, 1886. Bd. I. S. 295, Anm. 2.

49* При усыновлении и при узаконении сапог употреблялся в другом значении: сначала одевал его отец, затем приемный или узаконенный сын, затем наследники и друзья. Отсюда — «Mit einem in den Schuh steigen» [Влезать с кем-нибудь в один башмак (нем.)] (*Grimm J.* Op. cit. S. 155).

50* *Ефименко П. С.* Указ. соч. С. 43.

Об этом же обычае рассказывает В. Н. Татищев, обстоятельно сравнивший, с точными ссылками на источники, в своей «Истории Российской» русские брачные обряды, покупку, кражу жен и проч. с известиями о подобных еврейских, римских и греческих обрядах и с собственными наблюдениями у калмыков. «Видим же и то,— писал Татищев,— что невеста в знак ее покорности, повинна была в первый раз разуть (как часть II, стр. 145 о Владимире показано), притом жених клал в сапоги — в правый деньги, в левый плеть. И когда невеста перво за левую ногу примется, то жених, выняв плеть, ударит невесту, а естли за правую, то отдает ей положенные деньги. Сей обычай между подлостию доднесь хранится» [51*].

7. *Ключ*. У германцев так же, как у галлов и у римлян, ключи были символом женского домохозяйства, власти жены над домашним хозяйством. В Германии, говорит Гримм, невеста при торжественном благословении брачного союза являлась украшенная ключами, которые висели у нее на поясе; при разводе жена должна была возвратить ключи мужу. Так же у римлян новобрачной ключи давались, а у разведенной отнимались [52*].

Как давно указал Шпилевский, и у славян так же, как у германцев, ключи служили символом домохозяйства жены. В Костромской губернии жених в девичник подает невесте ключи на тарелке или на подносе. У уральских казаков жених приносит невесте в подарок вместе с платьем, башмаками, наперстком и проч. также ключи [53*].

Ключ как символ домашнего хозяйства употреблялся у нас в древности в знак принятия лицом на себя обязанностей ключника-приказчика. При этом, кто принимал, привязывал себе ключ без особого соглашения с хозяином, тот становился холопом, как определено Русскою Правдою: «А се третьее холопьство: тивунство без ряду или *привяжет ключ к себе* без ряду; с рядом ли, то како ся будет рядил, на том же стоить» [54*]. Впоследствии говорили «даться на ключ» [55*].

Гримм, знавший о русском холопстве «по ключю» из книги Эверса, сопоставляет значение этого символа с немецким:

51* *Татищев В. Н.* Указ. соч. Кн. I. Ч. 1. С. 591 (о чинах и суевериях древних). То же сообщает в XVII в. Коллинс: «Жених кладет плетку в один сапог, а драгоценный камень или деньги в другой и велит снимать их; если сперва попадется ей в руки сапог с драгоценным камнем, то он считает ее счастливою и дарит ей этот камень; если же она сперва снимет сапог с плеткою, то считается несчастливою и получает удар, который ей сулит будущую судьбу» (*Шпилевский С. М.* Указ. соч. С. 50—51).

52* *Grimm J.* Op. cit. S. 176—177.

53* *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Т. 2. С. 175, 617; *Шпилевский С. М.* Указ. соч. С. 97.

54* *Сергеевич В. И.* Русская Правда в четырех редакциях... Ст. 142; *Калачов Н. В.* Текст Русской Правды... Ст. 104.

55* «А дается... в тех деньгах Александру на ключ в его село в Демидово, а по ключю... дается и в холопи» (ААЭ, Т. 1. № 237).

«по древнерусскому праву, когда кто-либо привяжет себе ключ, тот становится холопом (knecht), вступает в службу и во власть господина, дверь которого он закрывает; подобно этому могли смотреть и на жену как на носительницу ключей мужа».

8. *Вино* (*литки, litkouf*). В обычном праве доселе живет символический обычай пить вино в освящение совершенной сделки. В Германии он был широко распространен в средние века и сохраняется до сих пор. Возлияние называлось litkouf и winkouf (впоследствии leitkauf и weinkauf). Акт 1245 г. говорит о торжественном питье (vinum testimoniale) в утверждение (ad confirmatoinem) договора [56*].

Такое же точно обыкновение «спрыскивать» сделки существовало и существует у нас. О нем говорят пословицы: «Где кабалено, там и вино», «Пропито — продано», «Пропитая дочка не своя, а чужая» [57*].

Называется этот обычай: спрыски, могарычи, запивки и в особенности *литки* [58*]. Слово это одинакового происхождения с немецким термином *litkouf* и указывает на глубокую древность символа [59*]. Польский термин «litkup», «lidkup», широко распространенный, еще ближе к старонемецкому [60*].

9. *Оружие*. О клятве оружием сохранилось несколько известий в памятниках киевского времени. Первый договор Руси с греками 911 г. был утвержден клятвою оружием: «*кленшеся оружьем своим*». Из второго договора 945 г. и из летописи видно, что приносившие клятву снимали с себя и клали на землю или на холм пред кумиром свои щиты, обнаженные мечи, обручи и все осталь-

[56*] *Grimm J.* Op. cit. S. 191—192. По шлезвигскому праву, si *biberint in signem emptionis*, nihil dato ad manus, reddat potum commercii violators [если *пили в знак купли*, но ничего не было отдано в руки, то оплачивать выпивку должен нарушитель (лат.)].

[57*] *Даль В. И.* Толковый словарь...; *Кузнецов Я.* Указ соч. С. 258; *Иллюстров И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 135.

[58*] «Литки, zavdavki,— замечает Ф. И. Леонтович,— указывают на употребление в старое время при «рядах» религиозно-жертвенных возлияний (*Леонтович Ф. И.* Старый земский обычай. С. 61). У малороссов называется «злывок», «завдавок», «магарыч». В Архангельской губернии говорят «липки» (*Даль В. И.* Толковый словарь; *Ефименко П. С.* Указ. соч. С. 100—101).

[59*] *Литки*, ж., мн., сев.-вост. (*Даль В. И.* Толковый словарь...). Lîtkouf, löth köp (*Grimm J.* Op. cit.).

[60*] *Karlowicz J.* Slownik gwar polskich. Krakow, 1901—1903 (за это указание приношу благодарность С. Л. Пташицкому) [125]. О литках у корелов и лопарей см.: *Ефименко А. Я.* Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии//Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии. СПб., 1878. Т. 8. С. 35, 122. Вогулы в XV в. пили в закрепление договора не вино, а воду с золота, как видно из любопытного замечания летописи, относящегося к 1485 г., о князьях водских (вогульских): «А крепость их: с золота воду пили, великому князю правились во всем» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. VI. Примеч. 461 (из Синодального летописца) [126]).

ное оружие: «Мы же елико нас хрестилися есмы, кляхомся церковью святого Илье в сборней церкви и предлежащим честным крестом... А *некрещеная Русь полагають щиты своя и мече свое наги, обруче свое и прочия оружья, да кленутся* о всем, яже суть написана на харатьи сей» (договор 945 г.) [61*]. «Заутра призва Игорь слы и *приде на холм, где стояше Перун, покладоша оружье свое, и щиты, и золото* и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых Руси». При этом произносились заклинания: «Да не имуть (в случае нарушения присяги) помощи от Бога ни от Перуна, *да не ущитятся щиты своими, и да посечени будуть мечи своими, от стрел и от иного орудия своего*, и да будут раби в сий век, в будущий» [62*].

Клятва оружием была скоро вытеснена клятвою «честным крестом», которым уже в 945 г. клялись руссы, принявшие христианство. Но она надолго сохранилась в народе. Профессор Рейц был очень удивлен, когда при разбирательстве одного дела между двумя русскими крестьянами один из них предложил присягнуть на евангелии или на оружии. Клятва оружием существовала не только у русских, но и у других славян. У болгар доселе клятва утверждается целованием секиры (топора) [63*].

Германцы также клялись оружием, но совершенно иначе, чем русские. Они произносили клятву, держа обнаженный меч или кладя руку на рукоятку меча, вонзенного в землю, тогда как руссы клялись, полагая на землю мечи, щиты и обручи [64*].

10. *Копье*. Символ копья, употреблявшийся в знак объявления войны, принадлежит, как замечает Гримм, к числу древнейших и весьма распространенных символов. Римляне, по рассказу Ливия, посылали противнику в знак объявления войны копье, омоченное в крови и обожженное; сохранились известия о существовании такого же обряда у норвежцев и шотландцев [65*].

У нас бросание копья и ломание копья предводителем было знаком к началу битвы. Буслаев приводит два свидетельства об этой обрядности: 1) из летописи: «Андрей же Юрьевич, вземь копие и еха наперед, преже всех зломи копие свое»; 2) из «Слова

61* Ср.: «А Ольга водиша и мужий его на роту: по русскому закону кляшася оружьем своим и Перуном и Волосом».

62* Так в начале договора, а в конце короче: «Аще ли кто... преступит се... *будет достоин своим оружьем умрети* и да будет клят от Бога и от Перуна».

63* См. пословицы сербов, чехов и словаков (*Афанасьев А. Н.* Указ. соч. С. 273).

64* *Grimm J.* Op. cit. S. 165. У германцев меч употреблялся также как символ власти судьи; меч посылали при вызове на бой; в знак подчинения послы шли, сняв мечи; когда человек спал на одном ложе с женщиной, которой он не хотел касаться, то он клал меч между нею и собою.

65* У немцев копье так же, как посох и знамя, употреблялось, кроме того, королями как символ передачи владений (*Grimm J.* Op. cit. S.163, 165).

о полку Игореве», где Игорь говорит: «Хощу бо копие преломити конец поля половецкого» [66*].

11. *Волосы и борода.* Символическое значение, придававшееся у нас усам и бороде как символам мужества, ясно видно из Русской Правды, которая за повреждение усов или бороды назначает вчетверо большую пеню, чем за поранение обнаженным мечом или за повреждение пальца: «Аще ли перст утнеть который любо: 3 гривны за обиду. А во оусе 12 гривне, а в бороде 12 гривне» [67*].

Символическое значение придавалось у нас также первому стрижению волос у мальчика трех-четырех лет, причем его торжественно сажали на коня, как известно из *постригов*, неоднократно упоминаемых летописью. «Летописец суздальский,— пишет Карамзин,— упоминая о рождении каждого (из сыновей великого князя Всеволода III), сказывает, что их на четвертом или пятом году жизни торжественно постригали и сажали на коней в присутствии епископа, бояр, граждан; что Всеволод давал тогда пиры роскошные, угощал князей союзных, дарил их золотом, серебром, конями, одеждами, а бояр и тканями и мехами. Сей достопамятный обряд так называемых постриг, или первого обрезания волос у детей мужеского полу, кажется остатком язычества: знаменовал вступление их в бытие гражданское, в чин благородных всадников и соблюдался не только в России, но и в других землях славянских; например, у ляхов, как древнейший историк пишет, что два странника, богато угощенные Пиастом, остригли волосы его сыну младенцу и дали имя Семовита». В примечаниях Карамзин говорит, что, по словам Татищева, «в его время некоторые знатные люди держались сего древнего обыкновения и что младенцы тогда переходили из рук женских в мужские» [68*].

У немцев волосам и бороде также придавалось символическое значение как знаку свободного совершеннолетнего мужа. Отрезывание волос головы или бороды (у взрослых) служило у готов, франков и лангобардов символом усыновления [69*]. По-видимому,

[66*] *Буслаев Ф. И.* Русские пословицы и поговорки // Архив исторических и юридических сведений Н. Калачова. М., 1854. Кн. II, пол. 2. С. 13.

[67*] Список Академический (ст. 6 и 7). «А хто порвет бородоу, а выметь знамение, а будоуть людие, то 12 гривен продажи» (список Карамзинский, ст 78). Особо высокая пеня за «вырывание бороды и усов как символов мужества, особо чтимых многими древними народами», отмечена проф. Владимирским-Будановым (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... С. 302; *Он же.* Хрестоматия... Вып. 1. С. 25, примеч 12).

[68*] Как указывает Карамзин, в требнике есть молитва на первое стрижение волос у младенца (*Карамзин Н. М.* История государства Российского/ Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842. Т. III. С. 83, примеч. 143, 144, 145; С. 62). По наблюдениям Соловьева, в XI—XIII вв. обряд постригов совершался над детьми двух, трех, четырех лет. Обряд сохранился до XV в. (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1893. Кн. 1. С. 676, 2268).

[69*] *Grimm J.* Op. cit. S. 146. Передача остриженных волос служила символом вступления в рабство (Ibid. S. 147).

это стрижение волос при усыновлении находится в тесной связи с нашими постригами: стрижением волос родному сыну.

12. *Челобитье.* Ясный след символической обрядности сохранился в известных выражениях «челобитье» и «бить челом». В позднейшее время, в XVII в., как и теперь, они употреблялись в иносказательном смысле униженной просьбы. Но в древнейшее время этими выражениями обозначался известный обряд, совершавшийся при вступлении в службу князю, как о том свидетельствует стереотипное выражение удельного времени: «бить челом в службу». В конце удельного периода совершение этого обряда считается недостаточным для закрепления служебной связи, служебного договора боярина с князем и к обряду присоединяется еще присяга — крестоцелование. Но обряд «бить челом», совершавшийся при «приказе в службу», до конца XV в. сохраняет свою силу, как это видно из рассказа летописи о падении Великого Новгорода в 1478 г.

Иоанн III в январе 1478 г. находится в военном стане под Новгородом. 13 января после долгих переговоров был окончательно заключен договор о подчинении Новгорода на условиях, предписанных великим князем, владыка подписал грамоту и приложил печать, и с пяти концов печати приложили. 15 января великий князь отправляет в Новгород пять своих бояр «привести весь Великий Новгород к целованию по той грамоте», уже подписанной, и в этот день «на влыдычне дворе бояре великого князя начаша приводити к крестному целованью бояр новгородских, и житьих, и купцов и прочих»; на пять концов посланы были дети боярские и дьяки для привода к присяге; «все целовали,— замечает летописец,— люди и жены боярские, и вдовы, и дети боярские».

Казалось бы все кончено. Договор подписан, скреплен печатями, все новгородцы, от бояр до вдов и боярских людей, приведены к присяге. Но тут всплывает старина. Не было сделано самого важного по старым понятиям: бояре еще не били челом в службу. И вот, как видно из летописи, 18 января, через три дня после крестоцелования, все бояре и дети боярские и житьи люди (но не купцы, которые упоминались раньше) отправляются на двор к великому князю и там приказываются лично ему в службу. «Генваря в 18 день, в неделю,— читаем в летописи,— били челом великому князю в службу бояре новгородские все, и дети боярские, и жытии, да, приказався, вышли от него». Тут летопись дает еще одну любопытную подробность, которая еще сильнее оттеняет значение челобитья-приказа. Как только бившие челом вышли от великого князя, он «выслал за ними Ивана Товаркова», и «велел им князь великий говорити: на которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той грамоте государем своим и правили бы есте по тому крестному целованью». «И те бояре все на том молвили, на чем к ним, великим государем крест целовали».

Как это понять? Зачем понадобилось великому князю посылать вдогонку к только что приказавшимся в службу и раньше целовавшим крест боярам своего дворянина Товаркова и напоминать им о присяге и крестоцеловании? Думаю, что это можно объяснить только таким образом, что в то время перехода от старых свободных удельных порядков к новым государственным столкнулись, с одной стороны, отживавший, но все еще сильный по старине обряд челобитья в вольную боярскую службу и, с другой — новая подданническая присяга; и что потому, приняв челобитье о службе, великий князь, спохватившись, поспешил напомнить боярам о присяге, напомнить, что он требует от них не вольной боярской службы, закреплявшейся челобитьем-приказом, а подданства, уже закрепленного крестоцелованием [70*].

Обряд челобиться в службу вполне аналогичен вассальной коммендации. Оба обряда одинаково представляют собою формальные акты договоров о службе, акты подчинения слуги-вассала господину. Самая обрядность челобитья не отличалась какой-либо особой униженностью от коммендации, потому что эта последняя обыкновенно связывалась с коленопреклонением. В феодальное время «форма оммажа,— говорит Люшер,— осталась приблизительно тою же формой старой коммендации. Вассал является к сеньеру, который ожидает его, стоя или сидя. Он становится перед ним на колени, кладет свои руки, сложив их, в его руки и объявляет себя его человеком, за такой-то феод. Сеньер дает ему поцелуй мира в уста и его поднимает». Обрядности оммажа совершались различно в различных местностях, и поэтому историки права описывают их неодинаково в деталях. Глассон различает две формы оммажа — простую и сложную (в знак более тесного подчинения — hommage lige). Простой оммаж состоял из охватывания рук и поцелуя. Более сложная обрядность — hommage lige — совершалась так: «Вассал произносил формулу оммажа с непокрытой головой, распоясанный и безоружный, стоя на коленях перед сеньером и клал свои сложенные руки в руки сеньера» [71*].

[70*] ПСРЛ. Т. XII. С. 185—187 (Никоновская летопись); Т. VI. С. 219; Т. VIII. С. 198. Костомаров несколько неточно, неудачно осмысливая этот факт, передает летопись: «Вслед за этим (за крестоцелованием) многие (?) бояре и дети боярские сами (?) били челом в службу государю» (но при этом он правильно отмечает: «И произносили особую служебную присягу») (*Костомаров Н. И.* Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1863. Т. 1. С. 230).

[71*] *Luchaire A.* Manuel des institutions françaises. P. 1892. P. 185; *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1891. Vol. IV. P. 301. По известию auctor vetus [старого автора (лат.)], коленопреклонение необязательно (si autem dominus sedeat, homo genua flectat ante illum pro praebendo hominium [лишь если господин сядет, то человек встает перед ним на колени для принесения оммажа (лат.)]). Но иногда коммендация совершалась в еще более униженной обрядности, чем вышеописанная. Вассал, стоя на коленях, клал руки под ноги господина (genua flectunt, pedi-

В чем, собственно, состоял наш обряд челобитья, мы не знаем; по-видимому только, это не был простой земной поклон. Ипатьевская летопись на одной странице употребляет в разном смысле выражения «ударить челом» и «поклониться до земли» [72*]. Может быть, к той же обрядности относятся выражения летописи, так же как выражение «ударить челом», указывающие на подчинение господину, а именно «приять под руце», «быть под рукою», а также «подручные» князья. Если эти выражения относятся к челобитью, то и самая обрядность челобитья должна быть весьма близка к коммендации.

13. *Пополнок*. Символическое значение, по-видимому, имел и постоянно упоминаемый в древнейших купчих обычай при купле-продаже давать в придачу к условленной плате скот или хлеб; это называлось *пополнок* (реже приполонок), *дать пополонка* (придачи). «И да Константине и его братья на той земли 3 рубли, а свинью пополонка». «Дали два рубля, да овцу пополонка». Иногда пополонок представлял сам собою значительную ценность в сравнении с платой; и такая ценная придача может дать повод видеть в сделке продажи замаскированную мену. Может быть, так оно иногда и было в действительности вследствие недостатка денежных знаков. Но большей частью пополнок представлял собою незначительную ценность в сравнении с ценой продажи и несомненно назначался в придачу к цене только потому, что того требовал обычай [73*]. Он встречается почти во всех древних купчих до конца XVI в., за самыми незначительными исключениями, и стоимость его не зависит от цены сделки. К плате на небольшую сумму (2, 3, 4 рубля) прибавлялась куря или овца, на большую сумму — конь или вол. Куря или овца давались в пополонок безразлично и на 2, 3, 4 рубля [74*], конь или вол прибавлялись к цене в 15, 100 и 300 рублей [75*].

Один из наших историков 50-х годов, в специальной статье о купчих грамотах обративший внимание на обыкновение давать пополонок, замечает: «Должны сознаться, что старания отыскать в нем юридический характер остались безуспешными» [76*]. Мне

busque manus supponunt). См.: *Waitz G.* Op. cit. S. 66—67; *Grimm J.* Op. cit. S. 139.

72* Летопись по Ипатскому списку. С. 600.

73* Если пополонок заменяется платой, то это особо оговаривалось: дали «пополонка за телицю пол третьяцать бель» (АЮ. № 71, XIX); дали «полъчетвертъта сорока белки, а тут им и пополонок» (АЮ. № 71, V).

74* АЮ. № 71, I—XXXVII (новгородские купчие XIV—XV вв.). Из этих 32 купчих нет пополонка только в трех (№ 71, XII, XXXII, XXXIII).

75* Там же. № 75—84 (до 1567 г.). Дали «15 рублев да конь пополонка» (№ 76), «100 рублев да конь пополонка» (№ 78), «300 рублев денег, да конь рыж пополонка» (№ 82), «70 рублев, да конь гнед пополонка» (№ 84).

76* *Киндяков К.* Опыт ученой разработки купчих грамот, помещенных в Актах Юридических // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. Казань, 1855.

кажется, для объяснения его надо припомнить, что сделка купли-продажи возникла из мены, что в древнейшее время, до появления денежных знаков, «всякая купля была меной» (aller Kauf war Tausch). По всей вероятности, пополонок при купле был пережитком древнейшей мены. По старым купчим можно заметить, что передача пополонка считалась необходимой для более твердого закрепления сделки, в особенности при продаже земли в полную собственность; продажа *земли* в полную собственность возникла, как известно, позже всего и долго боролась с исконной неотчуждаемостью земельной собственности. Одна из купчих связывает дачу пополонка с продажей одернь. О цене продажи и о пополонке в ней говорится раздельно: «Придали Шиловы дети два рубля к старым кунам отца своего... *А купили одернь, а дали овцу пополонка»* [77*].

Обыкновенно в придачу давали скот (овца, конь, вол, телица), в древнейшее время заменявший деньги. Но часто давалась в пополонок куря и пуз или три пуза жита. Скот, по-видимому, считался самым нормальным пополонком, и в одной купчей, по которой в придачу давалась куница с шерстью (вероятно, шкурка), особо оговорено: «А куница с шерстью *пополонка за овцу»* [77a*].

На Западе пополонок в виде постоянной необходимой придачи к денежной плате неизвестен. Хотя в некоторых купчих также встречаются указания на подарки, дававшиеся покупщиком продавцу в придачу к цене. Чаще всего подарки давались родственникам продавца, чтобы сделать их участниками сделки и тем лишить их права родственного выкупа проданного имущества. Сыновьям и женам продавцов покупавшие землю дарили ножи, ботинки и проч., но часто также платили деньги, 5—6 су [78*].

В заключение этого неполного обзора наших символов, пробелы которого должны быть восполнены дальнейшим исследованием предмета [79*], мне кажется, можно сказать с некоторой уверенностью:

77* АЮ. № 71, XXXVI. В конце XVI в. пополонок выходит из употребления; так, в серии купчих, напечатанных в АЮ, он встречается почти постоянно до 1567 г. (№ 71, 72—84), а затем исчезает (нет в купчих 1586—1631 гг.— № 85—89).

77a* Там же. № 71, XXVII.

78* *Guérard B.* Prolégomènes: Cartulaire de Saint Père de Chartres // Collection des cartulaires de France. P., 1840. T. I. P. 222, 223, 228.

79* У балтийских славян прочность мирного договора закреплялась символическим бросанием камня в воду (*Котляревский А. А.* Древности юридического быта балтийских славян. Прага, 1874. Ч. 1. С. 162. Не сохранился ли след такой же русской обрядности в пословице «Бросить дело с камнем в воду».

К символике права М. Кулишер относит также и не символический, а, так сказать, мнемонический обычай сечь детей на межах, чтобы они их хорошенько запомнили. Об этом обычае записано много наблюдений, в особенности на Дону и в Малороссии, где он называется «памятковый

1) что нашему праву символика была несомненно свойственна так же, как праву германскому;

2) что наши символы обнаруживают то же близкое родство с германскими, как и все наше древнейшее право, возникшее на общей арийской основе;

3) что символы имели в нашем древнем праве гораздо большее значение, чем о том можно судить по немногим сохранившимся известиям, ибо, изучая темную древность, мы, по выражению Буслаева, «схватываем лишь немногие, долетевшие до нас из старины звуки».

Приложение II

ОГНИЩАНИН [1*]

Древнейшие наши памятники говорят вообще о *боярах*, о *княжих мужах*, о *нарочитых людях*, о *вячших купцах* и *гостях*, о *старейшинах града*, наконец, об *огнищанах*. Попытаемся разобраться в этих различных обозначениях различных разрядов высшего класса населения и начнем с изучения вопроса об *огнищанах*, вопроса, который очень запутан вследствие неосторожных предположений некоторых историков, но в котором, мне кажется, можно прийти к некоторым если не вполне достоверным, то мало сомнительным выводам. Попытаемся вести это исследование с тою осмотрительностью, с тем вниманием к точному смыслу слов памятников, с тою осторожностью в предположительных выводах из них, в которых образцом могут служить историки права — французский Фюстель де Куланж, у нас во многих вопросах — В. И. Сергеевич. Мы не будем умолкать там, где молчат источники, и будем допускать предположительные суждения, но постараемся при этом строго отделять эти гипотезы от точных данных и выводов.

Я не раз говорил о *крайней скудости источников* для изучаемой нами теперь древнейшей эпохи. То же надо заметить и об огнищанине. Самое слово «огнищанин» встречается во всех наших памятниках киевского времени, не только юридических, но и во всех памятниках письменности, только *девять раз*. Четыре раза упоминается огнищанин в четырех статьях краткой Правды, два раза — в Правде пространной, три раза — в Новгородской летописи, только в одной Новгородской летописи, сохранившейся в пер-

прочухан». По Рипуарской правде, детей на межах били по щекам и драли за уши (tractio aurium). Подробное сопоставление русских и германских известий об этом см.: *Кулишер М. И.* Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб., 1887. С. 138—142.

1* Из лекций по истории русского права [127].

гаменном списке XIII столетия (так называемом первом Синодальном).

Попробуем прежде всего объяснить значение этого термина филологически.

Слово *огнищанин*, конечно, одного корня с словом *огнище*, часто встречающимся в древних памятниках. Огнище значило очаг, а также костер. «*Огнище стояше полно углиа*» или «по обеде *углие горяще на огнищи оставяться*» [2*]. Само по себе одно филологическое объяснение не дает почти ничего, оно даст нечто только в связи с объяснением юридического положения огнищанина. По корню слова мы можем только заключить, что огнищанин назван так по своей той или иной связи с *очагом*, который в древнейшую языческую эпоху имел особенное значение вследствие жертвенных приношений на домашнем очаге. Но какова же связь его с очагом? Есть ли он блюститель огня на своем и вместе родовом очаге и, следовательно, родовладыка, или же огнищанин — человек, живущий при чужом очаге вообще или же специально при очаге княжеском и отсюда — зависимый от него человек, дружинник?

Кроме первоначального значения *очаг*, слово «огнище» употреблялось также а производном условном смысле для обозначения *челяди*, людей, принадлежащих к чужому очагу, к чужому хозяйству, к чужому дому. В славянском переводе *слова Григория Богослова*, относящемся к XI в. к эпохе Русской Правды, греческое слово «раб» (ἀνδραπόδων) переведено словом «огнище»: «грядящеися многы огнищи и стады» (οἱ πλήθει γαυριῶντες ἀνδραπόδων καὶ τετραπόδων). Следует ли из этого, что слово «огнище» точно обозначает раб? Никак этого не следует, потому что для обозначения рабов мы имеем термины, хорошо известные из Русской Правды: челядь, холоп, раба, а в этом переводе *названа огнищем челядь*, подобно тому как придворные люди назывались и называются *двором*. Мы можем только заключить из этого единственного текста, в котором слово «огнище» соответствует слову «челядь», что слово *огнище-очаг* имело также *более широкий смысл дома, двора*, а отсюда иногда употреблялось и для обозна-

2* Житие Андрея Юродивого (списки XV и XVI в.), Устав Студийский, 1193 г. и другие примеры (*Срезневский И. И.* Материалы для Словаря... СПб., 1895. Т. II. С. 602—604). Огнище-жертвенник, очаг. В выражении «*да сотвориши огнище обличьем сетным*» так переведено слово «ἐσχάρα» — очаг, жертвенник, жаровня («Исход», список Троице-Сергиевой лавры XIV в.). «Древнейшее, между славянами распространившееся, слово для обозначения очага было «огнище» (чешск.: «ohnište» и «ohnisko», серб.: «огниште», лужицк.: «ohnisco»... от слова «огнь», с суффиксами -ще, -ште или -ско, означающими место. Слово «огнь» еще в IV в. имело значение очага, что видно из готского «onhs» — «печь». Вероятно, в значении хозяина или же человека свободного, имеющего свой очаг, употреблялось слово «огнищенин» в Русской Правде» (*Буслаев Ф. И.* Указ. соч.).

чения лиц, принадлежащих к дому или двору, дворовой челяди или холопов [3*].

Мне кажется поэтому, что В. О. Ключевский не имел основания так категорически утверждать, что «в древних памятниках славяно-русской письменности слово „огнище" является с значением челяди», и заключать из этого: «*Следовательно, огнищане были рабовладельцы*» [4*]. Для этого, безусловно, нет достаточных оснований. Более естественно предполагать, что слово «огнищанин» произведено от слова «огнище» в его основном, коренном значении — очаг, а не от его производного значения — люди, принадлежащие к очагу-дому, и отсюда — челядь, рабы; особенно если мы примем во внимание, что слово «огнище» встречается в этом смысле только единственный раз, а обыкновенно употребляется в привычном коренном смысле — очаг.

Ключевский опирается при этом еще на известие, занесенное в «Истории» Татищева, о торговом договоре, заключенном князем Владимиром с волжскими болгарами в 1006 г., по которому болгарские купцы обязывались «все их товары продавать во градах купцам... а *по селам* не ездить тиуном вирником (?) *огневшине и смердине продавать* и от них не купить» [5*]. Известие это не вполне достоверно и ясно, потому что мы знаем его только в пересказе Татищева; летопись, откуда он его взял, не сохранилась. Поэтому Ключевский, несомненно, слишком категорично утверждает, что «огневщина — это древнейшее русское название сельской челяди» и «селами, заселенными огневщиной», подкрепляет свое толкование огнищан как рабовладельцев [6*].

Я не буду утомлять вашего внимания разбором разнообразнейших филологических объяснений слова «огнищанин». Литература этого предмета чрезвычайно обширна. Не обошлось и без попытки объяснить это слово заимствованием из какого-либо иностранного языка — это излюбленный метод многих наших историков. Протоиерей Сабинин [130] в 20-х годах пытался объяснить слово «огнищанин», несмотря на его чисто славянский корень, из финского языка и нашел здесь очень отдаленное по звуку слово «Eigingandin» («eigandin»), что значит владелец [7*].

[3*] Древнечешские глоссы к Mater verborum 1202 г.[128]; «Ohniscenin, libertus, cui post servitium accedit libertas [Огнищанин, свободный, который после рабства получит свободу (лат.)]».

[4*] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. 1. С. 196.

[5*] *Татищев В. Н.* История Российская... Кн. 2. С. 89.

[6*] *Ключевский В. О.* Подушная подать и отмена холопства в России // Русская мысль. 1886. № 9. С. 73—74 [129]. Совсем уже произвольно Ключевский утверждает: «Самый термин „огнище", которому древний славянский переводчик слов Григория Богослова придал производное значение челяди, собственно означал пастбище (?), точнее, стоянку пастухов на пастбище (??)» (Там же. С. 74).

[7*] Цит. по: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1846. Т. III. С. 406.

Курьезно также смелое объяснение Татищева, очень, впрочем, для него извинительное, так как он был первым работником на поле нашей науки: «Огнищанин — то же, что и при нас именовались огневщики или объездчики, ныне *полицейские офицеры в городах*» [8*].

Заслуживает внимания из этих разных объяснений только объяснение Успенского и Беляева. Успенский в своих «Древностях» [131], изданных в 1818 г., обратил внимание на значение слова «огнище» в современном народном языке: «Название огнища и огнищанина доныне употребляются в Новгородской и Псковской губерниях, и под словом огнище собственно разумеется *выжженная в лесу полоса земли* для посева льну или хлеба, а *выжигатели* называются огнищанами». И по Далю слово «огнище» значит теперь спаленный лес для распашки, *росчисть*, чищоба [9*]. Успенский из этого сделал последовательный вывод, что огнищанами назывались *земледельцы, выжигающие лес под пашни*. Это объяснение не подходит к Русской Правде, где огнищанами несомненно называются привилегированные люди высшего класса. Беляев поэтому с явной натяжкой, отстаивая то же словопроизводство «огнищанина» от «огнища» — земли, «расчищенной кем-либо под пашню посредством пала или выжигания дикого леса», утверждал, что огнищанами назывались в древнее время бояре, крупные землевладельцы-собственники, «которые сделали себе собственными средствами огнище, расчистив дикий лес под пашню и населив занятое место земледельцами» [10*]. Если связывать древний термин «огнищанин» с современным народным словом «огнище», то *нельзя идти дальше огнищанина-земледельца, выжигающего лес*, а это объяснение разрушается привилегированностью огнищан по Русской Правде.

Из всех этих филологических объяснений надо, таким образом, признать *наиболее вероятным* объяснение слова «огнищанин» от слова «огнище» — в смысле очаг и в тесно связанном с ним смысле — дом, двор. Но это словопроизводство еще не разъясняет вполне положения огнищан; оно оставляет еще открытым вопрос, что такое огнищанин: владелец ли собственного очага и отсюда, может быть, домовладыка и специально ввиду его привилегированного положения — владелец большого дома-хозяйства, боярин, или же он принадлежащий к чужому очагу и ввиду его привилегированного положения — человек, принадлежащий к княже-

8* Законы древние Русские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником В. Татищевым, 1738 г. // Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1786. Ч. 1.

9* Слова «огнищанин» в современном языке Даль, однако, не знает (*Даль В. И.* Толковый словарь... Т. 2. С. 666).

10* *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 2: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. С. 50; *Он же.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 53.

скому очагу, к княжескому дому, княжеский дружинник. Иначе говоря, *что такое огнищанин: независящий ли от князя земский боярин или боярин княжеский*?

Русская Правда, несмотря на то что она не более шести раз упоминает слово «огнищанин», дает достаточно указаний для разрешения этого вопроса.

Собственно говоря, Русская Правда дает даже *прямой* ответ на этот вопрос. Составитель пространной Русской Правды XIII в. в тех статьях, в которых он пересказывал статьи краткой Правды, заменил слово «огнищанин» словами «княж муж». «Аще же убиють *огнищанина* в разбои, а убийца не изыщуть» (Правда Ярославичей. Ст. 2). «Аже кто убиеть *княжа мужа* в разбои, а головника не ищуть» (Троицкий список. Ст. 5).

Эта замена слов для многих исследователей служила важным аргументом при объяснении слова «огнищанин». Мы не придадим ей особенной важности, потому что мы знаем, как я объяснял, изучая состав Русской Правды, что пространная Русская Правда составлена довольно невежественным в юридических вопросах компилятором XIII в., и притом в такое время, когда смысл постановлений краткой Правды уже был во многом неясен. В этом вопросе, однако, компилятор XIII в., как мы сейчас увидим, поступил правильно. Он путался там, где сопоставлял статьи Русской Правды. *Здесь же*, в этой замене термина «огнище» словами «княж муж», он, вероятно, *основывался на* живом еще тогда предании. *Огнищане, княжи мужи*, дружинники, конечно, не могли *не оставить по себе памяти*, как слишком видное явление.

При объяснении статей Русской Правды об огнищанине надо *исходить из краткой Правды*, а не из позднейшей пространной. В этой краткой Правде, во второй ее половине, после заголовка о Правде, установленной сыновьями Ярослава, мы находим ряд постановлений о *возмездии за правонарушение огнищан*.

«*Аще убиють огнищанин в обиду*, то платити за него 80 гривен убойци, а людем ненадобе. А в ездовом *княже* 80 гривен» (Правда Ярославичей. Ст. 2). Здесь княжеский муж, ездовой княж является рядом с огнищанином, за них назначается одинаковая повышенная двойная вира (в сравнении с обычною 40-гривенною вирою, установленною в первой половине краткой Правды) и постановление о ездовом изложено как пояснение, связанное или непосредственно вытекающее из постановления об огнищанине.

Та же тесная связь огнищанина с княжими мужами обнаруживается и из следующих статей.

Ст. 2 и 3 говорят о вире за убийство огнищанина в разбое и об убийстве огнищанина у клети, у коня, у коровьи татьбы, т. е. при вооруженном грабеже. И в виде пояснения к этим статьям прибавлено: «*А тии же покон и тивуницю*» (тиуну, княжескому слуге).

Вслед за этими статьями одинаковая, как за огнищанина, вира в 80 гривен назначается и за *«княжа тивуна»*, и за *старого конюха* у стада, «яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци».

Такое же *тесное сопоставление, такое же приравниванье* огнищанина к княжеским чиновникам — тиуну и мечнику — находим мы и в одной из следующих статей той же краткой Правды: «Или смерд *умучат*, а без княжа слова, за обиду 3 гривны. А в *огнищане* и в *тиунице* и в *мечнице* 12 гривне» (ст. 14).

Эта тесная связь огнищанина с другими княжими мужами станет нам еще более ясной, если мы сопоставим ту Правду сыновей Ярослава, в которой находятся только что рассмотренные статьи, с *древнейшей Правдой, приписываемой Ярославу* и составляющей первую половину краткой редакции Русской Правды. Эта Правда, приписываемая Ярославу, ничего не говорит об огнищанах и об особых привилегиях княжих мужей. Она за всех мужей назначает одинаково виру в 40 гривен, будет ли то гридень (дружинник), будет ли то мечник (который в Правде сыновей Ярослава приравнен огнищанину), будет ли то купец, изгой или славянин.

Сыновья Ярослава ничего не говорят о вирах за этих разных мужей, за купца, изгоя или словенина. Они устанавливают только двойную 80-гривенную виру за огнищанина, за княжа тивуна и тут же за старого конюха у стада, ссылаясь на прецедент убийства конюха Изяславова. Объяснение этому и вместе с тем подтверждение взгляду на огнищанина как на княжа мужа, как на дружинника дает нам *общий характер этой Правды сыновей Ярослава*, на который я обратил ваше внимание раньше, разбирая состав Русской Правды.

Эта Правда, уставленная на съезде князей вместе с их четырьмя мужами между 1054—1073 гг., представляет ряд постановлений, тесно связанных между собою, так как все они одинаково касаются или княжих мужей, княжеской дружины, или княжеского хозяйства. Князья говорят в ней только о своих мужах, своих тиунах, своих конюхах, о своих старостах (сельском старосте княже), о своих конях и бортях и не касаются людей и имущества частных собственников, например купцов или славян вообще, как древнейшая Ярославова Правда. Если они в связи с этим упоминают о смердах и холопах и о смердьем коне, то, очевидно, имеют в виду княжеских смердов и холопов.

Уставная, законодательная деятельность князей в эту эпоху не могла быть значительной. Князья не могли ломать строя отношений, обычного права, тогда еще всесильного, потому что их тогда во всяком случае никто бы не послушал, их нововведения не привились бы, например, если бы они захотели указом отменить кровную месть; мы знаем даже по нашему времени, как правительство бессильно искоренить из жизни на Кавказе этот самый обычай кровной мести.

Но этот устав, этот закон, выработанный на съезде князей, не касается обычных отношений между лицами, он резюмирует только отношение этих лиц к князьям. Этот устав только *самооборона князей*, только охрана их прав, их дружины и их имущества от покушений. Тут князья могли, опираясь на свою силу, заявить населению, что впредь за нарушение своих прав они будут взыскивать с населения двойные и вообще повышенные виры; не только за огнищанина, ближнего им человека, человека их очага, но даже и за простого старого конюха у стада они будут взыскивать двойную виру в 80 гривен по бывшему уже примеру. Этот устав касался как раз той *области отношений князей к населению*, в которой больше всего было *нововведений* на медленном пути усиления княжеской власти.

И как трудно было князьям действовать даже в этой области отношений, как трудно было пригрозить им населению 80-гривенной вирой за убийство своего тивуна и огнищанина, об этом наглядно свидетельствует тот факт, что *для этого устава понадобился съезд независимых князей Изяслава, Всеволода и Святослава*, что они решились на эту меру, чтобы придать ей вес, только по взаимному соглашению, обеспечив ее, так сказать, княжеской круговой порукой.

Итак, огнищанин — это княжеский дружинник. Составитель пространной Русской Правды имел серьезное основание, чтобы заменить это слово, вышедшее из употребления с XIII в., словами «княж муж».

С этим историко-юридическим объяснением термина по тексту Русской Правды вполне сходится и наиболее простое филологическое объяснение термина. Огнищанин — это человек огнища, очага, но не всякого, а княжеского. Слово, обозначающее привилегированного человека, нельзя толковать так: огнищанин — хранитель очага, жрец-домовладыка, потому что очаг был у всех, был он и у смерда, как и у купца, и смерд тоже бывал жрецом-домовладыкой и родовладыкой. Привилегированность огнищанина допускает только одно объяснение — принадлежность к княжескому очагу-огнищу.

Взаимная связь слов тут та же, как и в соответствующих позднейших терминах «дворянин» и «двор». Термин «двор» в смысле не современном нам — двор при доме, а в старом смысле — двор как дом-жилище со всеми его принадлежностями, в том числе и с нашим огороженным двором, обозначал одинаково и боярский, и крестьянский, и княжеский двор. И тем не менее термин «дворянин» обозначал только человека, принадлежащего к княжескому двору. Так точно хотя очаг-огнище был у всякого хозяина, но огнищанин обозначал только человека, принадлежащего к огнищу княжескому.

Термин «огнищанин» встречается, кроме Русской Правды, также в Новгородской I летописи всего три раза, под 1166, 1195

и 1234 гг. Огнищане являются здесь в военных походах на первом месте, рядом с гридьбою — воинами-дружинниками. По приглашению князя Всеволода новгородцы со своим князем Ярославом выступают в поход. «Идоша с князем Ярославом,— замечает летописец,— огнищане и гридьба и купци» (1195 г.). В военных действиях с Литвою в 1234 г. участвуют «огнищане и гридьба и кто купец и гости», т. е. некоторые из купцов и гостей (1234 г.). Пришедший в Луки из Киева князь Ростислав зовет новгородцев для переговоров (на поряд); к нему идут «огнищане, гридь, купьце вячшее» (1166 г.).

Предполагают, что эти огнищане в Новгороде имели другое значение, чем в южной Руси, что здесь они из бояр княжеских превратились в бояр земских, но сохранили старое название — дружинников-огнищан. Эти приведенные известия, однако, не дают оснований для такого широкого заключения, чтобы слово «огнищане» означало в Новгороде бояр земских.

Огнищане упоминаются в военных действиях рядом с гридями. Они упоминаются не в тех больших войнах, когда шел весь Новгород, весь новгородский полк, а в небольших военных действиях. С ними идут только некоторые из купцов и гостей. Они изображаются как передовой военный отряд, более подвижной, чем полк-ополчение, совершенно так же, как княжеская дружина.

С этими известиями об огнищанах надо сопоставить известие о военных действиях новгородских князей этого же времени со своим двором и с дружиной. Так, в 1192 г. Ярослав посылает «двор свой с Пльсковици воевать». Так, в 1191 г. Ярослав идет на Луки и «поя с собою Новгородец переднюю дружину». Огнищане вместе с гридями составляли, по-видимому, этот именно княжеский двор, княжескую дружину[11*].

Предположению о том, что в Новгороде огнищанами назывались в противность югу земские бояре, противоречит также то обособленное их положение в Новгороде по местожительству, которое так ясно видно из устава о городских мостах, включенного в позднейшую редакцию Русской Правды, типа Карамзинского списка (с рядом вставок; ст. 134 Карамзинского списка). Плата за устройство мостов, или, как думают, мостовых, взималась с жителей по улицам и по сотням и по другим подразделениям города на участки.

В конце устава сказано, что эти мостовые пошлины следует платить: «Немцем до Иваня вымола (вымол, по Срезневскому, коса, отмель), Готом до Гелардова вымола до заднего, от Гелардова вымола *огнищаном* до Будитина вымола, Ильичанам до Матеева вымола» и т. д.

[11*] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 164. Ср.: в 1220 г. князь Всеволод поиде «со всем двором своим» (Там же. С. 212).

Огнищане живут, по этому уставу, так же обособленно, как немцы и готы, у них как будто такая же обособленная слобода, как слобода немецкая или готская. Этого не могло бы быть, если бы огнищанами назывались земские бояре, которые, конечно, владели дворами в разных частях города.

Любопытно также, что они живут в стороне рядом с другими, чуждыми Новгороду людьми, немцами и готами. Они как будто такие же пришельцы.

В одном из старых исследований об огнищанах, автор которого стоит в существе дела на совершенно фантастической точке зрения, есть две-три странички, заслуживающие внимания, об этом именно уставе о мостах. Соображая топографические известия этого устава, как он утверждает, можно «определить местожительство огнищан на Торговой, или Славянской, стороне Новгорода, в Славянском конце его, там, где летописи показывают берег, известный под именем Княжанского» [12*]. Автор оставляет «сии соображения до предбудущего случая», и потом он своих соображений не высказал. Я не занимался специально этим вопросом. Но хорошо бы, если бы кто-либо сделал эту нетрудную работу. Из летописи видно, что Княжанский берег действительно был близ того места, где жили огнищане: «А Княжанский берег да Готьский двор на горе» [13*].

Огнищане, по-видимому, действительно, жили около Княжанского берега, и это дает новое указание на близость огнищан к князьям, на то, что огнищане и в Новгороде были дружинниками.

Внимательный анализ всех известий об огнищанах приводит нас к убеждению, что огнищанами назывались княжие мужи, княжеские дружинники, люди принадлежащие к княжескому огнищу, очагу, дому.

Так именно полагал один из авторитетнейших наших историков — Соловьев. «Огнищанин должен означать человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека близкого к князю, его думца, его боярина, в переводе на наши понятия — придворного человека». Для объяснения того, почему огнищанином назывался не всякий человек, имеющий свое огнище, а только человек, принадлежащий к чужому княжескому очагу, Соловьев метко указал на такое соотношение позднейших терминов «двор» и «дворянин». Двором называлось в удельное время не огороженное при доме место, как теперь, а усадьба-дом со всеми принадлежностями и в переносном смысле все живущие в усадьбе, все люди, принадлежащие к нему и зависящие от ее владельца. Дворянами назывались не владельцы дворов, а принадле-

[12*] *Мстиславский В. В.* Огнищанин и княж муж // ЧОИДР. 1860. Кн. 4. С. 27.

[13*] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 393 (1403 г.).

жащие к чужому двору — наместников, бояр, князей. И позднее «дворянин» означало только человека, принадлежащего к великокняжескому двору [14*].

Итак, огнищане — это княжи мужи, или дружинники. Чем отличаются они юридически от других, земских людей? Они обладают одной, очень существенной для того времени, привилегией: их жизнь охраняется *повышенной вирой*. В то грубое время, когда убийства и насилия всякого рода составляли обыденное явление, эта повышенная вира являлась очень существенной привилегией.

По уставу сыновей Ярослава, за убийство огнищанина взыскивается 80 гривен, в то время как за убийство княжеского же смерда и холопа взыскивается 5 гривен, а за убийство княжеского же сельского старосты — 12 гривен.

По более древней Правде, приписываемой Ярославу, за убийство всех лиц высшего и среднего состояний (кроме, надо полагать, смердов и, само собой разумеется, холопов) назначена была одинаковая вира (в случае отказа от мести) в 40 гривен; эта вира взыскивалась одинаково и за убийство гридя — дружинника, и за мечника, и за убийство купца, и за изгоя, и вообще за русина и словенина.

Правда сыновей Ярослава, устанавливая виру в 80 гривен, называет только огнищан и приравнивает к ним тиунов и старого конюха; о других разрядах лиц она не говорит, потому что этот памятник вообще, как я уже говорил, представляет собою устав, специально касающийся лиц и имущества, близкого князьям. Для лиц других состояний в это время, надо полагать, сохранялась установившаяся издавна обычная оценка жизни в 40 гривен. Глав-

[14*] «Объяснением слова «огнищанин» служит также позднейшее — дворянин, означающее человека, принадлежащего ко двору, дому княжескому, а не имеющего свой двор или дом, следовательно и под огнищанином нет нужды разуметь человека, имеющего свое огнище» (*Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 222). Суффиксы «-анин», от «-ин, -иный» (один), кажется, всегда означали принадлежность (крестьянин, селянин, сельчанин, горожанин, полянин (Поле), древлянин и проч.) — принадлежность к городу, к селу, к Христу, к Полем. Соловьев основывался на статье Русской Правды о тиунах конюшем и огнищном (Там же. С. 222). Но это слово объясняет только значение слова «огнище». Затем он сопоставлял новгородских «огнищане, гриди» с «боляр, гридьбу» других летописей и, полагая, что боярами назывались старшие члены дружины, заключает отсюда, что огнищане также были дружинниками. Одинаково с Соловьевым считает огнищан дружинниками, и притом дружинниками старшими, М. Ф. Владимирский-Буданов, хотя он и не обосновывает своего мнения (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... С. 31). Дружинников видел в огнищанах также Костомаров; его аргументы: 1) огнищанин-княж муж по пространной Русской Правде; 2) в Русской Правде «об огнищанах говорится заурядс должностными лицами при княжеском дворе» (ст. 18 и 32 Академического списка); 3) самая высокая вира в 80 гривен; 4) «огнищане и гриди посылались в пригороды для защиты их, как военное сословие» (Новгородская I летопись, 1234 г.) (*Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 20).

ное содержание устава Ярославичей именно и заключалось в том, что они для своих княжих мужей — огнищан — установили повышенную виру, в двойном размере в сравнении с обычною 40-гривенной вирой.

В Русской Правде огнищанами называются, несомненно, княжие мужи, но какие — все, вся дружина или только старшая дружина, как думают некоторые исследователи? Для разрешения этого вопроса нам дает новую опору то разделение Русской Правды на составные части, которое я выяснил в предыдущих лекциях. Пространная Русская Правда представляет собою позднейшую компиляцию, и мы поэтому сосредоточим внимание на древнейших двух памятниках — Правде, приписываемой Ярославу, и Правде его сыновей.

Эта Правда сыновей Ярослава, установив целый ряд положений о княжеских людях разных разрядов, от холопов до огнищан и о княжеском хозяйстве, в числе привилегированных разрядов лиц называет только *огнищан, тиунов и мечников*, причем тиуны и мечники только приравниваются к огнищанам, как к ним же случайно, казуистически, приравнивается и конюх старый у стада.

Возможно ли, чтобы, очень систематично устанавливая особую виру для огнищан и тиунов, затем для княжеского сельского старосты, рядовича, смерда, холопа и рабы-кормилицы (конечно, управительницы, а не кормилицы в нашем смысле слова), возможно ли, чтобы сыновья Ярослава ни словом не упомянули во всем своем уставе о младшей дружине, или о гридях? Молчание их о гридях в перечислении вир за убийство лица можно было бы объяснить случайным пропуском. Но ведь они точно так же не говорят о гридях и устанавливая пени за муку, за истязание и опять упоминают только огнищан, тиунов и мечников.

Из этого я заключаю, что огнищанами в Правде сыновей Ярослава называются вообще княжеские дружинники, княжи мужи, как старшие, так и младшие, и что 80-гривенная вира охраняла жизнь как тех, так и других. Эта привилегия была общей для всех мужей, потому что ее основанием была власть князя, особая святость, так сказать, или неприкосновенность княжеского огнища, очага, двора князя, а вместе с тем и всех лиц, принадлежащих к этому огнищу. Установление повышенной виры для княжих мужей было одною из ступеней постепенного возвышения княжеской власти и княжеского дома, которое впоследствии дошло до того, что сделался царский двор своего рода святилищем и оскорбление величества сделалось своего рода смертным грехом, который карался сугубо жестокими казнями.

Приложение III

О ЗАКЛАДНИЧЕСТВЕ [1*]

1. Борьба с закладничеством в XVI и XVII вв. и борьба с закладом тяглых дворов

Обратимся к обзору законодательной борьбы с той формой закладничества, о которой преимущественно идет речь в этой главе,— закладничества-поселения на частновладельческой земле.

Впервые было оно воспрещено в середине XVI в. ст. 91 царского Судебника 1551 г. Статья эта в обычно цитируемой ее редакции по Строевскому списку изложена весьма сбивчиво, но смысл ее уясняется более правильным чтением, даваемым большею частью других списков; она должна читаться, по-видимому, так: «А торговым людем городским в монастырях и в монастырских городских дворах не жити; а которые торговые люди учнут жити в монастырях и тех с монастырей сводити, да и наместником их судити. А на монастырях жити нищим, которые питаются от церкви божией» [2*]. Это первое общее запрещение торговым людям закладываться за монастыри, поселяясь на монастырских белых землях и дворах. В связи с этой статьей находится ст. 59, воспрещающая закладничество церковное: «А которая вдовица питается от церкви божией, а живет своим домом, ино то суд не святительский».

В пояснение указанной статьи Судебника можно указать еще несколько частных распоряжений правительства, преследующих ту же цель и относящихся к тому же 1551 г. В XIV, XV и в первой половине XVI в. великие князья, давая монастырским дворам в городах обычные привилегии в отношении суда и налогов, обеляют эти дворы безусловно; действие жалованной обельной грамоты распространяется на всех лиц, сколько бы их монастырь ни поселил на своем дворе («кто у них имет жити в том дворе людей», или «кто в городе посадит»). Но в 1551 г. государь, подтверждая жалованные грамоты, данные ранее монастырям на городские дворы, ограничивает их действие по отношению к лицам, живущим на этих дворах; очевидно предупреждая закладничество, правительство определяет, что только одно или два лица («дворника»), живущие на этих дворах, будут впредь пользоваться привилегиями суда и дани [3*].

[1*] К главе второй II части.

[2*] См.: АИ. Т. 1. № 153, примеч. Списки Сийского монастыря и Софийской библиотеки XVI—XVII вв., № 1, 2, 11—16, 19, отчасти № 5 и 8 [132]. «В монастырях, городских дворах не жити», прочее правильно в списке канцеляриста Попова, ст. 90 (изд. Башилова, 1768).

[3*] Ср. жалованную грамоту Троицкому монастырю на дворы у Соли 1543 г. и ее подтверждение 1551 г.: «А кто у них в том их дворе, *опричь одного*

В 1584 г. указанное узаконение Судебника было подтверждено в иной терминологии и форме: запрещение направлено было против господ, принимавших закладчиков, и распространено было, кроме церковных, также и на светские земли. Во второй соборной грамоте об уничтожении тарханов сказано следующее: «И в закладчиках за собою торговых людей, с которых идут царские дани, как от священных, так и от мирских царского синклита не держати» [4*].

Поступаясь своими правами, духовный собор не забыл при этом случае и светских держателей-закладчиков — «мирских царского синклита». Мотив этого постановления указан в тех же грамотах; то, что сказано в них о крестьянах, вышедших за помещиков, должно быть отнесено и к торговым людям-закладчикам: они, вышед с посаду, «живут за тарханы во льготе и от того великая нищета прииде» торговым людям.

Более энергичная борьба с закладничеством началась после Смутного времени и неослабно велась в продолжение всего XVII в. В 1619 г. сделан был решительный шаг к прикреплению посадских людей по месту их жительства и тем самым и к уничтожению закладничества. Собор приговорил произвести перепись городов и вместе с возвращением на старые места посадских людей, переселившихся из одного города в другой, возвратить в посады всех «заложившихся за бояр, за монастыри и за всяких людей, и отдать их на крепкие поруки с записьми» во избежание нового их выхода из посада. Вместе с тем с лиц, державших за собою закладчиков, велено было взыскать недоимки, накопившиеся на этих последних со времени выхода их из тягла [5*].

Через двадцать лет было сделано новое распоряжение о закладчиках, опять строгое по отношению к патронам. Указом 12 сентября 1638 г. поручен был князю П. А. Репнину и дьяку Мине Грязеву общий сыск и возвращение лиц, заложившихся со времени воцарения Михаила Федоровича. В указе этом не говорилось о взыскании недоимок беглых посадских с господ, но повелено было «хоромы, которые они ставили, живучи за теми людь-

человека дворника, учнет жити, и тем людем всякие подати давать с черными людьми ровно и волостели их Ряполовские и тиуны судят, как иных черных людей» (ААЭ. Т. 1. № 200). Привилегии распространяются только на двух дворников в подтверждениях (1551 г.) жалованных грамот 1534 г. на Троицкие осадные дворы в Суздале и Костроме и двор в Дмитрове (ААЭ. Т. 1. № 179; *Федотов-Чеховский А. А.* Указ. соч. Т. 1. № 43. С. 45). Удельный князь Владимир Андреевич не решается, однако, на такую меру (ААЭ. Т. 1. № 273—1566 г.).

4* СГГД. Т. 1. № 202. С. 595. В соборном приговоре о тарханах 1580 г. этой статьи о закладчиках нет (Там же. № 200).

5* Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 613 (1619 г.). Окружные грамоты об этом соборном постановлении в Новгород и в Галич см.: СГГД. Т. 3. № 47; ААЭ. Т. 3. № 105. О том же в Устюжну, 1623 г. см.: ААЭ. Т. 3. № 141.

ми, отдавать с месты и с животы им закладчиком» [6*]. Возвращенные в посад тяглецы строились на посаде под надзором особых «свозчиков», которые жили по городам в течение трех лет: тех из закладчиков, которые не нашли себе «поручников в житье и в дворовом строении», сажали в тюрьму. В 1642 г. сидевшие в тюрьмах закладчики были выпущены с угрозой большого наказания и ссылки в Сибирь, если они «сбегут и жить и строиться не учнут» [7*].

Особою строгостью отличаются постановления Уложения 1649 г. о закладничестве, выработанные на соборе по челобитьям посадских и служилых людей. Закладывавшимся посадским грозил, по этому Уложению, кнут и ссылка в Сибирь на Лену; лиц, принимавших за себя закладчиков, ждала великая опала и конфискация тех земель, на которых они поселятся. Отчасти для пресечения закладничества в корне принята была решительная мера — отписка на государя частновладельческих слобод и деревень, «стоявших в ряд с посады» [8*]. Против закладничества косвенным образом направлена была и статья Уложения о дворничестве. Уложение приказывает господам держать на загородных дворах и огородах холопов и только в случае неимения людей разрешает держать в дворниках по одному крестьянину или бобылю на дворе. Все лишние дворники, даже крестьяне, записанные за вотчинниками в писцовых книгах, тем более дворники-закладчики, берутся в тягло [9*].

Но указанные угрозы Уложения не остановили бегства посадских людей от непосильного тягла на частновладельческие земли, под оборону беломестцев. Они к тому же, по-видимому, не исполнялись. При массовом движении посадских людей в закладчики наказание лиц, провинившихся в этом, ссылкою на Лену шло бы вразрез с целью, поставленной Уложением,— возвращением посадских на старые их места. В 1667 г. правительство не применяло этих наказаний даже к рецидивистам-закладчикам, отписанным на прежние тяглые места и вновь вышедшим за беломестцев, и ограничивалось вторичным возвращением в посад таких «отписных» закладчиков [10*].

В 80-х годах в политике московского правительства, относившейся к борьбе с выходом земли и людей из тягла, замечается некоторое колебание. Правительство как бы убеждается в своем

6* Этот указ приведен в царской грамоте к воеводе суздальскому 1638 г. (ААЭ. Т. 3. № 279).

7* Этот указ 11 апреля 1642 г. в грамоте суздальскому губному старосте см.: Там же. № 311.

8* Соборное Уложение. Ст. 7—9, 13. Гл. XIX. Челобитья и особые указы по ним 13, 25 ноября, 18 декабря 1648 г. см.: ААЭ. Т. 4. № 32. Царская грамота во Владимир об исполнении постановлений Уложения см.: АИ. Т. 4. № 29.

9* Соборное Уложение. Ст. 14. Гл. XIX.

10* Указ свияжскому воеводе (ААЭ. Т. 4. № 158).

бессилии искоренить личное закладничество путем возвращения беглых посадских в места их приписки и закладничество тяглой земли путем конфискации ее у беломестцев. Главные усилия направляются теперь на привлечение в тягло беломестцев вместе с лицами, за них заложившимися. Землю, перешедшую в руки беломестцев, правительство оставляет за ними под условием платить с нее тягло [11*]. Точно так же указами 1688—1693 гг. правительство предписывает воеводам некоторых городов (Новгорода, Ярославля, Вологды) оставлять «помещиковых, вотчинниковых, властелинских и монастырских закладчиков, крестьян, бобылей и захребетников», пришедших сюда из других городов с 1649 по 1684 г., на новых местах поселения с обязательством «службы служить и тягло всякое платить с городскими посадскими людьми в ряд» [12*].

Но правительство не могло, конечно, совершенно отказаться от возвращения беглых. В 1698 г. воеводе одного из только что указанных городов (Ярославля) приказано было «учинить заказ крепкой», чтоб никто не принимал и не держал беглых служилых и тяглых людей, и велено было отсылать таких беглых в их города с приставами [13*]. Борьба с закладничеством посадских людей продолжается до царствования Петра Великого. В 1714 г. им издан был указ, повторяющий прежние распоряжения о закладчиках. Указ этот говорит, что многие купецкие люди, «вышед из слобод и отбывая податей и уклоняясь от служеб», живут на загородных дворах у беломестцев, и повелевает таких людей с тех дворов вернуть назад в слободы [14*].

Проследив узаконения о закладчиках, я остановлюсь теперь на узаконениях о закладе тяглых дворов, чтобы путем сравнения тех и других выяснить, что личное закладничество не имело никакой прямой связи с закладом дворов вопреки мнению некоторых новейших исследователей. В некоторых сочинениях, касающихся закладничества, мы находим не только тесное сближение «личного

[11*] *Неволин К. А.* Указ. соч. Т. II. § 314. С. 267.

[12*] АИ. Т. 5. № 226. Грамота новгородскому воеводе 1693 г., ноября 8; в тексте ее излагаются указ в Ярославль, 7197 (1689) г., октября 12 и в Вологду 7197 г., 11 июля о том же, по челобитью земского старосты и всех посадских людей. Любопытно, что по указам 7197 г. не возвращаются помещикам даже их беглые крестьяне, вышедшие по 7193 г. (!); «В исках помещикам отказывать для того, что они не были нам челом многие годы» (Восстановление урочных лет).

[13*] Наказ ярославскому воеводе С. Д. Траханиотову об управлении казенными и земскими делами, 13 октября 1698 г. // ПСЗ. Собр. I. Т. II. С. 488.

[14*] Именной указ о запрещении московских слобод и приезжающим из городов купецким людям селиться в московских и загородных дворах и об оставлении их в слободах по-прежнему, 9 апреля 1714 г. // ПСЗ. Собр. I. Т. V. С. 69. См. также: *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петербургского университета. 1897. Ч. 42 С. 126, 127.

заклада» (как обыкновенно определяют закладничество) с закладом недвижимостей, но и полное смешение весьма различных по содержанию узаконений, относящихся к этим двум явлениям. Так, А. С. Лаппо-Данилевский говорит следующее: «Личный заклад мог замениться реальным, если заемщик представлял кредитору в виде обеспечения свою движимую или недвижимую собственность; в таком случае личный риск сменялся имущественной ответственностью». На дальнейших страницах книги названного автора, посвященных закладничеству — личному закладу, речь идет исключительно о реальном закладе тяглых дворов беломестцам: в примечаниях указываются безразлично узаконения как о «закладчиках», так и о закладе дворов. Словом «закладчик» А. С. Лаппо-Данилевский, подобно Неволину[15*], обозначает залогодателей, лиц, закладывавших свои дворы[16*]. П. Н. Милюков со своей стороны в известной обстоятельной рецензии на книгу г-на Лаппо-Данилевского не сделал никаких замечаний на указанные рассуждения последнего; он указал лишь на более последовательный вывод из его фактического изложения, оставив в стороне личный залог, и определил закладничество исключительно как заклад реальный. «Закладничество,— говорит г-н Милюков,— т. е. залог и отчуждение недвижимого имущества, представляется выходом из тягла в том случае, если тяглый участок переходит по закладной к беломестцу»[17*].

Грамоты, цитированные мною ранее, никоим образом не допускают такого смешения закладничества с закладом недвижимостей; оно возникло в XVII в., как я говорил, из поселения лица на частновладельческой земле и не имело никакой связи с закладом тяглых дворов. С замечательной последовательностью все главнейшие узаконения называют лиц, закладывавших свои дворы, *заимщиками*, отличая их тем от *закладчиков*[18*].

Узаконения, касающиеся заклада тяглых участков, замечу далее, составляют особый ряд распоряжений, параллельный распоряжениям о личном закладничестве. Заклад тяглых дворов одновременно с продажей и другими способами отчуждения их в руки беломестцев воспрещен был в 1621 г.; затем, в 1634 г., указано было бить кнутом тяглых людей за заклад и продажу дворов беломестцам[19*]. Наказание за закладничество определено было впервые в Уложении 1649 г., и притом сразу более суровое: кнут и ссылка на Лену одновременно. За заклад же дворов беломест-

[15*] *Неволин К. А.* Указ. соч. Т. II. § 314.
[16*] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 150—157.
[17*] *Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 88.
[18*] См. выше, § 67.
[19*] АИ. Т. 3. № 92, IX, XXV.

цам посадские, по Уложению, наказывались по-прежнему только торговою казнью, без ссылки в Сибирь. За прием на свои земли закладчиков вотчинникам грозила великая опала и конфискация земель; за приобретение же тяглых дворов по купчим и закладным беломестцы наказывались только безденежным возвращением дворов в сотни. При этом личное закладничество воспрещается безусловно; заклад же дворов, собственно говоря, не преследуется; строго воспрещается лишь *отчуждение* тяглых дворов в руки беломестцев или их людей и крестьян по просроченным закладным [20*].

То личное закладничество, о котором говорят специально ему посвященные узаконения, не имело, таким образом, никакой связи со сделками заклада тяглых участков. Правительственные акты под закладчиками разумеют лиц, уходящих из посада на частновладельческие земли, а не лиц, заложивших самих себя вместе со своими дворами, как думают некоторые исследователи. Заклад двора не был связан с переходом лица, дворовладельца, во власть залогопринимателя. Продав свой двор или заложив и просрочив, посадский человек обыкновенно не оставался жить на этом дворе в качестве зависимого лица от нового дворовладельца. По свидетельству челобитной (1635 г.[21*]), на дворах и дворовых местах, заложенных и перешедших в собственность беломестцев, «живут и строятся всяких чинов люди... а те люди, которые закладывают, из сотен, из слобод и из тягла бредут розно» [22*].

20* Ср.: Соборное Уложение. Гл. XIX. Ст. 13, 16, 39. Дальнейшие узаконения о закладе дворов обстоятельно изложены Неволиным. Н. Загоскин проверил все ссылки Неволина (*Загоскин Н. П.* О праве владения городскими дворами в Московском государстве // Изв. Казан. ун-та. 1877. Т. XIII. С. 52—58).

21* Уставная книга земского приказа. № XXIII // АИ. Т. 3. № 92.

22* Я упоминал выше, что исследователи, видящие в закладничестве личный заклад, не указывают в подтверждение своего мнения никаких источников. А. С. Лаппо-Данилевский, утверждая, что закладничество было «обеспечением займа личною службой», ссылается единственно на служилую кабалу 1596 г. (АЮ. № 252) и на «Акты гражданской расправы» Федотова-Чеховского (№ 25, 75, 91), в которых, между прочим, читаем: «А заложил ту деревню дед мой Микита, а за рост было им (залогопринимателям) та деревня пахати» (Там же. С. 24). В этих актах можно найти только указания на заклад-отчуждение пожень и деревень... (Закладные кабалы на недвижимости см.: Там же. № 75, 91, 116, 121. С. 221, 212, 256 и др.). Точно так же, как указание на эти акты, для меня не вполне понятна и ссылка А. С. Лаппо-Данилевского (Указ. соч. С. 150, примеч. 3) на грамоту о закладе полдеревни, напечатанную Н. Румовским (*Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. С. 107, № 4). Эта грамота (1543 г.) очень интересна по сложности сделки, хотя не имеет никакого отношения к личному закладничеству: некто Мороз закладывает свою деревню Исаю Теребину на 20 лет и одновременно передает свое правo собственности на нее (дает ее на вклад) попам собора. (Она любопытна тем, что окончательно уясняет значение слова *закуп* в XVI в.: в ней этим словом обозначается *заклад*, а самая грамота называется одними из подписавших ее лиц *закладной*, а другими — *закупной*.)

2. *Закладные люди*

Оспаривая обычное понимание закладничества как личного заклада, я, однако, отнюдь не утверждаю, что личный заклад-залог был вообще чужд русским людям в XVI—XVII вв. Сделки займа с залогом лица, несомненно, были очень распространены в указанное время, и для них выработаны были особые формы актов.

В XVI в. состояние личного заклада определялось «служилой кабалой». Должник по такой кабале, в первоначальной ее форме, обязывался служить во дворе кредитора до уплаты долга, делаясь зависимым от него лицом, и, таким образом, как говорят о закладчиках, именно обеспечивал уплату займа личным закладом, отдавая в залог свою свободу. Указом 1597 г. такие сделки личного заклада были превращены в сделки самопродажи в холопство до смерти господина.

Но старый институт вопреки закону вновь возрождается в XVII в. «Когда служилая кабала,— замечает проф. Ключевский,— утратила характер заемного служилого обязательства, для таких обязательств выработался особый род крепостей, получивших название *жилых* или *житейских* записей» [23*]. Один вид таких жилых записей был, по-видимому, совершенно тожествен с древнейшей служилой кабалой: это «*записи за рост служити*», о которых упоминает Уложение [24*]. От земных жилых записей с обязательством службы за рост не отличаются *ссудные жилые записи*. Беспроцентная ссуда не может быть отличаема от того займа, проценты с коего погашаются работой; в обоих случаях заемщик одинаково служит кредитору до уплаты долга, называет ли он или нет свою работу «службой за рост», и одинаково освобождается от обязательства с уплатой полученных денег, как он их ни называет — ссудой или займом [25*]. Заемные и ссудные жилые записи XVII в. так же, как служилые кабалы XVI в., можно рассматривать как сделки личного заклада. В одной из заемных кабал заемщик прямо заявляет, что он обязуется жить и служить во дворе кредитора до расплаты *вместо поруки*, взамен какого-либо другого обеспечения долга [26*].

Один род *наемных* записей также ставил наймитов в положение, фактически не отличавшееся от состояния личного заклада: это *заживные* жилые записи. Они должны быть отнесены к до-

[23*] *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России // Русская Мысль. 1885. № 8. С. 30 [133].

[24*] Соборное Уложение. Ст. 39. Гл. XX; Ст. 116. Гл. XX («житейские записи»); Ст. 43 (по-видимому, о фиктивных «записях с написанными в них на человека заемными деньгами»).

[25*] В жилых записях стирается то отличие беспроцентной ссуды от процентного займа, на котором напрасно настаивает Н. Н. Дебольский (*Дебольский Н. Н.* К вопросу о прикреплении владельческих крестьян // ЖМНП. 1895. № 11).

[26*] АЮБ. Т. 2. № 127, XX (1694 г.).

говорам найма, так как в них включалось определение сторонами цены найма, рядной платы и срок сделки. Но наймит по такой записи получал рядную плату вперед за несколько лет и обязывался работать на господина «в зажив». Плата, полученная вперед, за 10—15 лет, составляла значительную сумму денег и надолго ставила наймита в положение неоплатного должника, закрепощенного господину непогашенным займом. Беляев [27*] справедливо относит таких людей, «в которых характер должников соединялся с характером наймитов», к разряду «полусвободных людей». В XVII в. наемную плату, взятую за несколько лет вперед, нередко рассматривали как заем, который погашается работой, и записи указанного характера называли «заемными жилыми записями или кабалами» [28*]. В то время сделки этого рода сближали также с личным закладом: в переписных книгах города Вятки упоминаются «закладные срочные работники» и «срочные работники, живущие по закладной записи» [29*].

Существенный признак всех этих жилых или житейских записей, заемных, ссудных и заживных, который позволяет нам видеть в них договор личного заклада, заключается в обязательстве должника до уплаты или погашения долга работой жить во дворе господина и при этом обыкновенно «всякую работу работать» и «господина, жену и детей его слушать и почитать».

Уложение вполне признает всякие сделки такого рода [30*]; оно ограничивает только составление жилых записей на тяглых людей. Захребетники тяглых людей (их дети, братья и племянники) могли давать на себя жилые записи нетяглым людям только на пять лет [31*]. Крестьяне и бобыли могут «наймоватися в работу по

27* *Беляев И. Д.* Законы и акты о крепостном состоянии в древней России // Архив исторических и практических сведений. 1859. Кн. 2. С. 102.

28* АЮБ. Т. 2. № 127, XIX (М. Дмитриев обязуется за занятых 30 руб. работать 8 лет с женой — 1697 г.); *Беляев И. Д.* Законы и акты... (заемная жилая запись 1686 г.). Ср.: Архив исторических и практических сведений... 1859. Кн. I. С. 89—90. В одной «служилой записи» человек обязуется работать 15 лет за «взятые» деньги (АЮБ. Т. 2, № 127, XV—1686 г.).

29* Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII ст. М., 1887. С. 44, 120 (Перепись 1678 г. и Сказки города Хлынова 1721 г.).

30* Соборное Уложение. Гл. XX. Ст. 44.

31* Там же. Гл. XX. Ст. 116. Тяглым людям, надо полагать, совсем нельзя было, по закону, давать на себя жилых записей, потому что они таким путем выходили бы из тягла — «живут по наемным жилым записям в работе, в наймах, а не в тягле» (Именной указ о учинении ежегодной переписи посадским и пришлым людям, с показанием в переписных книгах, по какому виду кто у кого живет, 24 июня 1693 г. // ПСЗ. Собр. I. Т. III. № 1471. С. 159). Определение жилой записи, даваемое А. С. Лаппо-Данилевским, представляется мне не вполне правильным. «Жилецкая запись,— говорит он,— как известно (?), отличалась от служилой кабалы тем, что имела юридическое значение на небольшой произвольный промежуток времени, ограниченный в Уложении пятью годами (?), не сохраняла, следовательно, подобно второй; значения до смерти господина и иног-

записям и без записей», но на них нельзя брать «жилых и ссудных записей», равно как и служилых кабал [32*].

Наконец, в XVII в. был в обычае и *личный залог* не по существу только, но и по форме сделки. Но люди, заложившие самих себя или заложенные другими, назывались не закладчиками, а *закладными людьми*, и акт заклада лица закреплялся закладной кабалой. Сделки этого рода распространены были, как кажется, исключительно на татарском Востоке, в Поволжье и в Сибири. О закладных людях — заимщиках, крещеных и некрещеных, живших в закладех по закладным кабалам,— говорят вполне определенно только наказы воеводам поволжской области, в города Астрахань, Черноярск и Уфу [33*], отчасти также и грамоты, относящиеся к Сибири. Татары и другие инородцы закладывали как самих себя, так и своих жен и детей; под влиянием татар сделки этого рода вошли в употребление и среди местного русского населения. В центральной России сделки заклада людей, если только они совершались [34*], были мало распространены. Патриарх Филарет в грамоте к сибирскому архиерею говорит о случаях «заклада в деньгах на сроки» сибирскими служилыми людьми своих жен со всеми связанными с таким закладом безнравственными последствиями как о необычном на Руси явлении, свидетельствующем об особом развращении нравов в Сибири [35*].

У сторонников обычного взгляда на закладничество может явиться мысль, что «закладные люди» — это те же «закладчики», другое восточное название одних и тех же заложенных людей. По отношению к закладным людям мы находим в грамотах прямые указания на сделки займа с залогом лица; отожествление таких людей с «закладчиками» могло бы дать единственный веский аргумент в пользу оспариваемого мною понимания закладничества. Неволин в подтверждение своего мнения о закладчиках как о должниках, обеспечивавших заем своею свободой, ссылается безразлично на грамоты, упоминающие о закладчиках и о закладных людях [36*]. Но, как мы сейчас увидим, акты отнюдь не допускают смешения этих двух различных разрядов лиц.

Наказ окольничему князю Львову, назначенному воеводой в Казань в 1697 г., содержит инструкции об отношении воеводы как

да осложнялась выдачею ссуды, погашаемой временною службой» (*Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 148). В ст. 44 гл. XX признаются всякие записи и «по живот», и на урочные лета.

32* Соборное Уложение. Гл. XI. Ст. 32.

33* АИ. Т. 3. № 213 (1640 г.); Т. 4. № 181 (1665 г.); ПСЗ. Т. III. № 1579 (1697 г.); Т. IV. № 1792 (1700 г.).

34* Олеарий [134] говорит только о случаях заклада несостоятельными должниками своих детей. См.: *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России. С. 34.

35* СГГД. Т. 3. № 60. С. 246 (1622 г.). Известная закладная кабала на жену 1679 г. (АЮБ. № 126, XIII) написана была также на востоке ясачным якутом.

36* *Неволин К. А.* Указ. соч. § 445. Примеч. 610.

к закладным людям, так и к закладчикам. Ст. 22 наказа, относящаяся к закладным людям, существенным образом отличается как по своей терминологии, так и по содержанию от ст. 23, говорящей о закладчиках. «В Казани ж велеть учинить заказ крепкой и бирючом кликати по многие дни,— гласит первая из этих статей,— чтоб казанские всяких чинов люди... всяких чинов русских людей и вотяков и чуваши и черемисы и их жен и детей... и никаких угодьев, ни в каких долгех в заклад к себе не имали и ни в какие крепости не писали никоторыми делы. А буде кто учнет каких всяких чинов людей в какие закладные записи или в кабалы, или в иные какие крепости писать, и тех и их жен и детей к себе в заклад имать, и тем людем. кто так учинит, за то от великого государя быть в *смертной казни. А закладные записи* и заемные кабалы и всякие крепости отдавать тем заимщиком безденежно... А которые всяких чинов люди *крещеные* и *некрещеные*, а наперед сего жили и живут в закладех у всяких чинов людей: и тем людем велеть жить в тяглех и в ясаках по прежнему и денег... по всяким крепостям *заимщиком* платить им не велено, а истцом в тех деньгах отказывать и крепости всякие у всяких людей на *закладных* людей имать в приказную палату».

Следующая статья, 23-я, содержит постановления о закладчиках; здесь нет ни одного упоминания о закладе-залоге и о закладных кабалах. «А которые буде казанские и казанских пригородов и иных городов *пришлые* торговые и ремесленные люди ныне *живут* в Казани, и в казанских пригородех, и в селех, и на посадех, и в слободах *за кем в закладчиках*... и тем всем закладчиком *в закладчиках быть* не велеть, а велеть тем всем закладчиком государевы всякие подати платить и службу служить с посадскими людьми вместе... А будет из-за кого возьмутся закладчики и впредь тех будут принимать, или те будут *закладываться*, или за сим указом кто примет, чинить наказанье, *бить кнутом*, и те годы, которые в тех прогулках подати не взяты, имать на тех, кто за указом сверх наказанья имал» [37*].

Эта длинная выписка необходима; она разъясняет сразу очень многое. Сравнение текста этих двух статей показывает, что в XVII в. строго отличали закладчиков от закладных людей. Если «закладными людьми», как ясно видно из этого наказа, назывались действительно люди, заложившие самих себя или заложенные, то термины «жить в закладчиках» и «закладываться», несомненно, обозначали отношения какого-то совсем иного порядка. Какого именно — об этом раньше шла у нас речь. По отношению к залогу лица, укреплявшемуся закладной крепостью, правительство, естественно, обращает главное внимание на уничтожение силы таких крепостей, объявляет их недействитель-

[37*] ПСЗ. Т. III. № 1579 (31 марта 1697 г.). С. 289, 290. Те же «закладные крепости» и «закладные люди заимщики» см.: АИ. Т. 3. № 213 и др.

ными и приказывает закладные записи отбирать в приказную палату. Вторая статья, относящаяся к закладчикам, не говорит ни слова о таких крепостях — точно так же, как и все другие узаконения о закладничестве; «закладчики» в противоположность закладным людям не названы ни разу заимщиками. Самые наказания, установленные за нарушение этих двух различных узаконений, существенно отличаются одно от другого. За держание «закладчиков» виновные наказуются кнутом, за держание же закладных людей-заимщиков — гораздо строже, смертною казнью.

Весь ход законодательства о закладе людей совершенно отличен от законов, касающихся закладчиков — задавшихся людей. Во время наиболее строгих постановлений о закладничестве-патронате (рассмотренных выше), в 40-х годах, правительство боролось с залогом лиц единственно путем признания недействительными закладных кабал на «крещеных и некрещеных людей». В 1678 г. правительство грозило господам, виновным в приеме людей в залог, «великим наказаньем», не определяя еще самого наказания.

Чрезмерно строгая кара за держание закладных людей, установленная в последнем десятилетии, объясняется тем, что закабаление инородцев не было следствием сознательной сделки двух сторон, как на Руси, при самопродаже в рабство или служилую кабалу, но нередко было результатом невежества инородцев и обманной эксплуатации их пришлым, русским, более культурным населением. Многие закладные кабалы «объявлялись нарядные и иные в посулах». Такое искусственное закабаление инородцев, обратившее на себя особенное внимание московского правительства конца XVII в.[38*], замечалось и в следующем столетии[39*], оно наблюдается и до сих пор повсюду, где пришлое торговое и промышленное население сталкивается с местным, стоящим на значительно низшей степени культуры[40*].

[38*] В XVII в. в Сибири оно еще не привлекало такого внимания правительства. Одновременно с наказом казанскому воеводе были написаны в том же 1697 г. два обширных наказа по 40 страниц воеводам в Тобольск и Верхотурье; в них нет указанных постановлений о закладных людях, но заемные кабалы и здесь должны были быть возвращаемы безденежно должникам (ПСЗ. Т. III. № 1594, 1595). В 1678 г. правительство приказало писцам сыскивать в Сибири «угодья и люди купленые, закладные и вкладу даваны» (АИ. Т. 5. № 32. С. 50).

[39*] См.: Высочайше утвержденный доклад Сената о жалованье и должности определяемых священнослужителей к новокрещенам и иноверцам; о даче сим последним льготы от податей; о суммах на содержание школ и чиновников, обретающихся в тех местах, где оные иноверцы жительство имеют, 28 сентября 1743 г.//ПСЗ. Собр. 1. Т. XI. № 8792, п. 6. С. 917 (донесение о Казанской губернии).

[40*] Современный наблюдатель об искусственно поддерживаемой русскими задолженности самоедов Архангельской губернии, превращающейся в настоящую кабалу: *Танфильев Г. И.* По тундрам тиманских самоедов летом

3. *Литература о закладничестве*

А. С 20-х годов до наших дней почти все авторитетные историки утверждают один вслед за другим, что закладничество есть денежная сделка, личный заклад, обеспечение долга личной свободой должника. Первенство в выражении этого взгляда на закладничество принадлежит Карамзину. Соглашение о закладнях одного из договоров Новгорода с тверским князем он перевел так: «Княгиня, бояре и дворяне твои (князя) не должны брать людей в залог по долгам, ни купцов, ни землевладельцев» [41*]. Точно так же понял статью договорных грамот о недержании закладней проф. Рейц (1828 г.). «Князья,— говорит он,— в договорах между собой и с Новгородом часто взаимно установляли не держать городских жителей по закладным контрактам»; закладни, утверждает далее Рейц,— это люди, которые «при займах давали в залог свою свободу» [42*].

С таким определением интересующего нас института совершенно согласны и историки права 50-х годов: Неволин, Мейер и Чичерин. Проф. Неволин первым отожествил закладников с закупами и кабальными холопами. Говоря о «займе, обеспеченном личною свободою должника», он утверждает, что в Русской Правде заемщики этого рода называются «закупами» — словом, обозначавшим прежде вообще залог или заклад; позднее встречается для них заимствованное отсюда наименование закладчиков или закладней [43*]. Еще теснее сближает указанные три института проф. Чичерин: по его мнению, исчезнувшее с течением времени слово «закуп» заменяется названием «закладня», которое, «в свою очередь, превращается в название кабального холопа» [44*]. На тожество закладней с закупами (заложившимися людьми) одновременно с Чичериным указал проф. Мейер в специальном трактате о древнерусском праве залога [45*], позднее г-н Победоносцев [46*]; в последнее время ту же мысль развил проф. Ключев-

1892 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1894. Т. 30, вып. 1. С. 39, 40. Так же закабаляют менее их культурных орочонов китайцы в Уссурийском крае: *Надаров И.* Северно-Уссурийский край. СПб., 1887. С. 124.

41* *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1818. Т. IV. Гл. 3 (1264 г.).

42* *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов, изд. Ф. Морошкиным. М. 1836. § 35, 53. С. 137, 194. То же см.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СП., 1847 («закладень — тот, кто закладывал себя по кабале»).

43* *Неволин К. А.* Указ. соч. Т. III, § 445. С. 149, 150.

44* *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 154.

45* *Мейер Д. И.* Древнее русское право залога // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. Казань, 1855. С. 226. Одновременно с Мейером в 1855 г. ту же мысль высказал Ф. Устрялов (*Устрялов Ф.* Исследование Псковской судной грамоты. СПб., 1855. С. 50—51).

46* В закупничестве, закладничестве и кабальном холопстве «вещное обеспечение заменяется обеспечением свободой и личность должника уподобляет-

ский[47*], по мнению которого закладничество так же, как закупничество, есть «временная и условная зависимость, основанная на долговом обязательстве»[48*].

Все только что упомянутые исследователи, за исключением Мейера, определяя закладничество как личный залог, имеют в виду только закладней или закладников удельного времени. Неволин прямо утверждает, что «в московский период заем с обеспечением его личною свободою должника сохранялся *только* в виде вступления в услужение на правилах кабального холопства». От закладней, закладывавших свою свободу, он отличает позднейших «закладчиков», в которых видит людей, закладывавших недвижимости[49*]. Разница между древнейшим и позднейшим закладничеством ускользнула от внимания Мейера; он не отличает закладней от закладчиков, а этим последним термином обозначает как личный, так и реальный заклад[50*]. В трудах новейших исследователей мы находим то же смешение этих различных явлений при определении закладничества. Проф. Сергеевич отрицает связь между закладниками и закупами-наймитами, но, характеризуя этот институт, он пользуется безразлично грамотами XIII и XVII в. и полагает, что слово «закладень» обозначает как «человека, служащего обеспечением долга», так и «заложенную недвижимость, землю»[51*]. Наконец, последний по времени исследователь разбираемого вопроса, А. С. Лаппо-Данилевский, обстоятельно изучивший многие стороны внутренней жизни Московского государства, под термином «закладчики» разумеет как лиц, заложивших самих себя, так и лиц, заложивших свои дворы[52*].

Иного взгляда на закладничество держался Соловьев. Наш замечательнейший историк придал этому институту важное зна-

ся вещи» (*Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. 2-е изд. СПб., 1873. Ч. 1. С. 518, § 69).

47* *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России. С. 12, 14.

48* Излагая обычный взгляд на закладней, Костомаров сделал в нем явно ошибочную поправку: он видит в закладниках специальное новгородское явление, «то же, что впоследствии в Московщине называлось кабальные», хотя, прибавляет он, «неизвестно, в подобном ли образе жизни находились они в Новгороде, как в Москве» (*Костомаров Н. И.* Указ. соч. Т. II. С. 32). Костомаров забывает при этом, что о закладнях говорят не одни только новгородские грамоты.

49* *Неволин К. А.* Указ. соч. § 445, 450 (о закладе дворов).

50* *Мейер Д. И.* Указ. соч. С. 227, 242, 243. А. Д. Градовский не поясняет, как он понимает древний термин «закладчики», хотя часто пользуется этим словом (*Градовский А. Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 159, 161 и др.). То же см.: *Дитятин И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1.

51* *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 269.

52* *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 158. См. также § 11. Обычное мнение в довольно неопределенной формулировке занесено г-ном В. Ст.[135] и на страницы Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (Т. 23. С. 169).

чение и особенный интерес как типичному явлению древней жизни, общему всем народам на известной ступени общественного развития. Позднейшие историки не только не приняли его мнения, но и не обратили на него никакого внимания. Причина этого заключается, быть может, в том, что Соловьев высказал свой взгляд на русское закладничество мимоходом, не указав в подтверждение его ни одного свидетельства источников. В «Истории России...» он говорит о закладниках немного, указывает на отличие их от людей несвободных («лица, которые на известных условиях заложились за другого, остаются людьми свободными, хотя и несамостоятельными, зависимыми») и затем замечает: «Во все продолжение древней русской истории мы видим стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особыми правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность. Стремление это мы видим и в других европейских государствах в средние века» [53*]. Комментарий к этим словам находим в замечательной статье «Наблюдения над исторической жизнью народов». Здесь Соловьев говорит о западном феодализме, пользуясь соответствующими древними русскими терминами. Слово «закладываться» он употребляет в смысле «отдаваться под чье-либо покровительство». В средние века, читаем в упомянутой статье, «господствует первичная форма частного союза для защиты, форма закладничества или феодализма... господствует закладничество в разных видах, смотря по тому, каково значение захребетника или клиента... Подле первоначальной формы, подле естественного кровного союза (рода) с самых ранних пор замечаем уже другие формы союза, союза искусственного в противоположность кровному. Это союз закладничества, заключаемый под разными видами и разными условиями, от захребетничества и соседства до холопства, но во всех видах имеющий одну отличительную черту; слабый ищет покровительства сильного, причем лишается известной доли своих личных и имущественных прав, иногда всех личных прав... Это явление не есть национальное, не принадлежит какому-нибудь одному времени; но общее народам в разные времена» — во времена слабости государственной власти [54*]. На русских окраинах, в Малороссии, как указывает Соловьев, закладничество сущест-

[53*] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1893. Т. 4, кн. I. С. 1214, 1215. Ср.: Там же. Т. 13, кн. III. С. 656, 703; Т. 26, кн. VI. С. 33.

[54*] *Соловьев С. М.* Наблюдения над исторической жизнью народов (1873 г.) // Соч. СПб., 1882. С. 485, 512; ср. с. 454, 513. То же в статье «Начала русской земли» (Там же. С. 19). Ср.: «западноевропейское формальное закладничество или вассальство» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 26, кн. VI. С. 126).

вовало еще во второй половине XVIII в.; русские «захребетники» (закладники) назывались здесь *подсоседками* [55*].

В настоящую минуту я не буду останавливаться на разборе некоторых частностей изложенного взгляда Соловьева на русское закладничество [56*]; я отмечу только сущность этого взгляда, которая представляется мне вполне правильной: закладничество было не сделкой залога лица, но добровольным подчинением одного лица другому, более сильному, с целью снискания защиты, покровительства господина. Закладень и закладчик был не заложенным человеком, закупом или кабальным холопом; он был клиентом господина-патрона.

За такое понимание закладничества высказался вполне определенно один только Соловьев. Но по случайным замечаниям некоторых других исследователей видно, что самостоятельное изучение источников приводило их, независимо от Соловьева, к тому же решению занимающего нас вопроса. Так, князь Щербатов [136] в конце прошлого века (1774 г.), пересказывая новгородские договорные грамоты, напал на верное понимание слова «закладываться». Статью о закладнях договора 1315 г.[57*] он передает так: «Которые же новгородцы или села или волости, во время сего смущения (замятня), заложили(сь) князю, то есть предалися ему в вечное и неограниченное подданство...» Другая договорная грамота говорит о закладнях, которые «позоровали к князю»; Щербатов переводит ее: закладчиков, кои «в подданство обязались» князю [58*].

К числу противников обычного взгляда на закладничество принадлежит, как кажется, и такой знаток русской истории, как проф. Беляев. К сожалению, ни в одной из своих многочисленных работ, насколько я знаю, он не останавливался долго на этом институте. Беляев нередко пользовался терминами «закладень» и

55* Там же. С. 39, 31. Ср.: Там же. Т. 20, кн. V. Гл. IV. С. 1525.

56* Клиентом можно назвать закладчика, но не захребетника; захребетники «жили за чужим тяглом» равного им по положению посадского человека или крестьянина, не будучи зависимыми от домохозяина-тяглеца (Ср.: *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 496). Малороссийские подсоседки, далее, не все были захребетниками в указанном смысле (казачьи подсоседки); большинство их было, наоборот, закладчиками — подсоседки державские (владельческие). Ср.: *Лазаревский А.* Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783). Чернигов ,1866. С. 99, 100..

57* СГГД. Т. 1. № 11. В этом издании указанный договор ошибочно отнесен к 1317 г. (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. Примеч. 441).

58* СГГД. Т. 1. № 4 (1295 г.); *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. III. С. 494, 498. Десятью страницами раньше Щербатов, однако, высказывает другое, не согласованное с указанным в тексте мнение о закладнях. Новгородцы, говорит он, запрещают князьям «принимать закладников новгородских, т. е. чтобы ничего в заклад от подданных Новгорода не брать» (?) (Там же. С. 486).

«закладываться», не разъясняя, как он их понимает[59*]; но из книги «Крестьяне на Руси» видно, что он не придавал этим словам обычного ошибочного смысла. Свидетельством «важных побуждений к поселению на частновладельческих землях,— читаем в упомянутой книге,— служат многие грамоты и другие официальные акты, в которых мы часто встречаем указания, что не только жители сел и деревень, но и горожане охотно *закладывались за богатые и сильные монастыри* и за бояр именно с целью пользоваться защитой и покровительством». Для пояснения этого общего замечания Беляев указывает на факт, занесенный в Никоновскую летопись: в устроенные татарским баскаком Ахматом в Курском княжении две великие слободы сошлось множество людей (слободы сделались «яко грады великие»), и бысть им «заборонь отвсюду велика»[60*]. Основываясь на этих цитатах и на молчании Беляева о закладничестве — личном залоге, я не могу не отнести его к сторонникам понимания закладничества как патроната.

К такому же заключению о сущности этого института пришел, как кажется, и Плошинский[137], изучивший для своей истории городского класса все законоположения о закладчиках. Подобно Беляеву, он не высказывается вполне определенно по занимающему нас вопросу; но, говоря о развитии закладничества, Плошинский нередко, видимо избегая сбивающего исследователей слова «закладываться», выражается так: «Многие посадские целыми семьями *записывались* за монастырями и разными духовными и светскими лицами»[61*]. В одном же месте он, пересказывая собственными словами один из позднейших указов о невыходе посадских из тягла, говорит, что крестьяне, записанные в слободы, обязывались «не закладываться из одной слободы в другую»[62*]. К мнению Соловьева, далее, прямо присоединяется историк Твери Борзаковский[138], который, однако, говоря о закладнях, очень осторожно ограничивается цитатой из «Истории России», которую я привел выше.

В заключение не лишним будет отметить позицию, занятую в интересующем нас вопросе компетентным историком русского

59* *Беляев И. Д.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения // Рассказы из русской истории. М., 1864. Кн. II. С. 207; *Он же.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 669, 670.

60* *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 3-е изд. М., 1891. С. 29, примеч. Ср.: *Он же.* Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1. С. 361.

61* *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. С. 132, 133 и др.

62* Там же. С. 167. В указе 11 марта 1700 г., на который ссылается в этом случае Плошинский, такого выражения нет. См.: Приговор Ратуши о взятии в посады крестьян, которые живут в городах на тяглых землях, занимаются торгом и тягло платят, и о воспрещении городских промыслов тем, которые в посады записаться не пожелают, 11 марта 1700 г. // ПСЗ. Собр. I. Т. IV. № 1775.

права проф. Владимирским-Будановым. В своем обстоятельном компендиуме истории нашего права[139] он совершенно умалчивает о закладнях и закладчиках[63*] «Личный заклад, устанавливавший временное холопство», существовал, по его мнению, (только?) в виде закупничества и служилой кабалы[64*]. Но рядом с личным закладом проф. Буданов не преминул отметить и явление другого порядка — добровольную службу, добровольное подчинение лица господину, хотя и не назвал этого явления закладничеством, как, по нашему мнению, называлось оно в древности. Сущность этой зависимости профессор определяет так: «В древности всякий живущий в чужом доме становился подчиненным членом семьи, захребетником, человеком alieni juris*»[65*].

Б.[66*] До последнего времени закладничество мало интересовало исследователей и не возбуждало споров. Историки права согласно видели в нем институт залога лица, по существу одинаковый с хорошо известным кабальным холопством. В статье о «Закладничестве — патронате» я сделал попытку обосновать забытый взгляд Соловьева на закладничество как на учреждение защиты, сходное с западноевропейским патронатом. В. И. Сергеевич находит теперь, что вопрос о закладничестве в последнее время стал «особенно спорным», и ввиду этого вновь подробно обсуждает этот вопрос, уже исследованный им однажды в его превосходном труде «Русские юридические древности».

В статье о «Закладничестве в древней Руси» в сентябрьской книге «Журнала Министерства народного просвещения» за 1901 г. уважаемый ученый, делая некоторые уступки взгляду на закладничество как на патронат, значительно отступает от распространенного определения его как личного залога, но удерживает из этого определения главную черту, а именно признание связи закладничества с задолженностью.

Более обстоятельное изучение источников заставило проф. Сергеевича оставить распространенное мнение, что закладчики

63* Только в «Хрестоматии по истории русского права» проф. Владимирский-Буданов упоминает один раз о «закладнях-закупах» (Владимирский-Буданов *М. Ф.* Хрестоматия... 2-е изд. Вып. II. С. 154, примеч. 151).

64* *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 2-е изд. С. 334 (ср.: Там же. С. 128). Профессор утверждает, что «личный заклад (закупничество) был *прекращен* законом царя Иоанна IV (Там же. С. 476). Иначе и более правильно он говорит о том же в примечаниях к царскому Судебнику: «Закупничество было *ограничено* назначением maximum'а суммы, за которую человек отдает себя в кабалу» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия... Вып. II. С. 165).

* Находящимся под властью другого (лат.).

65* *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... С. 507. Ср.: «Царский Судебник воспрещает *задаваться* за частных лиц во избежание тягла» и отчасти суда (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия... Вып. II. С. 175, примеч. 230). Отмечу еще неопределенное замечание Пригары в «Опыте истории состояния городских обывателей в Восточной России» (1868 г.).

66* Перепечатка статьи «Новое объяснение закладничества» (ЖМНП. 1901. № 10)[140].

были людьми, заложившими самих себя по закладной кабале; он заметил, что *закладная* кабала не была необходимым условием закладничества; таким условием, по его мнению, могла быть и простая заемная кабала, и всякая запись о займе или ссуде. «Закладчики,— говорит он,— суть *заемщики*, и живут они... за своими кредиторами по кабалам, по закладным, по записям о займах и о ссудах и по всяким крепостям в их дворах, а не в своих собственных»[67*]. Итак, закладчик — не заложенный человек, а только заемщик. На каком же основании он непременно «живет за кредитором в его дворе» и что его к этому обязывает? Ведь сделка займа сама по себе не обязывала его ни к чему другому, кроме уплаты долга; в древности, как известно, только неоплатные должники, и то только по суду, лишались временно или навсегда свободы. В. И. Сергеевич не мог забыть об этом. «Ростовая заемная расписка,— говорит он,— не связывает лица должника, пока по суду он не приговорен отрабатывать долг», и так отвечает на поставленный мною вопрос: «*Должник оставался в зависимости от кредитора во избежание иска и его последствий*. Итак, закладчик *добровольно* и независимо от договора о займе, единственно из боязни суда, жил во дворе кредитора. Закладничество, следовательно, насколько я понимаю уважаемого профессора, есть *добровольная служба должника кредитору и не имеет никакой юридической связи с заемным обязательством*. Объясняя таким образом закладничество, проф. Сергеевич признает вместе с тем, что в нем было «*своего рода покровительство*», что закладмики были «заступными людьми» и что термин «заложиться за кого-нибудь» мог иметь значение «задаться за кого-нибудь» (т. е. отдаться под защиту).

Такое новое понимание закладничества отделяется от защищаемого мною едва заметной чертой. Уважаемый ученый, однако, не находит возможным сделать еще один маленький шаг, чтобы переступить эту черту. Он настаивает все-таки на не вполне для меня ясной связи закладничества с займом. Исследуем его аргументацию.

Свое исследование проф. Сергеевич ведет таким образом: он выписывает подряд многочисленные известия о «закладнях», «закладчиках» и «закладных людях» с XIII по XVII в. и затем сводит содержание всех этих разнообразных и разновременных известий в одно общее определение, приведенное выше. Исходный пункт исследования — тожество закладней, закладчиков и закладных людей; оно с отличающей автора ясностью мысли и речи формулировано в первой же строке статьи.

Известия о «закладных людях», не допуская спора, свидетельствуют, что так назывались люди, отдавшие себя в залог, за-

[67*] *Сергеевич В. И.* Закладничество в древней Руси // ЖМНП. 1901. № 9. С. 119.

крепившие себя кредитору закладной кабалой или иным подобным обязательством; грамоты называют их иначе, «заимщиками», и для освобождения их из залога требуют конфискации от кредитора закладной кабалы. Из этого видно, что вопрос о том, допустимо ли отожествление «закладчиков» с «закладными людьми», имеет первейшую важность в нашем исследовании.

Отожествление «закладчиков» с «закладными людьми» является у проф. Сергеевича первой посылкой рассуждения, принятой без доказательств. По моему мнению, оно и не может быть доказано. Источники, как мне кажется, не только не дают никаких оснований для отожествления закладчиков и закладных людей, но и исключают возможность такого отожествления. Правительственные распоряжения о закладчиках и о закладных людях существенно отличаются и по терминологии, и по содержанию. Один и тот же акт, наказ казанскому воеводе 1697 г., содержит в себе два совершенно различных постановления о закладчиках и о закладных людях:

Закладные люди (*ст.* 22)

«В Казани ж велеть учинить заказ крепкой и бирючом кликати по многие дни, чтоб казанские всяких чинов люди... всяких чинов русских людей и вотяков и чуваши и черемисы и их жен и детей... и никаких угодьев, *ни в каких долгех в заклад к себе не имали* и ни в какие крепости не писали никоторыми делы. А буде кто учнет каких всяких чинов людей в какие *закладные записи*, или в кабалы, или в иные какие крепости писать и тех жен и детей к себе *в заклад имать*, и тем людем, *кто так учинит*, за то от великого государя *быть в смертной казни*. А закладные записи, и заемные кабалы, и всякие крепости *отдавать тем заемщиком безденежно*. А которые люди... наперед сего жили и живут в закладех у всяких чинов людей, и тем людем велеть жить в тяглех и в ясакех по прежнему и *денег*... по всяким крепостям *заимщиком платить*

Закладчики (*ст.* 23)

«А которые буде казанские и казанских пригородов и иных городов пришлые, торговые и ремесленные люди ныне *живут* в Казани, и в казанских пригородех, и в селех, и на посадех, и в слободах *за кем в закладчиках*... и тем всем закладчиком в *закладчиках быть не велеть*, а велеть тем всем закладчиком государевы всякие подати платить и службу служить с посадскими людьми вместе... А будет из за кого возьмутся закладчики и впредь тех будут принимать, или те будут *закладываться*, или за сим указом кто примет, чинить наказанье, *бить кнутом*, и те годы, которые в тех прогулках подати не взяты, имать на тех, кто за указом сверх наказанья имал»

(ПСЗ. Т. III. № 1597).

им не велено, а истцом в тех деньгах отказывать, и крепости всякие у всяких людей на *закладных* людей имать в приказную палату».

В первой из этих статей речь идет о «закладных людях — заимщиках», взятых «в долгех в заклад» и написанных «в закладные и иные крепости». Вторая же статья (пропущенная проф. Сергеевичем) говорит о «закладчиках», запрещает «жить за кем в закладчиках», запрещает «закладываться» — и только. За нарушение первой статьи устанавливается наказание *смертная казнь*, за нарушение второй — *кнут*. Первая статья, касающаяся заложенных людей, естественно, все внимание устремляет на денежные отношения таких людей к кредиторам («денег заимщиком платить не велеть»); вторая же статья *ни слова не говорит о долговых обязательствах закладчиков*[68*]. Не ясно ли отсюда, что закладчики чем-то существенно отличались от закладных людей и что в основу исследования нельзя класть мысль об их тожестве?

Проф. Сергеевич, построив все исследование на смешении текстов о «закладчиках» и «закладных людях» и заявив в начале статьи, что закладчики тожественны с закладными людьми, затем сам же дает основание для строгого их различения. Закладчики, по его мнению, суть заемщики и живут за кредитором по заемной кабале только из боязни суда, т. е. добровольно. Закладные же люди существенно от них отличаются; они жили во дворе кредитора *не добровольно*, а *в силу обязательства*; они были связаны закладными кабалами, в которых обязывались быть в распоряжении кредитора до уплаты долга[69*]. Общее

[68*] Тот же результат получается при сравнении следующих текстов:

Закладные люди (*1640 г.*).	*Закладчики* (*1649 г.*)
«Которые люди живут в закладех у всяких чинов людей, велеть им жить в тягле..., *а денег по кабалам и по закладным* и по всяким крепостям *заимщиком платить не велеть*, и истцом в деньгах отказывать, и *крепости* всякие на *закладных людей у* истцов *взять в нашу казну*...» (АИ. Т. 3. № 213).	«А которые посадские тяглые люди... *живут в закладчиках*... за всяких чинов людьми на Москве и в городех, на их дворех, и в вотчинах, и в поместьях и на церковных землях, и тех всех *сыскивати и свозити* на старые их посадские места... И впредь тем всем людем, которые взяты будут за государя, *ни за кого в закладчики не записываться* и ничьими крестьянами и людьми не называтися. А будет они впредь учнут *закладываться*...» (Соборное Уложение. Гл. XIX. Ст. 13).

[69*] Ни одной закладной кабалы на лицо самого заемщика не сохранилось. О содержании таких кабал мы можем судить только по тождественным с

определение закладничества поэтому, даже с точки зрения самого автора, нуждается в некоторой поправке или пояснении. Утверждая, что закладчики суть заемщики и живут за кредиторами как по *закладным* кабалам, так и по *заемным* и *ссудным* записям, уважаемый автор тесно сближает совершенно различные разряды лиц, а именно, с одной стороны, людей, крепких кредитору по залоговому обязательству (закладные люди), и, с другой стороны, людей, занявших деньги и лишь добровольно живущих у кредитора из боязни суда.

До последнего времени главной опорой мнения о том, что закладчики были людьми, отдавшими самих себя в залог, было самое их название. Термины «закладчик» и «заложиться за когонибудь» большинство исследователей сближали с глаголом «закладывать» в смысле «отдавать в залог». В моей статье длинным рядом выписок я показал, что термин «заложиться за когонибудь» употреблялся в древности постоянно не в смысле отдаваться в залог, а в смысле «задаться», передаться в защиту, отдаться под покровительство (от «заложить-укрыть», «заложиться-укрыться»).

Проф. Сергеевич теперь признает, что слово «заложиться» употреблялось в древности в указанном смысле. «Мы не будем против этого спорить»,— говорит он, но вместе с тем утверждает, что рассматриваемый термин имел два значения: «Слово заложиться значило и задаться за кого-либо, и заложить себя кому-либо». В подтверждение этого уважаемый историк ограничивается общею глухою ссылкой на известия источников: «Это достаточно ясно из вышеприведенных нами выражений памятников». Но для меня это совершенно неясно. Рассмотрим выражения памятников.

А. В известиях, касающихся «закладных людей» и говорящих о залоге лица и о закладных грамотах, слова «закладчик» и «заложиться» не встречаются. Эти известия поэтому при решении нашей задачи должны быть оставлены в стороне.

В. Ни одна из грамот, касающихся «закладчиков» и пользующихся термином «заложиться», не дает объяснения этих слов в желаемом проф. Сергеевичу смысле, так как ни одна из них не говорит ни о залоге лица, ни о закладных кабалах.

С. Во множестве грамот люди, заложившие что-либо, постоянно называются не закладчиками, но заимщиками. В закладных кабалах всегда писалось: «К сей закладной своей заимщик такой-то руку приложил». Закладные люди систематически назы-

ними по существу служилым кабалам. Сохранилось только две закладные кабалы на третье лицо: «Я, заимщик, заложил и подписал ему, Дмитрею, ясыря своего девку Юкагирскую некрещеную». Обе эти кабалы писаны на Востоке. Подробности см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Закладничество — патронат // Записки Русского археологического общества. СПб., 1897. Т. IX, вып. 1, 2.

ваются заимщиками, но не закладчиками. Говоря о лицах, заложивших что-либо, правительственные акты, избегая слово «закладчик», имевшее иной смысл (задавшийся человек), прибегают к неловким перифразам: «тот человек... который заклад закладывал кому» (Псковская судная грамота. Ст. 103; ср.: Ст. 29, 101); «а что тот денег в займы дал лишек» (Судебник 1551 г. Ст. 85); «а те люди, чьи закладишка, и по ся мест не выкупают своих закладов». Уложение 1649 г., много говоря о вещном залоге, пользуется словом «заемщик» и *никогда* не употребляет слова «закладчик» для обозначения лица, заложившего что-либо (Гл. X. Ст. 196, 197; Гл. XVI. Ст. 69; Гл. XVII. Ст. 32, 35—40). Только в двух грамотах (1641 и 1679 гг.) мы встречаем слово «закладчик» в смысле лица, заложившего недвижимость (но не самого себя). Эти исключения (может быть, найдутся и еще подобные) не изменяют общего правила: слово «закладчик» обыкновенно не употреблялось для обозначения лица, отдавшего что-либо в залог. Почему? Потому что имело другой, привычный смысл.

D. Ни одна из грамот не дает основания заключить, что термин «заложиться за кого-нибудь» употреблен в ней в смысле «отдаваться в залог». (В текстах, которые касаются отдавшихся в залог, «закладных» людей, этого термина нет.) Напротив того, множество грамот бесспорно показывают, что термин «заложиться за кого-нибудь» имеет в них значение «задаться». В дополнение к текстам, цитированным в моей статье, приведу здесь еще один из грамоты: «И вы за латинского господаря хотите закладываться»[70*] — и один из былины: «Я поеду во славный стольный Киев град, заложиться за князя Владимира». Слово «закладчик» означает человека заложившегося, т. е. задавшегося. Грамоты говорят о людях, *«заложившихся в закладчики»*. Статейный список называет князей, отдавшихся под покровительство турского царя, его закладчиками» («а кумыцкие де князи закладчики его ж турского царя» — 1611—1616 гг.)[71*].

Допустим, однако, на минуту вместе с моим критиком (хотя после всего сказанного такое предположение, мне кажется, недопустимо), что термины «заложиться за кого-нибудь» и «закладчик» употреблялись безразлично в двух противоречивых значениях: личной крепости-залога и свободного покровительства-защиты. Но как же решить тогда, кого имеет в виду каждая данная грамота, говоря о закладчиках: заложивших себя людей или людей задавшихся, подзащитных, заступных? И на каком же основании можно в таком случае утверждать, что закладчики (заступные люди) все суть заемщики?

[70*] АИ. Т. 1. № 280 (1471 г.).
[71*] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией/Изд. под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1898. Т. 3. С. 3.

Акты, касающиеся закладчиков, ничего не говоря о закладных кабалах и о сделках залога лица, действительно указывают, что закладчики иногда давали заемные обязательства господам. Но было ли заемное обязательство необходимым условием закладничества? Все ли закладчики были заемщиками? Источники не дают никаких данных для утвердительного решения вопроса и, более того, свидетельствуют, что заемное обязательство было сделкой, посторонней закладничеству.

«Указали мы боярину нашему... сыскивать в Москве и в городех... закладчиков и в черных сотнях, и в слободах, и в городех тяглых людей, которые вышли с московского разоренья, как мы великий государь, воцарились: которые тяглые люди при нас в тягле были, и у тяглых людей сидельцы или наймиты, а сидели в лавках и торговали от них, *а объявятся на них у кого какие кабалы или иные какие крепости* с 121 года и по се место, или у кого в крестьянстве и в писцовых книгах те тяглые люди написаны, и те люди по тем крепостям тем людем не крепки» [72*].

Уложение 1649 г. также говорит о долговых обязательствах закладчиков не в главном узаконении, посвященном им (Ст. 13. Гл. XIX), а через три статьи после этого узаконения, в особой ст. 18, и в такой форме: «*А которые посадские* розных сотен и слобод тяглые люди взяты будут из закладчиков в тягло, и те люди, из-за кого они будут взяты, *учнут на них бити челом государю по кабалам или по записям о заемных долгах или о ссуде*, и по таким крепостям и по записям... суда не давати».

Оба эти узаконения никак не дают оснований заключить, что заем был непременным условием закладничества. Напротив того, они показывают, что долговые обязательства закладчиков были случайным элементом: «а объявятся на них у кого какие кабалы», «а учнут бити на них челом по кабалам». Смысл этих распоряжений особенно уясняется при сравнении их с вышеприведенными указами о закладных людях. В этих указах, там, где речь идет действительно о людях, крепких по закладным и иным кабалам, правительство все внимание устремляет на уничтожение силы этих кабал. В приведенных же двух распоряжениях о закладчиках правительство говорит о их денежных обязательствах (заемных, но не закладных!) между прочим, а в других грамотах даже вовсе не упоминает о таких обязательствах.

Проф. Сергеевич в подтверждение мнения, что денежное обязательство было необходимым для закладничества, указывает, между прочим, на слова Уложения «в закладчики не записываться». Но эти слова могут служить аргументом только при том несколько искусственном толковании, какое дает им уважаемый ученый: «в закладчики записываются, т. е. *поступают по запи-*

72* ААЭ. Т. 3. № 179 (1638 г.).

си (долговой, по кабале и иной крепости)». Полагаю, что слова Уложения: «и впредь им ни за кого в закладчики не записываться и ни чьими крестьянами и людьми не называться» — имеют в виду переписи, а не долговые записи. Уложение воспрещает записываться в закладчики при переписях.

Касаясь моего сравнения закладничества с патронатом[73*], проф. Сергеевич утверждает, что термин «патронат» есть «только научное обобщение» и что «в Западной Европе подобные патронату учреждения носили иные наименования». Истинный институт патроната он видит только в римской клиентеле. Наше разногласие в этом пункте мало существенно. Ближе следуя Фюстелю де Куланжу, я писал о различных видах одного и того же института патроната. Фюстель де Куланж говорит: «Под различными наименованиями речь идет *об одном и том же учреждении, которое, видоизменяясь*, переходит из века в век».

Я настаивал и настаиваю на том, что сущность нашего закладничества одинакова с сущностью института (или институтов) патроната. И там и здесь в основе учреждения лежит отношение защиты, покровительства. Проф. Сергеевич теперь признает до некоторой степени отношение покровительства в нашем закладничестве. «Наши закладники,— говорит он,— „живут в льготе", за них есть кому заступиться, это „заступные люди". *Это своего рода покровительство,* и на первый взгляд можно подумать, что это и есть то покровительство, которое имеет в виду Фюстель де Куланж». Вслед за тем проф. Сергеевич находит существенное различие между закладничеством и патронатом, но это только потому, что он, как мне кажется, неправильно выбрал объекты сравнения. Он сравнивает закладчиков XVII в. с римскими клиентами. Но с римской клиентелой ближайшим образом можно сопоставить не закладчиков, а знакомцев и держальников[74*]. В отношении же закладничества, если, не довольствуясь общим сравнением сущности этого учреждения с сущностью патроната, ближе сравнивать его с каким-либо видом западноевропейского патроната, то следует взять закладней удельного времени и сопоставить их с римским патронатом земельных собственников: patrocinium vicorum (πατρώκιον или προστασία).

Мой уважаемый критик не счел нужным остановиться на моих соображениях в пользу того, что наше закладничество удельного времени было одновременно личным и поземельным и что у нас существовало *закладничество сел*, весьма сходное

73* Проф. Сергеевич пишет: «Автор не берет на себя труда объяснить, что такое патронат, к которому он приравнивает закладничество». Между тем я рассуждаю о различных видах западноевропейского патроната на трех страницах и указываю, к каким его формам ближе всего подходят, с одной стороны, заклади удельного времени, с другой — закладчики XVII в.

74* См. мою статью «Феодальные отношения в удельной Руси» в июльской книге ЖМНП за 1901 г.

с римским патронатом селений, *patrocinium vicorum*. Он ограничивается вскользь брошенным замечанием, что «у нас запрещается закладничество лица, а не земли» (хотя раньше сам утверждает, что «закладень» обозначает как заложенного человека, так и заложенную землю), и видит в этом существенное отличие нашего закладничества от римского патроната селений. Между тем от удельного времени мы имеем ясные слова грамоты XIV в. о «*заложившихся селах*», не о заложенных, а именно о заложившихся. Если мы сопоставим эти слова с соответствующей цитатой другой грамоты того же времени, то должны будем признать, что под заложившимися селами разумеются села задавшиеся, а не заложенные:

«А что *сел или людий* новгородьскых в сю замятню заложилося за Князя или Княгыню, или за дети, или за Бояры, или села кто купил; куны ему имати, а село к Новугороду, *по Фектистове грамоте, что на Тфери докончал*» (СГГД, Т. 1. № 12—1317 г.)	«А что, Княже, сел твоих и Владычьних, и Княгыниных, и Бояр твоих, и слуг твоих на Новгородьской земли, *которое село зашло бес кун, то без кун пойдет к Новугороду*; а кто купил, а тый знает своего истьца, или дети его; истьца ли не будет... взяти ему куны, колико будет дал по исправе, а земли к Новугороду» (СГГД. Т. 1. № 6—1305 г.).

В левом столбце цитата о заложившихся селах несколько неясна; можно подумать, что слова «куны ему имати» относятся не только к купленным, но и к заложившимся селам. Для разъяснения этого надо обратиться к «Фектистовой грамоте», на которую прямо ссылается этот неясный текст. Цитата из «Фектистовой грамоты» напечатана во втором столбце, и из нее видно, что под «заложившимися селами» разумелись села, «*зашедшие без кун*», т. е. задавшиеся.

То же закладничество сел имеют в виду князья, взаимно обязываясь не принимать сел в дар от жителей чужого княжества: «Сел не держати, не купити, *ни даром приимати*». Отдавая в дар села князю, владельцы, надо полагать, отдавали их в обладание князя, но сохраняли за собою права владения и пользования и этим путем достигали покровительства, заступы князя. Известия о заложившихся селах, о селах, зашедших без кун, принятых даром, наконец, о задавшихся волостках, свидетельствуют о существовании у нас закладничества — патроната сел, которое смело может быть сопоставлено с patrocinium vicorum, а еще ближе — с земельной коммендацией феодального времени (terra in commendatione).

Имея в виду такое земельное закладничество, я писал, что у нас в удельное время не существовало «государственной территориальной власти, обусловливающей государственную неотчуждаемость отдельных участков территории по воле их частных собственников»; бояре у нас, по моему мнению, отъезжали вместе с вотчинами к чужому князю; закладни закладывались вместе с землею. Проф. Сергеевич старается опровергнуть меня, развивая мою мысль до абсурда. Не останавливаясь на разборе его рассуждения, я здесь скажу только, что, говоря об отсутствии государственной территориальной власти, я имел в виду единственно известную земельную коммендацию феодальных стран, которая явным образом отрицает эту власть, понимаемую в смысле неотчуждаемости участков территории по воле их частных собственников.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕПИСКА Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО С А. Е. ПРЕСНЯКОВЫМ

ПИСЬМО А. Е. ПРЕСНЯКОВА С ПРИМЕЧАНИЯМИ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО[1]

*2 мая 1901 г.**

Да, статья «Феодальные отношения в удельной Руси»[2] производит гораздо менее солидное впечатление, чем предыдущие. Подобрано все, что говорит — при желании! — в пользу известной идеи, но без твердого основания. «Твердым» может быть основание в таких данных, где Ваше понимание единственно возможное или, по крайней мере, наиболее естественное. А тут много нетвердого:

*16 мая 1901 г.***

Может быть, только потому, что это кусочек целого. Далее в продолжении[3] идет речь о поземельных отношениях, связанных с вассальными, и разрешаются многие Ваши вопросы. Эпиграф показывает, что я не считал все свои положения «единственно возможными». Но полагаю, что среди них есть многие доказанные. а все вместе, подкрепляя одно другое, они кажутся мне «наиболее естественными».

1. Указанный Мякотиным[4] огнищанин. Даже в смягченном виде Ваше толкование термина имеет главное основание — в доказываемом Вами мнении, а не наоборот.

Огнищанин вполне допускает мое толкование (ни одно из других не обосновано прочнее этого) и посему может быть приведен в числе разных соображений, хотя не в виде «твердой» опоры.

2. Поучительно для положения вопроса сопоставление не двух явлений, а двух *мнений* в примечании 1 к стр. 281[5], из которых оба — недоказуемы и произвольны.

Так ли это? Не слишком ли сильно касательно «произвольности».

3. Рассуждение о заимствовании в параграфе 5 по легкости могло бы лучше спрятаться в примечании. Вопрос раз-

Верно. Вычеркнул.

* Текст А. Е. Преснякова.
** Замечания Н. П. Павлова-Сильванского на копии письма.

решим только при разборе вообще пресловутого вопроса о германском (варяжском) влиянии (например, в связи с совсем иного рода вопросами, вроде происхождения «родового» порядка княжеских отношений); а сей «вопрос» у нас едва ли толком и поставлен. Все-таки сопоставление двух дружин твердо и основательно. А вот дальше сопоставление вассалитета и боярства менее убедительно, например:

Богатый материал скандинавских саг еще не тронут *.

4. «Вассалы отличаются от дружинников главным образом земельной оседлостью и хозяйственной самостоятельностью» — надо бы оговорить, что оседлостью *не* бенефициальной, как приходится угадывать из сопоставления с боярством. Обычные представления (*вероятно*, неточные) не таковы: может получиться неясность. Почему «частная поземельная собственность дружины» в кавычках? Как понимаете Вы существо сего владения? Из договоров видно, что это аллод.

Смотри в продолжении.

По Сильванскому. Феод — полная собственность? *

5. Тожество «основных начал» службы боярской и вассальной? С военной службой дело обстоит благополучно. Но с другими видами службы?? Из фактического служения бояр на дворцовой и гражданской службе — еще ничего не вытекает. Ссылка (в примечании) на «пережитки удельно-феодальной старины» в Московское время — неубедительна и на меня производит впечатление произвольности и увлечения. Неужели переход вольных слуг в слуги невольные — это аналогия генезиса вассалитета из дружинных отношений? Неужели в холопе государевом можно узнать феодального homo aliquis **? Московская Hoffahrt *** есть обязанность слуг невольных, как и вся их служба при дворе и на кормлениях. Я думаю, что в отношениях, которые выросли в начале Мос-

На Западе тоже «фактическое служение».

Верно. Вычеркнул.

Странные вопросы. Ведь я говорил только о случайном пережитке без связи со всем остальным.

* Фраза написана карандашом А. Е. Пресняковым на копии.
** Зависимого человека (лат.).
*** Дворцовая служба (нем.).

ковской эпохи на почве отношений дружинных, есть *элементы* вассалитета, но искаженные, осложненные и затертые сравнительно рано начавшимся и выросшим процессом смены Lendesverband'а Unterthanverband'ом.*

Убежден, что не элементы, а существо.

Полагаю, что процесс этот обогнал и не дал поэтому выразиться на русской почве der Verpflichtung der Hoffahrt** и куриальной службы с характером феодальных отношений.

6. Значение слова *«слуга»* — неясно. Все слуги, но почему в ряду бояр и воевод вдруг поминаются иные особо: «боярин и слуга кн. Воротынский»? Ваша попытка тесного сближения бояр-слуг с вассалами-слугами преувеличена, ибо характеристика службы невоенной навеяна московскими данными, а нарядить московских государей в костюм сениоров — мудрено. Поворот к новому Verband'у*** ясно выражен уже в эпоху Дмитрия Донского, и накануне ее еще вполне жива дружина. Для русского вассалитета нет хронологического момента, когда он был бы *типом* отношений.

Воспоминание старого термина в его особом вольном значении (удельно-феодальном и почетном).

Откуда сие? Точно в удельное время нет наместников и придворных чинов? При чем московские данные? Это все «пережиток der Hoffahrt»? Но я же говорил о нем как об отдельной случайной реминисценции.

Потому что летопись употребляет термин «дружина»? Но тут же это очевидный архаизм.

С момента оседлости и господства сельского хозяйства на севере

?? а Галич? а Черниговская земля? и др.****

7. Отделенная от поземельных отношений служба боярина иному князю представляется мне дружинной, а не вассальной, ибо я сказал бы: вассалы отличаются от дружинников главным образом своей земельной оседлостью — *в терри-*

* Земельной зависимости непосредственным подданством (нем.).
** Обязанности дворцовой службы (нем.).
*** Зависимости (нем.).
**** Приписано карандашом А. Е. Пресняковым на копии.

тории, подчиненной того или иного характера власти сениора. Этот территориальный принцип кажется мне существенным, хотя и не смешиваю его с бенефициальными отношениями. Переходы, о которых Вы говорите на стр. 289[6], переходы «с вотчиной», как переход северских князей, а не то, что гарантируется договорами (вольным воля).

О сем в продолжении.

8. Замечание Владимирскому-Буданову (примечание к стр. 301)[7] верно, но, к сожалению, мы не знаем, была ли служба боярских служилых людей чем-либо, кроме средства их службы государству? Хотя бы пару анекдотов найти о наездах на соседей для аналогии «частных войн»! Кроме шуток: насколько эта служба и как связана с обязанностью являться «конным, людным и оружным»?

В удельное время еще нет «государства» в позднейшем смысле.

Это серьезнее, чем Вы думаете. Примеры (анекдоты) будут в «продолжении».

9. Склонность пропускать „сменивших дружину вассальных слуг“ (стр. 302)[8] ошибочно ввиду явлений, указанных Вами на предыдущих страницах, но не лишена основания частичного ввиду сомнений, выраженных Вами в замечаниях 5-м, 6-м и 7-м. В подтверждение мнения, что боярская вольная служба, характеризуемая княжескими договорами, скорее дружинная, чем вассальная, сошлюсь на Ваши слова (стр. 302)[9]: «Коренной элемент вассалитета служба с *земли* частному лицу». (Можно бы подчеркнуть и *частному*?)

Лишена всякого основания.
Ибо дружина — бродячая, а боярская служба, как и вассалитет,— оседлая. Во всяком случае, их надо строго различать.

10. Сравнение узаконений Ивана Грозного и Карла Великого (стр. 304)[10] остроумно: но: 1) Карл шел наперекор росшему течению, а Грозный заканчивал и докончил ломку, начатую, по крайней мере, Иваном III; 2) Карл не достиг цели, а Грозный покончил с остатками (имели ли они в себе силы развития? нет!) русского феодализма; 3) в основе характера эпохи Карла лежат понятия Lendesverband'а, которые Карл хочет примирить с умирающими остатками

Отчасти верно. Развитие феодализма шло у нас несколько иначе. Но все же он у нас сложился и господствовал в XIV—XV вв.

Верно, но не относится к «феодализму в *удельной* Руси».

Unterthansverband'a, а для эпохи Грозного характерно обратное.

11. Стр. 308[11]. Я бы читал: «А боярам и слугам, кто будет не под дворским», относя «кто» только к слугам, противоположное вовсе не «ясно», и нет оснований предполагать «бояр под дворским». Так ли уж твердо доказательство от имен? Гридя и Степан могли быть и полусвободные, и не бояре, а нечто среднее: недаром дворяне ниже детей боярских — не их ли предки слуги Гридя и Степан.

И я так читаю.

И для меня нет надобности, но что же с того?

Не особенно, но все же...

Не «полусвободные и не бояре», а именно «нечто среднее» — слуги, но одинаковые по основным чертам с боярами. (Все, что известно, касается одинаково «бояр и слуг»). Бояре были высшим разрядом «слуг удельных».

Вот мои случайные примечания. Отзыв в начале этой записки относится только к первому десятку страниц, а дальше — не слабее других статей.

Боюсь, что Вы, ища черт для сравнения «институтов», не хотите, по соображениям «логическим», считаться с противоположным направлением сравниваемых исторических процессов. На Руси еще не родился вассалитет, а рождался, когда родились государство и подданство,— два течения скрестились и второе съело первое, раньше чем оно окрепло. Это не нарушает правильности хода Вашего исследования, и вытравляет из него верную перспективу, и дает впечатление преувеличения. Вот все, что могу сказать. Если все это «пустое, лишь бред неопытной души», то не взыщите.

Не так, не так!

Ваш А. Пресняков.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

7 октября 1901 г.

Не ускользнула ли от твоего внимания рецензия Градовского[12] на книгу Горчакова (в VI т. «Собрания сочинений» Градовского)? Там имеются замечания о «русском феодализме».

А. Пресняков.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

16 октября 1901 г.

Форстен [13] был на моем уроке, когда я объяснял сословные отношения XV века, и говорит, что ему, по мере моих объяснений русских отношений, все вспоминались западные. От твоих статей он в полном удовольствии. Третьего дня я говорил с Платоновым; его оценка твоих статей [14] весьма любопытна — не вдаваясь в детали сопоставлений, он ценит, по-моему, больше всего ясный и новый свет, который твой *метод* вносит в понимание строя тогдашней жизни. Действительно, твоя теория не может ли сменить соловьевскую теорию «старых и новых городов», давно разрушенную, но замененную — чем? Рядом отрывочных, разрозненных и ничего не выясняющих соображений. Скоро ли будет вторая статья? Я бы хотел ввести твое построение в свой общий курс. Форстен задал мне любопытный вопрос: нет ли аналогий с mainmortables *? Я этот институт плохо понимаю, ответить не сумел. Элементы сего должны быть?

Желаю и впредь больших успехов на пользу науки.

А. Пресняков.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — А. Е. ПРЕСНЯКОВУ

16 октября 1901 г.

Твое письмо пришло совсем не вовремя. Не буду перечислять дел — писаний, долженствующих быть исполненными сегодня, ибо все равно я их все бросил для феодализма.

Отзыв Форстена меня весьма обрадовал, а еще больше — твое сочувствие. К сочувствующим Рожкову, Шумакову я могу прибавить еще тебя. Молодые исследователи, следовательно, на моей стороне. Твое мнение меня давно очень интересует, и я радуюсь, что оно теперь несколько определилось для меня. У тебя наиболее гибкий ум и наибольший талант из всех наших коллег. Уверен, что летописи будут твоими «Житиями святых», а за ними последует «Боярская дума» [15]. Мы так нелепо стесняемся высказывать авторам наши мнения, что авторы должны угадывать по намекам впечатление. Посему спешу на твою откровенность ответить тем же, без лести.

Я пережил много тяжелых дней в начале работы. Вижу недавно Гильтебрандта [16]. Спрашивает, о чем пишу диссертацию. Я отвечаю — теперь уже решительно: о феодализме в России. Издает какой-то неопределенный звук, как в гоголевском «Ревизоре» Христиан Иванович. Представь сам его комически недоумевающую физиономию. Но что́ Гильтебрандт! Лаппо-Данилевский, забегая вперед, не зная еще моей схемы, по поводу иму-

* Правом мертвой руки (фр.).

нитета авторитетно хихикал: «Но это еще не феодализм!» (Тут я убедился в разговоре, что он не лишен некоторой тупости, т. е., я хочу сказать, самоуверенной узости мысли.) Мякотин злобно обрушился в Историческом обществе [17], Середонин его поддерживал [18]. Подобных инцидентов предстоит еще много. Утешаюсь только сочувствием немногих и успехом первых серьезных стычек с Сергеевичем и Владимирским-Будановым.

Корректур не присылают, следовательно,— отвечаю на твой вопрос — продолжение выйдет не раньше 1 декабря. Чтобы удовлетворить твоему понятному любопытству, сообщу схему продолжения.

Поместье — жалованье=beneficium (конец статьи напечатанной).

Кормление = fief office. Это несомненно, достаточно прочесть Вайца: слова его о fief office как будто написаны о кормлениях («пожалование должности как доходной статьи»).

По поводу поместий удельного времени поспешил сказать, что они не были сильно распространены. В сущности, в какой мере они были распространены или нет, мы ничего не знаем по недостатку источников. Но пусть так. Дело в том, что для времени расцвета феодализма типично не поместье-бенефиций, а феод вотчинный (феод ведь есть бенефиций, обратившийся в почти полную собственность). *Вассалам — феодалам-вотчинникам — соответствуют бояре — слуги-вотчинники.*

Типичная черта феодального землевладения — *коммендация феодала с землей.* У нас бояре также отъезжают с вотчинами. К соображениям в моей статье о закладничестве прибавлю несколько новых. Важно очень — переход монастырей из уделов в Московское княжество (житие Иосифа Волоцкого в маленькой книжечке житий Археографической комиссии [19] и Хрущов, исследование о Иосифе [20]). Драгоценная грамота Ивашке Глядящему 1487 [г.]: ААЭ. Т. 1. № 120. Не поленись посмотреть: «*бил челом в службу с вотчиною*». Понимаешь, что это такое?! К сожалению, единственная. Но столь разительная, что я все ее пытал, не ошибаюсь ли я. Попытай-ка ее и ты.

Разделение суверенитета. Мысль изложена сжато на последней странице «Иммунитета». Будет развита подробно.

Западное сословие феодалов разделяется: 1) на иммунитетных баронов и 2) полусуверенных сеньоров, причем этих последних было вовсе и не так много, как думают (Морте. La Grande Encyclopedie [21] — около 40 [сеньоров]). У нас также: 1) *иммунитетные бояре,* 2) *полусуверенные княжата.* Простота моей идеи, кажется мне, служит гарантией истинности. Мелкие княжата — феодалы-полугосудари, мелкие вотчинники, но тем не менее дают жалованные грамоты, чеканят монету (городецкие деньги), носят фамилии по местности (как на Западе «de», «von»).

Итак (связующие личные связи): 1) патронат и мундебур-

дий, 2) вассалитет, 3) поместье — бенефиций и вотчинный феод, 4) иммунитет, 5) раздробление суверенитета (начала разъединения: [пункты] 4, 5).

Далее. *Совпадения в деталях* (примеров множество: прекарий — вкладные грамоты). *Специальные термины*. Сакраментальное «жалованье» — beneficium — всюду, в поместьях, в жалованных грамотах, в кормлениях; le commendan — *закладываться*, *«служить»* — servire, servorum — о боярах-вассалах.

Удельно-феодальное *разъединение*. Дух свободы и независимости. Воинственность. Разбойничьи наезды. Насилия и самоуправство. И отсюда господство *отношений защиты* — защиты собственной и защиты вассальной.

Различия: 1) В русской феодализации (см. конец статьи об иммунитете [22]). Суверенитет раздробился — не путем узурпации, а путем разделения. Различие внешнее. Процесс деления тот же, и внутренние пружины его те же.

2) Землевладельческая слабость боярства вследствие отсутствия крепостного права, а еще глубже — вследствие большего простора колонизации, обусловившей невозможность закрепощения (на Западе тоже — колонизация, как и всюду, в этом вопрос — разница только в степени).

Тут жестокая и, как мне кажется, победоносная схватка с Милюковым, который в «Очерках по истории русской культуры» (гл. 1 — Дворянство, начало) изображает явно преувеличенно бояр как перехожих странников. Землевладение бояр было слабо, но его нельзя сводить на нет.

Но слабое само по себе, боярское сословие было в XIV веке усилено княжатами. *Бояре + княжата образуют феодальное сословие*. (В XIV веке мелких князьков уже множество — см. Экземплярский [23].)

Сословие довольно сильное, но все же менее сильное, чем на Западе. Простор колонизации раньше не дал окрепнуть боярскому землевладению, а в начале XVI века разрушил княжеские вотчины (экономический кризис вследствие отлива населения. Ключевский, Рождественский [24], Рожков etc.)

Остаток феодального сословия сохранился в сословности бояр, дворян и детей боярских в XVI, XVII вв. Обособленность и привилегированность их была слабее, чем на Западе, но все же была (см. «Государевы служилые люди» [25]. Эту мысль о сословности разделяет Кизеветтер).

Многое у нас развито слабее, менее резко выражено, но тожественно по существу.

Происхождение феодальных отношений — из общих славянам с германцами первобытных начал права под влиянием одинаковых условий, географических и экономических.

Связь с предшествовавшими трудами: Чичерин (впервые даю разбор его феодальных мнений, очень ценных), Соловьев, Нево-

лин, Ключевский и проч. (смотри предшествующее письмо).

Nunc animam levavi * и буду писать о канцлере Нессельроде и о зловреднейшем в политике Николая I [26].

Да! Mainmortables — это мелочь. Аналогии, кажется, у меня нет. Некогда сейчас рыться в заметках. Пишу только то, что сейчас есть в голове.

Н. Павлов-Сильванский.

Все сие только I часть. II часть (еще не написано): Die Entstehung der Grundherrschaften **. Волости — марки. Отношение волостей к вотчинам, великим княжениям и боярским доменам (Lamprecht, Inama-Sternegg [27]).

Разберешь ли адский почерк?

Прилагаемый отчет, написанный мною, потрудись вернуть.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

28 октября 1901 г.

Спасибо за письмо, дружище. Видно, привык ты, сердешный, вбивать свою мысль в людские головы, повторяя и переповторяя ее, что решился писать изложение того, что излагаешь печатно. За это спасибо. Теперь мне ясна система, плодотворная, нужная.

Ты слишком чуток к критике, хотя бы пустой по существу, даже Гильтебрандта поминаешь, и он у тебя на сердце остался! Э-эх. Гильтебрандт — просто глупая тетеря, а люди посильнее критикуют, потому что у них известные мнения сложились в «неразрывные ассоциации». Типичен Мякотин в рецензии на Милюкова [28]: сжился человек с известными представлениями, ну как же ему помириться с их нарушением? Типичен и Сергеевич в полемике с Дьяконовым [29] и с тобою — войди в его положение и не принимай к сердцу даже резких отзывов. В них не несправедливость звучит, а трудность перестройки ученой мозговой гармонии на новый лад. Молодым-то легче, у них в голове ученая tabula rasa ***, а инстинкты свежие, и новая идея лучше их кормит, чем старая пища, уже слежавшаяся в ученой литературе.

Ты слишком чуток к сочувствию и отвечаешь на него — комплиментами. Не сердись за это слово, но поверь, что гибкость ума дается часто легкостью багажа твердых мнений и ничего впредь определенного не предвещает.

Феодализм русский = феодализму западному. Sic ****. Грамоты Ивашкиной не читал — нет под руками Актов. На днях прочту.

* Теперь облегчил душу (лат.).

** Возникновение земельного господства (нем.).

*** Чистая доска (лат.).

**** Так (лат.).

С твоими тожествами я помирился, усвоил их и жду выхода книги, чтобы вводить их в общее построение. Занимают меня теперь больше отличия процессов. Их, главных, два. Один — твоя узурпация — раздробление; причем корень разный: «узурпация» — следствие интенсивности местной жизни; государственные обязанности осуществляются феодалами, защита от набегов норманнских дружин (X в.), налетавших со всех сторон, покрывает Францию зáмками и частными дружинами; местная экономическая жизнь бойче (результат большей населенности?), и гражданское право развивается по местам, в мелких единицах, которые долго не связаны в одно ни потребностями общей самозащиты, ни общностью экономических интересов; в основе дробления лежит дробление борьбы и дробление хозяйства, а интенсивность обоих ведет к «узурпации» государственных прав теми, кто делает государственное дело. У нас в XIII—XV вв. тоже жизнь дробится, но общность едва ли так сильно замирает, да и местные жизни менее интенсивны. А другое (следствие первого): характерная черта западного феодализма: образование множества сильных местных союзов — Genossenschaften * — вассалов, министериалов, горожан, даже вилланов, столь сильных, что их обычное право, кутюмы etc. низводят господ до primos inter pares **, до роли правителей, связанных рядом обычаев, стариной да пошлиной, а у нас более слабой. Наша старина молодая, да так и не состарилась. Там жизнь сочная, ядреная, а у нас более быстрая, стадии идут за стадиями, сменяясь и не окрепнув.

Вторая, ненаписанная часть твоя — давно меня платонически занимает, и литературка кое-какая подобрана. Тут и запутанный наукой вопрос об общине, и многое другое. Ну, прощай. Помоги тебе боже. А мне больше не пиши. И тебе, и мне некогда. Только мозги засоряю твоим феодализмом, когда надо о другом думать.

Твой А. Пресняков.

А где была схватка с Владимирским-Будановым? [30] Если есть рецензия на него — пришли оттиск, будь друг.

А. Пр.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — А. Е. ПРЕСНЯКОВУ

29 октября 1901 г.

Ты благодаришь за изложение, но я тебя благодарю сугубо за то, что ты так охотно делишься со мной своими мыслями, которые для меня так полезны, заставляя думать и оттенять в изложении то или другое. (Сколь нелепый период, но бог с ним!)

* Товариществ (нем.).
** Первых среди равных (лат.).

Ты говоришь, что я слишком чуток к критике. Это потому, что я себе весьма мало доверяю. Я уверился пока только в своем умении последовательно и убедительно излагать. А после университета был период полного скепсиса в своих силах. Гильдебрандта привел как утрированный, но типичный пример. Между нами сказать, Сергей Федорович [31] (он теперь об этом не поминает), когда я писал о закладничестве, упорно твердил мне «и будут же вас ругать», желая тем отклонить меня от ненадежного пути. Станешь чуток, пережив столько волнений. Ведь на первых порах никто не поддерживал.

За слово «комплимент» не мог не досадовать. Писал по совести. Гибкость ума ты, кажется, понял в смысле восприимчивости, а я разумел проницательность.

Ты выдвигаешь «союзность», о которой много писал Чичерин [32]. Думаю, что союзность не ингерентна * феодализму. Пользуясь твоей любезностью, в корректурных листках (которых еще не получал и бог весть, когда получу) обсужу сие твое замечание.

Рожков мне сегодня пишет касательно иммунитета, что, «соглашаясь со мною в очень многом, не может удовлетвориться объяснением на последней странице, почему не развились в России настоящие государственные права». Посмотрел последнюю страницу и вижу, что там указана только одна причина, а важнейшая — землевладельческая слабость боярства, обусловленная простором колонизации, не отмечена. Об этом, как тебе писал,— речь в продолжении.

Многие ждут этого продолжения и, уверен, будут разочарованы. О столь многом я не успел в нем сказать, ибо не имел времени обдумать. И, увы, нет весьма важного — широкой картины эволюции. Но я, по необходимости, должен был возвести сначала фундамент изучения отдельных институтов. Бог с вами, рассуждайте теперь об эволюции, поучая меня! Зачем мы живем в такой век, когда так надо торопиться. Представь себе, сегодня узнаю, что Сенигов [33] пишет об удельно-вечевом периоде и о феодализме (хотя сведения не очень точные). Компания его может очень скомпрометировать. Спешу умолкнуть, вспоминая твой упрек в трусости.

Вторая моя часть тебя давно занимает? Второй раз наши идеи совпадают — помнишь лекции о Петре Великом? Очевидно, эти идеи носятся в воздухе. Пиши — я парализован до сентября будущего года. Ты захватишь шире, чем я. Я по узости ума опять сосредоточусь на институтах.

Когда тебе цитировал Ивашку Глядящего, то не цитировал самого главного (так как вспомнил, отправив письмо): «Бил челом и с своею вотчиною... и яз, князь великий, *Ивашку пожа-*

* Не присуща, не свойственна (от лат. inhaerentia).

ловал тем его половиною селом Глядящим» — пожаловал его же вотчиною! Какой еще ленной коммендации нужно! (ААЭ. Т. 1. № 120, 1487 г.). Прости, что упорно отвлекаю твои мысли от настоятельных дел,— меня эти идеи изводят, производя в мозгу пляску святого Витта и не давая заниматься другим.

Довольно. Спешу в Публичную библиотеку для «Истории Министерства»

Твой Сильванский.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

30 октября 1901 г.

Эх, милый ты человек, в том и беда, что ты мало себе доверяешь. А мне со стороны-то виднее, что ты на крепких ногах стоишь. Вот и жаль, что ты сам это недостаточно понимаешь. Ругали тебя и, должно быть, еще ругать будут — это Сергей Федорович правильно сказал. Ну и что же? Ведь это потому, что ты несешь новое, свое. Эти атаки поучительны, ибо показывают, что твое новое существенно, вглубь забирает, волнует — и органически, т. е. как требующее перестройки схемы русской истории, и методологически, как требующее постановки во главу угла сравнительно-исторического метода; а как только это усвоится, то еще и дальше цепь мысли идет к великой теме: «Россия и Европа».

Я тебя не раздуваю. Я скептик и насмешник по натуре. Но тут я ухватился за нужное. Ты кладешь и славно кладешь нужный камень в фундамент новой постройки. Какого тебе еще черта нужно? Признания? И чтобы без придирчивой, сердитой критики? Этого нельзя — и не надо.

Знаешь что? Я много читаю по части новых книг западной историографии. Какой в ней свежий дух веет. Больших, огромных ученых старых читаешь — точно пришельцы из другого мира, даже (и особенно) Моммзен [34]. И Сергеевич, Буданов, Чичерин — выходцы с того света, почтенные, но ein überwundener Standpunkt*. А ты хоть и подросточек, а бойко растешь, и дух в тебе новый. Тут бояться нечего. Будущее за новым складом понятий и исследований. У тебя все свое, и робок ты, потому что все, что видишь и читаешь, не по тебе, не так, не ясно, расплывчато, не реально (ибо нет же разницы между научным реализмом и литературным), а тебе реализма, отчетливости нужно; ищешь своего понимания и робеешь, потому что не веришь в свои силы, а без них за чужим умом идти не умеешь. И закладываешь фундамент «изучения отдельных институтов». Ну и закладывай, а на рассуждения о широкой эволюции, ради бога, не обращай внимания. Я ведь не тычу тебе ей. Я ее

* Устаревшая точка зрения (нем.).

помянул, желая сказать, что уже то, что ты установил, будит о ней мысль, а тебе ее впутывать в свой анализ — пока значило бы, пожалуй, туману напустить.

Я ведь хотел сказать, что уже сжился с твоим новым и потому теперь думаю о *другом*, не в поправку и возражение, а в использование того, что ты даешь. Это другое лишь поддерживает и заставляет ценить твое. А тебе для счетов с этой «эволюцией» достаточно *указания* на *различия*, только указания. А что критика будет много болтать о том, чего у тебя нет, это уже так самим богом устроено! И значит это вот что: если принять твое, то как быть со многим другим из наших представлений о старине? Не придется ли и еще ряд вопросов пересмотреть? Предмет-то ведь один, цельный — ну, кто найдет, что твой «феодализм» не вяжется с другими частями постройки, тот либо рассудит, что надо все невяжущееся пересматривать, либо рассердится, что нарушается столь дерзко покой привычных ассоциаций. О «втором» твоем я, конечно, писать не стану. Не мне устанавливать фундамент «институтов», этого я не сумею сделать. Могу только обязаться печатно доказать нужность и ценность твоей работы для общей схемы, для общего курса русской истории. Темная яма XIII—XV вв., по которой скользят наши профессора, не заглядывая в нее, оказывается заполнимой исторической реальностью.

Прощай. Excelsior! *

Твой А. Пресняков.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — А. Е. ПРЕСНЯКОВУ

13 ноября 1901 г.

Благодарю душевно за ободрение. Еще более убедился, какой ты *живой* человек и до какой степени способен увлекаться идеей. Многие, к сожалению, хотя и трудятся над наукой, но трудятся как над любым рукомеслом. Конечно, ты несколько увлекся в своем письме. Посмотрим, выдержит ли твоя оценка пробу времени, и сколько в моих писаниях окажется серебра и сколько мельхиора.

Тебя занимает мысль «Россия и Европа». Для этого мои труды дадут мало. Ведь дальше пути сильно разошлись. Эта тема превосходно разъяснена уже Милюковым в I части «Очерков» 1*.

Феодализм покажет, разве, как мы в корне близки к Европе и как, попадая в сходные условия, даем сходное. Но разве в наши дни можно в этом сомневаться? Ведь теперь старое сла-

* Вперед и выше! (англ.).

1* В «Петербургских ведомостях» я писал намеренно односторонне (чтоб ярче указать один из недостатков). В «Литературном вестнике» я написал восторженно в двух словах о схеме русской эволюции Милюкова [35] (Пришло потом.)

вянофильство, для которого мои институты были бы большим ударом, уже мертво. (Если ты тут с чем-нибудь не согласен — молчи, ибо иначе мы никогда не кончим. Я начал писать с твердым намерением сказать два слова и не говорить ничего такого, что вызвало бы на дальнейшие разговоры. Но видимо, ничего из сего намерения не выходит, и посему продолжаю.)

Меня больше занимает «социология». Довольно сравнивали дикарей, надо сравнивать учреждения культурной эпохи. Социология станет на твердые ноги только тогда, когда от матриархата и прочего и от споров о методе перейдет к изучению таких общих культурных учреждений, как феодальные. Начало таким работам положено Марксом и марксистами. Но они — узковаты. У меня намечена работа (должно войти в книгу): сравнительное рассмотрение всех феодализмов в Германии, Англии, Японии, Индии (тут несколько не то: Ковалевский [36] судит поверхностно) etc., etc. Но без «второй» моей части тут разобраться нельзя. Как странно, но на Западе, *кажется*, нет подробного сравнения даже феодальных учреждений в их германских странах (чем отличается французский феодализм от германского). Приходится разбираться самому.

Так как ты разделяешь в значительной степени мои идеи, то тебе небезынтересно будет узнать, как выбит из седла Сергеевич. (Прости, что все хвастаюсь, но в существе же тут не хвастовство, а интерес результата пробы наших идей).

Посылаю ему оттиск «Нового объяснения закладничества». Приходит ко мне, не застает дома и оставляет письмо (это уже не первый раз): «Весьма благодарю за присылку оттиска. Статья моя, *с которой Вы так легко справились*, предназначалась для нового издания «Русских юридических древностей» [37]». (Это новое издание, кстати с изменениями, выйдет в непродолжительном времени. Кто будет писать разбор, неужели никто?) Иду к нему через два часа. Заявляет, что не читал моей статьи! Заводит разговор о кабальных людях и докладных (в новом издании он критикует моих «Кабальных людей») [38]. Кое-что все-таки говорим о закладничестве, из чего оказывается, что он все-таки читал мое возражение. Пишу по поводу разговора о закладниках и кабальных людях. Сейчас получаю ответ, где речь о кабальных, а о закладничестве — ни слова! До сих пор не знает, что сказать!

Вспомнил, что не ответил тебе на вопрос о стычке с Владимирским-Будановым. Отдельной статьи не было. Разумею примечания к «Иммунитету» и в «Феодальных отношениях» — страницы о знакомцах [39].

Точка. Не отвечай, лучше встретимся, так побеседуем. Хотя с пером в руке нам рассуждать и привычнее. Даже Сергеевич путается, когда спорит без актов под руками и не на бумаге.

Твой Сильванский.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

7 февраля 1902 г.

Большое спасибо за статью [40]. Пока мне совсем некогда поглубже в нее вникнуть: тут есть над чем поработать. Не пошлешь ли экземпляр Алексею Александровичу Шахматову [41] (Знаменская, 30), который очень заинтересован вопросом? А Форстену? и Гревсу [42]? Все они толкуют сочувственно.

Твой А. Пресняков.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — А. Е. ПРЕСНЯКОВУ

30 апреля 1903 г.

Любезный Александр Евгеньевич.

Заметок Лаппо в «Чтениях» [43] не читал, хотя с ним переписывался и беседовал. За сообщение весьма благодарен, так же как за предыдущие. Не забывай меня и впредь.

На днях просмотрел Ясинского «Падение земского строя в Чехии» [44]. Давно наслышан об этой книге, но все не мог собраться ее достать и теперь очень сожалею.

В статье об иммунитете я обошел вопрос о феодализме в Чехии, потому что обыкновенно полагали, что здесь он развился под западным влиянием. И вот в помянутой книге Ясинский прекрасно доказывает, что иммунитет в Чехии развился независимо от германцев, при этом, между прочим, он ссылается на то, что иммунитет существовал и в Московской Руси. Ясинский писал в 1895 г., я же в 1897 г. Мне теперь очень досадно, что я не читал его раньше. Недруги могут поставить мне это на вид.

Лично же меня такие совпадения в мыслях убеждают в правильности моих умозаключений.

До закладничества-коммендации, ей-же-ей, дошел собственным умишком и, лишь когда статья была набрана («Кабальные люди»), прочел о сем у Соловьева.

О льготах-иммунитетах также чуть-чуть не прозевал упоминания Владимирского-Буданова.

Кстати, нет ли у тебя лекций Лаппо-Данилевского [45]? После моего реферата в Историческом обществе он мне «ставил на вид», что давно уже читал в лекциях об иммунитете в России. По-видимому, на его же лекции намекает Сергеевич в критике моих статей (ЖМНПр. и 3 т. «Древностей русского права») [46].

Твой Н. Павлов-Сильванский.

P. S. До сих пор еще не свел счетов с Хозяйственным департаментом [47] относительно числа экземпляров «Истории Министерства», которые мне предназначаются. Сегодня у меня началась новая война с департаментом из-за нападок на мой перерасход по изданию. У нас, увы, победителей судят, может быть, еще строже,

чем побежденных. Но как только кончатся сии междоусобные брани, не замедлю выслать тебе твой экземпляр.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — А. Е. ПРЕСНЯКОВУ

19 сентября 1903 г.

Дорогой Александр Евгеньевич.

Увы, для диспута о феодализме все еще не вполне готов, хотя много работал в последние месяцы. Отказываться ни от чего не приходится, надо только раскрыть некоторые мои титлы и укрепить некоторые контрфорсы фортеции [48].

Милюков метко мне противопоставил примитивность экономической удельной Руси [49], несовместимую с феодализмом. Но эта примитивность, конечно, только одно из ни на чем не основанных гипотетических представлений, каких у нас так много.

Есть веские доводы в пользу представления противоположного. Вычисляю густоту населения 1300 г. Давно уже нашел я твердые точки опоры для сего в грамотах 1300 и 1389 [гг.] Но вычисления надо делать осторожно. Приду к тебе советоваться.

Третьего дня получил из Москвы Константинопольские реляции Петра Толстого (ибо пишу для моего тома словаря его биографию [50]) и нашел совершенно неизвестное его длинное описание Турции 1703 г. Так как его путешествие в Италию весьма знаменито (Н. Попов, Пекарский, «Русский архив», Пыпин [51]) и так как Устрялов подробно излагает даже его скучнейшие военные описания портов Черного моря [52], то описание состояния народа турецкого, помимо всего прочего, имеет все права на общее внимание.

Ввиду сего готов немедленно сделать сообщение (10—15—20 минут) *о вновь открытом описании народа турецкого, Петра Толстого, 1703 года.*

«История Министерства» тебе будет прислана на сих днях.

Твой Н. Павлов-Сильванский.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

25 сентября 1903 г.

Дорогой Николай Павлович.

Дело обернулось так, что первое заседание русской секции [53] назначено на воскресенье, 28, в 8 ч. вечера — реферат Кульмана [54]: «Князь Вяземский как критик». Я повестку получил, но к тебе, по новому адресу, она не дойдет, вероятно. Твой реферат о путешествии Толстого — будем просить на 8 октября [55].

Увы! На письмо твое я толком ответить не могу, ибо — к великому огорчению — никак его не разыщу, где-то запуталось в бумагах. Это мне весьма обидно, ибо я его прочел было, полу-

чив его, когда спешил из дому. А хотелось перечесть на покое и подумать. Ну, авось черкнешь еще как-нибудь или зайдешь побеседовать.

Я плохо понимаю значение милюковского указания на примитивность древнерусского экономического быта: плохо понимаю потому, что привык по-учительски объяснять развитие феодализма хозяйственным и культурным регрессом в последние века Империи и в эпоху переселения народов, т. е. примитивностью ойкосного натурального замкнутого хозяйства, при котором дробится власть и владение на подпочве экономической раздробленности. Это так элементарно, что стыдно писать. Видно, я чего-то не понял, и вопрос для вас стоит сложнее. А уразуметь, как это Милюков и ты разумеете,— не могу, ибо проклятое письмо не находится, хотя я весь стол перерыл.

Сложнее развился внутри себя и крепче сложился каждый oikos *, каждая вилла на Западе, чем у нас,— это понятно. Но принципиальная ли это разница, есть ли существенное отличие в конструктивных принципах 2-х сравниваемых социальных порядков — я сейчас не знаю и указать, в чем корень такого отличия, затруднился бы. Что в феодальных отношениях необъяснимо без разумения, что они возникли на развалинах старого, более сложного быта и непредставимо как эволюция примитивных форм быта? Стряхнулась поверхностная формация более сложной культуры, поверхностной капитализации, обмена etc.— обнажилась основа натурального хозяйства в глубинах провинциального общества, господствовавшая в Империи, и на этой подпочве развернулся феодализм. А впрочем, может быть, это все я не о том, что надо.

Ну, прощай. Спасибо за обещание прислать «Историю Министерства» — буду ждать с нетерпением.

Всего тебе лучшего — А. Пресняков.

Моховая, 22, кв. 24 (адрес твой — в письме!!).

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

1 октября 1903 г.

Дорогой Николай Павлович!

Наш воскресный разговор поверг меня в бездну сомнений, из которой я отчасти выбрался, вспомнив о старой, первой работе Lamprecht'a «Beiträge zur Geschichte der französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert», Leipzig, 1878 (Schmoller's staats-und socialwissenschaftliche Forschungen). Мне почему-то вспоминается, что ты ее знаешь. Но ведь тут речь идет о полном упадке хозяйства в X в., о том, как после долгой экономи-

* Дом, род (греч.).

ческой ночи в XI в. впервые блеснула дальнейшая надежда развития. Феодальные отношения завязываются во Франции на почве крайне низкой материальной культуры, в эпоху, расчищавшую леса под поселения и под подсечное хозяйство и тому подобное. Проверять и сравнивать картину Лампрехта с милюковской мне некогда. Быть может, если ты на Лампрехта внимания не обратил — заинтересуешься. Рост хозяйств в XI в. быстрый, не по-нашему, но это уже иное дело.

Твой А. Пресняков.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — А. Е. ПРЕСНЯКОВУ

2 октября 1903 г.

Дорогой Александр Евгеньевич.

Вчера не отвечал тебе, потому что надеялся побеседовать у Сергея Федоровича (который, кстати, был удивлен отсутствием вашей компании) [56].

«Beiträge» Lamprecht'а не видал, но основываюсь на его «Deutsches Wirtschaftsleben». Здесь нахожу страницу, которую можно бы привести en regard * рассуждениям Соколовского, Милюкова, Рожкова.

«Nichts war hier auf ewig fest. Dörfer wie Höfe entstanden und verschwanden... Ein ungeordnetes Chaos von wüsteinden, wieder gewachsenen Wäldern, verlassenen Ackern und zerstörten Weinbergen» ([S.] 128—129) **.

Но этот Chaos Lamprecht относит к die altere Zeit. «Seitdem (10. Jh.) und noch mehr seit 11. Jh. ändert sich die Lage... gleichwohl bleibt auch jetzt noch die Rodung sehr ausgedehnt» ([S.] 123). Тем не менее «...im 9-ten und auch noch 10. Jh. sind es die befangweisen Einsiedelungen im Urwald, welche zu Grunde gehen im 12. 13. Jh. die neuen Kolonialdörfer» ([S.] 130)***.

Итак, в XI, XII вв., ко времени утверждения феодализма, в Германии уже более высокая ступень хозяйства. У нас то же должно было быть в XIII—XIV вв.

И следовательно, простая ссылка на крайне низкую материальную культуру и подсечное хозяйство не разрешает вопроса. По нашим выходит, что у нас чуть не до XVI века все в перво-

* В параллель (фр.).

** «Здесь не было ничего постоянного. Деревни и дворы возникали и исчезали... Неорганизованный хаос покинутых селений, вновь выросших лесов, оставленных пашен и виноградников» (С. 128—129) (нем.).

*** ...хаос Лампрехт ... более древнему времени. «С тех пор (X в.) и еще более с XI в. положение изменилось... хотя и теперь расчистка земель очень распространена» (С. 123)...

«...в IX, а также еще в X в. имеет место одиночное население в девственных лесах, которое в XII и XIII вв. стало основой новой деревенской колонизации» (С. 130) (нем.).

бытном брожении. Милюков рассказывает, что в центральном Поволжье в XIV—XV вв. основой экономической жизни служат зоологические богатства (не земледелие), которые на Западе-де были истощены в доисторическом прошлом.

Конечно, это чрезвычайно неверно (одно из многих очень слабых мест Милюкова), но с этим нельзя не считаться, на нас переходит onus probandi *. Приходится не ссылаться на низкую западную культуру в феодальное время, но доказывать сравнительно высокую у нас.

Если неправильно рассуждаю, пожалуйста, напиши.

Твой Н. П.-С.

«Historia Ministerii» tibi est data! **

Как все сбивчиво, вернее, скользко у Лампрехта, что касается хронологии: 9, 10, 11 Jh.— часто то одно, то другое (см. выше). Это я имею в виду...

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

[*Не ранее 2 октября 1903 г.*] [57]

Дорогой Николай Павлович.

Большое спасибо за «Историю» — посмотрел только портреты — много интересных и хорошо исполнены.

О Лампрехте судишь правильно, особенно в приписке конечной — у него вообще голова сумбурная,— а в последнее время он дошел, пустившись в психологию, до фантастики a la Рожков, только en grand ***. Любопытно, что естественников то и дело тянет на мистику, вырождающуюся у них в спиритизм, а историков-экономистов — на психологию, вырождающуюся у них в пустую игру терминами и ребяческими характеристиками.

Я помянул «Beiträge» Лампрехта, потому что эта первая работа его показалась мне скромнее и отчетливее того, что он потом писал. Впрочем, к делу это не относится.

Как определить тот тип хозяйства, который необходимо соответствует феодализации отношений? Разрешима ли такая задача? Если да, а наверное да, то можно приобрести твердую почву для суждений. Но можно ли исходить из простого параллелизма: в таком-то веке в такой-то стране есть феодализм и одновременно такое-то состояние хозяйства — ergo ****... и т. д. А может быть, разница хозяйственных состояний отражается лишь в деталях феодальных отношений, а не принципиально? Может быть, например, в том отражается, что у нас феодальные отношения не

* Бремя доказательств (лат.).

** «История Министерства» тебе дана! (лат.).

*** В крупных размерах (фр.).

**** Следовательно (лат.).

сложились в систему, не получили столь полного или яркого выражения, как во Франции etc. Есть ли ясное понятие о тех формах хозяйства, которые необходимо обусловливают (как «причина»?! или необходимое условие?) феодализацию быта в ее основных, так сказать, конструктивных началах, независимо от степени и варьянтов ее (феодализации) проявлений? Февдисты [58], вероятно, указали бы следующие элементы такого «феодального» хозяйства: «ойкосное» хозяйство, земледельческое, с довольно развитым деревенским, или дворовым, ремеслом, при очень слабом развитии торгового обмена. Ну а у нас на Руси — не кочевой же быт был в XIII в.? А насчет ремесла — то как появлялись на свет предметы одежды, утварь, оружие etc.— если не «кустарным» способом, но при ничтожной торговле?

А впрочем, этого я не знаю.

Твой А. Пресняков.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

3 декабря 1907 г.

Дорогой Николай Павлович.

Привет и поздравление. Спасибо за книгу [59]. Жду с нетерпением другой, главной.

Не найдешь ли возможным пожертвовать 2 экземпляра этой книги — один в библиотеку исторического семинария в университете, другой — в педагогический институт? Сам, тебя это не затруднит, оставь при случае в комиссии [60]. Приходи 12 декабря на реферат Кульмана «Записка по крестьянскому вопросу 1820 г.». Обещает быть интересным.

Твой А. Пресняков.

Оттисков статьи о «символизме» [61] у тебя уже нет? Если есть, дай, пожалуйста...

А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

8 февраля 1908 г.

Дорогой Николай Павлович.

Сообщи мне, пожалуйста, где, т. е. в каком городе, и у какого издателя, и когда (год) напечатано издание «Lex Salica» Егорова [62], и как точный заголовок. Не могу достать!

Среди студентов — живые толки, как бы привлечь тебя к чтению лекций в университете. Хотят идти тебя просить прочесть в будущем году курс об удельном периоде. Черкни мне, как на это посмотришь, так как они меня спрашивали и просили оказать содействие.

Твой А. Пресняков.

ПЕРЕПИСКА Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО С Г. В. ЧИЧЕРИНЫМ

ЗАМЕЧАНИЯ Г. В. ЧИЧЕРИНА НА СТАТЬЮ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО «ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УДЕЛЬНОЙ РУСИ»

[*Май 1901 г.*][1]

Стр. 284[2], примеч. 3. В Патерике Феодосий выходит рано утром из Киева и встречает бояр, съезжающихся к князю для ежедневной думы. Поучение Мономаха: князь ежедневно утром думал с боярами. Из этого отнюдь не следует, чтобы дружинники, жившие далеко, обязаны были периодически являться для пополнения собою придворного штата.

Ежедневный съезд бояр в царском дворце в Москве, если считать его остатком чего-то древнейшего (а это вопрос), может указывать лишь на древний обычай дружинников ежедневно думать с князем. Ничего большего, никакой Hoffahrt *, из него выводить нельзя.

Стр. 282[3], § 5 страшно скомкан и неполон. Вылазка против партийности немцев здесь совсем некстати, так как давно известно, что личное начало особенно присуще германству (и «свобода родилась в лесах Германии»[4]), и немецкие историки просто указывают, что германский мир излюбленно развивал личные отношения подчинения в противоположность общине древних, организационному гению Рима, феократии Востока и т. п.

Общие причины вызывают общие явления. Общие условия средневековья толкали к дружинным порядкам. Но общий процесс воплощается в конкретных факторах. Этим могли быть — прямая преемственность, подражание, самостоятельное возникновение. У Вас все смешано. В России была несомненно, фактически, преемственность.

Что было в России до появления варяжских дружин? На этот вопрос нельзя ответить фантастическою фразочкою «должна была» и т. д. Нужно еще знать, что тогда вообще было в России. Не понимаю, почему войска праславян «должны были» скорее быть основаны на личной связи, а не территориальной (если притом родового быта больше не было). Далее, странно «подобно этому», сопоставляющее праславян с совершенно иначе развившимися балтийскими.

Организатор Польши Болеслав Храбрый был под сильным влиянием германского мира. Было ли где-нибудь самостоятельное

* Дворцовой службы (нем.).

возникновение дружин? Только в таком случае можно было бы искать происхождения дружины не в одном германстве.

Вассалы имели свою историю на Западе, вольные слуги — в России. Сначала Вы даете нам картину первоначальной дружины, общей Западу и России. Но потом мы ждем картины ее дальнейшей истории на Западе и того же в России. Какие остались сходства, какие возникли различия и почему и какие возникли новые аналогии? Вместо того Вы нам даете обрывки сходных черт из разных эпох в полном смешении. Это странички из записной книжки исследователя, а не окончательное исследование.

К стр. 288 след.[5] Возражения против антитезиса ленного подданства и дружинного вольного служения очень слабы и недостаточны, или, вернее, они ограничивают его, но не достигают намеченной ими цели.

Текст на стр. 288 ясно указывает: вассалитет связан с территориею и вассальная служба — с имением. У Вас аналогия — слуги под дворским (упоминание их на стр. 291 совсем не развито, а развито на стр. 306[6] без связи с данным вопросом), помещики — позднейшее явление. Но слуги под дворским — маленькие люди, а на Западе, например, герцог Бургундии в качестве такового был вассал короля Франции и т. п.

Вассальная организация охватывала почти всю страну. Аллоды постепенно исчезали, а теоретики феодализма не признавали аллода: по идее феодализма в его полном развитии вся страна охвачена системою вассалов, подвассалов и т. д. «Nulle terre sans seigneur» *. Немецкие князья вынимали камень из стены замка, чтобы символизировать превращение в вассалов. Владетель каждого лена есть вассал сеньора данного лена. У нас масса населения была в отношении территориального подданства (стр. 285[7]) без признаков вассалитета. На Западе все территориальное подданство было вассальным. Вассалами короля Франции были герцог Бургундский, герцог Нормандский, герцог Бретанский etc.; все ex officio **, а не окружавшие короля собственные слуги. У нас Вы сопоставляете с вассалами этих собственных слуг, окружавших князя по вольному уговору, а не ex officio; а все население ex officio находится в отношении территориального подданства, а не вассалитета. Итак, общее нам и Западу дружинное начало развилось на Западе в вассалитет, от которого у нас — лишь эмбриональные обрывки.

Стр. 289[8]: памятники феодального законодательства не признают притязаний на свободу связи законными. Итак, идея развившегося феодализма отрицала «отъезд», а это для нас важнее сохранявшихся на практике вольностей. Один из идеалов, воодушевлявших средневековье,— идеал истинного вассала, верного

* Нет земли без сеньора (фр.).
** По должности (лат.).

всегда, во всем, до смерти. Поэзия прославляла der treuen Werner * и т. п. Этот идеал чужд русской дружине. В этом различии идеи — самое существенное.

Вассалитет (это была там общая форма подданства) отличается от нашего боярства: 1) территориальным характером (великий Götz von Berlichingen, Reichsunmittelbur **, был непременно вассалом императора и т. д.); 2) точностью организации: служить известное число дней в году, некоторые определенные обязанности придворной службы, выкупа и т. п. Все это дает общую картину, совершенно чуждую России.

Стр. 295 [9]. Опять эмбриональные клочки. Среди массы русского населения были маленькие группы военных слуг бояр. А на Западе стройная организация вассалитета с многими ступенями охватывала весь народ.

Стр. 304 [10]. Любопытно, что ближайшую аналогию вассальной службе Вы нашли не в прежнем свободном боярстве, а в позднейшей принудительной службе тяглому государству. Обязанность землевладельцев служить и временное снабжение землей за службу свойственны всем странам и эпохам. Эта обязанность была на Западе одним из признаков феодализма; у нас она явилась именно тогда, когда личные служебные отношения исчезли. Что касается до снабжения землею за службу, то «слуги под дворским» (исторически предки помещиков) играли ничтожную роль; это — эмбриональный обрывок. Прежнему боярству вообще это было чуждо.

Институт поместья развился уже в государственную эпоху. Его черты имеют основным образом другое происхождение, чем черты вассалитета, бывшего личною связью. Так же можно было бы сопоставлять Heribannus *** с поимкою недорослей в XVIII в. Это сложная аналогия, происшедшая от бессистемного сопоставления сходств, где таковые ни найдутся.

Вассалитет был территориальный. У нác таковым был лишь обрывок — слуги под дворским, маленькие люди. Эта территориальная служба явилась у нас в совсем другую эпоху, по другим причинам. Но в поисках за сходствами Вы выхватили данное сходство из чуждой эпохи. Это напоминает известный фокус, где складываются портреты четырех генералов и в общем выходит портрет Скобелева.

* Верного Вернера (нем.).
** Гец фон Берлихинген, имперский подданный (нем.).
*** Герибан, штраф за неявку на службу (нем.).

Г. В. ЧИЧЕРИН — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

18 января 1902 г.

Милостивый государь Николай Павлович.

Из нашего разговора я заключил следующее. Мне представляется, что под «феодализмом» разумеют закрепившуюся систему раздробленного суверенитета [2*]. Вы говорите, что закрепившаяся система господствовала не безраздельно: на этом основании Вы под «феодализмом» разумеете что-то другое. Под «феодализмом» можно разуметь или предшествовавший беспорядок (мне кажется, что его называют скорее «подготовительными ступенями»), или историческую действительность, совмещавшую остатки беспорядка с небезраздельно господствовавшею закрепившеюся системою, или эту систему в ее логической цельности.

Что именно назвать феодализмом — это спор о словах. Но против одного понимания слова возражать на основании другого его понимания — будет путаница. Если Вы «феодализмом» называете первое (беспорядок), Вы найдете в России большое сходство. Если Вы так называете второе (историческую действительность с остатками первого), Вы найдете в России большое сходство, поскольку идет речь об остатках первого. Если Вы «феодализмом» назовете третье (систему в логической цельности), Вы найдете в России лишь частичное сходство (княжат). Если кто-нибудь назовет «феодализмом» это третье и полагает, что оно господствовало на Западе безраздельно, Вы можете возразить, что оно господствовало не безраздельно. Но если кто-нибудь называет «феодализмом» это третье, т. е. закрепившуюся систему в ее логической цельности, и говорит, что на Западе была такая система (с полным или неполным господством в действительности, другой вопрос), был «феодализм», а у нас данной логически цельной системы не было, не было «феодализма», то Вы можете возражать против этого фактами, относящимися к другому пониманию слова «феодализм», фактами из сохранившей беспорядочность исторической действительности. Частноправность была там и здесь: но подобными возражениями Вы не подкладываете фундамент, а смешиваете с другим понятием.

Ваша работа — не исследование по первоисточникам, а логическая работа сравнительным методом. Поэтому ее ход и критика на нее должны быть логически основаны на заранее произведенном анализе сравнительного метода. Для обоснованной таким образом критики требуется нечто большее, чем моя скудная начитанность. Мне представляется, однако, что смысл сравнительного метода — не в выискивании сходства, а в выводах из сходства; нужно целиком сравнить две исторические действительности, чтобы по одним аналогичным фактам пополнить лакуны другими аналогичными

[2*] Поэтому говорят о заносном характере феодализма в Германии.

фактами или объединяющую факты систему из одной исторической действительности перенести в качестве таковой же в другую историческую действительность; для этого должны быть рассмотрены все условия не только сходства, но и различия, чтобы видеть, насколько было сходно и насколько различно, насколько различия допускают аналогии и какие изменения в объединяющей системе мы должны произвести вследствие существования различий.

Возьмем «феодализм» в смысле закрепившейся системы; в Москве — княжата; это сходство. Но мне кажется, что из этого сходства ничего не вытекает. Вы говорите, что вышло то же самое, там — дарованием прав сверху, здесь — подчинением княжат снизу. Мне кажется, что это-то «то же самое» именно и не есть то же самое. Если бы Вы показали, как целая историческая действительность ведет и там и здесь к одной системе, хотя бы разными путями (как, например, новое государство произошло разными путями, но с одними и теми же понятиями в основе), это было бы хорошо. Но если княжата полуподчинены московскому или тверскому князю, это еще не феодализм (в указанном смысле слова). Индийские раджи — полуподчиненные Англии; какой-нибудь французский офицер или доктор лично служит радже; это не феодализм.

В «феодализме» — целая система понятий о правах и обязанностях, неразрывно связанных с личностью и с территориею одновременно. Непоколебимая верность вассала барону, барона графу, графа герцогу воплощается в поэтических образах верных паладинов, der treuen Werner, Тристана, добывающего королю лучшую невесту, несмотря на свою любовь к ней. Эта связь представляется исконною и незыблемою. Феодальная территория имеет раз навсегда свое достоинство; Бретань — непременно duché *, графство — непременно графство, баронский лен таков незыблемо. У нас вместо крепкой личной связи я вижу сделки — боярина с князем, княжат с старшим. Вместо феодальной территории с своим собственным достоинством я вижу случайную зависимость от династических прав. Например, князь старицкий имеет только династические права; прогонят или убьют его с детьми — княжество инкорпорируется в Московское; само оно — ничто. Самостоятельный князь заключил с другим договор о своем полуподчинении — вот и все; ничего отсюда не вытекает. То есть вытекает, но совсем другое, в другой схеме. Англичане прогнали раджу Delhi, и Delhi был инкорпорирован. Датский король стал герцогом Schlesevig-Holstein — по Lensrecht ** остается отдельность. Мелкие тверские князья поступают на службу к московскому, ничего не нарушая по отношению к тверскому; они совсем придадут свои княжества московскому — эти княжества инкорпориру-

* Герцогство (фр.).
** Феодальному праву (нем.).

ются. Когда король английский был герцогом нормандским, он был вассалом короля французского в качестве герцога нормандского и равен ему в качестве короля английского. Может быть, эта система не господствовала безраздельно; но она существовала, а у нас ее не было. Поэтому из частичного сходства ничего не вытекает. Это может быть только первою ступенью для исследования различий, чтобы выяснить, какая другая система была в России.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении.

Ю. Чичерин.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ — Г. В. ЧИЧЕРИНУ

20 января 1902 г.

Многоуважаемый Юрий Васильевич.

Очень Вам благодарен за Ваше письмо, но не могу не пожалеть, что Вы возражали мне, не ознакомившись с моей теорией в целом. Не поленитесь написать мне, когда прочтете мою статью, которую мне на днях должны прислать из типографии.

Так же как Вы, начну с определения феодализма. В развитии его были три периода: 1) первый, подготовительный, до ближайших преемников Карла Великого, когда феодальные институты развиты, но нет раздробления суверенитета; 2) второй, до XII—XIII в., когда является крайнее раздробление суверенитета; 3) третий, когда начинают создаваться территории княжеств путем, с одной стороны, искоренения феодальных владельцев, с другой стороны, путем оформливанья, затверждения разных феодальных прав.

Третий период — феодализм в крайнем развитии, его тщетно было бы у нас искать. Основы феодализма, по-моему, определяются по первым двум периодам. Тут разъединение, особность частей, шаткость личных связей: indépendance féodale poussée á ses dernières limites * (Luchaire о XII веке, Guizot, Brunner). Оформливанье, затверждение — это уже начало образования княжеских государственных территорий, т. е. начало конца феодализма, ибо государственные начала и феодальные (частноправные) — это две противоположности. До XII, XIII вв. (смотря где) преобладают феодальные, личные, частноправные начала, затем начинают возникать и мало-помалу брать верх начала крепостные, создающие затем «государства» с остатками феодализма. Впрочем, как ни смотреть на эти начала крепости, составляют ли они необходимый элемент феодализма или нет (как Вам известно, когда начался феодализм pur sang **, ученые никак не могут сговориться),

* Феодальная независимость, доведенная до крайних пределов (фр.).
** В чистом виде (фр.).

мне почти безразлично. Я утверждаю, что у нас был феодализм второго периода, не подготовительный, не «зародыш», как Вы и другие торопитесь мне возразить (не читавши меня), а феодализм уже вполне ясно и широко развитый, хотя и без крайностей оформленности третьего периода. Все, что Вы говорите о правах, связанных с территориями (Бретань всегда duché),— это третий период: у нас этого не было.

Ваше определение феодализма — «закрепившаяся система раздробления суверенитета» — неполно (ибо в него не входит особое место личных связей) и касается только третьего периода («закрепившаяся»); Виноградов, например, определяет феодализм как «переход (следовательно, долго не закрепившийся) власти к помещикам».

В феодальной системе две стороны: 1) обособленность владений: иммунитет и раздробленный суверенитет, 2) объединение личными связями защиты и вассальной службы. То и другое есть преобладание отношений частного права над отношениями государственными. Под общую формулу Бориса Николаевича[11] (взятую им у Вайца) я подвожу фундамент феодальных учреждений и выясняю существование у нас: 1) иммунитета, 2) раздробления суверенитета, 3) патроната, 4) вассалитета, 5) поместья и ленной коммендации с землей (отъезд князей и своз с вотчинами). Все это было и господствовало у нас в XIV, XV вв. Я все построил не на общих рассуждениях, а на детальном анализе тожества учреждений (как Мэн, мой руководитель в пользовании сравнительным методом). Поэтому меня не так легко сбить с позиции, как Вы думаете. Я всегда думал, что из моих сопоставлений уцелеет только часть; но теперь, видя, как некоторые сразу становятся на мою сторону, а другие возражают большею частью мимо, начинаю мечтать, что моя теория будет принята без существенных ограничений.

Вы хотите, чтобы я показал, «как целая историческая действительность ведет и там и здесь к одной системе, хотя бы разными путями». Подробно этого я в статье своей не разбираю, ибо сосредоточился пока на фундаменте феодальных учреждений; но когда я говорю о раздроблении суверенитета, то я показываю как раз то, что Вы хотите.

С нетерпением буду ждать Ваших возражений как на этот важный пункт, так и на другие (о верности рыцаря и боярина), затронутые в Вашем письме,— после прочтения моей статьи. Пока же я только радовался, читая Ваше письмо и видя, что Ваши возражения у меня предусмотрены и предупреждены.

Искренне преданный Н. Павлов-Сильванский.

P. S. Вы могли убедиться из наших разговоров и пререканий, что, несмотря на внешность чиновничества (намеренно проявляемую мною, где это нужно, для порядка в учреждении), я остаюсь

«студентом». Посему будьте добры переменить шокирующий меня титул «милостивый государь» на равный: «многоуважаемый»...[12]

Г. В. ЧИЧЕРИН — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

5/18 декабря 1905 г.

...Против[13] «феодализма» Вы знаете мое главное возражение: недостаточность методологической и логической основной постановки вопроса.

Когда в 1896—97 гг. я был в полном рамолиссменте *, моя высокопремудрая родня (вообще питающаяся крохами умственных пиров прошлых поколений) говорила мне, что против нервов — воля; по этому поводу они обвиняли меня в преувеличении; когда я говорил, например, о своих бессонницах, какая-нибудь тетушка говорила мне: «У меня тоже бессонницы». Когда я говорил, что у меня исчезла память, тетушка говорила мне: «У меня также с годами слабеет память».

По этому же методу («тоже») построен Ваш феодализм. В России тоже «солому ломят», в России тоже личная служба и т. п. Совершенно не выяснив, что такое феодализм, в каких разных значениях употребляется это слово, Вы оперируете растяжимым понятием и каждый раз объявляете: «В России тоже феодализм». Коллекция аналогий — этого мало. Вместо того чтобы набросать методологическую основу, а затем указать, где лакуны, где проблемы еще не выясненные и где и с какою целью находят себе место Ваши аналогии, Вы просто преподносите нам набор аналогий.

Я все это пишу очень резко, и в действительности Ваша работа гораздо выше, и я даже не помню настолько, чтобы серьезно судить, я просто пишу в утрированной форме (утрированность делает мысль выпуклее), что мне показалось в то время слабою стороною. Надеюсь, что не рассердитесь.

Всего хорошего!! Наилучшие Вам пожелания!!

Ю. Чичерин.

Г. В. ЧИЧЕРИН — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

13/26 декабря 1905 г.

...Я[14] потому боялся, что Вы рассердитесь, что я по природе склонен к саркастическому тону и так и писал про феодализм, а Вам он бывает неприятен.

Вопросы, возбужденные во мне феодализмом, располагаются так: 1) праарийские учреждения (что мы о них знаем филологическим путем, через одинаковые слова всех языков, и археологи-

* Расслаблении (от фр. ramolissement).

ческим, через раскопки) — их сходство и отличие от первобытных учреждений других рас; 2) учреждения племен славянских, германских, латинских и прочих в первые эпохи — в чем их одинаковость развития и в чем различность; сравнение с неарийскими племенами — в чем прямой исторический генезис и в чем одинаковость действия одинаковых условий (очень важное различение); 3) те же вопросы относительно дружинной эпохи — Ваш феодализм; то же сравнение с неарийскими племенами, то же различение: 4) дальнейший ход: на Западе феодализм как законченная система (в какой степени это было на деле и в какой степени — в книгах теоретиков феодализма) — в России «дебри». Сравнение с Японией! На всех ступенях — вопрос о причинах и условиях.

Я не требую, чтобы все эти вопросы были gleichmäßig * разработаны, но чтобы было намечено, в какую связь становится каждый факт.

Простите, некогда.

Всего хорошего. Ю. Чичерин.

Г. В. ЧИЧЕРИН — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

23 октября (5 ноября) 1907 г.

...Хотел бы я спросить Вас о следующем. Выдающийся член немецкой партии (Dr. Dunker) [15], читающий Wanderkurse ** о развитии общества, объясняет там, что русская община есть отчасти древний остаток. В разговоре со мной он объяснил, что читал на немецком языке Skizze *** Милюкова и Чупрова [16] и что, по Чупрову, колонизация в средние века происходила в значительной степени коллективно, общинно, и что он не может считать общину исключительно продуктом крепостного права и государственного давления. Я сказал ему о Ваших исследованиях — параллелизме с Лампрехтом, управляющем-Voit'е etc. Он очень заинтересовался и спросил, где он может прочитать об этом на каком-нибудь западноевропейском языке. Пожалуйста, если можете, сообщите.

Преданный Вам Ч.

Г. В. ЧИЧЕРИН — Н. П. ПАВЛОВУ-СИЛЬВАНСКОМУ

18 апреля / 1 мая 1908 г.

Многоуважаемый Николай Павлович.

Горячо благодарю Вас за сообщение о касающихся того дела обстоятельствах. Если еще будут какие-нибудь подобные обстоятельства, пожалуйста, сообщите. Приобрели ли том V Histoire de l'affaire Рейнаха? [17]

* Равномерно (нем.).
** Обзорный курс (нем.).
*** Очерки (нем.).

Что касается перевода книги о феодализме [18], то за границей можете найти более чем достаточно научно и литературно подготовленных переводчиков, способных перевести эту книгу, но прежде всего нужно знать размер и условия выплаты гонорара, т. к. вся публика переживает крайнюю нужду и прежде всего спросит о финансовой стороне дела.

Если я буду иметь от Вас вполне точные и определенные инструкции, я мог бы списаться с литераторами и выбрать подходящее лицо. Есть у меня на виду, например, студент-юрист с некоторым стажем по части переводов. Или же лицо, переводившее книги с немецкого на русский.

Всего хорошего. Ч.

М. С. Ольминский

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

(по поводу смерти Н. Павлова-Сильванского)

Холера — болезнь бедноты. Она косит свою жатву там, «где трудно дышится, где горе слышится» — горе голодовки и сырых, тесных конур вместо человеческого жилья. Поэтому сытые обитатели светлых хором не очень беспокоятся по случаю холеры. Но вот в Петербурге страшная гостья воспользовалась беспечностью городских воротил и из рабочих кварталов попробовала заглянуть на широкие улицы центра; из подвалов поднялась в барские покои. Петербургская беднота могла бы сказать по этому поводу: «Нет худа без добра! Теперь и городская дума хоть немножко подумает...»

Но среди жертв холеры не из числа бедноты следует отметить одну. Эта жертва — профессор Павлов-Сильванский, историк. Он не был в рядах той части интеллигенции, которая целиком стоит на стороне рабочих; по своим взглядам он не был марксистом; в исторических трудах — не был полным сторонником экономического материализма. Но он был честным тружеником науки, и — хотел ли он того или нет — он своими трудами служил делу прояснения нашего сознания. И за это стоит помянуть его добрым словом.

В чем заслуга покойного?

Настоящее рождено прошлым. И не зная прошлого своей страны, нельзя правильно понять настоящего, нельзя найти верную дорогу к лучшему будущему. К несчастью, понимание нашего прошлого долго не давалось в руки русских ученых. Мы знаем, что история всех народов была историей борьбы классов. Но истории классовой борьбы в России мы не знаем, да и теперь

мало знаем, поэтому часто говорят: история России не укладывается в рамки теории классовой борьбы.

Вместо борьбы классов в прошлые века видят борьбу между народом и правительством, народом и «государством». Было бы полбеды, если бы говорили так, правильно понимая сущность государства. Но в том и дело, что правильного понимания не было.

Что такое государство или государственная организация? Это, как известно, не что иное, как организация экономически господствующего класса, организация собственников для политического господства над беднотой.

Если бы так всеми понималось государство, то речь о борьбе между народом и государством, в сущности, означала бы речь о борьбе между имущими и неимущими, о борьбе классов. К несчастью, у нас слишком редко понимается русская история именно таким образом.

Много лет назад один поэт-помещик объявил, что «умом России не понять, аршином общим не измерить» [1], и это помещичье мнение уцелело до сих пор; когда говорят, что теория борьбы классов не объясняет русской истории, это именно и означает, что Россию «аршином общим не измерить». И начинают придумывать свой аршин. Одни по примеру казенного историка Карамзина придумали, что судьбу России решало провидение через избранных им правителей героев. Другие, не одобряя правителей героев, всю историю России готовы были объяснить нашествием татар. Это последнее мнение так неудачно, что о нем не стоило бы говорить, если бы оно не было сильно распространено даже среди людей, которых нельзя назвать, вообще говоря, неосновательными. Например, писатель А. Б. Петрищев в книге «За триста лет» [2] так передает дело. Завоевав Россию, татарские ханы отдавали свою землю арендаторам — сначала нескольким, потом одному, именно московскому князю. Потом этот князь-арендатор прогнал хозяев-татар и стал сам хозяином — уже шестую сотню лет.

Эту басню А. Б. Петрищева и опровергать не стоит.

Более серьезные историки давно уже заметили, что в России, как и на западе Европы, княжества образовались из земельных владений, а государство явилось организацией класса землевладельцев. Крупные землевладельцы стали государями в своих имениях, а московский князь, как говорилось в те стародавние времена, стал «всея русския земли государям государь», т. е. стал общим вождем государей-землевладельцев. Серьезные историки, как С. М. Соловьев, Ключевский и многие другие, видели это; видели они, что стародавние «государи» очень похожи на феодалов Западной Европы, но все-таки недостаточно изучили дело, чтобы понять полное, в главном, сходство между западным феодализмом и русскими стародавними порядками. Все эти историки продолжали думать, будто историю России аршином общим не измерить.

Профессор Павлов-Сильванский больше других сравнивал стародавнюю Россию со старой Европой, лучше других изучил дело и доказал, что между историей России и историей Западной Европы в существенном нет никакой разницы. Этим он положил один из первых важных камней в здание новой науки русской истории. Не будучи марксистом, он собрал и обработал обширный материал для марксистского понимания прошлых судеб нашего отечества.

И грустно становится при мысли, что болезнь бедноты унесла в раннюю могилу серьезного и честного ученого, который, может быть и не думая о том, оказал важную услугу делу самосознания русского пролетариата и мог бы оказать еще новые услуги. Даже в интеллигентской квартире сравнительно обеспеченного профессора болезнь бедноты сумела нанести удар той же бедноте.

М. Н. Покровский

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО «ФЕОДАЛИЗМ В ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Книгу Павлова-Сильванского давно следовало перепечатать. Она в продаже не имеется, а ее необходимо иметь каждому историку России, особенно историку-марксисту.

Почему? Сам наш автор никогда не был марксистом. Скажем больше: он никогда не был и особенно глубоким исследователем, несмотря на свою несомненную талантливость. До Ключевского Павлову-Сильванскому как исследователю далеко, как до звезды небесной. Почему же его работы нужны и важны?

Он открыл в древней России те формы феодального права, которые были знакомы Западной Европе и существование которых у нас отрицалось всеми предшествующими историками. Только формы — он о них только и говорит. Объективная, социально-экономическая подкладка этих форм его мало интересовала.

Феодализму буржуазные историки придавали огромное значение как прообразу — и зачатку — знаменитого «правового государства». В средние века, когда масса населения была крепостной или близко к этому, когда вообще никто не имел никаких прав, отдельные группы населения добивались путем частного соглашения с властью прав для себя, для данной небольшой группы. Так сложились феодальные привилегии. Постепенно они распространялись на все более и более широкие круги населения, пока, захватив его большинство, «привилегия» не становилась правом.

Так шло будто бы дело в наиболее «нормально» развивающихся государствах, вроде Англии. В других странах, как во Франции, «привилегии» выродились и не дали столь здорового и жизнеспособного юридического потомства, но и там на их основе, на воспоминаниях о них выросла идея о правах подданных по отношению к государю. Частные договоры феодального общества превратились под пером позднейших буржуазных публицистов в общественный договор.

На самом деле вся эта идеологическая цепь, если даже она имела место в действительности, а не была сама составною частью новейшей буржуазной идеологии, имела весьма косвенное отношение к реальным основам буржуазной демократии. Эта последняя возникла из массовой борьбы, а победа масс в этой борьбе была предопределена неотвратимыми экономическими условиями. Капитализм властно требовал для себя приноровленных к потребностям его процветания политических форм. Их юридическое или историческое обоснование нужно было больше для внутреннего самоудовлетворения буржуазных правоведов и историков, нежели вызывалось какою-либо внешней необходимостью.

Русские историки, отрицавшие наличность всей этой феодальной бутафории в России, как будто обнаруживали только несколько большую трезвость взгляда — и несколько меньше крючкотворной щепетильности. Не все ли равно, была, не была, когда ее объективное историческое значение было так ничтожно?

Далеко не все равно. Русскому феодализму отказывалось в праве на существование для того, чтобы у подданных русского царя не могло явиться мысли, что у кого бы то ни было из них когда бы то ни было могли быть какие бы то ни были права по отношению к государю. В этом глубокое своеобразие русского исторического процесса по сравнению с западноевропейским. Там хоть часть подданных могла ссылаться на какие-то договоры с государем; у нас — никто.

Иногда это подкрашивалось наивно-демагогическим «демократизмом». «В России не было и не могло быть аристократии». Иногда это помогало обосновать «примитивность экономических отношений» старой России: такая была экономически неразвитая страна, что даже привилегированные группы не смогли выделиться — не успели.

Во всех случаях это мешало объективно-научному подходу к нашему прошлому. Мешало рассматривать Россию как одну из европейских стран, развивавшуюся по одному типу со всеми остальными. Во всех случаях это, при царизме, ставило вопрос над нашим будущим. Если мы раньше развивались «своеобразно», кто порукой, что это «своеобразие» не сохранится и в будущем, что Россия навсегда не останется страною крепостнического самодержавия?

Для марксиста ответ, конечно, давно был готов — раз эконо-

мический процесс в России шел по тем же ступеням, как и на Западе, политическая история должна была представлять те же сходства. Но этот ответ предполагал признание марксистского метода, признание зависимости «надстройки» от «базиса».

Павлов-Сильванский, немарксист по убеждениям и кадет по своей партийной принадлежности, сделал из вопроса о русском феодализме один из аргументов в пользу марксистского объяснения русской истории. Вы говорите о «глубоком своеобразии»? Но вот вам совершенно тожественные юридические формальности, совершенно тожественные обряды у нас и во Франции. Все «своеобразие» сводится к разнице — в языке. У нас говорили «приказаться» и «отказаться» — там «s'avouer» и «se désavouer»; что там носило название «hommage», по-русски называлось «челобитьем». Но даже внешние обрядности часто были фотографически сходны.

Но ведь и «хлеб» по-французски не «хлеб», а «pain». На этом, однако, никто никаких теорий о «глубоком своеобразии» не строит, никто не пробует уверять, что во Франции не знают хлеба, а питаются какой-то совсем особой трухой.

Неглубокий исследователь нанес глубокую рану историческому предрассудку, усердно культивировавшемуся царизмом и заразившему не одного почтенного писателя, с царизмом ничего общего не имеющего. В этом огромное методологическое значение работ Павлова-Сильванского. Кто и после этих работ не отказался от «своеобразия», тот или упрямый старовер, или слишком уж запуган авторитетом предшественников нашего историка. Из своей ранней могилы (Павлов-Сильванский умер в холеру 1908 г. еще совсем молодым человеком) этот бывший член монархической партии жестоко бьет по надеждам все еще барахтающейся за границей монархической белогвардейщины. Все надежды последней зиждутся на том, что падение Романовых — «случайность». Не случайность, отвечают им совсем не публицистические, строго «академические» — и в этом в данном случае их цена — писания Павлова-Сильванского. Россия пятьсот лет тому назад политически шла одним путем с Западной Европой, и то, что «приказало долго жить» там, не воскреснет на несколько градусов долготы восточнее.

Единственное настоящее своеобразие русского исторического процесса заключается во все более бурном его темпе, чем ближе к нашему времени, и как результат этого — в такой яркой революционности, какой мы не найдем в странах Запада. Но эта разница количественная, а не по существу. Правда, количество и тут склонно переходить в качество, как показало появление на свет Советской России. Но это «своеобразие» не совсем то, какое мерещится старым буржуазным историкам.

Б. Д. Греков

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ О ФЕОДАЛИЗМЕ В РОССИИ

Научное имя Н. П. Павлова-Сильванского — одно из популярнейших имен в нашей историографии. Его перу принадлежит немало трудов на разнообразные исторические темы, но не может быть никакого сомнения в том, что это историк, в сущности, одной темы, что его научная биография сплетена самым тесным и непосредственным образом с одной большой проблемой, проблемой феодализма в России.

О феодализме в России говорили давно, но только Н. П. Павлову-Сильванскому удалось поставить этот вопрос с такой остротой, что столпы современной ему науки, упорные противники признания феодализма в России, заволновались, вышли из состояния самоуверенности и равнодушия.

Н. П. Павлов-Сильванский действительно испортил спящим сон и несомненно помог подняться встающим. В этом одном уже огромная его заслуга.

Соцэкгиз, предпринимая новое издание одной из наиболее ценных книг Н. П. Павлова-Сильванского [1], ясно учитывает значение этого труда и для нашей современной науки, несмотря на то, что современные наши представления о феодализме иногда даже очень серьезно расходятся с представлениями Н. П. Павлова-Сильванского.

Всякому, кто берет в руки эту книгу Н. П. Павлова-Сильванского, бросается в глаза прежде всего факт огромной подлинно научной работы. Это не «рассуждения» на тему о феодализме, а наблюдения над колоссальным количеством фактов русских и западноевропейских, с которыми нужно либо бороться, либо соглашаться, но которых игнорировать ни в коем случае нельзя. Вот почему так беспокойно зашевелился Олимп в свое время.

Не случайно один из противников феодализма в России — проф. Владимирский-Буданов отозвался на работы Павлова-Сильванского так: «Его теория вносит не дополнение или поправку к существующим воззрениям, а полный пересмотр господствующей историко-политической догмы или, точнее, разрушение ее до глубочайших оснований» [1*]. Как тут не волноваться?

Мне хотелось бы здесь кратко показать, какое место занял Н. П. Павлов-Сильванский не в историографии вообще, а в литературе по вопросу о феодализме в России.

[1*] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 5-е изд. Киев, 1907. С. 293.

Можно сказать, что, чем ближе к нашему времени, чем ответственнее ставятся основные вопросы нашей истории, тем резче отрицается наличие феодализма в России. Историки XVIII в. признавали в России феодализм, но, так сказать, мимоходом, не придавая своим утверждениям большого значения[2]. Шлецер, например, в своем «Несторе» писал: «Рурик остался единодержавным и власть свою укрепил тем, что перенес столицу в Новгород и ввел род феодального правления». Во втором томе того же труда он указывает на то, что Россия в этом отношении не имеет принципиальных отличий от Западной Европы[2*]. Такого же мнения держится и Болтин. Он даже делает попытку объяснить сущность феодальных отношений. «Феодальное право,— пишет он,— не иное что в первоначалии было, как право помещика в деревне своей над его подданными». «Наши древние удельные князья полным феодальным правом пользовались... Царь Иван Васильевич Грозный все их владения разрушил и уничтожил»[3*]. Не отрицал феодализм в России и Карамзин. По его мнению, при Рюрике «вместе с верховною княжескою властию утвердилась в России, кажется, и система феодальная, поместная или удельная, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах»[4*]. А уделы Карамзин считал источником всех последующих бедствий России.

Однако из этих своих замечаний никто из названных историков не делал никаких серьезных выводов, что вполне объясняется тем, что научная теоретическая основа у этих авторов полностью отсутствовала.

Современник Карамзина Полевой, стоявший на несравненно более высоком теоретическом уровне, пытался к феодализму отнестись глубже, но нужно отдать справедливость, это ему тоже не удалось. Он представлял феодализм «политической системой», где князь и его дружина являются «товарищами». По мнению Полевого, этот период в истории России падает на время первых князей, при которых место «товарищей» занимала «варяжская аристократия». Владимир Святославич заменил этот строй «азиатской монархией», «сходной с основными нравами славян». На развалинах этой монархии начинается удельный строй, или «феодализм семейственный». У Полевого, стало быть, два феодализма, два феодальных периода, отделенных друг от друга периодом

[2*] *Шлецер А. Л.* Нестор. СПб., 1809. Т. I. С. 357; Т. II. С. 7 (перевод Языкова).
[3*] *Болтин И.* Примечания на Леклерка. СПб., 1788. Т. II. С. 298—300.
[4*] *Карамзин Н. М.* История государства Российского/Изд. А. Ф. Смирдина. СПб., 1830. Т. I. С. 116.

«азиатской монархии» [5*]. И Полевой, как и Карамзин, считал феодализм «гибельным и страшным для русских государей и подданных».

Очень интересно отметить, что А. С. Пушкин, не будучи, как известно, присяжным историком, несомненно в своих взглядах опередивший современных ему историков, прекрасно, между прочим, понимавший, что без истории нет науки, очень интересовался этим предметом и продумывал проблему весьма внимательно [3]. После некоторых колебаний он признал наличие феодальных отношений и в России, но, что самое главное, признал не мимоходом, как вещь второстепенную, а как этап в истории России. Это объясняется тем, что самое понятие феодализма Пушкин принял у Гизо и под феодализмом разумел не одну определенную форму политического строя, но и известную форму социально-политических отношений — присвоение «победителями» [6*] земли и собственности «побежденных», обращение этих последних в рабов или крепостных, приобретение «владельцами политического значения». К сожалению, Пушкин решал эти вопросы только для себя, в своих черновых тетрадях. Историческая наука шла своим путем, к сожалению, мимо Пушкина.

Нужно подчеркнуть, что в середине XIX в. наши историки уже не ограничиваются примитивными самобытными теориями, а кладут в основу своих работ философские положения Гегеля. Славянофилы и западники уже пытаются представить весь исторический процесс как органическое целое, в прошлом России ищут разрешения проблем будущего. Казавшиеся до сих пор нейтральными вопросы начинают приобретать большое принципиальное и политическое значение.

Русская община, хотя и в туманном представлении, для славянофилов является основой русского общественного строя и решительно противополагается западноевропейскому феодализму (К. Аксаков, И. Киреевский). Западник Кавелин признает до известного момента противоположность России и Запада. Феодализма в России он не отрицает, но относится к нему как к явлению, чуждому России. Он считает, что киевское государство до Ярослава было феодальным, потому что здесь в это время активной политической силой были варяги. «Ярослав, князь чисто русский (уже вполне обрусевший.— *Б. Г.*), первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить ее политическое

[5*] *Полевой Н.* История русского народа. М., 1830. Т. I. С. 201; Т. II. С. 38, примеч. 29.

[6*] Гизо объяснял происхождение феодализма завоеванием: «В течение веков Франция заключала в себе два народа: народ победителей и народ побежденных. В течение 13 веков народ побежденных боролся, чтобы сбросить с себя иго народа победителя» (Большая Советская Энциклопедия. М., 1929. Т. 16. стлб. 796—801).

единство на родовом начале». «Феодальный порядок не мог укорениться на нашей почве и исчез вместе с варягами» 7*.

С. М. Соловьев, сделавший очень большой шаг вперед в вопросе о соотношении истории России и Западной Европы, признававший вместе с Эверсом, что родовой строй есть начальная ступень в развитии всех человеческих обществ, признававший также, что история России, подобно истории других государств, «начинается богатырским или героическим периодом», разумея здесь варварские монархии, тем не менее совсем отрицал феодализм в России, а позднее признал его наличие только до некоторой степени: «На Западе на основании поземельных отношений образуется та связь между землевладельцами, которую мы называем феодализмом... но у нас, на восточной равнине, мы не замечаем подобного явления», потому что у нас слишком много земли, потому что земля наша не похожа на западноевропейскую: на Западе камень, у нас — лес и поле. «В камне свили свои гнезда западные мужи и оттуда владели мужиками», у нас негде вить каменных гнезд, мужи, как и все население, вообще не нуждается ни в каких прочных гнездах, так как «оно беспрестанно движется по широкому беспредельному пространству» 8*.

Современники Н. П. Павлова-Сильванского — Ключевский, Милюков, Дьяконов, Владимирский-Буданов — не признавали феодализма в России. Ключевский проводил иногда аналогии между Западом и Россией, говорил о том, что «в удельном порядке можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями юридическими и экономическими», но феодализма как этапа в истории России не признавал. Милюков, как всем известно, резко противополагал историческое развитие России Западу, делая некоторые уступки в своей теории «контраста» позднее, уже несомненно под влиянием работ Н. П. Павлова-Сильванского.

Итак, можно смело сказать, что у Павлова-Сильванского не только не было предшественников, но что он, прокладывая новые пути, вынужден был преодолевать серьезные препятствия.

Сам Павлов-Сильванский в заключении к своей книге писал, что его выводы и наблюдения «должны показаться совершенно неожиданными для большинства читателей ввиду утвердившегося в нашей науке взгляда на полное своеобразие русского исторического развития и коренное несходство древнерусского строя с феодальным». Он в то же время указывает, однако, на ряд специальных вопросов, хорошо разработанных историками России, даже на ряд выводов, которыми он мог воспользоваться целиком (например, Чичерина). Но это только детали. Общей концепции истории России, где бы отводилось определенное место феодализму, до Павлова-Сильванского у нас не было.

7* *Кавелин К. Д.* Соч. СПб., 1897. Т. I. С. 164—166.
8* *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 1.

Первое и основное значение работ Павлова-Сильванского несомненно состоит в том, что он на огромном материале доказал принципиальное сходство социально-экономического строя древней Руси с западноевропейским феодальным строем. В этом отношении его наблюдения не потеряли своего значения и сейчас. Однако современный читатель не может не заметить значительных расхождений в положениях Павлова-Сильванского с нашими научными подходами как к вопросу о феодализме в целом, так и к трактовке отдельных его сторон.

Павлов-Сильванский на протяжении всего своего труда остается историком-юристом. Феодализм для него не общественно-экономическая формация, не особый социальный организм, имеющий свои законы возникновения, развития и распада, а система норм и институтов права. Отсюда задача — доказать сходство правовых категорий древней Руси и средневековой Европы.

Павлов-Сильванский не дает истории феодальной России, не показывает полностью процесса возникновения, развития и упадка феодального общества, не ставит в связь хозяйственный строй древнерусского общества с общественными производственными отношениями, недостаточно учитывает борьбу антагонистических классов феодального общества в истории этого общества. Однако нельзя сказать, что он совершенно игнорирует это соотношение различных сторон общественной и политической жизни. Он и в этом отношении стоит выше своих современников.

Достаточно взглянуть на план его книги, чтобы убедиться в этом. В противоположность утверждению Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеевича и П. Н. Милюкова о позднем происхождении русской общины, о создании ее правительством, Павлов-Сильванский решительно настаивает на ее древности, выдвигая на передний план своего исследования проблему борьбы общины и боярщины, окняжение и обоярение общины-марки как основного звена в процессе образования и развития феодализма. Огромной заслугой Павлова-Сильванского является его совершенно четкая разработка этого центрального вопроса в истории общественных отношений древней Руси.

Вместо наивной аргументации своих противников, ставивших во главу угла крестьянские переделы как признак, определяющий наличие или отсутствие «общины», он выдвигает свой тезис: «Существо древнейшей общины-марки не имеет ничего общего, как многие думают, с общинным общим землевладением с равным дележом земель между членами общины» [9*] — и предлагает свое понимание сущности общины-марки-волости как самоуправляющейся общественной единицы. «Существо средневековой общины, на Западе — марки, у нас мира, волости — заключается не в об-

[9*] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 64[4].

щинном землевладении, а в самоуправлении. В основе этого мирского самоуправления лежит территориальная власть мира на землю, связывающая нескольких собственников в одно сплоченное целое и обусловливающая все их права и обязанности по отношению к миру» [10*]. Но, совершенно правильно отвергая взгляд на переделы как на conditio sine qua non * существования общины, Павлов-Сильванский сам, однако, делает тут серьезную ошибку, склоняясь к отрицанию общинной собственности на землю, т. е., по существу, лишает общину ее материальной базы, а отсюда совершенно логично отвергает и коллективное владение землей в первобытном обществе. Впрочем, справедливость требует сказать, что отрицание это у Павлова-Сильванского не носит обоснованного характера, а скорее является своего рода гипотезой, над углублением которой Павлов-Сильванский не прекращал работать, но сделать ничего определенного не успел.

Он знает, что Маурер признает коллективное владение землей в первобытной общине, но, ссылаясь на критику этой теории Фюстелем де Куланжем, заявляет, что теория Маурера «действительно не может быть признана вполне достоверной». «Если первобытная поземельная община с переделами земли времен Юлия Цезаря является гипотезой,— продолжает он,— то община средних веков, мирское самоуправление, связанное с общинными угодьями, представляет собою непреложный исторический факт, засвидетельствованный грамотами, сохранившимися в изобилии» [11*]. Тут относительно средневековой общины-марки Павлов-Сильванский тверд в своих позициях.

Отрицание первобытной общины с коллективным владением землей как предшественника средневековой феодальной общины-марки заставляет Павлова-Сильванского примкнуть к идеалистической теории немецких историков-юристов, покоящейся на принципах расовой теории: «Германская сотня-община ведет свое начало, как предполагают немецкие историки, от военного деления племен на сотни — в эпоху переселения народов и раньше, в доисторической арийской древности. Когда племена оседали, названия их военных делений сохранялись и перешли на мирные общины и на занятые ими земли. Так, из военных сотен образовались сотни-общины, и военные сотники превратились в мирских старост, удержав старое название» [12*].

Совершенно тот же процесс, по мнению Павлова-Сильванского, имел место и в истории России: «Наши сотский и тысяцкий,— пишет он,— так же как германские centenarius и millenarius (иначе tiuphadus), по своему происхождению связаны с древним

[10*] Там же.
* Непременное условие (лат.).
[11*] Там же. С. 59[5].
[12*] Там же. С. 98[6].

военным делением племен на сотни и тысячи. Исследователи арийских древностей доказывают, что это деление обще всем арийским народам» [13*]. Из сотенной организации Павлов-Сильванский выводит высшую территориальную власть общины на землю и на этой основе — все общинное самоуправление. «Первые насельники края шли не в одиночку, а ватагами; и, оседая на землю, они сохраняли общественную связь — источник общинного мирского строя» [14*].

Нужно, впрочем, подчеркнуть, что эта «арийская» теория происхождения общины мало отражается на конкретном анализе отдельных институтов феодального права. Автор отделяет эту «гипотетическую» теорию от несомненного факта существования общины-марки в средние века, которая и является главным предметом его исследования. Индоевропейские построения германских историков права оставили более заметный след на других сюжетах в труде Павлова-Сильванского, и это является одним из самых слабых мест в его работе.

Надо, однако, подчеркнуть, что, несмотря на дань, отданную индоевропейской теории, обильный материал, собранный и изученный Павловым-Сильванским, об остатках древнейшей коллективной собственности на землю (особенно § 14 и 15), равно как и его блестящая реконструкция древней общины-волости (Волочек Словенский, Вохна и др.), в значительной мере опровергает заимствованную Павловым-Сильванским у германских историков-юристов гипотезу происхождения общины, подтверждает теорию о сельской общине как продукте и последнем этапе разложения первобытного общества с его коллективной собственностью на землю.

Если Павлов-Сильванский пытался охватить в своем исследовании жизнь общины возможно полнее, хотя и ненадолго, но все-таки заглядывая в далекое прошлое ее истории, то в другом главном предмете своего исследования автор ограничил себя более жесткими рамками. Имею в виду боярщину. Здесь автор отказывается от поисков происхождения боярщины-сеньерии. В своем анализе Павлов-Сильванский исходит из наличия крупного землевладения и исследует лишь пути развития боярщины-сеньерии.

Трудно сказать, почему он поступает именно так, а не иначе. Можно лишь в виде догадки высказать предположение, что, почувствовав некоторое неудовлетворение от арийской теории происхождения общины, признав ее теорией не вполне достоверной [15*], он решил оставаться лишь на почве известных ему фактов и в другом не менее сложном вопросе. Как бы то ни было, он уклонился от трактовки этого трудного вопроса и тем самым

[13*] Там же.
[14*] Там же. С. 145[7].
[15*] Там же. С. 39[8].

избежал опасности попасть в плен теории «оседания» дружины.

Он так и начинает свою вторую часть труда, озаглавленную им «Боярщина», с констатации факта, уже вполне завершенного: «Крупный землевладелец в средние века имел на свою землю не только частное право собственности, но и некоторые государственные права».

В таком же точно положении находится и вопрос об иммунитете. И здесь Павлов-Сильванский отказывается от решения задачи возникновения иммунитета. Он ограничивается лишь общим замечанием о том, что решение этой сложной проблемы «надо искать в направлении, указанном Маурером, именно в отношении вотчин к маркам-волостям» [16*]. В то же время Павлов-Сильванский решительно возражает против гипотезы Вайца о возникновении иммунитета из королевских и княжеских пожалований, подчеркивая, что «иммунитет возник независимо от них» и что «он составляет исконное обычное право крупных землевладельцев» [17*]. Эти замечания Павлова-Сильванского проливают свет на его представление о происхождении иммунитета, несмотря на то что проблема в целом и оставлена им без разработки [18*].

Отказавшись от изучения вопроса о происхождении крупного землевладения и иммунитета, совершенно естественно автор лишил себя возможности правильно решить вопрос о дружине. Павлов-Сильванский признает, что вассалитет средневековья «развивается из отношений дружинных» [19*]. Но мы не находим у Павлова-Сильванского решения вопроса о дружине, о ее происхождении и эволюции. Он ограничивается лишь сравнением ее с германской дружиной и, вполне удовлетворенный обнаружением их сходства, оставляет без рассмотрения самую, в сущности, важную сторону дела — происхождение явления. Этот отказ от исследования, нежелание углубить вопрос заставляют Павлова-Сильванского подчеркивать производные признаки дружинных отношений к князю («нравственная связь, отвлеченная принадлежность дружинника к дому князя», еда, пиры и спанье в палатах вождя, любовь князя к дружине и т. п.). Рядом с дружиной Павлов-Сильванский признает и «бояр земских», т. е. старую знать, которая могла вступать или не вступать в дружину, но которая являлась «земской знатью», к сожалению тоже им не изученной.

Наиболее устаревшей частью исследования Павлова-Сильванского является часть, посвященная характеристике крестьянства и

[16*] Там же. С. 295[9].

[17*] Там же. С. 293[10].

[18*] Вопрос этот дебатировался и после смерти Павлова-Сильванского (*Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; *Пресняков А. Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии. Л., 1927. Вып. 1 (34)).

[19*] *Павлов-Сильванский Н. П.* Указ. соч. С. 353[11].

отдельных его категорий. Павлов-Сильванский совсем не знает «заповедных годов», не учитывает грандиозной хозяйственной разрухи 70—80-х годов XVI в., недостаточно четко различает отдельные категории крестьянства, перенося без достаточных оснований черты одной категории на крестьян иной категории.

И тем не менее, несмотря на эти серьезные дефекты, у Павлова-Сильванского есть очень здоровые мысли для его времени, очень сильно бьющие по самым застывшим представлениям господствовавших теорий. Для него, например, не существует в древней России той «свободы» крестьян, на которой настаивали все столпы нашей тогдашней науки. «Первый настаивал на этом Беляев,— пишет Павлов-Сильванский,— но он говорил это тенденциозно, по политическим соображениям. Он писал свою книгу „Крестьяне на Руси“, когда решалась великая реформа освобождения крестьян, и ему надо было показать, что крестьяне в древности долгое время были свободны. Другие же исследователи говорят о свободе крестьян без оговорок, основываясь на формальных юридических схемах современного нам права, не вполне приложимых к древности». «Свобода их (крестьян.— *Б. Г.*) была ограниченной, и положение их уже в удельное время в существе было близко к положению крепостных крестьян в XVII в.»

Этот важнейший вопрос не решен и сейчас. Еще много придется потрудиться нашим историкам для распутывания этой едва ли не наиболее сложной проблемы. Но всякий, кто будет работать в этой области, не без пользы для себя заглянет в книгу Павлова-Сильванского, несмотря на то что крестьянский вопрос им и разрабатывался не специально.

Работа Павлова-Сильванского сохраняет свое значение не только как блестящая страница в развитии русской исторической науки, но и как наиболее полное и содержательное исследование по вопросам древнерусского феодального права в сравнительно-историческом освещении. Это тот мощный таран, которым Павлов-Сильванский пробил брешь в крепкой цитадели, созданной сторонниками «самобытности» России, и сделал уже в свое время возврат к этим позициям невозможным.

СОЧИНЕНИЯ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869—1908) скончался в момент взлета его творчества, тогда, когда с его именем стали связывать представления о будущем науки отечественной истории. Умер почти внезапно, не довершив задуманного, не увидев в рост посеянное им. Смерть эта поразила знавших его, ощущалась как невосполнимая потеря и сравнительно широким кругом тех, кто задумывался, подобно ему, об исторической судьбе России, о воздействии прошлого ее на настоящее и будущее.

И так как в самый последний период своей жизни Павлов-Сильванский сосредоточил все свои силы на подготовке обобщающего труда о феодализме в русском средневековье, на работы именно этой тематики обращено наибольшее внимание в откликах на его кончину. Эти труды — большой популярный очерк «Феодализм в древней Руси» и незавершенное исследование «Феодализм в удельной Руси», впервые в нашем издании объединенные в одной книге, и воспринимались как главное в жизни ученого, столь убедительно и детально показавшего неосновательность распространенного в ту пору представления о глубоком различии между историческим развитием России и Западной Европы до XVIII в. или даже позднее.

Действительно, мало можно назвать имен историков, главные положения трудов которых, будучи направленными против общепринятых мнений, так скоро получили бы настолько повсеместное признание, стали бы казаться само собой разумеющимися, обязательными и для школьных учебников. Но это же создает и своеобразную аберрацию в суждениях о Павлове-Сильванском, работы которого иной тематики, хотя и напечатанные вскоре в посмертном трехтомном издании его сочинений, подчас рассматриваются как специальные исследования, важные — и даже смелые, новаторские — в изучении определенных проблем истории России XVI—XVII вв. и особенно XVIII и XIX вв., но вне связи с его трудами по истории средневековья, обеспечившими Павлову-Сильванскому имя одного из классиков нашей исторической науки. Говорилось обычно лишь о многообразии научных интересов и знаний ученого, о способности его писать о разных и казалось бы далеких хронологически исторических сюжетах, об умении создавать — и притом одновременно — и исследовательские труды, источниковедческие в своей основе, и научно-популярные статьи, и лекции. Все это верно. Дарованию и многообразию возможностей Павлова-Сильванского как исследователя прошлого и пропа-

гандиста исторических знаний можно дивиться. Но, вероятно, главная линия творчества этого удивительного ученого, обусловившая все его проявления — склонность к осмыслению всего хода истории России, построению синтетической схемы всей истории, воспринимаемой и показанной при этом в конкретности и многообразии. Написав обобщающие по характеру мысли работы (различные по степени основательности использования источников, по задачам, объему, форме изложения) о различных периодах истории, притом по проблемам, как правило, мало изученным, Павлов-Сильванский только приступил к созданию большого обобщающего труда. В части его, детальнее всего обдуманной и подготовленной, посвященной наиболее раннему хронологически периоду, он наметил уже и схему и сформулировал выводы, относящиеся к дальнейшим периодам истории России, попытался сделать то же и в лекционных курсах, в газетной публицистике.

И все это совершалось в осознании необходимости поисков взаимосвязи суждений о прошлом с пониманием современных государственно-политических событий. У Павлова-Сильванского была очень сильна эта потребность. Он писал о том, что «Русская Великая Революция» заставила его «усиленно заняться» книгой о феодализме в удельной Руси, и в то же время именно в последние годы «действительность, история, исправляя ошибки историографии» сильнее всего поколебала воззрения о принципиальном различии исторического процесса в России и на Западе. Это же побуждало ученого, более всего интересующегося в исследовательском плане государственно-политической историей, выяснять вопрос об обусловленности ее социальными, экономическими причинами. Все это делало понятным и всевозрастающий интерес его к трудам Маркса в поисках оснований для социологических построений.

Вообще это отнюдь не столь редкий феномен обращения к изучению прошлого, даже очень далекого, тогда, когда мысли устремлены в будущее. Пример тому статьи и рассуждения о земских соборах виднейших историков и юристов (в их числе и того же Павлова-Сильванского) в годы первой русской революции [1]. Это характерно и для крупномасштабных социологических обобщений. Ведь и Ф. Энгельс, сформировавший вместе с К. Марксом научные представления о пути движения исторического процесса, обращался к исследованию проблем происхождения семьи, частной собственности и государства, к истории крестьянской войны в Германии XVI в., а К. Маркс в последние годы жизни с увлечением составлял хронологические выписки по мировой истории в эпоху Средневековья [2].

[1] *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1971. С. 121—125.

[2] *Поршнев Б. Ф.* Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс-историк. М. 1968.

Для ученого такого склада мысли и такой широкой образованности, как Павлов-Сильванский, особое значение имели, конечно, и так сказать, имманентные закономерности развития исторического знания и приемов его добывания. Рубеж XIX и XX вв. это — время необычайного подъема источниковедческих исследований, осознания значения междисциплинарных связей отдельных отраслей гуманитарных наук. Это предопределяло интерес ученого к возможностям использования новых методов исследования, прежде всего историко-сравнительного характера. Это заставляло его задуматься и о перспективах развития археографии в плане описания и публикации исторических источников. Обнаруживается и понимание важности обращения к сравнительному изучению разных типов источников (словесных — фольклора, разговорного языка, памятников письменности и иных), к тому материалу, который только начинала определять как сферу своего внимания формировавшаяся в то время наука социальной психологии.

Творчество Павлова-Сильванского — чуткий, высочайшего класса барометр, позволяющий определить движение мысли историков в прошлом и в настоящем, степень проникновения в область собственного источниковедческого исследования и историко-социологического построения и элементов историографической традиции (и отечественной и зарубежной), и новаций не только исторической науки, но и всего спектра соприкасающихся с ней в той или иной степени наук. И в этом отношении не только своими выводами и наблюдениями исторического (или источниковедческого) порядка, но и самим подходом к изучению явлений прошлого Павлов-Сильванский во многом предвосхитил то, что стало обычным для науки лишь в последующее время. Достаточно назвать хотя бы его статью о символизме в средневековом правовом мышлении.

Работы Павлова-Сильванского о служилых людях XVI—XVII вв., о реформаторских идеях современников Петра I, о Радищеве и Пестеле, вышедшие при жизни автора, были высоко оценены учеными, а труды, впервые знакомившие со знаменательными явлениями передовой революционной мысли, привлекли внимание так называемого широкого читателя. И все-таки наибольший интерес обнаружился к исследованиям его о феодализме в средневековой Руси и особенно к изложению его взглядов в сравнительно небольшой книге «Феодализм в древней Руси», вышедшей в 1907 г.

Уже первые статьи этой тематики вызвали отклики людей разных поколений и разных общественных воззрений. Они обратили на себя внимание В. И. Ленина и его соратников. Это становится тем более понятным, что молодой Ленин еще до сочинений Павлова-Сильванского увидел характерные черты русского феодализма, и, исходя из марксистского учения о формациях,

глубже его понял коренные причины этого явления и его естественные последствия для хода нашей истории. Но труды Ленина тех лет не были известны в ученой среде. И идея о европейского типа феодализме в средневековой Руси, точнее сказать, о его внешнеправовых формах, распространилась столь широко с работами Павлова-Сильванского.

Книга его вызвала невиданное число откликов и в печати, в лекциях и докладах, в письмах, адресованных автору ее. Можно полагать, что об этом немало было разговоров и в профессорских кабинетах, и в студенческих аудиториях и везде, где собирались люди, склонные к освоению гуманитарных знаний. Известны отклики и историков, причем специалистов и по отечественной и по всеобщей истории, и правоведов, и сверстников автора, и представителей поколения его учителей, даже непосредственных учителей. Это заставляет вспомнить о впечатлении, произведенном в обществе выходом из печати «Боярской думы» В. О. Ключевского, «Истории...» С. М. Соловьева и даже Н. М. Карамзина. Выяснялось, что Россия оказалась по самой сути социально-государственных отношений страной европейского типа еще до того, как Петр I «открыл окно в Европу». Период, охарактеризованный менее ярко по сравнению с другими, в известном тогда всем «Курсе русской истории» В. О. Ключевского, обретал четко запоминающиеся черты, к тому же хорошо понятные тем, кто имел представление о ходе всемирной истории. Это помогало многое понять и в далеком прошлом, и в событиях современности, что и обуславливало столь живое отношение к труду историка отнюдь не только в кругу профессионалов-ученых. Естественно, что выводы Павлова-Сильванского в основе своей поддержали виднейшие авторитеты в области западноевропейской истории. Это облегчало им в дальнейшем возможность обращения к русскому материалу в плане и общесоциологических построений, и детального сравнительного сопоставления материала источников и запечатленных в них правовых норм и признаков развития культуры.

Мимо того, что отмечено было Павловым-Сильванским, не могли пройти те, кто задумывался над важнейшей проблемой — общее и особенное в истории России. Люди передовой общественной мысли сразу же заявили себя сторонниками его основной идеи и опирались на нее в своих исследованиях и в публицистических выступлениях. Это не только революционеры, еще до 1917 г. немало делавшие для формирования и утверждения марксистских взглядов на исторический процесс, но и ученые передовых убеждений, ставшие затем участниками культурного строительства первых лет Советской власти. (Именно они — А. Е. Пресняков, П. Е. Щеголев, М. К. Лемке — более всего сделали и для организации посмертного издания сочинений Павлова-Сильванского в 1908—1910 гг.). Существенно и то, что сама система научных доказательств Павлова-Сильванского, совершенная по

тем временам методика источниковедческого анализа, обеспечивавшего прочную базу для исторического синтеза, привлекли на сторону ученого и наиболее объективных и проникновенных исследователей источников, особенно так называемой петербургской школы, славившейся достижениями в этой области науки. Подкупали убедительность и красота приемов самого исследования.

И потому, когда издана была — уже посмертно — исследовательская монография близкой тематики (также включенная в наше издание), вобравшая в себя очень многое из ранее вышедшей популярной книги, она сразу же утвердилась среди самых значительных исследовательских достижений нашей науки.

Главные положения обобщающих книг Павлова-Сильванского и история их написания и издания охарактеризованы в статье С. В. Чиркова. Включенные в статью сведения, почерпнутые из материалов личного архива Павлова-Сильванского (лишь сравнительно недавно благодаря усилиям С. Н. Валка и особенно В. А. Муравьева[3] введенные в научный обиход), позволяют представить картину формирования этих научных положений. При этом мы узнаем много нового не только о самом Павлове-Сильванском, но и о его современниках-ученых. Мы как бы входим в мир научных исканий и споров начала XX столетия, знакомимся с кругом чтения этих людей, с манерой выражения научной мысли.

Рядом с Павловым-Сильванским четко вырисовывается фигура Александра Евгеньевича Преснякова, ученого столь же широких научных интересов и большого темперамента мысли. (Правда, в отличие от Павлова-Сильванского, интересы которого сосредоточивались преимущественно в сфере общественно-политической, в жизни Преснякова немало места занимала и сфера искусства, особенно театра — он даже писал в петербургской прессе о гастролях Московского Художественного театра, принимал у себя дома Станиславского и его знаменитых сподвижников.) Пресняков так же, как Павлов-Сильванский, приучивший себя к ознакомлению с новейшей отечественной и зарубежной литературой — и не только по истории, но и по философии, социологии и т. д.,— склонный к постоянным размышлениям историографического характера (и при этом большой мастер историографического портрета) в те же годы искал ответа на важнейшие вопросы истории древней Руси.

Помимо взаимной симпатии и доверия друг другу их сближало многое: свойственные обоим живость ума, умение увидеть и

[3] *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та: Секция исторических наук. Л., 1948; *Он же.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского // Труды ЛОИИ. М.; Л., 1963. Вып. 5; *Муравьев В. А.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22.

понять новое, быстрота интеллектуальной реакции, высоко развитая способность к ассоциативному мышлению и великолепная школа исследовательской работы (первая монография Преснякова о лицевой летописи «Царственной книге», напечатанная в 1893 г., когда ее автору было всего лишь 23 года, до сих пор остается образцом тончайшего, скрупулезного и честного источниковедческого исследования). Пресняков, как и Павлов-Сильванский, был склонен и обладал умением серьезно и с увлечением заниматься исследованием исторической проблематики разных столетий, причем, так же как и он, выступил первопроходцем в архивных изысканиях; если Павлов-Сильванский, особенно прославившийся трудами по истории русского средневековья, создал значительные работы по истории общественной мысли XVIII—XIX вв. и по истории Министерства иностранных дел XIX в., то Пресняков — правда, уже после кончины своего друга — более всех других сделал для изучения истории Сената середины XVIII в. и, соответственно, внутренней политики этих лет, долгое время обойденной вниманием историков, находившихся в плену панегиристов Екатерины II [4], а затем написал выдающиеся для той поры работы по политической истории России XIX в.

Общей у них была и потребность определить для себя основные моменты связи времен, и место и значение изучаемых явлений в цепи других (притом на длительном хронологическом протяжении), типологизировать исторические формы и группы фактов (или имеющие внешнее подобие даже отдельные факты), причем и в общесоциологическом срезе, и в плане наблюдений более частного порядка. Наконец, для обоих очевидна потребность обращения для проверки своих построений к сравнительно широкой аудитории, к жанру доклада и особенно лекции, тяга к учительству. У Преснякова это было развито уже опытом сравнительно давнего преподавания, Павлов-Сильванский явно тянулся к этому (тем более, что еще в молодые годы готовил себя к преподавательской деятельности, которой обычно и занимались сдавшие магистерский экзамен). Он сумел необычайно скоро подготовить лекционные курсы, нашел в этом форму и повод для уяснения (возможно, не только слушателям, но и самому себе), обобщения того, о чем размышлял. Вероятно, лекторская деятельность явилась существенным стимулом для столь быстрого написания Павловым-Сильванским книги обобщающе-постановочного характера, притом книги, проникнутой историографической полемичностью. Сама манера изложения в книгах, естественное сочетание безукоризненно логически строгой системы соотношения изучаемых явлений, покоряющей своей убедительной простотой (как при доказательстве теоремы в математике), с образностью языка, рас-

[4] *Шмидт С. О.* Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопр. истории. 1987. № 3. С. 43.

считанными на долгое запоминание яркими, четкими и краткими формулировками, оставляет ощущение обращения не только к читающей, но и к слушающей аудитории.

И понятно, что именно Пресняков (личный архив которого и печатные труды с наибольшей основательностью и серьезными научными результатами изучил автор статьи в этой книге С. В. Чирков [5]) стал и постоянным собеседником и корреспондентом Павлова-Сильванского. Взаимное влияние их на творчество друг друга очень заметно и велико и может даже стать темой особого исследования. И посмертным даром судьбы было то, что Пресняков стал как бы душеприказчиком скончавшегося ученого. Ему более других были знакомы не только научная проблематика незавершенной книги, но и склад научного мышления, даже манера обращения с первоисточниками и литературой своего друга. И это обогатило науку монографией, наиболее приближенной, как думается, к авторскому замыслу.

Проверкой научной строгости, основательности своих построений для Павлова-Сильванского были беседы с Пресняковым и другими близкими ему учеными и особенно переписка. Беседы и споры на научные темы, обычно вперемежку с суждениями об общественно-политических явлениях — давняя традиция русской общественной мысли. И в этом плане Павлов-Сильванский и его друзья выступают в какой-то мере наследниками если не современников декабристов, то во всяком случае тех, кто участвовал в столкновениях славянофилов и западников (тем более, что расхождения во взглядах отнюдь не становились серьезным препятствием к сохранению дружеских отношений). Видимо, устный спор, когда всегда легко от кажущегося наиболее существенным перейти к истолкованию частностей или вовсе отойти от намеченной поставленным вопросом темы, не всегда мог привести к довершению необходимого в тот момент обсуждения. И Павлов-Сильванский прибегал к методическому приему переписки по научным вопросам, даже с очень близкими ему людьми, проживавшими в том же городе. Для этого надо было и очень доверять друг другу, и быть взаимно заинтересованными в достижении определенных результатов, и иметь соответствующую научную подготовку, и, конечно же, равно высокую культуру мышления. Необходимым условием было, естественно, и обладание высокой эпистолярной культурой. А эпистолярным искусством русские интеллигенты владели в полной мере.

Это была традиция воспитания, закрепленная опытом русской художественной литературы и публицистики. Семейная перепис-

[5] *Чирков С. В.* Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971; Список трудов А. Е. Преснякова // Там же; *Он же.* А. Е. Пресняков и его лекции по русской истории // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М. 1988. Т. 3.

ка — важный и до сих пор малоизученный фактор развития нашей культуры. Замечательна переписка А. Е. Преснякова с женой Юлией Петровной, из которой мы можем почерпнуть немало ценного и для познания жизни, творчества и посмертной судьбы в науке Павлова-Сильванского. Семейная переписка Чичериных (а, следовательно, и очень знаменитого в те годы ученого и общественного деятеля Б. Н. Чичерина, и его даровитейшего племянника, ставшего затем революционером и замечательным советским дипломатом Г. В. Чичерина) стала уже предметом специального изучения. Выводы и наблюдения исследовавшего огромный массив переписки семьи Чичериных в XIX — начале XX в. Е. Ю. Наумова[6] должны быть использованы и при рассмотрении научной переписки. Корни этой формы культурного общения можно искать в эпохе Возрождения, деятели которого опирались и на давнюю античную традицию. Нельзя не отметить, что многие, и притом важнейшие, положения исторического материализма сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом в их письмах и к друг другу, и к другим адресатам. Более того, можно полагать, что Энгельс в последние годы почитал своим долгом изложить существеннейшие свои мысли об истории в письмах к более молодым социалистам.

Значение опубликованных в книге писем отнюдь не ограничивается их важностью для понимания самого процесса становления научных замыслов Павлова-Сильванского или формирования научных взглядов его друзей и обогащения наших представлений об этих выдающихся людях, их научных, культурных интересах, стиле их мышления, манере литературного изложения своих мыслей.

Переписка Павлова-Сильванского, так же как и материалы его «рабочего» архива, пожалуй, даже в большей мере, чем предназначенные для печати труды, знакомят нас с лабораторией его исследований, с набором книг, сопутствующим его размышлениям на особенно волновавшие в тот или иной момент темы, вообще с кругом его чтения и культурой обращения к книге, к мнению своих ученых предшественников или оппонентов. Н. Л. Рубинштейн (глава книги которого по историографии и по сей день остается едва ли не лучшей из того, что напечатано о Павлове-Сильванском), С. Н. Валк, В. А. Муравьев, А. Л. Шапиро, С. В. Чирков и другие выявили уже факты несомненного знакомства Павлова-Сильванского со многими работами его предшественников — отечественных и зарубежных историков, правоведов, философов, социологов. Думается, однако, что можно допустить

[6] *Наумов Е. Ю.* Переписка Г. В. Чичерина с Б. Н. и А. А. Чичериными в фондах московских архивов // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981; *Он же.* Переписка семьи Чичериных как культурно-исторический источник // Вопросы истории и историографии русской культуры: Сб. статей. М., 1986.

знание ученым и тех трудов (или, во всяком случае, основных их выводов и приемов обращения их авторов с материалом источников), которые не названы ни в опубликованных работах Павлова-Сильванского, ни в подготовительных материалах к ним (тем более, что архив ученого дошел до нас далеко не полностью; не обнаружено пока даже целое исследование о декабристах).

Для Павлова-Сильванского, безусловно, очень много значили ученые встречи, обсуждения докладов, новейших научных трудов. Это служило ему толчком для новых раздумий и сомнений, обогащало палитру его подходов к первоисточникам и к литературе. Павлов-Сильванский был крайне восприимчив ко всему новому в науке, обладал даром использовать в своей работе приемы, доселе известные, в областях, казалось бы, далеких от его непосредственных научных интересов. Трудно вообразить, чтобы такой мыслитель оказался в стороне от движения научной мысли, центрами которого были в это время Петербургский университет, Академия наук, Археографическая комиссия. «Переносчиком» нового мог быть для Павлова-Сильванского и его друг Пресняков, непосредственно вращавшийся в среде этих ученых. Очевидно и определенное воздействие на Павлова-Сильванского и его университетского учителя — С. Ф. Платонова, с его манерой ясного и доходчивого изложения, с обязательными историографическими экскурсами, а также М. А. Дьяконова, обладавшего даром четкой систематизации многообразного историко-правового материала.

Безусловно и близкое знакомство Павлова-Сильванского с П. Е. Щеголевым, которому родственники покойного ученого доверили распорядиться изданием его научного наследия. Вероятно, Павлов-Сильванский был в той или иной мере знаком с трудами и деятельностью не только самого Щеголева по истории передовой общественной мысли и революционного движения (тем более, что и сам был в числе зачинателей изучения в исследовательском плане этих тем), но и близких к нему старших его сотрудников — В. И. Семевского и В. Я. Богучарского. В источниковедческих приемах этих передовых историков и археографов Павлов-Сильванский мог также воспринять нужное для своей многообразной работы, особенно в области популяризации исторических знаний, тем более, что в годы революции 1905—1907 гг. Павлов-Сильванский был одним из самых деятельных историков-публицистов.

Сравнительное изучение трудов Павлова-Сильванского и А. А. Шахматова и А. С. Лаппо-Данилевского, можно думать, обнаружит творческое освоение Павловым-Сильванским и того, что сделано было и этими крупнейшими источниковедами и археографами начала нашего века. Текстологические подходы Шахматова, сформулированные им задачи археографии нарративных памятников средневековья близки к тому, о чем писал Павлов-Сильванский. В русле его интересов и размышления Лаппо-Данилевского

об актовых источниках и о природе отражения источником вообще исторической действительности, образа мысли людей далекого прошлого. Выход этой книги облегчит теперь сопоставительное изучение наиболее выдающихся трудов отечественных историков предреволюционной поры и тем самым поможет избавиться от несколько однозначных представлений о кризисе буржуазной науки как о явлении только упадка этой науки. Выходящие все в большем числе серьезные, опирающиеся и на неопубликованное наследие, труды о русских и зарубежных историках рубежа веков позволяет более ясно определить место и трудов Павлова-Сильванского в развитии нашей науки, место его в процессе развития мировой исторической мысли, и особенно источниковедения. Тема «Павлов-Сильванский — источниковед» пока остается совершенно неразработанной, хотя представляет особый интерес и в методическом и в собственно историографическом планах.

Труды Павлова-Сильванского о русском феодализме — новаторские и по постановке основных вопросов и по исследовательской методике — встречены были современниками как новое слово в науке. Но утвердиться в сознании и ученых и более широкой общественности его взгляды смогли потому, что находились в русле магистрального развития русской истории. В той или иной степени, сознательно или даже бессознательно, о существовании в России того, с чем связывалось представление о феодализме как об общественно-государственном строе с соответствующей ему системой менталитета (если употреблять принятые в наши дни термины), писали историки и до Павлова-Сильванского. Он первым сумел увидеть в этом именно главную линию развития общества в средневековой Руси и сделать на этом основании вывод об отсутствии коренного отличия нашего средневекового порядка от феодального, а, следовательно, характерного для истории Западной Европы в те же или близкие к ним столетия. И он, разобрав достаточно подробно мнения своих предшественников по изучению отечественной истории, имел основания закончить первую главу своей книги «Феодализм в древней Руси» словами: «Моя работа отнюдь не оторвана от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд» и писать о том же в письме к историку права В. И. Сергеевичу. Само построение Павлова-Сильванского — это результат большой работы, проделанной до него русскими историками. Их детальные исследования, составленные ими толковые словари древнерусской терминологии, существеннейшим образом обогащали к началу XX в. представления о древней Руси по сравнению со временем написания своих трудов не только Карамзиным, но и Эверсом.

Утверждению в науке положений Павлова-Сильванского способствовало и то, что именно в эти же годы русские медиевисты, исследующие прошлое стран Западной Европы, достигли самых передовых рубежей мировой науки. Павлов-Сильванский — младший

современник П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского, ученых, обращавших особое внимание на региональные особенности в развитии всемирной истории. Их труды привлекали в те годы читающую публику и как бы предопределили поиск ответа на вопрос об общем и особенном в истории России, помогали увидеть гораздо большее сходство в истории нашей страны до XVIII в. с историей других стран, чем это предполагалось теми, кто однолинейно делил историю России на допетровскую и послепетровскую. Едва ли не знаменательно то, что самая популярная из работ Павлова-Сильванского книга «Феодализм в древней Руси» вышла в издававшейся под редакцией Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время».

Эти выводы существенно облегчали и обоснование общесоциологических построений и потому были сразу же использованы историками-марксистами. Один из самых образованных из них М. С. Ольминский счел необходимым написать некролог Павлова-Сильванского, воспроизведенный в нашей книге. Эти выводы были творчески восприняты и, так сказать, взяты на вооружение молодыми учеными, в исследовательском плане изучавшими историю средневековой России, что облегчило им впоследствии, в 20—30-х годах, переход на марксистские позиции. Это нашло ясное отражение в публикуемой статье В. Д. Грекова, в приводимых в книге высказываниях сверстника его С. В. Бахрушина. На рубеже 20—30-х годов М. Н. Тихомиров в небольшой книге о феодальном порядке на Руси и совсем еще молодой Л. В. Черепнин в одной из первых своих статей о феодальных отношениях на Руси XIV—XVI вв. мыслили еще в значительной мере категориями книги Павлова-Сильванского [7].

Труды Павлова-Сильванского подготовили почву для дальнейшего прогрессивного движения исторической мысли. Для своего времени выводы Павлова-Сильванского казались очень смелыми, идущими вразрез с авторитетнейшими мнениями. Сейчас нас удивляет наивность и неосведомленность тех, кто оспаривал его суждения. Так как в этой книге собраны работы ученого только по истории древней Руси, ограничим себя рассуждениями в этой области. Главные положения обеих книг Павлова-Сильванского кажутся, повторяю, само собой разумеющимися, более того, явно недостаточными на сегодняшний день, относящимися лишь к кругу общественно-государственной жизни.

Книги в определенной мере устарели, как и другие труды Павлова-Сильванского и труды его современников, явно не соответствуют современному уровню фактических знаний о древней Руси и вообще о средневековье, удивляют нас подчас своими умозаключе-

[7] *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 314 и след.; Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 31—80.

ниями, если подходить к ним с точки зрения наших сегодняшних научных методик и историографических представлений.

Но именно эти труды Павлова-Сильванского в большей степени, чем другие работы, сделали допустимым новую постановку тем исследований по широкому кругу уже не только общественно-государственных, но и социально-экономических и культурно-исторических проблем, искать в истории аналогии с многообразными явлениями зарубежной истории. И признаваемым ныне классическими трудам Б. Д. Грекова о Киевской Руси и крестьянстве, М. Н. Тихомирова о городах, Б. А. Рыбакова о ремесле — было бы труднее пробить дорогу к сознанию ученых специалистов, а затем и самого широкого читателя, если бы не утвердились в нашей науке уже к тому времени представления, связываемые обычно с творческим подвигом Павлова-Сильванского.

Для понимания путей развития исторической научной мысли важно уяснить, почему Павлов-Сильванский впервые суммировал свои основные положения о русском феодализме в книге не специально монографического типа, а в научно-популярной. Здесь сказались и демократические традиции нашей науки, когда самые выдающиеся умы обращаются к широкому читателю и слушателю и имеют способность высказывать наиболее важные для них и даже требующие солидной ученой аргументации мысли в форме, доступной восприятию многих и привлекающей изяществом логических построений и образностью языка. Высокие тому образцы книги Тимирязева и Менделеева, Вернадского и Ферсмана, Николая и Сергея Вавиловых. Это — традиция и отечественной исторической науки. Пример тому знаменитые публичные «Чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева, также переизданные недавно в серии «Памятники исторической мысли». И именно таким был век, когда еще не знали воздействия кино и телевидения — наиболее действенный путь воспитания историей.

Тогда, когда писал свои работы Павлов-Сильванский, Карамзин по-прежнему вдохновлял только писателей, художников, композиторов. Ученые же обращались лишь к его примечаниям. Уже изданы были второй раз 29 томов «Истории...» С. М. Соловьева. Но широкая публика читала повсеместно «Курс русской истории» В. О. Ключевского, определенную популярность имели «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова, вышедшие тогда уже пятым изданием. И Павлов-Сильванский, сознавая сколь велико принципиальное значение понимания им хода русской истории в средние века для познания всего хода отечественной истории и места России во всемирной истории, склонен был к написанию книги не только для специалистов, но для всех интересующихся историей, дополнив ее уже затем традиционной по форме монографией на схожую тему, адресованной преимущественно подготовленному специально читателю. Рассчитывал он, видимо, и на перевод своей работы за рубежом, где все возрастал интерес и к прошлому Рос-

сии, и уже тогда стало практикой написание крупными учеными популярных книг. Книга его мыслилась как ответ и противопоставление Ключевскому и Милюкову, более того, как новое слово о том, о чем они писали прежде него.

Первая книга Павлова-Сильванского любопытна и в том отношении, что показывает, что именно привлекало в те годы внимание интересующихся прошлым и желающих понять это прошлое для лучшего представления о настоящем и будущем, и какими способами старались закрепить это внимание. Предназначая свое сочинение для «широкой публики», Павлов-Сильванский исходил, видимо, из сложившихся уже у него понятий о «модели» культурных интересов и возможностей восприятия читателя определенного уровня исторической и социологической образованности [8].

Заметно отличие книги Павлова-Сильванского от книг Ключевского и Милюкова не только в неодинаковости суждений о многих исторических явлениях, но и подходом автора к самой подаче своего материала. В книгах «Курса русской истории» Ключевского почти отсутствует историографический элемент (Ключевский подчас даже не упоминает о существовании разных мнений, чаще всего не спорит, а просто формулирует свои взгляды и крайне редко называет имена своих предшественников). Мало и источниковедческих моментов — мы не узнаем, какова источниковая база его рассуждений, в какой мере он использует известные тогда источники. У Милюкова уже больше и того и другого, особенно историографических экскурсов — в полемическом задоре он, пожалуй, не уступает Павлову-Сильванскому. Но только Павлов-Сильванский и выделяет особую большую главу для полемического (хотя формально и примирительного в концовке) изложения взглядов других историков и — главное — строит свое построение на анализе источников. (Быть может, в этом сказался опыт работы историка-архивиста, вкус к архивным изысканиям?) И тем самым показывает, что знать, на основании чего мы это ведаем, насколько надежны наши данные, каким образом мы их проверяем — не менее важно и, что самое существенное в данном аспекте, интересно, чем знать: как? почему? где? когда? что? происходит. Это призыв не столько к памяти или художественному чувству (как при чтении Ключевского), а к мысли читателя. И в этом отношении книга Павлова-Сильванского тоже была новаторской, как бы знаменуя собой начало века, называемого «веком науки».

Читая труды Павлова-Сильванского и о нем, объединенные в этой книге, мы лучше понимаем: что знали о прошлом в начале нашего века, как формировались эти знания, какое воздействие оказывали эти труды на дальнейшее развитие исторической мысли.

[8] *Шмидт С. О.* Историографические источники и литературные памятники // Исследования по древней и новой литературе: Сборник статей в честь академика Д. С. Лихачева. Л., 1987. С. 360—361.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ И ЕГО КНИГИ О ФЕОДАЛИЗМЕ

Н. П. Павлов-Сильванский был одним из крупнейших русских историков конца XIX — начала XX в. Его творчество развивалось в период империализма, когда резко обострились классовые противоречия, произошла дифференциация политических направлений, идеологическая борьба приобрела чрезвычайно резкие формы. Время сталкивало историка с жизнью, требовало от исторической теории ответов на жгучие и неотложные вопросы современности. В этих условиях Н. П. Павлов-Сильванский оказался одним из немногих буржуазных историков, кто честно попытался дать ответ на возникшие вопросы, осознать пути развития России на великом революционном переломе. Такая попытка неизбежно вела к пересмотру устаревших историографических представлений, к критике господствовавших схем исторического прошлого страны. Н. П. Павлов-Сильванский создал новую схему русского исторического развития, одну из последних схем в русской буржуазной историографии, во многом отвергавшую старые, изжитые представления. Обоснованная им теория русского феодализма не только ставила на научную почву изучение средневековой Руси, но и вела к существенным политическим выводам, утверждая общность исторического процесса в России и в Европе. Труды Павлова-Сильванского представляют крупное явление в буржуазной историографии и являются выдающимся памятником отечественной исторической мысли.

Н. П. Павлов-Сильванский происходил из среды интеллигенции. Дед и прадед его были священниками в селах Харьковской губернии, причем дед, Николай Гаврилович (1806—1879), был в свое время широко известен литературной и просветительской деятельностью. Общественное движение середины XIX в. коснулось его семьи. Сам Николай Гаврилович попал под суд за открытие женской народной школы. Дети его оторвались от «духовного» поприща: старший, Павел Николаевич (1833—1897), отец историка, поступил на медицинский факультет Харьковского университета, другой, Николай Николаевич, окончил юридический факультет и стал впоследствии известен как «мятежный прокурор» [1]. Сделав-

[1] Н. Н. Павлов-Сильванский, служивший прокурором Оренбургской судебной палаты, в 1875 г. был уволен, так как подозревали, что он состоит в «тайном обществе». В 1875—1876 гг. в Петербурге он принимал участие в революционных кружках, сотрудничал в либеральной газете «Голос», в 1898 г. напечатал письмо о злоупотреблениях в Оренбургском крае

шись доктором медицины, Павел Николаевич практиковал в разных городах, а затем перешел на службу по Министерству финансов, жил в Сибири, потом в Петербурге, под старость дослужился до действительного статского советника [2].

Родился Николай Павлович Павлов-Сильванский 1 февраля 1869 г. в Кронштадте, где отец в то время был врачом 2-го флотского экипажа. Лишь самые ранние годы детства он провел в Кронштадте, затем семья переехала в Красноводск; некоторое время мальчик жил у деда на Украине, в селе Сватове Харьковской губернии. Затем он возвратился к родителям, которые в это время жили в Омске [3]. Уже в гимназические годы обозначилось «раннее недетское развитие» Павлова-Сильванского: биографы отмечают самостоятельность его чтения, любовь к художественному слову, к поэзии. Когда весной 1884 г. семья переехала в Петербург, Павлов-Сильванский поступил в шестой класс гимназии при петербургском Историко-филологическом институте. После временных затруднений, вызванных различием в уровне подготовки в провинциальной и столичной гимназиях, он стал одним из первых учеников и закончил курс с медалью. С наибольшим интересом он изучал русскую литературу и историю. Преподаватели знали о его любви к этим наукам и поощряли к дополнительным занятиям сверх гимназического курса. Эта склонность была отмечена и в аттестате зрелости: «Любознательность — весьма значительная, особенно по отношению к русской словесности и истории» [4].

Сложившиеся в гимназические годы симпатии определили и выбор факультета: без колебаний летом 1888 г. Павлов-Сильванский подал прошение в Петербургский университет о зачислении его на историко-филологический факультет. Университетские науки сразу захватили его. Первые студенческие годы он вел даже замкнутый образ жизни, товарищей почти не имел, сидел больше дома и много читал. Но потом подружился с однокурсниками, из которых особенно сблизился с В. Ф. Боцяновским и С. А. Адриановым. Через последнего, видимо, он сошелся с участниками кружка, группировавшегося вокруг профессора всеобщей истории Г. В. Форстена, в частности с А. Е. Пресняковым. Кружок «форстенят» известен своим «академическим», умеренно либеральным направлением [5]; в русле этого направления оставались в студенческие годы и убеждения Н. П. Павлова-Сильванского. В это время он изучает исто-

В марте 1879 г. Н. Н. Павлов-Сильванский был арестован. См.: *Шилов А. А., Карнаухова М. Г.* Деятели революционного движения в России. М., 1931. Т. 2, ч. 3. Стб. 1129.

[2] Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. 1897. Т. XXIIа.

[3] *Клочков М. В.* Николай Павлович Павлов-Сильванский: Некролог // Ист. вестник. 1908. № 11. С. 633—634.

[4] Там же. С. 636—637.

[5] *Кан А. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 81—89.

рию русской литературы. Сохранилась рукопись большого очерка «Русские беллетристы-романтики 20—40-х годов», относящаяся к 1891—1892 гг. Увлекся Павлов-Сильванский Чеховым, который тогда еще не был в достаточной степени оценен литературной критикой. Осенью 1889 г. Павлов-Сильванский поступил в Археологический институт, некоторое время аккуратно посещал лекции, затем к институту совершенно охладел. Однако более основательное изучение вспомогательных исторических дисциплин, чем давал университетский курс (они читались на первом курсе института), сказалось на дальнейшей работе историка. Особенно важное влияние на формирование исторических взглядов Павлова-Сильванского оказало его увлечение социологией и позитивистской философией. По свидетельству его товарищей, Бокль, Огюст Конт, Спенсер одно время были для него чуть ли не божествами. Рано определился социологический подход Павлова-Сильванского к русской истории. По мнению А. Е. Преснякова, «весь склад его ума, устремленного к полноте обобщения, обусловил невозможность удовлетвориться изучением конкретных явлений в их индивидуальной самобытности. К историческим изучениям он готовился в социологической школе» [6].

В 1890 г. для «практических упражнений» у С. Ф. Платонова им был написан реферат «Кабальное холопство и его происхождение». По мнению С. Н. Валка, именно в это время у Павлова-Сильванского и зародился интерес к проблемам истории феодализма [7]. Впрочем, темы студенческих занятий Павлова-Сильванского по русской истории были достаточно разнообразны: сохранились его рефераты о боярской думе XVII в., об «ограничительных записях» московских царей начала XVII в.[8] Первой опубликованной работой стало студенческое сочинение «Пропозиции Федора Салтыкова», посвященное Петровской эпохе [9].

После окончания университета в 1892 г. Н. П. Павлов-Сильванский был оставлен при нем «для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории». Средств к жизни это не давало, поэтому ему пришлось поступить на службу в Министерство иностранных дел (по департаменту внутренних сношений). Одновременно он усиленно готовился к магистерскому экзамену. По русской истории С. Ф. Платонов предложил ему следующие темы: «Политическое устройство Руси в Киевский и удельный периоды», «Бояре и служилые люди», «Крестьяне и холопы», «Большая

[6] *Пресняков А. Е.* Н. П. Павлов-Сильванский (род. 1869 г.— ум. 1908 г.): (Некролог) // ЖМНП. 1908. № 11. С. 12.

[7] *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 55.

[8] *Муравьев В. А.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 282.

[9] ЖМНП. 1892. № 3.

Уложенная комиссия 1767—1768 гг.», «В. Н. Татищев как историк». Часть из них затем получила развитие в творчестве историка.

В годы подготовки к магистерским экзаменам Павлов-Сильванский не прерывал и философских занятий. Именно к этому времени относятся документы, свидетельствующие о том, что он подвергся влиянию марксизма. К ноябрю 1894 г. у него сложился замысел работы «Идеи исторического материализма у русских историков». В это же время впервые в его черновиках появилась тема «Феодализм в России». В начале 1895 г. Павлов-Сильванский набросал план своей будущей магистерской диссертации под названием «Частная зависимость на Руси», из которого следует, что данную тему он намеревался исследовать «с точки зрения права и экономических отношений» [10].

Написание магистерской диссертации, затем преподавание в университете — обычный путь ученых той поры. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В апреле 1895 г. Павлова-Сильванского постигла неудача на первом же магистерском экзамене. Из сохранившихся документов факультета явствует только то, что ответ Павлова-Сильванского не был признан удовлетворительным. Известно, что экзаменовался он по всеобщей истории, а экзаменатором был Н. И. Кареев. П. Е. Щеголев написал, что Павлов-Сильванский «провалился» на экзамене «как раз на вопросе о феодализме» [11]. Эта версия утвердилась в литературе. Между тем М. В. Клочков, со слов самого Павлова-Сильванского, несколько уточняет обстоятельства неудачного экзамена. Павлов-Сильванский «прочел всю литературу, которая ему была указана, составил для нее конспекты и приступил к сдаче экзамена... Чтобы не было очень страшно, он предполагал начать экзамены не с предмета своей специальности — русской истории, а с истории всеобщей, в которой он чувствовал себя уверенней. За несколько дней до экзамена он зашел к профессору-экзаменатору побеседовать. В разговоре Н. П. сказал, что вот недавно вышла новая книга по тому вопросу, который он взял для экзамена. Это была книга М. Ковалевского «Происхождение современной демократии», 1 т. — Вы ее читали? — спросил профессор.— Да, читал,— отвечал Н. П., хотя, добавлял он при рассказе об этой истории, в том списке, который ему был дан раньше для изучения, этой книги не было, но он [Н. П.] по своему почину прочел и эту книгу. На этом разговор и кончился. Когда настал экзамен, то первый вопрос — это был из книги Ковалевского. Н. П. отвечал, по его мнению, удовлетворительно. Но экзаменатора, видимо, общий ответ не удовлетворил, и он стал спрашивать по главам: о чем говорится во 2 главе, в 3 и т. д. Н. П. отвечал, но не детально. Весь экзамен вертелся в пределах одной этой книги, и только. По выходе из зала заседа-

[10] *Валк С. Н.* Историческая наука... С. 55.

[11] *Щеголев П. Е.* Памяти Н. П. Павлова-Сильванского // Минувшие годы. 1908. № 10. С. 313.

ния Н. П., по его словам, был спокоен, думая, что экзамен выдержал. Но вот заседание оканчивается, и ему сообщают, что его ответы признаны неудовлетворительными, и ему экзаменатор предложил просмотреть книгу Ковалевского вновь и прийти для экзамена на следующее факультетское заседание.

Это событие произвело на Н. П. удручающее впечатление... Он говорил, что с ним поступлено несправедливо. С течением времени обида прошла, и он стал думать, что здесь произошло очевидное недоразумение. Мне лично Н. П. объяснил дело так: экзаменатору из беседы перед экзаменом могло показаться, что он хорошо приготовил только книгу Ковалевского и хотел бы, чтобы из нее его и спросили, а когда на экзамене ответы Н. П. не были детальны, тот хотел повторным экзаменом заставить его хоть одну книгу приготовить в совершенстве. Но, по уверению Н. П., с его стороны никакой подобной политики в действительности не было: к экзамену он проштудировал все указанные ему книги»[12].

Как бы то ни было, но Павлов-Сильванский не решился вновь предстать перед факультетом в роли испытуемого, и дорога к магистерской степени, а вместе с тем к университетской кафедре была для него закрыта. На долгие годы дальнейшая его работа оказалась связанной со службой «по ведомству» Министерства иностранных дел и отчасти подчинилась запросам этого ведомства. Внешне его карьера складывалась вполне благополучно. Поступив на службу делопроизводителем VIII класса, в 1899 г. он перешел в Государственный архив, где, будучи делопроизводителем VI класса, фактически замещал директора архива. По делам министерства он несколько раз ездил за границу, посетил Рим, Вену, Париж, Лондон. Не был обойден чинами и наградами. Однако «чиновная» карьера не привлекала историка. Он стремился к любой научной работе. В 1898 г. Павлов-Сильванский опубликовал составленный им по «официальному поручению» Министерства внутренних дел труд «Государевы служилые люди: происхождение русского дворянства». Книга вышла без предисловия и не в том виде, как была задумана автором, так как ему не удалось и коснуться «феодального периода» русской истории[13]. В первые годы нового века Павлов-Сильванский возглавил издание юбилейного «Очерка истории Министерства иностранных дел: 1802—1902» (СПб., 1902). Помимо исполнения обязанностей главного редактора, он написал значительную часть текста книги. Первоначально Павлов-Сильванский дал широкий обзор международных отношений и внешней политики России в годы управления министерством К. В. Нессельроде, затем, однако, по условиям «официального» издания текст этот был сокращен. Во время работы Н. П. Павлов-

[12] *Клочков М. В.* Указ. соч. С. 638.
[13] *Пичета В. И.* Павлов-Сильванский Николай Павлович // Энцикл. словарь рус. библиогр. ин-та Гранат. Т. 31. Стб. 14.

Сильванский сблизился с сотрудником Государственного архива будущим советским дипломатом Г. В. Чичериным.

Множество более мелких служебных дел, естественно, отрывало Павлова-Сильванского от собственно научной работы. В то же время работа в Государственном архиве открывала новые возможности для научных исследований: Павлов-Сильванский получил доступ к секретным материалам по истории революционного движения в России, а предпринятая под его руководством разборка документов архива привела к обнаружению ценных источников, в частности, по истории петровских преобразований. Изучению этих источников Павлов-Сильванский посвятил цикл трудов, составивших особое направление его исследований. Продолжая начатую еще в студенческие годы работу, он собрал и опубликовал в 1897 г. снабженные исследовательским очерком «Проекты реформ в записках современников Петра Великого». Обнаруженные в Государственном архиве и в Московском архиве Министерства иностранных дел документы И. Т. Посошкова, П. А. Толстого, царевича Алексея и др. были рассмотрены в отдельных этюдах. В изучении эпохи Петра I Павлов-Сильванский выдвинул свою концепцию, отвергая то полное развенчание Петра и его реформ, какое было характерно для Милюкова и других представителей буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Павлов-Сильванский полагал, что нельзя отрицать «громадное значение личности Петра в процессе реформы». Но, говоря о существе реформы, он считал, что после петровских преобразований возникла абсолютная монархия, однако основы социально-политического строя — сословный строй государства, крепостное право — остались прежними.

С работой в архиве непосредственно связано и начало изучения Павловым-Сильванским истории русского общественного движения XVIII—XIX вв. Движение декабристов привлекло к себе внимание историка, когда он в 1900—1903 гг. разбирал фонд следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов. В 1901 г. он написал для «Русского биографического словаря» первую в исторической литературе научную биографию П. И. Пестеля. В статье были помещены извлечения из знаменитой «Русской Правды», которая оставалась недоступной для исследователей вплоть до 1906 г. В дальнейшем Павлов-Сильванский выпустил два варианта большой работы «Пестель перед верховным уголовным судом», напечатал обобщающую статью «Материалисты двадцатых годов», написал обстоятельную «Историю Южного общества» (впоследствии утерянную), готовил издание «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ». Характерно, что историка привлекало наиболее революционное крыло декабристского движения.

По мнению советского исследователя Г. А. Невелева, предложенная Павловым-Сильванским концепция истории движения декабристов была для своего времени важным шагом вперед. Наблю-

дения историка вели к мысли о том, что корни декабризма следует искать в условиях русской действительности [14].

История освободительной борьбы в России рассматривалась Павловым-Сильванским как закономерный процесс, с которым он связывал современные ему события первой российской революции. Во вступительной лекции, прочитанной 21 февраля 1906 г. в Высшей вольной школе П. Ф. Лесгафта, Павлов-Сильванский говорил: «Радищев, декабристы, шестидесятые годы, народовольцы, марксисты и социал-демократы, народники с их преемниками социалистами-революционерами — таковы главные этапы нашего великого освободительного движения, беспримерного в истории по числу жертв, по силе героического самопожертвования» [15]. Корни освободительного движения Павлов-Сильванский видел в историческом прошлом русского народа. Он резко высказывался против представлений о «патриархальности» древней русской истории. Опровергая эту «официальную ложь», он утверждал, что «наша борьба с государственной властью ведет свое начало из древности... Вся наша древность залита кровью мятежных народных движений» [16]. Еще одно направление научных занятий Павлова-Сильванского, которое успело наметиться только в общих чертах,— это изучение антифеодальной борьбы крестьянства. Одна из статей была посвящена истории крестьянского движения при Павле I.

Под влиянием событий первой российской революции происходил переход Павлова-Сильванского к демократическим убеждениям [17]. Еще в декабре 1904 г., накануне революционных событий, историк писал о необходимости реформ, связывая их осуществление с «державной волей государя императора» [18]. Резкий перелом в политическом сознании Павлова-Сильванского произошел после 9 января 1905 г. Щеголев вспоминал о том, как пережил Павлов-Сильванский события этого дня: «В этот день он вместе с пишущим эти строки бродил по улицам Петербурга, видел и кавалерийские атаки, и стрельбу залпами. Спасшись от плотного строя кавалергардов, очищавших Б. Морскую, начиная от арки, мы скрылись в подъезде одного дома, выходящего на Мойку. Собираясь выйти на Мойку, мы увидели, как рота пехоты, взбежав на Полицейский мост, осыпала залпом перспективу Невского и Мойку, вправо и влево. Спешно вбежали мы в дом и увидели, как потянулись окровавленные люди, лошади, извозчик с простреленными

[14] *Невелев Г. А.* Н. П. Павлов-Сильванский — историк декабристов // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 1.

[15] *Павлов-Сильванский Н. П.* История и современность // История и историки: Историогр. ежегодник, 1972. М., 1973. С. 343.

[16] Там же. С. 344.

[17] *Муравьев В. А.* Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // Там же. С. 337.

[18] *Валк С. Н.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского // Труды ЛОИИ. М.; Л., 1963. Вып. 5. С. 619.

пальцами; старуха, ползущая по тротуару... Н. П. был разбит, потрясен. Он плакал навзрыд, не мог долго прийти в себя. Он буквально бился головой о стену и сквозь слезы все повторял: „Что они делают, что они делают?“ Слезы сменил припадок крайнего негодования» [19].

С присущим ему жаром Павлов-Сильванский отдался политической деятельности. Уже вскоре он начал сотрудничать в газете «Наша жизнь» — органе левых кадетов. В опубликованных здесь политических статьях и памфлетах «За кулисами внешней политики», «Оскорбленный патриотизм», «Классовые противоречия», «Сперанский и Лорис-Меликов» историк, отказавшись от прежней наивной веры в царизм, развивал идеи о закономерности русской революции, о сходстве ее с Великой французской революцией [20]. В 1905 г. Павлов-Сильванский участвовал в земском съезде в Москве, в избирательной кампании во время выборов в Думу, заседал в кадетском комитете Александро-Невского района Петербурга [21]. Еще более деятельное участие он принял во второй избирательной кампании: «Он организовывал митинги и выступал на них; в предвыборные дни его квартира была штабом, в котором писались бюллетени, раздавались агитационные листки, толклись люди всевозможных профессий» [22]. Однако Павлов-Сильванский был «кадетом несколько особым» [23]. Он горячо защищал «партию народной свободы» на первых порах, но со временем его охватили сомнения в верности ее пути. Уже в 1906 г. в лекции «История и современность» он порицал умеренность, «академичность», сравнивая их с жирондистами, и с большой симпатией отзывался о левом крыле французской и русской революций [24]. Показателем «полевения» Н. П. Павлова-Сильванского является и его оживленная переписка в те годы с Г. В. Чичериным.

Образование в результате революции 1905 г. «вольных» высших учебных заведений открыло перед Павловым-Сильванским дорогу к преподавательской работе. В феврале—апреле 1906 г. он прочитал свой первый курс русской истории в Высшей вольной школе П. Ф. Лесгафта, в июне 1907 г.— специальный курс о русском феодализме для учителей средних учебных заведений, возвращавшихся с нелегального профессионального съезда в Финляндии, в октябре—декабре того же года — курс русской истории для слушателей Петербургских высших коммерческих курсов. В ноябре 1907 — апреле 1908 г. Павлов-Сильванский читает курс истории

[19] *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 311.
[20] *Муравьев В. А.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского... С. 290.
[21] *Клочков М. В.* Указ. соч. С. 641.
[22] *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 312.
[23] *Валк С. Н.* Вступительная лекция... С. 625.
[24] *Муравьев В. А.* Лекционные курсы Н. П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 250.

русского права XVI—XIX вв. слушательницам Высших женских (Бестужевских) курсов [25]. По отзыву Клочкова, преподавательская деятельность Павлова-Сильванского «вначале пошла не совсем гладко. Будучи человеком очень самолюбивым, он хотел, чтобы его лекции были с первых же шагов преподавания превосходными. Но когда он замечал, что, благодаря отсутствию опыта, его лекции мало захватывают слушателей, то он нервничал, терялся, иногда прямо бросал свою аудиторию или передавал ее другому. Идя на лекцию, он иногда выглядел просто мучеником. Но потом Н. П. понемногу освоился с аудиторией, находил нужные струны у слушателей и вызывал в них большой интерес к своему предмету. Мне лично не раз приходилось его видеть после лекций то подавленного, то оживленного и радостного. Зная его живой ум, умение ясно и точно формулировать свои мысли и быстро, с темпераментом передавать их, можно было бы наперед сказать, что из него, при наличности опыта, вышел бы прекрасный профессор. Эти страдания по поводу лекций красноречиво говорят о том, что он не был бы ординарным, скучным лектором, равнодушно излагающим свою науку» [26]. Опубликованные в последние годы тексты лекций Павлова-Сильванского дают некоторое представление о его педагогическом направлении. Преподавательская деятельность оказала влияние и на научную работу Павлова-Сильванского: так, в курсе русского права он нашел удобную форму для полной обработки своей новой схемы русского исторического развития, повод для раскрытия концепции русского феодализма. История русского феодализма все более приковывала к себе внимание и силы историка. С 1907 г. он отложил дальнейшую разработку истории декабристского движения и сосредоточился на феодализме. Одновременно возник, как видно из переписки с Пресняковым, проект привлечь Павлова-Сильванского и к университетскому преподаванию. Однако вся эта широко и плодотворно развертывавшаяся работа неожиданно и трагически оборвалась.

17 сентября 1908 г. Н. П. Павлов-Сильванский скоропостижно умер от холеры; 20 сентября он был похоронен на Преображенском кладбище под Петербургом [27].

Главным делом этой рано оборвавшейся жизни была разработка теории феодализма в России. В годы формирования научных взглядов Павлова-Сильванского русская историческая наука не была чем-то единым. Помимо различий идейно-политического характера, историки разделялись на чисто научные течения, школы. Ко времени первой русской революции более четко наметилась политическая дифференциация: многие из ученых вошли в ту или иную партию. В советской историографии Павлова-Сильванского

[25] Там же. С. 248.
[26] *Клочков М. В.* Указ. соч. С. 642.
[27] М. В. Клочков рассказал о последних часах Н. П. Павлова-Сильванского со слов его родных. См.: *Клочков М. В.* Указ. соч. С. 642—643.

относят к либерально-буржуазному направлению, или к умеренно прогрессивному течению в буржуазной науке, противопоставляя это течение господствовавшему консервативному [28]. Существовали, однако, и общие для всех направлений и течений до поры непоколебимые и основополагающие устои «академической» исторической науки, которые в конечном счете определялись классовыми интересами русской буржуазии. Большинство буржуазных ученых придерживались философского позитивизма. В. И. Ленин писал о «широком течении позитивизма», включавшем совокупность доктрин субъективного идеализма новейшего времени [29]. Контовский позитивизм был методологической основой трудов большинства русских буржуазных историков до 90-х годов XIX в. Одной из основ тогдашней историографии были и традиционные схемы русского исторического развития, возникшие в то время, когда буржуазная наука в России переживала период подъема. Об этих схемах либеральный историк Б. И. Сыромятников писал: «Наука русской истории все еще продолжает вращаться в замкнутом кругу традиционных схем и давно заученных положений... Два деспотических принципа держат до сих пор в тисках нашу историческую мысль. Согласно одному из этих принципов, основной двигательной силой в русской истории была всемогущая, всесозидающая „государственная власть", правительство, которое и строило „сверху" скромное здание русского „общества" из груды сырого материала. Государственной власти приходилось искусственно и даже насильственно создавать как общественную группировку, так и необходимые материальные средства. При таких условиях правительство являлось полным хозяином исторических судеб русского народа, не встречая со стороны последнего ни деятельной поддержки, ни активного протеста; таким образом, государству у нас не с кем было „бороться" внутри страны... Отсюда логически вытекал и второй принцип, гласящий, что историческое развитие России шло совершенно особым... путем, в противоположность исторической эволюции западноевропейских народов, которые развивались органически, „изнутри", среди непрестанной борьбы социальных элементов...» [30]

Естественно, что господствовавшая в буржуазной исторической науке «государственная школа» отвергала и существование феодализма в России как несомненный признак западноевропейского исторического пути. Представления о русском феодализме, бытовавшие в отечественной историографии в XVIII — начале XIX в., охарактеризованы в опубликованной в настоящем издании статье

[28] *Ковальченко И. Д., Шикло А. Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в. // Вопр. истории. 1982. № 1.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 214.

[30] Цит. по: *Муравьев В. А.* Революция 1905—1907 гг. и русские историки: (К постановке проблемы) // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985. С. 71.

Б. Д. Грекова и в недавней работе В. А. Муравьева [31]. Однако еще Г. В. Плеханов заметил, что мнение о противоположности исторических путей России и Запада и об отсутствии в России феодализма обосновывалось в XIX в. не только славянофилами, но и западниками [32]. Передовая общественная мысль, разумеется, делала из противопоставления России и Запада совсем иные, революционные выводы. Тем не менее отрицание феодализма в России сделалось в историографии общепринятым, никем не оспаривавшимся положением. Павлов-Сильванский отмечал в первой своей книге: «Отрицание какого бы то ни было сходства между русскою древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона». По словам Сыромятникова, со времени утверждения в науке «исторической школы» (середина XIX в.) «отрицание феодализма... для русской истории становится аксиомой. Говорить о русском феодализме в академических кругах до последнего времени считалось признаком „дурного тона“» [33]. Н. И. Кареев также подчеркивал, что в те времена, когда Павлов-Сильванский приступал к своим исследованиям, говорить о феодализме в России в кругу университетских историков «сделалось своего рода признаком дурного вкуса в исторической науке, а пожалуй... признаком исторической невоспитанности» [34].

Таким образом, обстановка для появления теории «русского феодализма» в академической науке конца XIX в. складывалась неблагоприятная. Чем же объяснить возникновение этой теории в творчестве Павлова-Сильванского и — более широко — в историографии рубежа веков?

А. Е. Пресняков, близкий друг Павлова-Сильванского с университетских лет, склонен был объяснять возникновение у него интереса к «феодальной» теме рано начатыми «размышлениями над трудами Бокля, особенно Огюста Конта и Спенсера», которые «составили, быть может, самую характерную сторону в теоретической подготовке Н. П., ставшего историком-социологом» [35]. Н. Л. Рубинштейн не удовлетворился этим объяснением, полагая, что «Павлова-Сильванского связывает с социологическим направлением только общая идея исторической закономерности, но ему

[31] *Муравьев В. А.* Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме»? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

[32] *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. СПб., 1914. Т. 1. С. 7—8.

[33] *Сыромятников Б. И.* Из доклада «Значение трудов Н. П. Павлова-Сильванского по феодализму в древней Руси» // Отчет Учебного отдела ОРТЗ за 1908 г. М., 1910. С. 52.

[34] *Кареев Н. И.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России. СПб., 1910. С. 4.

[35] *Пресняков А. Е.* Н. П. Павлов-Сильванский: Биографические сведения // Павлов-Сильванский Н. П. Соч. СПб., 1910. Т. III. С. XII.

совершенно чужда та внешняя закономерность, состоящая в подчинении общественного развития внешнему фактору физических условий, которая так характерна и для Бокля, и для Спенсера». Рубинштейн считает, что наибольшее влияние на Павлова-Сильванского оказал С. М. Соловьев с его, хотя и неясной, идеей единства закономерности исторического развития России и Запада, что через Соловьева Павлов-Сильванский связан и с «исторической школой» европейской науки, в частности с Гизо, в понимании феодализма [36]. По мнению А. Л. Шапиро, Павлов-Сильванский «сформировался как ученый под влиянием тех русских и западных позитивистов, которые еще не отрицали возможности раскрытия закономерностей общественной жизни», в особенности Г. Спенсера, М. М. Ковалевского, а также под впечатлением от результатов, полученных исследователями первобытного общества с помощью сравнительно-исторического метода изучения [37]. С. Н. Валк первым выяснил, что Павлов-Сильванский в начале 1890-х годов «подвергся уже некоторым воздействиям марксизма» [38].

К марксизму влекла Павлова-Сильванского неудовлетворенность господствующими в буржуазной науке теориями. Особенно явственным сделалось его стремление к усвоению исторического материализма в ходе революции 1905—1907 гг., когда отчетливо выяснилась неспособность буржуазной историографии объяснить бурные события современности, увидеть закономерность приведших к ним процессов. В лекциях, прочитанных историком в Высшей вольной школе Лесгафта в 1905 г., содержались интересные высказывания по поводу исторической концепции К. Маркса. Приведя вслед за характеристикой взглядов П. Н. Милюкова известное положение Маркса (в собственном переводе): «Способ производства материальной жизни обусловливает все социальные, политические и духовные процессы», Павлов-Сильванский замечает: «В этом законе совсем иная (чем у Милюкова.— *С. Ч.*) и правильная постановка вопроса. Тут не предусматривается всеобщая социологическая тенденция, не зависящая от хозяйственных отношений и среды. Всеобщность тут также имеется в виду, но не как отвлеченный закон, а как следствие одинаковых условий материальной жизни, одинаковых отношений производства. Развитие разных народов идет одинаково, поскольку одинаковы их хозяйственные отношения, зависящие от условий места». Павлов-Сильванский утверждал, что ошибочность воззрения о принципиальном различии исторического процесса в России и на Западе «сильнее всего поколеблена была в последние три года, когда действительность, история, исправляя ошибки историографии, сама дала нам практи-

[36] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 526.
[37] *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 77.
[38] *Валк С. Н.* Историческая наука... С. 55.

ческие уроки, поставив нас лицом к лицу с грандиозными историческими событиями» [39].

Конечно, было бы ошибкой на основании этих и подобных высказываний считать Павлова-Сильванского марксистом. Годы его формирования как ученого — это годы распространения в России марксистского мировоззрения, которое оказывало влияние не только на набиравшее силу рабочее движение, но и на либеральную буржуазию. Марксизм становился настолько влиятельным направлением общественной мысли, что любое мало-мальски прогрессивное общественное течение стремилось выступать под его флагом. Разумеется, буржуазную интеллигенцию интересовал марксизм «не в чистом виде». Павловым-Сильванским был усвоен «легальный марксизм», причем в самой объективистской форме. С. Н. Валк показал, что для историка были характерны недомолвки, колебания и противоречия в вопросах истории социальной борьбы, в трактовке классовых противоречий современного ему общества. Он, как и другие буржуазные интеллигенты, склонен был выбрасывать из марксизма главное его революционное содержание. Постоянный интерес Павлова-Сильванского к вопросам государственного строя и конституционности, отличающий его исторические воззрения, объясняется его политическими взглядами, его принадлежностью к конституционно-демократической партии.

Таким образом, огромную роль в появлении и развитии у Павлова-Сильванского идеи о тождестве социальных порядков в России и на Западе сыграло воздействие на его мировоззрение произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Вместе с тем нельзя отрицать и установленных историографией фактов влияния на формирование этой идеи и на усвоение Павловым-Сильванским сравнительно-исторического метода предшествующей науки, в особенности сочинений С. М. Соловьева. О значении идей Соловьева для своей концепции достаточно красноречиво писал сам историк в книге «Феодализм в древней Руси». О том, как осмыслялся научный вклад Соловьева историками, работавшими в начале XX в., свидетельствует также появившаяся еще до выхода этой книги статья Преснякова. Рассматривая Соловьева в качестве «родоначальника новой русской исторической науки», Пресняков писал об особой роли в его трудах сравнительно-исторического метода: «...только всесторонним знанием, постоянным сравнением разных исторических процессов, своего с чужим» достигается у Соловьева «ясность исторической перспективы». При такой всемирно-исторической точке зрения только и может история стать «наукой сознательной гражданственности» [40].

[39] Цит. по: *Шмидт С. О.* О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопр. истории. 1963. № 8. С. 62.

[40] *Пресняков А. Е.* Сергей Михайлович Соловьев // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 21. Стб. 1515—1516.

Освоены и творчески переработаны Павловым-Сильванским были практически все достижения, накопленные отечественной историографией в изучении «удельного периода» русской истории. В трудах многих ученых предшествующего поколения и своих современников ему удалось выделить те моменты, которые раскрывали черты сходства русских средневековых порядков с феодальными. Идеи «русского феодализма» оказывались подготовленными той исследовательской практикой, которая зачастую была ближе к истине, чем стремящаяся «загородить лес деревьями» позитивистская теория. Павлов-Сильванский имел право написать: «Моя работа отнюдь не оторвана от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд».

Показательно в этом смысле отношение к проблеме «русского феодализма» крупнейшего историка того времени главы московской исторической школы В. О. Ключевского. Как известно, Ключевский не признавал существования феодализма в России. Но, по мнению исследовавшей его творчество М. В. Нечкиной, Павлов-Сильванский имел некоторое основание, чтобы отнести Ключевского к тем историкам, которые «бессознательно... выяснили существование у нас некоторых основных начал феодального строя». Известна запись из дневника Ключевского (26 декабря 1903 г.), где содержатся выводы из проведенного им сопоставления удельных на Руси и феодальных на Западе отношений. По мысли историка, «путь одинаков там и здесь, но неодинаковы направления хода; отсюда сходство явлений и отличие процессов» [41]. Нечкина заключает, что «Н. П. Павлов-Сильванский, не знавший этой дневниковой записи Ключевского, мог бы почерпнуть из нее дополнительные доводы в пользу того вывода, что Ключевский, сам того не сознавая, приводит данные в пользу феодализма на Руси» [42].

Изучая формирование теории «русского феодализма», следует иметь в виду и научную школу, лежавшую в основе подготовки Павлова-Сильванского как исследователя. В период его обучения в Петербургском университете кафедру русской истории там занимал К. Н. Бестужев-Рюмин, только что начиналась профессорская карьера С. Ф. Платонова. Не осталось никаких сведений относительно воздействия на Павлова-Сильванского ярких лекций Бестужева-Рюмина, ученого, по общему признанию, имевшего учеников, но не создавшего школы. Иначе обстояло дело с профессором истории русского права В. И. Сергеевичем. Известный как глава юридического направления в русской историографии после Б. Н. Чичерина, Сергеевич своей методикой разработки конкретно-

[41] *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 286—287.

[42] *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 444, 613—614.

го юридического материала оказал значительное влияние не только на правоведов, но и на историков [43]. Павлов-Сильванский считал Сергеевича одним из трех крупнейших знатоков истории русского права (наряду с В. О. Ключевским и М. Ф. Владимирским-Будановым). В своих работах Павлов-Сильванский подверг критике построения Сергеевича, но уже в 1908 г. писал ему в личном письме (в сохранившемся черновике многие фразы зачеркнуты): «Мне всегда казалось, что в феодализме я по методу очень близок к Вам, что я в нем Ваш ученик... Я следую Вашему методу. Я так же строго держусь буквы памятника, и вся моя широкая постройка слагается из выводов от буквы. Лично я предпочитаю Вашу „трезвость“» [44].

Разумеется, вернее было бы говорить о влиянии на Павлова-Сильванского общей атмосферы петербургской исторической школы, характерную черту которой так определил Пресняков: «Научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции» [45]. Пресняков называл эту школу школой В. Г. Васильевского и считал, что ее органической частью стала школа русских историков, воспитанная в аудитории С. Ф. Платонова. Стоит вспомнить, что из этой аудитории вышел и Павлов-Сильванский. Первые его научные рефераты по тематике русского средневековья — «Кабальное холопство и его происхождение», «Боярская дума в XVII веке», работа об ограничительных записях московских царей в начале XVII в.— были написаны в семинаре Платонова в 1890—1891 гг. Платонов оставил молодого историка при кафедре в 1892 г., а когда его магистрантская подготовка оборвалась, остался с ним в лучших отношениях, доставляя оплачиваемую литературную работу и всячески склоняя вновь сдавать магистерский экзамен. Платонов с интересом относился к исследованиям Павлова-Сильванского о феодализме и, хотя и предостерегал его, говоря: «И будут же Вас ругать», считал возможным рекомендовать эти исследования высокопоставленным читателям, которые могли оказать историку материальную поддержку. Так, он писал С. Д. Шереметеву: «На труд Павлова же Сильванского решаюсь особенно обратить внимание Вашего сиятельства. Это и по теме, и по исполнению — прекрасная вещь, ставящая на очередь новый и важный вопрос о существовании на

[43] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 364—365.

[44] ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 1112. В ответном письме Сергеевич иронически замечал, что о русском феодализме «буква» источников «действительно молчит и нужна высокая догадливость...» (Там же. № 1174).

[45] *Пресняков А. Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства» // Летопись занятий Археографической комиссии. Пг., 1920. Вып. 30. С. 7.

Руси тех же условий, которые породили на Западе феодальный строй»[46].

Независимо от того, отнесем ли мы Павлова-Сильванского к «школе» Платонова, не это формальное обстоятельство, а именно тенденция конкретного, непосредственного отношения к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции и даже смелое отрицание этой традиции сближает его с направлением петербургской исторической школы. Эта школа, сделавшаяся заметным явлением научной культуры второй половины XIX — начала XX в., как представляется, серьезно повлияла на формирование методов исследовательской работы Павлова-Сильванского.

Заметим, кстати, что явственно обозначившееся к началу XX в. расхождение принципов научной культуры петербургской и московской исторических школ, видимо, лежит в основе отрицательного отзыва об исследовательском мастерстве Павлова-Сильванского, данного в предисловии М. Н. Покровского ко второму изданию книги «Феодализм в древней Руси» (см. настоящее издание).

В творчестве Павлова-Сильванского нашли отражение и традиции западноевропейской историографии. Важно отметить, что Павлов-Сильванский не был склонен вкладывать содержание русской истории в разработанные западной медиевистикой теории феодализма. Еще современники отмечали его расхождения с положениями Бруннера, Лампрехта, Вайца, Рота, Фюстеля де Куланжа. Черпая в западноевропейской науке материал для сравнений, Павлов-Сильванский относился к ней не менее критично, чем к отечественной. Знаком Павлов-Сильванский был и с концепциями выдающихся русских медиевистов Т. Н. Грановского, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова, И. В. Лучицкого, Д. М. Петрушевского.

Говоря о возникновении концепции Павлова-Сильванского, не следует сбрасывать со счетов сложность жизненного пути историка и обусловленные ею особенности его индивидуальной психологии. Не имея возможности идти обычным для ученых своего времени путем, Павлов-Сильванский, видимо, ощущал себя «изгоем» в академической среде. Это вместе с сохранявшимся и в зрелые годы самоощущением «студента» толкало его к смелому пересмотру устоявшихся представлений, к «потрясению основ», к нарушению бытовавших норм «научного этикета». Достигнутая ценой личной неудачи относительная самостоятельность положения содействовала тому, что Павлов-Сильванский раньше многих из своих коллег и сверстников вторгся в «запретную» научную область.

[46] ОР ГПБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 401. Л. 1—2. О дружеских отношениях Платонова и Павлова-Сильванского свидетельствуют письма последнего, сохранившиеся в личном фонде Платонова. См.: Там же. Оп. 2. Д. 543.

Имеющиеся источники следующим образом рисуют развитие исследований Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме в России. Как уже говорилось, мысль о тождестве принципов исторического процесса в России и Европе в средние века появилась у историка уже в студенческие годы под влиянием изучения позитивистской социологии и приобрела очертания исследовательской проблемы в 1894—1895 гг. под несомненным воздействием марксистской мысли. К сожалению, Павлову-Сильванскому остались неизвестными труды В. И. Ленина, уже в 1894 г. указавшего на феодальный, крепостнический способ производства в России[47]. Работа историка натолкнулась на серьезные трудности. Отношение столпов тогдашней науки к занятиям Павлова-Сильванского ярко очерчено в одном из его писем к Преснякову. Причины этого отношения хорошо видны в историографической ретроспективе проблемы феодализма в России и обстоятельно раскрыты в помещенной также в настоящем издании статье Б. Д. Грекова.

По словам Павлова-Сильванского, на первых порах никто не поддерживал его работу, он пережил период полного неверия в свои силы. Тем не менее он продолжал работу, поставив задачей «статическое» социологическое сравнение феодальных институтов Запада с порядками удельной Руси. В 1894—1897 гг. историк готовил статью «Закладничество — патронат». В ходе ее подготовки, вероятно, как вариант возникла рукопись «Закладничество — защита», оставшаяся неопубликованной, так же как «Ответ оппонентам». В последней статье сопоставление «юридических институтов» дополнено критическими замечаниями по поводу определения феодализма как «системы отношений, покоившихся на феодальном контракте»[48]. С 1898 г. занятия феодальной темой становятся более интенсивными, появляются первые материалы и наброски к книге «Феодализм в древней Руси»[49]. 11 ноября этого года Павлов-Сильванский читал в Историческом обществе при Петербургском университете реферат, озаглавленный «Иммунитеты удельной Руси в сравнении с западными (XII—XV вв.)», который лег в основу статьи «Иммунитет в удельной Руси», опубликованной в 1900 г. По всей вероятности, в нее вошли и материалы, которые не удалось использовать в книге «Государевы служилые люди». В 1900 г. историк стал сотрудником Археографической комиссии, начал подготовку издания «Акты о посадских людях — закладчиках». Новое понимание закладничества должно было обрести здесь документальное обоснование. Издание это вышло посмертно.

Большое значение Павлов-Сильванский придавал своей обстоятельной статье «Феодальные отношения в удельной Руси», работа

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 247.
[48] *Муравьев В. А.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского... С. 283—284.
[49] Там же. С. 284.

над которой шла в 1899—1901 гг. Он разослал рукопись для получения предварительных отзывов, обнародовал основные положения статьи в докладе на заседании Исторического общества 23 марта 1901 г. Здесь вновь стал очевидным конфликт теории Павлова-Сильванского с представлениями буржуазной историографии. С возражениями выступил В. А. Мякотин, обвинивший докладчика в «чисто внешних сближениях», из которых сделаны неправомерно широкие выводы. К мнению Мякотина присоединился Н. И. Кареев, считавший, что «не следует придавать феодализму широкого, расплывчатого значения... Нельзя делать общего вывода о феодализме, если есть в какой-либо стране что-либо похожее на феодализм». По мнению С. М. Середонина, нельзя доказать существования феодализма в России, так как «у нас совершался иной процесс, чем на Западе» [50]. Уже в этих возражениях выявились методологические позиции буржуазной историографии при подходе к изучению феодализма в России и зазвучали те мотивы, которые неизменно повторялись противниками Павлова-Сильванского в дальнейшем: отказ признать явления феодализма в России существенными, утверждение о разных направлениях исторического развития в России и на Западе. Интересно, что сам Павлов-Сильванский в это время еще не делал, видимо, из своих положений далеко идущих методологических выводов. В его представлении исторические пути России и Запада после XVI в. «сильно разошлись».

Вышедшие в 1900—1902 гг. статьи «Иммунитет в удельной Руси» и «Феодальные отношения в удельной Руси» привлекли внимание к теории Павлова-Сильванского. Интересны сведения о том, что о работе историка было известно В. И. Ленину. Как полагает С. Л. Пештич, нет данных о непосредственном знакомстве Ленина с исследованиями Павлова-Сильванского [51]. Однако сохранилась выписка, сделанная В. И. Лениным из опубликованной в газете «Новое время» от 7(20) января 1902 г. заметки по поводу статей Павлова-Сильванского о феодальных отношениях в удельной Руси [52]. Так как текст ленинской выписки не опубликован, приведем саму заметку, появившуюся без подписи в рубрике «Среди книг и журналов»:

«С большим искусством и научной убедительностью доказывает Н. П. Павлов-Сильванский в „Журнале Министерства народного просвещения", что у нас в удельной Руси существовали вполне тожественные с западными феодальные отношения. Судя по его статье, сходство действительно поразительное, и не только в основных чертах, но и во многих частностях.

[50] Историческое обозрение. СПб., 1909. Т. 15. С. 63—64.
[51] *Пештич С. Л.* О круге историографических интересов В. И. Ленина // В. И. Ленин и историческая наука. Л., 1970. С. 102.
[52] Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. М., 1970. Т. 1. С. 456.

Без преувеличения можно сказать, говорит г-н Павлов-Сильванский, что в русской древности мы на каждом шагу встречаем те же самые учреждения, те же отношения и воззрения, что и на феодальном Западе, иногда в полном развитии, иногда в менее определенных чертах. В наших грамотах встречаются фразы, представляющие собою как бы буквальный перевод соответствующих латинских текстов. Для важнейших феодальных учреждений в русской древности были специальные термины, точно соответствующие западноевропейским. Комендаты назывались у нас закладнями; для обозначения феодальной коммендации употреблялись слова „задаваться-закладываться". Русский дружинник, как и германский, назывался мужем; боярин же, так же как вассал,— слугой господина великого князя. Для обозначения бенефиция у нас было специальное слово — жалованье; это слово у нас имело столь же широкое распространение, как на Западе слова бенефиций и лен. Жалованьем называлась и земля, пожалованная в условное владение (поместье), и должность, и иммунитетные льготы. Села и волости у нас, так же как на Западе, даются „в жалованье" — in benefitium.

Правда, на феодализм в древней Руси намекали уже и до г-на Павлова-Сильванского, но только намекали, да притом еще и не совсем правильно. Благодаря этому никто из специалистов-историков не решился заступиться за эту теорию из опасения прослыть еретиком и поверхностным ученым. Г-н Павлов-Сильванский этого не убоялся, т. к. укрепил свой феодальный замок достаточно неотразимым „критическим аппаратом". Впрочем, обождем, что скажет критика» [53].

Выписка Ленина из этой заметки датируется приблизительно: после 20 января 1902 г. Интересно отметить, что в феврале — первой половине марта того же года им была написана статья «Аграрная программа русской социал-демократии», где он объясняет свое понимание значения термина «помещик»: «...требования, направленные против крепостников-помещиков (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом)». Ленин счел нужным сделать в этом месте специальную сноску: «Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет теперь о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы» [54]. Представляется, что постановка Лениным вопроса о толковании термина «помещик» в сравнительном плане осуществилась не без влияния сведений о работах Павлова-Сильванского.

[53] Новое время. 1902. 7(20) янв. С. 3.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 314—315.

Очевидно, что Ленин был в курсе полемики вокруг проблем «русского феодализма»[55].

Об откликах на статьи Павлова-Сильванского близких ему людей достаточно наглядно свидетельствует публикуемая в настоящем издании переписка историка с А. Е. Пресняковым и Г. В. Чичериным. Следует отметить, что в поддержку его теории выступил и ряд молодых ученых. Московский архивист и археограф С. А. Шумаков уже в начале 1901 г. сочувственно отозвался в печати о статье об иммунитете. В октябре 1901 г. о своем согласии с теорией закладничества, выдвинутой Павловым-Сильванским, писал ему Н. А. Рожков. В марте 1902 г. историк права, преподававший в Варшавском университете, Ф. В. Тарановский сообщал Павлову-Сильванскому о подготовке доклада о «русском феодализме» по его работам. Вскоре этот доклад был опубликован. В июле того же года о своей поддержке сообщал И. Н. Бороздин, в дальнейшем много писавший о работах Павлова-Сильванского[56]. Павлов-Сильванский с большим основанием мог заявить в письме к Тарановскому в марте 1902 г.: «Молодое... поколение (историков.— *С. Ч.*), как я убедился из отзывов очень многих, относится весьма сочувственно к идее сходства русских порядков с феодальными... Сочувствие молодежи меня поддержало... Не знаю, кто победит, отцы или дети. Но нелепое табу, лежавшее на нашей идее, во всяком случае, снято»[57].

Любопытный пример восприятия и преломления новых идей дают материалы переписки Павлова-Сильванского и Преснякова. Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929) — один из крупнейших русских историков последнего предреволюционного времени, в советские годы профессор Петроградского (Ленинградского) университета, член-корреспондент Академии наук. Он прошел сложный творческий путь от государственного направления буржуазной историографии и философского идеализма к попыткам усвоить исторический материализм и переработать на новых основах свою концепцию русской истории. Его труды по истории Киевской Руси, Московского государства, Российской империи составили крупный вклад в отечественную науку. С Павловым-Сильванским Преснякова связывала личная дружба. По свидетельству С. Н. Валка, они были друзьями настолько близкими, «что, как сам А. Е. Пресняков говаривал, иногда трудно было им установить, кому из них первому пришла в голову та или иная мысль»[58]. Их дружеские взаимоотношения, вероятно, возникли

[55] См.: *Шмидт С. О.* В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв.: (О методике изучения материалов по теме) // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 339—340.
[56] ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 1126, 1167, 1182, 1188.
[57] Там же. № 1115. Л. 3 об.
[58] *Валк С. Н.* Вступительная лекция... С. 626.

еще в студенческие годы, но письменные доказательства научного общения относятся к 1901—1908 гг.

В публикуемых письмах можно проследить определенное влияние идей Павлова-Сильванского на формирование понятий Преснякова о феодализме в России. Влияние это, по-видимому, явилось результатом по крайней мере двух взаимосвязанных факторов. Это, во-первых, новизна и притягательность постановки Павловым-Сильванским проблем его исследований: к началу 1900-х годов, отойдя от первоначальных попыток «перенесения» черт западного феодализма на русский, он выработал новый социологический подход к проблеме изучения феодальных юридических институтов, действительно приковавший к себе «общее внимание». Во-вторых, Преснякова отличала чрезвычайная чувствительность к проявлениям новой и свежей мысли, которую он, по выражению С. Ф. Платонова, «умел уловить in statu nascendi», усвоить и творчески развить [59]. Можно полагать, что такая восприимчивость Преснякова определялась постоянной потребностью в совершенствовании его «внутренней исторической постройки», той «ученой мозговой гармонии», о стремлении перестраивать которую на новый лад в связи с новыми данными науки он пишет Павлову-Сильванскому.

Влияние идей Павлова-Сильванского на творчество Преснякова оказалось долгим и основательным. Известно, что в своих книгах о Киевской Руси и Великорусском государстве Пресняков не употреблял понятие «феодализм», избегая анализа социального строя и отсылая читателя к работам Павлова-Сильванского [60]. Однако С. Н. Валк отмечал, что само название магистерской диссертации Преснякова «Княжое право в древней Руси» говорит о сравнительно-историческом методе. В лекциях по русской истории, читавшихся в Петербургском университете в 1907—1910 гг., Пресняков говорил о «новых путях» изучения «удельного средневековья» как особого исторического явления, открытых в трудах Павлова-Сильванского благодаря применению сравнительно-исторического метода, подчеркивал значение «широкого и глубоко ценного воззрения, установленного Н. П. Сильванским на удельный строй» [61]. Из представления об «удельном строе как глубоко важном социологическом явлении, в основе тождественном со строем феодальным», исходил Пресняков при анализе в своем лекционном курсе общественных порядков как Северо-Восточной, так и Западной Руси, хотя и стремился примирить положения теории русского феодализма с постулатами «государственной школы». Совершая в послереволюционный период серьезный

[59] *Платонов С. Ф.* А. Е. Пресняков: Некролог // Изв. АН СССР. VII сер. № 2. М.; Л., 1930. С. 85.
[60] *Шапиро А. Л.* Указ. соч. С. 87—98.
[61] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. II, вып. 1. С. 13—14.

пересмотр своих методологических позиций, Пресняков, по мнению Н. Л. Рубинштейна, в подходе к проблемам феодализма «оставался близким не к марксизму, а к Павлову-Сильванскому» [62].

Интересно воплотилось влияние взглядов Павлова-Сильванского в субъективной самооценке Преснякова. «Мне приходилось,— вспоминал он о своей работе над книгой «Княжое право в древней Руси»,— очень осторожно писать некоторые места, чтобы не похитить себе иные его мнения, да и то кое-что захватил я неизбежно» [63]. И после смерти Павлова-Сильванского Пресняков чувствовал себя как бы его научным душеприказчиком: «На меня точно обрушилась обязанность развивать дальше то направление работ, в котором я думал идти с ним и за ним. Я был ближе, чем кто-нибудь, к его мнениям, к его интересам» [64].

Публикуемые письма дают возможность в некоторой степени судить и об отношении Павлова-Сильванского к восприятию своих идей, о их дальнейшем творческом развитии. Уже в первых письмах Пресняков вводил положения Павлова-Сильванского в историографическую перспективу, видя в теории русского феодализма замену старых, изживших себя научных представлений. Он намечал далеко идущие выводы из этой теории для изучения проблем русской общины, для разрешения волновавшей русскую историографию XIX в. проблемы отношения России и Европы. Одна из причин такого широкого подхода Преснякова к новой теории (вероятно, наиболее существенная) — практическая потребность создания общего курса русской истории, задача, которая волновала Преснякова с самого начала его преподавательской деятельности в 1895 г. Формирование исторических концепций в ходе преподавательской деятельности, в результате связанной с преподаванием схематизации — одна из неотъемлемых черт развития историографии, обусловленная особенностями недостаточно еще исследованного центрального звена системы преподавания, отношения «учитель — ученик» [65]. Отсутствие у Павлова-Сильванского преподавательского опыта до 1905 г. существенно сказывалось на возможностях методологического осмысления им своих теоретических построений. Не случайным поэтому представляется то обстоятельство, что обобщающая работа о русском феодализме появилась уже после того, как историк прочел курс русской истории на курсах Лесгафта.

Результатом широты подхода Преснякова к теме русского феодализма явилось, помимо прочего, выдвижение им «эволюционной» точки зрения на сравниваемые исторические процессы.

[62] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 507.
[63] Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 9 (письмо к Ю. П. Пресняковой 19 сент. 1908 г.).
[64] Там же.
[65] *Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 28—32.

Если в 1901 г. Пресняков, подобно большинству буржуазных ученых, противопоставлял направления русского и западного исторического развития, то в 1903 г. его занимали «отличия процессов». Он признал прием социологического сравнения плодотворным, а «рассуждения о широкой эволюции» — делом будущего. Но вместе с тем он настаивал на сравнении не социологических констант, а исторических процессов, ставя эту цель перед дальнейшим исследованием и рассматривая в качестве ближайшей задачи — изучение самих процессов. В таком же смысле высказывались позднее и другие историки, в том числе доброжелательно относившиеся к работе Павлова-Сильванского. Пресняков подчеркивал, что возражения дали толчок к расширению и обогащению воззрений Павлова-Сильванского. «Дело в том,— отмечал он,— что возражения историков против того, что им казалось ультрасоциологической постановкой вопроса, побудили Н. П. Павлова-Сильванского перейти в большей степени от сравнительного описания изучаемых явлений к сравнительно-историческому изучению их эволюции. Это значительно усложняло работу. Ведь он не мог, не отказавшись от самой дорогой стороны своей задачи, замкнуться в изучении того или иного местного исторического процесса. И перед ним стала новая проблема огромной трудности: установить социологическую закономерность эволюции тех отношений, которые стали предметом его сравнительно-исторического изучения» [66].

Охватывает тот же хронологический отрезок, но представляет собой несколько иное явление переписка Павлова-Сильванского с Г. В. Чичериным. Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936), выдающийся советский государственный деятель, дипломат ленинской школы, мыслитель и ученый [67], в молодые годы служил в Министерстве иностранных дел. С 1899 г. он был сотрудником Павлова-Сильванского, а в 1901 г. вместе с ним начал готовить юбилейный очерк истории министерства. Возникшая между ними переписка (с весны 1901 г.) первоначально касалась чисто деловых вопросов, однако со временем перешла в живое дружеское общение. Чичерину Павлов-Сильванский послал рукопись своей статьи «Феодальные отношения в удельной Руси» и получил разбор некоторых ее положений. В сохранившемся ответном письме Павлов-Сильванский высказывал интересные мысли о сравнении стадий феодализма в России и на Западе. Но переписка, видимо, не сосредоточилась на проблемах феодализма: неизменно отрицательное отношение Чичерина к теории Павлова-Сильванского не могло способствовать ее оживленному обсуждению в письмах. Следует, правда, оговорить, что большинство

[66] *Пресняков А. Е.* Н. П. Павлов-Сильванский... С. 13—14.

[67] См.: *Горохов И. М., Замятин Л. М., Земсков И. Н.* Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы М., 1973; *Зарницкий С., Сергеев А.* Чичерин. М., 1975

писем Павлова-Сильванского не обнаружены: в 1904 г. Чичерин эмигрировал за границу, и судьба его заграничного архива нам не известна. В дошедшей переписке обсуждались главным образом вопросы политической жизни России и Европы, а также истории дипломатии. Однако сам факт обращения в некоторых письмах к «феодальной» тематике знаменателен, он показывает, что уже в пору создания Павловым-Сильванским первых работ о феодализме в России его теория привлекала внимание не только ученых, но и более широкого круга передовой интеллигенции.

Выработка социологической закономерности стала основным содержанием занятий Павлова-Сильванского феодальной темой в первые годы XX в. В 1904—1905 гг. вновь оживилась работа над темой. Вышла статья «Символизм в древнем русском праве», была завершена работа «Погрешности Актов Археографической экспедиции», в которой историк выдвинул широкий проект археографической разработки источников социально-экономической истории средневековой Руси. В октябре 1906 г. он вновь выступил в реформированном Историческом обществе при университете [68]. Доклад «Крестьяне в России и на Западе в средние века», вызвавший бурные споры, знаменовал новый поворот в феодальной теме, предвещавший разработку истории русской общины. Именно на этом пути, на пути исследования древнейших форм землевладения и социальной организации, решил Павлов-Сильванский искать закономерности развития феодальных отношений на Руси.

В эти годы Павлов-Сильванский приобрел уже большую известность в кругу профессиональных историков. Цикл его статей о феодальных отношениях в древней Руси вызвал оживленную полемику в исторической литературе. По подсчетам В. А. Муравьева, на эти статьи непосредственно после их выхода было напечатано 24 отзыва и рецензии, в том числе М. Ф. Владимирским-Будановым, Н. И. Кареевым, В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, Н. А. Рожковым, В. И. Сергеевичем. Большой резонанс вызвали и выступления историка в Историческом обществе. Он рассматривал дискуссии как пробу своих идей; в то же время его не покидало ощущение, что идеи о русском феодализме «носятся в воздухе», что необходимо быстрее завершить обобщающую работу, дабы не оказаться опереженным другими исследователями. Очень рано, еще в последние годы XIX в., у Павлова-Сильванского созрел замысел обобщающей книги о феодализме в России [69]. Но написание этой большой книги затягивалось. Тогда историк решил опубликовать теоретическую часть исследования в виде книги, как мы сейчас сказали бы, научно-популярной, без громоздкого аппарата, цитат, ссылок, разбора мнений

[68] Историческое обозрение. СПб., 1909. Т. 15. С. 143—145.
[69] *Муравьев В. А.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского... С. 284.

оппонентов — всего того, что считается атрибутом ученого труда и обеспечивает проверяемость его результатов.

А. Е. Пресняков писал, что Павлов-Сильванский колебался, выпускать ли, уступая интересу читателей и настояниям издателя, популярное изложение своих воззрений прежде большой систематической работы. Однако 23 августа 1907 г. он писал Н. И. Карееву: «Этим летом, вслед за лекциями, читанными мною на съезде учителей, я написал общий обзор моих работ, частью ненапечатанных, о феодализме в России. Я, собственно, имел в виду написать введение к моей диссертации. Но это введение разрослось на 9—10 листов. И мне теперь приходит в голову, что его лучше издать отдельно в качестве общедоступного обзора вопроса, многих интересующего... Не возьмете ли Вы этой работы для „Истории Европы по эпохам и странам"?» [70] В этом же письме Павлов-Сильванский привел оглавление своей книги, из которого видно, что последняя глава, содержащая общую периодизацию истории России, к тому времени написана еще не была. Если верить приведенному письму, то, по-видимому, писалась она быстро, так сказать, на одном дыхании. С присущей ему страстностью Павлов-Сильванский отразил в научной книге все возраставшее осознание политического значения своей теории, подрывавшей последний оплот всех защитников самобытного развития России и в силу этого — неприкосновенности ее государственного строя [71]. Показательна сохранившаяся в бумагах Павлова-Сильванского мемуарная запись, связанная с выходом книги: «Книга эта выходит во время Русской Великой Революции... И революция именно заставила меня усиленно заняться этой книгой и закончить ее. Общественная деятельность часто отвлекала меня от работы. Мне было тяжело работать. Я должен был закрывать глаза и уши. Меня мучила совесть. Время ли заниматься наукой?» [72]

Сохранились сведения, что, по мнению самого Павлова-Сильванского, теоретическая часть его концепции феодализма в России получила полное воплощение в популярной книге. Однако Пресняков, например, полагал, что в этой книге отразилась предварительная формулировка результатов работы Павлова-Сильванского, еще не сложившаяся в строго проработанную систему: «В горячей, пылкой полемике первых ее (книги.— *С. Ч.*) параграфов против существующих схем русской истории, в смелом, беглом наброске главы последней — перед нами плод нового течения в творчестве ученого, обнявшего мыслью целое своего предмета и раскрывшего в эскизной форме план дальнейших работ» [73].

[70] ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Д. 1105.
[71] *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 310.
[72] *Муравьев В. А.* Лекционные курсы... С. 250.
[73] *Пресняков А. Е.* Н. П. Павлов-Сильванский... С. 14.

Действительно, закончив в конце 1907 г. печатание книги и разослав ее более чем 80 ученым, Павлов-Сильванский почти без перерыва принялся за подготовку второй книги, на сей раз большого исследования. По-видимому, он мало обращал внимания на реакцию научной общественности по поводу книги, реакцию, следы которой сохранились и в виде многочисленных рецензий, и в виде писем к автору. Интерес к книге Павлова-Сильванского оказался настолько широк, что всего через два года Н. И. Кареев выпустил целую книжку, посвященную обзору откликов на труды Павлова-Сильванского о феодализме,— явление, до той поры не виданное[74]. В мае 1908 г. Н. П. Павлов-Сильванский писал М. М. Богословскому, что приступает к печатанию второй книги, хотя и «обработал едва половину того, что наметил»[75]. Первоначально Павлов-Сильванский предполагал опубликовать работу «Община и боярщина» в качестве второй части книги «Феодализм в древней Руси», но затем решил соединить эту работу с продолжением ««Феодальные учреждения», где содержалась подробная разработка намеченной в первой книге тематики. «Вторая половина», остававшаяся необработанной, по-видимому, должна была составить заключительную часть книги; историк намерен был назвать ее «Падение феодализма». Эта часть осталась неосуществленной.

Книга, изданная под названием «Феодализм в удельной Руси», подводила итог исследованиям Павлова-Сильванского. Его историческая концепция, лишь в общих чертах намеченная в первой книге, обрела здесь исследовательское воплощение. Но значение новой книги отнюдь этим не исчерпывается. В ней Павлов-Сильванский впервые подробно изучил проблему возникновения феодальных отношений. Привлекая многообразные исторические, этнографические, даже историко-географические сведения, он дал глубокую характеристику общественного строя восточных славян, предшествовавшего феодализму. Он показал и процесс борьбы общины и боярщины, в результате которой победили феодальные отношения. Разработка на конкретном материале проблем истории древней Руси далеко увела Павлова-Сильванского от первоначальной задачи сравнения феодальных институтов у разных народов. Книга «Феодализм в удельной Руси» явилась вполне самостоятельным произведением, одной из вершин русской историографии.

Работу над книгой Павлов-Сильванский продолжал буквально до последнего дня жизни. Летом 1908 г. он не успел сдать ее первые главы в печать и вновь писал о своем намерении сделать это М. А. Дьяконову 7 сентября[76]. 12 сентября он писал Щего-

[74] *Кареев Н. И.* Указ. соч.
[75] ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Д. 1103.
[76] *Дьяконов М. А.* Н. П. Павлов-Сильванский: (Библиогр. заметки) // ИОРЯС. 1909. Т. XIII, кн. 4. С. 172—173.

леву: «Не хожу в архив. Тружусь над книгой, но впадаю в отчаяние — кажется, в этом году не выпустить» [77].

Сразу же после смерти Павлова-Сильванского в кругу его друзей поднялся вопрос о судьбе книги. Сообщая своей жене о печальном событии, Пресняков писал: «После Сильванского остался готовым в рукописи большой труд. Архив Государственный принял меры, чтобы охранить его рукописи. Конечно, не замедлят устроить издание» [78]. Действительно, уже в конце сентября или в начале октября с инициативой публикации трудов Павлова-Сильванского выступил Щеголев. Полагая, что дело издания попадет в его руки, Щеголев письменно предложил Преснякову принять в нем участие (письмо не сохранилось). В ответном письме (без даты, но не позднее первых чисел октября) Пресняков объявил, что «готов взять на себя какие угодно хлопоты, а также просмотр рукописей, корректуры и т. д.» [79].

9 октября к Щеголеву, ближе других стоявшему в последние годы к Павлову-Сильванскому, обратилась сестра историка Александра Павловна с просьбой помочь разобраться в оставшихся работах брата и посоветовать, «как поступать нам с его трудами так, как он сам хотел бы этого». 6 декабря А. П. Павлова-Сильванская официальным письмом назначила П. Е. Щеголева душеприказчиком Н. П. Павлова-Сильванского, разрешив ему заключать договоры с издательствами [80]. Вероятно, в это время и возник проект опубликования сочинений Павлова-Сильванского в трех томах, в один из которых должна была войти большая книга о феодализме.

Поначалу вопросы подготовки издания обсуждались Пресняковым и Щеголевым совместно: в одном из писем упоминается их разговор на эту тему осенью или в начале зимы 1908 г. в Любани (вероятно, на даче Щеголева) [81]. Однако дальнейшее участие Щеголева в издании трудов Павлова-Сильванского оказалось невозможным. В феврале 1909 г. он был осужден за издание журнала «Былое» и заключен в Петропавловскую крепость. В письме Преснякову 23 февраля Щеголев поручил ему «от себя лично и от имени сестер и жены покойного» приведение в порядок рукописи и наблюдение за изданием «второй части» «Феодализма на Руси». Он подчеркнул, что Преснякову придется «единолично... разрешить вопрос, в каком виде печатать ранее напечатанные статьи Н. П. по феодализму, присоединить ли их к имеющемуся у нас тексту или выпустить отдельной книгой» [82]. В ответном письме Пресняков сетовал на невозможность обстоя-

[77] ОР ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 1356.
[78] Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 9 (письмо от 19 сентября 1908 г.).
[79] ОР ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 1447, 1334.
[80] Там же. Д. 1335.
[81] Там же. Д. 1439.
[82] Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 19.

тельных совещаний с Щеголевым, но сообщал, что обсуждает детали подготовки и редактирования рукописи с С. Ф. Платоновым[83]. Печатание сочинений Павлова-Сильванского осуществляла типография М. М. Стасюлевича. Управлявший тогда ею М. К. Лемке также принял определенное участие в продвижении издания. Как видно из дневника Лемке, Пресняков посетил его около 27 февраля и договаривался об издании[84]. Щеголев со своей стороны писал Лемке о составлении предисловия к книге и особенно настаивал на том, что «никакой фактической правки труда Н. П. Сильванского, от кого бы она ни исходила, в его книге не должно быть. Было бы иначе обидно его памяти»[85]. Видимо, Щеголев стремился возложить на Лемке наблюдение за изданием. Это письмо, впрочем, оказалось у Преснякова, и об участии Лемке в подготовке рукописи ничего не известно.

Основная работа по подготовке и редактированию рукописи пришлась на долю Преснякова, и это обстоятельство оказалось счастливым для судьбы труда Павлова-Сильванского. Пресняков, наиболее близкий к кругу «феодальных» интересов покойного историка, более, чем кто-либо другой, мог сделать для подготовки книги к печати.

В марте — начале апреля 1909 г. Пресняков получил из Государственного архива бумаги Павлова-Сильванского[86], ознакомился с ними и немедленно приступил к работе, несмотря на крайнюю занятость — 19 апреля состоялся его магистерский диспут. О первых результатах просмотра рукописей Пресняков писал 9 апреля Лемке: «Работы над рукописью немало, так как надо подобрать и проверить все цитаты, часто глухо указанные с пометкой: „выписать", „проверить" и т. д.»[87] После тщательного просмотра и разборки рукописного материала Пресняков окончательно уяснил себе тот план книги, который сложился у Павлова-Сильванского в последнее время работы над нею. Он писал Щеголеву 26 апреля: «Том должен быть издан целиком, т. е. под общим заглавием: „Феодализм в древней Руси",— в него войдут как „Община и боярщина", так и „Феодальные учреждения"... Этот общий состав тома устраняет его обозначение как „второй части"...»[88]

Обстоятельное письмо Преснякова Щеголеву, побывавшая в типографии рукопись книги и примыкающие к ней рукописные материалы, хранящиеся в архиве[89], позволяют представить, в ка-

[83] ОР ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 1439.
[84] За сообщение этих сведений приношу благодарность М. Г. Вандалковской.
[85] Архив ЛОИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 19.
[86] Позднее они были переданы Пресняковым в архив (Архив ЛОИИ. Ф. 190).
[87] ОР ИРЛИ. Ф. 661. Д. 898.
[88] Там же. Ф. 627. Оп. 4. Д. 1439.
[89] Архив ЛОИИ. Ф. 190. Д. 2.

ком состоянии нашел Пресняков бумаги Павлова-Сильванского. «Община и боярщина» представляла значительного объема манускрипт, включавший немалое число черновых набросков. Тем не менее Пресняков считал, что главы этой части (без учета сносок) «вполне готовы у Н. П. к печати». По-видимому, так и обстояло дело: в те времена рукописи сдавались в типографию далеко не в идеальном порядке; значительная авторская правка в корректуре была вполне обычным делом. Важной задачей для Преснякова было восстановить последовательность частей текста и выбрать из черновиков наиболее законченные варианты. Другая часть тома, «Феодальные учреждения», должна была включить «в дополненном и частью исправленном виде статьи из „Журнала Министерства народного просвещения", т. е. „Иммунитет" и „Феодальные отношения в удельной Руси"»; по мнению Преснякова, возможность простой их перепечатки исключалась. Однако исправления зачастую внесены автором не были, имелись только пометы на полях типографских оттисков статей с указаниями на необходимые исправления. Текст, как выяснялось из этих указаний, подлежал дополнению. «По-видимому, часть ссылок сам Н. П. полагал поместить под строкой (пометы: „петит"), а в конец книги — лишь более обширные, носящие характер экскурсов». Во второй части книги Преснякову предстояло исправить и перекомпоновать текст согласно указаниям авторских помет, а также отредактировать вставки — «экскурсы». «Редактирование „экскурсов",— писал Пресняков Щеголеву,— представляет значительные трудности, и тут мне всего чувствительнее невозможность обстоятельного совещания с Вами. Буду всякое колебание обсуждать с Платоновым». Наконец, по замыслу Павлова-Сильванского книга должна была завершаться несколькими приложениями. «Я думаю,— писал Пресняков,— что следует и для больших примечаний, и для этих приложений использовать возможно шире — лекции... С этим согласен и С. Ф. Платонов. Так, например, приложения об „огнищанах", о „закладничестве" могут быть ценно восстановлены по лекциям». В заключение своего плана издания Пресняков подчеркивал, что все вставки в текст книги должны быть сделаны, «конечно, буквальными словами автографа Н. П.» [90].

С конца апреля до конца лета 1909 г. продолжалась работа Преснякова над рукописью. Более чем на 50 листах оригинала, сданного в типографию, имеются вставки текста его рукой. В ряде случаев он перебелял малоразборчивые черновики. Им написаны некоторые примечания, материал для которых заимствован из печатных работ Павлова-Сильванского и из рукописных лекций. Часть «экскурсов», заимствованных из лекций, Пресняков во изменение первоначального плана внес в примеча-

[90] ОР ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 1439.

ния. В четырех отмеченных им случаях не оказалось возможности заполнить пробелы авторской рукописи.

Пресняков переписывал чернилами и вносил в текст карандашные пометки Павлова-Сильванского, сделанные на полях типографских оттисков статей, фрагменты которых автор наметил включить в книгу. Общие указания этих пометок выполнялись Пресняковым с крайней осторожностью либо оставлялись неосуществленными. Так, на поле с. 34 второй пагинации рукописи (в перепечатке статьи «Иммунитет в удельной Руси»[91]) в начале параграфа имелась помета «сказать решительнее», относящаяся к обоснованию соответствия боярской службы вассалитету. Пресняков, видимо, не нашел материала, чтобы «сказать решительнее», и оставил это указание невыполненным. Некоторые части статей, особенно историографические экскурсы, Пресняковым были сокращены, убраны повторы, образовавшиеся в результате соединения разных статей. Некоторые главы и параграфы Пресняков снабдил заголовками, причем обозначил эти заголовки прямыми скобками.

В самом конце книги Пресняков поместил немецкую цитату, служившую эпиграфом к статье «Феодальные отношения в удельной Руси», после нее следует фраза, заключающая весь труд. Кажется, это чуть ли не единственное дополнение, внесенное Пресняковым без авторских указаний, но и оно имеет текстуальную опору в ответе Павлова-Сильванского на замечания Преснякова к указанной статье.

Насколько бережно относился Пресняков даже к оттенкам мысли Павлова-Сильванского, лишний раз показывает выбор им названия для книги. «Думал я предложить,— писал он Щеголеву,— „Феодальный строй удельной Руси", но, во-первых, рука не поднимается менять определенное указание автора, во-вторых, „строй" слишком определенное слово: Н. П. недаром говорил „феодализм", „феодальные отношения"»[92]. Название определилось к концу августа, когда подготовка рукописи была в основном закончена.

Таким образом, рассмотрение дополнений, внесенных рукой Преснякова в рукопись книги Павлова-Сильванского, показывает, что вмешательство в текст ограничивалось только очень деликатной редактурой. Целью Преснякова было во всех случаях сохранить или привести подлинные слова автора. Ему удалось исключить проявление в книге собственного исследовательского субъективизма. Поэтому представляется, что нет оснований говорить о соавторстве Преснякова в книге Павлова-Сильванского, во всяком случае, в том определенном смысле, какой имеет слово «соавторство». Вместе с тем нельзя не отметить заслугу преобразо-

[91] ЖМНП. 1900. № 12.
[92] ОР ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 1440.

вания Пресняковым рассыпанной храмины незавершенной книги в цельное и стройное произведение, воплотившее теоретическую концепцию Павлова-Сильванского. Работа эта потребовала от Преснякова тщательного изучения самой проблемы феодализма в России и проникновения в суть «творческой лаборатории» Павлова-Сильванского.

Печатание книги продлилось до весны 1910 г. 21 марта Пресняков сообщил Щеголеву о выходе в свет этой драгоценной, по его словам, книги[93]. Создание ее само по себе представляет явление историографии, так как в нем прослеживаются традиции научных взаимоотношений отечественной науки.

Историографическое значение книг Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме в России обстоятельно раскрыто в трудах русских и советских историков. Уже непосредственно после своего появления эти книги вызвали многочисленные отклики в литературе.

Идеи Павлова-Сильванского имели не только научное, но и широкое общественное значение. Дело жизни историка оказалось близким прежде всего демократической интеллигенции России. Как о том свидетельствует помещенная в настоящем издании статья публициста-большевика М. С. Ольминского, лучшие представители этой интеллигенции считали необходимым пропагандировать идеи Павлова-Сильванского в пролетарской среде. Так, первое издание «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова открывается портретом Павлова-Сильванского, а во введении его работы оцениваются как «замечательные»[94]. Прогрессивная общественная мысль выделяла в первую очередь идею об общем пути исторического развития России и Запада, обоснованную Павловым-Сильванским. Объективно теория «русского феодализма» вносила вклад в дело борьбы за лучшее будущее страны, содействуя успеху этой борьбы научным объяснением прошлого. Именно это значение трудов Павлова-Сильванского подчеркнул впоследствии М. Н. Покровский в предисловии к книге «Феодализм в древней Руси».

В «академических» кругах после выхода книг Павлова-Сильванского разгорелась полемика по вопросу о феодализме в России, в которой приняли участие крупные буржуазные ученые. По выражению Б. Д. Грекова, «корифеи нашей науки... очень туго поддавались искушению» считать, что в России XII—XVI вв. господствовал феодализм[95]. С возражениями выступили историки русского права В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов. Последний выразил мысль, разделявшуюся большинством буржуазных историков, когда писал о взглядах

[93] Там же. Д. 1443.
[94] *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. Т. 1. С. 8, 9.
[95] *Греков Б. Д.* Избр. труды. М., 1960. Т. 3. С. 203.

Павлова-Сильванского: «Вся теория является делом будущего, а пока прочим исследователям отечественной старины приходится только ждать, имея перед собою громадное количество исторических фактов, не согласных с этою теориею или по крайней мере еще не примиренных с нею»[96]. Компромиссную позицию в споре стремился занять Н. И. Кареев, отмечавший «крупную заслугу Павлова-Сильванского в изучении феодализма, «элементы» которого были и в России». Может быть, писал Кареев, Павлов-Сильванский «доказывал больше, чем можно доказать, говорил о тождестве, где можно было бы говорить лишь о сходстве, находил сходство там, где, в сущности, его было мало, умалчивал нередко о пунктах различия или преуменьшал их значение, когда они не могли остаться не отмеченными... но сколько бы ни оказалось частных дефектов в теории Павлова-Сильванского, эта теория стоит на прочной почве сравнительно-исторического изучения»[97]. Большое значение для судьбы теории Павлова-Сильванского в «академическом» мире имело то обстоятельство, что в ее пользу высказался такой научный авторитет, как М. М. Ковалевский[98]. Он и ряд ученых — И. Н. Бороздин, А. Е. Пресняков, Н. А. Рожков, Ф. В. Тарановский и др. — выступили на стороне теории русского феодализма, настаивая на дальнейшей работе в этом направлении, на сравнении феодальных институтов не только в основных чертах, но и в развитии, на изучении экономических основ феодализма, анализе таких важных сторон феодального строя, как русский домен, иерархия землевладельцев, военная организация феодализма. Историки этого направления подчеркивали общее социологическое значение книг Павлова-Сильванского. А. Е. Пресняков видел значение этих книг в том, что они «содержат немало данных для плодотворного пересмотра существенных общеисторических вопросов и ведут к признанию, что изучение русской истории столь же важно для западноевропейской науки, как и обратные научные отношения»[99].

Во многом отступил от своих позиций автор «теории контраста» исторического развития России и Запада П. Н. Милюков. Постепенные уступки его новой концепции проследил сам Павлов-Сильванский в своей книге; о том, что эти уступки воспринимались научной средой как косвенное признание существования феодализма в России, свидетельствует отзыв В. И. Пичеты в энциклопедической статье о Павлове-Сильванском[100]. Сложной была

[96] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб., 1909. С. 288.
[97] *Кареев Н. И.* Указ. соч. С. 142—143.
[98] *Ковалевский М. М.* [Рец. на кн.:] Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси // Минувшие годы. 1908. № 1.
[99] *Пресняков А. Е.* Н. П. Павлов-Сильванский... С. 14—15.
[100] *Пичета В. И.* Павлов-Сильванский Николай Павлович // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат. Т. 31. Стб. 13—16.

позиция В. О. Ключевского. Не ответив на не раз повторенные просьбы Павлова-Сильванского дать отзыв на его работы, Ключевский, видимо, был все же с ними знаком. Как писал Бороздин в мае 1908 г., он «недавно долго беседовал о русском феодализме с В. О. Ключевским»[101]. Большинство ученых консервативного направления (В. И. Сергеевич, Ф. И. Леонтович, А. А. Кизеветтер и др.) остались непоколебимы в отрицательной оценке концепции Павлова-Сильванского.

Особенно сильным оказалось влияние трудов Павлова-Сильванского на развитие исторической науки в России в начале XX в. Можно вспомнить, что представление о феодализме и даже периодизация феодального строя в «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского в значительной мере заимствованы из книг Павлова-Сильванского[102]. С. В. Бахрушин позднее вспоминал, что «молодое поколение научных работников жадно восприняло эту новую мысль, ломавшую старое историческое мировоззрение и подготовлявшую пути к марксистскому пониманию исторического процесса»[103]. Работы Павлова-Сильванского начали приобретать известность не только в России, но и за рубежом. Сам он не раз собирался опубликовать статьи или книгу за границей. Сделать это удалось И. Н. Бороздину[104]. В марте 1908 г. Ф. В. Тарановский писал Павлову-Сильванскому о своих беседах в Париже с А. Эсменом и об интересе, проявленном к «русскому феодализму» французским ученым[105]. Об интересе к этим проблемам немецкого историка социал-демократа Г. Дункера писал Г. В. Чичерин.

Новый этап в историографической оценке произведений Павлова-Сильванского наступил после победы социалистической революции. В начале 20-х годов книга «Феодализм в древней Руси» была дважды переиздана. В то же время основным направлением в изучении феодализма в России стало овладение историками марксистско-ленинской методологией исследования, постижение ленинской концепции истории страны. Становились широко известны труды В. И. Ленина, несомненен был факт ленинского приоритета в формулировании теории феодализма в России[106]. Теория Павлова-Сильванского отходила в историографическую ретроспективу и могла уже стать предметом исто-

[101] ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 1185.
[102] *Шапиро А. Л.* Указ. соч. С. 194—195.
[103] *Бахрушин С. В.* Д. М. Петрушевский и русские историки // Средние века. М.; Л., 1946. Вып. 2. С. 41.
[104] *Borosdin I.* Eine neue Arbeit über den Feodalismus in Russland // Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1908. H. 3/4. S. 572—578.
[105] ОР ИРЛИ Р. III. Оп. 2. № 1187.
[106] *Цвибак М. М.* Кем в 90-х годах была выдвинута концепция существования феодализма в России // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7/8, *Греков Б. Д.* Ленин и историческая наука // Греков Б. Д. Избр. труды. Т. 3.

риографического изучения. В 1922 г. М. В. Нечкина обратила внимание на то обстоятельство, что представления о феодализме последователей «экономического материализма», в том числе М. Н. Покровского, основывались на трудах Павлова-Сильванского[107]. К одному из изданий «Феодализма в древней Руси» Покровский написал предисловие, помещенное в настоящем томе. В соответствии со своими воззрениями он подчеркивал политическое значение книги и неправомерно принижал ее научную ценность, называя Павлова-Сильванского «слабым» и «неглубоким» исследователем. Эти черты воззрений Покровского еще более наглядно проявились в работах его последователей. С. А. Пионтковский в своей популярной работе характеризовал Павлова-Сильванского как наиболее яркого представителя в русской историографии идеологии промышленной буржуазии[108]. Более основательно оценивал труды историка А. И. Неусыхин, отмечавший, что «новый подход убедительно показал, что русский удельный порядок и есть феодализм, что ему свойственны в той или иной мере все черты, характерные для феодализма: здесь имеется налицо и крупная вотчина (боярщина, соответствующая западноевропейской сеньерии), и община, и двусторонняя — частно- и публично-правовая — зависимость этой последней от вотчинника, и иммунитет, и патронат, и вассальная иерархия, и ленная система». В то же время Неусыхин подчеркивал, что «русский иммунитет, патронат, оммаж и т. д. представляет собою не простое тождество с западноевропейскими, а лишь особую, конкретно-историческую вариацию на одну и ту же социологическую тему, лишь русскую форму иммунитета и патроната вообще; а в этом их качестве Павлов-Сильванский эти институты не рассматривает»[109].

В конце 30-х годов, когда возрос интерес к историографическому наследию дореволюционной науки, оживилось и изучение трудов Павлова-Сильванского. Кратко, но точно формулировали значение этих трудов Б. Д. Греков и Н. Л. Рубинштейн в первом издании вузовского учебника истории СССР[110]. В это же время возникла мысль о переиздании книги «Феодализм в удельной Руси». Можно полагать, что она исходила от Н. Л. Рубинштейна, много сделавшего для издания лекционного курса русской истории А. Е. Преснякова. Б. Д. Греков написал для будущего издания вступительную статью, впервые публикуемую в настоящей книге. Эта статья обнаружена в архивном фонде

[107] *Нечкина М. В.* Русская история в освещении экономического материализма: (Историографический очерк). Казань, 1922. С. 198.

[108] *Пионтковский С. А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.

[109] *Неусыхин А.* [Рец. на кн.:] *Павлов-Сильванский Н.* Феодализм в древней Руси // Печать и революция. 1924. № 1. С. 210—211.

[110] История СССР/Под ред. В. И. Лебедева. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939. Т. 1. С. 13, 74, 107.

Н. Л. Рубинштейна. Она отразила давний и глубокий интерес крупнейшего советского ученого к творчеству Павлова-Сильванского. Характерный факт вспомнил в одном из своих писем к М. Н. Тихомирову Б. Б. Кафенгауз. Он писал: «Помните ли Вы, как Б. Д. Греков в Свердловске на заседании кафедры в Университете осенью 1942 г. называл себя и свое поколение русских историков „детьми Шахматова и Павлова-Сильванского"?»[111] Глубокая по содержанию статья Грекова, раскрывшая историческое место и значение книг Павлова-Сильванского, осталась неопубликованной: издание не было осуществлено, вероятно, из-за начала Великой Отечественной войны. Со статьей Грекова был, однако, знаком Рубинштейн, тогда же написавший лучшую, пожалуй, в советские годы работу о Павлове-Сильванском.

Рубинштейн посвятил творчеству Павлова-Сильванского отдельную главу в книге «Русская историография». Он противопоставил свою точку зрения сложившемуся к тому времени подходу, согласно которому подчеркивалась связь концепции Павлова-Сильванского с юридической школой. Рубинштейн признал, что «в истории феодализма автор изучает его правовую сторону — феодальные институты, юридические институты, чтобы из этой суммы юридических норм прийти к выводу о тожестве системы правовых отношений». С таким подходом связаны и недостатки понятия о феодализме, и формализм в отождествлении явлений различных эпох. Но, по мнению Рубинштейна, существо взглядов Павлова-Сильванского, их эволюции состоит в том, что от внешних формальных элементов он идет к раскрытию внутреннего содержания самих общественных отношений. Для него юридическая норма — лишь проявление общественных отношений, их последующее закрепление. Поэтому историку удалось по-новому поставить и решить ряд важнейших проблем. Им создана новая, одна из последних в русской буржуазной науке, общая концепция истории России. Утверждено принципиальное единство исторических путей России и Западной Европы. Феодализм в России рассмотрен как особый исторический период. Проблема феодализма представлена как проблема социальной борьбы общины и боярщины. Изучена история русской общины, понятой как определенная стадия общественного развития, древнейшая основа дофеодального строя. Боярщина-сеньория определена как соединение крупного землевладения с властью и с мелким хозяйством. Открыт путь к изучению категорий феодально зависимого населения — смердов, закупов, холопов на пашне, к теории внеэкономического происхождения феодальной зависимости. Доказано

[111] *Чирков С. В.* Из рукописного наследия М. Н. Тихомирова: (По материалам Архива АН СССР) // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 249.

исследовательское значение сравнительно-исторического метода [112].

Помимо работы Н. Л. Рубинштейна, в 40-х годах появилась большая статья С. Н. Валка, посвященная истории петербургской исторической школы [113]. В этой статье С. Н. Валк впервые ввел в научный оборот сведения о влиянии на мировоззрение Павлова-Сильванского марксистской мысли. Кроме того, он наметил оказавшееся впоследствии очень плодотворным направление изучения творчества историка: привлек к исследованию материалы рукописного наследия Павлова-Сильванского и его малоизвестные публицистические произведения.

Новым этапом в изучении трудов Павлова-Сильванского о феодализме стало начало 60-х годов. Почти одновременно вышел ряд обобщающих историографических трудов и специальных статей, посвященных творчеству историка. В вузовском учебнике по историографии истории СССР И. К. Додонов писал, что «в изучении русского феодализма Павлов-Сильванский отличался от многих своих современников... Он обнаружил более прогрессивные взгляды по сравнению с другими буржуазными историками» [114].

В работе «Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского» (1963 г.) С. Н. Валк продолжил введение в научный оборот неопубликованного творческого наследия историка и содействовал более объективной оценке его места в истории исторической науки.

Обстоятельно проанализирована концепция Павлова-Сильванского в лекционном курсе А. Л. Шапиро. Признав главной заслугой историка признание феодализма особым периодом в истории России и вывод об отсутствии существенных отличий его от феодализма западноевропейского, Шапиро остановился на недостатках концепции: Павлову-Сильванскому осталась чужда теория феодализма как социально-экономической формации, он не понимал, что на феодальной основе могли развиваться различные политические надстройки, рассматривал феодализм как период господства частного права. Достижением Павлова-Сильванского советский исследователь считает отрицание им условности землевладения как обязательного признака феодальных отношений, признание фундаментом феодальной системы крупного землевладения, признание сеньориальной власти землевладельца над населением вотчины важнейшим признаком феодализма. Однако, отметив экономическую основу феодализма, Павлов-Сильванский «продолжал считать самый феодализм политическим строем, иден-

[112] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 527—529.

[113] *Валк С. Н.* Историческая наука...

[114] Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции/Под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева. М., 1961. С. 417.

тичным феодальной раздробленности». Трактуя вопрос об общине, историк «избежал двух серьезных и распространенных среди различных буржуазных теоретиков заблуждений: он отвергал мнение славянофилов и некоторых народников об отсутствии на Западе институтов, идентичных русской общине; одновременно он отвергал мнение Б. Н. Чичерина и П. Н. Милюкова о позднем возникновении русской общины, о создании ее государством в XV и следующих веках в целях чисто фискальных». Отрицание мнения буржуазной историографии о бродячем состоянии населения в древней Руси, понимание, что право «отказа» крестьян не обеспечивало полной их свободы, подводили историка к пониманию роли внеэкономического принуждения, до конца, однако, выявленной лишь марксистской наукой»[115].

В обобщающей характеристике взглядов Павлова-Сильванского Л. В. Черепнин пришел к выводам, значительно отличающимся от выводов предшествующих исследователей. По его мнению, Павлова-Сильванского «интересовали не столько реальные производственные отношения, сколько политические формы прошлого... Автор не смог дать такого синтеза своих наблюдений, который раскрыл бы объективные закономерности развития русского феодализма». Сравнение русских порядков с западными «сводилось к установлению чисто внешнего сходства изучаемых явлений, преимущественно юридических институтов». По словам Черепнина, представляют интерес такие черты концепции Павлова-Сильванского, как выводы о древности крестьянской общины, об ее живучести в период развития феодального землевладения, об ограниченности права крестьянского перехода еще до Судебника 1497 г., о происхождении иммунитета независимо от княжеского пожалования[116].

Существенно дополнил Черепнин свою характеристику значения трудов Павлова-Сильванского в специальной статье о сравнительно-историческом методе изучения феодализма в отечественной историографии (1969 г.)[117]. Он детально рассмотрел методологические приемы ученого, заключив, что «применение Павловым-Сильванским сравнительного метода при изучении русского феодализма — безусловно, сильная сторона его работ, в результате которых было разрушено традиционное представление буржуазных ученых о противоположности путей развития России и стран Западной Европы». Кроме того, Черепнин рассмотрел

[115] *Шапиро А. Л.* Указ. соч. С. 78—81.
[116] *Черепнин Л. В.* Изучение русской истории // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 300—302.
[117] *Черепнин Л. В.* К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии // Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. ст. М., 1981. С. 128—133.

научные отклики на применение Павловым-Сильванским сравнительного метода.

Материалы научного наследия Павлова-Сильванского привлекли внимание С. О. Шмидта, который содействовал их включению в научный оборот [118]. Участнику семинара С. О. Шмидта по источниковедению историографии в Московском историко-архивном институте В. А. Муравьеву в 1961 г. была предложена тема об архиве Павлова-Сильванского. Муравьев составил обзор материалов ученого, хранящихся в трех ленинградских архивах, библиографию его трудов и откликов на них. Материалы эти Муравьев позднее использовал в написанной под руководством В. Е. Иллерицкого диссертации о теориях феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. (1969 г.) [119].

В своей диссертации В. А. Муравьев проанализировал теорию феодализма в России в трактовке Павлова-Сильванского. По его мнению, для методологии историка характерен «экономизм», проявившийся в сведении способа производства к господству определенных форм собственности или хозяйства, в признании серьезного значения этнографических и географических факторов, в отделении сферы хозяйственных отношений от других сторон исторической жизни. Феодализм в России Павлов-Сильванский рассматривал как определенный закономерный этап в развитии общества. Он «полагал, что периоду натурального хозяйства соответствует общинная организация управления, первой стадии накопления капиталов в крупных вотчинах и городах на основе натурального хозяйства — феодализм, денежному хозяйству — „автократия“, капитализму — „гражданский строй“». Опираясь на категории и понятия, введенные в научный оборот западноевропейскими историками, Павлов-Сильванский «отнюдь не следовал слепо за ними, указывая либо на специфические черты феодальных институтов в России, либо заполняя лакуны в исследованиях западноевропейского феодализма гипотезами, построенными на основании параллельных русских источников». Как отмечает Муравьев, Павлов-Сильванский не выяснял сущности отношений между феодалами и феодально зависимым крестьянством, остался чужд теории классовой борьбы. Он искусственно разделял феодальные отношения на режим сеньориальный и режим собственно феодальный, что вело к признанию существования особого «экономического феодализма» и расшатывало общую историческую схему, сформулированную в книгах историка [120].

[118] *Шмидт С. О.* О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР.

[119] *Шмидт С. О.* Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 178.

[120] *Муравьев В. А.* Теории феодализма в России в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в.: Автореф. канд. дис. М., 1969. С. 19—23.

На современном этапе развития советской историографии труды Павлова-Сильванского рассматриваются как в общих историографических работах и курсах, так и в статьях, содержащих историографию той или иной проблемы. Так, С. М. Каштанов в историографической статье, посвященной феодальному иммунитету, отметил новаторские черты Павлова-Сильванского в подходе к этой проблеме. По мнению Каштанова, историк принадлежал к тому течению в буржуазной историографии, которое пыталось «выяснить специфику феодального строя, чтобы не смешивать его с буржуазным». «Восстанавливая и заново обосновывая представление о существовании феодализма в „древней" и „удельной" Руси, Павлов-Сильванский обратил особое внимание на однородность содержания русского и западноевропейского иммунитетов. Этот тезис он сочетал с выводом о „самобытном происхождении иммунитета" светских землевладельцев». Каштанов раскрывает то новое, что внес Павлов-Сильванский в понимание русского феодализма в сфере политической истории, указывая при этом, что историк «не искал корней иммунитета в производственных отношениях» [121].

Показательно, что новейшие историографические пособия в значительной мере основываются на исследованиях, привлекающих всю совокупность опубликованного и архивного наследия Павлова-Сильванского [122]. Следует особо отметить недавно вышедшую монографию А. Н. Цамутали, в отдельной главе которой дана содержательная характеристика творчества Павлова-Сильванского в связи с идейно-политической борьбой конца XIX — начала XX в.[123] К несомненным достоинствам работы Цамутали относится рассмотрение им значения трудов ученого о феодализме в России в историографическом аспекте.

Таким образом, в отечественной историографии книги Павлова-Сильванского о феодализме подверглись обстоятельному изучению и серьезной научной оценке. К настоящему времени выяснена выдающаяся роль этих произведений в развитии исторической науки, их значение как памятника исторической мысли. Новое издание призвано способствовать ознакомлению с этими книгами широких читательских кругов, более активному использованию их изучающими отечественную историю, исследованию таких сложных историографических проблем, как особенности развития различных направлений русской исторической науки в канун социалистической революции, соотношение идеологических и исследовательских факторов в этой науке, особенности научной культуры того времени.

[121] *Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России // История и историки: Историогр. ежегодник, 1972. М., 1973. С. 127—130.

[122] См., например: *Сахаров А. М.* Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. С. 220—223.

[123] *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историогр. очерки. Л., 1986. С. 205—251.

ПРИМЕЧАНИЯ

ФЕОДАЛИЗМ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Первое издание книги вышло в 1907 г. в серии «История Европы по эпохам и странам». В 1923 г. Государственным издательством осуществлено второе издание, по новой орфографии и с незначительной редакционной правкой текста. Выпущенное в 1924 г. третье издание (без указания номера) сопровождалось предисловием М. Н. Покровского (см. Приложения) и повторяло текст второго издания. В настоящей публикации за основу принят текст второго издания (М.; Пг., 1923), сверенный с текстом первого, причем большая часть первоначальных чтений восстановлена (за исключением затемняющих смысл стилистических оборотов). В отдельных случаях исправлены опечатки, раскрыты сокращения слов и изменена пунктуация в соответствии с современными требованиями. Авторские примечания и отсылки к литературе, обозначенные цифрой со звездочкой, дополнены необходимыми элементами библиографического описания применительно к современным требованиям. Примечания издателей по тексту обозначены звездочками, а отсылки к комментариям в конце книги — цифрами. В комментариях приведены сведения справочного характера об использованной автором литературе, изданиях источников, а также историографические данные, помогающие уяснить место трудов Н. П. Павлова-Сильванского в истории исторической науки. Как и в других книгах, вышедших в последние годы в серии «Памятники исторической мысли», здесь не оговариваются устаревшие или неверные с точки зрения современной науки представления и оценки. Разработка истории феодализма в России за три четверти века так продвинулась вперед, что прокомментировать все те места в произведениях Н. П. Павлова-Сильванского, которые в том нуждаются, не представляется возможным по обширности и разнообразию материалов.

[1] Имеется в виду книга, изданная под заглавием «Феодализм в удельной Руси» (СПб., 1910). См. наст. издание.

[2] *Сильванский Н. П.* Акты о посадских людях-закладчиках // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. (Отд. изд.: СПб., 1909). После смерти автора издание было завершено А. С. Лаппо-Данилевским.

[3] Федор Васильевич Тарановский (1875—1936) — историк русского права, профессор ряда университетов, в эмиграции — академик Сербской академии наук. Тарановский был приверженцем сравнительно-исторического метода в истории права. Признав существование феодализма в России под влиянием работ Павлова-Сильванского, развивал его концепцию, вводя в нее в качестве важнейшего элемента социально-экономический фактор (организованную домениально-сеньориальную форму хозяйства). Однако позитивистская, плюралистская методология Тарановского, его выступления против марксистской исторической теории привели к тому, что его понимание сущности феодализма оказалось вне магистральной линии историографии русского феодализма (см.: *Омельченко О. А.* Московское государство в историографическом наследии Ф. В. Тарановского // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве: Сб. научных трудов. М., 1985. С. 51—76). С Павловым-Сильванским Тарановского связывали дружеские отношения. В их сохранившейся переписке (ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Д. 1115, 1181—1185) обсуждались проблемы истории феодализма в России.

[4] Разбор мнений о феодализме известного буржуазного общественного деятеля и историка Павла Николаевича Милюкова (1859—1943) Павлов-Сильванский дал в своей книге. Записи лекций Павлова-Сильванского в воль-

ных учебных заведениях существенно дополняют историографические характеристики, содержащиеся в первой главе книги. В прочитанных в феврале 1906 г. лекциях Павлов-Сильванский подверг критике как выработанную Милюковым «теорию контраста» русского и западного исторического процесса, главные положения государственного направления в его интерпретации, так и методологию Милюкова в целом. Иронически отметив, что «история наша шла наизнанку и Милюков изучает ее тоже наизнанку», т. е. сначала государственный строй, а затем социальный, Павлов-Сильванский заключил, что «в результате социологического изучения истории Милюков пришел к антисоциологическому ее построению». Показательно, что теорию Милюкова и провозглашенные им «совершенно гипотетические особые всеобщие законы социального развития» Павлов-Сильванский противопоставил «материалистической теории Маркса» и необходимости «искать законы развития в связи различных сторон социальной жизни, во взаимодействии общественной и экономической жизни, во взаимодействии общества и среды» (см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Революция и русская историография // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 361—364; *Муравьев В. В.* Лекционные курсы Н. П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 253–254).

[5] Одного из своих университетских профессоров — историка нового времени Николая Ивановича Кареева (1850—1931) Павлов-Сильванский склонен был считать своим единомышленником. Двух ученых сближала позитивистская методология, во многом сходились их представления о западном феодализме (о развитии концепции феодализма у Кареева см.: *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в.— начала 900-х гг. Томск, 1969). Не случайно впоследствии Кареев собрал и рассмотрел в отдельной работе отклики на труды Павлова-Сильванского (*Кареев Н. И.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского // Изв. С.-Петербургского политехн. ин-та. Отд. наук экон. и юрид. СПб., 1910. Т. 14. Отд. изд.: СПб., 1910).

[6] Сочинения историка русского права профессора Киевского университета Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова (1838—1916) рассматриваются в первой главе книги Павлова-Сильванского. В 1901 г. в заметке «Классики и романтики в истории русского права» Павлов-Сильванский характеризовал этого ученого как занимающего «среднюю позицию» между В. О. Ключевским и В. И. Сергеевичем. «Он не стал правоведом, как Сергеевич, но не впадал в крайности. Главная его черта — широта эрудиции. Главное, достигнув в широком общем плане всех явлений, составляющих право, уложил его в курс — настольную книгу каждого историка русского права (в том числе и литовского)» (*Муравьев В. А.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 283, примеч. 14). Концепция Павлова-Сильванского формировалась в полемике со взглядами Владимирского-Буданова.

[7] Взгляды знаменитого русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841—1911) рассмотрены в первой главе. Павлов-Сильванский состоял с ним в переписке (ОР ГБЛ. Ф. 131. К. 33. Д. 26; ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Д. 1144). В 1901 г. Павлов-Сильванский противопоставлял Ключевского В. И. Сергеевичу, находя у московского историка «взмахом распущенность мысли и силы. Встречаются удивительно смелые мысли и выражения. Пока дело касается личных характеристик — очень нужно (характер Елизаветы), но когда юриспруденции — часто походное „юридическое сотворение мысли". Но среди этого беспорядка, как у романтиков, встречаются перлы вдохновенной, проницательной мысли» (*Муравьев В. А.* Материалы... С. 282—283, примеч. 14). В лекциях на курсах Лесгафта Павлов-Сильванский представлял Ключевского слушателям «старомодным» социологом, во взглядах которого обнаруживается «архаический отпечаток» поисков «образа русского народа как

исторической личности». Эти отзвуки старых исторических взглядов «являются в устах московского профессора скорее фразами, отражающими его политические воззрения, и почти не вредят его научному академическому изучению русской истории, в основе которого лежит материалистическое понимание». Такое понимание, по мнению Павлова-Сильванского, сближало Ключевского с марксизмом: «Так как под общественными отношениями Ключевский разумеет политические и экономические отношения, то его фраза об идеях, отлагающихся из отношений, соответствует основному положению марксистской социологии». Как отметил В. А. Муравьев, это высказывание представляет яркий пример объективистского отношения Павлова-Сильванского к марксизму (*Муравьев В. А.* Лекционные курсы... С. 352). Об отношении Ключевского к теории феодализма в России см.: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 444, 613—614.

[8] В своих произведениях историк русского права профессор Петербургского университета Василий Иванович Сергеевич (1832—1910) резко выступил против теории феодализма в России. В 1901 г. в цитированной заметке Павлов-Сильванский так характеризовал этого историка: «Классический французский (римский) склад ума. Ясная мысль. Логика. Сухость и узкость... Сергеевич силен там, где источников мало. Лучше всего (как и Владимирский-Буданов) знает Русскую Правду. Он удовлетворяется узкими схемами, не охватывающими все разнообразие жизни, периодику форм эволюции» (*Муравьев В. А.* Материалы... С. 282, примеч. 14). Уже после появления первых статей Павлова-Сильванского о феодализме разгорелась его полемика с Сергеевичем (см. настоящее издание, переписку с Пресняковым). Об исторических взглядах Сергеевича см.: *Бабицкий Б.* В. И. Сергеевич как историк русского государства и права // Вопросы истории государства и права БССР: Сб. статей. Минск, 1960.

[9] Выдающийся русский историк, сторонник сравнительного метода Николай Александрович Рожков (1868—1927) одним из первых высказался в поддержку теории Павлова-Сильванского. Об этом свидетельствуют как его произведения, так и материалы переписки двух ученых (ОР ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Д. 1167—1171). Павлов-Сильванский имеет в виду книги Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (М., 1899), «Исторические и социологические очерки» (М., 1906. Ч. 1), «Происхождение самодержавия в России» (М., 1906).

[10] В буржуазной историографии на протяжении XIX в. были попытки отыскать общие основы исторического развития России и Запада, поставить вопрос о феодальных отношениях в России (в произведениях Н. А. Полевого, Н. И. Костомарова, А. Б. Лакиера, М. Д. Затыркевича и др., но они натолкнулись на противодействие как сторонников официально-охранительного направления, так и господствовавшей в науке государственной школы.

[11] Цитируются главные сочинения Н. М. Карамзина по истории — «История государства Российского» (СПб., 1818. Т. 1. Гл. IV) и записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (изд. П. И. Бартенева) // Русский архив, 1870. № 12; новое изд.: СПб., 1914. С. 10, 47). В лекции «Теории русского исторического процесса» (1906 г.) Павлов-Сильванский отрицательно отзывался о политических взглядах Карамзина, называя его родоначальником государственной теории в русской науке и находя основной смысл этой теории в утверждении того, что русская древность была «мирной процессией венчанного царя с верноподданным народом». Научное значение «Истории государства Российского» Павлов-Сильванский усматривал в «обработке древнейшего периода, и главным образом в области княжеских и междукняжеских отношений, в области изучения летописей и по множеству цитат из некоторых утраченных после Карамзина исторических памятников» (*Муравьев В. А.* Лекционные курсы... С. 251—252).

[12] В своих лекциях Павлов-Сильванский резко критиковал основные положения исторической и политической программы славянофилов, особенно ярко выраженной в сочинениях их идеологов Константина Сергеевича Аксако-

ва (1817—1860), Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856) и Алексея Степановича Хомякова (1804—1860). Он подчеркивал архаизм теоретических взглядов славянофилов, считая, что «они разрушаются сильнее всего противоположением самобытному развитию различных народов той общности их развития, какая выясняется в последнее время социологией». По мнению В. А. Муравьева, оценка славянофильства Павловым-Сильванским носила прогрессивный характер: впервые это общественное течение рассматривалось не со стороны развития «всемирно-исторической православной идеи» (как у Милюкова) и не в смысле абстрактного отношения к западному влиянию (как у Ключевского), но выяснялись политические причины идеализации славянофилами особых русских общинных порядков (*Муравьев В. А.* Лекционные курсы... С. 252). Спор между славянофилами и западниками Павлов-Сильванский расценивал как главным образом спор политический. В родовой теории западников, по его мнению, содержались «по строжайшим цензурным условиям... искусно скрытые мысли о конституции».

[13] Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) — историк, публицист, профессор Петербургского университета, один из основателей государственного направления в русской либерально-буржуазной историографии. Кавелин разрабатывал выдвинутую Г. Эверсом идею об эволюции «родового» быта в государственный как основном содержании истории России. В то же время он признавал наличие в древней Руси феодальных отношений, связывая их с норманнским завоеванием. Но по его мнению, феодальное начало, принесенное на Русь варягами, быстро растворившимися в славянской массе, не получило развития при господстве междукняжеских родовых отношений. Личные феодальные отношения не превратились в классические поземельные феодальные отношения, а история России пошла путем, резко отличным от западноевропейского. Только реформы Петра I вывели страну на тот же путь, каким шла Западная Европа. Концепция Кавелина основывалась на идее подчинения народа государству. В слабости народа он видел причину силы государства, получающего роль организующего начала. Это представление стало основным тезисом государственного направления.

[14] Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — историк и литератор, профессор Московского университета, сторонник официально-охранительного направления в историографии. Признание своеобразия, самобытности русской истории сближало его со славянофилами. Погодин полагал, что «вечное начало, русский дух», лежащий в основе русской истории, несовместим с внутренней борьбой — основной чертой общественной жизни Западной Европы. Поэтому Русское государство основано без насилия, путем добровольного призвания варягов. В то же время Погодин, не имея определенной и законченной исторической концепции, в начале своей научной деятельности склонен был вслед за Н. М. Карамзиным признавать существование феодализма в древней Руси и только под влиянием нарастания кризиса крепостнической системы и назревания революции 1848 г. в Европе выступил против любых попыток отыскать общие основы исторического развития России и Запада и сделался лидером теории своеобразия русской истории.

[15] Полемика К. Д. Кавелина с М. П. Погодиным началась в 1847 г., когда в «Отечественных записках» Кавелин опубликовал рецензию на книгу Погодина «Историко-критические отрывки» (М., 1846). В дальнейшем Кавелин выступал с разбором и других работ Погодина. В центре полемики стояли проблемы методологии истории, исторического пути России в сравнении с историей Западной Европы, связи истории с современностью и будущим. Кавелин критиковал Погодина за отказ от выработки строго логического обоснования закономерности исторического развития, объяснение исторических событий случайным стечением обстоятельств. В то же время в силу своей приверженности к изучению юридических отношений Кавелин не оценил более широкого толкования, которое Погодин давал причинам исторического развития России, сформулировав в своих рассуждениях зачатки тех построений, какие впоследствии выдвинули историки «экономического направления».

В оценке своеобразия пути исторического развития России сложилось парадоксальное положение: западник Кавелин настаивал на том, что между западноевропейской и русской историей существует только случайное, поверхностное сходство, что аксиоматические положения, с помощью которых можно безошибочно судить об истории любого европейского государства, ничего не объясняют в русской истории. Близкий же к славянофилам Погодин, занявшись сравнительным выписыванием и сопоставлением данных по истории России и стран Запада, приходил к заключению, что при всем различии они имели много общего (*Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. С. 23—34).

[16] Мысль о Петре I как творце новой России восходит к первым попыткам исторического осмысления петровских преобразований, ко времени превращения в России истории в науку. При общем признании этого факта оценки его разделились. Если В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Н. А. Полевой, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев считали петровскую реформу безусловно положительным явлением, то М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и славянофилы рассматривали ее как отход от самобытного развития страны (*Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 414—415).

[17] В тексте цитируются: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 1. Предисловие (см. также новейшее изд.: М., 1959. Кн. I. С. 55—59); *Кавелин К. Д.* Исследования С. М. Соловьева // Собр. соч. Т. I. Монографии по русской истории. СПб., 1897.

[18] Иоганн Филипп Густав Эверс (1781—1830) — историк, почетный член Академии наук, профессор и ректор Дерптского университета. С позиций буржуазной историографии Эверс попытался изучить политическую, правовую и экономическую историю России, первым подойдя к раскрытию закономерности исторического процесса. Эверс создал учение о родовом строе как первоначальной форме общественного строя, представил развитие общества как процесс перехода от семьи к роду и далее от племени к абсолютистскому государству. История России рассматривалась им как проявление всемирно-исторических закономерностей.

[19] Знаменитый русский историк-медиевист Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), профессор всеобщей истории Московского университета, в 40-х годах XIX в. вместе с К. Д. Кавелиным возглавлял в университете лагерь прогрессивной буржуазной исторической науки, к которому примкнул С. М. Соловьев. Статья «О родовом быте у древних германцев» (1855), в которой Грановский, анализируя древнегерманскую общину, подчеркивал общность развития различных народов и полемизировал с германской шовинистической историографией, сохраняет научное значение и поныне.

[20] Имеется в виду статья С. М. Соловьева «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876), где складывание Русского государства рассматривалось как органическое и тождественное в этом смысле развитию всех европейских государств.

[21] Крупнейший труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» выходил в 1851—1879 гг. Эволюция теоретических взглядов Соловьева проявилась в том, что он формулировал общее представление о русском историческом процессе несколько раз на протяжении этого труда, например в предисловии к 1-му тому и в первой главе 13-го тома, где изложена история петровских преобразований.

[22] Русский историк государства и права, один из основателей государственного направления в либерально-буржуазной историографии — Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) первоначально выступал как видный западник, сторонник идеи органического закономерного развития истории. Однако в дальнейшем, эволюционируя вправо в идеологической области, Чичерин пришел к теории цикличности, переоценивая влияние отличных от западных географических условий и внешних факторов в истории России, обосновал особые закономерности этой истории. Чичерин создал теорию закрепощения и раскрепоще-

ния русских сословий правительством в общегосударственных интересах, которая стала центральным звеном концепции государственников.

[23] *Погодин М. П.* Историко-политические письма. М., 1846. Т. 1. С. 201.

[24] Английский историк-позитивист и социолог Генри Томас Бокль (1821—1862) в своем труде «История цивилизации в Англии» (1859) проводил идеи непосредственной зависимости исторического развития от условий природы. Бокль выводил из условий географической среды развитие сознания, а накопление знаний считал причиной изменений в экономическом и политическом строе. Глубокая вера Бокля в безграничную силу разума и общественный прогресс, убеждение в возможности научного познания истории содействовали популярности идей историка в кругах передовой интеллигенции в 60-х годах XIX в., в том числе и в России.

[25] По мнению А. Е. Шикло, Павлов-Сильванский переоценивал значение влияния идей Бокля на концепцию Соловьева (*Шикло А. Е.* Примечания // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1985. С. 291). Основные положения своей концепции Соловьев развернул еще до появления трудов Бокля. Возможно, в этом проявилось воздействие воззрений Бокля на самого Павлова-Сильванского, отмеченное Пресняковым (*Пресняков А. Е.* Н. П. Павлов-Сильванский: Биографические сведения // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. XII).

[26] Характерные для русской общественной мысли 60-х годов XIX в. связь наук об обществе с естествознанием, обращение к изучению географической среды и ее влияния на социальное развитие обусловили интерес к сочинениям западноевропейских позитивистов, в частности Г. Бокля. В своих теоретических поисках идеологи различных социальных сил пореформенной России часто опирались на европейский позитивизм, модернизируя его и приспосабливая к условиям своей страны (*Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX в. М., 1980).

[27] Представитель историко-географической школы в немецкой историографии Карл Риттер (1779—1859) выпускал свой важнейший труд (в 21 томе) «Землеведение в отношении к природе и к истории людей, или Всеобщая сравнительная география» в 1822—1859 гг. Риттер — сторонник географического детерминизма. Его основная идея заключалась в том, что разнообразие в географической обстановке, в которой живет данный народ, не позволяет установить равенство между людьми, а также не позволяет говорить о людях вообще: есть лишь люди, живущие в данной стране, в данной географической обстановке, обусловливающей их историю. Риттером создана научная школа. Под пером Риттера и его последователей географический фактор нередко приобретал религиозно-мистический характер (*Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 359—371).

[28] Александр Иванович Чивилев (1808—1867) — политэконом и статистик, профессор Московского университета. Задачи всеобщей статистики как науки Чивилев связывал с изучением всеобщей истории, представляющей ход развития человечества и изображающей его современные результаты. Но в своем лекционном курсе он сосредоточивался на характеристике «образованнейшей из частей света» — Европы.

[29] См. также новейшие издания: *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984; *Он же.* Избранные труды: Записки. М., 1983.

[30] Наиболее известные историки государственного направления (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин) в определенной степени признавали наличие феодальных отношений в древней Руси, но связывали это с норманнским завоеванием. Ряд историков права в 50—60-х годах XIX в. (Ф. М. Дмитриев, В. А. Милютин, А. Н. Горбунов, И. Е. Андреевский, А. Д. Градовский, Н. Л. Дювернуа и др.), исследуя эволюцию права в средневековой России, пришли к отдельным наблюдениям, сближавшим русские юридические институты с западными. Но большая часть этих историков уже отвергла «русский феодализм». Особую позицию в этом вопросе занимал видный представитель либерально-буржуазной историографии Николай Иванович Костомаров (1817—1885). Критикуя воззрения государственников, Костомаров рассматривал рус-

скую историю как борьбу между федеративным, удельно-вечевым началом, господствовавшим на Руси до монголо-татарского завоевания, и единодержавным началом, развившимся в период ордынского владычества и окончательно утвердившимся в XVII в. Утверждение централизующего единодержавного начала подготавливалось периодом «феодального порядка» на Руси, который Костомаров связывал с господством золотоордынских ханов. Феодализм, по словам историка,— это «такой политический строй, когда весь край находится в руках владетелей, образующих из себя низшие и высшие ступени с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главою выше всех» (*Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в России // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 12. С. 87). По Костомарову, феодальный порядок существовал на Руси со второй половины XIII до конца XV в. Представление о феодализме у Костомарова не имело экономического или социального содержания, ограничиваясь политической характеристикой удельной раздробленности.

[31] Последним изданием книги П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», рассмотренным Павловым-Сильванским, было пятое (СПб., 1902—1904. Т. 1—3). Дополнения и поправки к этому изданию Павлов-Сильванский разбирает в дальнейшем изложении.

[32] Немецкий историк, филолог, экономист Карл Вильгельм Бюхер (1847—1930) — сторонник классической вотчинной теории. В известной обобщающей работе «Возникновение народного хозяйства», вышедшей в 1893 г., Бюхер выдвинул новую схему периодизации истории по экономическому принципу, разделив всю историю хозяйства на три периода — «домашнего», «городского» и «народного» хозяйства. Согласно этой схеме, типичным образцом «городского» хозяйства являются средневековые города Европы, представляющие собой центры обмена для прилегающей округи, но почти не связанные между собой и представляющие замкнутые хозяйственные единицы. Бюхер выдвигал вотчинную теорию происхождения городов (*Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 135—137). В конце XIX — начале XX в. труды Бюхера по истории города расценивались буржуазной наукой как классические.

[33] В сложном развитии внутренне противоречивой концепции русской истории, созданной В. О. Ключевским, большое место занимало новое для второй половины XIX в. экономическое направление, особенно проявившееся в первоначальной редакции монографии «Боярская дума древней Руси» (Русская мысль. 1880. Кн. 1, 3, 4) и в неопубликованном предисловии к ней. Здесь Ключевский близко подошел к признанию экономической основы правовых норм и политических отношений (*Нечкина М. В.* Указ. соч. С. 197—229). История Думы становилась у Ключевского историей самого боярства, служилого класса, а экономической основой социального и политического строя объявлялась «древнерусская боярская вотчина». Именно в этом видел Павлов-Сильванский приближение к пониманию феодального начала в русской истории (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 455—456).

[34] См. также новое издание: *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения. М., 1956. Т. 1.

[35] Имеются в виду современники Павлова-Сильванского, представители либерально-буржуазной историографии. Даже те из них, кого относят обычно к «школе Ключевского» (вопрос о правомерности такого определения получил недавно интересное освещение; см.: *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 137—138),— П. Н. Милюков, М. К. Любавский, А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин — отошли от «экономической» направленности исследований Ключевского по истории русского средневековья, признавая за ним значение исследователя лишь одного из отрезков русской истории, Московской Руси XVII в. (*Нечкина М. В.* Указ. соч. С. 17). В частности, в учебных курсах русской истории «удельный период» XIII—XV вв. выглядел, по выражению А. Е. Преснякова, как «темная яма» (см. переписку Павлова-Сильванского и Преснякова в наст. издании).

[36] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1901. Платонов гораздо подробнее в сравнении с современными ему историками остановился на характеристике существовавшего в XIII—XV вв. на Руси удельного быта. Он строил соответствующий раздел курса, излагая взгляды предшествующих ученых. Но в этом изложении проявляется существенное влияние на построения Платонова взглядов Ключевского. В целом это влияние было весьма значительным, что позволило Н. Л. Рубинштейну даже отнести Платонова к школе Ключевского. В дальнейшем в указанный раздел лекционного курса Платонов ввел понятие о русском феодализме, о сходстве феодальных институтов в России и в Западной Европе, ссылаясь на труды Павлова-Сильванского и Кареева (*Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С. 112—114, 139—140).

[37] Историк и археолог Иван Егорович Забелин (1820—1908) известен прежде всего как крупнейший представитель историко-бытового направления в русской историографии. О его творчестве см.: *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин М., 1984. В трудах, посвященных проблемам общественного строя средневековой Руси, Забелин высказал весьма эклектические взгляды. Подобно Соловьеву и другим государственникам, он связывал общину с родом, но вслед за славянофилами и Погодиным противопоставлял «путь завоевания» власти на Западе «пути нарождения» власти в России, опирающейся здесь на идею права или закона. Истоки вотчинной системы историк искал в глубине веков, когда земли стали отдавать в «кормление» князьям и их приближенным.

[38] В первом томе «Курса русской истории» В. О. Ключевский приводит много данных о сходстве феодализма на Западе с русскими явлениями удельного периода. Общий же вывод историка, по мнению М. В. Нечкиной, «не особенно категорически» отрицает феодализм в России. Причину этого М. В. Нечкина видит в том, что Ключевский заметно считался с политическим характером воззрения о несходстве России с западным процессом, крайне нужного царизму и оберегаемого властью, и шел в вопросе о феодализме на уступки официальной историографии (*Нечкина М. В.* Указ. соч. С. 443—444).

[39] См. примеч. 10, 35.

[40] Чисто гносеологическое объяснение господства в русской историографии концепции противоположности исторических путей России и Запада нельзя, конечно, признать достаточным. Но Павлов-Сильванский справедливо отметил, что с утверждением «социологии» в позитивистской историографии, с широким применением сравнительно-исторического метода наметились предпосылки к сближению концепций русского и западного средневековья. Однако марксистская теория социально-экономических формаций, в действительности «исправившая» ошибочные воззрения предшествующих историков, Павловым-Сильванским не учитывается.

[41] В действительности М. Ф. Владимирский-Буданов достаточно последовательно отвергал концепцию «русского феодализма». Его теория развития русского средневекового права окрашена монархически-националистическими чертами славянофильского толка. Доказывая преимущества самодержавной России перед «разлагающимся» Западом, историк утверждал, что в Московском государстве не было классовых противоречий, а власть великого князя или царя имела патриархальный характер, проистекая из «древних оснований власти домовладыки и отца». Так как самодержавное государство не допускало развития сословных прав в ущерб общегосударственным, то в России не сложилось и привилегированного сословия феодалов, с которым прежде всего связывалось представление о феодальном строе (*Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России // История и историки: Историография истории СССР. М., 1965. С. 310—311).

[42] По мнению Б. Д. Грекова, влияние «индоевропейской» теории немецких историков права является одним из самых слабых мест работ Павлова-Сильванского. В то же время «арийская» теория происхождения общины мало отразилась на конкретном анализе Павловым-Сильванским отдельных институтов

феодального права, так как главным предметом исследования выступает община-марка в средние века (см. статью Б. Д. Грекова в наст. издании).

[43] Бурхард-Вильгельм Лейст (1819—1898) — немецкий юрист, профессор в Базеле, Ростоке, Иене, сторонник сравнительного метода в правоведении. В своих работах по индоевропейскому праву Лейст стремился выяснить основы первобытного права. Его книга «Праарийское гражданское право» вышла в 1892—1896 гг.

[44] Знаменитый немецкий историк и филолог Якоб Гримм (1785—1863) в своих работах в области права выступил последователем исторической школы права. В изданный в 1828 г. сборник «Древности германского права» Гримм включил не только материал правовых источников, но и сведения по истории права, содержащиеся в языке, поэзии, в крестьянских обычаях и т. п. Данные, содержащиеся в этой книге, Павлов-Сильванский использовал для своих сопоставлений.

[45] Русский этнограф и фольклорист Петр Саввич Ефименко (1835—1908), долго живший вместе со своей женой А. Я. Ефименко на Севере, собрал и опубликовал богатый материал по быту местного русского населения. Цитируется его книга: *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1869. Вып. 3.

[46] Русский историк, археограф и библиограф Евфимий Алексеевич Болховитинов, в монашестве Евгений (1767—1837), собрал и опубликовал большое количество исторических материалов. Среди его работ есть и затрагивающие историю русского права. Здесь цитируется: *Евгений, митрополит.* О разных родах присяг у великоруссов // Труды и записки Общества истории и древностей Российских. М., 1826. Ч. III, кн. 1.

[47] Константин Алексеевич Неволин (1806—1855) — историк русского права, профессор Киевского и Петербургского университетов. В цитируемой книге «История российских гражданских законов» (СПб., 1851. Т. 2. § 232, 260) Неволин использовал широкий круг письменных источников.

[48] Имеется в виду труд «Славянские древности» (1837) знаменитого деятеля словацкого и чешского национального движения, историка-слависта и филолога Павла-Йозефа Шафарика (1795—1861).

[49] Йоос Йозеппи Миккола (1866—1959) — профессор славянской филологии Гельсингфорсского университета. Имеется в виду работа: *Mikkola J.* Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors, 1893.

[50] См. наст. издание, с. 483—506.

[51] Труды М. М. Ковалевского по истории экономики, особенно цитируемая здесь книга «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (М., 1898—1902. Т. 1—3), широко использовались Павловым-Сильванским для обоснования своих сопоставлений. В свою очередь Ковалевский сочувственно отзывался о теории Павлова-Сильванского. См., например: *Ковалевский М. М.* Эсмен // Вестник Европы. 1913. № 11. С. 402.

[52] Известный немецкий историк Карл Лампрехт (1856—1915) был одним из наиболее влиятельных сторонников вотчинной теории. Последовательный позитивист, Лампрехт в первые годы своей научной деятельности интересовался преимущественно экономической историей и придерживался историко-экономического направления. Созданный им в эти годы труд «Хозяйственная жизнь Германии в средние века» (1885—1886) представлял наиболее ценный вклад Лампрехта в медиевистику и не случайно широко использован в работах Павлова-Сильванского. Лампрехт считал экономическую историю одним из важнейших компонентов исторического процесса в целом. Им исследованы вопросы эволюции аграрного строя, культуры и техники сельского хозяйства, ранее почти не привлекавшие внимания историков. Лампрехт уделял внимание не только развитию аграрных институтов, но и судьбам крестьянства, изменениям в его положении. Придавая большое значение в своей концепции генезиса феодализма общине, Лампрехт наметил стадии ее эволюции от формы коллективистской земельной собственности к локальной организации крестьянства,

сохранявшейся местами до конца средневековья (*Гутнова Е. В.* Указ. соч. С. 137—144).

[53] Известный французский медиевист Ашиль Люшер (1847—1909) в работах по истории французского феодального государства попытался дать анализ всей социально-политической жизни Франции XI—XII вв. Теория феодальных учреждений средневековой Франции развита им в учебном курсе. Наряду с Люшером, Павлов-Сильванский причисляет к «новым французским историкам» Э. Глассона, П. Виолле, Ж. Флакка, А. Сэ.

[54] Павлов-Сильванский имел в виду представителей историко-экономического направления в немецкой историографии второй половины XIX в.— К. Т. Инаму-Штернегга, К. Бюхера, К. Лампрехта, которых объединяло представление о феодальной вотчине, а не общине-марке как основной ячейке феодального общества. Работы критиков марковой и классической вотчинной теорий им почти не привлекались.

[55] Имеются в виду М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский, труды которых по истории средневековой Англии Павлов-Сильванский использовал в своей книге для сопоставления процесса разложения древней общины в России и в Западной Европе.

[56] Вопрос об исходной форме аграрного развития средневекового общества стал одним из центральных вопросов европейской историографии в 70—90-х годах XIX в. Павлов-Сильванский без достаточных оснований обобщает позицию «историков Запада» по этому вопросу. В действительности вокруг взглядов на природу общины и ее происхождение развернулась полемика. Когда Г. Маурер обосновал свою теорию общины-марки, на его стороне выступили такие крупные представители буржуазной науки, как О. Гирке, К. Лампрехт, Г. Бруннер, Э. Глассон, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский. Но позже марковая теория вызвала резкий отпор со стороны приверженцев извечности существования частной собственности (Н. Д. Фюстель де Куланж, Ф. Сибом, Ф. Мэтланд, А. Сэ, А. Хальбан-Блюменшток, Р. Гильдебранд, В. Виттих и др.) (*Лаптин П. Ф.* Община в русской историографии последней трети XIX — начала XX в. Киев, 1971. С. 159—166). В данном случае Павлов-Сильванский явно имеет в виду взгляды первой группы историков. Противниками теории изначального существования и древнего происхождения земельной общины были в России историки государственного направления (Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский, Ф. И. Леонтович, В. И. Сергеевич, П. Н. Милюков и др.). Не все они отрицали существование первобытной общины, но утверждали, что эта когда-то существовавшая община была давно разрушена под влиянием индивидуалистических начал и что новая община XVIII—XIX вв. устроена правительством для того, чтобы обеспечить круговую поруку при сборе с крестьян налогов и повинностей. Крайнюю позицию в вопросе об общине занимал Сергеевич. В многочисленных статьях, обобщенных в третьем томе «Древностей русского права» (СПб., 1902), он пытался снять вопрос о русской общине, объявляя ее несуществующей в древней Руси. По мнению Б. Д. Грекова, в построениях Сергеевича ясно виден политический смысл: отрицание древности общины должно было нанести удар социалистическим идеям, так как община в представлении социологов XIX в. (особенно народников) могла подготовить почву для социализма. Работы своего единомышленника Милюкова Сергеевич игнорировал, видимо, из-за политических расхождений (*Греков Б. Д.* Ленин и историческая наука // Избр. труды. М., 1960. Т. 3. С. 372—373).

[57] Август Гакстгаузен (1792—1866) — прусский чиновник. Предприняв в 1843 г. путешествие по земледельческим губерниям России, Гакстгаузен составил сочинение «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», в котором под влиянием славянофильских идей доказывал неподготовленность России для перехода к вольнонаемному труду. В общине Гакстгаузен видел возможность предупредить «пролетаризацию» и наступление капитализма. Русские общинные порядки, по существу, были открыты Гакстгаузеном для западноевропейского читателя.

Тот факт, что в абсолютистской России для весьма многочисленных слоев населения не существовало частной собственности на землю, сказался на ходе разработки европейской наукой истории общинного землевладения (*Дружинин Н. М.* Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории. 1968. М., 1969).

[58] Крупнейший немецкий историк Георг Людвиг Маурер (1790—1872), ведущий представитель историко-правового направления в историографии. В серии работ по истории германской общины и выросших из нее институтов Маурер объективно обосновал идею об историческом, преходящем значении частной собственности, классов и государства в истории большинства европейских народов. Показав, что исходной формой социального строя древней и средневековой Германии была община с коллективной собственностью на землю, историк проследил эволюцию общины-марки, рассмотрел развитие феодализма как переход от господства свободной общины к вотчинному строю, от преобладания свободного крестьянства к преобладанию крестьянской зависимости. Влияние идей марковой теории очевидно в работах Павлова-Сильванского.

[59] Историк славянофильского направления профессор Московского университета Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873) известен исследованиями по истории крестьянства и крестьянской общины в России. В соответствии с идеями славянофилов Беляев считал общину исконно русской формой быта, в которой сказался «народный дух». Ему свойственна идеализация общинных порядков допетровской Руси. Историк стремился смягчить характеристику крепостного права XVII в., считая, что оно ограничивалось прикреплением к земле, и связывая личное закрепощение крестьян с петровскими реформами. Славянофильская идеализация старой Руси оказывалась, естественно, уязвимым пунктом для критики со стороны государственного направления в историографии.

[60] Павлов-Сильванский сближает здесь взгляды на общину историков различных историографических направлений и даже разных поколений. В известной мере это объясняется тем, что, по мнению С. Д. Сказкина, решение вопроса о поземельной русской общине не продвинулось с 50-х до 90-х годов XIX в. Взгляды Владимирского-Буданова, Семевского, Лаппо-Данилевского в тех же пунктах противостояли концепции Милюкова, что и взгляды Гакстгаузена, Аксакова, Беляева — теории Чичерина (*Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // Избр. труды по истории. М., 1973. С. 65—66).

[61] Василий Иванович Семевский (1848—1916) — крупнейший представитель либерально-народнической историографии. В исследованиях по истории русского крестьянства XVIII—XIX вв. Семевский подробно осветил повинности и занятия крестьян, их домашний быт, тяжелое положение крестьян в период расцвета крепостничества. Изучал он и юридическое положение разных категорий крестьянства, барщинную и оброчную системы хозяйства. Как и все историки народнического направления, Семевский считал, что община на протяжении многих веков спасала крестьянство от гибельных последствий крепостнического гнета, а в будущем должна была обеспечить прогрессивное развитие.

[62] В трудах видного либерально-буржуазного историка академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863—1919) значительное место занимала тематика аграрной истории. Лаппо-Данилевский объяснял происхождение крестьянской общины расширением круга родовых отношений, в пределы которого стали входить не только люди, объединенные кровными связями, но в большей мере — общими экономическими и духовными интересами. Общность экономических интересов выражалась в существовании общей поземельной собственности с обычными для нее переделами земельных владений. Однако Лаппо-Данилевский отмечал и постепенную эволюцию ее к потомственному владению землей.

[63] Речь идет о первой части изданной в 1910 г. книги Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси». См. наст. издание, с. 151—356.

[64] Известный русский медиевист Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925) в своих трудах уделял значительное внимание истории аграрных отношений в средние века, различным формам европейского феодализма, характеристике крестьянской общины. В работе «Исследования по аграрной истории Англии в средние века» (М., 1887) Виноградов рассматривал общину-марку как этап в социально-экономической истории английского народа, а не как результат организующей роли помещичьего землевладения. Виноградов показал, что для раннего средневековья в Англии характерно господство свободной общины, на которую позднее накладывается феодальная вотчина — манор. Общинная теория в концепции Виноградова органически соединена с вотчинной теорией.

[65] Русские историки-медиевисты П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий проявили особый интерес к дискутировавшейся на Западе в 70—90-х годах XIX в. проблеме средневековой общины. Во многом это объяснялось теми надеждами, которые уже в предшествующие десятилетия возлагались на роль общины в дальнейших судьбах России. Встав на защиту марковой теории, русские медиевисты не только отстояли ее, но и развили дальше. Ими была значительно расширена источниковая база изучения, рассмотрена история общины в разных странах мира (*Лаптин П. Ф.* Указ. соч. С. 166—189).

[66] Отто фон Гирке (1841—1921) — немецкий историк права, крупнейший после Г. Маурера представитель марковой теории. Идеалист гегельянского типа, Гирке представлял развитие человеческого общества как борьбу «принципа единства», заставлявшего людей жить общественной жизнью, и противоположного ему принципа личной свободы, идеи «господства». Феодализм историк понимал как политико-юридическую систему, как «сплав права господства и прав, основанных на земельной собственности», но в конкретном изложении подчеркивал, что именно «вещные», поземельные отношения, в частности крупная земельная собственность, являлись источником и власти, и абсолютного господства договорного частного права в феодальный период. Павлов-Сильванский цитирует главную работу Гирке — «Германское общинное право» (в 4 томах), выходившую в 1868—1919 гг.

[67] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодальные отношения в удельной Руси // ЖМНП. 1902. № 1. С. 67.

[68] Упомянутый обычай, описанный в некоторых кутюмах, относится к XII—XIII вв. См.: *Luchaire A.* Manuel des institutions françaises au moyen âge. P., 1892. P. 303—304.

[69] Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942) — представитель социально-экономического направления в русской либерально-буржуазной медиевистике, в ранних работах дал классическое исследование кризиса английского манора в связи с развитием товарно-денежных отношений. Идеализируя «классический манориальный строй» XII—XIV вв., Петрушевский считал его одинаково необходимым и феодалам, и крестьянам: он сдерживал своими обычаями эксплуататорские аппетиты лордов, защищал зависимых крестьян «настоящими правовыми нормами», по сути «гражданским правом», и не оставлял места классовой борьбе. Павлов-Сильванский цитирует наиболее известную работу Петрушевского «Восстание Уота Тайлера: Очерки из истории разложения феодального строя в Англии» (1897—1901). См. последнее издание: М., 1937. С. 135.

[70] *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1900. Т. 2. С. 346. В Каталонии (именовавшейся до IX в. Испанской маркой) серваж возник уже при вестготах в V—VII вв. в характерных для раннего серважа формах. В ходе Реконкисты он исчез либо был значительно ослаблен на большей части территории страны, сменившись более легкими формами зависимости.

[71] *Vinogradoff P.* Villainage in England. Oxford, 1892. P. 404, 408.

[72] *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1891. С. 37.

[73] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1903. Т. 1. С. 245.

[74] Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787—1874) — французский буржуазный историк и политический деятель, один из создателей буржуазной теории классовой борьбы. В основе этой борьбы, по мнению Гизо, лежала борьба завоевателей и завоеванных. Эта концепция оказала сильное влияние на историческую науку во многих странах, в том числе в России. Прочно утвердилось в буржуазной историографии и данное Гизо определение феодализма. Он выдвигал на первый план социальный признак — условный характер земельной собственности — и дополнял его двумя признаками политическими: слияние верховной власти с земельной собственностью, благодаря чему политическая власть находится в руках феодалов; образование иерархии феодальных землевладельцев. Влияние представлений Гизо о феодализме на концепцию Павлова-Сильванского не раз отмечалось в советской исторической литературе (см., например: *Далин В. М.* Ф. Гизо и развитие исторической мысли в России // Далин В. М. Люди и идеи: Из истории революционного и социального движения во Франции. М., 1970).

[75] Георг Вайц (1813—1886) — видный представитель историко-правового направления в немецкой историографии, изучал историю государства и права, основы которой искал в поземельных и социальных отношениях того или иного периода. На большом и разнообразном материале источников Вайц в своей многотомной «Истории германских государственных учреждений» (1844—1878) рассмотрел развитие основных феодальных институтов, проследил, как складывались отношения поземельной и личной зависимости, с одной стороны, крестьян, а с другой стороны, привилегированных держателей, входивших в феодальную иерархию. Основной движущей силой формирования этих институтов Вайц считал частное право, хотя и замечал, что основу господства феодального (по его терминологии, ленного) права составляла передача земли или другой собственности разным лицам на разном праве. На первый план таким образом выдвигалась система зависимости низших от высших в ленных и персональных связях. Но даже в положении общинников Вайц подчеркивал наличие «народной свободы», ограниченной только правами короля. Становление прочной феодальной социальной стратификации Вайц считал процессом крайне медленным и постепенным.

[76] Анри Эжен Се (или Сэ, 1864—1936) — французский историк, в ранних работах выступивший как исследователь аграрной истории средневековой Франции с позиций историко-экономического направления. В изучении генезиса феодализма Сэ примыкал к концепции Фюстеля де Куланжа, полностью игнорируя роль общины в экономической и социальной жизни феодальной вотчины. Как и другие историки, придерживавшиеся вотчинной теории, Сэ резко разграничивал «феодализм» как систему вассально-ленных отношений и «домениальный режим» как основу экономической жизни средневекового общества. «Домениальный режим» сложился в IX в. вследствие прежде всего экономической необходимости, хотя и под воздействием феодализма. Но по отношению к «домениальному режиму» феодализм выступает как внешняя, органически с ним не связанная сила, политическая система, возникшая позднее и исчезнувшая много раньше. Показав на обширном материале тяжесть сеньориальной эксплуатации крестьян, Сэ подчеркнул эксплуататорский характер «домениального режима» (*Гутнова Е. В.* Указ. соч. С. 206—212). Влияние взглядов Сэ отразилось в концепции Павлова-Сильванского.

[77] *Lamprecht K.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig, 1886. Bd. I. K. II.

[78] Адемар Эсмен (1848—1913) — французский историк права, профессор в Дуэ и Париже. Изучая государственное право европейских народов, и в частности французское, с использованием сравнительно-исторического метода, Эсмен выдвинул мнение об универсальном характере феодализма. В своих исследованиях он использовал русскую историко-юридическую литературу и, по словам М. М. Ковалевского, интересовался работами Павлова-Сильванского (*Ковалевский М. М.* Эсмен. С. 406).

[79] *Виноградов П. Г.* Учебник всеобщей истории. М., 1894. Ч. 2. Средние века. С. 62.

[80] Нюма Дени Фюстель де Куланж (1830—1889) — французский историк. В шеститомной «Истории общественного строя древней Франции» (1875—1892) Фюстель де Куланж создал концепцию истории раннего средневековья в Западной Европе, направленную на опровержение основных положений французской медиевистики начала XIX в., прежде всего теории классовой борьбы как движущей силы истории средневекового общества. Выступив против германистической теории происхождения феодализма, он стремился также опровергнуть общинную теорию и утвердить извечный характер частной собственности. Оперируя только понятиями римской частной собственности, Фюстель де Куланж отказывался признать наличие общины или ее пережитков там, где нет коллективного землепользования или регулярных переделов пахотных участков. Находя у франков и других варваров, поселившихся в Галлии, индивидуальное пользование пахотным наделом, историк полагал, что опроверг марковую теорию. Исходя из политико-юридического понимания феодализма, он противопоставил феодализм как систему частноправовых отношений монархии системе государственно-правовой. В то же время Фюстель де Куланж первым попытался рассмотреть проблемы генезиса феодализма в тесной связи с его аграрными предпосылками, собрал обширный материал об имущественном и социальном расслоении в среде древних германцев. Его критика в некоторых случаях обнаружила слабые стороны общинной теории, например ее недостаточно историчный и мало обоснованный юридический подход к общине (*Гутнова Е. В.* Н. Д. Фюстель де Куланж и его концепция генезиса феодализма // Средние века. М., 1972. Вып. 35).

[81] Филипп де Реми Бомануар (ок. 1250—1296) — французский юрист, сторонник укрепления королевской власти, объективно выражавший интересы горожан. Бомануар составил «Кутюмы Бовези» — свод обычного права одной из местностей в Северной Франции, важный источник для изучения средневековой системы права.

[82] Французский историк права профессор юридического факультета Сорбонны Эрнест Глассон (1839—1907) — сторонник общинной теории. В капитальном восьмитомном труде «История французского права и учреждений» (1887—1903) Глассон обобщил значительный фактический и справочный материал. Он подверг резкой критике антиобщинные выпады Фюстеля де Куланжа, в большей степени акцентировал в феодализме не персональные, а поземельные связи внутри класса феодалов. Однако в вопросах генезиса феодализма Глассон сосредоточивал основное внимание на складывании вассально-ленной системы внутри этого класса, почти не касаясь процесса разорения и закрепощения свободных общинников.

[83] Поль Виолле (1840—1914) — французский историк-медиевист, профессор гражданского и канонического права, сторонник общинной теории. При исследовании истории учреждений средневековой Франции Виолле освещал также факты экономической и социальной истории. Как и Глассон, в феодализме он видел главным образом систему отношений внутри класса феодалов. Особенно выделял он образование иерархии земельных собственников и общества в целом, а в связи с этим — происхождение феодальной военной организации. Важным элементом феодализма Виолле считал также господство отношений личного подданства и зависимости, зародыши которых видел главным образом в германской дружине. Феодализм как система складывался, по его мнению, с укреплением поземельных связей в VIII—IX вв.

[84] Французский историк Жак Жоффруа Флакк (1846—1919), профессор сравнительной истории права, в своей главной обобщающей работе «Происхождение древней Франции» (в 4 томах) (1886—1917) рассмотрел основные стороны жизни общества X—XI вв.: персональные и патронатные связи, развитие аллода, общинные организации в разных формах, складывание феодальных отношений, возникновение феодальной раздробленности и т. д. Флакку удалось выяснить различные формы личных связей, влияние которых в про-

цессе генезиса феодализма он подчеркивал, установить, что свободный франкский аллод не исчез с падением Каролингской империи, выяснить факт сохранения общинами автономии даже в XI в., а также зарождения в это время вольных сельских коммун. В то же время для концепции Флакка характерен заметный сдвиг в сторону чисто юридического понимания феодализма, подмена классовых отношений личными связями, недооценка роли крупного землевладения в процессе генезиса феодализма.

[85] Русский экономист социалист-утопист Владимир Алексеевич Милютин (1826—1855) в своей работе «О недвижимых имуществах духовенства в России» (М., 1862) исследовал жалованные грамоты. В связи с анализом юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, Милютин описывал внутреннюю жизнь монастырских вотчин — сбор податей с крестьян, организацию суда над ними. Говоря в декларативной форме об обычно-правовом происхождении жалованных грамот, вотчинную власть монастырей и церкви Милютин рассматривал как результат пожалований со стороны княжеского (царского) правительства (*Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 286—287).

[86] К. А. Неволин высказал верное предположение, что жалованными грамотами только подтверждался тот порядок вотчинного суда и управления, какой существовал «с древнейших времен» по общепринятому обычному праву. Однако, игнорируя вопрос о роли феодальной земельной собственности, он связывал свою мысль с представлением о слабости публичной власти в средние века. По мнению Неволина, централизованное государство уничтожило судебный иммунитет. Это мнение противоречит реальным фактам (*Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 276—278).

[87] В. И. Сергеевич верно представлял, что иммунитет — свойство вотчинного землевладения, однако он считал сами жалованные грамоты источником льгот и привилегий Преувеличение «экономического» значения жалованных грамот сочеталось у Сергеевича с полным игнорированием их политической роли (*Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 305—306).

[88] См. наст. издание, с. 357—393.

[89] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. Гл. 2, разд. 2. См. последнее издание: М., 1937. С. 100.

[90] Джайлс Флетчер (ок. 1549—1611) — английский писатель и дипломат. в 1588—1589 гг.— посол в России. В сочинении «О государстве Русском» (1591 г.) Флетчер дал одно из самых подробных и всесторонних описаний государственного строя России, быта и нравов различных слоев русского общества. Описание Флетчером опричнины носит отпечаток юридического подхода к определению разных категорий феодального класса и значительно повлияло на формирование представлений об опричнине в последующей историографии (*Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 305—308).

[91] *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. СПб., 1903. Ч. 1. С. 64.

[92] Там же.

[93] *Герцен А. И.* Новгород Великий и Владимир-на-Клязьме // Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 45.

[94] Мундебур, мундебурдий — термин древнегерманского права, обозначавший патронат, опеку, покровительство. В современной литературе чаще используется термин «мундиум». См. также с. 422.

[95] Павлов-Сильванский верно отмечает присущую буржуазной историографии ограниченность подхода к проблеме феодализма. Сосредоточивая внимание на особенностях элементов надстройки, представители этой историографии определяли феодализм то с точки зрения юридической, то политической, то идеологической. Так, историки юридического направления в качестве решающего признака феодализма выдвигали вассально-ленный договор. Тем же путем шли и ученые государственного направления в России, не признававшие существо-

вания феодализма, но выдвигавшие на первый план договорные связи в истории «удельного периода».

[96] Немецкий историк профессор истории германского права в Берлинском университете Генрих Бруннер (1840—1915) — специалист по истории государства и права раннего средневековья. Под несомненным влиянием историко-экономического направления и позитивистской методологии Бруннер выступал против формально-юридического подхода к истории права, высказываясь за применение «исторического метода». В начале средних веков, по мнению историка, система правоотношений у германских племен определялась преобладанием свободных крестьян, живших общинами-марками и лишь постепенно утрачивавших личную свободу и землю. Возникновение вотчины и дальнейший рост ее влияния привели к превращению «народного государства» в феодальное, а «народного права» — в ленное. Особую роль в этом процессе сыграло превращение дружинных отношений в вассалитет (*Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 151—152). Здесь и далее Павлов-Сильванский цитирует наиболее известный обобщающий труд Бруннера «История германского права» (в 2 томах) (1887—1892).

[97] *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. II. S. 268.

[98] *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 334.

[99] *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. II. S. 224.

[100] *Guisot F.* Histoire de la civilisation en France. P., 1830. T. III. P. 250—251; T. IV. P. 72—73.

[101] *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1878. Bd. VI. S. 98. 101.

[102] *Luchaire A.* Histoire des institutions monarchiques de la France. P., 1883. Vol. II. P. 43; *Idem.* Manuel des institutions françaises... P. 219.

[103] *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 139—140.

[104] *Luchaire A.* Manuel des institutions françaises... P. 257—258.

[105] Николай Федорович Каптерев (1847—1917) — историк русской церкви, профессор Московской духовной академии. Изучая преимущественно отношение русской церкви к церкви вселенской в XVI—XVII вв., Каптерев впервые в русской историографии представил общую картину отношений русских к греческому Востоку в этот период, а также рассмотрел некоторые аспекты внутрицерковной истории. Цитируется книга: *Каптерев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 64—65.

[106] Александр Магнус Фромгольд Рейц (1799—1862) — историк русского права, профессор Дерптского университета. Ученик и продолжатель Эверса, Рейц выводил развитие государственного начала из семейно-родовых отношений. О различных «классах» русского общества, в том числе и о детях боярских, Рейц писал в книге «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» (1828; русский перевод: М., 1836).

[107] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. 6. Примеч. 201. С точкой зрения Карамзина сближались мнения о происхождении детей боярских, высказанные М. П. Погодиным, И. Д. Беляевым и др. Другие ученые (в их числе В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич) считали детей боярских потомками измельчавших боярских родов.

[108] Имеются в виду «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб., 1893. Т. I) знаменитого русского историка и филолога Измаила Ивановича Срезневского (1812—1880).

[109] Русский историк профессор и ректор Казанского университета Николай Павлович Загоскин (1851—1912) — автор ряда исследований по теории государственного права и сословному строю допетровской России. Загоскин примыкал к юридическому направлению; для него характерно изучение правовых институтов в отрыве от социальной среды. Здесь цитируется работа: *Загоскин Н. П.* О праве владения городскими дворами в Московском государстве. Казань, 1877.

[110] Некоторые историки права пытались отыскать «влияния», в результате которых развилось поместное землевладение. Так, К. А. Неволин связывал образование поместной системы с влиянием византийского права, усилившимся

после брака Ивана III с греческой царевной; М. И. Горчаков считал, что поместная система и само название «поместье» образовались под влиянием норм византийской «Кормчей» (*Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 2—8).

[111] Николай Константинович Никольский (1863—1936) — историк древнерусской рукописной книжности, археограф. В цитируемой здесь ранней работе «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в». (СПб., 1897. Вып. 1) Никольский дал обстоятельный очерк хозяйственной жизни одного из крупнейших монастырей Русского Севера.

[112] Барон Зигмунд Герберштейн (1486—1566) — австрийский дипломат и путешественник, посетивший Россию в 1517 и 1526 гг. с дипломатическими миссиями. В своих «Записках о московитских делах» (1549) Герберштейн дал географическое описание России, характеристику ее экономики, быта и управления, первым из иностранных писателей систематически изложил историю страны. Важным объектом наблюдений Герберштейна были социальные контрасты. Однако приведенная Павловым-Сильванским выдержка из текста «Записок...» относится к порядкам в Польско-Литовском государстве (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах: Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 73).

[113] *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. XVII в. // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 14.

[114] См.: *Шляпкин И. А.* Слово Даниила Заточника по всем известным спискам // Памятники древней письменности. СПб., 1889. Т. 81; Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4.

[115] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. С. 537.

[116] Книга Н. П. Павлова-Сильванского «Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства» была переиздана в первом томе его «Сочинений» (СПб., 1909).

[117] Сэмуэль Коллинз (ум. до 1671 г.) — английский врач, служил при дворе царя Алексея Михайловича в 1659—1666 гг., оставил сочинение о России. Так как областью непосредственных наблюдений Коллинза был царский двор, его сообщения о более широких сферах русской жизни, основанные на весьма разнородных источниках, часто недостоверны. Следует вместе с тем отметить, что приведенное Павловым-Сильванским известие дополняется у Коллинза сообщением о том, что царь с церковью строг; он ограничивает «излишнюю щедрость умирающих, которые отказывают свои имущества духовенству... Во время войны он взаимообразно пользуется церковной казной...» и всегда «располагает церковными должностями» (*Коллинз С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне: Пер. П. Киреевского // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 37).

[118] Русский историк Александр Александрович Кизеветтер (1866—1933) — ученик В. О. Ключевского, преподавал в Московском университете и на Высших женских курсах. Примыкая к государственному направлению, Кизеветтер изучал историю учреждений и правового строя русского города XVIII в. В его магистерской диссертации «Посадская община в России XVIII столетия» процессы развития этой общины связываются с изменениями в организации обложения и сдвигами в государственном хозяйстве.

[119] Карл Фридрих Эйхгорн (1781—1854) — немецкий историк, один из крупнейших представителей исторической школы права, положивший начало научному, основанному на источниках, изучению средневекового германского права. В своей основной работе «История немецких государственных учреждений и немецкого права» (в 4 томах) (1808—1823) Эйхгорн дал политическую историю германского государства, историю гражданского и уголовного права, рассматривая разные стороны права как стороны жизни народа, являющегося создателем и носителем права. В государстве он видел не продукт человеческо-

го произвола, а результат органического, подчиняющегося своим собственным законам развития.

[120] Историк русского права профессор Петербургского университета Василий Николаевич Латкин (1858—?) в своей монографии «Земские соборы древней Руси» подвел итоги исследования земских соборов русской наукой до 80-х годов XIX в. Вслед за В. И. Сергеевичем Латкин рассмотрел вопрос о древнерусском сословном представительстве в сравнительно-историческом плане, расширив рамки наблюдений над сходными учреждениями европейских стран. При объяснении «поразительного сходства» этих учреждений в разных странах Латкин приближался к мысли о том, что это явление общестадиального характера (*Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 16—18).

[121] Собрание сословных представителей в княжествах средневековой Германии — ландтаг; термин обычно производят от «Land» (земля, страна) и «Tag» (собрание).

[122] Шведский дипломат и историк Петр Петрей де Ерлезунда (1570—1622) несколько раз побывал в России в первые годы XVII в. и написал ряд сочинений о стране. В крупнейшем из них — «История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 г.» (русский перевод: М., 1867) — изложена история России от Рюрика, причем наиболее подробно говорится о событиях конца XVI — начала XVII в. Петрей сообщает, что Михаила Романова избрали на царство «высшие и низшие сословия».

[123] Фридрих Тецнер — австрийский историк права.

[124] Иоганн Каспар Блунчли (1808—1881) — швейцарский юрист и политический деятель, профессор в Мюнхене и Гейдельберге. Начав исследования в области истории права как сторонник исторической школы права, Блунчли развил органическую теорию государства. Его политический идеал — конституционная монархия. Основные произведения Блунчли выходили в 60—70-х годах XIX в. в русских переводах и пользовались известностью в либерально-буржуазном правоведении.

[125] Иван Иванович Дитятин (1847—1892) — русский историк права, профессор Харьковского и Дерптского университетов. В исследованиях по истории городов, земских соборов XVII в. Дитятин выступал как сторонник государственного направления, но его либеральные взгляды проявились в защите идеи самоуправления в противовес бюрократической регламентации, насаждаемой государственной властью.

[126] Иван Ефимович Андреевский (1831—1891) — историк государства и права, профессор Петербургского университета. Андреевский примыкал к государственному направлению, но в его работах заметны попытки освещать отдельные исторические явления с учетом фактов экономического развития. Наместничье управление историк рассматривал как первичное по сравнению с привилегиями землевладельцев, как «общий закон и правило», который с XIV—XV вв. постепенно подрывается «частным законом, привилегией». «Частные законы» создали новый порядок вещей, в котором переменилась и роль воевод (*Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России... С. 293—294).

[127] См. также: *Кизеветтер А. А.* Новизна и старина в России XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912.

ФЕОДАЛИЗМ В УДЕЛЬНОЙ РУСИ

Книга вышла в свет в 1910 г. в типографии М. М. Стасюлевича и составила третий том «Сочинений» Н. П. Павлова-Сильванского. Подготовивший ее к печати А. Е. Пресняков снабдил книгу краткими биографическими сведения-

ми о Н. П. Павлове-Сильванском и предисловием «От редактора III-го тома». В предисловии говорилось:

«Третий том „Собрания сочинений" Н. П. Павлова-Сильванского посвящен посмертному труду его под заглавием «Феодализм в удельной Руси». Это тот труд, над которым Н. П. работал с особой любовью, на который смотрел как на основную свою задачу. Сам он считал его вполне законченным и собирался приступить к печатанию, когда злая судьбина так неожиданно вырвала его из жизни. Приняв на себя ответственную обязанность — приготовить рукопись для типографии и наблюдать за печатанием, считаю долгом предпослать выпускаемому в свет тому несколько пояснений о состоянии этого рукописного наследства Н. П. и о приемах издания. Первую часть издаваемого труда, озаглавленную «Община и боярщина», Н. П. первоначально рассматривал как самостоятельное целое и даже называл второй частью книги «Феодализм в древней Руси». Рукопись этой части оказалась почти вполне законченной и отделанной. Лишь в четырех случаях (на с. 86, 98, 105 и 256 *) пришлось отметить незаполнимые пробелы: в первом случае — где речь идет о содержании Правды Ярославичей, потому что спорность понимания этого памятника историками права устраняла уверенность, что дополнение текста, хотя бы и в скобках, другой рукой, не исказит мысли автора [1*]; в остальных — по отсутствию данных. Кроме того, хотя Н. П. сам разбил свое изложение на параграфы, но некоторые из них остались не озаглавленными: заголовки, вписанные рукой редактора, отмечены прямыми скобками **.

По мере завершения работы над «Общиной и боярщиной» Н. П. пришел к выводу, что труд этот не может считаться «второй частью» прежде изданной книги, и решил соединить ее как «первую» с продолжением, озаглавленным: «Часть вторая: феодальные учреждения». Для целого он колебался между заглавиями «Феодализм в России» и «Феодализм в удельной Руси». Я выбрал второе, потому что первое имелось, по-видимому, в виду при расширении всего плана книги, оставшемся, к сожалению, неосуществленным. Н. П. проектировал, кроме написанных двух частей,— третью под заглавием «Падение феодализма» с подразделением на главы: 1) Падение политического феодализма (возвышение Московского княжества; борьба с княжатами, Иоанн Грозный и Людовик XI, Московское царство); 2) Остатки феодализма в Московском царстве. Но от этой «третьей части» только и остался, что приведенный намек в наброске будущего оглавления.

Текст второй части воспроизведен в издании так, как он написан и расположен автором. Редактору пришлось только добавить, как и в первой части, заголовки некоторых параграфов. Тут Н. П. использованы и прежде напечатанные статьи: «Иммунитет в древней Руси», «Закладничество — патронат» и «Феодальные отношения в удельной Руси»; но их текст, во-первых, весь пройден автором рядом мелких поправок и дополнений, а во-вторых, разбит и перетасован в новом порядке изложения.

Не могу, однако, не отметить, что, судя по некоторым пометкам, автор предполагал продолжить переработку изложения и далее: но пометки эти столь беглы, что даже их воспроизведение в издании представилось невозможным.

Что касается приложений, то только первое (перепечатка, с небольшими поправками Н. П., статьи «Символизм в древнем русском праве») является в том виде, как оно вышло бы, вероятно, и при жизни автора. Второе — об огнищанине — осталось ненаписанным; я решился восполнить этот пробел отрывком из лекции Н. П. по истории русского права, который оказался вполне изложенным, а не конспективно намеченным, как большая часть остальных лекций. Третье приложение — о закладничестве — составлено Н. П. из части

* См. с. 218, 228, 233, 353—354 настоящего издания.

1* Общую характеристику Правды Ярославичей читатель найдет во втором приложении: «Огнищанин».

** В настоящем издании указаны в примечаниях.

статьи «Закладничество — патронат» и заметки «Новое объяснение закладничества», но надо полагать, что авторская рука соединила бы эти материалы для приложения менее механически, чем пришлось это сделать теперь. Кроме того, есть основание думать, что в приложения должно было войти значительно больше грамот, чем дано в четвертом приложении *. Наконец, Н. П. предполагал особые приложения посвятить: окольничим, прекарию, дворникам и захребетникам. Но для них в его рукописном наследстве не осталось даже набросков, и конспекты лекций не дали ничего для восполнения такого пробела...».

Настоящее издание воспроизводит текст книги, подготовленной к печати А. Е. Пресняковым. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, раскрыты сокращения, изменены отдельные стилистические обороты, затемняющие смысл, библиографические описания даются по современным правилам.

Перевод немецких цитат выполнен А. В. Юрасовским. В переводе иноязычных текстов оказывали содействие Н. А. Долдобанова, С. М. Каштанов, Г. И. Королев, В. И. Матузова.

[1] Сергей Александрович Шумаков (1865—1918) — архивист и археограф, работал в Московском архиве Министерства юстиции. Шумаков известен оригинальными работами по русской дипломатике, в которых пытался объяснять происхождение жалованных грамот и частных актов закономерностями классовой и внутриклассовой борьбы. Одним из первых историков Шумаков признал теорию Павлова-Сильванского, переписывался с ним. См. о нем: *Андреев А. И.* С. А. Шумаков // Рус. ист. журнал. 1918. № 5.

[2] Ныне — ЦГАДА. Ф. 27 (Тайный приказ).

[3] Говоря о единстве арийского корня слов, Павлов-Сильванский, очевидно, имеет в виду их общее индоевропейское родство.

[4] Имеется в виду «Толковый словарь живого великорусского языка», впервые изданный в 1861—1867 гг., составленный знаменитым русским этнографом, лексикографом и писателем Владимиром Ивановичем Далем (1801—1872).

[5] Илья Григорьевич Оршанский (1846—1875) — юрист, историк русского права, публицист. В работах по истории народного обычного права Оршанский использовал материалы, опубликованные Комиссией по преобразованию волостных судов (одно из учреждений, осуществлявших судебные реформы в России в 1860-х годах). Применяя метод сравнительного изучения, Оршанский пытался установить в обычном праве общие принципы народных воззрений на право и находил, что такими принципами являются начало труда и начало общей семейной собственности, лежащие в основании всех сложившихся у крестьян правоотношений. По мнению Оршанского, народное право отличается более последовательной системой, чем официальное, решения народного суда подчас отличаются большей «материальной правдой» (*Моргулис М. Г.* И. Г. Оршанский и его литературная деятельность. СПб., 1901. С. 26—28).

[6] Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873—1874. Т. 1—7. В это издание вошли систематизированные по губерниям «словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий».

[7] Федор Михайлович Дмитриев (1829—1894) — юрист, историк права, профессор Московского университета, затем мировой судья и предводитель дворянства в Симбирской губернии. Университетский товарищ Б. Н. Чичерина, Дмитриев и по взглядам был близок к государственникам. Исследуя внешнюю историю судебных инстанций в их юридически-логической преемственности, он мало считался с конкретной исторической обстановкой (*Пичета В. И.* Вве-

* Приложения, содержавшие семь грамот к главе об иммунитете и краткий перечень отзывов на работы Павлова-Сильванского, в настоящем издании опущены.

дение в русскую историю: Источники и историография. М., 1923. С. 131).

[8] См. наст. издание, с. 52—54.

[9] Павел Александрович Соколовский (1847—1906) — русский экономист и историк либерально-народнического направления. Как и другие ученые этого направления, Соколовский сосредоточивался на конкретном изучении социальной истории крестьянства. Изучая эволюцию сельской общины, он видел первоначальную форму этой эволюции в общине-волости, близкой к германской марке. В результате победы поместного и вотчинного землевладения община-волость распадалась на ряд самостоятельных деревенских общин с периодическими уравнительными переделами. По мнению историка, община-деревня сохраняла значение народной системы, «основанной на началах взаимности и общинности», и должна была «предупредить развитие пролетариата». Своей трактовкой общины-волости Соколовский в известной мере предварял исследование Павлова-Сильванского (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 404).

[10] Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867—1934) — русский историк либерально-буржуазного направления, профессор Киевского университета. В своих трудах разнообразной тематики Довнар-Запольский выступил как сторонник «экономического материализма», усматривая хозяйственный прогресс прежде всего в развитии обмена и преувеличивая роль торговли в истории России. Из работ историка наиболее самостоятельными исследованиями признаются книги и статьи по истории торговли, сельского хозяйства в Великом княжестве Литовском XV—XVII вв. (*Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 71—74).

[11] Названия параграфов 17, 18, 21, 22, 29—36, 46, 51, 55, 72, 74, 75, 78, 79 даны А. Е. Пресняковым.

[12] Александра Яковлевна Ефименко (1848—1918) — русский и украинский историк и этнограф либерально-народнического направления. Главная тема исследований Ефименко — история крестьянства и сельской общины. Она выступила с теорией первоначального существования печищного (на Юге — дворищного) землевладения, основанного на принципе «долевой организации». Долевое владение в процессе исторического развития превращается в общину. Идеализируя общину, Ефименко в то же время признавала ее позднее происхождение и первичность частновладельческого собственнического начала. Развитая ею теория долевой общины и семейного происхождения этой общины подверглась критике со стороны Павлова-Сильванского (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. С. 404—405).

[13] Примечание А. Е. Преснякова.

[14] Речь идет об «Атласе Всероссийской империи» (СПб., 1726—1734), составленном русским экономистом и географом Иваном Кирилловичем Кириловым (1695—1737).

[15] 12 июля 1889 г. было издано «Положение о земских участковых начальниках» (ПСЗ. Собр. III. Т. IX. № 6196). Этим законом вводились административно-судебные должностные лица, назначавшиеся из дворян и получившие широкие полномочия по надзору за крестьянскими сословными учреждениями. Земские начальники утверждали решения волостных сходов, правлений и судов, назначали и смещали должностных лиц этих крестьянских учреждений, имели право наказывать крестьян (*Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 228—229).

[16] Русский историк литературы профессор Московского университета Степан Петрович Шевырев (1806—1864) — сторонник теории «официальной народности». Цитируется его книга «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (М., 1850).

[17] 30—40-е годы XVI в.— период обострения классовой борьбы крестьян против феодального гнета. Он совпал со временем боярского правления в малолетство Ивана IV. Этим обострением классовой борьбы и была вызвана губная реформа. Советские историки отмечают, что в губных грамотах «разбойниками» называли зачастую тех, кто с оружием в руках выступал против фео-

дального гнета (*Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 285—286).

[18] *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. II. С. 118.

[19] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 3-е изд. СПб.; Киев. 1900. С. 89.

[20] Примечание А. Е. Преснякова.

[21] Новгородская Первая летопись здесь и далее цитируется Павловым-Сильванским по изданию: Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.

[22] Ингульф (ум. 1130 г.) — английский хронист. Его хроника, описывающая правление короля Альфреда, издана во Франкфурте в 1601 г. Павлов-Сильванский цитирует ее по книге Г. Вайца.

[23] Ипатьевская летопись цитируется Павловым-Сильванским здесь и далее по изданию: Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.

[24] См. издания упомянутых «варварских правд»; Lex Alamannorum // MGH. Legum Sect. I. T. V. P. 1/Ed. K. Lehmann. Hannoverae, 1888; Lex Ribuaria // MGH. Legum Sect. I. T. V/Ed. R. Sohm. Hannoverae, 1883; Lex Bajuvarorum // MGH. Legum Sect. I. T. III/Ed. J. Merkel Hanniveiae, 1880.

[25] Под первобытной эпохой Павлов-Сильванский разумеет раннее средневековье.

[26] Примечание А. Е. Преснякова.

[27] Тексты разных списков Русской Правды цитируются Павловым-Сильванским в основном по двум изданиям: *Сергеевич В. И.* Русская Правда в четырех редакциях по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского. СПб., 1904; *Калачов Н. В.* Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. М., 1846 (Академический, Троицкий, Карамзинский, Оболенского списки). См. также новое издание: Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I: Тексты.

[28] Павлов-Сильванский использовал новейшее к тому времени издание Салической правды: *Егоров Д. Н.* Lex Salica, Киев, 1906.

[29] Профессор Харьковского университета Иван Михайлович Собестианский (1856—1895) — историк славянского права. Пользуясь сравнительным методом, Собестианский исследовал в своей магистерской диссертации «Круговая порука у славян по древним памятникам законодательства» институт круговой поруки у славян и многих других народов. Он пришел к выводу о том, что круговая порука как родовых, так и территориальных общин не была свойственна одним славянам, а существовала на определенном этапе развития всех народов.

[30] Эмиль де Лавеле (1822—1892) — бельгийский историк-экономист и публицист. В работе «Первобытная собственность» (1874) Лавеле, подобно М. М. Ковалевскому, доказывал применимость марковой теории к истории всех народов земного шара. Две главы этой книги посвящены русской общине.

[31] Примечание А. Е. Преснякова.

[32] Известный русский историк-экономист и статистик Александр Аркадьевич Кауфман (1864—1919) в многочисленных работах исследовал многие аспекты истории сельской общины. Кауфман рассматривал общину как «замкнутую вовне и объединенную внутри единицу владения и пользования землей». В эволюции форм земельного хозяйства главную роль он отводил степени «простора» и «утеснения»: развитие общины начинается в условиях безграничного земельного простора и протекает под влиянием все усиливающегося утеснения, связанного с ростом населения. Либерально-кадетские взгляды Кауфмана предопределили политическую реакционность его аграрно-переселенческой концепции, защищавшей крупное помещичье землевладение (см.: *Полтаранин И. А.* Проблема общины в трудах А. А. Кауфмана // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 237—265).

[33] В конце 70-х годов XIX в. к изучению пореформенной крестьянской общины обратились Вольное экономическое общество и Русское географическое общество. Программы обследований содержали вопросы о составе общины, способах владения землей, земельных переделах и порядке их проведения, мирском самоуправлении и т. д. Экспедиционные обследования крестьянского землевладения и землепользования в четырех губерниях предбайкальской Сибири проводились в 1886—1892 гг. В 1897 г. работала особая экспедиция для исследования Забайкалья. Ее номинально возглавлял статс-секретарь А. Н. Куломзин, а фактически — статистики В. Ю. Григорьев и Е. А. Смирнов. Опубликованные материалы всех этих обследований легли в основу последовавших исследовательских работ о русской общине.

[34] Под псевдонимом В. В. писал экономист народнического направления Василий Павлович Воронцов (1847—1918). Видя факты капиталистического развития России, Воронцов стремился доказать его «экономическую бесплодность». Он подчеркивал исконность и прогрессивность общинного начала в сельском хозяйстве, крестьянском быту и промышленной деятельности. В связи с надеждами «повернуть процесс развития общественной формы труда» на путь артели стоят и работы Воронцова по истории общинного землевладения.

[35] Карл-Август Романович Качоровский (1870—?) — русский экономист и статистик либерально-народнического направления. Используя богатый материал земской статистики, Качоровский в книге «Русская община» показал разнообразие форм, видов общинного землевладения, его способность приспосабливаться к различным, часто неблагоприятным, условиям. Общинное владение ученый неразрывно связывал с земельными переделами. Эволюцию форм общины он был склонен рассматривать в ракурсе государственной теории, признавая государственную инициативу ее создания (см.: *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 21).

[36] Моисей Аронович Кроль (1862—?) — этнограф, статистик, политический деятель. Сосланный в Забайкалье за участие в народовольческих кружках, Кроль вел этнографические работы, принимал участие в статистико-экономическом обследовании комиссией Куломзина сельского населения Забайкалья.

[37] М. А. Кроль вел наблюдения над хозяйством забайкальских бурят.

[38] Речь идет о казахах тогдашних Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Формы землевладения и землепользования у них исследовал А. А. Кауфман.

[39] Статистик и правовед Михаил Маркович Дубенский — чиновник канцелярии иркутского генерал-губернатора, член Русского географического общества. По заданию комиссии Куломзина Дубенский изучал формы крестьянского землепользования в Енисейской губернии. Результаты этого изучения изложены в исследовании: *Дубенский М. М., сост.* Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы по Иркутской и Енисейской губерниям. СПб., 1900. Т. 4, вып. 3.

[40] Леонтий Семенович Личков — статистик, член Русского географического общества, работал в составе комиссии Куломзина над изучением форм землепользования в Иркутской губернии.

[41] Сенат в указе от 5 октября 1884 г. разъяснил право крестьян, не ожидая новой ревизии, изменять внутреннюю разверстку платежей в общине, а соответственно этому и распределение земли (см.: Сборник решений Правительственного сената по крестьянским делам. СПб., 1889).

[42] В «Высочайше утвержденном положении Комитета министров о дополнительных правилах для переселения казенных крестьян» 31 января 1831 г. (ПСЗ. Собр. II. СПб., 1832. Т. VI. № 4311) предписывалось при разграничении земель наблюдать всю возможную уравнительность.

[43] Николай Осипович Куплевасский (1847—?) — правовед, профессор и ректор Харьковского университета. В работе о сельской общине XVII в. Куплевасский попытался проследить ее эволюцию на протяжении этого столетия под властью вотчинников. По заключению ученого, судебно-полицейская

юрисдикция вотчинников установилась уже в середине XVII в., хотя и не была законодательно оформлена. Во внутренних делах община сохраняла значительную самостоятельность (см.: *Александров В. А.* Сельская община в России... С. 10).

[44] Николай Васильевич Калачов (1819—1885) — историк, юрист, археограф. По своим историческим взглядам Калачов принадлежал к юридическому направлению в либерально-буржуазной историографии. Основная его заслуга перед отечественной наукой состоит в обогащении ее огромным материалом новых источников. Этому содействовала и работа Калачова в качестве директора Московского архива Министерства юстиции. Особенно ценны подготовленные им публикации актов и писцовых книг. В своих работах о Русской Правде Калачов дал классификацию ее списков, долго бывшую общепринятой.

[45] Николай Осипович Осипов (1858—1901) — экономист и статистик, публицист, сотрудничал (под псевдонимом «Изгоев») в эмигрантском либеральном журнале «Общее дело». В обширной работе «Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии» (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1890—1893. Вып. 8, 21, 22) Осипов опубликовал результаты экспедиционных исследований 1886—1892 гг. и подверг детальному изучению вопрос о формах крестьянского землевладения и землепользования.

[46] Статс-секретарь Екатерины II Сергей Матвеевич Козьмин (1723—1788) представил проект об уничтожении мобильности земли у черносошных и дворцовых крестьян и о введении у них земельных отношений помещичьих крепостных крестьян. Он предлагал также уравнять размеры землевладения. По существу, правительственная политика по отношению к крестьянскому землевладению в конце XVIII — первой половине XIX в. была попыткой воплотить идеи, высказанные Козьминым (*Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2. С. 625).

[47] Академик Петербургской Академии наук Иоганн-Антон Гюльденштедт (1745—1781), профессор натуральной истории, участвовал в организованных академией ученых путешествиях по России.

[48] Юрий Васильевич Арсеньев (1857—1919) — археограф, геральдист, хранитель Оружейной палаты, профессор Московского археологического института.

[49] Василий Иванович Орлов (1848—1885) — один из основателей земской статистики в России, в 1875 г. заведовал статистическим бюро Московского губернского земства. Орлов первым применил экспедиционный метод исследований крестьянского хозяйства.

[50] Иван Николаевич Миклашевский (1858—1901) — историк-экономист, профессор кафедры политэкономии и статистики Харьковского университета. В последние годы жизни Миклашевский изучал историю сельского хозяйства и землевладения в Московском государстве.

[51] Петр Иванович Иванов (1868 — ?) — историк, архивист, работал в Московском архиве Министерства юстиции, затем стал мировым судьей в Архангельской губернии. На основе обнаруженных в архиве источников Иванов исследовал историю крестьянского землевладения на Русском Севере в XVI—XVII вв. Он попытался объединить волостную и задружную теории развития северной общины, подробно рассмотрел эволюцию складнической деревни к общинному владению. По мнению Иванова, общинное землевладение складывалось постепенно, «сознание необходимости обобществления земель и угодий развивалось, исходя из нужды в каждом угодье» (*Вдовина Л. Н.* Вопрос о происхождении крестьянской общины в русской дореволюционной историографии // Вестн. МГУ. Сер. IX. История. 1973. № 4. С. 49).

[52] Известный русский историк-медиевист Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918) выступал как убежденный сторонник общинной теории. По его утверждению, формы общинного владения свойственны всему человечеству, всем народам на определенной стадии развития. Ряд работ Лучицкий посвятил обстоятельному изучению украинской (малороссийской) общины (см.:

Лаптин П. Ф. Проблемы общины в трудах И. В. Лучицкого // Средние века. М., 1963. Вып. 23).

[53] Немецкий историк-экономист Георг Ганссен (1809—1894) принимал участие в разработке марковой теории.

[53а] Указанная в сноске работа принадлежит перу Э. Лавеле и приписана К. Бюхеру ошибочно.

[54] *Tkalac E. I.* Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien. Leipzig, 1858.

[55] Полицкий статут — сборник законов и постановлений, действовавших до XIX в. в далматинской исторической области Полице. Первые статьи статута, представляющие памятник средневекового славянского права, составлены, по различным предположениям, в 1400 г. либо в середине XV в. (см.: *Греков Б. Д.* Полица: Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М. 1951).

[56] Федор Иванович Леонтович (1833—1911) — русский историк права, профессор Новороссийского и Варшавского университетов, последователь государственного направления в историографии. В работе «О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту» Леонтович сформулировал теорию задружного быта древних славян. Он считал, что термин «вервь» обозначает семейную общину, длительное время сохранявшуюся у юго-западных славян в виде задруги.

[57] Семен Яковлевич Капустин (1828—1891) — историк народного хозяйства и права, занимался изучением истории крестьянской общины.

[58] Василий Николаевич Лешков (1810—1881) — русский историк славянофильского направления, профессор Московского университета. Представляя народ, общество и государство в виде единого организма (с ведущей ролью общества), Лешков выступал за слияние сословий в «земщине», под которой понимал организацию, одинаково охраняющую интересы всех классов (*Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 178—179).

[59] В работе «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» (1884 г.), вошедшей в сборник «Исследования народной жизни», А. Я. Ефименко вела полемику против теории общины-волости П. А. Соколовского. Не отрицая существования у русских в древнейшие времена крупной поземельной единицы типа общины-волости и германской марки, Ефименко решительно отвергает возможность существования ее на Русском Севере в период разложения родового строя.

[60] В новом переводе это место читается так: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно бо́льшим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 729).

[61] Примечание А. Е. Преснякова.

[62] Псковская судная грамота — свод законов Псковской феодальной республики XIV—XV вв. — цитируется Павловым-Сильванским по изданию ее текста в кн.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1871. Вып. 1.

[63] Судебник 1497 г. («великокняжеский») цитируется по кн.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1880. Вып. 2. Владимирский-Буданов разделил текст этого памятника на статьи по смыслу. См. также новое издание: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952.

[64] «Царский» судебник был «уложен» в 1550 г., а утвержден Стоглавым собором в 1551 г. Отсюда двойная его датировка у Павлова-Сильванского. Обычно этот памятник называется в литературе Судебником 1550 г. Новое издание см.: Там же.

[65] Август-Людвиг Шлецер (1735—1809) — немецкий историк и филолог, публицист, сторонник идеологии просвещения. Работая в 1761—1769 гг. в России, Шлецер в связи с изучением русских летописей коснулся многих проб-

лем истории России. Главный его труд «Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке...» вышел в свет в Геттингене в 1802—1809 гг.

[66] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодальные отношения в удельной Руси // ЖМНП. 1902. № 1. С. 67.

[67] Ныне — ЦГАДА. Ф. 181. № 751/1280.

[68] Примечание А. Е. Преснякова.

[69] Примечание А. Е. Преснякова.

[70] Примечание А. Е. Преснякова.

[71] Работа А. Н. Горбунова была первым специальным научным трудом, целиком посвященным изучению жалованных грамот, где было проанализировано свыше 200 опубликованных грамот, выданных в XIII—XV вв. монастырям и церквам. Попытавшись проанализировать содержание жалованных грамот, Горбунов дал свод юридических норм, зафиксированных в этих источниках, представляя его при этом в виде чего-то застывшего, неизменного. Предложенная Горбуновым первая в русской историографии развернутая классификация жалованных грамот отмечена печатью излишнего схематизма. Ее достоинство в том, что в ней в известной мере принято во внимание деление жалованных грамот на акты, представляющие земельные пожалования, и акты, закрепляющие разного рода финансовые и судебные привилегии (*Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России // История и историки: Историография истории СССР. М., 1965. С. 289—290).

[72] Николай Иванович Ланге (1821—1894) — русский юрист и историк права, деятель судебной реформы в России. Ланге стал одним из основателей «челобитной» теории происхождения жалованных грамот, объясняя их выдачу общим тяжелым финансовым и судебным положением крестьян в XV—XVI вв. и заинтересованностью вотчинников в более широких формах эксплуатации. Схематизируя «общую» картину юридического быта, историк подходил к жалованным грамотам с метафизических позиций, что приводило к широкому использованию в исследовании метода сводных текстов, к отрицанию активного характера государства в распределении иммунитетных грамот, к отрицанию их политического значения (*Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 302—305).

[73] Давид Маркович Мейчик (1850 — ?) — историк-юрист, работал в Московском архиве Министерства юстиции. Особенностью исследования Мейчика о жалованных грамотах была попытка углубить приемы источниковедческого анализа их формы. Предложенная им классификация грамот отличалась большим удобством и простотой по сравнению со схемой Горбунова. Мейчик отметил, что местные особенности грамот коренятся в специфике внутреннего строя и делопроизводства отдельных княжеств. Новым способом анализа иммунитетных грамот было предложенное Мейчиком деление их формуляра на существенные и несущественные части. Таким образом, в основу их источниковедческого анализа был положен принцип чисто формального деления текста источника (*Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 306—310).

[74] Формулярий Маркульфа (составлен в VII в. в аббатстве Сен-Дени), впервые изданный Биньоном в 1613 г., цитируется Павловым-Сильванским по книге Фюстеля де Куланжа. См.: Formulae Merovingici et Karolini aevi // MGH. Legum sect. V. Formulae/Ed. K. Zeumer. Hannoverae, 1882.

[75] Луи Фирмэн Жульен Лаферриер (1798—1861) — французский юрист и общественный деятель, профессор университета в Ренне. Лаферриер выступил как приверженец историко-философского изучения права в связи с закономерностями развития культуры и идеей справедливости. См. его труд: *Laferriere L.* Histoire du droit francais. P., 1852—1858. Vol. 1—6.

[76] Фердинанд Вальтер (1794—1879) — немецкий юрист, профессор в Гейдельберге и Бонне. Вальтер применил критический метод, исторической школы к материалу церковной истории. См.: *Walter F.* Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Geidelberg, 1857.

[77] Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854—1919) — русский славист и византинист, профессор Киевского университета. Для работ Флоринского характерен интерес к источниковедческим вопросам, к анализу актовых и законода-

тельных памятников. Его фундаментальный труд «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» посвящен рассмотрению истории сербского права и законодательства. Привлечение и анализ новых источников, публикация важнейших материалов законодательства сохранили за этой работой вплоть до XX в. значение капитального свода памятников по внутриполитической и культурной истории Сербии XIV в., по проблеме рецепции византийского права на Балканах (см.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. Л., 1968).

[78] Александр Иванович Юшков — архивист и археограф, сотрудник Московского архива Министерства юстиции, член Общества истории и древностей российских при Московском университете.

[79] Пауль Рудольф Рот (1820—1892) — немецкий юрист и историк права, профессор Мюнхенского университета. Основные работы Рота посвящены истории возникновения во франкском государстве бенефициальной системы. Полагая, что с древности у германцев существовало хорошо организованное и достаточно централизованное государственное устройство («союз подданства»), Рот писал о негерманском происхождении частноправовых феодальных институтов, связывая их возникновение с влиянием кельтских и римских учреждений, найденных германцами в Галлии, на судьбы «союза подданства». Он противопоставил эту точку зрения взглядам К. Эйхгорна и других ученых, которые видели источник ленной системы и феодализм еще в древнегерманских дружинных отношениях и выдвигали на первый план черты сходства явлений феодализации у разных народов (*Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. С. 91—95).

[80] Генрих Цёпфль (1807—1877) — немецкий юрист, профессор государственного права Гейдельбергского университета. Первое издание его упоминаемого труда вышло в 1834—1836 гг.

[81] Александр Алексеевич Федотов-Чеховский (1806—1892) — русский правовед и археограф, профессор римского права Харьковского и Киевского университетов. Взгляды Федотова-Чеховского сформировались под влиянием лекций Ф.-К. Савиньи в Берлинском университете. Источники для своего наиболее известного издания «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси» ученый собрал во время поездок в Москву и Петербург в 1853 г. (*Каманин И.* А. А. Федотов-Чеховский // Киевская старина. 1892. Т. 39. Ноябрь. С. 281—290).

[82] Анри Леонар Бордье (1817—1888) — французский историк и архивист.

[83] Поль-Люка Шампионнер (1798—1851) — французский историк-юрист. Имеется в виду его исследование: *Championniere P.* Traitè sur la propriété des eaux courantes. P., 1846.

[84] Иван Петрович Новицкий (1844—1890) — этнограф и историк народнического направления. В «Очерках истории крестьянского сословия...» Новицкий развивал мысль о том, что главную роль в общественной и культурной жизни Правобережной Украины XV—XVII вв. играло крестьянство и все сколько-нибудь значительные народные движения всегда были крестьянскими в своей основе. Им подробно прослежен процесс развития крепостничества в изученном регионе.

[85] *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 3-е изд. М., 1891. С. 29.

[86] Дмитрий Иванович Мейер (1819—1856) — профессор гражданского права Казанского и Петербургского университетов. Мейер отождествлял закладней с закупами в своей работе «Древнее русское право залога» (1855), написанной по законодательным и указным источникам с эпизодическим использованием актового материала.

[87] Константин Петрович Победоносцев (1827—1907) — профессор гражданского права Московского университета, реакционный государственный деятель. В своем «Курсе гражданского права» (2-е изд. СПб., 1873. Ч. 1) поддержал мысль о тождестве закладней и закупов.

[88] Федор Николаевич Устрялов (1836—1885) — юрист-государствовед, переводчик и писатель. Проводил мысль о близости закупничества и заклад-

ничества в своем «Исследовании Псковской судной грамоты» (СПб., 1855).

[89] Николай Яковлевич Аристов (1834—1882) — русский историк, публицист. В ранних работах под влиянием демократических идей Аристов исследовал историю экономики, проблемы истории классов и сословий в России. Позднее он отошел от демократических кругов и пытался найти общие точки зрения с историками государственного направления (*Цамутали А. Н.* Николай Яковлевич Аристов // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. ст. М.; Л., 1963).

[90] Александр Иванович Никитский (1842—1886) — русский историк, преподавал в Варшавском университете. В ряде работ Никитский исследовал разные стороны внутренней истории Новгорода и Пскова: экономический быт, войско, управление, церковную организацию. Социально-экономическая тематика в трактовке Никитского нередко приобретала юридическую интерпретацию.

[91] Соборное Уложение 1649 г. многократно издавалось в XVIII—XIX вв., в том числе в первом томе ПСЗ (СПб., 1830). См. новейшее издание: Соборное Уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987.

[92] Кодекс Феодосия в XIX в. изучался обычно по не раз повторявшемуся комментированному изданию Я. Готофреда (1665 г.). Павлов-Сильванский цитирует этот памятник по книге Фюстеля де Куланжа. См. также: Codex Theodosianus/Ed. Th. Mommsen, P. Krueger. B., 1905. T. 1. Ps. 1—2.

[93] Андреас Магнус Стрингольм (1786—1862) — выдающийся шведский историк, автор «Истории Швеции», изданной в 1834—1854 гг.

[94] Изданная первоначально под именем Фредегария анонимная франкская хроника VII в. цитируется Павловым-Сильванским по книге Вайца. См. также: Chronica vitae sanctorum // MGH. Script. rerum Meroving. Hannoverae, 1888. T. 2.

[95] В русском переводе книги Монтескье приведенное место находится в кн. XXXI, гл. 25 (*Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произведения Под общ. ред. М. П. Баскина. М., 1955).

[96] Мусин-Пушкинский список Русской Правды, перешедший в собственность Общества истории и древностей российских, опубликован Д. Дубенским (Памятники древнего русского права по харатейному списку Московского общества истории и древностей российских с вариантами, примечаниями и объяснениями Д. Дубенского // Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. М., 1843. Ч. 2).

[97] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 2-е изд. СПб.; Киев, 1888.— То же. 3-е изд. Киев; СПб., 1900.— То же, 4-е изд. Киев; СПб., 1905.

[98] Здесь и далее текст капитуляриев цитируется Павловым-Сильванским по книге Вайца. См. издание: Capitularia regum francorum. T. 1 // MGH. Legum sect. II. Ed. A. Boretius. Hannoverae, 1881.

[99] Герман Фаддеевич Блюменфельд (1861 — ?) — юрист-цивилист, присяжный поверенный в Одессе.

[100] Шарль Морте — французский историк, хранитель библиотеки св. Женевьевы, сотрудничал в «Большой энциклопедии».

[101] Герхард Зелигер (1860—1921) — немецкий историк-медиевист, представитель критического направления в историографии. Исходя из чисто юридического признака — из того, что прекарий и бенефиций давались по просьбе вассала, — Зелигер делал вывод о несвязанности этих форм держания с различным социальным статусом держателей.

[102] Статья перепечатана в приложении к книге. См. наст. издание, с. 533—542.

[103] Михаил Дмитриевич Затыркевич (1831—1894) — русский историк, профессор Нежинского лицея. Используя сравнительно-исторический метод, Затыркевич пытался сопоставить развитие социальных отношений в Киевской Руси и в средневековой Западной Европе. Особое внимание он уделял народным движениям, объясняя их природу серьезными противоречиями между со-

словиями. Многие наблюдения Затыркевича можно рассматривать как прообраз теории русского феодализма, выдвинутый Павловым-Сильванским (см.: *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. С. 191—195).

[104] Иван Петрович Хрущов (1841—1904) — историк русской литературы.

[105] *Виноградов П. Г.* Учебник всеобщей истории. М., 1894. Ч. 2: Средние века. С. 62.

[106] Александр Васильевич Экземплярский (1846—1900) — русский историк, специалист по генеалогии. Имеется в виду книга: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889—1891. Т. 1—2.

[107] Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) — русский писатель и журналист, историк либерально-буржуазного направления. В первых томах своей «Истории русского народа» Полевой дал яркую характеристику русского феодализма, вернувшись в теме феодального поместья и феодального строя в Киевской Руси X—XIII вв., поднятой ранее И. Н. Болтиным, и дополнив ее темой феодального города (главным образом на примере Новгорода). Используя некоторые принципиальные положения западноевропейской историографии в изучении раннего феодализма, Полевой отходил от них по мере продвижения в своем труде к последующим периодам истории (см.: *Шикло А. Е.* Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981).

[108] Александр Борисович Лакиер (1825—1870) — историк русского права, служил в Министерстве юстиции.

[109] Александр Семенович Клеванов (1826 — ок. 1883) — русский историк и славист, переводчик, член Общества истории и древностей российских.

[109а] Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889) — историк русского права, профессор Петербургского университета, видный представитель государственного направления в историографии.

[110] Генри Джеймс Сомнер Мэн (или Мейн, 1822—1888) — английский юрист и историк права. Последовательно применяя сравнительно-исторический метод. Мэн выступил как сторонник общинной теории в ее классической форме. Он доказал широкое географическое распространение общинных отношений и исконное существование их у всех индоевропейских народов. Павлов-Сильванский называл себя учеником Мэна в использовании сравнительно-исторического метода.

[111] Эдуард Фримен (1823—1892) — английский историк либерального направления, известен трудами по политической истории. Фримен был сторонником сравнительно-исторического метода, но зачастую ограничивался установлением поверхностного сходства разнородных исторических явлений. В работах, касавшихся общих проблем истории, Фримен выдвинул положение о том, что история человечества является единой во все века. Считая возможным ограничить свою задачу изучением истории одних «арийских наций» Европы, он называет историю Европы «единой непрерывной драмой арийского человека», проходящей три основные фазы: греческой цивилизации, римской цивилизации и германской цивилизации (*Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков. М.; Л., 1940. С. 241—243).

[112] Эвальд Карлович Тобин (1811—1860) — историк права, профессор Дерптского университета.

[113] Сергей Михайлович Шпилевский (1833—1907) — историк и археолог, профессор Казанского университета.

[114] Сергей Владимирович Ведров (1855 — ?) — юрист, профессор полицейского права Петербургского университета.

[115] Александр Никитич Филиппов (1853—1927) — юрист, профессор Московского университета, ректор Дерптского университета.

[116] Михаил Николаевич Макаров (ок. 1789—1847) — этнограф, поэт.

[117] Петр Давыдович Калмыков (1808—1860) — правовед, профессор и декан юридического факультета Петербургского университета.

[118] Федор Иванович Буслаев (1818—1897) — известный русский филолог, профессор Московского университета. Буслаев изучал историю языка в тесном переплетении с мифами, обычаями и поверьями древних народов, широко используя сравнительный метод.

[119] Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) — известный русский этнограф-фольклорист, историк и литературовед. Его труд «Поэтические воззрения славян на природу», написанный с позиций «мифологической школы», содержит обильный материал о народных верованиях и обычаях.

[120] Михаил Игнатьевич Кулишер (1847 — ?) — русский этнограф, историк культуры, публицист, последователь эволюционистского направления в этнографии.

[121] Иван Тихонович Посошков (1652—1726) — русский экономист и публицист, идеолог зарождавшегося купечества.

[122] Сергей Васильевич Максимов (1831—1901) — русский этнограф, фольклорист и писатель. Предложенные им объяснения малопонятных ходячих выражений получили широкую известность, книга «Крылатые слова» не раз переиздавалась.

[123] Иван Михайлович Снегирев (1793—1868) — русский археолог, этнограф и фольклорист, сторонник теории «официальной народности». Снегирев дал первый свод русских пословиц.

[124] Французский буржуазный историк Жюль Мишле (1798—1874) в книге «Происхождение французского права, отысканное в символах и формах универсального права» (1837 г.) изложил историю правовых символов и обычаев, обобщив огромный бытовой материал.

[125] Станислав Львович Пташицкий (1853—1933) — польский архивист, филолог и историк, приват-доцент Петербургского университета.

[126] Синодальный летописец — Синодальный список Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. XXVI).

[127] Примечание А. Е. Преснякова. Имеются в виду лекции, прочитанные Н. П. Павловым-Сильванским на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге в 1906—1908 гг.

[128] Текст и исследование древнечешского памятника см.: Патера А. О. Чешские глоссы к «Mater verborum». СПб., 1878.

[129] См. также: *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 362.

[130] Протоиерей Стефан Карпович Сабинин (1789—1863) — археолог, богослов, священник русской посольской церкви в Копенгагене. Речь идет о работе: *Сабинин С. К.* О происхождении наименований боярин и болярин // ЖМНП. 1837. Ч. 16.

[131] Имеется в виду книга профессора истории, статистики и географии Харьковского университета Гаврилы Петровича Успенского (ум. в 1820 г.) «Опыт повествования о древностях русских» (Харьков, 1811—1812; 2-е изд. Харьков, 1818).

[132] В основу издания Судебника 1550 г. в «Актах исторических» положен «свод Судебника», составленный П. М. Строевым из трех принадлежавших ему списков. Варианты к основному тексту подводились по 15 рукописных спискам и 4 изданиям, в том числе: № 1—2 — два списка Антониева-Сийского монастыря, № 5 — Эрмитажный список, № 8 — «Сводный Судебник» (СПб., 1774), № 11—16 — шесть списков Новгородской Софийской библиотеки, № 19 — список Кирилло-Белозерского монастыря.

[133] См. также: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 7. С. 238—317.

[134] Адам Олеарий (ок. 1599—1671) — немецкий ученый и путешественник, автор описания путешествия в Россию и Иран (1743 г.), в котором приведены обстоятельные сведения об обычаях и нравах народов этих стран. См.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

[135] Автором статьи, очевидно, является историк и археолог Василий Николаевич Сторожев (1866—1924). См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. 3. С. 87.

[136] Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) — известный русский историк, консервативный публицист. При написании «Истории Российской от древнейших времен» Щербатов впервые в русской историографии широко использовал актовый материал.

[137] Людвиг Осипович Плошинский — русский правовед.

[138] Владимир Степанович Борзаковский (1834 — ?) — русский историк, известен как исследователь истории Тверского княжества.

[139] Имеется в виду книга: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 1-е изд. Киев, 1886.

[140] Примечание А. Е. Преснякова.

ПЕРЕПИСКА Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО С А. Е. ПРЕСНЯКОВЫМ

Письма Н. П. Павлова-Сильванского были переданы в архив А. Е. Пресняковым, в настоящее время хранятся в Архиве ЛОИИ (Ф. 190. Д. 2). Письма Преснякова находятся в коллекции документов Павлова-Сильванского в Отделе рукописей ИРЛИ (Р. III. Оп. 2. № 1153—1161). Переписка была опубликована в «Археографическом ежегоднике за 1972 год» (М., 1974. С. 319—339). Текст этой публикации воспроизводится с некоторыми упрощениями: не обозначаются сокращения слов, вставки строк и отдельных слов и т. п. В соответствии с современными правилами изменены орфография и пунктуация.

[1] С подлинного письма Преснякова была изготовлена машинописная копия, на полях которой Павлов-Сильванский написал свои примечания; получив эту копию, Пресняков сделал на ней новые пометки.

[2] Первая часть статьи Н. П. Павлова-Сильванского «Феодальные отношения в удельной Руси», напечатанная в ЖМНП (1901. № 7).

[3] Вторая часть статьи напечатана в ЖМНП (1902. № 1).

[4] Историк и публицист народническо-эсеровского направления профессор Александровского лицея Венедикт Александрович Мякотин (1867—1937) критиковал взгляды Павлова-Сильванского, в частности толкование им термина «огнищанин» на заседании Исторического общества при Петербургском университете 23 марта 1901 г., когда Павлов-Сильванский выступал с докладом «О феодальных отношениях в древней Руси» (Историческое обозрение. СПб., 1909. Т. 15. С. 63).

[5] Вероятно, нумерация страниц рукописи. Ср.: ЖМНП. 1901. № 7. Отд. 3. С. 6, примеч. 3.

[6] См.: ЖМНП. 1901. № 7. Отд. 3. С. 13—14.

[7] Там же. С. 24.

[8] Там же. С. 25.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 27.

[11] Там же. С. 31.

[12] Рецензия А. В. Градовского на книгу М. А. Горчакова «Монастырский приказ (1649—1725)» появилась в «Русском вестнике» (1868. № 8), перепечатана в «Собрании сочинений» А. В. Градовского (СПб., 1880. Т. 6).

[13] Профессор Петербургского университета историк-скандинавист Георгий Васильевич Форстен (1857—1910) был центром кружка научной молодежи «академического» направления. См. о нем: *Кан А. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979. Советуясь с Форстеном, Пресняков вел в гимназии М. А. Оболенской занятия по всеобщей и русской истории.

[14] Имеются в виду статьи Павлова-Сильванского о феодализме, вышедшие до 1901 г.: «Закладничество — патронат», «Иммунитет в удельной Руси», «Феодальные отношения в удельной Руси» (см. наст. издание, с. 4).

[15] Павлов-Сильванский предсказывает изучавшему тогда историю русского летописания и не имевшему еще ученой степени Преснякову научную карьеру: книга «Жития святых как исторический источник» была магистерской диссертацией В. О. Ключевского, а «Боярская дума древней Руси» — его докторской диссертацией.

[16] Петр Андреевич Гильтебрандт (1840—1905) — историк, архивист, правитель дел Археографической комиссии.

[17] При обсуждении реферата Павлова-Сильванского на заседании Исторического общества Мякотин находил недостатки в методах работы и выводах. По его мнению, «на основании чисто внешних сближений» нельзя было делать бесспорных выводов. В перечисленных Павловым-Сильванским чертах феодальных отношений Мякотин не увидел «важнейшего элемента феодализма» — соединения землевладения с государственной властью. Он заключил, что «в данном случае невозможно сблизить западноевропейский мир и наш» (Историческое обозрение. Т. 15. С. 63).

[18] Сергей Михайлович Середонин (1860—1914) — русский историк, профессор Бестужевских курсов, специализировался на изучении истории России XVI в. и исторической географии. Середонин утверждал при обсуждении доклада Павлова-Сильванского, что нельзя доказать существования феодализма в России, так как у нас совершался иной процесс, чем на Западе (Историческое обозрение. Т. 15. С.63).

[19] Сказания о русских и славянских святых, извлеченные из Великих миней-четьих. СПб., 1868. Ч. 1.

[20] *Хрущов И. П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина. Киев, 1868.

[21] *Mortet Ch.* Feodalité // La Grande Encyclopedie. P., s. a. Vol. XVII.

[22] *Павлов-Сильванский Н. П.* Иммунитет в удельной Руси // ЖМНП. 1900. № 12.

[23] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889—1891. Т. 1—2.

[24] Сергей Васильевич Рождественский (1868—1934) — русский историк, приват-доцент Петербургского университета. Его ранние работы были посвящены социально-экономической и политической истории России XVI—XVII вв. Изучая служилое землевладение в XVI в., Рождественский стремился в противовес историкам-юристам раскрыть явления экономического и социального быта, писал, в частности, об экономическом кризисе конца века.

[25] *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898.

[26] Имеется в виду глава о царствовании Николая I в редактировавшемся Павловым-Сильванским юбилейном издании «Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902» (СПб., 1902).

[27] Карл Теодор Инама-Штернегг (1843—1908) — крупный немецкий историк, представитель экономического направления в историографии. Один из создателей классической вотчинной теории, Инама-Штернегг тесно связывал понятие феодализма с преобладанием вотчинной системы и натурального хозяйства, приближаясь к пониманию экономической основы феодализма. Он рассматривал феодальную вотчину как основную ячейку феодального общества и считал, что родовая община уже в период расселения германцев на римской территории преобразовалась в соседскую общину-марку, после чего утратила коллективистский характер и превратилась в объединение самостоятельных хозяев-соседей (*Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. С. 132—135).

[28] *Мякотин В.* Курс русской истории П. Н. Милюкова // Русское богатство. 1896. Кн. II.

[29] Библиографию полемики В. И. Сергеевича и М. А. Дьяконова см.: *Дьяконов М. А.* В. И. Сергеевич и его научные труды (1832—1910): Библиографический обзор // ЖМНП. 1912. № 3.

[30] М. Ф. Владимирский-Буданов возражал на положения статьи Н. П. Павлова-Сильванского «Закладничество — патронат» в своем «Обзоре истории русского права» (Киев. 1900. С. 372—374). Павлов-Сильванский отвечал ему

в статье «Иммунитет в удельной Руси» (ЖМНП. 1900. № 12. С. 319—320).

[31] С. Ф. Платонов.

[32] Б. Н. Чичерин считал общинность (по его терминологии, «союзное начало») основным началом западноевропейской истории. На Западе люди соединились в прочные союзы, образовали сословия, стоявшие рядом с князем. Эти союзы ограничивали королевскую власть и определяли ее действия. В России, по мнению Чичерина, вследствие всеобщего брожения и шаткости всех отношений сословия не получили такой определенности. Их создала лишь княжеская власть прикреплением к тяглу или службе. «Сословья из разряда вольных людей превратились у нас в крепостные союзы» (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. С. 304—306).

[33] Иосиф Петрович Сенигов (1859 — ?) — русский историк, приват-доцент Петербургского университета. Сенигов не пользовался высокой научной репутацией: его диссертация «Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева» (М., 1887) была признана малоудачной. В 90-х годах XIX в. он работал над документами по теме «История земских учреждений русского народа» и издал сборник «Памятники земской старины» (СПб., 1903) (*Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 51).

[34] Теодор Моммзен (1817—1903) — знаменитый немецкий историк античности.

[35] *Павлов-Сильванский Н. П.* Об историческом самоунижении // Петербургские ведомости. 1901 г. 10 сент. (Подпись: Лесовик); *Он же.* [Рец. на кн.:] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901. Ч. 3, вып. 1 // Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. 6. С. 155—156.

[36] Имеется в виду книга М. М. Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (М., 1898. Т. 1), в которой изучен процесс генезиса феодализма в большинстве европейских стран.

[37] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1.

[38] *Павлов-Сильванский Н. П.* Люди кабальные и докладные // ЖМНП. 1895. № 1.

[39] См.: ЖМНП. 1901. № 7. С. 23—25.

[40] Очевидно, отдельный оттиск статьи «Феодальные отношения в удельной Руси».

[41] Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) — знаменитый русский филолог и историк, академик.

[42] Иван Михайлович Гревс (1860—1941) — русский историк-медиевист, профессор Петербургского университета.

[43] Иван Иванович Лаппо (1869—1944) — русский историк. Речь, видимо, идет о разборе исследования М. К. Любавского «Литовско-русский сейм» (ЧОИДР. 1903. Кн. 3).

[44] Антон Никитич Ясинский (1864—1933) — русский медиевист, профессор Юрьевского университета. Речь идет о книге: *Ясинский А. Н.* Падение земского строя в Чешском государстве. Киев, 1895.

[45] Возможно, речь идет о лекциях А. С. Лаппо-Данилевского по истории сословий в Петербургском университете, слушателем которых был Пресняков (*Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 23).

[46] *Сергеевич В. И.* Закладничество в древней Руси // ЖМНП. 1901. № 9. С. 125—132; *Он же.* Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 469—475.

[47] Хозяйственный департамент Министерства иностранных дел ведал изданием «Очерка истории Министерства».

[48] Имеется в виду, вероятно, предполагавшееся выступление Павлова-Сильванского в Историческом обществе при Петербургском университете; в этом году выступление не состоялось.

[49] См. статью П. Н. Милюкова «Феодализм в России (в Северо-Восточной Руси)» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Т. 70. С. 549), а также «Очерки по истории русской культуры» (5-е изд. СПб., 1902. Т. 1).

[50] Биографию русского дипломата и государственного деятеля П. А. Толстого Павлов-Сильванский написал для «Русского биографического словаря». Опубликована она под названием «Граф Петр Андреевич Толстой (пращур графа Льва Толстого)» во втором томе «Сочинений» Павлова-Сильванского (СПб., 1910).

[51] Названы авторы биографических работ о П. А. Толстом, а также публикация «Путешествие стольника П. А. Толстого. 1697—1699». См. библиографию в конце статьи, указанной в предыдущем примечании.

[52] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2.

[53] Имеется в виду первое заседание в 1903/04 учебном году русской секции Исторического общества при Петербургском университете, секретарем которой был Пресняков.

[54] Николай Карлович Кульман (1871—1941) — историк литературы, приват-доцент Петербургского университета.

[55] Чтение реферата не состоялось.

[56] Имеется в виду кружок, группировавшийся вокруг Г. В. Форстена. В него, кроме Преснякова, входили С. А. Адрианов, М. А. Полиевктов. В. А. Головань, И. И. Лапшин, Б. А. Панченко, А. Я. Полонский и др. (*Кан А. С.* Указ. соч. С. 81—90).

[57] Письмо датируется приблизительно, по дате предыдущего.

[58] Февдисты, или феодальные юристы,— знатоки и консультанты по феодальному праву во Франции до буржуазной революции.

[59] «Феодализм в древней Руси».

[60] Имеется в виду Петербургская археографическая комиссия.

[61] *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // ЖМНП. 1905. № 6.

[62] Дмитрий Николаевич Егоров (1878—1931) — русский историк-медиевист. Подготовленное им издание Салической правды вышло в Киеве в 1906 г.

ПЕРЕПИСКА Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО С Г. В. ЧИЧЕРИНЫМ

Письма Г. В. Чичерина, его замечания на статью Н. П. Павлова-Сильванского «Феодальные отношения в удельной Руси» и письмо Павлова-Сильванского с черновиками сохранились в Отделе рукописей ИРЛИ (Р. III. Оп. 2. № 1118, 1194—1198). Публикуются части переписки, касающиеся проблем истории феодализма.

[1] Не имеющие заголовка заметки Чичерина датируются по времени написания Пресняковым замечаний на ту же статью. Вероятно, Павлов-Сильванский послал рукопись статьи на ознакомление нескольким своим друзьям.

[2] По-видимому, страница рукописи. См.: ЖМНП. 1901. № 7. Отд. 3. С. 7.

[3] Там же. С. 6.

[4] Перефразированное выражение Ш. Монтескье (О духе законов, Кн. XI. Гл. VI // Избр. произведения. М., 1955. С. 300).

[5] См.: ЖМНП. 1901. № 7. Отд. 3. С. 11.

[6] Там же. С. 14, 28.

[7] Там же. С. 8.

[8] Там же. С. 12.

[9] Там же. С. 18.

[10] Там же. С. 26—27.

[11] Имеется в виду Б. Н. Чичерин. Ср. наст. изд., с. 479.

[12] Далее в постскриптуме речь идет о подготовке иллюстраций к «Очерку истории Министерства иностранных дел».

[13] В начале письма Чичерин перечисляет газеты и журналы, пересланные ему Павловым-Сильванским в Германию, где он находился в эмиграции с 1904 г., а также высказывает суждения о текущих политических событиях.

[14] В начале письма идет речь о пересылке газет.

[15] Герман Дункер(1874—1960) — немецкий историк, видный деятель рабочего движения, с 1896 г. преподавал в Лейпцигском университете.

[16] Александр Иванович Чупров (1842—1908) — русский экономист и историк, автор ряда трудов о русской общине.

[17] *Reinach J.* Histoire de l'affaire Dreyfus. P., 1901—1908. Vol. 1—6.

[18] Речь идет о предполагавшемся переводе книги «Феодализм в древней Руси» на немецкий язык. Насколько известно, перевод не был осуществлен.

М. С. Ольминский

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

(*по поводу смерти Н. Павлова-Сильванского*)

Статья появилась 27 сентября 1908 г. в № 7—8 большевистской газеты «Бакинский рабочий», подписана инициалом «М». Под этим псевдонимом, как установлено Н. Я. Макеевым и З. Х. Саралиевой, выступал Михаил Степанович Ольминский (1863—1933), большевистский историк и публицист (см. о нем: *Лежава О. А.*, *Нелидов Н. В.* М. С. Ольминский: Жизнь и деятельность. М., 1962), приехавший в Баку в 1908 г., работавший в большевистской организации, сотрудник «Бакинского рабочего». Статья опубликована в «Археографическом ежегоднике за 1972 год» (М., 1974), текст и комментарии подготовлены З. Х. Саралиевой. Публикации предпослано следующее предисловие С. Н. Валка:

«Николай Павлович Павлов-Сильванский принадлежал к последнему вполне сложившемуся накануне революции кругу русских историков. Он окончил в 1892 г. Петербургский университет. Одной из намеченных им тогда (1894 г.) для работы была тема «Идеи исторического материализма у русских историков». На том же сохранившемся до наших дней листке была намечена, поставленная даже на первом месте, и другая тема: «Феодализм в России». Именно эта последняя тема явилась делом всей жизни Павлова-Сильванского: ей были посвящены его первые работы, она же явилась предметом вышедшей в свет уже после смерти автора крупной монографии.

В настоящее время нам может показаться странным сам вопрос, существовал ли в древней Руси феодализм. Но не так это было в тот историографический момент, когда русским феодализмом заинтересовался Павлов-Сильванский. Петербургский университетский профессор Николай Иванович Кареев писал впоследствии, что в те времена вопрос о существовании в России феодализма, казалось, был «решен отрицательно» в такой даже степени, что «говорить о нем сделалось своего рода признаком дурного вкуса в исторической науке, а пожалуй, и дурного тона, признаком исторической невоспитанности» [1*]. Это признание тем характернее для Н. И. Кареева, так как именно он был виновником неудачи Павлова-Сильванского на магистрантском экзамене и именно по вопросу о феодализме, что воспрепятствовало Павлову-Сильванскому пойти по обычному для оставленных при университете научному пути.

[1*] *Кареев Н. И.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910. С. 4.

Таким образом, Павлову-Сильванскому пришлось с самого начала его научной работы пойти не только по не проторенному, но даже и не одобряемому тогдашними учеными пути. Первые работы Павлова-Сильванского, связанные с задуманной им общей темой о феодализме в России, стали появляться в специальных изданиях, известных только узкому кругу тогдашних ученых, начиная с 1897 г. После появления первой уже статьи С. Ф. Платонов говорил ее автору: «И будут же Вас ругать» 2*. Вот ответ, которого Павлов-Сильванский только и мог тогда ожидать от едва ли не единственных читателей его статей.

Н. П. Павлов-Сильванский умер неожиданно в 1908 г. от свирепствовавшей тогда холеры. Павлов-Сильванский умер безвременно, едва достигнув 39 лет. Основное исследование его, в котором в итоге обширных и разносторонних разысканий сравнительно-исторического характера, а также и многих новых толкований, казалось, давно известных русских памятников были изложены его новые взгляды на древнерусский феодализм, оказалось совсем законченным и было посмертно издано под редакцией близкого его друга Александра Евгеньевича Преснякова под названием «Феодализм в удельной Руси» (СПб., 1910). Это исследование должно было стать диссертацией, если бы жизнь ее автора не была так неожиданно прервана.

Но за год до смерти Н. П. Павлов-Сильванский успел напечатать в издаваемой издательством «Брокгауз—Ефрон» серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и в новое время» книгу «Феодализм в древней Руси». (СПб., 1907). Эта книга оказалась по многим причинам значительнейшим трудом для историографических и общественно-политических судеб взглядов Павлова-Сильванского. В указанном выше исследовании изучение феодальных отношений было ограничено строгими хронологическими рамками так называемого удельного периода русской истории и не выходило за пределы его. Вместе с тем оно было рассчитано на ученого читателя, разбирающегося в тонкостях не только русской истории, но, пожалуй, не в меньшей степени также и истории западноевропейской. «Феодализм в древней Руси» покорял читателя, и ученого и простого, уже тем, что давал целостный новый взгляд на весь ход русской истории. Традиционные взгляды утверждали, что путь развития русской истории был решительно отличен от хода развития истории Западной Европы, и это особенно сказалось в отсутствии в России столь характерных для Запада феодальных отношений. Павлов-Сильванский в этой своей книге разносторонне утверждал новый взгляд о тождестве путей развития на Западе и в России. Сжатый историографический очерк, в котором были рассмотрены взгляды господствующих школ историков, начиная славянофилами и кончая тогда еще живыми В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым, приводил Павлова-Сильванского к выводу, что все они, будучи сторонниками «глубокого различия между историческим развитием России и Запада», именно тем самым «роковым образом терпели более всего неудач в стараниях выяснить отличительные своеобразные черты русского исторического развития» (с. 35 *).

Павлов-Сильванский построил и свою схему русского исторического развития. Он отрицал привычную схему, согласно которой гранью между двумя основными периодами русской истории явились петровские реформы. По его мнению, «петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад» (с. 145 **). Рассуждая социологически, Павлов-Сильванский намечал три периода русского исторического развития, причем в основе этой новой периодизации у Павлова-Сильванского лежало его понимание

2* *Валк С. Н.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. ст. М.; Л., 1963. С. 618.

* См. наст. издание. С. 39.

** См.: Там же. С. 147.

роли крупного землевладения как основы феодализма. Первый период, с древнейших времен до середины XII в., Павлов-Сильванский характеризовал господством в общественном строе общинного устройства. Наступающее на общину боярское землевладение побеждает общину и создает новый, второй период русской истории. В борьбе с боярщиной, побеждая ее, рождается уже сословное государство с двумя его сменяющимися формами — «московской сословной монархией» и «петербургским абсолютизмом».

Павлов-Сильванский намечает и «переходные эпохи» от одного устройства к другому. Ими были для него эпоха перехода к удельному порядку XII—XIII вв. и XVI век, «век образования московского государства». Павлов-Сильванский намечал для этих переходных эпох и «два исторических события, знаменательных социологически»: для XII в. — взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 г., а для XVI в.— опричнина Ивана Грозного (с. 146 *). Все это было ново.

Написанная ярко и увлекательно, эта книга поражала ее читателя новизной своих общих, разрушающих привычные схемы взглядов. Неудивителен был широкий отклик, который получила после своего выхода из печати книга Павлова-Сильванского. Она оказалась. пожалуй, единственным научно-историческим произведением, обзор на которую откликов послужил уже упоминавшемуся профессору Н. И. Карееву материалами для написания и издания целой книжки.

Н. П. Павлов-Сильванский был членом кадетской партии и заключал свою периодизацию русской истории суждением о переживаемой ныне «переходной эпохе разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка». Тем примечательнее, что общие развиваемые Павловым-Сильванским взгляды нашли живой отклик и в тогдашней марксистской печати. Прекрасное свидетельство тому переиздаваемая здесь статья М. С. Ольминского, напечатанная в «Бакинском рабочем» по поводу безвременной смерти Н. П. Павлова-Сильванского. М. С. Ольминский знает, что покойный «не был марксистом», что он «не был в рядах той части интеллигенции, которая целиком стоит на стороне рабочих». Однако М. С. Ольминский считал, что Павлов-Сильванский, не будучи марксистом, но являясь «честным тружеником науки», доказал, что «в существенном нет никакой разницы между историей России и Западной Европы», и этим послужил для марксистского понимания исторических судеб России. Статья Ольминского кончается сообразно со всем ее содержанием скорбью о погибшем «серьезном и честном ученом», смерть которого от «болезни бедноты сумела нанести удар той же бедноте».

Для научно-литературной биографии М. С. Ольминского следовало бы отметить, что статья-некролог Н. П. Павлова-Сильванского не случайность в его творческом наследии. Об этом свидетельствует сборник статей М. С. Ольминского «Из прошлого» (М., 1919). Работы Н. П. Павлова-Сильванского были привлечены М. С. Ольминским и в его книге «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» (СПб., 1910; 2-е изд. М., 1919)».

Настоящая публикация осуществлена по тексту «Археографического ежегодника за 1972 год» (С. 341—343).

[1] Процитированы несколько измененные (в оригинале — «Россию») первые строки стихотворения Ф. И. Тютчева, написанного в 1866 г.

[2] Афанасий Борисович Петрищев (1872—1933) — писатель, публицист. Упомянутая книга «Триста лет. 1606—1906» вышла в 1906 г. (4-е изд. М., 1917) и вызвала, в частности, отрицательный печатный отзыв Н. П. Павлова-Сильванского (Книга. 1906. № 1. С. 15).

* См.: Там же. С. 148.

М. Н. Покровский

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО «ФЕОДАЛИЗМ В ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Предисловие написано М. Н. Покровским для третьего издания книги (Пг., 1924), перепечатано в приложении к 8-му (посмертному) изданию «Русской истории с древнейших времен» (М., 1933. Т. 1. С. 225—228). Об историографических взглядах и исторической концепции М. Н. Покровского, в частности о зависимости его представлений о феодализме в России от концепции Н. П. Павлова-Сильванского, существует значительная литература. См.: *Алексеев Е., Муравьев В.* Покровский Михаил Николаевич// Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стлб. 254—259; История исторической науки в СССР: Советский период, Октябрь 1917—1967 г.: Библиография. М., 1980.

Б. Д. Греков

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ О ФЕОДАЛИЗМЕ В РОССИИ

Статья Б. Д. Грекова была написана в качестве предисловия к предполагавшейся публикации книги Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси» в конце 30-х годов. Авторизованная машинописная копия статьи, не имеющей заголовка, сохранилась в архиве Н. Л. Рубинштейна (ОР ГБЛ. Ф. 521. К. 27. Д. 38).

Труды Павлова-Сильванского о феодализме в России охарактеризованы также Грековым в докладе на Общем собрании Академии наук СССР «Ленин и историческая наука», состоявшемся 14 февраля 1944 г. (*Греков Б. Д.* Избр. труды. М., 1960. Т. 3. С. 369—383). Об историографических трудах Грекова см.: *Тихомиров М. Н.* К пятилетию со дня смерти академика Б. Д. Грекова // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982; *Сарбей В. Г.* Б. Д. Греков — историограф // История и историки: Историогр. ежегодник. 1980. М., 1984.

[1] Издание осуществлено не было.

[2] Ср.: *Муравьев В. А.* Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме»? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

[3] Исторические взгляды А. С. Пушкина Греков подверг специальному изучению. См. статью «Исторические воззрения Пушкина» в кн.: *Греков Б. Д.* Избранные труды. М., 1960. Т. 3.

[4] См. настоящее издание, с. 200.

[5] См.: Там же. С. 196

[6] Там же. С. 227—228.

[7] Там же. С. 265

[8] Там же. с. 180

[9] Там же. С. 383

[10] Там же. С. 381

[11] Там же. С. 429.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857—1884. Т. 1—3.

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1863—1892. Т. 1—15.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1872. Т. 1—12.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции.

МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.

МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт.

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

ОР — Отдел рукописей.

ОРТЗ — Московское общество распространения технических знаний.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.

РИО — Русское историческое общество.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1828. Т. 1—4.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

MGH — Monumenta Germaniae Historica.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ФЕОДАЛИЗМ В УДЕЛЬНОЙ РУСИ

Часть первая. Община и боярщина

Книга I. Община

Книга II. Боярщина

Часть вторая. Феодальные учреждения

ПРИЛОЖЕНИЯ

Николай Павлович
Павлов-Сильванский

ФЕОДАЛИЗМ В РОССИИ

Утверждено к печати Отделением истории Академии наук СССР
Редактор издательства О. Б. Константинова. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы Н. П. Кузнецова, Л. В. Каскова
Корректоры Ф. Г. Сурова, Т. И. Чернышова

ИБ № 36246

Сдано в набор 07.08.87. Подписано к печати 22.12.87. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$.
Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура академическая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 43,625. Усл. кр. отт. 43,6. Уч.-изд. л. 51,7. Тираж 35000 экз.
Тип. зак. 889. Цена 6 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Н.П.ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ

ФЕОДАЛИЗМ
В
РОССИИ

Н.П.ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ • ФЕОДАЛИЗМ В РОССИИ

